

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

20-летию факультета лингвистики и перевода посвящается

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

**Материалы
VII Международной научной конференции**

*Челябинск
21–23 мая 2014 года*

УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2
С 48

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета*

Редакционная коллегия

доктор филологических наук, профессор Л. А. Нефедова (отв. ред.)
доктор филологических наук, профессор Н. Б. Попова
кандидат филологических наук Э. М. Ляпкина
кандидат филологических наук, доцент А. Р. Копачева
кандидат филологических наук Т. А. Синеева
ст. преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации В. В. Бачурская

С48 Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VII Междунар. науч. конф., Челябинск, 21–23 мая 2014 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск : Энциклопедия, 2014. – 554 с.
ISBN 978-5-91274-233-0

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в VII международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В сборнике освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

**УДК 331.881
ББК Ф72(235.55),2**

Сборник издается в авторской редакции

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (соглашение №14-04-14029/14)*

ISBN 978-5-91274-233-0

© Коллектив авторов, текст, 2014
© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2014

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

М. Д. Балаев (Челябинск, Россия)

АНАЛИЗ СРЕДСТВ КОМПРЕССИИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ (языковая пара ‘английский – русский’)

The following article focuses on means of compression frequently used during the process of simultaneous interpretation. As many authors who study this problem point out, compression of information unalterably follows simultaneous interpretation. The reason for this is that it is almost impossible to retain all the given information when delivering it in a language of interpretation. The objective of this study is to systematize the types of compression that are used by simultaneous interpreters and trace the frequency with which each of those types are used based on certain volume of information listed therein.

Keywords: simultaneous interpretation, compression, speech redundancy.

Компрессия сообщения в синхронном переводе не является чрезвычайным явлением. Она вытекает из ряда лингвистических и психологических закономерностей речевой деятельности и, в частности, передачи речевых сообщений [3. С. 82].

Компрессия становится возможной благодаря информационной избыточности речи. Избыточность речи носит многосторонний характер. В последовательности речевых сигналов, составляющих сообщение, есть много таких, которые дублируют друг друга и повышают надежность процесса коммуникации до очень высокого уровня. При необходимости некоторыми из дублирующих друг друга элементов речевой цепи можно пожертвовать, т. е. опустить их, сократив объем текста на языке перевода. Избыточность сообщения может появиться также в связи с тем, что ситуация общения делает необязательной передачу в словесной форме какой-либо информации и допускает, таким образом, сокращение сообщения [3. С. 83].

Компрессия сообщения имеет под собой психолингвистическую основу. Сокращение высказываний вообще составляет одну из главных особенностей устной передачи речевого сообщения. В процессе устной передачи на одном и том же языке сокращение объема речевого сообщения до 60 % является вполне нормальным.

В. М. Илюхин выделяет следующие виды компрессии:

1) слоговую (выбор более краткого слова из нескольких возможных), например, *talks* вместо *negotiations*;

2) синтаксическую (выбор более краткой конструкции), например, *as for surveillance* вместо *as far as surveillance is concerned*;

3) лексическую (выражение той же мысли меньшим числом слов) – *improvements* *изменение дел к лучшему*, *availability of information* *информированность*.

4) семантическую (сокращение повторяемости избыточных слов, смысловых групп и коммуникативно-ситуационный контекст в высказывании и сообщении) [1. С. 94–95].

Для сравнительного анализа приемов компрессии, используемых в переводе для языковой пары ‘русский – английский’, нами использовались видеозаписи речей и интервью государственных деятелей, а также стенограммы речей. Перевод осуществлялся штатными переводчиками, работавшими на форумах и конгрессах. Объем материалов составляет порядка 1,5 часов видео и 15 печатных страниц стенограмм.

Для облегчения процесса анализа мы будем придерживаться вышеприведенной классификации приемов компрессии, основанной на аспектах, подвергающихся компрессии (слоговая, синтаксическая, лексическая, семантическая).

Ниже представлены примеры приемов компрессии, выявленные в результате анализа.

Слоговая компрессия:

- 1) разжигать – *fuel*;
- 2) требования морали – *moral laws*;
- 3) действовать дальше – *persevere*;
- 4) к сожалению – *regrettably*.

Синтаксическая компрессия:

- 1) крупная авария на нефтяной платформе – *major oil spill*;
- 2) сокращение бюджетных расходов – *austerity measures*;
- 3) мир, свободный от ядерного оружия – *nuclear-free world*;
- 4) нас не может это не беспокоить – *It cannot but worry us*;
- 5) в том, что он стремится – *of seeking*.

Лексическая компрессия:

- 1) стала настоящим потрясением – *shook*;
- 2) чрезвычайные ситуации – *emergencies*;
- 3) этот вопрос уже давным-давно перезрел – *this question is long overdue*;

- 4) все меньше успевать – *lag behind*;
- 5) стать мощнейшим драйвером – *should boost*;
- 6) должна стать на порядок выше – *should be enhanced*;
- 7) корзина специальных прав заимствования МВФ – *IMF SDR basket*;
- 8) саммит «Большой Восьмерки» – *G8 summit*;
- 9) государственный деятель – *statesman*;
- 10) договор об СНВ – *START-1*;
- 11) довести до конца – *finalize*;
- 12) как выглядит общая ситуация – *outlook*;
- 13) договор о нераспространении ядерного оружия – *NP-treaty*;
- 14) баллотироваться на пост Президента – *run for President*;
- 15) должны состояться – *slated*;
- 16) чтобы ситуация вошла в нормальное русло – *to normalize the situation*;
- 17) рычаги влияния – *leverage*;
- 18) в рамках Организации Объединенных Наций – *within the framework of the UN*;
- 19) не показывать пальцами – *should not finger*;
- 20) крупная авария на нефтяной платформе – *major oil spill*;
- 21) действовать дальше – *persevere*;
- 22) сокращение бюджетных расходов – *austerity measures*.

Теперь приступим к разбору некоторых случаев в каждом из типов.

1. Слоговая компрессия.

Во втором примере вместо более близкого по смыслу ‘requirements’ слово ‘требования’ было переведено как ‘laws’, т. е. ‘законы, правила’. Число слогов при этом сократилось с трех до одного. В третьем примере использован глагол ‘to persevere’, в значении которого уже содержится сема ‘упорно добиваться чего-либо’. Его употребление позволило добиться как слоговой, так и лексической компрессии.

2. Синтаксическая компрессия.

Во втором примере использовано достаточно широко употребляемое словосочетание ‘austerity measures’, в значении которого содержится сема ‘жесткая экономия’, что позволяет сократить число лексических единиц. В третьем примере приводится достаточно распространенная для английского языка синтаксическая конструкция – вместо возможного использования развернутого словосочетания с предлогом (например, ‘the world without nuclear arms/weapons’) переводчик употребил компактное атрибутивное словосочетание ‘nuclear-free’, тем самым обеспечив синтаксическую компрессию.

3. Лексическая компрессия.

Седьмой и восьмой примеры представляют достаточно продуктивный вид компрессии – аббревиацию, которая также является типичным для английского языка способом сжатия информации.

В десятом примере используется общепринятая в англоговорящих странах аббревиатура для обозначения договора об СНВ – *START-1*. Дополнительную компрессию обеспечивает тот факт, что английская аббревиатура произносится как одно слово. В девятнадцатом примере вместо возможного использования развернутого словосочетания ‘point fingers’ переводчик использовал словообразовательные средства английского языка (конверсию), избежав таким образом избыточности и обеспечив лексическую компрессию.

Проанализируем результаты проведенного исследования приемов компрессии для языковой пары ‘русский – английский’. Случаи собственно слоговой компрессии встречались в нашем анализе не так часто, однако в большинстве примеров как лексической, так и синтаксической компрессии так или иначе слоговая длина сообщения значительно сокращалась. Таким образом, можно сделать вывод, что слоговая компрессия как таковая встречается реже, в то время как другие методы компрессии (лексическая, синтаксическая) косвенно обеспечивают сокращение слоговой длины сообщения. Более часто при проведении анализа мы сталкивались со случаями синтаксической компрессии, которая достигалась в основном за счет использования в переводе типичных для английского языка конструкций (словосочетание с существительным, выполняющим атрибутивную функцию, и т. д.). Самым частотным типом компрессии в результате проведенного анализа оказалась лексическая компрессия. Связано это, на наш взгляд, с отличительной особенностью английского языка, заключающейся в том, что в большинстве случаев мысль на нем можно выразить с использованием меньшего количества слов. Наконец, семантический тип компрессии в процессе анализа нам не встретился.

Основными приемами компрессии, выявленными нами при исследовании, являются аббревиация; использование глагола или существительного, содержащего в своей семе то или иное значение, и, следовательно, не требующее дополнительных лексических единиц, поясняющих его значение; использование типичных синтаксических конструкций (составные атрибутивные словосочетания, типичные английские конструкции отрицания).

Стоит отметить, что практически все примеры компрессии, встретившиеся нам в процессе

анализа, относятся к направлению 'русский – английский'. Дело в том, что компрессия в направлении 'английский – русский' сама по себе достаточно редка и встречается в основном в русской научной публицистике либо достигается за счет опущения грамматических элементов, отсутствующих в русском языке (например, артикли) или использования компактной идиоматики русского языка [2. С. 96].

Список литературы

1. Илюхин, В. М. Стратегии в синхронном переводе. М., 2001. 206 с.
2. Полуян, И. В. Компрессия в синхронном переводе. М.: Валент, 2011. 112 с.
3. Ширяев, А. Ф. Синхронный перевод. М., 1989. 183 с.

Ф. А. Басырова (Россия, Уфа)

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ НАВЫКАМ ПЕРЕВОДА В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

The article attempts to briefly review most common challenges in teaching translation skills. The problems encountered in acquiring the above are outlined both by scholars and higher schools teachers. Although with various ideas proposed the solution of the issues yet remains to be seen.

Keywords: techniques and skills of translating, full translation, word-for-word technique, rendering, original text, adequate translation.

На рубеже столетий ярко проявляется возросший в последние годы интерес к общению с внешним миром, к знакомству с другими культурами и постижению менталитетов различных этносов в поисках общих основ, которые закладываются в построение так называемой глобализации. Характерными чертами при этом становятся возникновение новых рынков, сотрудничество в областях не только торговли, но и промышленности, образования и науки и развития новых технологий. Подобные реалии порождают спрос на людей, владеющих языками, для обеспечения понимания между партнёрами и конкурентами. Поэтому во многих высших учебных заведениях приступили к подготовке студентов по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной деятельности», что произошло и в нашем университете.

Перед преподавателями встала непростая задача помочь студентам, в основном неязыковых специальностей, приобрести определённые навыки и умения общения на иностранном языке. В основном, требовалось овладеть переводческой деятельностью, в результате которой удавалось воспроизводить тексты в смысловом, стилистическом и прагматическом планах, адекватные оригиналу.

Появилась Программа дополнительной квалификации, согласно которой «главной целью курса подготовки переводчика в сфере профессиональной коммуникации является формирование пере-

водческой компетенции, под которой понимается умение извлекать информацию из текста на одном языке и передавать её путем создания текста на другом языке» [9. С. 5]. В Программе также отмечается, что «реализация переводческой деятельности в сфере профессиональной коммуникации обеспечивается адекватными речевыми умениями, в том числе и умением выбирать общую стратегию перевода с учётом его цели и характеристики текста-оригинала» [9. С. 24].

То, насколько точно будет определена стратегия перевода, выбран его способ и единицы, во многом способствует адекватности переведённого текста.

Процессы достаточно непростые и являются причиной проблем, возникающих в ходе обучения и применения полученных навыков и умений на практике.

Хотелось бы привести небольшой обзор способов перевода (письменного), предлагаемых в литературе по теме, и рассмотреть вопросы выработки способности применять правила достижения адекватности переводов в рамках программы подготовки «Переводчика в сфере профессиональной деятельности».

Понятие 'перевод' традиционно определяется, с одной стороны, как деятельность, заключающаяся «в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порождённого на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости

от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности», с другой стороны – как продукт этой деятельности [1. С. 7]. Начиная работу, переводчик должен выбрать способ перевода, т. е. решить, насколько полно в соответствии с коммуникативным заданием будет передаваться смысловое содержание исходного текста.

В зависимости от количества информации, воспроизводимой в переводном тексте, возникают проблемы *полного* перевода и *неполного*, или *сокращенного перевода*.

При рассмотрении данных явлений нет единого мнения относительно соответствия вышеупомянутых терминов в контексте перевода. Некоторые исследователи считают, что если при переводе текста происходит его преобразование, что обязательно случается при сокращённом переводе, это будет не перевод, а нечто типа языкового посредничества, к которому наряду с переводом, «относятся <...> и реферирование, и пересказ, и другие адаптивные переложения» [2. С. 5]. «Подлинный» перевод, как называет его В. Н. Крупнов [7. С. 16], **отличается от других видов языкового посредничества** тем, что в нем переводчик пытается передать наиболее точно и полно всю систему смыслов оригинала [3. С. 212]. Текст на языке перевода воспринимается его рецептором как коммуникативная замена оригинала и в структурном, и в содержательном плане.

В. Н. Комиссаровым вводится понятие *адаптивного транскодирования*, которое предполагает не только передачу информации с помощью перевода с одного языка на другой, но и её трансформацию, обусловленную разными целями межъязыкового общения. Такой преобразованный текст не будет считаться полноценной заменой текста оригинала [6. С. 48].

В качестве видов адаптивного транскодирования, в которых в большей степени сохраняются переводческие характеристики, В. Н. Комиссаров рассматривает сокращённый перевод и адаптированный перевод.

При *сокращённом переводе* опускаются отдельные части текста, а весь остальной текст переводится полностью.

Адаптированный перевод предполагает упрощение структуры и содержания текста оригинала для более доступного его восприятия теми, кто не обладает достаточным объёмом знаний и опытом, чтобы понять этот текст [6. С. 49]. Вместо специальной лексики в переводе используется общезыковая лексика, синтаксические конструкции заменяются более простыми, объём текста сокращается.

Адаптивное транскодирование используется при написании аннотаций, рефератов, составлении резюме, отчётов и т. д., **для которых существуют определённые правила изложения материала и объём** [6. С. 50].

Однако некоторые ученые считают, что поскольку при сокращённом переводе все преобразования, касающиеся информации, сложностей её подачи, стиля текста, происходят на другом языке, то здесь присутствует перевод в разных своих видах. В связи с этим наряду с адаптацией выделяются еще такие виды преобразования текста, как стилистическая обработка, авторизованный перевод и соавторство, выборочный перевод, резюмирующий перевод [1. С. 23–26].

Стилистическая обработка («литературная обработка») применяется, когда перед переводчиком ставят задачу не только перевести качественно не очень удачный текст, но и сделать его стилистически более приемлемым.

Авторизованный перевод и *соавторство* встречается только при переводе художественной и публицистической литературы, когда переводчиком вносятся существенные изменения в оригинальный текст с согласия автора, что позволяет ему признаваться соавтором.

Выборочный перевод осуществляется тогда, когда необходим не весь текст, а только какая-то определенная информация из него.

Резюмирующий перевод – самый сложный вид обработки текста и перевода, когда нужно представить краткую информацию о содержании текста, иногда довольно большого. Такой вид перевода, как утверждают, требует от исполнителя «...аналитического подхода к содержанию текста и умения делать собственные выводы из воспринятой информации» [1. С. 26].

Чёткая классификация способов перевода даётся в работе Т. А. Казаковой [4. С. 11–18]. Различаются полный и сокращённый перевод, и утверждается, что с помощью сокращённого перевода можно перевести практически любой текст.

Сокращённый перевод выполняется двумя способами: выборочным и функциональным.

При *выборочном переводе* исполнитель сам выбирает отрезки текста, которые, с его точки зрения, несут основную информацию, и выполняет их полный перевод. В данном случае от переводчика зависит, насколько точно будет передана информация, заложенная в источнике. Такой способ используется при переводе содержания докладов, сообщений, научных статей, деловых писем, газетных материалов и т. д., когда нужно иметь представление об исходном тексте, но без подробностей.

При *функциональном переводе* производятся лексико-семантические, грамматические и стилистические преобразования исходного текста для его упрощения и сокращения, а затем эти преобразованные единицы передаются средствами другого языка. Этот способ перевода используется, когда тексты ориентированы на массового читателя, а специальные тексты – на неспециалиста. Сюда можно отнести пересказы, адаптации, версии и т. д.

Полный перевод выполняется также несколькими способами, самыми распространёнными из которых является буквальный перевод, семантический и коммуникативный переводы.

При *буквальном переводе* текст оригинала передается слово в слово, практически без изменения порядка слов. Такой перевод используется для специальных целей, например, лингвистического анализа, или при невозможности перевести какое-либо фразеологическое словосочетание. В этом случае необходимо указать, что фраза переведена буквально.

При *семантическом переводе*, кроме следования правилам и нормам способа выражения единиц исходного текста на языке перевода, большое внимание уделяется передаче контекстуальных значений, основанной на специфике исходного знака и сохранении «как можно больше его особенностей, вплоть до буквального перевода» [4. С. 14; 10. С. 382]. Этот способ используется для воспроизведения текстов культурной значимости, научно-технических текстов, инструкций, юридических документов и т. д., **предназначенных** для специалистов.

При *коммуникативном переводе* основной задачей переводчика является сохранение «содержательного и эмоционально-эстетического значения» текста оригинала без его упрощения или сокращения. Таким способом переводится художественная, публицистическая, научно-популярная литература и т. п.

Естественно, на практике для перевода какого-либо текста используется несколько способов перевода, но один из них всегда будет основным, определяя структуру переводного текста, элементы исходного текста, подлежащие переводу, и приемы перевода, которые помогут выполнить стоящую перед переводчиком задачу.

К сокращённому виду перевода относится также и *реферативный перевод*, в сущности, представляющий собой выборочный перевод, когда отбираются информационно значимые отрезки исходного текста, полностью переводятся и соединяются в связный текст, который по своей протяженности должен быть в 5–10 раз короче оригинала. Наряду с полным переводом, являющимся

основным, этот способ широко применяется при переводе научно-технической литературы.

В качестве подвидов реферативного перевода выделяют также:

– перевод типа «экспресс-информация», который представляет собой письменный реферат на русском языке, передающий основные положения оригинала с точки зрения переводчика и в его собственной последовательности изложения, но без оценки содержания статьи или патента;

– сигнальный перевод патентных рефератов – реферат на русском языке, составленный после обработки патентной информации;

– аннотационный перевод – краткая характеристика содержания и круг основных вопросов научно-технического текста на языке перевода [5. С. 287–289].

На занятиях по переводу, конечно, всегда должно уделяться больше внимания обучению основному виду – письменному полному переводу, однако умение применять разные способы сокращенного перевода на практике может оказаться очень важным. Для развития таких умений студентам можно предлагать различного рода задания. Например, определить принадлежность к функциональному стилю и жанр текста, предложить способ перевода данного текста, обосновав выбор; сопоставить оригинал и его перевод и определить способ перевода, объяснить, почему выбран такой способ; перевести тексты разными способами; перевести один текст двумя способами; преобразовать текст в соответствии с характером подобных материалов на языке перевода, сохраняя особенности жанра, и т. д.

Важно научить студентов использовать сокращённый выборочный перевод, с помощью которого переводить деловую корреспонденцию, составлять аннотации и рефераты.

Например, студентам можно предложить перевести деловое письмо двумя способами: сокращённым выборочным и сокращённым функциональным способом [8. С. 53–65]:

Dear Monsieur Nemoz,

[Thank you for your letter dated 29 June. Mr Sanderson has told me of your interest in our Combine Harvester 876], and I have his report on your recent discussions at the Paris conference.

[A major problem will be the question of a delivery date. At the moment, we have more work than we can handle] and are having to turn away orders. [However, we are thinking of taking an extra staff to cope with demand]. If we do, then I would hope to be able to quote a reasonably early date.

On the technical side, [I understand that you would like to send over some of your senior engi-

neers to work with our team here for a few weeks]. If this were possible, it would certainly go a long way towards eliminating many of the problems which some of our customers come up against in the initial stages. [It is a suggestion which I very much welcome], and we will do everything possible to make such a co-operation profitable for all concerned.

You mention in your letter that [you will be coming to Manchester for a sales conference next month. This would seem to be an ideal opportunity for us to discuss the matter] more fully. By then, I would hope to have a decision on the question of increased production and should be in a position to discuss [a realistic delivery date].

We will have to discuss [the matter of insurance and shipment], but I don't envisage any complications there.

[I look forward to hearing from you concerning a date for our meeting].

With good wishes,

Yours sincerely,

[D. R. Rivers

Sales Director]

Подготавливая перевод выборочным способом, студенты сначала с помощью квадратных скобок выделяют ключевую информацию и полностью переводят выбранные отрезки текста:

Благодарю Вас за Ваше письмо от 29 июня. Господин Сандерсон сообщил мне о том, что Вы заинтересованы в покупке комбайна Харвестер 876.

Основной вопрос состоит в том, что мы пока не можем назвать дату доставки, так как в настоящий момент мы перегружены заказами. Но мы собираемся нанять дополнительно сотрудников и решить эти проблемы.

Как я понял, Вы хотели бы прислать в нашу компанию на несколько недель группу Ваших ведущих инженеров для совместной работы. Это очень хорошее предложение, и мы готовы их принять.

В следующем месяце Вы будете в Манчестере на конференции по продажам. Это была бы идеальная возможность нам встретиться и обсудить все детально, включая реальную дату поставки, вопросы страхования и отгрузки.

Жду от Вас сообщения по поводу даты нашей встречи.

Д. Р. Риверс,

Директор по продажам

Текст этого письма был переведен также и функциональным способом:

Уважаемый Месье Немо!

Мистер Риверс, директор по продажам «Томпсон LTD», благодарит Вас за Ваше письмо. Он знает, что Вы заинтересованы в покупке новой модели комбайна Харвестер 876, но не мо-

жет пока сообщить Вам точную дату поставки из-за большого количества уже имеющихся у компании заказов.

Мистер Риверс не возражает против участия Ваших специалистов в совместной работе.

Мистер Риверс, так же как и Вы, будет на конференции по продажам в следующем месяце в Манчестере. Там у Вас будет возможность более детально обсудить все вопросы, касающиеся сделки: дату поставки товара, порядок его перевозки и страховые формальности.

Мистер Риверс ждет Вашего ответа, чтобы Вы могли назначить точную дату встречи.

К сожалению, трудно в рамках данной статьи рассмотреть все способы перевода. Следует отметить, что проблемы, которые встречаются при обучении и отработке навыков и умений перевода у студентов, зависят от многих факторов, и в большинстве своём, от недостатка практики. Хотя знание теоретических положений в этой области, работа в аудитории и самостоятельная работа способствует развитию навыков анализа и отбора информации. Это, несомненно, важно и поможет будущим переводчикам в сфере профессиональной деятельности в правильном выборе стратегии дальнейшего перевода, его единиц и требуемого способа, что, в конечном счете, приведет к успешному воспроизведению продукта переводческой деятельности – перевода, адекватного тексту оригинала.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение. М., 2004.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение. М., 2001. 224 с.
3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода. М. : Изд-во МГУ, 2004.
4. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. СПб., 2000.
5. Коваленко, А. Я. Общий курс научно-технического перевода. Киев, 2004.
6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. 253 с.
7. Крупнов, В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский. М., 2005.
8. Назарова, Т. Б. Английский язык делового общения : (Курс лекций и практикум) : учеб. пособие. М., 2004. 272 с.
9. Программа подготовки переводчика в сфере профессиональной коммуникации. М., 1999.
10. Рубцова, М. Г. Чтение и перевод английской научной и технической литературы : лексико-грамматический справочник. М. : Владимир, 2010. 382 с.

Н. Р. Гейко (Костанай, Казахстан)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

The article is devoted to the difficulties of translation of social and political vocabulary. The problem of the absence of equivalent in the target language is solved with the help of lexical transformations. The most frequently used lexical transformations are transcription, transliteration, calking, concretization, generalization, descriptive translation. All the mentioned transformations are confirmed with the examples from Russian and English newspapers.

Keywords: lexical transformations, transcription, transliteration, calking, concretization, generalization, descriptive translation.

В рамках исследования проблем перевода общественно-политической лексики значительную важность представляют лексические трансформации, так называемые «приемы логического мышления, с помощью которых переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» [6. С. 18].

Причин применения лексических трансформаций существует несколько, во-первых, это разные признаки, положенные в основу слова в русском и английском языках, которые создают проблемы для достижения адекватного перевода при передаче стилистических приемов, во-вторых, смысловое содержание слов в английском и русском языках различны.

И в русском, и в английском языках есть слова, которые сужают или расширяют свои лексические значения в зависимости от цели высказывания и намерения автора. В-третьих, способность слова сочетаться с определенным кругом других слов в разных языках неодинакова. Те сочетания, которые приемлемы для русского языка, могут быть недопустимыми, ошибочными для английского языка и наоборот.

Анализ научной литературы показал, что лексические трансформации в классификации переводческих трансформаций отражены в работах А. М. Фитерман и Т. Р. Левицкой, Я. И. Рецкера, А. П. Чужакина, В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова, Л. К. Латышева, А. Паршина, И. С. Алексеевой и др. [2. С. 210–221; 6. С. 45–69; 7. С. 57–62 и др.].

Исходя из общности представленных трансформаций в работах по теории и практике перевода, выделим следующие основные типы лексических трансформаций, наиболее часто применяемых в процессе перевода общественно-политической лексики с участием русского и английского языков: переводческое транскрибирование и транскрипция, калькирование, дифференциация, генерализация, конкретизация, описательный перевод.

Разберем на примерах каждый из основных типов лексических трансформаций.

1. *Переводческое транскрибирование и транслитерация.*

При *транскрипции* воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при *транслитерации* – его графическая форма (буквенный состав).

Примерами транскрипции и транслитерации могут служить следующие имена собственные: *New York – Нью-Йорк, Syria – Сирия, Erin Pelton – Эрин Пелтон, Ake Sellstrom – Аке Сельстром, Khan al-Assal – Хан-аль-Асал, Aleppo – Аленно* (http://www.washingtonpost.com/world/national-security/syrias-foreign-minister-likens-countrys-civil-war-to-sept-11-attacks-on-new-york/2013/09/30/175f26b2-29f7-11e3-b139-029811dbb57f_story.html), *Vladimir Putin – Владимир Путин, Obama – Обама, Franklin D. Roosevelt – Франклин Рузвельт, John F. Kennedy – Джон Кеннеди, Ronald – Рональд, America – Америка, Venezuela – Венесуэла, Indonesia – Индонезия* (http://www.washingtonpost.com/opinions/trouble-at-the-core-of-us-foreign-policy/2013/09/25/b7d2652a-2608-11e3-b75d-5b7f66349852_story.html?hpid=z3), *Iraq – Ирак, Afghanistan – Афганистан, Jaish al-Muhajireen wa Ansar – Джейш-аль-Мухаджирин валь-Ансар, Chechnya – Чечня, Ingushetya – Ингушетия, Daghestan – Дагестан, Beslan – Беслан, Sergei Lavrov – Сергей Лавров, Assad – Асад, Gaddafi – Каддафи, George Bush – Джордж Буш, Israel – Израиль* (http://blogs.telegraph.co.uk/news/richardspencer/100237864/its-russia-not-america-that-has-most-to-fear-in-syria/?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter), *Нурсултан Назарбаев – Nursultan Nazarbayev, Кайрат Мами – Kairat Mami, Касым-Жомарт Токаев – Kassym-Zhomart Tokayev, Бектас Бекназаров – Bektas Beknazarov, Казахстан – Kazakhstan* (<http://kazpravda.kz/eng/?p=2018>, <http://kazpravda.kz/?p=10296>).

Изучение текста оригинала практически в ста процентах случаев показывает наличие в нем имен собственных, которые помогают журнали-

сту описать освещаемое событие, происходящее в большинстве случаев вокруг политического деятеля в той или иной стране. Наличие имен собственных в текстах общественно-политического содержания является своего рода их особенностью, так как имена собственные вносят в текст большую достоверность, убедительность, доказательность, а порой привлекают внимание читателей.

Представленные примеры свидетельствуют о том, что основным способом в современной практике перевода является транскрипция, однако некоторые элементы транслитерации все же сохраняются.

Транскрипцией и транслитерацией передаются не только имена собственные, но и реалии, неологизмы, заимствованные слова, безэквивалентные лексические единицы: *jihadists* – *джихадист*, *putinism* – *путинизм*, *speechwriter* – *спичрайтер*, *speaker* – *спикер*, *impeachment* – *импичмент*, *ombudsman* – *омбудсмен*, *exit poll* – *эзит-пол*.

2. Калькирование.

Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) – их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы [3].

Примеры: *World leader* – *мировой лидер*, *superpower* – *сверхдержава*, *White House* – *Белый дом*, *backbencher* – *заднескамеечник*.

3. Конкретизация и дифференциация значений.

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением [2. С. 210]. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в нее видовое понятие.

Нередко даже достаточно конкретные по смыслу слова при переводе нуждаются в уточнении. Так, многие английские термины родства менее дифференцированы, чем русские, и конкретизация чаще всего оказывается неизбежной [5. С. 119].

Широкое применение приемов конкретизации при переводе с английского языка на русский объясняется обилием в английском языке слов с широкой семантикой, которым нет прямого соответствия в русском языке.

При передаче многозначных слов переводчик в большинстве случаев сталкивается с конкретизацией, так как полисемия в английском языке развита гораздо больше, чем в русском. Такое существительное, как ‘power’, имеет множество значений, которые реализуются в контексте в сочетании с различными словами.

1) That dates back to a bit of Communist Party posturing in the 1940s, when Mao Zedong decided a single time zone, set from the capital, would serve as a good symbol of Beijing’s *centralized power*.

Это стало результатом политики Коммунистической партии в 1940-х гг., когда Мао Цзэдун считал, что единый часовой пояс может стать хорошим символом *централизованной власти* Пекина (<http://inosmi.ru/world/20130928/213382716.html#ixzz2gj750VeT>);

2) Russia will be vilified for Assad’s crimes; but if Assad somehow wins – or at least stays in *some sort of power* – it is Iran whose interests will be preserved.

Россию будут всячески обливать грязью за преступления Асада, но если Асад все-таки одержит победу, или по крайней мере сумеет сохранить *какую-то власть*, то это обеспечит соблюдение интересов Ирана (<http://inosmi.ru/world/20130926/213314584.html>);

3) Russia still flexes its *hard power*.

Россия совершенствует навыки *грубой силы* (<http://inosmi.ru/world/20130923/213205043.html>);

4) In this age of *soft power*, great countries can win friends not through the use of brute force but through their books and movies, their sophisticated economies, their technological innovations and, above all, through their attractive and inspiring national ideals.

В эпоху *мягкой силы* великие державы могут обрести друзей не посредством грубой силы, но при помощи своих книг и фильмов, развитых экономик, технологических инноваций и, в первую очередь, своих привлекательных и вдохновляющих национальных идеалов (<http://inosmi.ru/world/20130923/213205043.html>).

Несмотря на тот факт, что в словарях зафиксированы несколько словарных соответствий таких слов, как *thing*, *stuff*, *affair*, *matter*, *case*, *piece*, *record*, *place* и др., невозможно предугадать, с чем они будут соотнесены в реальном речевом контексте.

В электронном словаре ABBY Lingvo 12 зафиксированы следующие значения слова ‘thing’ – *вещь, предмет; сущность, вещи, багаж, личные вещи, собственность, принадлежности, утварь, дело, обстоятельство, случай, факт; ситуация, положение дел, нечто, что-то, способность, на-*

клонность, хобби, (что-л.) самое нужное, важное, подходящее, настоящее, вещество, материал, создание, живое существо и многие другие.

Однако в нижеприведенных предложениях слово ‘thing’ передано, исходя из контекста как одного предложения, так и всего текста в целом.

1) Of course, these sorts of *things* rarely begin logically.

Разумеется, подобного рода *особенности* редко имеют логическое обоснование;

2) “In Russia, it’s quite a *normal thing* for people who have money to show it off,” she says.

«В России для людей с деньгами вполне *нормально* вести себя демонстративно, – говорит Анастасия (<http://inosmi.ru/world/20130930/213409929.html#ixzz2gj5zg8Lg>);

3) This group is responsible for some of the nastier *things*, such as beheadings, and the capture of two Aleppo bishops.

Эта группировка несет ответственность за самые жестокие *злodeяния*, такие как казни с обезглавливанием людей, а также за захват двух священников в Алеппо (<http://inosmi.ru/world/20130926/213314584.html>);

4) On the June 23 “smoking gun” Oval Office tape, Richard Nixon directs his aide H. R. Haldeman to urge the CIA to tell the FBI to back off from investigating the burglary by saying, “Look, the problem is that this will open the whole Bay of Pigs *thing*.”

5) Surely this “*thing*” should be studied as deeply as possible.

На пресловутой записи из Овального кабинета от 23 июня Ричард Никсон приказал своему помощнику Г. Р. Холдemanу (H. R. Haldeman) убедить ЦРУ отговорить ФБР от расследования взлома под тем предлогом, что иначе «всплывет *история* с Заливом свиней».

Между тем эту «*историю*» следует изучать так глубоко, как только это возможно (<http://inosmi.ru/world/20130916/212980518.html>).

В следующих предложениях значение слова с широкой семантикой ‘matter’ (*вещество, материал, исходный материал, сущность; содержание, тема, вопрос, предмет обсуждения, кое-что, кое-какие факты, вопрос, дело, причина, основание, повод, иметь значение; значить* – АБВУ Lingvo 12) так или иначе переплетается со значениями, зафиксированными в двуязычных словарях, хотя и обозначает разнородные понятия:

1) As El Pais explains, it’s not just a *matter* of turning the clocks, but adjusting the entire cultural schedule to accommodate a shorter workday.

Как пишет издание El Pais, *суть* заключается не в том, чтобы просто перевести стрелки часов, а в том, чтобы полностью изменить куль-

турный распорядок, сократив при этом рабочий день (<http://inosmi.ru/world/20130928/213382716.html#ixzz2gj750VeT>);

2) In fact, it can only diminish U.S. influence, including in *matters* that he defines as core.

На самом деле она лишь может снизить американское влияние, включая *вопросы*, которые он считает ключевыми (<http://inosmi.ru/world/20130926/213314926.html#ixzz2gj8jL5jF>);

3) For once, the U.N. General Assembly actually *matters*.

На сей раз Генассамблея ООН действительно *важна* (<http://inosmi.ru/world/20130924/213265185.html>).

При переводе с английского на русский язык конкретизацией передаются не только *существительные*, но и многие глаголы. Чрезвычайно *широкую сферу употребления и сочетаемость* имеют такие глаголы, как *to be, to do, to make, to have, to get, to give, to come, to go, to say, to tell* и др.

Именно благодаря контексту они раскрывают свою семантику. Их основные значения при этом могут не иметь ничего общего с теми, которые реализуются в конкретном употреблении.

Рассмотрим примеры перевода английского глагола ‘to make’ (в словаре АБВУ Lingvo 12 зафиксировано более 30 частичных вариантных соответствий) в следующих предложениях:

1) Obama may also have to decide whether he wants to explicitly *make* the ongoing war in Syria, in which Iran plays a big role supporting Syrian leader Bashar al-Assad’s forces, a component of any larger U.S.-Iran detente.

Обаме также придется решать, надо или нет *превращать* продолжающуюся войну в Сирии, где Иран играет важную роль, поддерживая сирийского руководителя Башара аль-Асада, в составляющую масштабной американо-иранской разрядки.

Глагол ‘превращать’ имеет следующие словарные значения в английском языке – ‘turn (to, into), transform (into); transmute (into); reduce (to, into)’ (что-л.; придавать иные свойства, преобразовывать), ‘make’; ‘turn into’ (кого-л.; способствовать развитию каких-л. качеств). Глагол ‘to make into’ – переделывать, превращать (во что-л.), однако в данном предложении глагол ‘to make’ употреблен без предлога, полагаем, что переводчик конкретизировал его при переводе, исходя из контекста предложения, опираясь на одно из частных значений иноязычного слова.

2) But he’ll try to *make* a first step by changing the tone that Iran sets with the world, something he hinted at in comments on his Web site.

Но он постарается *сделать* первый шаг, изменив манеру поведения и тональность высказы-

ваний Ирана на мировой арене. Роухани уже намекнул на это в комментариях на своем вебсайте (<http://inosmi.ru/world/20130924/213265185.html>);

3) The United States cannot arbitrarily bomb every nation that supports radical Islam; however they can *make* the act of supporting such groups enormously expensive and ultimately futile.

США не могут по своему усмотрению бомбить любую нацию, которая поддерживает радикальный ислам, однако они могут *сделать* акт поддержки подобных группировок невероятно дорогостоящим и в конечном итоге бессмысленным (<http://inosmi.ru/world/20130922/213186199.html>).

В данных предложениях глагол 'to make' передан на русский язык своим основным словарным значением – 'делать';

4) Everyone *makes* their case on how to handle Syria

Все *приводят* свои доводы о том, как решить проблему Сирии (<http://inosmi.ru/world/20130924/213265185.html>).

В данном примере глагол 'to make' употреблен в значении 'совершать, осуществлять, выполнять (какие-л. действия)', глагол 'to argue' – английский эквивалент словосочетанию 'приводить доводы';

5) "Right *makes* might, and not the other way around," President Obama said in the Rose Garden a few weeks ago.

«Право *даёт* силу, но не наоборот», – заявил президент Обама во время своего выступления в Розовом саду несколько недель назад (<http://inosmi.ru/world/20130923/213205043.html>).

Характер действия в английском предложении уточнен в переводе на русский язык путем применения конкретизации значения (словосочетание 'давать силы' в английском языке имеет эквивалент 'to give strength, to invigorate').

По мнению Л. С. Бархударова, конкретизация может быть языковой и контекстуальной (речевой). При языковой конкретизации замена слова с широким значением словом с более узким значением обуславливается расхождениями в строе двух языков – либо отсутствием в ПЯ лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, что и передаваемая единица ИЯ, либо расхождениями в их стилистических характеристиках, либо требованиями грамматического порядка [2. С. 210].

По мнению Я. И. Рецкера, «...дифференциация без конкретизации возможна, когда нужно передать значение широкого абстрактного понятия без его уточнения в переводе. Неправильно конкретизировать то, что намеренно завуалировано в подлиннике» [6. С. 47].

Считаем важным подчеркнуть огромную роль контекста при использовании приема конкретизации – именно контекст служит надежной опорой для правильного выбора конкретного слова или оборота.

4) *Генерализация.*

С. П. Романова, А. Л. Коралова, А. Паршин, Л. С. Бархударов предлагают следующее определение генерализации: «Генерализация – замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т. е. преобразование, обратное конкретизации» [2. С. 213]. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое.

Системно-структурные различия языков могут заставить переводчика прибегнуть к генерализации и тогда, когда в языке перевода просто отсутствует единица с одинаковым объемом значения.

В книге «Теория перевода и переводческая практика» Я. И. Рецкер пишет: «Необходимость генерализации может быть вызвана и опасностью искажения смысла при переводе слова или словосочетания его словарным соответствием» [6. С. 50].

Примерами переводческой генерализации могут служить переводы слов 'dignitaries' и 'suffering' в следующих предложениях:

1) Addressing a gathering of world leaders and foreign *dignitaries* at the U.N. General Assembly, the top Syrian diplomat sought to link President Bashar al-Assad's attempt to prevail in a bloody civil war with the wider international war against terrorism.

Выступая перед мировыми лидерами и *представителями* иностранных государств на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, самый высокопоставленный сирийский дипломат попытался связать попытки президента Башара Асада победить в кровавой гражданской войне с более обширной международной войной с террором.

Слово 'dignitary' [person of high official position or **rank, esp in government or the church**] – 'сановник, лицо, занимающее высокий пост (особенно церковный)' на русский язык передано словом 'представитель';

2) On Sept., 11, 2001, he said, New Yorkers "were burned with the fire of extremism and bloodshed, the same way we are *suffering* now in Syria."

По его словам, 11 сентября 2001-го года жители Нью-Йорка «обожглись огнем экстремизма и кровопролития таким же образом, как это *происходит* сейчас в Сирии» (<http://inosmi.ru/world/20131001/213450969.html#ixzz2gj4UqkIH>).

Глагол 'to suffer [to undergo or experience (anything)]' 'страдать; испытывать, претерпевать, допускать, допускать, позволять, разрешать, сно-

сидеть, терпеть' в данном примере переведен с помощью приема генерализации – глагол 'происходить' употреблен в значении 'случаться, иметь место'.

Независимо от того, какими причинами вызваны конкретизация и генерализация, это приемы, без которых практически невозможно обойтись при переводе.

При переводе с английского языка на русский прием генерализации применяется реже, чем конкретизация и дифференциация.

5) *Описательный перевод.*

Прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия. К этому приему прибегают, если в языке перевода нет соответствующей номинации или она не известна переводчику [4].

Описательный перевод представляет собой лексическую замену с генерализацией, сопровождаемую лексическими добавлениями и построенную по принципу определения понятия [1. С. 169].

Среди примеров описательного перевода наиболее показательны следующие слова и словосочетания:

1) *redistricting process* – процесс пересмотра границ избирательных округов (<http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2013/08/07/rodney-alexander-retired-from-congress-yesterday-heres-why-you-should-care>);

2) *lobbyist* – завсегдадата кулуаров, оказывающий давление на членов конгресса; лоббист; журналист, добывающий информацию в кулуарах парламента (http://www.washingtonpost.com/business/economy/departure-of-gop-operatives-could-imperil-debt-limit-talks/2013/08/08/9f595306-0037-11e3-9711-3708310f6f4d_story.html);

3) *anti-sexism group* – сторонники движения за равные права женщин; *libertarian* – сторонник свободы мысли и деятельности; борец за свободу (<http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2013/08/09/what-to-watch-for-at-president-obamas-press-conference/?hpid=z1>);

4) *Baby boomers* – лица, родившиеся в период резкого увеличения рождаемости (<http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2013/08/09/president-obama-dares-republicans-to-shut-down-government/?hpid=z8>);

5) *Backlash* – мощная обратная реакция группы людей (обычно негативная; на событие, закон, тенденцию развития, которые устанавливают преимущества для других групп людей, «бумеранг», ответная реакция на какое-то политическое решение, действие; ответные меры ([http://www.washingtonpost.com/politics/obama-cancels-](http://www.washingtonpost.com/politics/obama-cancels-egypt-joint-military-exercise-over-crackdown-but-leaves-aid-in-place/2013/08/15/4001e208-05b2-11e3-88d6-d5795fab4637_story.html?hpid=z1)

[egypt-joint-military-exercise-over-crackdown-but-leaves-aid-in-place/2013/08/15/4001e208-05b2-11e3-88d6-d5795fab4637_story.html?hpid=z1](http://www.washingtonpost.com/politics/obama-cancels-egypt-joint-military-exercise-over-crackdown-but-leaves-aid-in-place/2013/08/15/4001e208-05b2-11e3-88d6-d5795fab4637_story.html?hpid=z1)).

При переводе слов, которые в двуязычных словарях даны описательно, не обязательно пользоваться словарным толкованием. Почти всегда есть возможность варьировать перевод, подбирать наиболее удачные слова с учетом контекста.

Если внутри одного языка мы пользуемся такого рода заменами, чтобы с абсолютной точностью передать нужный смысловой нюанс или избежать повтора, при межъязыковом перефразировании этот прием нередко является единственно возможным средством, позволяющим сохранить исходный смысл. Нормы языка перевода, требования контекста, стилистические и социально-культурные факторы почти всегда препятствуют перенесению исходной формы выражения мысли в другой язык.

Всякая лексическая трансформация требует от переводчика чувства меры и досконального знания переводимого текста и связанной с ним обстановки. Лексические трансформации нужны из-за лексических несовпадений – различной семантической структуры языков, т. е. несовпадения значений слов, различной сочетаемости или отсутствия слов соответствующего значения в языке, на который делается перевод, или из-за различий в употреблении слов.

Таким образом, наличие большого количества слов широкого, абстрактного значения в английском языке, различия в значениях слов, сжатость выражения, возможная в английском языке благодаря наличию целого ряда грамматических структур и форм, требует при переводе введения дополнительных слов и даже предложений. Однако некоторые различия в привычном употреблении (*узусе*) вызывают опущения отдельных элементов английского предложения при переводе на русский язык. Все это объясняет широкое использование лексических трансформаций при переводе.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. 352 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод : (Вопросы общей и частной теории перевода). Изд. 4-е. М. : ЛКИ, 2013. 240 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Электронный ресурс]. М. : Высш.

шк., 1990. 253 с. URL : http://classes.ru/grammar/43.Teoriya_perevoda_Lingvicticheskiye_aspekty/extfile/help2/html/unnamed_28.html.

4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс]. URL : <http://perevodovedcheskiy.academic.ru/1019>.

5. Паршин, А. Н. Теория и практика перевода [Текст]. М. : Рус. яз., 2000. 161 с.

6. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. 4-е изд., стер. М. : Р. Валент, 2010. 244 с.

7. Чужакин, А. П. Общая теория устного перевода и переводческой скорописи : курс лекций. М. : Р. Валент, 2002. 160 с.

В. А. Генералов (Челябинск, Россия)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ БИНАРНЫХ СЛОВОЧЕТАНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО ТИПУ 'N – N'

The present paper studies some aspects of the translation of English binary word collocations into Russian. This work aims at analysing a number of examples of them in the form of case studies and finding relevant criteria of rendering their intrinsic meanings. Further, the paper considers instances of "veiling" the structure of binary word collocations expressed in target language.

Keywords: translation; binary word collocations; inter-componential links; veiling; unveiling; source language; target language.

Бинарные словосочетания, в том числе терминологические, занимают особое место в современном английском языке. Они характеризуются значительным процентом встречаемости и образуют важные номинативные и психолингвистические доминанты во многих контекстах. Переводчик должен тщательно подходить к аспектам перевода некоторых типов бинарных словосочетаний, имея в виду их неоднозначность. Слишком буквальный перевод приводит, по нашему мнению, к вуалированию лексико-семантических свойств этих единиц номинации, а привнесение переводчиком субъективных компонентов в перевод может приводить к немотивированным искажениям оригинала.

Как отмечает в одной из своих работ С. А. Пятина, «центральной проблемой когнитивной лингвистики является изучение отношения в цепочке "разум – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие", а основная задача состоит в объяснении механизма обработки естественного языка, построении модели его понимания» [1. С. 35]. Основываясь на базовых положениях когнитивистики, мы проводим исследование в области перевода на русский язык некоторых типов английских бинарных словосочетаний с использованием метода анализа прецедентов.

В данной статье мы не рассматриваем вопросы адекватности перевода английских бинарных словосочетаний на русский язык. Мы анализи-

руем примеры соответствия или несоответствия синтактико-семантической структуры словосочетания в языке-источнике (Source Language) синтактико-семантической структуре языка-реципиента (Target Language) на основании ряда критериев.

CASE STUDY 1: Учет особенностей межкомпонентной коллокации в бинарном словосочетании

Если рассматривать бинарный термин 'rotating-loop antenna' [компонент 'loop' является пре-модифицированным. – В. Г.], то можно отметить, что он переводится на русский язык как 'вращающаяся рамочная антенна' (принятый перевод); Мы предпочитаем другой, буквальный, вариант перевода: 'антенна с вращающейся рамкой'. То есть в английском бинарном термине 'рамка' – это только часть антенны, без ее опорной части, в отличие от русского термина, в котором часть технического объекта подменяется всем объектом в целом. На наш взгляд, нет никаких оснований преобразовывать структуру данного английского бинарного термина при переводе. Надо отметить, что первый вариант перевода вошел в качестве словарной дефиниции и является общепринятым в российском техническом узусе. Тем не менее, мы считаем, что здесь налицо необоснованное вуалирование [veiling] синтактико-семантической структуры английского термина под влиянием норм русского языка.

В английском языке, особенно в терминологии, распространены бинарные словосочетания

$N_{(premodified)}$ – N с определительным компонентом, который в свою очередь является преמודифицированным: ‘red brick house’ (трансформа: → house (built) OUT OF red bricks), ‘green-glass vase’ (трансформа: → vase (made) OF green glass) и т. д. (употребление дефиса в признаковой части не является обязательным). Мы считаем безосновательным не сохранять исходную структуру английских бинарных терминов этого типа при переводе на русский язык.

Тем не менее, в российском обиходе встречаются структуры типа ‘красный кирпичный дом’ и ‘зеленая стеклянная ваза’ наряду с такими, как ‘дом из красного кирпича’ и ‘ваза из зеленого стекла’. Из данных примеров очевидно, что признак, относящийся к части объекта, логически *переносится* на весь объект в целом: ваза выполнена из зеленого стекла, значит она «зеленая», и т. п. В принципе, дом может быть построен и из серого кирпича, покрашенного красной краской, поэтому признак ‘красный’ необязательно «привязан» к базису ‘дом’. Но если при переводе вышеуказанных английских бинарных словосочетаний признаки ‘green’ и ‘red’ отрываются от субстанций, к которым они относятся, то это нарушает структуру отношений между базисом и признаком. Это можно объяснить факторами так называемого лингвокультурного переноса. Е. В. Шелестюк отмечает, что «лингвокультурный перенос можно понимать широко – как культурно обусловленную субъективность интерпретации оригинала, как концептуальный и этнопсихолингвистический крен, отражающий пресуппозицию переводчика относительно родного и иностранного языков и культур, а также как пресуппозицию переводчика относительно текста и его смыслов, автора текста, реципиента как интерпретатора» [2]. Мы можем позволить себе считать, что данное высказывание справедливо не только в отношении перевода тестовых реализаций отдельных лексем, но и касательно перевода бинарных словосочетаний.

Характерным, на наш взгляд, является бинарный термин по типу ‘A – N’ ‘central heating’ (центральное отопление). Обогрев группы зданий и отдельных квартир *происходит из единого центра-источника* (FROM), а не *в какой-либо одной центральной точке* (IN). Лексема ‘central’ означает как ‘находящийся в центре’, так и ‘происходящий из центра’, то есть и в русском переводе сохраняется такое же вуалирование межкомпонентной связи, как и в исходном бинарном термине. И английский компонент ‘central’, и русский компонент ‘центральный’ имеют, по крайней мере, два базовых значения: ‘находящийся в

центре’ (МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ – LOCATION) и ‘направленный из центра’ (ВЕКТОРНОСТЬ – VECTORIALITY).

В некоторых случаях наблюдается обратное явление: происходит «девуалирование» [unveiling] синтактико-семантической структуры английского бинарного словосочетания, в частности бинарного термина, в русском переводе. Например, 1) centre distance – ‘расстояние между центрами’ (IN-BETWEEN LOCATION); 2) centre bolt – ‘центрирующий болт’ (трансформа: → bolt FIXING centre/bolt FIXES centre (S-V-O RELATION)); 3) centre pole – ‘опора между двумя ж/д путями’ (IN-BETWEEN LOCATION). То есть межкомпонентные отношения, имплицитные в английских терминах, эксплицитны в соответствующих русских терминах.

По нашему мнению, некритическое отношение к типу межкомпонентной коллокации в английских бинарных словосочетаниях может вести не только к вуалированию, но и к искажению их структуры. Возьмем, для примера, следующие бинарные термины: automatic control system → 1) ‘автоматическая система контроля’ (‘automatic system of control’) или 2) ‘система автоматического контроля’ (‘system of automatic control’); automatic feed system → 1) ‘автоматическая система подачи’ (‘automatic system of feed’) или 2) ‘система автоматической подачи’ (‘system of automatic feed’). На первый взгляд структуры под индексами 1) и 2) в обоих примерах являются идентичными. Если существует ‘автоматическая система управления’, то и само управление является автоматическим. Если существует ‘система автоматического управления’, то и сама система является автоматической. Однако, с технической точки зрения, такая логическая подмена понятий не всегда обоснована (существует, например, и ручной режим управления одновременно с автоматическим в составе автоматической системы). Поэтому технический переводчик, проводя коллокацию определительных компонентов в при знаке, должен придерживаться в своей практике не логических, а технических оснований.

CASE STUDY 2 (a): Учет вида связи между компонентами бинарного словосочетания

В некоторых бинарных словосочетаниях по типу ‘new book(s) section’ (отдел новых книг) иногда сохраняется формант ‘-s’, хотя множественное число определительного компонента обычно подразумевается, но не выражается. Тем не менее, такой тип словосочетания встречается в канцелярском стиле английского языка. При переводе таких словосочетаний на русский язык необходимо, по нашему мнению, учитывать

двойную природу связи между ономаσιологическим признаком и ономаσιологическим базисом. Между компонентами бинарной структуры могут отмечаться два типа отношений, которые мы относим к языковым универсалиям:

1. Базис словосочетания 'new book(s) section' обозначает 'отдел', 'депозитарий': new book(s) section → section OF new books (партитивное отношение) или → section FOR new books (отношение предназначения или факторности). В одной из своих работ «Женщины, огонь и опасные предметы», в 17-й главе, Джордж П. Лакофф, профессор когнитивной лингвистики в Калифорнийском университете в Беркли, отмечает, что «мы показали, что понятия базового уровня и образно-схематические концепты понимаются непосредственно в терминах опыта физического взаимодействия <...> Образные схемы являются источником структур, используемых в этих моделях. Вспомним некоторые типы обсуждавшихся ранее образных схем: ВМЕСТИЛИЩЕ, ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ, СВЯЗЬ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ВВЕРХ-ВНИЗ, ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА-ЗАДНЯЯ СТОРОНА. Эти схемы структурируют наш пространственный опыт» [4].

Указанные схемы Дж. П. Лакоффа мы предлагаем дополнить следующими концептами: 1) МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ (LOCATION), 2) СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ (S-V-O RELATION) и 3) ВЕКТОРНОСТЬ (VECTORIALITY). Последний концепт является обобщением схемы 'ВВЕРХ-ВНИЗ'.

2. Признак и базис словосочетания образуют цепочку по типу S-V-O, в которой предикат дан в импликации: термин 'Flight(s) Centre' иногда переводится как 'центр полетов' ('центр' в данном переводе обозначает буквально: 'место', 'пункт'). Тем не менее, компонент 'centre' в этом словосочетании не означает 'местоположения', 'пункта'. Мы считаем, что окказиональный перевод данного бинарного словосочетания содержит вуалирование, или подмену, межкомпонентной связи. В словосочетании 'центр полетов' вуалируется, в нашем понимании, нижеследующее отношение: центр *служит для управления полетами и является административной агентивной единицей* (ADMINISTRATIVE UNIT). Трансформа данного словосочетания должна выглядеть следующим образом: → centre **CONTROLLING** flights (отношение S-V-O). В самом центре не происходит никаких полетов (*центр не является местом, пунктом полетов* (LOCATION), *так как они проходят физически вне центра*). Таким образом, по нашему мнению, данное словосочетание необходимо переводить как 'центр

управления полетами'. Ниже приводится трансформация одного из бинарных словосочетаний подобного типа: Land Operations Branch → branch CARRYING OUT land operations (предлагаемый нами перевод: 'отдел по проведению наземных операций', а не 'отдел наземных операций'), то есть здесь тип отношения 'S-V-O', а не 'LOCATION'. 'Отдел' (branch) выступает не как средоточие или место проведения наземных операций, а как агент действия. Вероятно, что в русском переводе 'наземные операции' выступают не как *реальные действия*, а как 'административные мероприятия'.

Кстати отметить: теоретически также возможна следующая трансформация: new book(s) section → section CONTAINING new books, то есть по типу S-V-O. Однако, известно, что глаголы типа 'contain', 'include', 'comprise' не выражают действия как такового, поэтому между компонентами 'new book(s)' и 'section' имеются только отношения локативности (LOC), партитивности (OF) или предназначения/факторности (FOR).

CASE STUDY 2 (b): Учет оформления связи между компонентами бинарного словосочетания.

В некоторых бинарных словосочетаниях, связанных с выражением количественных отношений, формант '-s' может выступать без апострофа. Ниже мы приводим примеры таких словосочетаний, в которых используем наш, авторский перевод. Мы намеренно отступаем от буквализма и привносим в перевод элементы *типичности, обычности, стандарта* и логически подразумеваем элементы *качественной оценки* в результате переосмысления количественного параметра, которые – как нам представляется – имплицитно содержатся в языке оригинала (Source Language):

1) I enjoyed a several hours sleep – 'я с удовольствием провел несколько часов в [*длительном*] сне' [подтекст: *хороший сон*].

2) There is twenty years difference in their age – между ними имеется [*характерная*] разница в возрасте: двадцать лет [подтекст: *существенная разница в возрасте*].

3) I had only two shillings pocket money – 'я располагал только [*обычной*] суммой карманных денег: два шиллинга' [подтекст: *минимальная сумма карманных денег*].

4) A bridge of only two planks breadth – '[*обычный*] мост шириной всего в две доски' [подтекст: *узкий, шаткий пешеходный мост*].

5) He got a five years imprisonment – 'он получил [*стандартный*] срок тюремного заключения: пять лет [подтекст: *продолжительный срок тюремного заключения*].

[Примеры 1–4 приводятся по учебному пособию “English Grammar” авторов М. А. Ганшиной и Н. М. Василевской. – В. Г.] [3].

В данных примерах, как мы считаем, присутствуют одновременно компоненты *типичности, стандарта и репрезентативности*, с одной стороны, и компоненты *качественной оценки*, с другой. Они даны в импликациях: пешеходный мост обычно изготавливается по ширине в две доски (поэтому он узкий и шаткий); длительный сон продолжается несколько часов (поэтому он хорошо восстанавливает силы); между супругами и т. д. бывает характерная разница в двадцать лет (которая является значительной); сумма карманных денег обычно составляет два шиллинга (которая является минимальной) и т. д. Но в русском переводе затруднительно выразить *данные привходящие семы, связанные с типичностью и оценочностью*, в которых отражаются аспекты практики общества, если только не привносить их намеренно в перевод средствами русского языка и с опорой на контекст. С другой стороны, нам представляется, что буквальный перевод данных словосочетаний на русский язык привел бы к вуалированию привходящих смысловых компонентов типичности и исключил бы для русскоязычного реципиента важные *социальные и оценочные коннотации*. Привнесение нами в структуру перевода дополнительных семантических компонентов является достаточно спорным моментом, однако наша цель состоит в *максимально адекватной передаче* на русский язык интенции английских авторов, намеренно применяющих определения с формантом ‘-s’ без обычного для подобных конструкций апострофа [-‘s].

CASE STUDY 3: Особенности перевода ономазиологического базиса в составе бинарного словосочетания.

Особый тип бинарных словосочетаний представлен в конструкциях, содержащих компоненты ‘story’ и ‘saga’ в качестве ономазиологического базиса: management saga; amalgamation story; amalgamation saga; exiles saga; fraud story; immigration story и т. д. В них могут реализоваться, например, следующие значения базисов: ‘story’ 1) ‘история/рассказ’; 2) ‘цепь/черода событий’ и ‘saga’ 1) ‘сага/сказание/хроника’; 2) ‘цепь/черода событий’ [5]. Трудность их перевода заключается в том, что в русском языке ни в одной словарной дефиниции не отмечено значения ‘цепь/ряд событий’ для соответствующих лексем. Поэтому для реализации последнего значения необходимо, как мы полагаем, привносить дополнительные лексические компоненты в перевод на русский язык.

Интересный пример такого рода представляет собой название статьи “An oily adulteration saga” (газета “The Times of India” от 24 февраля 2005 г., автор Pankaj Shah). Ниже приводится отрывок из статьи: “Sources in LMC say that adulteration starts since the time when trucks carrying husk oil are let into the city limits and there is no check. “Every month two trucks carrying husk oil used to come near Buddheswar temple in Aliganj and in Daliganj at night,” a retired inspector with LMC told TOI. “Nobody knows where the oil is used then,” he said. Should then the oil imported in the city limits be checked for its content and quality?”

В статье речь идет, собственно, не о *saga*, а о чередности событий, связанных с фальсификацией растительного масла. То есть, лексема ‘saga’ реализуется в контексте данной статьи как ‘цепь событий’. Как уже отмечалось выше, в русском языке лексема ‘saga’ не имеет данного значения. Между тем, в самом названии ономазиологического базиса ‘saga’ может трактоваться именно как ‘сага’, так как в слишком общем контексте реализуется понятие ‘сага/сказание/хроника’, а не ‘цепь/черода событий’, ‘перипетии’. Поэтому здесь налицо игра значений. В заголовке газетной статьи реализуются два разных значения лексем ‘saga’ одновременно, и наблюдается игра значений лексемы ‘oily’: 1) масляный; 2) маслянистый, ‘липкий’; 3) ‘отвратительный’, ‘неприглядный’. Неясно, относится ли данное определение только к компоненту ‘adulteration’, образуя с последним премодифицированный комплекс, или также к базису ‘saga’. В последнем случае базисный компонент ‘saga’ получает окказиональное определение на основе метонимического переноса: ‘oily saga’ (неприглядная история, связанная с фальсификацией растительного масла – метонимический перенос). Поэтому проблемы перевода данного бинарного словосочетания на русский язык связаны: 1) с отсутствием у русской лексемы ‘saga’ значения ‘цепь событий’; 2) с игрой двух значений базиса ‘saga’ (‘сказание/хроника’ и ‘цепь событий’); 3) с игрой двух значений компонента ‘oily’ (‘масляный’ – в прямом словарном значении – и ‘неприятный’, ‘неприглядный’ в окказиональном переносном (метонимическое значение). Мы предлагаем здесь свои варианты перевода заголовка статьи: 1) *сага/история* о фальсификации растительного масла; 2) *сага/история* о *неприглядной фальсификации* растительного масла; 3) *неприглядная история* с фальсификацией растительного масла; 4) перипетии с *неприглядной* фальсификацией растительного масла.

Таким образом, анализ перевода английских бинарных словосочетаний, в том числе терми-

нологических, на русский язык свидетельствует об определенных явлениях непреднамеренного *вуалирования* синтактико-семантической структуры словосочетаний языка-источника (Source Language) в процессе перевода. Переводчик при этом сталкивается со следующим выбором: 1) использовать ли фореизацию с нарушением норм и традиций русского языка; 2) соблюдать ли нормы русского языка и непреднамеренно *маскировать* при этом синтактико-семантическую структуру английских бинарных словосочетаний (в том числе и латентную); 3) привносить ли дополнительные субъективные смысловые компоненты в целевой язык (Target Language) при переводе. Мы считаем, что на перевод английских бинарных словосочетаний оказывают свое влияние различные субъективные и объективные факторы, и пресуппозиция переводчика играет важную роль в этом процессе.

Список литературы

1. Питина, С. А. Когнитивная лингвистика и смежные лингвистические науки о взаимодей-

ствии языка и мышления // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 82. С. 35.

2. Шелестюк, Е. В. Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 82. С. 39.

3. Ganshina, M. A. English Grammar / M. A. Ganshina, N. M. Vasilevskaya. Ninth ed. revised. M. : Higher School Publishing House, 1964. P. 21.

4. Lakoff, G. P. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1987. Ch. 17.

5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Oxford Press, 2006. P. 1252, 1424.

6. Pankaj, Sh. An oily adulteration saga. "The Times of India" [Электронный ресурс]. URL : <http://timesofindia.indiatimes.com/city/lucknow/An-oily-adulteration-saga/articlesshow/1031692.cms?referral=PM>. 2005.

Н. Н. Дуринова (Саратов, Россия)

ПРЕВРАТНОСТИ ПЕРЕВОДА: МАКБЕТ КАК РОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

The article focuses on some aspects of the translations of Shakespeare's tragedy "Macbeth". It fell much under the influence of romanticism which at the time the first Russian translations were made was the dominant literary trend. The echoes of the romantic attitude to "Macbeth" have survived till the XX century though "Macbeth" is not reduced to them. This view lowers the tragedy and simplifies it. This is particularly evident in the scenes that give an insight into Macbeth's feelings or where there is reference to natural phenomena.

Keywords: Shakespeare, Macbeth, translation, romanticism, romantic character.

Хорошо известное, но странное положение вещей заключается в том, что переводы Уильяма Шекспира на русский язык с текста оригинала отсутствовали вплоть до XIX в. Русские переводчики безгранично доверяли переложению с немецкого Ф. Шиллера, для которого великий английский драматург был совершенным романтическим идеалом. Вспомним, что первый перевод «Макбета» (1802) А. И. Тургенев выполнил именно с такой переработки и только затем обратился к английскому тексту. В России первые переводы Шекспира были осуществлены романтиками, например В. К. Кюхельбекером, который отмечал, что в «Макбете» Шекспир – «первый,

величайший (может быть) поэт-романтик» [1].

Романтики воспринимали Шекспира как близкого им по духу поэта, искали и находили у него терзания мятущейся души и порыв к свободе. Между тем, с мировоззренческой точки зрения, Шекспир, конечно, не имеет с романтиками ничего общего. Это расхождение становится особенно очевидным в высоких трагедиях.

В «Макбете» главный герой не просто старается передать свое душевное состояние, он ставит его в зависимость от событий вселенского масштаба, что не характерно для романтиков, существующих в замкнутом пространстве своей души. Романтическая личность борется за свое

счастье в несовершенном мире («с обманутой душою я счастья ждал»), Макбет ощущает себя иначе: совершающий беззакония, он оправдывает себя и готов разрушить существующий порядок вещей, оба мира – небесный и земной – лишь бы удержаться на троне.

But let the frame of things disjoint, both the worlds suffer

Ere we will eat our meal in fear (Акт III, сцена 2) [4. С. 85].

Eat our meal in fear – употребляется в переносном (обобщенном) смысле: ‘жить в страхе’, так как дословный перевод ‘садиться (за стол) со страхом’ наводит на мысль о том, что Макбет боится быть отравленным. Особенность «романтически» ориентированного перевода проявляется в нагнетании чувств, особенно страха. Переводчики еще более драматизируют ситуацию: *за стол садиться с трепетом* (2) или *есть я буду с трепетом свой хлеб* (3). ‘Трепет’, хоть и предполагает ‘страх и боязнь’ [3. С. 810], но синтаксически плохо сочетается с употребленными глаголами, поскольку относится к возвышенной лексике, а глаголы со значением ‘еда’ с ней не имеют ничего общего.

Макбет готов разрушить весь мир. Следующий отрывок связан с романтическим мироощущением, но в романтизме буйствуют стихии, что стараются подчеркнуть переводчики; в «Макбете» же участвуют антихристианские силы, под влиянием которых находится главный герой.

Though you untie the winds and let them fight

Against the churches (Акт 4, сцена 1) [4. С. 112].

1. <...> *хотя б от ваших слов // Помчались ветры злые в бой с церквами* (пер. Соловьева) [Шекспир 1. С. 266]

2. *Хотя бы ветры сорвались, войною // Гроза церквам* (пер. Лозинского) [Шекспир 2. С. 49]

3. *Пусть даже ваш ответ принудит вихрь // Сражение с колокольнями затеять* (пер. Корнеева) [Шекспир 3. С. 51]

4. *Пусть ваш ответ повалит колокольни* (пер. Пастернака) [Шекспир 4. С. 44].

Из сказанного можно понять, что причиной вселенского разрушения становятся колдовские действия ведьм. В них отразились представления, лучше сказать, суеверия, распространенные во времена Шекспира. Существовало убеждение, что ведьмы владели завязанным мешком, в котором хранили ветры. Когда они его развязывали, ветры вырывались на свободу. Этим и объясняется фраза ‘*You untie the winds*’ (развязываете, то есть выпускаете, ветер). Поэтому нежелательно сказать, что ветры *срываются*, поскольку это произвольное действие.

Даже на первый взгляд очевидно, что в переводах или меняется причина происходящих событий, или она замалчивается: ни *ответ* (3), ни *слова* (1) сами по себе не могут навлечь такие апокалипсические несчастья, какие готов обрушить на мир Макбет.

<...> *though the yesty waves // Confound and swallow navigation up* (Акт 4, сцена 1) [4. С. 112].

1. *И поглотили вспененные волны // Все корабли* (пер. Соловьева) [Шекспир 1. С. 266].

2. <...> *хотя бы волны, пенясь, // Дробили и глотали корабли* (пер. Лозинского) [Шекспир 2. С. 49].

3. *Валы – вскипеть и поглотить суда* (пер. Корнеева) [Шекспир 3. С. 51].

4. *Утонит в океане корабли* (пер. Пастернака) [Шекспир 4. С. 44].

В тексте сказано ‘волны разрушали и поглощали (глотали) корабли’. Стихийное начало соответствует романтическому представлению об устройстве мира, что особенно заметно по (1) переводу, автор которого обладает такой склонностью, но в данном контексте это оказывается уместным.

Переводчикам удалось создать образ бурного моря: *вспененные волны* (1) и *волны, пенясь* <...> (2). В (3) переводе слово ‘*волны*’ заменено на ‘*валы*’ (очень высокие волны), что тоже оправдано. В (4) переводе, возможно, излишне упоминание *океана*: картина и без этого потрясает воображение. Удивительно, однако, что в оригинале используются слова самой общей семантики, а впечатление достигается более сильное.

Драматичность описываемой Макбетом картины природных катаклизмов возрастает. Ничто не может остановить разрушение миропорядка, если только это разрушительное действие само себя не исчерпает. «*Even till destruction sicken. – Так чтоб разгром устал*», говорит Макбет. Можно согласиться с комментаторами Арденовского издания Шекспира, которые подводят итог: «Макбет готов пожертвовать будущим всей вселенной ради своего личного и временного удовольствия. – *Macbeth is willing to sacrifice the future of the universe to his own personal and temporary satisfaction*» [4. С. 112].

Разрушительные силы направлены Макбетом не только вовне, но и на себя самого. Вынужденный соблюдать приличия, он действует скрытно и коварно. Так, он говорит, что когда его подданные будут скорбеть о смерти Банко, к которому Макбет подсылает наемных убийц, он должен будет изображать на лице скорбь. Это лицемерное поведение главного героя в переводах разнится.

*For certain friends that are both his and mine,
Whose loves I may not drop, but wail his fall
Who I myself struck down (Акт 3, сцена 1)*
[4. С. 82].

1. У Банко и меня // Есть общие друзья; я б не хотел // Их потерять, и буду вместе с ними // Оплакивать падение его (пер. Соловьева) [Шекспир 1. С. 244].

2. <...>я стеснен // Тем, что у нас есть общие друзья; // Чтоб не утратить их любовь, я должен // Оплакивать того, кто мной повержен (пер. Лозинского) [Шекспир 2. С. 35].

3. У нас с ним общие друзья; я должен // Любовь их сохранить, и мне придется // При них рыдать над тем, кто мной убит (пер. Корнеева) [Шекспир 3. С. 35].

4. Есть общие друзья, // Которых дружбу я тогда утрачу. // Пред ними мне придется сожалеть // О том, кого сгублю я (пер. Пастернака) [Шекспир 4. С. 44].

В данном случае важно, как переведено слово, передающее скорбь по убитому – wail. Со смысловой стороны оно не представляет сложностей для перевода, но точный выбор русского слова затруднен, поскольку должен отражать характерологическую черту персонажа. Слово ‘wail’ означает ‘громкий плач, причитание, стенание’ [2. С. 530]. Это содержание лучше всего выражено в переводе: оплакивать, то есть ‘слезами выражать свою скорбь’ [3. С. 454], что более точно, чем плакать (1) – глагол широкой семантики. Рыдать – ‘громко, судорожно плакать’ – трудно представить Макбета в таком состоянии. Можно с уверенностью сказать, что этих чувств Макбет явно не испытывает.

Если обратиться к этимологическому словарю, ‘wail’ имеет значение ‘exclamations of distress and grief’ [5. С. 544], то есть предполагается ‘восклицание, выражающее скорбь’, что более подобает мужчине-воину, чем слезы. В данном контексте глагол ‘сожалеть’ (4), предпочтительнее, чем другие глаголы, так как он не связан со значением ‘плакать’, а ‘выражать чувство печали, огорчения, вызванное утратой’ [3. С. 743], хотя эмоциональная составляющая в нем выражена слабо.

Макбет охвачен страхом: он убил с помощью наемников главного своего соперника и потенциального обличителя благородного Банко, но жив его сын. Макбет помнит пророчество ведьм, что сыновья Банко будут королями; и это не дает ему покоя; охваченный ужасом, он болен физически.

*But now I am cabin'd cribb'd, confin'd, bound in
To saucy doubts and fears (Акт 3, сцена 4)*
[4. С. 87].

1. <...> а теперь я сжат, // Охвачен, сдавлен, связан подлым страхом // И жалкими сомненьями! (пер. Соловьева) [Шекспир 1. С. 252].

2. И вот я заперт, стиснут, сдавлен, скован // Грызущим страхом (пер. Лозинского) [Шекспир 2. С. 41].

3. А теперь я подлым // Сомнением и страхом связан, скован, // Подавлен, сломлен (пер. Корнеева) [Шекспир 3. С. 42].

4. А я сбит с ног, прижат к земле и отдан // В добычу снам и страхам (пер. Пастернака) [Шекспир 4. С. 36].

Смятенное внутреннее состояние Макбета подчеркивается в оригинале аллитерационно. Притом, что глаголы синонимичны, их выразительность усиливается. *Cabined* – ‘shut up in a hut or hovel’ [7. С. 154], что соответствует значению ‘жить в тесном помещении’ [2. С. 301]. Этимологический словарь приводит также как «устаревшее» значение ‘cell, cave’ – ‘подземелье’ [6. С. 56], что можно переосмыслить как ‘заточить’. *Cribbed* употреблено в том же значении – ‘shut in a hovel’ [4. С. 92], но как существительное это слово имело значение ‘ox-stall’ – ‘хлев, стойло’ [7. С. 154], тем самым усугубляя животный страх Макбета. *Confined* – слово из того же синонимичного ряда – ‘keep within bounds, imprison’ [5. С. 91], что соответствует русскому ‘держат взаперти, заточить’ [2. С. 435]. **Макбет – пленник, узник своих страхов, он лишен жизненного пространства.**

Это чувство в русском переложении передается иначе. В переводе читаем: *сжат, охвачен, сдавлен* (1); или: *заперт, стиснут, сдавлен* (2). Помимо того, что употребленные причастия отступают от оригинала в смысловом отношении, они не обладают синтаксической автономностью. *Скован, // Подавлен, сломлен* – говорится в (3) переводе. Поскольку в движениях герой не затруднен, то первое слово можно понять в том смысле, что герой ‘закован’. *Сбит с ног, прижат к земле* (4) – только вариация на предложенную тему.

Добавления, к которым прибегают переводчики, уводят в сторону от оригинала, привнося в перевод собственное представление о происходящем: *связан подлым страхом // И жалкими сомненьями!* (1), *скован // Грызущим страхом* (2), *Подлым // Сомнением и страхом связан* (3). В оригинале употреблено одно прилагательное *saucy*, и в другом значении ‘insolent’ – ‘наглый,

дерзкий» [4. С. 93]. Сомнения и страх бесцеремонно вторгаются в жизнь Макбета помимо его воли, не спрашивая его согласия. *Отдан // В добычу снам и страхам* (4) – это романтический поворот в трагедии.

Некоторые слова из романтического репертуара, которые появляются в русском переводе, превращаются в устойчивый штамп. Одно из них – ‘грезы’.

<...> *sleep // In the affliction of these terrible dreams, That shake us nightly* (Акт 3, сцена 2) [4. С. 85].

В следующем контексте атрибутивное сочетание *terrible dreams* означает ‘ночные кошмары’. В Оксфордском словаре находим: ‘nightmare – very frightening dream’ [6. С. 295]. ‘Греза’ – ‘светлая мечта, а также призрачное видение, сновидение’ [3. С. 144]. Принимая во внимание это значение, можно подумать, что нельзя сказать *спать под гнетом // Ужасных грез, пугающих в ночи* (1) или *грез ужасных* (3), но в романтическом смысле оказывается, что такое употребление не исключается. *Жуткие сны* (2) и *страшные сновидения* (4) значительно ближе по смыслу.

Слово *dream* семантически приближено к слову ‘греза’. Но даже если в оригинале стоит далекое по значению от ‘грез’ слово, некоторые переводчики предпочитают именно его. Макбет пытается дать нравственную оценку пугающим его мыслям. Ключевое слово *suggestion* – ‘предложение, совет, намек, указание’ [2. С. 404] исключает перевод ‘грезы’, который ни стилистически, ни содержательно не отражает происходящего:

*If good, why do I yield to that suggestion,
Whose horrid image doth unfix my hair* (Акт 1, сцена 2) [4. С. 85].

Когда он добр, зачем от странных грез // Поднялись волосы на голове (пер. Соловьева) [Шекспир 1. С. 204].

Вместо простой и суровой картины, изображенной Шекспиром, перевод привносит некоторую «мечтательность». У Шекспира Макбет говорит об убитом им короле Дункане: ‘он спит хорошо (спокойно)’. Но переводчикам этого кажется недостаточно, ведь у романтиков сон – желанный отдых после жизненных терзаний.

*Duncan is in his grave
After life's fitful fever he sleeps well* (Акт III, сцена 2) [4. С. 85].

Дункан в могиле; // Горячка жизни кончена, он спит // Так сладостно (пер. Соловьева) [Шекспир 1. С. 247].

«Сладкий сон» – это «достоинство» романтического перевода. Романтики любили ночной пейзаж, для них он связан с умиротворенным состоянием природы. Им кажется, что и Шекспир разделяет их чувства: день отходит ко сну, в воздухе разлито блаженство, и летящий жук навевает сон.

<...> *ere to black Hecate's summons
The shard-borne beetle; with his drowsy hums,
Hath rung Night's yawning peal* (Акт 3, сцена 2) [4. С. 87].

1. *Черепокожий жук жуужжаньем сонным // В дремоту погрузит усталый мир* (пер. Соловьева) [Шекспир 1. С. 248].

2. <...> *и жесткий жук // Взлетев на зов Гекаты, смутным гудом // Не отзвонит ко сну* (пер. Лозинского) [Шекспир 2. С. 37].

3. *Жук // Навеет дрему жесткокрылым звоном // На зов Гекаты черной в ночь лета* (пер. Корнеева) [Шекспир 3. С. 38].

4. *И сонный жук к Гекате полетит* (пер. Пастернака) [Шекспир 4. С. 34].

Переводчики принимают это описание за романтический порыв и облачают его в соответствующую вербальную форму. На самом деле, картина совсем не идиллическая, она связана с подземным (хтоническим) миром, намеренно принижена и прозаична. Начать с того, что жук, о котором говорится *черепокожий* (1), *жесткий* (2) или *жесткокрылый* (3), на самом деле, жук навозный – совершенно отвратительное насекомое ввиду среды его обитания. Жуужжание навозного жука воспринимается как сигнал того, что пришла ночь, что прямо противопоставляется вечернему звону (*Night's yawning peal*), также символизирующему наступление темноты. Жук летит на зов Гекаты, покровительницы колдовства, которая по этой причине названа «черной». В восприятии Макбета ночь несет с собой всю мерзость, которая прячется от дневного света. Ночь – время, когда совершаются убийства и мучают кошмары.

Шлейф романтического поэта тянется за Шекспиром и в дальнейшем, поскольку он во всей глубине раскрывает внутреннее состояние своих персонажей, к чему настойчиво стремились романтики. Что же касается бури человеческих страстей и буйства стихий, то в этом он их значительно превосходит своих почитателей.

Анализируемые переводы

1. Шекспир, В. Избранные сочинения. Макбет / пер. с англ. С. М. Соловьева; прим. А. А. Смир-

нова. Т. 1. М. ; Л. : Детиздат, 1938. С. 191–314.

2. Шекспир, В. Избранные произведения. Макбет / пер. с англ. М. М. Лозинского ; прим. М. П. Алексеева и А. А. Смирнова. М. ; Л. : Худож. лит., 1950. С. 502–647.

3. Шекспир, У. Полн. собр. соч. : в 8 т. / пер. с англ. Ю. Корнеева ; прим. А. А. Смирнова и А. А. Аникста. М. : Искусство, 1960. Т. 7. С. 1–110.

4. Шекспир, У. Макбет. Антоний и Клеопатра. Кориолан / пер. с англ. Б. Л. Пастернака. М. : АСТ, 2001. С. 5–128.

Список литературы

1. Левин, Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века [Электронный ресурс]. URL : az.lib.ru/kjuhelxbeker/wk/text_0170.shtml.

2. Новый большой англо-русский словарь / под ред. Ю. Д. Апресяна. Т. 3. М. : Рус. яз., 1994. 825 с.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : РАН, 1998. 940 с.

4. *New Arden Shakespeare. Macbeth* / W. Shakespeare ; ed. by Kenneth Muir. L. : Methuen & Co, 1957. 207 p.

5. *Oxford Concise Dictionary of English Etymology* : словарь / ed. by C. T. Onions. Oxford : Oxford Univ. Press, 2003. 552 p.

6. *Oxford Learner's Dictionary* : словарь / ed. by Victoria Bull. Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. 522 p.

7. *The Oxford Shakespeare. Macbeth* / W. Shakespeare ; ed. by N. Brooke. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. 249 p.

И. Р. Зязова (Нижевартовск, Россия)

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СУБТИТРОВ КАК ОСОБОГО ВИДА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

The paper studies the semiotic nature of subtitles as a unique type of translation. The interaction between verbal, subtitles inclusive, and nonverbal signs is examined. It is stated that in order to make subtitles provided for a film work, there should be a synchrony with other filmic codes, i.e. there should be the semiotic cohesion, which is analysed as well. Subtitles are considered to be semiotically connected with both visually and acoustically rendered sorts of information.

Keywords: audiovisual translation, subtitles, diagonal translation, semiotic cohesion, cinematographic text, verbal and nonverbal signs, cohesion.

С позиций семиотики относительно перевода текст оригинала и текст перевода представляют собой сверхсложные знаки, задействованные в сверхсложном процессе – в семиозисе – в рамках двух соответствующих лингвокультур [6. С. 122].

Субтитры рассматриваются в данной работе и как продукт перевода, и как процесс переводческой деятельности (также в научном обиходе встречается термин ‘субтитрование’, англ. ‘subtitling/captioning’, нем. ‘Untertitelung’). Интерлингвистические субтитры как вид переводческой деятельности имеют существенные отличия от художественного перевода (и других видов перевода) в силу присущих им технических требований и особенностей (одна/две строки на субтитр, сегментация субтитра, дозволенное количество символов на субтитр, особенности синхронизации субтитров, расположение на экране и пр.). В терминах Н. Gottlieb субтитры определяются как *диагональный* перевод, при котором

меняется как способ передачи (устный > письменный), так и язык. Понятие диагонального переводческого процесса схематически представляется в следующем виде [цит. по: 5. С. 25]:

Устный текст ИЯ -----> Устный текст ПЯ

–
–
–
–
–

Письменный текст ИЯ -----> Письменный текст ПЯ

Согласно А. Assis Rosa (2001), субтитры предполагают смену вида перевода (устный > письменный), канала восприятия (вербальный > визуальный), формы сигналов (акустические > графические) и кода (устная форма > письменная форма) [цит. по: 3. С. 78].

Помимо специфики перевода посредством субтитров ситуация для переводчиков усложняется ещё спецификой исходного материала, то есть текста (кинотекста). Семиотической особенностью кинофильма признаётся феномен интеграции в едином текстовом пространстве компонентов, принадлежащих к разным знаковым системам, то есть кинотекст предстаёт в своём роде как совокупность множества различных кодов, таких как текст, изображения, звуки, цвета, проксемика, кинесика, окулесика, гаптика, диегезис и т. д.

Семиотическую структуру кинопродукта подразделяют на две системы: лингвистическую и нелингвистическую. Согласно Г. Г. Слышкину и М. А. Ефремовой, лингвистическая система в кинотексте представлена двумя составляющими: письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира объектов фильма – плакат, записка, название улицы и т. д.) и устной (звучащая речь актёров, закадровый текст, песни и т. д.), в то время как нелингвистическая система представлена звуковыми знаками (естественные и технические шумы, музыка) и визуальными знаками (образы персонажей, костюмы, интерьер, реквизит, спецэффекты и пр.) [2. С. 22].

Схожее представление семиотической композиции фильма сквозь призму аудиовизуального перевода (субтитров) встречается у бельгийского исследователя D. Delabastita. В своём исследовании он выделяет следующие четыре составляющие: 1) визуальная презентация вербальных знаков (титры, газеты, объявления и др. письменная информация, появляющаяся на экране); 2) визуальная презентация невербальных знаков (видеоряд); 3) акустическая презентация вербальных знаков (реплики персонажей/кинодиалог, песни); 4) акустическая презентация невербальных знаков (музыка, фоновые шумы) [цит. по: 4. С. 46].

Необходимо также обратить внимание на то, что фильм сам по себе является готовым продуктом, в то время как субтитры выступают в качестве дополнения/приложения к готовому продукту. Таким образом, чтобы субтитры идеально «прилегли» к фильму, задача переводчика заключается не только в качественном, адекватном переводе, но и в максимально синхронном, верном внедрении текстового сопровождения в семиотическую структуру фильма. Адекватное восприятие аудиовизуального продукта у иноязычного реципиента происходит лишь в случае корректного интегрирования всех элементов лингвистической и нелингвистической систем.

Из вышесказанного вытекает, что знаки разных систем должны взаимодействовать между

собой, дополняя друг друга, ссылаясь друг на друга. Для обеспечения цельности произведения, его континуума должна присутствовать связь, «взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [1. С. 74], то есть когезия.

Однако когезия является категорией текста лингвистического, тогда как кинотекст, помимо этого, предполагает и компоненты нелингвистической системы. И далее следует утверждение, что в данном случае целесообразнее вести речь о когезии семиотической. Понятие *семиотической когезии* было введено и исследовалось испанским учёным, специалистом в области аудиовизуального перевода F. Chaume (2004), а также оказывалось во внимании одного из ведущих учёных в области аудиовизуального перевода J. Dnaz Cintas и лингвиста/переводоведа A. Remael (2007). Под семиотической когезией понимается взаимозависимость лингвистических и нелингвистических элементов семиотически-неоднородного текста, связь, обеспечивающая единство и цельность подобного текста.

Для демонстрации семиотической связи между субтитрами и другими элементами знаковых систем кинофильма проанализируем сцену из художественного фильма “*Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*”. Транскрипт (оригинал) и перевод к сцене (субтитры на немецком языке) приведены ниже:

Professor Dumbledore doesn't want any dementors around the place.	Professor Dumbledore wünscht hier keine Dementoren.
---	---

В связи с техническими (временные и пространственные параметры) ограничениями переводчику при создании субтитров регулярно приходится прибегать к приёмам переводческих трансформаций (компрессия, опущения, смысловое развитие и др.) с целью «уплотнить» конечный текст и впоследствии обеспечить сиюминутное восприятие у зрителя. В конкретном случае мы можем пронаблюдать результат лексической замены словосочетания, обстоятельства места ‘around the place’ на дейктическое местоимение ‘hier’ (рус. ‘здесь’). В отрыве от невербальной системы кинопроизведения, посредством одного только текстового сопровождения реципиенту не удастся уяснить, о чём идёт речь. Визуальная же поддержка позволяет установить, что под ‘hier’ имеется ввиду деревушка волшебников Хогсмид, где непосредственно находится говорящий и где происходит акт коммуникации в пределах данной сцены. Другими словами, семиотическая когезия здесь прослеживается между элементом визуальной лингвистической системы – лексиче-

ской единицей, представленной в субтитрах, – и элементом нелингвистической системы – место действия, представленное в видеоряде.

Исследуем ещё одну сцену и перевод к ней из данного же фильма. В рамках этой сцены на занятии по защите от тёмных искусств все в помещении стоят, преподаватель обращается к классу и высказывает следующее:

Intriguing, isn't it?	Fesselnd, nicht wahr?
-----------------------	-----------------------

Если сравнивать данный пример с предыдущим, то процессы смыслоформирования в них происходят нетождественным путём. В первом случае акт рецепции сегмента из кинотекста можно представить в виде формулы:

видеоряд + субтитры = смысл

Во втором примере, несмотря на то, что имеются и перевод 'Fesselnd, nicht wahr?' (рус. 'Любопытно, не правда ли?'), и визуальное сопровождение, ситуация на экране тем не менее будет не в полной мере ясной. Преподаватель обращается к ученикам, и при этом в кадре изображен обыкновенный шкаф. Однако своим вопросом персонаж пытается привлечь внимание молодых волшебников и волшебниц не столько к шкафу непосредственно, сколько к тому, что находится внутри предмета мебели (магическое существо). Все ученики действительно прикованы взглядом к шкафу, но установить причину этого за счёт только субтитров и видеоряда проблематично. Здесь определённую значимость в понимании вносит аудиоряд или саундтрек: когда в кадре появляется шкаф, из него доносятся странные, устрашающие звуки. Таким образом, компонентный анализ конкретной сцены даёт основание заключить, что в данном случае субтитры семиотически больше ссылаются на звук, нежели на изображение. Полное смыслоформирование обеспечивается при взаимодействии трёх главных знаковых составляющих, при этом значительную смысловую нагрузку несёт именно акустический элемент нелингвистической системы, то есть:

видеоряд + субтитры + саундтрек = смысл

В подобных случаях специалистам по созданию субтитров следует особое внимание уделять синхронизации субтитров: субтитры должны

взаимодействовать не только с визуальным повествованием кинофильма, но и с акустическим аналогично.

Подводя итоги, важно отметить, что кинофильм представляет собой структурно-гетерогенный текст, смысл и континуум которого разворачиваются в пространстве взаимодействия семиотических систем фильма. Специалист по аудиовизуальному переводу должен следить, чтобы субтитры не нарушали семиотическую структуру произведения, а «вписывались» в неё. Перевод с субтитрами расценивается как приемлемый и наиболее удачный, если он максимально передаёт содержание фильма, а также при условии, что реципиент/зритель в процессе просмотра произведения не замечает за собой процесса чтения текстового сопровождения. Текст оригинала и текст перевода расцениваются семиотически эквивалентными при условии, что совершается один акт семиозиса [6. С. 123].

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
2. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
3. Cordella, M. Discourse Analysis and the Subtitles of Documentaries : The Case of The Children of Russia // *Odisea*. 2006. №7. P. 77–88.
4. Dnaz Cintas, J. *Audiovisual Translation : Subtitling* / J. Dnaz Cintas, A. Remael. Manchester : St. Jerome, 2007. 272 p.
5. Jüngst, H. E. *Audiovisuelles Übersetzen : Ein Lehr- und Arbeitsbuch* / H. E. Jüngst. Tübingen : Narr Verlag, 2010. S. 197.
6. Prunč, E. *Semiotik // Handbuch Translation* / hrsg. von P. Schmitt. Tübingen : Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 1999. P. 122–125.
7. *Routledge encyclopedia of translation studies* / M. Baker, G. Saldanha (2-nd ed.). N. Y. : Routledge, 2009. P. 13–20.

К. А. Кардаш (Красноярск, Россия)

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СИТУАЦИИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

The article is devoted to the problem of the translation of the literary text in the aspect of structural and semantic analysis. The translation of Chinese literary texts influences on the adequate understanding of the Chinese culture and Chinese people. To define right translation strategy is the aim of our research. We try to compare and analyze the semantic situation of congratulation in Chinese literary text and its translation into Russian. The cultural and traditional peculiarities of two different linguacultures define the study of the translation strategy.

Keywords: semantic situation of congratulation, Chinese language, literary text, translation strategy.

С точки зрения переводоведения, проблема качества перевода имеет непосредственную связь с проблемой переводческого тождества. Предпринимая попытку практического решения данной проблемы, переводчик, переводя некий текст, устанавливает определённое соотношение между оригиналом и его переводом. Таким образом, характер соотношения элементов оппозиции ‘оригинал – перевод’ позволяет говорить о качественном или некачественном переводе, определяет качество данного вида человеческой деятельности. Поэтому адекватный перевод – это, прежде всего, перевод с учетом культурных особенностей иностранного языка без укоренившихся стереотипов о народе.

Четкость передачи культурных особенностей и национальных традиций влияет на качество перевода, которые описаны в оригинальном художественном тексте и которые потом будут лежать в основе тех или иных представлений о нации в тексте перевода. Художественный текст, являясь источником культурной информации, позволяет расширить возможности преподавания и изучения иностранного языка. «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [8. С. 14]. Языковая картина мира понимается как представление о действительности, отражённое в языковых знаках и их значениях [6. С. 68]. Задача переводчика заключается в определении положения знаков в рамках языковых картин мира исходного языка и переводного языка с целью установления интегральных смысловых связей между оригиналом и переводом.

Опираясь на то, что предполагаемый лингвистический подход к изучению соотношения оригинала и перевода художественного текста может быть проиллюстрирован в рамках любой

языковой пары, особенности языка и культуры особенно очевидны, если исследуемые лингвокультуры принадлежат абсолютно разным языковым семьям. Например, языковая пара ‘китайский язык – русский язык’.

Китайцам и другим восточноазиатским народам присуща особенность употреблять меньше слов, как при устном общении, так и письменном. Это происходит потому, что они ожидают от собеседника возможности «прочитать между строк», тем самым расшифровывая и преобразовывая текст из комплексного целостного сообщения в контекстно-ориентированное объективное восприятие. Другими словами: меньше говорят, больше подразумевают. В общении у китайцев проявляется тенденция к «ситуативному» восприятию и восприятию события по отношению к реальности и действительности. Фокус на качестве временного континуума – это отражение китайской веры в устройство и законы природы, инь и ян, что является характерным проявлением в речи как отражение действительности и восприятия мира [11. С. 128].

Данная культурная особенность очевидна в текстах художественной литературы, поэтической литературе, также в этикетных формах общения, где ритуальные традиционные формы языка без дополнительной расшифровки не будут понятны на языке перевода. Праздники, являясь частью культуры и традиций, наиболее ярко отражают особенности языка. Поздравление, как языковое воплощение праздника, является элементарным коммуникативным действием, которое описывает как внеязыковую реальность, так и само себя; с одной стороны, поздравление – часть ситуации, с другой – оно создает эту ситуацию, так как всегда требует ответной реакции: поздравление – благодарность [7].

Современный синтаксис, выйдя из учения о форме предложения, сегодня ориентирован на смысловые и коммуникативно-прагматические компоненты высказывания, захватывая при этом

области в формальном отношении, не вызывающие особых трудностей, но интересные с точки зрения семантики и прагматики. Существо этой идеи заключается в следующем: высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоит в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности, соединяется с информацией субъективной, идущей от говорящего и момента общения [1; 2; 4; 5; 10]. Такое разложение единой семантической структуры предложения представляется удобным способом описания языкового материала, отражающим реальную сложность содержания информации, передаваемой в высказывании.

Вслед за Т. В. Шмелевой в настоящем исследовании будет использован термин 'семантическая ситуация'. Под семантической ситуацией мы понимаем следующее: во-первых, это ситуация общения, то есть та обстановка, в которой совершается коммуникативный акт; во-вторых, предмет сообщения, то есть обстановка (совокупность фактов), описываемая в тексте; в-третьих, участники коммуникации (актанты, сирконстанты), то есть языковое воплощение положения дел в действительности, совокупность элементов, присутствующих в сознании участника события в объективной действительности в момент высказывания. Каждое высказывание предполагает интеллектуальное, а затем и языковое моделирование. Описать ситуацию значит назвать всех ее участников, указав свойства каждого участника и отношения между ними, а именно систему актантов, которая обеспечивает понятия субъекта, объекта, адресата, инструмента, а также сирконстантов – локатива и темпоратива.

Чтобы наиболее точно передать перевод, выбрать стратегию перевода художественного текста, отразить языковые особенности восточноазиатской культуры, необходимо рассматривать фразу целиком, а именно, как ситуацию. С учетом того, что в каждой фразе, в каждом коммуникативном акте скрыты культурные особенности, то будет верно утверждение о том, чтобы рассматривать перевод китайского художественного текста в аспекте *семантической ситуации*, принимая во внимание информацию между строк, и отражать ее в переводе на русский язык.

В качестве материала для исследования были выбраны примеры из текста современной китайской художественной литературы и их перевод на русский язык (см. таблицу). Рассмотрим подробнее основные виды актантов по их значениям в аспекте семантической ситуации поздравления: агенс, адресат, бенефициенс, инструмент, каузатор, объект, объектив, орудие, партитив, паци-

енс, результатив, субъект. Проведем сопоставительный анализ поздравлений из текстов современной китайской художественной литературы и их перевод на русский язык. Примеры поздравлений, которые представлены в данной работе, взяты из художественного текста китайского романа автора Цзэн Пу «Цветы в море зла» (1905) и его перевод на русский язык автора В. Семанова, изданный в 1990 г., и роман автора Гу Хуа «В Долине лотосов» в переводе В. Семанова 1986 г.

*Примеры семантической ситуации
поздравления*

Текст оригинал на китайском языке	Художественный перевод автора В. Семанова
1. “恭喜你，玉音，恭喜你，老天爷保佑你母子平安……” 谷燕山这个在战争年代出生入死过来的人，竟讲出一句带迷信色彩的话来。	– Поздравляю тебя, Юйинь, поздравляю! Небо уберет и тебя, и младенца! – откликнулся Гу Яньшань и тут же устыдился: как это он, человек, прошедший войну, способен молоть такую чепуху?
2. 雯青笑道：“到那时，我是要恭贺你和小表嫂的金榜挂名，洞房花烛了。” 公坊道：“连小表嫂的典故，你都知道了，还冤我瞞你！你不过金榜挂名是梦话，洞房花烛倒是实录。我说考完请你，就是请你吃蔓云的喜酒。”	– В таком случае придется поздравить тебя и «Жену Цао» сразу с двумя событиями: победой на экзаменах и свадьбой! – хитро улыбнулся Цзинь Вэньцин. – Ну вот, ты знаешь даже историю прозвища «Жена Цао», а еще винишь меня в обмане! Об экзаменах ты, конечно, хватил, а вот насчет свадьбы совершенно прав. Когда я сказал, что приглашу тебя, я и имел в виду, что ты придешь выпить на свадьбе Айюня.
3. 礼毕出堂，换了吉服，四面望了望，看见雯青诸人都在一堆里，便走过来，作了一个总揖道：“诸位恭喜，兄弟刚在里头出来，已得了各位的喜信了。” 大家倒愣着不知所谓。仓樵就靴统里抽出一个小小护书，护书里拔出一张半片的白折子，递给雯青手里。雯青与诸人同看。	Оглянувшись, он увидел Цзинь Вэньцина и его друзей, сбившихся в кучку, подошел к ним и сделал общий поклон. – Поздравляю. Я только что из дворца. Для всех вас есть радостные вести. Друзья удивленно смотрели на него, не зная, в чем дело.

<p>4. 雯青回到家来, 那报喜的早挤满一门房, “大人升官”、“大人高发”的乱喊。雯青自与夫人商量, 一一从重发付。接着谢恩请训, 一切照例的公事, 还有钱行辞行的应酬, 忙的可想而知。</p>	<p>Подъезжая к дому, Цзинь увидел целую толпу попрошак, которые приветствовали его нестройными возгласами: – Поздравляем вашу милость с повышением! Блестящей вам карьеры! Посоветовавшись с женой, Цзинь Вэньцин щедро одарил пришедших, а затем написал благодарственное письмо императору, испрашивая указаний, – короче говоря, сделал все, что полагалось в таких случаях. Не обошлось, разумеется, без прощальных пирушек и проводов. Можно представить себе, как он был занят.</p>
---	---

Выбор представленных в таблице примеров не случаен. Мы считаем, что данные примеры демонстрируют семантическую ситуацию поздравления. Критерии, по которым происходил отбор, следующие:

- 1) наличие перформатива ‘поздравлять’;
- 2) наличие предсобытийного и постсобытийного контекста;
- 3) наличие собственно коммуникативного акта;
- 4) наличие составляющих ситуации: актанты и сирконстанты;
- 5) наличие завершенности события, целостности происходящего.

Ситуация поздравления является комплексной семантической ситуацией со всеми ее составляющими. В ситуации поздравления, как и в любой другой деятельности, наиболее значимой является фигура субъекта, без которого реализация данного процесса становится невозможной. Для его обозначения в литературном русском языке нет специального номинатива, мы в своей работе будем называть его агенс, т. е. автор поздравлений. «Агенс – производитель действия» [3. С. 430]. Соучастниками или коагенсами в данной ситуации могут быть *друзья, приятели, товарищи, коллеги, родственники, случайные*, например: 雯青 (имя главного героя Вэнь Цин), 夫人 (жена), 门房 (толпа попрошак).

Второй обязательный участник ситуации – адресат поздравлений. «Адресат – компонент, обозначающий лицо или реже предмет, к которому обращено информативное, донативное или эмотивное действие» [3. С. 430]. В наших приме-

рах это: 大人 (ваша милость), 你 (ты, тебя), 小表嫂 (жена Цао), 老爷 (господин).

В некоторых формах китайского поздравления происходит опущение этикетного глагола ‘поздравить’, который только подразумевается и может быть определен только из контекста, например:

- 大人升官! 大人高发!

Художественный перевод на русский язык В. Семанова: «*Поздравляем* вашу милость с повышением! Блестящей вам карьеры!»

В данном переводе представлено более развернутое поздравление со следующими актантами: этикетный глагол ‘поздравить’, событие-повод ‘с повышением’, адресат ‘ваша милость’.

Примеры 1, 2 и 3 тоже демонстрируют ситуацию поздравления, о чем свидетельствует наличие перформативных глаголов 恭贺 и 恭喜 (поздравлять кого-либо с чем-либо), а именно, во втором примере сразу два повода, с которыми поздравляет один участник ситуации другого: 金榜挂名, 洞房花烛了 ‘победой на экзаменах и свадьбой’.

Одним из особенностей художественного перевода является возможность передать национальное своеобразие оригинала, что непосредственно связано с его национальным языком. Именно национальный язык рождает и воплощает образы определенной действительности и жизни конкретного народа. Поэтому национальная окраска и культурные особенности хорошо можно проследить на художественном материале. Но стоит отметить, что верное восприятие, передача и сохранение всего национального своеобразия оригинала является сложной задачей как в решении практических вопросов, так и в теоретическом плане. Решения подобных задач зависят от степени и уровня фоновых знаний у переводчика о жизни, описываемой в оригинале. С расширением подобных знаний стираются национальные барьеры другой культуры, и действительность иной страны, приближаясь к читателю, в какой-то мере утрачивает свою национальную специфичность. Одна из основных задач переводчика художественной литературы – выявить национальную и культурную языковую специфику, то, что лежит «между строк», и передать с той же национальной окраской особенности языка текста оригинала на язык перевода.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 384 с.

2. Балли, Ш. Общая лингвистика и общие вопросы французского языка. М. : УРСС, 2001. 416 с.
3. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М. : Наука, 1998. 544 с.
4. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л. : Наука, 1986. 454 с.
5. Кубрякова, Е. С. Падежная грамматика / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац // Современные зарубежные грамматические теории : сб. науч.-аналит. обзоров. М. : ИНИОН, 1985. С. 37–54.
6. Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / И. А. Стернин, З. Д. Попова. Воронеж, 2001. 191 с.
7. Тарасенко, Т. В. Этикетные жанры русской речи : благодарность, извинение, поздравление, соболезнование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 24 с.
8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово/Slovo, 2000. 624 с.
9. Цзэн Пу. Цветы в море зла : роман / пер. с кит. В. Семанова ; редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; вступ. ст. и прим. В. Семанова ; стихи в пер. И. Голубева. М. : Худож. лит., 1990. 480 с.
10. Шкуропацкая, М. Г. Аспекты семантики предложения : учеб. пособие по спецкурсу. Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2008. 186 с.
11. Communication between cultures. Third ed. / Larry A. Samovar. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2000. 308 p.
12. 曾朴《孽海花》, 1905 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.5156edu.com/html/10554/2.html>.
13. 古华《芙蓉镇》, 1986 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.my285.com/ddmj/guhua/frz/index.htm>.

В. П. Коровушкин (Череповец, Россия)

ПРОБЛЕМЫ СУБСТАНДАРТНОГО ПЕРЕВОДА В БИЛИНГВАЛЬНОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ СПРАВОЧНИКЕ: ПРОЕКТ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО И АНГЛО-РУССКОГО СЛОВАРЯ ВОЕННОГО СОЦИОЛЕКТА

The article reveals the main problems of translational sociolexicography and offers the solution of some of these pre-outlined problematic positions on the example of the bilingual lexicographic project of a biscopeal English-Russian and Russian-English dictionary of military sociolects.

Keywords: substandard, military sublanguage, military sociolect, sociolexicography.

Цель статьи – обозначить основную теоретическую проблематику переводной социолексикографии и предложить решение некоторых из проблемных позиций на примере билингвального лексикографического проекта – бископального русско-английского и англо-русского словаря военного социолекта. Материалом послужили: два переводных (билингвальных / двуязычных) словаря, включая 1 моноскопальный и 1 бископальный словари англоязычного военного жаргона, и 2 монолингвальных словаря русского военного жаргона [4; 8; 11; 27; об основных терминах и понятиях двуязычной стандартной лексикографии см.: 2. С. 7–24].

В теоретическом плане целесообразно решить следующие вопросы: определить понятие социолексикографии, очертить ее основную проблематику, кратко уточнить и терминологически дифференцировать следующие рабочие понятия: языковой субстандарт, лексический субстандарт,

военный субязык, лексическая система военного субязыка, военный термин, инвектива, военный социолект, лексическая система военного социолекта, военное арго, военный жаргон, военные низкие коллоквиализмы, военные вульгаризмы, социолексикография [подробнее о них см.: 5; 6; 7; 12; 15; 16; 17; 18; 19; 22; 23; 24; 26; 29]. Это составляет понятийно-терминологическое обеспечение прикладного аспекта исследования – проекта обозначенного выше словаря. Рассмотрим это ниже в указанном порядке.

Термин ‘социолексикография’ (‘социальная лексикография’) охватывает «субстандартную» лексикографию для англоязычных и, шире, иноязычных субстанций и «просторечную» лексикографию для русскоязычных субстанций. В содержательно-дефиниционном плане термин ‘социолексикография’ обозначает три лингвистических сущности: 1) науку, изучающую теорию лексикографического описания нестандартной

(субстандартной, просторечной), лексики и фразеологии национальных языков; 2) практику составления субстандартных (просторечных) словарей; 3) совокупность субстандартных (просторечных) словарей данного языка, в которых регистрируется вся стилистически сниженная лексика и фразеология, обладающие, в своей определенной части, социальной (в самом широком смысле этого термина) маркированностью, в отличие от лексики и фразеологии литературного языка, которые изучаются стандартной (литературной) лексикографией и фиксируются стандартными толковыми словарями. *Целевая установка социолексикографии* как науки – это исследование истории просторечной лексикографии в ее теоретическом и прикладном аспектах, разработка типологии субстандартных словарей, формирование теоретических основ, принципов и методов сбора и отбора лексического материала, социолексикографического инструментария для словарного описания нестандартной лексики и фразеологии. *Объектная область социолексикографии* представлена двумя комплексными сущностями: 1) всеми видами языкового субстандарта; 2) всеми типами словарей, регистрирующих все виды языкового субстандарта. *Предметом исследования социолексикографии* выступают (по названным объектам): 1) все возможные характеристики единиц языкового субстандарта, которые могут быть выявлены донорскими дисциплинами, составляющими междисциплинарную матрицу социолексикографии, и описаны ее специфическими средствами и инструментами, и отражены в корпусе субстандартного словаря; 2) все свойства субстандартных словарей; 3) совокупность всех словарей, регистрирующих языковой субстандарт. Узким специфическим предметом социолексикографии является собственно лексический субстандарт / лексическое просторечие во всех их компонентах в конкретных языках [10. С. 147–148; 15. С. 56, 59; 23. С. 48–52; 29. С. 67–71].

Основная проблематика социолексикографии и производной от нее *переводной социолексикографии* заключается в следующих позициях: (1) типологизация субстандартных одноязычных и переводных словарей в зависимости от специфики регистрируемого в них материала, способов его организации в словник и приемов его социолексикографической обработки; (2) определение источников словарного материала; разработка (3) принципов и (4) методики сбора и отбора материала, (5) организации и содержания мега-, макро- и микроструктуры словаря, (6) композиции словарной статьи, (7) наиболее презента-

бельных способов ее графического оформления, (8) перечня грамматических, стилистических, и социолингвистических параметров регистрируемых единиц, обязательных для отражения в словарной статье, (9) социолексикографического инструментария для их описания, включая (10) типологизацию словарных помет, уточнение (12) перечня помет каждого типа, (13) их содержания, (14) их места, (15) порядка следования и (16) способов представления в структуре словарной статьи; разработка наиболее соответствующих субстандарту (17) способов подачи фразеологизмов в словнике, (18) типологии (переводных) дефиниций, (19) содержания историко-этимологической и/или дериватологической справки; установление (20) предназначения, содержания, объема (количества) и места иллюстративных примеров; (21) систематизация отсылок и ссылок; (22) установление разумных пределов использования сокращений и символов в тексте словарной статьи; (23) определение перечня, формы и содержания того инструментария, который необходимо сохранять на входном языке и который следует передавать на выходном языке в переводном субстандартном словаре, (25) разработка интертекстуальной методологии составления молилингвальных и переводных словарей лексического субстандарта [14. С. 49–50; 15. С. 58–59; 17. С. 645–646; 20. С. 636–637; 26].

Языковой субстандарт / языковое просторечие (как полные терминологические синонимы: *субстандарт* для английского, *просторечие* – для русского языков) – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная автономная экзистенциальная макроформа в мега-СКС (социально-коммуникативной системе) национального языка или национального варианта полинационального языка, состоящая из системно организованных частных экзистенциальных, полужэкзистенциальных и неэкзистенциальных языковых форм и их элементов, отвечающих социолингвистической норме субстандарта и создающих языковую ситуацию диглоссии различной степени и качества в соответствующих сферах социально-речевого общения в зависимости от социолингвистических параметров коммуникативного акта [18. С. 40–41; о понятиях СКС, диглоссия, билингвизм, социолингвистическая норма, форма существования языка, национальный язык, литературный язык, национальный вариант языка см.: 18. С. 72, 81, 87–88; 22. С. 20, 27, 32, 34; 24. С. 88, 131, 135, 136, 143; 149–150, 180–181; 25. С. 98–99].

Как *родовое* понятие *языковой субстандарт* охватывает четыре *видовых* понятия: 1) внелите-

ратурный субстандарт (просторечие), 2) территориальный субстандарт (просторечие), 3) этнический субстандарт (этническое просторечие) и 4) лексический субстандарт (лексическое просторечие) [о понятиях 1, 2 и 3 см.: 22. С. 45–46].

Лексический субстандарт (для русского языка – *просторечие*) – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная полностью автономная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта, охватывающая частные экзистенциальные и неэкзистенциальные системно организованные языковые формы – сложные социально-стилистические иерархически структурированные категории лексики и фразеологии, отличающиеся от литературного стандарта этико-стилистической сниженностью и инвективностью различного характера и различающиеся между собой своеобразной социальной профессионально-корпоративной и эзотерической детерминированностью (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными этнизированными, локализованными и социально-демографическими факторами), представленные различными субстандартными лексическими пластами – низкими коллоквиализмами, общими сленгизмами и вульгаризмами, составляющими общенародный лексический субстандарт (просторечие), и социально-профессиональными и социально-корпоративными жаргонами и социально-эзотерическими арго, составляющими специальный лексический субстандарт (просторечие), совместно формирующие отвечающий социолингвистическим языкового субстандарт речевой репертуар своих носителей, в соответствии с социолингвистическими параметрами ситуации социально-речевого общения, создавая при этом языковую ситуацию лексической диглоссии различного типа и степени [подробнее об этом см.: 19. С. 44–45; 22. С. 48].

Военный субъязык (подъязык) – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода, системно организованная автономная экзистенциальная форма национального языка, обладающая своеобразным соотношением взаимодействующих социолингвистических норм стандарта и субстандarta, представляющая собой совокупность некоторых фонетических, грамматических и, преимущественно, лексических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение военного социума, характеризующегося единством военно-профессиональной и военно-корпоративной деятельности военнос-

лужащих и системой общих и специальных военных понятий [19. С. 128–129; 22. С. 78–79].

Лексическо-фразеологическая система военного профессионально-корпоративного субъязыка формируется из двух комплексных по своей иерархической структуре лексических ярусов, противопоставленных друг другу по их отношению к социолингвистической норме стандарта и субстандarta: 1) *стандартной военной терминосистемы* и 2) *субстандартной лексико-фразеологической системы военного социолекта*. Ее *ядро* объединяет понятийно и функционально связанные нормативную (отвечающую нормам стандарта) и ненормативную (отвечающую нормам субстандarta) части. Первая представлена соответствующей лексической подсистемой литературного языка, включая, для военного субъязыка, военно-профессиональную терминосистему, а вторая – социальными профессионально-корпоративными подсистемами – военными арго, жаргонами, сленгом, коллоквиализмами и вульгаризмами, которые могут быть незначительно этнизированными, локализованными и даже этнолокализованными. В *зоне, пограничной между ядром и периферией* лексической системы военного субъязыка, находятся общенародные *литературные* и *низкие коллоквиализмы*, которые могут также проявлять социально-профессиональный, социально-корпоративный, этнизированный и локализованный характер. *На периферии* лексической системы военного субъязыка находятся общенародные стандартные и субстандартные лексемы. По мере удаления от лексического ядра степень их понятийно-функциональной специализации и профессионализации уменьшается, а степень этико-стилистической сниженности субстандартных лексем может увеличиваться или ослабляться. На самых крайних границах периферии могут присутствовать отдельные элементы как «высоких» лексических пластов национального языка, включая поэтизмы, историзмы и архаизмы, так и «сниженных» пластов – низкие коллоквиализмы, общие сленгизмы, вульгаризмы, арготизмы (кэнтизмы), условные профессионализмы, а также элементы различных смежных профессионально-корпоративных социолектов, социализированных региональных и территориальных диалектов, локалектов, этнолектов, этнолокалектов и говоров, криптографических и «тайных» социоэзотерических систем. Эти периферийные элементы обычно не имеют профессионально-понятийной привязанности и могут включаться в военный субъязык только на основе их функциональной соотнесенности с военным социумом в качестве

элементов речевого репертуара его представителей [22. С. 80–81].

Военный термин – это стандартная лексическая или синтаксическая номинативная единица с нейтральной коннотацией, обозначающая общевойсковое или военно-специальное научно-техническое понятие и функционально закреплённая за профессионально-корпоративной областью военного дела конкретного общества и соответствующей военной сферой функционирования национального языка в военном социуме [19. С. 132]. Военные термины регистрируются в литературных военных толковых и энциклопедических словарях без социально-стилистических и социально-стратификационных помет. Ср.: 1) в *английском военном субъязыке*: MORTAR. ‘A high elevation ordnance throwing a comparatively light projectile’ [28]; 2) в *русском военном субъязыке*: МИНОМЁТ, *арт.* ‘орудие с опорной плитой, предназначенное для навесной стрельбы минами’ [3].

Военная терминосистема – это вся совокупность военных терминов, имеющих в лексической системе литературного языка, как основной автономной экзистенциальной формы национального языка. Терминосистема функционирует как один из лексических компонентов названной экзистенциальной формы языка и может быть сопоставлена на данном уровне только с соответствующим субстандартным компонентом лексической системы военного социолекта, составляющего нелитературную часть данного военного субъязыка. Здесь различается общая и специальная военная терминология [19. С. 133].

Общая военная терминология – это совокупность военных терминов, понятийно и функционально закреплённых за профессионально-корпоративной областью военного дела, общей для всей сферы вооружённых сил и всех категорий личного состава и соответствующего военного социума [22. С. 83]. Ср., например: 1) в *английском военном субъязыке*: ARMoured PERSONNEL CARRIER. ‘An armoured vehicle with cross country capability for transport of troops within the battle area’ [28]; 2) в *русском военном подъязыке*: БРОНЕТРАНСПОРТЁР ‘боевая бронир. колёсная или гусенич. машина высокой проходимости, предназнач. для транспортировки л/с мотострелк. войск (мотопехоты) и их огн. поддержки в бою’ [3].

Специальная военная терминология – это известная совокупность военных терминов, понятийно и функционально закреплённых за определенной профессионально-корпоративной областью военного дела, специфичной для одного или, реже, нескольких тесно связанных

узкопрофессиональных компонентов в сфере вооружённых сил и для соответствующей военно-профессиональной категории личного состава в сфере военного социума [19. С. 133]. Ср.: 1) в *английском военном субъязыке*: ‘BEAM-RIDER’ ‘A missile guided by radar or radio beam’ [28]; 2) в *русском военном подъязыке*: ГОЛОВКА САМОНАВЕДЕНИЯ (гсн) – ‘автоматич. измерит. устройство, устанавливаемое на самонаводящихся ракетах для выделения цели на окружающем фоне и измерения параметров относ. движения ракеты и цели, используемых для формирования команд управления ракетой’ [1].

Военная терминология может *деградировать* и переходить в слой военных литературных и низких коллоквиализмов или даже жаргонизмов, приобретая этико-стилистическую сниженность с возможной инвективной направленностью, формируя переходную пограничную зону в пределах лексико-фразеологической системы военного субъязыка между стандартной военной терминосистемой и субстандартной лексической системой военного социолекта. Ср., например: 1) в *английском военном субъязыке*: REST CAMP ‘A cemetery: military: 1917: Ex military j.’ [30]; SCOOP *n.* ‘Important news. Standard by c 1925. 2 Recent, official information. Armed Forces use c 1940’ [31]; 2) в *русском военном субъязыке* (здесь первое значение – стандартный общевойсковой термин, а второе – военный жаргонизм): БЭТЭ-ЭР, ‘-а, м. 1. разг. БТР. 2. *груб.-шутл.* Лобковая вошь. 3. *фам.-насм.* Крупная женщина. Все знач.: СВ: 1979+: Афган. в.’ [11; 27].

Инвектива – это любое вербальное проявление агрессивности или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, усилительности, эмотивности и эзотеричности по направлению к участнику коммуникативного акта, включая самого себя (при физическом присутствии или отсутствии других), к ситуации, теме, предмету и процессу социально-речевого общения, вербальное проявление, осуществляемое посредством как литературной, так и просторечной лексики и фразеологии, а в узком смысле – как нарушение этнокультурного социально-этического табу употреблением только субстандартных лексических единиц различной степени этико-стилистической сниженности. Инвективное содержание может закрепляться в коннотации субстандартных слов и фразеологизмов и, следовательно, регистрироваться в субстандартных словарях, включаясь в дефиниции и отражаясь в функционально-стилистических, этико-стилистических пометах и социально-стилистических пометах [16; 19. С. 362–363; 22. С. 146–148].

Военный социолект (как субстандартный компонент военного субъязыка) – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода, системно организованная полуавтономная и полуэкзистенциальная форма национального языка, характеризующаяся своим соотношением варьирующих социолингвистических норм языкового субстандарта, функционально и понятийно обслуживающая военный социум и обладающая специфической просторечной лексико-фразеологической системой, общими с литературным стандартом фонетической и грамматической системами, отдельными внелитературными фоно-грамматическими отклонениями, характерными для речевого репертуара различных этнических, национальных, демографических, профессионально-корпоративных и локально-территориальных групп и категорий населения, составляющих военный социум конкретной страны [19. С. 129; 22. С. 79].

Лексико-фразеологическая система военного социолекта, представляя собой ненормативную часть комплексной лексической системы военного подъязыка, – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, иерархически структурированная микросистема лексического субстандарта, составляющая определенную часть речевого репертуара военного социума, языковые элементы которого – слова и фразеологизмы – характеризуются сниженной коннотацией и инвективностью, преобладающей коммуникативно-эмотивной и относительной эзотерической функцией и понятийно-функциональной закрепленностью за профессионально-корпоративной областью военного дела конкретного общества и соответствующей военной сферой функционирования национального языка [22. С. 84].

Лексико-фразеологическая система военного социолекта включает в себя четыре основных компонента: 1) военное аргю, 2) военный жаргон, 3) военные коллоквиализмы и 4) военные вульгаризмы, а также 5) отдельные элементы смежных профессиональных и корпоративных жаргонов, например, морского и речного жаргона, жаргона гражданской авиации, жаргонов спецслужб (полиции, ФБР, ЦРУ, Ми-6 (для английского языка), МВД, КГБ-ФСБ (для русского языка), других военизированных легальных и нелегальных структур и формирований, а также железнодорожников, автомобилистов, электриков, компьютерщиков, молодежного и т. п. Военные социолектизмы каждого из субстандартных компонентов военного субъязыка характеризуются своеобразным качеством инвективности, определяемой, в частности, соот-

ветствующими существенными чертами этих компонентов [19. С. 134].

Военное аргю – это лексическая микросистема военного социолекта, состоящая из немногочисленных наиболее эзотерических элементов, характеризующихся корпоративно-профессиональной маркированностью и резкостью социально-этической оценки, выполняющих основную функцию кода или пароля и подчиненную ей коммуникативно-номинативную функцию в военном социуме и противопоставленных в понятийно-функциональном плане своей профессиональной частью узкоспециальной военной терминологии [22. С. 84]. Военные аргютизмы могут *сублимировать* в социально-стилистическом и социально-стратификационном плане и переходить в военный жаргон, ослабляя свою эзотеричность. Ср.: 1) в *английском военном социолекте*: CHATT ‘A louse: late C. 17–20. Orig. c., from ca. 1830 s., but very gen. Only in G.W.’ [30]; ZAP ‘v.t. To shoot someone. *Underworld and Armed Forces use*. 2 To defeat decisively in a military operation’ [31]; 2) в *русском военном социолекте*: ВАМПИР -а, м. ‘уваж. усил. РПГ-27. СВ: 2000+; Чечня (по огневой мощи)’; ГИТАРА -ы, ж. ‘Подвеска танка. Танк. и мотострелк.: 1970–80-е+’ [11; 27].

Военные жаргонизмы – это слова и фразеологизмы, обозначающие военные профессионально-корпоративные понятия, имеющие сниженную этико-стилистическую коннотацию переходного качества (от шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой до пейоративной и вульгарной-табу), обладающие социально-профессиональной маркированностью в военном социуме, основной коммуникативно-номинативной и подчиненной ей эмотивно-эзотерической функцией, детерминированной ареальными (для полинациональных языков), темпорально-историческими, структурно-организационными, дислокационными и другими социолингвистическими факторами, и противопоставленные в понятийно-функциональном плане своей профессиональной частью общевойсковой терминологии. *Военный жаргон* – это лексическая микросистема военного социолекта, охватывающая все множество военных жаргонизмов [19. С. 135]. Ср.: 1) в *английском военном социолекте*: FOOT-WABBLER ‘An infantryman: 1785: *military*’; BLOATER ‘A torpedo: *Naval*: since ca. 1915 [30]; BLOWTORCH n. ‘A jet fighter plane. *Air Force use since c 1950*’ [31]; 2) в *русском военном социолекте*: АМБАР -а, м. ‘устар. Летящая лодка МБР-2 Г. М. Бериева. *ВМФ (особ. подв. флот)*: -ВОВ (Аббр. МБР как акроним + омоним. ассоц.)’; ВАСИЛЁК -лька, м. ‘Миномёт. *СВ: пех.: солд.: 1979+; Афган. в.*’ [11; 27].

Военные жаргонизмы могут *сублимировать* в социально-стилистическом плане и переходить в низкие и литературные коллоквиализмы и в уставную терминологию, меняя качество своей этико-стилистической сниженности и теряя возможную инвективность. Ср., например: 1) в *английском военном социолекте*: MOB 'In *G.W.*, a military unit, esp. a battalion or a battery. *S. rapidly coll.*' [30]; PIE DOWN 'To stop talking. Orig. *USN use*; wide *USN sl.*, during W.W.I. By c 1925 *Army use*; *colloq.* since c 1930' [31]; BLIMP 'A small non-rigid dirigible airship: 1915: *military s. rapidly coll.*, then *j.*'; LEAP-FROG v. 'To advance in successive waves: since 1941: *Army coll.*, by 1945, *S.E.*' [30]; 2) в *русском военном социолекте*: АВРАЛ -а, м. 'разг. 1. Созыв всех матросов на верхнюю палубу по тревоге или для выполнения важных работ. Мор. (особ. ВМФ): 1795 по наст. вр. 2. почти в.-устав. Общая спешная (по тревоге) работа на судне всей командой. Мор.: сер. 19 в. по наст. вр.' [11; 27].

Военные низкие коллоквиализмы характеризуются определенной ослаблением сниженной коннотации и утратой инвективности и, наряду с военными литературными коллоквиализмами, формируют переходную пограничную область между стандартной военной терминосистемой и субстандартной лексической микросистемой военного социолекта в рамках лексической макросистемы военного субъязыка. Ср.: 1) в *английском военном социолекте*: DET 'A detonator: *Combatant Services' coll.*: since ca. 1910' [30]; SARGE n. 'an Army sergeant. 1867. *Colloq.*' [31]; 2) в *русском военном социолекте*: БУРЖУЙКА, -и, ж. разг. 'Печь из железной бочки. ВС: гражд. в. ВОВ Афган. в. Чечня: разг. совр.' [11; 27].

Военные вульгаризмы представлены теми элементами лексической системы военного социолекта (интенсификаторы, богохульства, гробиянизмы, вульгаризмы-табу), которые выполняют основную эмотивную функцию дисфемизации речи и в содержании и структуре которых закреплена вульгарная коннотация с ярко выраженной инвективной направленностью, своеобразная для языкового и речевого репертуаров представителей военного социума [22. С. 52–53]. Ср.: 1) в *английском военном социолекте*: CUNT CAP [taboo] 'The standard army enlisted-men's cloth cap. *Army use*'; SHIT ON A SHINGLE [taboo] 'Creamed chipped beef on toast. Wide W.W.II *Army use*' [31]; 2) в *русском военном социолекте*: ЕБАТЬ МАШКУ, вульг. 'Драить пол «машкой». ПВО: солд.: Север'; ЗАСРАНЕЦ, -нца, м. вульг. 'Инфекционный больной. Военгоспит.: 1979+; Афган. в.' [11; 27].

Элементы смежных социолектов в английском и русском военных подъязыках представлены социолектизмами из жаргонов, смежных с военным жаргоном. Это профессиональные и корпоративные жаргоны, понятийные системы которых своими определенными частями совпадают или очень близки с соответствующими системами военного жаргона, что и отражается в жаргонизмах, общих для этих лексических систем и социумов. Ср.: 1) в *английском военном социолекте*: GOAT 'A Maltese: *nautical* (esp. *naval*): late C. 19–20' [30]; BUG n. 'A small, two-man vehicle designed for exploration of the lunar surface. *Aerospace use*' [31]; 2) в *русском военном социолекте*: МАМА-ПАПА -у, -у, шутол. 'Разъемный патрон. Электрики ВВС: эл. механики: ВОВ ОС: совр.' [11; 27].

Основные принципы, на которых базируется предлагаемый проект бископального переводного словаря в его обеих (1) русско-английской и (2) англо-русской частях: 1) социолексикография должна быть регистрирующей, а не предписывающей; 2) регистрации подлежат все узуальные субстандартные языковые единицы (слова, фразеологизмы и поговорки) и в тех фоно-грамматических формах, в которых они засвидетельствованы в устной или письменной речи; 3) следует фиксировать детально описывать (А) все существенные черты, которые отличают субстандартные единицы от литературных, и (Б) те специфические просторечные признаки, которые дифференцируют различные субстандартные лексиконы между собой; 4) степень адекватности информации о субстандартной вокабуле в переводе будет определяться степенью «переводимости» специфических военных реалий из русскоязычной социокультурной системы в англоязычные и наоборот.

ПРОЕКТ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО СЛОВАРЯ ВОЕННОГО СЛЕНГА

Типовая словарная статья включает в себя 8 основных компонентов: 1) вокабула, 2) флексия, 3) их транслитерация, 4) грамматические и 5) стилистические характеристики, 6) дефиниция, 7) социолингвистические характеристики, 8) дериватологическая справка, 9) паспортизированный иллюстративный пример. Вокабула дается на русском языке, все остальное – на английском. Компоненты 1, 3, 5, 6, 7 – обязательные, 4, 8, 9 – факультативные. Пометы даются в сокращениях и символах, принятых в русской и английской социолексикографии. Ср. пример, где есть все компоненты, для наглядности разделенные фигурными скобками с цифрами, указывающим на номер компонента: {1} АЗИК, {2}-а, {3}[ázik, -a,] {4}m. {5}hist. {6}A barrage balloon. {7}AD: GPW:

М. {8}[Abbr. АЗ < аэростат заграждения + suf –ик]. {9}«Мы называли их ласково “азиками” – от начальных букв этого вида вооружения противо-воздушной обороны – аэростаты заграждения».

Типы дефиниций, используемых для раскрытия значения жаргонной лексемы: 1) английский военно-уставной термин, 2) развернутое толкование, 3) филолого-энциклопедическое определение. В некоторых случаях дается комбинированная дефиниция, приводятся английские и русские жаргонные синонимы и ссылки на другие словарные статьи. Проследим это на примерах.

1. Дефиниция – английский военный термин: АГЭЭСНИК -а [ageésnik -a], *m. hist.* ‘A grenade-launcher operator. Army; Abn For: 1979+: Afghan W.’ [Агээс = abbr. АГС < автоматический гранатомет станковый – mounted automatic grenade launcher + suf –ик].

2. Дефиниция – развернутое лингвистическое толкование: АКАДЕМИЯ АЛКСНИСА [akadémiya álksnisa], *joc. hist.* ‘The short-term courses for testing the flying technique of the pilots who have violated the flight regulations (on the Central Airdrome at the Zhukovskiy AF Acad.). AF: 1931+. [As Y.I. Alksnis, the RA AF Chief in 1931-37, was very strict]’.

3. Дефиниция – филолого-энциклопедическое определение: СОРОКА -и [soróka, -i], *f. hist. almost stand. mil. term.* ‘A multi-barrel arty piece, consisting of several same-type pistol, shot-gun or arquebus barrels mounted in several rows on a drum gun-carriage, or in one row on a flat-plane carriage: several dozens of barrels were mounted lengthwise by 4–5 pieces on each plane of a revolving drum, all the same-plane barrels volleying; the fuses were connected by one groove in each row; the flint-lock pieces were equipped with an outer mechanism that, by revolving the drum, simultaneously triggered all the same-row barrels by touching the peg fastly fixed on the carriage. Army: Arty & Inf: mid. C. 16–1878. [By the sound of shots]’.

4. Комбинированные дефиниции:

1) английский военный термин + развернутое толкование (в скобках): СОТКА -и [sótka, -i], *m. hist.* ‘The “I.V.-100” acft (a high-alt. ftr - Z-version of “Pe-2”). V. M. Petlyakov’s Acft Const. Office & AF: 1941+’;

2) английский военный термин + филолого-энциклопедическое определение (в скобках): ГАНСИК -а [gánsik, -a], *m. joc. hist.* ‘A ger. 6-barrel rkt mortar (a rkt lchr for volleying turbo-rkt ptojs – HE, incd, smoke: smooth-bore, cal. 158.5–320 mm, mounted on a wheeled or tracked carriage; proj mass 34–127 kg; range of fire 2.2–7.8 km). Army; AD: -GPW: Stalingrad. [Hybrid of Ger. Hans, v.s. “ганс”, + suf –ик]’;

3) английский военный термин + английские и русские жаргонные синонимы (в кавычках): СУКА -и [súka, -i], *f. derog.* ‘A guard-room warder; “yard-bull”, “зубарь” (q.v.). Army: const bn: 1970–80ies: Siberia’;

4) развернутое толкование и филолого-энциклопедическое определение (в скобках): ТОПМАЧТОВИК -а [topmáchtovik, -a], *m. hist.* ‘A bmr used for top-mast bombing of surface ships (at the max speed the flyer lowers down his acft to the hight of a ship’s masts, about 15–35 m, and drops bombs during the horizontal fht at a distance of 150–300 m from the tgt; striking the water surface, the bombs ricochet up to the hight of 3–5 m along the acft direction and hit the ship’s hull). AF & NavAF: GPW’;

5) развернутое толкование + английские и русские жаргонные синонимы (в кавычках): УБЛЮДОК -дка [ublyúdok, -dka], *f. pej.* ‘A pvt soldier in the lowest category of the unofficial army hierarchy; “goon”, “grubber”, “дух”, “чмырь” (q.v.). Army: sols’s: 1980ies+: (esp) ZabMD’.

5. Дефиниция – ссылка на другую словарную статью: ГОРБАТЫЙ -ого [gorbátij, -ogo], *subst. a. m.* See “снарка”. AF: AF Acad: cadets’: 1970s+’.

Дериватологическая справка приводится (в квадратных скобках) для жаргонизмов, способ образования или происхождение которых не ясны из их структуры и значения. Это касается, в основном, сокращений, номенклатур, деструктивов, заимствований, калек, гибридов, пиджинизмов и аллюзий. Ср.:

• АВРУШКА -и [avrúshka, -i], *m. hist.* ‘The “Avro-504K”, later U-1, acft. AF: (esp.) cadets’ & Research-Trial Inst.’s; Navy: 1927 -GPW. [Апоскопе авр- + suf -ушк/а]’.

• АИСТ -а [aist, -a], *m. hist.* ‘Ger. light single piston-engined multipurpose Fi 156 “Storch” acft (Fisiler Co.). AF: GPW. (Calque from Ger. Storch “a stork”)’.

• АСЕЙ -я [asey, -ya], *m. obs.* ‘An Englishman. Navy: seamen’s: mid.-C.19+ Army: sols’:1919+: esp. during the Anglo-Am. Intervention: Russ. N. [*< Eng. I say – excl. used to draw attention*]’.

• ИВАН ДОЛБАЙ [Iván Dolbáy], *respect. hist.* ‘A reactive multi-barrel breech-loaded towed mortar, cal. over 120 mm. Arty: sols’: Len. Front. [Personif.]’.

Каждая лексема многозначной вокабулы (нумеруемая арабскими цифрами) описывается по всем компонентам словарной статьи с указанием направления своего развития и изменения сферы своего функционирования: КОЛБАСА -ы [kolbasá, -i] ‘1. *hist.* An observation dirigible. Army: sols’: 1904+: Port-Arthur. 2. *obs.* A kite balloon. Av. & AF: WWI: (esp.) France. 3. An observation bal-

loon. Army: 1939+: Khalkhin-Gol Armed Forces: GPW. 4. A towed aerial sleeve tgt. AF: 1940 GPW+. 5. A Ger. hand-grenade. Army: Inf: sols': 1941+: Stalingrad. 6. (<4) A diving aerial tgt for practice shooting from AAAS, AAMS. BSF: Shipborne Arty: offs': 1950+. 7. (<4) A sleeve wind direction indicator. AF: 1970ies+AbnFor (esp. airdrome svc): mod. [All senses by the form]'.
Типы словарных помет. Словарная статья содержит четыре основных типа помет, приводимых после вокабулы и ее транслитерации согласно порядку следования компонентов статьи: 1) грамматические, 2) стилистические, 3) социолингвистические и 4) дериватологические. Все пометы даются в сокращенных или знаковых формах, представленных в списке принятых сокращений и условных знаков (не приводимом здесь). Кроме них, в тексте статей могут встречаться сокращения отдельных слов (понятные из контекста), а также сокращенные варианты английских военных номенклатур. *Грамматические пометы* указывают на частеречные и коммуникативные характеристики вокабул. *Стилистические пометы* представлены этико-стилистическими и функционально-стилистическими, которые приводятся в названном порядке. К *этико-стилистическим* относятся указатели экспрессивности, эмоциональности и оценочности коннотации жаргонизма. К *функционально-стилистическим* – указатели принадлежности лексемы одному из функциональных стилей или на историческую перспективу ее функционирования. *Социолингвистические пометы* организованы в четыре основные группы применительно к военизированным сферам общественной жизни: профессиональные, корпоративные, темпорально-исторические и локально-территориальные. *Военно-профессиональные пометы* указывают на сферу функционирования жаргонизма в пределах ВС: виды, рода, службы, воинские части, учреждения. *Военно-корпоративные пометы* указывают на носителей военного жаргона в терминах категорий личного состава: генералы и адмиралы, офицеры, прапорщики, унтер-офицеры, старшины и сержанты, солдаты и матросы, вольнонаемные и служащие, специалисты, пажи, кадеты, юнкера, курсанты и воспитанники. *Темпоральные пометы* представлены указателями времени входа и выхода или периода функционирования жаргонизма в обиходе: столетия (века) или их периоды (начало, середина, конец), конкретные десятилетия, годы и (в отдельных случаях) даты (месяцы и дни). *Военно-исторические пометы* указывают на конкретную войну или военный конфликт, во время которых появился

или функционировал жаргонизм. *Военно-территориальные / локальные пометы* указывают на место распространения жаргонизма в терминах стран, регионов, областей, городов, фронтов, театров военных действий, баз, военных округов, морей, рек, островов. Объясним это на примере: ПАВЛИК -а [Pávlik, -a] *pers. m. dim. hist.* 'The nickname of Antonina Pavlova, an el. mech. AF: 46th Guards Taman Air Rgt: 1st Sqdn: Jan. 1942+. (Shortened surname + homonymy with the dim. pet name of pers. Павел)'. Объяснение: *pers. m.* – грамматические пометы: *имя собственное, мужского рода; dim.* – этико-стилистическая помета: *ласкательное; hist.* – функционально-стилистическая помета: *историзм; AF: 46th Guards Taman Air Rgt: 1st Sqdn* – военно-профессиональные пометы: *BBC, 46-й гвардейский Таманский авиаполк, 1-я эскадрилья; Jan. 1942* – темпоральная помета: *месяц и год* появления данного жаргонизма; {+} – условный знак после даты, обозначающий, что этот жаргонизм функционировал в обиходе данного подразделения *еще некоторое время после января 1942 г.*, при этом дата косвенно указывает на Великую Отечественную войну. В скобках дана дериватологическая справка, понятная без дополнительного объяснения.

Выход лексемы из сферы военного жаргона или ее *параллельное бытование в смежных жаргонах* отмечено в *социально-стратификационных пометах*. Например: ТРАВЛЯ -и [trávlya, -i], *f.* 'Idle talk; chatter; "bating the breeze", "mpën". Navy & naut.: 1930s GS: up to now'. Объяснение: Navy & naut. – (жаргонизм) *ВМФ и морской* (т. е. *гражданского флота*); *GS* – *перешел в общий сленг; naut., GS* – социально-стратификационные пометы.

Примечание: BSF = Baltic Sea Fleet, GPW = Great Patriotic War.

ПРОЕКТ АНГЛО-РУССКОГО СЛОВАРЯ ВОЕННОГО СЛЕНГА

Предлагаемый проект представлен здесь одной словарной статьей. Она включает 7 компонентов: 1) вокабулу, 2) транскрипцию, 3) грамматические и 4) этико-стилистические пометы, 5) дефиницию, 6) социолингвистические пометы, 7) историко-этимологическую и/или дериватологическую справку, 8) указание источника. Вокабула дается на английском языке, все остальное – на русском. Компоненты 1, 2, 3, 5 и 6 – обязательные, 4 и 7 – факультативные. Ниже дан пример, где имеются все компоненты.

JUDY. *n.* '1. *сниж.* Женщина-полицейский: Бр: ВМС: матрос.: ок. 1930–45+. (Granville, 1945). 2. *унич.* Палестинский еврей; ср. «жид». Бр: СВ: 1914–18 – 1939–45. [30. С. 1229]. 3. *шутл.* Де-

или функционировал жаргонизм.

вухка или женщина. США: ВС: (огранич.) I MB – II MB. 4. *эзотерич.* «Ваш самолет виден, я вижу Вас». 5. «Ваш самолет сейчас появился на экране моего радара или захвачен и сопровождается на экране моей радиолокационной станции»; «Я обнаружил (засек) или вижу вас с помощью РЛС». Знач. 5, 6: США: ВВС: аэродром. сл. и диспетчеры: II MB по наст вр. 6. «Точно»; «Я понимаю или согласен». США: ВВС и ГФ: после II MB (огранич.) [31. С. 297–298]. [Знач. 1 и 3: *уменьш. ж. собств.* < Judith Юдифь < лат. < др.-гр. Ioudith < др.-евр. Yēhūdhīth букв. «женщина из Иудеи»; знач. 2: < м. собств. Judah Иуда < др.-евр. Yēhūdāh букв. тот, кого хвалят]».

Итак, разработанные теоретические основы и инструментарий позволяют решить многие из обозначенных выше проблем переводной социолексикографии и вполне адекватно раскрыть все существенные черты как русских, так и английских военных социолектизмов в бископальном двуязычном русско-английском и англо-русском словаре военного социолекта.

Список литературы

1. Авиация : энциклопедия. М. : БРЭ, 1994. 736 с.
2. Берков, В. П. Двуязычная лексикография. СПб. : Астрель : АКТ : Транзиткнига, 2004. 236 с.
3. Военный энциклопедический словарь / под ред. Н. В. Огаркова. М. : Воениздат, 1983. 863 с.
4. Коровушкин, В. П. Краткий учебный англо-русский и русско-английский словарь-минимум американского военного жаргона. Череповец : ЧВВИУРЭ, 1980. 66 с.
5. Коровушкин, В. П. Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Ч. I. Теоретические основы и проблематика социолектологического описания. Череповец : ЧВВИУРЭ, 1989. 104 с.
6. Коровушкин, В. П. Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Ч. II. Общепросторечные характеристики военных жаргонизмов (опыт социолектологического описания). Череповец : ЧВВИУРЭ, 1989. 159 с.
7. Коровушкин, В. П. Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Ч. III. Специфические характеристики военных жаргонизмов (опыт социолектологического описания). Череповец : ЧВВИУРЭ, 1989. 150 с.
8. Коровушкин, В. П. Сокращения в военном жаргоне англоязычных стран (XVII–XX вв.). Ч. II. Англо-русский словарь сокращений военного жаргона. Череповец : ЧВВИУРЭ, 1989. 244 с.
9. Коровушкин, В. П. Проблемы лексикографического описания английского и русского просторечия в двуязычных словарях // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных языков в вузе : материалы науч.-метод. конф. СПб. : ВИТУ, 1999. Ч. II. С. 238–258.
10. Коровушкин, В. П. Традиция просторечной лексикографии в России // Традиции в контексте русской культуры : сб. науч. ст. Череповец : ЧГУ, 1999. Вып. VI. С. 147–149.
11. Коровушкин, В. П. Словарь русского военного жаргона : нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 372 с.
12. Коровушкин, В. П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2003. № 4. С. 53–59.
13. Коровушкин, В. П. Современное состояние и теоретические задачи англо-русской и русско-английской просторечной лексикографии в России // Теоретическая лексикография : современные тенденции развития : материалы V Междунар. шк.-семинара. Иваново : ИвГУ, 2003. С. 35–36.
14. Коровушкин, В. П. Одноязычные словари русского лексического просторечия. Череповец : ЧГУ, 2004. 56 с.
15. Коровушкин, В. П. Субстандартная лексикография как автономная отрасль языкознания : основные понятия и словари // Социальные варианты языка-III : материалы междунар. науч. конф. (22–23 апр. 2004 г., Н. Новгород). Н. Новгород : НГЛУ, 2004. С. 56–59.
16. Коровушкин, В. П. Инвективная лексика и фразеология в английском и русском военных подъязыках : (Контрастивно-социолингвистический аспект) [Текст] // «Злая лая матерная...» : сб. ст. / под ред. В. И. Жельвиса. М. : Ладомир, 2005. С. 376–420.
17. Коровушкин, В. П. Лексикографическое описание русского военного социолекта // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М. : Элпис, 2005. С. 638–646.
18. Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии : монография : в 2 ч. Череповец : ЧГУ, 2005. Ч. I. 245 с.
19. Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии : монография : в 2 ч. Череповец : ЧГУ, 2005. Ч. II. 284 с.
20. Коровушкин, В. П. Основные современные англо-русские и русско-английские словари лек-

сического просторечия // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М. : Элпис, 2006. С. 625–638.

21. Коровушкин, В. П. Четыре словаря американского военного сленга // Лексикология и лексикография (Романо-германский цикл) : материалы XXXV Межвуз. филол. конф. (13–18 марта 2006 г.) : в 3 ч. Вып. 2. Ч. 1. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2006. С. 46–54.

22. Коровушкин, В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социологического анализа) : монография. Череповец : ЧГУ, 2008. 167 с.

23. Коровушкин, В. П. Основные атрибуты социолоксикографии как автономной отрасли языкознания // Новое в теории и практике лексикографии : синхронный и диахронный подходы : материалы VIII междунар. шк.-семинара. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. С. 48–52.

24. Коровушкин, В. П. Теоретические основы контрастивной социолектологии [Текст] : монография. Череповец : ЧГУ, 2009. 246 с.

25. Коровушкин, В. П. Билингвизм и диглоссия как проявления социально-языковой ситуации // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2012. Т. 2, № 2 (38). С. 97–102.

26. Коровушкин, В. П. Интертекстуальное отношение «художественный дискурс – словарная статья» как методология составления монолинг-

вальных и переводных словарей лексического субстандарта (к социолоксикографии английского и русского военных субязыков и социолектов) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VI Междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–24 апр. 2012 г.) : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. С. 236–240.

27. Коровушкин, В. П. Большой толковый словарь русского военного просторечия : нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации конца XVII – начала XXI века. Череповец, 2014. 1250 с. Рукопись.

28. Hayward, P. H. C. Jane's Dictionary of Military Terms. L. : Macdonald & Jane's, 1975. 201 p.

29. Korovushkin, V. P. The basic attributes of sociolexicography as an autonomous branch of linguistics // Experimentia est optima magistra: collected articles / ed.-in-chief: A. A. Kolesnikov. Belgorod : BSNRU, 2011. P. 67–71.

30. Partridge, E. A dictionary of slang and unconventional English / ed. by Paul Beale. N. Y. : Macmillan Publishing Co., 1984. 1400 p.

31. Wentworth, H. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Ed. / H. Wentworth, S. B. Flexner. N. Y. : Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. 766 p.

Е. С. Краснопева (Челябинск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА: СООТНОШЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОНЯТИЙ

This article focuses on the concepts of linguistic personality of a translator and individual style of a literary translator, and their relationship. The author attempts to define a vague concept of translator's creative identity through comparison of the two abovementioned concepts, provides short characteristics of the two terms from the point of view of translation studies and naive linguistic explanation. Conclusions made in the article outline opportunities for a new methodology of translator's creative identity research.

Keywords: science of translation, linguistic personality of a translator, individual style of a literary translator, translator's identity.

«Понятие творческой индивидуальности переводчика <...> принадлежит к наиболее интересным, сложным и одновременно наименее разработанным проблемам (переводоведения). Точнее сказать даже – вовсе неразработанным», – рассуждает Т. М. Топер о необходимости изучения «творческой личности» переводчика [9. С. 178]. Каким же образом в литературном произведении

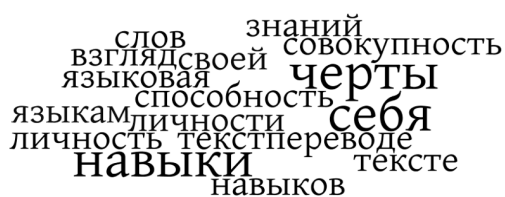
может проявляться творческая индивидуальность переводчика, как её изучать, и где находится её объективное место в методологической системе перевода, мы попытаемся раскрыть в процессе анализа двух понятий: языковой личности переводчика и индивидуального стиля переводчика.

Спор о принципиальной возможности изучения «видимости» переводчика в тексте остаётся

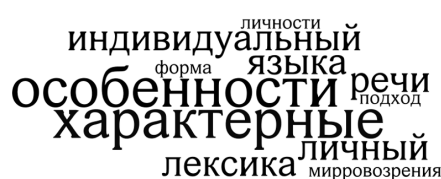
за рамками настоящей статьи. Однако для ясности последующих рассуждений необходимо обозначить некоторые положения, которых мы будем придерживаться. В течение многих лет на вопрос: «Может ли переводчик проявлять свою творческую индивидуальность в своей работе?», ответ был однозначный: «Нет». «В отечественной теории и практике перевода второй половины XX в. утвердился взгляд на переводчика как, по выражению Гоголя, на “прозрачное стекло”»: чем меньше в тексте перевода от переводчика и чем больше от оригинала, тем лучше переводчик выполнил свою работу», – пишет Д. М. Бузаджи, характеризуя концепции «видимости» и «невидимости переводчика» [2]. Вопрос о наличии особых черт переводов, формируемых в результате работы переводчика-творца, традиционно рассматривался лишь с негативной точки зрения, с ориентацией на превосходство текста оригинала: «Отражение личности писателя в языке его произведений и называется его индивидуальным стилем, присущим ему одному. <...> исказив его стиль, мы тем самым исказим его лицо. Если при помощи своего перевода мы навяжем ему свой собственный стиль, мы превратим его автопортрет в автопортрет переводчика» [10. С. 24]. Бесспорно, К. И. Чуковский прав, но даже если переводчик осуществил наиболее адекватный и эквивалентный перевод, и ему удалось передать стиль автора, всё равно текст перевода будет, скорее, автопортретом переводчика, чем автопортретом автора. Вопрос заключается в том, как собрать мельчайшие фрагменты этого автопортрета воедино и как наиболее точно его описать. Вслед за М. Бейкер и Т. Хермансом мы будем придерживаться позиции, ключевой для дескриптивного переводоведения, но истинной, на наш взгляд, в рамках любого направления науки о переводе: вопроса о «видимости переводчика в тексте» стоять не должно, ведь «прозрачность» переводчика – лишь иллюзия, поскольку порождаемый им текст неизбежно имеет определённые особенности, представляющие собой тот самый «след» переводчика, который сам по себе появиться не может [15. С. 37]. И не всегда «след» или «автопортрет» переводчика заметен невооружённым глазом.

«Автопортрет» переводчика в тексте на сегодняшний день называют по-разному: это и его творческая индивидуальность, и языковая креативность, идиолект переводчика, индивидуальный стиль переводчика, результат индивидуальной речетворческой деятельности переводчика, проявление языковой личности переводчика, и возможно, это не весь список. По словам Е. С. Кубряковой, в современной лингвистической науке не всегда легко судить о том, насколько одна теория отличается от другой, и все основные допущения современной лингвистики оказываются тесно связанными между собой [7. С. 146–147]. Проводя исследование индивидуального стиля переводчика (ИСП) с использованием корпусной методологии, разработанной М. Бейкер, М. Олохан, Д. Кенни и др., мы задались целью определить границы ИСП и выявить особенности его взаимодействия с нашедшей широкое применение в отечественной лингвистике концепцией языковой личности переводчика (ЯЛП). Как показывает практика, эти понятия не настолько схожи, как казалось бы, а их отличительные черты чрезвычайно любопытны для лингвистической науки в целом. В данной статье мы попытаемся обозначить направление для дальнейшего рассмотрения ЯЛП и ИСП на фоне друг друга.

Как отмечает В. Б. Кашкин, «именно в обыденном познании и появляются первые зачатки будущего научного знания» [4. С. 30]. Именно поэтому на первом этапе исследования мы решили возвратиться «к истокам», обратиться к обыденной философии языка и наивному переводоведению: был проведён опрос, в котором приняли участие 35 человек от 18 до 35 лет, далёких от лингвистической науки. Наша задача состояла в получении наивного представления – «простой и понятной» трактовки соотношения понятий ЯЛП и ИСП, – что, возможно, подтолкнуло бы исследование в новое русло. Всем респондентам были заданы вопросы: «Как Вы думаете, что такое языковая личность переводчика?», «Что такое индивидуальный стиль переводчика?» и «Являются ли ЯЛП и ИСП частью друг друга?». Интересно отметить, что большинство опрошенных охарактеризовали понятие ИСП близко к его научному



Характеристика ЯЛП



Характеристика ИСП

определению, а также указали, что ИСП является частью ЯЛП. На рисунке можно увидеть изображение 20 ключевых (наиболее частотных) слов из «наивных» характеристик рассматриваемых понятий.

Обыденное представление, зафиксированное в ответах респондентов, непосредственно связано с их представлением о работе переводчика-практика. Результаты анкетирования представляют особую ценность также потому, что для профессионала сама постановка вопроса о взаимодействии ИСП и ЯЛП может показаться неуместной. Данные понятия разрабатываются в рамках разных направлений лингвистической науки: в рамках дескриптивного корпусного переводоведения, берущего начало в британской школе контекстуализма, и лингвоперсонологии, направления антропоцентрической лингвистики, соответственно. И профессионалу, и наивному лингвисту сложно не заметить, сколько общего кроется в их определениях, несмотря на разные задачи и сферы применения настоящих понятий, мы всё же задались целью их сравнить. На наш взгляд, их столкновение и подробный анализ на фоне друг друга могут принести плоды в виде новых идей для исследований, а также привести к пересмотру каких-либо положений, касающихся функционирования этих понятий.

«Исследование языковой личности – одно из приоритетных направлений современного отечественного языкознания, <...> а исследования языковой личности переводчика в парадигме лингвоперсонологии только начинается» [12. С. 4]. Языковая личность, в соответствии с концепцией Ю. Н. Караулова, – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью. Структура языковой личности представляется состоящей из трех уровней: вербально-семантического; когнитивного, который охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход к знанию, сознанию, процессам познания человека; прагматического [5. С. 8]. Сомневаться в существовании языковой личности переводчика не представляется возможным, языковая личность существует по умолчанию, соответственно, если переводчик осуществляет свою профессиональную деятельность, то проявляется ЯЛП, особый функционально обусловленный тип языковой личности, выделяемый в результате членения общечеловеческой языковой личности [11. С. 1].

Таким образом, «автопортретом» переводчика в тексте будет проявление его языковой личности в «случаях расхождения между исходным и переводным текстом, а единицей её (ЯЛП) анализа – переводческая трансформация». Можно предположить, что реализация ЯЛП на вербально-семантическом уровне будет обусловлена функционированием когнитивного и прагматического (мотивационного) уровней, а также воздействием ситуации перевода, которую О. Н. Шевченко называет в экстралингвистической составляющей ЯЛП, при этом ситуация включает принадлежность к переводческой школе, господствующую литературную традицию перевода текстов данного жанра и социальный заказ [11. С. 4–5]. Выявить наличие трансформаций в тексте представляется возможным, предположить, как указанная экстралингвистическая ситуация влияет на принятие переводчиком решений, также вполне реально, однако оценить с помощью методологического аппарата лингвистики, что происходит на лингвокогнитивном и прагматическом уровнях в процессе перевода, сложно, а порой невозможно. Таким образом, в исследованиях ЯЛП реализуется тенденция экспансионизма в лингвистической науке. Ю. Н. Караулов, предвосхищая подобную критику, пишет: «Да, это верно, психологический аспект в изучении языковой личности представлен очень сильно <...> (когнитивный и прагматический уровни), <...> в то же время психологическая глубина представления языковой личности лингвистическими средствами не идет ни в какое сравнение с глубиной представления личности в психологии» [5. С. 3–8].

В. В. Наумов подходит к рассмотрению понятия языковой личности с позиций психологии и психофизиологии, что особенно интересно при поиске сходств и различий в ЯЛП и ИСП. «Язык – опосредованная психикой действительность мысли <...> абсолютно все носители языка являются <...> языковыми личностями, наделёнными одинаковыми потенциальными возможностями в отношении родного языка» [8. С. 20].

«При всей вариативности в способе формирования и формулирования мысли есть некоторое ядро, которое сохраняется во времени и в разных условиях деятельности, что придаёт индивидуальную неповторимость речевому высказыванию». В результате эксперимента, проведённого Т. Л. Калентьевой, выяснено, что устойчивостью обладает именно способ формирования и формулирования мысли во времени по четырём параметрам: отбор слов, связность, комплексность, логичность. У большинства испытуемых отмечен факт употребления в речи в разное время одних

и тех же слов, предпочтение одних и тех же частей речи [8. С. 30]. Интересно, что В. В. Наумов приводит результаты этих экспериментов в связи с обсуждением понятия ЯЛ, а пособие рекомендует к использованию в экспертной деятельности (МВД, ФСБ, службам разведки и пр.), методологию которой дескриптивисты предлагают применять в идентификации ИСП.

Действительно, существование ИСП, в отличие от ЯЛП, требует доказательств в процессе практического изучения. В 2000 г. М. Бейкер публикует статью под названием “Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator”, в которой даёт определение понятию «стиля переводчика» (подробнее см. [6]). Данное определение, как отмечает М. Олохан, во многом сходно с определением понятия стиля в целом, данного Дж. Личем и М. Шортом [14. С. 147]. Исследования американской школы стилистики также обвиняли в экспансионизме, как сегодня обвиняют концепцию ЯЛП: понятие ‘стиль’ часто «берётся чрезмерно широко и начинает захватывать психологию языка, прагматику, литературоведение и другие области знания, выходящие за пределы собственно лингвистики <...> эта концепция, исходя из теории бихевиоризма, рассматривает стиль как некую абстрактную категорию, несущую в себе черты индивидуальности, присущие отдельной личности» [3. С. 15].

Стиль переводчика – это его индивидуальный «след» (англ. *thumbprint*) – сумма экстралингвистических и лингвистических особенностей его перевода, последние из которых состоят в характерном использовании языковых средств или являют собой ряд индивидуальных предпочтений, отличных от предпочтений других переводчиков. Именно эти предпочтения «выдают» автора во всех его произведениях [14. С. 147]. Идентификация индивидуальных регулярных не контролируемых сознанием актов речетворчества (*subconscious linguistic patterns*) – цель, интересующая Бейкер. Данную концепцию вряд ли можно обвинить в экспансионизме, психологический аспект может быть выделен только при необходимости в элементе «экстралингвистических особенностей перевода».

Бейкер отмечает, что регулярные повторяющиеся языковые последовательности в текстах нужно, скорее, считать предметом изучения лингвистической экспертизы [13. С. 246], ведь традиционно в рамках стилистики анализировались лишь сознательные предпочтения авторов при выборе средств выражения. Инструментария для изучения бессознательного просто не было, сегодня же, с введением в эксплуатацию корпу-

сов на электронных носителях, эти средства появились. Интересно заметить, что А. Н. Баранов, включая в пособие «Лингвистическая экспертиза текста» главу о корпусных исследованиях, отмечает, что при составлении портрета автора лингвисту-эксперту нечасто приходится работать с корпусными технологиями, ведь корпусов, которые бы содержали лингвистические корреляты различных характеристик автора (от социальных до психологических), на сегодняшний день существует немного [1. С. 286].

Задача исследований по выявлению индивидуального стиля переводчика (художественной литературы) – «рассмотреть, отдаёт ли переводчик явное предпочтение специфическим лексическим единицам, синтаксическим структурам, средствам когезии или особенному использованию пунктуации в ситуациях, когда в его распоряжении множество альтернативных языковых средств». Когда доказано перечисленное, Бейкер предлагает ответить на следующие вопросы: обусловлен ли выбор переводчика авторскими особенностями текста оригинала, ИЯ или социолектом; возможно ли объяснить, осуществлён ли настоящий выбор ввиду социальной, культурной или идеологической принадлежности переводчика? [13. С. 248]. Поиск стилистически релевантных повторяющихся последовательностей в произведениях определённого переводчика предлагается с использованием корпусных методов и технологий.

На наш взгляд, антропоцентрическая концепция языковой личности переводчика и дескриптивистская концепция индивидуального стиля переводчика, хотя и существуют в различных системах координат, всё же имеют нечто общее – это материал, на основе которого проводится их исследование. Материалом является результат речетворчества переводчика – в первом случае в совокупности со всеми элементами дискурса, а во втором – в большом объёме, представленном в виде корпуса. Сделав первый шаг в анализе понятий ЯЛП и ИСП, мы можем выдвинуть следующее предположение: ИСП сочетает в себе черты экстралингвистического компонента ЯЛП, её вербально-семантического и лингвокогнитивного уровней. Даже при условии, что предположение окажется ложным, можно с уверенностью заявить, что применение корпусных методик при изучении ЯЛП только уточнит результаты подобного рода исследований, сделает их более яркими и мотивированными. Более того, использование инструментов корпусного переводоведения в исследованиях ЯЛП может открыть дорогу для исследований, посвящённых сравнению

особенностей ЯЛП отдельных переводчиков в сравнении с другими. Можно также допустить возможность пересмотра результатов уже корпусного анализа ИСП с точки зрения лингвоперсонологии, хотя изначально исследования ИСП носят исключительно дескриптивный характер. Корпусные методики позволяют получить глобальную картину и «отделить зёрна от плевел» – отобрать материал для последующего анализа, который может вестись в различных аспектах, интересных для конкретного исследования, в том числе когнитивном и лингвоперсонологическом.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основания и практика. М. : Флинта : Наука, 2011. 592 с.
2. Бузаджи, Д. М. Переводчик прозрачный и непрозрачный [Электронный ресурс]. URL : <http://www.thinkaloud.ru/feature/buz-transparent.pdf>, свободный.
3. Гальперин, И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопр. языкознания. 1973. № 3. С. 14–25.
4. Кашкин, В. Б. Научные теории и бытовые представления о языке : история и перспективы исследования // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 30–44.
5. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–8.
6. Краснопеева, Е. С. К вопросу о выборе подхода к изучению понятия «стиль» в теории художественного перевода // Вопросы современной

филологии в контексте взаимодействия языков и культур : междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 15–16 мая 2013 г.) : сб. ст. / отв. за вып. М. И. Вахрушева ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Оренб. гос. пед. ун-т. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. С. 143–146.

7. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
8. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности. М. : КомКнига, 2006. 240 с.
9. Топер, П. М. Перевод и литература : творческая личность переводчика // Вопр. лит. 1998. № 6. С. 161–178.
10. Чуковский, К. И. Высокое искусство. М. : Совет. писатель, 1968. 384 с.
11. Шевченко, О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 25 с.
12. Языковая личность переводчика : коллектив. моногр. / отв. ред Л. А. Нефёдова ; науч. ред. М. В. Загидуллина. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. 420 с.
13. Baker, M. Corpus Linguistics and Translation Studies : Implications and Applications // Text and technology. Amsterdam, Philadelphia : J. Benjamins, 1993. P. 233–250.
14. Olohan, M. Introducing Corpora in Translation Studies. L. ; N. Y. : Routledge, 2004. 232 p.
15. Saldanha, G. Style of Translation : An exploration of stylistic patterns in the translations of Margaret Jull Costa and Peter Bush : thesis ... doctor of Philosophy. Dublin City Univ., 2005. 221 p.

Т. В. Лаврентьева (Орск, Россия)

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ В ПЕРЕВОДЕ ЯЗЫКОВОЙ ОППОЗИТИВНОСТИ

In this article the ways of translating of the language opposition relations is explored; they based on the translators' understanding of the essence and the type of relationship between the opposits.

Keywords: opposition, translation, adequacy, identity, distinctive feature.

Для лингвистической теории перевода одним из критериев установления адекватности/неадекватности языковых элементов текста оригинала и текста перевода является выполняемая ими функция. Этот критерий, который вслед за Бюлером стали называть принципом релевантности, позволяет проводить строгое различие двух

типов внутриязыковых отношений – лингвистического (функционального) тождества и лингвистического (функционального) различия, или отношений между вариантами одной и той же языковой единицы и отношений между различными с лингвистической точки зрения единицами, т. е. инвариантами [3. С. 176–177].

В связи с этим представляется, что, определяя специфику оппозитивного отношения, отличающую его от всех прочих типов возможных языковых отношений, едва ли следует считать единственным (т. е. не только необходимым, но и достаточным) «дифференциальным признаком» признак взаимной детерминированности членов оппозиции, каким склонен считать его Р. О. Якобсон и при определении отличия «оппозиции» от «контраста».

Перевод концептуального поля (в нашем случае это концептуальное поле оппозитивности) основан, в первую очередь, на языковом знании переводчика о понимании контраста в лингвистике, заключающемся в том, что он определяется как синоним противопоставления, – фигура речи, состоящая в антонимировании лексико-фразеологических, фонетических и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником действительности [1. С. 198].

С переводческой точки зрения термином ‘оппозиция’ подчеркивается так называемая «ситуация двоичного выбора», существо различия между отношениями обоих типов сводится, как будто, все же к тому, что наличие одного из контрастирующих членов не предполагает наличия другого; в то время как в лингвистике этим термином в большинстве случаев (за исключением группы контрастивных оппозитивов) обозначаются бинарные оппозиции, два члена которых необходимо предполагают один другой (хотя в некоторых высказываниях может присутствовать только один из них).

Отражением специфики перевода изучаемой категории – оппозиции, подтверждением ее уникальности, являются различные трактовки понятия в словарях современного французского и русского языков. Покажем на примерах из художественных текстов французских писателей XX в. возможности передачи языковой оппозитивности в переводческом дискурсе.

Дефиниционный анализ лексем, описывающих оппозитивные отношения, и принятие во внимание того факта, что семантической основой оппозитивности являются различные виды противоположности [4], в структуре концептуального поля оппозитивности мы различаем четыре типа отношений противоположности: отношения контрарности, отношения контрадикторности, отношения конверсивности и отношения контрастивности. Зависимость передачи в переводе оппозитивных отношений напрямую зависит от понимания сути отношений такого типа между языковыми единицами.

Остановимся на последнем типе отношений. Негативность такого типа отношений заложена в

семантике лексем и подтверждается контекстом. На первый взгляд, не представляет сложности перевод значений, передаваемых такими единицами.

Однако при более пристальном рассмотрении они обнаруживают некоторые сходства и различия в передаче оппозитивных отношений, что, несомненно, должно найти отражение в тексте перевода.

Примерами контрастивов являются языковые единицы типа ‘barrage’ – препятствие, ‘changement’ – изменение, ‘tuer’ – убивать, ‘prison’ – тюрьма, ‘dégoût’ – отвращение, ‘refuser’ – отказываться, ‘haïr’ – ненавидеть, ‘séparation’ – разделение, ‘lutter’ – бороться, ‘rompre’ – прерывать, преграждать, ‘ennemi’ – враг, ‘troquer’ – обменивать, ‘démence’ – сумасшествие, ‘différent’ – различный, ‘animosité’ – враждебность, ‘priver’ – лишать, ‘contrariété’ – противоположность, противоречие.

В тексте художественного произведения такие контрастивы актуализируют, главным образом, индивидуально-личностный компонент концептуального поля.

Покажем это на примерах из текстов. Причины возникновения негативных отношений кроются в различиях между людьми. *Des contrariétés* (различия), *oui, se dit-elle quand il est sorti de la chambre, mais pas sérieuses au point de l’empêcher de se lever et de manger* [2. С. 156].

При переводе важен учет дефиниции лексемы ‘*contraire*’ – ‘qui présente la plus grande différence possible, en parlant de deux choses du même genre’ – представляющий наибольшее возможное различие между однородными предметами (в нашем случае – двумя людьми: мужчиной и женщиной).

Дополнительным маркером того, что это достаточно сильное различие, является утвердительное наречие ‘*oui*’ – ‘да’, которое подтверждает верность рассуждений героини.

В процессе перевода такого рода отношений считаем возможным представить ментальную деятельность переводчика логосхемой: совокупность объектов – отношения – сильное различие. Итак, при переводе контрастивных оппозитивов, выражающих причины различий, внимание переводчика актуализируется на признаке оппозитивности, называемом несовместимостью.

Вторую группу примеров составляют случаи, в которых представлен результат негативных отношений. Он описан посредством лексем, отражающих завершение какой-нибудь деятельности, ее итог.

Например, это нахождение в месте содержания лиц, лишенных свободы: ‘*Le lendemain, un avocat est venu me voir à la prison*’ (тюрьма) [8. С. 65]. В данной фразе лишение свободы подчеркивается

использованием выражения ‘est venu me voir’ – ‘пришел меня навестить’.

Враждебность, имеющая место между лицами, подкрепляется глаголом ‘*abattre*’ – ‘убивать’ (‘*faire tomber en donnant un coup mortel*’), в семантике которого заложена сема враждебности. Женщина рассматривается не как лицо женского пола (‘être humain appartenant au sexe capable de concevoir les enfants’), а как существо, с которым можно и нужно бороться.

В данном случае в тексте перевода актуализируются следующие признаки оппозитивности: сопротивление и противоположности, ведущей к уничтожению одной из сторон.

При переводе контрастивов – результатов негативных отношений, основанных на ассоциативном сходстве по форме и по содержанию, выстраиваются следующие логосхемы: объект – функция – лишение свободы; объект – отношение – вражда.

Третья группа – глаголы действия, представляющие процесс негативных отношений (‘*tuer*’ – убивать, ‘*refuser*’ – отказываться, ‘*haïr*’ – ненавидеть, ‘*lutter*’ – бороться, ‘*rompre*’ – прерывать), общим для которых является описание развития противоположностей, враждебности путем последовательной смены состояний.

Например, ‘Raymond en a profité pour dire que c’était lui que cette dernière *haïssait* (ненавидел) depuis qu’il avait quitté sa soeur’ [8. С. 84].

‘Je te supplie de *rompre* (расстаться) avec Carole!’ [5. С. 111].

‘Et Tarrou, et Rieux, et leurs amis pouvaient répondre ceci ou cela, mais la conclusion était toujours ce qu’ils savaient: il fallait *lutter* (бороться) de telle ou telle façon et ne pas se mettre à genoux’ [8. С. 202].

Знание особенностей ситуации, в которой развивается действие и происходит последовательная смена состояний героя, позволяет переводчику определить предпосылки, а затем передать реакцию на них героя (описываемая контрастивами).

При переводе контрастивов актуализируется признак противоположности, ведущей к уничтожению одной из сторон: в наших примерах это установление отношений сильной вражды, злобы; прекращение отношений; сопротивление эпидемии.

С результатом противоречивых отношений связаны состояния, которые даются посредством контрастивов и относятся к внешним характеристикам субъекта.

‘Un vent de *démence* (сумасшествие) soufflait sur la famille’ [7. С. 128].

Это состояние еще более усиливается: ‘N’était-il pas étrange que, à chaque grand événement familial, des questions d’*animosité* (враждебность) intestines vinssent assombrir la joie des Eygletière?’ [6. С. 43].

Контрастивы состояния выступают обобщениями ряда неприятных закономерностей, происходящих с одними и теми же субъектами (с членами одной семьи). При этом первый контрастив является более общим по сравнению со вторым.

Ограниченность круга действия негативных, враждебных отношений передается в переводе посредством лексем ‘*famille*’, ‘*familial*’, ‘*intestine*’, ‘*des Eygletière*’.

Условия возникновения враждебности связаны с положительными событиями – ‘grand événement’ (большое, важное событие) (‘ce qui arrive et qui a quelque importance pour l’homme’), ‘*joie*’ (радость) (‘*émotion agréable et profonde, sentiment exaltant ressenti par toute la conscience*’) – и положительными эмоциями, вместо которых семейство Эглетьер озлобляется все сильнее и сильнее.

Итак, при передаче контрастивных отношений, представляющих фрейм межличностных отношений, имеет место эксплицитная характеристика межличностных отношений.

Контрастивы в переводе вербализуются лексемами, в семантике которых заложены указания на интерперсональность, на причины, либо результаты, либо состояния, либо процесс отношений, а также такой прагматический фактор, как отрицательная оценка имеющих место отношений.

В большинстве случаев актуализируемым в переводе признаком оппозитивности является признак противоположности, ведущей к уничтожению одной из сторон.

В ходе изучения способов передачи в процессе перевода художественного текста отношений противоположности появилась возможность систематизации их общих семантических характеристик в русском и французском языках.

В процессе перевода содержания концепта ‘оппозиция’ предполагается отражение восприятия членами социума противопоставленных отношений и их объективации в языке.

Адекватная передача в процессе перевода оппозитивных отношений основана на учете и сохранении в тексте перевода следующих концептуальных признаков:

- противопоставление однородных единиц;
- наличие основания для сравнения;
- несовместимость;
- маркированность / немаркированность членов;

- противопоставленность, ведущая к уничтожению одной из сторон;
- парное (симметричное) расположение;
- контрастность (цветовая, характерологическая);
- сопротивление (чему-либо, кому-либо);
- имплицитная противопоставленность;
- качественное / количественное различие;
- истинность / ложность.

Названные признаки оппозитивных отношений актуализируют цель коммуникации, логическую сущность противопоставлений, указывают на их роль в организации структуры художественного текста. Эти характеристики находят свое отражение в языке, объективируя различные стороны рассматриваемого концепта.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : КомКнига, 2007. 571 с.

2. Бовуар, С. де. Прелестные картинки : на фр. яз. М. : Цитадель, 2000. 176 с.

3. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 576 с.

4. Новиков, Л. А. Семантический анализ противоположности в лексике : принципы, аспекты, метод // Филол. науки. 1973. № 3. С. 59–67.

5. Труайя, А. Семья Эглетьер : в 3 т. Ч. 1 [на фр. яз.]. М. : Высш. шк., 1977. 166 с.

6. Труайя, А. Семья Эглетьер : в 3 т. Ч. 3. Распад : роман. М. : Высш. шк., 1981. 181 с.

7. Труайя, А. Семья Эглетьер : в 3 т. Ч. 2. Голод львят : роман. М. : Высш. шк., 1980. 167 с.

8. Camus, A. L'étranger. La peste. М. : Editions du progrès, 1969. 336 p.

Д. А. Миронова (Челябинск, Россия)

«ПЕРЕПИСЫВАНИЕ» (РЕРАЙТИНГ) КАК ТАКТИКА ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ МЕДИАТЕКСТОВ ОНЛАЙН-ФОРМАТА

The paper studies 'rewriting' as a kind of tactic applied to the translation of transformed precedent phrases in the headlines of online newspapers. The tactic described is viewed as the means of implementing tertiary translation strategy. The study suggests the following operations of rewriting – elimination, replacement, neutralization, paraphrasing.

Keywords: online mediatext, rewriting, tertiary translation strategy, transformed precedent phrases.

Заголовок является особым элементом архитектоники медиатекстов, что отмечается многими исследователями, в том числе Н. В. Данилевской, С. Е. Овсянниковой [3], М. Е. Засориной [4], А. В. Колесниченко [11], А. А. Лютой [14], М. И. Шостак [18]. По мнению И. В. Арнольд, заглавие относится к «сильной позиции текста», являясь одной из опорных точек «для вероятностного прогнозирования читателем круга возможных обобщений и стратегий смыслового восприятия текста в целом» [1. С. 31].

А. В. Колесниченко отмечает усиление воздействующей роли заголовков в онлайн-изданиях, где читатели ориентируются только по названиям и не видят полных текстов до тех пор, пока не откроют соответствующую статью. В связи с этим неудачный заголовок может остаться незамеченным, обесценив все усилия, затраченные на написание хорошего материала [11. С. 96].

Один из инструментов усиления воздействующей функции медиатекста, по мнению М. И. Шостак, – игровой заголовок (основанный, в частности, на языковой игре), который раскрывает свойство журналистики выступать не только в качестве зеркала событий, но и их «пересмешника», доставляя читателю удовольствие «разговором поверх текста» [18. С. 82]. Н. И. Клушина видит в тенденциях заголовочной игры, сенсационности и агрессии отражение рекламной интенции современных журналистов в условиях рыночной, конкурентной борьбы за читателя [9. С. 161]. Борьба за пользователя особенно актуальна для интернет-СМИ ввиду высокой конкуренции между ресурсами. В свете этого приоритетом создателей контента, безусловно, является привлечение внимания читателей, увеличение времени их пребывания на сайте и увеличение сегмента регулярных посетителей, что повышает

доход от трафика. Одним из наиболее эффективных инструментов создания игрового заголовка являются прецедентные феномены.

Под прецедентными понимаются феномены, «хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [13. С. 170]. Изучение явления прецедентности зародилось в отечественном языковедении в 1980-х гг. и легло в основу формирования теории прецедентных феноменов, у истоков которой стоят такие учёные, как Д. Б. Гудков [2], И. В. Захаренко [5], Ю. Н. Караулов [8], В. Г. Костомаров [12], В. В. Красных [13].

В центре нашего внимания – трансформированное прецедентное высказывание (ТПВ), то есть прецедентное высказывание (афоризм, паремия, цитата, название произведения и т. д.), которое подверглось намеренному структурно-семантическому или семантическому преобразованию с целью достижения определенного коммуникативного эффекта.

При анализе перевода англоязычных трансформированных прецедентных высказываний на русский было выявлено, что одной из тактик передачи ТПВ является «переписывание», или рерайтинг. Последний термин заимствован нами из интернет-сферы и воплощает в себе специфику медиатекста, функционирующего в онлайн-пространстве. Данное понятие означает процесс переработки, видоизменения контента с целью его «уникализации», то есть создания уникального текстового материала для сайта на основе исходных данных. Применительно к переводу трансформированных прецедентных высказываний речь идёт о смене позиции транслятора на позицию создателя заголовка на ПЯ (языке перевода).

В использовании такой тактики наиболее ярко проявляет себя специфика терциарной стратегии перевода медиадискурса. Понятие ‘терциарный перевод’, то есть перевод в интересах третьих лиц, было предложено М. Я. Цвиллингом [17. С. 154]. В такой ситуации перевод исключается из цепи коммуникации и является самостоятельной деятельностью, осуществляемой в интересах некоего постороннего, не участвующего в коммуникации лица. Данная идея была развита в исследованиях О. В. Петровой и В. В. Сдобникова.

Терциарная стратегия определяется как общая программа осуществления переводческой деятельности, направленная на создание переводного текста, «удовлетворяющего потребности

носителя ПЯ, который играет иную коммуникативную роль, нежели участники первичного коммуникативного события в культуре ИЯ [исходного языка. – Д. М.], и преследует цель, отличную от цели автора оригинала» [16. С. 95].

Таким образом, стратегия перевода заголовков медиатекстов как стратегия терциарного перевода освобождает переводчика от обязательного требования обеспечить равенство воздействия исходного текста (ИТ) и текста перевода (ТП) на соответствующих получателей. «Если текст изначально адресован носителю ПЯ, то не с чем сравнивать его воздействие» [15. С. 108].

Ниже приводится анализ операций тактики рерайтинга, реализуемых в ходе перевода ТПВ в заголовках медиатекстов онлайн-формата.

1. Элиминация ТПВ

Элиминация трансформированного прецедентного высказывания происходит в тех случаях, когда указанная единица опускается в тексте перевода. Следует подчеркнуть различие между приемом опущения в традиционном понимании и выделяемой нами операцией по элиминированию трансформированного прецедентного высказывания. Опущение как вид переводческой трансформации связан с выпуском части исходного текста, ввиду его смысловой избыточности, нерелевантности для текста перевода. Элиминация ТПВ, в отличие от опущения, обусловлена не межъязыковой асимметрией ИЯ и ПЯ и не может быть легко восстановлена из контекста. Одна из причин элиминации ТПВ в переводе – стремление сократить объём заголовка.

ИТ. *Sarcasm, the lowest form of wit... but the best motivator in the workplace* (The Daily Mail; Aug 3, 2011; D. Bates) *Sarcasm is the lowest form of wit* («Сарказм – низшая форма остроумия», афоризм).

ТП. *Сарказм – лучший мотиватор на рабочем месте* («Инопресса»).

Если в «бумажных» СМИ длина заголовка тесно связана с требованиями типографского набора, то в онлайн-пространстве требование краткости потенциально делает такой заголовок более «кликабельным» в русском варианте, который всегда влечет за собой увеличение в объеме по сравнению с англоязычным оригиналом, грозит стать слишком громоздким и не привлечь пользователя сайта. Наиболее вероятно, что в данном случае ТПВ, построенное по принципу контрадикции, было также удалено из-за предположения, что факт апелляции не будет обнаружен русскоязычным реципиентом. В исходном тексте обнаруживается вербализация прецедентного высказывания-донора (*It might be the lowest form*

of wit, but it turns out that sarcasm is a great motivator), однако данный фрагмент текста также не стал объектом перевода и элиминирован.

2. Замена ТПВ на ПВ/ТПВ

Данная операция является наиболее ярким проявлением креативного мышления переводчика, который становится со-создателем и даже создателем собственного игрового заголовка на русском языке. Прецедентное высказывание (ПВ) при этом не является прямым соответствием исходного ТПВ. В основе заголовок на языке перевода лежит иной прецедентный феномен. Одним из стимулов к такому преобразованию является, как правило, незнание большинством реципиентов русскоязычного лингвокультурного сообщества прецедентного высказывания, которое стало донором трансформы, а также формальная обусловленность его трансформации. Например:

ИТ. *Partying like it's 1989: the return of Viktor Tsoi* (The Financial Times; Jun 22, 2012; N. Buckley) *Party like it's 1999* (досл. «Веселиться, будто на дворе 1999 год», цитата из популярной песни «1999» американского исполнителя Prince, 1982 г.).

ТП. *Цой жив: все как в 1989 г.* («ИноСМИ»).

В основе заголовка – цитата из песни, знакомой российскому реципиенту. Переводчик в такой ситуации принимает решение извлечь прецедентное высказывание из русской когнитивной базы, исходя из содержания статьи, посвященной В. Цою, солисту и композитору рок-группы «Кино». Такой прием граничит с русификацией, то есть ситуацией, при которой принадлежность высказывания к собственной когнитивной базе четко прослеживается читателем. В заголовке текста перевода появляется яркая национальная окраска. Игра в случае русификации реализуется за счёт того, что переводчик становится «видимым», начало знакомства текста осуществляется через призму общей когнитивной базы, интимизируется общение автора текста и российского читателя. Образующееся столкновение двух культур «обманывает» ожидание, порождает контраст, усиливающий эмоциональное воздействие на реципиента.

3. Нейтрализация

В результате нейтрализации ТПВ как маркеры прецедентного высказывания-донора, так и антимаркеры трансформы «растворяются» в заголовке текста перевода. Осуществляется перефразирование на основе содержания медиатекста, в результате которого заголовок становится не игровым, а информационным, неэкспрессивным, стилистически нейтральным. Кроме того, такой формат заголовка частотен в медиатекстах

онлайн-формата, поскольку отвечает требованиям ясности и точности, что повышает «сканируемость» материала пользователями.

Причинами нейтрализации могут быть ошибки на этапе восприятия исходного ТПВ, а также ограничивающие параметры, такие как незакрепленность ПВ-донора в когнитивной базе российского реципиента:

ИТ. *Pop Goes the Pipeline [Europe just got a rare opportunity to reduce its energy dependence on Russia. But will it take advantage?]* (Foreign Policy; May 20, 2009; A. Petersen) *Pop! Goes the Weasel* («Поп! Вот и просвистели», название и строчка из английского детского стиха).

ТП. *Взрыв на газопроводе [Только что Европа получила редкую возможность ослабить свою энергетическую зависимость от России. Но воспользуется ли она ей?]* («ИноСМИ»).

4. Перефразирование

Под перефразированием ТПВ понимается преобразование структуры и семантического наполнения исходной трансформы, в результате чего когнитивная основа функционирования трансформы заменяется новой, созданной автором. В этом случае ТПВ так же, как при нейтрализации, «растворяется» в заголовке текста перевода и преобразуются в сообщение, изъятые из медиатекста. Отличие заключается в том, что перефразирование компенсирует опущение языковой игры на исходном языке путём стилистической компенсации. В осуществленной переводческой операции прослеживается стремление сохранить функциональную основу исходной трансформы, которая представляет собой «свёртку» идеи всего медиатекста.

Перефразирование также возможно путем экспликации подтекста, созданного трансформированным прецедентным высказыванием в исходном заголовке:

ИТ. *Oranges and lemons in Ukraine [Rather than sighing and tut-tutting at the dissipation of the high hopes raised by the Orange Revolution, Europe's leaders would do better to look at their own responsibilities, writes Gideon Rachman]* (The Financial Times; Feb 8, 2010; G. Rachman) *Oranges and Lemons* (первые строки из английской детской песни).

ТП. *Украина: апельсины надежд и лимоны разочарований* («Инопресса»).

Упоминание Оранжевой революции (*Orange revolution*) в микротексте указывает на корреляцию с лексемой 'orange' в ПВ-доноре. Макротекст позволяет установить имплицитный смысл компонента 'lemons': автор отмечает, что за цветной революцией в Украине, вопреки ожиданиям,

последовало ухудшение в сфере защиты прав и свобод. На основе осуществленной интерпретации переводчик создает заголовок путём метафоризации. Перефразирование также осуществляется путём замены образно-ассоциативной основы исходного ТПВ:

ИТ. *The Emperor's Nuclear Clothes* (The Wall Street Journal; Nov 29, 2010; S. P. Rosen) *The Emperor's New Clothes* (крылатая фраза («А король-то голый!») и название сказки датского писателя Г. Х. Андерсена «Новое платье короля»).

ТП. *Ядерная мантия императора* («ИноСМИ»).

Обозреватель в статье говорит о том, что на фоне разговоров Правительства США о важности контроля над вооружениями Иран и Северная Корея делают создание ядерного оружия своим приоритетом. Наблюдается глубинная связь с прецедентным текстом и прецедентной ситуацией, раскрывающими идею о том, что люди из страха или лицемерия зачастую выдают за очевидное то, чего нет на самом деле: ... *American foreign policy establishment is wearing nothing but the emperor's new clothes – policies that make proper people murmur “how Nobel-worthy” while looking around to see if anyone else notices something odd.* Саркастичный намек элиминирован из текста перевода, а ТПВ в переводе, таким образом, теряет свойство символа прецедентного феномена, однако несёт при этом эмоционально-экспрессивную нагрузку.

Реализуя тактику ререйтинга, переводчик берет на себя роль *соавтора заголовка на языке перевода*. Переводчик проявляет активную позицию к исходному тексту: он чувствует не только необходимость, но и возможность переработать и значительно видоизменить исходный материал. Текст перевода в таком случае не отвечает требованиям коммуникативной эквивалентности, следовательно, переводчик в ходе своей работы руководствовался иными целями, реализация которых и определяет успешность транслята. В круг целей переводчика при реализации тактики «переписывания» могут входить:

1) стремление отразить экспрессивность исходного ТПВ за счёт выбора собственных стилистических средств;

2) стремление повысить экспрессивность исходного заголовка, сделать его более «кликабельным» путём реализации собственного творческого потенциала;

3) реализация контактоустанавливающей функции за счёт «русификации» исходного заголовка;

4) отказ от перевода ТПВ ввиду существующих параметров исходного текста (в частности,

формально обусловленный тип трансформации ПВ-донора), а также допустимости такого действия в рамках переводческого задания;

5) смена игрового заголовка на информационный для того, чтобы он отвечал требованиям ясности, точности, предметности; при этом возможна ошибка в идентификации и декодировании ТПВ переводчиком;

6) отказ от перевода ТПВ при ошибке в идентификации и декодировании, нерелевантности дословного перевода, также в целях экономии времени;

7) отказ от перевода ТПВ для достижения лаконичности заголовка.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностр. яз. в шк. 1978. № 4. С. 24–27.
2. Гудков, Д. Б. Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997. Вып. 2. С. 26–40.
3. Данилевская, Н. В. Аксиологический потенциал языковой игры в газетном заголовке / Н. В. Данилевская, С. Е. Овсянникова // Игра как прием текстопорождения : коллектив. моногр. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010. С. 150–157.
4. Засорина, М. Е. Прагма-интертекстуальные характеристики заголовочного дискурса СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2009. 21 с.
5. Захаренко, И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. : В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997. Вып. 1. С. 104–114.
6. Инопресса [Электронный ресурс] : иностранная пресса о России и не только. URL : <http://www.inopressa.ru> (дата обращения: 28.08.2013).
7. ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL : <http://www.inosmi.ru> (дата обращения: 28.08.2013).
8. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 2010. 264 с.
9. Клушина, Н. И. Коммуникативные стереотипы в дискурсивной деятельности современного журналиста // Игра как прием текстопорождения : коллектив. моногр. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010. С. 158–162.
10. Кожина, Н. А. Нечто большее, чем название // Рус. речь. 1984. № 6. С. 26–32.

11. Колесниченко, А. В. Прикладная журналистика [Электронный ресурс] : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. 180 с. URL : <http://www.mediapedia.ru/wp-content/uploads/2008/10> (дата обращения: 25.08.2012).

12. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвинова // Рус. яз. за рубежом. 1994. № 1. С. 73–76.

13. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.

14. Лютая, А. А. Современный газетный заголовок : структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.

15. Петрова, О. В. Переводческие стратегии в свете коммуникативно-функционального подхода к переводу // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та. 2011. Вып. 14 : Проблемы перевода и переводоведения. С. 105–113.

16. Сдобников, В. В. К проблеме построения типологии переводческих стратегий // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2011. Вып. 9 (615).

Языкознание : Перевод в межкультурном диалоге : теоретические и практические вопросы. С. 89–99.

17. Цвиллинг, М. Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода : межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород, 1991.

18. Шостак, М. И. Журналист и его произведение : практ. пособие. М. : Гендальф, 1998. 96 с.

19. Foreign Policy [Электронный ресурс]. URL : <http://www.foreignpolicy.com> (дата обращения: 28.07.2013).

20. The Daily Mail [Электронный ресурс]. URL : <http://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 28.07.2013).

21. The Financial Times [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ft.com> (дата обращения: 28.07.2013).

22. The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL : <http://www.online.wsj.com> (дата обращения: 28.07.2013).

Ю. В. Поздрань (Винница, Украина)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале «русско-украинского словаря» (1924–1933 годы))

This article deals with the interaction of Russian and Ukrainian terminology; peculiarities of term translations from Russian into Ukrainian in the article “The Russian-Ukrainian Dictionary” 1924–1933 years; the system of rules for terminology translation lexicon, derived from the traditions of the Ukrainian language.

Keywords: translated lexicography Russian-Ukrainian dictionary, term, especially translation terminological lexicon.

В последние десятилетия стремительно растет интерес лингвистов и специалистов различных отраслей науки и техники к проблемам отдельных отраслевых терминосистем, что можно объяснить повышением потока научной и технической информации, процессами интеграции, стыков наук, усилением процессов терминообразования.

Немалое количество украинских ученых, особенно в различных областях научно-технических знаний, черпала и черпает до сих пор базовые профессиональные знания из русской научной литературы. Вместе с получением новых знаний ученые заимствуют и языковые формы, забывая о том, что предлагаемый термин должен органически вписываться по форме и звучанию в украинский язык, подлежать ее внутренним законам.

Вопрос о специфике терминов и проблеме их перевода всегда занимал особое место в срав-

нительном языкознании, ведь именно термины определяют информационное содержание специального текста, будучи своеобразными ключами, кодирующими специальную информацию. Его рассматривали в своих работах по теории перевода В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, И. В. Арнольд, А. А. Реформатский и другие ученые. Этот вопрос является объектом растущего внимания современных ученых.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением о том, что главным условием правильного перевода простых научно-технических терминов, то есть выбора нужного слова из числа тех, которые служат для передачи термином содержания понятия в разных его значениях, есть понимание содержания текста, знание явлений действительности и их названий. Переводчик должен быть ознакомлен с соответствующей сферой науки

или техники и владеть специальной терминологией [1. С. 80].

Важным достижением украинской переводной лексикографии 20-х гг. XX в. стал «Русско-украинский словарь» под редакцией А. Е. Крымского и С. А. Ефремова (далее – РУС), который большинство современных украинских лингвистов признают одним из лучших словарей XX в.

В своих трудах М. Х. Коцюбинская, Ю. В. Шевелев, И. И. Огиенко дают общую положительную оценку РУСу. Более подробно его в совместной статье анализировали Е. А. Карпиловская, О. Д. Кочерга и Е. В. Мейнарович. На наш взгляд, этот словарь является весьма актуальным на современном этапе изучения украинской терминологии благодаря тому, что его авторы способствовали выработке терминологии, ориентированной на внутриязыковые ресурсы со сбалансированным привлечением международных элементов.

Цель статьи – выяснить наиболее продуктивные способы и приемы перевода, реализация которых способна обеспечить терминологическую эквивалентность при переводе терминов научно-технического дискурса с русского языка на украинский на материале «Русско-украинского словаря» под редакцией А. Е. Крымского и С. А. Ефремова.

Имея сложную внутреннюю семантическую структуру, термин является единственной самостоятельной единицей наименования. Согласно трактовке В. М. Овчаренка, **термин – это единица** какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и букв-символов, сочетание слова и цифр-символов), что в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договоренности имеет специальное терминологическое значение, которое может быть выражено либо в словесной форме, или в том или ином формализованном виде, и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на определенном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия. Термин – слово, которое обязательно соотносится с определенной единицей соответствующей логико-понятийной системы в плане содержания [6. С. 41–42].

Ученые уделяют много внимания изучению термина во всех аспектах, и каждый из них дает свою трактовку этого понятия. В частности А. А. Реформатский определяет термины «как однозначные слова, лишённые экспрессивности» [7. С. 121]. М. М. Глушко констатирует, что

«термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, что имеет, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкие семантические границы и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [4. С. 33]. В. С. Виноградов подчеркивал, что «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово, это – функция названия. Тем временем научно-теоретический термин является обязательным названием понятия». Кроме этой особенности терминов, он выделяет еще одну важную их функцию – дефинитивную, что подтверждает необходимость мотивированности терминов [3. С. 33].

Термин является неотъемлемой органической частью лексической системы литературного языка. Кроме того, термины отличаются от других разрядов слов своей огромной информационной насыщенностью. В научном и техническом термине дано наиболее точное, концентрированное и экономное определение научного или технического понятия [2. С. 226].

Довольно часто украинская национальная терминология создается не на удельной основе, а путем перевода с других языков, в частности с русского. Не всегда этот процесс увенчивается быстрым обретением одного безупречного во всех отношениях эквивалента. Из-за несовпадения в правилах лексико-семантической и синтаксической сочетаемости составитель переводного словаря сталкивается с разного рода сложностями, которые являются специфическими особенно при переводе не отдельных лексем, а их сочетаний.

А. Я. Коваленко определяет два этапа в процессе перевода простого термина: 1) выяснить значение термина в контексте, 2) перевод значения на родной язык [5. С. 257].

Украинская терминология развивается очень динамично. Постоянно появляются новые лексические единицы для обозначения тех или иных понятий. Поэтому А. Е. Крымский и С. А. Ефремов тщательно искали варианты перевода на украинский язык. Они отмечают, что оптимальным является такой путь перевода терминов: «иноязычный термин – понятие – украинский термин», а не «иноязычный термин – украинский термин», с которого языка не происходил бы перевод, и рекомендуют учитывать и внешнюю форму новых терминов, и их мотивацию в ряде других языков. Если в языке-источнике термин принадлежит к удельной лексике, то и при переводе следует подбирать такую же единицу, если же относится к интернационализмам, то и в украинском языке составители советуют сохранить эту единицу.

Анализ практики перевода терминов доказывает, что эти установки в РУСе учитываются.

РУС ориентирован на нормативную научную терминологию. Авторы учитывали не только украинский перевод терминов, который зафиксирован в предыдущих словарях, но и те языковые единицы, которые широко применялись в тогдашних научных источниках, научной литературе: «Що до термінологічного матеріалу з різних паростей знання та техніки, то, розуміється, Словник більш-менш обмежується термінами ширшого – загальноосвітнього – значіння, наскільки такі терміни заведені були й до реєстрів інших згаданих вище словників “Русско-французского” Макарова, “Русско-польского” Дубровського, то-що» [8. С. VIII].

Составляя словарь, авторы старались как можно точнее подобрать соответствия к тому или иному слову. Это касается лексической единицы в целом и морфем, из которых она состоит, в частности.

Проанализировав РУС, мы выявили следующие особенности перевода российских терминов на украинский язык:

1) российские существительные названия опредмеченных действий с суффиксом *-к(а)*, образованные от глаголов, переводятся отглагольными существительными с суффиксами *-ння*, *-ття* (*аранжировка – аранжування, асигновка – асигнування, бальзамировка – бальзамування, прокладка – прокладання, ковка – кування, полировка – полірування, баллотировка – балотування*);

2) существительные названия лиц по роду деятельности с суффиксами *-щик* переводятся суффиксами *-ник* (*коверщик – килимник, артельщик – артільний, бакалейщик – бакалійник, вельщик – вільник, вышивальщик – вишивальник, заготовщик – заготівник*);

3) субстантивированные прилагательные на *-ющ(ий)* для обозначения лиц по должности переводятся существительными, образованными с помощью суффикса *-увач* (*заведующий – завідувач, командующий – командувач*);

4) российские прилагательные с суффиксом *-очн-* переводятся украинскими прилагательными с суффиксами *-льн-, -ов-, -н-* (*насадовый – насадковий, посадочный – висадковий, безостановочный – безупинний, беспорядочный – безладний, беспроводный – бездротовий, заливной – заливальний, еженочный – щонічний*);

5) прилагательные с суффиксом *-альн(ый)* переводятся прилагательными с суффиксом *-н(ий)* (*артериальный – артерійний*);

6) активные причастия на *-ющ(ий)* переводятся отглагольными прилагательными на *-альн(ий)*

(*всасывающий – всмоктальний, выделяющий – випускальний*);

7) причастия на *-ющ(ий)* в значении быть объектом действия переводятся отглагольными прилагательными на *-овн(ий), -івн(ий)* (*безмолвствующий – безмовний*);

8) причастия на *-ющ(ий)* для присваивания значения способности быть участником непереходящего действия переводятся прилагательными с суффиксами *-к(ий), -ист(ий), -лив(ий), -н(ий)* (*бьющийся – биткий, легковоспламеняющийся – займистий, испытующий – допитливий, вызывающий – задирливий, вычерпывающий – вичерпний*);

9) причастия на *-ви(ийся)* переводятся украинскими пассивными причастиями совершенного вида на *-ен(ий), -н(ий), -т(ий)* (*выстоявшийся – вистояний, выпавший – висипаний, заблудившийся – заблуджений, затянувшийся – затягнений*);

10) в случаях, когда причастие прошедшего времени на *-ви(ий)* в русском языке приобретает функции существительного, при переводе на украинский язык используют активные причастия прошедшего времени с суффиксом *-л-* (*воставший – повсталий, выбывший – вибулий, затлевший – затлілий, исхудавший – схудлий, прибивший – прибулий*);

11) возникают трудности при переводе российских пассивных причастий настоящего времени и производных от них прилагательных на *-м(ий)*. Существенным отличием украинского языка от русского является полное отсутствие пассивных причастий настоящего времени на *-м(ий)*. Существует очень мало прилагательных причастного происхождения, потерявших глагольные признаки: *відомий, знайомий, рухомий, свідомий, неопалима, невтишимий, невситимий, незримий*. Для перевода понятий, характеризующих способность быть объектом действия, используют суффикс *-н, -овн-* (*вдыхаемый – вдиханий, измеримый – вимірний, излечимый – вигойний, исцелимый – зцільний*). В значении пребывания объектом несовершенного процесса выбирают пассивные причастия на *-ован-, -уван-, -юван-* (*предполагаемый – гаданий*). Также используют суффиксы *-анн-, -янн-, -енн-* от основ глаголов совершенного вида (*осуществимый – здійснений, неоценимый – неоцінений*);

12) в русском языке много терминов образуются от иноязычных слов способом их формального транскрибирования, оставляя иноязычные суффиксы прилагательных и существительных *-аль-, -ир-, -ич-, -он-, -ональ-* (*-ai-, -ig-, -ic-, -on-, -onai-*), добавляя русский суффиксы *-н-, -ск-* и другие в

прилагательных. Такой способ словообразования, присущий русскому языку, не соответствует норме украинского языка, по которой к корню добавляют суффикс *-н-*, без сохранения прилагательного иноязычного суффикса (*алгебраический – алгебричний, архаический – архаїчний*);

13) корень *-плав-* переводится корнем *-топ-* (*плавить – топити, переплавлять – сплавляти, плавленый – топлений, приплавливать – притопляти*);

14) корень *-скор-* переводится корнем *-швидк-* (*скорость – швидкість*);

15) корень *-ключ-* удален из электротехнических терминов и заменен на *-мк-, -мик-* (*включать – вмикати, включить – увімкнути*);

16) префикс *обез-* переводится как *зне-, збез-* в словах со значением 'процесс удаления, уничтожения чего-либо' (*обезволить – зневолити, обезвреживание – знешкоджування, обездоленный – знедолений, обеззараживание – знезаражування, обезземеление – збезземелення, збезлюдение – збезлюднення, обезрыбеть – збезрибіти*);

17) для российских терминологических элементов *много-, мелко-, крупно-* в украинском языке есть несколько соответствий: *велико-* и *грубо-, дрібно-* и *мало-, багато-* и *велико-*. Выбор первой части зависит прежде всего от ее семантики, например, прилагательные для обозначения размера переводятся с *дрібно-*: *мелкозернистый – дрібнозернистий, мелкозубчатый – дрібнозубий, мелкозвладельческий – дрібнозвладельський, мелкокалиберный – дрібнокалібровий*. Для обозначения количества предпочтение отдается варианту с *багато-*: *многоатомность – багатоатомність, многовалентный – багатовалентний, многовластие – багатовладство, многоклеточный – багатоклітинний*;

18) российский терминологический элемент *-провод* переводится как *-гін* (*водопровод – водогін, нефтепровод – нафтогін*);

19) в российских прилагательных терминологических элементы *-образный, -видный, -подобный* по украинской терминологической традиции корневой элемент заменяют суффиксом *-уват-* (*бочкообразный – бочкуватий, вилообразный – вилкуватий, грушевидный, грушеобразный – грудкуватий, газовидный – газуватий, мраморовидный – мармуруватий, металлоподобный – металюватий, кометоподобный, кометообразный – кометуватий*).

Таким образом, мы установили, что каждый развитый язык имеет собственные средства пред-

ставления научно-технических понятий, причем средства украинского языка существенно отличаются от привычных средств русского языка. Однако характерной особенностью развития украинской терминологии является процесс взаимодействия с российской терминологией, во многих случаях это было прямое заимствование из русского языка (*замыкание – замикання*), параллельное существование российских и украинских терминов (*дело – діло і справа*), ограниченное применение русских терминов рядом с распространенными украинскими (*бурав – свердло*).

В РУСе предложены украинские соответствия русским терминам, реализована четкая система словообразовательных правил, выведенных из традиций украинского литературного языка, благодаря чему авторы избежали языковых конструкций, не присущих украинскому языку, достигли точности и однозначности терминов и терминологических соединений.

Список литературы

1. Боловнєва, О. О. Особливості перекладу англійської науково-технічної термінології // Вісн. Житомир. держав. ун-ту ім. І. Франка. 2004. Вип. 14. С. 79–81.
2. Борисевич, І. П. Термінознавство та особливості перекладу термінів українською мовою / І. П. Борисевич, Л. В. Ратомська // Вісн. Дніпропетр. ун-ту ім. Альфреда Нобеля. Сер. «Філол. науки». 2012. № 2 (4). С. 224–229.
3. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение. М. : Изд-во ин-та общ. сред. образования РАОГод, 2001. 224 с.
4. Глушко, М. М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. М. : Высш. шк., 1974. 252 с.
5. Коваленко, А. Я. Загальний курс науково-технічного перекладу : посібник для студентів перекладацьких факультетів. К. : Інкос, 2002. 320 с.
6. Овчаренко, В. М. Термины, аналитическое наименование и номинативное определение // Современные проблемы терминологии в науке и технике. М. : Высш. шк., 1969. С. 91–121.
7. Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология. Вопросы терминологии. М. : Изд-во Акад. наук, 2000. 192 с.
8. Російсько-український словник / за ред. А. Ю. Кримського та С. О. Єфремова. Т. 1. К. : Червон. шлях, 1924.

О. А. Хрущева (Оренбург, Россия)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ БЛЕНДОВ

The article discusses the problem of translating blends. It summarizes various methods applied in their translation as well as semantic losses that may occur in the process.

Keywords: blend, translation, semantic loses.

Проблема переводимости является одной из старейших и сложнейших теоретических проблем перевода, непосредственно сопряженной с формулировкой требований к этому виду деятельности и его продукту. Обозначенная проблема имеет двоякое решение. Прежде всего, необходимо учесть, что под переводимостью, как правило, понимается «объективно существующая возможность передать сообщение в условиях коммуникации с использованием двух языков» [4. С. 148]. В подобных условиях можно констатировать, что, с одной стороны, полная передача содержания и формы исходного сообщения с языка оригинала на язык перевода без семантических, стилистических и экстралингвистических потерь невозможна. Однако, с другой стороны, перевод может рассматриваться как средство обеспечения межъязыковой коммуникации путем приема и передачи сообщений, что свидетельствует о потенциальной переводимости.

Исследователи выделяют ряд лингвистических факторов, которые препятствуют полной переводимости, называя среди них существование этнографических лакун, несоответствия в категоризации действительности разными языками, употребление в тексте варваризмов, формалистических трюков, зауми, игры слов и прочие [5. С. 120–121].

В рамках данной работы мы рассмотрим проблему переводимости единиц особого словообразовательного типа – блендов, которые по своим формальным и содержательным характеристикам соответствуют категории факторов, обозначенных в работе В. В. Сдобникова и О. В. Петровой.

На сегодняшний день количество блендов во многих языках мира и, в первую очередь, в английском языке чрезвычайно велико, они проникают практически во все слои лексики и широко применяются как в устной, так и в письменной речи, в текстах разнообразной стилистической и функциональной направленности (художественных произведениях, рекламных объявлениях в виде брендов и слоганов, публикациях средств массовой информации и других).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на распространенность блендинга как способа порождения структурно и семантически неординарных лексем во многих языках мира, он признается

исконным способом словообразования английского языка, что непосредственно отражается на изучаемом нами аспекте переводимости.

Во-первых, сложности возникают в связи с тем, что блендинг как способ словообразования остается хоть и популярным, но в значительной степени периферийным методом словопроизводства. Так, в паре ‘английский – русский язык’ количество единиц указанного типа превалирует в английском языке, что обусловлено объективными причинами; в частности, тенденцией английского языка к аналитичности. Вследствие этого поиск переводческих соответствий английских блендов в русском языке существенно затрудняется и ограничивается. Более того, важно помнить, что на сегодняшний день лишь незначительное количество блендов зафиксировано в лексикографических двуязычных источниках, что делает процесс перевода еще более трудоемким, так как готовые переводческие решения в применении к блендам в большинстве случаев отсутствуют.

Во-вторых, в результате блендинга порождаются в основном окказиональные лексемы; известно, что при переводе окказионализмов важно обращать внимание на внутреннюю форму слова, в которой заключается его семантическая значимость, а также на контекст, который актуализирует это значение. Данное требование обязывает переводчика к скрупулезной работе по идентификации единицы особого типа в текстовом пространстве, ее вычленению, расшифровке ее структуры и определению содержания путем тщательного контекстуального анализа.

Несмотря на обозначенные сложности, переводческая практика свидетельствует о том, что окказионализмы более или менее успешно подвергаются переводу посредством применения следующих способов: воссоздание исходной модели на языке перевода, замена окказиональной лексемы узуальным словом переводящего языка, опущение.

Использование первого из обозначенных приемов, а именно перевода путем воссоздания исходной модели окказионального слова, служит доказательством таланта переводчика, стремящегося сохранить оригинальную структуру и передать авторскую интенцию.

В отношении к блендам данное переводческое решение, как правило, применяется при работе с произведениями художественной литературы. Так, Н. М. Демурова, переводчик произведений Л. Кэрролла, создала интересный образец – *бао-бабочка*, сконструированный на базе коррелятов *баобаб* и *бабочка* как вариант перевода английского авторского бленда *bread-and-butterfly* на основе слов *bread-and-butter* – бутерброд и *butterfly* – бабочка. Очевидно, что проблема переводимости в данном случае решена лишь в определенной мере, так как в результате перевода сохранилась лишь авторская идея об использовании в данном контексте характерной композиционной формы; в то время как исходные корреляты, их семантика, соположение и контекстуальное употребление подверглись замене. Н. М. Демурова дает следующий комментарий относительно избранной переводческой стратегии: «...мы постарались сохранить в переводе двучлены а – b и b – с, дающие при наложении новое имя – “цепочку” а – b – с. Схема эта по-русски, правда, осложняется – ведь английские слова, компоненты “цепочки” а – b – с, не отяжелены никакой грамматикой. По-русски это, увы! недостижимо. Там, где у Кэрролла “цепочка” слов, нам приходится использовать “цепочку” морфем» [1]. Однако, в определенной степени, обозначенные потери, в частности, авторское истолкование окказиональной лексемы, были компенсированы переводчиком при дальнейшей работе над текстом произведения.

Однако зачастую специалисты отказываются от приема воспроизведения авторской модели, что может быть обусловлено сложностью переводимого материала, межъязыковой асимметрией, обилием фоновой информации, экстралингвистическими факторами, и прибегают к менее креативным приемам; к примеру, замены окказиональных лексем узуальными словами переводящего языка используются в переводе повести Н. С. Лескова, выполненном И. Хэпгуд. По всей видимости, названный прием был избран переводчиком по причине недостаточных языковых знаний и непостижимости фоновой информации, так как авторские единицы характеризуются не только неординарным планом выражения, но и уникальным семантическим наполнением: с содержательной стороны окказионализма Н. С. Лескова представляют собой образцы народной этимологии. Рассмотрим ряд примеров:

безрассудок (от объединения слов *предрассудок* и *безрассудство*) – *folly*;

клеветон (фельетон и клевета) – *announcement*;

публицейские новости (публичные + полицейские) – *public news*;

бюстры (бюсты + люстры) – *busts*;

долбица умножения (долбить + таблица) – *multiplication table*.

Вышеприведенные примеры вариантов перевода блендов свидетельствуют о значительных семантических и стилистических потерях, отказе от воссоздания внутренней формы авторских образований и нивелировании их национально-культурной нагрузки.

Однако в названном переводе повести наличествуют также образцы, возникшие в результате ошибки, а именно неверной расшифровки контекста и внутренней формы окказионализма. В процессе перевода подобного рода единиц была избрана стратегия адаптации англоязычной лексемы русскоязычному исходному варианту, а именно его звуковой оболочке. В результате в тексте перевода встречаются следующие единицы:

буреметры (барометры + буря) – *buremeters*;

нимфузория (нимфа + инфузория) – *nymfozoria*;

мелкоскоп (микроскоп + мелко) – *melkoscope*;

студинг (пудинг + студень) – *studing*.

Применение данного способа перевода неоправданно, так как воспроизведение звучания оригинала не позволяет судить ни о структуре, ни о значении исходной единицы, что являет собой значимую потерю смысла и свидетельствует о непереводимости блендов такого рода.

С другой стороны, способ воссоздания фонетического оформления исходной окказиональной лексемы может быть признан оптимальным в применении к блендам-заимствованиям. Доказательством могут служить следующие единицы, переведенные путем применения переводческой транскрипции (и транслитерации):

Fritalux < France + Italy + Benelux – *Фрیتالюкс*;

vidiot < video + idiot – *видиот*.

Переводимость блендов напрямую зависит от присутствия в их составе специфической национально-культурной информации, так как в блендах коррелятами зачастую выступают лексемы, представляющие собой определенную социальную значимость на конкретном этапе развития общества. Культурно обусловленные бленды, интерпретация которых осуществляется на основе общих и ситуативных фоновых знаний, иначе могут быть названы блендами-культурами.

В корпусе блендов русского и английского языка бленды-культуры сосуществуют с контекстуальными блендами, значение которых выводится из контекста, и прагмаблендами, которые могут быть актуализированы и в изоляции благодаря прозрачности и информативности структуры. Следует подчеркнуть, что в количественном соотношении контекстуальные блен-

ды превалируют над блендами-культурами и прагмаблендами; причем последние составляют наименьшую долю от общего числа зафиксированных единиц.

При анализе обозначенных типов блендов с точки зрения степени переводимости первое место занимают прагмабленды, за которыми следуют контекстуальные бленды, и лишь затем – бленды-культуры. Иными словами, культурно мотивированные бленды характеризуются минимальной степенью переводимости, контекстуальные бленды – средней, а прагмабленды – максимальной.

Рассмотрим бленд ‘лжурналист’, образованный от коррелятов ‘лживый’ и ‘журналист’ [6. С. 401] и являющийся прагмаблендом, корреляты которого формируют четкое понятие о лексическом значении бленда, используемого для обозначения работника средств массовой информации, оперирующего заведомо ложными сведениями или намеренно отказывающегося от описания правдивых фактов. Ввиду прозрачности структуры и значения бленда нам представляется, что его перевод может быть легко и успешно осуществлен посредством создания лексем по аналогичной словообразовательной модели на базе соответствующих коррелятов (лишь с изменением структурного подтипа бленда): *lie + journalist < journaliest*. При передаче бленда на английский язык нам удалось полностью сохранить его семантику при незначительной модификации исходной структуры: модель ‘осколок первого коррелята + полная основа второго коррелята’ при переводе изменилась на модель включения первого коррелята в структуру второго коррелята.

Максимальной степенью переводимости характеризуются также те бленды, которые выше были названы нами заимствованными единицами; в данном случае переводчик имеет возможность продублировать коррелятивный состав бленда и словообразовательный тип, что приводит к порождению аналогичной лексемы в языке перевода, которая будет в равной мере узнаваема носителями языка перевода.

Бленды-культуры, как уже было сказано выше, характеризуются наименьшей степенью переводимости в связи с тем, что они всегда сопряжены с национально-культурными реалиями и могут быть образованы на основе прецедентных высказываний, пословиц, поговорок, известных и понятных лишь для носителей языка. Значимость концептов, заложенных в основу национально маркированных единиц, варьируется в зависимости от языка и культуры, что грозит неполно-

ценным пониманием со стороны переводчика и впоследствии со стороны реципиента и ведет к «асимметрии межкультурной коммуникации между представителями двух наций» [2. С. 73].

Так, бленды-культуры ‘чубаучер’ < ‘(Анатолий) Чубайс + ваучер’, ‘катастрошка’ < ‘катастрофа + перестройка’, ‘kissletoe’ < ‘kiss + mistletoe’, ‘Obambi’ < ‘(Barack) Obama + Vambi’ базируются на национальных реалиях, традициях, наблюдениях, доступных восприятию лишь носителя языка, что ставит перед специалистом в области перевода задачу овладения высоким уровнем лингвистических и экстралингвистических знаний, необходимых для полноценного и беспрепятственного осуществления своей профессиональной деятельности.

Однако необходимо отметить, что ряд культурно-мотивированных блендов может быть отнесен к общему лингвокультурологическому фонду, что способствует адекватному восприятию и осмыслению значения подобных единиц. Примером такого универсального бленда-культуры, на наш взгляд, может служить название книжного магазина ‘Moby Dickens’ < ‘Moby Dick + Charles Dickens’, так как составляющие его корреляты известны каждому образованному человеку. Названный бленд может быть легко переведен с сохранением семантики и словообразовательного типа и в результате примет форму русскоязычной соответствующей лексемы ‘Моби Диккенс’, образованной на базе коррелятов ‘Моби Дик’ и ‘(Чарльз) Диккенс’.

При интерпретации культурно-мотивированных блендов переводчиком первостепенное значение приобретает наличие тех или иных концептов в исходной и переводной лингвокультурах. При полном совпадении (универсальности) коррелятов перевод бленда оказывается незатрудненным и приводит в результате к порождению единицы аналогичного типа, доступной для понимания и употребления носителями языка перевода. При частичном совпадении коррелятов перевод осложнен возможными проблемами в восприятии его результата реципиентами, но может быть упрощен за счет использования вспомогательных средств (графическое выделение, комментарии, экспликативный перевод). В случае несовпадения коррелятов бленда в языке оригинала и языке перевода степень переводимости минимальна и зачастую приводит к тому, что неординарное наименование опускается при передаче. Но если национально-культурные концепты входят в когнитивную базу адресанта и реципиента, то перевод будет успешно осуществлен с сохранением специфики объекта.

Список литературы

1. Демурова, Н. М. О переводе сказок Кэрролла [Электронный ресурс]. URL : http://lib.ru/CARROLL/carro10_10.txt. 2004, свободный.
2. Кушнина, Л. В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л. В. Кушнина, М. С. Силантьева // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.
3. Лаврова, Н. А. Англо-русский словарь. Современные тенденции в словообразовании. Контаминанты. М. : Флинта : Наука, 2009. 208 с.
4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 6-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 320 с.
5. Сдобников, В. В. Теория перевода : учеб. для студентов лингвист. вузов и фак. иностр. яз. / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. М. : АСТ : Восток-Запад ; Владимир : ВКТ, 2008. 448 с.
6. Тимофеева, Е. Е. Языковая игра и культура речи // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании : сб. материалов X Междунар. конф. по риторике / науч. ред.-сост. В. И. Аннушкин, В. Э. Морозов. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 399–403.
7. The Steel Flea / transl. from the Russian of N. S. Leskov by I. F. Hapgood [Electronic resource]. URL : <https://archive.org/stream/steelflea>. 2001, free access.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Акулова (Саратов, Россия)

РУССКОЕ И НЕМЕЦКОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ И СМЯГЧЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (на материале развлекательных шоу)

The paper is devoted to Russian and German speech behavior in the modern Russian and German media discourse. Particular attention is paid to the categoricity and the means of its reduction in their language display. The most common Russian and German constructions that serve to express categoricity are described and analyzed. The article proves that this communicative category comes under the influence of the communicative situation and the speaker's conversational role and less under the belonging to diverse ethno cultural entities.

Keywords: discourse, speech situation, speech behavior, categoricity.

Жанр 'развлекательное шоу' сегодня можно рассматривать как один из ключевых телевизионных жанров, представляющий предмет особого внимания лингвистов. В ходе ранее проведенного нами исследования речевого поведения ведущих и участников развлекательных шоу «Давай поженимся!», «Любовь с первого взгляда» [1; 2] было установлено, что ключевыми категориями в дискурсе данных шоу являются категоричность и оценочность, несмотря на сдерживающий для говорящих фактор – публичность общения.

Как известно, речевое поведение говорящих находится в прямой зависимости от таких факторов, как сфера и ситуация общения; своеобразие жанра в данной ситуации общения; статусно-ролевые характеристики адресанта и адресата: гендер, социальная роль; уровень речевой культуры; индивидуально-психологические характеристики коммуникантов [4]. В условиях межкультурной коммуникации данный список необходимо дополнить еще одним параметром – принадлежностью говорящего к определенной лингвокультуре.

В настоящей статье мы рассмотрим специфику речевого поведения немцев и русских на примере коммуникативной категории 'категоричность' и средств ее смягчения.

Материалом исследования послужили расшифровки видеозаписей эфиров ток-шоу «Давай поженимся» от 15.03.10, 17.03.10, ток-шоу «Любовь с первого взгляда» от 01.03.11, 14.03.11, «Давай попробуем» от 25.06.10, 01.07.10, 28.07.10, «Herzblatt» (1 эфир 1990 г., точная дата неизвестна, эфиры от 7.11.02, 05.2005) и «Das perfekte Dinner» (3 телеэфира, 14.11.10, 7.11.10, 17.10.10). Объем русскоязычного и немецкоязычного корпусов составил по 30000 словоупотреблений.

Кратко охарактеризуем формат и тематику данных шоу. Участники шоу «Давай поженимся!»

(далее ДП) и «Любовь с первого взгляда» (далее ЛСПВ) хотят познакомиться с представителем противоположного пола для романтических или серьезных отношений, с целью создания семьи. Ведущие ДП выполняют коммуникативную роль свах, отношения между мужчиной и женщиной являются центральной темой в ходе общения. В шоу ЛСПВ три девушки и трое молодых людей, ранее не знакомые друг с другом, отвечают на заранее подготовленные друг для друга вопросы, выполняют задания ведущих и в конце передачи тайным голосованием выбирают себе партнера. Шоу «Давай попробуем» (далее ДПП) – совмещает в себе кулинарное шоу и шоу знакомств: в нем участвуют мужчина или женщина и пять кандидатов противоположного пола. С понедельника по четверг главный участник приходит на ужин по очереди к каждому из кандидатов, в пятницу приглашает всех кандидатов на ужин к себе и по результатам вечера выбирает одного. Шоу ДП имеет максимально широкий круг адресатов, выходит в прайм-тайм на центральном канале. ДПП выходило в 2010 г., круг его адресатов был несколько уже. ЛСПВ выходило в 2011 на одном из молодежных каналов – MTV, тем самым, сужая круг адресатов (только молодые люди).

На немецком телевидении мы не нашли аналога шоу ДП, однако передачи «Herzblatt» и «Das perfekte Dinner» обнаруживают много общего с шоу ЛСПВ и ДПП, что позволило использовать их в качестве материала исследования. Шоу «Herzblatt» выходило на немецком телевидении с 1987 по 2005 г. Главный участник шоу – мужчина или женщина – выбирает себе одного из кандидатов противоположного пола, их разделяет стена, они не видят друг друга, но могут общаться, отвечая на предложенные вопросы. Итогом вечера становится выбор одного из кандидатов и

совместный романтический ужин. «Das perfekte Dinner» – кулинарное шоу, аналогичное русско-му шоу «Званный ужин».

Первый этап настоящего исследования заключался в вычленении в речи участников шоу микроконтекстов с различной степенью категоричности. Для получения максимально достоверных результатов из анализа мы исключили речь ведущих шоу как наиболее маркированную, с высокой степенью проявления индивидуальных особенностей говорящего. В результате исследования было выявлено 457 микроконтекстов с высокой степенью категоричности в русском корпусе и 277 в немецком.

О чем это может свидетельствовать? С одной стороны, огромное влияние на реализацию категоричности накладывает коммуникативная ситуация. Наибольшая категоричность и оценочность характерны для дискурса ДП – это оценочный дискурс, ведь речь идет о выборе партнера, о предпочтениях, а, как известно, высокая степень категоричности чаще всего связана с оценкой чего-либо. Категоричность речи участников шоу ДПП и «Das perfekte Dinner» повышается, когда необходимо дать оценку происходящему, дать указания помощникам по кухне. Наконец, минимальное выражение категоричности находит в речи участников шоу ЛСПВ и «Herzblatt».

С другой стороны, возможно, что высокая степень категоричности русскоязычного корпуса обусловлена принадлежностью говорящих к определенной лингвокультуре. Косвенное подтверждение тому можно найти в разнообразных лингвокультурологических работах, отмечающих высокую степень оценочности, оппозитивности русской культуры, любви к крайностям (напр., [3. С. 7–8]), что может обуславливать высокую степень категоричности общения.

Категоричность может выражаться с помощью единиц различных языковых уровней: среди вербальных средств это и специальные синтаксические конструкции, иногда особый словопорядок, повторы, дискурсивы, коммуникативы и др. Среди наиболее частотных средств выражения категоричности в анализируемом русскоязычном материале можно выделить:

– синтаксические конструкции с модальными глаголами и модальными словами *должен, хотеть, нужно, надо*;

– обобщенно-личные конструкции, часто включающие в свой состав обобщающие слова *все, всё, всякий, каждый, любой, всегда* и др.;

– дискурсивы: *именно, как раз, только, же, конечно, естественно* и др.

Немецкоязычные говорящие для выражения категоричности наиболее часто прибегают к использованию:

– дискурсивов (*sicher, natürlich, logo* и др.): (из разговора участников шоу «Das perfekte Dinner», участники J. M. P и АВ отвечают на вопрос ведущего о другом участнике Франке Фусбройхе, [здесь и далее расшифровки видеозаписей эфиров приводятся в упрощенном виде, автор расшифровок. – Е. А.] J. M. P: Frank Fussbroich / jaa / Schauspieler? – А. В.: den kennt man *natürlich* von den Fussbroichs //; А. В. Ich glaube dass / dass Dustin Semmelrogge *sicher* keine moderne Küche hat;

– побудительных конструкций: (из разговора участников шоу «Das perfekte Dinner», участник D. S. готовит, участница N. дает ему указания) N.: **tu** die Garnellen noch rein // – D. S.: ja / ja die kann man ja schon rein tun. – N.: *fängst* du schon mal **an** mit deinen Spießen.

В одном и том же высказывании могут одновременно использоваться различные средства выражения категоричности. Рассмотрим следующий пример (ДП, 15.03.10, Л. Г. – Л. Гузеева, главная ведущая, Ум. – участник ток-шоу): Л. Г.: Ну давайте тогда / перечислим ваши сильные стороны // – Ум.: Я очень люблю детей // я вырос в патриархальной семье и *считаю* что / мужчина *должен* зарабатывать // поэтому я *считаю* / что я *буду зарабатывать* / а женщина *будет заниматься* домашним уютом //.

Категоричность ответа участника в данном фрагменте обусловлена употреблением как личной конструкции с модальным предикатом ‘должен’, так и другими средствами выражения категоричности: предикат ‘считаю’ и его повтор, формы будущего сложного времени, реализующего свое переносное значение, – выражение уверенности в постоянной готовности субъекта к осуществлению действия – ‘буду зарабатывать, будет заниматься’.

Анализ средств смягчения категоричности показал, что русские и немцы используют их практически в равной мере (выявлено 685 и 670 микроконтекстов соответственно). Можно предположить, что в нашем случае доминирующим является фактор коммуникативной ситуации. Участник публичного общения не может быть излишне категоричен. Ключевой для русских и немецких развлекательных шоу является стратегия кооперативного общения, проявляющаяся в ориентации на собеседника, с этой целью и используются различные средства смягчения категоричности.

С целью смягчения категоричности высказывания в русской речи используются коммуника-

тивы типа 'знаете', 'понимаете', 'представляете', 'видите', 'слушай', 'вот', 'там'.

Наиболее частотный в анализируемой выборке коммуникатив 'ну' способен смягчать категоричность, одновременно с этим выполняя функции уточнения и пояснения сказанного, акцентуализации внимания, указания на неточность сказанного (ДП, 18.05.10, участница шоу задает вопрос одному из кандидатов): 'Ну один вопрос // э/ вы будете разделять со мной все мои увлечения? То есть прыгнуть с парашютом / покататься на лодке/ э на сноуборде? Ну честно?' 'Ну' в данных случаях не только является показателем устной формы речи, но и сигнализирует побуждение адресата к ответу на вопрос, одновременно смягчая само побуждение. Данный коммуникатив, как правило, сочетается с субъективно-модальными дискурсивами ('ну я думаю', 'ну я не знаю' и др.), рефлексивами ('ну если честно', 'ну как бы' и др.), коммуникативами 'да', 'нет' ('ну нет', 'ну да').

И в русскоязычном, и в немецкоязычном корпусах в роли смягчителей категоричности зафиксированы дискурсивы с семантикой неуверенности и неопределенности ('я думаю', 'ich glaub', 'ich mein'), а также прочие единицы, обладающие такой семантикой (например, неопределенные местоимения и местоименные слова 'кто-то', 'кто-нибудь', 'что-то', 'кое-что', 'jemand', 'man', 'einer', 'irgendwas' и др.), например (из разговора участников шоу «Herzblatt», участник R. задает нескромный вопрос одной из участниц K1.): 'R.: ok / **ich habe als Modellbauer täglich mit vollendeten Formen zu tun // Kandidatin 1 / wie sieht es eigentlich mit deiner deinen Formen aus?** – K1.: ((verlegen)) a:also *ich glaub* meine Form ist gut // doch *ich kann* mir *nicht ganz sicher* sein / u:nd *ich glaub* / Modell *kann* ich auch ab zu stehen für dich'. В приведенном примере участнице необходимо дать оценку своей фигуры, что она и делает, используя различные средства смягчения категоричности: дискурсивы субъективной модальности ('ich glaub', '**ich kann mir nicht ganz sicher sein**'), конструкцию с модальным глаголом 'können', невербальные средства – улыбку, особую интонацию.

И русские, и немцы избегают выражения в речи негативной оценки, если ее необходимо дать, она обязательно сопровождается смягчением, например (шоу ДП, 17.03.10, ведущая Л. Г.): 'Л. Г.: А вы что скажете? – У. Она *сложноватая / очень много фальши* // Короче фильм про Фредди / Фредди Крюгера / *я думаю* // Это *УЖАС тихий / серьезно!* Это внешне так все хорошо'. В приведенном фрагменте негативная оценка содержится в словах 'очень много фальши', 'ужас тихий' (слово 'ужас' выделяется с помощью эмфати-

ческого удара), но дается она в обрамлении средств смягчения ('сложноватая', 'я думаю', 'серьезно'), в результате чего ее категоричность существенно ослабевает. Приведем пример из немецкоязычного корпуса (Das perfekte Dinner, 14.11.10, участник FF. дает за кадром оценку попробованного блюда): 'FF.: **Nur die Jakobsmuscheln** die waren *lauwarm* // *ich denk* durch den Weg aus der Hütte bis zum Zelt'. Говорящий дает негативную оценку 'lauwarm' 'еле теплый', сочетая ее со средствами смягчения: дискурсивом 'ich denk' и пояснением причины 'durch den Weg aus der Hütte bis zum Zelt'.

Из культурно-специфичных способов смягчения категоричности нужно отметить частотные в русскоязычном корпусе безагентивные конструкции ('получилось, что'; 'так сложилось' и др.). В немецкоязычном корпусе широко используются различные формы условного наклонения конъюнктив, например (Das perfekte Dinner, 14.11.10, участники АВ. и FF. высказывают за кадром свои предположения относительно предстоящего ужина): 'АВ.: Ich *könnte* mir auch vorstellen / dass er uns irgendwas auch aus seinem Garten kredenzt / also irgendwas // was denn? ((lacht)) Salat?; FF.: der *könnte* mal den Vorteil haben (unverständlich) wenn er im Schrebergarten ist / Bratwurst mit Kartoffelsalat machen / aufm Grill'.

Итак, в ходе проведенного исследования было установлено, что в русской и немецкой речи присутствуют как средства усиления категоричности, так и её смягчения. Речевое поведение русских характеризуется более высокой степенью категоричности. Однако, думается, что на реализацию категоричности, в первую очередь, влияет коммуникативная ситуация, и лишь затем этнокультурная принадлежность. Зафиксированы отдельные культурно-специфичные предпочтения в выборе средств выражения категоричности. Можно сделать вывод, что именно смягчение категоричности является нормой, стандартом для речи участников шоу. Специфичным средством смягчения категоричности для русских являются безагентивные конструкции, для немцев – различные формы условного наклонения.

Список литературы

1. Акулова, Е. В. Категоричность и ее смягчение в шоу «Давай поженимся!» // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилициной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 116–130.
2. Акулова, Е. В. Речевое поведение ведущего как источник возникновения коммуникатив-

ных рисков (на материале ток-шоу «Давай поженемся!») // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы III Конгр. Рос. о-ва преподавателей рус. яз. и лит. (Санкт-Петербург, 10–13 окт. 2012 г.) : в 2 т. / сост. Е. Е. Юрков, Л. В. Московкин, Т. И. Попова. Т. 1. СПб. : МИРС, 2012. С. 260–264.

3. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры : категория персональ-

ности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.

4. Седов, К. Ф. Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилициной. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 183–210.

Ю. С. Апросина (Челябинск, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ (на материале триллеров Альфреда Хичкока)

The article is devoted to the current cinematographic discourse and the peculiarities of realization of its verbal component. The author reveals distinctive features of the cinematographic discourse on the material of Alfred Hitchcock's thrillers, dwelling upon the stylistic peculiarities embodied on the verbal level.

Keywords: cinematographic discourse, cinematic dialogue, verbal peculiarities of cinematographic discourse, cultural linguistics, stylistics.

Кинематограф на сегодняшний день является одним из главных источников информации, оказывающим колоссальное влияние на зрителя и формирующим основы его мировоззрения, что обуславливает актуальность исследования кинодискурса.

Широкой популярностью и неугасающему интересу к такому явлению, как дискурс, способствует многогранность данного феномена. На сегодняшний день не существует четкого определения дискурса, которое бы охватывало все стороны этого явления. Однако, опираясь на существующие теории, мы поддерживаем точку зрения В. И. Карасика о том, что дискурс является объектом междисциплинарного изучения. С его исследованием связаны такие науки, как социология, психология, литературоведение, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, а также такие лингвистические науки, как психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология [2. С. 46].

Вслед за теоретиком кинодискурса С. С. Назмутдиновой мы рассматриваем кинодискурс как семиотически осложненный, динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности [3. С. 7].

Неотъемлемой составляющей кинодискурса является кинодиалог. Опираясь на исследование С. Козлофф, мы предлагаем выделить следующие его функции: 1) соотнесение персонажей с местом и временем действия; 2) раскрытие персонажа; 3) создание эффекта реалистичности происходящего на экране; 4) авторский комментарий [5. С. 33].

Согласно А. Н. Зарецкой, кинодискурс определяется как совокупность вербального и невербального компонента, которая характеризуется целостностью и связностью [1. 8].

В настоящее время трудно переоценить актуальность изучения такого явления, как кинодискурс. Кинодискурс обладает огромным влиянием на кинореципиента, влияя на его мировоззрение, взгляды, установки.

Материалом для данного исследования послужил англоязычный кинодискурс фильмов А. Хичкока, который по праву считается отцом жанра 'триллер', представляющего, по нашему мнению, наибольший интерес для зрителя.

Данная статья посвящена анализу вербального компонента, который осуществлен нами на трех уровнях: фонетическом, лексико-семантическом и синтаксическом, чья совокупность обеспечивает единство и целостность языковой реальности в сознании зрителя. Придерживаясь точки зрения В. К. Туркина об искусственной проработке кинодиалогов для достижения «музыкальности

и ритмичности речи» персонажей [4. С. 84], на фонетическом уровне нами были выделены такие особенности, как нарушение фонетической нормы актерами для создания атмосферы реалистичности происходящего, а также частотное использование таких фонетических стилистических приемов, как аллитерация, ассонанс, диссонанс и ономапопея, интонационное членение высказывания:

– I could see you *looking very handsome and very successful* in a dark blue flannel suit.

– *Let's stop talking nonsense, shall we?*

(Rear window, 1954)

– Я представляю, каким прекрасным и преуспевающим ты будешь выглядеть в темно-синем фланелевом костюме.

– Давай не будем говорить чепуху, хорошо?

(Окно во двор, 1954)

Мелодичные звуковые сочетания альвеолярного бокового соната [l] с губно-зубным шумным глухим согласным [f] (*fl-l-s-l*) ярко противопоставляются резкому сочетанию альвеолярной взрывной смычной согласной [t] с переднеязычным шумным глухим согласным [s] (*ts-st-sh*), что создает эффект противоречия между двумя персонажами.

В ходе анализа лексико-семантического компонента кинодискурса мы пришли к выводу, что он отличается наибольшей наполненностью. Одним из важных элементов создания реалистичности языкового кинопространства на лексическом уровне является использование междометий – слов, которые служат для выражения эмоций и чувств, будь то радость, испуг, боль, ужас, раздражение, недоумение и т. д. Междометия помогают выразить целый спектр человеческих эмоций. Таким образом, 'ow!' выражает боль, 'shh!' – призыв к тишине, 'wow!' – выражение восторга и радости, 'oh!' – испуг, 'ew!' – отвращение:

– Where's that wonderful music coming from?

– *Wow!* Lisa, that looks fantastic!

(Rear window, 1954)

– Откуда эта чудесная музыка?

– Ух ты, Лиза, это выглядит восхитительно!

(Окно во двор, 1954)

Использование разговорных форм также придает речи реалистичность и динамику, являясь неотъемлемым маркером бытового общения:

– Hold everything. Don't do anything foolish!

– I'm just gonna get the name off that freight truck.

(Rear window, 1954)

– Подожди. Не делай глупостей!

– Я только хочу списать номер.

(Окно во двор, 1954)

Наряду с этим кинодиалог у А. Хичкока насыщен метафорами, эпитетами и сравнениями:

– Now, would you fix me a sandwich, please?

– Yes, I will. And I'll *spread a little common sense* on the bread.

(Rear window, 1954)

– А сейчас вы приготовите мне сэндвич, пожалуйста?

– Да, приготовлю. И добавлю на хлеб немного здравого смысла.

(Окно во двор, 1954)

Для придания динамичности и контраста часто используется антитеза:

– I was hoping sooner or later I might catch you at something and be able to...

– *Blackmail me?*

– *Influence you.*

(Dial M for murder, 1954)

– Я надеялся рано или поздно поймать вас на чем-нибудь и получить возможность...

– Шантажировать меня?

– Влиять на вас.

(В случае убийства набирайте «М», 1954)

Лексические повторы в зависимости от ситуации могут служить для создания атмосферы радостного возбуждения или же нервного напряжения, как в следующем примере:

– Get back! Get back! Come on, get back out of sight! Get out of sight!

(Rear window, 1954)

– Отойди назад! Отойди назад! Отойди, чтоб он тебя не увидел!

(Окно во двор, 1954)

Метонимия используется для того, чтобы создать яркий, запоминающийся зрителю образ, а также, чтобы выразить субъективно-оценочное отношение автора к данному явлению:

– I'm almost resigned to living on what I earn.

– You can always *marry money*.

(Dial M for murder, 1954)

– Я смирился и живу по средствам.

– Вы всегда можете жениться ради денег.

(В случае убийства набирайте «М», 1954)

Среди наиболее частотно встречающихся лексических приемов нами была выявлена ирония, которая служит для создания не только атмосферы фильма, но и образа героев, их отношения к определенным событиям:

– Poor soul! Oh, maybe one day she'll find her happiness.

– Yeah, and some man will lose his.

(Rear window, 1954)

– Бедняжка! Возможно, однажды она найдет свое счастье.

– Да, и какой-то мужчина потеряет свое.

(Окно во двор, 1954)

Для триллера А. Хичкока характерно отсут-

ствии специфических семантических полей. Эта особенность напрямую связана с используемым режиссером художественным приемом «саспенса» или ожидания чего-то неизвестного – одним из самых мощных инструментов владения вниманием зрителя. Зритель вместе с главным героем находится в «подвешенном» состоянии неопределенности, до последнего момента оставаясь в неведении.

Интересно отметить тот факт, что триллер А. Хичкока изобилует аллюзиями, отсылками на предметы и объекты действительности, которые подчеркивают реалистичность происходящего на экране и позволяют кинореципиенту улавливать связь событий в жизни героев с событиями реальности:

– You're pleading. You say, "Judge, it was only a little bit of innocent fun. I love my neighbors, like a father".

– And the judge says, "Well, congratulations. You've given birth to three years in *Dannemora*".

(Rear window, 1954)

– На суде вы говорите: «Уважаемые судьи, это была всего лишь невинная шалость. Я люблю соседей как собственных детей».

– А судья говорит: «Поздравляю, теперь вас ждет три года счастливого отцовства в Даннеморе».

(Окно во двор, 1954)

Даннемора – тюрьма, расположенная в штате Нью-Йорк, США.

Среди наиболее распространенных стилистических приемов на синтаксическом уровне следует отметить эллипсис, парцелляцию, апокойнические конструкции, параллелизм, лексико-синтаксические повторы, анаколупф, стирающие границы искусственности и погружающие зрителя в кинопространство:

– Take those binoculars out of the case and bring them here, will you?

– *Trouble. I can smell it.*

(Rear window, 1954)

– Достаньте бинокль из чехла и принесите его сюда.

– Неприятности. Я их чую.

(Окно во двор, 1954)

В ходе исследования мы пришли к выводу, что кинодискурс – это сложное коммуникативное образование, креолизованное явление, представляющее собой динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, выраженное

посредством вербальных и невербальных (видеоряд, кадр, музыкальное сопровождение и звуки) знаков и обладающее информативной и художественно-эстетической ценностью.

Для создания полноценного пространства кинодискурса автор использует различные стилистические приемы на трех уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом и синтаксическом. С помощью средств выразительности вербального компонента автор фильма создает реалистичную картину, заставляя зрителя проникнуться переживаниями героев и полностью погрузиться в происходящее на экране.

Нами было обнаружено, что наиболее насыщенным уровнем по числу средств выразительности является лексико-семантический, для которого характерно использование таких стилистических приемов, как метафора, эпитет, метонимия, ирония, антитеза, лексические повторы, сравнение и аллюзия.

Знания о выявленных нами вербальных особенностях англоязычного кинодискурса могут быть использованы для более детального изучения этого сложного явления, а также могут представлять интерес для дальнейших сопоставительных исследований.

Список литературы

1. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 447 с.
3. Назмутдинова, С. С. Пути достижения гармоничного перевода в кинодискурсе. М. : Прогресс, 2005. 140 с.
4. Туркин, В. К. Драматургия кино. М. : ВГИК, 2007. 320 с.
5. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley & Los Angeles : Univ. of California Press, 2000. 332 p.

Список художественных фильмов

1. В случае убийства набирайте М (=англ. Dial M for murder). Великобритания. 1954. Реж. Альфред Хичкок.
2. Окно во двор (=англ. Rear window). Великобритания. 1954. Реж. Альфред Хичкок.

Н. Г. Асмус (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

This article discusses the phenomenon of precedent in the virtual discourse and its role as a carrier of cultural information. Knowledge of universal and national precedent phenomena is an indication of belonging to this era and the culture of the nation. Some recently appeared precedent phenomena typical only for the virtual community characterize the subculture as creative, open-minded and innovative. Sources of precedent phenomena, peculiarities of functioning, types of transformation are classified.

Keywords: precedent phenomena, virtual discourse, virtual community, transformation, subculture.

Прецедентные тексты представляют собой высказывания, употребляющиеся в речевом общении с целью оценки определенных фактов, отношений и ситуаций. Ю. Н. Караулов, один из исследователей проблемы прецедентности, отмечал, что в разных ситуациях прецедентный текст может трактоваться по-разному – «либо со стороны поставленных в нем проблем, либо со стороны содержательных или формальных характеристик, либо как источник определенных эмоциональных переживаний или сходных ситуаций, либо как образец для подражания или антиобразец и т. п.» [2. С. 219]. Это позволяет прецедентным текстам существенно расширять круг своего употребления, поскольку, обладая свойством возобновимости и реинтерпретируемости, прецедентные тексты активно участвуют в языковой игре. Хорошо знакомые всем фразы из любимых фильмов, анекдотов или слова из выученных в ходе школьной программы стихотворений, обыгрывая культурные шаблоны, актуализируются в новом речевом контексте с определенной смысловой нагрузкой, нередко приобретая иронично-экспрессивной модус.

Феномен прецедентности основывается на общих фоновых знаниях коммуникантов, и эти знания могут быть социальными, культурными, языковыми, «за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными» [3. С. 170].

Каждый вид дискурса характеризуется наличием текстов, семиотически и психологически значимых для его участников. Каждый из коммуникантов периодически обогащает порождаемый им текст фрагментами из таких значимых текстов. Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей

культуры. Виртуальный дискурс предполагает особую сферу взаимодействия людей и, следовательно, бытования текста.

Прецедентными для виртуального дискурса становятся тексты, отражающие его ценности, которые включают в себя ряд возможностей пользователя, не достижимых в ситуации реального общения. Эти тексты направлены на подчеркивание несоответствий в ценностях, взглядах, образе действий коммуникантов в процессе реального и виртуального взаимодействия. «Несовершенство» реального мира подвергается ироническому осмыслению.

Источниками прецедентных текстов в виртуальном дискурсе чаще всего становятся строчки из анекдотов, популярных песен, поговорки, рекламные слоганы, популярные фразы из фильмов, художественной литературы. Они вплетаются в текстовую канву обычно в неизменном, «каноническом» виде и используются участниками речевого общения со знаком цитирования (с), (ц) – сокр. от «цитата» или (q) – сокр. от «quote».

<Duality> Я верил, что всё будет хорошо, но внезапно...

<dl> мы вас вылечим, алкоголики – это наш профиль (ц);

<hit> а вообще, я не узнаю вас в гриме (с);

<Жу> Кенр, ваше чувство юмора просто сногшибательно;

<Кенр> <Жу> натренировано годами;

<Жу> Кенр, тренируйся вон, на кошках (ц).

В речи коммуникантов прецедентные высказывания могут служить дополнительным аргументом к излагаемой точке зрения, реализуя, таким образом, одну из коммуникативных тактик – апелляцию к авторитету. Они также могут характеризовать коммуникантов, выступая в роли девиза или слогана каждый раз при появлении или уходе одного из участников:

< dinya>: улыбайтесь!.. завтра будет хуже :) (с);

left #perт (Не хочу ничего. Оставьте меня в покое. Я умер. До свидания. (с) А. Гордон).

Карнавальное мироощущение в условиях не-

подготовленного речевого общения позволяет коммуникантам активно использовать культурный фонд для создания прецедентных текстов и трансформировать их в речи, придавая коммуникации игровой характер.

Прецедентные тексты в виртуальной среде могут подвергаться различным трансформациям:

а) усечению состава:

<hit> Кеер: пицца рулит самодельная, у нас не делают нигде, кроме как, разве что, в казашки;

<Кеер> ну на вкус и цвет, да и что значит нормальная ?).

б) замещению или перестановке слов-компонентов:

<нигрето> ага, там генератор стоит

<нигрето> все в него кладут разумное, доброе, вечное, кто-то может даже стихи – а на выходе всегда бред;

<oisee> да пребудет с ботом Сила!

в) вставке в прецедентный текст уточняющих определений:

<basnevod> хлебом не корми, дай пошалить %);

<Alphawell> нигрето: ну для начала, приветствую, гуру

<нигрето> из меня гуру как балерина – толстое и неказистое

<нигрето> хотя нет, костлявое и неказистое.

г) изменению состава прецедентного текста, влекущему за собой изменение смысла на противоположный:

<whoami> вечер

<PhoeniX> вечер, ты помнишь, вьюга злилась...

<whoami> не помню, мну спало.

Как видно из примеров, фразеологизмы и цитаты вплетаются в нить высказывания, акцентируя в новом контексте оригинальность и уместность перефразирования. Неожиданные концовки знакомых фраз или создание новых высказываний по шаблонным моделям придают коммуникации яркость и экспрессивность.

Прецедентные персонажи, которые можно выделить в рамках виртуального дискурса, – это Вася Пупкин, Шушпанчик и Вуглускр. Данные прецедентные персонажи не только функционируют в сети, как многие известные переместившиеся в нее из ситуации реального общения, но и были созданы в самой виртуальной среде, неразрывно связаны с ней и вне пределов виртуального мира не имеют большой известности. Прецедентные персонажи играют большую роль в саморепрезентации виртуальной языковой личности, вследствие чего находятся в постоянной динамике, теряя со временем какие-то одни чер-

ты и качества и приобретая другие взамен утраченных.

Прецедентными текстами виртуального дискурса оказываются тексты смеховых жанров: анекдоты, пародии, байки. Анекдот представляет собой одну из форм юмористического восприятия и отражения жизни и служит для создания комичной ситуации с целью развлечения коммуникантов. На сайтах анекдоты группируются по тематическому признаку: «Про Вовочку», «Семейные», «О блондинках», «Бородатый анекдот» и др., позволяющие оценить восприятие анекдотов. В процессе виртуального общения рассказывание анекдотов, по мнению А. Д. Шмелева, заменяется такими жанрами, как «напоминание анекдота» или «цитирование анекдота» [5]. Напоминание анекдота характерно больше для общения в жанре чата, ICQ, e-mail, цитирование преобладает на страницах новостных сайтов. Блоги и форумы очень часто содержат как напоминание, так и цитирование анекдотов. Поскольку анекдот меняет форму своего бытования, переходя из первичной устной формы во вторичную, комизм ситуации основывается на языковой игре с омофонами, а также на использовании графических средств выражения (капитализация, совмещение кириллицы и латиницы). Здесь стоит особо выделить пласт анекдотов, которые отражают особенности взаимодействия виртуальных коммуникантов.

Жена – засыпающему мужу-админу:

– Милый, прохладно – я закрою окно?

– Не закрывай, просто сверни его...

Комический эффект достигается в данном случае за счет противопоставления различных значений многозначного слова: проёма в стене здания для пропускания света и/или воздуха и компьютерного жаргонизма, образованного в результате метафорического переосмысления по сходству экрана монитора с окном в квартире.

Хакер читает внуку сказку: – «...стал он кликать золотую рыбку...»

– Деда, а почему рыбку?

– А потому, дружок, что мышек тогда еще не было.

Здесь обыгрывается нелепость ситуации при помощи двух глаголов-омофонов: в значении 'звать' и 'нажимать на клавиши мыши' (заимствование от англ. 'to click'), где глагольная экспрессивно-оценочная номинация называет реалию, для которой в русском языке эквивалент отсутствует.

– Мама, я люблю Васю и хочу выйти за него замуж.

– Да ты что! Не вздумай! У тебя родители – многотысячники, да ты сама тысящица и

модератор, у тебя сам Д... во френдах, и ты хочешь выйти замуж за этого Васю, у которого один-единственный пост без комментов ?!

Комизм анекдота основывается на приоритете ценностей, значимых в виртуальной среде, и переносе их в мир реальный.

В современном интернет-дискурсе значительное место занимают анекдоты малого объема, среди которых особой популярностью у коммуникантов пользуются анекдоты-афоризмы. Данный вид анекдота занимает промежуточное положение между классическим анекдотом нарративного или диалогического типа (анекдотом-повествованием) и остроумным авторским высказыванием, построенным по типу философских суждений, дефиниций, классификаций [1. С. 152]. Это объясняется актуальностью обыгрываемых проблем и событий, вызывающих активную реакцию пользователей сети.

На сайте царит полное БЛОГОполучие!

Отвечать на вопросы нужно так, чтобы желание их задавать больше ни у кого не возникало.

Кто рано встает – тот далеко от работы живет.

Переходя через дорогу, смотрите не на светофор, а на машины – светофоры еще никого не сбивали.

Говорят, если бы Билану не дали выиграть, в третий раз он приехал бы с Валугевым...

Помимо анекдота, в сети активно возрождается еще один комический жанр – байка. В современном значении байка трактуется как юмористический рассказ о действительно случившемся или, по крайней мере, правдоподобном событии. При этом в байке важны несколько условий: событие должно быть недавно совершенным и все еще актуальным; оно должно произойти с близкими по «групповому духу» людьми, оно должно быть конкретно (а не абстрактно и намеренно условно, как в большинстве анекдотов).

Пришёл блогер на работу, включил компьютер, и оказалось, что Интернет не работает... Пришлось работать.

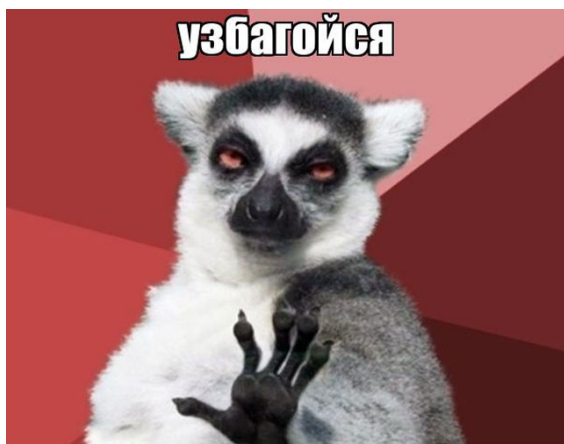
Интернет, по мнению А. Сычева, превратил байку в жанр массовый, поскольку «именно в сети массовость парадоксально слилась с субъективной доверительностью, а пространство частной жизни влилось в публичное пространство. Интернет убрал дистанцию, превратил общение с далеким собеседником в диалог тет-а-тет в реальном времени [4].

Специфическим для интернет-дискурса типом прецедентного феномена, активность использования которого возрастает в последние годы, можно считать так называемые интернет-мемы.

Под этим новым для нас термином, который мы позаимствовали из английского языка (от англ. ‘mimeme’ – ‘воспроизводимый’, ‘mime’ – ‘передача’), мы понимаем единицу культурной информации, способную быстро распространяться и спонтанно приобретать популярность в интернет-среде. Это, как правило, фразы, слова, звуки или изображения, которые подвергаются намеренному искажению в грамматическом или графическом оформлении, высмеивая или пародируя ошибки, недочеты или недостатки. Распространяются мемы в Интернете всеми возможными способами – по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и т. д. Чаще всего мемы не несут смысловой нагрузки, но при этом легко могут заменить длинные выражения. Спонтанному бесконтрольному распространению среди интернет-пользователей подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными, вызывает интерес или порождает какие-либо ассоциации. Привлекательность мема – в его популярности. Первоисточники мемов разнообразны: горячая новость, предмет искусства, фильм, персонаж аниме, высказывание интернет-пользователя и т. д. Интернет-мемы сохраняют в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для появления мема. Следовательно, мем обладает культурной коннотацией, предоставляющей адресату возможность идентификации прецедентного феномена. Эффективность коммуникации в этом случае зависит от умения коммуниканта «осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект» [6. С. 77–84].

В современном интернет-пространстве функционируют следующие типы интернет-мемов: текстовый мем, мем-картинка, видеомем, креолизованный мем, содержащий текстовую и визуальную информацию. Среди пользователей «Яндекса» самыми популярными мемами 2013 г. стали следующие: «Говорящий хомяк», «Мексиканский эпандос» и «Harlem shake». Вот несколько примеров:

Узбагойся – мем, который состоит из картинки лемура и подписи ‘узбагойся’, которая несет в себе смысловую нагрузку ‘успокойся’. С помощью этого креолизованного сообщения автор успокаивал свою девушку. Картинка многим понравилась, и мем быстро распространился по блогам, соцсетям и имиджбордам.



Котэ атакуэ – здесь использовано искажённое существительное ‘кот’ и глагол ‘атакует’. Котэ – популярное домашнее животное и всеобщий любимец, который населяет более чем половину квартир и домов во многих странах. Мем получил широкое распространение в интернет-культуре. Интернет-сообщество размещает разнообразные фотографии и видео, на которых котэ прыгает, бежит, спит, атакует и так далее.



Таким образом, диалогичность сети Интернет закономерно тяготеет к употреблению прецедентных феноменов, относящихся к разговорным жанрам смехового общения. Смеховая коммуникация всегда обнаруживает внутреннее устремление к увеличению числа участников: она отличается неполнотой и незавершенностью даже в диалоге двух субъектов, требуя расширения социального пространства.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // *Жанры речи*. Саратов, 1997. С. 144–153.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: Наука, 1987. 264 с.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 170.
4. Сычев, А. А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abc-globe.com/sichev.htm>.
5. Шмелёв, А. Д. Русский анекдот в XXI веке: трансформации речевого жанра / А. Д. Шмелёв, Е. Я. Шмелёва // *Диалог 2005*: тр. междунар. конф. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Shmelevy/Shmelevy.htm>.
6. Щурина, Ю. В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического // *Рос. лингвист. ежегодник*: науч. изд. Красноярск, 2006. Вып. 1(8). С. 77–84.

Е. Г. Вахина (Челябинск, Россия)

СВОЕОБРАЗИЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОГО ДИСКУРСА

The following article deals with the peculiarities of an animated cartoon discourse. It highlights the definitions of discourse of different authors as well as some classifications and focuses on the particular features of an animated cartoon discourse.

Keywords: discourse, animated cartoon, creolized text, discourse message.

Дискурс является сложным многоплановым феноменом, который находится в центре внимания современной науки в целом и лингвистики в частности: он является предметом изучения философии, семиотики, социальной психологии, этнографии, теории коммуникации, а также различных направлений лингвистики.

Термин ‘дискурс’ рассматривается в нескольких значениях. В первом, собственно лингвистическом значении, дискурс понимается как процесс речевой деятельности говорящего, в котором представлена не только информация о «положении дел в мире» (пропозиция), но и весь набор субъективных, социокультурных, в том

числе стереотипных и прецедентных смыслов [1. С. 7]. Во втором значении слово 'дискурс' употребляется для обозначения текущей речевой деятельности в какой-либо сфере, например, политический дискурс. За употреблением термина 'дискурс' здесь просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля и индивидуального языка. В третьем направлении понятие дискурса используется в арсенале генеративной грамматики.

Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного высказывания, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом [6. С. 135].

В связи с тем, что современное коммуникативное пространство характеризуется особым разнообразием, связанным с сосуществованием многих коммуникативных сфер, таких как политическая, медицинская, научная, кинематографическая сфера, целесообразным является выделение множества дискурсивных типов, демонстрирующих свои уникальные специфические особенности. Мультипликационный дискурс, характеризующийся отсутствием комплексного описания и недостаточной изученностью, представляет собой перспективную область исследования, т. к. является поставщиком моделей поведения для среднего носителя современной культуры.

Мультипликационный дискурс как разновидность дискурса выступает результатом взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса предполагаемых реакций зрителя и текста анимационного произведения.

Краткость фильма, соответствующая особенностям детского восприятия, занимательный его характер – вот чаще всего предпосылки сильного впечатления, производимого искусством мультфильма на детей. Основные свойства мультипликационного дискурса непосредственного проявления в тексте анимационного произведения, целью которого является обращение к способности реципиента расшифровывать мир людей, не прибегая к языку [5. С. 48]. Вниманию маленьких зрителей предлагается естественный способ бытия в мире, который выражается в мимике и жестах героев. Данные модели поведения закрепляются в сознании и в дальнейшем определяют знакомые им ситуации. Основные участники мультипликационного дискурса – коммуникатор, который создает текст анимационного произведения, и реципиент, который воспринимает и интерпретирует сообщение. Чаще всего актив-

ным участником при толковании текста является ребенок. По этой причине для того, чтобы он успешно понял заложенный в сообщение смысл, необходимо учитывать его жизненный, культурный и исторический опыт.

Семиотическое пространство мультипликационного дискурса формируется из множества жанров. За сравнительно немногие годы своего существования искусство мультипликации успело вобрать в себя различные сюжеты, взятые из всемирного фольклора, из произведений классики, из книг детских писателей, кино. И познавательная, и нравственно-эстетическая сила такой малой формы, как мультфильм, чрезвычайно велика. Высокая концентрация художественных образов и достижений науки, оперирующая на уровне архетипов, символов и коллективного бессознательного, в едином слитном потоке транслирует в подсознание зрителя разнообразные идеи, воздействуя с высокой степенью эффективности на его психику [4. С. 18]. Мультипликационное произведение является креолизованным текстом, в структуре которого наряду с вербальными средствами задействованы и иконические: рисунки, фотографии, таблицы, схемы и т. д. [5. С. 27]. Таким образом, можно выделить знаковую неоднородность мультипликационного дискурса как одно из основных свойств рассматриваемого вида дискурса.

Анимация приобрела популярность благодаря своему особому языку, который вследствие высокой степени условности оказывается привлекательным для зрителя, удовлетворяя его потребность в ментальной деятельности через воображение и ассоциативное мышление. Именно в текстовой составляющей проявляются основные свойства мультипликационного дискурса. Являясь связным и законченным по форме сообщением, текст мультипликационного произведения характеризуется важностью иносказательных и символических конструкций, абстрактного и ассоциативного мышления, которые помогают зрителю познавать физическую реальность с неожиданных для него ракурсов. Структура текста мультипликационного произведения является сложной, открытой и динамичной. Однако мультипликационный фильм, как правило, ориентируется больше на рисунок с отчетливо выраженной спецификой языка. Таким образом, зрителю предлагается не какой-то образ внешнего мира, а образ внешнего мира на языке, например, детского рисунка в переводе на язык мультипликации [3. С. 142]. **Режиссер, киноактеры, авторы сценария, все создатели любого вида киноискусства хотят что-то нам сказать своим произведением.**

Их лента – это как бы письмо, послание зрителям. Таким образом, дискурсивное сообщение, являясь семиотической системой, характеризуется знаковостью. Под знаком здесь понимается замена одного явления другим из числа принятых и разделяемых в данном обществе в процессе любовью коммуникации.

Мультипликационный дискурс характеризуется интертекстуальностью, потому что помимо собственно текстов привлекаются источники, принадлежащие другим искусствам и областям знания. Так, мультипликационное произведение может устанавливать связи с кинематографическими, телевизионными, изобразительными, архитектурными, музыкальными, литературными, научными, религиозными видами текстов [2. С. 89]. Данный факт позволяет определить мультипликационный дискурс как сложный дискурсивный феномен, вобравший в себя характеристики различных видов текста и функционирующий как открытая система, способная развиваться с течением времени.

Список литературы

1. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса : прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
2. Иванова, Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 178 с.
3. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллинн : Ээсти раамат, 1973. 140 с.
4. Попов, Е. А. Анимационное произведение : типология и эволюция образных средств : дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011. 198 с.
5. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
6. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста : (Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность) : учеб. пособие. М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

С. В. Зеленко (Минск, Беларусь)

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

In this article the terminological apparatus of the intertextuality theory is analyzed. In article problem of genesis of a contemporary publicistic discourse in context of researches of a situation of a postmodernism are considered. This article focuses on the edit problem of the journalistic text in situation of postmodernism. There's scheme of the making edit-conceptually analysis of the inclusion intertext to the journalistic text structure in this article.

Keywords: allusion, mass media discourse, intertext, precedent phenomena, publicistic speech, mass media.

Основная функция средств массовой коммуникации (СМК) – сбор и распространение информации для максимально возможного количества потребителей. При этом, как отмечает профессор Г. Солганик, «газетно-публицистическая речь призвана воздействовать на массы, призвана максимально учитывать интересы и запросы аудитории» [11. С. 15]. Это возможно только при коммуникативном равенстве (общей речевой компетентности) адресата и адресанта сообщения, наличия у субъектов коммуникации общего когнитивного фона речи, который опосредует правильную интерпретацию содержания медиатекста. На это обстоятельство обращает внимание профессор М. Тикоцкий: «В теории средств массовой ком-

муникации выделяют принцип публичности, суть которого в том, что содержание, которое передается в ходе массовой коммуникации, должно быть доступно всем членам общества без каких-либо ограничений. Этот принцип во многом определяет характер отбора языковых средств. <...> Исключаются крайности – все, что может осложнить, затруднить понимание текста» [13. С. 267]. Как свидетельствуют ученые, структурной единицей медиатекста, которая может повлиять на его осмысление и интерпретацию адресатом информации, является интертекст.

Любой интертекстуальный элемент, включенный в структуру медиатекста, обязательно коррелирует с ним, вступает в сложные полило-

гические содержательно-смысловые отношения уже только из-за факта встраивания «чужого» текста в журналистское произведение, превращения претекста или отдельной его части в структурно-композиционную единицу другого текста: «Текст соотносится с предыдущими текстами как с основанием и пресуппозицией своего возникновения» [1. С. 267]. Коэффициент корреляции (условный показатель взаимосоответствия интертекста и медиатекста) при этом может быть как положительным, так и отрицательным.

Положительный коэффициент корреляции обеспечивается интеграцией интертекста в журналистский текст. При этом интертекст в публицистической речи через реализацию своего смыслового и эмоционально-образного потенциала обогащает содержательную структуру статьи, помогает создателю текста не только представить аудитории авторскую концептуализацию действительности, мировоззренческое отношение к событию, субъекту или объекту публикации, но и подталкивает читателя к интеллектуальному развитию за счет стимулирования расширения интертекстуального тезауруса. Подобный пример использования интертекстуальной единицы наблюдаем в статье «Почему соотечественники забыли “Белорусского Теслу”?» (Обозреватель, 05.11.2010), в которой рассказывается о жизни и научной деятельности ученого Якуба Наркевича-Йодко.

В заголовок статьи включается антропонимическая аллюзия (фамилия американского исследователя Николы Тесла), которая, бесспорно, должна обратить на себя внимание читателя из-за своей некогерентности. Во-первых, она маркирована кавычками; во-вторых, прецедентное имя дополняется топонимическим указателем – определением ‘Белорусского’, который с прецедентным именем не имеет явных связей, что опосредует его аномальность в контексте статьи и обращает на себя читательское внимание. Эта интертекстуальная единица используется снова и в самой статье вместе с упоминанием еще одного прецедентного феномена – фамилии американского изобретателя Томаса Эдисона: «Современники ставили Наркевича-Йодку на одну планку с Тесла и Эдисоном». Подобные апелляции к прецедентным феноменам сразу включают адресата информации в интертекстуальную игру, подталкивают к поиску культурно-исторических параллелей и соответствий между судьбами героя публикации и упомянутых в материале ученых, вероятно, способствуют расширению интертекстуального тезауруса аудитории (поиск дополнительных сведений об Эдисоне, Тесла и Наркевиче-Йодко), помогают журналисту в по-

ложительной характеристике героя публикации, порождают у читателя необходимые для основательного и полноценного восприятия материала и связанные с упомянутыми в медиатексте прецедентными именами ассоциации – ‘известные ученые’, ‘всемирно известные изобретатели’, которые экстраполируются на личность Я. Наркевича-Йодко. С большой долей уверенности можно предположить, что даже у неподготовленного читателя (точно не знает, в каких областях науки работали Т. Эдисон и Н. Тесла) прецедентные имена, упомянутые в публикации, должны бы вызывать ассоциацию ‘знаменитый ученый’, что уже достаточно для общего понимания смысла материала. Та же часть аудитории, концептуальная картина мира которой имеет определенные точки соприкосновения с концептуальной картиной мира журналиста, должна получить соответствующую его интенции и своим вероятным представлениям о содержании публикации информацию. Иными словами, в рассмотренном примере иллюкутивный акт (коммуникативная цель журналиста по информированию аудитории), который основывается на апелляции к репрезентативам – Эдисон, Тесла, безусловно, порождает перлокутивный эффект – положительную характеристику героя публикации.

Дезинтеграция медиатекста и интертекста, когда последний по смыслу, логически и сюжетно-композиционно удаляется от журналистского текста, обуславливает наличие отрицательного коэффициента корреляции, который наблюдается при бездумном и необоснованном создании клишированных интертекстуальных заголовков к журналистским текстам; включении в структуру медиатекста ссылок на прецедентные феномены, которые являются концептуально важными для понимания сообщения, но при этом могут быть распознаны небольшим количеством адресатов информации; при использовании интертекстуальных единиц без учета их смыслового и эмоционального потенциала воздействия на аудиторию, а также при ошибочном применении определенных интертекстуальных средств.

Поскольку в подобных случаях использования интертекстуальных единиц может наблюдаться разрыв межтекстовых (междискурсных) связей претекста (прецедентного текста) и самой интертекстуальной единицей, которая является структурно-композиционным и смысловым элементом журналистского произведения, можно говорить о преобразовании интертекстов в симулякры, которые являются «точными копиями, оригиналов которых никогда не существовало» (Ф. Джеймсон). Интертекст-симулякры при своем внешнем

(формальном) подобии оригинальному тексту не содержат в себе его внутренних смысловых характеристик, в результате чего не способны наладить с окружающим контекстом (медиа-текстом, который их принимает) внутритекстовых и внетекстовых (межтекстовых и междискурсных) связей и соответственно передать реципиенту (даже при распознавании интертекстуальной единицы) имплицитного значения претекста. Подобную ситуацию можно наблюдать в статье «А и Б сидели на “трубе”» (СБ. Беларусь сегодня, 16.12.2004), в заголовок которой выносится цитата из детского стихотворения-загадки. Лексема ‘труба’ обращает на себя внимание за счет маркера – кавычек, требующего от читателя переносной интерпретации ее значения – ‘телефонная трубка’, что подтверждается и текстом статьи об использовании мобильных телефонов учениками в школе (читатель соотносит буквы ‘А’ и ‘Б’ с символьным обозначением классов). Через переосмысление интертекста, пародирование и нейтрализацию смысла прецедентного высказывания журналист пытается содержательно обогатить публицистический текст. Однако в новой контекстуальной ситуации (в составе интертекстуальной единицы) лексема ‘сидели’ приобретает отрицательную коннотацию, так как может напомнить определенной части читательской аудитории довольно известное выражение ‘сидеть на игле’ – быть наркоманом (сравн. ‘подсесть – привыкать к чему-л., приобретать зависимость от чего-л.’) [3. С. 344]. В результате подобной модификации цитата приобретает статус симулякра, потому что полностью теряет связь с претекстом, у читателя при рецепции журналистского текста могут возникнуть чувства недовольства и раздражения (эффект обманутого ожидания) из-за непонимания интенций журналиста при включении интертекстуальной единицы в текст, которая может быть воспринята как семантически аномальная и неуместная в контексте журналистского сообщения, как «коммуникативный сбой» [15. С. 265]. Подобные случаи использования интертекстуальных единиц в соответствии с методикой редактирования текстов СМК указывают на необходимость корректировки стилистического регистра медиатекста. Как справедливо писал профессор К. Былинский, «редактору, обрабатывающему текст, в котором используются цитаты и художественные образы из литературных произведений, следует учитывать, что злоупотребление этими приемами приводит к обратному результату: читатель теряет всякий интерес к тексту как к произведению, которое не содержит ничего оригинального» [2. С. 262].

Еще одним фактором, который может отрицательно повлиять на осмысление медиатекста адресатом информации, является незнание последним тех прецедентных имен, высказываний, текстов и ситуаций, к которым апеллирует журналист. Так, российский лингвист Т. Чернышова отмечает, что «для успешного взаимодействия автора и адресата в газетно-публицистической сфере недостаточно только “пересечения” концептуальных систем реципиента и текста, необходимо также “пересечение” концептуальных систем автора и адресата через текст» [14. С. 41]. Исследователи подчеркивают, что наличие общего когнитивного фона речи, близость ментальных картин мира – первостепенное условие взаимопонимания журналиста и адресата информации [5. С. 116].

На адекватное замыслу журналиста осмысление медиасообщения читателем, слушателем, зрителем, нашедшее свое отражение в публицистическом тексте, который был создан в определенных контекстуальных условиях и содержит интертекстуальные единицы, можно рассчитывать только при условии опознания и обязательного декодирования интертекста в других контекстуальных условиях, в процессе чего происходит интерпретация медиатекста адресатом информации, а в его сознании появляется новое сообщение, смысл которого примерно равен смыслу сообщения, порожденного СМК. Профессор И. Ухванова-Шмыгова отмечает, что «читатель подвергает знаковый материал, в который превратилось событие, собственной интерпретации. В результате появляется не “само событие” и не “событие автора”, а “событие читателя”» [12. С. 187].

Как уже подчеркивалось, нераспознавание адресатом интертекстуальной единицы из-за незнания претекста может не сказаться на понимании общего содержания публицистического материала (подразумевается профанное, линейное прочтение медиатекста, во время которого происходит рецепция только эксплицитной информации). При этом имплицитная информация, которую журналист, руководствуясь определенными мотивами (например, использование интертекста в качестве эвфемизма), старался передать через ссылку на «чужой» текст, апелляцию к конкретному прецедентному феномену, останется без внимания реципиента. В таком случае нельзя говорить о полноценном диалоге между журналистом и аудиторией: «... без понимания предложенного читателю авторского текста коммуникация не может состояться» [7. С. 21]. Таким образом, в постмодернистском дискурсе, который регламентирует сегодня и текстопостроение и тек-

стовосприятие, т. е. и авторскую, и читательскую деятельность по созданию текста, производитель (донор) информации должен четко оценивать и соотносить средства, которые он использует для передачи информации, с ментальными свойствами и возможностями читателя. В свою очередь, как подчеркивает доктор филологии Н. Пьеге-Гро, «интертекстуальность в полной мере предполагает активного читателя; именно он должен не только распознать наличие интертекста, но и идентифицировать его, а затем дать ему свое истолкование» [8. С. 132]. Иначе ученым придется констатировать после «смерти автора» (термин Р. Барта) и «смерть читателя» как равноправного участника процесса создания и истолкования текста.

Несовпадение языковых картин мира журналиста и реципиента информации также может отрицательно повлиять на корреляцию медиатекста и интертекста, поскольку «текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и в соответствии с условиями его объяснения» [9. С. 552]. Если согласиться с мнением Ю. Караулова, что языковая картина мира – это результат взаимодействия системы ценностей определенной личности с ее жизненными целями, мотивами поведения, интенциями и установками, которые проявляются в текстах, что создает это лицо, а также в особенностях восприятия чужих текстов [6. С. 207], то можно предположить, что ментально-когнитивную конфронтацию между субъектами коммуникации, препятствующую достижению перлокутивного эффекта журналистской деятельности, способно породить, например, вкусовое непринятие адресатом информации манеры журналистского письма, его стилистической тональности. Профессор В. Ивченков резонно замечает, что при асистемном включении в журналистский текст интертекстуальных единиц может быть порождена парадоксальная ситуация, когда «результат журналистской деятельности – текст – не соотносится с определенными вкусами, даже умственными способностями реципиента» [4. С. 95]. Например, статья «Пришел невод с... “травкой”» (Знамя юности, 19.11.2004) безосновательно, на наш взгляд, перенасыщена интерлексемами и интерстилевыми вкраплениями: «среди потребителей зелья сбытчица наркотиков», «сильнодействующая отравка афганского происхождения», «девушка продавала “кайф” за бесплатную “дозу”», «переключилась на героин, которого в столице было хоть завались», «дури было в избытке», «а тут вдобавок сотрудники УПНОНа буквально озверели: то и дело они перекрывали

каналы поступления “дури”, один за одним поставщики оказывались в местах не столь отдаленных», «в разговоре с “коробейницей” “оптовик” сказал, что готов купить крупную партию наркотиков за солидные бабки», «убедившись, что покупатель “чист”», «он предложил “упакованному” клиент 350 граммов героина», «дельцы решили встретиться», «“оценщик” захотел убедиться», «торговалась братва долго», «сам же “сделал ноги”», «напоследок попытался выпендриться», «остаток героина “затырили менты”», «окончательно загрустил он уже в ходе следствие», «сотрудники милиции блокировали “Опель” с азиата», «опера нашли еще 221,1 грамма героина», «“белая смерть” попала в силки». Подобную масштабную апелляцию к приему интерстилевого тонирования можно квалифицировать как нарушение норм чистоты речи. Профессор О. Сиротинина, анализируя литературно-жаргонный тип речевой культуры, отмечает, что характеризуется он преднамеренной жаргонизацией речи (выбором из синонимического ряда не литературного слова, а его просторечного, диалектного, ругательного смыслового соответствия) и «наблюдается у журналистов не самой высокой культуры» [10. С. 345]. Достаточно сомнительным представляется тот факт, что журналисту для создания соответствующих теме публикации контекста и стилистического колорита, налаживания с молодежной аудиторией контакта за счет использования «господствующей», как, наверное, считает журналист, в молодежной среде лексики понадобилось такое значительное количество речевых единиц ограниченной сферы использования. Этот пример является, на наш взгляд, ярким образцом профессиональной недоработки автора публикации, а также недостаточной компетентности литературного и стилистического редакторов конкретного СМК.

Таким образом, анализ речевых картин мира журналиста и реципиента информации, определение соответствия намерений журналиста при включении интертекста в медиатекст (отказ от его использования) при прогнозировании вероятностного взаимодействия журналистского текста и интертекста позволяют как автору статьи, так и редактору, который призван усовершенствовать текст, предупредить необоснованную интертекстуализацию публицистической речи, которая в определенных случаях может привести к созданию псевдореалий, помешать потребителю информации понять факт или подтолкнуть к ошибочной его интерпретации или даже профанации.

Список литературы

1. Бразговская, Е. Е. Текст культуры: от события – к со-бытию (логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий). Пермь : ПГПУ, 2004. 284 с.
2. Былинский, К. И. Язык газеты. М. : Изд-во МГУ, 1996. 304 с.
3. Елистратов, В. С. Словарь русского арго. М. : Рус. слов., 2000. 694 с.
4. Іўчанкаў, В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск : БДУ, 2003. 258 с.
5. Іўчанкаў, В. І. Медыярыторыка : рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі. Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. 280 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : URSS : ЛКИ, 2007. 261 с.
7. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 56 с.
8. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности : пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : ЛКИ, 2008. 240 с.
9. Серио, П. Дискурс и интердискурс // Семиотика : антология. М. : Академ. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. С. 549–562.
10. Сиротинина, О. Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 343–347.
11. Солганик, Г. Я. Выразительные ресурсы лексики публицистики // Поэтика публицистики : сб. науч. ст. М. : МГУ, 1990. С. 10–20.
12. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Газета – аудитория : типология речевого взаимодействия // Методология исследований политического дискурса : актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1. Минск : БГУ, 1998. С. 186–200.
13. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка беларускай мовы. Мінск : Універсітэцкае, 1995. 294 с.
14. Чернышова, Т. В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект). Барнаул : Алт. ун-т, 2003. 178 с.
15. Шестерина, А. М. Прецедентные тексты в полемических публикациях современной российской прессы // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 264–272.

И. В. Ильин (Харьков, Украина)

ДИСКУРС ‘ВОСПИТАНИЕ ВЗГЛЯДА’ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США В XIX ВЕКЕ

This article focuses on the transformation of the production and distribution of visible in European and American capitalism of the XIX century. This transformation was caused by the crisis of capitalism and the political need of bourgeoisie to eliminate class differences. One of the most productive ways was the democratization of bourgeois habitus, aestheticization of working life through bourgeois taste. This aestheticization was possible thanks to the producing of special social spaces. The discourse of ‘education of the eye’ provided the political hegemony of the bourgeois class, turning workers into his mirror twin.

Keywords: visible, aestheticization of life, power, vision.

Мишель Фуко в произведении «Надзирать и наказывать» указал на то, что власть осуществляется благодаря производству видимого – высвечивание субъектов дисциплинарными механизмами и устройствами пространства подчиняет их власти, субъективирует их в пространстве власти [1. С. 273–274]. Впрочем, сама власть при этом, по видимости, сохраняет себя вне зоны видимости. Власть осуществляется посредством надзора и производит субъектов, смотрящих на себя посредством устройства над-зора. Власть создает

своего зеркального двойника, тем самым обеспечивая полезность и эффективность каждого элемента системы. Не случайно, что дисциплинарные механизмы, описываемые Фуко, развиваются именно при капитализме, что отмечает и сам мыслитель.

Однако воспроизводство и распределение видимого в форме дисциплинарных механизмов имеет очень ограниченную область применения – нормализацию жизни масс. Превращение социального пространства в видимое воплоще-

ние тюрьмы оголяет границы власти, а значит, провоцирует сопротивление. Собственно, это и происходит на протяжении XIX в. в странах Западной Европы – становятся очевидными проявления власти: от непосредственных форм политической реакции против выступлений рабочего класса к пространственному насилию урбанистической революции. То есть осуществление дисциплинарной власти приводит к необходимости трансформации производства видимого, видимости, а следовательно, и отправления власти.

Рождается новый дискурс, то есть новое сочетание теории и пространственной практики власти, который необходимо назвать дискурсом воспитания взгляда. Что это означает? Капитал создает социальные пространства, в которых рабочий класс субъективируется в буржуазном габитусе, научаясь видеть себя и других с точки зрения капитала, буржуазного вкуса. Рабочий класс подтягивается буржуазией до ее уровня, научаясь производить и распределять видимое в субъективно-эстетическом смысле. Пьер Бурдьё так определял буржуазный габитус – «доминирующие фракции господствующего класса (“буржуазия”) требуют от искусства высокой степени отрицания социального мира и включения его в гедонистическую эстетику покоя и легкости, символизируемые бульварным театром и импрессионистической живописью» [2. С. 176]. И далее: «Чистая эстетика укоренена в этике, или, лучше, в этосе избирательной дистанции по отношению к необходимости, царящей в природе и обществе, которая принимает форму морального агностицизма или эстетизма; она представляет эстетическое расположение как универсально признанный принцип, приводящий буржуазное отрицание социального мира к пределу» [2. С. 5]. **Итак, буржуазный габитус включает в себя производство видимого – внимание к форме предметов, к чистой эстетике форм, а, с другой стороны, оставляет за пределами видимого социальный мир, содержание и функцию предмета (искусства).**

Для начала затронем проект Уильяма Левера, английского капиталиста, построившего город «Порт Санлайт» в 1888 г. для своего предприятия, а также для размещения рабочих, в качестве ответа на проблемы капитализма – перенаселение городов, отсутствие гигиены, образования, отдыха у рабочих и пр. Большое значение уделял Уильям Левер воспитательной функции искусства, поскольку «великое искусство может привести не только к личному удовлетворению и счастью, но также к прогрессу всей нации. В своей речи, произнесенной на открытии весенней выставки в художественной галерее Олдхэм 15 февраля

1915 г., Уильям Левер объяснил, что «основанием всякого подлинно великого произведения искусства является красота, а шедевр искусства сам по себе приносит счастье и удовольствие. <...> Нет постоянного ощущения счастья без нравственного поведения. Искусство и красота вдохновляют разум и душу, а ассоциация идей и переживаний дает идеал и красоту поведению и характеру. Гармония искусства и прекрасного предполагает <...> идеал поведения в повседневной жизни. Искусство и прекрасное несознательно создают атмосферу, в которой счастье и добродетели растут и процветают» [цит. по: 12. С. 184]. В этой цитате очень ясно выражена функция искусства в проекте Левера: эстетика является средством нравственного воспитания. Левер учил рабочих, таким образом, буржуазному вкусу – придавать значение форме, ассоциациям, приятным впечатлениям, (само)любованию без всякого социально-классового контекста благодаря особому устройству пространства – домам и зданиям в готическом стиле, парками и садами для отдыха и развлечений и пр.

Левер посредством устройства определенного пространства отделяет рабочих от видимых противоречий капитализма, обращая внимание именно на жизнеспособность капитализма благодаря эстетизации жизненного пространства. Иными словами, жизнь превращается в эстетическую форму, оторванную от проблематичного социального содержания. Уильям Джордж так описывает дом рабочих в «Порт Санлайт»: «В гостиной хорошая, далеко не лишенная вкуса, мебель; около полсотни книг заполняют полки в маленьком книжном шкафу; обеденный стол вытерт, начисто вымытый кафель, белые занавески. Атмосфера покоя, такого покоя, который говорит о том, каким трудом он достался; все вокруг исполнено довольством и счастьем. Эти люди бедны, но они сохранили или обрели вновь свою “человечность”: родители милы и обходительны; дети воспитаны и умеют грамотно говорить, а также усвоили семейный вкус к музыке» [6. С. 177–178]. Следовательно, в социальном пространстве «Порт Санлайт» создаются условия для воспитания взгляда рабочих в форме буржуазного вкуса. Хотя смысл буржуазного вкуса в забвении социального мира – проект Левера является социально-пространственным проектом, приводящим к забвению рабочими социального мира и выхода к «формальному» времяпрепровождению и пр.

Таким образом, усвоив буржуазный габитус, рабочие, если можно так выразиться, «играют в буржуазию», тем самым, не угрожая господству

капитала. Дисциплинарная власть дополняется буржуазной политикой взгляда, дающей в распоряжение субъекту средства эстетической субъективации, из которых он может создать, по видимости, свободно и самостоятельно себя сам, вне всякой политики и социального контекста. Рабочий деполитизируется, становясь художественным произведением в проекте буржуазии, не видя и не желая видеть границ видимого, скрытых в самом социальном пространстве, а затем и в нем самом.

Каким же образом осуществлялось воспитание взгляда в более широком общественном масштабе? Дело в том, что общим правилом для британских владельцев магазинов, лавочников на протяжении XIX в. было обязательно учтвое отношение к респектабельно одетым покупателям, а также разрешение им расплачиваться за товары спустя некоторое время, или выписывать чек, или присылать с деньгами слуг и пр. Этот кодекс был очень ловко воспринят бедными слоями [см.: 1. С. 122–123] Британии, которые, одеваясь респектабельно, «играли» в представителей буржуазного класса с целью обмана и присвоения товаров. Так, в негативной форме происходило воспитание взгляда. С другой стороны, такое явление – шоплифтинг (мелкая кража в магазинах) – отсылало к тому, что эстетические границы, отделявшие классы, являются, по видимости, эфемерными и преодолимыми. Газеты того времени пестрят сообщениями о поимке таких артистичных воров. Так, в британской газете «Морнинг Пост» от 12 января 1838 г. в полицейской хронике была размещена следующая заметка: «Стильный (Dashing) шоплифтер. – Вчера хорошо одетый (well-dressed), **выглядящий благородно (genteel-looking) молодой человек**, назвавшийся Кларксоном, что не является его действительным именем, был признан виновным в краже алмазной булавки в магазине мистера Уэста, ювелира на Маргарет-стрит, 41, Кавендиш-сквер» [8. С. 7]. Приведем примеры устойчивых выражений, используемых в британских газетах для описания магазинных воров: ‘элегантно одетая женщина’ (elegantly dressed) [9. С. 22686], ‘женщина респектабельной внешности и обращением леди, обладающей манерами’ (respectable appearance and lady-like address) [11. С. 8]; ‘женщина средних лет в благопристойном облачении’ (decently attired, middle-aged woman) [10. С. 484]; ‘мужчина почтительного возраста, имеющий внешность джентльмена и человека выдающегося положения’ (a gentlemanly looking man, far advanced in years, having the appearance of a person of distinction) [3. С. 19630]; ‘модно одетая моло-

дая девушка’ (fashionably-dressed young woman) [4. С. 184]. Так же, как и в «Порт Санлайт», магазинные воры, оставаясь, по существу, бедными, учились не замечать свое социальное положение, имитируя внешний вид (вкус) и манеры буржуазии, платя, в случае неудачного «театрального действия», своей свободой.

Однако с возникновением массового, демократического пространства потребления к концу XIX в. – универмага – шоплифтинг стал настоящей городской эпидемией, вызвав к жизни положительное разрешение не только проблемы эстетического преодоления классовых различий, но и нахождения пути исправления нелегитимного поведения – эти два пункта вызвали к жизни, одним словом, воспитание взгляда как распространение буржуазных эстетических норм/форм благодаря массовому производству товаров, а также доступных кредитов. Имитация ранних магазинных воров была заменена сознательной программой буржуазии по научению бедных слоев населения, рабочих эстетизировать свою жизнь по-буржуазному, не замечая политического источника этой программы и противоречивости ее намерений. Лиза Тирстен пишет о том, что в конце XIX в. универмаги не только были средоточием шоплифтинга, но и считались основным источником развращения женщин. Последние, окруженные товарами и атмосферой неги и удовольствия, отвлекались от ценностей семьи и интересов семейного бюджета, предаваясь безудержному, иррациональному потреблению [13. С. 17, 25, 26].

Отсюда необходимость воспитать незаинтересованное, рациональное отношение к предметам посредством буржуазного вкуса. И это не только касалось внешнего вида женщин, но и декорирования дома, а также эстетизации всех сторон жизни. Во французском журнале мод “La Grande Dame”, например, писали, что мода «это чувство, образ мыслей, образ жизни <...> Это значит быть элегантным <...> в общении, чтении, в повседневных делах <...> даже в осанке» [цит. по: 13. С. 104]. Американская газета “Fort Worth daily gazette” пишет о том, что «воспитание взглядом будет практически неизбежным результатом того, что люди будут ежедневно смотреть на иллюстрации, которыми заполнена ведущая периодика» [7. С. 4]. Относительно декорирования дома пишет американская газета “Sacramento daily record-union”: «Понимание прекрасного – это способность, которая лучше всего развивается посредством воспитания взгляда и ума. Влияние окружающей обстановки на ум является аксиомой современной философии. Грубый и вульгар-

ный дух может быть возвышен и утончен, если его осторожно вести к тому, чтобы он научился любоваться, отдавать предпочтение и, в конце концов, требовать некоторых элементов прекрасного в своем окружении. Благодаря прогрессирующим науке и изобретениям уже не нужно быть богатым, чтобы насладиться тем удовольствием, которое декоративное искусство имеет в своем расположении» [5. С. 4].

Таким образом, дискурс 'воспитание взгляда' уничтожил различие между классами на эстетическом уровне, объединив интересы капитала с эстетической сферой и трансляцией буржуазных ценностей (семейного долга, потребления, вкуса, индивидуализма и пр.) в жизнь рабочих. Если эстетический вкус буржуазии является следствием преодоленной необходимости в их классовом положении, то у рабочего, усвоившего буржуазный вкус, происходит забвение, сокрытие сферы необходимости, то есть своего социально-экономического положения. Политика взгляда реализуется, таким образом, во внимании к прекрасному и в забвении всего внеэстетического. Так же, как в «Порт Санлайт», эта политика была осуществлена в социальном пространстве, всеобщее «воспитание взгляда» началось в универмаге, чтобы затем «осесть» в мире субъекта, превратившись в индивидуализированный стиль жизни, в одну из модуляций буржуазного вкуса. Буржуазный вкус рабочего является превращенной формой процесса обуржуазивания рабочего, политики буржуазии по деполитизации рабочего, превращения его в своего двойника; это превращенная форма установления гегемонии капитала.

Список литературы

1. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
2. Bourdieu, P. Distinction : a social critique of the judgement / transl. by R. Nice. Cambridge, Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1984. 613 с.
3. Caledonian asylum // Caledonian Mercury. 1846. Monday, 7 Dec. Issue 19630.
4. Conviction of a fashionable lifter // The Illustrated Police News etc. 1867. 24 August. Issue 184.
5. Decorative art // Sacramento daily record-union. 1882. 13 May. P. 4.
6. George, W. Labour and housing at Port Sunlight. L. : A. Rivers limited, 1909. 366 с.
7. Our book table // Fort Worth daily gazette. 1889. 03 Feb. P. 4.
8. Police intelligence // The Morning Post. 1838. 12 Jan. P. 7.
9. Police intelligence // The Morning Post. 1843. 25 Sept. Issue 22683.
10. Police intelligence // The Northern Star and National Trades' Journal. 1847. 30 Jan. Issue 484.
11. Police intelligence // The Morning Post. 1850. 23 Nov. P. 8.
12. Rowan, D. Imagining Corporate Culture : The Industrial Paternalism of William Hesketh Lever at Port Sunlight, 1888–1925. Louisiana State Univ., 2006. 261 с.
13. Tiersten, L. Marianne in the Market : Envisioning Consumer Society in Fin-de-siècle France. Berkeley and Los Angeles : Univ. of California Press, 2001. 321 с.

Н. А. Калёнова (Волгоград, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

The author analyzes the phraseological unit as a means of encoding information in the epistolary discourse. Cognitive-pragmatic approach allows to consider the characteristics of phraseological unit and position information coding, and from the standpoint of its impact on the recipient. Revealed that phraseological units have some features in the functioning of the epistolary discourse.

Keywords: phraseological unit, epistolary discourse, cognitive-pragmatic approach.

Исследования классиков лингвистического компаративизма [2; 14; 15], а также лучших представителей системно-структурной [7; 8 11; 12 и др.] и коммуникативно-прагматической [6; 10; 16; 17 и др.] парадигм языковедения создали

мощную методологическую базу фразеологии: знания о свойствах ФЕ как единицы языка, единицы речи, как компонента речевого акта и т. д. Становление когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследовании русской фразеологии [1; 3; 5;

9 и др.] реализует интерес учёных к особенностям объективации ментальных структур фразеологическими единицами, являющимися «носителями определённым образом интерпретированных до-вербальных смыслов, на основе которых и сформировались значения ФЕ» [1. С. 27].

Фразеологическая единица выступает в эпистолярном дискурсе (ЭД) как код, средство кодирования некоторого информационного сгущения, которое является на момент написания письма результатом осмысления адресантом фактов окружающей действительности и которое «подготовлено» для трансляции посредством эпистолярного дискурса. Прежде всего поясним, что ЭД, как представляется, – это сложное когнитивно-коммуникативное событие, которое позволяет адресанту, предварительно закодирав, транслировать информацию адресату, декодирующему её. В таком понимании ЭД языковые единицы предстают как средства трансляции информации. В данном случае нас интересует роль ФЕ в трансляции информации в ЭД.

В ЭД реализуются все свойства, присущие ФЕ вообще, как единице языка. Несоответствие плана выражения и плана содержания при большой ёмкости последнего делает ФЕ эффективным и экономичным средством кодирования информации. Например:

(1) «Я был в доме генерал-губернатора на заседании Исполнительного комитета. Круглый зал, облицованный белым мрамором. Высокие узкие зеркала. Хрустальные люстры мерцают многоцветными вспышками. На широких мраморных лестницах, в залах, затянутых старинным шелком, у всех дверей – застыли часовые. Когда проходит комиссар правительства с красной гвоздикой в петлице – они бесшумно *берут на караул*.

В тихих разговорах, в тишине зал, в ярком свете что-то торжественное и новое. Мне отвели место за столом, рядом с президиумом. Старинные кресла красного дерева.

Я сидел, слушал, смотрел и писал. И напротив, в зеркале, сидел, слушал и писал студент с поразительно бледным лицом. И не верилось, что это я» (К. Г. Паустовский Е. С. Загорской-Паустовской, 17 марта 1917 г., ночь) [Паустовский. С. 56].

Обратим внимание на детали в описании обстановки дома генерал-губернатора. Учитывая то, что основной целью данного коммуникативного действия (написание письма) было поделиться чувствами, столь подробный «рисунки» позволяет адресанту «поместить» адресата в то место, в котором Паустовский оказался. Великолепный художник слова, Паустовский, без сомнения, мог бы ещё более подробно представить

описание этой обстановки, и в некоторых письмах можно найти такие «картины», которые сами по себе представляют определённую ценность, однако он ограничивается самыми необходимыми, на его взгляд, штрихами.

Движение мысли направлено от создания картины места к объективации чувств, переполняющих адресанта. В коммуникативную цель входит стремление не просто объективировать эмоции / чувства, но помочь адресату со-чувствовать ему, погрузив в ту обстановку, в которой эти эмоции были порождены. В этом аспекте интересно указание на то, что эта обстановка – «что-то торжественное и новое».

Таким образом, ФЕ в данном ЭД является эффективным и экономичным средством кодирования информации: (2) «Когда проходит комиссар правительства с красной гвоздикой в петлице – они бесшумно *берут на караул*». Во-первых, ФЕ ёмко кодирует целую модель ситуации. Описание действий и/или манипуляций с ружьем, предписанное для караульных в ситуации приветствия старшего по чину, могло занять гораздо большее по объёму место в письме, чем использование ФЕ. Иначе говоря, замена ФЕ иными языковыми единицами (их комплексом) в целях передачи того же объёма информации потребовала бы больших усилий.

Необходимым для эффективности ФЕ как средства кодирования информации условием является знание адресатом значения данной ФЕ. Точнее, наличие данной ФЕ в лексиконе адресата как активно употребляемой единицы или хотя бы как единицы, которая была услышана хоть раз, адекватно декодирована. Другими словами, важно, чтобы адресат владел знанием о том объёме информации, которая может быть закодирована данной ФЕ.

В связи с этим позволим некоторое отступление от анализа фрагмента письма Паустовского и обратимся к небольшому эксперименту. Фрагмент (2) предъявляем реципиентам разного возраста и рода занятий, в том числе детям школьного возраста, с просьбой пояснить, как они понимают выражение выделенной единицы. Количество испытуемых – 50 человек. Небольшое количество участников эксперимента не обеспечивает, конечно, всеобъемлющей картины, но даёт интересные факты для размышлений. Так, не все участники эксперимента знают значение ФЕ. Мужчины (от 27 до 62 лет) объяснили подробно, что это действия / манипуляции служащих в карауле, караульные выставляют оружие определённым образом: «Видят, что командир идёт, выставляют винтовку вот так», или «Это

знают только те, кто служил. Караул – это охрана что ли, как сказать, ну, все знают, что такое караул. Ну, вот они там стоят, а когда кто-то идёт, кто старше по званию, они вот так делают» и т. д. Интересно, что дети младшего школьного возраста, не зная значения ФЕ, связывают значение выражения с лексическим значением лексемы 'караул' – 'крик о помощи'. При этом не «проверяют» логическую связь с целым контекстом, что, очевидно, связано ещё и с наличием других не известных им единиц.

Отдельно следует сказать о том, что время написания письма, 1917 г., – период очень сложный для страны, происходит очень много военных действий различного характера, военное положение и т. д. – всё это накладывает отпечаток на концептосферы людей, живущих в эту эпоху.

Итак, ФЕ, как средство целенаправленного кодирования информации в ЭД, является эффективным в том случае, если адресат распознаёт код. Соответственно, адресант, заботясь об эффективности коммуникации, должен подумать о том, как адресат декодирует данную единицу. Но ФЕ 'берут на караул' используется адресантом без комментариев и пояснений, адресант предполагает (или у него уже был опыт, в котором он удостоверился в этом), что адресат без труда декодирует эту единицу. Или информация о том, что такое 'брать на караул', является общеизвестной, то есть эта ситуация частотна, её модель стала частью концептосфер всех или большинства людей, живущих в данное время, в данном обществе, с разной степенью актуальности.

Между тем ФЕ 'брать на караул' генетически связана с военным дискурсом, носила изначально специальный, терминологический характер. Например, в воспоминаниях бывшего военного, охватывающих практически то же время, читаем: «Завидев знамя, старший караульный начальник выходит для командования и командует: "Под знамя... слушай, на караул!" Все берут "на караул"» [Макаров. С. 1]. Или: «Раз, два... взяли на караул. Со вторым счетом по всей линии головы не повернулись, а вскинулись направо. В такт блеснули офицерские шашки. Музыка снова гремит полковой марш» [Макаров. С. 82]. Таким образом, возникнув в военной сфере, сама ситуация как набор действий и её символическое значение становятся в определённый период общедоступными. ФЕ 'брать / взять на караул' в современном литературном языке фиксируется словарём как 'Спец. Устар. Приветствовать кого л. особым ружейным приемом'.

Но вернёмся к данным эксперимента. Один из его участников, мужчина 57 лет, ответил: «Ка-

раул – это очень серьёзно. Я вот был в карауле, знаю. Стоишь, и ни заснуть, в общем, ответственность. А вот у нас случай был, ой не могу, умо-ра...». Ответ обнаружил индивидуальные, личностные смыслы, связанные с ситуацией, и, как следствие, с ФЕ. Ассоциативно-образные смысловые компоненты являются частью смысловой структуры модели ситуации, находят отражение в смысловой структуре ФЕ.

Участники эпистолярной коммуникации могут иметь такие индивидуальные смысловые элементы в структурах единицы. Поясним. Адресант как языковая личность владеет смысловой структурой, коррелирующей с ФЗ, но в ней, в смысловой структуре ФЕ, могут оказаться такие смысловые элементы, которые можно назвать индивидуальными, возникшими на основе ассоциативно-образных связей и т. д. Адресант также может оперировать ФЕ с индивидуальными смысловыми компонентами в смысловой структуре. Например, воспоминания о параде в детстве или посещение какой-либо достопримечательности вместе с родными могут вызвать ассоциации, провоцирующие спектр положительных эмоций. Напротив, тревожность в связи с событиями описываемого периода может наполнить смысловую структуру единицы эмотивными компонентами, охватывающими спектр отрицательных эмоций. В письме Паустовского нет прямого указания на подобные индивидуальные смысловые элементы, но они могут быть.

Полагаем, Паустовский акцентирует внимание на таком компоненте смысловой структуры ФЕ 'брать / взять на караул', как 'торжественно', что соотносится с употреблением впоследствии соответствующей лексемы, лексем, объективирующих символы торжественности: 'мрамор', 'хрусталь', 'шёлк' и т. д. То есть смысловой элемент 'торжественно' можно вычленивать в смысловых структурах окружающих ФЕ лексем.

Итак, мы рассмотрели реализацию основных свойств ФЕ как знака, используемого для кодирования информации, в том числе и в ЭД.

Справедливо возникает вопрос о том, в чём же специфика использования ФЕ именно в ЭД. Наши исследования приводят к выводу, что существенных особенностей, характеризующих «поведение» ФЕ только (!) в ЭД, нет. Считаем необходимым уточнить, что речь не идёт о формулах, устойчивых сочетаниях, образующих этикетную рамку письма, которые, безусловно, являются главными приметами, жанровыми «метками» ЭД как текста [4; 18 и др.].

Особенности использования ФЕ как средства кодирования информации в ЭД обусловлены

спецификой самого ЭД как когнитивно-коммуникативного события. Разнородность материала, которую отмечают все исследователи, изучающие письмо, с одной стороны, «мешает» строгой систематизации, выведению чёткой теории с неразмытыми границами, с другой – демонстрирует всё то многообразие речевого поведения языковых личностей в разговорной сфере, которое возможно с учётом письменной формы данной коммуникации.

Отсутствие книжной фразеологии либо использование её в целях создания иронии выявляют принадлежность эпистолярия к разговорной речи. Однако нужно уточнить, что письма некоторых художников слова – произведение искусства. При этом авторами частных писем являются не только представители творческой интеллигенции, чьи письма рассматривают как эпистолярный элитарной языковой личности [13 и др.], но и все остальные люди, хоть сколько-нибудь владеющие навыками письма. Другое дело, что доступность писем последних гораздо меньше. Но в последнее время стало появляться всё больше публикаций источников личного происхождения, в том числе и писем, простых людей, память о которых таким образом желают увековечить, например, родственники. Использование разговорной, просторечной и даже обценной фразеологии, подчеркнём, свойственна разговорной речи вообще, как устной, так и письменной, одной из форм которой и является эпистолярный.

Думается, учёт фактора адресата в выборе ФЕ для кодирования информации особенно актуален именно в ЭД. Смысловая структура ФЕ может быть наполнена индивидуальными смысловыми элементами и в сознании адресанта, и в сознании адресата. При совпадении (которое не может быть абсолютным) смысловых элементов ФЕ и в сознании адресанта, и в сознании адресата ФЕ способна кодировать ещё больший объём информации, который может быть не эксплицирован никаким иным способом. Данное положение нуждается в исследовании в аспекте когнитивно-прагматических механизмов трансляции информации в ЭД.

Источники

1. Макаров, Ю. В. Главный караул в Зимнем дворце во время «Высочайшего отсутствия» [Электронный ресурс] // Моя служба в Старой Гвардии 1905–1917 гг. Мирное время и война. Мемуары. Buenos Aires : Dorrego, 1951. URL : http://militera.lib.ru/memo/russian/makarov_j/index.html.

2. Паустовский, К. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 9. Письма 1915–1968 гг. / сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого. М. : Худож. лит., 1986. 542 с.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография. М. : Элпис, 2008. 271 с.
2. Бабкин, А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л. : Наука, 1970. 263 с.
3. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии : антропоцентрический и аксиологический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. 333 с.
4. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк : НГПИ, 2002. 228 с.
5. Баранов, А. Н. Когнитивное моделирование актуального значения идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Учен. зап. Тартус. ун-та. Тарту, 1990. Вып. 903. С. 20–26.
6. Баркова, Л. А. Прагматические свойства фразеологизмов и их речевая реализация (на материале англоязычной журнальной рекламы) // Фразеология и контекст : сб. науч. тр. МГПИИЯ. М., 1982. Вып. 198. С. 3–13.
7. Виноградов, В. В. Избранные труды : (Лексикология и лексикография). М. : Наука, 1977. 312 с.
8. Гвоздарёв, Ю. А. Основы русского фразеобразования : монография. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов н/Д : Логос, 2010. 246 с.
9. Декатова, К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка : (Когнитивно-семиологический аспект исследования) : монография. Волгоград : Перемена, 2009. 216 с.
10. Добрыднева, Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 453 с.
11. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д, 1979. 172 с.
12. Жуков, В. П. Русская фразеология. М. : Высш. шк., 1986. 310 с.
13. Курьянович, А. В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века : узус и идиостиль (на материале писем М. В. Нестерова, Ф. И. Шалапина, В. И. Вернадского, М. И. Цветаевой) : монография / под ред. Н. С. Болотновой. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2013. 308 с.
14. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. М. : Высш. шк., 1989. 287 с.

15. Попов, Р. Н. Методы исследования фразеологического состава языка. Курск : Изд-во КГПИ, 1976. 83 с.

16. Поселенова, А. В. Коммуникативно-прагматические свойства фразеологических единиц в диалогической речи (на материале русской драматургии XIX века) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 230 с.

17. Телия, В. Н. Русская фразеология : (Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты). М. : Яз. рус. культуры, 1996. 288 с.

18. Фалина, В. А. Новые тенденции оформления концовки неофициального письма середины XIX – начала XX века // Вестн. гуманит. фак. Иван. гос. хим.-технол. ун-та. 2008. Вып. 3. С. 262–266.

М. В. Мешкова (Челябинск, Россия)

КИНОДИСКУРС КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ГРАНИЦЫ ТЕРМИНА И ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

The article is devoted to the problem of film discourse and its place in the great variety of discourses. It defines the discourse as an object of the study and its role in science as a term and provides the reader with the peculiarities of discourse as a phenomenon. In addition, the research dwells upon the unique features of film discourse, its possibilities, aspects and functions found out by modern scientists.

Keywords: film discourse, cinematographic text, peculiarities of film discourse, aspects and functions of discourse.

Современная лингвистика отмечает необходимость изучения языка как средства познания человеком окружающего мира и исследования языковых единиц в процессе коммуникации, возникающем в различных сферах: бытовой, театральной, медийной, политической, кинематографической. Одно из интереснейших явлений – это язык кино, поскольку создатели фильмов умело соединяют изображение и звук и оперируют пространством, временем, движением, делая свои произведения доступными, яркими и наглядными. В связи с тем, что кинематограф обращается не только к вербальным, но и невербальным средствам, необходимым шагом является изучение единства этих составляющих как продукта коммуникативного действия, то есть обращение к понятию кинодискурса. Актуальность исследования определяется широкой популярностью кино как вида искусства и его мощным воздействием на аудиторию. Кроме того, сфера анализа коммуникативных стратегий, используемых в кинодискурсе, находится на стадии развития и требует пристального внимания.

Поскольку кинодискурс выделяется из дискурсивного многообразия, отметим, прежде всего, основные черты дискурса как явления, столь активно рассматриваемого в современной лингвистике.

Сегодня не существует единого определения термина 'дискурс', охватывающего все сферы его применения. Необходимым шагом является

выбор рабочего определения в рамках нашей работы, для этого обратимся к уже имеющимся исследованиям дискурса. Т. В. Милевская полагает: «Утверждение в современных лингвистических исследованиях термина "дискурс" стало знаком поворота науки о языке в сторону лингвистики "внешней": статический структурно-семантический подход уступил место динамическому коммуникативному» [7. С. 20].

Французский структуралист М. Фуко понимал дискурс и как процесс, и как результат. Согласно Фуко, речь является «инструментом освоения реальности», в ходе чего не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, и складываются коммуникативные конструкции. Речь в таком её понимании и следует называть, по мнению М. Фуко, дискурсом. Таким образом, дискурс – это одновременно и процесс, и результат (в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо). Здесь дискурс рассматривается как закрепившийся в языке способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках.

Идеи Фуко развиваются и современными исследователями. А. А. Кибрик при определении дискурса концентрируется на единстве двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т. е. текста. Как полагает ученый, «благодаря такому

двуединству, дискурс можно изучать и как развивающийся во времени процесс, и как структурный объект». А. А. Кибрик отмечает, что современный дискурсивный анализ концентрируется на решении трех вопросов: «...(а) какими бывают исследуемые явления? (б) какова структура этих явлений? (в) как эти явления связаны с явлениями из смежных областей?» [6. С. 8].

Как утверждает В. Е. Чернявская, идея анализа различных видов дискурсов является чрезвычайно продуктивной и актуальной для современных исследований. Она выделяет два основных определения термина 'дискурс' и объясняет актуальность изучения этого явления. В узком смысле, дискурс понимается как «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном пространстве» [12. С. 78]. Из этого следует, что тексты как продукты коммуникативной деятельности соотносятся с определенной ментальной сферой, которая сосредотачивает в себе соответствующие знания. Такое понимание дискурса как лингвистической категории не дублирует и не подменяет понятие текста, поскольку обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящие к формированию текста, то есть особой формальной конструкции. Конкретные тексты составляют эмпирический базис для описания дискурса. Конкретное коммуникативное событие осуществляется в определенном когнитивном и типологически заданном пространстве. С такой точки зрения дискурс есть неотъемлемое условие успешной коммуникации, то есть воспроизводства и восприятия сообщений.

Т. А. Ван Дейк в книге «*Ideology: a multidisciplinary approach*» утверждает: «Понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. "Дискурс" – одно из них». Более того, понятие может усложняться и использоваться для обозначения того или иного жанра, как «новостной дискурс», «научный дискурс», «политический дискурс», «кинодискурс», «радиодискурс» [13].

Ю. С. Степанов пишет: «Дискурс – это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и

синтаксиса, – в конечном счете – особый мир. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из "возможных миров". Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса "Язык – дом духа" и, в известной мере, тезиса "Язык – дом бытия"» [4].

Проанализировав многочисленные определения и трактовки дискурса, В. И. Карасик останавливается на следующем понимании этого термина: «Дискурс – это интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения». Ученый полагает, что дискурс – это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. С позиций социолингвистики В. И. Карасик предлагает рассматривать дискурс как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [5. С. 132]. Именно это понимание дискурса будет наиболее приемлемым в рамках нашей работы.

При изучении дискурса встает вопрос о классификации: какие типы и разновидности дискурса существуют. Первое разграничение в этой области – «противопоставление устного и письменного дискурса». Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. Во-первых, в устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а в письменном – нет. Второе различие, связанное с разницей в канале передачи информации, – наличие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта в норме нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место вовлечение говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений первого и второго лица, указаний на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, использование жестов и других невербальных средств и т. д.

Помимо двух фундаментальных разновидностей дискурса – устной и письменной, – предлагают выделить еще одну: мысленную. Человек может пользоваться языком, не производя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности [2]. Данная классификация не позволяет нам отнести кинодискурс к одному из двух типов дискурса, поскольку кинодискурс объединяет и письменный, и устные аспекты и реализуется двумя способами.

Классификация дискурсов, представленная В. И. Карасиком, является, на наш взгляд, наиболее распространенной. Два основных типа дискурса – персональный и институциональный – ученый делит на подтипы. Бытовое и бытийное общение – это естественные исходные типы персонального дискурса, а к институциональному дискурсу В. И. Карасик относит политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный дискурсы. Кинодискурс будем относить к массово-информационному подтипу институционального дискурса.

Кинодискурс и его аспекты вызывают устойчивый интерес исследователей. Рассмотрение этого лингвистического материала осуществляется в рамках исследования аудиовизуальных текстов вообще, а также при изучении разных аспектов непосредственно кинофильмов.

Прежде всего, отметим необходимость разграничения понятий ‘кинотекст’ и ‘кинодискурс’. Как утверждает М. А. Самкова в статье «Кинотекст и кинодискурс: к разграничению понятий», экстралингвистические факторы в определении сущности кинодискурса выдвигаются на первый план и являются определяющими по отношению к лингвистическим.

Исследователь обращается к определению А. Н. Зарецкой: «Кинодискурс – это связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, такими как креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [9. С. 136].

А. Н. Зарецкая далее выделяет основные характеристики кинодискурса: аудиовизуальность, интертекстуальность, креолизованность, целост-

ность, членимость, модальность, информативность, проспекция и ретроспекция, прагматическая направленность. Целесообразность рассмотрения кинодискурса, а не кинотекста (текста сценариев фильмов) объясняется возможностью анализа вертикального контекста, который «может включать в себя прецедентные дискурсы (киносценарии в различных вариантах, другие фильмы этого же жанра или этого же режиссера, книги, по которым снят фильм или которые в нем упоминаются), альтернативные варианты некоторых сцен, комментарии критиков» [3. С. 8].

С. С. Назмутдинова дает еще одно определение кинодискурса: «Это семиотически осложненный, динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» [8. С. 7].

Таким образом, под кинодискурсом мы будем понимать кинотекст, смысл, вложенный создателями фильма, а также интерпретацию фильма зрителями. Отметим вслед за исследователем М. А. Самковой, что изучение дискурса оказывается очень продуктивным, поскольку это явление имеет расширенную структуру и характеризуется наличием таких признаков, как креолизованность, интертекстуальность, модальность и представляет широкое поле деятельности для дальнейших исследований [9. С. 138].

В. И. Карасик определяет место кинодискурса среди других разновидностей дискурса согласно нескольким критериям. С позиций социолингвистики в качестве критериев классификации выступают типовые участники дискурса, с позиций прагмалингвистики – типы коммуникативной тональности, с позиций лингвосемантики – темы общения [5. С. 326].

По критерию формы необходимо определить, является кинодискурс устным или письменным. В ситуациях устного дискурса, характерных для кино, имеет место явление фрагментации: речь порождается «толчками», интонационными единицами, отделенными друг от друга паузами, имеющими относительно завершенный интонационный контур и совпадающими с простыми предикациями или клаузами. Как полагает Н. В. Петлюченко, устный дискурс сопровождается грамматическими ошибками, обрывами и повторными началами высказываний, запинками, паузами на обдумывание, спонтанностью и естественностью [11. С. 74].

Кинодискурс отличается от устного дискурса наличием автора, причем художник не просто копирует действительность, а осмысливает ее в различной форме, создавая экранный образ того или иного явления или индивидуума [1. С. 4].

Ю. Н. Усов видит отличие кинодискурса от письменного, прежде всего, в наличии звукограда. Дискурс кино есть динамическая система звукозрительных образов или пластических форм, которая существует в экранных условиях пространственно-временных измерений и аудиовизуальными средствами передает последовательность развития мысли художника о мире и о себе [10. С. 17].

Отметим, что в кинодискурсе присутствует и монологическое, и диалогическое высказывание.

Согласно В. И. Карасику, дискурс кино объединяет институциональный и персональный (бытовой и бытийный) дискурс, выделяемый по критерию адресата [5. С. 326].

Итак, кинодискурс обладает такими особенностями, как аудиовизуальность, интертекстуальность, креолизованность, целостность, членность, модальность, информативность, проспекция и ретроспекция и прагматическая направленность. В отличие от устного дискурса, кинодискурс характеризуется наличием автора, а в отличие от письменного – присутствием звукограда. Кинодискурс включает в себя возможность вертикального анализа контекста, комментариев критиков и альтернативных вариантов некоторых сцен. Вслед за А. Н. Зарецкой под кинодискурсом будем понимать связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами, значимыми для смысловой завершенности фильма.

Список литературы

1. Горюнова, Н. Л. Художественно-выразительные средства экрана. Ч. I. Пластическая выразительность кадра. М. : Изд-во Ин-та повы-

шения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2000. 41 с.

2. Дискурс [Электронный ресурс] // Кругосвет : энциклопедия. URL : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html.

3. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 220 с.

4. Дискурс [Электронный ресурс] // Словарь лингвистических терминов. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1461>.

5. Карасик, В. И. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. 360 с.

6. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. в виде науч. докл. М. : Ин-т языкознания РАН, 2003. 90 с.

7. Михалева, О. Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта : системообразующие признаки : курс лекций. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. С. 1–9.

8. Назмутдинова, С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 18 с.

9. Самкова, М. А. Кинотекст и кинодискурс : к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. С. 136–139.

10. Усов, Ю. Н. Основы экранной культуры. М. : Новая шк., 1993. 90 с.

11. Филиппов, К. А. Лингвистика текста // Сборник по основам лингвистики. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 336 с.

12. Чернявская, В. Е. Власть дискурса и дискурс власти. М. : Флинта, 2006. 136 с.

Teun Van Dijk. К определению дискурса [Электронный ресурс] // Ideology : A Multidisciplinary Approach. URL : <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

Т. Д. Вербицкая, И. В. Никифорова (Одесса, Украина)

PARTIKELN IM DEUTSCHEN DISKURS

This article is about the use of particles in German modern discourse, about their role in forming of discourse competence. Native speakers choose and use in their discourse particles always automatically and situationally conditioned. For learners of German such as foreign this problem causes different difficulties. The adequate knowing of German language supposes correct use of particles.

Keywords: German modern discourse, discourse competence, German language.

Jeder Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme zur Partikelforschung sieht sich großen Schwierigkeiten gegenüber: die Literatur ist sehr umfangsreich und schwer zu überschauen. Nur selten werden Beobachtungen so präzise formuliert, dass sie als adäquat oder falsifizierbar eingestuft werden können. Neben der Frage, ob die deskriptiven Inhalte einer Analyse einigermaßen korrekt sind, stellt sich die Frage nach ihrer Einordnung in einen größeren theoretischen Zusammenhang [10. C. 79].

Die Intention des Sprechenden ist in jeder Redehandlung vorhanden. Das ist einer der Bestandteile zwischen dem Menschen und der Sprache. Der Typ der Dialogeinheit wird viel durch die Intention des Sprechenden bestimmt, durch seine Absicht, die Information zu berichten oder zu bekommen, dabei wird der Mitsprechende zur Äußerung oder zu einer nonverbalen Handlung aufgefordert [6. C. 12].

Die Interaktion ist in der gegenständlich-praktischen Tätigkeit der Kommunikationspartner situiert, ein Großteil dieser Interaktion ist sprachlicher Natur. Unter Interaktion verstehen wir eine besondere Art der Sprachhandlung, die die Grundlage für eine Kommunikation bildet und die in einer abwechselnden Absetzung der "Rollen" des Kommunikanten und des Rezipienten besteht. Die Interaktion kann sowohl spontan (unmittelbar), als auch verlängert (prolongiert) sein [3. C. 23].

Die Frequenz der Partikeln im Deutschen ist im Unterschied zu anderen Sprachen sehr hoch und darüber hinaus ist ihre Frequenz im Alltagsdiskurs noch höher. So haben Zählungen ergeben, dass auf 100 deutsche Gesamtwörter 13 Partikeln entfallen; ... dass die Umgangssprache bzw. Alltagssprache partikelreich ist.... Je umgangssprachlicher ein Text ist, desto partikelreicher ist er auch in der Regel [4. C. 78]. So ist heutiges Deutsch ohne Partikeln nicht denkbar.

Partikeln werden erst durch die Interaktion mit dem Kontext in die Äußerungen hineingetragen. Damit verhalten sich die Partikeln übrigens so, wie sich ansatzweise alle sprachlichen Elemente verhalten: sie sind semantisch beschränkt und die Bedeutung der betreffenden Äußerung ergibt sich „übersummativ“, d.h. sie ist mehr als die Summe der lexikalisch-grammatischen Bestandteile [11. C. 8].

Diskurspartikel oder Diskursmarker sind Wörter, die das Gespräch steuern und keine eigentliche semantische Bedeutung haben. Sie haben interaktionsstrategische Funktionen oder tragen zur Strukturierung von Äußerungen bei.

Die Breite der Partikelklasse ist von der Begriffsdefinition des Diskurses abhängig. Das Verständnis von Äußerungen erfolgt mittels inferentieller Verarbeitungsprozesse, ihre Dekodierung ist weder automatisch noch unfehlbar. Daher muss es sprachliche

Ausdrücke geben, die diese Verarbeitungsprozesse begrenzen, indem sie den Hörer/Leser zu der erwarteten Wirkung hinführen und seinen Verarbeitungsaufwand reduzieren. Bei den Ausdrücken, die die Rezeption von Einheiten mit repräsentationeller Bedeutung leiten, handelt es sich um Diskurspartikeln. Dies sind keine "obligatorischen" im Sinne von zwingend notwendigen Einheiten, sondern intentionale Zeichen, weshalb den Diskurspartikeln in der Textrezeption und -produktion auch besondere Aufmerksamkeit zugeteilt wird.

Heute ist es kein Diskussionspunkt mehr, dass sich die kommunikative Orientierung des Fremdsprachenunterrichts, dessen Effektivität aus der Einbindung der Sprachtätigkeit in eine kongruente praktische Tätigkeit erwächst, und aus der sie ihre Motivation bezieht, weltweit durchgesetzt hat [15. C. 13].

Der kognitiv-diskursive Ansatz fokussiert die Einheit von Sprachproduktions- und Sprachrezeptionsabläufen und erweitert das Verständnis für den Zusammenhang zwischen der kognitiven und der kommunikativen Funktion der Sprache. Verarbeitet und verwertet wird aber nicht nur Sprachliches, sondern auch Außersprachliches: die kommunikative Situation, die spezifische Konstellation der Kommunikationspartner, deren Hintergrundwissen usw [9. C. 117].

Daher setzt sich die sprachlich-soziale Kommunikation nicht aus Texten, sondern aus Diskursen zusammen. Unter „Diskurs“ versteht man in der Regel einen mündlichen oder schriftlichen Text in seiner situativen Einbettung. Dazu gehören pragmatische, soziokulturelle, psychologische Faktoren sowie die paralinguistische Begleitung der Interaktion.

Das sprachliche Handeln hat nämlich zur Voraussetzung, dass die Kommunikationspartner einen ähnlichen gedanklichen und praktischen Zugang zur Realität haben. Darunter sind gemeinsame Wissensbestände, soziale und kulturelle Erfahrungen zu verstehen.

Ziel unseres Forschungsprojekts ist es letztendlich auch, eine Antwort auf die Frage zu liefern, ob es sich messen lässt, welcher Art und wie groß der Einfluss der Partikeln auf das Diskursverständnis ist, was bei der Entwicklung der diskursiven Kompetenz von großer Bedeutung ist.

Eine umfassende Definition des Begriffs „diskursive Kompetenz“ findet man z.B. bei Bazevitsch, Jäger u.a., denen zufolge es zu einer Diskursfähigkeit gehört, dass Lernende sprachliche Bezeichnungsmittel möglichst variabel und grammatisch korrekt einsetzen können, dass sie ihre zielsprachigen Partner aus deren Lebensbereich heraus wahrnehmen und auf deren Erwartungen als individuelle Persönlichkeiten eingehen können, dass sie in der Lage sind, sich in der zielsprachigen Interaktion als „emanzi-

pierte“ Kommunikationspartner durchzusetzen, d. h. ihre eigenen Intentionen, Standpunkte und Interessen im fremdsprachlichen Diskurs verbalisieren können, und dass sie in der Lage sind, einen Konsens mit den Gesprächspartnern auszuhandeln [15. C. 13].

J. Kazanceva ist der Meinung, dass trotz zu hoher Ansprüche an die diskursiven Möglichkeiten der Lernenden ein wichtiger Vorteil dieser Definition hervorzuheben ist – das ist ihre Ausrichtung auf die fremdsprachliche Textproduktion unter Berücksichtigung von Diskursparametern wie der kommunikativen Situation, der konkreten Rollenverteilung, der kommunikativen Erfahrungen und Wissensbestände der Interaktionspartner [9. C. 116].

Im Deutschunterricht ist es ein anerkanntes Ziel, die Lerner zur mündlichen Kommunikation in der Fremdsprache zu befähigen und ihre kommunikative Kompetenz zu entwickeln... Seit der kommunikativen Wende wird mündliche Kommunikation als eigenständiger Arbeitsbereich des Deutschunterrichts in den Lehr- und Bildungsplänen ausgewiesen. Gesprochene Sprache widerspiegelt die tatsächliche Sprechwirklichkeit, wobei die lautsprachliche Kommunikation im Vordergrund steht [16. C. 4].

Für die Fallstudien, die in unserer Untersuchung durchgeführt werden konnten, dienen als Ausgangspunkt Beispiele aus authentischen Gesprächen. Bei den Experimenten wurde unter ausgewählten Diskurspartikeln in verschiedenen Verwendungssituationen in umgangssprachlichen Äußerungen untersucht.

Obwohl es im Anschluss an die erste Welle von Veröffentlichungen zu Partikeln bereits eine lebhaft diskutierte Diskussion um ihre Vermittelbarkeit im Fremdsprachenunterricht und Vorschläge zu ihrer Didaktisierung gegeben hat, sehen einige Autoren hier ein Defizit. Man konstatiert eine Vernachlässigung in der Fremdsprachendidaktik [11. C. 10].

J. Ferner sieht die Versuche zur Didaktisierung der Partikeln noch in ihrem Anfangsstadium und spricht über „eine große Diskrepanz zwischen der marginalen Rolle, die Partikeln im DaF-Unterricht spielen“, und dem „Ausmaß, in dem sie im lebendigen, vor allem dialogisch realisierenden alltäglichen Gebrauch der Sprache vorkommen: Kaum in einem anderen Bereich ist die Diskrepanz zwischen Gelerntem und praktisch Anzutreffenden so groß“ [7. C. 3].

Die geringe Beachtung, die dem Thema im Fremdsprachenunterricht zugeschrieben wird, wird auch daran deutlich, dass Einführungen in das Fach „Deutsch als Fremdsprache“ Partikeln oft gar nicht berücksichtigt werden und wenn dies auch geschieht, so wird das Thema nur einmal kurz angesprochen. Dies erscheint umso bemerkenswerter, als in den letzten Jahrzehnten eine explizite Neuorientierung des Fremdsprachenunterrichts in Richtung auf eine

Vermittlung mündlicher Kommunikation und authentischer Sprache hin stattgefunden hat. Doch auch ein an konkreten Anforderungen für die Kommunikation orientierter Sprachunterricht garantiert keine ausreichende Berücksichtigung der Partikeln, wie R. Rathmayr bemerkt: „In der Hierarchie der zu lernenden Erscheinungen einer Fremdsprache kommen die Partikeln aber normalerweise nicht vor: weder als Vokabeln im Rahmen des Wortschatzunterrichts noch im Grammatikunterricht. Aber auch im kommunikativen Sprachunterricht, in dem Musterdialoge in sogenannten „Alltagssituationen“ (im Geschäft, auf der Post oder beim Arzt) eingeübt werden, wird in einer partikellosen oder partikelarmen Sprache gesprochen. Die Bedeutung von Modalpartikeln für den Fremdsprachenunterricht wird weithin anerkannt“ [13. C. 624].

D. Busse bewertet die Folgen der Vernachlässigung der Partikeln im DaF-Unterricht als sehr gravierend und hält ihre Vermittlung für notwendig, „wenn die Deutschlerner ein nicht als ‚schroff‘ oder wenigstens eindeutig ‚unidiomatisch‘ markiertes Deutsch lernen sollen (mit allen negativen Folgen, die dies im sozialen Verkehr haben kann)“ [5. C. 39]. Etwas anders fällt die Einschätzung von J. Ferner aus: „Es geht bei der didaktischen Zieldefinition wohl kaum um eine Vermeidung der Gefahr einer sozialen Sanktionierung eines Lerner-Idioms, das in der Partikel-Anwendung Schwierigkeiten offenbart, sondern um die prinzipielle Bereitstellung der Möglichkeit, sich als Lernender, als fremder Sprachteilnehmer mithin, auch in alltäglichen Kommunikationssituationen adäquat einfinden zu können, wenn nicht als Sprecher, so mindestens aber als Hörer“ [7. C. 16].

Gerade ihre stark kontextabhängigen Funktionen, die sich losgelöst von konkreten Äußerungssituationen kaum fassen lassen, machen die Partikeln schwer vermittelbar. Ihre Isolierung als lexikalische Einheit dagegen bereitet Schwierigkeiten. Ihre unterschiedliche Bezeichnung in der Literatur, ihre differente Darstellung in Grammatiken und Wörterbüchern wirken oft auch auf den Lehrenden verwirrend und provozieren somit didaktische Distanz [7. C. 2].

Partikeln haben eine rasante Karriere gemacht von einer Geringschätzung als „Flickwörter“, die wie „Läuse im Pelz einer Sprache“ herumwimmeln [14. C. 340] hin zu einem in der germanistischen Linguistik anerkannten Status als vor allem für die mündliche Kommunikation wichtige Elemente, die Informationen über die Einstellung des Sprechers zur Äußerung und ihre Verankerung in der Kommunikationssituation geben [12. C. 24].

In der alten Auffassung sind Partikeln im Deutschen bedeutungslos und tragen zur sinnvollen Kommunikation nichts bei. In dem Maße, dass sie

übersehen und ignoriert wurden, kann aber auch die unbestreitbare Kompliziertheit des zu erforschenden Gegenstandes selbst ein entscheidender Faktor sein.

Eine Position, die im krassen Gegensatz zu der alten Auffassung steht, vertritt D. Busse: „...wenn ausländische Deutschlerner oftmals ihre Verwunderung über partikellose Sprache kundtun, dass der Kommunikationsstil der Deutschen zu sachlich oder gar unhöflich sei, so ist dies ein Hinweis darauf, dass sie in ihrem Fremdsprachenunterricht den Partikelgebrauch nicht gelernt haben und ihnen damit die wichtigen kommunikativen Möglichkeiten fehlen, welche die Partikeln dem Deutschen bereitstellen. Das Lehren von Partikeln ist aber trotz der Probleme der Bedeutungsbeschreibung unbedingt notwendig“ [5. С. 39].

In dem Punkt kann man aber D. Busse nicht ganz folgen. Das partikellose Deutsch bringt nicht immer negative Folgen im Umgang mit Deutschen und anderen Personen mit Deutsch als Muttersprache mit sich. Die meisten Menschen sind Ausländern gegenüber rücksichtvoll und erwarten nicht, dass sie genau wie die Einheimischen sprechen sollen. Aber wenn man zukünftige Lehrer der deutschen Sprache ausbildet, soll es berücksichtigt werden.

Im Zuge der pragmatischen Wende war ein regelrechter Partikel-Boom mit einer Flut an Veröffentlichungen zu verzeichnen, die bis heute kaum abgeebbt ist. Lediglich der Fokus der Fragestellungen, die behandelt werden, hat sich verlagert. Während zunächst die kommunikativen Funktionen der Modalpartikeln, ihre Bedeutung und ihre Rolle in der mündlichen Kommunikation eingehend untersucht wurden, ist in den letzten Jahren die Entstehung der Modalpartikeln aus anderen Wortarten im Rahmen der Grammatikalisierungsforschung zum Schwerpunktthema geworden.

Heutzutage besteht über die meisten Definienskriterien für Partikeln weitgehend Einigkeit in der Forschung. Die wichtigsten Kriterien nennt A. Werner [17. С. 187]: Partikeln sind unflektierbar; sie sind keine Satzglieder oder Satzgliedteile; sie sind (bedingt) kombinierbar, sowohl untereinander als auch mit anderen Illokutionsmodalisierern; bei Eliminierung wird eine Äußerung/ein Text nicht ungrammatisch; es gibt in der Regel Homonyme in anderen Wortarten; sie sind nicht erfragbar, können nicht negiert werden; sie haben feste Beschränkung auf bestimmte Satztypen; die Satzproposition ändert sich nicht, wenn sie weggelassen werden; sie haben einen Skopus, der größer ist als eine Äußerungseinheit, in der sie vorkommen.

Ein wichtiges Lernziel im modernen Fremdsprachenunterricht ist die Fähigkeit, die Fremdsprache in Alltagssituationen angemessen und nach Möglich-

keit korrekt zu gebrauchen. Daraus folgt, dass Partikeln als typische „Diskurswörter“ gelernt werden sollten. Wenn man nicht die Möglichkeit hat, die Fremdsprache in natürlichen Situationen zu verwenden, ist es besonders wichtig, die Situation im Studienraum selbst optimal auszunutzen.

Aus dem, was oben erwähnt ist, wird es klar, dass die Partikeln eine wichtige diskursiv-kommunikative Aufgabe erfüllen, vornehmlich in der mündlichen Alltagssprache. So liegt die Leistung der Partikeln größtenteils auf kommunikativ-pragmatischer Ebene. Aber semantische Bedeutungen und pragmatische Faktoren sollen auseinandergehalten werden. Eine Vermischung dieser Komponenten, die in der Sprachwissenschaft im Allgemeinen und in der Partikelforschung sehr verbreitet war und zum Teil auch immer noch ist, hat auch negative Auswirkungen.

Beim Gebrauch der Partikeln im deutschen Diskurs haben Nicht-Muttersprachler zwar große Schwierigkeiten bei der Äußerung, besonders beim memorierten Sprechen, wenn sie nicht wissen, welche Partikel zu dem betreffenden Kontext am besten passt. Andererseits kommt es aber durchaus nicht selten vor, dass sogar Nicht-Muttersprachler in einem frühen Lernstadium oft verwendete Partikeln verstehen können, mit anderen Worten: dass sie die Äußerungen der Muttersprachler des Deutschen kommunikativ akzeptabel erfassen können, obwohl sie fast keine prosodische Regel zu den Partikeln kennen. Dies ist zum Teil auf einige universale Aspekte der Prosodie zur Sprechereinstellung bzw. -haltung zurückzuführen.

Um in der Partikelforschung weiterzukommen, ist es notwendig, die Untersuchungen auszudehnen. Auch pragmatische und kontextuelle Faktoren müssen stärker berücksichtigt werden. Bei der gegenwärtigen Forschungslage sollte ein multitheoretischer Ansatz nicht von vornherein ausgeschlossen werden. Zu einer umfassenden Bestandsaufnahme hätten auch die syntaktischen Fragen und die Fragen nach der Entwicklung von Diskurspartikeln durch Prozesse des semantischen und syntaktischen Wandels gehört. Dabei wäre besonders die Frage relevant, ob es sich bei dieser Entwicklung wirklich um einen eng verwandten Prozess, oder lediglich um mehrere zufällig zusammenwirkende Prozesse des Sprachwandels geht.

Bibliography

1. Бахтин, М. М. Антропологистика. Избранные труды / М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов. М. : Лабиринт, 2010. 255 с.
2. Бацевич, Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. Київ : Академія, 2004. 342 с.

3. Колесников, А. А. Функциональная роль обратной связи в структуре речевой деятельности // *Иностр. яз. в шк.* 2011. № 1. С. 20–27.
4. Braun, P. *Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache*. Stuttgart : Verlag W. Kohlhammer, 1998. 263 s.
5. Busse, D. Partikeln im Unterricht Deutsch als Fremdsprache // *Muttersprache*. München, 1992. S. 37–59.
6. *Curriculum für den sprachpraktischen Deutschunterricht an pädagogischen Fakultäten der Universitäten und pädagogischen Hochschulen* / verf. N. Borisko, W. Gutnik, M. Klimentjewa, T. Ignatenko. K. : Ленвіт, 2004. 256 с.
7. Ferner, J. Das habe ich doch gar nicht gelernt! Modalpartikeln und DaF – Unterricht – Eine Problemskizze [Internet resource]. 2002. URL : <http://www.facl.unibo.it>.
8. *Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen : lernen, lehren, beurteilen* / hrsg. Goethe-Institut. Langenscheidt : Berlin : Wien : N. Y., 2001. 20 s.
9. Kazanceva, J. M. Diskursive Kompetenz : Was? – Wann? – Warum? Wie? [Internet resource]. URL : www.daad.ru/wort/wort2006/16_Kazanceva_Diskursive%20Kompetenz.pdf.
10. König, E. Dimensionen der Bedeutung und Verwendung von Modalpartikeln im Deutschen : Grundlagen einer Bestandsaufnahme // *Harden, Th. 40 Jahre Partikelforschung* / Th. Harden, E. Hentschel. Tübingen : Stauffenburgverlag, 2009. S. 79–96.
11. Nikiforenko, I. V. Partikeln bei der Entwicklung der diskursiven Kompetenz / I. V. Nikiforenko, T. D. Verbitskaja, I. G. Kulina // *Методическая разработка к практическому курсу немецкого языка для студентов факультета романо-германской филологии*. Одесса : Атлант, 2012. 36 с.
12. Pittner, K. Modalpartikeln in neueren Lehrwerken für DaF. – Partikelforschung // *40 Jahre der Partikelforschung*. Bern, 2009. S. 23–45.
13. Rathmayr, R. Zur Frage der Lehr- und Lernbarkeit von Partikeln. Am Beispiel des Russischen // *Weydt, H. Sprechen mit Partikeln*. Berlin : N. Y., 1989. S. 623–633.
14. Reiners, L. *Stilkunst. Ein Lehrbuch deutscher Prosa*. München, 1967. 434 s.
15. Verbitskaja, T. Soziophonetische Aspekte des Hörverstehens und der Ausspracheschulung // *Записки з романо-германської філології*. Одеса : Астропринт, 2000. № 7. С. 13–18.
16. Verbitskaja, T. *Standards sprachliche Vokaleinsatzvarietäten: методична розробка до практичного та теоретичного курсів фонетики німецької мови* / T. Verbitskaja, T. Grischina // *Одесский национальный ун-т им. И. И. Мечникова*. Одеса : Астропринт, 2011. 24 с.
17. Werner, A. Zur Revision der Beschreibungskriterien von Modalpartikeln – ein Erweiterungs vorschlags als Konsequenz neuerer Prosodieforschung // *40 Jahre der Partikelforschung*. Bern, 2009. S. 183–200.

Ю. И. Плахотная (Челябинск, Россия)

ИДИОСТИЛИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТАХ

The article is devoted to studying individual styles of russian politicians who took part in President elections in Russia.

Keywords: image, individual style, pre-election discourse.

Предвыборный дискурс является разновидностью политического диалогического дискурса, в котором происходит напряжённая борьба между политическими лидерами за высшую политическую должность. Как отмечает Ю. С. Степанов, политический дискурс предполагает особое использование языка для выражения особой ментальности политических деятелей с помощью активизации некоторых черт языка в структуре их особой грамматики и особых правил лексики [1. С. 723].

Кандидаты на пост президента пытаются убедить большинство избирателей проголосовать за их кандидатуру и используют для этого в своей речи все возможные лингвистические и экстралингвистические средства воздействия на потенциальных избирателей. Выбор лексических и стилистических единиц, планирование стратегий и тактик поведения в предстоящей дискуссии определяют особый стиль речи, влияющий на образование имиджа кандидатов. Имидж (от англ. 'image' – 'образ, изображение') – преднамерен-

ное создание визуального впечатления о личности (имидж политика) или социальной структуре (имидж политической партии, политической власти, предвыборной кампании). По мнению А. С. Тургаева, имидж – это средство манипуляции общественным мнением, так как привлекательный образ политика вызывает позитивное отношение к нему народа, а соответственно его победу на выборах. По сути, имидж – это не сам человек, а его публичное представление [3]. Избиратели реагируют не только на визуальный, но и на вербальный образ политика, то есть на его идиостиль, который включает лингвистические и экстралингвистические (лексические, стилистические, синтаксические, интонационные и др.) и прагматические (цели, стратегии, тактики) параметры речи.

На основе изученных языковых и прагматических особенностей предвыборного диалогического дискурса мы составили характеристику идиостилей политиков, принимавших участие в предвыборных дебатах на пост президента РФ 2012 г. Всего было проанализировано 6 дебатов, проходивших на телеканалах «Первый», «Россия 1», «Россия 24» в феврале-марте 2012 г., что составляет 5 часов эфирного времени. По результатам проведённого исследования предвыборного дискурса можно сделать следующие выводы об индивидуальном стиле речи кандидатов, который отражает их политический статус и характер личности.

Языковые особенности речи *Геннадия Зюганова*, лидера партии КПРФ, свидетельствуют о чётко выраженной политической (левоцентристской) позиции. Об этом говорит частое использование им идеологизмов с явной отрицательной оценкой существующего «капиталистического» строя и положительной оценкой «коммунистических» идей, что привлекает на его сторону людей, выросших в социалистическом обществе, а также тех, кто склонен верить в идеалы коммунизма.

Слишком частое использование Г. А. Зюгановым просторечной лексики (59 единиц) свидетельствует о том, что большую часть своего детства и юности он провёл среди простого народа. Например, «продают страну подешёвке и задарма», «цены вздули», «невозможно вылезти из этого кризиса» и др. Несмотря на высшее образование, полученное им в педагогическом институте, Г. А. Зюганов часто использует инвективы (5 единиц): «хам законченный», и жаргонную лексику (20): «воровские выборы», «он просто жулик», «кончайте превращать все это в уголовщину». Это говорит о прямоте и жесткости его характера, желании обидеть, унижить своего противника, тем

самым дискредитируя его в глазах избирателей.

Для политической предвыборной речи Г. А. Зюганова характерно частое использование метафор (60 единиц – самый высокий показатель среди кандидатов), которые отражают образность (метафоричность) его мышления. Например, «как только *подточат и вырвут наши ядерный зуб*, нас *разорвут гораздо круче*, чем Югославию, Ирак и Ливию вместе взятых», «...вся страна *висит на одном ржавом гвозде...*», «*всю страну посадил на нефте-газовую иглу*, и продолжает этот курс», «в этом *винегрете хотят утопить весь политический процесс*». В его речи также употребляются сравнения (8). Например, (1) «Пока вы в политике новичок, у которого даже единственную маленькую партию и то, как половичок, вырвали из под ног» (М. Прохорову). (2) «...*Превратят весь политический процесс в сплошной виногрет*». Используемые им необычные метафоры и сравнения придают его речи индивидуальность и помогают адресатам ярче представить описываемый образ, то есть формируют их когнитивную картину мира.

Для речи Г. Зюганова характерно использование антитез (5), с помощью которых он противопоставляет свои положительные действия отрицательным действиям своих оппонентов. Например, «Мы всё сделаем, чтобы киловатчас стоил в 3 раза меньше, а не как вы сёдня задрали». Противопоставление существующей политической ситуации той, которая предлагается в предвыборной программе, помогает Г. А. Зюганову достичь выгоды для себя (положительной) оценки со стороны избирателей.

Что касается синтаксической характеристики речи Г. А. Зюганова, то для неё характерны сложные развёрнутые предложения (до 74 слов). В синтаксических конструкциях высказываний Г. А. Зюганова иногда наблюдаются разного рода несогласованности (подлежащего со сказуемым, зависимого и главного слова в словосочетании), что осложняет их восприятие и значительно снижает воздействие речи на адресатов.

В предвыборных дебатах Г. Зюганов часто использует конфронтационные стратегии обвинения, оскорбления, противопоставления, саботирования (игнорирования вопросов и переход на другие темы). Речь кандидата содержит тактики осуждения существующей политической ситуации, правящей партии и некоторых политических деятелей в отдельности (60 высказываний из 369). Г. Зюганов описывает действия своих оппонентов так, что они «угробили», «ухлопали», «вздули», «обобрали», «всех свалили в эту кучу», «надувают», «разворовывают страну».

Вышеперечисленные характеристики идиостиля Г. А. Зюганова, **подкреплённые идеологическими** и политическими установками кандидата, вызывают активную поддержку у избирателей: во всех выборах на пост президента РФ (в 1996, 2000, 2008, 2012) он занимает устойчивое второе место [2].

Особенностями идиостиля *Владимира Жириновского*, лидера партии ЛДПР, являются: быстрый темп (165 слов в минуту – самый высокий показатель среди кандидатов), эмоционально-повышенный тон речи, скандирование, активная жестикация, лозунговый тип фраз.

Политик часто использует эмотивно-оценочную лексику с отрицательным отношением к предмету разговора, например, ‘Это чудовищно!’, ‘Кадровая политика *отвратительная*’. Имея два высших образования, В. В. Жириновский, тем не менее, употребляет просторечную лексику (35 единиц): ‘...чтоб вы *не подошли* с городу, с голоду...’, ‘*дурацкая* передача’; инвективы (5): ‘Эти подставные *шавки* уходят’, ‘Но давайте дадим обязательства стране, что мы уберём всех *негодяев-губернаторов*, мэров...’; и жаргонные слова (12): ‘*всю страну нагнули*...’, ‘с *воровскими деньгами*’, ‘жулики’. При этом политик редко использует метафоры (10), которые могли бы придать его речи большую образность и индивидуальность.

В синтаксическом плане для В. В. Жириновского характерно частое использование повелительного наклонения, что свидетельствует о властном характере говорящего и усиливает воздействие его речи на адресатов, но при этом может настроить избирателей против его кандидатуры. Наличие большого количества синтаксических несогласованностей и инверсивный порядок слов значительно усложняют процесс восприятия и могут запутать слушателей, тем самым снижая уровень речевого воздействия на них. Также в речи В. Жириновского присутствует большое количество вопросительных высказываний (75), в том числе и риторических вопросов, на которые он сам же даёт ответы. Тем самым политик постоянно апеллирует к вниманию слушателей, заставляя их задуматься о какой-либо проблеме, на которую он предлагает определённое решение или объяснение причин её возникновения.

Тактики, которые использует В. Жириновский, в основном нацелены на осуждение действий правящей партии (144 высказываний из 679), описание негативных событий (118) и обещаний выправить социально-политическую ситуацию в стране (16). В то же время он недостаточно говорит о своих собственных положительных личностных качествах (8) и своих политических дей-

ствиях (19), которые бы повлияли на улучшение политической ситуации в стране.

Все перечисленные особенности идиостиля В. Жириновского **создают впечатление ненадёжности**, вызывают сомнения в успешности его как политического лидера страны, и формируют его имидж как авторитарного лидера. Возможно поэтому результаты на выборах в 1991, 1996, 2000, 2008, 2012 гг. **не поднимаются выше третьего места**. В 2012 г. он занял 4 место после В. Путина, Г. Зюганова и М. Прохорова [2].

Идиостиль *Сергея Миронова*, лидера партии «Справедливая Россия», также демонстрирует сильный волевой характер политика, его увлечённость идеалами справедливости и социалдемократии. Речь С. Миронова характеризуется быстрым темпом (157 слов в минуту), что говорит о его высокой эмоциональности. Однако клишированность высказываний придает его речи некоторую шаблонность и пафос, например, ‘это *запрос общества*’, ‘это *веление времени*’. Политик использует в своей речи метафоры (24 единицы), (например, ‘устраивать кадровую чехарду’, ‘берите свободы, сколько хотите, взяли, аж захлебнулись’), но они часто представляют собой «избитые выражения», что лишает его речь индивидуальности. Частые лексические повторы (31 единица – это самый высокий показатель среди кандидатов) придает его речи некоторое однообразие. С. Миронов нередко употребляет единицы просторечной лексики (24), но при этом избегает использовать жаргонизмы (3) и инвективы (0), что свидетельствует о его воспитанности и порядочности, а это не может не привлечь внимание избирателей к его кандидатуре.

Что касается синтаксической характеристики речи С. Миронова, то для нее характерны длинные высказывания, представляющие собой сложносочинённые предложения с различными оборотами, иногда насчитывающие (до 51 слова). В высказываниях С. **Миронова часто встречаются синтаксические несогласованности** и логическая непоследовательность, которые значительно затрудняют процесс восприятия и понимание его речи.

В прагматическом аспекте речь С. **Миронова** содержит мало высказываний, выражающих осуждение существующей власти в стране (23 из 549), и в то же время мало высказываний, описывающих его собственные политические действия (12) и идеи по улучшению социально-политической ситуации в стране (7). В основном его речь представляет собой пространное рассуждение, содержащее недостаточно информации о нём как о деятельной политической личности, что создаёт образ бюрократического лидера.

Перечисленные характеристики идиостиля С. Миронова недостаточны для формирования у слушателей понимания его политической эффективности. Очевидно поэтому, что по результатам президентских выборов 4 марта 2012 г. С. Миронов занял последнее 4 место [2].

Идиостиль *Михаила Прохорова*, председателя партии «Гражданская платформа», отличается от стилей других участников предвыборных дебатов уверенным и спокойным тоном, умеренным темпом речи (148 слов в минуту), наличием ярких метафор (20 единиц), которые придают его речи индивидуальность и выразительность. Например, (1) ‘Я считаю, что мы все вместе должны *снести хребет* этой неэффективной власти’. (2) ‘А вот мы всегда работали на земле, мы вот эти *нарывы вскрывали*’. (3) ‘**Мы пытаемся нашу страну поднять с колен**’. Употреблённые в речи антитезы (5 единиц) и сравнения (9), способствуют закреплению в сознании адресатов положительного образа говорящего и его политики в противопоставлении с отрицательной характеристикой оппонента. Например, ‘Когда я *спасал* страну, ... вы в тот момент *протирали* штаны в разных Думах’ (С. Миронову). «Мировой кризис» М. Прохоров сравнивает с ‘новой чумой’, а нашу страну, которую он предлагает построить в будущем, – с ‘магнитом’, который ‘будет притягивать все остальные страны’.

На оскорбления своих оппонентов М. Прохоров отвечает спокойно и интеллигентно и сам не употребляет в своей предвыборной речи инвективы (0) и почти не использует жаргонизмы (3 единицы). Небольшое количество лексических повторов (17 единиц) в речи не делает её однообразной, а, напротив, как стилистический приём, акцентирует внимание адресатов на определённой проблеме. Речь М. Прохорова отличается чёткостью и правильностью синтаксических конструкций, отсутствием синтаксических несогласованностей, что обеспечивает хорошее восприятие и понимание её адресатами.

Что касается тактических манёвров М. Прохо-

рова, то он предпочитает рассказывать о своих достижениях (44 высказывания из 370) и о делах его партии, которые привели к улучшению жизни людей, работающих на его предприятиях. При этом он осуждает действия своих оппонентов (252), но не прибегает к обвинению существующей партии (0) и к описанию негативных событий в стране (6). М. Прохоров рассказывает о своих положительных личностных качествах (22), иногда в превосходной степени ‘меня интересует только первое место’, высказывая свои предложения (10) и обещания (8) по улучшению социально-экономической ситуации в стране.

Все эти характеристики идиостиля М. Прохорова свидетельствуют о его уверенности в своей правоте, образованности и ярких лидерских качествах, что создаёт впечатление о нём как о перспективном, инновационном лидере, способном изменить ситуацию в стране. Эти качества не могли не привлечь внимания избирателей к его кандидатуре. Несмотря на тот факт, что М. Прохоров совсем недавно вышел на политическую арену, по результатам выборов 2012 г. он получил третье место [2].

Таким образом, лингвистические и прагматические особенности речи отражают личностные характеристики (нравственные и интеллектуальные), поведенческие особенности и деятельностный потенциал политического лидера, тем самым формируя его имидж, который воспринимают адресаты и совершают выбор вызывающего доверие кандидата на пост президента страны.

Список литературы

1. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры. М., 1997. 824 с.
2. Зюганов Г. А.; Жириновский В. В.; Миронов С.; Прохоров М. [Электронный ресурс]. URL : www.wikipedia.ru.
3. Тургаев, А. С. Политология в схемах и комментариях [Электронный ресурс] / А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. URL : <http://lib.rus.ec/b/204145/read>.

С. Ю. Подылин (Магнитогорск, Россия)

**КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

The article describes the category of emotivity and emotional expressions in the communication for a deeper understanding of this problem. The influence of emotion in the information sent by addressant and its perception by addressee are examined on the basis of the contemporary and foreign works. The analysis of the category of emotivity is conducted by the author on the text of the political discourse of public political speech, where emotivity is an important and an integral part.

Keywords: emotivity, emotional expressions, political discourse, public political speech.

В последнее время все больше внимания уделяется изучению категории эмотивности и выражению эмоций в языке, и не случайно, поскольку язык формирует картину мира человека. Известно, что язык – это движущая система (языковая система), множество элементов которой, связанных друг с другом теми или иными отношениями, образуют определенное единство и целостность. С помощью общения человек получает, передает, перерабатывает и сохраняет информацию. Поскольку в каждом слове зашифрованы наши чувства, эмоции, переживания, страхи, человек способен изменить языковой код данного слова, что повлечет за собой изменения эмотивности предложения или даже целого текста.

В современном мире проблема изучения категории эмотивности в языке программирования и расшифровка языкового кода является наиболее значимой и дискуссионной. Определив концепцию, как эмоция человека влияет на изменения содержания языкового кода или даже на язык программирования в целом, она поможет человеку быстрее и правильнее понимать окружающих его людей.

Последние двадцать лет изучению категории эмотивности уделяется всё большее внимание: отечественные и зарубежные исследователи относят проблему эмотивности к числу первостепенных задач антропоцентрической лингвистики (В. Ю. Апресян, А. Г. Баранов, В. И. Болотов, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, М. Д. Городникова, Л. А. Пиотровская, Ю. С. Сорокин, В. Н. Телия, В. И. Шаховский, А. М. Шахнарович, А. Вежибицкая, В. Volek, F. Danes, K. Dijkstra, C. Janney, E. W. Kneepkens, T. M. Zwaan).

В психологии эмоциональность понимается одними исследователями как свойство личности, а другими – как свойство языкового знака. По мнению ряда современных лингвистов [2. С. 2; 4. С. 4; 5. С. 5], вербальные средства выражения эмоций в актуальном употреблении субъектом речи вступают в качестве сигналов его эмоционального состояния / отношения.

Для эмотиологии принципиально важным является разграничение эмотивности и эмоци-

ональности [6. С. 6]. В. И. Шаховский рассматривает эти термины в рамках понятийно-терминологического аппарата, обслуживающего различные научные дисциплины, соответственно лингвистику, с одной стороны, и психологию, нейropsychологию и философию, с другой. Эмотивность, как отмечает В. И. Шаховский, означает одну из трех базовых характеристик языка (когнитивность, коммуникативность, эмотивность) и может пониматься как «лингвистический аспект категории эмоциональности», т. е. «лингвистическое выражение эмоций» [7. С. 7]. Эмотивность развивается в слове на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности.

В современной лингвистике некоторыми авторами термин ‘эмотивность’ используется так же, как синоним оценочности. Е. М. Вольф эмотивность соотносит с оценочностью, а эмоциональное – только с одним видом оценки – сенсорной. Таким образом, эмоциональность и оценочность высказывания выступают как часть и целое, причем эмотивность включает в себя эмоциональное и рациональное как свои разновидности [1. С. 1]. Е. М. Вольф описывает признак эмотивности как отношения, основанного на эмоциях, переживаемых человеком [1. С. 1]. По мнению Д. В. Колесова, эмоциональное включает в себя эмоциональную оценку, подразделяемую им на несколько видов. Это логическая, эстетическая, психологическая, прагматическая и другие виды оценок [3. С. 3].

В данной статье мы будем придерживаться утверждения В. И. Шаховского, что эмотивность понимается как «лингвистическое выражение эмоций». На наш взгляд, данное определение наиболее удачно для исследования категории эмотивности в политическом дискурсе, а именно для анализа публичной политической речи, зафиксированной в протоколе выступления. Наш выбор не случайный, поскольку публичной речи свойственны характеристики живого разговора, что насыщает текст эмотивной тональностью и эмотивной окраской. Мы считаем, что такой

текст идеально подходит для анализа категории эмотивности.

Итак, то, как выражается категория эмотивности, какие языковые средства используются для передачи информации и что несет с собой слово, какую эмоциональную нагрузку, проанализируем на примере статьи “Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel zum 20. Jahrestag des Mauerfalls auf der Bösebrücke” [8], взятой с официального сайта “Bundesregierung”, посвященной 20-летию падения Берлинской стены.

Для целесообразного проведения анализа данной статьи необходимо разделить выступление Ангелы Меркель на 3 информационных блока:

Первый – «Установление контакта с публикой»:

„Lieber Joachim Gauck, lieber Herr Bundestagspräsident – ich weiß nicht, wo der Regierende Bürgermeister verblieben ist, aber ich habe ihn schon gesehen – lieber Michail Gorbatschow, lieber Lech Wałęsa, liebe Freunde, Bürgerrechtler, Zeitzeugen, ich freue mich, dass wir heute, wenn auch nicht ganz in solch geordneter Form wie bei normalen diplomatischen Empfängen, dafür aber ähnlich der Situation, wie sie am 9. November 1989 war, uns hier wieder auf dieser Brücke treffen können.

„Sie haben das möglich gemacht. Sie haben mutig die Dinge geschehen lassen. Das war viel mehr, als wir erwarten konnten. Ein herzliches Dankeschön dafür und danke, dass Sie heute bei uns sind.“

„Meine Damen und Herren, hier an diesem historischen Ort sollen auch die immer wieder an die Geschehnisse erinnert werden können, die damals noch gar nicht geboren oder kleine Kinder waren.“

Второй – «Основной поток информации»:

„Das war ja das Ergebnis einer langen Geschichte von Unfreiheit und vom Kampf gegen die Unfreiheit. Wir waren nicht die Ersten in Deutschland, aber wir waren mit dabei, als der Kalte Krieg ein Ende nahm.“

„Solidarność war eine mutige Erhebung, die die damaligen kommunistischen Herrscher ja auch deshalb so getroffen hat, weil sie aus der Arbeiterschaft heraus kam.“

Третий – «Призыв к действию»:

„Manchmal vergisst man heute, wie viele über Jahre hinweg nicht ausreisen durften, wie viele in den Gefängnissen gesessen haben, wie viele Kinder schikaniert wurden. Ich kann das heute nicht alles aufzählen. Aber bevor das Glück der Freiheit kam, haben viele auch gelitten. Wenn es etwas gibt, was ich bedauerlich finde im Zuge der letzten 20 Jahre, dann ist es, dass wir lange gebraucht haben, diese Form von Unrecht als solches anzuerkennen und such ein Stück weit wieder gutzumachen.“

Далее, нам следует особенно подробно оста-

новиться на анализе лексического уровня данной статьи.

Ангела Меркель, начиная свое выступление со слов ‘Wir sind ein Volk’, использует высказывание бывшего федерального канцлера ФРГ, Вилли Брандта, указывая на то, что немецкий народ – единый народ, что вместе они сила, которую невозможно победить, что каждая ячейка немецкого общества – это одна из самых важных и составляющих элементов всего народа. За счет данного высказывания в немецком народе просыпается мощь, отвага, уверенность в будущем страны, но все же самое главное, они ощущают свой национальный дух, перерожденный на новом этапе.

Ангела Меркель использует высокий литературный язык, поэтому в ее речи не прозвучало ни одного модного слова или социального жаргонизма. Особое внимание мы обратили на выражение латинского происхождения: ‘pars pro tot’. ‘Pars pro tot’ – прием речи, когда называется часть предмета вместо целого. Вслед за этим выражением, Меркель упоминает Вольфа Бирмана (уроженца еврейского происхождения) как одного из самых известных диссидентов ГДР. Тем самым Меркель указывает на тяжелые времена, пережитые немецким народом, испытывая при этом чувства сострадания, готовность почувствовать и принять на себя боль другого человека, физическую и душевную.

Использование таких политических терминов, как ‘Sozialismus’, ‘Kommunismus’, придает эмотивный окрас речи Меркель, снова обращая внимание публики на времена, когда Германия была разделена на ФРГ и ГДР, когда люди жили в глубоком страхе, в полном неведении, что же будет дальше. «Жизнь под прицелом», – как говорили сами немцы. Раскол на два больших лагеря, политические репрессии, ненависть к нации в целом, недовольство жизнью, ощущение чувства вечного страха, уныния, отчаяния, жестокие убийства, вечное преследование – такие эмоции испытывают немцы, когда они слышат подобные политические термины.

На контрасте слов ‘Sozialismus’, ‘Kommunismus’ Меркель употребляет политический термин ‘Mauerfall’. ‘Mauerfall’ стало «ключевым словом эпохи» и всего выступления Ангелы Меркель, тем самым вызывая снова безумные чувства и слезы на глазах людей. Они испытывают величайшую радость, поскольку для них этот день – день рождения немецкого народа. Когда они смогли почувствовать себя действительно одной, объединенной немецкой нацией. Сколько гордости и надменности испытывает немецкий народ,

вспоминая события 1989 г., когда они, несмотря ни на что, сумели пройти свой «тернистый путь» в эту эпоху тяжелых событий.

Для более подробного анализа данной статьи, на наш взгляд, необходимо также рассмотреть, что несут с собой стилистические фигуры и как они отражаются на эмоциях человека.

– *сравнение*: ‘wie bei normalen diplomatischen Empfängen’; ‘als die führende und herrschende Klasse’.

– *олицетворение*: ‘Aber bevor das Glück der Freiheit kam’; ‘...und der die Welt ein Stück mehr offen steht’.

– *метафора*: ‘Es war dann so, dass immer mehr von denen, die kluge, mutige Köpfe waren, teilweise’; ‘in die Wiege gelegt sein’.

– *синекдоха*: ‘Man hatte ja der DDR vieles zugebraut’.

– *анафора*: ‘Manchmal vergisst man heute, wie viele über Jahre hinweg nicht ausreisen durften, wie viele in den Gefängnissen gesessen haben, wie viele Kinder schikaniert wurden’.

– *эпифора*: ‘einer langen Geschichte von Unfreiheit und vom Kampf gegen die Unfreiheit’.

– *парономазия*: ‘Freude und auch Ehre’; ‘Damen und Herren’.

– *асиндетон*: ‘Aber verlorene Lebenschancen, Angst und Sorge, Sippenhaft’.

– *климакс*: ‘nicht nur ein Feiertag für die Deutschen, dann ist das auch ein Feiertag für ganz Europa, dann ist das ein Feiertag für alle Menschen’.

– *параллелизм*: ‘dann ist das nicht nur ein Feiertag für die Deutschen, dann ist das auch ein Feiertag für ganz Europa, dann ist das ein Feiertag für alle Menschen’.

Использование в данной статье описанных выше стилистических фигур придает определенную эмотивную окраску и тональность речи оратора. Мы видим, что при помощи стилистических фигур речь оратора становится богаче и разнообразнее, что служит средством достижения эмоциональных эстетических целей, то есть информационное сообщение адресата становится «насыщенной», что непосредственно влияет на его эмоции, а через его эмоции – на его убеждения и поступки.

В заключение стоит подчеркнуть, что рассмотренная нами проблема является перспективной. В качестве дальнейших направлений исследования категории эмотивности в политическом дискурсе можно отметить, что данная тема становится все актуальнее и в то же время сложнее для понимания. Поскольку человек и язык постоянно

развиваются, выбор языковых средств человека для передачи информации меняется, а с ним меняется эмоциональное содержание слова.

Таким образом, в текстах политического дискурса, с одной стороны, ведущими, превалирующими становятся языковые средства, предназначенные для усиления «эмоционального содержания» и придания тексту «эмотивности», а с другой стороны, средства, предназначенные для убеждения.

Даже нейтральные языковые единицы часто приобретают дополнительное (прагматическое) значение, выражаемое имплицитно (в подтексте или с помощью окружающего контекста). Усиление эмоционально-оценочного содержания текста происходит благодаря использованию языковых средств двух типов: эмоционально-оценочных и нейтральных, которые создают оценочность, взаимодействуя с единицами контекстного окружения.

Список литературы

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки : монография. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Ионова, С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.
3. Колесов, Д. В. Оценка (психология и прагматика оценки) : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. психолог.-соц. института ; Воронеж : МОДЕК, 2006. 816 с.
4. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков) : монография. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т, 1994. 148 с.
5. Филимонова, О. Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.
6. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. М. : Гнозис, 2008. 388 с.
7. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания : учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983. 94 с.
8. Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel zum 20. Jahrestag des Mauerfalls auf der Bösebrücke [Internet resource]. URL : <http://www.bundesregierung.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Reden/2009/11/2009-11-09-boesebruecke-merkel.html>.

И. В. Сергодеев (Челябинск, Россия)

ДИСКУРСИВНАЯ СЕМАНТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ДЖЕЙМСА ДУГЛАСА МОРРИСОНА
“LIONS IN THE STREET”

The article is devoted to concept of discourse semantics of the poetic text. We analyze the basic approaches of discourse studying in linguistics, consider a discourse definition and some features of a poetic discourse. We analyze a piece of poetry written by James Douglas Morrison and trace discourse semantics and examples of intertextual relations.

Keywords: discourse, discourse-cognitive approach, discourse semantics, poetic text, intertextual relations.

Изучению дискурса посвящено множество исследований, во многих из которых предлагаемые авторами определения отличаются друг от друга. Хорошим примером может служить высказывание Т. А. Ван Дейка: «Понятие дискурса также расплывчато, как понятие языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными» [1].

Такие учёные, как Б. Э. Азнурян, Б. М. Гаспаров, П. Серио, М. Фуко и др. рассматривают дискурс в коммуникативно-дискурсивном аспекте. При таком подходе дискурс считается коммуникативным событием, происходящим между говорящим и слушающим в определённом временном контексте, другими словами, под дискурсом понимается «речь».

Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянко, Ю. С. Степанова и др. рассматривают дискурс в когнитивно-дискурсивном аспекте. Исследования дискурса проводятся при обработке языкового знания с учётом не только личных лингвистических знаний, но и знаний о реальном мире.

По мнению Ю. С. Степанова, «дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир”» [2. С. 45].

С точки зрения В. Е. Чернявской, основное внимание при изучении дискурса нужно уделять не столько текстовой, сколько дискурсивной семантике: «В фокусе дискурсивной семантики оказывается не столько лексическое значение употреблённых в дискурсе единиц, их узкоконтекстуальное значение, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений» [3. С. 134].

Хорошим примером, иллюстрирующим это высказывание, служит поэтический дискурс.

В его рамках проявляется образное выражение смыслов, потому что поэтический язык очень ассоциативен. Проанализируем и сопоставим значения лексических единиц не только из одного текста или предложения, но из разных тематически объединённых текстов одного автора на примере стихотворения “Lions in the Street” (стихотворение, открывающее поэму “Celebration of the Lizard”) американского поэта Джеймса Дугласа Моррисона.

Джеймс Дуглас Моррисон как поэт разрабатывает свой неповторимый стиль письма. Он намеренно отказывается от канонических поэтических форм и использует преимущественно верлибр. Верлибр – это тип стихосложения, для которого характерен последовательный отказ от рифмы, слогового метра, изотонии, изосиллабизма (равенства строк по числу ударений и слогов) и регулярной строфики. Стиль Дж. Моррисона отличается метафоричностью и агрессией. Поэт сознательно стремится к размытости повествования, что объясняется его непреодолимым желанием разрушения стереотипов и поиска безграничной свободы. “Listen, real poetry doesn’t say anything; it just ticks off the possibilities. Opens all doors. You can walk through anyone that suits you” (Jim Morrison).

Дж. Моррисону присуща сюрреалистическая манера выражения. Перед читателем предстаёт определённый набор образов, заключённый в чёткие физические формы. Дж. Моррисон использует верлибр: начинает стихотворение размером, напоминающим трёхстопный дактиль, однако во второй же строке делает его четырёхстопным, а в последующих строках совсем меняет его.

Lions in the street and roaming (+-- +- +-)
 Dogs in heat, rabid, foaming (+- + + -)
 A beast caged in the heart of a city

Каждая новая строка имеет свой собственный размер. Это придаёт ощущение вольности и хаоса.

тичности изложения, однако из-за наличия смежной рифмовки (*'street – heat', 'roaming – foaming'*) и не всегда последовательных ассонансов (*'ground – town'*) всё же возникает чувство ритма и законченности стихотворения. Такой способ повествования производит впечатление развития сюжета:

Lions in the *street* and *roaming*
Dogs in *heat*, rabid, *foaming*
A beast caged in the heart of a city

The body of his mother
Rotting in the summer *ground*
He fled the *town*

Описание шествия львов и бродячих псов открывает читателю центральный образ стихотворения – зверя. Изображая животных и безудержный нрав запертого в клетке зверя, автор поднимает тему одиночества и свободы, которая присуща многим его произведениям: "A beast caged in the heart of a city". Упомянутый в этой же строчке 'город' можно сравнить с библейским Вавилоном, то есть порабащившей и угнетающей силой, которая отделяет протагониста от истинной свободы.

Более подробное описание города присутствует в другом произведении Дж. Моррисона – "The Lords". 'Город' – это опасная игра, порочный круг, заканчивающийся смертью, в котором и протекает наша реальная жизнь:

Look where we worship. We all live in the city.

The city forms – often physically, but inevitably psychically – a circle. A Game. A ring of death with sex at its center...

But in the grimy ring immediately surrounding the daylight business district exists the only real crowd life of our mound, the only street life, night life (The Lords)

Это не единственное упоминание города в творчестве поэта. Тот же 'город' с запертым зверем встречается у Дж. Моррисона в произведении "The New Creatures". Здесь город представлен как улей, паутина, с запертым в центре зверем:

The City: Hive, Web, or severed insect mound.
All citizens heirs of the same royal parent.
The caged beast, the holy center,
a garden in the midst of the city (The New Creatures).

Вернёмся к стихотворению "Lions in the street". Тело матери – ещё одно интертекстуальное

включение, но на этот раз прообразом выступит трагедия Софокла «Царь Эдип». По сюжету трагедии Эдип убивает своего отца и женится на своей матери. Когда они узнают правду, его мать, не выдержав позора, убивает себя, а сам Эдип покидает город:

The body of his mother
Rotting in the summer ground.
He fled the town

Как и в примере с 'городом', мотив трагедии Софокла угадывается в других произведениях Дж. Моррисона, наиболее известным из которых является "The End":

The killer awoke before dawn,
he put his boots on
He took a face from the ancient gallery
And he walked on down the hall
He went into the room where his sister lived, and...
then he
Paid a visit to his brother, and then he
He walked on down the hall, and
And he came to a door...and he looked inside
Father, yes son, I want to kill you
Mother...I want to... (The End)

Обратимся к биографии поэта. Известно, что Дж. Моррисон жил в разладе со своим отцом из-за того, что тот не поддержал его, когда Дж. Моррисон хотел создать рок группу. Мать не посмела встать на сторону сына. Поэтому во всех интервью Дж. Моррисон говорил, что его родители погибли. Впоследствии он разработал свою собственную философию по этому вопросу. Дж. Моррисон считает, что на пути к внутренней свободе человек должен обязательно освободиться от влияния своего отца. Свобода от отца, по его мнению, должна привести к уничтожению внутри себя всех чужих концепций, идей и вообще всего чужого. Однако мать, согласно поэту, выступает в роли «матери-природы», с помощью которой человек возвращается ко всему естественному в своём существовании. С другой стороны, автор связывает этот образ с идеями одного из своих любимых писателей Ницше: сверхчеловек развивает душу через страдания, что мы видим на примере царя Эдипа и зверя из стихотворения Дж. Моррисона.

Зверь покидает город и отправляется на юг. Направление выбрано не случайно. Здесь автор даёт понять, что зверь, он же протагонист, является никем иным, как Ящером из названия поэмы "Celebration of the Lizard" (некоторые индей-

ские племена ассоциировали ящерицу с югом). Ящер оставляет за собой хаос, поскольку разрушает сложившиеся стереотипы и старый уклад, и наконец-то пересекает черту, вырывается из кольца города.

He went down South and crossed the border
Left chaos and disorder
Back there over his shoulder

Во время создания художественного текста поэт укладывает объективную реальность в «поле» образов или, другими словами, создаёт некоторое интертекстуальное пространство внутри собственного дискурса, определённую ассоциативно-образную кодировку. Предпосылками такого синтеза могут выступать семантика ключевых слов и концептов, преобладающих в творчестве поэта; темы, волнующие автора; стратегии письма, острая социально-политическая обстановка, культурные предпочтения. Надо отметить, что эта кодировка не просто задаёт эмоциональный строй стихотворения или композиционную организацию текста, но и придаёт целостность созданному образу. Дж. Моррисон достигает та-

кого результата при помощи интертекстуальных связей. Он разрабатывает свой язык символов, который позволяет поэту достигнуть цели: быть свободным от условностей при написании стихов. Дж. Моррисон создаёт, на первый взгляд, бессмысленные произведения постмодернизма, ключ к пониманию которых находится в закодированных символах поэта, которые практически во всех произведениях автора обозначают одно и то же.

Список литературы

1. Дейк ван, Т. А. К определению дискурса [Электронный ресурс]. URL : <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
2. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 45.
3. Чернявская, В. Е. Дискурс и дискурсивный анализ : традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. П. Котюрова ; Перм. ун-т. Пермь, 2002. С. 134.

Е. Л. Словикова (Пермь, Россия)

К ВОПРОСУ О РОЛИ КАТЕГОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

The article focuses on the study of the role of the category of intertextuality in the development of advertising discourse as an object system. Intertextuality is presented as a means of establishing a subsidiary sense-bearing often archetypal load.

Keywords: advertising discourse, intertextuality, image, imagery, energy system.

В современной лингвистике интертекстуальность относят к существенным характеристикам текста и дискурса [3]. Однако роль категории интертекстуальности в рекламном дискурсе, согласно развиваемого нами гештальт-синерго-прагматического подхода, освещена недостаточно. Между тем интертекстуальность – одно из важнейших условий саморазвития системы, ее динамичности и открытости. *Открытость*, трактуемая как, прежде всего, способность системы к взаимодействию и обмену веществом и энергией, проистекает из понимания смысла как изменчивого пространства сущностно-энергетической природы [5].

В случае функционирования в рекламном дискурсе интертекстуальности, понимаемой нами

вслед за теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой как общее свойство текстов, выражающее наличие между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга [2], происходит ее взаимодействие с категорией образности в результате актуализации в смысловом пространстве вспомогательного смыслообраза.

Как было показано нами ранее, данный смыслообраз входит в систему, состоящую из смыслообраза предмета рекламы, проблемного адресата, других объектов группы предмета рекламы и нового смыслообраза, формирующего имидж предмета рекламы [4]. Считаем важным отметить, что *вспомогательный смыслообраз* явля-

ется одним из ключевых для ситуации принятия интуитивного решения. Смысловые составляющие вспомогательного смыслообраза по принципу сходства/различия в процессе симметризации/асимметризации переносятся на другие смыслообразы, оказывая влияние на появление нового смыслообраза в процессе сходным с процессом интуитивного принятия решения.

Разновидностью вспомогательного смыслообраза является родовой экзистенциальный смыслообраз. Он актуализирует мировоззренческий аспект, который выражает общие более или менее устойчивые мировоззренческие установки личности. Особенностью в данном случае является то, что родовой экзистенциальный смыслообраз проецируется на новый смыслообраз, в результате чего он приобретает родовую экзистенциальную нагруженность.

Важную роль играют и архетипические смыслы. Так, Е. Ухова пишет: «**Реклама живет и дышит архетипами** <...> В креативе чрезвычайно успешно используются сказочные, фольклорные образы и мотивы» [6. С. 481–482]. Обращаясь к архетипическим формулам или родовым экзистенциальным смыслам, возможно осуществлять косвенное воздействие. Ведь, как отмечает А. А. Брудный: «**Воздействие произведения искусства усиливается архетипической его первоосновой...** Прикосновение к тому, что в ней (коллективной памяти) хранится, многократно усиливает воздействие, которое оказывает на сознание предмет смыслового восприятия» [1. С. 45].

Интертекстуальность, таким образом, предстает, с одной стороны, как средство создания вспомогательного (родового экзистенциального) смыслообраза, с другой стороны, как механизм, обеспечивающий открытость смысловой системы рекламного дискурса. Проявляемая в виде непосредственного цитирования, аллюзий, плагиата, пародирования, иронической игры с заимствованными элементами, категория интертекстуальности в рекламном дискурсе способствует созданию новых вариаций уже существующего представления о предмете рекламы.

Обладая своим набором функций, категория интертекстуальности трансформирует их в рекламном дискурсе согласно его целевому устремлению. Это объясняется тем, что рекламный дискурс как синергетическая система гомеостатична. *Гомеостатичность* как свойство имеет в своей основе гомеостаз – «поддержание программы функционирования системы в некоторых рамках, позволяющих ей следовать к своей цели. Цель-программу поведения системы в состоянии гомеостаза в синергетике называют

аттрактор» [3. С. 20]. *Гомеостатичность реализуется* в целевом устремлении смыслов рекламного дискурса на достижение коммуникативно-прагматического эффекта – воздействия на адресата и побуждение его к определенному действию по отношению к предмету рекламы.

Основными функциями категории интертекстуальности являются функции языка: экспрессивная, апеллятивная, поэтическая, референтивная и метатекстовая. В рекламном дискурсе референтивная функция формирует положительный имидж товара и фирмы. Она помогает подчеркнуть достоинства товара и вызывает положительные ассоциации. Апеллятивная функция помогает привлечь внимание определенного адресата, т. е. это функция ограничения целевой аудитории. Она имеет место в тех случаях, когда отсылки к каким-либо иным текстам ориентированы на конкретного адресата, т. е. путем введения прецедентного текста в текст рекламы. Создатель рекламы направляет свое рекламное сообщение определенной группе потребителей. Адресатом является реципиент, способный опознать интертекстуальную отсылку и адекватно понять ее интенцию. Таким образом, происходит деление общей аудитории на «своих» и «чужих». Поэтическая функция интертекста трансформируется в игровую и эстетическую функции. С одной стороны, она повышает эстетическую ценность рекламного текста, а с другой – способствует быстрому запоминанию. Метатекстовая функция интертекста в рекламном слогане помогает привлечь внимание покупателей к предмету рекламы. Кроме того, интертекст придает оригинальность, что привлекает внимание адресата, а также позволяет ввести юмор в рекламу, так как использование известных текстов в новом, несвойственном ему контексте всегда привлекает внимание. В этом заключается экспрессивная функция.

Проиллюстрируем на примере:

Ein Mann. Ein Wort. Vertrauen /Focus 27.06.2011/.

Это рекламный слоган мужской туалетной воды «**Tabac ORIGINAL**», название которой актуализирует смыслообраз предмета рекламы. Текстовая единица «**Ein Mann**» совместно с изображением мужской туалетной воды репрезентирует смыслообраз адресата – мужскую аудиторию. Данный слоган является деформацией афоризма: «**Ein Mann, ein Wort – eine Frau, ein Wörterbuch**». Смысл этого афоризма в том, что женщины болтливее мужчин, болтливость – женская черта. Итак, отсылка к пословице в данном слогане влечет активизацию смысла, который содержится в этом «внешнем» тексте. Результатом становится

ся вспомогательный смыслообраз мужчины как сдержанного человека, человека слова, ручающегося за свои слова. Данный смыслообраз имеет и родовую экзистенциальную нагруженность, как противопоставление 'мужчина – женщина', если мужчина принимает какое-либо решение, то оно является взвешенным и обдуманым. Проблемный смыслообраз 'потребность в доверии к предмету рекламы' выражен имплицитно текстовой единицей 'Vertrauen'. В результате парцелляции происходит разрыв смысла по отдельным смыслообразам, а затем синтез в единое целое: 'Об этой воде мужчина может сказать только одно слово «доверие»'. Благодаря интертексту происходит множественное обыгрывание смысла. В результате креации всех смыслов появляется новый смыслообраз. Туалетная вода «Tabac ORIGINAL» – это вода для мужчин, которые являются настоящими мужчинами, и их доверие к данному предмету рекламы оправдано, поскольку о нем можно сказать только одно слово – «доверие». В создании этого многослойного имиджа туалетной воды заключается референтивная функция интертекста. Кроме того, данный слоган должен заинтересовать аудиторию. Они задумываются о том, какое слово является тем единственным. Здесь имеет место поэтическая функция. Она представлена как игровая. Адресат сам должен выявить интертекстуальные отношения и догадаться о смысле. В нацеленности на мужскую аудиторию заключается апеллятивная функция.

Также характерной особенностью интертекста является то, что он выполняет в рекламном дискурсе прагматическую функцию, т. е. функцию воздействия на адресата для достижения определенной цели: сформировать положительное отношение к

предмету рекламы и побудить адресата совершить определенное действие по отношению к нему.

Итак, изучение функционирования категории интертекстуальности в рекламном дискурсе представляется весьма интересным и перспективным в свете установления его взаимодействия с категорией образности, так как открывает некоторые механизмы побуждения адресата к принятию интуитивного решения по поводу предмета рекламы.

Список литературы

1. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие. М. : Лабиринт, 1998. 336 с.
2. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М. : ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.
3. Олизько, Н. С. Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта). Попытка семиотико-синергетического анализа. Челябинск : Энциклопедия, 2007. 158 с.
4. Словикова, Е. Л. Динамика рекламного дискурса. Энергия слова, образа и смысла / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. 207 с.
5. Словикова, Е. Л. Гештальт-синергетический подход к исследованию дискурсивного смыслового пространства // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. Филология. Искусствоведение. Вып. 55, № 17 (232). С. 145–151.
6. Ухова, Е. Реклама и архетипы // Психология и психоанализ рекламы : учеб. пособие для фак. психологии, социологии, экономики и журналистики. Самара : БАХРАХ–М, 2001. С. 481–483.

Н. А. Ульянова (Челябинск, Россия)

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО КИНОДИСКУРСА

The structure and peculiarities of scientific popular discourse are distinguished in the following article. The definition of the scientific popular discourse is given, its structure is fully described and presented, the notion of scientific popular cinema discourse as the semiotically complicated and creolized phenomenon is examined and analyzed. Three form of popularization are described. Namely, they are comprehensive, introscientific, interscientific. Two main systems which are functioning within the scientific popular discourse are linguistic and non-linguistic. Their components are examined and describes with the help of examples. The evaluation is mentioned as one of the peculiarities of the described discourse type.

Keywords: creolized text, cinematographic discourse, popularization, semiotics, linguistic code, evaluation.

Понятие 'кинодискурс' уже достаточно основательно вошло в обиход философского дискур-

са, в состав современных эстетических представлений, а также сегодняшнего информационного

потока. На современном этапе развития общества кино является важным элементом международного информационного порядка, то есть совокупности процессов межкультурных коммуникаций в современном мире. Именно поэтому интерес к кинематографу обусловлен отношением к нему как к особой форме социального знания, объективации восприятия современным человеком окружающей социальной реальности [7. С. 118].

Элементы жанровой дифференциации кинодискурса отражают наиболее существенные связи явлений мира и представляют собой совокупность формальных и содержательных признаков и особенностей произведения. Данные особенности включают несколько плоскостей членения: сюжетно-тематическую плоскость, познавательную емкость жанра, аксиологическую плоскость и тип создаваемой модели [8. С. 250].

На современном этапе развития кинокультуры общества научно-популярные фильмы привлекают особый интерес к себе, так как служат популяризации науки, распространению знаний, воспитанию научного мировоззрения, формированию у зрителя объективной картины мира. Научно-популярное кино рассказывает об истории и достижениях науки и техники, о жизни и деятельности известных ученых и изобретателей, о научных методах организации производства, об охране природы, о жизни животных и растений, о творчестве выдающихся деятелей искусства и литературы. Цель научно-популярных телепередач – обновление и углубление знаний зрителей. Такие передачи имеют самостоятельное значение в той или иной области науки, культуры, искусства, общественной жизни. Они ведут зрителя от одной темы к другой в определенной последовательности, основанной на логике и истории научного познания. Научно-популярное кино призвано информировать о наиболее важных событиях в мире науки и техники, пропагандировать новейшие научные достижения, организовывать борьбу за новые научные идеи, направления, изобретения, просвещать, воспитывать эстетические вкусы (программы о музыке, литературе, театре, живописи и т. д.).

В отличие от художественного игрового фильма, где в центре внимания находятся человеческие судьбы и характеры, в научно-популярном кинодискурсе мы имеем дело с движением и развитием человеческой мысли, с ее проникновением в тайны окружающего нас мира. Автор научно-популярного фильма, прежде всего, интересуется сложными связями научных явлений. И поэтому вполне естественно, что научно-популярный фильм создается в тесном сотрудничестве кинематографистов и научных работников. Таким обра-

зом, научно-популярный кинодискурс как коммуникативная ситуация создается *полифоническим автором*, то есть киносценаристом, режиссером, актерами, редакторами, операторами [4. С. 69] Например, Центральной студии научно-популярных фильмов в Москве надо было снять фильм «О происхождении и развитии жизни на Земле» (автор и режиссер В. А. Шнейдеров). Кинематографисты, решившие путешествовать в прошлое, должны были иметь опытных проводников. Ими стали ученые. Под их руководством художники киностудии сделали множество рисунков растений и животных в различные периоды истории Земли. Затем все рисунки последовательно перевели на киноленту. Когда рисунки «ожили» на экране, зрители смогли совершить зримое путешествие в далекое прошлое. При помощи мультипликации кинематографисты проникли, казалось бы, в область вовсе не доступную – в творческую лабораторию А. С. Пушкина. Авторы фильма «Рукописи Пушкина» (1937) – сценарист С. Владимирский, режиссер А. Егоров, литературовед С. Бонди – взяли в музее один листок из рукописей Пушкина – начало «Медного всадника» – и при участии ученых-текстологов восстановили последовательность записей. В результате с помощью мультипликации удалось показать на экране сложную творческую работу Пушкина над рукописями.

Научно-популярный дискурс является одним из наиболее популярных видов жанров кинодискурса, интерес к которому обусловлен, прежде всего, тенденцией к расширению адресации научно-популярных фильмов. Фактор дифференцированной адресации научно-популярного кино усиливает его роль «связующего звена» между специалистами разных областей знаний, а также различных возрастных групп читателей. Таким образом, в рамках научно-популярного дискурса можно выделить три формы популяризации: общеобразовательную, интранаучную (удовлетворяющую профессиональные запросы специалистов, стремящихся выйти за пределы узкой специализации в рамках своей науки) и интернаучную (восполняющую междисциплинарные интересы ученых). Все это говорит о том, что научно-популярный дискурс является «адаптивным» видом дискурса, стимулирующим интерес реципиентов к науке [3. С. 117].

Научно-популярный дискурс – это сложное коммуникативное явление, которое сочетает в себе особенности как научного, так и популярного дискурсов. Продуктом такого дискурса является сверткест в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой за-

вершенности фильма экстралингвистическими факторами, то есть научно-популярный кинодискурс – это *креолизованное образование*, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем). Основная цель автора – доступно передать научную информацию адресату. Информативность научно-популярного кино нацелена на конкретного адресата с позиции конкретного адресанта, который дифференцирует накопленную информацию по определенной проблеме и передает ее кинозрителю.

Понимая научно-популярный кинодискурс как семиотически осложненное (креолизованное) образование, в котором посредством принципа вербально-иконического сцепления осуществляется воздействие на кинозрителя, приведем высказывание Н. Б. Мечковской о роли комплексного характера знаков, обеспечивающих общение: «...успех коммуникации во многом зависит от ее семиотического обеспечения – от того, в какой мере удалось выразить нужную информацию в концентрированном знаковом виде – в ритуале, символе, формуле, в географической карте, чертеже, терминологии, лозунге или афоризме, знаке дорожного движения, плакате, симфонии, поэме, кинофильме...» [5. С. 206].

Из этого необходимо сделать вывод о том, что, поскольку научно-популярный кинодискурс представляет собой концентрацию знаков двух типов – вербальных и иконических, его необходимо изучать с точки зрения того, каким образом это единство участвует в процессе реализации успешного интракультурного и кросскультурного общения. Именно поэтому исследование научно-популярного кинодискурса является важным с точки зрения современной лингвистики.

Специфика научно-популярного кинодискурса заключается также в совокупности нескольких взаимопроникающих семиотических кодов (язык, звук, жесты, декорации, детали кадра и т. п.), формирующих значение кинопроизведения и определяющих характер его воздействия на аудиторию. Таким образом, научно-популярный кинодискурс – это синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной и словесной. Зритель как участник художественной коммуникации получает информацию не только из сообщения (т. е. посредством языка), но и в результате соположения разнородных единиц различных систем.

Таким образом, научно-популярный креолизованный кинодискурс несомненно является од-

ной из самых сложных семиотических структур. Описывая сложный состав научно-популярного кинодискурса, мы предлагаем следующее его определение: «...лингвистическая и нелингвистическая семиотические системы, оперирующие знаками различного рода». Это двухфазная многоуровневая система, обеспечивающая последовательное воздействие на аудиторию.

Лингвистическая система в научно-популярном кинодискурсе представлена двумя составляющими:

- письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма, – плакат, название улицы, письмо и т. д.);

- устной (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня).

Нелингвистическая система включает:

- звуковую часть (естественные шумы, технические шумы и музыку);

- видеоряд (образы персонажей, пейзаж, интерьер, реквизит, спецэффекты, изображения людей, животных, предметов, осуществляющих последовательность движений, жесты, мимику) [7. С. 34]. Например, специальный аппарат для подводных съемок позволяет увидеть на экране интересный мир существ, обитающих в воде и на дне. А съемочный аппарат, к которому приставлен микроскоп, открывает зрителям новый мир – мир невидимых невооруженным глазом микроскопических существ. Все эти «чудеса» кино позволяют создателям научно-популярных фильмов сделать трудное для понимания понятным, скрытое – доступным, невидимое – видимым.

Все указанные элементы особым образом организованы и находятся в неразрывном единстве.

В процессе восприятия кино происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: при извлечении концепта изображения происходит его «наложение» на концепт вербального текста. Взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста.

Еще одной особенностью научно-популярного кинодискурса является его *оценочность*. Научно-популярный дискурс антропоцентричен. Вся его информативность нацелена на определенного адресата с позиции определенного адресанта, который через призму оценки дифференцирует накопленную информацию по той или иной теме и преподносит ее реципиенту. Так, категория оценки играет основную роль в научно-популярном дискурсе и влияет на его информативную направленность. Давая характеристику понятию или явлению, автор научно-популярного дискурса, в основном, опирается на свое собственное,

личностное понимание проблемы, а также на уже имеющиеся научные труды, с которыми, прежде чем сформировать свое собственное отношение к ним, адресант ознакомился, проанализировал и дал им оценку. Таким образом, оценка в научно-популярном дискурсе содержит в себе когнитивный аспект, аспект познания. Н. В. Данилевская такую оценку условно назвала познавательной: «Понятие познавательной оценки (или оценки в функции способа познавательной деятельности) позволяет объединить познание и оценку как предполагающие друг друга процессы эвристической деятельности, проанализировать функциональную нагрузку оценки в речемыслительной деятельности, а также определить место и роль оценки в выражении научного знания, т. е. в целом продемонстрировать ее текстообразующее значение в общем движении познания от незнания к знанию» [2. С. 22].

Каждая из вышеперечисленных особенностей научно-популярного дискурса играет немаловажную роль в процессе формирования смысловой и содержательной направленности дискурса, его структуры, отношений между адресатом и адресантом, прогнозируемого результата, в использовании языковых средств для эффективности дискурса в целом. Присутствие тематической дифференциации и разных типов популяризации говорят как об информативной нагрузке, так и об экспрессивности научно-популярного дискурса.

Список литературы

1. Воронцов, Ю. Телевидение для всех и для каждого / Ю. Воронцов, И. Налимов // Телевидение вчера, сегодня, завтра. Вып. 1. М., 1981. С. 164–186.
2. Григорян, Л. Т. Язык мой – друг мой // Материалы для внеклас. работы по рус. яз. : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1988. 207 с.
3. Лазаревич, Э. А. Искусство популяризации науки. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Наука, 1978. 224 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн : Ээсти Раамат, 1973. 140 с.
5. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М. : Аспект-Пресс, 2000. 206 с.
6. Пирс, Ч. Начала прагматизма / пер. с англ. В. В. Кирюшенко, М. В. Колопотина. СПб. : Лаб. метафиз. исслед. филос. фак. СПбГУ ; Алетейя, 2000. 352 с.
7. Слышкин, Г. Г. Кинотекст : опыт лингвокультурологического анализа / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
8. Филиппов, С. Два аспекта киноязыка и два направления развития кинематографа. Прологомены к истории кино // Киноведческие записки : ист.-теорет. журн. 2001. № 54. С. 245–280.

Е. Г. Фоменко (Запорожье, Украина)

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

This article explores individual-authorial conception in terms of fictional revelation that integrates fictional discourse variants into the fictional discourse space of the epoch. The universal matrix of togetherness whose interpretive channel attracts individual concepts within the universal conceptual framework of action, non-action, unity, and non-unity is utilized as an algorithm of modeling fictional revelations in language consciousness of the writers who by mutual effort create the epiphanic fictional discourse. The article studies the role of cultural constants in the formation of individual-authorial conception and conceptualizes gnomon- and rhizome-like constructs as dynamic in fictional discourse.

Keywords: individual-authorial conception, literary discourse, gnomon, rhizome, cultural constants, epiphanic fictional discourse.

Индивидуально-авторская концепция писателя, под которой мы понимаем динамизм внутренней жизни художественного языка в вариативности дискурсивного поля сознания, предполагает «активность не только Открывающегося, но и воспринимающего откровение» [2. С. 209]. Язы-

косознание творческой личности проецирует в художественный дискурс ценности, воззрения и философию познания эпохи. Индивидуально-авторскую концепцию можно считать и процессом, и продуктом художественного откровения, ведь, по словам квантового физика, философа и ней-

ропсихолога Д. Бома, «способность формы быть динамичной – это наиболее характерный признак сознания» (цит. по [10. С. 44]). Развертываясь в дискурсивной среде, где активизируется когнитивная деятельность творца художественного слова, индивидуально-авторская концепция обогащает художественный дискурс неповторимым переживанием фикционального мира. Сопредельность индивидуально-авторских концепций раскрывается алгоритмом моделирования, который строится квадратичной матрицей в конфигурациях ‘действия’, ‘не-действия’, ‘единения’ и ‘не-единения’.

Актуальность рассмотрения индивидуально-авторской концепции, а не отдельных художественных концептов и их иерархии, обусловлена тем, что в художественном дискурсе проявляется «феномен человека <...> как живой среды» [6. С. 121]. Действие индивидуальных художественных откровений порождает вариативность, организуемую вокруг констант культуры своего времени. Иначе говоря, писательское языкознание осваивает *нечто подобное* в близких по духу художественных переживаниях современности. Индивидуально-авторская концепция опирается на золотой фонд языка художественной литературы, на накопленный опыт активизации дискурсивного сознания, на константы культуры, в которых интерпретируется художественный дискурс эпохи. Обращение к индивидуально-авторским концепциям вызвано необходимостью отказаться от инвентаризации художественных концептов, чтобы избежать ошибки лингвистики текста, сузившей свой горизонт тупиковым уточнением списка текстовых категорий. Кроме того, идея иерархии индивидуально-авторских концептов представляется спорной, ведь индивидуально-авторская концепция не является иерархическим образованием. Преломляя размышления Н. А. Бердяева об «универсалистическом характере» эпохи [2. С. 317], можно судить об индивидуально-авторских концепциях как о конфигурациях сознания внутреннего человека, которые, опираясь на константы культуры, взаимодействуют друг с другом для переживания художественной *истины* эпохи.

Каждая эпоха осваивает свою *истину соприкосновения действием, не-действием, единением и не-единением*, в зависимости от того, что порождает конфликт, что имплицировано и чей дефицит переживается художественным откровением. Индивидуально-авторская концепция дифференцирует составляющие *соприкосновения* для их последующей гармонизации. Опираясь на психологическую концепцию потока сознания

У. Джеймса, можно предположить, что состояния сознания скрепляются чувством внутренней активности. Для У. Джеймса *действие* двигает сферой сознания. Поэтому единицы, входящие в комбинации универсального *действия*, будут стремиться к вхождению в ассоциативное переживаемое пространство, где они объединяются. Антиномия заложена в основу христианской культуры. Следовательно, *действие* ассоциируется со всеми проявлениями жизни; *не-действие* связано с покоем, смертью; *единение* является человеческой потребностью во взаимодействии друг с другом; *не-единение* ассоциируется с одиночеством, изгнанием, изоляцией. Каждая сторона матрицы (*действие, не-действие, единение, не-единение*) функционирует как номинатор, под которым, вслед за М. В. Никитиным, мы понимаем «абстракцию и обобщение как отдельно-осознанный концепт» [8. С. 12]. Представление индивидуально-авторской концепции в *соприкосновении* художественным откровением через *действие жизни, не-действие смерти, единение с другим и не-единение одиночества* убеждает в том, что «семиозис является осознанным волевым процессом» [8. С.12]. Например, в русском языкознании «я» осознается как единство множества других («Отче наш») и является рефлексией на участие «я» в соборных отношениях [11].

Индивидуально-авторские концепции отличаются динамикой и вектором *соприкосновения*. Их принадлежность эпохе определяется по *нечто подобному*, поскольку смысл «заставляет разнообразное принимать форму того же самого» [4. С. 111]. М. Мамардашвили и А. М. Пятигорский полагают, что «сознание появляется в тексте не в силу каких-то закономерностей языка, то есть изнутри текста, но исключительно в силу какой-то закономерности самого сознания» [7. С. 40–41].

В повествовательной модели с развернутой иерархией повествовательных категорий индивидуально-авторские концепции строятся иначе, чем в эпифанической модели, свертывающей традиционное повествование для надстроек смысла повествовательных категорий. В эпифаническом искусстве центром притяжения является *нечто*, которое становится предметом художественного мышления. Эпифаническое искусство возвращает к *нечто* как первичному опыту сознания. Оно подвергает *нечто* концептуальной обработке как *подобного* в процессе душевных переживаний человека. В эпифаническом искусстве *нечто* воспринимается, ощущается, чувствуется, переживается, представляется в *нечто подобном*. Эпифаническая модель напоминает саморазвивающуюся триаду Мирового Разума Георга Гегеля.

Простое *нечто* представлено в первом макро-структурном кольце в вербализациях готовых культурных (духовных) концептов. Во втором макроструктурном кольце вербализуется невидимая реальность – *нечто подобное*, которое из прогнозируемого конвенционального события, так и не становящегося реальностью, переходит в сферу человеческого сознания. В эпифанической модели динамикой индивидуально-авторской концепции управляет *нечто подобное*, сравните: ‘*Something that she did not understand took hold of the girl and pulled her through*’ [13. С. 208]; ‘Но, может, есть *нечто*, что не подлежит видоизменению, не подвергается ему не только в течение моей жизни, но и в течение тысячелетий?’ [3. С. 318]; ‘Говорят, будто я – не есмь я, а *какие-то «мы»*’ [1. С. 79]; ‘... и еще *кое-что*’ [1. С. 74].

Инобытие *нечто подобного* – переживаемое состояние человеческого сознания – строится по принципу гномона, геометрической фигуры, которую со времен Евклида связывают с незавершенным параллелограммом. Китайская математика доказывает, что знание идет от тени, а тень отбрасывается гномоном. Гномон тесно связан с солнечной культурой человечества. Его называют третьим глазом, служащим окном в космос. Палочка гномона известна также как ключ к лабиринту. Г. Н. Паранина полагает, что лабиринт-гномон положен в основу знаковых систем [9. С. 5]; она указывает, что каменная чаша Христа – Грааль – является известным образом гномона; примечательно, что гномон превратился в волшебную палочку из сказок [9. С. 28]. М. Газале полагает, что гномон, или самоподобие, порождает логарифмическую спираль. Еще Герон Александрийский называл гномоном фигуру, которая, при добавлении к другой фигуре, образует новую, подобную исходной [5. С. 17]. Во времена грека Анаксимандра, которому приписывают изобретение солнечных часов, гномоном называли «нечто, что позволяет знать» [5. С. 20]. Интересно, что в греческом языке корень ‘гномон’ используется для обозначения интерпретатора.

Гномон упоминает Джеймс Джойс в начале «Дублинцев». Он имеет в виду прямоугольник Евклида, который обладает горизонтальной пропорцией (возможно и более широкое толкование через использование Евклидом гномона как готового термина, обозначающего солнечные часы). Если в прямоугольник вписать примыкающие квадраты, то остается прямоугольник с вертикальной пропорцией. Если далее вписать в оставшийся прямоугольник еще квадраты снизу, то можно изобразить один квадрат и получить в левом верхнем углу остаточный прямоугольник.

Движение, направляемое слева направо и снизу вверх и напоминающее завиток, происходит по часовой стрелке. Такие витые прямоугольники предшествуют спирали. Процесс получения спирали, огибающей первичные прямоугольники, считается бесконечным [5. С. 107].

Добываясь принципа гномона, Джойс создает всем своим художественным дискурсом самоподобие (гномонность). Его тексты напоминают спиралевидные конструкции, в которых каждое приращение смысла подобно геометрической фигуре гномона. Проиллюстрируем, как гномонность создается описанием самоубийства отца Блума в «Улиссе»: “That afternoon of the inquest. The redlabelled bottle on the table. The room in the hotel with hunting pictures. Stuffy it was. Sunlight through the slates of the Venetian blinds. The corner’s ears, big and hairy. Boots giving evidence. Thought he was asleep first. Then saw like yellow streaks on his face. Had stopped down to the foot of the bed. Verdict: overdose. Death by misadventure. The letter. For my son Leopold” [14. С. 145].

В вышеприведенном абзаце эпифанизируются детали, которые могли быть одновременно и в комнате, где произошло самоубийство, и в зале судебного заседания: бутылочка на столе (причина смерти и вещественное доказательство, желтые полосы на лице покойника и свет, проникающий в окно). Две комнаты – зал заседания и комната в отеле – сливаются в сознании Блума (духота смерти, духота из-за скопления людей в зале, духота, вызванная смертью, которая, как понимает Блум, была самоубийством). Недаром предложение ‘Stuffy it was’ выделяется из общей последовательности своим полным составом с характерным вынесением предикатива в начальную позицию. Движению слева направо соответствует *действие смерти* – предсмертная записка для сына, бутылочка с красным ярлыком, ботинки; движению снизу вверх соответствует *единение с действием смерти* – человек нашел мертвого отца Блума, то есть вошел в комнату, где совершился акт самоубийства; увидел письмо к сыну; нашел на столе бутылочку, которую брал в руки покойный; осмотрел ботинки, подтверждающие, что не было насильственной смерти. Приращение смысла идет наложением прямоугольных форм в помещениях: зал судебного разбирательства, стены которого словно раздвигаются для новой картины самоубийства со столом, кроватью, окном с жалюзи, сценами охоты на живописных полотнах на стенах. Перечисление первичных прямоугольников (комнаты, стол, кровать, окно, письмо) служит образованию спирали – от письма к сыну с прощальным отцов-

ским словом до разбирательств обстоятельств смерти органами правосудия. Спиралевидный виток закручивается на выходе в другую потерю Блума – смерть его маленького сына Руди.

Таким образом, в матрице *соприкосновения* заложен гномон (имплицированный номинатор), *нечто подобное* которого выводится из трех остальных сторон. Первое макроструктурное кольцо свертывает конвенциональное повествование, вводя константы культуры в зону действия *нечто подобного* и распределяя их по текстовым константам, подобно вагнеровским философемам-лейтмотивам. Во втором макроструктурном кольце потенциал констант культуры осваивается в когнитивных надстройках смысла, где происходит трансформация констант культуры в индивидуально-авторскую концепцию *нечто подобного-здесь-сейчас*. В третьем макроструктурном кольце индивидуально-авторская концепция включается в ассоциативные когнитивные структуры, которые интегрируются в художественный дискурс современности.

Гномонность *нечто подобного* отрицает иерархию, поэтому разрастающаяся гномонность перерастает в ризомность. Согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, ризома не имеет начала и конца, она посередине, «между», интермеццо. Внутри ризомы нет иерархичности, но при этом существует взаимосвязь, поскольку любая часть ризомы занимает некое срединное положение в многовекторной системе. В ризоме отсутствует линейность, а есть возобновление из середины, отличающееся разной степенью напряжения благодаря гетерогенной множественности (математическая «вложенность»). В труде под редакцией Р. Фабера и А. М. Стивенсон **ризомность описывается** как «соприкосновение (*togetherness*) множественностью», а также указывается, что многоформная реальность кристаллизуется своею же множественностью [12. С. 147–148]. Апеллируя к единству процесса переживания, можно сказать, что в художественном дискурсе, в специфической для индивидуально-авторской концепции форме, существует целостное и неделимое художественное переживание, которым направляется единство душевной жизни «я». Ключевыми для душевного переживания являются переживания состояний жизни, смерти, единения с другими «я» и одиночество индивидуального «я».

Подведем итоги. На рубеже XIX–XX вв. художественная литература завершила сдвиг к первичности языка, вышла за свой предел, отдав пространство художественного дискурса активному сознанию внутреннего человека. Недосказанность, подтекст, плюрализм интерпретаций,

богатство внутренних переживаний в причудливых глубинах сознания раскрываются в культурных (духовных) концептах того времени, в интерпретационной гармонии *действия* жизни, *не-действия* смерти, *единения* вселенским грехом и пробуждением от навязанного бремени грехопадения, *не-единения* личного сознания как индивидуального для каждого одиночества. *Соприкосновение* становится концептуальным двигателем эпохи, к которому стремятся мысли, размышления, раздумья великих мастеров словесности нового времени.

Список литературы

1. Белый, А. Петербург. СПб. : Азбука-классика, 2004. 236 с.
2. Бердяев, Н. Самопознание. СПб. : Азбука, 2012. 416 с.
3. Бунин, И. Малое собр. соч. СПб. : Азбука, 2010. 798 с.
4. Делёз, Ж. Логика смысла. Екатеринбург : Деловая кн., 1998. 480 с.
5. Газале, М. Гномон : От фараонов до фракталов. Москва ; Ижевск : Ин-т компьютер. исслед., 2002. 272 с.
6. Кравченко, А. В. Концепт, концепта, концепту : модный дискурс на незададанную тему // Записки з романо-германської філології. Вип. 1 (30). Одеса, 2013. С. 115–124.
7. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание, метафизические рассуждения о сознании, символе и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 320 с.
8. Никитин, М. В. Теория и методология исследования знания : общие вопросы // Studia Linguistica. Актуальные проблемы современного языкознания. XVIII. СПб., 2009. С. 7–17.
9. Паранина, Г. Н. Свет в лабиринте : время, пространство, информация. СПб., 2010. 124 с.
10. Талбот, М. Голографическая вселенная. М. : София, 2004. 368 с.
11. Шпет, Г. Г. Сознание и его собственник // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916. С. 156–210.
12. Faber, R. Secrets of becoming : Negotiating Whitehead, Deleuze, and Butler / R. Faber, A. M. Stephenson. N. Y. : Fordham Univ. Press, 2011. 278 p.
13. Forster, E. M. A Passage to India. L. : Everyman's Library, 1991. 293 p.
14. Joyce, J. Ulysses. L. : Everyman's Library, 1992. 1087 p.

В. А. Шарманова (Челябинск, Россия)

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ:
СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ**

This article concerns modern visual culture and integration of different media. The research focuses on the definition of notions of intermediality and intertextuality. We will look into the perceptions regarding history of studies, sphere of usage and perspectives on further research.

Keywords: intermediality, intertextuality, literary discourse.

Начало XXI в. ознаменовалось появлением новых аудио- и визуальных технологий. Человечеству стал доступен Интернет, просмотр видео роликов, прослушивание аудиокниг, общение в социальных сетях, с использованием не только текста, но и различных символов (графических, звуковых). Интерес ученых лингвистов, филологов, журналистов постепенно перемещается из области исследования текстов в изучение функционирования языка в поликодовом дискурсе.

Тексты переплетаются между собой и создают единое информационное пространство. Исследования взаимосвязи текстов начались в середине прошлого века, было введено понятие интертекстуальности. С развитием технологий и проникновением медиасредств в язык внимание ученых теперь уже привлекает взаимосвязь не только письменных текстов, но скорее дискурсов, взаимопроникновение поликодовых элементов, смешение стилей. В связи с тем, что наши исследования начинались с изучения интертекстуальности, но, шагая в ногу со временем, перешли в сферу интермедиальных отношений, нам представляется необходимым разграничить понятия интермедиальности и интертекстуальности.

Понятие интертекстуальности впервые появляется в научном обиходе французских литературоведов в конце 1960-х гг. Анализируя ключевую для М. М. Бахтина идею «полифонизма», то есть соприсутствия в тексте нескольких «голосов», Ю. Кристева отмечает, что художник помимо существующей объективной действительности всегда имеет дело с предшествующей и современной ему литературой, с которой находится в постоянном «диалоге». Диалог, понимаемый как «борьба или взаимодействие писателя с существующими художественными формами» [2. С. 427], и составляет смысловое ядро интертекстуальности.

Последователь Ю. Кристевой Р. Барт отмечает, что все тексты так или иначе связаны между собой. Для него каждый текст является интертекстом, сотканным из старых цитат. Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой в XX в. приобретает широкое признание и распространение. Для разных ученых понимание термина

существенно различается в зависимости от области исследований. Однако общим для всех служит постулат, что «всякий текст является реакцией на предшествующие тексты» [5. С. 8].

Необходимо отметить, что о неразрывной связи текста с другими текстами, а также явлениями культуры, говорят многие исследователи, рассматривающие свойства текста вообще и художественного текста в частности, однако далеко не все они используют термины 'интертекстуальность' и 'интертекст'.

Н. А. Кузьмина определяет интертекст как «объективно существующую информационную реальность, являющуюся продуктом творческой деятельности человека, способную бесконечно генерировать по стреле времени» [3. С. 20]. Она считает интертекст явлением языка в его креативной функции и выделяет три основные субстанции интертекста: Время, Человек, Текст. Н. А. Кузьмина уточняет, что смыслы порождает не сам текст; они возникают только в сознании воспринимающего субъекта.

В последнее время особую популярность приобретает семиотическая трактовка интертекстуальности. Так, Г. В. Денисова в книге «В мире интертекста: язык, память, перевод» (2003) указывает, что «основная задача интерпретатора состоит в реконструкции культурной памяти произведения, хранящей множество различных кодов, и интерпретация интертекстуальных связей и элементов способствует реконструкции горизонта ожидания читателя, на которого ориентировалось произведение в момент создания, а также выявлению иерархии кодов, обладающих разной степенью актуализации для разных аудиторий» [1. С. 43].

Таким образом, под интертекстуальностью понимается основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. Изучение художественного текста как феномена культуры представляется плодотворным для выявления таких категориальных признаков текста, как категории интертекстуальности и интермедиальности.

Феномен интермедиальности появляется из-за диверсификации принципов организации художественного текста, который вовлекает и смешивает свойства текстов других видов искусства. Сегодня ученых запада и отечественных исследователей волнует разработка феномена интермедиальности и теории интермедиального анализа. Такие исследования делают возможным более глубокое понимание целого ряда явлений, находящихся на стыке различных медиальных, в том числе и художественных структур.

Интермедиальность как сфера исследований образовалась в контексте компаративистики в 50–60-е гг. XX столетия. Вместе с тем, данная научная область имеет богатую предысторию. На протяжении всей истории науки об искусстве рассматривались вопросы взаимодействия искусств, их влияния друг на друга и возможностей взаимного семантического обмена. Уже в эпоху Просвещения стала популярной тема взаимоотношений и взаимодействия искусств на фоне их общности и различия. В середине XIX в. появились работы Августа Амброса и Эдуарда Ганслика, относящиеся к музыкально-литературной области. В это время утверждается идея музыки как речи, но прямой аналогии с вербальным языком не проводится.

В первой половине XX в. литературоведческая трактовка музыкальности определялась верой в универсальность принципов формообразования, которые казались одинаковыми для музыки и литературы. С тех пор появилось множество исследователей, чей научный интерес также сосредоточен на этой области. Стивен Шер в 1968 г. разработал первую классификацию литературно-музыкальных отношений, которая позже цитировалась во многих работах этого направления. Значительный вклад в исследования музыкально-литературных отношений внес и Вернер Вольф, автор монографии «Музыкализация прозы: теория и история интермедиальности».

В истории отечественной науки интерес к проблемам взаимодействия искусств наметился по крайней мере в эпоху романтизма. Вопрос связи словесности, живописи и музыки решался в русле эстетики. Свидетельства этого остались в статьях В. Белинского, В. Одоевского и других авторов.

Во второй половине XX в. интерес к проблеме взаимодействия искусств не угасал. Было предложено понятие семиотики культуры, под которым понимается научная область, в рамках которой решаются вопросы связи и взаимодействия искусств как разноуровневых семиотических систем.

В это же время возникает представление о «полиглотизме» любой культуры и вместе с этим представление о «полиглотизме» любого худо-

жественного произведения. Изучая возможность адекватного перевода с визуального «языка» на вербальный, Ю. М. Лотман отмечает, что «переклечение из одной системы семиотического сознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер» [4. С. 12].

Н. В. Тишунина ставит понятие интермедиальности в один ряд с такими понятиями, как «интертекстуальность» и «взаимодействие искусств», одновременно подчеркивая его специфику [6]. В отличие от системы интертекстуальных отношений, где связи выстраиваются внутри одного семиотического ряда, в системе интермедиальных отношений в работу включаются разные семиотические ряды.

В семиотическом понимании интермедиальность – явление неоднозначное. Многие исследователи выделяют несколько типов интермедиальности, в связи с чем существует несколько подходов к ее изучению:

Во-первых, интермедиальность рассматривается как синтез медиа, результатом которого является возникновение некоего единства. Во-вторых, интермедиальность понимается как соотношение проявлений одного и того же нарратива в разных медиа средствах (например, воплощение одного и того же сюжета средствами различных видов искусства). В-третьих, под интермедиальностью имеют в виду репрезентацию одного медиума другим, и такая репрезентация предполагает перевод с одной знаковой системы в другую, своеобразную трансформацию материала при переходе в другой медиум. И, наконец, интермедиальность как онтологическая категория предполагает наличие неких общих и отличных черт у различных медиа, например, музыкальности поэзии или театральности прозы, обусловленных свойствами этих медиа и свидетельствующими об их системном характере.

Помимо этого многообразия подходов к изучению интермедиальности, намечается новая тенденция, согласно которой интермедиальные отношения обнаруживаются не только внутрикомпозиционно, в рамках одного текста, но и внекомпозиционно, во взаимоотношениях текстов разных видов искусства, когда возникает некая художественная целостность, либо в рамках текста синтетического вида искусства.

Само слово «интермедиальность» было построено по типу уже хорошо известного в то время

термина 'интертекстуальность'. Сходство звучания двух терминов отнюдь не случайно. Можно утверждать, что теория интермедиальности в том виде, в каком она существует сегодня, оформилась под влиянием, в частности, теории интертекстуальных отношений.

Следует сказать, что в большей части исследований как по теории интертекстуальности, так и по теории интермедиальности прослеживается тенденция, согласно которой ученые, занимающиеся разработкой теории интермедиальности, вполне правомерно учитывают результаты, полученные в ходе исследования феномена интертекстуальности, и, наоборот, исследователи интертекстуальности не без оснований рассматривают интермедиальные включения как один из видов интертекстуальности.

Н. А. Фатеевой в монографии «Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов» предложила классификацию интертекстуальных связей, в которую входят интермедиальные включения [7]. Нельзя не согласиться с данным исследователем в том, что благодаря интертексту, в частности интертексту интермедиального характера, произведение вводится в более широкий культурно-литературный контекст.

В эпоху современности происходит расширение границ искусства, и разные виды искусства сливаются в единое художественное целое, становятся мультимедийными, комбинирующими текст, зрительный образ и звук. Вследствие этих преобразований возникает феномен интермедиальности, который может выступать и способом организации художественного пространства, и представлять собой специфическую методологию анализа языка и культуры.

Анализ существующих работ по вопросам интермедиальности и интертекстуальности показывает, что между обоими феноменами существует тесная связь. Изучение интермедиальности без учета фактов, полученных в ходе разработки теории интертекстуальности, представляется малопродуктивным, поскольку многие свойства вербальных интертекстов в равной степени присущи и фрагментам «текстов» других искусств, присутствующих в анализируемом произведении. Чтобы в полной мере осмыслить многомерное и сложное пространство литературного произведения, необходим учет всех тех достижений, кото-

рые были накоплены в ходе изучения и интертекстуальных и интермедиальных связей.

Таким образом, при анализе произведения создается некое специфическое междисциплинарное поле, в пространстве которого предпринимается попытка восстановить культурное целое через диалог разнородных культурных языков данного художественного произведения. Интертекстуальность, понимаемая как наличие в тексте элементов других текстов, присуща любому произведению, в то время как интермедиальные связи устанавливаются также между произведениями изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра, кинематографа. Декодирование интертекстуальных и одновременно интермедиальных корреляций является чрезвычайно плодотворным в плане интерпретации художественного произведения, позволяя выявить глубинную подоплеку анализируемых текстов.

Список литературы

1. Денисова, Г. В. В мире интертекста : язык, память, перевод. М. : Азбуковник, 2003. 298 с.
2. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика : (От структурализма к постструктурализму) / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 2000. С. 427–457.
3. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : Комкнига, 2007. 272 с.
4. Лотман, Ю. М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам XIV : учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 567. Тарту : Изд-во ТГУ, 1981. С. 3–18.
5. Олизько, Н. С. Интертекстуальный анализ художественного произведения : учеб. пособие. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2008. 147 с.
6. Тишунина, Н. В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана : материалы междунар. науч. конф. (18 мая 2001 г., Санкт-Петербург). Сер. «Symposium». Вып. № 12. СПб. : С.-Петерб. филос. о-во, 2001. С. 149–154.
7. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М. : Агар, 2000. 280 с.

КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА

Е. М. Абышева (Тюмень, Россия)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА 'FOOL / ДУРАК'
В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРЕ

The author describes lingvo-cognitive peculiarities of the concept 'fool' investigating the material of British National Corpus. The conclusion is made that the concept contains many senses.

Keywords: cognitive linguistics, worldview, concept.

В настоящее время не вызывает сомнения факт универсальности концепта 'fool / дурак' и его огромного межкультурного значения. Однако до сих пор не до конца изученным остаётся вопрос об особенностях содержания и реализации данного концепта в национальных картинах мира.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть лингвокогнитивные особенности концепта 'fool' в английской языковой картине мира на материале английских пословиц и поговорок, а также национального корпуса английского языка British National Corpus.

Прежде всего, проведём дефиниционный анализ лексемы 'fool'. С этой целью обратимся к данным лексикографических источников *Encyclopedia Britannica* и *Cambridge Advanced Learners' Dictionary*.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что *интегральной* будет являться сема 'a person who lacks good sense or judgment', т. е. в любом случае речь идёт об *отклонении от нормы*, либо медицинской ('lack of prudence or sense'), либо интеллектуальной ('lack of judgement'), либо от нормы поведения ('behaving in a silly way'). Кроме того, необходимо отметить, что в английской лингвокультуре лексема 'fool' имеет омоним: 'a sweet, soft food made of crushed fruit, cream, and sugar'.

Далее мы обратились к фразам, содержащим лексему 'fool', зафиксированным в словаре *Cambridge Advanced Learners' Dictionary*:

1) *April fool* (a trick played on someone on April Fool's Day, or the person who is tricked);

2) *fool's errand* (an effort that is unlikely to be successful);

Дефиниционный анализ лексемы 'fool'

Word	Definition	Etymology	Date of entrance
Fool	1. A person lacking in judgment or prudence 2. A person who behaves in a silly way without thinking (Cambridge Advanced Learners' Dictionary)	Middle English, from Anglo-French fol, from Late Latin follis, from Latin, bellows, bag; akin to Old High German bolla blister, balg bag — more at belly	13th century
Booby	An awkward foolish person: dope	Modification of Spanish bobo, from Latin balbus stammering, probably of imitative origin	1602
Goose	Simpleton, dolt	Middle English gos, from Old English gōs; akin to Old High German gans goose, Latin anser, Greek chēn	before 12th century
Nincompoop	A person who lacks good sense or judgment	Origin unknown	1676
Ninny	A person who lacks good sense or judgment	Perhaps by shortening & alteration from an innocent	1593
Nitwit	A person who lacks good sense or judgment	Probably from German dial. nit not + English wit	circa 1922
Simpleton	A person who lacks good sense or judgment	Simple + -ton (as in surnames such as Washington)	circa 1630
Turkey	A stupid, foolish, or inept person	Turkey, country in western Asia and southeastern Europe; from confusion with the guinea fowl, supposed to be imported from Turkish territory	1555

3) *fool's gold* (something that you think will be very pleasant or successful but is not);

4) *fool's paradise* (to be happy because you do not know or will not accept how bad a situation really is);

5) *more fool you* (said to mean that you think someone is being unwise);

6) *make fool of sb.* (to trick someone by making appear stupid);

7) *act (play) the fool* (behave in a silly way, intentionally make people laugh);

8) *be no fool* (be not stupid or easily deceived);

9) *fool around*: 1) to behave a silly way that might have dangerous results; 2) have a sexual relationship with somebody who is not your husband or wife.

Следующие фразы не содержат лексемы 'fool', но входят в лексико-семантическое поле изучаемого концепта, поскольку отражают его смысл:

1) *no-brainer* (something such as a decision that is very easy or obvious);

2) *be away with the fairies* (to behave in a way that is slightly strange);

3) *blow sb's mind* (If something blows your mind, you find it very exciting and unusual)

4) *lose your mind* (to become mentally ill, or to start behaving in a silly or strange way)

5) *ivory tower* (To live or be in an ivory tower is not to know about or to want to avoid the ordinary and unpleasant things that happen in people's lives);

6) *mumbo-jumbo* (words or activities that seem complicated or mysterious but have no real meaning);

7) *rack your brains* (to think very hard);

8) *have shit for brains* (to be extremely stupid);

9) *be stumped* (be unable to solve a problem because it's too difficult).

Далее приведём анализ пословиц и поговорок, обнаруженных нами на сайте www.fool.proverbs.tel. Общая выборка составила 600 пословиц и поговорок.

Отметим, что:

1. Для английской лингвокультуры характерно признание того, что дурак может сойти за умного, когда он молчит, т. е. именно речь обличает глупого человека:

1) *A fool cannot be silent;*

2) *A fool if he holds his tongue passes for a wise;*

3) *A fool is like other men as long as he is silent;*

4) *A fool when he hath spoken hath done all;*

5) *A fool's lips are the snare of his soul;*

6) *A pointless saying is a fool's doing;*

7) *A fool's voice is known by a multitude of words.*

2. Иногда дурак всё-таки может сказать правду или совершить умный поступок:

1) *A fool may chance to say a wise thing;*

2) *A fool must now and then be right by chance;*

3) *A fool who speaks the truth is better than a hundred liars.*

Но бывает и так, что дурак считает себя умнее других, даёт советы и вмешивается в то, что его не касается:

1) *Every fool thinks he is clever enough;*

2) *Every fool wants to give advice;*

3) *Every fool will be meddling.*

3. В английской лингвокультуре дурачество считается распространённым и в какой-то степени неискоренимым явлением:

1) *Fools are plentier than philosophers because there is more demand for them;*

2) *More fools, more fun;*

3) *Fools grow without watering;*

4) *With fools it is always holiday.*

4. Дурак не умеет обращаться с деньгами:

1) *A fool and his money are soon parted;*

2) *He is a fool who spends more money than his receipts.*

5. Дурак зачастую не имеет жизненных ориентиров:

1) *If you want to get into the bog, ask five fools the way into the wood;*

2) *Fools rush in where angels feat to tread.*

6. В английской лингвокультуре отражено сравнение, хвастовство двух дураков друг перед другом:

1) *A fool always finds a greater fool than himself;*

2) *A fool always finds a greater fool that admires him;*

3) *A fool is one who gives, and greater fool who will not take;*

4) *An old fool is better than a young simpleton.*

Также мы проследили реализацию лексемы 'fool' в корпусе английского языка British National Corpus. Общая выборка составила 1000 единиц (примеров).

Прежде всего, отметим что:

1. Дурак в обнаруженных нами примерах не воспринимается как раз и навсегда данное состояние. Человеку свойственно в некоторых ситуациях вести себя или выглядеть глупо:

а) 'I've been a fool,' he went on. (*Hunter's harem*. Rees, Eleanor. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992, pp. 4352 s-units, 53431 words.);

б) What a fool I was! (*Great Expectations: Oxford Bookworms edition*. West, Claire and Dickens, C. Oxford: Oxford University Press, 1992, pp. 1-86. 2109 s-units, 24375 words.);

с) You think I behaved like a fool?' (*Castle of desire*. Heywood, Sally).

2. В английской лингвокультуре дурак часто сравнивается с кем-то; ему противопоставляются:

a) кто-то, кто возвышает себя: That's just the sort of thing you would do — to make yourself look big — to make me look a fool. (*The lock*. Gates, Susan. Oxford: Oxford University Press, 1990, pp. 3691 s-units, 41294 words.);

b) сдержанный, рассудительный, но при этом напыщенный и самодовольный эгоист: He is revered locally, and especially by Mrs Joe, as a man of great sagacity and judiciousness but is, in fact, a pompous, self-satisfied fool, who bullies Pip as a child but fawns upon him when he becomes a young man of fortune, and postures as the 'founder of his fortunes' since he had been the means of introducing Pip to Miss Havisham's. (*Great Expectations* Ch. Dickens);

с) тот, кто доверяет: Phoebe was a doddering fool, but trusting — the only one in years to offer a kind word. (*The first of midnight*. Darke, Marjorie. London: John Murray (Publishers) Ltd, 1989, p. 5–132. 3682 s-units, 40327 words.);

d) подавленный человек, или раб: James was a fool, but Donald will be a pressed man and a slave. (*King Cameron*. Craig, David. Manchester: Carcanet Press, 1991, pp. 15-113. 2685 s-units, 39280 words.)

3. Иногда дурацкие поступки совершаются в состоянии влюблённости:

a) She implied that only a fool could allow what was known as 'love' to enter into consideration in the matter. (*The clothes in the wardrobe*. Ellis, Alice T. London: Penguin Group, 1989, p. 5–126. 2523 s-units, 38108 words.);

b) I told you I loved you — I was even fool enough to ask you to move in with me. (*Hunter's harem*. Rees, Eleanor. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992, pp. 4352 s-units, 53431 words.);

с) And, like the romantic fool I was, I thought Mathilda was only offering herself in an act of desperation. (*The grail murders*. Clynes, Michael. London: Headline Book Publishing plc, 1993, p. 77–219. 3423 s-units, 42099 words.);

d) 'You're a fool, I thought differently of you, but you're nothing but a fool, a lovesick fool, like every other idiot girl I've known. (*Indigo*. Warner, Marina. London: Chatto & Windus Ltd, 1992, pp. 2044 s-units, 42026 words.)

4. Дурак не умеет распоряжаться ни собственными денежными средствами, ни управлять эко-

номической ситуацией в стране в целом, поскольку деньги не имеют для него особого значения:

a) Money FOOL'S GOLD (*Esquire*. London: The National Magazine Company Ltd, 1992, pp. 3667 s-units, 56395 words.);

b) Our inflation rate is now coming down to approach German levels — but any fool can do that by recession, by knocking the economy flat on its back and by causing mass unemployment. (*Hansard extracts 1991–1992*]. London: HMSO, 1992, pp. 20394 s-units, 401105 words.)

5. Зачастую поступки дураков вводят окружающих в замешательство:

a) He shifts his ground, arguing first, that he has feigned madness and that the doctor is a fool to be taken in; and second, that his doctor has mistaken poetic genius for madness because he is a fool. (*Sounds from the bell jar*. Pryor, Ruth; Watkins, Gwen; Claridge, Gordon. Basingstoke: Macmillan Publishers Ltd, 1990, pp. 1177 s-units, 31554 words.);

b) It was not just the quickness of the child, but something indefinable; something that that fool Spatz hadn't even been aware of. (*Chung Kuo book 2: The broken wheel*. Wingrove, David. Kent: NEL, 1990, pp. 4214 s-units, 41728 words.)

6. Подчас дурак предстаёт перед нами как самоуверенный всезнайка, в поступках которого отсутствует логика, но который при этом сам отказывается признавать за кем бы то ни было право на ошибку:

a) Only a fool assumed that the knowledge which was in his possession was the fullest extent of a man's ability to know. (*The earth is the Lord's*. James, W. London: Orbit (Sphere), 1992, p. 57–206. 4049 s-units, 41026 words.)

b) 'No, of course it doesn't; I'm a fool to think a woman like you would give my sister a second thought.' (*Gemini girl*. Goodman, Liza. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992, pp. 3076 s-units, 48580 words.)

с) Truth and logic do not always walk hand-in-hand: like the fool and his money they are easily parted. (*Social anthropology in perspective*. Lewis, I M. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 5–130. 1481 s-units, 35946 words.)

Далее мы проанализировали эпитеты, которые окружают лексему 'fool' в наших примерах:

1) She thought Clemence an *incompetent* fool. (*Tortoise by candlelight*. Bawden, Nina. London: Virago Press Ltd, 1989, pp. 3743 s-units, 41570 words.);

2) You *great* fool, what did you do that for. (adult education seminar: Justice for all (Educational/infor-

mative). Recorded on 3 February 1994 with 2 participants, totalling 12501 words, 716 utterances (duration not recorded). 8419 words, 631 utterances.);

3) 'I'm just a *weak* fool who can't do what he should. (*The way to Babylon*. Kearney, Paul. London: Victor Gollancz Ltd, 1992, p. 155–254. 3373 s-units, 40334 words.);

4) You *total, utter* fool! she told herself grimly, desperately trying to control her trembling figure. (*Double fire*. Lynch, Mary and Lyons, Mary. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992, pp. 2606 s-units, 49233 words.)

5) Well, *stupid* fool;

6) *Sanctimonious* fool! (*Jane's journey*. Bow, Jean. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991, pp. 2430 s-units, 33724 words.);

7) What fool picked the carrier, who was an idiot and an *inquisitive* one?' (*Sergeant Joe*. Staples, Mary Jane. London: Corgi Books, 1992, p. 11–142. 3663 s-units, 41166 words.);

8) 'I think, sir,' said Pooley, 'that the term is '*holy* fool'.' (*Clubbed to death*. Dudley Edwards, Ruth. London: Victor Gollancz Ltd, 1993, p. 40–158. 4008 s-units, 44160 words.);

9) Such a *blind, blind, silly* fool!' (*Love or nothing*. Fox, Natalie. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993, pp. 4198 s-units, 54805 words.);

10) To club hipsters, he's an embarrassment, a once-credible DJ turned *uncool* fool. (*The Face*. London: Nick Logan, 1992, p. 7–109. 1976 s-units, 35240 words.);

11) 'Just give me the chance to explain, you *obstinate little* fool —' (*Out of the storm*. George, Catherine. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1991, pp. 4476 s-units, 51500 words.);

12) Do you mean that that *bloody* fool Hector McGillivray fobbed me off with a boat that's – that's been-?' (*Stormy petrel*. Stewart, Mary. London: Coronet Books, 1992, p. 7–155. 2933 s-units, 38372 words.)

Заметим, что в данных примерах мы встречаем тавтологию ('stupid', 'silly fool'). Однако среди эпитетов, которые окружают лексему 'дурак' в русской лингвокультуре, согласно словарю эпитетов К. С. Горбакевича, **встречаются** 'безнадежный', 'беспросветный', 'законченный', 'круглый',

'набитый', 'неотёсанный', 'непроходимый', 'отпетый', 'первосортный', 'петый (устар.)', 'полный', 'пошлый (устар.)', 'стоеросовый', 'сто процентный'. Т. е. тавтология здесь отсутствует.

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что изучаемый концепт является чрезвычайно значимым для английской лингвокультуры. Об этом можно судить не только и не столько по количеству обнаруженных примеров, сколько по тому, что концепт 'fool / дурак' **предстал перед нами далеко не однозначным**, а разнообразным и разносторонним, таящим в себе множество смыслов. Дурак в английской лингвокультуре – это прежде всего тот, кто нарушает определённые стереотипы общества, нормы поведения. Отсюда и обязательное противопоставление – дурак постоянно с кем-то сравнивается. Причём в большинстве проанализированных примеров тот, кто пытается выглядеть рассудительным и великодушным, выставляя дураком другого, сам остаётся в дураках. Показательно также отношение дурака к деньгам: с одной стороны, он не умеет ими распоряжаться, но с другой – они для него по всей видимости и не имеют того значения, которое они имеют для большинства окружающих. Кроме того, для английской лингвокультуры характерна тавтология 'silly', 'stupid fool', что не обнаружено, к примеру, в русской лингвокультуре.

Список литературы

1. Горбакевич, К. С. Словарь эпитетов русского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://www.onlinedics.ru>.
2. Корпус английского языка (British National Corpus) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.bnc.bl.uk>.
3. Пословицы и поговорки английского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://fool.proverbs.tel>.
4. *Britannica Deluxe Edition* [Электронный ресурс]. CD, 2004.
5. Cambridge Advanced Learners' Dictionary [Internet resource]. URL : <http://dictionary.cambridge.org>.

Н. О. Джуанышбеков (Алматы, Казахстан)

**КОГНИТИВНОСТЬ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУР**

This article focuses on modern tendencies in the development of literature in the context of intercultural communication and cognition. The cognition of comparative literature is closely related to the notion of cultural and literary dialogue. The article shows the origins and actual condition of comparative literature in the world, in Russia and in Kazakhstan.

Keywords: cognition, comparative literature, dialogue of literatures, intercultural communication, feminism.

В фундамент современной мировой филологической науки положены, прежде всего, междисциплинарный и кросс-культурный подходы. Недостаточность традиционной науки, обозначившаяся особенно остро в кризисные для СНГ 90-е гг. XX в., спровоцировала бурный междисциплинарный диалог во всем постсоветском гуманитарном пространстве. Эти революционные сдвиги в методологии затронули фактически все отрасли науки и, в первую очередь, теорию литературы и сравнительное литературоведение, выступающих на первый план в период смены мировоззренческих парадигм. Идеология свободного методологического сотрудничества стала концептуальной для современной казахстанской теории литературы. В век экстравертированной культуры научных коммуникаций только на перекрестке разных сфер исследования рождается что-то действительно новое,двигающее науку вперед, и это в полной мере находит отражение и в современном казахстанском литературоведении.

Когнитивность (лат. 'cognitio' – 'познание, изучение, осознание') – способность к умственному восприятию и переработке внешней информации. Термин 'когнитивность' также используется в более широком смысле, обозначая акт познания или само знание. В этом контексте он может быть интерпретирован в культурно-социальном смысле как обозначающий появление и «становление» знания и концепций, связанных с этим знанием, выражающих себя как в мысли, так и в действии [12].

Когнитивность сравнительного литературоведения проявляется в познании понятия 'диалог культур' и родственного ему термина 'межкультурная коммуникация', обозначая их принадлежность к глобальным понятиям, к вечным темам антропологического и онтологического характера. Мы считаем, что понятия 'диалог культур' и 'межкультурная коммуникация' – явления синонимичные. Диалоговое взаимодействие культур (языков) – такое взаимодействие культур и языков, при котором они вступают друг с другом «в диалоговые отношения» (термин М. Бахтина). Бахтин считал: «Два сопоставленных чужих

высказывания, не знающих ничего друг о друге, если только они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения <...> Диалогические отношения (смысловые) – это отношения между всякими высказываниями в речевом общении» [2. С. 485–488].

В словарях разговорного русского языка понятие 'диалог' фиксируется в значении «разговор между двумя или несколькими лицами» и 'коммуникация' в значении 'сообщение, общение' [7]. В наши дни словосочетания 'межкультурный диалог', 'межкультурная коммуникация' и т. п. по частотности своего употребления занимают видное место. Диалог культур – это реальность, простирающаяся далеко вперед, в новое тысячелетие.

Глобализация, сущностной основой которой является информационная революция, оказывает решающее влияние на все сферы человеческой жизни – экономику, политику, культуру, язык, образование, духовно-нравственное развитие, межэтнические и межконфессиональные отношения. Все эти сферы, вовлекаясь в убыстряющийся темп освоения и обмена информацией, приобретают качественно новые черты. Сейчас происходят процессы межкультурного и межэтнического взаимодействия в процессе формирования единого казахстанского народа. Глобализация, таким образом, представляет собой комплексный процесс, требующий безотлагательного научно-теоретического осмысления с позиций системного и компаративистского подходов современной науки.

Учение о коммуникации сложилось в противовес доктрине общественного договора, восходящего к просветительству. Договор – это связь, покоящаяся на фактической разобщенности людей. Коммуникация же – это сознательно устанавливаемая взаимозависимость, противоположная договору. «Контакт вместо контракта» (Ф. Кауфман) подразумевает, что средством установления коммуникации является дискуссия, в ходе которой люди убеждаются, что их разъединяют общепризнанные нормы мышления и роднит то, в чем

они различны и индивидуально неповторимы [3].

Диалогичность мышления человечества, полифония различных мнений, идейных платформ и позиций – основные черты глобального мышления третьего тысячелетия. Два века назад, пророчески предвидя пути развития мышления человечества, Ф. М. Достоевский [2] фактически создал модель глобального осознания будущего на много веков вперед. В условиях глобализации, усиливающегося процесса межкультурной коммуникации, диалога литератур повышается роль науки о литературе в общей мировоззренческой картине мира. Общемировой характер усиливающегося взаимодействия литератур предъясняет новые требования к отечественному и мировому литературоведению.

Проблема методологии изучения литературы тесно связана с историей литературоведческих методов XIX в. и тогда же возникшими литературными школами. Обозначая литературоведческие школы в ходе исторической изменчивости литературного процесса, мы тем самым назовем подходы или литературоведческие методы: мифологическая, биографическая, историко-сравнительная, культурно-историческая, филологическая, психологическая, психоаналитическая, социологическая, социально-историческая. Предшествующие методы изучения литературы были обусловлены социально-историческими обстоятельствами, детерминированы общим состоянием развития науки о литературе. Все они претендовали на исключительность предлагаемого метода и жестко конкурировали между собой. Современная методология изучения литературы отличается плюрализмом, гибкостью подходов, методов и школ, интегрируя в изучении литературы не только принципы, но и целые дисциплины.

Литературоведческие школы и направления отличаются от литературных направлений тем, что первые – это научные принципы, подходы, пути, способы изучения литературы, а литературные направления – это общности фундаментальных эстетических принципов, свойственных творчеству группы писателей, на протяжении длительного времени объединенных идейно-эстетической программой.

Современная методология литературоведения разрабатывает общие теоретические основы методологии изучения литературы, которые призваны преодолеть односторонность или ограниченность какого-либо принципа или подхода, предлагаемого литературоведческой школы. В работах А. Лосева, С. Аверинцева, С. Артановского, В. Топорова, Д. Лихачева господствует принцип

комплексного изучения человека и литературы. Однако прежние методы и школы литературоведения продолжают жить, адаптируясь к новым условиям развития литературы и самой литературоведческой науки.

Аспекты психологического, психоаналитического, неотрейдистского литературоведения, художественной антропологии и имагологии достойно представлены в трудах российских и казахстанских ученых (Л. Тимофеев, М. Эпштейн, В. Палиевский, Г. Гачев, Ш. Елеукенов, Б. Майтанов, К. Киреева-Канафиева, У. Кумисбаев, А. Жаксылыков, В. Савельева, Б. Жетписбаева, С. Сагалович).

Важнейшей методологией современного литературоведения является методология исторической поэтики и сравнительно-исторического литературоведения. Предметом исследования сравнительного литературоведения является литературный процесс, данный в совокупности межлитературных и национально-литературных взаимосвязей. Цель исследования в сравнительно-историческом литературоведении – это установление закономерностей развития мирового литературного процесса, выяснение типологической и генетической сущности литературного явления (Задачи теории сравнительного литературоведения определяются по-разному. В российской школе (А. Веселовский, В. Миллер, В. Радлов, Е. Мелетинский) задачами сравнительного литературоведения считались создание исторической поэтики, генезис родов и жанров литературы, развитие сравнительной фольклористики); в западной, преимущественно французской школе сравнительного литературоведения (Ф. Ноэль, Ж. Ампер, К. Пишуа, А. Руссо) ставились задачи интермедияльного характера, создания истории всеобщей литературы.

Новое дыхание сравнительное литературоведение получило благодаря разработке теории сравнительного изучения литературы словацким ученым Д. Дюришиным. Четко обоснованные цели и задачи сравнительного литературоведения, формулировка принципа равенства литератур, доминирующей роли принимающей литературы в процессе взаимосвязи литературных явлений, его избирательность, разоблачение реликтовой теории влияния, критика европоцентристской и восточноевропейской доминанты литератур в мировом литературном процессе внесли свежую струю в сравнительное литературоведение. Дюришин дал терминологию современного сравнительного литературоведения, установив роль контактно-типологических связей литератур, генетическо-контактных связей. Теория сравни-

тельного подхода определяет внешние контакты мирового литературного процесса и внутренние контакты, перевод как форму связи. Особое место в контактно-типологических связях занимают типологические связи (схождения). Д. Дюришин подчеркнул обусловленность литературных связей, раскрыв сущность общественно-типологических схождений, литературно-типологических связей и психологически-типологических взаимодействий. Разработав классификацию форм рецепции, Дюришин выявил отклик как форму рецепции; необходимые и побочные формы рецепции, интегральные (аллюзия, заимствование, стилизация, филиация, плагиат, адаптация, перевод) формы рецепции, дифференциальные (полемика, пародия, травести, бурлеск) формы рецепции. Вся эта терминология нашла свое теоретическое обоснование в концепции Д. Дюришина [3].

Связи Востока и Запада в трудах В. Жирмунского [4], Н. Конрада [5] получили новое освещение. Выдвинула целый ряд актуальных теоретических проблем и совершила смелую попытку выстроить концепцию мировой литературы И. Неупокоева [6]. Девятитомная «История всемирной литературы» издана коллективом ИМЛ АН СССР (1983–1991). Однако все работы Д. Дюришина и его единомышленников по сравнительному литературоведению, М. Бахтина, В. Алексеева, В. Жирмунского, В. Проппа, Н. Конрада в свете современного сравнительного литературоведения кажутся излишне идеологизированными. Это и не могло быть иначе, поскольку они базировались на марксистской философии.

Современное сравнительное литературоведение, свободное от идеологических пут, рождается в трудах представителей школы МГУ [10], представителей школы РГГУ, В. И. Тюпы, профессора учебно-научного центра глобалистики и компаративистики РГГУ, специалиста в области теории литературы, исторической эстетики, риторики, теории коммуникаций, пушкиноведения, чеховедения, компаративистики, нарратологии, автора монографий [8], профессора Н. Д. Тамарченко [9].

Важное место занимают в зарубежном литературоведении феминистское направление и его школы.

Современное западноевропейское феминистское сознание протестует против ориентации культуры на систему мужских ценностей. Проблемы феминистского сравнительного литера-

туроведения раскрываются в работах Э. Шоре, Ю. Кристевой, Э. Сиксу, Л. Иригарай, С. Кофман, Э. Шоуолтер. Они подчеркивают необходимость феминистского пересмотра традиционных взглядов, создания истории женской литературы и отстаивания суверенности женского образа мышления, специфичности и благотворности женского начала. Социокритическое направление феминистского движения играет большую роль в современном западном литературоведении. Задача феминистского литературоведения видится им в восстановление справедливого бинарного видения мира, создании гендерно-ориентированной теории литературы. Женское сравнительное литературоведение в Казахстане представлено концепцией «Феминистской имагологии» Ф. Исмаиловой, работой «Типология литературной игры. От барокко до постмодернизма» А. Ишановой, поэтикой постмодернизма в работах Л. Софроновой.

Список литературы

1. Бахтин, М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин, М. Литературно-критические статьи. М., 1980.
2. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
3. Дюришин, Д. Теории сравнительного изучения литературы. М., 1979.
4. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979.
5. Конрад, Н. И. Запад и Восток. М., 1972.
6. Неупокоева, И. Г. Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М., 1977.
8. Тюпа, В. И. : 1) Художественный дискурс : (Введение в теорию литературы). Тверь : ТвГУ, 2002; 2) Историческая реальность и проблемы современной компаративистики. М. : РГГУ, 2002.
9. Тамарченко, Н. Д. Теоретическая поэтика. Понятия и определения. М. : РГГУ, 1992.
10. Хализев, В. Теория литературы. М., 1999, Эсалнек, А. Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста : учеб. пособие. М., 2011.
11. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986.
12. URL : <http://www.ru.wikipedia.org>.

Н. Н. Диденко (Одесса, Украина)

IRONIE ALS MITTEL DER EXPLIKATION DES KONZEPTUELLEN WELTBILDES VON GÜNTER GRASS

The article studies irony and ways of its representation in Gunter Grass linguistic and conceptual picture of the world. It also presents a new approach to the research into irony and its mechanisms in literary texts from the cognitive linguistics point of view. This approach gives grounds for studying ironic sense formation in linguistic projections of Gunter Grass literary concepts. Linguistic projections of literary concepts 'gedächtnis', 'glaube', 'angst', 'hunger' present additional means of conveying ironic modality in Gunter Grass's texts.

Keywords: irony, conceptual and linguistic picture of the world, ironic sense, literary concept, linguistic projections of concepts.

Die Kreativität von Günter Grass hört nie auf. Günter Grass, geboren 1927 in Danzig, Nobelpreisträger für Literatur im Jahre 1999, gehört als Schriftsteller und Künstler, als engagierter Bürger und Politiker sowie als Redner und Essayist zu den bekanntesten und bedeutendsten Persönlichkeiten in der Geschichte der Bundesrepublik. Mit seinem Roman «Die Blechtrommel» und vielen anderen Werken hat er auch Literaturgeschichte geschrieben. Nach Ansicht von Bundespräsident Horst Köhler ist Grass «in der ganzen Welt zum Gesicht der deutschen Literatur geworden». Durch seine unermüdliche journalistische Tätigkeit wurde er in Deutschland «Gewissen der Nation» genannt. Die Aufdeckung von Revanchismus, Übertreibung des Problems der «deutschen Schuld» waren die Hauptthemen des Schriftstellers.

Der nihilistische Hintergrund von Günter Grass stellt sich Ironie heraus. Der Kampf um eine würdige Menschenexistenz, für die Zukunft Deutschlands ist für Grass hoffnungslos kompromittiert und verloren, der einzige gewinnsichere Einsatz in diesem Spiel kann nur absoluter Zynismus sein. Dieser Zynismus wird zu einer Weltansicht Günter Grass, seiner schriftstellerischen Position. Nicht nur die spontanen, sozialen Erleuchtungen des Schriftstellers, sondern auch sein Talent sind diesem Zynismus geopfert [15. S. 267].

Analysen zur strukturellen und stilistischen Besonderheit der Sprache der Grass'schen Romane liegen bisher erst in Ansätzen vor. Das ist überraschend auf dem Hintergrund dessen, was generell als künstlerisches Qualitätsmerkmal der Epik von Grass gilt: nämlich die Vielschichtigkeit, der Reichtum der Sprache. «Die Modernität dieses Schriftstellers liegt nicht im Sujet, im Aufbau, sondern darin, dass sprachliche Kraft allein seine Erfindungen legitimiert...» [12. S. 316].

In seinen Werken zeigt Günter Grass die Wahrheit, die lange bewusst von den Politikern verschwiegen wurde. Mit Hilfe von Ironie stellt der Literaturnobelpreisträger die Geschichte auf

eine neue Art und Weise dar. Ironie als eine subjektive Art der Darstellung von der Wirklichkeit [16. S. 214] wird das Strukturprinzip der Sprachwelt von Günter Grass. Die Untersuchungen von deutschen Forscher M. Krumbholts, L. Willson, A. Graf, R. Scherf u.a. sind der Ironieanalyse in den Werken von Grass gewidmet. In der Ukraine und in Russland sind die Untersuchungen von T. B. Abolonin, S. G. Waretska, G. V. Dobryashkina, A. Kusnetsow von großer Bedeutung.

In der vorliegenden Studie wird Ironie als Mittel der Explikation des sprachlichen und konzeptuellen Weltbildes von Günter Grass zum *Objekt* der Forschung. Als *Gegenstand* werden die Eigenschaften betrachtet, die ihr Funktionieren in den Werken von Günter Grass ermöglichen. *Das Ziel* der Studie ist zu beweisen, dass Ironie nicht nur als stilistische Methode bei Grass gilt, sondern auch als eine einzigartige Weltwahrnehmung des Schriftstellers. Als praktisches Material dienen Werke von Günter Grass verschiedener Zeitperioden: «Blechtrommel» (1959), «Hundejahre» (1963), «Aus dem Tagebuch einer Schnecke» (1972), «Beim Häuten der Zwiebel» (2006).

Die ironischen Schriftsteller charakterisieren sich oft durch verächtliche Haltung der herrschenden in der Gesellschaft Moral gegenüber. Deswegen finden viele Kritiker und Zeitgenossen die Schreibweise von G. Grass unmoralisch beleidigend. Zweifellos klingt seine beißende Ironie provozierend und verschärft moralische Beziehungen. Der Schriftsteller wird oft als Missbraucher der geistigen Werte genannt, weil es für ihn keine Tabus existiert. Beispielsweise übertreibt der Autor die physische Kraft von Christi bei der Beschreibung seiner Skulpturen im Roman «Die Blechtrommel»: «Was hatte der Mann für Muskeln! Glauben sie mir, dass ich betete! Mein süßer Vorturner, nannte ich ihn, Sportler aller Sportler, Sieger im Hängen am Kreuz...» [9. S. 112]. Die bittere Ironie wird hier durch den Vergleich von Jesus Christus mit dem Turnlehrer «mein süßer Vorturner» und dem Sportler «Sportler aller Sportler», «Sieger im Hängen am Kreuz» gebildet.

Im Kunstschaffen von Günter Grass wird das Thema des religiösen Fanatismus besonders oft kritisiert: «*Proben aus Bayern und dem Münsterland: der älteste Mief ist der religiöse. Eine Verdichtung aus Weihrauch, Gipsstaub, Dummheit und Armsünderweiß*» [8. S. 259]. In diesem Beispiel erreicht Günter Grass eine ironische Wirkung mit Hilfe vom schwarzen Humor – «*der älteste Mief ist der Religiöse*» und sogar Naturalismus – «*eine Verdichtung aus Weihrauch, Gipsstaub, Dummheit und Armsünderweiß*».

Der Schriftsteller verurteilt offen Priester, Pharisäer, Fanatiker und Menschen, die mit dem Gottesnamen manipulieren. Er ist der Meinung, dass die Kirche für die meisten von ihnen nur der Branche ist: «Was geschrieben steht: wie immer anders die Schwarzen hießen. Wie sie sich Christen nennen und Pharisäer sind. Wie sie die Kirche zum Zweigwerk der Industrie machten» [8. S. 110].

Einige Literaturforscher sind fest überzeugt, dass Günter Grass einen schmerzhaften, unbezwingbaren Wunsch hat, das Publikum ständig zu schockieren. Günter Grass steht wirklich gerne im Zentrum der Aufmerksamkeit, aber das Thema der Schuld quellt ihn in einer anderen Art und Weise. Grass benützt die ironischen Übertreibungen in seinen Werken manchmal zu oft, damit die jüngeren Generationen die Kriegslehren und die Fehler von Vätern nie vergessen. In den 60-er Jahren nimmt Günter Grass aktiv soziale Stellung in Deutschland und versucht die politische Situation im Land zu beeinflussen. Ironisch schreibt er über die historische Teilung des Deutschlands, die Anerkennung seines «permanenten psychischen Symptoms» **der Deutschen, die als Anstoß, um schwierige Situationen zu überwinden benötigt** [3. C. 592].

Für Günter Grass sind Brüche von Tabus nichts Neues. Schon sein erster großer Roman «Die Blechtrommel» wurde als Pornographie, Blasphemie, Nihilismus bezeichnet. Das nächste große Tabu hat Günter Grass mit dem Eintritt in das politische Leben gebrochen. Bisher waren die Schriftsteller und Dichter nur Schriftsteller und Dichter, nichts weiter. Keiner war politisch engagiert. Doch dann kam Grass mit seinem: «Ich rat euch, Es-Pe-De zu wählen» [13], und die Zeitschriften in Deutschland konnten wieder einmal wovon schreiben. Günter Grass ist sicher, dass die Politik sich volatil veränderlich ist und deswegen meint der Autor, dass die Schriftsteller um ein einzigartiges Talent besitzen, einzelne historische Fakten wirklich zu beurteilen. Dementsprechend werden die meisten seiner kritischen Äußerungen von zeitgenössischen Politikern nicht akzeptiert und verweigert. «*Was aus Liebe zu seinem Heimatland erschien, wurde als Verleumdung eigenes Nest gesehen. Seitdem bin ich eine umstrittene Figur*» [1. C. 763]. Der

Autor ist der Meinung, dass seine echte Heimat nicht Deutschland, sondern «*die deutsche Sprache mit ihren riesengroßen Vermögen*» ist [14. S. 64].

Grass ist Vertreter einer solchen Philosophie: «*Die Geschichte ist unsinnig, aber der Mensch soll ihr selbst den Sinn geben*». Er ist überzeugt: Aus komplizierten Prüfungen erwirbt die Menschheit die wertvolle und ermutigende Erfahrungen. Bei Grass aber gilt folgendes: «*Es war und es wird. Die Geschichte wiederholt sich und lehrt uns nichts*». Seine Groteske klagt alle an und erlässt jedem die Schuld [17. S. 135].

In einem Interview schreibt Günter Grass: «Die höllische Gelächter, die mit Hilfe von Fachliteratur aufgerufen werden können, – *es ist auch eine Form des Protestes gegen unsere sozialen Bedingungen*» [7. S. 45]. Deshalb ist die Rolle des Schriftstellers in der Gesellschaft wichtiger als es auf den ersten Blick scheint. Nur sie in der Lage sind, Geschichte von innen zu sehen. So zum Beispiel wendet sich Günter Grass an seine eigenen Kinder im Roman «Aus dem Tagebuch einer Schnecke»: «Der Schriftsteller, meine Kinder, ist eine Person, die gegen den Strom schreibt» [2. C. 454].

Die Ironie ist in der Lage von Überzeugung der veralteten Phänomene dort, wo das Lachen nicht mehr möglich ist [6]. Ironie von Günter Grass ist sozialorientiert und theatralisiert. Außerdem lässt sich seine Ironie nicht so einfach identifizieren, weil sie oft nicht nur als stilistische Methode in seinen Werken vorkommt, sondern als eine Art des Denkens, der Weltwahrnehmung. Sein Lachen kommt beißend, oft erbittert, scharf, manchmal sogar aggressiv vor.

Jedes Mal geht es in den Werken von G. Grass um zwei Dinge – die deutsche Vergangenheit und die Erinnerungen (also sein persönliches Leben). Diese zwei Attribute sind mit Grass fest verbunden. In unserer Forschung haben wir vier wichtigsten Konzepten von Grass bestimmt. 'gedächtnis', 'glaube', 'angst', 'hunger'. Wenn es um die Erinnerungen geht, ist die Schlacht, die im Gehirn des Autors vor sich geht, noch schlimmer. Das stört aber dem Schriftsteller nicht spotten und ironisieren. Das gründliche Erlernen von sprachlichen Projektionen der Konzepten lässt uns behaupten, dass Günter Grass's Ironie nicht nur stilistische Methode – Trope, sondern ein eigenartiges Denkverfahren ist.

Das Konzept 'gedächtnis' spiegelt in den Werken des Schriftstellers das Thema der nationalen und individuellen Schuld wider. Die Analyse der verbalen Darstellung vom Konzept Gedächtnis machte es möglich, solche assoziativen Eigenschaften festzusetzen wie: 'schuld', 'verbrechen', 'scham', 'schande'. Die wichtigsten Methoden der Explikation ironischer Modalität von G. Grass in der Darstellung

des Konzeptes 'gedächtnis' sind: Okkasionalismus, Dialekt, Metapher (Personifizierung), ironischer Vergleich, Ironie, Oxymoron, Antithese, Paradox, Übertreibung, Sarkasmus. Zum Beispiel: «Die Vergesslichkeit ist etwas Natürliches. Das Gedächtnis sollte von angenehmen Erinnerungen bewohnt sein und nicht von quälenden Garstigkeiten. Diese Verhaltensweise wird mehr und mehr zur Hauptlebensregel aller Beteiligten: Vergessen!» [10. S. 605–606]. Unter der Maske der Heuchelei deutet der Schriftsteller auf die "natürliche" menschliche Fähigkeit zu vergessen. Logisches Aussagen «Das Gedächtnis sollte von angenehmen Erinnerungen bewohnt sein und nicht von quälenden Garstigkeiten» wird bis zum Irrsinn hingebacht und bekommt in diesem Kontext einen ironischen-Effekt. Ironie von Günter Grass ist auf diejenigen Spießbürgergerichtet, die schnell ihre nationale Schuldvergessen haben.

Das Konzept 'glaube' ist in den Werken von G. Grass eng mit seinem kritischen Verhalten der Religion gegenüber verbunden. Okkasionalismus, Dialekt, Metapher (Personifizierung) ironischer Vergleich, Ironie, Oxymoron, Antithese, Reduktion ad absurdum, Übertreibung, Sarkasmus sind die Hauptmethoden der Darstellung vom Konzept GLAUBE in der literarischen Sprache von G. Grass. Im folgenden Beispiel belacht der Schriftsteller den Unternehmungsgeist der Menschen, ihren Wunsch in Fragen der Religion zu profitieren: «Von seinem Kontor aus telefonierte er offenbar mit Gottvater, empfahl mich ein Höchster Stelle jemanden, der dem rechten Glauben anhängt, und sicherte mir in Minutenschnelle einen Schlafplatz, wenn nicht im Paradies, dann immerhin doch in dessen Filiale, im Caritas-Heim» [11. S. 289]. Der Glaube so wie Religion kann kaum richtig oder falsch sein. In diesem Zusammenhang klingt die sarkastische Bemerkung: «dem rechten Glauben anhängt» komisch und modelliert im Text sublimen Ironie. Um die ironische Wirkung zu verstärken, vergleicht Grass das Caritas-Heim mit einer der Filialen vom Paradies und gebraucht Übertreibung «von seinem Kontor aus telefonierte er offenbar mit Gottvater».

Das emotionelle Konzept 'angst' widerspiegelt in den Werken von G. Grass das ironische Verhalten des Schriftstellers zu seiner eigenen Angst. Wenn es um Angst im Text geht, versucht sich der Schriftsteller lustig machen, ironisieren so, als ob es nicht wichtig ist. Dieses Konzept ist mit Hilfe von folgenden Schreibtechniken verwirklicht, die im Text eine ironische Wirkung ermöglichen: Personifikation, Metonymie, ironischer Vergleich, Ironie, Reduktion auf Absurdität, Übertreibung. Das aussagekräftigste Beispiel ist verbale Darstellung

des künstlerischen Konzepts ANGST im Roman «Hundejahre»: «Nichts wird laufend nachvollzogen und substantiviert. Das vom Fernsinn durchstimmte Nichts offenbart an allen Frontabschnitten die Angst. Die Angst ist da. Die Angst schlägt uns das Wort. Ende» [10. S. 456]. Während der letzten Schlacht um Berlin versteckt sich Führer in seinem Bunker, wirft alle deutschen Streitkräfte auf die Suche nach einem entlaufenen Hund namens Prince. Suche nach dem Lieblingshund vom Führer wird vom G. Grass im Heideggers Sinne beschrieben. Ironie wird hier durch Reduktion auf Absurdität geschaffen und liegt in der Unvergleichbarkeit der Risiken, wonach sich die Menschen dem Tode ausliefern.

Das Konzept 'hunger' spiegelt das Verhalten des Schriftstellers zu seinem eigenen Hunger wieder. Das gesamte Sem von dem untersuchten Konzept HUNGER ist –«Bedürfnis». G. Grass systematisiert dieses künstlerische Konzept und beschreibt drei Arten von Hunger – Essenbedürfnis, Sexbedürfnis und Kunstbedürfnis: «Zwar Ware ich erstens satt, drittens Ein frommer halbwegs Künstler geworden, der Zweite und aber immer markt auf andere Fleisch versessene Hunger hätte mich bei gebotener oder gesuchter Gelegenheit mal ähm verführt und rettungslos weltläufig gemacht» [11. S. 327]. Der erste Hunger – Hunger nach Nahrung, der zweite Hunger – Hunger nach Sex, der dritte Hunger – Hunger nach Kunst. Die Hungerbeschreibung als eine Wissenschaft (Bedürfnis als wissenschaftliches Phänomen) erzeugt im Text einen ironischen Effekt. Außerdem trifft das Konzept 'hunger' als ein wichtiges Beispiel für Selbstironie von G. Grass und ist eines der Ausdrucksmittel der allgemeinen ironischen Modalität des Autors in seiner Sprachwelt. Die wichtigsten Methoden der verbalen Darstellung vom Konzept HUNGER sind Okkasionalismus, Metapher (Personifizierung), Metonymie, ironischer Vergleich, Ironie, Übertreibung.

Der Schriftsteller versucht jedoch objektiv zu sein, er erhellt nicht nur die wichtigsten Fragen der Moral in der Gesellschaft, sondern auch ironisiert an sich selbst: «...bin ich ein Zufall, der zufällig überlebte, zufällig etwas zu schreiben weiß» [8. S. 83–84]. Hinweisend ist das Beispiel der Selbstironie in einem Kapitel des Romans «Aus dem Tagebuch einer Schnecke», in dem der Autor seine eigene Ehre verhöhnt: «Als ich zweiunddreißig Jahre alt krieg, wurde ich berühmt. Seitdem beherbergen Verdrahtung Höhle Ruhm als Untermieter. Nur weil er so faul und unnützlich meinen Schreibtisch belagernd ist, Habe ich ihn in Würfel Politik mitgenommen und als und als Begrüßgustav beschäftigt: das kann er. Dick ist er geworden. Schon beginnt er sich selbst zu zitieren» [8. S. 82]. Selbstironie ist die kritische Reflexion eigener Wahrnehmung.

Günter Grass neigt dazu, nicht nur die Handlungen anderer zu beurteilen, sondern auch seine eigenen. Der Schriftsteller untersucht sich selbst als Teil der Gesellschaft, als Träger der deutschen Mentalität.

Selbstironie (introvertierte Ironie) – nach dem J. Pasi – «der höchste Ausdruck der geistigen Unabhängigkeit, in dem das Thema nicht nur auf das Objekt, sondern auch auf sich selbst erhoben wird, wenn man sich selbst als Objekt seiner eigenen ironischen Subjektivität betrachtet» [5. S. 83]. Intellektuell ehrliche, konsequente Ironie nicht setzt den Autor keinesfalls unter das Feuer sondern, im Gegenteil, macht Voraussetzungen für die Wahrnehmung der Wahrheit [4].

Eine der wichtigsten Funktionen der Ironie in den Werken von Günter Grass ist die versteckte Funktion des Ausdrucks von der schriftstellerischen Modalität, eine Gelegenheit das Ereignis, das Phänomen oder einen Charakter nicht eindeutig zu bewerten, sondern dem Leser eine Chance geben, selbst die Realität zu beurteilen.

Die ironische Wirkung wird bei Günter Grass oft mit der Hilfe von Naturalismus und 'schwarzen Humor' erreicht. Der Schriftsteller mokiert sich an solchen Tabubegriffe wie 'Tod' und 'Gottesglaube'. Günter Grass definiert Ironie als eine Methode die die Übel der Gesellschaft, Dogmatismus und Starrheit loswerden hilft.

Letztlich glauben wir, dass Studie des Phänomens der Ironie im Weltbild von Günter Grass zu einem tieferen Verständnis des konzeptuellen Bedeutung seiner literarischen Texte bringt und den Autor selbst als hervorragenden Vertreter der deutschen Mentalität verstehen lässt.

Список литературы

1. Грасс, Г. Виступ Гюнтера Грасса на годи вручення Нобелівської премії «Далібуде...». К. : Юніверс, 2005. 778 с.
2. Грасс, Г. Под местным наркозом. Из дневника улитки. Нобелевская речь : пер. с нем. М. : Олимп : АСТ, 2001. 544 с.
3. Грасс, Г. Речь об утратах. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. Харьков : Фолио, 1997. 592 с.
4. Иванова, И. Н. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма (1890–1910 годы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 39 с.
5. Паси, И. Ирония как эстетическая категория // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. М., 1980. С. 60–83.
6. Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с.
7. Grass, G. Alles seitenverkehrt // Die Zeit. 1999. № 49. S. 45–47.
8. Grass, G. Aus dem Tagebuch einer Schnecke. München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1998. 325 S.
9. Grass, G. Blechtrommel. Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1960. 493 s.
10. Grass, G. Hundejahre. Göttingen : Steidl Verlag, 1993. 744 s.
11. Grass, G. Beim Häuten der Zwiebel. Göttingen : Steidl Verlag, 2006. 480 s.
12. Durzлак Manfred Der deutsche Roman der Gegenwart. 1971. S. 327.
13. Führ, Eckhard. Ich rat euch, Es-Pe-De zu wählen [Internet resource].
14. Jürgs, M. Bürger Grass Biografie eines deutschen Dichters. München : Goldmann Verlag, 2004. 448 s.
15. Karelskij, A. Glanz und Armut der Satire // Ausländische Literatur. Moskau, 1965. № 6. S. 267.
16. Mann, T. Betrachtungen eines Unpolitischen. Berlin : S. Fischer, 1918. 611 s.
17. Vosnesenskij, A. Der Dichter Günter Grass // Ausländische Literatur. Moskau, 1983. № 10. S. 135–137.

В. А. Ефименко (Киев, Украина)

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СКАЗКИ О ЗОЛУШКЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

The article analyzes application of the conceptual integration theory to the analysis of modern literary fairy tales with transformed plot, in particular, Cinderella cycle fairy tales. The blended space of the modern fairy tale constructed from the two merging input mental spaces has been examined, common and new elements that appeared as a result of blending were revealed. Identity, similarity and contrast relations between the components of the input and blended spaces were analyzed.

Keywords: conceptual integration, blended space, common space, fairy tale with transformed plot.

В современных исследованиях нарративов особое внимание уделяется ментальным образам, которые создаются читателями в процессе знакомства с текстом. Разные авторы оперируют такими понятиями, как мир истории, дейктический центр, возможный мир, текстовый мир, контекстуальный фрейм, ментальное пространство. Все они связаны с построением читателями неких ментальных конструкций на основе текстовой информации, содержащейся в нарративе.

Зачастую новые ментальные конструкции или миры, возникающие в сознании читателя, перекликаются с уже существующими мирами. К примеру, американский философ Н. Гудмен выделял пять способов построения новых миров из уже имеющихся в наличии:

- 1) деление целого на части, анализ и сравнение отдельных компонентов, создание целого из частей;
- 2) поиск компонентов одного мира в другом;
- 3) упорядочивание и систематизация компонентов;
- 4) удаление одних компонентов и добавление других;
- 5) придание новой формы [4. С. 78].

Теория концептуальной интеграции (теория блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера [2] предлагает еще один способ создания новой ментальной конструкции – смешение двух ментальных пространств. Концептуальная интеграция или смешивание (блендинг) представляет собой базовую когнитивную операцию, при которой информация из двух или более исходных ментальных пространств проецируется в смешанное пространство, в котором ее элементы объединяются и начинают взаимодействовать. В результате возникает новая структура, которая при сохранении определенных элементов исходящих пространств имеет собственную структуру и смысл, отличные от исходящих пространств.

Теория концептуальной интеграции может успешно применяться для анализа нарративов, в которых соединяются несколько историй, либо где история трансформируется под воздействием современных реалий. Среди возможных сфер ее применения – анализ современной литературной сказки с трансформированным классическим сюжетом, в частности, сказки о Золушке.

Сюжет о Золушке является одним из самых популярных бродячих сказочных сюжетов в мире. Английская собирательница фольклора М. Кокс [7. С. 137] выделяет 345 различных вариантов сказки о Золушке, а шведская исследовательница А. Рут в своей работе «Цикл сказок о Золушке» [6] называет более 700 сказок. Первый из извест-

ных вариантов сказки о Золушке появился в Китае в середине IX ст., а наибольшую известность получила сказка Шарля Перро «Золушка, или хрустальная туфелька» (“Cendrillon, ou La petite Pantoufle de Verre”). Существует также большое количество современных трансформаций классического сюжета, появившихся на протяжении последних десятилетий. Объектом настоящего исследования является одна из таких современных сказок – «Золушка» из сборника Г. Мейер и Т. Мейера «Золотоволоска о менеджменте» [5].

Ввиду сравнительно большого объема текста сказки остановимся на эпизоде, описывающем Золушку на балу:

When Cinderella arrives at the ball the following night, she is radiant, confident, and surefooted. Her gown is by de la Renta, her shoes by Gucci, and her hair by Panasonic (via her remote control). Heads turn and conversations cease as she walks through the throng. Her own sisters fail to recognize her, and when she catches the prince’s eye, he smiles at her and immediately asks her to dance. As the other party-goers watch, awestruck and jealous, the two glide fluidly across the dance floor like – well, like Travolta and Uma Thurman would have in *Pulp Fiction* if Tarrantino hadn’t left the dance scene on the cutting-room floor.

“You move like a gazelle,” the prince whispers in Cinderella’s ear. “And in case you’re wondering – yes, I’m unattached, heterosexual, and emotionally available.”

As the hours pass, Cinderella and the prince dance on and on, all the while discussing art, music, literature, comedy, cooking, and film – particularly *Good Will Hunting*, which turns out to be the prince’s favorite movie. They are so engrossed in each other that Cinderella is utterly unaware of time passing – until a clock suddenly strikes midnight. Cinderella freezes. “I’m sorry,” she says brusquely. “I’ve got to go.”

“Let me guess,” the prince says gently. “Fear of intimacy? A sick relative? Reservations on the red-eye flight to Ankara?”

“None of the above,” Cinderella murmurs sadly. She kisses him quickly on the mouth, then turns and flees. But as she jumps into the waiting limo, one of her shoes slips off. [Mayer 1999:143]

Данный нарратив содержит в себе элементы из двух исходных пространств: сказки «Золушка» Ш. Перро и современного светского бала. Первое исходное пространство, включающее главных персонажей и основные события из сказки Ш. Перро, можно представить следующим образом:

Исходное пространство I: Золушка на балу («Золушка» Ш. Перро)

1. Cinderella.
2. The prince.
3. Stepsisters.
4. Cinderella arrives at the ball.
5. Her appearance causes a profound silence.
6. All the ladies examine Cinderella's clothes and headdress.
7. The prince takes Cinderella out to dance.
8. Everyone admires Cinderella's graceful dancing.
9. Cinderella's sisters don't recognize her.
10. The clock strikes.
11. Cinderella makes a courtesy to the company.
12. Cinderella hurries away.
13. Cinderella leaves one of her glass slippers.

Второе исходное пространство включает в себя участников современного светского бала, форму одежды, такие модели поведения, как общение и завязывание романтических отношений, а также все, что связано с танцами, включая художественные фильмы с танцевальными сценами.

Исходное пространство II: **Современный светский бал**

A Participants:

A1 Invited guests:

A1.1 elite;

A1.2 other guests who have invitations.

A2 Sponsors:

A2.1 Royal family, including the prince.

B Ladies' white tie attire:

B1 ball gown;

B2 dancing shoes.

C Means of transport:

C1 luxury cars.

D Activities during the ball:

D1 dancing;

D2 communicating:

D2.1 topics for discussion.

D3 Establishing romantic relations:

D3.1 qualities of partners;

D3.2 reasons for leaving;

D3.3 a farewell kiss on the mouth.

E Films with famous dancing scenes:

E1 leading actors;

E2 film director;

E3 filmmaking (cutting room).

Наконец, из двух исходных пространств образуется смешанное пространство (бленд):

1 / A1.2 Cinderella / cleaner in the corporation

2 / A2.1 Prince

3 / A1.1 Stepsisters / vice presidents of the corporation

4. Cinderella arrives at the ball.

B Ladies' white tie attire:

B1 ball gown (Oscar de la Renta);

B2 dancing shoes (Gucci).

5. Cinderella's appearance causes a profound silence.

9. Cinderella's sisters don't recognize her.

7. The prince takes Cinderella out to dance.

6. Party-goers watch Cinderella.

D Activities during the ball:

D1 dancing.

8. Cinderella dances gracefully.

E Films with famous dancing scenes (Pulp Fiction):

E1 leading actors (J. Travolta, U. Thurman);

E2 film director (Q. Tarrantino);

E3 filmmaking (cutting room).

D3 Establishing romantic relations:

D3.1 qualities of partners (unattached, heterosexual, emotionally available);

D Activities during the ball:

D2 communicating:

D2.1 topics for discussion (art, music, literature, comedy, cooking, film).

10. The clock strikes.

11. Cinderella makes a courtesy to the company.

D3.2 reasons for leaving (fear of intimacy, a sick relative, reservations on the red-eye flight);

D3.3 a farewell kiss on the mouth.

12. Cinderella hurries away.

C Means of transport:

C1 luxury cars (limo).

13. Cinderella leaves one of her slippers.

В приведенных ниже предложениях в скобках указана принадлежность элементов бленда к соответствующим исходящим пространствам. Для наглядности элементы исходящего пространства №1 выделены курсивом, а исходящего пространства №2 – подчеркнуты.

Cinderella arrives at the ball in the gown by de la Renta, shoes by Gucci, and hair by Panasonic (via her remote control). (1, A1.2, B1, B2)

Heads turn and conversations cease. (5)

Her own sisters fail to recognize her. (3, A1.1, 1, A1.2, 9)

The prince asks her to dance. (2, A2.1, 1, A1.2, 7)

The other party-goers watch, awestruck and jealous. (6)

The prince and Cinderella glide fluidly across the dance floor like Travolta and Uma Thurman would have in Pulp Fiction if Tarrantino hadn't left the dance scene on the cutting-room floor. (1, A1.2, 2, A2.1, 8, D1, E, E1, E2, E3)

"I'm unattached, heterosexual, and emotionally available," the prince said. (2, A2.1, D3.1)

Cinderella and the prince discuss art, music, literature, comedy, cooking, and film – particularly Good Will Hunting. (1, A1.2, 2, A2.1, D2.1)

A clock suddenly strikes midnight. (10)

Cinderella said that she had to go. (1, A1.2, 11)

The prince asks Cinderella's reasons for leaving (fear of intimacy, reservations on the red-eye flight). (1, A1.2, 2, A2.1, D3.2)

She kisses him quickly on the mouth and flees. (1, A1.2, 2, A2.1, D3.3, 12)

As Cinderella jumps into the waiting limo, one of her shoes slips off. (1, A1.2, C1, 13)

Прежде всего, следует отметить, что главные действующие лица исходного пространства № 1 имеют аналоги в исходном пространстве № 2. Так, Золушке – девушке, живущей в каморке на чердаке и выполняющей всю работу по дому – из исходного пространства № 1 соответствует Золушка – уборщица в крупной корпорации. Сказочный принц трансформируется в принца – члена королевской семьи Люксембурга, под чьим патронатом проводится бал. Наконец, сводным сестрам из сказки соответствуют две родные старшие сестры героини, являющиеся вице-президентами вышеупомянутой корпорации.

Как видим, общая канва повествования в бленде повторяет структуру исходного пространства № 1, при этом дополняясь деталями из исходного пространства № 2. Л. Долежел [1. С. 207] называет подобные постмодернистские трансформации, при которых сохраняется внешний вид протомира и основная канва повествования, но они помещаются в другой пространственно-временной отрезок, – транспозицией.

К современным деталям относится наряд главной героини, упоминаемый в бленде. Золушка прибывает на бал в платье от известного дизайнера Оскара де ла Рента и туфлях от Гуччи. В исходном пространстве № 1 информация об одежде героини отсутствует, но ранее в сказке упоминалось роскошное платье, украшенное золотом и серебром, и хрустальные туфельки, в которые фея превратила лохмотья и стоптанные башмаки Золушки.

Концептуальная интеграция включает такие процессы, как сложение, дополнение и развитие [3. С. 271]. При создании бленда на стадии его дополнения читатели, ориентирующиеся в модной индустрии, опираются на информацию о том, что Оскар де ла Рента специализируется на нарядах для особых случаев, вечерних платьях, и его услугами пользуются многие знаменитости – от кинозвезд до членов королевских семей. Гуччи также является одним из самых известных и престижных модных брендов. Подобная одежда объясняет всеобщее внимание, прикованное к ее владельцу. В том же предложении, в котором говорится об одежде и обуви, упоминается, что

у героини прическа благодаря пульту Panasonic. Следует пояснить, что Золушка в сказке Г. Мейер и Т. Мейера получает приглашение на бал, одежду, лимузин и пр., нажимая на определенные клавиши своего телевизионного пульта.

Процесс дополнения смешанного пространства при описании танца Золушки и принца требует от читателя знания фильма «Криминальное чтиво» режиссера К. Тарантино, в частности, знаменитого танца У. Турман и Д. Траволты, с которыми сравниваются главные герои сказки «Золушка» Г. Мейер и Т. Мейера. Интересно, что эмоции по отношению к главной героине со стороны окружающих существенно отличаются от эмоций в сказке Ш. Перро и, соответственно, в первом исходном пространстве: на смену изумлению и восторгу приходят благоговейный страх и зависть. Подобную реакцию на незнакомку в эффектном модном одеянии, которую на светском балу пригласил на танец сам принц, к тому же неженатый, легко объяснить.

В бленде, так же, как и в сказке, сестры не узнают Золушку, однако в данном случае это выглядит более правдоподобно, т. к. она находится на определенном расстоянии от них, тогда как в классической сказке она сидит с ними рядом и угощает их фруктами. Частичное соответствие характерно и для некоторых других деталей смешанного и исходного пространства. К примеру, в обоих пространствах Золушка привлекает к себе внимание остальных участников бала, однако в исходном пространстве № 1 речь идет о дамах, изучающих ее наряд и прическу в надежде сделать что-то подобное и для себя, в смешанном же пространстве, как уже отмечалось, окружающие смотрят на Золушку с завистью. Также в первом исходном пространстве все восхищаются тем, как грациозно танцует героиня, в бленде же просто констатируется факт плавных танцевальных движений героев. В конце анализируемого отрывка Золушка теряет туфельку от Гуччи, не сбегая по ступенькам замка, а садясь в лимузин (современный аналог кареты).

Отражением современных реалий является то, что принц характеризует себя как «неженатого, эмоционально доступного гетеросексуала». И если при рассмотрении принца в качестве потенциального жениха факт неженатости и гетеросексуальности вполне объясним, то эмоциональная доступность, на первый взгляд, не является приоритетным качеством. На самом деле, проблема эмоциональной недоступности одного из партнеров является чрезвычайно обсуждаемой темой на Западе, которой посвящено множество книг и статей. Конечно, сложно представить, чтобы по-

добная информация содержалась в классической сказке Ш. Перро.

Еще одним индикатором современных реалий в смешанном пространстве является обсуждение Золушкой и принцем художественных фильмов, в частности, фильма «Умница Уилл Хантинг», который по праву считается одним из лучших американских фильмов, получившим множество призов, включая две премии «Оскар». Тот факт, что данный фильм оказывается любимым фильмом не только принца, но и Золушки (а о том, что в свободное время Золушка любила вновь и вновь пересматривать этот фильм, мы узнаем в начале сказки), для читателя, разделяющего это мнение, будет способствовать сокращению дистанции между ним и героями и наделению последних рядом качеств, которые не упоминаются в тексте. И наоборот, для читателя, незнакомого с данным фильмом, информация о фильме, содержащаяся в бленде, ограничивается его названием и не получает дальнейшего развития.

Причины, по которым Золушка покидает бал, также напрямую связаны с современными реалиями. И если наличие большого родственника теоретически еще могло фигурировать в качестве причины в классической сказке (правда, не в сказках о Золушке), то боязнь близости и забронированный билет на ночной рейс являются современными индикаторами. Кстати, боязнь близости является социальной фобией, которая активно обсуждается в научно-популярной литературе в качестве действительно серьезной проблемы в современном обществе. Однако в случае с Золушкой эта проблема не имеет под собой оснований, о чем свидетельствует ее прощальный поцелуй принца в губы (и это после нескольких часов знакомства). Подобное поведение свидетельствует о пересмотре традиционных ролей персонажей.

Таким образом, теория концептуальной интеграции может эффективно применяться к анализу

литературных сказок с трансформированным сюжетом, каковыми являются современные сказки о Золушке. В этом случае текст сказки представляет собой смешанное пространство, созданное из двух исходящих пространств: пространства классической сказки и пространства, охватывающего современные реалии. Сравнительный анализ компонентов смешанного и исходных пространств позволяет выявить отношения идентичности, схожести и контраста, проследить интертекстуальные связи сказки с трансформированным сюжетом и активизацию новых признаков.

Список литературы

1. Doležel, L. *Heterocosmica : Fiction and Possible Worlds*. Baltimore : John Hopkins Univ. Press, 2000. 352 p.
2. Fauconnier, G. *The Way We Think : Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* / G. Fauconnier, M. Turner. N. Y. : Basic Books, 2002. 464 p.
3. Fauconnier, G. *Principles of Conceptual Integration* / G. Fauconnier, M. Turner // *Discourse and Cognition : Bridging the Gap*. Stanford : CSLI Publications, 1998. P. 269–284.
4. Heinen, S. *Narratology in the Age of Cross-Disciplinary Narrative Research* / S. Heinen, R. Sommer. Berlin : Walter de Gruyter, 2009. 309 p.
5. Mayer, G. *Cinderella* / G. Mayer, T. Mayer // Mayer, G. *Goldilocks on Management* / G. Mayer, T. Mayer. N. Y. : Amacom, 1999. P. 141–149.
6. Rooth, A. *The Cinderella Cycle* / A. Rooth, M. Cox. N. Y. : Arno Press, 1951. 269 p.
7. Schaefer, P. *Unknown Cinderella : The Contribution of Marian Roalfe Cox to the Study of Fairy Tale* // Davidson, H. *A Companion to the Fairy Tale* / H. Davidson, A. Chaudhri. N. Y. : D.S. Brewer, 2003. P. 137–147.

Е. В. Иванова (Челябинск, Россия)
И. Р. Саливонова (Челябинск, Россия)

МОДЕЛИ НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (на примере анализа речи Гидо Вестервелле)

This paper deals with the analysis of the phenomenon of the conceptual metaphor that helps to create in the political discourse the necessary image of reality, it means to designate the intention of a politician or a political party. Analyzing the discourse of the German politician Guido Westerwelle we investigate the metaphorical modeling in the German political discourse.

Keywords: political discourse, cognitive linguistics, metaphor, metaphorical modeling.

Данная статья посвящена исследованию феномена концептуальных метафор, которые помогают в политическом дискурсе создать необходимый образ действительности, то есть обозначить намерение политика или политической партии. На примере анализа речей германского политика Гидо Вестервелле рассматриваются особенности метафорического моделирования в немецком политическом дискурсе.

В настоящее время сложилась нестабильная политическая и экономическая ситуация во всем мире, что является важным фактором неуравновешенности современного общества. В связи с этим наблюдаются попытки некоторых политиков и общественных деятелей скрыть свои мысли, избежать контроля, уйти от конфликта, но при этом оказать необходимое для политического оратора воздействие на адресата. Наиболее эффективным средством реализации данных намерений является политическая метафора.

Традиционно под метафорой понимается вид тропа, употребление слов и выражений в переносном смысле на основе аналогии, сходства, сравнения [3. С. 351]. На сегодняшний день известно множество теорий метафоры, предложенных различными учеными, среди которых наибольшее признание получили теория замещения (субституциональная теория метафоры), теория аномалий, интеракционистская теория, когнитивная теория метафоры, теория концептуальной интеграции и др.

Представитель и основоположник когнитивной теории метафоры американский ученый-лингвист Джордж Лакофф в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» подчеркивает, что наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути, и подчеркивает когнитивную роль метафоры [1. С. 3–45].

Политическая метафора – это речевое воздействие с целью формирования у общества или другого субъекта либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице. Следует отметить, что метафора в политическом дискурсе способна повлиять на мнение общественных масс с целью манипулировать и управлять ими. Благодаря метафоре политический текст приобретает большую выразительность, обогащается новыми выражениями, новыми приемами, а в сознании слушателя/читателя формируется более полная картина мира.

Основное понятие теории когнитивной метафоры – метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой си-

стема фреймов (слов, концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени) [цит. по: 2. С. 153]. При таком моделировании обычно сохраняется и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

Согласно исследованиям доктора филологических наук А. П. Чудинова, выделяются четыре основных разряда моделей русской политической метафоры: антропоморфная метафора, метафора природы, социальная метафора и артефактная метафора.

В нашем исследовании мы уделяем внимание анализу моделей немецкой политической метафоры. В качестве материала нами были выбраны речи известного немецкого политика Гидо Вестервелле. На примере выступления «Die Rede von dem Bundesminister des Auswärtigen Guido Westerwelle aus Anlass der Veranstaltung „30 Jahre Junge Liberale“» мы проанализировали типичные модели основных четырех разрядов политической метафоры, каждую из которых мы отнесли к определенной субсфере.

1. Субсфера ‘человек’ как источник политической метафоры (антропоморфная метафора)

Говоря о политике в Германии, Гидо Вестервелле использует в своей речи метафоры, которые олицетворяются с человеком, человеческими органами и действиями. В этих метафорах можно различить и гордость, и боль за родную страну, увидеть и любовь, и жестокую оценку реальности.

В речи Гидо Вестервелле либерализм и политика Германии в целом переплетаются с такими сферами-источниками, как ‘анатомия и физиология’ и ‘семья’. Поэтому мы выделили две метафорические модели, которые, по нашему мнению, ярко отражают главные идеи метафор в речи политика.

Первая метафорическая модель – ‘политические реалии – это человеческий организм’. Политик даёт понять аудитории, что для сохранения стабильного политического положения требуется приложить значительные усилия: *“ausreichend langen Atem zu zeigen”, “Demokratie muss auch schnell handeln”, “Kooperation kostet auch Nerven”*. Но, тем не менее, политик всё же видит в будущем развитое либеральное государство и счастливое общество, которое гордится своим государством и которое всегда стремится делать его лучше: *“so etwas im Gange ist”, “sich mit dem Zeitgeist vermählt”, “lebt der Liberalismus von Frauen und Männern”, “ein Land sein, das sich auf*

die Zukunft freut und nicht vor der Zukunft fürchtet".

Вторая метафорическая модель – 'государство – это семья'. В речи Гидо Вестервелле мы можем заметить описание дружного немецкого общества как единого целого, описание патриотической любви народа и своего государства, а также постоянное стремление к объединению и сплочённости граждан: *"in unserem kleinen Kreisverband", "empfehle ich uns einen gepflegten, einen gelassenen, einen europäischen Patriotismus", "organisiert unter demselben europäischen Dach", "wir wollen keine einförmige Gesellschaft"*.

2. Субсфера 'социум' как источник политической метафоры (социальная метафора)

В субсфере 'социум' нами было выделено четыре сферы-источника, а именно: 'преступность', 'война', 'театр', 'спорт и игра'. Все четыре сферы подчёркивают проблемы германского общества, политики Германии, а также вызывают негативную оценку в подсознании граждан.

Метафорическая модель 'современная Германия – это преступное сообщество' используется политиком в речи достаточно редко. Он лишь опасается преступности и криминала в Германии и на политической арене: *"gegen die Volksbeglückter in der Politik"*.

Одной из часто встречающихся метафорических моделей в речи Гидо Вестервелле является модель 'современная Германия – это милитаризированное общество'. Политик говорит о Германии как об обществе, которое всегда в состоянии защитить себя и всю Европу от врагов и которое всегда готово к сражению и борьбе: *"Rückschläge verkraften", "für Europa brennen", "Europa zu verteidigen", "Gesellschaft, die den Einzelnen schützt"*. Политик также подчёркивает силу каждого гражданина Германии, способного защитить свою страну, а также воздействовать на политику: *"wir sind eine lebensbejahende politische Kraft", "um den Kampf von Partei", "der Einzelne die Kraft in sich trägt"*.

Выделенная нами метафорическая модель 'политика – это театр' подчёркивает некоторую наигранность и ненатуральность в существующей связи между политической жизнью и общественной: *"fabelhaftes kabarettistisches Programm", "in die unglückliche Rolle desjenigen kommen"*. Эта метафорическая модель вносит в современную немецкую метафору определённые черты карнавальности, что вызывает больший интерес у публики.

В своей речи Гидо Вестервелле делает акцент на готовности Германии к политической борьбе и соревнованиям между государствами. В связи с этим мы выделяем метафорическую модель 'развитие страны – это игра и спортивное состязание'. Политик говорит о стремлении Герма-

нии всегда оставаться сильным и непобедимым государством: *"...sehen einen Gewinn unserer Gesellschaft", "die Dafür-Republik versus die Dagegen-Republik"*. При этом заметен страх перед проигрышем и потерей политической силы либералов: *"Kräfte, die schüren die Furcht, die spielen mit der Angst", "werden wir das verspielen"*.

3. Субсфера 'природа' как источник политической метафоры (природная метафора)

Субсфера 'природа' отражает в речи Гидо Вестервелле органистический способ мышления, тем самым сближая и примиряя человека с миром природы. В данной субсфере мы выделили только одну метафорическую модель 'современная действительность Германии – это царство растений', которая олицетворяет жизнь страны и общества с жизнью растительного мира. Жизненный цикл растения метафорически обозначает динамику развития субъекта политической деятельности, в частности либеральной партии, и политики в целом: *"sieht jetzt so grün aus", "Entwicklung der Welt", "durch ein Tal gehen"*.

4. Субсфера 'артефакты' как источник политической метафоры (артефактная метафора)

Из всего многообразия понятийных сфер, отражающих результаты интеллектуального и физического труда человека, в данном подпункте избраны лишь две сферы, являющиеся источником метафорической экспансии в политической речи. Это метафоры 'государство – это дом' и 'политическая власть – это механизм'.

Метафорическое представление общественных реалий и процессов как дома – один из наиболее встречающихся образов в политической речи Гидо Вестервелле. Политик стремится донести до каждого слушателя мысль о том, что каждый гражданин государства должен принимать участие в «постройке» своего государства: *"die damals die Jungen Liberalen mit gegründet haben", "Europa ist ein Friedensprojekt", "das Schicksal des Menschen, etwas, das er selbst auch gestalten soll"*.

Так как в речи Гидо Вестервелле присутствуют метафоры, связанные с механизмом и его работой, мы выделили метафорическую модель 'политическая власть – это механизм'. По словам Гидо Вестервелле, политическая власть должна постоянно находиться в движении, развиваться, прогрессировать для того, чтобы увидеть хорошие результаты работы: *"auf Neues einzustellen", "da dreht sich etwas um, in der Stimmung, in dem Gefühl, in den politischen Diskussionen", "in der politischen Umsetzung", "Kreativität von patenten Erfindungen", "mit Dynamik das Neue anpackt"*.

Проанализировав все четыре основных разряда политической метафоры в речи Гидо Вестер-

велле, можно сделать вывод о том, что самой употребительной метафорической моделью в речи германского политика является модель 'политические реалии – это человеческий организм' (физиологическая метафора). В речи Гидо Вестервелле эта модель является доминирующей, так как политик делает акцент на взаимосвязи молодого поколения и либеральной партии. По ней вполне можно изучить народный характер Германии и точную картину политической действительности. Для германского политика важно добиться понимания народа и донести до него то, что политические реалии, в первую очередь, неразрывно связаны с гражданами страны и во многом зависят от принимаемого ими решения. Данная модель вселяет также моральную поддержку в сознание юных политиков.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что политик определенной страны выбирает особый подход к воздействию на подсознание граждан, используя в своей речи разные доминирующие метафорические модели.

Список литературы

1. Лафофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 252 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. 921.

Е. В. Идельсон (Сиэтл, США)

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СПОСОБОВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ДИРЕКЦИОНАЛЬНОСТИ

This paper presents an analytical survey of the use of the cognitive approach to the study of spatial concepts represented in the language. The author also dwells on the possibility of the use of various linguo-cognitive methods in the study of cognitive and linguistic aspects of directionality.

Keywords: linguo-cognitive, directionality, spatial concept.

В настоящее время в лингвистических исследованиях используются различные подходы и методы анализа когнитивных и языковых аспектов дирекциональности, которая рассматривается как когнитивное и физическое направленное движение/перемещение объектов в пространстве. При этом «движение трактуется как функционально-семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории движения» [5. С. 130]. Дирекциональность понимается нами как «направленное перемещение субъекта/объекта из одной точки пространства в другую» [1. С. 123–137].

Становление самого понятия пространства, включая дирекциональность как его неотъемлемую составляющую, происходило поступательно. Так, в трудах Е. С. Кубряковой отмечается: «Понятие же пространства, чего-то расстилающегося перед человеком во все стороны, среды, в которой человек может свободно перемещаться сам и свободно перемещать доступные ему объекты, промежутка между объектами, протяженности и т. д. – все эти черты бытия лишь по-

степенно включались в структуру понятия, обозначенного словом “пространство”, которое тем самым становилось многозначным и развивало новые и новые значения» [6. С. 90].

Аналогичным поступательным образом формировались методы и подходы к изучению пространственной картины мира в языке, включая дирекциональность. Как указывает Н. Н. Болдырев, для выбора научного подхода или метода анализа современный ученый опирается на знание теории данного подхода и решение проблем, поставленных перед ним применительно к материалу исследования [2. С. 16]. В настоящее время все большее число отечественных и зарубежных ученых проводят исследования пространственных концептов в рамках когнитивного подхода. «Когнитивный подход к изучению языковых явлений базируется на представлении о том, что в основе языка как знаковой системы и как деятельности лежит система знаний о мире, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной деятельности – концептуальная картина мира» [2. С. 16]. Как отмечает А. М. Плотникова, «появ-

ление когнитивной семантики позволило переосмыслить ряд традиционных проблем и поставить перед наукой задачи освоения новых лингвистических объектов» [7. С. 3].

Развитие когнитивного направления и интеграция лингвистики со смежными науками привели к значительному расширению методологической базы лингвистических исследований. Так, в современных исследованиях пространственных концептов применяются геометрический и топологический подходы, которые традиционно имели отношение к математике. Тем не менее, опыт ряда исследований показывает, что данные подходы позволяют установить новые факты в изучении связи между языковыми и ментальными структурами. Разграничение указанных подходов зависит «от используемых концептуальных понятий, числа уровней, выделяемых для описания значений, и оснований для выделения этих уровней» [3. С. 57–58].

Анализ работ, посвященных исследованию пространственных концептов в языке, позволил нам выявить наиболее существенные особенности использования геометрического подхода к изучению дирекциональности. Так, П. Гэмбаротто и Ф. Мюллер представляют модель анализа, основанную на пространственных регионах (*domains*) как примитивах для геометрического обозначения дирекциональности. Авторы считают, что дирекциональность является геометрическим понятием и, следовательно, обосновывать ее наличие нужно не просто в математических, а в геометрических терминах, а взаимосвязь между двумя точками определяется направлением движения [11]. К. Ковентри также утверждает, что для понимания употребления пространственных предлогов в языке необходимо использовать геометрические измерения [10].

С помощью математических методов лингвисты трактуют исторически сложившуюся теорию пространства и времени как сложную конфигурацию векторных пространств. Дж. О'Киф придерживается мнения о том, что дирекциональные предлоги могут указывать на различные аспекты расположения векторов в пространстве в различных направлениях [15]. Вектором в математике называется направленный отрезок, включающий в себя две точки, первая из которых представляет собой начало вектора, а вторая служит его концом. Дж. О'Киф изображает месторасположение объекта вектором, который является сочетанием направления и расстояния от известного местонахождения [15]. По мнению Ю. Бонмайера, на кодирование дирекциональности оказывает влияние изменение направления [9]. Для коди-

рования движения в лингвистике ученый также использует векторы и утверждает, что геометрический подход является наиболее эффективным благодаря наличию соотношения между векторным обозначением дирекциональности и лингвистической структурой предложения.

Говоря об использовании топологического подхода в лингво-когнитивных исследованиях, мы не можем не отметить тот факт, что топология, в первую очередь, является одним из разделов математики, в котором анализируются понятие непрерывности и свойства пространства (связность и ориентируемость). Отличительной чертой топологии является то, что в топологических исследованиях не принимаются во внимание метрические свойства объектов, как это происходит в геометрии. «Нет никакой разницы между сферой (шаром), кубом, цилиндром и конусом. Различия в размере также не принимаются во внимание в топологии» [13. С. 87–88]. Главным фактором в топологических исследованиях выступают свойства объектов и пространства в целом.

Использование топологического подхода дает возможность ученым рассматривать пространственные отношения и дирекциональность как взаимосвязанные величины. Немецкий математик XIX в. И. Б. Листинг, который одним из первых связывал временно-пространственные характеристики и дирекциональность с математикой, «последовательно думал о пространстве как о имеющем топологию проективного пространства» [цит. по: 17. С. 99]. Согласно И. Б. Листингу, топология излагала факты пространственного восприятия, пользуясь математическими определениями и обозначениями, а «согласно концепту последовательности, движение тесно связано с топологией» [14. С. 6].

Однако понятие топологии в лингвистике может изменяться и применяться в несколько ином, отличном от математического, смысле [3]. Как отмечает К. Левин, «лингвистическая топология считается наиболее общей наукой о пространственных отношениях и может основываться, например, на взаимосвязи между “частью” и “целым”» [13]. Топологические пространственные отношения представляют собой соотношение местонахождения между различными объектами [18]. По мнению С. Уэллета и Д. Дэвиса, топологические пространственные отношения зависят от свойств и характеристик описываемой сцены. Таким свойством может выступать расположение пространственных объектов по отношению к координатным осям: *x* для позиции слева и справа от (*x for left of and right of*), *y* – для позиции выше и ниже (*y for above and below*) и *z* для по-

зиции спереди и сзади (z for in front of and behind) [16. С. 210].

Одним из самых распространенных подходов к исследованию пространства и дирекциональности можно назвать функциональный подход. Сторонники функционального подхода пытаются объяснить семантические характеристики и употребление пространственной лексики в связи с теми функциями, которые выполняют по отношению к друг другу объекты экстралингвистической реальности. Функциональный подход нашел широкое применение в изучении семантики и употребления пространственных предлогов (см. подробнее [3]). Так, например, анализируя различные предлоги в шведском языке, Т. Хорберг отмечает, что на употребление дирекциональных предлогов оказывают воздействие функциональные факторы, такие как форма и функции пространственных объектов [12. С. 66].

Таким образом, расширение и пополнение методологической базы лингвистических исследований за счет когнитивных методов анализа, заимствованных из смежных наук, позволяет по-новому рассматривать отдельные фрагменты языка, включая дирекциональность, и выявлять новые факты о взаимосвязи когнитивных и языковых структур.

Список литературы

1. Андреев, О. А. Дирекциональность в испанском языке (грамматико-категориальный и когнитивно-концептуальный аспекты) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2003. № 2. С. 123–126.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категорий // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания : материалы круглого стола (апр. 2000 г.). М. : ИЯ РАН, 2000. С. 16–35.
3. Бороздина, И. С. Категоризация, концептуализация и вербализация пространственных отношений и объектов. Курск : Курск. гос. ун-т, 2009. 197 с.
4. Кибрик, А. Е. Проблемы синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубеж. лингвистике. Вып. 11. М. : Прогресс, 1982. С. 5–36.
5. Круговец, В. С. Функционально-семантические особенности категории движения во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 151 с.
6. Кубрякова, Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 1997. С. 84–93.
7. Плотникова, А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2009. 38 с.
8. Allan, K. The Western Classical Tradition in Linguistics. L. : Equinox Publishing, 2007. 351 p.
9. Bohnemeyer, J. The Unique Vector Constraint: The Impact of Direction Changes on the Linguistic Segmentation of Motion Events // Representing Direction in Language and Space / ed. E. van der Zee and J. Slack. L. : N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. P. 86–110.
10. Coventry, K. Spatial Prepositions, Spatial Templates, and ‘Semantic’ versus ‘Pragmatic’ Visual Representations // In Representing Direction in Language and Space / ed. E. van der Zee and J. Slack. L. ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. P. 255–267.
11. Gambarotto, P. Ontological Problems for the Semantics of Spatial Expressions in Natural Language / P. Gambarotto, P. Muller // Representing Direction in Language and Space / ed. E. van der Zee and J. Slack. L. ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. P. 144–165.
12. Hörberg, T. Influences of Form and Function on Spatial Relations (Establishing Functional and Geometric Influences on Projective Prepositions in Swedish) : magister thesis in general linguistics. Stockholm Univ. : Department of Linguistics, 2006. 74 p.
13. Lewin, K. Principles of Topological Relations. N. Y. ; L. : McGraw-Hill Book Company, 1936. 260 p.
14. Listing, J. B. Vorstudien zur Topologie (Mit eingedruckten Holzschnitten) Abgedruckt aus den Göttingen Studien. 1847. Göttingen : Göttingen bei Vandenhoeck und Ruprecht, 1848. 86 p.
15. O’Keefe, J. Vector Grammar, Places, and the Functional Role of the Spatial Prepositions in English // Representing Direction in Language and Space / ed. E. van der Zee and J. Slack. L. ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. P. 69–85.
16. Ouellet, S. Using Relations To Describe Three-Dimensional Scenes : A Model of Spatial Relation Apprehension and Interference / S. Ouellet, J. Davies [Internet resource] // Proceedings of ICCM 2013 : 12th International Conference on Cognitive Modeling / ed. R. L. West and T. C. Stewart. 2013. P. 209–214. URL : <http://iccm-conference.org/2013-proceedings/papers/0035/paper0035.pdf>.
17. Peirce, C. S. Reasoning and the Logic of Things // The Cambridge Conference Lectures of 1898 / ed. K. L. Ketner and H. Putnam). Harvard Univ. Press : Cambridge, MA, 1992. 312 p.
18. Thiering, M. Linguistic Categorization of Topological Spatial Relations // TOPOI – Towards a

Historical Epistemology of Space. Vol. 373 of Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, Reprint. Berlin, Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, 2009. 73 p.

19. Tomasello, M. Introduction : A Cognitive – Functional Perspective on Language Structure // New

Psychology of Language : Cognitive and Functional Approaches to Language Structure. Vol. I. Mahwah, N. J. : Lawrence Erlbaum Inc., 1998. P. VII–XXIII.

Е. М. Образцова (Одесса, Украина)

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОГО СИНТАКСИСА

The article deals with the text delimitation problem. Contrasting the text qualifying parameters (composite form of description) with the structural and semantic characteristics of a simple sentence, the author qualifies sentence as a minimal text model. The text/sentence correlation is grounded up from the point of view of cognitive science.

Keywords: text, text composite form, description, simple sentence, word order, cognition, perception.

Методологическая проблема определения соотношения между предложением и текстом в современном языкознании остается дискуссионной. В частности, являются актуальными и требуют своего решения вопросы делимитации границ минимального текста, дальнейшее сокращение которых привело бы к исчезновению текста как такового, задача выявления степени и форм взаимосвязи между коммуникативным типом (композиционно-речевыми формами) текста, с одной стороны, и формой и семантикой составляющих его предложений – с другой. Актуальным и оправданным с точки зрения современного языкознания станет комплексный подход к исследованию взаимоотношений предложения и текста (в виде композиционно-речевой формы) в рамках системно-структурной и антропологической парадигм.

Целью настоящей статьи является на примере коммуникативно-речевой формы (далее КРФ) описание показать, что минимальным текстом-моделью по ряду своих сущностных семантико-структурных характеристик является даже не сложное, а простое предложение-примитив (базовое, предложение-модель, *kernel sentence*) и что такая корреляция обусловлена когнитивно.

Для этого сопоставим признанные в лингвистической теории определения и квалификативные характеристики текста и его минимальной модели – коммуникативно-речевой формы (в частности, описание) – со структурно-семантическими характеристиками простого предложения

некоторых базовых моделей; затем выявим связь между речевой формой (количество и линейная организация элементов предложения), выражаемым данной формой содержанием (с одной стороны) и алгоритмом процесса восприятия и понимания окружающего мира сознанием коммуниканта (с другой).

1. Кваликативные характеристики текста и предложения. Об отсутствии «четких параметров текста, конкретного количества его категорий» [11. С. 75], о том, что «сущность понятия текст остается и сегодня наукой невыясненной», несмотря на то, что по проблемам текста «только в независимой Украине уже создано почти 1000 научных трудов» [28. С. 26], **говорилось неоднократно**. Более того, постулируется принципиальная невозможность решения данной проблемы и доказываются наличие ряда объективных причин такой неразрешимости (например, см. [25]). Одновременно признается, что «текст как объект филологического анализа, с одной стороны, не нуждается в едином общепризнанном определении, но с другой стороны – требует четкого описания своих характеристик и особого осмысления» [33. С. 10].

Среди основных признаков текста называют: целостность, связность, наличие определенной структуры, семантической организованности, «иерархические отношения, распознаваемые интерпретатором и позволяющие ориентироваться в тексте, а также предопределяющие интерпретацию его частей (например, анафорических и

личных местоимений)» [9]. Традиционно текст определяют как самоорганизующуюся систему [2], то есть «сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» [40. С. 70] или «речевое выражение, способное исполнять знаковую и коммуникативную функции» [27. С. 79], «созданное автором с целью дальнейшего влияния на <...> коммуникантов» [12. С. 15] и характеризующееся целостностью, иерархической связностью единиц. Это «такой набор слов и грамматических категорий, в котором наличествует логично оформленная мысль о нашем окружении, мире», «словесно воплощенная мысль об окружающем мире» [28. С. 31].

С одной стороны, текст рассматривается как одна из единиц языка: «синтаксическая единица, имеющая четкие границы, собственную внутреннюю структуру, представляющая собой моделируемую единицу языка» [40. С. 11]. **С другой стороны**, не считая текст самостоятельной единицей языка, поскольку это «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц», с целью обеспечения его объективного анализа ищут некую единицу в качестве образца текста. При этом определяющими для вычленения фрагмента речи в качестве минимального текста, принимая во внимание то, что семантика текста как его внутренняя, смысловая характеристика «не имеет еще достаточно четкой очерченности» [37. С. 507], **выбираются именно структурные характеристики** – целостность и связность.

Границы текста определяются размыто: от упорядоченного множества или последовательности предложений, ряда сверхфразовых единств [6. С. 18; 32. С. 120; 36. С. 303; 38. С. 38], до последовательности знаковых единиц, до простейшего диалогического единства вопросно-ответной формы [17. С. 38, 40, 43] и даже предложения, которое и признается «минимальной моделью текста», при этом процесс порождения сложного предложения рассматривается как «аналог процесса порождения текста» [21. С. 23]. Более того, сложноподчиненные предложения рассматривают как «своего рода различительные признаки текстов-рассуждений, а сложносочиненные (обратимые и необратимые) – соответственно описаний и повествований» и делают вывод о том, что «связи синтаксических структур и текстов значительно многообразнее и сложнее» [34. С. 79]. Практические же исследования текстов показывают, что границы КРФ ‘повествование’ и ‘описание’ в 90 % случаев соответствующих выборок для романа, рассказа и эссе совпадают с абзацем или включением, равным одному простому предложению [37. С. 110, 126].

В пользу признания простого предложения минимальной моделью текста свидетельствует и то, что именно для предложения характерны целостность, связность, наличие определенной структуры, семантической организованности, иерархичности взаимосвязанных элементов, «относительная смысловая законченность и автономность, которую эта единица сохраняет и будучи извлеченной из текста» [26. С. 218]. **То есть сопоставление определений текста и общепризнанных характеристик предложения** служит основанием для вывода, что простое предложение удовлетворяет всем квалификативным требованиям минимального текста и может быть признано таковым.

2. Кваликативные характеристики композиционно-речевых форм текста, в частности, КРФ ‘описание’. Поскольку пространственно-временная организация текста в конкретном речевом произведении «реализуется в виде системы композиционных единиц – речевых форм» (КРФ), именно КРФ как «текстовые единства, представляющие собой формы коммуникации, нацеленные на восприятие читателем определённой информации и опирающиеся на такие основные формы мысли, как суждение, (оценочное) понятие, вопрос, умозаключение» [43] избраны в качестве единицы текста.

Композиционные формы считаются некими абстрактными структурами, потенциально существующими в языке, реализуемыми на уровне письменного дискурса в виде композиционно-речевых форм [22. С. 5–6]. Принято полагать, что КРФ – это «элементы коммуникативно-речевой структуры речи, в которых использование конкретных языковых средств строго обусловлено их коммуникативной значимостью, согласующейся с конечными возможностями единицы речи» [37. С. 73] и **что это «совокупность формально фиксируемых условий, достаточно однозначно расшифровывающих семантику текста»** [43. С. 9–10]. **Рассматривают КРФ и как «схемы повторяющихся структурных признаков, отвлеченные от конкретных проявлений речи, являющиеся однородными формами словесной композиции» и «отражающие структуру процесса мышления, типы и способы связи элементов между собой»** [4; 20; 36].

В теоретической литературе признаются три разновидности КРФ – описание, повествование и рассуждение. Определим квалификативные характеристики избранного нами типа КРФ, затем рассмотрим структурно-семантические параметры соответствующих предложений и изложим некоторые результаты собственного психолингвистического эксперимента.

Квалификативными характеристиками КРФ описание считаются следующие. Главной функцией этого типа КРФ является «использование так называемого эффекта кинообъектива, <...> подробное описание событий или действующих лиц» [13. С. 290; 22. С. 14], что включает перечисление статических свойств и характеристик, которые помогают создать целостное законченное представление о предметах и явлениях [37. С. 23]. В журналистике различают описание репортажное (динамичное, хронологическое) и «реконструктивное» «статичное», что, по сути, соответствует КРФ ‘повествование’ [22. С. 11–12].

Основными отличительными особенностями КРФ ‘описание’ называют преимущественное построение предложений в коммуникативной последовательности ‘тема-рема (известное – новое)’, единый временной план описания, преимущественно именной характер используемой лексики (значительное число имен существительных, прилагательных, причастий) – все эти средства языка служат для характеристики объекта описания в плане его статических свойств [20].

В ходе проведенного исследования [29; 30; 31] нами выявлена определенная закономерная зависимость между, с одной стороны, принадлежностью высказывания к той или иной структурно-синтаксической модели, референтной семантикой данных предложений и актуализируемыми ими семантико-ролевыми структурами; а с другой стороны, возможностью коррелировать каждую из таких групп по совокупности проявленных характеристик с определенной композиционно-речевой формой текста.

Так, выявленные и систематизированные нами структурные и семантические параметры простых предложений, построенных по базовой модели $S + [VCs]_p$, глубина их содержания позволяют признать такие простые предложения минимальными по протяженности текстами в композиционно-речевой форме ‘описание’ в разновидностях ‘описание-атрибуция’ и ‘описание-идентификация’.

Характерными чертами простых предложений, построенных по модели $S + [VCs]_p$, как показало исследование, являются преимущественное использование именных частей речи (существительного, местоимения, прилагательного, причастия). Подлежащее в предложениях данного типа выражено именем существительным (57,6 %) либо местоимением (42,3 %), только в выборке английского языка зарегистрированы 5 случаев использования других частей речи в функции подлежащего (0,01 %); предикатив так-

же выражен именными частями речи – существительным (45,9 %), прилагательным (46,9 %), на другие формы приходится лишь 7,2 %. То есть по частеречному статусу лексики, использованной в предложениях, предложения данного типа соответствуют одной из названных квалификативных характеристик КРФ ‘описание’. Форма глагола, выступающего в роли сказуемого или его части, также подчеркивает статичность и синхронность, неизменность состояния описываемого субстантивного компонента – подлежащего. Такой вывод делаем на основании того, что в предложениях данной модели сказуемое – составное именное; в подавляющем большинстве случаев в качестве глагола-связки такого сказуемого выступает глагол ‘быть’ (англ. – 93 %, русск. – 77 %; укр. – 63 %), употребленный в смысле ‘существовать’. Важно, что, независимо от «привязки» предложения-описания к конкретному или неопределенному моменту или периоду художественного времени произведения, связочный глагол представляет существование субстантивного компонента процесса как неизменное (неизменяющееся) состояние. Таким образом, подтверждается еще одна характеристика КРФ ‘описание’ – статичность.

Исследование выявило, что предложения данной модели референтно соотносимы с процессами-состояниями, специфику же процесса определяет способ выражения предикатива. Мы обнаружили, что употребленное в этой функции имя прилагательное называет одно из свойств, присущих субстантивному компоненту процесса в определенный период времени. Очень часто такая характеристика может оказаться не постоянной, но временной, преходящей, например: ‘Мать была очень весела в этот вечер’ (В. Каверин); ‘Все они были засекречены. Окна были раскрыты’ (Д. Гранин); ‘His face was mauve’ (J. Grace) (‘Его лицо стало лиловым’ – у персонажа начался приступ астмы). В таком случае денотированный процесс определяется нами как процесс-характеризация (атрибуция), поскольку свойство, названное предикативом, атрибутируется субстанции-подлежащему. Если же в функции предикатива употреблено имя существительное, тип процесса определяем как процесс-идентификация, поскольку именем существительным субстантивный компонент процесса относится к классу ему подобных, аналогичных субъектов/объектов – идентифицируется. ‘He was not Dali, yet’ (J. Grace); ‘Повковником Лубенського повку є Дмитро Зеленський’ (П. Капельгородський); ‘Самый путь из города на Черноморскую улицу был своего рода лекарством от невзгод’ (К. Па-

устовский); ‘Кузьмин работал там начальником участка’ (Д. Гранин). Очевидно, что по своему содержанию исследуемые предложения (как и соответствует КРФ ‘описание’) дают некую характеристику наблюдаемому субъекту / объекту. С точки зрения коммуникативно-прагматических компонент содержания, актуального членения предложений данного типа, они также выявляют тема-рематическую организацию, как этого и требует КРФ ‘описание’. Таким образом, по структурно-семантическим и коммуникативным характеристикам простые предложения модели S + [VCs]_p полностью удовлетворяют дефиниционным требованиям КРФ ‘описание’.

Еще очевиднее корреляция КРФ ‘описание’ – простое предложение проявляется в распространенных предложениях, в частности, с однородными предикативами и цепочками определений. Обратим наше внимание на последовательность таких однородных элементов – объективным или субъективным является выбор говорящего той или иной характеристики объекта в линейной презентации наименований данных свойств в структуре предложения. При этом параметр ‘объективности / субъективности’ понимаем как ‘зависимость / независимость’ выбора последовательности восприятия и идентификации от закономерностей когнитивных процессов или субъективной воли говорящего, проявляемой, в частности, и в оценке наблюдаемого / номинируемого свойства.

Рассмотрим несколько примеров с однородными предикативами, в которых графически выделим соответственно подлежащее, субъектный восполнитель (комплемент), то есть предикатив, лично-глагольный конститuent сказуемого (в предложениях данной модели это связочный глагол).

(1) ‘The Delhi Suite was the centerpiece of Lady Oxenford’s famous collection of antique jewelry. Made of rubies and diamonds in gold settings, it consisted of a necklace with matching earrings and a bracelet. **The rubies were Bermese, the most precious kind, and absolutely huge**’ (‘Комплект Дели Свит был главной изюминкой известной коллекции старинных ювелирных украшений Леди Оксенфорд. Комплект включал ожерелье, серьги и браслет, изготовленные из рубинов и алмазов в обрамлении из золота. Рубины были из Бирмы, самого дорогого качества и чрезвычайной величины’). В данном примере (и ряде аналогичных ему) цепочка однородных предикативов отражает такую последовательность характеристик наблюдаемого коммуникантом объекта: страна происхождения драгоценных камней; качество,

обеспечивающее их соответственную ценность; размер, определяющий дороговизну и ценность камней. Выбор данных характеристик и последовательность их названия в предложении, очевидно, основаны на компетенции говорящего – его знаниях о предмете речи (драгоценности), традиционно принятой иерархии критериев оценки данного предмета. Считаем, что проанализированная последовательность предикативов является объективно-субъективной. Обратим внимание также на то, что первый предикатив представляет собой идентификацию-локализацию объекта описания.

(2) ‘И семга тут была толстая, сочно-розовая, с лимонными дольками’ (Д. Гранин). Ряд однородных предикативов называет последовательно форму, цвет, дополнительное случайное свойство.

(3) ‘Он приходил грузный, коренастый, уса-тый, в маленькой суконной шапочке, в брезентовых штанах’ (В. Каверин). И в этом примере последовательно называются характеристики объекта наблюдения-описания – человека: форма (величина, вес, фигура объекта наблюдения); бросающаяся в глаза постоянная и потому значимая черта части данной формы, внешние (достаточно случайные) признаки формы – одежда. В данном случае отражено не только зрительное, но и слуховое восприятие: грузный (тяжеловесный, неповоротливый, толстый) означает комплекс звуков и зрительно воспринимаемых характеристик движения.

(4) ‘Это был маленький домик, когда-то пошатнувшийся и с тех пор стоявший в наклонном положении’ (К. Паустовский). Предикативы последовательно характеризуют форму (размер) и специфическую черту формы (расположение в пространстве) объекта наблюдения-описания, включает и субъективную оценку причины такого расположения (элемент теоретического рассуждения, интерпретации воспринятых свойств объекта описания).

(4) ‘Груші справді висіли на гілках здоровезні, шкарубкі, як у дядьковій хаті доменницькі його рукавиці’ (О. Гончар). И снова предикативы характеризуют объект наблюдения-описания в последовательности: форма (величина), характеристика поверхности, сравнение свойств объекта с другим, привычным объектом (элемент теоретического осмысления, рассуждения-сравнения).

(5) ‘Просте, коротеньке слово пролунало, як постріл, як сигнал перестороги’ (П. Капельгородський). Предикативы в отношении аппозиции друг к другу отражают последовательность слухового восприятия (как выстрел) и интерпретацию услышанного (результат теоретического ос-

мысления и его вывод как выбор стратегии дальнейшего поведения: нужно быть осторожнее).

Обобщая анализ примеров (2) – (5), отметим, что во всех случаях очевидна последовательность описания по алгоритму: идентификация формы, ее наиболее ярких, значимых свойств (внешних проявлений), другие (случайные) характеристики объекта; а также элементы осмысливания (теоретическая интерпретация) увиденного / услышанного, теоретический вывод из такой интерпретации, который направлен на последующее поведение наблюдателя.

Анализ предложений, смоделированных как S + [VCs]_p и других структурно-синтаксических моделей с однородными и неоднородными определениями выявил несколько тенденций последовательного расположения определений относительно друг друга и определяемого элемента. Перечислим и проиллюстрируем выявленные тенденции.

1) Атрибутивные модификаторы, называющие характеристики компонентов процесса, как и другие элементы, тяготеют к контактности в соответствии с принципом логической связанности элементов, соотносимых с компонентами процесса. Например: (6) *The old man's eyes wandered away into the shadows* 'Глаза старика (букв: старого мужчины) посмотрели вдаль куда-то в тень (деревьев)' (K. Follett). Если определения взаимосвязаны отношением аппозиции, то всю цепочку данных и примыкающих к ним определений можно представить в виде последовательности аппозитивных пар, каждая из которых соотносима с предложением модели S + [VCs]_p. Например: (7) 'Зачіплянку на цьому засіданні представляв її висуванець Лобода Володимир Ізотович, син славетного колись на весь край обер-майстра Ізота Лободи, заслуженого металурга республіки' (О. Гончар), где логически связанными парами выступают: представляти – висувати (кого) → висуванець; висуванець – Лобода; Лобода – Володимир Ізотович; Лобода Володимир Ізотович – Лобода Ізот (син – батько); Лобода Ізот – обер-майстер; обер-майстер Лобода Ізот – металург – заслужений металург республіки.

Кроме контактности элементов, соотносимых с логически связанными между собой теми или иными компонентами процесса или их характеристиками, наблюдаем такую последовательность в аранжировке определений: локализация объекта наблюдения-описания, его форма (размер и фигура), относительно постоянная характеристика, дополнительная непостоянная характеристика: (8) 'На длинных блюдах лежали маленькие, ром-

биками нарезанные, бутербродики с черной и красной икрой и желтой розочкой масла' (Д. Гранин); (9) 'The scene seemed liturgical with her formal white dress, Brady's high-collared waist-coated suit, the priest's cassock, the officer's uniform, the rapt congregation' 'Все выглядело, как на литургии: ее строгое белое платье, Брейди в приталенном костюме с высоким воротом, ксендз в сутане, офицеры в мундирах, взволнованные и сосредоточенные прихожане' (J. Carroll) – локализация / принадлежность (her, Brady's), форма (фасон) (formal, high-collared waist-coated), цвет (white); при этом последовательность high-collared waist-coated свидетельствует и о траектории взгляда от лица вниз по фигуре наблюдаемого / описываемого человека.

2) В многокомпонентных атрибутивных группах неоднородные препозитивные или постпозитивные определения аранжированы в согласии с уже названной последовательностью (локализация, форма, ее особенности, другие характеристики – сначала трактуемые как постоянные, потом – как временные, случайные); однородные же, на первый взгляд, в случайной очередности. Но более пристальный анализ выявляет и в этой случайности закономерность: последовательность восприятия внешних характеристик и через их анализ и осознание внутренне присущих свойств, а также их оценка как вывод из осознанных свойств объекта наблюдения-описания. Проиллюстрируем «случайный» вариант последовательности: (10) 'It seemed a great waste of one's only life-time to be condemned to their chattering, vicious, pathetic, hysterically dishonest company' 'Казалось огромной потерей отпущенного тебе жизнью времени быть обреченным на участие в их болтливой, злобной, чересчур напыщенной, истерически нечестной компании' (J. Baldwin). Последовательность определений соответствует алгоритму: локализация (принадлежность their), внешняя первично воспринимаемая характеристика (chattering), осознание характера болтовни (vicious, pathetic, hysterical), логический вывод (dishonest).

«Случайная» последовательность, как оказывается, не случайна, а единственно возможная для передачи именно того содержания, которое задумал автор, и, главное, также отражает последовательность восприятия, например: (11) 'They (herbs) lay in green coils upon the table, exceeding their tart fresh odours' 'Они (травы) лежали зелеными кольцами на столе, источая свои кислотовато-терпкие свежие ароматы' (L. Lee). Данная последовательность однородных определений «присует» объективную причинно-следственную

закономерность (кисловатый – потому ощущаемый как свежий) и не может быть нарушена: транспозиция определений → fresh tart приведет к другому смыслу – сильный аромат еще не увядших трав. Аналогично: (12) ‘Теплый южный ветер быстро подсушил землю’ (К. Паустовский) – объективно сначала физически воспринимается температура и потом (на основании ранее полученных знаний) делается вывод о направлении ветра; (13) ‘Мы с сестрой долго сидели в полутемном высоком коридоре на железной скамейке’ (В. Каверин) – (из-за темноты высота помещения осознается не сразу); (14) ‘Від густого спертого повітря і без того маленькі лампочки ледве дихали’ (П. Панч) – **восприятие физически ощущаемой плотности воздуха и осознание ее причины.**

Таким образом, в предложениях, дающих описание-характеризацию компонентов процесса, последовательности взаимного расположения предикативов и определений могут считаться отражением последовательности восприятия свойств наблюдаемого / описываемого объекта: локализация, форма, особенности формы, другие свойства (воспринимаемые как постоянные, потом те, что воспринимаются как случайные, временные), логический вывод из осознанных внешних и внутренне присущих характеристик объекта, его оценка. Исходя из того, что «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены» и «в некотором смысле составляют одно и то же», а также «в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней когнитивную структуру» [39], выявленная устойчивость описанного алгоритма дает основания полагать, что он является объективным и закономерным и зависит не от специфики системы языка или субъективной воли говорящего, а от закономерностей когниции.

3. Когнитивная основа построения предложения и КРФ текста ‘описание’

Когницию, вслед за В. З. Демьянковым, понимаем как интуитивное «предпознание», внеположенное рассудку, логике, а поэтому не связанное со словом прямо; как разновидность мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний [10].

Восприятие (в ощущениях, представлениях) как первый этап познания, которое продолжается в мышлении, эмпирическом и теоретическом познании, обеспечивает действие принципа опережающего отражения действительности – универсального принципа «любого поведения, в том числе и речевого» [41. С. 95; 42; 46]. Это

процесс активного построения и апробирования гипотез о внешнем объекте, о сиюминутном состоянии внешнего мира на основании сведений, накопленных в прошлом, и поступающей чувственной информации; как процесс извлечения из сенсорных данных сведений о неощущаемых непосредственно характеристиках предметов. Восприятие строится на основе нервных механизмов, реагирующих на определенные простые формы, на движение, на цвет. Самопроизвольный цикл чередования фигур и фона; сочетание движения частей приводит к тому, что эти части воспринимаются как одно «целое» – гештальт. В процессе зрения самое важное – уметь различить, что именно (в тех паттернах, которые свет формирует в его глазах) соответствует объектам, находящимся в поле зрения, а что – пространство между этими объектами. Следующее по важности – опознать эти объекты, руководствуясь характерными для них паттернами. Так, зрение воспринимает нечто гораздо более значительное, чем паттерн – предметы, существующие во времени и пространстве [8. С. 15–22, 33–35, 59, 99, 169, 172–173]. Наблюдения за пациентами, которые были слепыми от рождения и которым в результате оперативного вмешательства вернули способность видеть, свидетельствует о том, что через некоторое время, после того, как снята повязка с глаз, пациент начинает видеть «некоторый фон», выделять на нем целостные фигуры и наблюдать за ними, если те движутся [15].

В психологии экспериментально доказано, что человек с раннего детства умеет судить о реальной величине предмета, несмотря на то, что на изображении, проецируемом на сетчатку, его размер постоянно меняется. Хотя форма одного того же тела видится наблюдателю разной в каждый новый момент времени и с разных точек наблюдения, в человеческом сознании почти за каждым объектом закреплено представление о его постоянной форме. Форма предмета понимается как размерное соотношение между его сторонами, частями и измерениями. Умение распознавать фигуры даже с частично (до 66 %) закрытой контурной линией выявлено у годовалых (12 месяцев) младенцев [48; 49]. Подобное возможно благодаря особенностям систем восприятия, категоризации и памяти человека. К таковым относят: феномен неизменности нашего представления о форме объекта, способности человека «узнавать» объект, идентифицировать его как один и тот же, каким бы боком он ни повернулся к наблюдателю; наше понимание того, что тело имеет цельную, неразрывную природу, так что даже когда объект частично загорожен

от наблюдателя, он все равно продолжается позади предмета, загородившего обзор; понимание дистанции и глубины; понимание соответствия между трехмерными динамичными объектами и их двумерными статичными изображениями; понимание самостоятельности объекта, независимости его существования от особенностей нашего восприятия; способность нашей памяти хранить сведения о физических объектах в виде объемных, при желании вращающихся картинок.

Оказывается также, что цвет имеет меньший вес при категоризации, чем другие внешние признаки объекта: форма, размер, функция, материал. Контуры и границы воспринимаемого изображения играют важную роль при узнавании, обнаружении предмета – ведь именно они выделяют объект из фона. Но когда образ возник и видится постоянно, у наблюдателя нет больше необходимости интересоваться границами и контурами. Наблюдатель-интерпретатор действует в режиме «кино» и рассматривает предмет, блуждая по изображению, задерживаясь и фиксируя взгляд только на отдельных элементах изображения – на тех, которые кажутся для него важными или полезными в данный момент. Эти элементы помогают наблюдателю выявить и понять сущность изображения [44]. В первый месяц жизни ребенок воспринимает лишь контур лица человека. На второй месяц он может фиксировать внимание на глазах и губах – наиболее подвижных частях лица. Полное целостное восприятие придет лишь позднее [5]. Аналогичную тенденцию – отдавать предпочтение более важному с точки зрения индивидуума – выявлено и в схематических изображениях человека детьми разного возраста и взрослыми, как и в словесных портретах лиц – описание внешности занимает в таких рассказах все меньше места по мере взросления автора, внимание все в большей степени сосредотачивается на описании черт характера личности [3. С. 78]. **Рассматривание, сопоставление, уподобление** отдельных внешних характеристик отдельного объекта или явления – следующий этап восприятия-интерпретации, которое осуществляется не просто пассивным наблюдением, а при помощи чувственно предметной деятельности общественно развитого человека, – утверждают философы [16. С. 8]. Осознанно или неосознанно, человек, чувственно воспринимая ограниченный объем информации, в сознании выстраивает всесторонний системный образ, включающий различные свойства «рассматриваемого» объекта и его отношения в единой системе с окружением.

Лингвистические исследования в области сравнительно-исторического и типологического язы-

кознания показали, что целостные образы формы – топологические типы – различны в языках, но набор признаков формы и их значений – общий для всех из проанализированных в их исследовании 57 языков. При этом признак размерности «объемный (3-мерный)» является универсальным, поскольку присутствует абсолютно во всех языках, в грамматике которых хоть как-то отражена форма [7]. То есть понятие о размерности, форме принадлежит к числу универсальных базовых понятий любого языка на основе универсальности механизмов восприятия объектов (их формы и других свойств) сознанием человека.

Лингвисты-когнитивисты в ходе экспериментального исследования визуального восприятия, в частности, серий изображений (разрозненных или сюжетно единых, значимых или бессмысленных), получили данные, которые стали основанием для выводов о параллельной локализованности центров и областей в головном мозге человека, отвечающих за обработку визуальной информации и средства ее вербализации [45; 47].

На тесную связь восприятия и выражения указывают и психологи-аналитики, и психолингвисты. В частности, подчеркивается, что между характером наблюдений и интерпретации действительности и вербальными средствами, используемыми для репрезентации этой действительности в речи, наблюдается определенная корреляция. В соответствии с характером информации, подлежащей вербализации, языковые средства используются в различных модусах (регистрах): изобразительном, репродуктивном, информативном [14]. «Визуализация и вербализация в их взаимосвязях определяют механизм и динамику представлений человека. Изображение (в искусстве или словесное) строится на основе наблюдения и обуславливает правила “считывания” этого изображения» [1]. Вместе с тем, подчеркивают, что целостность бытия проходит сквозь представления художника и превращается в эстетическую модель, которая внешне может иметь формы, подобные тем, что наблюдаем в реальной жизни. Художественные произведения, создаваемые человеком на естественном языке, являются вербализующими репрезентациями вымышленного мира, первоначально возникающими в сознании автора произведения [18]. Читая же текст, мы в своей фантазии воссоздаем мир авторского замысла: «Объектом понимания является не текст, а реальность, открывающаяся за текстом» [24. С. 51–53]; «мы понимаем не текст, а мир, стоящий за текстом». Текст является лишь посредником, средством, инструментом, «стеклом, через которое мы видим реальность» [23].

Отсюда следует вывод: текст в своих композиционно-речевых формах, в частности, КРФ 'описание' в его минимальной модели, структурированной как простое предложение, для обеспечения правильности «считывания», «видения реальности» неизбежно следует алгоритмам восприятия действительности – локализации фон/объекта, идентификации объекта на основании узнавания его формы, рассматривания особенностей формы объекта, выявления других постоянных и внешних временных характеристик объекта, понимания их сущности, оценки, вывода для выбора стратегии дальнейшего взаимодействия с объектом. Именно такую последовательность мы выявили при анализе предложений структуры S + [VCs]_p и взаимного расположения однородных предикативов, однородных и неоднородных определений в предложениях различных структурно-синтаксических моделей.

Следовательно, в соответствии с выявленной полной корреляцией квалификативных параметров текста и предложения КРФ 'описание' и структурно-семантических характеристик простых предложений модели S + [VCs]_p такие предложения можно считать минимальной моделью текста в его композиционной форме 'описание'.

Примечание

¹ В структурных формулах модели предложения приняты следующие буквенные обозначения соответственно: S – подлежащее, [r] – сказуемое, единство которых составляют структуру предикации; сказуемое представляет собой структуру комплементации и состоит из глагола в личной форме и его комплемента; V – лично-глагольный конститuent сказуемого – глагол широкой или «неполной» семантики, что требует его восполнения; Cs – предикатив (субъектный комплемент).

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы : ощущения, восприятия. М. : Педагогика, 1982. С. 7–31.
2. Белоусов, К. И. Форма текста в деятельностном освещении (теоретико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 19 с.
3. Бодалев, А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965.
4. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1983. 271 с.

5. Величковский, Б. М. Функциональная структура перцептивных процессов // Познавательные процессы : ощущения, восприятия. М., 1982. С. 219–246.

6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.

7. Гилярова, К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 21 с.

8. Грегори, Р. Л. Разумный Глаз. М. : Мир, 1972. 216 с. (=Gregory, R. L. The Intelligent Eye. L. : Wiedenfeld and Nicolson, 1970).

9. Демьянков, В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка [Электронный ресурс] // Язык, культура, общество : пленар. докл. IV Междунар. науч. конф. (Москва, 27–30 сент. 2007 г.). М. : Моск. ин-т иностр. яз. ; Рос. акад. лингвист. наук ; Ин-т языкознания РАН ; Науч. журн. «Вопр. филологии», 2007. С. 86–95. URL : <http://www.infolex.ru>.

10. Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста // Вопр. когнитив. лингвистики. М. : Ин-т языкознания ; Тамбов : Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. № 3. С. 5–10.

11. Долинин, К. А. Интерпретация текста. М. : Просвещение, 1985.

12. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. М. : Просвещение, 1989. 204 с.

13. Дудик, П. С. Стилистика української мови : навчальний посібник. Киев : Академія, 2005. 368 с.

14. Жуйкова, М. В. Роль спостерігача у вербалізації результатів когнітивної діяльності / М. В. Жуйкова, О. А. Свідзинська // Мовознавство. 2000. № 6. С. 56–62.

15. Зенден, М. В. Человек родился слепым // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975. С. 347–349.

16. Івакін, О. А. Основи епістемології. Теорія і етимологія наукового пізнання : навчальн. посіб. для студентів магістр. відділення та аспірантів. Одеса : Юридич. літ., 2000. 112 с.

17. Колшанский, Г. В. От предложения к тексту // Сущность, развитие и функции языка / под ред. Г. В. Степанова и др. М., 1987. С. 37–43.

18. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций [Электронный ресурс] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопр. когнитив. лингвистики. М. : Ин-т языкознания ; Тамбов : Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. № 4. С. 8–16. URL : <http://www.infolex.ru>.

19. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста. М. : Просвещение ; Винница : Нова кн., 1988.

20. Ларикова, М. Л. Изучение композиционно-речевой формы «описание» в когнитивном аспекте [Электронный ресурс] / М. Л. Ларикова, Т. Я. Кузнецова // Межкультурная коммуникация в пространстве всемирного наследия : менеджмент и социокультурное проектирование : материалы науч. конф. (15–16 окт. 2008 г.). URL : http://www.acis.vis.ru/8/2/2_3/Laricova.htm.
21. Левицкий, Ю. А. Синтаксическая система языка : учеб. пособие по спецкурсу. Пермь : ПГУ, 1983. 88 с.
22. Ленкова, Т. А. Текстобразующие стратегии создания письменного дискурса репортажа в современной немецкой прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
23. Леонтьев, А. А. Чтение как понимание // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии / Моск. псих.-соц. ин-т. М., 2001. С. 249–250.
24. Леонтьев, Д. А. От слова к реальности : возможности языка и онтологический статус сообщения // Вопр. психолингвистики. 2006. № 4. С. 47–54.
25. Матвеева, Олена. Аналіз дефініцій тексту як об'єкту лінгвістичного дослідження // Наук. вісн. Чернівець. ун-ту. Вип. 213. Германська філологія. Чернівці : Рута, 2004. С. 31–40.
26. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, А. Н. Воробьева. Киев : Высш. шк., 1984. 247 с.
27. Мухелишвили, Н. Л. Значение текста как внутренний образ / Н. Л. Мухелишвили, Ю. А. Шрейдер // Вопр. психологии. 1997. № 3. С. 79–91.
28. Науменко, А. М. Філологічний аналіз тексту : (Основи лінгвопоетики) : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. Вінниця : Нова книга, 2005. 416 с.
29. Образцова, Е. М. Линейная организация высказывания как межъязыковая универсалия (на материале английского, русского и украинского языков) : монография. Одесса : Феникс, 2010. 400 с.
30. Образцова, О. М. Лінійна організація висловлення в англійській, російській та українській мовах : автореф. дис. ... д-ра філол. наук. Донецьк, 2011. 36 с.
31. Образцова, О. М. Лінійна організація висловлення в англійській, російській та українській мовах : монографія. Харків : БУРУН КНИГА, 2012. 384 с.
32. Одинцов, В. В. Стилистика текста. М. : Наука, 1980. 263 с.
33. Певзнер, А. П. Категория пространства как средство выражения подтекстовой информации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 21 с.
34. Прокопчук, А. А. Текст и предложение // Вестн. Харьк. гос. ун-та. 1992. № 372. Взаимоотношения системы языка и речевой деятельности. С. 77–83.
35. Реферовская, Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. М. : Наука, 1983. 213 с.
36. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1989. 168 с.
37. Розанова, Е. А. Композиционно-речевые формы в англоязычной художественной и публицистической прозе : дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1996. 167 с.
38. Сидоров, Е. В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. М., 1988. С. 38–47.
39. Современное состояние лингвистики [Электронный ресурс] / под. ред. А. Е. Кибрик. URL : http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kibrik/kibrik-2004-sovr_ling.ppt#256,1.
40. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. М. : Просвещение, 1986. 127 с.
41. Уфимцева, Н. В. Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня // Вопр. психолингвистики. 2006. № 4. С. 92–101.
42. Философский энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1983. 840 с.
43. Щибря, О. Ю. Композиционно-речевые формы как составляющие художественного текста : содержание и структура (на материале романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его переводов на русский язык) : дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. Краснодар, 2006. 160 с. URL : http://www.dissers.info/disser_25868.html.
44. Ярбус, А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения // Хрестоматия по ощущению и восприятию. М., 1975. С. 361–367.
45. Cohn, N. (Pea)nuts and bolts of visual narrative: Structure and meaning in sequential image comprehension [Internet resource] / N. Cohn, M. Paczynski, R. Jackendoff, Ph. J. Holcomb, G. R. Kuperberg // Cognitive Psychology. 2012. Vol. 65. P. 1–38. URL : <http://ase.tufts.edu/cogstud/jackendoff/recent.html>.
46. Kravchenko, Al. Biology of Cognition and Linguistic Analysis. From Non-Realist Linguistics to a Realistic Language Science. Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Wien : Peter Lang, 2008. 304 p.
47. Language as a source of evidence for theories of spatial representation [Internet resource]. 2012.

Perception 41. P. 1128–1152. URL : <http://ase.tufts.edu/cogstud/jackendoff/recent.html>.

48. Shore, David I. Shape Completion Time Depends on the Size of the occluded Region / David I. Shore, T. Enns James // *Journ. of Experimental Psychology : Human Perception and Performance*. 1997. Vol. 23, no. 4. P. 980–998.

49. Susan, A. Rose. Infants' Recognition of Contour-deleted Figures / A. Rose Susan, Jeffrey J. Jankovski, J. Senior Graeme // *Journ. of Experimental Psychology : Human Perception and Performance*. 1997. Vol. 23, no. 4. P. 1206–1216.

I. Orlova (Kiev, Ukraine)

METHODOLOGY OF THE COGNITIVE ANALYSIS OF STYLE IN TRANSLATION (CASE STUDY ON BORGES)

This paper sets out to present questions of style in translation in the frame of the cognitive linguistics. It is constructed around the case study on Borges's short-stories and their translation into Ukrainian and English. The proposed methodology parts from the cognitive approach to the style, selecting the rhetorical figures as patterns of analysis and describing two models of translational shifts that can be useful for the purpose of this research.

Keywords: translation, cognitive linguistics, short-stories, rhetorical figures, Borge.

The research is conducted in the realm of the *cognitive stylistics (cognitive poetics)*, which implies “a thorough re-evaluation of all of the categories with which we understand literary reading and analysis” [20. P. 6]. This approach explores the cognitive and intentional states both texts convey, the emotion they express or give rise in their readers, the way they achieve poetic effects and the ideologies they reveal or hide.

Toury, in his *Descriptive Translation Studies and Beyond*, sets out a method for the comparison of a Source Text (ST) and Target Text (TT) pair: (1) situating the target text within the target culture system; (2) comparing the ST and TT, identifying the relationship between the coupled pairs of ST and TT segments and attempting generalizations about the underlying concept or *norm* of translation; and (3) building the results into other studies and drawing implications for future translating [21. P. 36–39, 102].

This article illustrates the design of the methodology that aims to analyse:

- the cognitive characteristics of the author's style such as ambiguity, foregrounding, metaphor and iconicity;
- the poetic effects of the most recurrent rhetorical figures;
- the means of conveying of the recurrent stylistic features in ST and TT;
- the impact of the translational shifts on the poetic effects of the target text and subsequently, on the mind of the reader.

The *novelty* of this methodology consists in:

- the systematic description of the style of *one author* and its translation;
- cognitive stylistic analysis of the *figures of speech* and *their poetic effect*;
- design of the *typology of translational shifts* applied for the figures of speech.

The research contributes to such topics as the language choice and the meaning, the personal use of language and the author and translator personality in translation.

The design of methodology will be structured in the following steps: 1. Determining the subject; 2. Describing the state of art; 3. Elaborating the appropriate theoretical framework; 4. Selecting the corpus; 5. Defining the patterns of the analysis; 6. Selecting criteria for the analysis of translation shifts.

1. Determining the subject

Analysing the author's style we can put our attention on different types of stylistic devices: repetition, unusual naming, innovative descriptions, creative syntactic ordering, rhyme, alliteration, metrical emphasis, the use of creative metaphor, etc. [20. P. 14]. In our case study we will focus on the *figures of speech* that are “intentional deviation from literal statement or common usage that emphasizes, clarifies, or embellishes both written and spoken language” [Encyclopaedia Britannica]. From the point of view of the Relevance Theory figures of speech can be considered as communicative clues, so long as they results from the author's choice and convey the author's intention. These clues may arise from the

semantic or phonetic properties, for tropes, and from the syntactic or phonetic properties, for schemes. The choice of this subject of analysis is driven from the following considerations:

1) Figures of speech are the most remarkable characteristic of the literary language. They embody the principle of the creative or deviant use of language;

2) Figures of speech are observable and classifiable features of texts.

2. *Describing the state of art*

The research on style has received a small attention in the translation studies. It is mentioned in the Toury's Descriptive theory (1995) and the Gutt's Relevance theory (1989). Malmkjær (2004) proposes the linguistic approach to the notion of style. Baker (2000) introduces the methodology of the analysis of the translator's style and Pekkanen (2010), by using this, analyses the style of three translators. There is also Munday's (2007) research on style and ideology as expressed in translations of Latin American writing. Although Tim Parks [1998] underlines the impact of the author's style on the translator, analysis of the shifts made by four translators in this study confirms the previous observation that the author's style is not an overriding factor when it comes to individual translators' style. The first consistent study of style in translation was of Boase-Beier (2003, 2004, 2009, 2011) and it was based on the analysis of English and German poetic translations performed by different authors.

3. *Elaborating the appropriate theoretical framework*

The definitions of style vary according to the approach selected by the author. In *cognitive stylistics* style results from a set of choices and is linked to the notion of what is sometimes called mind style. According to this approach the mind style is defined as a "distinctive linguistic presentation of an individual mental self" [5. P. 103], which refers to "the way in which language is used in a given context, by a given person, for a given purpose, and so on" [8. P. 26]. In *Relevance Theory* the style is viewed as weak implicatures, that is, assumptions about what is meant which go beyond the explicit propositional meaning and for which there is not much "conclusive evidence" [19. P. 198].

Style as such, to Leech and Short, is merely an author's election from the total linguistic repertoire of a language. As far as literary style is concerned, however, they see it as the relation between the linguistic form and the literary function (which they define as the artistic effect). They therefore propose that aspects of style are studied in order to explain this relation; linguistic form is thus rarely studied for its own sake, but merely to describe what use is made of language.

We make emphasis on the choice that is central to many definitions of style, such as that given in the glossary to Nida and Taber's *The Theory and Practice of Translation*, a definition which in many respects remains quite durable: "Style: the patterning of choices made by a particular author within the resources and limitations of the language and literary genre in which he [sic] is working. This definition focuses on the *patterning* of choices: this ties in with the interest in stylistics in classifying patterns of language rather than one-off occurrences" [13. P. 207].

The consistency of conveying the *stylistic features, their poetic effects and the author cognitive state* may serve as a criterion for the indirect and direct translation (Relevance theory), which concerns not only with what are conveyed in the translated text, but also with how it is conveyed ("whereas indirect quotations depend on resemblance in cognitive effects, direct quotations depend on resemblance in linguistic properties" [6. P. 198]). The utterance interpretation can be explained in terms of one principle – the principle of relevance – which is grounded on a generalization about how minds function, how the utterance represents states of affairs and how the information is processed.

The mind in the text can be seen as representing a *cognitive state* in all its aspects: it is influenced by ideology, it takes a particular *attitude*, or it embodies a particular feeling [3. P. 80]. For example, Borges was a precursor of such linguistic ideas as the role of the author and the reader in the meaning of the text, the cultural boundaries of translation, the point of view of the narrator, the role of the translator (the stories "*La busca de Averroes*", "*La casa de Asterion*", "*Pierre Menard, autor del Quijote*", etc.), the philosophical ideas of the relativity of the time and space, the infinity of the universe, the role and place of the human being (the stories "*La casa de Asterion*", "*Las ruinas circulares*", "*La biblioteca de Babilonia*", etc.). These ideas have a metaphorical representation in the fictional world of Borges stories; the reader faces an ambiguous language that urges him or her to look for a meaning of the text. The use of stylistic figures is intended for the realization of the author's cognitive state.

As Tsur (1997) claims, the reading of literary works involves the modification (or, sometimes, the deformation) of cognitive processes and their adaptation for purposes for which they were not originally "devised". In certain extreme but central cases, this modification may become "organised violence against cognitive processes", paraphrasing the famous slogan of Russian Formalism. The cognitive correlates of poetic processes must be described, then, in three respects: the normal cognitive process-

es; some kind of modification or disturbance of these processes; and their reorganization according to different principles.

In the way of the reorganization of the cognitive processes the style produces the *poetic effect*. This term was defined by Sperber and Wilson (1995): “Poetic effects <...> result from the accessing of a large array of very weak implicatures in the otherwise ordinary pursuit of relevance” (p. 124). Pilkington (1994, 2000) proposes an extensive study of poetic effect from the point of view of the cognitive linguistics and the relevance theory.

In Borges, for example, the uncertainty of the human destiny, the constant alternation of the truth and the fallacy are the main themes in the “*Historia universal de la Infamia*” and the dominant stylistic feature to represent this idea is an oxymoronic structure in the text. So, oxymoron as a stylistic device serves to create the ambiguity of the text and gives a communicative clue to the interpretation of the text. In the preliminary research it was established that many original oxymoronic structures were missed in the Ukrainian translation. These results indicate the disambiguation and the explicitation tendency in the Ukrainian translation. Although, as Sperber and Wilson claim, “in other languages the same function may well be taken over by some purely linguistic device, syntactic, morphological or intonational...” [19. P. 262], no other device was applied to the Ukrainian translation to compensate the omission of oxymoron.

4. Selecting the corpus

The corpus of analysis in our case study consists of 10 short-stories (50 pages) of Borges from the collection “Aleph” (1949) and their translation into Ukrainian (by V. Shovkun) and English (by A. Hurley).

The *reasons* of the data choice are the following:

- Borges is a creator of a new Argentinian post-colonial literary tradition (“newness”),
- Borges is a precursor of the new principal topics of modern critical theory (“meaning”),
- the short story as a genre (and especially Borges’ short stories) are especially exigent to the language choice (“form”, “style”),
- two different language give the possibility to avoid the language regularities and to compare the translators choice in different socio-cultural contexts (“translator’s choice”).

5. Defining the patterns of the analysis

Baker [1] and Munday [12] propose that one way of tackling the style of a translated text might be corpus-based study of selected recurring linguistic patterns giving specific attention to the text environment of these units in order to account for stylistic variation. The main proceeding in our case study will be

manual data collection: allows collection of non-pre-determined units and subsequent in-depth analysis.

In Pekkanen and van Leuven-Zwart there are three different levels at play when literary style is discussed: (1) *the general level* of the nature of literary style, (2) *the intermediate level* of techniques or factors applied by the author to ‘manipulate’ the fictional material and discussed in the field of narratology and (3) *the linguistic level* that actually makes the work available to the reader in the form of text.

Drawing on and modifying the various approaches to literary translation and style outlined above, we propose a model based on the recurrence of local, or microlevel, choices made at linguistic level. We propose to describe the stylistic influence of these patterns on the fiction through style factors. These style factors are based on Leech and Short’s [8], Stockwell’s [20], Boase-Beier’s [3; 4] view of style and translation dealing with the ambiguity, foregrounding, metaphor and iconicity, all of which we present in terms of their recurring linguistic manifestations by means of rhetorical figures and the linguistic choices they open up to the translator. In considering the role of literary linguistics in relation to stylistics, Toolan [22. P. 43] points out that studying the language of a text helps in gaining a better understanding of how discourses achieve their effects. For us, the sum of these style factors then represents the global, or macrolevel, artistic effect which is the result of interaction between the formal linguistic elements and content elements.

The methodology of analysis should be based on the recurrence of local, or microlevel, choices (with special attention to the rhetorical figures) made at linguistic level. We propose to describe the stylistic influence of these patterns on fiction through the style factors. These style factors are based on Leech and Short’s [8. P. 173–185] view of authorial and stylistic choices and some of Boase-Beier theoretical concepts dealing with the translation of mind style [3; 4]: *ambiguity, foregrounding, metaphor and iconicity*, all of which we present in terms of their recurring linguistic manifestations and the linguistic choices they open up to the translator. These factors will receive a *qualitative* description, except the foregrounding that can be seen as either via *qualitative* and *quantitative* analysis.

It is difficult to measure the *poetic effects* (they are neither fixed nor stable), but it seems feasible to analyse their general intensity in the text by means of quantitative analysis. The recurrent use of the devices can show the intensity of the communicative clues and their foregrounding. It is also important to look at the type of the reader’s response they appeal to. Boase-Beier defines five types of effects on the

reader: 1) *affect*; 2) *search for meaning*; 3) *all manner of changes to knowledge*; 4) *behavioral change*; 5) *translation* [4. P. 100–108].

According to Boase-Beier, translation, can be seen as involving two processes:

a) deciding what cognitive elements the stylistic devices (resulting from the inferred author's conscious or unconscious choices and collectively constituting a mind style) are clues to, and

b) recreating these clues, with the help of content and supplementary material to supply context, in order to recreate the suggested cognitive state for the reader, and thus to achieve maximum poetic effects [2. P. 282].

6. *Selecting criteria for the analysis of translation shifts*

The model to analyse the shifts in the translation is based on two key characteristics present in all translation: the scope for *choice* allowed by the target language and made use of by the translator (equivalent to the author's choice in composing the source text at the formal linguistic level) and the *patterns* that result from the choices made by the translator on a recurring basis (equivalent to the author's recurring patterns).

The analysis of the shifts is conducted in two steps:

1) analysis of the influence of the shifts on the style of the target text and their subsequent impact on the reader. We suggest that the poetic effect of a translated text is a cumulative effect that can be characterized with the help of the following principal cognitive style factors: (1) ambiguity, (2) foregrounding (3) metaphor and (4) iconicity. It is to be noted, however, that although these style factors are presented separately, they do not work independently but interact through a complex network of relationships. The microlevel choices made by the translator in the translation process involve shifts of various kinds, and their recurrence in turn has a cumulative effect through various style factors on the overall style (or artistic effect) of the translated text.

The van Leuven-Zwart's [9] model of translation shifts involves a detailed comparison of ST and TT and it is based on the concepts borrowed from Narratology and Cognitive Stylistics. This type of classification will show the structure of the shifts occurred in the translation and their frequency. Also, van Leuven-Zwart [10] analyses the impact of the shifts on the ideational, interpersonal and textual functions of the text (Halliday). This description can serve as a starting point for the analysis of the two main categories of style mentioned above, the author cognitive state and the poetic effects.

The three main categories, *modulation*, *modification and mutation*, are applied for the all the types of linguistic elements (semantic, syntactic, pragmatic,

stylistic). Using van Leuven-Zwart's [9] model to describe the figures of speech (which are the purpose of my work), we should make some remarks.

The author mentions the figures of speech as part of the stylistic modulation with an expressive function and analyses the paradigmatic and syntagmatic aspects of disjunctions [9. P. 163]. The social stylistic function is mentioned apart, as well as the semantic modulation and modification constitute the separate category.

Nevertheless, the author claims that "paradigmatic figures of speech are connected with semantic choices" [10. P. 77]. This statement leads to the conclusion that the aspect of disjunctions in the shifts in the figures of speech should be found within the structure of the figure. The shift can affect semantic, syntactic or phonetic clues, which in their turn can bear social (attitudinal) or pragmatic information.

2) analysis of the regularities, by keeping track of patterns in the usage, of translation strategies, namely of modulation, modification and mutation, in Ukrainian and English contexts.

Translation has never been an isolated activity. There is always a context in which translation takes place. Translation has always served a special purpose at the same time, and each time it has been shaped by a certain force, power or reason. By analysing the shifts in translation, we can come up with the linguistic and situational factors in the Ukrainian and Russian context that affect the translation.

Being conditioned by the language systems and social-cultural factors does not mean the absence of the choice for translators. So, in other words, we want to define the degree to which choices can and need to be made by the translator, his/her creativity in overcoming the systemic asymmetry, adjustment for or subversion of the **cultural norms and conventions**. By analysing the common patterns in the translation it will be possible to determine the role of the translator, as communicator or as creative writer.

Another classification is based on Popovič's studies of the literary translation. The author develops the theory of an expression and studies the relations between the linguistic means and the entire system of expression [17. P. 84]. Popovič defines *constitutive* and *individual shifts*. Constitutive shifts are inevitable and take place in the translation as a consequence of the differences between two languages, two poetics and two styles of the original and translation. For example, van Leuven-Zwart considers syntactic modification as language-bound: "the shift is not the result of a choice on the part of the translator because there is no choice to be made" [9. P. 166]. Constitutive shifts can be located on three different levels of systemic relationships: the level of the linguistic system, the textual

systems or the cultural systems involved [7. P. 131]. The individual shifts are to be considered as deviations motivated by the translator's expressive propensities and his subjective idiolect [18. P. 16].

The trends and regularities in the translation strategies provide indications of the translational norms adopted by the translator. A statistical analysis of the different types of the shifts in Ukrainian and English translation will show the tendencies and recurrent choices in these types of translation.

Concluding remarks. The present study is an attempt to address the style in translation as a comprehensive entity analysed through the cognitive style factors and their local manifestation in form of figures of speech. Various further approaches relating to the style factors proposed in this study would offer another line of study. It is obvious that the concept of style and translation offers a vast material for the detailed scientific elaboration.

Bibliography

1. Baker, M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator // *Target*. 2000. № 12 (2). P. 241–265.
2. Boase-Beier, J. Saying what someone else meant: style, relevance and translation // *International Journal of Applied Linguistics*. 2004. Vol. 14. No. 2. P. 276–287.
3. Boase-Beier, J. *Stylistic Approaches to Translation*. Manchester : St. Jerome, 2006.
4. Boase-Beier, J. *A critical Introduction to Translation Studies*. L. : Continuum International Publishing Group, 2011.
5. Fowler, R. *Linguistics and the Novel*. L. : Methuen, 1977.
6. Gutt, E.-A. *Translation and relevance*. Manchester : St. Jerome Press, 2000.
7. Coster, C. *From World to World : An Armamentarium for the Study of Poetic Discourse in Translation*. Amsterdam-Atlanta : Editions Rodopi B. V., 2000.
8. Leech, G. N. *Style in Fiction* / G. N. Leech, M. H. Short. L. : Longman, 1981.
9. Leuven-Zwart, van K. *Translation and Original : Similarities and Dissimilarities I* // *Target*. 1989. № 1 (2). P. 151–181.
10. Leuven-Zwart, van K. *Translation and Original : Similarities and Dissimilarities II* // *Target*. 1990. № 2 (1). P. 69–95
11. Malmkjær, K. *Translational stylistics: Dulcken's translations of Hans Christian Andersen* // *Language and Literature*. 2004. № 13 (1). P. 13–24.
12. Munday, J. *Style and Ideology in Translation : Latin American Writing in English*. L. : Routledge, 2007.
13. Nida, E. A. *The Theory and Practice of Translation* / E. A. Nida, C. R. Taber. Leiden : Netherlands : E.J. Brill, 1969–1974.
14. Parks, T. *Translating Style*. L. : Cassell, 1998.
15. Pekkanen, H. *The Duet between the Author and the Translator : An Analysis of Style through Shifts in Literary Translation*. Helsinki : Helsinki Univ. Print, 2010.
16. Pilkington, A. *Poetic effects*. Amsterdam : Benjamins, 2000.
17. Popovič, A. The concept of 'shift of expression' in translation analysis // Holmes, J. S. *The nature of translation : Essays on the theory and practice of literary translation*. The Hague : Mouton, 1970. P. 78–90.
18. Popovič, A. *Dictionary for the analysis of literary translation*. Edmonton : Department of Comparative Literature, The Univ. of Alberta, 1976.
19. Sperber, D. *Relevance* / D. Sperber, D. Wilson. Oxford : Blackwell, 1995.
20. Stockwell, P. *Cognitive Poetics : An introduction*. L. ; N. Y. : Routledge, 2002.
21. Toury, G. *Descriptive Translation Studies and beyond*. Amsterdam : John Benjamins, 1995.
22. Toolan, M. *The Stylistics of Fiction : A Literary-Linguistic Approach*. L. : Routledge, 1990.
23. Tsur, R. *Aspects of Cognitive Poetics* [Internet resource]. URL : <https://www2.bc.edu/~richard/lcb/fea/tsur/cogpoetics.html>.

О. А. Радчук (Костанай, Казахстан)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕАЛЬНОГО И ИРРЕАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ Р. М. РИЛЬКЕ

The article considers space concept in the cognitive linguistics, particular qualities of the real and unreal space, objective and subjective space, words – representatives. The materials for research are poems of R. M. Rilke.

Keywords: cognitive linguistics, unreal and real space, concept, locative verbs, opposition.

Понятие 'пространство' имеет различные интерпретации в современной лингвистике. В исследованиях лингвистов о категории пространства обнаруживается неоднозначное определение данной глобальной категории. Пространство рассматривают ввиду своей этимологии приоритетнее с философской точки зрения и приписывают ему статус 'вместилища'. Что касается лингвистических учений, то варианты определения пространства сводятся к концепту, категории, значению передвижения, определенного места и т. д.

По мнению В. Г. Гака, «воспринимаемое человеком пространство всегда имеет антропоцентрическую ориентацию. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса» [2. С. 127].

Н. Н. Болдырев утверждал, что «в языке пространственные отношения могут отсчитываться как с позиции субъекта в ситуации, так и с позиции наблюдателя, причем оба пространства могут не совпадать» [1. С. 212].

Согласно Л. Б. Лебедевой, «пространство может восприниматься как реальное, а также как умозрительное – за счет накопленных человеком знаний, а также вследствие активизации памяти и воображения» [5. С. 93].

Е. С. Кубрякова описывает «пространство», учитывая «машинные операции» при наблюдении за явлением, и «лингво-психологические», связанные с интеллектом и фантазией человека, интуицией, воображением, культурологическими факторами в решении проблем» [4. С. 222].

По Ю. М. Лотману: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой "здравый смысл". При этом у обычного человека эти и ряд других пластов образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое. На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [7. С. 296].

В данной статье мы будем рассматривать 'пространство' в когнитивном аспекте, так как данная категория представляет собой определенную модель происходящего события, которое определяется авторским замыслом, жанром произведения, периодом написания текста. Соответственно художественное пространство есть сложное и значимое для смысла текста понятие, отличительными характеристиками которого являются перемена позиции действий героя и автора с изменениями

их взглядов, а также переходом от существующего к несуществующему пространству.

Ориентация в пространстве обусловлена когнитивным и речевым восприятием в сознании человека. Согласно Е. С. Кубряковой, «у человека в ходе его эволюции формируются ДВЕ относительно автономных системы виденья мира – так называемая ЧТО-система (what-system) и ГДЕ-система (where-system)» [4. С. 88]. Первая система представляется неким идентификатором объектов в своем окружении, она наблюдает за тем, что происходит вокруг объекта, ее предназначение заключается в противопоставлении фона и фигуры. Она позволяет образовывать предмет в фигуру и распознавать ее в зависимости от накопления объектов на одном фоне. Вторая система служит для определения дистанции между объектами. Здесь мы говорим о понятиях удаленности и близости объектов, их конкретном местонахождении.

Для представления ориентации в пространстве категория художественного пространства делится на два типа: реальное и ирреальное пространство. Реальное художественное пространство является правдивым, но и может содержать незначительную часть выдуманного явления. Оно описывает существующий или существовавший мир действительности, изображая просторы, дали, леса, луга в тандеме с человеком, находящегося в пути. Такой тип описания перемещения в пространстве называется линейным. Линейное реальное пространство выражено в тексте локальными глаголами и наречиями места или направления места, целью которых является передача динамики движения и развитие события:

Und Gott ging hin, erschrocken wie ein Knecht,
und hielt die Sonne, bis ihm seine Hände
...Er ging wie Hagel nieder über Halmen
[8. С. 12];

Nun fortzugehn von alledem Verworren,
das unser ist und uns doch nicht gehört [8. С. 21];
Er ging hinauf unter dem grauen Laub
Ganz grau und aufgelöst im Ölgelände...
...Die Nacht, die kam, war keine ungemaine;
So gehen hunderte vorbei [8. С. 42].

Локативный глагол 'gehen' – 'идти' – с приставками направления действия, которые, в свою очередь, выполняют функцию многозначности глагола и его метафорическое значение, образует союз с конкретными и абстрактными объектами.

Одним из базовых противопоставлений в параметризации пространства, по мнению Р. Гжерчиковой, является категориальная структура оппозиции 'верх – низ' [3. С. 78]:

1) вертикальность – категория, которая описы-

вает положение объекта относительно поверхности Земли, то есть является типичным представлением позиции человека. Данная категория выражается локативными и лативными предложениями ('под – над') и «размерными» прилагательными ('высокий – низкий');

2) внутренность – категория, в которой все предметы описываются в форме вместилища. Она играет важную роль для локативных, лативных предлогов ('в доме, вне дома, из леса') и в описании семантики названий размеров, указывая на то, что глубина присуща объектам с «внутренностью»;

3) поверхность – категория, для которой характерны выделенные границы объекта;

4) фасад (перёд) и тыльная сторона (зад) объектов. Эта категория включает в себя представление о внешнем облике человека посредством двух противопоставленных понятий ('фасад = перед, лицо'), что проявилось и в концептуализации движения человека ('человек идёт вперёд'). Кроме того, эта категория описывает неживые объекты (здания, мебель и т. д.) с объективной и субъективной точки зрения наблюдателя в зависимости от его представления локализации (пространственные понятия определяются только после того, как фасад будет установлен).

Объективное и субъективное (концептуальное) пространство часто встречается в поэтических текстах в описаниях внешнего и внутреннего мира человека. Причем доминирующее положение занимает субъективное пространство, которое описывает внутреннее переживание рассказчика, плавно переходя из внешнего мира. Такой подход в описании называется интериоризация, который наблюдается через введение автором в центр внимания личного местоимения первого лица и притяжательного местоимения:

König, hörst du, wie mein Seitenspiel
Fernen wirft, durch die wir uns bewegen...
...Und der Raum wird um uns beide kalt [8. С. 25];
Ich höre nur dieses Klopfen
Und mein Herz hält Schritt
Mit dem Gehen der Tropfen
Und vergeht damit [8. С. 43].

Таким образом, концептуальный мир автора – это чувственное, не характерное объективной действительности представление об определенной ситуации, которое, тем не менее, описывает именно реальный мир, обусловленный субъективностью изображения. М. М. Бахтин называет данное представление о мире «эстетическим объектом», отличающегося от объективного описания настроением говорящего от третьего лица своим изображением, соотносимым с настрое-

нием повествующего, с его внутренним миром и переживаниями.

Und sie ertrug es; trug bis obenhin
das Fliegende, Entfliehende, Entfernte,
das Ungeheuere, noch Unerlernte
gelassen wie die Wasserträgerin den vollen Krug [8. С. 13].

Художественное пространство может быть реальным, то есть слушатель или рассказчик видит, представляет его, а также выдуманным. Все зависит от того, каким образом пространство влияет на слушателя, под каким углом он его рассматривает.

Согласно пространственным характеристикам, оно делится конкретное и абстрактное художественное пространство. В понимании абстрактного мы ссылаемся на общепринятое смысловое значение, то, что не связано с определенными нормами.

Действие в произведении «обычно развивается в пределах определенного локального континуума», образ которого зависит от представлений и замысла автора-творца. В силу того, что специфика словесно-образного искусства заключается в своеобразном сочетании верности жизненной правде и вымысла, в художественном тексте находят отражение, с одной стороны, свойства пространства как объективно бытийной категории, с другой – воображаемые миры, созданные творческим мышлением художника [6. С. 251]. «Художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [6. С. 252–253]. В результате этого, как отмечал В. Топоров, возникают «индивидуальные» образы пространства, семантически богатые или сакрализованные. «Пространство высвобождает место для сакральных объектов, открывая через них свою высшую суть, давая этой сути жизнь, бытие, смысл» [9. С. 239].

Ирреальный мир в художественном пространстве характеризуется нарушением основных свойств категории пространства. Этот мир отличается своими предметами, наполненными в пространстве, а также соотношением нереальных географических и геометрических ориентиров.

С одной точки зрения, ирреальное пространство, которое описывает автор в своих произведениях, подчиняется определенным требованиям языка и мышления. И, как правило, может выражаться через определенные концепты.

В творчестве поэта Р. М. Рильке слова-презентанты пространства – это такие сакральные понятия, как 'Бог': "Und das was Gott war, waere nur dein Waechter, und stopfte boshaft in das

letzte Loch ein schmutziges Auge”, ‘смерть’: “Und das Sterben, dieses Nichtmehr-fassen jenes Grunds, auf dem wir taeglich stehn, seinem aengstlichen sich Niederlassen” и ‘одиночество’: “so sehr steigt irgend Einsamkeit und Eifer aus dieser einen Stimme” [8. С. 49]. Но следует отметить, что предлагаемые языковые единицы не являются чем-то несуществующим. Автор, руководствуясь замыслом произведения, описывает их в реальном времени жизненного отрезка, определяя для них главные роли. Таким образом, можно утверждать, что ирреальное пространство не предполагает полностью выдуманного события или героя, так как воплощает в себе субъекты и объекты существующего мира. Тем самым, выражая свои чувства, эмоции и настроение общего состояния души.

Подводя итоги исследования реального и ирреального художественного пространства, мы пришли к следующему: одна из основных категорий художественного текста – пространство, значение которой в ходе развития человечества постоянно эволюционирует, в связи с результатами новых научных открытий, – является до сих пор актуальной в когнитивной лингвистике, так как не имеет полной характеристики своей сущности.

Большой интерес вызывают онтологические и гносеологические характеристики пространства, в науке постоянно изменяется и дополняется его понимание и измерения, обнаруживаются новые значения пространства, не знакомые до сих пор человечеству. Изучение языкового представления пространственных отношений продолжает свое развитие.

В когнитивной лингвистике частично представлены только незначительные разделы семантического поля художественного пространства и его языкового выражения. Исследования, осуществляемые в области когнитивистики и восприятия национально-культурного аспекта пространства в языковом сознании человека и в

языковой картине мира, показывают, что в этой сфере имеются недостаточно изученные формы пространства.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Яз. рус. культуры, 2000.
2. Гак, В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Яз. рус. культуры, 2000.
3. Гжегорчикова, Р. Понятийная оппозиция верх – низ (пол. ‘wierzch’ – ‘spyd’) и языковая модель пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Яз. рус. культуры, 2000. С. 78–83.
4. Кубрякова, Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Яз. рус. культуры, 2000.
5. Лебедева, Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Яз. рус. культуры, 2000.
6. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь : кн. для учителя. М., 1988.
7. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 296 с.
8. Рильке, Р. М. Новые стихотворения im WERDEN – VERLAG AUGSBURG [Электронный ресурс]. URL : http://tapirr.narod.ru/texts/poetry/rilke_novye_stixotvorenija.pdf.
9. Топоров, В. М. Пространство и текст : семантика и структура. М., 1983. 239 с.

А. А. Римская (Караганда, Казахстан)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТОВ ‘СВОБОДА’, ‘НЕЗАВИСИМОСТЬ’, ‘ДОЛГ’ В НЕМЕЦКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Global network the Internet, satellite and cable TV, e-mail, these and other advances in technology, and technology have cardinal changed the world, human life and society, impact on value orientation of contemporary man. Moral values of modern society ceased to be the foundation, the basis of a backbone of human life. In his article, we consider the concepts of ‘freedom’, ‘independence’, ‘duty’, reflecting common to all mankind values in the Kazakh and German. We use entries as research material.

Keywords: values, concept, freedom, independence, duty, semantic field.

Глобальная сеть Интернет, спутниковая связь и кабельное телевидение, электронная почта, эти и другие достижения техники и технологий кардинально изменили мир, жизнь человека и общества, повлияли на ценностные ориентации современного человека.

В философской науке ценности трактуются как «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное и отрицательное значение для человека и общества» [3. С. 25].

Ценности обеспечивают интеграцию общества и образуют внутренний стержень культуры. Ценностью может быть явление внешнего мира (предмет, событие и пр.) или факт мысли (идея, образ, научная концепция). Ценность проявляется как стремление субъекта к предмету своей потребности.

Нравственные ценности современного общества перестали быть фундаментом, системообразующей основой жизнедеятельности человека.

Многие исследователи, в том числе Т. А. Бондаренко, уверены, что «в условиях все нарастающей виртуализации общества формируется личность с принципиально новыми социальными чертами и поведенческими проявлениями» [5. С. 65]. Культура и искусство приобретают черты дегуманизации и демонизации. Нарушается исторический процесс культурной преемственности. Конфликт поколений трансформируется в их разобщенность и утрату национальных традиций. Молодежь ежедневно сталкивается с огромным потоком массовой пропаганды, впитывая далеко не гуманную информацию. По большей части эта негативная информация зомбирует личность, вырабатывает конкретные отрицательные установки, не развивает у нее позитивного мышления, что впоследствии влияет на ее действия, ценности и поступки.

Многие ученые, которые исследуют причины изменения ценностей в современном обществе, констатируют с социологической точки зрения не кризис ценностей, а, скорее, переоценку ценностных ориентиров. Это проявляется, прежде всего, в умалении ценностей, связанных с обязательствами (подчинение, послушание и т. д.), в пользу ценностей, связанных с самореализацией (участие в принятии решений, причастность и т. п.). В качестве причины такой переоценки они указывают на функциональную дифференциацию общества, рост индивидуализации образа жизни, а также плюрализма в религиозной сфере. На этом фоне необходимо предпринимать новое толкование собственных ценностей в свете ценностей других, руководствуясь принципом сопереживания [2. С. 8].

К общечеловеческим нравственным ценностям относятся добро, справедливость, любовь, правда, честность, совесть, долг, порядочность и другие.

В данной статье мы преследуем цель описать семантическое поле концептов ‘свобода’ (die Freiheit – еркіндік), ‘независимость’ (die Unabhängigkeit – тәуелсіздік), ‘долг’ (die Pflicht – парыз) в немецком и казахском языках, отражающих общечеловеческие ценности.

Е. С. Кубрякова определяет концепт как ментальное образование, как информационную единицу, а цель концептуального анализа – выявить некие смыслы, интегрированные словом и объясняющие особенности его использования [4. С. 26].

Каждый концепт имеет понятийное ядро – совокупность объективно существующих свойств соответствующего предмета (явления). Также в концепт входят субъективные свойства этого же предмета (явления), включающие его аксиологические характеристики, образы, чувства, эмоции, ассоциации, которые носителей той или иной языковой общности связывают с ним.

Одним из методов определения сущности концепта является описание семантического поля концепта.

Семантическое поле представляет собой в структурном плане лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка. Эти отрезки слова непосредственно противопоставлены друг другу на основе простых смысловых различительных признаков [1. С. 256].

Наиболее простая разновидность семантического поля – поле парадигматического типа, единицами которого являются лексемы, принадлежащие к одной части речи и объединенные общей категориальной семой в значении. Такие поля нередко также именуется семантическими классами.

В данной статье мы описываем семантическое поле концептов ‘свобода’, ‘независимость’, ‘долг’ в немецком и казахском языках, отражающих общечеловеческие ценности, на основе словарных статей.

Анализ словарных значений концепта ‘свобода’ показал, что основное значение концепта в исследуемых языках полностью совпадает, это – возможности индивида самому определять свои жизненные цели и нести личную ответственность за результаты своей деятельности. Но в то же время семантическое поле данных концептов включают в себя другие концепты или понятия, при-

Таблица 1

	Казахский язык	Немецкий язык
Ценность	Бостандық	Die Freiheit
Определение	<ul style="list-style-type: none"> Қысылып-қымтырылмай өзін еркін ұстаушылық, еріктілік. Тәуелсіздік, азаттық, бостандық, егемендік [7. С. 148]. 	<ul style="list-style-type: none"> Zustand, in dem jemand von bestimmten persönlichen oder gesellschaftlichen, als Zwang oder Last empfundenen Bindungen oder Verpflichtungen frei ist und sich in seinen Entscheidungen o.Ä. nicht [mehr] eingeschränkt fühlt; Unabhängigkeit, Ungebundenheit Möglichkeit, sich frei und ungehindert zu bewegen; das Nichtgefangensein Recht, etwas zu tun; bestimmtes [Vor]recht, das jemandem zusteht oder das er bzw. sie sich nimmt [8. С. 123].
Синонимы	1. Еркіндік, 2. Тәуелсіздік, 3. Азаттық, 4. Бостандық, 5. Егемендік [7. С. 232].	1. Selbständigkeit, 2. Unabhängigkeit, 3. Eigenständigkeit, 4. Freizügigkeit, 5. Autarkie, 6. Selbstbestimmung, 7. Ungebundenheit, 8. Autonomie, 9. Libertät, 10. Zwanglosigkeit, 11. Ungezwungenheit [9. С. 96].
Антонимы	1. Тұтқын, 2. Езгі, 3. Жаншу, 4. Жәбірлеу [6. С. 113].	1. Zwang , 2. Unfreiheit , 3. Einengung , 4. Unterdrückung , 5. Bindung , 6. Strenge , 7. Gefangenschaft , 8. Inhaftierung , 9. Gesetz , 10. Notwendigkeit , 11. Norm , 12. Enge , 13. Hemmung , 14. Gleichgültigkeit, 15. Beschränkung, 16. Eingrenzung, 17. Drohung, 18. Druck, 19. Nötigung, 20. Pression, 21. Gebundenheit, 22. Dirigismus [9. С. 97].

Таблица 2

	Казахский язык	Немецкий язык
Ценность	Тәуелсіздік	Die Unabhängigkeit
Определение	<ul style="list-style-type: none"> Тәуелсіз болушылық, еріктілік, бостандық [7. С. 793]. 	<ul style="list-style-type: none"> Eigenschaft, unabhängig zu sein [8. С. 820].
Синонимы	1. Дербестік, 2. Егемендік, 3. Өзін-өзі билеу, 4. Еркіндік, 5. Бостандық [7. С. 205].	1. Eigenstaatlichkeit, 2. Eigenständigkeit, 3. Eigenverantwortlichkeit, 4. Emanzipation, 5. Freiheit, 6. Selbstständigkeit, 7. Selbstverwaltung, 8. Souveränität, 9. Ungebundenheit, 10. Autarkie, 11. Autonomie, 12. Independenz, 13. Alleingang, 14. Mündigkeit, 15. Ungebundenheit, 16. Selbstbestimmung [9. С. 372].
Антонимы	1. Басыбайлылық, 2. Кіріптарлық, 3. Тәуелділік, 4. Байланыстылық [6. С. 537].	1. Abhängigkeit , 2. Unselbständigkeit , 3. Unmündigkeit , 4. Hörigkeit, 5. Unterwerfung, 6. Unterdrückung [9. С. 373].

Таблица 3

	Казахский язык	Немецкий язык
Ценность	Парыз	Die Pflicht
Определение	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Парыз</i> а) діни Мұсылмандықтың міндетті түрге өтейтін борышы. Бес парыз: Иман келтіру, намаз оқу, ораза ұстау, ғұшырө зекет беру, қажыға бару. б) Адам бойына тән азаматтық борыш, қастерлі міндет. • <i>Борыш</i> а) Қарыз, бересі, берешек. б) <i>Ауысп.</i> Міндет, парыз. <i>Борыш көрді</i> – міндет деп санады. <i>Борышқа батты [борышын асынан асты]</i> – қарыздың астында қалды. Борышына берген жоқ – төлеуге берген жоқ, жауапты емес. • <i>Міндеттілік</i> – субъект орындауға тиіс заңнамалық актілерден, нормативтік құжаттардан, заңи нормалар мен ережелерден, жасасылған келісімшарттардан, компания туралы ережелерден, лауазымдық нұсқаулықтардан, басшылардың өкімдері мен нұсқауларынан туындайтын іс-әрекет) [7. С. 653]. 	<ul style="list-style-type: none"> • Aufgabe, die jemandem aus ethischen, moralischen, religiösen Gründen erwächst und deren Erfüllung er sich einer inneren Notwendigkeit zufolge nicht entziehen kann oder die jemandem obliegt, die als Anforderung von außen an ihn herantritt und für ihn verbindlich ist • (Sport) bei einem Wettkampf vorgeschriebene Übung[en] (im Unterschied zur Kür) [8. С. 668].
Синонимы	1. Қарыз, 2. Міндет, 3. Борыш [7. С. 610].	1. Aufgabe, 2. Auftrag, 3. Gebot, 4. Muss, 5. Notwendigkeit, 6. Schuldigkeit, 7. Verpflichtung, 8. Zwang, 9. Obliegenheit, 10. Mission, 11. Plan, 12. Erfordernis, 13. Unabwenbarkeit [9. С. 233].
Антонимы	1. Бассыздық; 2. Жауапкерсіздік; 3. Жауапсыздық [6. С. 138].	1. Kür, 2. Freiwilligkeit, 3. Vergnügen, 4. Vorschlag , 5. Pflichtverletzung [9. С. 234].

сущие только данному языку. Например, концепт ‘die Freiheit’ включает в себя ‘die Freizügigkeit’ – право свободного передвижения и повсеместного проживания; свободный переезд (в пределах страны), в казахском языке нет отдельного слова, которое обозначало бы тоже самое.

Концепт ‘die Unabhängigkeit’ в немецком языке включает в себя понятие ‘die Emanzipation’ – уравнение в правах (обычно предоставление женщинам равноправия с мужчинами в области общественной и трудовой деятельности) – и опять же в казахском языке это понятие не входит в семантическое поле концепта ‘независимость’, так как казахские женщины в большинстве своем менее эмансипированы, хотя женщины юридически имеют те же права, что и мужчины.

Концепт ‘долг’ – в казахском ‘парыз’ и в немецком ‘die Pflicht’ – **обозначает обязанность человека перед Богом, государством, обществом, семьей.**

Для казаха это прежде всего пять обязанно-

стей, возложенных на мусульманина Аллахом – ‘Бес парыз: иман келтіру, намаз оқу, ораза ұстау, зекет беру, қажылыққа бару’, т. е. 1) **свидетельство веры** – свидетельство, о том, что ‘Нет Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад – раб Его и посланник Его’, 2) **молитва** – совершение ежедневной пятикратной молитвы, 3) **пожертвование** – выплата очистительного жертвования, 4) **пост** – пост в течение месяца Рамадан, 5) **хадж** – паломничество к храму Каабы в Мекке.

Концепт ‘парыз’ в казахском языке включает в себя также понятия ‘борыш’ и ‘қарыз’, которые обозначают долг в виде денежной суммы или материальных ценностей, взятые займы на определенных условиях. В немецком языке концепт ‘die Pflicht’ не включает в себя понятия, которые имели бы такое же значение.

Данный анализ показывает, что, несмотря на универсальность данных концептов, есть определенные различия, которые зависят от ценностных ориентаций разных культур.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 366 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М. : Наука, 1995. С. 7–23.
3. Бабаева, Е. В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2002. С. 25–34.
4. Бабаева, Е. В. Особенности функционирования социо-оценочных концептов в немецкой лингвокультуре // Антропологическая лингвистика : изучение культурных концептов и тенденций : сб. науч. тр. Вып. 1. Волгоград : Колледж, 2003. С. 25–33.
5. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 143–343.
6. Бзаков, С. Синонимдер сөздігі. Алматы : Арыс, 2007. 640 бет.
7. Жанұзақов, Т. Синонимдер сөздігі. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. 968 бет.
8. Duden. Sinn-und sachverwandte Wörter. Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. Band 8. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1997.
9. Bulitta, E. Das Krügel Lixikon der Synonyme. Über 28 00 Stichwörter. Über 300 000 sinn-und sachverwandte Begriffe / E. Bulitta, H. Bulitta. Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag GmbH, 1993.

И. Н. Титаренко (Ростов-на-Дону, Россия)

КОГНИТОЛОГИЯ, КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ, ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

The article is devoted to the peculiarities of modern cognitive science as a phenomena of postnonclassical science. The author analyses interaction between different part of cognitive science, with attention to the role of philosophy. The author describes not only methodological function of philosophy, but also importance of philosophic ideas in completing application tasks of cognitive science.

Keywords: cognitive science, philosophy, interaction, knowledge, consciousness, linguistics, language, methodology.

Современная наука как сложная, динамично развивающаяся система характеризуется рядом особенностей – ориентацией на изучение сложноорганизованных систем, усилением интеграционных процессов и роли междисциплинарных исследований, распространением эволюционного подхода и утверждением принципа универсального эволюционизма, пониманием необходимости соотнесения знания с ценностными установками познающего субъекта, возрастанием роли наук о человеке, повышением значения математических методов. Этот далеко не исчерпывающий перечень особенностей свидетельствует о том, что научная рациональность переходит на качественно новый уровень, хотя, безусловно, о некоторых из них можно говорить пока лишь как о тенденциях вследствие незавершенности процесса перехода, протекающего на наших глазах.

Отражением сложных тенденций развития и особенностей современной науки является ког-

нитология (когнитивная наука). Как формирующаяся область междисциплинарных исследований она характеризуется мозаичностью и нечеткостью своих границ. Прежде всего, в настоящее время нет единства в понимании того, что же такое когнитология. Определений множество, и практически каждое из них отражает задачи и специфику предметной области отдельной когнитивной науки или нескольких наук. Именно поэтому они столь различны даже по составу употребляющихся в них категорий и понятий. Так, например, для специалиста в области информатики когнитология – это «наука, изучающая и моделирующая принципы организации и работы естественных и искусственных интеллектуальных систем» [4. С. 201], для лингвиста – «наука о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [9. С. 34], а для обществоведа – «учение, исследующее процесс познания» [18. С. 398]. При этом неоднозначность понимания когни-

тологии, свойственная научным работам, изданным в последние годы XX в., сохраняется и сегодня. Можно встретить определения когнитологии с использованием понятия 'знание', как, например, такое: «когнитология, когнитивные науки – новые области знания, системно представляющие и исследующие его во всех аспектах получения, хранения, переработки как человеком, так и машиной» [12. С. 976]. Встречаются также и определения когнитологии с применением понятия 'информация': «наука, исследующая процессы усвоения, накопления и использования информации человеком, а также исследующая структуру представления знания и способы концептуальной организации знания» [13. С. 297]. Совершенно ясно, что объемы понятия 'знание' и 'информация', равно как и их смыслы, различны.

Нет единства и в том, какие науки составляют область когнитивных исследований. Наиболее часто в нее включаются теория познания (философская гносеология), когнитивная лингвистика, когнитивная психология, нейрофизиология, информатика. Иногда к этому перечню добавляются математика, логика, антропология, педагогика, когнитивная социология, когнитивная экономика и ряд других. Понятно, что этот перечень не является исчерпывающим и может постоянно расширяться за счет тех наук, которые включают в свою предметную область человеческое познание в любом аспекте рассмотрения. Неоднозначно решается вопрос и о терминологическом определении междисциплинарной области когнитивных исследований: в современной исследовательской литературе имеется несколько терминов для ее обозначения – «когнитология», «когнитивистика», «когнитивная наука». Несмотря на то, что в большинстве случаев они употребляются как синонимы, уже появляются концепции, разграничивающие их смысл. Так, например, М. П. Завьялова рассматривает когнитологию как метанауку, как парадигмальную модель по отношению к конкретным когнитивным наукам и когнитивистике вообще, отличную от философской методологии [6. С. 20–21]. Понятно, что подобная неоднозначность понимания сущности, границ, принципов системной организации, онтологических и методологических оснований когнитологии свидетельствует о продолжающемся процессе ее самоопределения.

Тем не менее, несмотря на эти и им подобные сложности, когнитология является отражением общего повышенного внимания постнеклассической науки к изучению человека, которая проявляется в любой из отдельных когнитивных наук. Независимо от того, идет ли речь о моделирова-

нии информационных интеллектуальных систем, об искусственном интеллекте, о нейронных сетях, о закономерностях поведения языковых единиц в реальных дискурсах или преодолении когнитивного диссонанса. Древнее софистическое прозрение 'человек есть мера всех вещей' вполне могло бы стать лозунгом всей постнеклассической науки и, в первую очередь, науки когнитивной. Человек представляет собой сложное сплетение биологического, социального, духовного, и в его изучении неизбежно должны были пересечься интересы естественных, гуманитарных, социальных, технических наук [15. С. 4–6]. Осознание того, сколь большое значение и для индивида, и для общества, и для технического развития на современном этапе имеет понимание закономерностей процесса познания (вспомним, что сегодня нередко можно встретить утверждение о переходе от информационного общества к обществу знания), неизбежно привело к тому, что именно познание стало объектом пристального внимания исследователей.

Когнитология стала ярким примером и еще одной важной тенденции современной науки – ее междисциплинарного характера. Эта тенденция науки была подмечена достаточно давно. Так, еще В. И. Вернадский указывал, что «рост научного знания в XX веке быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения» [5. С. 54]. Мысль об интеграции наук и усилении междисциплинарной связи была впоследствии развита отечественными философами [8. С. 54; 2. С. 6 и др.]. Познание как сложное многостороннее явление требует объединения усилий различных научных дисциплин. И сегодня, пожалуй, трудно назвать другую сферу исследований современной науки, в которой междисциплинарный характер был бы выражен столь ярко, как в когнитологии. Полидисциплинарные исследования процесса познания, протекавшие изначально в отдельных дисциплинах – в философии, лингвистике, психологии и др., во второй половине XX в. достигли той высоты, когда стало абсолютно ясно, что для дальнейшего прогресса в этой области необходимо объединить усилия различных специалистов. Как принято сегодня, полшутя, говорить в научных кругах, междисциплинарность может позволить себе только развитая дисциплинарная наука. Когнитология имеет сегодня, бесспорно, междисциплинарный характер, что связано с операцией различных наук в изучении феномена

познания, выработкой общего для них категориального аппарата, формированием интегральных исследовательских программ. Однако дальнейшее развитие интеграции отдельных когнитивных наук позволяет говорить о наметившейся тенденции к трансдисциплинарности и связанной с ней интеграции не только фундаментального, но и прикладного знания. Все это лишнее подтверждает, что когнитология – это закономерное явление в рамках постнеклассической науки.

Нужно также отметить и то, что для когнитивной науки в настоящее время свойственен внутренний анализ собственного состояния, методологических оснований, структуры и принципов построения. Это отличает ее от классических научных дисциплин, не занимающихся рассмотрением вопросов философско-методологического или мировоззренческого характера. Когнитивная наука постоянно обращается к анализу предпосылок и оснований своего возникновения, к критике методологических оснований, к анализу социально-культурных перспектив применения полученных результатов и т. п. Эта особенность когнитивной науки как становящейся междисциплинарной сферы исследования и наводит на мысль о том, что в рамках самой когнитивной науки может быть создана некая метатеория для отдельных когнитивных наук [6. С. 20]. Тем не менее, нужно помнить, что такая ситуация повышенного внимания к философским вопросам у представителей когнитивной науки характеризуется, используя терминологию Т. Куна, допарадигмальное состояние науки и, вероятно предположить, будет преодолена в ходе дальнейшего развития когнитивных исследований. Не отрицая право философского размышления у любого ученого, тем не менее, отметим, что вопросы философского характера должны остаться и, вне всякого сомнения, останутся все же прерогативой философии. Понимание когнитологии как целостности возможно только на основе философско-методологического, в подлинном смысле метатеоретического анализа [14. С. 5–6; 17. С. 114].

Место и значение философии в системе когнитивных наук оценивается далеко не так однозначно, как место и значение, например, лингвистики. Лингвистика давно и заслуженно заняла свое особое место в системе когнитивных наук, и роль анализа языка как источника сведений о концептуальных и когнитивных структурах сознания для исследования человеческого познавательного процесса в целом не отрицает никто. «Язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он пре-

ломлен и категоризован сознанием» [10. С. 57]. Оценка философии далеко не столь оптимистична. Зачастую она вообще не упоминается в числе когнитивных наук, а иногда в их состав включаются лишь отдельные разделы философского знания (гносеология, эпистемология).

Однако взаимосвязь философии, когнитологии и отдельных когнитивных наук чрезвычайно сложна и многоаспектна. Равным образом, сложно переоценить значение философского дискурса для развития когнитивных исследований. Это определено целым рядом факторов. Прежде всего, отметим, что если рассматривать когнитологию как относительно целостный феномен в рамках современной постнеклассической науки, а не просто как «федерацию когнитивных наук», то философия по отношению к так понятой когнитологии выполняет важные функции. Философия науки, в частности, призвана анализировать особенности современной когнитологии, выявлять тенденции в ее развитии, определять перспективы и место в системе постнеклассической науки, выделять проблемные зоны и т. п. Философия способна обеспечить тот самый, несколько отстраненный, взгляд «извне», который необходим для понимания когнитологии как саморазвивающейся системы.

Кроме того, нужно учитывать тот простой факт, что философия, занимаясь выявлением общих законов мышления и познавательной деятельности, сама относится к когнитивным наукам. При этом она имеет огромный исторический опыт в рассмотрении тех вопросов, которые сегодня могут быть названы когнитивными. Действительно, мышление, сознание, познание, познавательные способности, язык, истина стали традиционными предметами философского анализа задолго до того, как появилась когнитология, да и наука в собственном смысле слова вообще. Примером тому – учения античных философов. Демокрит, Платон, Аристотель немало внимания уделили проблемам познания, в том числе познавательным способностям, механизмам познания, достоверности полученных знаний. Стоики подвергли тщательному анализу язык, впервые поставив вопрос о «бестелесном» смысле высказывания [16. С. 71–73]. По мере развития философского знания анализ сознания, познания, языка становился все более развернутым, а постановка проблем все более глубокой. Современные представления о познании неразрывно связаны с идеями Декарта, Лейбница, Юма, Канта, Гегеля, Гадамера и многих других. Не случайно один из авторитетных исследователей в области искусственного интеллекта Джордж Ф. Люгер замечал:

«Для того, чтобы понять процесс решения задач, обучение и язык, необходимо осмыслить представления и знания на уровне философии. Исследователям предстоит решить аристотелевское противоречие между теорией и практикой, жить между наукой и искусством <...> Инженерия, наука и философия; природа идей, знаний и опыта; могущество и пределы формализма и механизма – это ограничения, с которыми необходимо считаться и с учетом которых нужно продолжать исследования» [11. С. 807].

Важным моментом в оценке роли философии в когнитологии выступает и то обстоятельство, что решение когнитивных вопросов любого уровня общности неизбежно вызывает постановку философских вопросов общего характера. Как определить сознание? Каковы его функции? Как относятся когнитивные структуры к объективному миру? Каково соотношение сознательного и бессознательного в познании? Как взаимосвязаны чувственный и рациональный уровни в познании? Что есть истина? Какова достоверность индуктивного вывода? Эти вопросы вызываются к жизни вполне прикладными когнитивными исследованиями. И здесь, конечно же, без философии не обойтись. Примером тому – работы отечественного психолога В. М. Аллахвердова [1. С. 15–25].

Однако вышеперечисленными аспектами взаимосвязь когнитологии, когнитивных наук и философии не ограничивается. Ее понимание будет неполным если не учесть то, что философская методология и более широко – философский подход – способны оказать существенное позитивное влияние на решение конкретных узконаучных проблем отдельных когнитивных наук. Это хорошо заметно на примере разработок в области искусственного интеллекта и в частности – моделирования обучаемых интеллектуальных систем, в котором ключевой проблемой является проблема индуктивного вывода. Для большинства задач имеющихся в наличии данных недостаточно, чтобы гарантировать оптимальное обобщение независимо от типа используемого алгоритма. Как результат, обучаемые системы должны обобщать информацию эвристически, отбирая те аспекты, которые вероятнее всего окажутся полезными в будущем. Такой критерий принято называть индуктивным порогом. Использование индуктивных порогов рассматривается в настоящее время как один из предлагаемых путей сокращения объема обучающих данных. Фактически индуктивный порог представляет собой строгое знание об области определения, априорное к самому процессу обучения. Значительное число современ-

ных методов обучения отражает исключительно те индуктивные пороги, которые свойственны их создателям. Это характерно для методов символического, коннекционистского, генетического обучения. При этом сущность индуктивного порога состоит в том, что он выступает средством кодирования данных на основе уже известной картины мира, более узко – интерпретированной предметной области. Априорное знание, предзаданное для обучаемой программы, обуславливает наличие ожидаемых результатов интерпретации и обобщения новых данных предметной области. Иными словами, исследуемую среду программа интерпретирует лишь так, как она «научена» ее интерпретировать. Индуктивный порог – эта та форма, в которую вливаются обучающие данные. Учет этого факта позволяет более четко осмыслить результаты работы программы. Проблема априорного рационального знания имеет место не только в отношении программ обучения, основанных на символическом представлении информации, но также и в отношении программ обучения на основе социальных и эмерджентных принципов. Так, например, в рамках генетических алгоритмов обучение будет являться конкуренцией внутри популяции между эволюционирующими кандидатами на роль решения задачи, то есть решение выводится «без учителя» на основе эволюционирующих альтернатив. Тем не менее, крайне важным оказывается соотнесение полученного программой результата с некоторой целью, как это произошло бы в целенаправленной познавательной деятельности человека, поскольку иначе оказывается совершенно невозможным оценить, пришла ли программа к правильному решению. Некоторое рациональное априорное знание оказывается необходимым и в этом случае, равно как необходимо оно в человеческой эмпирической активности: разум человека не только обрабатывает случайные данные, но во многом еще и определяет направление опытных исследований.

Совершенно очевидно, что эти и им подобные проблемы тесно взаимосвязаны с вопросами о диалектике чувственного и рационального в процессе познавательной деятельности, о соотношении опытного и внеопытного знания, о достоверности индуктивного вывода. Уже чувственные формы обусловлены не только воздействием объективной реальности, но также активностью памяти и воображения, без которых образы, возникающие в сознании субъекта непосредственно в момент его контакта с объектом, исчезали бы незамедлительно после прекращения этого контакта, и каждое новое воздействие того же объекта воспринималось бы субъектом как незнакомое

(то есть именно так, как восприняла бы его необучаемая экспертная система). В этом смысле, как утверждал еще Аристотель, «размышляющей душе представления как бы заменяют ощущения» [3. С. 438].

Кроме того, любое понимание воспринимаемого объекта предполагает взаимодействие чувственного как некоторого результата воздействия объективной реальности на органы чувств и рационального – ментальных категорий, организующих наше познание. Уместно вспомнить здесь известный кантовский вопрос о том, «что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта» [7. С. 11]. Идеи И. Канта об априорных формах и роли априорных синтетических суждений в науке стали своеобразным фундаментом конструктивизма, оцениваемого в настоящее время как позитивная эпистемология в изучении искусственного интеллекта [11. С. 800–801]. И это не случайно. Конструктивисты (например, Пиаже) утверждают, что человек ассимилирует явления внешней среды в соответствии с его пониманием и далее приспособливает свое понимание к требованиям явления. Это чрезвычайно созвучно идеям И. Канта о том, что «разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, лишь сообразно с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам, для того, чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на поставленные им вопросы» [7. С. 16]. **Конструктивистский анализ** показывает, что никакое опытное знание о явлениях невозможно без применения некоторых схем, парадигм, матриц для организации такого опыта. В научном исследовании это фактически предполагает, что всякий доступ к явлениям мира происходит посредством построения моделей, приближений и уточнений. В данном случае трудно не заметить смысловую параллель с кантовской идеей о том, что «мы сами вносим порядок и закономерность в явления, называемые нами природой, и их нельзя было бы найти в явлениях, если бы мы или природа нашей души не вложили их первоначально» [7. С. 513]. Безусловно, воспринимаемые в результате взаимодействия с объективной реальностью данные не вписываются в заранее составленные рациональные схемы, что требует модификации, трансформации, расширения последних, то есть процесса когнитивного уравнивания. Как результат, пересмотр

схемы и движение к равновесию – неизбежный процесс, присущий нам изначально: «Модификация схем априори запрограммирована нашей генетикой и в то же время является апостериорной функцией общества и мира» [11. С. 800]. Совершенно в духе Канта конструктивистская методология, таким образом, требует учета категорий и понятий познающего субъекта.

Опытное научное знание невозможно без применения рациональных схем для организации опыта, поскольку ученый должен знать, в каком направлении он движется, какое явление избирает непосредственным объектом исследования, почему именно его и т. д. Учет этой диалектики априорного и апостериорного, эмпирического и теоретического, оказывается чрезвычайно важным при решении проблем машинного обучения в методологии искусственного интеллекта. Результат обучения в любых программах оказывается определенным принятыми предположениями о характере решения, заданным индуктивным порогом, истинностью заложенных в программу интерпретаций предметной области. Индуктивные пороги, выступающие по отношению к обучаемой программе в качестве априорного знания (схемы), способны добавить скрытые узлы и слои в полученные решения, оказать влияние на возникновение синергетических эффектов при решении эволюционных задач и т. п. **И хотя индивидуальный субъект познания практически не осознает рациональные схемы** в процессе разработки искусственного интеллекта, их учет может оказать существенное положительное значение.

Таким образом, рассмотрение вполне конкретных проблем в области машинного обучения позволяет сделать вывод об их сущностной связи с общими вопросами философии сознания, гносеологии, логики и иных сфер философского знания, а значит, философское осмысление таких проблем, учитывающее многовековой опыт анализа сознания и познания, способно оказать позитивное влияние на разработки в области искусственного интеллекта. Думается, что применение философской методологии может сыграть далеко не последнюю роль в дальнейшем прогрессе в области когнитологии и отдельных когнитивных наук.

Список литературы

1. Аллахвердов, В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб. : Речь, 2003. 368 с.
2. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания. М. : Наука, 1977. 288 с.

3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. 550 с.
4. Борковский, А. Б. Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями). М. : Рус. яз., 1987. 335 с.
5. Вернадский, В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. М. : Наука, 1977. 191 с.
6. Завьялова, М. П. Когнитология как метанаука в структуре когнитивистики // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 2. С. 18–22.
7. Кант, И. Критика чистого разума // Кант, И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 3 / под ред. А. В. Гулыги ; пер. Н. О. Лосского. М. : ЧОРО, 1994. 741 с.
8. Кедров, Б. М. О современной классификации наук (основные тенденции в ее эволюции) // Материалы третьего Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания. М. : Наука, 1981. Вып. 1. С. 155–184.
9. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 560 с.
11. Люггер, Дж. Искусственный интеллект : стратегии и методы решения сложных проблем : пер. с англ. М. : Вильямс, 2003. 865 с.
12. Микешина, Л. А. Философия науки : (Эпистемология. Методология. Культура). Изд. 2-е, испр., доп. М. : Издат. дом Междунар. ун-та в Москве, 2006. 999 с.
13. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
14. Панина, Е. Н. Когнитивная наука как комплекс междисциплинарных исследований : дис. ... канд. филос. наук. М. : МГУ, 2001. 124 с.
15. Родзин, С. И. NBIC-технологии, искусственный интеллект и электронная культура / С. И. Родзин, И. Н. Титаренко // Информатика, вычислит. техника и инженер. образование. 2013. № 2. С. 1–14.
16. Титаренко, И. Н. Лингвистические идеи стоиков и проблемы современной лингвистической и когнитивной антропологии // Вестн. истории и философии Кур. гос. ун-та. 2008. № 1. С. 70–74.
17. Черникова, И. В. Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 101–116.
18. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999. 524 с.

М. В. Тричик (Алматы, Казахстан)

КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАНДИДАТОВ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США БАРАКА ОБАМЫ И МИТТА РОМНИ В ПЕРИОД КАМПАНИИ 2012 ГОДА

The author examines the cognitive metaphors in the US presidential 2012 campaign political discourse of two candidates Barack Obama and Mitt Romney. The author, based on the theory of George Lakoff, classifies metaphors of Democratic candidate Barack Obama upon the model of 'Nurturant Parent'. Metaphors in the discourse of the Republican candidate Mitt Romney are examples of the use of metaphorical model of 'Strict Father'.

Keywords: cognitive metaphor, political discourse, metaphorical model, Obamacare.

В классической риторике метафора определена как троп сходства, который представляет одну идею под знаком другой идеи, более яркой или более известной, которая не связана с первой идеей никакой связью, кроме как некоторым соответствием или аналогией. Лингвистический процесс метафоры основан на переносе значения по аналогии: тот, кто высказывается, ссылается на понятие α , используя способ выражения через

предполагаемое понятие β , где α и β связаны говорящим предполагаемыми общими свойствами, подчеркнутыми в высказывании [8. С. 190].

Другое определение гласит: метафора – это риторическая фигура, которая состоит в использовании конкретного слова для выражения абстрактного понятия при отсутствии какого-либо элемента, официально вводящего сравнение; в более широком смысле, метафора – использова-

ние любого термина, которым замещают другой термин при удалении слов, вводящих сравнение (например, опущение слова ‘как’). Метафора играет важную роль в создании лексики, множество переносных значений являются ни чем иным, как метафорами [6. С. 301].

Согласно определению, которое приведено в Кратком словаре когнитивных терминов, составленного Е. С. Кубряковой и др., *когнитивная метафора* (син. ‘концептуальная метафора’; ‘cognitive/conceptual metaphor’) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания. По своему источнику когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов. При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т. д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности. При этом одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор [1].

А. П. Чудинов исследует когнитивную метафору с позиций политической лингвистики. Автор пишет о метафоре: «Во-первых, метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления.

Во-вторых, сам термин “метафора” понимается (в соответствии с общими принципами когнитивистики) как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости.

В-третьих, для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным признакам.

В-четвертых, для когнитивной теории характерен широкий подход при выделении метафор по содержательным признакам. В этом случае не акцентируются, в частности, семантические, стилистические, эстетические и иные различия между метафорой и сравнением (имплицитность и эксплицитность аналогии, лаконичность и развернутость конструкции, степень прозрачности смысла и его двойственность, “смешивание”, “скрещивание” смыслов и др.). При широком понимании в качестве метафоры рассматриваются не только сравнения, но и другие феномены с элементом компаративности: метаморфоза, гипербола, некоторые перифразы, фразеологизмы и др.» [3. С. 53–55].

Когнитивное исследование предвыборного дискурса 2012 г. в США направлено на поиск, описание, объяснение и анализ когнитивных метафор в дискурсе Барака Обамы и Митта Ромни, письменном дискурсе предвыборной кампании в национальных изданиях США ‘*The New York Times*’ и ‘*USA Today*’, а также рекламных материалах в пользу кандидатов (брошюры, плакаты, постеры и т. п.) за период с 28 августа по 6 ноября 2012 г.

За основу поиска когнитивных метафор был взят дискурс Барака Обамы и Митта Ромни из официальных выступлений кандидатов, трех предвыборных дебатов, которые состоялись 3, 16, 22 октября 2012 г., **блогов кандидатов в президенты** и других источников.

Предвыборные метафоры представлены в медиа-дискурсе национальных американских средств массовой информации ‘*The New York Times*’ и ‘*USA Today*’. Эти два издания были взяты за основу источников по сбору материала исследования по причине широкого освещения в них предвыборной кампании, национального масштаба газет, а также в связи с объективным анализом источников либеральных (‘*The New York Times*’) и консервативных (‘*USA Today*’) политических взглядов.

Период с 28 августа по 6 ноября 2012 г. выбран в связи с обширностью материала для анализа. Предвыборная агитация в США длилась около полутора лет. Этот период был разделен на различные этапы, условно их можно представить следующим образом:

- начало агитации (слабая степень предвыборной пропаганды со стороны всех кандидатов);
- начало выбора кандидатов на пост президента от демократической (был выдвинут Барак

Обама) и республиканской партий (данный этап характеризуется неоднородностью материала, связанного с дискурсом Митта Ромни, вызванной недостаточной сформированностью его предвыборной стратегии);

- официальное оглашение кандидата от республиканской партии Митта Ромни (с этого этапа начинается анализ предвыборного дискурса, так как он представляет собой наиболее сконцентрированный предвыборный дискурс, содержащий когнитивные метафоры).

28 августа 2012 г. на республиканской национальной конвенции в г. Тампа, штат Флорида, Митт Ромни был официально назначен в качестве кандидата на пост президента от республиканской партии. Предлагается рассматривать дискурс кампании 2012 г. с 28 августа по 6 ноября, так как этот период можно назвать временем концентрации соревновательного политического дискурса двух кандидатов.

Метафоры Барака Обамы, такие как 'No red states or blue states', 'Yes, We Can Again', 'Fighter', и республиканца Митта Ромни, такие как 'Obamacare', 'Killing of Big Bird', проанализированы в данной публикации.

Барак Обама является выдающимся политическим оратором современности не только потому, что к политическому дискурсу президента США всегда приковано пристальное внимание общественности и исследователей, но и потому, что личность 44-го американского президента является примером пестуемых в родном ему обществе идеалов свободы, равноправия, американской мечты и устранения явлений сегрегации и апартеида во всех их проявлениях.

Проводимое исследование направлено на доказательство правомерности использования методики классификации метафорических моделей 'Strict father' для представителей республиканской партии и 'Nurturant parent' – для демократов в ходе анализа политического дискурса США, которая была предложена Джорджем Лакоффом в рамках исследования предвыборной кампании 2000 г. и применялась разными исследователями для изучения последующих предвыборных кампаний.

Таким образом, в ходе анализа политического предвыборного президентского дискурса кампании 2012 г. в США исследование стремится доказать преобладание среди всех остальных метафорических моделей в дискурсе Барака Обамы именно модели 'президент – это заботливый родитель' ('Nurturant Parent') на примере использования когнитивных метафор.

В дискурсе президента Соединенных Штатов

Америки Барака Обамы присутствуют метафоры единства всей нации (отсутствие разделения по политическому, расовому или какому-либо другому признаку), лидера, борца (борьба за нацию) и другие.

Рассмотрение используемых политиком метафор в рамках предвыборной президентской кампании 2012 г. позволяет делать выводы о личности самого политика, а также изучить последние наработки в сфере технологий манипуляции общественным мнением с целью прихода к президентству – главной цели всей предвыборной кампании.

Рассмотрим ниже следующие метафоры Барака Обамы: 'No red states or blue states', 'Yes, We Can Again', 'Fighter'.

Метафора президентской кампании 2012 г. – цитата американского президента 'No red states or blue states' ('Нет красных или синих штатов'). 'No red states or blue states' – это послание, адресованное всем избирателям США: поддерживающих демократов, республиканцев или не определившимся с выбором избирателям. Это главная идея стратегии Барака Обамы внутренней национальной политики: красные штаты + синие штаты = Соединенные Штаты.

Данная метафора креолизована в плакате авторов Аарона Перри-Зукера (Aaron Perry-Zucker) и Макса Славкина (Max Slavkin) на сайте www.designforobama.org. Предвыборный агитационный постер (см. рис. 1) поможет лучше представить значение метафоры для американской культуры.



Рис. 1. Агитационный постер 2012 г. в поддержку Барака Обамы

Для всех граждан США и людей, связанных с американской политикой, значение метафоры 'No red states or blue states' **понятно без объяснений**. Штаты, называемые «красными», поддерживают на выборах традиционно республиканскую партию США, «синие» штаты голосуют обычно за демократов.

Цветовое разделение на «синие» и «красные» штаты было изобретением масс-медиа в период президентской кампании 2000 г. в США для визуального представления статистической информации по проголосовавшим штатам.

Подобное разделение – красный цвет для республиканцев и синий для демократов – представляется весьма странным с точки зрения исследователя из постсоветского пространства, особенно учитывая тот факт, что красный цвет всегда ассоциировался в США и во всем мире с коммунизмом и социализмом, с которым всегда вела борьбу республиканская партия США.

Разъяснение сложившейся картины дает Кимбер Стримс (Kimber Streams): «...подобное разделение цветов, к которому американцы сегодня привычны, изобрели 'The New York Times' и

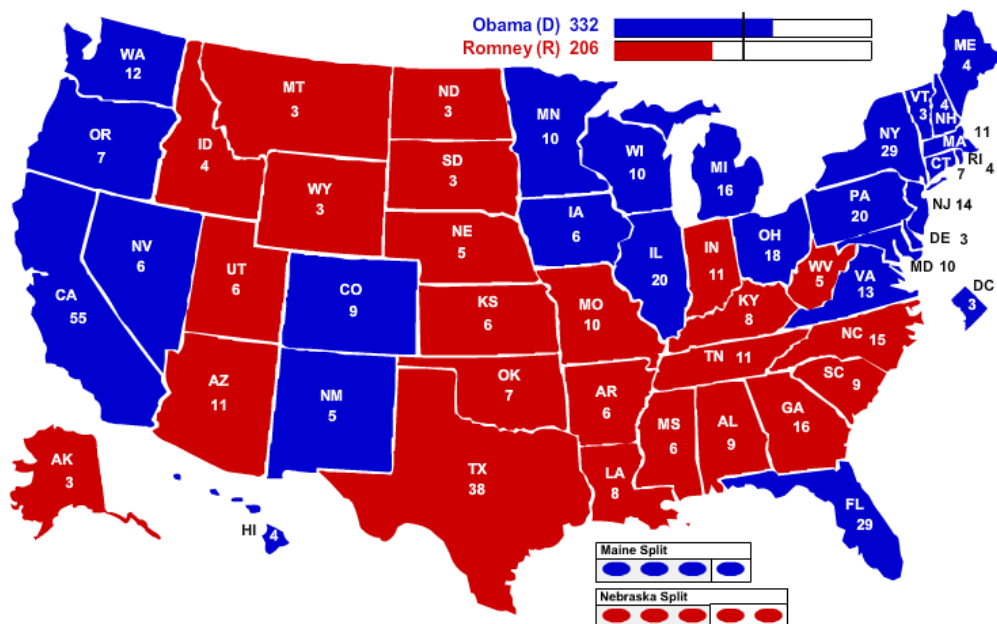


Рис. 2. Карта итогов предвыборной президентской кампании в США 2012 г.

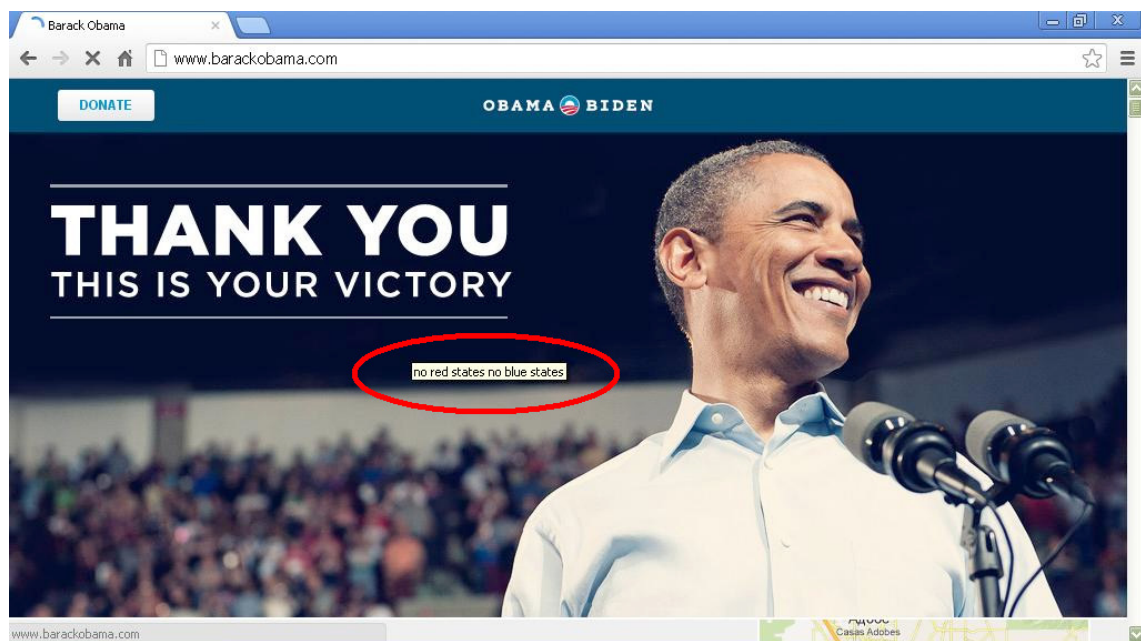


Рис. 3. Скриншот сайта предвыборной агитации кандидата от демократической партии США Барака Обамы с появляющейся при наведении на фотографию президента метафорой 'No red states or blue states'

‘USA Today’, публикуя свои полноцветные карты США, где были отмечены штаты, проголосовавшие за республиканцев и демократов. ‘The Times’ был избран красный цвет для республиканской партии потому, что слова “republican” (республиканский) и “red” (красный) начинаются с одной буквы “r”» [12].

В сегодняшней медиа-эре очень важно представлять информацию визуально. Карты выборов, как, например, карта итогов выборов 2012 (см. рис. 2) [14], демонстрируемые по телевидению и размещаемые на интернет сайтах, могут повлиять на мнения американцев и направить избирателей в ходе предвыборной кампании.

Смысл метафоры Барака Обамы ‘No red states or blue states’ – удаление цветового разделения граждан страны на «красных» (республиканцев) и «синих» (демократов), создание возможности для устранения ожесточенной политической партийности и преодоление социального разделения американцев в сфере политики и общественной жизни. Данная метафора имеет положительную ассоциацию – ‘Our strength lies in unity’ (‘Наша сила – в единстве’), что обеспечивает кандидату Бараку Обаме усиление имиджа серьезного кандидата, стремящегося повсеместно воплощать идеалы американской мечты и борьбы за свободу.

В день выборов – 6 ноября 2012 г. – после оглашения победителя голосования за кандидата на пост президента США Барака Обамы, метафора ‘No red states or blue states’ была использована для поздравления и благодарности избирателей на сайте www.barackobama.com. Данная метафора-цитата появлялась при наведении на изображения Барака Обамы на сайте (см. рис. 3) [4].

По теории метафорических моделей, предложенной Дж. Лакоффом, можно утверждать, что метафора ‘No red states, no blue states’ отражает модель ‘заботливого родителя’, который хочет принести мир в свою семью (нацию) и примирить и объединить членов семьи.

Прецедентная метафора ‘Yes We Can Again’ (‘Да, мы снова можем’) является еще одной метафорой-слоганом предвыборной кампании Барака Обамы. Креолизованный образ метафоры представлен в предвыборном постере, на котором изображено лицо Барака Обамы, составленное из слов ‘yes’, ‘we’, ‘can’ и ‘again’ (см. рис. 4).

Слоган ‘Yes We Can’ (‘Да, мы можем’) был опробован президентом в ходе кампании 2008 г. На предыдущих выборах метафора принесла Бараку Обаме успех и имела большой резонанс в американском обществе. Этим фактом объясняется повторный выбор слогана с небольшим дополнением для второй предвыборной кампании Б. Обамы.

В 2012 г. к словам метафоры ‘Yes We Can’ было добавлено еще одно слово ‘again’ (‘еще раз’, ‘снова’, ‘опять’) – ‘Yes We Can Again’.

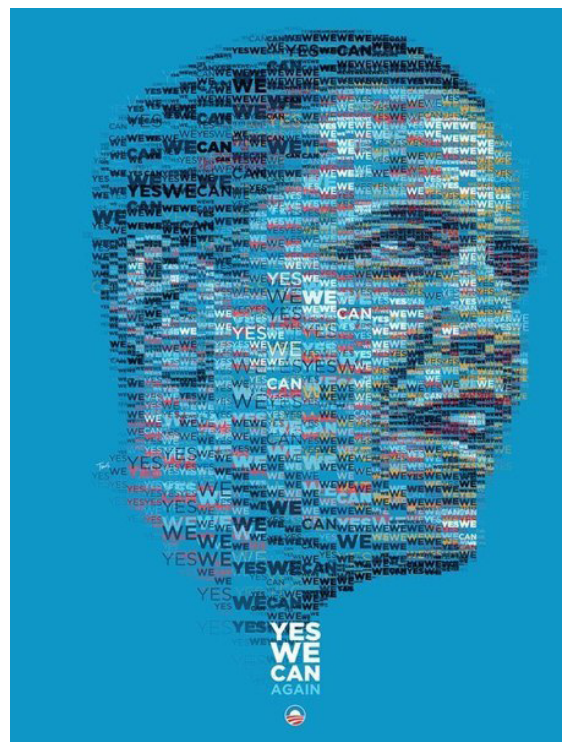


Рис. 4. Постер президентской кампании 2012 г. в поддержку Барака Обамы с метафорой-слоган ‘Yes We Can Again’

В словаре *Oxford Dictionary online* американского варианта английского языка даются следующие значения слова ‘again’:

- another time; once more (другой раз; еще раз);
- returning to a previous position or condition (возвращения в предыдущее положение или состояние);
- [sentence adverb] used to introduce a further point for consideration, supporting or contrasting with what has just been said (используется для введения еще одного пункта на рассмотрение, поддерживающего или сопоставляющего то, что только что было сказано);
- used to ask someone to repeat something (используется для просьбы кого-либо повторить что-либо) [10].

Можно пронаблюдать только положительные значения слова ‘again’ в современном американском английском языке. Смысл добавления слова ‘again’ к метафоре ‘Yes We Can’ проявляется в следующем: президент утверждает, что он сможет еще раз прийти к власти, возвратится в свое прежнее состояние (президентство), и все это он произведет по просьбе своих избирателей.

Таким образом, мы видим, что метафора 2012 г. ‘Yes We Can Again’ является теперь уси-

ленным вариантом метафоры ‘Yes We Can’ кампании 2008 г. Предыдущий вариант был назван исследователем Нилом Фоксли (Neil Foxlee) «риторически эффективной триадой» [7. С. 26–28]. Производная метафора ‘Yes We Can Again’ является риторически эффективной тетрадой, использованной для прагматической цели – прихода к президентской власти во второй раз.

Когнитивная метафора ‘How president Obama is *fight(ing)* for you’ (Агитационная брошюра на выборах 2012 г. за Барака Обаму) является примером модели ‘president is a *fighter*’. Данная метафорическая модель является распространенной в ходе американских предвыборных кампаний. Метафорическую модель ‘политика – это война’ рассматривали М. Джонсон и Дж. Лакофф [2].

В ходе последней предвыборной президентской кампании в США данная модель использовалась Бараком Обамой довольно часто. Ниже приведены примеры метафорической модели ‘президент – это боец’ в авторском дискурсе кандидата-демократа в ходе предвыборных президентских дебатов, прошедших 3 октября 2012 г.:

- The financial system had frozen up. And because of the resilience and the determination of the American people, *we’ve begun to fight our way back*. Over the last 30 months, we’ve seen 5 million jobs in the private sector created. The auto industry has come roaring back, and housing has begun to rise [11].

В метафоре ‘*we’ve begun to fight our way back*’ Барак Обама предстает как боец с экономическим кризисом, который является врагом всего американского общества в актуальный период. По всей стране растет количество безработных, президент дает всем этим людям надежду на обретение экономической стабильности. В данной когнитивной метафоре ‘президент – это боец с мировым экономическим кризисом’.

- And yes, *we had some fights between me and the Republicans* when they fought back against us reining in the excesses of Wall Street? Absolutely, because *that was a fight that needed to be had*. When *we were fighting about* whether or not we were going to make sure that Americans had more security with their health insurance and they said no? Yes, *that was a fight that we needed to have* [11].

В одном параграфе Барак Обама повторил метафору ‘fight’ четыре раза. Такого рода повтор упоминания одного и того же термина или понятия направлен на усиление прагматического эффекта высказывания. После услышанного несколько раз слова ‘fight’ (борьба) потенциальный избиратель будет ассоциировать человека, произнесшего данное понятие, с борцом, который очень мотивирован в своей борьбе и будет

бороться до последнего, потому что такого рода борьба вынуждена вестись.

В данной когнитивной метафоре Барак Обама «борется» и со своими политическими врагами – республиканцами, и с врагом всей Америки – всемирным экономическим кризисом.

- But I also promised that *I’d fight every single day on behalf of the American people and the middle class and all those who are striving to get into the middle class*. I’ve kept that promise. And if you’ll vote for me, then I promise *I’ll fight just as hard in a second term* [11].

Еще раз в конце дебатов президент Барак Обама убеждает своих потенциальных избирателей не сомневаться, что он был борцом за процветание американского народа, и обещает, что будет бороться еще сильнее в свой второй срок.

В дискурсе Митта Ромни присутствуют метафоры, которые мы вслед за Дж. Лакоффом классифицируем по модели ‘Строгого отца’ (‘Strict father’), такие как ‘Obamacare’ (дословно – ‘обамская забота’, ‘забота по-обамски’), ‘Killing of Big Bird’ (‘Убийство большой птицы’) и другие.

Рассмотрим когнитивную предвыборную метафору ‘Killing of Big Bird’. Митт Ромни не произносил дословно эту метафору. Республиканский кандидат высказал мысль о своем намерении прекратить финансирование правительством США некоторых проектов в социальной сфере для сокращения дефицита бюджета, который в тот период являлся главной проблемой экономики Соединенных Штатов Америки.

В ходе первых предвыборных дебатов (победителем которых в ходе зрительского голосования был признан республиканский кандидат) 3 октября 2012 г. с Бараком Обамой, М. Ромни предложил один из путей сокращения субсидий для национального канала PBS (Public Broadcasting System) и, в частности, для передачи «Улица Сезам» (“Sesame Street”).

Митт Ромни заявил:

“I like PBS, I love Big Bird. Actually I like you, too. But I’m not going to – I’m not going to keep on spending money on things to borrow money from China to pay for. That’s number one” («Мне нравится PBS, я люблю Большую Птицу. На самом деле вы мне тоже нравитесь. Но я не собираюсь – я не собираюсь продолжать тратить деньги на вещи, чтобы заплатить за которые, мы занимаем средства у Китая. Это номер один») [13].

Тем самым, Митт Ромни, пытаясь предложить решение сложной экономической проблемы, вызвал волну негодования у американцев, которые назвали мысль М. Ромни попыткой «убийства большой птицы» – ‘Killing of Big Bird’.

‘Big Bird’ является одним из персонажей телепередачи для детей «Улица Сезам» на канале PBS (см. рис. 5). Большая птица очень популярна в американском обществе. Несколько поколений американцев выросли на персонажах детской обучающей программы «Улица Сезам».



Рис. 5. Big Bird (Большая птица) – персонаж американской телепередачи для детей «Улица Сезам» (Sesame Street) и метафоры ‘Killing of Big Bird’

Угроза сокращения субсидий государства каналу PBS и, в частности, любимой передаче граждан США, а как следствие и закрытие многолетнего эфира и исчезновения любимых персонажей с экрана, высказанная Миттом Ромни, вызвала среди американцев протесты, которые выражались, например, количестве твитов на сайте *twitter.com* за Большую птицу – 17000 твитов в минуту, и за канал PBS – 10000 твитов в минуту [5], а также в появлении множества пародий и шаржей в прессе и в сети Интернет.

Еще одна метафора в дискурсе Митта Ромни, которая вызвала волну негодования в американском обществе, – это метафора ‘Obamacare’ (до словно – забота Обамы, обамская забота).

Митт Ромни не является автором данной метафоры, но он использовал ее весьма обширно и в том числе в прямом эфире первых предвыборных дебатов в процессе разговора лицом к лицу с Барраком Обамой.

Значение и коннотации данной метафоры в современном американском обществе являются весьма негативными, и ‘Obamacare’ считается очень грубым и даже ругательным словом. Перевод на русский язык также звучит очень грубо и немного не корректно – обамская забота, забота по-обамски. Подобное впечатление метафора производит и в английском языке.

Рассмотрим подробнее термин ‘Obamacare’.

‘Obamacare’ является неофициальным названием закона “The Patient Protection and Affordable Care Act” («Закон о защите пациента и доступных медицинских услугах»), который был подписан 23 марта 2010 г. и является частью предвыборной кампании Барака Обамы 2008 г. В более общем смысле ‘Obamacare’ является ссылкой на проводимую реформу здравоохранения при президенте Б. Обаме [9].

Несмотря на то, что, используемый оппозицией, этот термин имеет уничижительное лексическое, фонетическое и культурное значение, демократы использовали ‘Obamacare’ в избирательной кампании 2012 и повернули метафору в положительную сторону со смыслом ‘Obama cares’ (‘Обама заботится’).

Митт Ромни использовал метафору ‘Obamacare’ 3 октября 2012 в ходе дебатов с президентом Б. Обамой:

“What things would I cut from spending? Well, first of all, I will eliminate all programs by this test – if they don’t pass it: Is the program so critical it’s worth borrowing money from China to pay for it? And if not, I’ll get rid of it. ‘Obamacare’ is on my list. I apologize, Mr. President. I use that term with all respect”.

(«Какие вещи я бы вырезать из расходов? Ну, прежде всего, я уничтожу все программы по следующему признаку – если они будут соответствовать ему: является ли программа настолько критической, что для этого стоит занимать деньги у Китая? А если нет, я буду от этого избавляться. “Obamacare” находится в моем списке. Я прошу прощения, господин президент. Я использую этот термин при всем уважении») [13].

М. Ромни, скорее всего, понимал негативную коннотацию использованной им метафоры, так как дважды извинился за свои слова: *“I apologize, Mr. President. I use that term with all respect”.*

В ходе всех первых предвыборных дебатов метафора ‘Obamacare’ была использована достаточно большое количество раз. С помощью сайта WordItOut было сгенерировано «облако из слов» (word cloud) с целью поиска методами компьютерной лингвистики частотности использования Миттом Ромни тех или иных понятий в ходе первых дебатов, где наиболее часто упоминаемые слова представлены наибольшим размером.

Как мы можем видеть на приведенном ниже «облаке из слов» (см. рис. 6), метафора ‘Obamacare’ упоминалась соперником Б. Обамы наряду с такими часто упоминаемыми понятиями, как ‘people’, ‘Medicare’, ‘going’, ‘plan’, ‘taxes’, ‘America’, ‘cut’, ‘care’, ‘president’, ‘want’, ‘government’, ‘work’.

www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=102317#axzz2hlSmhNsd. Consulted 18 November 2013.

12. Streams, K. Why are Republicans red and Democrats blue? [Internet resource] // The Verge. 2012. 6 November. URL : <http://www.theverge.com/2012/11/6/3609534/republicans-red-democrats-blue-why-election>. Consulted 29 March 2013.

13. Transcript and Audio : First Obama-Romney Debate, 2012 [Internet resource]. URL : <http://www>.

npr.org/2012/10/03/162258551/transcript-first-obama-romney-presidential-debate>. Consulted 20 January 2013.

14. 2012 Election Map : Barack Obama Wins [Internet resource]. URL : <http://politicalmaps.org/2012-electoral-map/>. Consulted 11 August 2013.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Z. Adamia, M. Shelia, M. Marghania (Tbilisi, Georgia)

COGNITIVE INTEREST DEVELOPMENT IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

The modern system of training gives the chance to improve students' independent thinking and creative activity directed at the formation of skills of the acquired knowledge. On teaching a foreign language a great role plays the motive and interest. These two components are major factors of development of cognitive activity. For establishing optimization of educational process it is necessary to connect problem of training with students' interests. In our paper we consider the presence of culture in the cognitive processes including a wide spectrum of intellectual activities: knowing, understanding, comparison, analysis, synthesis, evaluation.

Keywords: a foreign language, educational process, motive and interest, cognitive interest, language and culture, comparative elements, phraseological units, the Bible, proverbs, colour designation.

Modern society waits from public and higher schools conceiving, initiative, creative persons with a broad outlook and strong knowledge.

As is known language is a system of communication, medium of thought, and a vehicle for expression of thoughts, a social institution, a matter of political controversy and a catalyst for nation building.

Mastering a foreign language as a means of communication becomes strong stimulus of development of the modern person. Modern society is impossible without broad international contacts. Over the entire course of recorded history, languages have gone in and out of fashion as a preferred tool of international communication.

Language is an immensely democratizing institution. To have learned a language is immediately to have rights in it. You may add to it, modify it, play with it, create in it, ignore bits of it, as you will [3].

Training a foreign language is an integral part of educational process. Nowadays one of the main subjects is the problem of development cognitive interest in students.

In order to optimize the learning process, classroom experiences should be directly related to student interests. Students are more likely to retain newly learned information when the content is associated with strong positive emotion(s).

Dimitry Uznadze, a classic Georgian psychologist and philosopher wrote: 'We can conclude that a set is not a partial psychological phenomenon but something integral characterizing, as it were, the personal state of the subject'. The set as a disposition to act is consequently an integrated-personality state and not some kind of partial psychological process [11].

In set theory the stimulus that activates a living being is in each and every case a need, but the nature of the activity is determined by the actual situation. The combination of these two factors induces in a

living being a general change that is expressed in a readiness to take appropriate action. In D. Uznadze's view, one of the most important goals of education was to teach students to take an independent, creative approach to their studies.

The achievement of success of study immensely depends on interest. Interest is not only a key and psychological base of study but it is also its result [10].

Interest expresses the general direction of the person which positively influences all mental processes and is very fruitfully reflected on his/her activity. Dimitry Uznadze notes that "Interest generally is one of the major factors of study, there is no doubt in it, moreover it is necessary to say that study becomes psychologically absolutely an independent full form of behavior, in it along with volition interest also plays the fundamental role [11].

It should be noted that interest is central in determining process when students select certain types of information, it elicits spontaneous, rather than conscious, selective allocation of attention. Interest has both cognitive and affective (emotional) components. Researchers distinguish between individual and situational interest, with the former targeting personal interest and the latter focusing on creating appropriate environmental settings. Individual interest has been viewed as a relatively long-lasting predisposition to reengage with particular objects and events. Increased knowledge, value, and positive affect have been connected with individual interest.

Both situational and individual interest includes an affective component and culminates in the psychological state of interest. Such a state is characterized by focused attention, increased cognitive functioning, and increased and persistent activity.

On teaching a foreign language a great role plays the motive and interest. These two components are major factors of development of cognitive activity.

As the motive defines the person's any purposeful action, cognitive interest requires the creation of active educational motive. Educational activities of the student have to be caused by his/her internal motivation. In any successful completion of cognitive activity the motivation makes the significant contribution.

Motivation is the psychological feature that arouses an organism to action toward a desired goal and elicits, controls, and sustains certain goal directed behaviors. It can be considered a driving force; a psychological drive that compels or reinforces an action toward a desired goal. Motivation has been shown to have roots in physiological, behavioral, cognitive, and social areas.

Some writers on motivation, especially in the German psychological tradition [4; 5], restrict the term motivation to the processes and factors that determine which goals an individual will pursue; they then classify as *volition* (from the Latin root for the *will*) the factors that regulate *how* the individual carries out the pursuit-persistence, vigor, and efficiency. Thus, in this usage, the term *motivation* includes only the initial factors that determine an individual's choice of goals, leaving the rest to volition. In contrast, in the American tradition the term *motivation* includes volition; volitional processes are simply a subset of motivation.

As long as a student chooses goals and expends a certain amount of effort to achieve them, he is, by definition, motivated.

The increase of motivation goes through: 1) involvement of students in independent work at a lesson; 2) problematical character of tasks and situations; 3) control of knowledge of skills; 4) use of informative games; 5) regional geographic material and, certainly, benevolent relation of students. It agrees the psychological to motivation and interest researches when training in a foreign language efforts of the teacher have to be aimed at the development of internal motivation students which proceeds from the activity and possesses the greatest incentive force. The internal motivation defines the relation of students to a subject also provides advance in mastering foreign language. From the aforesaid we see that in the present is available enough of researches in psychology and a technique of teaching of the foreign languages, allowing to use them in further searches of a solution and to carry out valuable approach in its consideration.

Cognitive interest is a special selective orientation of the personality on knowledge and the selective character expressed in getting knowledge. Problem of formation of cognitive interest is one of the most important tasks of modern school. It is known that steady cognitive interest is formed combining emo-

tional and rational training. Cognitive interest is a powerful source of motivation. But we should see the difference between cognitive interest and curiosity. Curiosity is "situational" and a teacher can "win" students' attention due to unusual and interesting task and students can be involved in doing it and they can be active but when they finish this task they'll be bored again. Cognitive interest is stable and is believed to be the strongest motive of learning as it sound like: "I learn because I feel like doing it". I need to mention that nowadays cognitive interest as a motive has a tendency to cohere with pragmatic component and now it sounds like: "I learn because I feel like doing it and, yes, I'll need this knowledge in my future career".

The first of the affective goals of university teaching is to stimulate student interest. We should try to incorporate the student's particular topic of interest into activities to increase attention and motivation. Thanks to Internet any teacher can find a number of materials helping to explain some difficult issues.

Development of business and personal contacts, expansion and strengthening of economic and cultural ties between the people raises before universities a task – education of the person whose main properties are the universal culture and universal values.

Relevance of this work is caused by that progressing development of the international contacts and communications in policy, economy, culture and other areas causes consecutive orientation of a modern technique of training in foreign languages on real conditions of communication. Thus, it's necessary to know specifics of the country (countries) of studied language.

Acquaintance to culture of the country of studied language was one of the main tasks since antiquity. In teaching of living languages since the end of the XIX century on the first place along with oral speech acquaintance with realities of the country of studied language moves forward.

The humanization of education familiarizes students with a cultural heritage and cultural wealth of the people and other peoples of the world. "The special role in it belongs to a foreign language by means of which the direct and mediated dialogue of cultures – foreign and native is carried out, – become to one of basic provisions of the modern concept of education" [1].

Cognitive aspect of linguistics and area studies is used as means of enrichment of students' inner world and is realized mainly on the basis of receptive kinds of activity: readings and auditions. Introducing new information students' interest, curiosity, enthusiasm and passion can be sparked and promoted. Foreign culture brings to students process of mastering a

foreign language in developing of educational, informative aspects.

In our paper we consider the presence of culture in the cognitive processes including a wide spectrum of intellectual activities: knowing, understanding, comparison, analysis, synthesis, evaluation.

The main task of linguistics is studying of words, phrases, texts, verses, songs, and works of fiction reflecting national features of culture of the people – the native speaker and the environment of its existence.

Sometimes learning a foreign language helps you understand your own language and culture better through comparison, or through the relationship between the foreign language and your mother tongue. Searching for materials connected with comparative elements of Georgian and British can stimulate interest as interest undoubtedly has a strong emotional component; this aspect may play a critical role in how interest influences learning. The effect of emotions on interest, however, is yet to be fully investigated in educational research. Students get acquainted with the information about realities foreign-language culture, and then independently try to find the similar the fact describing the similar phenomena and realities of the country. The technique of the comparative analysis can to be used in the course of work on different subjects.

For example working on materials: Art and Culture, Literature, Folklore, Music or some other aspect of the culture of people one group of students tried to research the meaning of grapes in Christianity.

A large number of phraseological units having a biblical or literary origin are widely used in everyday informal conversation.

As is known Christianity represents one-third of the world's population and is the largest religion in the world, with the three largest groups of Christians being the Catholic Church, Protestantism, and the Eastern Orthodox Church and is the state religion of the UK, Russia, Georgia and other countries.

Grapes in Christianity are considered first of all as a rescue and revival emblem therefore the grapevine was represented on ancient Christian tombs, on frescos of the Roman catacombs and, later, on church stained-glass windows. They are often mentioned in the Bible, along with the Olive Tree and the Fig Tree, grape vines are often used as symbols of the fertility. As the truth symbol, grapes hint at the validity of the doctrine of the Christ. It is visible from the metaphorical comparison, attributed to the Christ apostle John: "I am a true grapevine, and my Father – the wine-grower" [John, 15:1]. «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь» [От Иоанна 15:1], „მე ვარ ვაზი ჭემმარტი, და

მამაჩემი მევენახეა.” [იოანე 15:1], “What mean ye, that ye use this proverb concerning the land of Israel, saying, The fathers have eaten sour grapes, and the children's teeth are set on edge?” [Ezekiel 18:2], «зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу, говоря: отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомины?» [Иезекииль 18:2], „ეს რა ანდაზა გაქვთ, ისრაელის მიწაზე რომ ამბობთ: მამებმა ისრიმი შეჭამეს და შვილებს კბილები მოეკვეთათო?” [ეზეკიელ წინასწარმეტყველი 18:2]” Christians are to use only wine when it is freshly squeezed from grapes. Deuteronomy 32:14 says God fed the children of Israel with the pure blood of the grape, which is fresh squeezed grape juice, not having been fermented. “Butter of kine, and milk of sheep, with fat of lambs, and rams of the breed of Bashan, and goats, with the fat of kidneys of wheat; and thou didst drink the pure blood of the grape”. «...маслом коровьим и молоком овечьим, и туком агнцев и овнов Васанских и козлов, и тучною пшеницею, и ты пил вино, кровь виноградных ягод» (Второзаконие 32:14), „ძროხის ნალებს და ცხვრის რძეს, აჭმევდა ნასუქალ ბატკნებს, ბაშანურ ვერძებს და ვაცებს, ნოყიერ პურს. და ღვინოს სვამდი, ყურძნის სისხლს. [წიგნი მეორე რჯული თავი 32:14], In Deuteronomy 29:6 it says the children of Israel did not drink strong drink or wine”, Ye have not eaten bread, neither have ye drunk wine or strong drink: that ye might know that I am the LORD your God”, «хлеба вы не ели и вина и сикера не пили, дабы вы знали, что Я Господь Бог ваш» [Второзаконие 29:6], „პური არ გიჭამიათ, ღვინო და სასმელი არ გისვამთ, რათა გცოდნოდათ, რომ მე ვარ უფალი, თქვენი ღმერთი.” [წიგნი მეორე რჯული თავი 29:6]

Tradition of color designation is not identical between the different peoples. Colour is a powerful visual communication component. Its meaning represents a shared amount of memories which take their origins in the roots of a Country, in its history and, consequently, in its culture. Every country and culture attaches certain symbolic values to colours.

The Bible is rich with imagery and signs woven through its pages. Through the ages, many of the colors found in the Bible have had meanings attached to them. In Christianity white color represents life, goodness, divinity, purity and innocence. The face of the Christ “is light and fine”, and his angels dressed in white clothes, have white wings. In Christian sacraments (the baptism, confirmation, wedding, priesthood) white color symbolizes transition to other spiritual condition. Value of white color is almost always the positive. In our culture the white is as a world

symbol – a white pigeon, a purity and purity embodiment – the bride in a white dress.

“Then I looked, and behold, a white cloud, and seated on the cloud one like a son of man, with a golden crown on his head, and a sharp sickle in his hand.” [Revelation 14:14], «И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп», [Откровение святого Иоанна Богослова 14:14], „გავიხედე და, აჰა, თეთრი ღრუბელი, ღრუბელზე კი მჯდომარე, კაცის ძის მსგავსი: თავს ედგა ოქროს გვირგვინი და ხელთ ეპყრა მჭრელი ნამგალი.” [იოანეს გამოცხადება 14:14]

Connection of history and culture of the people from language viewpoint is clearly shown at phraseological level. The large number of proverbs, sayings reflect the peoples’ peculiar national features, the roots of life, customs and traditions. Let’s compare, for example, English and Georgian proverbs: “Man proposes but God disposes”, «Человек полагает, а бог (судьба) располагает», „კაცი ბჭობდა, ღმერთი იცინოდაო,” “Cristmas comes but once a year”, «Рождество раз в год бывает», „შობა წელიწადში ერთხელ მოდის”, “A man is known by the company he keeps”, «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты», „მითხარ ვისთან მეგობრობ და გეტყვი ვინ ხარო”, “Far from eye, far from heart”, «С глаз долой, из сердца вон», „თვალი რომ თვალს მოშორდება, გული გადასხვაფერდება”, “Love cannot be forced”, «Сердцу не прикажешь», „სიყვარული არ იქნება ძალადა.”

It is known that use of different interesting information in educational process provides increase of informative activity of students, expands their com-

municative opportunities, favors to creation to positive motivation at a lesson, and gives stimulus to independent work over language.

Thus, this type of work will impact not only on formation of students’ informative activity but also promote development of their linguistic, communicative and research skills.

Bibliography

1. Морозова, Е. Твоя лингвосоциокультурная компетенция // Учитель. 2004. № 5. С. 56–57.
2. Adamia, Z. K. The Biblical Phraseological Units in Russian, English and Georgian Languages // Cambridge scholars press. Part III. Comparative Study of Phraseological Units. 2013.
3. Crystal, D. English as a Global Language. Second ed. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. 123 p.
4. Heckhausen, H. Motivation und Handeln. Springer : Heidelberg, 1980.
5. Kuhl, J. Motivation, Konflikt und Handlungskontrolle. Springer: Heidelberg, 1983.
6. Maslova, V. A. Language Cultural Studies. M. : Academia, 2001. 208 p.
8. Ushveridze, N. Biblical Expressions in Georgian, Russian, English, German, French languages / N. Ushveridze, M. Shelia, L. Ratiani, Q. Galobeli. Tbilisi, 2009.
9. Good News Bible. American Bible Society. N. Y., 1992.
10. ლორთქიფანიძე დ. დიდაქტიკა. თსუ. თბილისი 1981. გვ. 65.
11. უზნაძე დ. ზოგადი ფსიქოლოგია. ტ. III–IV, გამომცემლობა „აღმაშენებელი“, თბილისი, 1998. გვ. 502.

St. Neumann Челябинск (Россия)

TANZ MIT MIR – ABER BITTE IM TAKT: VOM INTERKULTURELLEN LERNEN IN SCHULE UND HOCHSCHULE

The article deals with problems of teachers’ education and their intercultural competence. The importance of intercultural trainings is based on the process of globalization and self-identification, ethnocentrism and sensitivity of the teacher.

Keywords: intercultural communication, competence, crosscultural training, identity.

Das Thema des interkulturellen Lernens ist für Hochschullehrer sowie Schullehrer insgesamt höchst relevant, denn der in unserer Zeit zum Schlagwort gewordene Begriff „Interkulturelle Kompetenz“ do-

miniert die Diskussion um Erfolg und Leistung in Schule und Studium und versucht eine richtungsweisende Antwort darauf zu geben, welche Kompetenzen der Lerner als Individuum in einer globalisierten

Welt mit verschwimmenden Grenzen in Wissenschaft und Kultur haben sollte.

Im Zuge von Internationalisierungsprozessen des Studiums, aber auch der schulischen Lernprozesse, beispielsweise durch Auslandsaufenthalte, Schüleraustausche und akademischen Austausch (namentlich insbesondere mit dem DAAD) werden Lerner, zunächst unabhängig von ihrer Berufswahl, gewissermaßen gezwungen, sich in einer Fremdsprache zu verständigen. Zudem trägt diese Entwicklung zur Persönlichkeitsentwicklung junger Menschen bei und sie knüpfen Kontakte mit anderen Menschen, die für sie möglicherweise im Berufsleben von Nutzen sein werden.

Entwicklung interkultureller Kompetenz gelingt durch Teilhabe. Beteiligung an sich in anderen Kulturen ist jedoch eine große Herausforderung jedes einzelnen Individuum: Sie erfordert komplexe Sachverhalte in der Fremdsprache darzustellen, in der Sphäre von Hochschule und Schule typische Kommunikationssituationen zu bewältigen, mit der Organisation von verschiedenen Institutionen zurecht zu kommen sowie Strategien der Verständigung und Zusammenarbeit über sprachliche wie kulturelle Grenzen hinweg zu entwickeln.

Was können wir jedoch unter Interkultureller Kommunikation verstehen? Versuchen wir einen brauchbaren Begriff zu definieren: „Interkulturelle Personen sind fähig, in einen Prozess der Verständigung mit dem Interaktionspartner einzutreten und interkulturelle Missverständnisse zu vermeiden bzw. zu überwinden. Das bedeutet, dass die Person im Erfassen und Ausgleich interkultureller Differenzen fähig ist, so dass in Aushandlungsprozessen eine Relativierung des eigenen Erwartungshorizonts möglich ist und eine Öffnung gegenüber dem Gesprächspartner erfolgen kann (affektive, kognitive

und pragmatisch-kommunikative Kompetenzen, s. Abb. 3)“ [4. S. 30].

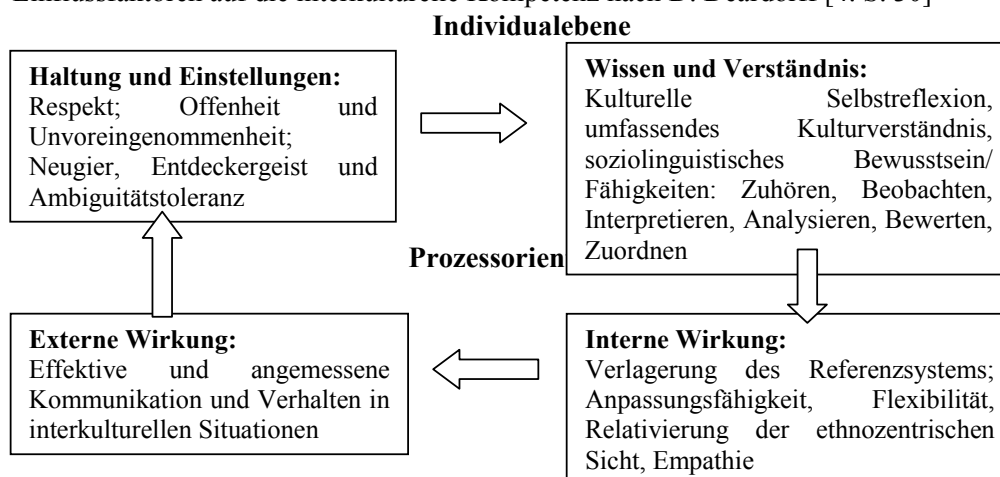
Das folgende Modell von Darla Deardorff, veranschaulicht die Prozesshaftigkeit der Einflussfaktoren in der interkulturellen Kompetenz. Es zeigt die Unabgeschlossenheit der Entwicklung von interkultureller Kompetenz in einem sich selbst verstärkenden Prozess. Erfahrungen in interkulturellen Überschneidungssituationen führen zur Erweiterung von Wissen und Verständnis sowie einer fortschreitenden Relativierung eigener Wahrnehmungsmuster und eigenen Verhaltens. Zwei positive Punkte stellen sich hier ein: Angemessenheit und Effektivität. Der Interaktionspartner wird bestärkt in seinen Einstellungen und motiviert, sein kulturelles Wissen kontextspezifisch zu erweitern und seine Einsichten mithilfe von Selbstreflexionsprozessen zu vertiefen [4. S. 31].

In unseren Bildungsinstitutionen wie Schule und Hochschule eröffnen sich große interkulturelle Konfliktbereiche. Die nachfolgende Grafik zeigt worin sich Konfliktpotenziale zeigen. Wichtig ist, dass ich alle Akteure die Gegebenheiten der eigenen akademischen wie schulischen Besonderheiten und die Differenzen zu anderen akademischen oder Bildungspraktiken bewusst machen, sowie die Bereitschaft andere Lern-, Lehr- und Arbeitsstile zu akzeptieren. Dies gilt einerseits für ausländische Studierende und Schüler in einer anderen Kultur sowie für Dozenten, sich mit Rollenerwartungen und Verhaltensweisen ausländischer Studierender auseinanderzusetzen. In der Interaktion mit Anderen bedeutet dieses, Sensibilität für Irritationen im Kommunikationsablauf zu entwickeln und mit adäquaten Verhaltensweisen zu benennen: Nachfragen, Erklären, Vergleichen etc.

Um in unserem Berufsalltag zu einem Verstehen des Anderen zu gelangen, sind wir stets angehalten uns konfrontativ bzw. dialogisch mit der Andersar-

Abb. 1

Einflussfaktoren auf die interkulturelle Kompetenz nach D. Deardorff [4. S. 30]



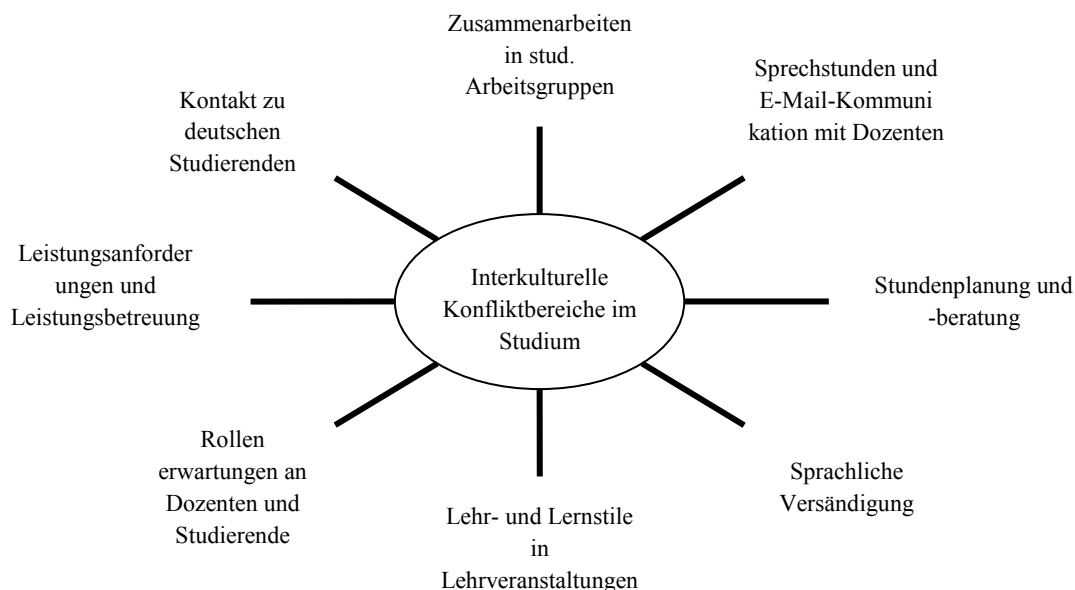


Abb. 2. Interkulturelle Konfliktbereiche im Studium [4. S. 61]

tigkeit des Anderen auseinander zu setzen. Voraussetzung für interkulturelles Verstehen ist sich die Andersheit bewusst zu machen, zunächst also erst einmal anzunehmen.

Das Individuum, das heißt das eigene Ich, steht in einer ständigen Beziehung zu dem anderen Ich; beide beziehen sich aufeinander und stehen folglich in einem dialogischen Prozess: „Das Ich (auch das isolierte) bedarf, um sich als Du zu begreifen des Anderen und der Andere benötigt das Ich, um sich als Anderer zu finden“ [1. S. XXII]. Interkulturelle Kompetenz ist somit eine normative Selbstkonfrontation des eigenen Ichs mit dem anderen Ich [1. S. XXIV]. Das Individuum verzichtet also auf Absolutheitsansprüche und lernt mit Differenzen zu leben! Sensibilisierung und Fokussierung eigener interkultureller Fähigkeiten bei uns selbst ist unabdingbar, d.h. ausgehend von uns als Lehrer- bzw. Dozentenpersönlichkeit sich selbst im Prozess interkulturellen Lernens zu sehen. Verstehen fremder Kulturen (nach G. Hoofstede) ist die Erfahrung, dass Andere kultu-

relle Leistungen erbringen und keine Barbaren sind. Die durch das Fremdverstehen vermittelte Einsicht, hat Rückwirkung auf uns selbst: Die Veränderung des eigenen Vorverständnisses. Das Verstehen ist schlussfolgernd kein absolutes Verstehen.

Was dieses für uns in der alltäglichen beruflichen Praxis für unsere Zielgruppe von Lernern bedeutet zeigen zusammengefasst folgende Kriterien für die Entwicklung interkultureller Kompetenz an Bildungseinrichtungen:

1. Komplexität: Das Lernziel ist vielschichtig.
2. Aktivität: Die Lerner müssen selbst handelnd tätig werden.
3. Systematik: Die einzelnen Aktivitäten sind aufeinander sowie auf das Lernziel abgestimmt.
4. Realitätsbezug: Die Aktivitäten wirken erfahrungsbildend in Bezug auf konkrete Anwendungssituationen [4. S. 74].

Diese verschiedenen Komponenten oder eine Auswahl davon werden im modernen interkulturellen Unterricht thematisiert. Ich möchte hier allerdings

Affektive Kompetenz	Kognitive Kompetenz	Pragmatisch-kommunikative Kompetenz
- Ambiguitätstoleranz - Frustrationstoleranz - Fähigkeit zur Stressbewältigung - Selbstvertrauen, Empathie - Vorurteilsfreiheit, Offenheit und Toleranz - Geringer Ethnozentrismus - Akzeptanz, Respekt gegenüber andern Kulturen - Interkulturelle Lernbereitschaft	- Verständnis der Kulturphänomene in Bezug auf Wahrnehmung, Denken, Einstellung und Handlungsweisen - Verständnis der Kulturunterschiede der Interaktionspartner - Metakommunikationsfähigkeit (Fähigkeit die eigene Kommunikation auf kritische Distanz zu sehen)	- Kommunikationswille- und bereitschaft - Kommunikationsfähigkeit, - Soziale Kompetenz (Beziehung und zu Vertrauen zu fremdkulturellen Interaktionspartnern aufbauen können) - Handlungskonsequenz: Bereitschaft, Einstellungen auch konsequent in Handlungen umzusetzen (sprachlich und äußerlich)

Abb. 3. Tabellarische Übersicht interkultureller Teilkompetenzen

betonen, dass interkulturelles Lernen als ein lebenslanger Prozess anzusehen ist und nicht in wenigen Stunden bzw. Studienjahren zu erlernen ist.

Abschließend möchte ich zusammenfassend sagen, dass es beim interkulturellen Lernen nicht darum geht, dass das Individuum in der Lage ist, den sozialen Regeln und Normen des eigenen Kulturkreises zu entsprechen, sondern das eigene Sozialverhalten aus der Sicht einer fremden Kultur zu hinterfragen. Damit ist nicht gemeint, eigene Werte oder Normen zu ignorieren oder sich vollkommen einer neuen Kultur anzupassen. Es geht um das Bewusstmachen kulturreisiger Verhaltensmuster, das Erkennen kulturbedingter Unterschiede und der Umgang mit diesen, sowie das Zulassen des Wandels und der Dynamik der eigenen Maßstäbe und Sichtweisen, um im Takt mit dem Anderen zu kommunizieren und auszukommen.

Bibliography

1. Bredella, L. Das Verstehen des Anderen // Kulturwissenschaftliche und literaturdidaktische Studien. Tübingen, 2010.
2. Erll, A. Interkulturelle Kompetenzen / A. Erll, M. Gymnich // Erfolgreich kommunizieren zwischen den Kulturen. 3. Aufl. Stuttgart, 2011.
3. Kumbruck, C. Interkulturelles Training / C. Kumbruck, W. Derboven // Trainingsmanual zur Förderung interkultureller Kompetenzen in der Arbeit. 2. Aufl. Heidelberg, 2009.
4. Schumann, A. Interkulturelle Kommunikation in der Hochschule // Zur Integration internationaler Studierender und Förderung Interkultureller Kompetenz. Bielefeld, 2012.

Л. Е. Азарова (Винница, Украина)

МЕТОДИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

This article discusses the basic components of teaching Russian as a foreign language due to changes of situation in the system of teaching foreign students in Ukraine.

Keywords: technology of education, methods of teaching, individual study of foreign students.

Изменение статуса русского языка в Украине выдвигает проблемы исследования мотивации его изучения в высшей школе, описание сфер и ситуаций общения в изменившихся условиях, создания современных учебников и учебных пособий, внедрение в процесс обучения русскому языку как иностранному новых технологий.

За последние десятилетия система обучения иностранных граждан в Украине претерпела значительные изменения: изменился контингент учащихся (в связи с почти стопроцентной ликвидацией системы госзаказа на образование для иностранцев), изменились условия обучения (обучение осуществляется на контрактной основе), изменилась роль русского языка в образовательной системе (обучение ведется на русском, украинском, в некоторых вузах и на английском языках), изменилось и содержание учебных программ как по специальным предметам, так и по русскому языку. В свете изменившейся ситуации является актуальным пересмотр основных составляющих процесса обучения русскому языку как иностранному, его содержательных компо-

нентов, а также методов и приемов, учитывающих уровень подготовки обучаемых и цели их обучения [4. С. 50].

Основная цель обучения языку специальности состоит в практическом овладении русским языком, т. е. приобретении студентом такого уровня языковой компетенции, который позволял бы ему пользоваться иностранным языком в профессионально-деловой коммуникативной сфере. Для этого необходимо использовать совокупность наиболее рациональных способов научной организации труда, а также правил и приемов применения технических средств обучения в учебном процессе. Большое значения в решении основной цели обучения русскому языку как иностранному имеют такие педагогические технологии, которые внедряются в обучение в определенный период времени. Это связано с развитием науки и техники, а также с появлением новых психолого-педагогических концепций.

Практическая цель обучения русскому языку как иностранному заключается в формировании коммуникативной компетенции учащихся, их

способности к устному и письменному общению на изучаемом языке. Другие цели – общеобразовательная и воспитательная. Задачи преподавания историко-филологических дисциплин смещают акценты и выдвигают на первый план общеобразовательную цель – формирование профессиональной филологической компетенции, лингвострановедческих знаний, развитие внимания, памяти, логического мышления, познавательных способностей. Преподавание требует особо тщательного подхода к отбору, изложению материала и контролю над его усвоением, что обусловлено целым рядом факторов (низкий уровень владения языком мы среди них не рассматриваем, так как он является препятствием для преподавания иностранцам любых предметов, в том числе нефилологических) [2. С. 11].

Современные формы обучения иностранному языку соответствуют потребностям современного общества в творческих, способных к постоянному развитию и приобретению знаний специалистах, проявляющих способность к самоорганизации, независимость, высокое самосознание, уверенность в своих силах, сочетание независимости мышления и действий с социальной ответственностью. В таком контексте особое значение приобретают идеи развивающего обучения, главной целью которого является формирование личностной активности обучаемых. Последнее обеспечивает активное отношение к знаниям, систематичность и настойчивость в учебном труде.

Реализация познавательной деятельности, взаимосвязь всех ее аспектов приведет к пониманию объективных закономерностей формирования научного знания и его представления в тексте. Эти качества формируются в ходе аудиторных занятий, сочетающих разные формы индивидуальной и коллективной работы в условиях межличностного общения, и в процессе внеаудиторной работы студентов. Как известно, активность в обучении не принадлежит к врожденным качествам личности. Она формируется в процессе познавательной деятельности и характеризуется стремлением к познанию, умственным напряжением и проявлением нравственно-волевых качеств обучаемых [3. С. 35].

Многие исследователи методики преподавания русского языка как иностранного (Р. В. Воробьев, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров, М. Д. Назарова, Л. Г. Сяхова) рассматривают преподавание иностранных языков как феномен исторического развития, который подчиняется определенным законам. Т. И. Капитонова анализирует современные методы обучения русскому языку иностранцев.

Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации учебного процесса находим в работах С. К. Селевко. Истории преподавания русского языка как иностранного посвящены работы А. Н. Щукина. Инновационные формы работы на уроках русского языка как иностранного исследовали Н. Соосар и Н. Замковая. Ученые Л. В. Московкин, А. Н. Щукин в своих работах рассматривают педагогические технологии в обучении русскому языку как иностранному.

Цель данной статьи – раскрыть сущность изменений, происходящих в процессе обучения русскому языку как иностранному под влиянием языковой ситуации, сложившейся в Украине на рубеже XX–XXI вв. Актуальной является проблема перестройки процесса обучения русскому языку как иностранному в изменившихся условиях. Для этого необходимы новые методические концепции.

За последние два с половиной десятилетия в области методики преподавания русского языка как иностранного была осуществлена большая научно-исследовательская, научно-методическая работа в рамках проблемы «Язык и культура», то есть лингвострановедение. Особенно остро встал вопрос культурологической направленности обучения. Этот интерес приобрел свою актуальность в связи с изменением подхода к изучению иностранных языков. Данные объективные факторы, естественно, повлекли за собой переосмысление лингвострановедческого аспекта в преподавании русского языка как иностранного.

Таким образом, исходным постулатом теории лингвострановедения в Украине является ориентация на изучение украинской культуры в процессе обучения русскому языку через разнообразные носители и источники национально-культурной информации (номинативные и реляционные единицы языка, тексты, зрительную наглядность, средства невербального языка). Следует отметить, что такой подход к лингвострановедению в Украине совершенно не отрицает включения культурологического материала по русской культуре [1. С. 31].

Страноведческая направленность обучения русскому языку как иностранному предполагает усвоение студентами-иностранцами информации о явлениях как русской, так и украинской культуры. Взаимно дополняющими являются учебные темы: «Санкт-Петербург» и «Украина в Петербурге», «Эрмитаж», «Русский музей» и «Музей русского искусства в Киеве». Чтение адаптированных текстов повестей Н. Гоголя из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» («Сорочинская ярмарка», «Ночь

перед рождеством») может предшествовать работе над текстами его петербургских повестей. Преподаватель может предложить студентам тексты русскоязычных произведений таких украинских писателей, как Т. Шевченко, М. Вовчок, Г. Квитка-Основьяненко. С Украиной тесно связана жизнь многих деятелей русской культуры: хирурга Н. Пирогова, живописцев И. Репина и В. Тропинина, писателей А. Пушкина, А. Чехова, М. Булгакова, полководца А. Суворова, композитора П. Чайковского и др. Иностранные студенты, осознавшие важность изучения одного из мировых языков, старательно и добросовестно изучают жизнь выдающихся людей.

Тематические блоки курса краеведения призваны способствовать аккультурации иностранных студентов в процессе знакомства не только с историческими и географическими особенностями страны проживания и обучения, но и, в равной степени, с лингвокультурологическими особенностями духовной и материальной культуры, созданной нацией. Причем необходимо подчеркнуть тот факт, что понятие 'лингвокультурология' применительно к изучаемому курсу русского языка как иностранного следует рассматривать не как пропаганду «шароварного» искусства, а как то подлинное народное творчество, которое испокон веков присуще украинскому народу [1. С. 31–32].

Учебный предмет «Русский язык как иностранный» сосуществует и взаимодействует с дисциплиной «Украинский язык как иностранный». Преподавание в учебных заведениях обоих языков обусловлено двуязычием украинского общества. Студент-иностранец, хорошо овладевший на подготовительном факультете украинским языком, не испытывает особых трудностей в учебной аудитории. В неаудиторное же время его общение не будет полноценным без знания русского языка. На улицах, в магазинах, в транспорте он слышит не только украинскую, но и русскую речь. Украинские сокурсники студента-иностранца, общаясь в аудитории на украинском языке, после занятий, на переменах разговаривают по-русски. На русском языке транслируются передачи целого ряда каналов украинского телевидения.

В процесс обучения студентов-иностранцев курс русского языка на подготовительном отделении вводится не одновременно с курсом украинского языка, а несколько позже. В этом случае украинский язык становится языком-посредником в обучении русскому языку. Преподаватель-русист должен предвидеть, с какими фонетическими, лексическими, грамматическими трудно-

стями столкнутся студенты, овладевшие первичными навыками и умениями речевой деятельности на украинском языке.

В связи с уменьшением количества учебных часов русского языка как иностранного сокращается объем изучаемого материала, снижается уровень владения языком. Если в вузе курс русского языка как иностранного является факультативным, то это значительно снижает интерес студентов к учебе, ухудшает посещаемость. В таких условиях преподавателю-русисту приходится прилагать много усилий для поддержания у студентов интереса к русскому языку. Занимательность, соревновательность, проблемность в обучении – фактор повышения интереса к занятиям. Творческие задания, проблемный текстовый материал, наглядность, ТСО способны активизировать работу учащихся в аудитории. Уменьшение количества аудиторных часов русского языка как иностранного можно компенсировать увеличением объема самостоятельной работы студентов вне аудиторий. Целью внеаудиторной работы в процессе обучения является подготовка к самостоятельной работе по овладению знаниями и использованию навыков самостоятельной работы в профессиональных целях. Поэтому предпосылками успешной самостоятельной работы являются потребность и готовность к пополнению и обновлению знаний. При изучении русского языка как иностранного овладение навыками чтения может служить для учащихся ведущим мотивационным фактором, поэтому с этой точки зрения вопросы обучения чтению заслуживают особого рассмотрения [3. С. 35].

Внеаудиторная работа формирует у студентов умение осмысливать, определять и формулировать свои информационные потребности. Закрепление языковой единицы в сознании может быть менее четким, чем это нужно при аудировании, говорении, письме. Формирование навыков в различных видах чтения (изучающем, ознакомительном, поисковом) не входит в число задач, стоящих перед внеаудиторным чтением. Чтение осуществляется без непосредственного участия в нем преподавателя, и студент сам выбирает приемлемый для него способ чтения.

Внеаудиторное чтение – это чтение для удовлетворения познавательных потребностей конкретной личности. Оно инициируется самим обучающимся, является для него желаемым и интересным, а не вынужденным и подконтрольным. Особенностью названных стратегий является их необязательность, неподконтрольность, они являются выражением инициативы и познавательных потребностей обучаемых, напрямую зависят

от их индивидуально-психологических особенностей, запросов и интересов.

Внеаудиторная работа является продолжением и дополнением аудиторной работы и этапом подготовки к самостоятельному использованию иностранного языка для удовлетворения информационных потребностей и в профессиональных целях [3. С. 36].

Внеаудиторная работа в течение ряда лет способствовала усвоению студентами-иностранцами русского языка, обогащала их информацией о русской культуре. Работали кружки любителей русского языка, проводились олимпиады и конкурсы знатоков русского языка, пушкинские чтения и др. В соответствии со сложившейся в настоящее время конъюнктурой изменяется содержание внеаудиторных занятий. Проводятся олимпиады по украинскому языку, шевченковские чтения, украинские вечерницы и т. д.

Самостоятельная работа – это разнообразные виды индивидуальной и коллективной учебной деятельности студентов, которая осуществляется ими на учебных занятиях или дома по заданию преподавателя, под его контролем, однако без его непосредственного участия. Реализация этих указаний требует от студентов активной умственной деятельности, самостоятельного исполнения разных познавательных заданий, использования ранее освоенных знаний.

Наиболее распространенные виды СРС: работа с учебником, учебными пособиями, дидактическими материалами, персональным компьютером и Internet, решением задач, выполнением упраж-

нений, написанием рефератов и изложений, самостоятельные наблюдения. Наиболее широко СРС используются во время закрепления и совершенствования знаний, умений и навыков. Для проверки знаний, умений и навыков студентов используются разнообразные контрольные работы.

В последние годы наибольшее распространение получили проектные, игровые, интерактивные технологии, «портфолио», «тандем-метод», технологии проблемного обучения.

Изменившиеся условия обучения русскому языку как иностранному требуют пересмотра методических концепций языковой подготовки, перестройки практического курса русского языка.

Список литературы

1. Бондаренко, Л. Н. Формирование культурологической концепции у студентов-иностранцев подготовительных факультетов // Рус филология. Укр. вестн. 1998. № 1–2 (23). С. 31–33.
2. Попадейкина, И. Теория и практика преподавания русского языка как иностранного / И. Попадейкина, Р. Чахор. Вроцлав, 2012. 181 с.
3. Суббота, Л. А. Внеаудиторное чтение с коммуникативной ориентацией // Рус. филология. Укр. вестн. 2003. № 1–2 (23). С. 35–37.
4. Тростинская, О. Н. Изучение коммуникативных потребностей иностранных студентов, обучающихся в вузах естественнонаучного профиля / О. Н. Тростинская, С. П. Остапенко // Рус. филология. Укр. вестн. 2003. № 3–4 (24). С. 50–52.

Г. Н. Акбаева (Караганда, Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ БАЗОВЫХ И ПРОФИЛИРУЮЩИХ ДИСЦИПЛИН НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ ВУЗА

This article presents the results of analyses in the question of defining the peculiarities of teaching English and some disciplines in English. It is necessary to take into consideration the peculiarities of teaching disciplines in English, which influence on training students of different specialties and their readiness to work according to their specialty in all spheres of the state and abroad, using their professional knowledge in English.

Keywords: teaching in English, non-language specialties at the university, translation difficulties, special aspects of foreign language teaching, base subjects and majors.

В современном мире овладение, как минимум, одним иностранным языком становится неотъемлемым требованием профессиональной компетенции специалиста. Так как на данный момент

согласно последним нормативным документам и законодательным актам Республики Казахстан ведется активная работа в области языковой политики и делается основной акцент на подго-

товку полиязычных специалистов. В процессе обучения специалистов основное внимание отводится не только языковой подготовке, но и проблеме преподавания базовых и профилирующих дисциплин учебного плана на английском языке на неязыковых специальностях вуза. Следовательно, считаем необходимым остановиться на проблематике преподавания базовых и профилирующих дисциплин, а именно на роли и особенностях преподавания их на иностранном языке.

На наш взгляд, первоначально следует рассмотреть данную проблематику с позиции преподавания английского языка и преподавания специальных дисциплин на английском языке.

Как известно, при преподавании иностранного языка основной акцент делается на формировании языковых и совершенствовании четырех видов речевой деятельности.

Что касается процесса преподавания базовых и профилирующих дисциплин, здесь следует учитывать ряд особенностей, которые, в свою очередь, могут быть определены при проведении параллели между языковой подготовкой и подготовкой специалистов на иностранном языке.

В первую очередь, следует остановиться на выявлении особенностей преподавания английского (др. иностранного) языка. Возникает необходимость определения существующих особенностей преподавания иностранного языка.

Первая особенность – это сложность изложения лексического материала, а именно:

- присутствие многозначности слов, т. е. полисемии. Например: ‘development’ – ‘освоение, разработка, развитие’; ‘integrated oil and gas development’ – ‘комплексное освоение нефтяных и газовых месторождений’; ‘development engineer’ – ‘инженер-разработчик пласта’; ‘development well’ – ‘эксплуатационная скважина’.

- синонимичность слов;

- виды эквивалентности. Например: ‘курс, курс нашего правительства’ – ‘our government’s policy’; ‘курс доллара’ – ‘dollar exchange rate’; ‘студент третьего курса’ – ‘a third-year student’.

- сложности перевода. Например: слово ‘объект’ – один из самых непростых терминов для перевода. Несмотря на то, что в русском языке это заимствованное слово, оно чрезвычайно редко переводится столь очевидным словом, как ‘object’. В техническом смысле ‘объект’ – это ‘facility’; ‘линейный объект (о трубопроводе)’ – ‘linear facility’; в финансовом плане ‘объект’ (в значении ‘актив’) – это ‘asset’; ‘объект недвижимости’ интерпретируется как ‘non-movable asset’. Русское слово ‘объект’ характеризуется очень широкой семантикой и не имеет полного соот-

ветствия в английском языке, поэтому его перевод в каждом случае определяется контекстом, например:

- ‘объект разработки’ – ‘development target’;
- ‘геологический объект’ – ‘geologic feature’;
- ‘объект инвестирования’ – ‘investment target’.

Вторая основная особенность – наличие фоновых (экстралингвистических) знаний. Возникает вопрос о сущности понятия ‘экстралингвистика’ и ее роли в образовательном процессе. В соответствии с лингводидактическим словарем [3. С. 752], **экстралингвистика** – это область языкознания, изучающая совокупность этнических, социальных, географических и других факторов, неразрывно связанных с развитием и функционированием языка, все средства языка являются лингвистическими знаниями, они изучаются этой наукой, а экстралингвистические знания не связаны напрямую с лингвистикой, т. е. не изучаются ею и находятся за её пределами. Как известно, в раннем возрасте многие из нас наблюдали, как взрослые читают книги. Дома, в общественном транспорте, библиотеке, неважно где. Да и нам самим читали вслух сказки, басни, рассказы. Некоторые дети не имеют такого доступа к чтению – то ли в их семьях не увлекаются книгами, то ли по каким-либо другим причинам. Простые две ситуации показывают разные восприятия чего-либо (в данном случае – процесса чтения книг), разные представления об этом процессе и разные ожидания относительно его результатов. Одним словом, каждая из этих простых ситуаций подразумевает определённые фоновые знания, которые дети приобретают, о важности чтения книг. В процессе перевода фоновые знания являются ключевым компонентом понимания того, что мы читаем или воспринимаем на слух, а затем переводим. Они, фактически, предваряют знания о предмете и помогают получить о нём новую информацию.

Поскольку нашим «предметом» является язык страны, на котором в ней говорят, то для успешного изучения нам необходимы следующие пререквизиты, т. е. знания (в нашем случае фоновые знания):

- 1) историко-культурный фон (сведения о том, как развивалась страна, её культура и общество в историческом процессе). Например: ‘the Prime Minister spoke a few words from a window in Number 10’ (любому англичанину хорошо известно, что в доме № 10 по улице Даунинг-стрит в Лондоне расположена резиденция премьер-министра, а вот у нас об этом известно далеко не всем);

- 2) социокультурный фон (сведения о взаимоотношениях в обществе, нормах, ценностях, формулах этикета, языке жестов);

3) этнокультурный фон (сведения о традициях, быте, национальных праздниках). К примеру, ‘... for desert you got Brown Betty, which nobody ate...’ – ‘...на сладкое – “рыжую Бетти”, пудинг с паточкой, только его никто не ел’;

4) семиотический фон (сведения о национальной символике и топографических обозначениях). Перевод имён собственных, например, фамилия одного из полюбившихся нам персонажей английской классической литературы переведено Ватсон, а не Уотсон.

Третьей особенностью являются психолого-педагогические аспекты преподавания иностранного языка, а именно:

- языковая адаптация;
- языковой барьер, культурный и языковой шок;
- недостаточный лексический багаж.

Четвертой особенностью является определение объекта преподавания иностранного языка и дисциплин на иностранном языке. В процессе преподавания иностранного языка объектом является обучение языку.

Проводя параллель между исследуемым феноменом, считаем необходимым детально остановиться на каждой из вышеперечисленных особенностей преподавания дисциплин на английском языке:

- терминология, как известно, подразделяется на общенаучную (80 % от общей лексики), которая используется в различных областях знаний и принадлежит научному стилю речи в целом: ‘эксперимент’, ‘адекватный’, ‘эквивалент’, ‘прогнозировать’, ‘гипотетический’, ‘прогрессировать’, ‘реакция’ и т. д., и на узкоспециализированную (20 %) лексику. При переводе определенных терминов можно столкнуться с рядом проблем, таких как ложный перевод, потеря содержания и несоответствие исходному термину. Остановимся на нескольких примерах, характеризующих анализируемое явление – интернационализмы в роли «ложных друзей переводчика» [1. С. 384], которые представлены в табл. 1.

Примеры показывают, что в одних случаях буквальный перевод оказывается стилистически неточным, в других – приводит к смысловым искажениям. Большинство из приведенных примеров содержат общенаучную интернациональную лексику, при переводе которой постоянно допускаются ошибки.

Узкоспециализированную лексику, на наш взгляд, нет необходимости разъяснять (лексика, относящаяся к определенной науке). Не только среди студентов, но и среди преподавателей распространена проблема подачи вариантов эквивалентности и синонимичности слов (табл. 2).

Таблица 1

Примеры перевода интернациональных слов

Минимальный контекст с интернациональным словом	Вариант переводчика	Вариант редактора
<i>adequate pressure</i>	<i>адекватное давление</i>	<i>правильный выбор давления</i>
<i>candidate fumer compositions</i>	<i>кандидатные газообразующие составы</i>	<i>представляющие интерес газообразующие составы</i>
<i>ideal delivery promise' date</i>	<i>идеальная гарантийная дата выпуска продукции</i>	<i>теоретическая гарантийная дата выпуска продукции</i>
<i>is only marginally larger</i>	<i>только marginally больше</i>	<i>лишь немного больше</i>

Таблица 2

Корректные и некорректные варианты перевода

Понятия	Корректный вариант перевода	Некорректный вариант перевода
Actual	Фактический, действительный	А не актуальный (current, vital)
Data	данные	А не дата (date)
Economic	экономический	А не экономный (economical, practical)
Fraction	Дробь (математика)	А не фракция (faction)
List	список	А не лист (leaf/sheet)
Invalid	недействительный	А не инвалид (disabled, physically challenged)
Production	производство	А не продукция (produce, products)
Prospect	перспектива	А не процесс (avenue)

Следующая немаловажная особенность иностранного языка:

- во-первых, иностранный язык как учебный предмет выступает и средством, и целью обучения. Обучаемый усваивает языковые средства, овладевает разными видами речевой деятельности, которые до определенного момента выступают целью обучения, а затем используются им для освоения более сложных языковых действий, т. е. являются уже средством обучения;

- во-вторых, иностранный язык как учебный предмет является «неоднородным». Рассматри-

вая аспекты языковых явлений, можно сказать, что их исходную базу составляет речевая деятельность, которая и является основным объектом обучения иностранному языку. Г. В. Колшанский отмечает, что «...независимо от степени владения языком знание отдельных элементов языка – отдельных слов, отдельных предложений, отдельных звуков – не может быть отнесено к понятию владения языком как средством общения. В учебных целях независимо от различных видов и форм обучения языку – от курсов до специализированного вуза, от общеобразовательной школы до школы с преподаванием ряда предметов на иностранном языке – владение языком всегда должно рассматриваться в плане способности участвовать в реальном общении» [2. С. 13].

Таким образом, выявление особенностей преподавания базовых и профилирующих дисциплин обуславливает характер образовательной политики, так как в республике активизируется государственный заказ на подготовку инженерных, медицинских, педагогических и других специальностей со знанием иностранного языка. Формирование профессиональной компетенции специалиста различных профилей на современном этапе развития высшей школы немыслимо

без интеграции в общую систему подготовки языкового образования. В условиях глобализации и активного вхождения Казахстана в мировое сообщество, на фоне бурно развивающихся деловых, правовых, культурных и научных связей с зарубежными странами одним из требований, предъявляемых к выпускникам неязыковых специальностей, является практическое владение одним или несколькими языками международного общения. В современных условиях каждый специалист с высшим образованием должен владеть иностранным языком и быть способным к иноязычному общению в любых социально-бытовых и профессионально значимых ситуациях.

Список литературы

1. Акуленко, В. В. Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика. М. : Совет. энцикл., 1969. 384 с.
2. Колшанский, Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения // Иностр. яз. в шк. 1985. № 1. С. 10–15.
3. Щукин, А. Лингводидактический энциклопедический словарь. М. : Астрель : АСТ, 2007. 752 с.

Ю. В. Баканова (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО КОГНИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ВУЗА

In modern education system the main task is teaching a foreign language as a means of communication. It requires special knowledge, speech and communication skills from students. It is the basis of foreign language cognitive capacity. In this article the use of educational dialogue and educational text is seen as one of means of intensification of foreign language teaching process. They mean value interaction of teacher and student, contribute to the understanding of information, activity and feedback of the participants.

Keywords: foreign language cognitive capacity, modeling, interaction on teacher and student, foreign language competence, professional environment, intensity.

Потребность в специалистах, владеющих иностранным языком, особенно возросла в настоящее время в связи с развитием международных контактов, освоением новых технологий и интенсификацией профессиональной деятельности в тесном контакте с зарубежными специалистами.

Обусловленная социальным заказом общества разработка вопросов обучения иностранным языкам специалистов является одной из самых актуальных проблем преподавания иностранных языков. В новой концепции обучения иностран-

ному языку в неязыковом вузе подчеркивается, что иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля.

Проблемам обучения иностранному языку в неязыковом вузе уделяется пристальное внимание многими педагогами-исследователями. Задачи вузовского курса определяются в первую очередь коммуникативными и познавательными потребностями специалистов соответствующего профиля, и он включает изучение закономер-

стей языка, мышления, особенностей речекommunikативной деятельности, а также моделирование и обучение ситуациям коммуникативного воздействия.

Для студентов неязыковых специальностей предмет «иностранный язык» является непрофилирующим, а потому, чтобы сделать процесс обучения наиболее эффективным и целенаправленным, преподаватель должен четко представлять себе роль и место иностранного языка в жизни и деятельности будущего профессионала. Для студентов неязыковых специальностей в качестве сферы применения иностранного языка выступают: чтение (литература по специальности, периодическая печать, иногда художественная литература по страноведению); общение (как правило, официально-деловое, неофициально-деловое, а при определенных условиях и повседневное); учебная и научно-исследовательская работа, хотя в каждом конкретном случае особенности применения иностранного языка обусловлены содержанием деятельности студента или специалиста, профиля вуза.

В качестве первоочередной выступает задача обучения иностранному языку как средству общения, решение которой предполагает наличие у студентов комплекса иноязычных знаний, речевых и коммуникативных умений, что и является базисом иноязычного когнитивного потенциала. В связи с этим особую актуальность приобретают принцип коммуникативности и принцип интегративности профессиональных и иноязычных знаний в обучении иностранному языку. Владение иностранным языком как средством общения требует умения ориентироваться в определенной ситуации, находить наиболее эффективные пути и средства решения возникающих задач, прогнозировать результаты своей учебно-коммуникативной деятельности [2. С. 20].

Готовность к решению задач по овладению иностранным языком как средством общения предполагает наличие лингвистической, коммуникативной и технической компетенции, т. е. наличие различных типов иноязычных знаний, владение способами, приемами и средствами актуализации этих знаний в конкретной ситуации, владение навыками чтения, аудирования, говорения и письма на изучаемом языке. Она предполагает и способность проявлять умственную и познавательную активность, самостоятельность и самоорганизацию при решении коммуникативно-познавательных задач.

Различный уровень владения системой иноязычных знаний, навыков, умений, а также различная степень активности и самостоятельности

личности определяют и различный уровень готовности к принятию самостоятельных решений и совершению самостоятельных действий.

Умение личности студента конструировать и проектировать свою деятельность, как иноязычную, так и креативную, реализуется лишь только в условиях осознанной оценки личностью своего собственного «Я» и значимости индивидуальных иноязычных знаний в соответствии с уровнем коллективных знаний и коллективного сознания.

В этом аспекте весьма оправданным нам представляется пересмотр содержания учебной работы студентов в рамках овладения ими иностранным языком. Имеется в виду переориентация педагогического целеполагания учебной работы студентов: от сугубо учебной деятельности к «квазипрофессиональной», в которой сочетаются черты учения и профессиональной деятельности.

Необходимо создание обстановки профессиональной деятельности в учебных условиях. В этом случае учебная информация выполняет не только функцию целей и предмета иноязычного восприятия, но является средством оптимизации профессиональной деятельности.

Иностранный язык и иноязычные знания следует рассматривать и как особый вид человеческой деятельности. Это предполагает наличие у студентов умений управлять своими знаниями и проектировать будущую деятельность. В этом смысле особое внимание следует уделять развитию абстрактного мышления студентов, умения соотносить когнитивный потенциал с реальными запросами общества, равно как обогащению эмоционально-ценностной сферы личности обучаемого. Следует рассматривать иностранный язык как развитие и передачу индивидуального знания и переход его в коллективное знание.

Иностранный язык, иноязычные знания составляют основу иноязычного когнитивного потенциала, а он, в свою очередь, иноязычной компетенции, и создают предпосылки к развитию речемыслительной деятельности, а это определяет умение студента управлять знаниями и деятельностью. Таким образом, педагогическая задача состоит в том, как обеспечить объем иноязычных и профессиональных знаний и в каком отношении они способствуют развитию иноязычного когнитивного потенциала.

В рамках профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля особое внимание уделяется навыкам общения в профессиональных ситуациях. Известно, что на когнитивном уровне знания и умения, необходимые будущим специалистам для успешной иноязычной профессиональной деятельности, суще-

ственно разнятся в соответствии с областью науки из-за профессиональной ориентированности тезауруса как составляющей когнитивной базы языковой личности.

Одной из особенностей коммуникативно направленного обучения иностранному языку является соединение усвоения языковых норм и общения как основного вида деятельности в модели обучения 'человек – человек'. Обучение межкультурному профессиональному общению предполагает усвоение профессиональных и лингвосоциокультурных концептов «инофонной речевой общности» [3].

Анализ опыта преподавания английского языка в университете показывает, что приобщение студентов к профессиональным фрагментам англоязычной картины мира существенно ограничено отсутствием в их картине мира многих стереотипных ситуаций общения, свойственных социуму страны изучаемого языка. Наибольшие трудности при обучении иностранному языку вызывают такие ситуации делового общения: установление личных контактов, написание деловых писем, беседы по телефону и т. д., носители русского языка имеют ограниченные знания стратегий коммуникативного развертывания вышеназванных ситуаций на когнитивном уровне.

Предметом познавательной деятельности студентов, изучающих иностранный язык, должны стать типичные ситуации, возникающие в деловом общении в англоязычном социуме. Достигается это путем моделирования в учебном процессе ситуаций профессионального сотрудничества, в которых иностранный язык выступает как инструмент социального взаимодействия личности и профессионального инофонного коллектива.

Профессиональная коммуникация предполагает такие речевые действия, как презентация материала, письменный и устный обмен информацией, выражение мнения, обсуждение и т. д.

Ситуациям делового общения целесообразно обучать в определенной последовательности, которая, в свою очередь, соответствует основным коммуникативным потребностям личности (краткоустановочные, информационные, воздейственные) и этапам профессионального обучения.

Обучение деловому общению включает два аспекта:

- обучение языку взаимодействия;
- профессионально ориентированное обучение ценностям и знаниям, понятийному аппарату профессионально-интеллектуальной, социокультурной сфер личности, из которых исходят участники общения.

Завершает процесс формирования профессиональной иноязычной компетенции у вторичной языковой личности знакомство с межкультурными особенностями поведения представителей речевой общности в деловых ситуациях.

Таким образом, формирование иноязычной компетенции, которая непосредственно зависит от развития иноязычного когнитивного потенциала языковой личности, у студентов неязыковых специальностей представляет собой сложное лингвопедагогическое явление, обусловленное наличием определенных фундаментальных и лингвистических знаний, взятых в определенных пропорциях и в определенной последовательности.

Лингводидактический аспект формирования иноязычной компетенции связан прежде всего с моделированием речекоммуникативной деятельности в учебном процессе и решением как лингвистических, так и дидактических задач.

Обязательным условием успешного развития иноязычного когнитивного потенциала личности студента наряду с аксиологизацией содержания лингвистического образования и межпредметной интеграцией становится методическое обеспечение процесса его развития.

Основной составляющей развития иноязычного когнитивного потенциала является личность студента в многообразии проявлений ее ценностных отношений. Система ценностных отношений личности определяет учебно-познавательную мотивацию в иноязычной профессионально значимой деятельности. Методическое обеспечение процесса развития иноязычного когнитивного потенциала студентов университета предполагает создание аксиологически значимой профессионально ориентированной среды в образовательном процессе. Это вполне соотносится с процессом гуманитаризации высшего образования.

Аксиологически значимая профессионально ориентированная среда подразумевает наличие таких образовательных условий, которые влияют на актуализацию аксиологических смыслов личностного и профессионального самоопределения личности студента.

Обеспечение процесса развития иноязычного когнитивного потенциала студентов университета выстраивается путем применения следующих организационных форм и методов:

- 1) учебный диалог;
- 2) учебный текст;
- 3) интенсивность иноязычного материала.

Методическое обеспечение процесса развития иноязычного когнитивного потенциала студентов вуза предусматривает:

– учет основных блоков когнитивного потенциала (информационно-когнитивный, деятельностный, ценностный);

– учет основных этапов развития когнитивного потенциала (начинающий, формирующий, завершающий);

– активизацию механизмов развития иноязычного когнитивного потенциала студентов университета.

Основной целью в таких условиях является развитие иноязычного когнитивного потенциала студентов. Построение личностного знания предполагает в педагогическом образовании смещение акцента с монолога на учебный диалог. На основе диалога как обмена не только значениями, но и личностными смыслами создаются условия для совместного «проживания» процесса образования его непосредственными участниками [1].

Монолог как стиль взаимодействия ‘преподаватель – студент’, ‘студент – содержание образования’ существенно ограничивает возможности образования, поскольку не адекватен гуманитарной природе образовательного процесса.

В применении к развитию иноязычного когнитивного потенциала учебный диалог предполагает:

– ориентацию на духовные потребности личности студента и личности преподавателя;

– аксиологизацию развития иноязычного когнитивного потенциала.

Учебный диалог включает в себя многие педагогические функции: информационную, креативную, профессионально значимую. В ходе учебного диалога формируется аксиологически значимая профессионально значимая среда в образовательном процессе. В этой среде происходит диалоговое взаимодействие студента и преподавателя; актуализируются ценностные отношения личности студента и преподавателя. Следовательно, учебный диалог предъявляет высокие требования к педагогической культуре преподавателя и к культуре общения студентов.

Учебный текст должен продуцировать личностные смыслы читателя, порождать «вторичный текст». Понимание учебного текста является способом сопереживательного и сомнительного отношения к миру в целом и разворачивается в поле смыслов. Отношение между значением и смыслом учебного текста можно представить как отношение между всеобщим и его личностным (субъективным) отражением: значения принадлежат языку, а смыслы – личности.

Аксиологическая сущность интенсивности иноязычного материала в современной психоло-

го-педагогической и методической литературе (В. И. Богородицкая, Н. И. Минина, Г. А. Китайгородская) определяется, как правило, такими понятиями, как компрессия, сжатость, насыщенность. Интенсификация процесса обучения опирается на ценностное отношение студента к изучению иностранного языка, которое имеет место с осознанием важности владения английским языком как средством международного общения.

Анализ научных трудов подтвердил, что интенсификацию обучения авторы рассматривали чаще всего как комплекс внешних условий: снижение временных затрат и усилий субъектов учебного процесса, увеличение напряженности, использование автоматизированных систем в обучении, оптимальная организация обучения, максимальная результативность, повышение производительности учебного труда, повышение качества образования, скорость усвоения заданной деятельности и т. д.

Аксиологический подход к процессу интенсификации иноязычного материала требует учета не только внешних обстоятельств обучения, но и актуализации внутренних побуждений личности в процессе обучения: мотивов, потребностей, ценностных ориентаций, стремлений, притязаний.

В данной статье использование учебного диалога и учебного текста рассматривается как одно из средств интенсификации процесса обучения иностранному языку. Они подразумевают ценностное взаимодействие преподавателя и студента, способствуют пониманию транслируемой информации при взаимодействии, активности и обратной связи участников и при обязательном творческом использовании новых присвоенных знаний.

Результатом интенсивности иноязычного материала является познавательная самостоятельность студентов в использовании языка и приемов поиска, обработки необходимой информации соответственно их потребностям.

Интенсивность курса иностранного языка понимается как мера его присвоения студентами и актуализация как способа выражения собственных мыслей. Интенсивность обучения, понимаемая с вышеуказанных позиций, опирается на принципы построения учебного диалога и учебного текста. Присвоение студентами иностранного языка есть постижение смыслов, заключенных в иноязычных текстах.

Как показали результаты исследования, в процессе овладения содержанием спецкурсов, связанных с профессионально ориентированным переводом, в условиях ценностно-ориентированных форм и методов обучения студенты различных специальностей показали в большинстве

случаев высокий уровень владения профессионально значимой лексикой на английском языке.

Список литературы

1. Библер, В. С. Диалог культур // Современные образовательные технологии / под ред. Г. В. Селевко. М. : Нар. образование, 1998. С. 158–164.

2. Вербицкий, А. А. Проблемы гуманизации образования в условиях новой образователь-

ной парадигмы : монография / А. А. Вербицкий, Н. В. Жукова. М., 2006. 99 с.

3. Елизарова, Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб. : Союз, 2001. 291 с.

4. Ольховая, Т. А. Становление субъектности студента в университете. Оренбург, 2006. 181 с.

5. Сафонова, В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж : Истоки, 1996. 239 с.

Л. А. Бурмагина (Костанай, Казахстан)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСЕН НА УРОКАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

The literary text of the songs gives students to enrich their vocabulary with new lexical units, activate the previous language material (words, grammatical constructions), facilitates the understanding of specific sounds, sound combinations, intonation models, develops the ability of expressive speech. Numerous repetitions specific for song genre, promote easy and involuntary memorization of lexical and grammatical structures, thereby increasing the effectiveness of training. Song stimulates interest, attention, activity, desire to learn a foreign language in the classroom creates a "language environment" and is one of the most effective means of developing communicative competence.

Keywords: song material, teaching situation, motivation to learn foreign language, communicative aspect, sociocultural aspect, relaxation, language environment.

Комплексное решение практических, образовательных, воспитательных и развивающих задач обучения ИЯ возможно лишь при условии не только воздействия на сознание учащихся, но и на проникновение в их эмоциональную сферу. Одним из наиболее эффективных способов воздействия на чувства и эмоции школьников является музыка.

Известный педагог Ян Амос Коменский писал, что тот, кто не знает музыки, уподобляется не знающему грамоты.

Песенный жанр как один из важных жанров музыкального творчества благодаря наличию вербального текста способен точно и образно отразить различные стороны социальной жизни народа страны изучаемого языка; воздействовать на интеллект, эмоции ребёнка и его образно-художественную память; содействовать эстетическому воспитанию детей. Проникновение в стихию изучаемого языка предусматривает не только знакомство с его фонетической, лексической и грамматической сторонами речи. Оно не может быть достаточно глубоким без знакомства с лингвострановедческими реалиями, важную часть которых составляет музыка народа-носителя языка [1. С. 12–13].

Музыка и пение могут оказать неоценимую помощь в изучении иностранного языка. Использование песен стимулирует мотивацию, способствует лучшему усвоению языкового материала. Песни способствуют совершенствованию навыков иноязычного произношения, запоминанию новой лексики и грамматики, устойчивых выражений и клише. Песня, с одной стороны, является образцом звучащей иноязычной речи, а с другой, носителем культурологической информации. Передовые мыслители и педагоги прошлого заботились о том, чтобы песни и пение занимали определенное место в обучении подрастающего поколения. К. Д. Ушинский считал, что совместное пение на уроке – это могучее педагогическое средство, которое организует, объединяет школьников, воспитывает их чувства.

Использование песен на изучаемом языке актуально не только на начальном этапе обучения иностранному языку. Поскольку, во-первых, учащиеся приобщаются к культуре страны изучаемого языка, во-вторых, при работе с песнями создается хорошая предпосылка для всестороннего развития личности ребёнка, ибо специально

отобранные песни стимулируют образное мышление и формируют хороший вкус.

Методические преимущества песни в обучении ИЯ:

- это средство более прочного усвоения и расширения лексического запаса,
- в песнях лучше усваиваются грамматические конструкции,
- совершенствуются навыки иноязычного произношения,
- создается благоприятный психологический климат, снижается психологическая нагрузка, повышается эмоциональный тонус, поддерживается интерес к изучаемому языку,
- песни стимулируют монологические и диалогические высказывания, служат основой развития речемыслительной деятельности школьников.

В зависимости от методической задачи отдельного этапа урока песенный материал используется:

- 1) для фонетической зарядки на начальном этапе урока;
- 2) на этапе введения, первичного закрепления и тренировки в употреблении лексического и грамматического материала;
- 3) на любом этапе урока как стимул для развития речевых навыков и умений;
- 4) как своего рода релаксация в середине или конце урока, когда учащимся необходима разрядка, снимающая напряжение и восстанавливающая их работоспособность [2. С. 42].

Как показывает практика, петь на иностранном языке любят дети разного возраста. Использование песен на уроках иностранного языка значительно облегчает учебный процесс, делает его ближе и доступнее детям. Песня является одним из приёмов, позволяющим включить в активную работу всех учащихся и способствует эстетическому воспитанию.

Методика использования отдельной песни предусматривает предварительное введение, активизацию и закрепление лексического и грамматического материала. Этапы работы над песней зависят от поставленных преподавателем целей и задач, хочет ли он на основе песни ввести и закрепить новый лексический и грамматический материал, либо песня является всего лишь музыкальной иллюстрацией при изучении страноведческого материала или учитель хочет использовать песню как средство релаксации на уроке [3. С. 35].

Песни несут в себе огромный дидактический потенциал: способствуют правильному произношению, тренируют лексику и грамматику, развивают мотивацию, знакомят с различными

направлениями музыки, позволяют сравнивать в интеркультурном аспекте, способствуют развитию навыков аудирования, развивают творчество, способствуют развитию фонетических, лексических и грамматических навыков, создают дружескую атмосферу, развивают эстетическое восприятие, облегчают изучение ИЯ, делают урок разнообразным, являются исходным пунктом для собственного сочинения песен.

Необходимо рассмотреть примерную последовательность работы над песней на уроках немецкого языка.

Checkliste für die Didaktisierung eines Liedes:

- Kenne ich die Musikrichtung/ Liedtyp?
- Entspricht der Liedtext dem Leistungsniveau?
- Ist die Liedstruktur transparent?
- Was steckt im Lied an Landeskunde?
- Soll man die landeskundlichen Elemente vor/während/ nach der Liedrezeption erschließen?
- Gibt es unbekannte/ schwierige Redemittel, die das Verständnis verhindern?
- Wie gestalte ich die Vorentlastung/ den Einstieg? Welches Verfahren passt am besten?
- Wieviel Mal lasse ich das Lied hören?
- Welche Aufgaben formuliere ich bei jedem Hören?
- Wann sollen die Schüler den Text bekommen?
- Wieviel Mal soll man mitsingen?
- Welche Aufgaben kommen nach der Liedrezeption? Mit welchen Fertigkeiten hängen sie zusammen?
- Welche Sozialformen sind bei der Arbeit zweckmässig? [5. С. 24]

Работа над песней включает несколько этапов:

Phasen	Funktion	Schwerpunkte
Vor-Phase	Einstieg Motivation Vorkenntnisse aus dem Bereich „Liedermacher“ Vorentlastung durch Assoziogramm, Sprechungen, Paralleltext	Ideen/Wörter sammeln Bilder/ Zeichnungen machen Redemittel aus dem Lied aktualisieren
Während-Phase	Liedrezeption Musikrichtung bestimmen Selektiv/global verstehen Liedstruktur erkennen	Paralleltext/ Hypothesen mit dem Liedtext vergleichen Liedteile erschließen Mitlesen/ mitsingen/ Spiele Selbst singen

Nach-Phase	Landeskundliche und interkulturelle Aspekte besprechen Stellung nehmen Selbst ein ähnliches Lied produzieren Wortschatz/ Grammatik erarbeiten Liedtext erweitern/ spielen	Liedtextinterpretation Mit Vermutung/ Perspektiven wechseln Zeichnungen Rollenspiele
------------	---	---

Didaktisierungsvorschlag.

1. *Песня – знакомство «Ich heiße Katrin».*

Ich heiße Katrin

Und komm aus Berlin.

Und ich heiße Kurt

Und komme aus Furth.

Wir kommen aus Deutschland

Und sagen „Hallo!“

Jetzt wollen wir singen,

denn Singen macht froh.

Und Sie? Wie heißen Sie?

Und Sie? Woher kommen Sie? [6. С. 12]

Vor dem Hören: Wortigel: Welche deutsche Namen kennen Sie?

Welche deutschen Städte kennen Sie?

Während des Hörens: Welche Namen und Städte hören Sie im Lied?

Geschnittenes Lied geben. Versuchen Sie das Lied zusammenstellen! Lesen Sie das Lied!

Nach dem Hören: Hören Sie das Originallied noch einmal und vergleichen Sie Ihre Variante mit dem Original!

Singen Sie das Lied im Chor/ in Gruppen/ zu zweit! Tauschen Sie die Namen und Städte auf russische und kasachische!

Setzen Sie das Lied fort! Finden Sie Reime und singen Sie Ihre Variante!

2. *Das Lied “Laurentia”*

Laurentia, liebe Laurentia mein,

wann werden wir wieder zusammen sein?

Am Montag.

Ach, wenn es doch jeden Tag Montag wär,

und ich mit meiner Laurentia wär,

Laurentia mein!

Laurentia, liebe Laurentia mein,

wann werden wir wieder zusammen sein?

Am Dienstag.

Ach, wenn es doch jeden Tag Montag, Dienstag wär,

und ich mit meiner Laurentia wär,

Laurentia mein! [6. С. 55]

Vor dem Hören:

1. Buchstabensalat “CHOWE”

2. Assoziationen sammeln zum Wort “WOCHE”

3. Wochenplan bilden(in Gruppen)

4. Präsentatin des Wochenplanes.

Während des Hörens:

1. 1,2 Strophe des Liedes präsentiren

2. Über den Inhalt sprechen(selektiv verstehen)

3. Hypothesen nach 2 Strophen sammeln! (Was meinen Sie? Kommt sie? Wann? Am.....?)

4. Wahrnehmung ohne Text(selektiv verstehen)

5. Wahrnehmung mit dem Text(Mitlesen, Mitsingen mit Turnübungen)

Nach dem Hören: 1. Rollenspiel: Laurentia-Junge (Dialog machen)

2. Selbst ein Lied produzieren! (dem Muster nach)

Таким образом, музыка и песни играют большую роль в эстетическом воспитании учащихся, являясь эффектным дополнительным материалом, который знакомит со страной, историей, обычаями, нравами, культурой, литературным и музыкальным творчеством ее народа, его литературно-музыкальным наследием, позволяет оценить его. Литературный текст песен дает студентам и учащимся обогатить свой словарный запас новыми лексическими единицами, активизировать пройденный языковой материал (отдельные слова, грамматические формы, конструкции), облегчает усвоение специфических звуков, звукосочетаний, интонационных моделей, совершенствует умения экспрессивной речи. Многочисленные повторы, характерные для песенного жанра, способствуют легкому и непроизвольно-му запоминанию лексико-грамматических конструкций, тем самым повышая эффективность тренировки. Песня стимулирует интерес, внимание, активность, желание изучать иностранный язык, создает на уроке «языковую среду» и является одним из эффективных средств развития коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Артюкова, В. А. Песня на уроке немецкого языка в старших классах // Иностр. яз. в шк. 1997. № 1.

2. Белякина, В. Н. Методическая почта // Иностр. яз. в шк. 2004. № 5.

3. Лащикова, И. И. Песня на уроках немецкого языка // Иностр. яз. в шк. 2003. № 4.

4. Кудравец, О. В. Музыка и песни на уроках немецкого языка // Иностр. яз. в шк. 2001. № 2.

5. Lieder in Deutschunterricht // Deutsch. 1998.

6. “Hallo, Nachbarn! Neu”. Band 1. Berlin, 2010.

А. А. Дребант, Н. В. Дениварова (Караганда, Казахстан)

ВИДЕОУРОК КАК ФОРМА ПРОВЕДЕНИЯ УРОКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА, ПОВЫШАЮЩАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧАЮЩЕГО ПРОЦЕССА

The article deals with the untraditional form of foreign language lesson – video lesson. It studies the main aim of teaching foreign languages process as formation and development of communicative competence, especially with the means of video lessons at a foreign language lesson. It sets the reasons and main advantages of usage art films and animated cartoon films in the modern educational process.

Keywords: video lesson, untraditional form of foreign language lesson, communicative competence.

В современной методике обучения иностранным языкам основной целью является формирование и развитие коммуникативной компетенции. Традиционные методы, применяемые на уроках иностранного языка, не эффективны в достижении данной цели, потому что традиционный урок стал скучным, не мотивирующим учеников процессом. Безусловно, традиционный урок имеет много плюсов, таких как: хорошее знание грамматики, умение переводить, но сейчас в приоритетах общества достижение других целей, потому что, чтобы перевести текст, достаточно иметь компьютер, при этом не подключенный к сети Интернет. Современное общество осознало, что нет необходимости обучать только переводу и грамматике, как, например, 30–40 лет назад. Встает вопрос о межкультурной компетенции, о живом взаимодействии культур. Именно поэтому набирают популярность нетрадиционные формы проведения уроков иностранного языка. Такие уроки практикуются почти во всех мировых школах и высших учебных заведениях. В настоящее время мы можем наблюдать изобилие различных цифровых устройств, которые могут быть применены на уроках. Например: интерактивная доска, компьютер с выходом в Интернет, ноутбук и др. Благодаря этому имеются все условия для применения творческих и креативных подходов и методов в изучении и преподавании иностранных языков.

Не менее важным является приобщение школьников к культурным ценностям народа-носителя языка. В этих целях большое значение имеет использование аутентичных материалов (рисунков, текстов, звукозаписей и т. п.). Знакомство с жизнью англоязычных стран происходит, в основном, через текст и иллюстрации к нему.

Несомненным достоинством современных учебников английского языка является их насыщенность страноведческой информацией. Значительное место среди текстов занимают такие виды, как письма, рекламные объявления, анкеты, меню. Все факты и явления, вся информация о разных областях действительности англо-

говорящих стран отбирается с учетом возраста обучаемых и их интересов. Овладение этим материалом позволит школьникам лучше ориентироваться в стране изучаемого языка в случае ее реального посещения.

Очень важно дать учащимся наглядное представление о жизни, традициях и языковых реалиях англоговорящих стран. Этой цели могут служить учебные видеофильмы, использование которых способствует реализации важнейшего требования коммуникативной методики – «...представить процесс овладения языком как постижение живой иноязычной действительности...».

Кроме того, использование видеозаписей на уроках способствует индивидуализации обучения и развитию мотивированности речевой деятельности обучаемых. При использовании видеофильмов на уроках иностранного языка развиваются два вида мотивации: самомотивация, когда фильм интересен сам по себе, и мотивация, которая достигается тем, что ученику будет показано, что он может понять язык, который изучает. Это приносит удовлетворение и придает веру в свои силы и желание к дальнейшему совершенствованию. Необходимо стремиться к тому, чтобы ученики получали удовлетворение от фильма именно через понимание языка, а не только через интересный и занимательный сюжет.

Ещё одним достоинством видеофильма является сила впечатления и эмоционального воздействия на учащихся. Поэтому главное внимание должно быть направлено на формирование учащимися личностного отношения к увиденному. Успешное достижение такой цели возможно лишь, во-первых, при систематическом показе видеофильмов, а во-вторых, при методически организованной демонстрации. Следует отметить, что применение видеофильма на уроках иностранного языка – это не только использование еще одного источника информации.

Использование видеофильма в обучении способствует развитию различных сторон психической деятельности учащихся и, прежде всего, внимания и памяти. Во время просмотра в классе

возникает атмосфера совместной познавательной деятельности. В этих условиях даже невнимательный ученик становится внимательным. Для того чтобы понять содержание фильма, учащимся необходимо приложить определенные усилия. Так произвольное внимание переходит в произвольное. А интенсивность внимания оказывает влияние на процесс запоминания. Использование различных каналов поступления информации (слуховой, зрительный, моторное восприятие) положительно влияет на прочность запечатления страноведческого и языкового материала.

Таким образом, психологические особенности воздействия учебных видеофильмов на учащихся (способность управлять вниманием каждого учащегося и групповой аудитории, влиять на объем долговременной памяти и увеличение прочности запоминания, оказывать эмоциональное воздействие на учащихся и повышать мотивацию обучения) способствуют интенсификации учебного процесса и создают благоприятные условия для формирования коммуникативной компетенции школьников.

На уроке возможно использование как художественных фильмов, так и мультипликационных. Мультипликация даёт возможность легко проникнуть в суть реальных вещей и явлений и в простой наглядной форме донести информацию до учащихся. Звуковой ряд мультфильмов серии «MUZZY in Gondoland» представляет собой диалог, в котором обеспечивается необходимая повторяемость языкового материала, которая достигается сюжетным построением фильмов. Воссоздание типичных ситуаций общения («Знакомство», «В гостях», «Занятия спортом» и подобных им) позволяют стимулировать речевую деятельность учащихся, их коммуникативную активность.

Большое эмоциональное воздействие на учащихся оказывают мультфильмы Уолта Диснея. Не случайно их с большим интересом смотрят и взрослые, и дети. Методически важно и то, что интерес к мультфильмам не ослабевает при многократных просмотрах. Это помогает поддерживать внимание к неоднократно предъявленному материалу и обеспечивает эффективность восприятия.

Мультипликационные видеофильмы отличаются аутентичностью, информативной насыщенностью, концентрацией языковых средств. В структуре видеозанятия с использованием мультипликации можно выделить определённые этапы работы. Преддемонстрационная работа (включает лингвострановедческий комментарий и установку на понимание). Например, перед просмотром мультфильма «Робин Гуд» учитель

проводит беседу с учащимися о герое английских баллад Робине Гуде и его подвигах.

Демонстрация фильма (по частям).

Проверка понимания содержания с помощью вопросов или специальных упражнений.

Активизация языкового и речевого материала с помощью следующих заданий:

а) деление фильма на основные эпизоды. Например, в фильме «Робин Гуд»:

– Принц Джон и гадалки.

– День рождения Скиппи.

– Турнир.

– Освобождение пленников.

б) активизация лексики (повторить в паузы реплики героев)

в) определите, кому принадлежат произносимые учителем реплики, и к какому эпизоду они относятся.

Драматизация диалогов.

Характеристика героев.

В настоящее время существует немало художественных фильмов на английском языке для детей и подростков, которые можно с успехом использовать в учебном процессе. Конечно, в этом случае требуется большая подготовительная работа учителя: необходимо просмотреть фильм несколько раз, систематизировать лексику и речевые клише с учётом конкретного уровня учащихся, разработать систему языковых и речевых упражнений. Но эти дополнительные затраты времени вознаграждаются ростом мотивации к изучению языка, расширением культурологического кругозора учащихся и достаточно высоким уровнем коммуникативных умений. К таким фильмам можно отнести:

– Matilda (темы: семья и семейные отношения, школа, книги и библиотеки, человек и его характер);

– Ice Princess (темы: спорт, человек и его характер, взаимоотношения подростков и взрослых);

– Flipper (темы: охрана окружающей среды, взаимоотношения людей, дружба);

– The Parent Trap (темы: семья и семейные ценности, летний отдых, дружба, характер, британский и американский английский);

– Hoot (темы: охрана окружающей среды, дружба);

– The Cutting Edge (темы: спорт, характер, взаимоотношения детей и родителей);

– Music of the Heart (темы: профессия учителя, дружба, увлечения);

– The Prince and the Pauper (темы: история Англии, дружба, английский юмор).

Пример работы с видео фильмом на уроке немецкого языка. На уроке ставится задача систематизировать и расширить страноведческие знания учащихся по теме «Рождество в Германии» и «Новый Год в Казахстане». На первом этапе урока необходимо вспомнить лексику по пройденной теме – этап «до просмотра фильма». Для этого можно использовать педагогическую технологию кластеров. Учащиеся разбиваются на две группы, одна составляет кластер лексики по теме в Германии, другая – по Казахстану. После этого учитель предъявляет свой кластер, и учащиеся имеют возможность сравнить и дополнить свой кластер лексики. Перед просмотром фильма ставится задача: во время просмотра подчеркнуть слова (предметы или действия персонажей), которые они увидят в фильме, и дополнить то, что не вошло в кластер лексики. После просмотра фильма уточняется лексика, дополняется кластер. Учащиеся отвечают на вопросы типа «Что? Где? Когда?» Далее им предлагается расставить в кластере цифры, отражающие порядок действия героев фильма, это можно также обсудить по группам и сравнить результат. Учащимся предлагается составить краткий пересказ фильма на основании лексики кластера. Домашним заданием может быть составление сравнительной таблицы празднования Рождества в Германии и Нового Года в Казахстане.

Длительность фильма – 57 минут. Показ и работа с таким фильмом на уроке повышает мотивацию учащихся к изучению иностранного языка и способствует развитию их межкультурной компетенции.

Подводя итог, можно сделать вывод, что кинофильм и видеофильм в преподавании иностранного языка используются для обучения аудированию, создания динамической наглядности в процессе обучения и практики иноязычного общения. Использование учебного кино можно рассматривать как высшую форму ситуативной наглядности. Обучение с опорой на видеоматериалы предполагает наличие пяти этапов работы:

- 1) подготовительного,
- 2) рецептивного,
- 3) аналитического,

- 4) репродуктивного,
- 5) продуктивного.

Использование видеоматериалов в процессе обучения иностранным языкам способно существенным образом повысить эффективность обучающей деятельности учителя.

Следует подчеркнуть важность использования фильмов в учебном процессе при обучении аудированию звучащей речи. Во-первых, потому что экранные средства для современных детей являются обычными и любимыми, и встреча с ними на уроках иностранного языка доставляет им радость. Во-вторых, само использование указанного средства помогает учителю раскрывать свои творческие способности. В-третьих, использование экранных средств помогает учителю расширить номенклатуру ситуаций в пределах отрабатываемой темы, привнося каждый раз что-то новое, что вызывает интерес у учащихся и даёт им импульс для высказывания и, следовательно, позволяет более полно осуществлять коммуникативную направленность процесса обучения.

Список литературы

1. Барменкова, О. И. Видеозанятия в системе обучения иностранной речи // Иностр. яз. в шк. 1999. № 3. С. 20.
2. Верисокин, Ю. И. Видеофильм как средство мотивации школьников при обучении иностранному языку // Иностр. яз. в шк. 2003. № 5. С. 31.
3. Вайсбурд, М. Л. Телепередача как опора для организации речевой игры на уроке иностранного языка / М. Л. Вайсбурд, Л. Н. Пустосмехова // Иностр. яз. в шк. 2002. № 6. С. 6.
4. Ильченко, Л. Использование видеозаписи на уроках английского языка // Первое сентября. Английский язык. 2003. № 9. С. 7.
5. Настольная книга преподавателя иностранного языка / под ред. Е. А. Мыслько, П. К. Бабинская, А. Ф. Будько, С. И. Петрова. Минск, 1996. С. 298.
6. Соловова, Е. Н. Использование видео на уроках // ELT NEWS&VIEWS. 2003. № 1, март.
7. URL : <http://www.study.ru/support/lib/note154.html>.

О. Л. Заболотнева (Челябинск, Россия)

СПЕЦИФИКА ЛЕКЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Lecture is an integral part of the educational environment of a higher education establishment. It is defined as a long monologue given to a group of people on a particular subject, especially as a method of teaching at universities. Lecture forms students' views and opinions, organizes and stimulates their creative thinking, contributes to the awareness of their destination in science. The language of science is governed by the aim of scientific style, thus there is a striving for the most generalized form of expression. The author reveals such peculiarities as structural and composition relations of scientific style, as well as image-bearing expression and an individual style of a lecturer's speech.

Keywords: lecture, language of science, structural and composition relations of scientific style, image-bearing expression, individual style of lecturer.

При рассмотрении специфики лекции в образовательном пространстве вуза необходимо опираться на различные лексикографические источники, поскольку изучение понятия «лекция» представляется неполным без обращения к данным толковых словарей и энциклопедий.

Лекция – устное изложение учебного предмета или какой-нибудь темы, а также запись этого изложения [4. С.275]. Лекция (от лат. 'lectio' – 'чтение') – систематичное устное изложение учебного материала, какого либо вопроса, научной, политической темы [7. С. 698]. Лекция – учебно-научный и просветительский жанр, обучающий устный публичный монолог научной или, шире, познавательной тематики. С позиций риторики, лекция – жанр академического красноречия, персонифицированный способ приобщения к знанию [2. С. 133].

В определениях, представленных различными словарями и энциклопедиями на русском языке, ключевым является то, что лекция это – систематическое, последовательное устное изложение учебного материала, темы, раздела, методов науки, а также запись этого изложения; лекция – устный публичный монолог, изложение какого-либо материала, которое происходит систематично и последовательно. Данное **изложение, в основном**, происходит в высшем учебном заведении.

Обратимся к английским словарям, которые выделяют следующие значения данного понятия: 'Lecture – 1) a long talk given to a group of people on a particular subject, especially as a method of teaching at universities; 2) an act of criticizing someone or warning them about something in a serious talk, in a way that they think is unfair or unnecessary' [11. С. 808]; 'Lecture – 1: a formal talk on a specialist subject given to a group of people, especially students. 2: an angry or serious talk given to someone in order to criticize their behavior' [10. С. 711].

В различных словарях и энциклопедиях на английском языке при определении лекции ключевым является то, что лекция это длительный по времени монолог, лекция является одним из методов преподавания в университете, а также делается акцент на том, что, в некоторых случаях, лекция произносится в качестве инструктажа, директивы и наставления. В различных словарях указывается переносное значение выражения 'читать лекцию', а именно: 'бранить, распекаать, ворчать, брюзжать'.

Таким образом, понятие 'лекция' вбирает в себя учебную, методологическую, организационную и воспитательную основу для всех форм учебных занятий в образовательном пространстве вуза. Лекция является методологической основой, так как вводит студента в науку вообще, придает учебному курсу концептуальность; организационной, так как все другие формы учебных занятий логически следуют за ней, опираются на нее содержательно и тематически.

Будучи главным звеном дидактического цикла обучения, лекция выполняет научные, воспитательные и мировоззренческие функции, вводит студента в творческую лабораторию лектора. Основная дидактическая цель лекции – формирование ориентировочной основы для последующего усвоения студентами учебного материала. Распространено несколько типов лекций. Основные из них: академическая, повествовательная, аналитическая, лекция-беседа и популярная. В настоящее время к числу новейших методов обучения относится интерактивная лекция, включающая в себя игровые и неигровые элементы обучения.

В ряде случаев лекция выполняет функцию основного источника информации: при отсутствии учебников и учебных пособий, чаще по новым курсам, в тех случаях, когда новые научные данные по той или иной теме не нашли отражения в учебниках, а также если отдельные разделы и темы курсов являются сложными для самостоятельного изучения.

По силе личного эмоционального воздействия лектора, его контакта с аудиторией, производимого впечатления, общего влияния на студентов лекционный способ передачи учебного материала наиболее удачен. Лекция раскрывает понятийный аппарат конкретной области знания, проблемы, дает цельное представление о предмете, показывая его место в системе науки, связь с родственными дисциплинами, возбуждает интерес к предмету, развивает профессиональные интересы, в значительной мере определяет содержание других видов учебных занятий.

Содержание научного текста (фрагмент научного знания) включает – в том или ином соотношении – информацию, полученную на разных уровнях обоснования разными методами, представленную разными формами знания. Соотношение этих методологических характеристик излагаемой информации свидетельствует о преимущественно эмпирической или теоретической направленности научного текста [5. С. 235–236].

Одной из содержательных характеристик стиля лекции является её научность. Стиль научной прозы оформляется как разновидность литературного языка в связи с теми конкретными задачами, которые наука ставит перед собой. Литературный язык характеризуется многообразием функций и используется как образец, эталон, которому стремятся подражать. Это язык образованных кругов общества, а значит это язык образовательного пространства вуза.

Научный стиль любого литературного языка, несмотря на внутреннюю дифференциацию, монолитен и однороден. К научному стилю можно отнести следующие типы текстов: 1) академические тексты, представленные следующими жанрами: монография, статья, диссертация, тезисы и т. д.; 2) информационно-реферативные научные тексты (жанры: реферат, аннотация и т. д.); 3) справочно-энциклопедические научные тексты (жанры: энциклопедия, словарь, справочник); 4) научно-оценочные тексты (жанры: рецензия, отзыв и т. д.) 5) научно-учебные тексты (жанры: учебник, учебные пособия, лекция); 6) научно-инструктивные тексты (жанры: методики, программы и т. д.) 7) **научно-деловые тексты** (жанры: патент, отчёт, постановление) [9. С. 23].

Написанные тексты научного доклада, лекции являются канонизированными образцами научного стиля и имеют свои специфические стилистические особенности (композиционно-смысловые и синтаксические). При простом чтении научного доклада перед аудиторией возникают многочисленные дополнительные моменты – прежде всего прагматического характера.

В ситуации, характеризующейся наличием реальной аудитории, несмотря на преимущественно односторонний характер общения, научная речь обретает такие свойства, как: обращённость, подчёркнуто личностный характер, установка на такое оформление речи, при котором был бы достигнут не только собственно прагматический (убеждение аудитории), но и эстетический эффект (удовлетворение, которое аудитория получает от самой формы доклада, от логики выдвигаемых положений, от красоты и элегантности положений и доказательств), а при наличии указанных реакций аудитории – заметное форсирование речи [3. С. 13].

В целом, научной речи присущи такие специфические свойства, как отвлечённость-обобщённость, понятийность, диалогичность, гипотетичность, связность, логичность, точность речи, плотность содержания научного текста и др. [1. С. 30]. Учёными Пермской научной школы выявлены основные смысловые, структурные и композиционные особенности научной речи (текстов).

Лекцию можно охарактеризовать с различных позиций, а именно: по содержанию и по форме. По содержанию специфика лекции может быть рассмотрена с точки зрения её научности, информативности, актуальности, эмоционального воздействия, логичности и связности. По форме мы выделяем монолог, устный характер, локализованность в пространстве и времени, эстетическую оформленность лекции.

Требования к стилю лекции определяют его языковой облик. Лексику научной речи составляют три основных пласта: общеупотребительные слова, общенаучные и термины. К общеупотребительной лексике относятся слова общего языка, которые наиболее часто встречаются в научных текстах. Общенаучная лексика – второй пласт научной речи. Если весь лексикон научного стиля представить в виде концентрических кругов, то внешний круг составит общеупотребительная лексика, внутренний – общенаучная лексика. Третий пласт лексики научного стиля – терминология. Это ядро научного стиля, последний, внутренний круг. Термин воплощает в себе основные особенности научного стиля и точно соответствует задачам научного общения [8. С. 186].

Наиболее характерным для стиля лекции являются слова в основных предметно-логических значениях. В этом стиле слова редко используются в переносных и других контекстуальных значениях. Образность, как правило, не свойственна стилю лекции. Однако это не значит, что в лекциях вообще не встречается образная речь.

Образность в лекции – это средство проявления индивидуальной манеры изложения, которое само по себе не является обязательным. Образность обычно усиливает, оттеняет уже логически-аргументированную мысль.

Подобное изложение придает речи наглядность и конкретность, оно усиливает интерес, привлекает внимание, сокращает путь к сознанию. Внимание слушателей устойчивее, если оно связано с чувствами, с красочной подачей материала. Воздействие на слушателей средствами образности и есть один из важнейших элементов эмоционального воздействия. Наглядность, образность делают рассказываемое лектором как бы частью личного опыта.

Модель индивидуального стиля речи учёного, ограниченная и сжатая, построена с учётом лишь одного семантического параметра – текстовых категорий. Однако она позволяет получить представление о формировании индивидуального стиля речи. А именно: отбор и употребление языковых единиц, имеющих определённое «место» на шкале категории – в соответствии с «удельным весом» в плане выражения категориально-текстового значения. Количественно-качественный синтез этих единиц в отдельных фрагментах текста, в тексте всего научного произведения и творчестве в целом, – таков путь проявления индивидуального стиля речи учёного [1. С. 172].

Таким образом, специфика лекции во многом предопределяется спецификой языкового облика, стиля научной прозы, а также смысловыми, структурными и композиционными особенностями научной речи. Тексты лекций являются канонизированными образцами научного стиля. Образность в лекции зависит от особенностей индивидуального стиля речи учёного, который проявляется в тексте всей лекции и отражает научное видение окружающей действительности.

Список литературы

1. Котюрова, М. П. Стилистика научной речи : учеб. пособие для студент. учреждений высш. проф. образования. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2012. 240 с.
2. Матвеева, Т. В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта : Наука, 2003. 432 с.
3. Наер, В. Л. Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. ст. / редкол. : Л. И. Зильберман [и др.]. М. : Наука, 1985. С. 3–15.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 18-е, стер. М. : Рус. яз., 1986. 797 с.
5. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. : в 3 т. / под ред. М. Н. Кожинной. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. Ч. I. 380 с.
6. Славгородская, Л. В. Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания // Научная литература. Язык, стиль, жанры : сб. ст. / редкол. : Л. И. Зильберман [и др.]. М. : Наука, 1985. С. 16–31.
7. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 4-е. М. : Совет. энцикл., 1987. 1600 с.
8. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие. Изд. 2-е. М. : Флинта : Наука, 2000. 256 с.
9. Троянская, Е. С. Обучение чтению научной литературы : учеб. пособие. М. : Наука, 1989. 272 с.
10. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. L. : Cambridge Univ. Press, 2003. 1550 p.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. 3 ed. England : Longman Group Ltd., 1995. 1668 p.

Н. О. Золотова (Тверь, Россия)

ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА В РУСЛЕ ИДЕИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

The problem of word acquisition in the process of foreign language learning is viewed in the terms of mediation of Vygotsky school. Special attention is paid to the personified medium – another person, the carrier of mediators, foremost words. These words, belonging to the core of mental lexicon, actualize their functional designation. The attempt is made to ground the role of the foreign language teacher as a special medium, who organizes interaction of the student with the language elements.

Keywords: foreign word, mental lexicon, core of mental lexicon, medium, functional designation, carrier of mediators.

В настоящее время не утратили своей актуальности вопросы, связанные с понятиями 'владение иностранным языком', 'усвоение второго языка', 'знание лексики', 'овладение иноязычным словом' и т. п. Следует признать тот факт, что методика обучения современным иностранным языкам, исторически связанная с преподаванием мертвых классических языков и «отпочковавшаяся» от него, проделала огромный путь в направлении к парадигме «живого знания». Многие открытия собственно человеческого фактора в овладении языком оказались возможными только благодаря активному развитию высоких технологий, поставивших вопрос об обучении языку компьютеров. Усилия специалистов по машинному переводу и построению программ, позволяющих проводить компьютерную обработку текстов на естественных языках, позволили высветить те аспекты содержания понятия 'владение языком' или 'языковая компетенция', которые являются чисто человеческими и оказываются недоступными мощным и умным машинам [7].

Именно живое знание является подлинной ценностью образования, которое имеет задачей формирование и развитие новообразований индивида, его функциональных органов [4. С. 38]. Аналогом понятия 'функциональный орган' в теории Л. С. Выготского является понятие 'психологическая функциональная система', которое используется для рассмотрения психического развития человека в онтогенезе.

Процесс развития в культурно-исторической психологии представляет собой не что иное как «драму, разыгрывающуюся по поводу соотношения реальной и идеальной формы, их трансформаций и взаимопереходов одной в другую» [5]. Важной представляется мысль о том, что разделение идеальной и реальной формы весьма относительно: идеальная форма всегда имеет вполне реальных носителей, выступающих посредниками-медиаторами развития [5].

Здесь на первый план выступает понятие посредничества как культурной формы, которое является одним из основных понятий культурно-исторического горизонта изучения онтогенеза и, таким образом, оказывается важным для психологии развития, психологической педагогики, психолингвистики, в том числе, психолингводидактики, нацеленной на изучение механизмов, обеспечивающих овладение и пользование иностранным языком как живым знанием.

В опосредовании (опосредствовании), точнее, в посредническом акте заключена тайна развития, тайна превращения реальной формы в идеальную. Включение в натуральные формы

поведения («живое движение») предмета, орудия, знака и т. п. трансформирует эти формы в идеальные, культурные. Они приобретают вид предметных, орудийных, знаковых, вербальных, символических – в широком смысле инструментальных форм действия и деятельности. Именно такое включение происходит в совместном, совокупном действии развивающегося субъекта с Другим – посредником [5].

Л. С. Выготский указывал, что место «между» идеей и реализацией должно быть занято кем-то, кто является посредником и «передает» ребенку идеальную форму: «путь от вещи к ребенку и от ребенка к вещи лежит через другого человека» [1. С. 846]. Процесс психического развития ребенка Л. С. Выготский рассматривает как «путь через другого человека». Именно через Другого проходит «центральная трасса развития практического интеллекта» [1].

Однако, несмотря на определенность социального места и наличных средств функционирования посредника, часто не удается передать ребенку идеальную форму, а это значит, что идея не «переправляется» из взрослой жизни в детскую. Опосредствующему надо найти способ видения опосредуемого, т. е. инициировать его поиск этого способа, соотнести свою и его позиции и в результате «дать» ему его позицию именно как положение в мире, а не случайно и сиюминутно занимаемое место [9. С. 52].

Слово (язык) выступает в качестве универсального средства опосредования (медиатора) наряду с орудиями труда, действиями, артефактами, знаками, символами, мифами и т. п. и культурой в целом. Впрочем, этот ряд медиаторов должен быть открыт: полифонии медиаторов отвечает полифония сознания. На одном знаке или знаковом действии полифоническое сознание не построить. Только «рефлекторное» [5].

Способы использования медиаторов определяются как свойствами материала, из которого состоит медиатор, так и их функциональным назначением. Существуют и персонифицированные посредники – носители медиаторов: наиболее яркие примеры такого посредничества можно найти там, где эта проблема была выявлена и представлена антропологически, – в Библии и заданной ею традиции. Августин назвал Иисуса Христа главным медиатором между Богом и людьми. Б. Д. Эльконин использует цитату из «Исповеди» Блаженного Августина для акцентирования внимания на лаконично поставленной в ней задаче посредничества: «Молю Тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, сидящего одесную Тебя, Сына Человеческого, которого

Ты поставил посредником между Тобой и нами, через Которого Ты искал нас, не искавших Тебя, чтобы мы искали Тебя...» [9].

В современном представлении посредник тот, кто выражает способ инициации «обратного» поиска и обращения: взрослый (учитель или родитель) лишь в той мере является посредником, в какой он ищет, опробует (первоначально именно он, а не ребенок) ситуацию в которой его (взрослого) идея сама становится предметом детского обращения и опробования. В этом смысле вслед за Августином Б. Д. Эльконин утверждает, что посредничество – это поиск способа инициации поиска [9. С. 53–54]. Именно в способе построения опосредования, а не в его эффекте, заключается субъективность акта развития.

Акт посредничества подразумевает совокупное действие, и в этом смысле он больше, чем ассимиляция, усвоение. Это сотворчество, которое начинается с самого трудного – порождения языка, собственного медиатора – средства общения. Наиболее демонстративно такое сотворчество выступает в порождении младенцем знаков (различных видов плача, движения руки и тельца, в котором выражаются его интенции), понятных взрослому. Необходимо подчеркнуть, что творчество и сотворчество – это не механические акты: они невозможны без страсти (страстотерпия, претерпевания, страдания). Если перевести это на язык психологической педагогики М. Монтессори, то родитель, педагог не только носитель образца, идеальной формы, но и источник смысла, страсти, возникающих у ребенка в посредническом действии [5].

Таким образом, в контексте развития человека взаимодействие и взаимопереходы идеальной и реальной форм, формы внешней и внутренней, идеи и реалии осуществляются при помощи посредника, Другого – непосредственного носителя медиаторов.

Мы полагаем, что в процессе становления языковой личности опосредование психики строится в первую очередь при помощи единиц ядра ментального лексикона, а языковой образ посредника, эмоционально «помеченный», запечатлевается и «просвечивает» в ядре ментального лексикона взрослого человека всю его жизнь. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на реакции испытуемых преклонного возраста, на фоне ассоциативного разнообразия которых сохраняются слова, зафиксированные в качестве реакций в эксперименте с детьми раннего и дошкольного возраста (см., например: [8]).

В ситуации овладения неродным языком в условиях учебного билингвизма в реакциях ис-

пытываемых – студентов «языкового» факультета – наблюдается определенный набор лексических единиц английского языка, с которыми испытуемые встретились впервые на начальном этапе обучения. Наблюдения подтверждают сохранение этих же единиц при общем увеличении лексического запаса студентов на протяжении всего обследуемого диапазона (с первого по пятый курс) с неизменно высоким коэффициентом актуальности [6].

Представляется возможным обосновать роль преподавателя неродного/иностранный языка как посредника (Другого), организующего взаимодействие обучающегося индивида с языковой стихией, опираясь на идею посредничества Б. Д. Эльконина. Личность преподавателя предлагается рассматривать как важный фактор, обеспечивающий возможность проникновения иноязычного слова через границу, отделяющую «чужое» слово от «своего» (в понимании М. М. Бахтина).

Идея посредника, посредническая функция слова используется в органической психологии, продолжающей осмысление сделанного Л. С. Выготским и его предшественниками, современниками и последователями. Слову здесь (наряду со знаком, символом, мифом) отводится роль медиатора, с помощью которого осуществляется формирование функциональных органов индивида [3]. В. П. Зинченко считает, что функциональные органы, психологические функциональные системы следует рассматривать как материал (материю), из которого, в конце концов, конструируется духовный организм [4. С. 227].

С этой точки зрения, ядро ментального лексикона может рассматриваться и как специфический функциональный орган (новообразование), появляющийся в онтогенезе и служащий материалом и средством для формирования нового функционального органа-новообразования в следующем акте функционального развития. По существу мы имеем дело с саморазвитием, понимаемым как открытый процесс: он открыт к усвоению все новых и новых медиаторов и их разновидностей [3. С. 145]. Примерами новых медиаторов, построенных на основе ядра ментального лексикона, может служить детское словотворчество, поэтическое мышление и другие творческие акты.

Представляется, что сформировавшийся лексикон билингва обладает той же структурой, что и лексикон взрослого монолингва. Очевидно, что характер стратегий усвоения второго / неродного языка зависит от среды протекания (естественная / искусственная) и целей этого процесса. Од-

нако независимым условием для возможностей применения этих стратегий является становления ядра, единицы которого в силу специфики своих свойств и связи со знаниями процедурного типа выступают в качестве незаменимых опор в процессах идентификации и – шире – процессах понимания. Применительно к ситуации неродного языка лексикон билингва начинает формироваться с ядра, единицы которого – вербальные корреляты аналогичных единиц лексикона носителя родного языка – выполняют такую же, как и в ситуации с родным языком, функциональную роль необходимых средств доступа к другим, более сложным понятиям, т. е. роль метаединиц.

Мысль В. П. Зинченко о роли слова как *медиаторе* духовного развития созвучно тому, что А. А. Залевская называет двойственной *медиативной* функцией слова, благодаря которой человек имеет доступ к упорядочению собственного внутреннего мира и к тому, что связывает его с социумом [2].

Сказанное можно в полной мере отнести и к ситуации овладения языком в раннем детстве: «вырастающий» в первые годы жизни функциональный орган человека – ядро его ментального лексикона – «проживает» вместе с ним все этапы развития, от детства до зрелости и старости, а его медиаторы – единицы ядра, или слова – «присваиваются» личностью с помощью посредника, который находится с ним в эмоциональном контакте, в качестве средств выхода на образ мира и средств организации своего речевого и неречевого поведения, являясь необходимым условием оперирования языком в речемыслительной деятельности и общения как на родном, так и на неродном / иностранном языке. Тема слова как

средства опосредования психической жизни человека представляется неисчерпаемой.

Список литературы

1. Выготский, Л. С. Психология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
2. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 382 с.
3. Зинченко, В. П. Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М. : Новая шк., 1997. 336 с.
4. Зинченко, В. П. Психологическая педагогика : материалы к курсу лекций. Ч. 1. Живое знание. Самара : Самар. Дом печати, 1998. 296 с.
5. Зинченко, В. П. Психология развития (по мотивам Л. Выготского) [Электронный ресурс] / В. П. Зинченко, Б. Д. Эльконин. URL : <http://www.psychology-online.net/articles/doc-738.html>. 2007.
6. Иванова, О. В. Динамические аспекты функционирования лексикона билингва : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Твер. гос. ун-т, каф. англ. яз. Тверь, 2004. 16 с.
7. Медведева, И. Л. Проблемы понимания словарного запаса с позиций вычислительной лингвистики // Семантика слова и текста : психолингвистические исследования. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. С. 90–97.
8. Рогожникова, Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова : монография. Уфа : Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. 242 с.
9. Эльконин, Б. Д. Психология развития : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. 144 с.

О. В. Кудрявцева (Рудный, Казахстан)

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

This article describes the technology development of foreign language communicative competence the students of technical institute.

Keyword: communicative competence, education, foreign language, technical institute.

Открытость современного казахстанского общества, расширение деловых и культурных контактов нашей страны со странами мирового сообщества породили потребность в академической мобильности, в специалистах, владеющих ино-

странным языком в своей профессиональной деятельности. Знание иностранного языка открывает будущему специалисту доступ к зарубежным источникам информации, без которой в настоящее время немислима деятельность дипломиро-

ванного специалиста. Умение работать с оригинальной литературой по специальности включает в себя получение информации, содержащейся в тексте, ее критическое осмысление, обобщение, анализ и оценку достоверности [4. С. 3].

Иноязычная компетентность обеспечивает владение иностранным языком как средством межкультурного и профессионального общения, способом стимулирования интеллектуального и эмоционального развития личности студента, его подготовки к восприятию чужой культуры и дальнейшему его приобщению к общечеловеческим ценностям, что обеспечивает реализацию принципов гуманизации и гуманитаризации системы технического образования.

Коммуникативная компетентность, то есть готовность коммуникации, эффективные индивидуальные способы взаимодействия с людьми, культура общения и поведения есть важнейшие качественные показатели профессионализма специалиста любого профиля, в связи с чем формирование и развитие коммуникативной компетентности будущих специалистов уже на ранних этапах обучения в вузе представляется одной из стратегических задач высшей школы [4. С. 8].

Необходимость развития иноязычной коммуникативной компетентности в технических вузах обусловлена тем, что она является одной из ведущих компетенций специалистов этого профиля. Проблема, составляющая предметное содержание профессионального общения, часто бывает выдержана специфическими средствами подъязыка профессии, содержащими определенный «минимальный набор лексических и грамматических категорий и элементов, необходимых для общения в узкой сфере деятельности и описания определенной предметной области» [5. С. 154].

Решение проблемы развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза предполагает выбор стратегии, основой которой может выступать один или синтез нескольких методологических подходов [4. С. 39]. Следует отметить, что развитие иноязычной коммуникативной компетентности должно вестись в рамках системного, личностно-ориентированного, межкультурного подходов в системе языковой профессионально ориентированной подготовки студентов технического вуза. Повышение качества иноязычной подготовки высококвалифицированного специалиста возможно при условии внесения существенных изменений в процесс обучения ИЯ в вузе посредством внедрения инновационных образовательных технологий, ориентированных на профессиональную

сферу и обеспечивающих четкие критерии оценки языковых компетенций.

Согласно В. Л. Скалкину, главное преимущество системного подхода – это способность функционировать как упорядочивающий принцип и при описании, анализе педагогической реальности, и при ее моделировании [6. С. 100–112].

Системный подход обеспечивает относительно стабильную последовательность хода исследования, вносит определенный порядок в деятельность, исследование и мышление, а также ориентирует исследователя и практика на необходимость подходить к явлениям жизни как к системам, имеющим определенное строение и свои законы функционирования [6. С. 100–112].

Личностно-деятельностный подход позволяет создать условия для формирования активности студентов за счет партнерских, доверительных, субъект-субъектных отношений с другими участниками образовательного процесса, работы в сотрудничестве посредством включения в учебную деятельность с учетом их возрастных и индивидуальных способностей.

Сформулируем основные положения личностно-деятельностного подхода, имеющие принципиальное значение:

1. Деятельность преподавателя и студентов в процессе развития иноязычной коммуникативной компетентности носит системный, целенаправленный, творческий характер и определяется их индивидуальными особенностями и условиями образовательного процесса.

2. Деятельность преподавателя по развитию иноязычной коммуникативной компетентности основывается на общедидактических принципах и направлено на максимально полное раскрытие потенциала студента.

3. Иноязычная коммуникативная компетентность студентов технического вуза развивается при взаимодействии преподавателя и студентов, что предполагает использование активных методов обучения иностранному языку [4. С. 43].

Н. Б. Крылова отмечает, что «межкультурный подход основывается на интенсивном культурном взаимодействии, межкультурном многоголосии, полилоге, а также равноправии и взаимоуважении в международном контексте», межкультурный подход «расширяет культурные основы и содержание обучения и воспитания, вводит критерии продуктивности и творчества» [3. 66, 88]. Межкультурный подход является базовым при отборе содержания образования в процессе развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза, поскольку он обеспечивает жизнь и развитие самой культуры.

Данный подход обеспечивает построение процесса развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов как диалога культур, в котором студент с самого начала занимает активную позицию и раскрывается как субъект межъязыковой, межкультурной и межличностной профессиональной коммуникации [7. С. 14].

Каждый учебный предмет имеет свою специфику и, соответственно, специфику использования тех или иных методов и технологий обучения. При организации занятий преподаватели вуза используют ролевые и дидактические игры, программированное обучение, лекции-дискуссии, метод конкретных ситуаций, работу в малых группах, деловые игры и другие современные методы обучения. Задачами любой учебной дисциплины является формирование определенных компетенций в соответствии с компетентностной моделью специалиста.

За последние время в преподавании иностранных языков произошли значительные изменения под влиянием достаточно активно протекающей глобализации культурного социума. Исследования показывают, что именно на активных занятиях, если они ориентированы на достижение конкретных целей и правильно организованы, обучаемые часто усваивают материал наиболее полно и с пользой для себя.

Из всех видов педагогических или образовательных технологий в развитии иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза особый интерес вызывают интерактивные и информационные технологии.

Уникальность информационных технологий состоит, с одной стороны, в продуктивном рассмотрении всех возможных аспектов (от лингвистического до культурологического), с другой стороны, в реализации как традиционных, так и дистанционных методов и средств развития, совершенствования иноязычной коммуникативной компетентности.

Интерактивные технологии рассматриваются в педагогике в широком и узком смысле. В широком смысле интерактивные технологии понимаются как обучение, построенное на «целенаправленной и, для реализации целей, специально организованной группой и межгрупповой деятельности, обратной связи между всеми ее участниками для достижения взаимопонимания и коррекции образовательного процесса, индивидуального стиля, вербального и невербального имиджа обучаемых с использованием рефлексивного анализа» [2. С. 18]. В узком смысле интерактивными называются информационные технологии, в основе которых лежат компьютер-

ные программы, работающие в режиме диалога с пользователем [1. С. 119].

Исходя из государственного образовательного стандарта Республики Казахстан, при изучении иностранного языка в техническом вузе предусматривается его поэтапное изучение:

1-й этап – 1, 2 семестр. Целью этого этапа является коррекция и развитие рецептивных лексико-грамматических навыков, автоматизация навыков чтения вслух и про себя, совершенствование и обретение навыков аудирования и говорения в монологической и диалогической речи.

2-й этап – 3, 4 семестр. Целью этого этапа является достижение уровня языковой компетенции, необходимой для применения в дальнейшей профессиональной деятельности.

Можно сказать, что иноязычная коммуникативная компетентность студентов технического вуза – интегративная характеристика специалиста, отражающая его способность и готовность осуществлять иноязычное общение с носителями языка в заданных программой пределах, с целью эффективного решения профессиональных задач.

Структура иноязычной коммуникативной компетентности должна включать три основных компонента: лингвистический, социокультурный и социально-психологический; содержание каждого из которых составляют знания, умения, навыки, личностные качества, которые определяют сформированность иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза [4. С. 63].

Следует отметить, что иноязычная коммуникативная компетентность не является естественным новообразованием, которое возникает само собой в процессе профессионального становления специалиста технического профиля, необходимо ее целенаправленное формирование в рамках специально созданной интерактивной технологии, включающее теоретическую и практическую подготовку будущих специалистов.

При построении технологии развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза необходимо учитывать теоретико-методологическую основу, которая состоит из системного, личностно-деятельностного и межкультурного подходов. В свою очередь системный подход позволяет рассматривать процесс развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза как целостный объект или систему. Личностно-деятельностный подход обеспечивает создание условий для самоактуализации и личностного роста студентов, формирования их активности за счет партнерских отношений с другими участ-

никами образовательного процесса, развития индивидуальных способностей каждого студента. Межкультурный подход рассматривает личность студента как субъекта культуры, обеспечивает восприятие, правильное понимание и оценку других культур.

Таким образом, технология развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза – это система, сущность, которой представлена совокупностью форм, методов и средств обучения, используемых в учебном процессе; она предполагает постановку цели обучения и проектирование деятельности, обеспечивающей достижение поставленной цели. Интерактивная технология развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза включает три взаимосвязанных компонента (мотивационно-целевой, содержательно-технологический, оценочно-результативный) и строится с учетом системы принципов: научности, гибкости, оптимальности, продуктивности, коммуникативности, гуманистической профессиональной направленности, динамичности, перспективности, целостности, открытости. Она характеризуется блочным построением подготовки, направленностью на диалог культур, сотрудничеством лиц образовательного процесса, имеет специфическую цель, задачи, содержание, методы, организационные формы [4. С. 110].

Список литературы

1. Демчук, Л. М. К вопросу формирования лингвокоммуникативной компетентности будущих переводчиков // Вестн. Ин-та развития образования и воспитания подрастающего поколения при ЧПГУ. 2003. № 21. С. 116–123.
2. Комиссарова, Н. В. Формирования профессионально-коммуникативной компетентности будущих переводчиков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
3. Крылова, Н. Б. Культурология образования. М. : Нар. образование, 2000. 272 с.
4. Кудрявцева, О. В. Технология развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза в условиях кредитной системы обучения : дис. ... магистра педагогики и психологии. Костанай, 2009. 123 с.
5. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М. : Просвещение, 1991. 222 с.
6. Скалкин, В. Л. Некоторые методические вопросы преподавания перевода на курсах иностранных языков для взрослых // Тетради переводчика. Вып. 16 / под ред. Л. С. Бархударова. М. : Междунар. отношения, 1979. С. 100–112.
7. Шиянов, Е. П. Идея гуманизации образования в контексте отечественных теорий личности / Е. П. Шиянов, И. Б. Котова. Ростов н/Д : Цвет. печать, 1995. 310 с.

Ж. М. Култанова, А. Б. Кикимова (Караганда, Казахстан)

ЯЗЫКОВОЕ ПОРТФОЛИО КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ И САМООЦЕНКИ ПРИ РАННЕМ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

This article is focused on the new approaches of evaluation and self-evaluation the students' activities in the early study of foreign languages. They are connected with research and introduction of special methodic tool like Linguistic portfolio. The use of portfolio makes it possible to solve the main task in the study of foreign language-to make possible intercultural communication and provide conscious and concerned activity of students in the study of foreign languages. The variety of types and functions of Linguistic portfolio are in the article and also there the benefits of its using.

Keywords: linguistic portfolio, self-evaluation, foreign language studies, self-education, intercultural communication, motivation, reflexive self-evaluation.

Языковое портфолио является одним из новых и перспективных средств обучения иностранному языку, которое получает все большее распространение в системе языкового образования от раннего обучения до высшей школы. Что же представляет из себя языковое портфолио?

Языковое портфолио определяется как пакет

рабочих материалов, которые представляют тот или иной результат учебной деятельности учащегося по овладению иностранным языком. Такой набор материалов дает учащемуся возможность по результату учебной деятельности, представленному в языковом портфолио, самостоятельно или совместно с преподавателем анализировать и

оценивать объем работы и спектр своих достижений в области изучения языка и культуры, динамику овладения изучаемым языком в различных аспектах, а также опыт учебной деятельности в данной области [1].

В современной практике преподавания иностранных языков эффективно используются различные виды языкового портфолио в зависимости от его целевой направленности:

1) ЯП как инструмент самооценки достижений учащегося и уровня владения изучаемым языком (Self Assessment Language Portfolio);

2) ЯП как инструмент автономного изучения ИЯ (Language Learning Portfolio). Данный вид деятельности может также варьироваться в зависимости от одноцелевой или комплексной направленности: ЯП по чтению (Reading Portfolio), ЯП по аудированию (Listening Portfolio), ЯП по говорению (Speaking Portfolio), ЯП по письму (Writing Portfolio), ЯП взаимосвязанного развития видов иноязычной речевой деятельности (Integrated Skills Portfolio);

3) ЯП как инструмент демонстрации учебного продукта-результата овладения ИЯ (Administrative Language Portfolio);

4) ЯП как инструмент обратной связи в учебном процессе по иностранному языку (Feedback Language Portfolio);

5) многоцелевое ЯП, включающее различные цели в области овладения ИЯ (Comprehensive Language Portfolio) [2].

Цели и формы работы с указанными видами языкового портфолио в практике преподавания иностранного языка могут быть различными. В методической литературе по языковому портфолио подчеркивается, что вряд ли правомерно говорить об «одном правильном способе» использования ЯП в том или ином образовательном контексте. Очень важно помочь школьнику осмыслить приобретаемый опыт общения, поэтому каждый учитель формирует свою концепцию преподавания иностранного языка [3. С. 104–123].

Центральным звеном преподавательской концепции является принцип автономности в предоставлении каждому учащемуся возможности самостоятельно анализировать и оценивать объем работы, спектр своих достижений в области изучения языка и культуры, динамику овладения изучаемым языком в различных аспектах, а также опыт учебной деятельности в данной области. Для этого используется технология языкового портфолио. Одна из перспективных технологий, которая последние годы получает все большее распространение в системе языкового образования от раннего обучения до высшей школы. Кон-

цепция языкового портфолио рассматривается нами как средство, обеспечивающее целостный портрет личности, который ученик составляет и отслеживает самостоятельно.

Использование технологий языкового портфолио в педагогической деятельности обусловлено общей тенденцией перенесения акцента с понятия ‘обучение’ на понятие ‘изучение иностранного языка и культуры’, то есть непосредственно на самостоятельную учебную деятельность учащегося [4]. Опыт работы показывает, что ЯП является своеобразным «зеркалом» этого процесса, в котором за счет рефлексивной самооценки учащегося отражаются основные аспекты его учебной деятельности. И таким образом создаются условия для формирования учебной компетенции и развития способности учащегося к автономии в процессе овладения иностранным языком [5. С. 204–235].

Языковое портфолио для учащихся начальной школы включает следующие разделы:

1. Языковой паспорт. В начальной школе он называется «Языки, которые я знаю». В этом разделе ученики описывают свой опыт изучения языков и межкультурного общения.

2. Языковая биография. Во втором разделе, который называется «Мои успехи», ученики самостоятельно оценивают свой уровень владения иностранным языком, отмечают свои достижения в аудировании, говорении, чтении и письме.

3. Досье. Третий раздел – «Моя копилка» – это специальная папка, в которую учащиеся складывают продукты своего труда, которые они хотели сохранить и показать другим [2].

Итак, языковое портфолио рассматривается в целом как инструмент самооценки владения изучаемым языком. Функции и соотношения основных целей использования языкового портфолио меняются в зависимости от этапа изучения языка. В качестве основных заданий для рефлексивной самооценки используются различные виды опросников, контрольные листы самооценки, оценочные шкалы. Эти формы самооценки составляются на основании дефиниции и дескрипторов основных уровней владения иностранным языком, принятых в рамках, в частности, общеевропейского образовательного пространства. Кроме того, в содержание языкового портфолио может включаться дневник учащегося, фиксирующий динамику совершенствования определенных умений, качества речи, например, динамику совершенствования умений чтения [3]. Задания для рефлексивной самооценки формируются, как правило, в терминах ‘Я умею...’, ‘Мне необходимо...’, ‘Мои трудности в процессе общения свя-

заны с...'. Эти задания носят личностно ориентированный характер и направлены на самостоятельный анализ и оценку учащимся эффективности и трудностей практического использования изучаемого языка в соответствии с основными параметрами уровня владения иностранным языком (коммуникативными умениями в видах иноязычного речевого общения, качеством речи). В языковом портфеле Language Learning Portfolio предлагаются также задания на рефлексию и коррекцию стратегий и приемов учебной деятельности. Эта самооценка также осуществляется по методике опросников, анкет, контрольных листов. Например, «Насколько эффективно я сделал эту работу?», «Что я выучил?». Так, на начальном этапе овладения языком преобладает задача повышения мотивации; по мере повышения уровня владения языком ЯП способствует более глубокому формированию рефлексивной самооценки и развитию автономии учащегося в изучении языка и культуры. Применение этой инновационной технологии на протяжении последних лет позволило увидеть важные преимущества языкового портфолио по сравнению со стандартизованными тестами, которые дают «разовую» оценку [6].

Во-первых, языковое портфолио представляет возможность учащемуся самостоятельно проследить динамику уровня владения изучаемым языком в течение определенного времени и отразить своеобразную биографию своего языкового и речевого развития. Во-вторых, работа с языковым портфолио внесла изменения в систему взаимодействия преподавателя с учащимися. Это взаимодействие приобрело характер переговоров, консультаций, определенных «учебных контрактов», в которых ответственность за решение задач учебной деятельности разделяется обоими субъектами [7]. Таким образом, эффективное использование языкового портфолио обеспечивает аутентичные условия взаимодействия в системе 'учащийся-учитель-группа', показывает учащимся формы самостоятельной работы над языком. Это определенным образом приобщает учеников к культуре учебного труда. Важно отметить, что языковой портфолио не заменяет деятельность по обучению иностранному языку, а сопровождает ее. В результате целенаправленной деятельности работа с языковым портфолио позволяет учащимся:

- повысить свою мотивацию в изучении иностранного языка и осознать ценность межкультурного общения;
- оценить свой уровень владения иностранным языком;

- правильно организовать самостоятельную работу по овладению иностранным языком;
- определить наиболее рациональные способы совершенствования своих знаний и умений.

Работа с языковым портфолио помогает учителю: повысить мотивацию в преподавании иностранного языка; творчески подходить к разработке уроков; помочь каждому ученику осознать свой индивидуальный подход овладения языком и тем самым формировать автономность обучающегося; вносить необходимые коррективы в процесс обучения на основе полученной информации; повысить свое профессионально-методическое мастерство [8].

Анализ имеющегося опыта работы позволяет сделать вывод, что технология языкового портфолио, основанная на развитии способности к рефлексивной самооценке:

- создает в процессе самостоятельной работы учащегося над изучаемым языком реальную ситуацию развития и тем самым условия для продуктивной учебной деятельности;
- обеспечивает способность и готовность учащегося к автономному изучению языка и культуры на протяжении всей жизни;
- создает условия для непрерывного самостоятельного языкового образования личности как основы общего образования, что указывает на перспективность использования языкового портфолио в других предметных областях.

Технология языкового портфолио реализует инновационный подход к учебному пособию для самостоятельной работы учащегося по иностранному языку и обеспечивает развитие продуктивной учебной деятельности учащегося. Языковое портфолио представляет собой пособие для самостоятельной работы учащегося по иностранному языку, личностно ориентированного, персонализированного, направленного на создание личностного образовательного продукта, обеспечивающего активизацию учащегося как пользоваться иностранным языком (**Language User**) и как изучающего иностранный язык (**Language Learner**) [9].

По существу, языковое портфолио – формат учебного пособия по иностранному языку, которое соответствует практическим, развивающим и образовательным целям в области изучения иностранного языка и культуры в контексте перспективного развития школьного языкового образования. Повышению уровня мотивации при работе с языковым портфолио способствует также и то, что учащийся реально поставлен в условия непрерывного языкового образования, постоянной работы над изучаемым языком, в процессе которой для учащегося важна и преемственность раз-

личных этапов / уровней овладения иностранным языком. Например, для учащегося важно отобрать те или иные работы, которые наилучшим образом показывают его готовность к дальнейшему продолжению языкового образования на следующем этапе школы или в вузе или практическому использованию изучаемого языка в различных ситуациях и сферах социальной деятельности [10]. Особо следует подчеркнуть, что использование языкового портфеля обеспечивает аутентичность в учебном процессе по иностранному языку. Это проявляется в характере материалов, отбираемых и включаемых учащимся в языковой портфель, в реальности речевого поведения учащегося в процессе своего высокого уровня личной мотивации, в силу которой он отбирает свои наиболее значимые работы по иностранному языку.

Аутентичность межкультурной коммуникации, реальная значимость и личная вовлеченность учащегося в процесс управления учебной деятельностью и ее оценки обеспечивает повышение мотивации учащихся не только как практический результат использования изучаемого материала, но и как процесс овладения им. Это, как известно, является наиболее высоким и наиболее эффективным уровнем заинтересованности учебной деятельности и способствует ее продуктивному творческому характеру.

Список литературы

1. Васильева, М. М. Условия формирования мотивации при изучении иностранного языка. М. : Педагогика, 1988. 131 с.

2. Гальскова, Н. Д. Европейский языковой портфель. Знакомство с языками для детей 7–10 лет / Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко. М. : МЛГУ, 2002.

3. Коряковцева, Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык : пособие для учителей. М. : АРКТИ, 2002.

4. Лабазина, Л. Н. Европейский языковой портфель – средство оценки и самооценки знаний учащихся по иностранным языкам // Ярослав. пед. вестн. 2003. № 2 (35).

5. Никитенко, З. Н. Теория и практика обучения иностранным языкам / З. Н. Никитенко, Н. Д. Гальскова. М. : АЙРИС ПРЕСС, 2007.

6. Полат, Е. С. Портфель ученика // Методика обучения иностранным языкам : традиции и современность. М., 2010. С. 362–366.

7. Поливанова, К. Н. Проектная деятельность школьников : пособие для учителя. М. : Просвещение, 2011. 192 с.

8. Якобсон, П. М. Психология чувств и мотиваций. М. : Модек, 1998. 304 с.

9. Ivanova, N. Language Portfolio as an Instrument for Student Development IN ELT Reform in Russia : Regional Aspects (Proceedings of the 3rd Regional KELTA Conference). Krasnoyarsk, 2003.

10. Language Learning for European Citizenship. European Language Portfolio. Proposals for Development. Strasbourg, 1997.

Ж. М. Култанова (Караганда, Казахстан)

ОБУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

This article is focused on the diversity of phraseological synonyms, antonyms, homonyms, on the types of idioms. Enabling of idiomatic material to the content of education is an integral part of the process to improve the socio-cultural competence at the foreign language teaching. Background knowledge of native speakers and their culture is the object to learning of a foreign language. Therefore idiomatic is intended to ensure the formation of socio-cultural competence of students.

Keywords: intercultural communication, socio-cultural competence, fixed phrases, foreign languages, phrasicon.

Одной из главных задач изучения иностранных языков в современной школе является приобщение обучающихся к культуре, традициям и реалиям страны изучаемого языка. Центральное

место в педагогическом процессе занимает формирование способности обучающихся к участию в межкультурной коммуникации, что особенно важно в условиях, когда происходит невиданное

смешение народов, языков, культур [1. С. 38–42].

Самым эффективным средством формирования, совершенствования и дальнейшего развития социокультурной компетенции является пребывание в стране изучаемого языка, погружение в саму атмосферу культуры, традиций, обычаев и социальных норм страны изучаемого языка. Немаловажную роль в формировании представления о культуре страны изучаемого языка играют факторы родной социокультурной среды, которые необходимо учитывать при разработке моделей соизучения языка и культуры [7]. Необходимость межкультурной коммуникации требует содействия распространению знаний, развития многоязычной компетенции, владения родным языком и более чем двумя иностранными языками. Процесс развития социокультурной компетенции происходит более эффективно в процессе интегрированного обучения, компаративного анализа культурных ценностей, опосредован комплексом условий, в числе которых – приобщение детей к национальной культуре и культуре страны изучаемого языка, ориентация учебно-воспитательного процесса на субъективную позицию обучающегося как носителя общечеловеческих и культурных ценностей, применении способов, активизирующих познавательную и творческую деятельность в процессе изучения иностранных языков [2].

Таким образом, включение фразеологического материала в содержание образования является неотъемлемой частью процесса совершенствования социокультурной компетенции на уроках иностранных языков. Использование информации, сведений, связанных с реальной жизнью народа изучаемого языка, стимулирует не только интерес к изучению иностранных языков, но и содействует воспитанию обучающихся в контексте «диалога культур»; знакомит их с общечеловеческими ценностями; повышает их познавательную мотивацию; формирует их способность к общению на иностранном языке; повышает самостоятельность, активность каждого учащегося; воспитывает ответственное отношение к делу; способствует становлению личности [3].

Знакомясь с иностранным языком, усваивая его, изучая его, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком. Фразеология как неотъемлемая часть и своеобразная сокровищница любого языка мира может особенно сильно способствовать этому приобщению [4]. Фразеологизмы и фразеологические сочетания отражают многовековую

историю страны изучаемого языка, своеобразие его культуры, быта, традиций. Поэтому, фразеологизмы – высокоинформативные единицы иностранного языка.

В структурно-семантическом отношении фразеологизм – отдельно оформленная единица языка, значительно более сложная, чем слово, и это сказывается на его актуализации в письменном или устном контексте. Многие исследователи (В. П. Жуков, В. Н. Телия, Н. М. Шанский, Л. П. Смит) включают в состав фразеологии свои устойчивые сочетания или только определенные группы. Так, некоторые лингвисты не включают в разряд фразеологизмов пословицы, поговорки или крылатые слова, считая, что они по своей семантике и синтаксической структуре отличаются от фразеологических единиц.

Использование фразеологического материала на уроках иностранного языка является главным условием успешности учебного процесса. На занятиях происходит межкультурная коммуникация, раздвигаются, открываются, расширяются новые возможности изучения языков. Постигая реалии чужого общества, обучающиеся не только обогащают свои фоновые знания, приобщаются к чужой культуре и цивилизации, но и, сравнивая это чужое со своим, выходя за рамки культурной ориентации, приобщаются к своей культуре, к своей цивилизации [5].

На уроках английского языка при изучении фразеологического материала на начальном этапе много внимания должно уделяться систематизации лексико-грамматических явлений и изучению стилистических особенностей и канонов иностранного языка. Одним из главных условий успешности обучения фразеологическому материалу является правильный подбор дидактического материала. Преподавателю необходимы пособия, которые содержат аутентичный материал, обладающий максимальной степенью информативности и представляющий для учащихся интерес не только с точки зрения языка, но и создающий условия для пополнения их фоновых знаний за счет содержащейся в нем фактуальной, концептуальной и подтекстовой информации.

В структуру совершенствования социокультурной компетенции на основе использования фразеологизмов на среднем этапе обучения включаются следующие компоненты:

- работа с лексикой: выделение фразеологических единиц, рекомендуемых для запоминания, поиск фразеологических эквивалентов, постановка фразеологических единиц;
- работа с грамматическими конструкциями: выделение фразеологизмов, рекомендуемых для

повторения, упражнения, направленные на повторение выделенных фразеологизмов;

– творческие задания: объяснение фразеологизмов, построение и использование предложений с фразеологизмами, подбор фразеологизмов по теме и т. д. [6]

Таким образом, рационально используемый фразеологический материал в изучении иностранного языка помогает учащемуся в овладении материалом, накоплении знаний о языке и получаемых через язык, в силу его тесной связи со всеми видами речевой деятельности.

В науке выделяются четыре типа фразеологизмов:

1. Фразеологические сращения или идиомы – это абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не зависит от значения составляющих их слов: ‘to send smb to Coventry – прекратить общение с кем-либо’; ‘to kick the bucket (разг.) – загнуться, умереть’; ‘at bay – **загнанный, в безвыходном положении**’. В данном случае во фразеологических сращениях утрачена связь между прямыми переносными значениями, переносное для них стало основным. Поэтому фразеологические сращения сложно переводить на другие языки.

2. Фразеологические единства – это такие устойчивые сочетания слов, в которых при наличии общего переносного значения отчетливо сохраняются признаки семантической раздельности компонентов: ‘to spill the beans – выдать секрет’; ‘to burn bridges – сжигать мосты’. Для понимания фразеологического единства необходимы его компоненты – воспринимать в переносном значении. Например, смысл выражения ‘to make a mountain out of a molehill – делать из мухи слона’ раскрывается только в том случае, если слово ‘molehill’ рассматривать в значении ‘что-то незначительное, маленькое’, а слово ‘mountain’ – ‘что-то очень большое’.

3. Фразеологические сочетания – это устойчивые обороты, в состав которых входят и со свободным, и с фразеологически связанным значением выражения: ‘a pitched battle – ожесточенная схватка’, ‘Adam’s apple – Адамово яблоко’, ‘a bosom friend – закадычный друг’. В отличие от фразеологических сращений и фразеологических единств, обладающих целостным неразложимым значением, «фразеологические сочетания характеризуются смысловой разложимостью» [8]. В этом случае они сближаются со свободными словосочетаниями.

4. К фразеологическим выражениям относятся такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые

целиком состоят из слов со «свободным номинативным значением и семантически членимы». Их единственная особенность – это **воспроизводимость**. Они используются как готовые речевые единицы с постоянным лексическим составом и определенной семантикой. Фразеологические выражения – это только обороты с буквальным значением компонентов: ‘Live and learn – Век живи – век учишься’, ‘Better untaught, than ill taught – Лучше быть неученым, чем неправильно ученым’.

Особого внимания заслуживает стилистическая характеристика фразеологических средств с точки зрения эмоционально-экспрессивной. Вся фразеология делится на две группы: *нейтральная* – не обладающая коннотативными значениями: ‘open meeting – открытое собрание’; ‘New Year – Новый Год’; **each other – друг друга**. *Нейтральные* группы фразеологизмов входят в состав общеупотребительной фразеологии, функционально не закрепленной: ‘Adam’s apple – Адамово яблоко’; ‘length of service – трудовой стаж’; ‘punctuation marks – знаки препинания’. Вторую группу фразеологизмов составляют фразеологизмы с эмоционально-экспрессивной окраской, которая обусловлена их метафоричностью, использованием в них разнообразных выразительных средств. Фразеологизмы разговорного стиля окрашены в фамильярные, шуточные, ироничные, презрительные тона: ‘like a bottle from the blue – как снег на голову’; ‘chicken heart – мокрая курица’. Книжным фразеологизмам присуще возвышенное, торжественное звучание: ‘to blow up the bridge – сжечь мосты’; ‘to leave this world – уйти из жизни, покинуть бренный мир’ [8].

Кроме уже упомянутых типов фразеологизмов в английском языке существуют также фразеологизмы, обладающие близким или тождественным значением, которые вступают в синонимические отношения. Например, ‘to know what’s what’; ‘to know how many beans make fire’. Подобно лексическим единицам, **такие фразеологизмы образуют синонимические ряды, в которые могут войти соответствующие лексические синонимы одного ряда**: ‘grasp all’; ‘lose all’; ‘if you run after to hares you will catch neither’. Антонимические отношения во фразеологии развиты меньше, чем синонимические. Автономия фразеологизмов часто поддерживается антонимическими связями их лексических синонимов: ‘to be down and out – быть разбитым’; ‘to be all health – чувствовать себя превосходно’. В особую группу выделяются антонимические фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие компоненты, противопоставленные по значению. Например, ‘with light heart – с легким сердцем’; ‘with

heavy heart – с тяжелым сердцем’; ‘heart of a gold – золотое сердце’; ‘heart of a stone – каменное сердце’ [9]. Омонимические отношения фразеологизмов возникают тогда, когда одинаковые по составу фразеологизмы выступают в совершенно разных значениях. Например, ‘dry as dust’ – ‘1. высохший, 2. скучный, 3. скука смертная, тоска зеленая’; ‘the end of the line – ‘1. тупик, конец карьеры, печальный финал, 2. вышедшая из моды, устаревшая модель’.

Таким образом, в работе преподавателя иностранного языка должен использоваться материал, включающий в себя фразеологический компонент, причем его реализация на уроке должна проводиться через разнообразные формы работы. В то же время в учебной деятельности преподавателя и обучаемых должен присутствовать и коммуникативный компонент, поскольку общение на межкультурном уровне, возможно, осуществить, преодолев языковые и психологические барьеры в межличностном общении.

Список литературы

1. Ауэрбах, Т. Д. Зачем и как изучать иностранный язык. М. : Знание, 2005. 38-42с.

2. Воробьев, Г. А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей // Иностр. яз. в шк. 2003. № 2. С. 40–42.

3. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М. : Аркти, 2003.

4. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов. М. : Просвещение, 2004. 124 с.

5. Захарова, М. А. Стратегия речевого использования фразеологизмов английского языка. М. : Academia, 2000. 19 с.

6. Слостенин, В. А. Образование как социокультурный феномен // Пед. образование и наука. 2005. № 6. С. 4–15.

7. Смагулова, Е. М. Роль социокультурной компетенции в формировании межкультурно-коммуникативной компетенции // Методика обучения иностр. яз. 2013. № 3. С. 29–32.

8. Федуленикова, Т. Н. Использование английских фразеологических оборотов в обучении специальному иностранному языку. М. : Истоки, 2000.

9. Шибанова, В. И. Актуализация фразеологических единиц в литературно-художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Ю. В. Лукашкина (Челябинск, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

The following article is dedicated to studying of the motivation of the learning of Spanish as a foreign language. We will see examples of phraseological units with a color component. Some of them we will explain in this article.

Keywords: motivation, phraseological units, color naming, communication.

В настоящее время иностранные языки занимают значимое место в нашей жизни. Это связано с развивающимся политическим, экономическим, культурологическим и духовным взаимодействием разных стран. Поэтому изучение иностранных языков становится необходимостью, особенно распространено широкое изучение основных европейских языков, в том числе и испанского языка.

Иностранный язык позволяет обучающимся открыть доступ к великому духовному миру другого народа, который говорит на данном языке, а также повышает уровень их гуманитарного образования. Поэтому иностранный язык выполняет

существенную роль в плане формирования личности человека, его культуры.

Употребление фразеологических единиц является актуальным на всех этапах обучения иностранному языку. На начальном этапе важным является их использование в речи преподавателя в ходе выполнения различных видов учебной работы на уроках, в разных ситуациях, возникающих на занятии и во внеклассной работе. Это создает благоприятный психологический климат, языковую атмосферу, развивает у учеников языковую догадку о значении незнакомых слов или языковых явлений с опорой на ситуацию общения.

Например, изучая фразеологизмы с цветообозначениями, можно многое узнать об обычаях и традициях страны, о быте народа, его этикетном поведении, об особенностях восприятия тех или иных явлений. Язык – это отражение ментальности, мировоззрения народа, говорящего на нем. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. Понятия язык и культура являются неразрывными и должны рассматриваться в комплексе [1. С. 112]. Фразеологизмы, содержащие цветовой компонент, к примеру, обладают мотивированностью – их внутренняя форма является «говорящей». Например, белый цвет в испанском языке означает полный покой, безмятежность, мир, тишину, чистоту, пустоту, девственность, что-то светлое. Обладает также некоторым магическим действием – белая одежда и окраска – средство, способствующее очищению, долгой жизни, здоровью, благу. Сделать такой вывод нам помогают фразеологизмы испанского языка, содержащие в себе компонент ‘blanco’ (белый). Приведем несколько примеров:

‘No distinguir lo blanco de lo negro’ ‘Абсолютно не разбираться в чём-либо, не отличать чёрное от белого’, ‘Не различать, где добро, а где зло’.

‘Chimenea nueva blanca unos días, y al cabo negra’ ‘Новый дымоход белый всего несколько дней, а потом становится черным’. Имеется в виду, что все вещи были когда-то новыми, но недолгое время. И душа человека тоже не может постоянно оставаться чистой, невинной, незапятнанной.

А вот зелёный цвет в испанском языке – это цвет растительности; отсюда и все его положительные значения: произрастание, весеннее возрождение природы, молодость. Как символ молодости зелёный цвет часто ассоциируется с незрелостью, наивностью и неопытностью:

‘Fruta verde, ni buen sabor tiene’ ‘У зеленого / незрелого плода дурной вкус’. Едва начатое и впопыхах законченное, не до конца оформленная и без должного обдумывания выпаленная мысль (по типу ‘что на уме-то и на языке’) производит неблагоприятное впечатление на собеседника. Имеется в виду ‘поспешишь – людей насмешишь’. Как аналог – ‘всему своё время, не надо торопить события’.

‘Las uvas están verdes, dijo la zorra cuando no las pudo alcanzar’ ‘Виноград незрелый – сказала лисица, когда не сумела достать его’. Этот фразеологизм произошел от известной басни, где лисица не смогла достать вкусный сладкий виноград и в свое оправдание воскликнула, что он ей и не

нужен был, т. к. он незрелый. Смысл поговорки состоит в том, что некоторые люди пренебрегают тем, что не могут иметь.

‘Plátano maduro no vuelve a verde’ ‘Спелый банан не станет снова зеленым’. Аналоги этой фразеологической единицы – ‘время не вернуть’, ‘в одну реку нельзя войти дважды’, ‘мы не можем повернуть время вспять’.

‘Amor y dolor son del mismo color’ ‘Любовь и боль одного цвета’. Хотя это и две абсолютно противоположные вещи – любовь – добро, боль – зло, они имеют что-то общее. Когда любишь, всегда больно.

Фразеологические единицы, содержащие компонент ‘rojo’ (красный):

‘Traspasar una línea roja’ ‘Переходить красную черту, границы дозволенного’.

‘No estará muy triste, quien de rojo viste’ ‘Не бывает грустным тот человек, который одет в красное’. Так как мы подбираем одежду каждый день под настроение, то красное одеваем тогда, когда оно приподнятое, веселое, когда мы полны энтузиазма.

Как мы видим, у красного цвета и отрицательное, и положительное значение. Он ассоциируется с кровью, с болью, угрозой, ранами. Но в то же время символизирует любовь, смелость, хорошее настроение.

Большое количество фразеологических единиц в испанском языке содержат компонент ‘negro’ (черный):

‘Estar de un humor negro’ ‘быть мрачным, подавленным, в плохом настроении’;

‘Estar negro por algo’ ‘разозлиться из-за чего-либо’;

‘Suerte negra’ ‘злая судьба, злой рок’;

‘Negro de la uña’ ‘Грязь под ногтями, немножко, капелька чего-либо’. Как аналог – ‘с ногтей’, но с пренебрежительным оттенком;

‘El mejor suegro, vestido de negro’ ‘Самый хороший тесть; свёкор – одетый в черное’). В этом фразеологизме присутствует доля черного юмора. Так как существует такой стереотип, что все мужья ненавидят своих тещ, а жены – свекровей, то тут имеется в виду, что лучший тесть, свекр – вдовец, то есть одетый в черное.

Исходя из данных примеров, можем заключить, что черный в испанском языке обозначает смерть, грех, зло. Большинство фразеологизмов, содержащих компонент ‘negro’, ассоциируются со злом, с неприятными эмоциями и ощущениями: разозлить, разозлиться, быть в плохом расположении духа, злой рок.

Приведем также несколько примеров фразеологических единиц, содержащих компонент ‘azul’ (голубой):

‘Para encontrar al príncipe azul antes tendrás que besar muchos sapitos’ ‘Прежде чем найти принца голубых кровей, должен будешь перецеловать множество **жаб**’. Этот фразеологизм можно воспринимать с той точки зрения, что прежде чем найти настоящую любовь, настоящую дружбу, приходится проходить через многие неудачи. Или прежде чем найти свое призвание в жизни, любимое дело, нужно перепробовать другое. Синий – цвет королевской власти и благородного происхождения. Сочетание ‘голубая кровь’ употребляется для обозначения людей высокого происхождения. Это произошло из убеждения, что вены у испанских аристократов являются более синими, чем у простых людей.

‘Prefieres unos ojos azules que te engañen, que unos tuertos que te amen’ ‘Предпочитаешь голубые глаза, чтобы тебя обманывали, косым, которые бы тебя любили’. Имеется в виду, что не нужно судить человека по внешности. Нужно оценивать его чувства и отношение.

‘Tras las nubes el cielo sigue siendo azul’ ‘За тучами небо все также голубое’. Даже если и возникли какие-то проблемы и неприятности, нужно помнить, что жизнь прекрасна.

Голубой в испанском языке символизирует цвет ясного неба, представляет высоту и глубину, постоянство, преданность, совершенство, размышление и мир.

Жёлтый цвет, наоборот, наделён отрицательным значением:

‘La envidia va tan flaca y amarilla porque muerde y no come’ ‘Зависть такая тощая и желтая, потому что кусает, но не ест’. Зависть только грызет человека изнутри, но не помогает ему ни чего-то добиться, и не питает его душу.

‘Si te casas de amarillo, te saldrá un pillo’ ‘Если женишься в желтом, ребенок вырастет плутом, хулиганом’. Это может быть связано с суеверием относительно желтого цвета, что одеваться в желтое – плохая примета.

‘Estas como mango, amarilla y bien chupada’ ‘Ты как манго – желтое и очень худое’. Означает плохой внешний вид, сравнивается с манго – фруктом желтым и выжатым.

Желтый в основном ассоциируется с завистью; несмотря на то, что желтый цвет является одним из доминирующих на флаге Испании, он пользуется не лучшей славой. В желтые одежды рядили еретиков и больных чумой. Города, охваченные эпидемиями, были обязаны предупреждать об этом желтыми флагами. Желтый цвет особенно непопулярен в актерской среде: считается, что он не должен присутствовать на декорациях и костюмах (начало этому суевию, как говорят,

положил слух, что прославленный комедиограф Мольер скончался, одевшись однажды во все желтое).

Использование страноведческого материала при обучении студентов иностранному языку является актуальным, так как обучающиеся имеют возможность приобщиться к культуре и быту страны изучаемого языка, а также вследствие работы с лингвострановедческим материалом возникают хорошие условия для всестороннего развития личности студента.

Интерес возникает при изучении лингвокультурологического аспекта трактовки фразеологических единиц, а именно проблемы отображения этнического характера испанцев и их картины мира во фразеологизмах, содержащих цветовой компонент. Большинство фразеологических единиц испанского языка, проанализированных нами, содержат белый и зеленый цвета. Из этого можем сделать вывод о том, что испанская культура – это молодая культура, с открытой душой и светлым будущим. Подобные исследования позволяют изучающим испанский язык правильно понимать образ мыслей и характер народа Испании, правильно использовать фразеологизмы в речи в зависимости от коммуникативных ситуаций и, как следствие, избегать языковых трудностей при чтении или личном контакте с носителем испанского языка. Для человека, который изучает иностранный язык и владеет некоторым запасом слов, фразеологические единицы представляют собой большие трудности, особенно в случае, если в родном языке коммуниканта отсутствует аналогичное по смыслу высказывание.

Фразеологизмы отражают национальную специфику языка какого-либо общества, его самобытность. Умелое и правильное использование поговорок, пословиц, устойчивых выражений в речи придает особый колорит и выразительность. Но, к сожалению, многие люди говорят стандартно, не избегая общепринятых штампов и забывая о том, что существует живая эмоциональная речь. Соответственно обогащению речи может в большой мере поспособствовать ознакомление с культурными традициями и культурным наследием страны изучаемого языка через знакомство с его обширным паремиологическим фондом, что приведет к успешной мотивации учеников в изучении испанского языка в частности.

Мотивация – это важнейший элемент процесса овладения иностранным языком, который обеспечивает его результативность. В связи с этим нужно иметь в виду следующее: мотивация – сторона субъективного мира студента, которая определяется его собственными побуждениями и

пристрастиями, осознаваемыми им потребностями. Преподаватель может опосредованно повлиять на неё, создавая предпосылки и формируя основания, на базе которых у обучаемых возникает личная заинтересованность в работе [3. С. 42].

В результате коммуникативного общения на уроках студенты имеют возможность обсуждать свои поступки, дела, различные события из своей жизни, жизни университета, города, страны, планеты в целом, учатся выражать своё отношение ко всему происходящему, отстаивать собственное мнение по какому-либо поводу. Непременным условием коммуникативного общения является создание на занятии положительного психологического климата, также учёт эмоционального самочувствия каждого обучающегося. Чтобы освободить студентов от психологических барьеров, от скованности, застенчивости и неуверенности, необходимо создать атмосферу доброжелательности, раскрепощённости и уважения к личности учащегося. Коммуникативное обучение помогает формированию обучаемой группы как коллектива, способствует формированию личности в коллективе.

В преподавании иностранного языка особо важное место занимает внеклассная работа, которая проводится в соответствии со спецификой предмета. Внеаудиторная работа благоприятно влияет на развитие самостоятельности учащихся, увеличивает интерес к изучению языка, у студентов появляется возможность применять свои знания на практике, а также пополняется багаж

знаний обучающихся, появляется возможность поверить в свои знания и умения, повышается уверенность в себе. Материал, который используется на внеаудиторных занятиях, необходимо подбирать познавательным и интересным, развивающим, учитывать индивидуальности, склонности, а также уровень подготовки учащихся по иностранному языку.

Список литературы

Колесов, В. В. Отражение русской ментальности в слове // Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова. М. : Златоуст, 1999. С. 112.

Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : (Язык и картина мира). М., 1988. С. 204.

Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность. СПб. : Питер ; М. : Смысл, 2003. С. 42.

Юрченкова, Г. Д. Мотивы и «антимотивы» при изучении иностранного языка // Иностр. яз. в шк. 1998. № 4. С. 16.

Frases celebres, cuentos, citas y proverbios [Электронный ресурс]. URL : <http://www.refranes.biz/view.php?ItemID=1463> (дата обращения: 14.01.2014).

Jorge Martinez Montoro. Estudios de lingüística // Universidad de Alicante. 2002. № 16. С. 110.

Refranero español. Colección de ocho mil refranes populares, ordenados, coordinados y explicados / ed. por J. Bergua. Madrid, 2009.

Е. В. Миронова (Трехгорный, Россия)

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

In this article motivation is considered as one the most important tools to uncover students' potential in the process of foreign languages studying while training bachelors in technical colleges. The possibility of using socio-cultural projects and an ECTS system of assessment helps the teacher to correct the motivation of foreign languages studying towards the positive dynamic.

Keywords: motivation, technical college, ECTS system, projects, foreign language, competences.

Современный мир диктует свои требования к инженеру как одному из самых активных и многочисленных представителей интеллектуального труда. Профессиональный портрет современного инженера предстаёт в образе компетентного специалиста, знающего производство, свободно ориентирующегося в высоких технологиях,

умеющего организовать и вести переговоры и деловую переписку на иностранном языке. Такой специалист – мечта любого работодателя. К такому конечному результату должен стремиться сегодня каждый технический вуз. Модернизация отечественного образования и переход на Федеральные государственные образовательные

стандарты третьего поколения, а также двухуровневая система высшего образования (бакалавры и магистры) предназначены координировать и унифицировать учебный процесс вузов разных стран, гарантировать доступ к единому европейскому образовательному пространству. В рамках такого пространства роль иностранного языка значительно возрастает, а сам иностранный язык (в нашем случае английский) становится средством межкультурной коммуникации, обеспечивающим общение всех субъектов образования.

Учебный предмет «Иностранный язык» в техническом вузе имеет большое значение для формирования компетентного специалиста. Знание и владение иностранным языком дает студенту возможность не только получать профессионально-значимую информацию, но и узнавать особенности культуры и традиций стран изучаемого языка, расширять собственный кругозор, формировать способности к принятию новых, самостоятельных, нестандартных решений, проходить повышение квалификации в странах изучаемого языка.

Цель данной работы – исследовать факторы, влияющие на повышение мотивации студентов при изучении иностранного языка в техническом вузе.

Традиционные педагогические технологии обучения иностранным языкам, хотя и стремятся к модернизации, ограничены в главном – в невозможности имитировать или смоделировать иноязычную среду, создать условия для аутентичного общения на изучаемом языке. Преподавателям иностранного языка необходимо учитывать индивидуальные различия студентов при работе в больших по наполняемости группах и, к сожалению, низкую мотивацию студентов на большинстве технических специальностей.

Курс иностранного языка в технических высших учебных заведениях носит коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер, и его задачи определяются коммуникативными и познавательными потребностями специалистов соответствующего профиля. Однако в настоящее время обучение иностранному языку в технических вузах проводится, как правило, на начальных курсах, когда студенты только начинают знакомиться со своей будущей специальностью и приобретают лишь первичные знания. Часто бывает так, что изучаемый лексический материал предстаёт в глазах студентов новым не только со стороны иностранного языка, то есть со стороны своей формы, но и с семантической стороны, то есть с точки зрения своего содержания и функции. Студенты сталкиваются с профессиональной лексикой и

не могут себе представить, о чем идет речь. Они многого «не проходили» по основным техническим дисциплинам, которые подробно преподаются на старших курсах, когда иностранного языка в учебном плане уже нет. Однако, согласно требованиям ФГОС-3 и компетентностной модели выпускника, такой материал должен прорабатываться. Это требует от преподавателя дополнительной нагрузки. Он сам должен овладеть технической лексикой, что бывает весьма сложно преподавателю гуманитария, поскольку техническая картина мира у преподавателя приближенная, а у студентов первых-вторых курсов только начинает формироваться.

Кроме того, как показывает практика, большинство студентов высших технических заведений к концу обучения утрачивают ранее выработанные языковые и речевые навыки и умения, так как перестают практиковаться в иностранном языке. Преподавателю бывает трудно убедить и воодушевить студентов на большие усилия к изучению дисциплины «Иностранный язык», так как большинство студентов уверены, что изучение данной дисциплины заканчивается получением оценки в диплом.

В связи с этим проблема формирования мотивации к изучению иностранных языков является одной из наиболее актуальных в современном образовании.

Термин ‘мотив’ – русифицированное французское слово ‘motif’, в буквальном смысле слова обозначает ‘побуждение’ (от латинского слова ‘moveo’ – двигаю.) В психолого-педагогическом контексте мотив понимается как побудительная причина действий и поступков человека, исходящих из стремления удовлетворить свои материальные или духовные потребности [4].

Мотивация – это система причин (факторов, условий), побуждающих человека к активной целенаправленной и продуманной деятельности. Исследование мотивации в рамках педагогической психологии сосредоточено на понятиях волевого акта и силы воли (которые учащиеся прилагают к решению определенной задачи), уровня их заинтересованности и внутренней мотивации, личных целей и суждений о причинах их успехов или неудач. Различают внутреннюю и внешнюю мотивации. В то время как внутренняя мотивация касается видов деятельности, внешняя мотивация управляется результатом или наказанием [2]. Как правило, человеческая деятельность бывает полимотивированной, то есть человек действует, исходя не из одного, а из нескольких мотивов. Весь комплекс сил, побуждающий студентов изучать иностранный язык, а также влияющие на

них факторы, то есть мотивы, мотивы-стимулы, факторы внешнего и внутреннего воздействия, и представляют собой мотивацию.

Создание, управление и развитие мотивации при изучении иностранного языка является одной из центральных проблем психологии и педагогики. К сожалению, в настоящее время обучение иностранному языку в основном носит искусственно-учебный характер в силу отсутствия у студентов «естественной потребности» в общении на иностранном языке. В связи с этим преподаватель призван выполнять не только функции преподавателя, создавая в процессе обучения языку обстановку иноязычного речевого общения, но и функцию психолога, изучая и развивая у студентов мотивацию усвоения иностранного языка [8].

В своей статье мы подробно остановимся всего на двух рычагах управления мотивацией: балльно-рейтинговой системе как пример внешней мотивации и полимотивированной проектной деятельности студентов с использованием мультимедиа технологий.

Трехгорный технологический институт, филиал научно-исследовательского ядерного университета МИФИ, с сентября 2011 г. приступил к работе по новым образовательным стандартам. Дисциплина «Иностранный язык» входит в базовую часть гуманитарного, социального и экономического цикла учебного плана подготовки бакалавров технических направлений «Приборостроение» и «Технология машиностроения». Трудоемкость дисциплины составляет 7 зачетных единиц (3 семестра), 216 часов, из них на аудиторную нагрузку приходится всего 104 часа, тогда как самостоятельная работа занимает 112 часов. В процентном соотношении распределение часов между аудиторной и самостоятельной работой составляет 40 % и 60 %. То есть предполагается, что большую часть времени студент должен работать самостоятельно, усваивая и прорабатывая определенный языковой, лексический и грамматический материал.

Однако практика и опыт преподавания показывают, что большинство студентов, изучающих данную дисциплину, не умеют грамотно и эффективно организовать свою учебную деятельность. Согласно результатам анкетирования студентов первого-второго курса о рациональном распределении свободного времени, проведенного в 2012–2013 уч. г., выяснилось, что всего 20 % опрошенных систематически готовятся дома к дисциплине «Иностранный язык».

Большинство из них отождествляет понятие «высшее техническое образование» с процессом получения знаний только по специальным пред-

метам, что приводит к приоритету одних дисциплин над другими, где в число «второстепенных» и «ненужных» иногда попадает иностранный язык. Кроме того, необходимо учитывать и отсутствие преемственности между школой и вузом, низкий уровень подготовки абитуриентов, а на сегодняшнем этапе – острую нехватку учебной и учебно-методической литературы для подготовки бакалавров, а также сокращение часов на дисциплину.

При организации аудиторной и самостоятельной работы студентов себя положительно зарекомендовала балльно-рейтинговая система. Данная система является инструментом управления образовательным процессом, обеспечивающим мотивацию студентов к систематической учебной работе в течение семестра. Основными задачами балльно-рейтинговой системы являются:

- повышение мотивации активной и равномерной учебной работы студентов в течение семестра;
- повышение эффективности регулярной самостоятельной учебной работы студентов;
- усиление контроля за систематической работой студентов при освоении ими образовательной программы путем более высокой дифференцированной оценки результатов их учебной деятельности;
- повышение учебной дисциплины студентов и сокращение числа пропусков занятий;
- получение объективной оценки уровня знаний, компетентности и уровня профессиональной подготовки студента и т. д. [6. С. 7].

На практике это проявилось следующим образом: уже в середине осеннего семестра в рейтинговой карте по результатам входного, текущего и рубежного контролей можно было увидеть пеструю картину разноуровневого усвоения дисциплины «Иностранный язык». Сразу же появились лидеры, заинтересованные в высокой оценке и выполняющие все требования преподавателя (меньшинство студентов), просто успевающие студенты и отстающие студенты. Хорошо зарекомендовали себя и «штрафные санкции»: за каждый пропуск занятий по неуважительной причине (-1 балл), за несданное в срок задание (-1 балл). При отработке занятий «штрафные» баллы снимались. К концу семестра картина успеваемости была вполне ожидаемой.

Балльно-рейтинговая система оправдала себя как инструмент и стимул для внешней мотивации студентов, основанный на наградах, поощрениях или наказаниях.

Если под внешней мотивацией мы понимаем социальный престиж, вознаграждение за труд, то

внутренняя мотивация представляет собой потребность в познавательной деятельности. Внутренняя мотивация основана на достижении поставленной цели через саму деятельность. Она характеризуется тем, что люди вовлекаются в деятельность ради нее самой, а не ради наград или во избежание наказания. Деятельность в данном случае является самоцелью, а не средством достижения какой-либо цели.

Положительное влияние на познавательные процессы, а значит, и на личность студента в целом оказывает именно внутренняя мотивация [1. С. 45]. Поскольку внутренняя мотивация является наиболее лично важной и педагогически значимой, напрямую определяющей успешность учебной деятельности, основная задача преподавателя иностранного языка состоит в обеспечении условий образовательного перехода студентов от внешней к внутренней мотивации при изучении иностранного языка.

В методической и психологической литературе можно найти описание массы путей и приемов формирования компонентов мотивационной сферы. Но на современном этапе появился новый, очень эффективный инструмент комплексного воздействия на все составляющие мотивации изучения иностранного языка. Речь идет об использовании мультимедиа технологий.

Компьютер прочно вошел в нашу жизнь. Современные студенты воспринимают его так же естественно, как и простейшие бытовые приборы. Компьютер для современного студента ассоциируется с прогрессом, успешностью и соответствует духу времени. И этот факт нельзя игнорировать в организации образовательного процесса. Использование компьютерных технологий приближает обучение к реальной жизни, помогает использовать компьютерную грамотность студентов для повышения их мотивации к изучению иностранного языка.

Мультимедиа делает процесс обучения иностранным языкам более эффективным и потому, что при их использовании стимулируются сразу несколько каналов восприятия, воздействуя на различные виды памяти: зрительную, слуховую, эмоциональную, моторную. Отлично зарекомендовал себя такой вид работы, как производство проекта в виде презентации по страноведению. Метод проектов предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов и действий обучаемых, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных познавательных действий и предполагающих презентацию этих результатов в виде конкретного продукта деятельности. Если говорить

о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой сути.

Страноведение направлено на формирование у студентов следующих общекультурных компетенций:

- способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, владение культурой мышления;

- способность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия [3. С. 11].

Страноведение является направлением, где сосредоточены знания из различных областей, как межкультурных, так и междисциплинарных, и студенты должны владеть не только информационной частью, но и знать реалии страны изучаемого языка, уметь употреблять их в речи, а также уметь анализировать полученную информацию, аккумулировать межкультурные и междисциплинарные знания для их дальнейшего использования. Минусом для студентов технического вуза опять же является огромный по объему материал и ничтожно малое количество часов, выделяемый на этот вид работы. А учитывая тот факт, что английский является государственным языком нескольких стран, задача усложняется многократно.

В современный век высоких технологий у студентов уже сформирована приближенная картина мира в силу доступности аутентичной литературы, фильмов и аудиозаписей на иностранном языке, электронных информационных ресурсов, а также благодаря современным возможностям общения с представителями иноязычной культуры посредством электронной почты, глобальных социальных сетей и т. д. Поэтому задачей преподавателя является вовлечение студентов в увлекательный вид работы, результатом которой помимо конечного продукта – творческой презентации – будет расширение и углубление знаний по страноведению.

Тематика проектов по страноведению должна отвечать следующим требованиям:

- проект должен быть направлен на изучение культурного своеобразия страны изучаемого языка;

- тематика проектных заданий должна охватывать не только историю, географию, особенности литературы, музыки, искусства, но культурные особенности поведения, верований традиций;

- при выборе темы следует учитывать типичность изучаемых явлений
- при выборе темы необходимо учитывать практическую направленность проекта: предполагаемый продукт проекта должен обладать образовательной ценностью [7].

Популярность метода проектов объясняется тем, что он не только помогает всем студентам успешно усваивать учебный материал, но и позволяет развивать их творческий потенциал, умение самостоятельно конструировать свои знания и применять их для решения познавательных и практических задач, ориентироваться в информационном пространстве, анализировать полученную информацию. Направленность этого метода на получение практического результата, а также ориентация на интересы и нужды студентов делает его незаменимым в современных условиях. Необходимость обращения к такой форме работы обусловлена рядом имеющихся в ней достоинств, связанных с ориентацией студентов на свою будущую специальность, на мотивирование их интереса к определенной проблеме, на активизацию самостоятельной работы. Проектная деятельность предусматривает, через решение одной или нескольких проблем, демонстрацию практического применения полученных знаний [5. С. 94].

При обучении иностранным языкам в технических вузах используется множество методов. Но их не следует использовать механически: при выборе метода нужно помнить, что он должен повышать степень мотивации студентов. Стимулирование мотивации играет решающую роль в преподавании иностранных языков. Можно сказать, что все современные методики направлены на повышение мотивации студентов. Поскольку мотивация – это важный фактор в успешном учебном процессе, умение побуждать студентов

к деятельности должно рассматриваться как высшее мастерство и показатель эффективности работы преподавателя.

Список литературы

1. Апиш, Ф. Н. Основы современных теорий мотивации. Майкоп : Аякс, 2001. 127 с.
2. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) [Электронный ресурс]. URL : sofia-sfo/ru/sites/osnov_duh_culche_encicloped_slov_pedagoga.doc, 2000.
3. Компетентностная модель выпускника по программе подготовки бакалавров по направлению 200100 «Приборостроение» / ТТИ НИЯУ МИФИ. 2011. 20 с.
4. Мотивы [Электронный ресурс] // Большая Советская Энциклопедия. URL : <http://oval.ru/enc/44918.html>.
5. Полат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров. М. : Академия, 2008. 271 с.
6. Положение о балльно-рейтинговой системе оценки успеваемости студентов ТТИ НИЯУ МИФИ / ТТИ НИЯУ МИФИ. 2011. 23 с.
7. Сергеева, Н. Н. Проектная деятельность как средство развития социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка [Электронный ресурс] / Н. Н. Сергеева, В. В. Новикова. URL : journals.uspu.ru/i/inst/ped/ped12/ped12_31pdf. 2011.
8. Яковлева, Н. Ю. Зависимость мотивации изучения иностранного языка от индивидуальных свойств личности студентов технических вузов [Электронный ресурс]. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/>. 2008.

С. М. Молгаждарова (Караганда, Казахстан)

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ

The article investigates the historical and socio-cultural factors that contributed to the creation and development of multicultural identity in Kazakhstan. The author believes that the implementation of the educational system of the concept of multiculturalism has become part of the national ideology, part of a complex and comprehensive process of convergence, interaction and interpenetration of national structures. In this regard, the article discusses bilingual education as a means of developing multicultural personality. We prove that bilingual education is necessary for the formation of a competitive specialist, outgoing personality, able to actively and effectively in the life of multinational and multicultural environment.

Keywords: bilingual education, aids, multicultural environment, high school, integration, language policy.

Многообразие культур и языков – это национальное достояние Казахстана. Наша страна обладает особым историческим опытом межрелигиозного и межэтнического взаимодействия, а также опытом поддержки и развития культур всех народов, проживающих на территории Казахстана. С приобретением независимости в государстве происходит становление и развитие гражданского демократического общества, в котором усиливается борьба с шовинизмом, расизмом и в то же время проявляется открытость по отношению к другим странам, народам и культурам, осуществляется воспитание в духе мира, согласия и уважения.

С учетом новых социокультурных реалий особую значимость приобретает задача подготовки подрастающего поколения, которая рассматривается среди приоритетных в документах ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы, где подчеркивается, что образование XXI столетия должно оказывать содействие тому, чтобы человек мог осознать свои национальные корни и с уважением относиться к другим народам и культурам [6]. Система образования должна содействовать государству по достижению гражданского согласия, демократических порядков и принципов толерантности общества. Поэтому внедрение в образовательную систему концепции поликультурности стало частью национальной идеологии. В связи с этим особое внимание уделяется созданию условий для развития поликультурной личности.

Существует много различных определений поликультурного образования. Но, на наш взгляд, наиболее точным и правильным является определение, данное Томасом. Он писал, что «поликультурное образование имеет место, когда определенная личность стремится в общении с людьми другой культуры понять их специфическую систему восприятия, познания, мышления, их систему ценностей и поступков, интегрировать новый опыт в собственную культурную систему и изменить в соответствии с чужой культурой. Поликультурное образование побуждает наряду с познанием чужой культуры и к анализу системы собственной культуры» [5. С. 200].

Опираясь на данное определение, мы считаем, что поликультурное образование, с одной стороны, способствует осознанию личности своей этнической принадлежности, развитию чувства национального сознания и самосознания. А с другой стороны, препятствует этнокультурной изоляции личности от других стран и народов.

С различной интенсивностью процесс внедрения в образовательную систему концепции поликультурности охватывает все ступени. Но данный

процесс в высшей школе приобретает черты качественно нового этапа интеграции предметного знания, направленности на познание целостной картины мира. Интеграция образования в высших учебных заведениях – часть сложного и всеобъемлющего процесса сближения, взаимодействия и взаимопроникновения национальных структур. Безусловно, усиливается мобильность студентов, их мотивация к изучению иностранных языков, также к установлению и поддержанию контактов внутри своей страны и за рубежом. Студенты, сохраняя национальное своеобразие, стремятся интегрироваться в мировое и европейское социально-культурное и образовательное пространство путем приобщения к чужой культуре: от понимания до заимствования некоторых образцов деятельности и селективного их применения.

В условиях многонационального Казахстана представляется, что выходом из сложившейся ситуации может служить билингвальное обучение. Билингвальное обучение как средство развития поликультурной личности обеспечивает синтез языкового, предметного и межкультурного компонентов в подготовке студентов к профессиональной деятельности и является базой интернационализации высшего образования в русле Болонского процесса [2]. Это стало возможным благодаря самой либеральной на всем постсоветском пространстве национально-языковой образовательной политике, которая проводится государством с первых лет независимости. Данная языковая политика гармонично учитывает интересы всего народа Казахстана, на деле обеспечивает соблюдение языковых прав всех этносов нашей страны, обеспечивает свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Ее принципы отражены в Конституции Республики Казахстан, в законах РК «О языках в Республике Казахстан» и «Об образовании», «Государственной программе функционирования и развития языков на 2005–2010 годы». Так, например, ст. 6 Закона РК «О языках в Республике Казахстан» гласит: «Каждый гражданин Республики Казахстан имеет право на свободный выбор языка и воспитания обучения». В статье 8 Закона «Об образовании» подчеркнута важность «воспитания гражданственности и патриотизма, любви к своей Родине – Республике Казахстан, уважения к государственным символам, почитания народных традиций <...>, приобщения к достижениям мировой и отечественной культуры, изучения истории обычаев и традиций казахского и других народов республики» [3. С. 3].

Билингвальное обучение как средство развития поликультурной личности существенно укреп-

пляет общественное согласие среди студентов разных народностей и национальностей. Студенты приобщаются к мировой культуре средствами родного и иностранного языков, и иностранный язык выступает в качестве способа постижения мира, специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов

На занятиях, где используется билингвальное обучение, происходит диалог различных культур, способствующий осознанию людьми принадлежности не только к своей стране, определенной цивилизации, но и к общепланетарному культурному сообществу. У обучаемых формируется умение общаться и сотрудничать с людьми разных национальностей, рас, вероисповеданий, воспитывается понимание своеобразия других культур, искореняется негативное отношение к ним.

Обучение на билингвальной основе обеспечивает студентам широкий доступ к информации в различных предметных областях, получение новой информации в соответствии с индивидуальными потребностями, возможности непрерывного образования, что, в свою очередь, создает дополнительные шансы конкурировать на общеевропейском и мировом рынке специалистов. Наряду с этим обучение на билингвальной основе способствует совершенствованию общей языковой подготовки и владения иностранным языком в специальных предметных целях, углублению предметной подготовки и расширению сферы поликультурного образования, а также повышению мотивации в изучении иностранных языков.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сказать, что поликультурное образование в Ка-

захстане – это прогрессивный фактор развития общества. На уровень поликультурной образованности студентов в высшей школе может существенно повлиять билингвальное обучение. Билингвальное обучение необходимо для формирования конкурентоспособного специалиста, коммуникабельной личности, способной к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающей развитым пониманием и чувством уважения других культур, умением жить в мире и согласии.

Список литературы

1. Дмитриев, Г. Д. Многокультурное образование. М. : Нар. образование, 1999.
2. Брыксина, И. Е. Концентрация билингвального / бикультурного языкового образования в высшей школе (неязыковые специальности). Тамбов, 2009. 387 с.
3. Закон Республики Казахстан «Об образовании» // Казахст. правда. 1999. 11 июня. С. 3.
4. Кожанов, И. В. Сущность и структура этнокультурной социализации личности // Фундам. исслед. 2013. № 8, ч. 5. С. 1193–1197.
5. Макаев, В. В. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы / В. В. Макаев, З. А. Малькова, Л. Л. Супрунова // Педагогика. 1999. № 4. С. 3–10.
6. Образование : сокрытое сокровище : докл. Междунар. комис. по образованию для XXI в., представл. ЮНЕСКО. Париж, 1997. 52 с.
7. Хакимов, Э. Р. Поликультурное образование как фактор формирования конкурентоспособности учащихся // Вектор науки Тольятт. гос. ун-та. Сер. «Педагогика, психология». 2011. № 2.

Э. А. Онищенко, Е. О. Аккерман (Караганда, Казахстан)

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ НА БАЗЕ АНГЛИЙСКОГО

The article regards the knowledge of English language as the means of studying German on its basis. It reveals the essence of comparative method of studying foreign languages. Much attention is given to similarities between English and German as well as to the notion of interference and transference.

Keywords: second foreign language, interference, transference, communicative approach, comparative method of studying.

Долгое время в СССР немецкий язык в силу некоторых исторических причин занимал лидирующую позицию в обучении иностранным языкам. Однако с распадом Союза и благодаря

начавшемуся в то время процессу мировой экономической и социальной интеграции немецкий язык быстро сдал свои позиции, и на авансцену вышел английский язык. В чем причина столь

резкого смещения акцентов? Во-первых, английский язык является языком современной экономики и политики (не последнее место здесь занимает мощное влияние со стороны США). Во-вторых, английский язык элементарно проще учить. В качестве примера возьмем официальные рабочие языки ООН – арабский, испанский, китайский, русский, французский и, конечно же, английский. Даже самое поверхностное знакомство с этими языками позволяет понять, что английский язык существенно легче для изучения, а, следовательно, доступен и большому количеству людей.

Таким образом, за относительно короткий промежуток времени английский язык прочно закрепил за собой звание первого иностранного языка на постсоветском пространстве. Однако время не стоит на месте, люди развиваются, и знание как минимум одного иностранного языка, коим в большинстве случаев является английский, в наши дни считается нормой. Здесь люди начинают задумываться, какой же второй иностранный язык учить дальше. Кто-то, видя в мощном восточном соседе серьезного стратегического партнера, бросается учить китайский язык. «Ценители прекрасного» скорее пойдут учить французский или итальянский языки, а любителям легкой экзотики придется по душе язык солнечной Испании. Ну, а более консервативные люди наверняка станут изучать такое сложное явление, как немецкий язык.

Вот именно о последнем, наиболее тривиальном варианте и пойдет речь в этой статье. Однако обучение немецкому языку не будет рассматриваться как обучение еще одному иностранному языку, а как обучение немецкому языку с опорой на первый иностранный язык, а именно английский.

Ни для кого не будет секретом, что изучение иностранного языка с опорой на другой язык, в первую очередь родной, явление не новое. Собственно говоря, на этой почве возникло множество различных методов обучения иностранному языку, от грамматико-переводного (И. Мейдингер, Г. Оллендорф) до сравнительно-сопоставительного (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн).

Идеи, выдвинутые представителями сравнительно-сопоставительного метода еще во второй четверти XX в., в настоящее время получают широкое распространение и дальнейшее развитие с учетом современных тенденций в обучении иностранным языкам в целом – коммуникативной и лингво-культурологической направленности обучения.

Обучение любому языку неразрывно связано с культурой страны изучаемого языка. В связи

с этим в основе обучение немецкому языку как второму ИЯ в первую очередь должно опираться на сходства между этими двумя языками: взаимовлияние культур и языков, речевые заимствования, грамматические структуры [3. С. 75].

Сравнивая немецкий и английский языки, можно выделить некоторые лингвистические схожести. Во-первых, это генетическая близость между двумя языками, поскольку оба языка относятся к одной группе языков – германской группе индоевропейской семьи. Во-вторых, в основе обоих языков лежит латинский алфавит. В-третьих, существует общий пласт лексики германского происхождения. К. Хаммер утверждает, что из 2150 слов словаря-минимума немецкого языка 1191 слово имеет соответствие в английском языке. Например: ‘land – Land’, ‘man – Mann’, ‘word – Wort’, ‘music – Musik’, ‘drink – trinken’, ‘come – kommen’, ‘bring – bringen’, ‘can – kann’, ‘have – haben’, ‘new – neu’ и т. д. В-четвертых, опять же благодаря родственности языков, существуют аналогичные грамматические явления, сходные по структуре и семантике. Например, наличие правильных и неправильных глаголов, существование артиклей и модальных глаголов, использование глаголов-связок при конструировании предложения и др.

И это только самые очевидные сходства, которые в то же время составляют весьма крупную долю в грамматике обоих языков. Нетрудно догадаться, что изучив и поняв суть какого-либо лингвистического явления в одном языке, можно без особого труда уяснить аналогичное лингвистическое явление и в другом языке. Важно только трансформировать, подстроить имеющееся знание под структуру другого языка. Например, понять и научиться применять модальные глаголы в английском языке, которые, к слову, отсутствуют в русском и в казахском языках, означает практически полностью освоить немецкие модальные глаголы, ведь явление одинаково для обоих языков. И более того, одни из наиболее часто употребляемых немецких модальных глаголов ‘können’ и ‘müssen’ соответствуют английским аналогам ‘can’ и ‘must’ практически полностью лексически и полностью в смысловом отношении. Соответственно, данное утверждение будет работать и в обратную сторону, т. е. для тех, кто изучает английский язык на основе немецкого.

Отсюда появляется еще один аспект в обучении второму иностранному языку на базе первого – интенсификация обучения. Ее можно будет осуществить в связи с тем, что у изучающего второй иностранный язык уже сформированы и хорошо развиты определенные навыки изучения

иностранных языков, работы с адаптированной и аутентичной литературой, диалогической и монологической речи, языковая догадка, т. е. изучающий язык обладает широким речевым опытом.

Все эти навыки можно положительно перенести на изучение второго иностранного языка (явление трансференции), значительно сэкономив время на объяснении или усвоении уже знакомого материала лингвистического (лексика, грамматика) и экстралингвистического (культурно-страноведческие знания) характера.

Однако при изучении иностранных языков всегда нужно быть готовым к трудностям. Главную трудность будет играть межъязыковая интерференция. Остановимся на всех описанных выше моментах подробнее.

Накопление речевого опыта идет постоянно. Это динамическая функциональная система. Кроме того, существует постоянное взаимодействие между процессом приобретения речевого опыта и его продуктом. Иными словами, получая новую информацию речевого плана, человек не только перерабатывает ее, но и перестраивает всю систему своего речевого опыта. Таким образом, в сознании учащихся работают и активно взаимодействуют уже как минимум два речевых механизма – родного и первого иностранного (английский) языков. Совершенствование уже имеющихся механизмов и формирование следующего (третьего) должны быть взаимосвязаны. Не последнюю роль в этом сыграют интерференция и трансференция.

Интерференция и трансференция – понятия взаимосвязанные, причем второе вытекает из первого. Существуют разные трактовки понятия 'интерференция', однако наиболее популярной является трактовка американского лингвиста Уриеля Вайнрайха, который подразумевает под интерференцией «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи билингов в результате того, что они знают больше языков, чем один» [цит. по: 1].

Труды Вайнрайха в дальнейшем дали импульс многочисленным исследованиям явлений интерференции, что привело к различению двух видов языкового воздействия при языковых контактах: 1) отклонение от норм одного языка под влиянием другого (интерференция); 2) перенос, при котором воздействующий язык не вызывает в первом языке нарушения нормы, но стимулирует уже существующие закономерности (трансференция) [1. С. 56].

По замечанию У. Вайнрайха интерференция есть ни что иное как «вторжение норм языковой системы в пределы другой», т. е. интерференция

объясняется как отрицательный результат взаимодействия языков, что проявляется в виде нарушений системы и нормы изучаемого языка в процессе использования его билингом [2. С. 22].

По источнику интерференции различают межъязыковую и внутриязыковую интерференцию, однако коль скоро речь идет об изучении одного иностранного языка на основе другого, то имеет место быть межъязыковая интерференция.

Под межъязыковой интерференцией принято понимать процесс, сущность которого заключается в том, что обучаемый, введенный в заблуждение общими свойствами и признаками контактирующих языков, отождествляет все остальные свойства этих языков и переносит всю программу речевого поведения с одного языка на другой. В результате в сознании билинга возникает произвольная система соответствий («третья система»), в которой смешиваются дифференциальные признаки контактирующих языков.

Межъязыковая интерференция, возникающая вследствие отрицательного воздействия родного языка и первого иностранного языка на изучаемый второй иностранный язык, в разной степени охватывает все лингвистические уровни языка (фонетический, лексический, грамматический) и влияет на развитие речевой деятельности на втором иностранном языке в целом, а также сказывается на внеречевом поведении.

Под межъязыковой интерференцией имеется в виду перенесение дифференциальных признаков из родного/первого иностранного языка в систему второго иностранного, а также несоблюдение дифференциального признака иностранного языка ввиду отсутствия его в одном из опорных. В большинстве случаев причиной несоблюдения дифференциальных признаков иностранного языка является не только отсутствие их в родном языке, а отсутствие навыков их использования в иностранном языке [4. С. 32].

Трансференция осуществляется на двух уровнях – трансференция в области языковых знаний и сформированных языковых навыков и трансференция в когнитивной области. Трансференция в когнитивной области предполагает осознание процесса изучения языка, собственный опыт освоения первого иностранного языка, какие тактики и стратегии, освоенные при изучении первого иностранного языка, можно эффективно использовать при изучении второго. Трансференция в области языковых знаний представляет собой непосредственное применение знаний, умений и навыков, обретенных при изучении первого иностранного языка, в аналогичных ситуациях во втором иностранном языке.

Исходя из вышесказанного, следует, что к обучению второму иностранному языку на основе первого иностранного языка применимы те же общеметодические подходы, что используются при обучении первому иностранному языку, т. е. коммуникативный, личностно-ориентированный и деятельностный подходы. Обучение второму иностранному языку за счет опоры на первый позволяет вести процесс обучения языку максимально интенсивно, а раннее использование аутентичных материалов будет способствовать наиболее эффективной адаптации к иноязычной речи. Изучение второго иностранного языка отличается большей осознанностью, что вкупе с использованием сравнительно-сопоставительного подхода представляет собой мощный инструмент для рефлексии и анализа изучаемого материала. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет находить сходства и различия между языком-опорой (будь то первый иностранный или родной) и изучаемым иностранным языком с целью предотвращения явления интерференции и повышения качества обучения.

При обучении второму иностранному языку следует учитывать такие факторы, как предыдущий речевой опыт учащихся и степень влияния как родного, так и первого иностранного языка на второй иностранный язык. Необходимо предвидеть ситуации возникновения межъязыковой интерференции – отрицательного переноса зна-

ний, умений и навыков из одного языка на другой – и предпринять все возможные меры по нейтрализации данного явления. Нельзя забывать и об антагонисте интерференции – трансференции, или положительном переносе знаний и умений как лингвистического, так и экстралингвистического плана с опорных языков на изучаемый язык с целью их дальнейшего успешного использования в освоении структуры изучаемого иностранного языка. Также следует принять во внимание уровень владения учащимися опорными языками – чем он выше, тем меньше шанс возникновения интерференции, и тем выше вероятность трансференции.

Список литературы

1. Баграмова, Н. В. Лингводидактические основы обучения второму иностранному языку : учеб. пособие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 221 с.
2. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища шк., 1979. 264 с.
3. Rösler, D. Fremdsprachenerlernen in einem deutsch-sprachigen Land und nicht deutsch-sprachigen Land // DaF. 2005. № 2. С. 75–80.
4. Swan, M. Learner English: A teacher's guide to interference and other problems / M. Swan, B. Smith. Cambridge Univ. Press, 2001. 362 p.

С. В. Перова (Луганск, Украина)

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВО ВРЕМЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

The article reveals the problem of the formation of the non-linguistic students' translation competence in the process of learning of foreign languages. The author suggests her own view on the place of translation competence in the nomenclature and structure of general professional competence of the future specialists. The stages of the formation of students' translation skills in the process of "special" translation are taken into consideration.

Keywords: translation competence, "special" translation, competence-based approach.

Стремительный процесс развития международных отношений, экономических, политических связей между различными государствами, интенсификация интеграционных процессов в высшем образовании, динамика информационно-коммуникационных технологий, усиление профессиональной мобильности населения об-

уславливает социальный заказ государства на подготовку специалистов, умеющих облегчать процессы обмена информацией между представителями различных культур и удовлетворять потребности потребителей переводческих услуг. От специалиста практически любой сферы деятельности ожидается не только сформиро-

ванность высокого уровня ключевых и профессиональных компетентностей, но и способность обеспечить коммуникацию между представителями разных лингвокультур с ориентацией на их профессиональную деятельность. Потребность в высококвалифицированных, конкурентоспособных переводчиках в сфере профессиональной коммуникации вызывает необходимость поиска и разработки качественно новых подходов к их профессиональной подготовке в соответствии с мировыми стандартами. В этом контексте профессиональная прагматика перевода выдвигает новую задачу обучения иностранным языкам студентов неязыковых специальностей вузов – сформировать профессиональную переводческую компетентность, которая позволит им эффективно действовать как переводчику в процессе обеспечения профессионально-ориентированной межкультурной коммуникации. Основное противоречие состоит в том, что социальный запрос на специалистов, имеющих высокий уровень переводческой компетентности в пределах их специальности, существует, но практически отсутствует теоретическая и методическая база такой подготовки студентов неязыковых специальностей вузов. Как указывается в Отраслевых стандартах высшего образования Украины, основная цель изучения иностранного языка профессиональной направленности (English For Specific Purposes) – формирование необходимой коммуникативной способности в сферах профессионального и ситуативного общения в устной и письменной форме, навыков практического владения иностранным языком во всех видах речевой деятельности в объеме тематики, обусловленной профессиональными потребностями; овладение новейшей профессиональной информацией посредством и из иностранных источников [3. С. 14]. Но решение такой цели невозможно, если у студентов не будет сформирован достаточный уровень переводческой компетентности.

Проблема формирования профессиональной переводческой компетентности и подготовки специалистов, способных осуществлять профессионально ориентированный перевод с иностранного языка и наоборот, пока остается наименее исследованной в педагогической и методической литературе. Вопросы методики перевода в своих работах рассматривают Н. Гавриленко, И. Халева, А. Штанов, В. Комиссаров. Так, И. Халева освещает формирования переводческой компетенции на разных этапах обучения иностранным языкам, В. Комиссаров рассматривает структуру и содержание переводческой компетенции, А. Штанов исследует методику преподавания

перевода в контексте компетентностного подхода, Н. Гавриленко занимается поиском дидактических средств обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации.

Целью публикации является освещение проблемы формирования профессиональной переводческой компетентности студентов неязыковых специальностей в процессе изучения иностранного языка посредством развития умений и навыков специального перевода. Профессионализация деятельности переводчика, ее востребованность на рынке труда, появление в рамках переводческой профессии новой специальности «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» обусловили необходимость определения единых требований к данной профессии. В соответствии с этими изменениями возникла необходимость по-новому подойти к подготовке переводчиков. Именно понятие профессионализма, под которым понимается совокупность, набор личностных характеристик человека, необходимых для успешного выполнения труда, связано со способностью противостоять этим изменениям. Основным показателем профессионализма переводчика является его компетентность, которая отражает профессиональную личность [1]. Профессиональный профиль выпускника вуза в современных условиях требует от студентов овладения определенной системой компетенций, которая при условии объективного внутреннего членения составляющих такой системы представляет новое качество на выходе и обеспечивается целостностью образовательного процесса на всех его этапах; ориентированностью на конечную итоговую цель; внутренней взаимосвязанностью и интегрированностью составляющих его компонентов. То есть организация педагогического процесса профессиональной подготовки современного специалиста должна быть направлена прежде всего на формирование и развитие его профессиональной компетентности.

В научной литературе часто используется термин 'компетенция / компетентность'. Такое широкое использование в целом оправдано, особенно в связи с необходимостью модернизации содержания образования. Чаще всего эти понятия отождествляются, но существуют попытки выделить эти понятия. В своем исследовании мы придерживаемся такого мнения, что компетентность – это специальным путем структурированные наборы знаний, умений, навыков и отношений, которые приобретаются в процессе обучения и дают способность человеку определять и решать в различных ситуациях проблемы, характерные для определенного круга деятельности. Эти ком-

петентности, проявляясь в поведении человека, превращаются в его личностные качества, свойства и, соответственно, становятся компетенциями, которые характеризуются мотивационными, смысловыми и регуляторными составляющими, наряду с когнитивными (т. е. знаниями и опытом) [2. С. 448]. Компетенция в контексте нашей работы рассматривается также и как некий интегрированный результат, который включает в себя все традиционные результаты образования.

Для того, чтобы определить понятие 'переводческая компетентность в сфере профессиональной коммуникации', рассмотрим ее место в структуре профессиональной компетентности специалиста.

В сферу переводоведения понятие 'переводческая компетентность' (translator's competence) введен Г. Тури, однако единого мнения относительно определения этого термина до сих пор не существует. Поскольку перевод является видом коммуникативной деятельности, в процессе которой переводчик выполняет важную социальную функцию посредника между двумя разноязычными сообществами, то приобретение студентом неязыковых специальностей набора коммуникативных компетенций не может происходить отдельно от других составляющих его общепрофессиональной компетентности. В свою очередь, формирование переводческой компетентности является неотъемлемой частью процесса получения коммуникативной составляющей его профессионального профиля.

По нашему мнению, наиболее удачно в контексте нашей публикации были рассмотрены, проанализированы, сопоставлены и дополнены существующие точки зрения по вопросу трактовки этого понятия в работе Н. Гавриленко «Компетентностный подход к обучению переводу». Так, автор отмечает: «...переводческая компетентность – это особое “переводческое” владение двумя языками (как минимум): рецептивное владение исходным языком и репродуктивное – языком перевода, при котором языки проецируются друг на друга. Подобной точки зрения на составляющие переводческой компетентности мы находим в работах В. Н. Комиссарова, который считает, что в процессе создания профессиональной переводческой компетентности формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от нормальной, “непереводческой” личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессиональном. Французские и канадские исследователи в целом придержи-

живаются подобного подхода при определении составляющих переводческой компетентности, отмечая, что переводчик должен также обладать “компетенцией редактирования”, что во многом связано с необходимостью часто редактировать переведенный текст самим переводчиком» [1].

Несколько отличный подход к переводческой компетентности предлагают исследователи Л. Латышев и В. Провоторов, которые считают, что она включает следующие составляющие:

— базовые, которые в основном сводятся к общению учащимся знаний «теоретико-прикладного» характера о переводе и формированию на их основе умений, общих для выполнения любого вида перевода;

— специфические, к которым относятся знания, умения и навыки, необходимые для осуществления какого-либо одного вида перевода (письменного, последовательного, синхронного и т. д.);

— специальные, к которым относятся «ее части, необходимые при переводе текстов определенного жанра и стиля: научно-технических, деловых, художественных и т. д.».

Последние годы активно исследуется когнитивная сторона переводческой деятельности. Т. Пшенкина, разрабатывая психолингвистическую модель личности переводчика, выделяет когнитивную компетенцию, которая акцентирует операциональную природу языковой способности. По мнению А. Бушева, современный переводчик должен обладать такими компетенциями, как аналитическая, креативная, эмоциональная. Анализируя метакогнитивные способности переводчика, французский исследователь Ф. Плассар выделяет способности планирования (способность вырабатывать стратегии решения проблемы), предвидения (способность предполагать результат когнитивной деятельности), проверки выработанных стратегий, контроля (оценивать полученный результат), обобщения (способность обобщать и «транспонировать» стратегии на решение новых задач). Испанская исследовательская группа PACTE (Process in the Acquisition of Translation Competence and Evaluation), рассматривая когнитивную составляющую переводческой компетентности, анализирует память, восприятие, внимание, эмоции, мотивацию, креативность, умение логически рассуждать, анализировать и синтезировать, любознательность, критический ум, уверенность в себе, самооценку и т. п.

Анализируя переводческую компетентность, И. Халева выдвигает обоснованную гипотезу, что в процессе подготовки у переводчика формируется вторичная языковая личность, т. е. он становится билингвопрофессионалом и, по всей

видимости, будет обладать коммуникативной бикомпетентностью. Расширяя данное представление о личности переводчика, В. Иовенко выдвигает тезис о трикомпетентности переводчика, которая включает: 1) коммуникативную компетентность членов коллектива исходного языка; 2) коммуникативную компетентность членов коллектива языка перевода; 3) собственно переводческую компетентность, определяемую особенностями коммуникативной деятельности переводчика [цит. по: 1].

В номенклатуру общепрофессиональных компетенций студентов неязыковых специальностей вузов с целью осуществления будущей профессиональной деятельности в рамках межъязыковых и межкультурных отношений следует отнести, по нашему мнению, следующие виды компетенций:

— лингвистическая компетенция – способность владеть совокупностью знаний о структуре языковой системы, а также умения оперировать этими знаниями в процессе профессиональной деятельности: анализировать, сопоставлять, группировать факты языка, использовать методы соответствующего лингвистического описания;

— профессиональная коммуникативная компетенция – способность эффективно использовать родной и иностранный язык в профессиональной деятельности, в том числе способность понимать аутентичные научные, научно-популярные, публицистические и специальные тексты профессионального содержания, способность понимать аутентичные устные тексты монологического, диалогического, полилогического характера в форме лекции, интервью, беседы, дискуссии, дебатов по вопросам профессиональной деятельности, способность выступать перед аудиторией с докладами, сообщениями, отчетами по различным профессиональным вопросам;

— переводческая компетенция – способность выполнять все виды профессионального перевода, в том числе письменный, устный (в пределах 15 минут), двусторонний, последовательный, реферативный с родного языка на иностранный и с иностранного на родной язык;

— экстралингвистическая – способность применять фоновые (тематические, энциклопедические, социокультурные и т. д.) и предметные знания, выходящие за пределы лингвистических и переводческих.

Перевод в сфере профессиональной коммуникации как деятельность является совокупностью переводческих действий, направленных на достижение переводческих решений в результате применения переводческих стратегий, одновре-

менно с этим перевод выступает как готовый продукт в виде текста (устного или письменного). Поэтому мы можем определить переводческую компетентность в сфере профессиональной коммуникации как способность к выполнению переводческой деятельности в ситуации межкультурной профессиональной коммуникации на основе знаний, умений, навыков, алгоритмов действий и практического опыта перевода с родного языка на иностранный и с иностранного на родной язык.

Понятно, что формирование переводческой компетентности в сфере профессиональной коммуникации студентов неязыковых специальностей вузов обусловлено их языковой подготовкой. Когда будущие специалисты хорошо владеют языком оригинала и языком перевода, обучение переводу сводится к формированию собственно переводческой компетентности студентов: развитию переводческих навыков и умений, необходимых для работы с текстами разных жанров, стилей, навыков преодолевать технологические трудности перевода, умений применять различные виды перевода и т. д. При условии недостаточного владения студентами иностранным языком обучение переводу происходит параллельно с изучением этого языка. В таких случаях необходимо учитывать отсутствие у студентов достаточной языковой и речевой подготовки и дополнять непосредственное овладение основами перевода изучением особенностей иностранного языка.

Особое внимание следует уделять развитию навыков специального перевода студентов неязыковых специальностей. К специальному переводу мы относим перевод газет, информационных, документальных и специальных (профессиональных) текстов. Основу такого перевода с лексической точки зрения составляет сочетание общеупотребимой лексики, терминов и клише. В этих текстах используются устойчивые словосочетания, термины, отражающие ту сферу деятельности, с которой они связаны. Особой переводческой точности требует официальная канцелярская речь, наполненная особыми речевыми штампами и шаблонными выражениями. Основой правильного перевода является совершенное владение предметом, о котором идет речь в тексте перевода.

Наш практический опыт показывает, что процесс приобретения навыков специального перевода происходит постепенно. Каждый студент, исходя из особенностей протекания индивидуальных мнемических процессов, выбирает для себя свой стиль работы. В зависимости от сте-

пени владения иностранным языком процесс перевода может происходить по-разному. При владении иностранным языком на достаточном уровне специалист все образы, мысли переводит на свой родной язык. В процессе учебного перевода понимание иноязычного текста часто не только не может предшествовать переводу, но и достигается только посредством перевода и с его помощью. Начинающему переводчику нередко самому нужен перевод для полного понимания оригинала. Поэтому для него процесс перевода состоит, по крайней мере, из трех этапов:

- анализ переводимого текста;
- черновой (часто дословный) перевод;
- адекватный литературный перевод.

На первом этапе анализ текста предполагает определение тематики; актуализацию знаний студентов по проблеме перевода, подготовку к использованию этих знаний. Этап дословного перевода предусматривает воссоздание конструкции оригинала без каких-либо изменений и без существенного изменения порядка слов в предложении. Под буквальным переводом следует понимать перевод по внешнему (графическому или фонетическому) сходству между иностранным и украинским словом или словосочетанием, без учета смысловых различий между ними. Отсюда понятно, что дословный перевод в определенных условиях является вполне закономерным явлением, а буквальный никогда не допускается. Он является своего рода «ксерокопией» оригинала и может служить отправной точкой для расшифровки сложных мест оригинала. Однако если в тексте есть синтаксические конструкции, которых нет в языке перевода, то дословный перевод только усложнит понимание значения оригинала. Например, предложенный студентами дословный перевод английского предложения приведет к его неправильному пониманию: 'He, who is afraid to walk under Jacob's ladder, will never get to the top of it' 'Тот, кто не боится пройти под лестницей Якова, никогда не влезет на её последнюю ступеньку' (возможный перевод: 'Тот, у кого кружится голова при виде лестницы, никогда не достигнет высот').

Одновременное изучение иностранного языка и перевода в сфере профессиональной коммуникации предполагает параллельное развитие речевых навыков и умений из основных видов речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо) и формирование собственно профессиональной переводческой компетентности.

Таким образом, сформированный у студентов неязыковых специальностей вузов достаточный уровень переводческой компетентности в сфере профессиональной коммуникации является одним из условий их будущей успешной профессиональной деятельности. Перевод является средством, позволяющим эффективнее решать профессиональные задачи, способствует успешному продвижению будущих специалистов на рынке труда, позволяет получить доступ к новым информационным источникам на иностранном языке, расширить квалификационные возможности студентов. Перспективными направлениями исследования являются проблемы организации учебного процесса формирования переводческой компетентности студентов неязыковых специальностей, а также разработка методического обеспечения этого процесса.

Список литературы

1. Гавриленко, Н. Н. Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М. : РУДН, 2008. 176 с.
2. Педагогіка вищої школи : навч. посіб. / З. Н. Курлянд, Р. І. Хмельюк, А. В. Семенова та ін. ; за ред. З. Н. Курлянд. 3-тє вид., перероб. і доп. К. : Знання, 2007. 495 с.
3. Програма з англійської мови для професійного спілкування / Г. Є. Бакаєва, О. А. Борисенко, І. І. Зуєнок, В. О. Іваніщева, Л. Й. Клименко, Т. І. Козимирська, С. І. Кострицька, Т. І. Скрипник, Н. Ю. Тодорова, А. О. Ходцева. К. : Ленвіт, 2005. 119 с.
4. Черноватий, Л. М. Методика викладання перекладу як спеціальності : підручник для студ. вищих заклад. освіти за спеціальністю «Переклад». Вінниця : Нова кн., 2013. 376 с.

В. И. Серова (Костанай, Казахстан)

WHY IT IS SO NECESSARY TO TEACH VOCABULARY

This article deals with a very important problem – the problem of involving the learners into the active process of learning vocabulary while studying the language. This problem is not a new one but all the teachers while teaching any foreign language face it – learners do not willingly learn new vocabulary. Time limitation at the lesson does not give a teacher the opportunity to study new vocabulary at every lesson so intensively that every learner should memorize the necessary amount of words to be able to fluently speak or read or write or listen to the language without experiencing any difficulty.

Keywords: vocabulary, vocabulary growth, intensive vocabulary, extensive vocabulary, authentic reading, learning strategies, explicit teaching and learning, monitoring, memory strategies.

In teaching foreign languages less importance had been given to vocabulary teaching for many years. However this has been changed recently. Words have taken a more important place in TEFL. For many years vocabulary teaching was not considered as an important part in foreign language teaching. It has been systematic and grammar teaching was always the most dominant point. Language learning involved mastering structure and teaching vocabulary was neglected. It was usually based on formal presentation of words. The reason in neglecting vocabulary teaching was the belief that it was the easiest part in foreign language teaching.

Vocabulary is the knowledge of words and word meanings. But the knowledge of a word not only implies a definition, it also implies how that word fits into the world. Vocabulary knowledge is not something that can ever be fully mastered; it is something that expands and deepens over the course of a lifetime. Instruction in vocabulary involves far more than looking up words in a dictionary and using the words in a sentence.

Vocabulary is acquired incidentally through indirect exposure to words and intentionally through explicit instruction in specific words and word-learning strategies. Vocabulary is a core component of language proficiency. It provides the basis for how well learners speak, listen, read and write. Without an extensive vocabulary and strategies for acquiring new vocabulary, learners may be discouraged from making use of language learning opportunities such as listening to the radio or to native speakers, using the language in different contexts, reading or watching television for pleasure. Wilkins (1972), as cited in Folse (2011), states: "While without grammar very little can be conveyed, without vocabulary nothing can be conveyed" [3. P. 366]. Learners should be motivated to become independent vocabulary learners in the process of any foreign language learning. Vocabulary learning, when it is focused on language forms and meaning in combination with a meaningful application of some useful learning strategies can give learners optimal condition for vocabulary growth.

Paul Nation (1995/96) states that "the vocabulary growth is such an important part of language acquisition that it deserves to be planned for, deliberately controlled and monitored" [5. P. 267]. No one can object that very reasonable statement. Every teacher can prove that when the learning process is not controlled it will hardly give a desirable output. But every teacher should realize that she/he has a right to assess the progress of learners only after creating all the necessary conditions for successful learning. In my practice I constantly face such problem – lesson's time limitation. At the lesson I can teach my learners only a minimum of vocabulary that is necessary for a successful completion of the tasks, chosen for this very lesson. For example, when studying the topic "Schools and types of learning" with my first-year students (elementary level), once we had a listening practice. I had to introduce some new words before we started listening itself: distance learning, professional training, part/full-time learning, a tutor, vocational and compulsory. It was enough for filling in the table while listening and for discussing of some questions afterwards: 1) Do you have all these types of learning in your country? 2) Have you ever tried/ would you like to try any of them? 3) Do you think that studying part-time is a good idea? Why? Why not? That vocabulary, introduced at the beginning of the lesson and trained 3 times during it in pre/while/ after listening activities, is likely to become active vocabulary. Learners are sure to notice those words and quickly realize the meaning of the message in some other context. But every learner must realize that this number of words can greatly limit their process of development of all the language skills. Research shows that there are more words to be learned than can be directly taught in even the most ambitious program of vocabulary instruction. Explicit instruction in word-learning strategies gives students tools for independently determining the meanings of unfamiliar words that have not been explicitly introduced in class. Since students encounter so many unfamiliar words in their reading, any help provided by such strategies can be useful.

For me, it was very essential to prove my personal understanding of this problem in Folse's that "while classroom vocabulary instruction is important, the number of unknown words is too great to be explicitly taught" [3. P. 365]. Therefore, I try to involve my students into reading out of classroom some authentic stories with guided discussion of the content at the lessons and assessment of the vocabulary gained while reading.

Now my elementary students are in the process of reading the book "Different Worlds" by Margaret Johnson. I hope my learners to benefit from our reading classes: equally with the development of reading and speaking skills, and enrichment of their vocabulary I expect a strong reading habit to be developed in my learners. Nation states that "if they read in unfamiliar areas, there is a greater chance of learning new vocabulary because they have to pay close attention to the language of the text to get the meaning" [5. P. 268].

Thus, language-focused instruction is very important when teaching and learning new vocabulary. This could be because learners have to concentrate their attention on some very important points: pronunciation, spelling, learning of the meaning, memorizing collocations and phrases which are based on a new word. It is very important that teachers should realize what kind of language-focused instructions can be the most beneficial. In many articles about vocabulary learning it is stated that teaching/learning of new vocabulary should be contextualized. I teach my students for academic purposes. Schmitt (2000), as cited in Folse, says that language learners' vocabulary size should be about 10,000 to meaningfully deal with academic materials. Taking this statement into account, I realize that my students will never reach that level of vocabulary size if I teach vocabulary exclusively through context. So, I make my students learn a lot of the necessary vocabulary explicitly. Nation (1995/96) argues that "decontextualized study of vocabulary is an effective way of rapidly increasing learners' vocabulary size" [5. P. 271]. And I find it quite reasonable if we teach our students to smoothly pushing them to the production of meaningful language output – written or oral, based on the newly-acquired vocabulary. Our aim then should be not only to minimize our learners' lexical gap, but to teach them some useful learning strategies to acquire new vocabulary quicker and meaningfully.

Previously, I did not think that we must purposefully teach our learners how to learn. Now, having read some useful articles about learning strategies, I realize that it is my responsibility as a teacher. Word-learning strategies include dictionary use,

morphemic analysis, and contextual analysis. For the learners whose language shares cognates with English, cognate awareness is also an important strategy. Dictionary use teaches students about multiple word meanings, as well as the importance of choosing the appropriate definition to fit the particular context. Morphemic analysis is the process of deriving a word's meaning by analyzing its meaningful parts, or morphemes. Such word parts include root words, prefixes, and suffixes. Contextual analysis involves inferring the meaning of an unfamiliar word by scrutinizing the text surrounding it. Instruction in contextual analysis generally involves teaching students to employ both generic and specific types of context clues.

Of course, I have always given my students some very simple instructions how to learn spelling (written repetition), memorize words (oral repetition in some periods of time), or compile vocabulary notebooks. Personal students' vocabularies are very important and I demand that all of my learners should have them at hand every lesson. They must register new words with transcription and definition of them. Some low-leveled students prefer to write down translation of words rather than their definitions. I do not mind, but insist on their learning how to explain them. Very often I ask my students to write out all the related words when I see that they do not use them properly in speech.

Working with related words I ask my students to fill in a simple table, like this one:

noun	verb	adjective	adverb	notes
	<i>economize</i> – to use less money or time			

I give them such a table and they are to fill in the columns. They cannot invent all the words themselves, so they work with a dictionary. I encourage them to use Oxford Advanced Learner's Dictionary. In the last column they usually write down useful examples or word combinations. When we check everything, I try to organize some activities to train them. It may be filling-in-the gaps with a necessary word activity, a matching exercise, or making up micro-dialogues. There are a lot of other effective strategies that can help learners gain new level of language comprehension through vocabulary learning either deliberately or contextually. Mercer states that "...memory strategies, such as using imagery, loci method, grouping words, the keywords method; cognitive strategies, such as word cards and lists of vocabulary notebooks and reviewing techniques; and finally metacognitive strategies help students have a controlled overview of the vocabulary learning" [4. P. 26]. Teach-

ing learners all these strategies is very important. I must develop sense of responsibility in my students for the final result of their learning. They must be able to set goals for learning vocabulary, test and adequately evaluate their personal level of language proficiency.

To conclude, vocabulary learning is a life-long process. Unfortunately, there is no any perfect strategy that can somehow guarantee success in learning vocabulary. Brown states that “successful mastery of the second language will be, to a large extent, the result of learners’ own personal “investment” of time, effort, and attention to the second language in the form of an individualized battery of strategies for comprehending and producing the language” [1. P. 12]. The role of teachers is also great in this process. We should be guides and facilitators for our learners when we have taught them how to learn productively, successfully and meaningfully.

Bibliography

1. Brown, D. English Language Teaching in the “Post-Method” Unit 2. Era : Toward Better Diagnosis, Treatment, and Assessment, 2002.
2. Richards, J. C. Methodology in Language Teaching / J. C. Richards ; W. A. Renanyda. N. Y. : Cambridge University Press, 2002. P. 9–18.
3. Folse, K. Applying L2 Lexical Research Findings in ESL Teaching [Internet resource] // TESOL Quarterly. 2011. June. Vol. 45, № 2. P. 362–369. URL : <http://blackboard.umbc.edu>.
4. Mercer, S. Vocabulary Strategy Work for Advanced Learners of English [Internet resource] // English Reaching Forum. 2005. Vol. 43 (2). P. 24–31. URL : <http://blackboard.umbc.edu>.
5. Nation, P. Best Practice in Vocabulary and Learning // EA Journal. 1995–1996. Vol. 13 (2). P. 7–15 // Methodology in Language Teaching. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2002. P. 267–273.

О. А. Сорокина (Челябинск, Россия)

КОМПОНЕНТЫ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

This article deals with one of the most essential approaches in teaching languages to students specializing in intercultural communication. This method is aimed at considering the student as the main object of the education process.

Keywords: intercultural communication, conception, subjectivity, person-centered teaching, subjective approach, personality, self-development, developmental teaching.

Модернизация российского образования предполагает переход к новым технологиям – прежде всего к личностно-ориентированному образованию, которое стремительно завоевывает образовательное пространство.

Личностно-ориентированным обучением в современной педагогике можно считать обучение, основанное на саморазвитии внутренних, сущностных, природных, универсальных свойств человека и на становлении системы ценностей личности [6. С. 6].

В концепции И. С. Якиманской целью личностно-ориентированного обучения является не формирование личности с заданными характеристиками, а создание необходимых условий (социальных, педагогических) для полноценного раскрытия и последующего целенаправленного развития индивидуально-личностных черт обу-

чающегося, превращение их в социально-значимые формы поведения, соответствующие выработанным обществом социокультурным нормам [8]. Суть личностно-ориентированного обучения заключается в том, что личность ученика, его неповторимая индивидуальность составляют главную и приоритетную ценность, от которой проектируются все остальные звенья образовательного процесса.

Личностно-ориентированное обучение является одной из разновидностей развивающего обучения. Признано, что развивающим может считаться такое обучение, которое построено на основе ведущей деятельности конкретного возрастного периода, определяющей возникновение и развитие соответствующих психических новообразований. Специфика личностно-ориентированного обучения в отличие от других видов

развивающего обучения заключается в преимущественном ориентировании на развитие субъективности обучающегося, тогда как остальные концепции нацелены в основном на интеллектуальное развитие.

Субъективность – это способ организации человеческой реальности, которая обнаруживает себя в способности человека встать в преобразующее отношение к собственной жизнедеятельности, позволяющая человеку быть субъектом своей собственной жизни, и находит свое высшее выражение в рефлексии. Источником субъективности является изменение механизмов жизнедеятельности человека. Развитую субъективность характеризуют следующие признаки:

– приобщенность личности к языку человеческой культуры, осознание действительности как мира человека;

– поведение личности сопровождается самоанализом, самооценкой, рефлексией, ценностным отношением к себе;

– стремление к осмысленным, осознанным действиям, способность к совместной, коллективной деятельности, к сотрудничеству, способность самостоятельно ориентироваться в социальном пространстве;

– ценностный способ освоения мира.

Рассматривая обучающегося как субъекта жизнедеятельности, личностно-ориентированное обучение исходит из признания уникальности субъектного опыта самого ученика как важного источника индивидуальной жизнедеятельности, происходит «встреча» заданного и субъектного опыта, своеобразное преобразование последнего, его приращение, что и составляет основу индивидуального развития самого процесс обучения.

Под субъектным опытом в педагогике понимается опыт жизнедеятельности отдельного человека, приобретаемый и реализуемый в ходе познания окружающего мира, общения, в различных видах деятельности [1]. Как отмечает А. С. Белкин, его отличительными признаками являются: личностная значимость, ценность для конкретного человека и постоянная готовность к актуализации в адекватных ситуациях. Традиционно в содержании субъектного опыта ученые выделяют следующие компоненты: 1) когнитивный (знаниевый), включающий представления, понятия и т. д.; 2) операциональный (технологический), который составляют операции, приемы выполнения действий (умственных и практических); 3) аксиологический (ценностный), характеризующийся личностными смыслами, ценностями, установками.

В субъектном опыте конкретного человека все эти составляющие представлены во взаимосвязи

и организуют системное видение мира. Субъектный опыт в обучении иностранному языку студентов, специализирующихся в сфере межкультурной коммуникации, играет особо важную роль, т. к. обучение иностранным языкам специалистов в области межкультурной коммуникации традиционно рассматривается с позиций диалоговой концепции культур, разработанной М. М. Бахтиным и В. С. Библером. Это обусловлено тем, что в самом понятии «межкультурная коммуникация» заложено равноправное взаимодействие представителей разных общностей с учетом их самобытности и своеобразия [3]. В межкультурной коммуникации прослеживается взаимодействие: 1) языка, отражающего культуру народа и выступающего как определенная форма культурного поведения; 2) культуры, передающей своеобразие общественно-исторических условий и специфику культурной жизни; 3) субъекта, носителя языка и культуры.

Студент описывает и оценивает события и явления иных культур через призму собственных культурных норм, а также на основе имеющегося опыта общения с представителями других народов и стран. Приобретение субъектного опыта происходит в процессе обучения, когда студенты интериоризируют релевантные отношения, убеждения, манеру поведения, характерные для культурной среды родного языка, которые и будут определять его восприятие, мышление, деятельность в условиях усвоения ими иноязычных лингвокультур. Таким образом, с позиции субъектного опыта будет осуществляться восприятие прагматических материалов и обеспечиваться индивидуальное видение лингвокультур изучаемых иностранных языков.

При изучении темы «Национальные стереотипы» мы предлагаем информацию в виде анализа проблемных ситуаций, а также практико-ориентированные проекты, монопроекты, деловые игры, учитывающие профессиональные интересы студентов при изучении тем «Устройство на работу в стране изучаемого языка», «Приобретение жилья в стране изучаемого языка». Данные задания предполагают не только учет субъектного опыта студентов, но и его обогащение, поскольку «развитие личности в образовательном процессе идет через преобразование, рост и качественное изменение субъектного опыта и связанных с ним личностных смыслов от утилитарно-прагматических (житейских), императивных до ценностных (философских)» [7. С. 116].

Другим важным компонентом личностно-ориентированного обучения является саморазвитие, которое рассматривается как самостоятельная,

целостная, ценностно-ориентированная деятельность личности по непрерывному самоизменению индивидуального опыта и духовно-нравственных сил соответственно внутреннему образу Я и актуальным, социальным ожиданиям [2. С. 28].

Необходимо отметить, что в современной педагогике особое внимание уделяется изучению различных аспектов самообразовательной деятельности студентов и школьников, одним из них является вопрос о формировании потребности в самообразовании и готовности будущих специалистов к самообразовательной деятельности, что акцентирует вопрос об организации и стимулировании самостоятельной работы студентов.

Понятие 'самообразование' в педагогике трактуют как «самоуправляемую, познавательную деятельность личности, направленную на совершенствование знаний, умений, навыков, необходимых для ее дальнейшего развития» [5. С. 207]. Доказано, что стремление к самообразованию должно стать профессиональной потребностью специалиста в области межкультурной коммуникации.

Деятельность специалиста, работающего в сфере межкультурной коммуникации, требует высокого уровня эрудиции, широты интересов, умения постоянно обогащать свои знания, отыскивать и воспринимать новую информацию, продуктивно использовать различные информационные источники. Добиться этого можно, если систематически включать студентов в учебный процесс, связанный с самостоятельным приобретением знаний и умений, их творческим применением. Причем, высказывая такое предположение, мы опираемся на общеизвестный факт, что высшей формой познавательной активности личности является потребность в самостоятельной деятельности, в приобретении знаний, оптимальных способах их усвоения, самоанализе развития способностей.

Самостоятельная работа интерпретируется как «целенаправленная, внутренне мотивированная, структурированная самим объектом в совокупности выполняемых действий и корректируемая им по процессу и результату деятельность» [4. С. 115]. Ее выполнение требует от студента (обучающегося) достаточно высокого уровня самосознания, самодисциплины, рефлексивности, личной ответственности.

Таким образом, можно сделать вывод, что самостоятельная работа и самообразование – близкие понятия, поскольку представляют собой аспекты самообразовательной деятельности, в основе которой лежит глубокая мотивация, исходящая из интересов, потребностей студентов. Отличие состоит в том, что в самообразовательной

деятельности студент более свободен в выборе целей, содержания, чем в самостоятельной работе, а его специфическими признаками выступают самоконтроль и самоорганизация.

Важным аспектом самообразовательной деятельности студентов, изучающих иностранные языки (специализация межкультурная коммуникация), также является самостоятельная коммуникативная познавательная деятельность, поскольку именно в ней более всего могут проявляться мотивация, целенаправленность, а также самоорганизованность, самостоятельность, самоконтроль и другие личностные качества студента [4. С. 249].

Самостоятельная коммуникативно-познавательная деятельность представляет собой иноязычное межкультурное общение, удовлетворяющее коммуникативные и познавательные потребности студентов. Предполагается, что в процессе такой деятельности студент, используя личный лингвокоммуникативный опыт и национально-культурные традиции, расширит индивидуальную картину мира за счет приобщения к языковой картине мира представителей другой культуры, сделает попытку понять иной образ жизни и поведения, осознает при этом факт их чужеродности.

Таким образом, компоненты личностно-ориентированного обучения обеспечивают развитие, прежде всего, тех качеств личности, которые помогут студенту занять в ней активную, ответственную, «авторскую» позицию на основе осознанного целенаправленного саморазвития.

Список литературы

1. Белкин, А. С. Теория и практика витагенного обучения с голографическим методом проекций : материалы лекций. Н. Тагил : Изд-во НТФ ИРРО, 1997. 120 с.
2. Бодров, В. А. Психологические проблемы исследования профессионализации личности : сб. науч. тр. М. : Ин-т психологии АН СССР, 1991. 326 с.
3. Библер, В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопр. философии. 1989. № 6. С. 31–42.
4. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учеб. для вузов. М. : Логос, 1999. 384 с.
5. Ким, Н. П. Индивидуально-педагогическое развитие и самообразование будущего учителя : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Н. П. Ким, Н. Н. Гордеева. Костанай : Изд-во Костан. гос. ун-та, 2002. 376 с.
6. Кулыпина, Т. И. Личностно-ориентированное образование : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2006. 25 с.

7. Шамова, Т. И. Управление образовательным процессом в адаптивной школе / Т. И. Шамова, Т. М. Давыденко. М. : Центр «Пед. поиск», 2001. 384 с.

8. Якиманская, И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М. : Педагогика-Пресс, 2000. 111 с.

Н. И. Сосновская (Красноярск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

The article considers the characteristics of socio-cultural competence in Chinese language learners. The priority of certain principles of foreign languages teaching may be dictated not only by the requirements to the system of education in general or its individual components, but also linguistic, cultural and ideological features of the target language ethnic group. The principle of visualization based on the reflexive perception of hieroglyphic material as a learning tool and a means of cognition is the leading principle of Chinese language teaching.

Keywords: socio-cultural competence, principles of teaching, hieroglyphic material, visualization, ethnic group, sphere of concepts.

Основной задачей современной языковой политики является установление полноценного межкультурного диалога, способствующему эффективному сотрудничеству и взаимодействию представителей различных языковых сообществ. Для реализации данной задачи современная лингводидактика и методика решают проблемы совершенствования вузовской подготовки, разрабатывая новые педагогические технологии, направленные на реализацию в обучении принципов гуманистической педагогики, личностно-ориентированного, социокультурного и компетентностного подходов.

В процессе обучения студенты лингвисты, изучающие китайский язык в качестве первого иностранного языка, сталкиваются со многими трудностями, обусловленными как лингвистическими, так и экстралингвистическими особенностями китайского языка, к которым можно отнести сложности в фонологическом плане, в начертательной традиции, насыщенную концептуальную картину мира, неисчерпаемое количество страноведческой информации, своеобразные правила межличностного общения и т. п. Несмотря на данные трудности, студент, начинающий изучать китайский язык в высшем учебном заведении с начального уровня, должен овладеть им в соответствии с требованиями, представленными в ФГОС ВПО нового поколения, что представляется достаточно сложным в условиях повышенной трудоемкости изучения китайского языка и достаточно сжатых сроков обучения.

Исходя из сложившихся условий, современная методика преподавания должна разработать новые стратегии, технологии, методы, подходы и т. п., которые бы позволили достигнуть оптимальных результатов, соответствующих как ФГОС ВПО, так и «ожиданиям» развивающегося рынка труда. Немаловажными факторами в этом контексте являются особенности лингвистического, социокультурного, мировоззренческого, эстетического, этического и пр. планов изучаемого иностранного языка.

Многие основные положения методики обучения иностранным языкам могут быть осмыслены, переработаны и рассмотрены с позиций триединства языка, человека и культуры. Язык является отражением духовной, психологической, ментальной и физической сущности этноса, поэтому обучение языку как иностранному должно строиться на основе соизучения языка и культуры как совокупности человеческих ценностей. Реализация данного принципа возможна как в рамках социокультурного подхода, так и в рамках прочих подходов языкового образования.

Согласно доминирующим представлениям на стратегии и цели преподавания, каждому из подходов свойственна определенная парадигма методических принципов. Актуальными для всех вышеперечисленных подходов принципами являются дидактические: сознательность, активность, наглядность, прочность, систематичность, доступность, посильность, межкультурное взаимодействие, межпредметная координация, про-

фессиональная компетентность преподавателя, а также методические принципы, вытекающие из избранных подходов к обучению: межкультурного взаимодействия, коммуникативности, взаимосвязанности обучения всех видов речевой деятельности, устного опережения, профессиональной направленности обучения, учета уровня языком. Помимо них, исследователи также выделяют психологические (мотивации, поэтапности формирования речевых навыков и умений, учета индивидуально-психологических особенностей личности учащегося, учета адаптационных процессов) и лингвистические (системности, концентризма, разграничения явлений на уровне языка и речи, функциональности, стилистической дифференциации, минимизации языка) принципы [8. С. 147]. В процессе обучения данные принципы, как и сами подходы, взаимообуславливаются, интегрируются и претерпевают различные изменения в зависимости от требований и условий, бытийствующих на том или ином этапе развития общества. Представляется очевидным, что оптимальное сочетание подходов и принципов позволит достигнуть качественных результатов обучения.

Иерархия тех или иных подходов и принципов обучения иностранных языков может быть обусловлена не только социальным заказом, но и особенностями лингвистического и социокультурного плана. Обучение языку в тесной взаимосвязи с культурой является важным принципом обучения китайскому языку, с которым непосредственно связан один из ведущих в обучении дидактических принципов – принцип наглядности. Данный принцип является важнейшим в обучении китайскому языку, непосредственно связанным с особенностью восприятия и познания окружающего мира китайским этносом. На то, что восприятие наглядности находится в прямой связи с мышлением, обращал внимание еще Я. А. Каменский, наглядное обучение опирается не на отвлеченные представления и слова, а на конкретные образы, которые воспринимаются непосредственно, наглядное обучение должно сочетаться с активной умственной деятельностью обучаемых [1. С. 128].

Уникальность вербального отражения мира предопределяется как особенностями национального склада мышления, средой обитания, материальной культурой, так и определенными предпочтениями в чувственном восприятии.

Современный китайский язык и китайская культура во многом сохранили черты ранних этапов филогенеза, к которым относятся:

- слоговая организация речи, при которой слог соответствует либо слову, либо морфеме;

- иероглифическая письменная традиция;
- наличие большого количества визуальных знаков-символов.

Стремление к визуальному эстетическому наслаждению пронизывает многие сферы жизнедеятельности древних и современных китайцев. Достаточно вспомнить традиционные праздники, устраиваемые по случаю любования тем или иным природным объектом. Одним из любимых праздников в Китае является Юаньсяоце (Праздник фонарей), помимо прочих мероприятий традиционно в этот день проводится любование полной луной, в городе Лояне весной проводится Праздник пионов (牡丹节); в Пекине в октябре – Праздник кленовых листьев (北京香山红叶节), Праздник хризантем (菊花节); в Харбине – Праздник ледяных фонарей (冰雪节), а также многие другие праздники.

Китайское традиционное изобразительное искусство, гохуа, зачастую весьма клишировано для глаз европейца, техника, стиль, композиция, материалы подчинены строгим канонам. Главной задачей китайской художественной традиции является не отображение копии какого бы ни было предмета материального или идеального мира, а пространства «совместного рождения» (биншэн) всего сущего – «пространства активного, энергетически заряженного и символически деятельного по своей природе» [2. С. 39]. Художник в китайской традиции обычно представлен конфуцианским «благородным мужем», свободно владеющим не только кистью, но и поэтическим словом и философским взглядом на вещи, отсюда и каноническое триединство китайской картины: триединство изображения, слова и оттиска печати. Конфуцианской и даоской традиции в изобразительном искусстве свойственны панорамные изображения гор и вод как мотиву, наиболее соответствующему традиции символического мирозерцания окружающего мира. Для конфуцианской личности мотив гор и вод важен не своей материальной красотой, а присутствием в этой красоте «первозданного духа», «причастности к всеединству бытия» [2. С. 32].

Другая изобразительная традиция соединяет в художественном произведении символическое и апотропейное начала, придающими их владельцу определенную силу или качества. Например, на картинах, написанных на рисовой бумаге цветной или черной тушью, часто присутствуют изображения трав и цветов: пиона, вишни, персика, хризантем, бамбука и т. п. Данные картины в китайской традиции выполняют функции амулета, обладающего апотропейной силой, так, изображения пиона соотносятся с богатством, двух рыб

– семейным благополучием, лотоса – душевной чистотой, бамбука – стойкостью в преодолении трудностей.

Традиция символического восприятия изобразительного искусства отразилась на восприятии китайцами традиционного западного реалистического искусства: китайцы считали, что данное изображение не несет в себе глубокой смысловой и художественной ценности, поскольку только копирует внешний образ предмета, не передавая более глубокие онтологические смыслы. Традиции символического мировосприятия, отразившегося и в визуальном эстетическом восприятии западного искусства, сохранились и в наши дни. Так, на Международной выставке «Арт–Пекин» были выставлены работы российских художников, выполненные в традиции русского реалистического искусства в жанре пейзажа, работы имели достаточно высокий спрос, однако часть картин оказалась невостребованной. Озабоченные подобным положением, галеристы опросили китайских респондентов о причинах неприятия данных живописных полотен, в процессе выяснилось, что пейзаж с поваленным деревом на переднем плане; портрет женщины, повернутой спиной к зрителю, воспринимались как скрытые предвестники неудачи. Поваленное дерево на переднем плане в китайском восприятии было символом преграды, отрезающим путь к прекрасным далям, а сидящая спиной женщина была символом беды, поскольку в китайском 背 (‘спина, обратная сторона’) омонимична иероглифу 被, часто используемому в сочетании 被祸 (‘несчастье, горе’). Картина с изображением собора с серыми куполами ассоциировалась с китайским фразеологизмом 背黑锅 (‘быть козлом отпущения’), а собор с зелеными куполами – с фразеологизмом 戴绿帽子, буквально ‘носить зеленую шапку (быть рогоносцем)’. Картина в китайском сознании – дорога в лучшее небытие, и присутствие негативных знаков ему не пристало.

Китайское визуальное наслаждение проявляется и в утилитарных сферах жизни, наиболее наглядным примером, знакомым большинству, может служить китайское кулинарное искусство. Несомненно, что китайцы были не одиноки в стремлении придать блюду как можно более изысканный вид, однако только в китайской традиции существует блюдо, подающееся на стол исключительно для услаждения взоров обедающих (看菜), не пригодное для еды.

Дополнить этот список можно такими фактами культуры, как искусство составления композиций, фэншуй, чайная церемония, гошуа, роспись по шелку, резьба по дереву, камню, корнепласти-

ка, когда причудливо изогнутый корень дерева с помощью минимальной обработки превращается в арт-объект, боевое искусство у-шу, красота движений которого является одной из главных составляющих, и т. п.

Итак, китайскому визуальному эстетическому восприятию свойственна знаковость в восприятии окружающего мира. Основопологающим фактором в становления знаковости национального китайского сознания сыграла иероглифическая система письма.

Знак как зашифрованное послание имеет в китайской лингвокультуре сакральное значение, только человек, владеющий глубокими знаниями и пытливым умом, может постигнуть истинное значение послания. Большинство таких социокультурных феноменов выражены через иероглифические знаки и предметы изобразительного искусства. Основной трудностью раскрытия социокультурного контекста того или иного знака-ребуса связано с тем, что социокультурные смыслы, существуя на протяжении многих веков, получали на разных этапах различные интерпретации.

Достаточно часто в домах китайцев можно заметить небольшие статуэтки лошади, на спине которой расположилась непропорционально большая муха или же обезьяна. У непосвященного эта скульптурная группа обычно вызывает недоумение, а для китайца данная фигурка выполняет функции амулета, обладающего апотропейной силой, поскольку выражение 马上蝇 (‘муха на лошади’) омонимично пожеланию скорейшей победы (马上赢), а фигурка обезьяны на лошади желает своему владельцу скорейшего повышения по службе (马上猴 – 马上封侯).

Подобные иероглифические ребусы можно встретить и в наши дни, например, название известной китайской фирмы, производящей ножи, пишется как 十八子作 (‘сделано восемнадцатью сыновьями’). Носитель китайского языка без труда догадается, что здесь таится другой смысл, а именно: 李作 (‘сделано Ли’), поскольку идеограмма 李 может быть разделена на графические элементы десять 十, восемь 八 и ребенок 子. Таким образом, производители не только придумали оригинальное название бренду, но и проявили и определенную лингвистическую смекалку.

Подводя итог сказанному, следует привести мнение Н. П. Мартыненко, который отмечает, что для понимания китайского языкового определения понятия ‘культура’ важнейшее значение придается иероглифу ‘вэнь’, имеющему в самом общем виде семантическое значение ‘знак’ [5. С. 205]. Китайская иероглифика представляет собой уникальную языковую систему, в

которой знания репрезентированы не только на лингвистическом уровне звуковым, графическим и семантическим кодом, но и на экстралингвистическом уровне. В зависимости от контекста употребления иероглифический знак, помимо лингвистических характеристик, может нести в себе символическую, эстетическую и/или социокультурную информацию.

Исходя из вышесказанного, можно сделать предположение о предпочтении использования китайским этносом в постижении окружающего мира визуальной репрезентативной системы. Данная особенность восприятия окружающего мира и иероглифическая письменная традиция послужили важным фактором в формировании метафорического этносознания, центральной категорией которого является иероглиф.

Выделение иероглифического знака в качестве основной единицы китайского языка соотносится в китайской лингвистической традиции с теорией иероглифоцентризма (字本位), начало которой положил ученый-лингвист Сю Тунцян (徐通锵), в достаточно короткий период данная теория была поддержана другими исследователями, среди которых можно отметить: Пань Вэньго (潘文国), Чэн Юймин (程雨民), Ли Шуянь (李树俨), Ван Пин (汪平) и Лу Бисун (吕必松). Данными лингвистами была разработана методологическая база, система принципов и методов «иероглифоцентризма», в основу теории было положено положение о невозможности переложения понятийно-категориального аппарата грамматики индоевропейских языков. В частности, исследователи отрицали отождествление функции иероглифа и морфемы, выдвигая следующие доводы: во-первых, морфема линейна, поэтому не может являться прямым кодом реальности; иероглиф – нелинейная единица, он содержит в себе устойчивые соответствия формы, звука и значения и является непосредственным кодом отражения действительности. Во-вторых, на функциональном уровне, морфема – наименьшая структурная часть слова, обладающая словообразовательным или грамматическим значением, а иероглиф одновременно может выполнять множество функций на различных уровнях языка. В-третьих, иероглиф зачастую полисемантичен, морфема же, как правило, однозначна. В-четвертых, морфема и иероглиф занимают различную иерархию в системе своих языков. И наконец, различие имеется и во взаимосвязи звука и значения в одном знаке. Морфема в индоевропейских языках не может передавать какое-либо понятие, а китайский иероглиф, за исключением редких случаев, содержит его в себе. По сравнению с морфемой в ин-

доевропейских языках, китайский иероглиф обладает более сильной смысловой нагрузкой, а также более жестким соответствием между звучанием и значением. С этой точки зрения, иероглиф можно соотнести со «словом» в индоевропейских языках [6. С. 91–97]. В контексте данной теории иероглиф соотносится со знаком, обладающим внутренней логикой, который, помимо плана выражения, представленного фонетическим и графическим кодом, и плана значения, представленным семантическим значением, в подавляющем большинстве содержит грамматологически представленную информацию о языковом классе единицы, классе предметов, явлений действительности, социокультурных компонентах и т. п. Онтологическое значение теории иероглифоцентризма – в её «стремлении познать китайский язык как он есть, раскрыть основы языка, принципы его существования и организации, его структуры и закономерности». Данная теория позволяет рассматривать иероглиф как точку пересечения различных языковых уровней: семантического, грамматологического, фонетического, социокультурного, синтаксического и т. д. [6. С. 93].

Теорию иероглифоцентризма, опирающуюся на труды китайских лингвистов, возможно экстраполировать на китайскую культуру в целом. Как было уже отмечено, основной особенностью китайской визуальной репрезентативной системы является метафоричность (символичность) восприятия визуальной информации, в центре которой находится иероглифический знак. Восприятие окружающего мира как дискурса во многом определяет иероглифоцентричность китайского этносознания, организующего и формирующего концептосферу, а также определяющую её аксиологическую парадигму.

Китайская культура на ранних этапах своего развития создала базовый этико-философский арсенал, повлиявший на становление национального языкового сознания. Через призму этико-понятийной базы данного арсенала происходили осмысление и интерпретация информационных потоков при межличностном общении в этносе. После завершения формирования наивной концептуальной картины мира «явления окружающей действительности начинают восприниматься, осмысливаться и оцениваться в терминах концептов-артефактов коллективного языкового сознания» [3. С. 166].

В китайской лингвокультуре одним из таких артефактов является «Чжунъюн». Идеи «Срединного пути», т. е. того, что принято называть учением о «золотой середине», определяет китайскую национальную специфику в области

психологии, аксиологии культуры и лингвистики. Особенностью данного конфуцианского этико-религиозного учения является его признание широкими слоями населения, в следствие чего оно на протяжении двух с половиной тысячелетий остается основным базовым арсеналом формирования национального языкового сознания.

В «Чжунъюн» выдвинуты определенные положения, становящиеся впоследствии этико-психологической доминантой китайцев, а значения ценностных предикатов, содержащихся в этой книге, соотносятся с необходимыми атрибутами правильного мышления и поведения. В эту картину мира входят строго формализованные правила поведения, основывающиеся на сбалансированной позиции и отвергающие любые крайности. Этот гибкий по своей природе Срединный путь обеспечивает социальную стабильность и позволяет избегать конфликтных ситуаций в межличностных отношениях [7. С. 115].

Основным принципом учения является умеренность, 中者, 不偏不倚, 无过不及之名, «середина – это наименование того, что не отклоняется ни в ту, ни в другую сторону». Аксиологические и этические доминанты, представленные в «Чжунъюн», отразились на разных языковых уровнях в китайском языке. Принцип «золотой середины» в китайском языке можно выявить как на уровне графического построения иероглифического знака, так и на уровне лексики и фразеологии.

Геометрической формой, в которую должен вписываться иероглиф, является квадрат заданного размера. При визуальном рассмотрении произвольного ряда иероглифов можно обнаружить, что их написание тяготеет к симметричному расположению по отношению к вертикальной оси данного иероглифа. Последовательность написания отдельных черт в иероглифе подчиняется строгим правилам. Принцип «не отклоняться ни в ту, ни в другую сторону» имеет для написания иероглифического знака принципиальное значение, поэтому так сложно обучающимся китайскому языку запоминать знаки, различие которых составляет длина одного из графических элементов, его расположение или же наличие «малоприметной» составляющей. К таким иероглифическим знакам относятся такие как: 士 и 土, 天 и 夫, 几 и 九, 由 и 田, 王 и 主, 旧 и 旦, 又 и 叉, 力 и 刀, 犬 и 大, 术 и 木 и т. д.

В каллиграфии, как и в «Срединном пути», именно норма, умеренность, а не крайность, имеют положительные значения на шкале аксиологии. Изучение китайской иероглифики представителями фонетического письма представляет достаточную сложность по многим причинам, к

которым также относится наличие в начертании знака мелких нюансов, поскольку многие из них не представляются достаточно принципиальными. В русском, английском и других языках некоторыми нюансами графического написания можно пренебречь, что в итоге не повлияет на смысл написанного.

Сценарий поведения китайцев, соотносимый с этико-философским учением о «золотой середине», можно увидеть в различных аспектах языкового поведения. Так, при определении качественных характеристик вещам, событиям и т. п. китайцы в речи часто используют антонимичные конструкции с двойной негацией, например: 不好不坏 (‘ни хорошо ни плохо’), 不长不短 (‘ни длинный ни короткий’), 不多不少 (‘ни много ни мало’), и т. п. Особенностью этих лексических конструкций является отрицание крайних оценок, попытка быть менее категоричным. Когда китайцы при общении пытаются передать негативную оценку, то редко используют слова с отрицательным эмоционально-оценочным значением, как, например: 她长得很难看 (‘она страшная’), 这个菜很难吃 (‘это блюдо невкусное’), 这间教室很脏 (‘эта аудитория грязная’). Предикаты, выраженные прилагательными с отрицательным эмоционально-экспрессивным значением, в реальной коммуникативной ситуации общения были бы заменены на определения с положительной экспрессивной окраской в сочетании с негацией, например: 他不瘦 (‘он не худой’), 这个菜不好 (‘это блюдо нехорошее’), 这间教室不干净 (‘эта аудитория нечистая’).

В данных предложениях отражено стремление китайцев уйти от четкой негативной оценки, которая могла бы обидеть или задеть оппонента, что согласовывается с философией «Срединного пути», который в словаре современного китайского языка толкуется как «одно из положений конфуцианцев, согласно которому по отношению к людям и вещам следует придерживаться беспристрастной, умеренной компромиссной позиции» (不偏不倚, 调和折中的态度).

Отражение идей «Срединного пути» можно найти и в пословицах китайского народа, например: 出头的椽子先烂 (‘выпершее стропило открыто для воздействия дождя и ветра, а значит и сгниет быстро’), 抢打出头鸟 (‘птицу, высывающую голову, обязательно застрелят’), 树大招风 (‘высокое дерево открыто сильным ветрам, а значит легко может быть сломлено’), 人怕出名猪怕壮 (‘человек, прославившись, может навлечь на себя невзгоды, а свинья, разжирев, легко может попасть под нож’). Все эти пословицы объединяет значение ‘что бы ни делал, не делай ничего слишком,

не впадай в крайности, в противном случае тебя постигнут беды», что вполне соответствует идеям, представленным в учении о «Срединном пути».

Языковая привычка китайцев уходить от конкретики в своих суждениях часто порождает недоразумения и недопонимание со стороны иноязычных оппонентов. Наиболее часто данные противоречия проявляются при выражении семантической категории утверждения / **отрицания**. В китайском языке при общении в различных сферах не принято отвечать четким отказом на просьбу или предложение говорящего даже при условии, что данное не может быть выполнено или принято. Китаец постарается уйти от прямого отказа, эвфемизировав его. Часто используются следующие клише:

不好意思, 如果没有特殊情况, 我一定会帮助你
‘Мне неловко, но если не будет особых обстоятельств, я обязательно тебе помогу’.

这件事儿以后再考虑 ‘Обсудим это потом’.

这件事儿有一点困难 ‘Это будет немного трудно’.

Выражение в речи четких негативных оценок часто соотносится с крайней степенью эмоционального состояния человека (гнева, злости, негодования), поэтому их использование достаточно ограничено в речи.

Язык и культура взаимно обусловлены, на ранних этапах развития этносов возникают базовые концепты-артефакты, коими могут стать различные религиозные или же этико-философские учения. В китайской культуре таким артефактом стало учение о «Срединном пути», экстраполяция принципов данного учения позволяет понять особенности языкового поведения китайцев, раскрыть социокультурные феномены, способствуя формированию социокультурной компетенции.

Своеобразие национальной концептосферы китайского этноса детерминируются особенностями мировосприятия, к которым относятся: особая роль визуальной репрезентативной системы в постижении окружающего мира, наличие самобытной этико-психологической доминанты, а также иероглифоцентричность китайского этноса. Иероглиф является основополагающей категорией в китайской цивилизации. Понятия ‘культура’, ‘знак’ и ‘иероглиф’ взаимопроницаемы и неделимы. Иероглифическая система письма служит тем материалом, в котором уже на графическом (грамматологическом) уровне отражены этическая, эстетическая, этнопсихологическая, культурологическая, аксиологическая, антропологическая, философская, антропологическая, лингвистическая, семиотическая, лингвистическая, когнитивная и пр. составляющие китайской кон-

цептуальной картины мира.

Т. о. можно отметить, что приоритет тех или иных принципов обучения иностранным языкам может быть продиктован не только требованиями к системе обучения в целом и её отдельным компонентам, но и лингвистическими, культурными и мировоззренческими особенностями этноса изучаемого иностранного языка. Принцип наглядности, основанный на рефлексивности восприятия иероглифического материала в качестве средства обучения и средства познания, является ведущим принципом обучения китайскому языку, позволяющим достаточно глубоко раскрывать сферы духовной культуры китайцев, тем самым эффективно стимулируя формирование социокультурной компетенции.

Список литературы

1. Джиджева, В. Использование наглядности в процессе обучения // *Вопр. психологии*. 1986. № 6. С. 128–131.
2. *Китайское искусство : (Принципы. Школы. Мастера) / сост., пер. с кит. и англ., вступит. ст., очерки и коммент. В. В. Малявина. М. : Астрель, 2004. 432 с.*
3. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Малявин, В. В. *Китайская цивилизация. М. : Астрель : АСТ, 2003. 627 с.*
5. Мартыненко, Н. П. Специфика семиотического изучения древнекитайских текстов философия науки и техники : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. 495 с.
6. Молоткова, Ю. В. Иероглифоцентризм как теоретическая основа обучения студентов языковых вузов системе письма на китайском языке // *Вестн. Брест. ун-та. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология*. 2012. № 2. С. 91–97.
7. Тань Аошуан. *Китайская картина мира : (Язык, культура, ментальность). М. : Яз. славян. культуры, 2004. 240 с.*
8. Щукин, А. Н. *Обучение иностранным языкам : теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов. М. : Филоматис, 2006. 480 с.*
9. 杨德峰, 汉语与文化交际 杨德峰. 北京: 商务印书馆, 2012. 280 页.
10. 唐汉, 汉字密码 唐汉. 西安: 西安陕西师范大学出版社, 2008. 787 页.
11. 孙实明, 汉字原来这么有趣 孙实明. 宁夏: 宁夏人民出版社, 2008. 264 页.
12. 许慎, 说文解字 许慎. 北京: 中华书局出版社, 1996. 432 页.

Е. С. Сотникова (Челябинск, Россия)

**CLASSROOM MANAGEMENT AS AN ASPECT
OF SUCCESSFUL LANGUAGE TEACHING**

This article dwells on the problem of classroom management as an important part of teaching a foreign language. We discuss the main aspects of the issue and describe its main parts.

Keywords: classroom management, teaching, techniques, seating arrangement, interaction.

One of the vital aspects of teaching is creating necessary conditions in which learning can take place. Your attitude, intentions, personality as well as your relationships with the students create an important part of this. Moreover, certain organisational skills and techniques are also involved. The whole combination of different items is often referred to as 'classroom management'.

The main areas of classroom management are:

- Grouping and seating (how to form groups, how to arrange seating, whether to sit or to stand, etc)
- Activities (instructions, monitoring, timing, etc)
- Authority (holding attention, decisions, rules, etc)
- Critical moments (starting the lesson, unexpected problems, discipline, finishing the lesson, etc)
- Tools and techniques (board, gestures, speech volume and speed, silence, etc)

Classroom management involves both decisions and actions. An action is what is done in the classroom, a decision is about whether to perform the actions or not, how and when to do it. At any moment of the lesson there is a choice: to say this or that, to continue discussion the topic or move to the next point, to let the latecomer come in or not, etc. There is no right way to do it, no single correct answer. Therefore, the essential basis for classroom management is to be able to look at and read classroom events as soon as they occur and to consider possible options.

When working in a language class, the considerable part of interaction is usually realised according to the following scheme: Teacher ó Student 1; Teacher ó Student 2; Teacher ó Student 3; etc. It is obvious that one of the goals of a successful lesson is to create more student-student interaction, so that they use the language more. There are lots of ways of how to do it. For instance, questions should be asked instead of giving explanations. Not only this encourages students to express their opinions but also it provokes discussion between them. Moreover, it is possible to elicit explanations from them when some student has a question. However, the most frequently used way of maximizing student interaction is reorganisation of seating and grouping.

Changing seating arrangement can be beneficial for classroom activities as it can help to change the

focus, encourage to interact or simply to add variety. When arranging seating, it is necessary to bear in mind the type of seating existing in this or that classroom.

If the desks and chairs are fixed or semi-fixed, or the space is too large, students can:

- turn around or sit backwards;
- turn to the person in the next row;
- sit on the desks;
- move around the class or change places;
- stand between the rows;
- come to an open space.

If the desks can be easily moved, there are lots of possible rearrangements:

- two rows of desks facing each other, with teacher in the middle;
- a circle, with teacher as a part of it;
- a horseshoe, with teacher standing in front.

For the language-teaching classes, it is highly advisable to stick to some type of arrangement other than classic three-row organisation. The horseshoe type is considered to be the most beneficial for language teaching as it lets students see each other, encourages them to interact but does not minimise the authority of the teacher.

As for grouping, it may be organised independently of furniture rearrangement or together with it. For example, students can simply exchange places in order to make new pairs. Two rows of desks facing each other is a good option for the activities where two opposing teams interact. The so-called 'buzz-groups' is a type of grouping when the tables are arranged in a circle and students gather around them in groups of three or more.

When the interaction is organised, the next step is to give tasks or instructions. This part of the lesson is very important, and the way of explaining greatly influences the productivity of students. The main rule is to make students focus on what you are saying. Instructions should be clearly separated from chit-chat, joking and other activities. Silence and eye-contact are good supporters, as well as authoritative tone of voice. However, as much as possible, the task should be demonstrated rather than explained orally. An example made by the teacher produce more effect than plain words. When the task is given, the last step is to clarify whether it is understood. A good way to

check is to ask one or two students to explain one more time.

After the task is given, the role of the teacher shifts from the speaker to the monitor. There are 4 main strategies that can be used in this case:

1. Discreet monitoring. The teacher is present in the class, but doesn't offer any help or correction. He shows his interest to the work being done, but does not interfere.

2. Vanishing. The teacher is occupied by some side-work, like reading a book or checking tests. Only a small percentage of attention is kept on the students in order to spot the critical point.

3. Active monitoring. Students can ask the teacher for help or advice. The teacher himself accidentally corrects or offers ideas.

4. Participation. The teacher joins one of the groups behaving as a rightful participant of it.

These strategies depend on the type of activity and on the result you want to see. The choice of them is free, but it is advisable to vary the usage of them so that students do not get used to one particular line of behaviour.

One more resource that has become a symbol of a classroom is a board. It can be a chalk board, a pen board or even an electronic one. No matter which type you have, there are some dos and don'ts of its usage:

- Long teacher-writing times should be avoided while student-writing should always be encouraged.

- The board should be well organised so that there are separate sections for words, grammar, pictures, etc.

- The natural position of facing the board should be avoided. The teacher's body shouldn't block the view, and the teacher's face should be observed as well.

- Board-drawing is acceptable regardless of the teacher's drawing skills. The basic skill of drawing some forms and people are enough to support vocabulary explanations or to set up a discussion.

Finally, there some unintentional ways of behaviour that might prevent or hinder learning. Here are some of them:

- Echoing. Repeating the phrase the student has just said prevents students from listening to each

other, which negatively affects the student-student interaction.

- Sentence completing. When a student hesitates to finish the sentence, the worst thing to do is to finish it for him. This strategy is counter-productive as it doesn't encourage students to speak at all.

- Complicated instructing. Unstructured explanations confuse students. Instead, the most essential points should be stressed and the rest should be left out.

- Unchecked understanding. Instructions are not easy to grasp, no matter how easy the language is. The simplest way to make sure everything is understood is to ask a student what he will do to complete the task.

- 'Do you understand?' People do not want to look stupid, and a negative answer is to be heard rarely. Instead, the interpretation of students should be asked.

- Lacking confidence. Making the task too easy in a fear it won't be understood is the first source of boredom in classroom. The work should be clear but challenging enough to provoke interest.

Classroom management includes various skills and activities that allow the teaching process to be more vivid and effective. All these ways and methods are to be used in foreign language teaching, as it requires not only theoretical information but also practice. This practice should be well-organised in all of its aspects – from the way students sit to the way the tasks are explained. Teacher should be aware of all that can possibly influence the lesson both positively and negatively and know how to cope with these situations.

Bibliography

1. Kizlik, B. Classroom Management, Management of Student Conduct, Effective Praise Guidelines, and a Few Things to Know About ESOL Thrown in for Good Measure [Internet resource]. URL : <http://www.adprima.com/managing.htm>.

2. Scrivener, J. Learning Teaching. A guidebook for English Language teachers. Second Edition. Oxford : Macmillan Education, 2005. 431 p.

Ю. А. Тамаркова (Караганда, Казахстан)

**РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
В ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**

The article focuses on the peculiarities of the development of the professional competence of future teachers of foreign languages during the period of pedagogical practice. Recommendations are made for students to develop their professional competence for the future profession.

Keywords: professional competence, pedagogical practice, teaching foreign languages.

В современном обществе остро стоит вопрос об уровне образованности населения. Необходимость получения качественного образования обуславливается социальным заказом общества на создание прочной базы для всестороннего развития личности человека. Модернизация системы образования играет значительную роль в обеспечении конкурентоспособности стран на мировых рынках, которая определяется качеством подготовки высококвалифицированных, компетентных в своей будущей профессии специалистов. Они должны быть мобильны, уметь адаптироваться к изменяющимся ситуациям, логически правильно находить выход и принимать правильные решения.

Новая образовательная парадигма отражает актуальные образовательные потребности нынешнего столетия и отмечает существенные изменения в деятельности и роли настоящего учителя иностранного языка. Этим вопросом на протяжении многих лет занимались такие исследователи и методисты, как Г. В. Рогова, Н. Д. Гальскова, Е. Н. Соловова, Г. А. Бордовский, И. А. Колесникова, И. Ильина и др. Основной упор исследователи-методисты делают на то, что с изменением потребностей общества меняются не только цели и задачи образования, но и непосредственно сам подход к построению педагогического процесса. К отличительным изменениям в целях и содержании профессионального образования относится направленность на личностное развитие обучаемых, творческую инициативу и самостоятельность, что позволит будущим специалистам проявить мобильность и конкурентоспособность в профессиональной деятельности [4].

Вопросами формирования профессиональной компетенции и роли педагогической практики в подготовке квалифицированных специалистов занимались как российские ученые (В. Адольф, В. А. Козырев, И. А. Колесникова, Н. Ф. Радинова, А. П. Тряпицына и др.), так и казахстанские (И. Ильина, А. К. Мынбаева, А. А. Головчун) и зарубежные исследователи (V. Cheeranach, G. Weiter, J. I. Lefsted, D. Shallcross).

При рассмотрении этой темы возникает вопрос о таких понятиях, как 'компетенция' и 'компетентность'. А. В. Хуторской разграничивает данные понятия. Так, под компетенцией он подразумевает «некое отчужденное, наперед заданное требование к образовательной подготовке учащегося» по овладению совокупностью взаимосвязанных качеств личности, знаниями, умениями, навыками, способами деятельности, необходимыми для качественной деятельности. Термин 'компетентность', по его мнению, может использоваться для фиксации уже состоявшихся качеств личности, «владения, обладания человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [6].

Другими словами, профессиональная компетенция – это совокупность личностных качеств специалиста, с помощью которых он может без ограничений ориентироваться в изменяющихся общественных условиях, а также в сфере своей профессиональной деятельности [2. С. 21].

Показатель сформированности этой компетенции – профессиональное мастерство учителя, которое состоит из профессиональных знаний и умений применять на практике эти знания, переносить приобретаемые знания и умения в новые условия обучения, а также положительное отношение к своей профессиональной деятельности.

В рамках модернизации образования профессиональная компетенция учителя иностранного языка приобретает ведущее значение в области глобализации образовательного процесса и в условиях интеграции личности в социокультурное пространство [5].

Профессиональная компетенция учителя иностранного языка – это система лингвистических, социолингвистических, культурных, стратегических и дискурсивных знаний, умений и навыков, которые помогают эффективно взаимодействовать во всевозможных ситуациях коммуникативного общения и применять имеющиеся теоретические знания в области педагогики, психологии и методики преподавания иностранного языка,

полученные в ходе обучения на практике. С формированием профессиональной компетенции идет развитие творческой направленности личности и её способности быстро привыкать и адаптироваться в условиях изменяющейся педагогической среды [1. С. 33].

Профессиональная компетенция учителя иностранных языков предполагает наличие трех основных компонентов, которые, в свою очередь, считаются компетенциями:

- коммуникативный компонент (языковая, социокультурная, лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная компетенции);
- дидактический (синтез знаний, умений, навыков творческой педагогической деятельности);
- личностный компонент (регулятор личностных достижений, побудитель самопознания и профессионального роста).

Предметная сторона профессиональной компетенции учителя характеризуется состоянием профессиональных знаний и уровнем сформированности профессиональных умений. Они составляют теоретическую основу профессиональной компетенции.

Профессиональные знания – это совокупность знаний своего предмета, методики его преподавания, способность решать педагогические задачи в условия учебного процесса. Учитель иностранных языков должен обладать следующими профессиональными знаниями:

- системы языка, культуры страны изучаемого языка, ее истории и современных проблем развития;
- основных положений общеобразовательной концепции и государственной политики в сфере иноязычного образования;
- возрастных и психологических особенностей учащихся;
- основных требований, предъявляемых к учителю, его уровню профессионального мастерства и личностным качествам;
- основных закономерностей обучения ИЯ, а также целей, содержания, методов, средств обучения.

Под профессионально значимыми умениями учителя иностранного языка понимаются умения педагогически, психологически и методически правильно осуществлять свою профессиональную деятельность, направленную на развитие учащихся черт вторичной языковой личности, предопределяющих способность к участию в межкультурном общении [3. С. 118].

Однако одних только теоретических знаний недостаточно, учитель иностранного языка должен уметь применять их на практике. Для это-

го нужно уметь использовать язык как средство коммуникации, создавая при этом ситуации речевого общения в ходе педагогического процесса с учетом возрастных особенностей учащихся, уметь адаптировать свою речь для определенного уровня владения языком самих учащихся.

Проблема подготовки будущего учителя иностранного языка до сих пор остается довольно острым вопросом в системе образования. Сегодня для школы недостаточно просто обеспечивать выпускника знаниями, а значит необходимо полностью пересмотреть процесс обучения. Новые требования образования связаны, прежде всего, с изменением характера взаимоотношений между субъектами педагогического процесса, что влечет за собой внедрение в деятельность учителя компетентного подхода.

Большие возможности в реализации усвоенных теоретических знаний студентов, в совершенствовании профессиональных умений и навыков будущих учителей иностранного языка предоставляет педагогическая практика, которая осуществляется на старших курсах обучения в высшем учебном заведении. Это связующее звено между приобретенными знаниями, умениями и их реализацией их на практике. Она играет первостепенную роль в формировании и совершенствовании профессиональной компетенции будущего педагога по иностранному языку.

Основной целью педагогической практики является адаптация студентов к школьным условиям, применение теоретических знаний, приобретенных при изучении курса методики обучения иностранным языкам на практике, овладение основными педагогическими функциями в работе с учащимися разных возрастных групп под руководством методиста и учителя. Наряду с этим развивается педагогическое мышление студентов как способность применять теоретические сведения и уже выработанные педагогические навыки и умения при решении новых учебных и воспитательных задач в разных условиях: в классах с разной подготовкой, на разных ступенях обучения, с разными возрастными группами учащихся.

Педагогическая практика на протяжении 3–5 недель на 1–2 курсе считается вводной, то есть это знакомство студентов непосредственно с профессией учителя иностранного языка, с организацией педагогического процесса и ходом его протекания в форме уроков и внеклассных мероприятий. Это первая ступень в профессиональном приспособлении и адаптации студентов к работе в школе, ведь они впервые сталкиваются с реальными педагогическими проблемами и ситуациями, знакомятся с опытом работы учителей

школы по обучению иностранному языку.

Студенты 3 и 4 курсов становятся непосредственно участниками педагогического процесса в ходе практики, которая проходит в 2 этапа.

В течение первой недели происходит общее знакомство со школой (задачами, структурой, историей, уставом, правилами внутреннего распорядка, с учебно-производственной базой, планом, содержанием и формами учебно-воспитательной работы и т. д.), классом, классным руководителем и учителем-предметником.

Второй этап практики – активный, то есть когда студенты начинают проводить учебную, воспитательную работу в классе. Студент-практикант осуществляет профессиональную деятельность, занимается самоанализом, проводит работу с учителем над ошибками, посещает занятия других практикантов. При подготовке и проведении урока студенты учатся определять и решать развивающие, обучающие и воспитательные задачи урока, использовать разнообразные методы обучения, отбирать учебный материал, использовать аудиовизуальные средства обучения и компьютерные технологии, учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей при построении урока, внеклассного или воспитательного мероприятия. Во время практики у студентов формируются навыки педагогической деятельности учителя иностранного языка, а также начинает складываться собственный творческий стиль педагогической деятельности.

В процессе прохождения педагогической практики, применяя полученные в вузе теоретические знания и развивая педагогические умения на практике, студенты овладевают коммуникативно-обучающей, организационно-планирующей и воспитывающей функциями учителя иностранных языков. Студенты-практиканты приобретают умения наблюдать и анализировать учебно-методическую деятельность учителя, составлять различные виды планов, проводить разные типы уроков с выбором оптимальных технологий обучения иностранным языкам, использованием необходимых средств наглядности и ТСО, проводить анализ посещённых занятий и самоанализ, осуществлять внеклассную работу по иностранному языку.

Изучение и анализ научно-методической литературы по исследуемой проблеме, а также собственный опыт прохождения педагогической практики в школе в качестве учителя иностранных языков и классного руководителя, позволили сформулировать следующие рекомендации для будущих учителей иностранного языка в средних образовательных школах.

Для того чтобы педагогическая практика протекала успешно, студентам необходимо в первую очередь ознакомиться с организацией учебно-воспитательного процесса в школе, документацией, единым требованиям к учащимся, а также изучить методический опыт и систему учебной работы учителя иностранного языка.

Развитие профессиональной компетенции студентов-практикантов проходит в процессе проведения уроков иностранного языка. Использование традиционных форм обучения постепенно отходит на второй план, так как они не отвечают современным целям и задачам обучения иностранному языку. Современный урок включает использование видеоматериалов, информационно коммуникативных технологий (ИКТ), проектной методики, технологии работы в сотрудничестве. Использование таких технологий обучения повышают мотивацию учащихся, так как трудно представить современную жизнь без компьютера, упражнения носят интерактивный характер и обратная связь осуществляется немедленно.

В ходе построения педагогического процесса важно принять во внимание основную цель обучения иностранному языку – коммуникативную, то есть учащиеся должны уметь говорить на иностранном языке. При проведении урока внимание должно уделяться его коммуникативной направленности, то есть он должен проходить в такой последовательности, чтобы развить речевое общение среди учащихся на протяжении всего урока.

Более предпочтительная форма организации урока иностранного языка – это работа в группах, так как именно она считается одним из путей повышения эффективности современного урока и способствует достижению наибольшей речевой активности учащихся. Однако будущим учителям нужно брать во внимание тот факт, что существует ряд трудностей группового общения, которые необходимо учитывать при построении педагогического процесса. К ним можно отнести следующее:

– трудности организационного характера, связанные с деятельностью учителя: непригодность классного помещения, требуется больше времени для организации этой работы;

– трудности, связанные с деятельностью учащихся: низкий уровень языковой подготовки учащихся, использование учащимися родного языка при обсуждении внутри группы, боязнь учащихся говорить на иностранном языке из-за возможности допустить ошибку, разный темп работы членов группы.

Основные рекомендации по организации групповой работы на уроке иностранного языка:

- включать в одну группу учащихся с разным уровнем языковой подготовки, чтобы в каждой группе были свои консультанты, способные взять инициативу в речевом взаимодействии и оказать помощь отстающим учащимся этой группы;
- делать состав групп подвижным, чтобы можно было легко поменять местами некоторых учеников;
- назначать разных учащихся лидерами групп, чтобы не было завышенной или заниженной самооценки у отдельных учеников.

В ходе построения педагогического процесса важно уметь организовывать не только уроки, но и внеклассные мероприятия. Такие формы деятельности способствуют повышению интереса учащихся к дальнейшему изучению иностранного языка.

Было проведено анкетирование в 8 и 9 классах КГУ «Гимназия № 97» г. Караганда и средней общеобразовательной школы № 23 г. Темиртау. Проанализировав ответы учащихся, были сделаны следующие выводы:

1) учащиеся среднего звена заинтересованы в проведении внеклассной работы по иностранному языку. К сожалению, внеклассная работа во многих школах проводится не так часто, как этого требует программа. Учителя ограничивают изучение иностранного языка стандартными уроками;

2) внеклассная работа в школе проводится чаще всего в форме игры либо небольшой викторины по пройденным темам, так же проходят недели иностранного языка и олимпиады;

3) наибольший интерес у учащихся вызывают подвижные игры на иностранном языке – 38 %, проведение праздников, освещающих жизнь, быт и культуру стран изучаемого языка, – 23,8 %, олимпиады и викторины – 9,5 %;

4) 45,2 % учащихся готовы самостоятельно организовать и провести КВН на иностранном языке, 19 % изъявили желание проводить интеллектуальные и творческие конкурсы, а 14,3 % учащихся на внеклассных мероприятиях с удовольствием занимались бы просмотром фильмов на иностранном языке;

5) учителя используют для более эффективной организации внеклассной работы современные информационные технологии, что позволяет сделать мероприятие более красочным и интересным для учеников. Чаще всего используется метод проектов, презентации.

Подводя итог вышесказанному, будущим учителям иностранного языка необходимо активно вовлекать учащихся во внеклассную работу по языку, используя разные формы работы с поддержкой информационных технологий. Такая деятельность будет способствовать развитию про-

фессиональной, коммуникативной, социокультурной компетенций.

В процессе прохождения педагогической практики студенты становятся классными руководителями класса, который закреплен за ними. В данном случае важен непосредственно воспитательный момент, воспитание учащихся, которое в основном проходит в форме классных часов. Цель классных часов: формирование личности учащихся посредством воспитательных способов воздействия, таких как беседа, дискуссия.

Однако не стоит забывать, что существует богатое разнообразие видов и форм организации внеклассной воспитательной работы, такие как: познавательная деятельность ценностно-ориентационная, общественная, эстетическая, досуговая. Они тесно связаны с учебным процессом, с содержанием обучения и воспитания в школе и служат достижению определенных образовательных, воспитательных целей.

Студентам необходимо посещать общешкольные мероприятия, внеклассные и воспитательные мероприятия, а также факультативные занятия не только учителей иностранного языка, но и других предметов. Такой вид деятельности оказывает неоценимый вклад в расширение кругозора и перенимание бесценного опыта.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс развития профессиональной компетенции будущего учителя иностранного языка протекает активно в период прохождения студентами педагогической практики, которая дает возможность студентам приобрести навыки самостоятельного ведения учебной и воспитательной работы с учащимися с учетом их возрастных и индивидуальных особенностей. Профессиональные знания, умения и навыки постепенно перерастают в мастерство учителя. Одной теоретической базы недостаточно, чтобы стать всесторонне развитой личностью, именно поэтому большая роль отводится именно педагогической практике, где студенты в условиях реального времени осуществляют самостоятельно педагогический процесс.

Список литературы

1. Адольф, В. А. Формирование профессиональной компетенции будущего учителя // Педагогика. 1998. № 1.
2. Болотов, В. А. Компетентностная модель : от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. 2003. № 10.
3. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя. 2-е изд., перераб. и доп. М. : АРКТИ, 2003. 192 с.

4. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам : лингводидактика и методика : учеб. пособие для вузов / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. Изд. 2-е, испр. М. : Академия, 2005. 333 с.

5. Иванова, Л. Ф. Профессиональная компетентность учителя иностранного языка : интегративный подход // Интеграция образования. 2003. № 3.

6. Хуторский, Р. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты : докл. на Отд-нии философии образования и теории педагогики РАО (23 апреля 2002 г.) [Электронный ресурс]. URL : www.eidos.ru/news/compet/htm.

О. Н. Ярошенко (Челябинск, Россия)

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

The article runs about different ways of overcoming intercultural barriers in the process of development of future interpreters' professional competence.

Keywords: cultural dialogue, intercultural competence, language and ethnic barriers, future interpreters' professional competence.

Как подчеркивает Н. Д. Гальскова, концепция диалога культур означает, что в процессе обучения иностранному языку у обучаемого должно быть сформулировано «понимание лингвоэтнокультурной специфики носителя изучаемого языка при сохранении индивидуального природного стиля общения, которое и призвано отличать его речевое и неречевое поведение в межкультурной коммуникации» [3. С. 8]. Поэтому в процессе развития профессиональной компетентности будущих переводчиков, на наш взгляд, необходимо строить подготовку на сравнении изучаемой и собственной культуры. Сопоставляя различные концептуальные системы, студенты приобретают знания:

- национальной картины мира, которое означает владение системой понятий на иностранном языке, что приводит к усвоению информации, необходимой для деятельности;
- менталитета партнеров по коммуникативному процессу.

Межкультурные знания охватывают сведения о природе культурных универсалий, их наполнении в различных культурах, механизмах отражения культуры в языке и речи, психологических особенностях межкультурного общения (процессы атрибуции, стереотипы, предрассудки). Именно перцептивно-коммуникативная компетентность (знание культуры языка оригинала и языка перевода и прочие экстралингвистические знания) и презентабельность (умение переводчи-

ка профессионально подать свой перевод) определяют во многом мастерство устного переводчика [4].

Межкультурные умения будущих переводчиков предполагают этнографические умения определения культурного компонента значения жизненных реалий, умения медиатора между собственной культурой и культурой посредника, речевые умения ведения переговоров в соответствии с культурными нормами носителей изучаемого языка с целью создания общего значения происходящего, специфические умения (коммуникативная компетентность, презентабельность, навык билингвизма и перевода, развитая память, умение использовать универсальную переводческую скоропись).

Межкультурные отношения подразумевают открытость новой информации, желание и готовность воспринимать «другого» как представителя иноязычной культуры, уважение к чужой культуре и углубленное познание своей, умение поставить себя на место партнера по общению, представить его образ мышления, умение найти точки соприкосновения в процессе коммуникации.

Недостаточность лингвосociологических и культурологических знаний об иноязычном социуме в процессе перевода может привести к «коммуникативным неудачам» или коммуникативному барьеру.

Различают языковые, лингвopsихологические, социально-этнические барьеры. «Языковые ба-

рьеры возникают из-за неправильного выбора языковых средств для выражения мыслей на иностранном языке. В первую очередь, они вызываются фонетическими, лексическими, грамматическими ошибками. Лингвopsихологические барьеры возникают вследствие индивидуально психологических особенностей студентов (чрезмерная застенчивость, скрытость, некоммуникабельность) или в силу сложившихся между обучающимися различных психологических отношений: неприязни, недовольства. Социально-этнические барьеры основаны на культурных различиях непонимания и недоверия по причине различий в значениях одних и тех же языковых единиц в разных языках, незнании языка жестов и традиций» [1. С. 87].

Как отмечает М. Байрам, в процессе изучения иностранного языка возникают принципиально «новые психологические факторы», которые должны быть приняты во внимание, так как «сложные взаимоотношения между отношениями и знаниями, между аффективным и когнитивным аспектами развития молодых людей находятся в самом сердце обучения языку и культуре» [5. С. 31]. Мы считаем, что обладание именно этими психологическими компонентами необходимо для предотвращения коммуникативного барьера будущих переводчиков.

В процессе развития перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков мы предлагаем следующие меры по преодолению межкультурных барьеров:

- приблизить процесс обучения иностранному языку по своим основным параметрам к процессу овладения языком в естественной языковой среде. Это достигается с использованием аутентичных материалов и аудиовизуальных средств обучения, чтобы стимулировать интерес студентов, развивать желание практически использовать иностранный язык;

- затрагивать личность студента в целом, вовлекать в учебный процесс его эмоции, чувства, ощущения, стимулировать речевые, творческие способности;

- обучать не просто строить свое речевое поведение с носителями иностранного языка, а стремиться к достижению взаимопонимания с ними и с чужой культурой;

- знакомить с правилами вербального и невербального этикета, принятыми в стране изучаемого языка;

- активизировать студента, делая его главным действующим лицом в процессе обучения, активно взаимодействующего с другими участниками этого процесса;

- использовать творческие домашние задания по составлению текстов, глоссариев по определенным темам (особенности речевого поведения и этикета, речевой этикет межкультурного общения на английском языке; сведения о культуре стран изучаемого языка и их вклад в мировую культуру; сведения о традициях, ритуалах, стереотипах поведения носителей английского языка в странах изучаемого языка; сведения об организации быта и досуга в странах изучаемого языка; социокультурные представления русских студентов об англичанах как носителях определенной этнической культуры).

Любой факт и процесс межкультурной коммуникации может быть охарактеризован по уровню проникновения коммуникантов в контактирующую культуру. С этой точки зрения могут быть выделены следующие уровни: культурное взаимодействие; культурное взаимопонимание; культурное взаимодействие [2].

Целью первого уровня будет гарантирование взаимной культурной толерантности, поэтому для тех, кто вступает в профессиональную коммуникацию с представителями иноязычного социума, наряду с лингвистическими знаниями необходимы знания поведенческих, социологических и культурологических дисциплин, способствующих осознанию и реализации обоюдных интенций коммуникантов при обмене информацией, установлением, поддержанием и развитием социальных связей партнерства, основанных на взаимопонимании и диалоге.

Целью второго уровня является обеспечение взаимной культуры адаптации, то есть приобщение «неносителей» языка к концептуальной системе, картине мировидения, ценностным ориентирам носителей иностранного языка, сближению межкультурной дистанции, воспитанию готовности адаптироваться к деловой культуре другого народа, иному социокультурному контексту взаимодействия и воздействия с целью выработки оптимальной стратегии профессионального сотрудничества на иностранном языке.

Целью третьего выступает достижение взаимного культурного ассоциирования. Изучение стратегий коммуникативного поведения представителей англоязычного социума, их лингвосоциологических и культурологических особенностей способствует ассоциированию с культурой носителей иностранного языка.

Таким образом, успешное межкультурное профессиональное взаимодействие означает адекватное коммуникативное поведение в процессе взаимопознания, взаимопонимания, установления взаимоотношений профессионального со-

трудности и, следовательно, предполагает наряду с достаточно высоким уровнем владения иностранным языком умение адекватно интерпретировать и принимать социокультурное многообразие партнеров по коммуникации при решении практических задач.

Список литературы

1. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности. М. : Наука, 1980. 335 с.
2. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика : учеб. пособие по уст. и письм.

пер. для переводчиков и преподавателей. СПб. : Союз, 2001. 287 с.

3. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя. М. : АРКТИ, 2003. 189 с.

4. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2002. 424 с.

5. Byram, M. Teaching and learning language and culture / M. Byram, C. Morgan. Clevedon, Philadelphia, Adelaide : Multicultural Matters Ltd., 1994. 219 p.

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕКСТА И ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Г. А. Амиргалина, Г. Р. Абдуллина (Стерлитамак, Россия)

К КЛАССИФИКАЦИИ БАШКИРСКИХ ПРОЗВИЩ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ ПОДГРУППАМ

The Experience (methods) of classification of Bashkir nicknames according to thematic subgroups is discussed in the article. Bashkir nicknames collected by the author are considered to be the material of the present research. The method of entire selection was used by the author while being in the folklore expedition in the republic of Bashkortostan, Kugarchin area in particular.

Keywords: Bashkir language, nicknames, topic subgroups.

С официальным наименованием человек проходит через всю жизнь. Кроме него, есть ещё одно имя собственное, которое может появиться у человека и сопровождать его какое-то время, а иногда и в течение всей его жизни. Конечно же, речь идет о прозвищах.

Прозвище существовало и существует в большинстве языков. Хотя отношение к нему у разных народов неоднозначное, оно непременно функционирует во всех слоях общества. Прозвище, так же как имя и фамилия, относится к классу личных имен или имени собственных.

Слово 'прозвище' в старые времена было в известном смысле равнозначно современному слову 'фамилия'. В украинском языке слово 'прізвище' до сих пор употребляется вместо слова 'фамилия', которое не вошло в украинский литературный язык. Говоря о значимости изучения прозвищ, ведущий российский антропонимист А. В. Суперанская пишет, подчеркивая их глубинную связь со старыми именами и отмечая стабильность способов номинации, высокую частотность современных прозвищных основ в так называемых «прозвищных» фамилиях. «Антропонимы – имена личные, прозвища, фамилии – слова, частично связанные друг с другом, обладают общими свойствами: личные имена выкристаллизовались из прозвищ, и те, и другие служат источником фамилий. Фамилии в свою очередь могут стать основами прозвищ и личных имен. Поэтому об основах этих типов имен можно говорить вместе как об антропоосновах» [6. С. 13–18].

До XVII в. термин 'прозвище' употреблялся равнозначным синонимом термина 'личное имя', обозначая лишь русские имена, а с XVII в. он больше употреблялся в значении дополнительного второстепенного именованного лица, часто данного в шутку, в насмешку [2. С. 86].

В различных словарях даются следующие толкования прозвища:

Прозвище – имя, которое приложили к кому-либо в шутку или по какому-либо случаю [1].

Прозвище – название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-нибудь заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица [7].

Прозвище – название, указывающее на какую-либо черту, особенность или данное кому-либо в шутку, в насмешку [5].

Таким образом, словари разных лет не вносят каких-то существенных изменений в толкование слова 'прозвище', ограничивают его значение, сводя прозвище к оценочно-характеристическим неофициальным наименованиям. Прозвище, в отличие от имени, которое не выделяет никаких черт человека, либо указывает на особенности внешности, характера, либо каким-то образом связано с фамилией, именем, либо зависит от особых обстоятельств, в которых возникло. Прозвище выделяет каждого отдельного человека в коллективе. Например, в группе у нескольких человек может быть одно имя, а одинаковых прозвищ не бывает. Прозвища гораздо ближе к именам нарицательным, чем к именам собственным.

Прозвища не возникают просто так – необходим внешний или внутренний толчок к их появлению. В прозвищах заключено много интересного: видны в них и буйная фантазия авторов, и наблюдательность – умение выделить в человеке какие-то черты, которые характеризуют и тех, кому их дают, и тех, кто даёт, свидетельствуют об их доброте или, наоборот, недоброжелательности. Но что самое удивительное – в возникновении прозвищ обнаруживается очень чёткая система.

Как утверждает А. М. Селищев, наибольшая часть личных имён и прозвищ относится к внешнему виду, к свойствам человека. При этом прозвище чаще всего дается по физическим недостаткам и по отрицательным свойствам. В старые же времена не стеснялись в отношении прозвищ

никакими значениями слов, поэтому сейчас они часто кажутся нам смешными [4. С. 406–417].

Сопоставив различные дефиниции, мы пришли к выводу, что прозвище – это название, которое дано человеку помимо его имени и которое содержит в себе указание на какую-нибудь заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица, приложенное в шутку или по какому-либо случаю.

Прозвище по-башкирски – ‘кушамат’ (*кушым* ‘добавление’ + *ат* ‘имя’ тюрк. *ат*), что дословно означает ‘дополнительное имя’. До принятия ислама слово *ат* ‘имя’ было общим для тюркских народов. В башкирском языке, к примеру, встречаются следующие слова с компонентом ‘ат’: *кушамат* ‘прозвище’, *яманат* ‘плохое имя’, *атккаҫанһан* ‘прославивший имя’ и т. д. С принятием ислама башкиры заимствовали арабское слово ‘исму аламин’, т. е. ‘исем’ (‘имя’, ‘название’).

Вторая разновидность имени – ‘насаб’, что сохранилась в башкирском языке в составе парного слова ‘нльцел-нльсьлп’ (родословная). Была и третья разновидность имени – ‘кунья’ [3. С. 100].

Прозвища в башкирском языке существовали и в древние времена. Они живут полной жизнью, как и вся лексика языка в целом: одни превращаются в архаизмы, другие утрачивают внутренний смысл – в связи с давностью употребления забывается их этимология. В качестве примера можно привести Хуна Жыянгол, Хуна кыпчак (‘племя’) из шэжэре башкир племени кыпчак (из записок Ризаитдина Фахретдина). Слово ‘хун’, апеллятивное значение которого означает «самую большую дикую утку, которая очень хорошо маскируется от охотников» [8. С. 122].

Прозвища больше всего распространены, как известно, у сельских жителей. В первую очередь дается прозвище, если у личности есть несколько тезок.

По мнению лингвистов, изучение башкирских прозвищ внесло бы большую ясность в вопрос об образовании и мотивации личных имен вообще, а мотивация прозвищ, как известно, является одной из языковых универсалий. Анализ мотивов прозвищ безусловно облегчит исследование как современной, так и исторической национальной антропологии, а также даст дополнительные знания по башкирской стилистике, этнографии, психологии.

Материалом для настоящего исследования послужили башкирские прозвища, собранные методом сплошной выборки в Кугарчинском районе Республики Башкортостан. Отметим, что прозвища жителей данной местности исследованы

впервые. Фактический материал нами распределен согласно классификации А. М. Селищева, при этом обнаруживаются и некоторые расхождения с ней.

Общеизвестно, что мотивация является одним из основных аспектов, определяющих способность прозвищ отражать культуру. Прозвища представляют собой один из ярких примеров открытого класса слов, характеризующегося неустойчивостью состава [9. С. 106]. Собранный в ходе фольклорной экспедиции лингвистический материал можно классифицировать следующим образом в зависимости от мотивировки имени-прозвища.

Мотивировка фамилии: Муха – Мухаметов, Абу – Абубакиров, Мльмблт – Мамбетов, Фома – Фазлаев М. А. (созвучие инциалов), Ёшим – Ишимов, Феррумбай – Тимербаев, Валик – Валиев, Бльзльй – Фазлаев, ғаҫаҡ – Казакбаев, Кҫцльк – Кусяпов, Кошмарик – Кашаев и т. д.

Мотивировка имени: Зайка – Зайнулла, Газик – Газинур, Сльйтҫк – Садик, Фатима – Вадим, Фурик – Фаурия, Абу – Абуталип, Сльйпеш – Сайфулла, Мньхльмьлтхльйер – Мохай, На джипе – Нажип, Винни-пух – Винер, Сльҫкль – Савия, Нар – Назир, Йондоҫ – Сулпан, Порошок – Зифа, Способ – Сара, Эскльндльр – Искандер, Ицерек – Ирек, Муморай – Тимур, ғыяр – Минияр, Вальтер Скотт – Валит, Хьс – Хуснулла, Басай – Шамиль, Сафа кҫл – Сафиулла.

Третья группа по классификации А. М. Селищева – мотивировка места жительства. Исходя из наших материалов, данную подгруппу уместно разделить на коллективные прозвища и прозвища, связанные с определенным местонахождением. Так, к коллективным можно отнести прозвища целых деревень: Ғаһыҫаҡтар (д. Бикес, представители этой местности очень приставучие), Башмаҡ (д. Тляумбетово – медлительные), Бизума (д. Азнагулово – безумные люди), Тоҫоҫ (д. Тавакан – без толку говорят), Япақа (д. Даут-Каюп – по прозвищу жителя данной деревни).

Прозвища, связанные с определенным местом: Партизан (построил место для отдыха, которое находится далеко от деревни), Таджик (служил в Таджикистане), Дошман (воевал в Афганистане), Сыуаш (любил в молодости гулять в соседней чувашской деревне), Килен (живет в деревне своей жены).

Мотивировка профессии: Моряк (служил в морском флоте), Бискар (рыбак), Контрик (служил по контракту), Бригадир (работал бригадиром), Арбуз (работает на рынке), Банкир (работал в банке), Кьпшь (кураист), Штом (на работе вместо III том книги написала ШТОМ).

Прозвища, мотивировка которых неизвестна: Мадонна, Чингачук, Адам, Корявый, Сикушка, Пику, Мъзньк, Пушок, Ишкубар.

Мотивировка внешнего сходства: Мультфильм (толстая и маленькая), Горилла (по походке), Чупа-чупс (большая голова), Копченный, ғарһа, ғара йылан, Кочегар, ғара бақа, ғоҰһон, Папуас (люди смуглой кожи), Баһана, ОҰон (очень длинный), Таракан (очень худой), Лопух (большие уши), Сепей (светлая кожа), Балу (здоровый), Ғйрльк (походка на утку смахивает), Флакон (шея короткая).

Мотивировка особенностей речи: Шһмбһрльк (когда женщина пела, было непонятно, о чем она поет, только вот это слово и слышали), Бытыр, Юлдаш (много болтают), Быһы (картавит), Кльпшек, Мльмльш, Япақа (в детстве слово 'конфета' произносили так).

Прозвища, которые передавались по наследству: Бақый (у его тезки фамилия была Бакиев), Татарин (его мать татарка), Кльзь ғатыһы (дед всех ругал так, теперь все его внуки и внучки переняли это прозвище), Япақа (в детстве слово 'конфета' произносил таким образом, теперь всех однофамильцев так зовут), ғаталылар (люди из этого рода были самыми богатыми в деревне), Мохай (Мухаметхайер, первый в деревне алкоголик и безумец, теперь всех пьющих так обзывают), КҖрек (на роду раньше любили хвастаться).

Мотивировка аналогии известной личности: Джеки Чан (женщина любит драться и по внешним признакам похожа на этого актера), Цой (любил петь песни Цоя и внешне есть сходство), Моника (в честь секретаря Рейгана; женщина, ведущая разгульный образ жизни), Александр Панкратов Черный (внешние сходства), Кармелита (походка, как у танцовщицы, танцует, как цыганка из фильма), Рами Гарипов (в школе каждый год мечтал поступить в школу-интернат им. Р. Гарипова).

Прозвища, которые даны людям за их неосторожные поступки и постоянные действия: Пежон (с детства одевался всегда по моде), Налоговый (с прохожих деньги выпрашивает на выпивку), Ураган (буйный человек), АкышкҖ (всех ругал этим словом), Кльмит (постоянно смешит людей), Зя (всегда перед разговором употребляет это слово), Тутыккан (вместо слова 'прокис' сказал 'заржавел'), Пускач (ремень от трактора называл пускачом), Жестокий (как выпьет спиртное, всем говорил, что он жестокий человек), Билмльн (когда учительница спросила о причине опоздания, он ответил, что ел дома пельмени), Тауык (во время осенней уборки в свой двор загнал трактор, куры залетели в телегу за зерном; односельчане

в поле и заметили этих кур), Пимидор (в детстве отец позвал сына и сказал: 'Винер улым, кил лье, Пимидор бирим лье').

Итак, нами описаны прозвища жителей Кугарчинского района Республики Башкортостан (в основном представителей племени Карагай-Кыпчак), распределены по тематическим подгруппам с опорой на классификацию А. М. Селищева. Предложенная классификация включает в себя одиннадцать подгрупп, прозвища в каждой из которых связаны с различной мотивировкой. Мотивирующие признаки отражают самостоятельные способы идентификации личности в обществе: имя, профессия, происхождение, характерная внешность, поведение и т. д.

В заключение отметим, что прозвища – не только лексические единицы, но и один из показателей отношения в социуме. К примеру, в Коране есть аят, запрещающий называть людей обидными прозвищами. Критерии употребления прозвищ в определенном коллективе должны регулироваться этическими нормами и соответствовать им.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://slovardalja.net/dal.php>.
2. Полякова, Е. Н. Из истории русских имён и фамилий. М. : Просвещение, 1975. 160 с.
3. Раемгужина, З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования). Уфа : Изд-во Уфим. фил. ГОУ ВПО «МГПОУ им. М. А. Шолохова», 2006. 256 с.
4. Селищев, А. М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М. : Яз. славян. культуры, 2003. 627 с.
5. Словарь синонимов [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL : <http://cfrl.ru/synonyms/00-c.htm>.
6. Суперанская, А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Суслова. М. : Наука, 1981. 176 с.
7. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. URL : <http://dict.t-mm.ru/ushakov>.
8. Хусаинов, Г. Б. Голос веков (на башк. языке). Уфа : Китап, 1984. 304 с.
9. Цепкова, А. В. Лингвокультурологический потенциал прозвищ различных мотивационных типов (на материале английского языка) // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2012. № 5 (9). С. 105–114.

Л. В. Антонова (Стерлитамак, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

The given article focuses on the specificity of the interaction between language and culture in cross-cultural communication. Lingua-cultural features of the avoidance-based strategy in the English language are revealed.

Keywords: communicative behavior patterns, privacy, positive politeness, negative politeness, approach-based strategy, avoidance-based strategy.

Предметом нашего исследования, результаты которого нашли отражение в данной статье, стал анализ англоязычных объявлений (на примере административных объявлений) с точки зрения использования стратегий дистанцирования.

Под административными объявлениями, которые развешиваются в общественных местах (магазинах, библиотеках, университетах, кафе, аэропортах и др.), понимаются преимущественно краткие письменные тексты, нацеленные на побуждение к определённым действиям. Такие тексты, по мнению Н. Б. Лебедевой, целесообразно исследовать как отдельный речевой жанр, представленный некоторым набором речевых действий (речевых актов), объединённых общей коммуникативной целью. Кроме того, в некоторых случаях тексты объявлений могут иметь вид развёрнутых построений [8. С. 75]. Административное объявление имеет множество вариантов: его вид, объём и содержание могут значительно различаться в зависимости от параметров коммуникативной ситуации. Однако общим для всех объявлений является побудительная интенция: все они выражают волеизъявление адресанта и направлены на каузацию деятельности адресата. Для успешной реализации этой цели сообщение должно соответствовать ситуации и учитывать характеристики потенциального исполнителя действия – адресата. Это означает, что адресант должен правильно выбрать адекватную для ситуации общения тактику и уместные речевые формы.

Особенность речевого жанра административного объявления состоит в том, что социальный и коммуникативный статус адресанта в большинстве случаев выше статуса адресата. Как правило, в качестве автора объявления выступает представитель администрации, поэтому он имеет право предписывать адресату определённые действия. Ожидания представителей любой речевой культуры сходны: административное объявление – это сухая, строгая клишированная фраза и обязательность исполнения [5. С. 25]. В соответствии с этими коммуникативными ожиданиями чаще всего и формируется текст объявления, однако в

каждой культуре могут проявляться свои особенности. Так, англоязычные объявления имеют особенности, присущие современной англокультуре. По мнению А. Вежбицкой, стремление избегать императивов и других лингвистических форм, которые могли бы подразумевать побуждение, открытую попытку склонить кого-то сделать что-то, в англоязычных объявлениях в частности, – это явление не только британское, но и англосаксонское [2. С. 27]. Соответственно, немаловажным представляется изучение условий реализации стратегий дистанцирования как основного способа воплощения ведущей ценности англоязычной культуры – автономии личности.

Учет ценностных предпочтений народа, важных с точки зрения конкретной культуры, особенно необходим для достижения адекватного уровня взаимопонимания в межкультурном диалоге. Нереально познать все богатство чужой культуры, но можно сформировать открытость к ее восприятию, умение воспринимать сигналы включения культурного кода и готовность его декодирования, что могло бы свести до минимума, если не ликвидировать совсем, моменты межкультурного непонимания. Специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит прежде всего в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка, а также в особенностях образов сознания, отражающих предметы конкретной национальной культуры, присущие ей системы ценностей [4. С. 4]. Язык несет в себе огромную воздействующую силу и, моделируя картину мира носителей языка, определяет их поступки и поведение не только на межличностном, но и на общественных уровнях. В целом, по мнению О. А. Леонтович, успешность коммуникации определяется двумя факторами: 1) донесение адекватной информации от адресанта к адресату, т. е. передача не только положительного сообщения, но отрицательного; 2) достижение взаимного удовлетворения со стороны всех участников общения [9. С. 340].

Таким образом, успешная межкультурная коммуникация предполагает наряду с владением

иностранным языком еще и умение адекватно интерпретировать коммуникативное поведение представителя иносоциума, которое определяется их культурой, а также готовность участников общения к восприятию другой формы коммуникативного поведения, пониманию его различий и варьирования от культуры к культуре. Под коммуникативным поведением в самом общем виде понимаются реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности [10. С. 97]. При этом неадекватное восприятие коммуникативного поведения одного народа другим народом создает «зону непонимания», нарушает коммуникацию. Коммуникативное поведение участников общения складывается из ряда определенных речевых стратегий, которые определяют особенности общения той или иной национальности. Главной предпосылкой для успешной межкультурной коммуникации является использование и соблюдение стратегий, направленных на сохранение главных ценностей данной культуры.

Системообразующим стержнем, который регулирует коммуникативное поведение людей, является вежливость. Категория вежливости определяется ценностным содержанием, присущим каждой национальной культуре, характером ситуации (бытовая, социально-общественная, профессиональная, официальная), а также социальными параметрами статуса и разных видов дистанции между партнерами по общению [3. С. 48]. Знание национальных особенностей данной категории дает ключ к пониманию многих особенностей коммуникативного поведения народа и является неотъемлемым компонентом межкультурной коммуникативной компетенции.

Вежливость, являясь необходимым условием общения, особенно важна при побуждении партнера к действию. В каждой культуре существует свой концепт вежливости. Разное содержание данного концепта находит свое отражение в языке и речи и проявляется в лексико-грамматических, функциональных, прагматических и дискурсивных особенностях. Так, в английской культуре быть вежливым значит демонстрировать внимание к другим, что является общепринятой нормой: *'polite – someone who is polite behaves towards other people in a pleasant way that follows all the usual rules of society'* [11. С. 1103].

Для англоязычного общения характерны два вида вежливости – позитивная (направленная на сближение) и негативная (направленная на дистанцирование) (по П. Браун и С. Левинсон). Характерные черты англоязычного общения в контексте вежливости: ритуализованность

(конвенциональность), сохранение автономии личности, дистанцированность [6. С. 25]. Ритуализованность отражает прагматические установки индивидуалиста, опирающиеся на принцип невмешательства. Этот принцип соотносится с ключевым для англо-американской традиции понятием *'privacy'*, которым подчеркивается желательность изоляции от окружающих, внешнего. Базируясь на приоритете личных интересов и праве полного личного контроля над ними, законы соблюдения *'privacy'* предполагают самостоятельность и свободу, выражающуюся во внешней независимости индивидуума от окружающих и в недопустимости стороннего вмешательства в его личную жизнь. Согласно трактовке, данной А. Вежбицкой, словосочетания *'to have' privacy = 'it is assumed that every individual would want... to have a little wall around him/her at least part of the time, and that is perfectly natural, and very important'* [1. С. 98]. Данную черту мировосприятия обозначают как дистанцированность. Демонстрация солидарности и сохранение дистанции составляют суть вежливого поведения, при этом негативная вежливость играет более значимую роль, чем позитивная. Негативную вежливость П. Браун и С. Левинсон называют ядром вежливого поведения.

Позитивная и негативная вежливость раскрывают основной механизм человеческих взаимоотношений, основанный на противоположных действиях, совершаемых коммуникантами в процессе общения: сближении и отдалении. Исследования показывают, что партнеры используют стратегию позитивной вежливости, вступая в контакт и в дальнейшем поддерживая его, при этом нельзя приближаться слишком близко. Для демонстрации своего взаимного почтения, уважения независимости и личной автономии партнеры прибегают к стратегиям дистанцирования. Так, использование стратегий дистанцирования в англоязычных объявлениях помогает сменить форму грубого запрета на просьбу, предупреждение, выражение благодарности или инструкцию, что значительно уменьшает степень давления на адресата.

Итак, стратегии дистанцирования составляют основу английской вежливости [7. С. 236], определяя специфику общения. Прямой стиль общения в целом не характерен для английской межличностной коммуникации, предпочтение отдается разнообразным средствам смягчения, препятствующим прямолинейности и категоричности высказываний в разных коммуникативных ситуациях: при запросе информации, выражении мнения, обращении с просьбой и др., т. е. косвен-

ному стилю общения. Особенно это характерно для официального общения. Наиболее ярко стратегия 'выражайтесь косвенно' проявляется в побудительных речевых актах, прежде всего в тех, которые представляют особую «угрозу» для коммуникантов. «Создавать преграды» помогают вопросы, которые переводят прямое высказывание в косвенное. Самым распространенным способом реализации стратегии 'предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие' считается вопросительное высказывание, также широко употребляемое в побудительных речевых актах. Сомневаясь в возможности реализации действия, к которому побуждается собеседник, говорящий тем самым уменьшает степень воздействия на него и помогает в случае необходимости отказаться от совершения этого действия. Стратегия 'выводите говорящего и слушающего из дискурса' широко используется в английской коммуникации и играет чрезвычайно важную роль. Вывод из ситуации адресата характерен для просьбы, которая предполагает действие слушающего в интересах говорящего. Стратегия 'представляйте угрожающий лицу речевой акт как общее правило' направлена на вывод адресата из ситуации либо на максимальное дистанцирование его от действия, к которому в прагматическом плане его побуждают. Представляя действие, к которому говорящий побуждает слушающего, не как свое личное требование, а как общепринятую норму, говорящий снижает директивность своего высказывания, поскольку таким образом от действия отдаляются как говорящий, так и слушающий. Подобная имперсонализация является одной из важнейших стратегий английской вежливости. Извинение рассматривается как стратегия негативной вежливости (стратегией дистанцирования), и тем самым признается факт вторжения в запретную зону, зону независимости собеседника, и выражается сожаление по этому поводу (или сожаление о намерении совершить это вторжение), прежде всего в тех ситуациях, когда говорящий предвидит, что его действие будет покушением на независимость адресата, но в силу различных причин вынужден идти на это.

По мнению ученых (А. Вежбицкая, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, И. В. Труфанова и др.), коммуникативные стратегии и тактики не являются универсальными для всех культур мира, а представляют собой национально и культурно обусловленные модели речевого поведения в определенной ситуации. Это означает, что в каждой культуре существует свой набор речевых тактик и соответствующих им языковых средств,

позволяющих оказать эффективное воздействие на адресата. Анализ литературы показал, что для реализации стратегий дистанцирования в английском языке основными языковыми средствами являются:

- модальные глаголы,
- модальные модификаторы (единицы субъективной модальности),
- сослагательное наклонение,
- пассивный залог,
- смещение временного плана [7. С. 256].

На прагматическом уровне все эти лексические средства выполняют одинаковую функцию – смягчают речевые акты, которые потенциально таят в себе угрозу вторжения в зону независимости собеседника в силу их импозитивного характера и, таким образом, угрожают лицу как собеседника, так и самого говорящего.

Единицы модальности выступают как важнейшее средство языка, которое помогает достичь следующих стратегических целей: избежать прямого волеизъявления говорящего, передать его в косвенной форме; выразить неуверенность в возможности осуществления названного действия, подчеркивая нереальность его реализации; предоставить возможность адресату не осуществлять его; дистанцировать как слушающего, так и самого говорящего от называемого действия и др. Английский язык обладает богатой системой лексико-грамматических средств выражения модальных значений. Это, прежде всего, система модальных глаголов – *can, could, may, might, must, ought to, will, would, shall, should* и квазимодальные глаголы *have (got) to, need to, had better*. Ряд исследователей предлагает включать в набор лингвистических элементов, выражающих модальность, также модальные выражения типа *be able to, be going to*, модальные прилагательные и наречия (*necessary /necessarily, probable /probably, possible/ possibly, presumably, definitely, certain/certainly, advisable, perhaps, maybe*) и некоторые вводные конструкции (*parentheticals*), как, например, *I think, I believe, I'm sure*, которые играют важную роль в процессе коммуникации. Маркеры модальности могут выполнять как функцию смягчения, так и усиления [7. С. 256–258]. Для реализации стратегий дистанцирования главным образом привлекаются смягчения. Они называются важнейшим средством взаимодействия в разговорной речи. Лексические и лексико-синтаксические средства смягчения, или модификаторы, отличаются разнообразием как с точки зрения синтаксической формы, так и семантики. Это могут быть единицы, ориентированные на говорящего (*I think /I suppose /I am*

wondering), либо на слушающего (*Do you think / Would you mind*), минимизаторы (*just a second, a spot, a little, a bit*), маркеры вежливости (*please, kindly, sweetly*), лексические заполнители пауз (*well, now well, so*), конечные формативы, используемые для подтверждения согласия собеседника и взаимопонимания (*right, will you, would you*) и другие.

Стратегия дистанцирования также находит свое отражение в использовании глагола в сослагательном наклонении, которое выражает предположительность, гипотетичность со стороны говорящего, которая отсутствует в индикативных глаголах, и снижает прямолинейность высказывания. В ситуации побуждения адресату предоставляется еще большая возможность выбора, а говорящий при этом выражает долю сомнения в возможности или желании адресата совершить действие. Сослагательное наклонение широко используется в высказываниях, содержащих просьбу. Вопросы с *could/would* звучат более вежливо, чем с *can /will*.

Смещение временного плана используется как средство снижения прямолинейности высказывания. Грамматическим средством снижения прямолинейности вопроса, а также просьбы и предложения является смещение временного плана. Это может быть употребление прошедшего времени вместо настоящего. Этой же цели служит продолженное (*progressive*) время. Возможна комбинация этих средств. Средством смягчения просьбы является также использование будущего времени вместо настоящего. Использование прошедшего или будущего времени вместо настоящего делает высказывание менее прямолинейным. В результате намерение говорящего как бы теряет свою актуальность, а действие, к которому он побуждает, – обязательность исполнения [7. С. 261].

Пассивный залог позволяет реализовать такую стратегию вежливости дистанцирования, как «вывод адресата из дискурса», что является важным средством сохранения лица. Конструкции ‘you are (not) supposed’, ‘you are requested’ позволяют смягчить категоричность запрета [7. С. 261]. Пассивные конструкции часто используются в правилах поведения в общественных местах. Пассивный залог позволяет представить ожидаемое от адресата действие не как его обязанность, а как общепринятое правило, что является еще одной стратегией дистанцирования. Благодаря этому говорящий избегает прямого давления на адресата, долженствование и запрет передаются максимально косвенно.

В соответствии с поставленной целью исследования нами было проанализировано 150 англо-

язычных административных объявлений. В ходе анализа были получены следующие результаты:

1. Употребление модальных глаголов – 44 объявления:

- a) must (22 объявления);
- b) may (11 объявлений);
- c) can (7 объявлений);
- d) should (4 объявления).

2. Употребление модальных модификаторов – 59 объявлений:

- a) *please* (43 объявления);
- b) *sorry* и *apologize* (5 объявлений);
- c) *thank you* (11 объявлений).

3. Употребление пассивного залога – 23 объявления.

4. Употребление сослагательного наклонения – 4 объявления.

5. Употребление смещения временного плана – 12 объявлений.

6. Употребление формы ‘No X-ing’ – 8 объявлений.

Согласно результатам нашего анализа, самым распространенным способом реализации стратегий дистанцирования в англоязычных административных объявлениях являются модальные модификаторы. Таким образом, использование различных способов реализации стратегий дистанцирования в англоязычных объявлениях позволяет смягчить воздействие на адресата. Англоязычные объявления написаны в форме предупреждения, просьбы, благодарности за несовершение действия, инструкции и заверяют адресатов в отсутствии со стороны говорящего намерения нарушить существующие между ними границы.

Список литературы

1. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 416 с.
2. Вежицкая, А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов, 2007. № 5. С. 27.
3. Власян, Г. Р. Коммуникативная категория вежливости: проблемы интерпретации // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33. С. 48.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 15 с.
5. Карпова, Н. А. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) / Н. А. Карпова, А. В. Морева // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 24–32.

6. Кузьменкова, Ю. Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде : курс лекций. М. : Пед. ун-т «Первое сентября», 2008.

7. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Яз. славян. культур, 2009. 519 с.

8. Лебедева, Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. 173 с.

9. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М. : Гнозис, 2007. 368 с.

10. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М. : ИЯ РАН, 1996. 112 с.

11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Education, 2007. 1748 с.

Е. П. Баяртуева (Улан-Удэ, Россия)

ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КАУЗАТИВНО-СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ

The article is an attempt to model the prototypical structure of the causative-consecutive situation. This modelling is based on the viewpoint of G. Lakoff on the causative situation and completed with diachronical data, which added some more definite characteristics to the structure. Besides, the author of the paper tried to show how the representation of the prototypical causative situation by the verb demonstrates what components of the structure are focused on.

Keywords: causative-consecutive situation, prototypical structure, modeling, representation.

Как мы отмечали в [1], ситуация каузативно-следственных отношений представляет собой репрезентацию динамического процесса; динамика данного процесса проявляется как на лексическом, так и на грамматическом, синтаксическом уровнях и на уровне текста. Каузативно-следственная ситуация поддается описанию только с фокусировкой на одном из аспектов ее структуры. Кроме этого, фокусировка внимания на одном аспекте приводит к динамичности самого номинативного процесса обозначения причинно-следственных отношений.

Динамичный поведенческий, деятельностный или процессуальный характер ситуации каузативно-следственных отношений требует системного динамичного ее описания. На наш взгляд, таким способом представления каузативно-следственных отношений является моделирование данного процесса, поскольку моделирование ситуации в большей степени связано с поведенческим, деятельностным аспектом описания, тогда как концептуализация и категоризация в большей степени направлены на представление ситуации в ее статичном, более или менее завершенном виде.

В лингвистике опыт моделирования был представлен, в частности, в рамках трансформационной грамматики, которая ввела в обиход порождающие, т. е. динамические, объяснительные модели в синтаксисе. Аналогичный динамический

подход к изучению семантики лексики представлен в работе Е. В. Падучевой [7], когда значения слова связываются друг с другом за счет того, что одни значения рассматриваются как производные от других¹.

Л. М. Ковалева [2012] придерживается более системного взгляда на соотношение семантики лексического, грамматического и синтаксического уровней, их взаимозависимости и взаимообусловленности.

Поскольку ситуация причинно-следственных отношений всегда динамична, также как способ ее представления в языке, для ее описания следует использовать методiku моделирования, которая представляет возможность посредством анализа актуализированных структурных компонентов представить структуру всей ситуации в более полном объеме.

Первая модель, от которой мы будем отталкиваться в построении остальных моделей, является прототипической² для каузативно-следственной ситуации и может быть представлена в предложении типа 'Он положил книгу на стол/ He put the book on the table'.

Данная модель отвечает тем параметрам, которые Дж. Лакофф [8] выдвинул в качестве прототипических для прямой каузации, а мы дополнили посредством диахронического анализа, а именно:

1) субъект является единичным одуше-

ленным, осуществляет физическое целенаправленное действие в соответствии с программой двигательной активности, необходимой для осуществления данного действия (движения рук, пальцев, направление взгляда и т. д.);

2) в плане каузативно-следственной связи наличествует физический контакт Агенса с Пациентом, данный контакт осуществляется в период времени, представленный как точечный, т. е. действие представлено в сознании и в языке как одномоментное;

3) Пациент представляет собой неодушевленный предмет размеров меньших, чем Агенса, так что Агенса способен перемещать данный предмет без участия каких-либо орудий труда;

4) результатом действия Агенса является изменение положения Пациента в пространстве по горизонтали; при этом первоначальное место пребывания Пациента не акцентируется, с точки зрения восприятия ситуации более актуальной является информация о конечной точке его пребывания: 'на стол/ on the table'.

Таким образом, прототипическая модель каузативно-следственной ситуации может быть представлена в виде следующей формулы: $(A + Ac) \Leftrightarrow (P + Place 1 \rightarrow P + Place 2)$; где $(A + Ac)$ – Субъект каузации; A – агент, или источник воздействия (одушевленный, имеющий цель и выполняющий действие по определенной программе), Ac – действие Агенса (физическое, кратковременное (одномоментное)); \Leftrightarrow – причинно-следственная связь (с одной стороны, каузативное воздействие Субъекта, направленное на изменение местоположения Объекта; с другой – сопротивление/нежелание Объекта подвергаться каузатирующему воздействию Субъекта (сила трения); $(P + Place 1 \rightarrow P + Place 2)$ – каузатируемый Объект, где $P + Place 1$ представляет собой первоначальное местоположение Пациента, на который воздействует Субъект, а $P + Place 2$ – местоположение Пациента, которое он получает в результате воздействия Субъекта.

Для обозначения прототипической модели в языке (как в русском, так и в английском) существуют специальные лексические единицы, глаголы типа 'класть, ставить, брать'³; 'put, lay, place, carry, catch'. Нетрудно заметить, что данная группа глаголов различается по указанию на направление изменения местоположения Пациента – к себе ('брать, catch') и от себя ('ставить, класть, put, lay, place, carry'), т. е. в горизонтальном направлении.

Однако передвигать предметы в пространстве можно не только на горизонтальном, но и на вертикальном уровне: вверх: 'поднимать, подбирать,

rise' и вниз: 'погружать, окунать, ронять, drop, dip, sink'.

Следует отметить, что среди глаголов, описывающих передвижение Предмета в пространстве, только глаголы, обозначающие изменение местоположения Предмета вниз, имплицитно нецеленаправленные действия Агенса, ср.: 'ронять, drop'. Более того, в значении данных глаголов содержится компонент среды, в которой осуществляется вертикальное изменение местоположения Предмета вниз – воздух ('ронять, drop') или водная среда ('погружать, окунать, dip, sink').

Таким образом, можно утверждать, что передвижение вниз получило в сознании человека негативное к нему отношение (см. базовую метафору 'up is bad' в работе Лакоффа [8]) в силу его неконтролируемости. В случае с водной средой наиболее ярко проявляется такой компонент каузативно-следственной ситуации, как сопротивление Предмета каузатирующему воздействию Агенса: сопротивление воздуха менее ощущаемо для человека, чем сопротивление воды, и последний фактор требует своего выражения в языке специальными лексическими единицами.

Вышеперечисленные элементарные (физические) способы передвижения предмета в пространстве – горизонтальные и вертикальные – могут усложняться различного рода конфигурациями, например: 'приподнять, вынуть, подкинуть; heft, remove, toss' и т. д.

В отличие от русского языка, в английском языке существует группа глаголов, обозначающих передвижение в пространстве, немаркированных по направлению данного передвижения, поэтому они используются с постглагольными наречиями, например: 'put down, put up, take up' и т. д.

Прототипическая модель каузативно-следственной ситуации может расширяться посредством появления орудия, которое Агенса использует для осуществления своего действия. При этом мы разграничиваем понятия 'способа действия' и 'орудия действия' в отличие, в частности, от Е. В. Падучевой [7], которая данные понятия соотносит, рассматривая, в частности, семантическую структуру русского глагола 'разрезать', ср.: «способ – воздействовал на Y с помощью Z-а»; однако в актантной структуре данного глагола Е. В. Падучева, тем не менее, выделяет компонент 'Инструмент: ПРЕДМЕТ: имеет острый край', а семантическое ядро глагола 'резать' представляет в виде 'давить твердым предметом, имеющим острый край' [7].

Для целей нашей работы мы считаем необходимым разграничить Способ осуществления действия Агенса (в случае с глаголом 'резать'

это компонент 'давить') и Орудие, посредством которого действие Агенса осуществляется (в случае с глаголом 'резать' это компонент 'твердым предметом, имеющим острый край'). Данное разграничение представляется нам важным в том плане, что Способ осуществления действия или деятельности Агенса *всегда* присутствует в семантической структуре каузативно-следственной ситуации, тогда как Орудие действия или деятельности Агенса может отсутствовать, как, например, в случае прототипической модели, описанной нами выше.

Таким образом, в рамках репрезентации каузативно-следственной связи посредством глаголов передвижения мы имеем дело с формально-таксономической классификацией глаголов каузативно-следственной связи, в которой прослеживается акцентирование внимания на тех или иных составляющих структуры данной ситуации⁴.

Примечания

¹ Как отмечает Е. В. Падучева, по отношению к формализованным представлениям значений можно говорить о моделях (общих правилах) преобразования исходного значения в производное: к формальному объекту применимы простые операции типа замещения и перемещения частей [7. С. 34].

² Подробнее о выделении и описании прототипической модели каузативно-следственной ситуации см. [2].

³ В данном случае мы не принимаем во внимание лексические единицы, маркированные стилистически или жанрово.

⁴ Е. В. Падучева [7. С. 31], рассматривая таксономические категории глаголов, отмечает связь между категорией и форматом толкования, которая устанавливается в формальной семантике в

работах Даути (1979), с одной стороны, и в работах А. Вежбицкой (1980), Булыгиной (1982) и ее самой (1996), с другой. А. Вежбицкая [4. С. 181] отметила, что в семантике данных глаголов состояния, деятельности, действия представлены с акцентом на результате и предельности действия, которые имеют разную «формулу» толкования.

Список литературы

1. Баяртуева, Е. П. О соотношении каузативно-следственных отношений и семантической структуры создания/уничтожения (на материале современного английского языка) // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 4 (25). С. 95–102.

2. Баяртуева, Е. П. К проблеме изучения каузативного значения // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания : межвуз. сб. ст. Вып. 4. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 6–14.

3. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М. : Наука, 1982. С. 7–85.

4. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Наука, 1980. 323 с.

5. Ковалева, Л. М. О прототипических и непрототипических единицах модально-предикативного конституента предложения // Прототипические и непрототипические единицы в языке / Л. М. Ковалева, С. Ю. Богданова, Т. И. Семенова. Иркутск : ИГЛУ, 2012. С. 9–13.

6. Падучева, Е. В. Семантические исследования. М., 1996.

7. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 608 с.

8. Lakoff, G. *Metaphors we Live by*. Chicago : The Univ. of Chicago Press, 2003. 276 с.

О. А. Брильц (Челябинск, Россия)

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ТЕКСТА

There are some different types of texts. Texts with open possibility of interpretation represent the greatest complexity for understanding. In this situation the understanding is a creative process which is limited by the meaning put in the text by the author, and lack of possibility of an open dialogue.

Keywords: text, interpretation, understanding, meaning.

Феномен понимания многогранен и связан напрямую с объектом понимания. В настоящее время существует множество трактовок понимания.

Однако классическое изучение феномена началось на уровне анализа понимания текста.

Наделение произведения в процессе его по-

нимания новыми значениями – это, в сущности, последовательное создание новых текстов в некотором отношении адекватных первичному тексту, вскрывающих смыслы и значения первичного текста, но в других отношениях уходящих от смыслов и значений первичного текста. Возможно, это объясняется мыслью Гегеля о том, что произведение, подлежащее пониманию, отражает не саму действительность, а «скрытое воспоминание об этой действительности» [3. С. 340], представляющее «самоуглубление духа», собиравшее воедино всех субстанций, «сознающих себя духом» как способ опосредования связи произведения с современной жизнью, т. е. жизнью субъекта понимания.

XX в. связан с развитием структурализма, и в этой связи обновилась вся проблематика теории понимания. В результате таких изменений существенное значение получило введенное Соссюром противоположности между языком и речью [6]. В языке в рамках этого противопоставления выделяются большие фонологические, лексические, синтаксические и стилистические структуры, которые превращают единичные знаки в самостоятельные ценности внутри сложных систем независимо от их воплощения в живой речи. Противопоставление языка и речи привело к кризису герменевтики текстов. Пара ‘язык-речь’ отвергла основной тезис дильтевской герменевтики, согласно которому любая объяснительная процедура исходит из наук о природе и может быть распространена на науки о духе лишь по ошибке или небрежности. В соответствии с этим подходом всякое объяснение в области знаков и знаковых структур должно считаться незаконным и рассматриваться как экстраполяция, продиктованная «натуралистической идеологией». Между тем семиология, примененная к языку вне зависимости от его функционирования в речи, относится как раз к структурной модальности объяснения.

Распространение структурного анализа на различные категории письменного языка привело к окончательному отказу от противопоставления понятий ‘объяснять’ и ‘понимать’. Письмо является в этом отношении неким значимым рубежом: благодаря письменной фиксации совокупность знаков достигает того, что можно назвать семантической автономией, то есть независимостью от рассказчика, от слушателя, от конкретных условий продуцирования текста. Став автономным объектом, текст располагается именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения. Интерпретация больше не может быть понята без этапа объяснения, но объяснение, тем не менее, не способно сделаться

основой понимания, состоящей в формировании максимально автономных значений, рождающихся из намерения обозначать. От абсолютно неустранимой структуры дискурса как акта, посредством которого кто-либо говорит что-либо о чем-либо на основе кодов коммуникации, зависит отношение ‘обозначающее – обозначаемое – соотносящее’, т. е. **все то, что образует основу всякого знака**. Текст всегда есть нечто большее, чем линейная последовательность фраз. Он представляет собой структурированную целостность, которая всегда может быть образована несколькими различными способами. По мнению Рикера, в этом смысле множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации [5]. Появляется текстуальная полисемия по аналогии с лексической полисемией.

Понимание конституирует неустранимую основу интерпретации и потому предваряет, сопутствует и завершает объяснительные процедуры. Понимание предваряет объяснение как средство сближения с субъективным замыслом автора текста. Понимание создается опосредованно через отсылку к предмету данного текста, то есть миру, который является содержанием текста и который читатель может обжить благодаря воображению и симпатии. Понимание сопутствует объяснению в той мере, в которой пара ‘письмо-чтение’ формирует область интерсубъективной коммуникации и в этом качестве восходит к диалогической модели вопроса и ответа, описанной Коллингвудом [4] и Гадамером [2]. Наконец, понимание завершает объяснение в той мере, в которой оно преодолевает историческое, культурное и иное аналогичное расстояние, отделяющее интерпретатора текста от самого текста. Конечное понимание в буквальном смысле не уничтожает указанную дистанцию через некое эмоциональное слияние интерпретатора с текстом, оно скорее представляет собой игру в близость и преодоления расстояния, игру, при которой интерпретатор как посторонний тексту признается в качестве такового даже тогда, когда обретает некоторое родство тексту.

Известно, что мы сталкиваемся, как правило, с несколькими основными типами текстов: во-первых, это тексты, которые в данном культурно-историческом контексте допускают строго определенную интерпретацию. К таким текстам относятся приказы, инструкции и т. д. Возможность вариативности понимания в рамках таких текстов минимальна. Именно в этом случае мы можем говорить о понимании как повторении (человек по-

нимают, если он может повторить сказанное либо осуществить необходимое действие). К текстам с определенной интерпретацией относятся также информационные учебные тексты. Как правило, проверка понимания учебного текста происходит через способность обучаемого пересказать его. Однако, как показывает практика, такое воспроизведение не всегда бывает осмысленным. Только использование вопросно-ответной системы позволяет убедиться, достигнуто ли понимание. Понимание таких текстов может быть формализовано на основе знания лексических и грамматических структур и законов логики. Действия с такими текстами являются примерами «элементарного понимания», под которым подразумевается «просто перевод следующих друг за другом и воспринятых слухом предложений на собственный язык мысли» [1. С. 403]. В таком случае в связи с пониманием не возникает проблемы интерпретации, но существует проблема адекватного восприятия и отображения передаваемой информации.

Другую, несоизмеримо большую, группу составляют тексты с открытой возможностью интерпретации. Проблема понимания возникает, если существует ситуация нетождественности, различия, расстояние между субъектом и объектом понимания, между текстом и реципиентом в нашем случае. Понимание направлено на устранение различия, на сокращение этого расстояния. Всякое понимание – это сближение в плане смысла, но абсолютного тождества не может быть, так как в случае устранения всякого различия произойдет слияние понимающего и понимаемого, субъекта и объекта. Абсолютное тождество не является идеалом понимания. Понимание стремится к максимальному сближению, но различия всегда сохраняются. И такое различие стимулирует, с одной стороны, дальнейшее сближение, а, с другой стороны, указывает на различные уровни понимания. Понимание текстов с открытой возможностью интерпретации подразумевает творческий подход реципиента и вариантность результата. В этом случае, как нам кажется, понимание может идти двумя путями: либо через интуитивное улавливание смысла, подобно озарению, либо через детальную проработку текста с сопоставлением понятийного аппарата автора и реципиента.

В первом случае происходит принятие текста. Смысл всегда наличествует уже в самом тексте, но он скрыт за материей слов. Понимание не сводится к усвоению отдельных «единичных» смыслов. Для понимания характерно усвоение целых смысловых блоков. При сближении смысловых

блоков текста с системой знания и мировосприятия реципиента возникает ситуация принятия текста как своего. Однако такое понимание не гарантирует реального совпадения смыслов. Вполне вероятно, что такое понимание текста будет являться только мнением, своего рода гипотезой или ошибочным принятием текста как понятого.

Всесилие языка состоит в необходимости говорить не только с помощью слов, но и о словах. Складывается парадоксальная ситуация: смысл произнесенных слов раскрывается с помощью слов (и предложений), отличных от произнесенных. Если принять слово, предложение за некое имя, то ясно, что каждое имя, обозначающее объект, само может стать объектом нового имени. Складывается ситуация использования метаязыка (языка, на котором изъясняются о знаках, именах предметного языка). Для каждого из имен предметного языка должно существовать выражение метаязыка, раскрывающее смысл имен предметного языка. Смысл знака предметного языка витает в эмпириях метаязыка. Смысл – это метаязыковый двойник знаков, имен предметного языка. Смысл безразличен к универсальному и единичному, общему и частному, личному и коллективному, к утверждению и отрицанию, поскольку все перечисленные оппозиции являются лишь модусами знаков и выражений предметного языка, не являющимися аспектами их смысла. Смысл формируется речью на уровне предметного языка, но проявляется актуально только на уровне метаязыка.

Актуализируемый на уровне метаязыка смысл представляет собой некую константу, отличающуюся от своих актуализаций во времени и в конкретных предметных ситуациях речи. На этом последнем уровне смысл осуществляется многими способами, а каждый «потребитель смысла» выхватывает в условиях той или иной конкретной предметной ситуации какой-то отдельный аспект константного смысла, отличный от аспекта, «работающего» в иной предметной ситуации.

Таким образом, мы переходим ко второму способу понимания текста. На уровне предложений предметного языка, которые допустимо рассматривать в качестве особенной формы имен, с точки зрения количества смысл как некая метаязыковая константа не является ни частным, ни общим, ни универсальным, ни личным. С точки зрения качества он совершенно не зависит ни от утверждения, ни от отрицания. С точки зрения модальности он не является ни ассерторическим, ни аподиктическим, ни даже вопросительным (в модусе субъективной неопределенности или объективной возможности). С точки зрения от-

ношения он не сливается внутри выражающего его предложения ни с денотацией, ни с манифестацией, ни с сигнификацией. И, наконец, с типологической точки зрения он не совпадает ни с какой-либо одной «позицией» сознания: то есть интуициями и позициями восприятия, воображения, памяти, понимания, влечения и так далее.

Смысл подобен проблеме. Проблема порождает предложения, выражающие специфические потенциальные ответы на проблемный вопрос. Такие предложения манифестируют всего лишь субъективные акты вынесения решения. Если последовательно проводить параллель между смыслом и проблемой, то следует сформулировать положение: прежде чем выразить смысл в инфинитивной или причастной форме ('быть белым снегом', 'будучи белизной снега') желательно выразить его в вопросительной форме. Верно, что вопросительная форма понятна только на основе уже готового или потенциального решения проблемы (ответа на выражающий проблему вопрос). Но у вопросительной формы уже то преимущество, что она указывает путь к тому, что мы ищем. Вопросание – только тень намечаемой реконструкции проблемы. В этом качестве выступает и вопросительная формулировка смысла – она есть тень намечаемой реконструкции смысла. Проблему нельзя формулировать посредством предложений, выражающих потенциальные ее решения, потенциальные ответы на проблемный вопрос. Смысл также нельзя сформулировать с помощью предложений, являющихся потенциальными ответами на вопросительную формулировку смысла. Пока мы пытаемся выразить проблему и смысл в порождаемых ими предложениях, выражающих потенциальные решения и ответы, мы будем постоянно практиковать понимание того, что является условием, не через само это условие, но через обуславливаемое им. Проблема не является предложением, хотя и не существует

вне выражающих ее предложений. Точно так же и смысл не является материей языковых выражений, хотя и не существует без этой материи знаков. Как проблема обладает сущностной нейтральностью, ни в коем случае не являясь ни моделью, ни тенью, ни двойником выражающих ее предложений, так и смысл обладает сущностной нейтральностью, не являясь ни моделью, ни тенью, ни двойником представляющей ее материи знаков.

Мы постигаем текст через понятия, вступая в мысленный диалог с текстом, но отдаем себе отчет, что наше понимание текста не есть его смысл. Однако в этом случае учитывается не только лингвистическая и экстралингвистическая компонента смысла.

Таким образом, для понимания наибольшую сложность представляют тексты с открытой возможностью интерпретации. В этой ситуации понимание является творческим процессом, который ограничен смыслом, заложенным в текст автором, и отсутствием возможности открытого диалога для прояснения непонятого (в отличие от процесса непосредственной коммуникации).

Список литературы

1. Вежбицка, А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 402–421.
2. Гадамер, Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 486 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. Т. 4. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. М., 1959. 440 с.
4. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 485 с.
5. Рикер, П. Конфликт интерпретаций : (Очерки о герменевтике). М., 1995. 441 с.
6. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999. 425 с.

К. В. Букатчук (Ивано-Франковск, Украина)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СУБЪЕКТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале романов Владимира Рафеенко «Московский дивертисмент» и «Невозвратные глаголы»)

The article deals with some linguistic aspects of the psychedelic experience of the art subject in the Russian language, the material on Vladimir Rafeenko "Moscow Divertissement" and "Irreversible verb" described the phenomenon of psychological projection depth dimension in the world of human artistic expression; analyzed some aspects of the psychedelic experience in the light of Linguistic categories.

Keywords: stylistic means of expression, a psychedelic state of the art of the subject.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными, практическими задачами.

В современной лингвистической науке важное место занимает исследование языковой личности как художественного субъекта. Такой аспект науки о языке значительно расширяет и углубляет знания о языковом сознании, выводит филологическую науку на уровень синтеза с психологией, лингвопсихологией, психолингвистикой, культурологией и т. д. Анализ особенностей языковой личности в письменном художественном тексте эксплицирует ряд интересных и нерешенных до сих пор лингвистических и лингвопсихологических проблем, которые аккумулируются вокруг сознательных и подсознательных факторов и формируют речевой и когнитивный аппарат говорящего. Одной из таких проблем является необходимость определить и описать лингвостилистические средства выражения психоделических состояний субъекта в художественном тексте, поскольку они являются непосредственными иллюстрантами внутренних глубинных процессов языкового компонента подсознания. Исследование, проведенное под таким углом зрения, не только позволит продлить лингвистический анализ произведений художественной литературы в плоскость лингвопсихологических категорий, а также выявить специфические черты идиостилювой языковой концептосферы того или иного писателя.

Анализ последних исследований и публикаций, посвященных данной проблеме, определение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается статья.

Под психофизическим состоянием человека ученые понимают меняющееся состояние человека, эмоционально насыщенное, которое возникает под влиянием жизненных обстоятельств, состояния психики и ряда других факторов. Психические состояния, как и другие психические явления, существуют в виде переживаний и идей в сознании человека и в той части психики, которую называют «бессознательное» [3. С. 134]. Воздействуя на динамику психических процессов, психофизические состояния человека обладают способностью регулярно повторяться и, следовательно, вырабатывать устойчивость во время длительного периода. В таком случае, развития могут стать частью конститутивной природы субъекта. Регулярный процесс течения конкретного психофизического состояния, как утверждает Ю. Щербатых, оставляет в психике человека определенные специфические черты [7]. Они находят свое отражение в различных аспектах человеческого сознательного и подсознательного,

а также выражаются в особенностях поведения, мышления и речи.

Феномен психического состояния деятельности человека в современной лингвистической науке частично исследовали В. П. Белянин, Г. И. Богин, Л. М. Веккер, А. А. Залевская, Б. А. Зильберт, А. А. Леонтьев, Н. Непийвода, В. Ф. Петренко, Д. Романов, В. П. Руднев, Ю. Сорокин, Д. Спивак, И. П. Сусов, К. Фослер и др.

К этому времени в языковедческой науке психоделические состояния человека не анализировали в системе лингвостилистических средств выражения в художественном тексте, а также не определяли и ни описывали их идиостилювые особенности в русском языке на материале художественной литературы. Поэтому в исследовании особое внимание уделено этому аспекту.

Актуальность исследования определяется необходимостью системного изучения специфики речевой человеческой деятельности сквозь призму психофизических состояний, а именно – психоделических.

Целью статьи является рассмотреть некоторые лингвистические аспекты психоделических состояний художественного субъекта в русском языке; проанализировать психоделические аспекты психологии художественного субъекта в романах Владимира Рафеенко «Невозвратные глаголы» и «Московский дивертисмент».

Обращение к ужасающим глубинам подсознательного, по К. Хорни, считается достаточно макабрической гранью в самоанализе [6]. Как утверждает М. Кляйн, одним из психических механизмов защиты от внутреннего alter-монстра есть ироническая артикуляция предмета страха [1; 2]. Ее способность в определенной степени уничтожить угрожающий объект является терапевтическим фактором в процессе восприятия действительности. Когда же она реализуется в художественном тексте – есть основания полагать, что в психокультурном пространстве лингвальной действительности «бродит» материализованный сгусток угрожающей энергии. Когда же этот текст представлен в прозаическом романном мышлении – логично было бы признать его как коммуникативно-художественную попытку аналитической ретрансляции психоментальных моделей реальности в сознании субъекта. Одна из таких концептуальных моделей, выдержанная в иронично-гротескном тоне, отражена в романах Владимира Рафеенко «Невозвратные глаголы» и «Московский дивертисмент».

В современном украинском-российском лингвокультурном дискурсе (ведь автор – украинский русскоязычный писатель) текст ценен, в первую

очередь, тем, что его смыслоформа – виртуозное коммуникативно-психиатрическое моделирование действительности, на фоне которого всплывают интеллектуально-художественные рефлексии. И это пространство настолько тотальное, что напоминает минное аллюзийное поле: что ни шаг – то взрыв с какой-то гуманитарно-интеллектуальной сферы, что не остановка – ироничный рефлексивный отдых...

На первый взгляд, за ироническим характером нарратива кроется легкий интеллектуальный стеб, под которым традиционно маскируется жонглирование неприязнью к предмету повествования. Однако в этом романе ироническое проговаривание текста художественным субъектом – следствие работы глубинной психической защиты от встречи со сначала привлекательными, а затем устрашающими галлюцинациями в психоделических туннелях.

На лечебном эффекте иронического изложения в литературной сфере Владимира Рафиенка сосредоточено наименование произведения – «Московский дивертисмент», где сложность, серьезность, а иногда и трагедийность и т. д. отдельных ситуаций художественный интеллект на вербальном уровне трансформирует в плоскость непринужденно-легкого словесного тона. И если упустить из виду глубинный смысл и сосредоточиться только на глубинной форме – то текст действительно был бы развлекательным интеллектуальным словоплетением с аллюзийными реминисценциями, что на лингвокультурологическом уровне предполагает буквальная трактовка концепта ‘дивертисмент’. И в контекстуальном окружении художественной энергетики наименование произведения приобретает зеркальный эффект: то бросается в суголосие с иронической окраской нарратива, то диссонирует со смысловой психологической напряженностью своим относительно игривым изложением.

Последний названный фактор приводит к психоколлизии, которая развита в романно-текстовом переосмыслении до уровня патологии.

Условно нарратив романа Владимира Рафеенко «Московский дивертисмент» можно идентифицировать как психоделический гротеск подсознания. Текст построен на психофизическом смещении время-пространственных миров, который изводит самих героев: «Я устала каждый раз проваливаться в нарисованную твоей фантазией сказку, которая не имеет ни конца, ни начала, ни логики, ни разумных законов» [4]. Вместе с тем, внести рациональную гармонию в гротескные уловки невозможно, как отмечает художественный интеллект: «Ты не дура, нет, ты просто пер-

сонаж. А персонаж идет своим путем и не может уклониться от него» [4].

Иными словами, в романном мышлении «Московского Дивертисмента» *ratio* становится зависимой единицей иррационального, продуцирует империал гротеска, патологического безумия. Он проговаривается в тексте относительно ровным тоном, который не выделяется из нарративного потока как несуразная кульминация, хотя и приобретает местами экспрессивную окраску.

В отдельных эпизодах сюжетно-стилевые аналогии можно провести с романом Кристофа Рансмайра «Последний мир», где одному из главных героев, Котти, появляется Многоглазое чудовище – пастух, – а в «Московском дивертисменте» Владимира Рафеенко возникает чудовище человеческого роста – крыса как материализованный объект страха персонажа Матфея. В обоих романах текстуальные субъекты действуют в хаотических временно-пространственных смещениях, порожденных психоделическим восприятием субъективной действительности, которая в каждом случае претендует на объективную реальность. В лингвистическом свете такие художественные трансформации являются лишь стилистическими приемами и средством синтезировать историческую действительность и миф с настоящим, в психоаналитическом – это классические мутации рационального под скальпелем психоделии.

С интеллектуально-эстетической точки зрения в «Последнем мире» К. Рансмайра в основном текстово аллюзируются «Метаморфозы» Овидия Назона, а в «Московском дивертисменте» В. Рафеенко – в основном «Илиада» Гомера и «Щелкунчик...» Гофмана. При этом в обоих романах общественно-исторические пространства фактически лишены доминантной семантической нагрузки – значение имеют только индивидуально-психические факторы отдельно взятых характеров героев, это лишь подтверждает субъективность видений действительности отдельно взятого сюжетного лица: «Я сказал раскинутой вокруг меня реальности – ты заблуждение! Ты заблуждение и вуаль и только в видениях сердца правда и смысл» [4].

Однако такая психоэгоцентричность художественных субъектов в текстах Владимира Рафеенко выливается в гипертрофированные материализованные формы страхов, травм, девиаций, перверсий, что перерастает в ярко выраженные душевные болезни.

В подсознательной текстуальной сфере «Московского Дивертисмента» акценты разложены на психофизических патологиях, которые репрезентируются в лингвопсихологических концептах:

мизогиния, садизм, комплекс кастрации, гомосексуализм, инцест, шизофрения, наркозависимость и др. Они в определенной степени являются полноценными действующими персонажами, со своими предпосылками, причинами, историями-ситуациями и окончаниями.

«Не люби женщин! Не люби их! Они злые, злые, злые! Они сначала завоюют тебя, а потом будут по кусочку отгрызать тебя» [4] – так выглядят симптомы женоненавистничества персонажа романа, Фрица Штальбаума (Виолетты), который устраивает истерику своему любовнику (мужу своей сестры). Корни агрессии и неприкрытой ненависти к противоположному полу – в раннем детстве. По его мнению, мать не уделяла ему достаточно внимания, особенно когда тот был долгое время в больнице. То обстоятельство, что она ухаживала дома за дочерью, которая тоже заболела, не оправдывают в глазах Фрица отсутствие материнского тепла. Отсюда и агрессия к сестре Марихен (Джанет), а затем – к всем женщинам как ее обобщенному образу.

Активная мизогиния прослеживается и в психике Щелкунчика (Трахера, врача, мужчины Джанет): «...я мечтал о том, чтобы вынуть из кармана моего халата молоточек и зубило, а может и пальцы со скальпелем и насладиться ее стонами...» [4]. Если у Фрица ненависть к женщине имеет пассивный характер, то в Щелкунчика она проявляется через жажду власти над ней: «...она шла к столу, схватив меня за ногу и помахивая мной в воздухе, как будто я был бездушной, глупой, тривиальной вещью, а не ее будущим обладателем, повелителем, мужчиной, ее гинекологом» [4].

В сознании Щелкунчика (еще когда он был игрушкой) развивалась навязчивая идея – дотянуться до розовых пяток Марихен, таким образом, завладеть ею.

В классической форме материальным воплощением комплекса кастрации является героиня Джанет. В определенный момент взаимоотношений с любимым она ведет себя как инфантильный мужчина – бросает беременного Патрокла. Такая имитация эгоистического маскулинного сценария свидетельствует об отсутствии последовательных материнских инстинктов в феминном образе. Сначала они проявляются к любимому Патроклу, поскольку тот намного младше ее. Эта сентенция прямым текстом оказывается в романе: «...над ней постоянно тяготеет тот факт, что она у меня только одна из трех главных женщин. Да-да, не смотри на меня так. Их у меня три. Кого три, Патрокл? Три матери» [4].

В неклассической форме комплекс кастрации реализуется в образе Фрица, который, боясь быть

оскопленным, – «...а потом будут по кусочку отгрызать тебя» [4], – на подсознательном уровне «окультуривает-смиряется» с ним, называя себя Виолеттой и одеваясь в женскую одежду.

Уже в романе «Невозвратные глаголы» намеки на садистские оральные импульсы присутствуют в коммуникации феминного субъекта: «Да, сколько ее помню, у нее в руках всегда были нож и вилка», « – не думай о колодце, – сказала Мэй и укусила мне запястья. <...> На руке выступила кровь» [5]. Поэтому в «Московском дивертисменте» садистический фактор в женском образе достигает апогея, когда девочка Марихен (во взрослом возрасте – Джанет) ночью рубит игрушечным оружием армию мышей во главе с мышинной королевой – маленькая девочка упорно рубит, густо забрызгана кровью.

В тексте катализатором женского садизма в основном являются мужчины: «...первое правило каждого беременного мужчины – быть настороже и не дать уничтожить плод! Не дать грязным женским рукам дотянуться до него и высосать из себя это живучее жизни» [4]. Факт мужской беременности имеет поливалентную лингвопсихологическую трактовку: буквально-физиологическую как аллюзию на античные образы, буквально морально-физиологическую как соучастие мужа в беременности женщины, и чисто психологическую – интеллектуально-творческий креативный акт, который может не осуществиться из-за материально-бытового женского сознания. Однако женский садизм в тексте – только одна из разновидностей садизма. Гораздо более масштабно представлен тоталитарный имперский садизм в образе обладателя леса – медведя, который управляет своим царством агрессивными механизмами. Такая прозрачная фольклорная аллюзия отражает психотип обладателя-шизофреника: «Вот теперь ты понял, сынок, всю тяжесть моего положения, весь дьявольский замысел власти на Руси! Не могу, сынок, есть, плачу, страдаю, стихи пишу пронизательные, интервью даю в “Нью-Йорк Таймс” и “Дейли Телеграф”. Но эм! Ради России, ради государственности» [4].

Отношения Патрокла и Джанет в какой-то мере несут инцестуальный характер. Она гораздо старше его. Заботится и обеспечивает – проявляет к любовнику материнские инстинкты. У него же наблюдается мощная фиксация на материнском объекте. В «Невозвратных глаголах» В. Рафеенко развивает эту тему в образе Хатиры: «Сами подумайте, как может быть что-нибудь плохое в мире, где есть Мама, Сахар и Хотиро?», «Сейчас я думаю, что для Хотиро эти слова означали вообще все» [5]. Стоит уточнить, что Хотиро был зрелым

мужчиной и, кроме слов 'мама' и 'сахар', почти ничего не говорил. Явно не нуждался в других высказываниях, поскольку в круг удовольствий онтологических проблем входили только эти.

Эдипов комплекс реализуется в ряде маскулинных образов писателя: в Патрокле («Московский дивертисмент»), Хатири и Зябко («Невозвратные глаголы»). У последнего аналогичная ситуация, что и в «Московском дивертисменте»: «Сацуки казалась Зябко вполне взрослой женщиной. Зябко льстило, что она на двенадцать лет старше и она преподаватель консерватории. Его возбуждало, что она преподаватель именно по классу фортепиано» [5].

Одна из сюжетных линий романа Владимира Рафеенко «Московский дивертисмент» интерпретирует Патрокла и его окружающей действительности как психонавта. Под воздействием наркотиков в состоянии измененного сознания студент филфака галлюцинирует. Реальность вокруг него трансформируется в гротескные психоделические видения. Иллюзия восприятия художественного субъекта следует из внутренних психотических проекций на окружающую действительность. В основном проявляется в под-сознательной системе высвобожденных ужасающих объектов.

Выводы. Психоделическое состояние художественного субъекта в русском языке представлено в лингвопсихологичных концептах, построенных на основе перверсивных состояний человека. В художественных текстах Владимира Рафеенко «Невозвратные глаголы» и «Московский дивертисмент» представлены такие психоделические состояния художественного субъекта, как мизогиния, садизм, комплекс кастрации, гомосексуализм, инцест, шизофрения, наркозависимость и другие, которые репрезентируются лингвостилистическим аппаратом русского языка.

Список литературы

Список литературы

1. Кляйн, М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах // Развитие в психоанализе / М. Кляйн, С. Айзекс, Дж. Райвери, П. Хайманн. М. : Академ. Проект, 2001. 213 с.
2. Кляйн, М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах // Развитие в психоанализе / М. Кляйн, С. Айзекс, Дж. Райвери, П. Хайманн. М., 2001. 434 с.
3. Психология : слов.-справ. / под ред. Р. С. Немова. Т. 2. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 134 с.
4. Рафеенко, В. Московский дивертисмент : роман. М. : Текст, 2013. 176 с.
5. Рафеенко, В. Невозвратные глаголы : роман [Электронный ресурс]. URL : <http://magazines.russ.ru/sp/2010/12/ra2.html>.
6. Хорни, К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза [Электронный ресурс]. URL : http://www.psychol-ok.ru/lib/horney/nvk/nvk_01.html.
7. Щербатых, Ю. В. Дифференцировка психических состояний и других психологических феноменов / Ю. В. Щербатых, А. Н. Мосина. Казань : Новое знание, 2008. 579 с.

Ю. П. Вышенская (Санкт-Петербург, Россия)

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СТИЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

The article deals with the esthetic component as one of particular features of the belles-lettres style. The style is thought to be the result of the very nature of the analyzed category to adopt proper contents determined by a certain context. When analyzing the very linguistic phenomena are regarded equal to other phenomena belonging to the humanitarian range of concepts.

Keywords: style, belles-lettres style, esthetic component, element, literary text, text structure, correlation.

Многозначность стиля художественного произведения как частного феномена понятия 'стиль' является одной из важных его характеристик, определяемой принадлежностью к понятиям гуманитарного характера, что проявляется

в применении его в разнородных сферах, и, как следствие, влечёт способность стиля «принимать разное содержание» [14. С. 113].

В качестве варианта такого содержания выделяют эстетическое, при трактовке последнего

как «области выражения или выразительности» [12. С. 184], что в той или иной степени находит отражение в существующих определениях художественного стиля.

В качестве примера и рабочего определения в данном исследовании принимается определение М. Н. Кожинной и представителей её школы, согласно которому анализируемое явление предстаёт как «один из функциональных стилей, характеризующих тип речи в эстетической сфере общения: словесных произведениях искусства» [8. С. 594].

Таким образом, изучение эстетики стиля художественного произведения предполагает анализ стиля как элемента системы «понятий, характеризующих целостность и внутреннюю структуру литературного произведения» [6. С. 257]. Данный подход является частным случаем изучения проблемы целостности произведений искусства. Как указывает М. Сапаров, «их завершённость в себе и удивительная жизнеспособность» – следствие некой всеобщей основополагающей эстетической закономерности, поскольку данная характеристика обязательным образом включается в понятийный аппарат сколько-нибудь значительного эстетического учения на протяжении всей истории развития науки [16. С. 155].

Целостность художественного текста основывается на фундаментальном положении эстетики, представленном в трудах А. Ф. Лосева, согласно которому вся система выразительности образуется посредством синтеза планов внутреннего и внешнего [12. С. 184]. Категории внутреннего (содержание) и внешнего (форма), которые философская мысль позволяет дифференцировать и конкретизировать до категорий ‘структура / элемент’ [12. С. 90] **вступают в отношения «нерасторжимого единства»**, являясь его «взаимопроницаемыми сторонами, двумя аспектами» [12. С. 110].

Художественный текст, по замечанию А. А. Леонтьева, «обслуживает особую форму общения – общения искусством» [11. С. 29]. От материала других областей искусства языковые формы отличаются специфические свойства, что подразумевает наличие у словесного материала «как всеобщего достояния» своей собственной материальной оболочки и содержания, то есть «оформленности до акта творчества» – целенаправленного использования языковых единиц разного калибра, имеющих своё собственное содержание, для выражения «художественных смыслов» – мыслей художника о феноменах реальной действительности [17. С. 214]. Взаимодействие словесного искусства и естественного языка, как отмечает

Ю. М. Лотман, заключается в преобразовании последнего в свой язык искусства [13. С. 69].

Одним из первых представителей подобного подхода в отечественной науке является Б. А. Ларин, который указывает на подчинённость «системы применения языковых элементов в литературном творчестве» эстетическим свойствам литературных видов речи и, в связи с чем, отмечает важность первостепенной направленности на их изучения «как отличительных» [10. С. 28].

На обретение языковыми элементами качественно новой эстетической природы как результата процесса транспозиции (моделирования художественного текста) при вовлечении в принципиально иную систему художественного текста указывает Г. О. Винокур, для обозначения этого феномена им вводится термин ‘поэтический язык’, отличающийся многогранностью. В зависимости от специфики употребления он может обозначать особую традицию словоупотребления (стиль речи), особые экспрессивные свойства языка, образный язык [5. С. 26–27].

Близким приведённым выше определениям транспонированных в структуру художественного текста языковых форм можно рассматривать термин А. Ф. Лосева ‘художественное слово’, которое как частное проявление художественного является «материальной сферой, материальным и физическим воплощением тех или иных эстетических форм», входит в арсенал используемых художником материальных средств для воплощения и конструирования эстетического переживания.

Художественное слово, таким образом, сочетает в себе эстетические и материальные начала, при этом материальное превалирует, поскольку слово является «намеренным созиданием тех или иных вещей, несущих в себе ту или иную эстетическую значимость» [12. С. 185–186], являясь результатом творческой деятельности, в которой она находит целостное и одновременно конкретное отражение [7. С. 169].

Материальная доминанта определяет основные черты стиля художественного произведения – созерцательность и утилитарность, поэтому художественный стиль не просто эстетичен, но «ещё есть материальное и чисто физическое воплощение этого эстетического» [12. С. 219].

Непременность материального воплощения эстетических впечатлений художника и его ориентировок в жизни [12. С. 219] называется А. Ф. Лосевым обязательным условием возникновения художественного произведения, с чем сопряжено ещё одно понимание художественного стиля, также связанное с присущей ему мате-

риальностью и динамичностью художественного текста, отмеченной выше.

Условие возникновения произведения словесно-художественного творчества находит отражение в многочисленных существующих дефинициях художественной литературы и образующих её текстов.

Художественный текст в трактовке В. Г. Адмони – «возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника духовное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания» [1. С. 120].

Согласно дефиниции В. И. Провоторова: «Словесное произведение – художественное переосмысление материала жизни в содержание произведения» [15. С. 22–24].

С материальностью художественного стиля связаны не только новые эстетические качества, обретаемые языковыми формами при вовлечении их в структуру художественного текста, – целостной идейно-художественной системы, в которой все элементы взаимодействуют и соотношены с целым, но также и новые связи, в которые вступают транспонированные языковые элементы. Характер такого рода связей заключается в способности целого выявлять свойства частей, а частей нести «в себе предопределение целого, выражать его природу» [9. С. 158], что и придаёт смысл всему произведению [15. С. 22–24].

В рамках подобного понимания художественный текст «предстает как своеобразное саморазвитие создаваемого художественного мира, а каждый элемент произведения несёт на себе отпечаток этого мира, являясь одним из моментов его развёртывания», поэтому нельзя представить структуру художественного текста в виде конструкции из готовых деталей, поскольку «специфически значимые элементы не существуют заранее, а создаются в процессе творчества как моменты становления художественного целого» [6. С. 258].

Нередко для описания текстовой структуры и образующих её частей используются архитектуроморфные метафоры, в основу которых положено сравнение со зданием и строевыми элементами, что определяется двойственной природой текста, который возможно рассматривать как материал, и в то же время как продукт из него – материал, которому придаётся некая конструкция, спроектированная по законам ассоциативного метафорического мышления. В данную терминологию органично вписывается ещё определение художественного стиля, предложенное А. Ф. Loseвым, – принцип конструирования самого художественного произведения, взятого в полноте и

толще, во всём его художественном потенциале. Принцип конструирования необходимым образом характеризует собой всякий художественный стиль [12. С. 219]. При этом проявляются присущие художественному стилю выразительность и эмоциональность, поскольку в основу художественного мышления положена образная аналогия, «порождаемая самой эстетической природой искусства» [2. С. 88].

При изучении стиля художественного произведения важно иметь в виду, что объём этого понятия не исчерпывается «материальным субстратом» – языковыми формами, хотя словесному материалу и способу его организации среди прочих составляющих форму художественного текста элементов отдаётся приоритет. Соотнесённость стиля с прочими содержательными категориями (идеями, образами, сюжетом), с которыми языковые формы наиболее неразрывно связаны, как указывает Г. В. Степанов, нельзя игнорировать [17. С. 4].

При изучении стиля художественного целого в рамках подхода к художественному целому как целенаправленного процесса, в котором стилю отводится роль ‘стержня’ [3. С. 65], следует обратить внимание ещё на один специфический нюанс.

В формулировке В. Г. Адмони художественный стиль предстаёт не только способом фиксации «реально данной ткани мира», но также и проникновения «за её пределы к образующим эту ткань глубинным закономерностям <...> в эмоционально-наглядной семантике и в звучании речевого ряда» [1. С. 116].

Представители этого подхода существуют и в среде зарубежных лингвистов, которые, рассматривая художественное произведение как эстетический объект, продукт культуры, подчёркивают невозможность механического переноса объективной реальности в художественную среду, а поэтому в литературном произведении следует искать законы искусства [18. С. 70; 19. С. 178 и др.].

Подобный подход предполагает общность конструктивно-стилевых векторов построения художественного произведения вне зависимости от исходного материала его создания и позволяет производить анализ литературно-художественного целого с использованием эстетических принципов социально-культурной среды определённой эпохи.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Система средств речевого высказывания. СПб. : Наука, 1994. 153 с.

2. Азнаурова, Э. С. Прагматика художественного слова. Ташкент : Фан, 1988. 121 с.
3. Боров, Ю.Б. Художественный стиль, метод и направление // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М. : Наука, 1982. С. 76–90.
4. Бушмин, А. С. Наука о литературе : (Проблемы. Суждения. Споры). М. : Современник, 1980. 334 с.
5. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы. М. : КомКнига, 2006. 328 с.
6. Гиршман, М. Стиль литературного произведения // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М. : Наука, 1982. С. 257–301.
7. Громов, Е. С. Искусство и герменевтика в её эстетическом и социологическом измерениях. СПб. : Алетейя, 2004. 335 с.
8. Кожина, М. Н. Художественный стиль речи / М. Н. Кожина, Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 594–608.
9. Корман, Б. О. Изучение текста художественного произведения. М. : Просвещение, 1972. 110 с.
10. Ларин, Б. А. Эстетика слова и языка писателя. Л. : Худож. лит., 1974. 285 с.
11. Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М. : Наука, 1979. С. 18–37.
12. Лосев, А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. Киев : Collegium, Киев. Акад. евробизнеса, 1994. 288 с.
13. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.
14. Маркевич, Г. Основные проблемы науки о литературе : пер. с польск. / общ. ред. и предисл. М. Я. Полякова. М. : Прогресс, 1980. 375 с.
15. Провоторов, В. И. Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка). М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. 140 с.
16. Сапаров, М. Художественное произведение как структура // Содружество наук и тайны творчества. М. : Искусство, 1968. С. 152–173.
17. Степанов, Г. В. Содержательный и формальный аспекты в литературно-критическом анализе художественного произведения // Язык и стиль писателя в литературно-критическом анализе художественного произведения. Кишинёв : Штиинца, 1977. С. 3–13.
18. Stankiewicz, E. Linguistics and the Study of Poetic Language // Style in Language. Cambridge : The The M.I.T. Press. Massachussets Institute of Technology, 1968. P. 69–82.
19. Welleck, R. Theory of Literature / R. Welleck, A. Warren. L. : Penguin Books Ltd, 1973. 375 p.

А. Ф. Гершанова (Стерлитамак, Россия)

ИМПЛИЦИТНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ

This paper investigates the structure of artistic appreciation, its means of representation. This paper analyzes the semantics of evaluative words. We investigate linguistic units verbalized meanings implicit evaluation in artistic texts Nabokov.

Keywords: artistic text, discourse, evaluation, implicit, interpretation.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что изучение категории оценки в лингвистике сосредоточено на процессах и механизмах оценивания с самых разных научных позиций и подходов (Г. В. Колшанский, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Л. О. Чернейко, Т. В. Маркелова, Е. Ю. Мягкова, Н. Н. Миронова, Л. А. Сергеева, В. К. Харченко, О. А. Новоселова, Т. В. Писанова, Н. Н. Болдырев, Т. А. Трипольская, Н. А. Лукьянова, Г. Ф. Гибатова и др.). При этом процесс и условия формирования оценочных смыслов находились за пределами научного

интереса. Художественный дискурс, в котором осуществляется взаимодействие сознаний автора и читателя, опосредованное текстом, влияет как на механизмы, обеспечивающие функционирование оценочных единиц, так и на способы репрезентации оценочных смыслов. Это позволяет говорить о художественной оценке как особой индивидуально-субъективной форме преломления окружающего мира, а также открывает новые возможности для интерпретатора художественного текста. Все это обуславливает актуальность данной работы.

Художественный текст как сложное образование обладает системой категориальных признаков, одним из которых является имплицитность. «Когда говорят об имплицитности, имеют в виду, что говорящий чего-то “недовложил” в свою речь, которую, тем не менее, адресат способен понять и “доинтерпретировать” (часто имея полное право потребовать от собеседника “отстоя и долива” речи). Техника понимания имплицитности как раз и состоит в установлении того, что же недовложено и как следует восполнить этот пробел, опираясь на сам текст, на обстоятельства его восприятия, а иногда даже на знание жизненного пути автора речи» [6. С. 38]. Деятельность читателя заключается в постоянном переходе с плана повествования (авторского плана) на план дискурса (плана персонажей, плана конкретных эпизодов, событий, обуславливающих состояние и настроение персонажей), т. е. от локальной интерпретации (интерпретации фрагмента) к глобальной. Имплицитность художественного текста связана с категорией цельности, благодаря которой процесс восприятия текста предполагает как последовательное понимание отдельных фрагментов, смыслов, так и понимание текста в целом. Переход к глобальному пониманию текста необходим, когда степень информационной неполноты становится очень высокой либо превышающей допустимый «порог сложности». Глобальное понимание позволяет оценить текст как модель, соотносимую с другими моделями. При этом информационно-энергетическая емкость текста возрастает, поскольку чтение «крупным планом» предполагает активизацию всех ресурсов хранимого знания и экспликацию части имплицитного знания. В результате такого чтения-понимания в сознании читателя создается проекция текста, сам читатель выступает в роли автора новой «сконструированной» реальности текста.

Простор для интерпретации авторского текста обеспечивают языковые средства, объективирующие имплицитное знание в дискурсе. Под дискурсом (а речь идет о художественном дискурсе) мы будем понимать взаимодействие читателя и текста (и через текст автора). Это взаимодействие, с одной стороны, обусловлено интенциями автора, который, посредством языковых средств, репрезентирующих его смыслы, удерживает читателя в рамках интерпретации, а с другой стороны, посредством тех же языковых средств, дает простор для интерпретации, в процессе которой читатель может /не может привнести в текст новое, предполагаемое/непредполагаемое автором.

Имплицитное знание выводится читателем только в процессе его восприятия текста. Что и

делает читателя обязательным элементом дискурса, в котором авторский замысел разворачивается. Таким образом, художественный дискурс – это одновременно и процесс актуализации авторских смыслов в читательском сознании, и результат творения новой читательской реальности (нового текста). Причину многовекторности интерпретаций художественных смыслов сформулировал Л. Н. Толстой: «Каждое художественное слово тем и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений» [15]. Таким образом, отличие «художественного» слова от нехудожественного заключается в его высокой концентрации скрытого смысла, глубокой образности, способности порождать многочисленные ассоциативные проекции [8].

Высокой степенью смысловой и эмоциональной насыщенности, образностью, раскрывающейся в художественном дискурсе, обладают языковые средства, имплицитно репрезентирующие авторские смыслы. «Имплицитность – это смысл, необходимый для прагматической интерпретации высказывания, при этом под прагматической интерпретацией высказывания понимается интерпретация, которой приписывается статус значимой и необходимой в конкретной ситуации общения» [7. С. 34].

Имплицитность обуславливает читательскую генерацию смыслов в процессе интерпретации, поскольку то, что не высказано явно и намекает на что-то иное, является источником читательских проекций в художественном дискурсе. При этом знание общих правил интерпретации не ограничивает читателя. «Из всего спектра возможных интерпретаций, обусловленных семантической структурой текста, слушатель может свободно выбирать те, которые предпочитает» [5. С. 39]. С другой стороны, художественный дискурс заставляет читателя постоянно совершенствоваться в поисках того, что же сказал автор, и еще более внимательно вчитываться в его язык. Особенно когда автор и в каждом из своих произведений проводит серию разнообразных испытаний, своеобразный лабораторный анализ возможностей слова, реализующего в семиотическом плане авторское видение мира [10. С. 100–112]. Таким автором в полной мере можно считать В. В. Набокова, необычный стиль которого сам по себе есть его стратегия художественного общения, хотя именно он и вызывает самую разнообразную реакцию читателей: «красивое плетение эффектных фраз», «мир сложных словесных фигур, сложных форм и движущихся манекенов», «принцип изобретательного деко-

ратора-стилиста» [12. С. 4]. «Щедрый вообще, в “Даре” Сириин как бы решил проявить совершенную расточительность. Иногда в одну фразу он вкладывает столько разнообразного материала, сколько другому, более экономному или менее одаренному писателю, хватило бы на целый рассказ. Впрочем, эту замечательную (может быть, самую замечательную) сторону сириинского дарования вряд ли способен по достоинству оценить “широкий читатель” и даже “широкий писатель” нашего времени» [16. С. 195–198]. «Слова и фразы у Набокова соединены не столько по принципу логики, сколько по принципу звукового жеста, звуковых и иных ассоциаций: игра слов, каламбур, паронимазия следуют иногда в тесном соседстве, образуя особенность словесной ткани» [1. С. 92–115].

Своеобразие языка произведений В. В. Набокова заключается в его повышенной имплицитности, недоговоренности либо «чрезмерном многословии», за которым следует искать «восхитительную изнанку», ключ к интерпретации авторских смыслов.

Любое литературное произведение содержит в себе индивидуально-авторский способ восприятия мироустройства, т. е. один из вариантов концептуализации мира. Выраженные в литературной форме представления автора есть система знаний о мире, направленных читателю. В этой системе наряду с универсальными общечеловеческими знаниями содержатся индивидуальные представления, измерения и оценки и способы их репрезентации, иногда отличные от общепринятых в языке. Отклонения несут дополнительную художественную информацию (иногда прямо противоположную), и задача исследователя заключается в ее извлечении. Обладая высоким аксиологическим потенциалом, художественный текст создает систему ценностей / антиценностей [9], оценок в индивидуальной картине мира автора, которые эксплицируются и имплицитно выражаются в языковых значениях.

Оценка – это категория, обусловленная вторичным (субъективным) членением мира, в «основе которого лежат не реальные свойства предметов и явлений, а лишь наши субъективные от них впечатления, наши эмоциональные реакции на них и умственные заключения об их роли в нашей жизни» [3. С. 55–62]. И если для выражения субъективного впечатления говорящий, как правило, использует в соответствующей ситуации языковые средства с общеоценочной и частнооценочной семантикой (хорошо / плохо, красиво / некрасиво, нравится / не нравится), мир, объективированный в художественном тексте, всегда субъек-

тивен и индивидуален, он изначально оценен, от-рефлексируется, эмоционально пережит автором.

Когда мы имеем дело с интерпретацией художественного текста, выявление средств выражения оценочных смыслов, оценочных стереотипов, аспектов оценки и пр. становится актуальным.

Анализ репрезентаций оценочных смыслов в языке художественных текстов В. В. Набокова позволил нам выявить, по крайней мере, два способа представления оценки:

1) типичный, общепринятый, обусловленный стереотипным знанием об объектах оценки и количественных и качественных признаках, по которым производится сравнение и оценивание,

2) индивидуально-авторский, обусловленный авторской же системой ценностей, объектов оценки, шкалой и признаками оценивания.

«Когда мы говорим, что улица широкая, подразумевается, что улицы могут быть разной ширины и что данная улица располагается в некотором ряду, где улицы расположены по нарастанию / убыванию этого признака. Большое дерево соответственно предполагает ряд, в котором помещают деревья разной величины. Только сравнив А с Б, можно сказать, что А – большое, а Б – маленькое» [см. более подробно: 4].

Примером типичного способа репрезентации оценки может быть выражение отношение субъекта к объекту оценки посредством соответствующей лексики: *истово люблю, горячо люблю, люблю, выбрасываю целиком автора (писателя)*; свойства объекта, к которому относится оценка: *огромный (красный) корабль / гигантский корабль, большая (старая берлинская) квартира / небольшая (трогательно роскошная) квартира* и т. п.

Художественная оценка может оценивать то, что обычно «безразлично оценке». Взгляд художника иначе воспринимает явления, «взаимодействие субъекта с которыми отсутствует или настолько слабо, что их ценность равно нулю» [цит. по: 4. С. 17]. В художественном тексте любая деталь имеет значимость, а потому может быть оценена:

Жирные кресла, стеклянный стол-гигант.

Канцелярская, большая, неказистая, с голыми, вздрагивающими окнами, задыхалась от нагромождения пыльной, грязной мебели [Здесь и далее цитируется по [11]].

Забавно-обстоятельный слог, кропотливо вкрапленные наречия, застревание мысли в предложении и неловкие попытки ее оттуда извлечь, долбящий, бубнящий звук слов, ходом коня передвигающийся смысл в мелочном толковании своих мельчайших действий, прилипчивая нелепость этих действий.

Любопытно, что вне контекста данные объекты (кресла, стол, канцелярская, слог, звук слов) не могут быть маркированы знаком «+» или «-». Таким образом, художественный дискурс создает условия, в которых любой предмет становится функционально значимым, следовательно, оцениваемым. Критерии оценки также могут иметь субъективный характер, восходящий к ценностным установкам автора, для которого предметы окружающего мира несут отзвук отношения к их владельцам (примеры выше) либо знак «самостоятельной одушевленности»: *Мебельный фургон, очень длинный и очень желтый, запряженный трактором с гипертрофией задних колес и более чем откровенной анатомией* – наличие интенсификаторов ‘очень’ и ‘более чем’ вносит в описание предметов эмоционально-оценочный элемент и делает их «небезразличными» для оценки.

Ср. также: *жиденькая, удобозапоминаемая лирика, жадно ждущая переложения на музыку, как избавления от бледной немочи слов*

Вышеприведенный пример содержит иронию, которая усиливает отрицательную оценку объектов, представленную имплицитно. Имплицитность художественной оценки в свою очередь актуализирует вопрос о структуре оценочной шкалы, на которой находится целый ряд признаков, способных двигаться по нарастающей / *убывающей*, по интенсификации / *дезintenсификации* признаков, учитывающей присутствие / *отсутствие* крайней точки для данного признака и, возможно, еще ряд параметров. Таким образом, свойством шкалы оценок является прежде всего признак нарастания, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения количества данного признака [1. С. 332–333; 13. С. 43–78]. Однако, как показывает анализ репрезентаций оценочных смыслов, они не градуируются: *полная неосведомленность об окружающем мире* – не противопоставляется неполной (частичной) неосведомленности, также как и *полная неспособность что-либо именовать*.

Но поскольку отсутствие степеней выраженности признака, по которому может оцениваться объект, противоречит сущности оценки, мы можем сделать вывод об имплицитности шкалы художественной оценки.

Обратим внимание на еще одну особенность художественной оценки. Анализ лексических средств, которыми репрезентируются оценочные смыслы, позволил нам выявить группу лексем, оценочное значение которых проявляется лишь в контексте. Т. е. вне художественного контекста данные лексические единицы, не являющиеся на системно-языковом уровне оценочными, выра-

жать оценочное отношение говорящего к предмету речи не могут [см.: 14. С. 29]. Так, например, относительное прилагательное ‘пушкинский’ в языке В. В. Набокова приобретает оценочное значение, поскольку входит систему его оценок: *С голосом Пушкина сливался голос отца; Ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца; Он вслушивался в чистейший звук пушкинского камертона; Он питался Пушкиным, вдыхая Пушкина – у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме.*

Объяснение этому прецеденту дает сам автор: *Мерой для степени чутья, ума и даровитости русского критика служит его отношение к Пушкину.*

Таким образом, оценочным компонентом для таланта (слога, стиха, ритма, читательских способностей) становится признак абсолютной оценки ‘пушкинский’. В оценочной шкале он будет иметь положительный маркер, противостоять же ему будет условное отсутствие признака. Следует отметить, что относительные прилагательные типа ‘лермонтовский’, ‘чеховский’, ‘бунинский’ и пр. в языке В. В. Набокова не встречаются, что подчеркивает особую функциональную значимость прилагательного ‘пушкинский’, которое в художественном контексте не только приобрело оценочное значение, но и получило статус критерия оценки разных объектов, т. е. перешло в разряд качественных прилагательных. Такой же процесс можно наблюдать на примере прилагательных ‘адский’, ‘райский’, ‘немецкий’.

Проведенные исследования позволили наметить некоторые выводы: художественный дискурс создает определенные условия, в которых имплицитность текста, некоторая недосказанность автором, открывает новые возможности для читательской интерпретации, с одной стороны, а с другой, позволяет выявлять скрытые механизмы, обеспечивающие функционирование оценочных единиц, репрезентирующих авторские смыслы, а также увидеть структурные особенности художественной оценки.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М. : Наука, 1999.
2. Берберова, Н. Курсив мой // *Вопр. лит.* 1988. № 1. С. 234–236.
3. Васильев, Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // *Исследования по семантике.* Уфа : Изд-во БГУ, 1996. С. 55–62.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / *вступит. ст. Н. Д. Арутюновой.* М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 208 с.

5. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
6. Демьянков, В. З. О техниках понимания имплицитности речи // Семантико-дискурсивные исследования языка : (Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов) : материалы междунар. науч. конф. (15–17 сент. 2005 г., Калининград – Светлогорск) / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2006. С. 34–52.
7. Ермакова, Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / под ред. М. Н. Борисовой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 200 с.
8. Кулибина, Н. В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя [Электронный ресурс] // Мир рус. слова. 2001. № 1. URL : www.gramota.ru/mirrs.html?problem03.htm.
9. Марьянчик, В. А. Аксиологическая структура медиаполитического текста. [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. URL : http://ihtik.lib.ru/2012.03_ihtik_dissertat/.
10. Мухин, М. Ю. Сменность форм повествования как основной прием создания текстового синтагматического напряжения в романе Набокова «Дар» // Художественный текст, структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997. С. 100–112.
11. Набоков, В. В. Дар [Текст] // Набоков, В. В. Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 2.
12. Сахаров, В. В. В. Набоков – русский писатель [Электронный ресурс]. URL : [V_V_Nabokov – русский писатель. htm](http://V_V_Nabokov-russkiiy-pisatel.htm).
13. Сепир, Э. Градуирование : (Семантическое исследование) // Новое в зарубеж. лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 43–78.
14. Солодовникова, И. А. Концепт ОЦЕНКА : способы моделирования // Вопр. когнитив. лингвистики. 2013. № 4. С. 25–31.
15. Толстой, Л. Н. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят [Электронный ресурс]. URL : http://thelib.ru/books/tolstoy_lev_nikolaevich.
16. Ходасевич, В. Ф. О Сирине // Октябрь. 1988. № 6. С. 197.

С. Н. Глазкова (Миасс, Россия)

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

In article a predicative in Russian proverbs is considered. The special place of group the otmestoimennykh of predicatives is reasoned. It is proved that these predicatives have national specifics.

Keywords: predicative; predicativation; ethnospecific.

До сих пор ученые не пришли к единому мнению относительно уникального явления русской грамматики – слов категории состояния. Различны трактовки частеречного статуса слов категории состояния. Различны и мнения о названии данной части речи. Появление предикативов, пополнение их лексикона – вопросы, которые требуют осмысления. В. В. Шигуров справедливо назвал предикативацию «очень сложным и не до конца изученным механизмом частеречной транспозиции в русском языке» [5. С. 216]. Предикативация – один из многих общелингвистических транспозиционных процессов перехода одной части речи в другую. В процессе предикативации слова из различных частей речи переходят разряд слов категории состояния. В числе таких частей речи ученые называют существительные,

краткие прилагательные и наречия на -о, краткие причастия, местоимения.

Думается, отсутствие в неславянских языках слов категории состояния, соответственно, отсутствие их описания в классических европейских грамматиках прошлого (античных, средневековых, Нового времени и пр.) определило позднее выделение и изучение слов категории состояния в отечественной лингвистике. Не только сама категория состояния, ее номинация (категория состояния, предикатив, безличный глагол и др.) вызывают вопросы у лингвистов, в языкознании представлены разные взгляды и на процесс предикативации. Так, например, В. В. Шигуров отказывает этому процессу в статусе полной и классической транспозиции. Мы не разделяем приведенное ниже мнение известного специалиста

по проблеме предикативации: «Предикативация – это <...> тип транспозиции слов и словоформ, при котором языковые единицы не перерождаются в какую-то новую часть речи, а используются в речи, так сказать, “нестандартно” – в особой синтаксической функции предиката односоставного безличного предложения для передачи семантики состояния, утрачивая (или нейтрализуя) в этой позиции семантические, морфологические и синтаксические признаки исходных частей речи, избыточные для данного употребления» [5. С. 217]. Считаем процесс предикативации вполне сформировавшимся, развивающимся, устойчивым, узуальным для русского языка. Материалом для данного исследования послужили русские паремии, т. к. пословицы показывают древность процесса формирования категории состояния и устойчивость бытования предикативов.

Славянская природа слов категории состояния обсуждалась лингвистами неоднократно, однако важность этого положения, как представляется, недооценивается. К особенно весомым в данном вопросе отнесем работу А. В. Исаченко [2. С. 49–66]. В словах категории состояния сосредоточено национально-культурное: важность для русских состояния и оценки его, эмоциональное осмысление состояния, его динамический характер. Представляется, что именно семантика динамического состояния формирует этноспецифику данной части речи. Формирование особой части речи (категории состояния) связано с пониманием русскими коммуникантами состояния как важного вида дела, осознанием созерцательности как деяния, с подвижной экзистенциальностью мирозерцания. Об этом неоднократно писали ранее. Так, И. А. Ильин пишет о данной от природы русскому человеку «склонности к созерцанию», «потребности конкретно, пластично и живо представлять предмет, тем самым придавая ему форму и индивидуализируя его»; рассуждает о «вчувствовании», которое «стало для русского необходимостью и даром, судьбой и радостью»; размышляет об «ослабленной собранности и дремотной интенсивности» русских. И. А. Ильин называет «созерцание мира, природы и человека» «славянорусским» [1].

По нашим наблюдениям, слово категории состояния организует в пословицах две безличных синтаксические модели: инфинитивно-предикативную и предикативную: (1) *Плохо жить Афонюшке на чужой сторонушке.* (2) *Овце с волком плохо жить.* (3) *Плохо жить без работы, худо без доброго слова.* (4) *Как ни плохо, а перебиться (или: перемочься) надо.* (5) *Плохо без друга, который потерян, но плохо и с другом, который не*

верен. (6) *Холостому везде плохо, а женатому только дома.* (7) *Плохо ветвям без ствола.* (8) *За глупую голову и ногам плохо.* (9) *Плохо овцам, коли волк пастух.*

Можно предположить, что слово категории состояния сформировалось и изначально употреблялось только в составе модели ‘предикатив+инфинитив’. В процессе бытования предикатив стал употребляться без инфинитива, приобретая устойчивое экзистенциальное самостоятельное значение. Приведенные выше пословицы 1–3 выстроены на основе предикативно-инфинитивной модели, пословицы 4–9 – на основе предикативной модели, причем в пословицах 4–6 редукция инфинитива (‘жить’) очевидна, а в пословицах 7–9 – предположительна. Примеры показывают процесс трансформации модели от обязательного наличия второго компонента (инфинитива) к факультативному употреблению инфинитива, затем к его полной избыточности.

Для данной статьи методом сплошной выборки отобрано 25000 пословиц. Из них были отселектированы пословицы, содержащие в своем составе предикативы. Они составили 2 % от всего числа рассмотренных пословиц. Статистический анализ отобранных паремий с предикативами показал, что самую большую группу образуют пословицы следующей конструкции: ‘отместоименный предикатив + инфинитив’. Объем их составил 10 % от всего числа отобранных пословиц. Среди других моделей со словами категории состояния наиболее частотными являются следующие: паремии с предикативами ‘надо’ – 5,6 %, ‘нельзя’ – 4,6 %, ‘можно’ – 3,2 %. Остальные предикативы употребляются значительно реже и требуют отдельного детального рассмотрения.

Рассмотрим пословицы, в основе которых лежит самая употребительная модель – ‘отместоименное слово категории состояния + инфинитив’. Такого типа предикативация происходит на базе наличествующих в языке средств – отрицательных местоимений, в которых отразились разнообразные феномены внутреннего мира человека в виде предикатов, имеющих значение психического, физического, социального состояния бездомности (1), безысходности (2), бесприютности (3), бесперспективности (4), беспомощности (5), бесцельности (6), безденежья (отсутствия, соответственно, еды, одежды и др.) (7) и т. п. Приведем примеры пословиц с близкими к названным значениям предикативами. *Негде голову приклонить.* (1) *Солдату не украсть, так негде взять.* *Лежит лежень до вечера, а поест нечего.* (2) *И крылья есть, да некуда лететь.* *Пора спать, коли некого ждать.* (3) *Чудеса в решете: дыр много, а вылезть некуда.*

(4) Умер да лежит, а некому потужить. (5) Занял грош на перевоз, да некуда ехать. (6) Денег девать некуда, а кошелька купить не на что. Жить весело, да есть нечего. Что и честь, коли нечего есть? Брюхо-то есть, да нечего есть. Что мне тесть, коли нечего есть. (7).

Модели, которые нам интересны, выражаются определенными структурными схемами. Структурная схема предложения может быть определена как отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения [3. С. 633–634]. Исследуемые предложения с отместоименными предикативами имеют двухкомпонентную инфинитивную схему InfCopfAdv/N2/...rger. Таким образом, категория состояния в формально-синтаксическом плане является средством выражения предиката безличного предложения именного типа: *Нечего хлебать, так дай хоть ложку полизать. За худого замуж не хочется, а доброго негде взять. Жаль, жаль, да пособить нечем. Ах, ах, а пособить нечем. Не стыдно молчать, когда нечего сказать. Не для того в гости едут, что дома нечего обедать. За голым гнать – нечего снять. Пустые речи и слушать неча.*

Необходимо отметить, что чаще всего реализуется не указанная базовая схема, а ее регулярная отрицательная реализация. При работе с регулярными реализациями структурных схем опираемся на определение В. А. Белошапковой. Это «системные изменения, не связанные с выражением предикативности». Регулярные реализации можно рассматривать «как дериваты структурных схем» [3. С. 664–666]. Именно отрицательная реализация, как представляется, порождает грамматические условия для транспозиции местоимения в предикатив.

Бранить есть кому (1), а жаловать некому (2). Есть что слушать (1), да нечего кушать (2).

Первая часть сложного предложения в приведенных выше высказываниях – прямая реализация базовой структурной схемы, вторая часть предложения – ее отрицательная реализация.

Особенно значима для нас следующая мысль В. А. Белошапковой: «Отрицательная реализация структурной схемы возможна лишь при общем бытийном содержании предложения» [3. С. 670]. Действительно, условием транспозиции местоимения в слово категории состояния является наличие значения бытийственности, экзистенциальности. С нашей точки зрения, именно это значение оказалось решающим для формирования предикативов, порождения «новых языковых сущностей путем трансформации (прежде всего смысловой) уже имеющихся в языке единиц» [4. С. 67]. В процессе предикативации происходит ослабление ~

частичная утрата свойств местоимения-существительного и наречного местоимения.

Назовем эти местоимения: *нечего, не с чего, не у чего, нечему, не к чему, нечем, не с чем, не в чем, не о чем, не на чем, некого, не у кого, не в кого, не про кого, не с кого, некому, не к кому, некем, не с кем, не над кем, не под кем, не перед кем, не на ком, не о ком, не в ком, некогда, некуда, не за чем* и др. В составе инфинитивно-предикативных моделей типа ‘Нечего поест’ происходит полная или частичная утрата свойств местоимения (местоименного наречия) и образуются гибридные предикативные структуры. Процесс идет с разной степенью интенсивности, и его можно считать законченным не во всех моделях. Некоторые из моделей порождают контекст с результатами неполной предикативации. Например, высказывание такого типа: *Родную мать некем заменить. Живёшь – не с кем покалякать, умрёшь – некому поплакать. Забот полон рот, а перекусить нечего. Пора спать, коли некого ждать. Быть ворожить, когда нечего в рот положить.*

В большинстве пословиц налицо полная предикативация местоимения: *Бить так бить, а не бить, так нечего и рук марать. Не стыдно молчать, когда нечего сказать. Нечего делать псу, так хоть под хвостом да лижет. С умом в ответе, а на дураке нечего взять. Давно занял грош на перевоз, да некуда ехать. Приходится вертеться, коли некуда деться. Долго не говорит – ум копит, а вымолвит – слушать нечего.*

Полный список выявленных моделей приведен ниже. Модели даны в парах: базовая модель и ее отрицательная реализация.

нечего (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) что + инфинитив
некуда (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) куда + инфинитив
некогда (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) когда + инфинитив
неза чем (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) за чем + инфинитив
некого (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) кого + инфинитив
не (в, про, на, для, с) кого (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) (в, про, на, с) кого + инфинитив
не (у, для, с) чего (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) (у, для, с) чего + инфинитив
нечему + (было, будет) инфинитив / есть (было, будет) чему + инфинитив
не к чему (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) к чему + инфинитив
нечего (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) что + инфинитив

нечему (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) чему + инфинитив

нечем (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) чем + инфинитив

не (с, в, на) чем (было, будет) + инфинитив / есть (было, будет) (с, в, на) чем + инфинитив

Приведем примеры паремий. *Вот горе, что горевать не по чем. (Есть по чему плакать!) Зубы есть, да нечего есть. (Есть что поесть?) И правильные слова без дела трепать не к чему. (Есть к чему придаться!) Жених - не бородавка, коли его нет, хвастать нечем. (Есть чем похвастать!) Сердце яро, места мало – разгуляться негде. (Есть где разгуляться!) Ругать жалко, а похвалить не за что. (И похвалить есть за что!) Страху много, а плакаться не на что. (Было на что жаловаться!) Не с чего (ходить), так с бубен. (Есть с чего ходить!) На что мягко стлать, коли не с кем спать? (Есть с кем спать.) Нечем платить долгу, дай поиду за Волгу. (Есть чем заплатить.)*

Семантика таких моделей – пролонгированное динамическое состояние. Модель имеет семантику экзистенциального наличия, присутствия чего-либо, кого-либо, воспринимаемых как привычное состояние дел. Отрицательная реализация модели является, соответственно, прагматическим антонимом, выражая семантику отсутствия или нехватки чего-либо и кого-либо как длительного процесса.

Русские паремии представляют собой важный материал, который отражает речевые процессы прошлого. Использование исследуемых слов категории состояния в пословицах свидетельствует об их традиционности в языке. Приведенные выше пословицы демонстрируют, что процесс предикативации местоимений в русском языке идет достаточно давно.

Представляется, что процесс этот идет в два этапа: первый этап связан с частичной / полной предикативацией, второй – с таким положением дел, когда отместоименный предикатив приобретает модальное значение. Это ступень модализации предикативов. На этой ступени освоения языком отместоименного предикатива происходит процесс, при котором морфологический неологизм выступает в роли компонента, выражающего модальное, например, директивное значение. Он соотносится с такими словами, как ‘надо’, ‘можно’, ‘нельзя’, ‘желательно’ и др. Назовем в качестве примера такие пословицы с назидательно-директивным значением. *На чужую кучу нечего глаза пучить. Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Подхалима нечего учить, как начальству угодить. И правильные слова без дела трепать не к чему.*

Подобно тому, как в процессе исторической предикативации некоторые слова стали модальными (‘надо’, ‘можно’, ‘нужно’ и др.), среди новых предикативов появляются такие слова. Происходит расслоение новых предикативов по тому же образцу, что и ранее, на слова с модальным значением (1) и слова, выражающие социальные состояния человека (2).

Не видав вечера, и хвалиться нечего (1). Охали день до вечера, а поужинать нечего (2).

Обобщим сказанное. Слово категории состояния является частью речи, характерной для многих славянских языков, однако особенно популярна данная часть речи в русском языке. Начало процесса предикативации уходит корнями в глубокую древность. Диахроническое исследование доказывает, что процесс предикативации в целом устойчивый, непрерывный, перманентный. Процесс предикативации сопровождается ослаблением функции инфинитива при слове категории состояния. Значимо в рамках процесса предикативации появление целого класса отместоименных слов категории состояния, их высокая частотность употребления. Предикативацию отрицательных местоимений можно причислить к процессам этноспецифическим, традиционным и актуальным для русского языка. Слова категории состояния имеют семантику динамического состояния, содержат не только состояние индивида, но и состояние социума, отдельного человека в социуме, положение вещей в социуме, систему моральных ценностей, нравственных императивов.

Список литературы

1. Ильин, И. А. Художественное призвание Шаляпина [Электронный ресурс]. URL : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin.
2. Исаченко, А. В. О возникновении и развитии категории состояния в славянских языках // *Вопросы языкознания*. 1955. № 6. С. 48–66.
3. Современный русский язык : учеб. пособие / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 642–643.
4. Телия, В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // *Сущность, развитие и функции языка*. М. : Наука, 1987. С. 60–70.
5. Шигуров, В. В. О предикативации и модализации как особых типах транспозиции в системе частей речи русского языка [Электронный ресурс] // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов : Грамота, 2008. № 8 (15) : в 2 ч. Ч. II. С. 216–218. URL : www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/94.html. – 10.04.13.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ ‘ЧТО ЗА’ В ТЕКСТАХ Н. В. ГОГОЛЯ

The article deals with the particle ‘что за’ and with its role in expressing the category of emotionality in N. V. Gogol’s works. Observation and analysis of the language material allow us to label the particle ‘что за’ as a means of emotional-evaluative intensification of telling. Emotionality of text is strengthened thanks to the usage of supplementary means of stressing, such as intensiv, interjection and exclamatory intonation.

Keywords: category of emotionality, emotionality, intensification, emphasis.

Давая определение частицам, В. В. Виноградов подчёркивал, что это слова, которые «не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов» [1. С. 544]. Таким образом, на синтаксическом уровне частицы могут служить средством формального выражения категорий эмотивности и экспрессивности. По словам В. И. Шаховского, «эмотивность служит для выражения чувств человека, его отношения, его оценки (одобрение, неодобрение)» [12. С. 15]. Экспрессивность высказывания обусловлена интенсивностью проявления признака и эмоционально-оценочным отношением говорящего.

Эмоциональное отношение говорящего в высказывании является проявлением «личной пристрастности человека к миру, имеющей ярко выраженную прагматическую направленность» [9. С. 180]. Частица ‘что за’ служит для выражения эмоций говорящего, одновременно выделяя словоформу, к которой относится. Частица реализует эмоциональную оценку высказывания говорящим.

Частицу ‘что за’ В. В. Виноградов назвал вопросительно-восклицательной [1. С. 554]. В «Русской грамматике» 1980 г. ‘что за’ относится к разряду эмоциональных частиц, которые выражают «непосредственные эмоции говорящего» [10]. Таким образом, высказывания с частицей ‘что за’ являются формой выражения категории эмотивности в тексте.

Согласно Е. А. Стародумовой, частицы «не могут быть прикреплены к слову, поскольку обозначают не признак, не характеристику, а то или иное отношение выделяемого компонента к содержанию высказывания или более широкого текста» [11. С. 4]. Репрезентация эмоций говорящего происходит посредством акцентирования словоформы, к которой относится частица: «Батюшки мои!» – ахнул дед, разглядевши хорошенько: *что за чудница!* рожи на роже, как говорится, не видно» [2. С. 187]. Герой попадает в окружение чертей. Эмоциональность высказывания создаётся при помощи экспрессивно окрашенной лексики

(‘рожи’, ‘ахнуть’), междометия ‘батюшки мои’, восклицательной частицы, благодаря которой высказывание становится риторическим и эмоциональным центром монолога героя.

‘*Что за картина! что за чудная живопись!* – рассуждал он, – вот, кажется, говорит! кажется, живая! а дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! боже ты мой, какие краски!» [2. С. 235]. Эмоциональность речи кузнеца создаётся при помощи двух восклицательных предложений с эмоционально-оценочной частицей ‘что за’. Парцелляция в речи создаёт эффект градации, которая достигает гиперболического размера в восклицании ‘боже ты мой, какие краски!’. Междометие и форма интенсива ‘какие краски’ являются эмоциональной вершиной высказывания. Частица ‘что за’ в начале речи героя задаёт тон восторженного повествования.

Высказывание обладает ярко выраженной мелиоративной окраской. По мнению П. А. Купорова, названная частица находится на «ближайшей периферии эмотивного эмоционального сематического поля *радость*» [6. С. 60]. Частица ‘что за’ способна репрезентировать радость говорящего, отражая спектр эмоций от симпатии до восторга:

‘– *Что за радость, что за разгулье* падёт на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете!» [2. С. 181]. Быль рассказана Фомой Григорьевичем, и в зачине ярко проявляются сказовые черты: обращение не к читателю, а к слушателю. Отсюда и экспрессия разговорной речи, темп непринужденного разговора. Эмоциональная частица ‘что за’ служит не только началом выражения, но и задаёт тон всему повествованию, которое целиком подчинено идее рассказчика развлечь слушателя.

Способность частицы ‘что за’ репрезентировать радость широко используется Н. В. Гоголем в художественном тексте. Откровенное восхищение героя передаётся при помощи интенсификации признака, для чего служит частица ‘что за’. Это можно проследить на примере «Повести о том, как поссорился Иван Иванович и Иваном Никифоровичем»; повествование от лица рас-

сказчика пронизано восхищением талантами Ивана Ивановича:

‘Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните ради бога на них, особенно если он станет с кемнибудь говорить, взгляните с боку: *что это за объядение!* Описать нельзя: бархат! серебро! огонь!’ [3. С. 223]. Для создания гиперболического восторга автор использует оценочную лексику (‘отличнейшая’, ‘бархат’, ‘серебро’, ‘огонь’, ‘объядение’). Помимо частицы ‘что за’, высшую степень положительной оценки помогает передать восклицательная интонация и форма интенсива ‘какие смушки’, которую характеризует «указание на оценку, на полноту, предельность» [7. С. 76]. Интенсификация повествования делает описание бекешки эмоциональным центром описания Ивана Ивановича, что создаёт сатирический эффект.

‘Тут чтец немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья с благоговением сложил руки и только говорил про себя: *‘Что за бойкое перо!* Господи боже! как пишет этот человек!’ [3. С. 248]. Восторг персонажа передаётся через «выпячивание» признака, которое происходит в три этапа: эмоциональное восхищение при помощи частицы ‘что за’, выражение восторга при помощи междометия ‘Господи боже!’ и указание на высшую степень проявления признака при помощи формы интенсива ‘как пишет’.

Положительное эмоциональное отношение посредством возведения признака в высшую степень с помощью частицы ‘что за’ указывает на реализацию категории эмотивности в тексте. Акцентирование словоформы при помощи частицы организует эмоционально-оценочное высказывание в момент наибольшего эмоционального напряжения. Повествователь начинает описание значимого для города события с эмоционального восклицания: ‘*Что за асамблею дал городничий!*’ [3. С. 264].

В речи Янкеля при помощи частицы ‘что за’ и повтора автор указывает на трусость героя и желание угодить слушателям: ‘*«Что за народ военный!»* продолжал жид: «ох, вей мир, *что за народ хороший!* Шнурочки, бляшечки... Так от них блестит, как от солнца; а цурки, где только увидят военных... ай, ай!..»’ [3. С. 159].

В повествовании частица со значением возведения признака в высшую степень может обладать пейоративной окрашенностью. В художественном тексте эмоционально окрашенные предложения, как и в вышеуказанных примерах, используются автором для указания на эмоциональную доминанту текста.

‘Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько... Однако *что за чёрт!* ведь сегодня голодная кутья, а он ест вареники, вареники скоромные! *Что я*, в самом деле, *за дурак*, стою тут и греха набираюсь! Назад!’ [2. С. 151]. Выражение относится к категории эмоциональности, частица ‘что за’ выполняет акцентирующую функцию, и фраза обладает ярко выраженной экспрессией. Акцентирование экспрессивной лексемы увеличивает семантическую и эмоциональную нагрузку выражения. Междометие ‘что за чёрт!’ несёт эмоциональную нагрузку, выражая высшую степени недовольства героя самим собой.

В речи Янкеля негодование обличает корыстное отношение к людям. Негативную оценку выражение приобретает посредством интенсификации экспрессивно окрашенного слова ‘корыстный’: ‘Часовые соглашаются, и один левентарь обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья, ой, вей мир! *Что это за корыстный народ!*’ [3. С. 157].

Частица ‘что за’ является вопросительно-восклицательной. Экспрессивность основана на употреблении частицы с многоточием, что указывает на взволнованность и гнев персонажа: ‘Мне странно, Иван Иванович, вы кажется человек известный ученостью, а говорите как недоросль. *Что бы я за дурак такой!*’ [3. С. 235].

Акцентирование повествования при помощи частицы ‘что за’ происходит в ситуациях, когда герои испытывают сильные эмоциональные потрясения. Исключением может быть пример, в котором «значительное лицо» выражает недовольство поведением А. А. Башмачкина. «Значительность» начальника подчёркивается при помощи речевых средств, которые обладают неоправданной экспрессивностью и эмоциональностью: ‘«Что, что, что?» сказала значительное лицо: «откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? *что за буйство* такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!»’ [4. С. 167].

Эмоциональный тон повествования герой задаёт при помощи употребления частицы ‘что за’ и восклицательной интонации. В восклицательном предложении «совмещается информативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего. Восклицательная интонация даёт говорящему возможность выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, все детали личного отношения» [8. С. 47]. Восклицательная интонация усиливает субъективно-оценочную окраску высказывания с частицей, эмоционально выделяя его из контекста: ‘*Что за директор!* чтобы я встал перед ним – никогда! Какой он дирек-

тор? Он пробка, а не директор» [4. С. 209].

Частица ‘что за’ может употребляться в риторических выражениях, при этом она выражает «значение нецелесообразности действия, эмоцию неодобрения, осуждения» [5. С. 39]. На наш взгляд, в частице ‘что за’ в текстах Н. В. Гоголя заключено значение резкого неодобрения, высшей степени неудовольствия:

‘Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, *что за жизнь ее была?* Она терпела оскорбления, даже побои’ [3. С. 49]. **Эмоциональный тон повествования** автор задаёт при помощи риторического вопроса. Осуждение такого строя жизни, переданное при помощи эмоционально-экспрессивных средств, позволяет сделать акцент на несчастной судьбе казачки.

‘*Что ж за козак* тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине?’ [3. С. 124]. **В словах Тараса Бульбы** заключено резкое неодобрение; эмоциональная оценка поведения товарищей передана при помощи риторического высказывания с частицей ‘что за’.

‘*Что тут за невидальщина?* десять раз на день, случается, видишь это зелье: какое ж тут диво?’ [2. С. 144]. Слова принадлежат главному герою. Петро произносит их в тот момент, когда сомневается в указаниях Басаврюка. Сомнение Петро передаётся автором при помощи интенсификации оценочно-эмоционального слова ‘невидальщина’. Ситуация становится всё более напряжённой, и при помощи частицы ‘что за’ герой выражает недоверие, страх, разочарование в мечтах о богатстве. Как и в вышеперечисленных случаях, автор прибегает к акцентированию текста при помощи частицы ‘что за’ в кульминации повести.

Таким образом, частица ‘что за’ в тексте служит формальным средством выражения категории эмотивности. Частица интенсифицирует эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету речи. Отношение может быть как положительным, так и отрицательным. Особенностью интенсификации значения с помощью частицы ‘что за’ является то, что выражение становится эмоциональным центром повествования. Высказывания с частицей ‘что за’ в повестях Н. В. Гоголя задают эмоционально-оценочный

тон повествования и служат для выражения сильных эмоций персонажей. Частица ‘что за’ является звеном в представлении категорий эмотивности и оценочности в текстах Н. В. Гоголя.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 720 с.
2. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести, изданные пасишником Рудым Паньком // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 1. М. : АН СССР, 1940. 556 с.
3. Гоголь, Н. В. Миргород // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 2. М. : АН СССР, 1937. 764 с.
4. Гоголь, Н. В. Повести // Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 3. М. : АН СССР, 1938. 728 с.
5. Канафьева, А. В. Частицы как репрезентаторы модально-эмоциональных значений риторического высказывания // Вестн. МГОУ. 2009. № 2. С. 37–41.
6. Купоросов, П. А. Эмоциональные частицы, выражающие радость, в русском языке // Вестн. МГОУ. 2008. № 2. С. 57–62.
7. Лекант, П. А. Субъективная аналитическая категория интенсификации в русском языке // Рус. яз. в шк. 2011. № 7. С. 75–78.
8. Лекант, П. А. Категория рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестн. МПУ. Сер. «Рус. филология». 2012. № 5. С. 44–48.
9. Малинович, Ю. М. Экспрессия и смысл предложения. Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. М. : Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 216 с.
10. Русская грамматика [Электронный ресурс]. URL : <http://rusgram.narod.ru/1689-1705.html#1695>.
11. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток : ДВГУ, 1988. 94 с.
12. Шаховский, В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 2. Рязань : Ряз. гос. пед. ин-т, 1975. С. 3–25.

Л. М. Демчук (Челябинск, Россия),
Ю. В. Лосева (Челябинск, Россия)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ РЕСТОРАННЫХ ГИДОВ «MICHELIN», «GAULT & MILLAU»

This article is devoted to the linguo-stylistic analysis of the texts in French restaurants' guides. The topic of the discussion in this article is the criteria of estimation of each restaurant guide. General hypothesis of this study is the fact that Michelin is considered the world's most authoritative restaurant guide and targeted at the widest audience, Gault Millau is more appreciated by professionals and advanced foodies. The hypothesis was considered as applied to the experts' reviews of the lexical, morpho-syntactic and stylistic features.

Keywords: restaurants' guides, experts's reviews, vernacular vocabulary, gastronomy, gluttony, gluttony terminology.

Процесс глобализации, характеризующий современное общество, обращает наше внимание на особые колориты национальных культур. Это связано с усиливающимся интересом к изучению языка через призму феномена национальной культуры. Одним из важных аспектов любой национальности является история культуры, которая неразрывно связана с пищевыми ресурсами, так как потребность в пище является базовым уровнем фундаментальных физиологических потребностей. Современная коммуникация все больше приобретает характер *глуттонической* (лат. 'gluttonare' – 'поедать, питаться, есть') – связанной с идеей глuttonии, то есть потреблением и поддержанием жизни Homo Connsummatus – Человека Потребляющего. По мнению Л. Р. Ермаковой, у представителей каждой нации имеются свои собственные комплексы вкусовых предпочтений, которые находят своё воплощение в соответствующем языковом и текстовом материале: рецептах национальной кухни, меню, кулинарных статьях, глuttonической терминологии и пр.

Одним из современных видов такого материала являются тексты ресторанных гидов. Наше исследование направлено на анализ материалов известных ресторанных гидов. Изученный материал представляет собой отзывы рестораторов, размещенные на официальных сайтах гидов. Всего выбрано 54 ресторана, имеющие отзыв и оценку, как у «Michelin», так и у «Gault et Millau». Michelin славится компетентностью, бескомпромиссностью. Полный список критериев оценки состоит из 14 позиций (публично они не афишируются). Второй по значимости французский гид называется Gault Millau («Го Мийо») – по именам его основателей, ресторанных критиков Анри Го и Кристиана Мийо, запустивших свой проект в 1986 г. Gault Millau ставит ресторанам баллы – от 1 до 20, оценивая прежде всего качество исходных продуктов и блюд. По большей части оценки гидов Gault Millau и Michelin совпадают, хотя бывают и различия.

Существует гипотеза: несмотря на то, что Michelin считается самым авторитетным мировым ресторанным гидом и рассчитан на самую широкую публику, Gault Millau больше ценят профессионалы и продвинутые гурманы. Рассмотрим эту гипотезу в применении к отзывам данных экспертов.

Общая структура примерно одинакова и включает в себя: название ресторана, тип кухни, общую оценку ресторана, дополнительные условия, адрес и телефон ресторана, отзыв инспектора. Отличительной чертой структуры Gault является выделение имени шеф-повара, что привлекает внимание людей, осведомленных в кулинарной теме.

Подобные тонкости видны и на лексическом уровне. Отзывы Gault содержат большое количество специфических наименований блюд, продуктов, способов приготовления: *jarret de veau farci de ris confit 36h* (подбедёрок телятины, фаршированный рисом, пропитанным 36 часов); *les confit de saumon français mi-cuit fumé minute* (жаренный лосось полузакопчённый); *sauté de veau, bleu* (слабо прожаренное мясо телёнка в масле на сильном огне) *du Vercors*. В то время как в отзывах Michelin используются, в основном, термины фундаментальных кулинарных понятий: *boucanage* – м, копчение (мяса, рыбы), *la charcuterie* (колбасные изделия), *la viande du moment, le coulis* (процеженный крепкий бульон, отвар; подливка; мясной сок), *le daube* (тушение мяса), *espuma* (ф, лёгкий мусс), *poêler* (жарить), *coulis* (м, процеженный крепкий бульон), *le saumur* (рассол). Широкое употребление терминов оправданно функционально: они придают заметке нужную точность и ясность изложения.

В текстах Gault используется просторечная и разговорная лексика, что способствует выражению эмоциональной оценки: *des fanfreluques* (побрякушки, финтифлюшки), *cossue* (разг. зажиточный, богатый), *un peu tambouille* (разг. стряпня), *une table mignotée* (разг. обласканный), *un tasse d'amuse-bouche* (разг. лёгкая закуска к аперитиву).

ву), *barjo* (простор. сумасшедший), *la "came"* (простор. наркотик), что не характерно для отзывов Michelin. Это доказывает тот факт, что Gault старается привлечь внимание читателей-непрофессионалов к своим статьям.

В текстах данных ресторанных гидов имеют место и заимствования: из английского языка – *le plat "slash"* (м, англ. косая черта), *Swinguer* (англ. *swinger* раскачивать), *fan* (м, f англ. поклонник, поклонница), *un standing* (англ. образ жизни), *looké* (англ. модный, стильный), "*open space*" (англ. открытое пространство). Заимствование слов других языков, связанных с наименованием блюд: из итальянского языка – *Tiramisu* – м, итал. тирамису (бисквит, пропитанный кофе и вином, с прослойкой из сыра маскарпоне), *les figatelli* (итал. *Fegatello*) кул. фегателло (блюдо из свиной печёнки), *ricotta* (f итал. рикотта, свежий творожный сыр), *pappardelle* (итал. f, pl паппарделле (лапша под мясным соусом)), *gnocchis* (m итал. ньокки, клёцки), а также из японского – *miso* (m япон кул. мисо (соевая паста, которая добавляется в супы или используется в приправах)) и из бельгийского – *cramique* (m, бельг. сдобный хлеб с изюмом), *spéculos* (бельг. m, спекуляус (пряное фигурное печенье из рассыпчатого теста)).

Разговорная лексика, просторечные слова и заимствования используются для создания публицистического текста, интересного всем слоям населения.

Морфосинтаксический анализ позволяет нам сказать, что данные тексты относятся к публицистическому стилю, так как наблюдается сочетание двух функций языка: информативной и экспрессивной. Тексты отличаются небольшим объемом, так как жанр заметки требует лаконичного, четкого изложения материала. Среднее количество предложений в отзывах Gault составляет 3–4 предложения, состоящие в среднем из 26 слов, в отзывах Michelin – 2–3 предложения, состоящих из 16 слов. На синтаксическом уровне для заметок Gault характерно использование вводных и вставных конструкций, имеющих назначение представить обстановку, обстоятельства действия; деепричастных и причастных оборотов, конструкций с отглагольными существительными, однородными членами предложения. Это позволяет наиболее точно понять критерии оценивания ресторана. Например: '*Une institution* (учреждение) *locale, une auberge* (уст. ресторан, гостиница с рестораном) *classique et cossue* (разг. зажиточный, богатый) *où l'on n'aurait pas l'outré-cuidance* (заносчивость) *de se présenter chaussé de claquettes* (обутый чечёткой)'

В отзывах Michelin большее количество восклицательных и вопросительных предложений, отражающих личностную оценку эксперта, так как основной целью сообщаемой информации является формирование определенного отношения к ней, поэтому на первый план выдвигается экспрессия: '*Ici, l'originalité a toute sa place!*', '*Une révélation !*', '*Chic, frais et bon !*', '*La Promesse... d'un joli moment!*', '*La patte du chef?*', '*Un exemple?*', '*Le quatre-toques le moins cher de France?*' Как видно из примеров, предложения Michelin более краткие и лаконичные. Кроме того, они отличаются также неполными конструкциями: '*Cuisine de caractère, inventive, à l'accent aquitain*', '*Le fil d'Ariane d'une bonne cuisine ancrée dans le Sud, mais ouverte à toutes les tendances, sans jamais se perdre*'.

Кроме того, в данных текстах, имеющих характерные черты публицистического стиля, мы встречаем характерное частое использование инверсивного порядка слов. Здесь активно применяется актуализация логически значимых членов предложения: '*A la fois institution et vitrine des richesses locales, l'Abelia occupe sa place*', '*Derrière l'hôtel de ville, un restaurant minuscule, dont on remarque surtout la jolie terrasse bordée d'oliviers*', '*Une cuisine goûteuse et généreuse. Intéressante carte de vins de Loire*'.

С точки зрения стилистики, можно выделить использование олицетворения, одинаково, как в текстах Gault: '*Les assiettes composées par Agnès Chotin baignent dans le même esprit, entre classicisme et bourgeoisie*', '*une table qui prouve que la Corse, en son cœur, reste indemne (непострадавший) de pollution touristique*', '*L'atmosphère et le service se chargent de vous faire sentir la différence, comme les tarifs, en particulier en soirée*', так и в текстах Michelin: '*La maison entretient le souvenir de Napoléon Bonaparte, son hôte le plus célèbre, avec un décor Empire assez théâtral*', '*Le soir, les étoiles accompagneront votre dîner*', '*Deux grandes voiles écriues, qui laissent juste passer le souffle léger du vent printanier ou estival, flottent au-dessus de nos têtes*'.

Частотно использование эпитетов: '*C'est une ambiance douce et feutrée*', '*Par sa culture gastronomique française, il recherche l'équilibre entre les saveurs: sucrées, salées, acidulées, et entre les textures : fondantes (тающий), moelleuses (нежный), croustillantes (хрустящий)*', '*Une expérience inédite, sensorielle et gourmande à savourer au restaurant gastronomique*'.

Схожее использование стилистических средств объясняется принадлежностью к публицистическому стилю и желанием воздействия на читателя с помощью слов.

Таким образом, мы находим подтверждение более профессионального подхода в текстах Gault.

На лексическом уровне: использование терминологии, известной узкой аудитории; использование в текстах прецедентных имен шеф-поваров, что представляет собой профессиональный интерес.

На морфосинтаксическом уровне: более сложные конструкции предложений, включающие деепричастные и причастные обороты, однородные члены предложения, что представляет сложность для восприятия читателем;

Несмотря на использование схожих стилистических средств – эпитетов, олицетворений, метафор.

Список литературы

1. Гашимов, Э. А. К вопросу о потребностях. Лингвистический взгляд // Актуальные проблемы гуманитарных исследований : спец. вып. Т. 2. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2006.
2. Ермакова, Л. Р. Глуттоническая номинация в этнокультурном аспекте [Электронный ресурс]. URL : http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/9_94631.doc.htm. 2013.
3. Лаврин, А. За кулисами ресторанных гидов [Электронный ресурс]. URL : <http://www.retailtech.ru/food/articles/2287/35722/>. 2013.

О. В. Дробышева (Челябинск, Россия)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛЬНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

The most relevant issue of the modern period of linguistic study is the understanding of advertising as communication. Advertising is now not only an economic phenomenon but an element of popular culture. The offers of goods and services are usually presented in the context of other images that show the structure of society, its cultural constructions and the relationships between men and women.

Keywords: gender advertising, advertising text, termhood, male-oriented publicity, sensitive information, color naming, affective vocabulary, borrowed words.

В гендерной рекламе используются различные лексические средства, позволяющие выполнять свою основную функцию. Запоминаемость рекламы – беспроегранный путь к успеху. Запоминаемость рекламного обращения заключается в его неожиданности. Любое навязчивое торговое предложение встречает сопротивление. Чтобы успешно торговать, это нужно делать элегантно, с выдумкой, с интригой, – как в лучших произведениях развлекательного жанра [5. С. 37].

Как отмечено в исследовании «Функционирование вербального компонента в журнальном рекламном тексте гендерной направленности (на материале русского и английского языков)», при создании гендерно-ориентированного рекламного текста следует учитывать тот факт, что женщинам и мужчинам будет приятно, если их убедят не с помощью прямых призывов и доводов, а прибегнут к скрытым приемам и ненавязчивым рассуждениям о предметах, которые порой не имеют непосредственного отношения к рекламируемому товару, а тем более, необходимости его приобрести [4. С. 159].

Слова с высокой «рекламной оценочностью» формируют образ рекламируемого предмета и позднее легко вызывают в сознании представление о нем. Помимо буквального смысла, они несут информацию о культурно-этнических и социальных особенностях данного народа, общества. Семантика подавляющего большинства слов рекламного текста положительна.

Для того чтобы обратиться к покупателю через текст рекламы и получить нужный эффект, следует использовать соответствующую лексику с положительной коннотацией. Одно из наиболее эффективных средств продажи – использование пяти органов чувств и, следовательно, таких слов, как *видеть, чувствовать, слушать, пробовать* и т. д. Таким образом достигается эффект физического ощущения предлагаемого товара. Использование слов различных семантических полей позволяет составителям журнальных рекламных текстов представить рекламируемый товар в наиболее выгодном свете.

Лексике рекламного текста присуща выразительность, экспрессивность, эмоциональная

окрашенность, оценочность.

Арсенал средств для привлечения внимания, пробуждения доверия и убеждения весьма разнообразен:

1) экспрессивные возможности *синтагматики* – в одном тексте комбинируется лексика, принадлежащая к совершенно разным группам (техницизмы, термины, разговорная лексика, поэтизмы).

Термины – слова или словосочетания, обозначающие понятие специальной области знаний или деятельности. Термины входят в общую лексическую систему языка, но лишь через конкретную терминологическую систему. К особенностям терминов относятся: системность, наличие дефиниций, тенденция к моносемантической в пределах своего терминологического поля, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность. Возьмем в качестве примера рекламу автомобиля, ориентированную на мужскую аудиторию. Тематическая группа слов-терминов в тексте такой рекламы будет выглядеть так: *technology* (технология), *energy* (энергия), *climate control* (автоматическая система кондиционирования воздуха – климат контроль), *horsepower* (мощность в лошадиных силах), *electronic stability control* (электронный стабилизатор контроля), *anti-lock brakes* (антиблокировочная тормозная система), *suspension* (подвеска), *wheels* (колеса), *turbocharged boxer engine* (мощный турбодвигатель), *Traction* (сила сцепления), *electroluminescent instrument panels* (электролюминесцентное табло приборной панели) и т. д.

Рекламируя автомобиль для женщин, составители текстов, по нашим наблюдениям, стараются избегать технических терминов, а при описании характеристик транспортного средства делают упор не на его технические данные, а на дизайн, цвет и ощущения, которые испытывает водитель, сев за руль.

Таким образом, семантика употребляемых лексем в глянцево-журнальных рекламных текстах различна. Нами отмечена группа терминов типа: *rear spoiler* (задний спойлер), *leather seats* (сиденье с обивкой из натуральной кожи), *side skirts* (обтекатель), *interior* (внутренняя поверхность), *in-dash CD-changer* (автоматическая замена CD-дисков), *panoramic roof* (панорамная крыша) и т. д.

В группу 'красота' войдут лексемы: *lips* (губы), *nails* (ногти), *colour* (оттенки, тон), *skin* (кожа), *look* (взгляд), *tan* (тон), *shine* (глянец, лоск), *luscious* (ароматный), *sensual* (плоский, чувственный), *texture* (текстура), *innovation* (инновация), *sexu* (сексуальный), *glow* (сияние, блеск), *body* (тело), *smooth* (гладкий), *cellulite* (целлюлит),

iridescent (радужный, переливчатый, переливающийся), *volume* (объемный), *moisturize* (увлажненный) и др.

Нельзя не заметить, что тексты рекламы для мужчин отличаются высокой степенью терминологичности.

Составители рекламных текстов апеллируют к мужскому рационализму, логическому (в отличие от женщин, которые в принятии решений руководствуются исключительно чувствами и ощущениями, как это принято считать) мышлением и тяге к новым знаниям и открытиям [4. С. 157].

В «мужских» журналах рекламная текстовая информация о товаре представлена четкими техническими характеристиками, точными показателями мощности, вместительности и т. п., а также в сравнении (прямом или косвенном) с аналогичным товаром фирм-конкурентов. В женской рекламе, напротив, подобной информации практически нет.

Проиллюстрируем сказанное выше примерами из англоязычного журнала, ориентированного на мужскую аудиторию:

'The all-new HYUNDAI SONATA. A HYUNDAI like you've never seen before. More room than a Camry or Accord. And the most standard safety features in the Class' 'Новый HYUNDAI SONATA. HYUNDAI, которого Вы еще не видели. Более просторный, чем Camry или Accord. Наиболее безопасный в своем классе' (реклама автомобиля HYUNDAI SONATA);

'TOYOTA CAMRY It's the fastest way to earn respect on a long haul' 'TOYOTA CAMRY, самый быстрый способ заслужить уважение во время долгой поездки' (реклама автомобиля TOYOTA CAMRY).

Пример русскоязычного журнального рекламного текста, ориентированного на мужскую аудиторию: 'Ваши впечатления от просмотра любимых фильмов больше не будут смазанными. Благодаря технологии 100 Гц ЖК-телевизора Samsung M7 контуры изображений остаются четкими, а движение плавным. Интерфейс HDMI позволяет передавать цифровой видеосигнал без потери качества, а технология Wiselink обеспечивает совместимость с различными картами памяти и USB' (реклама ЖК-телевизоров Samsung);

'Впечатляющая динамика при низком расходе топлива? Нет ничего невозможного благодаря уникальному гибричному приводу Lexus. В RX 400h идеально сочетаются двигатель внутреннего сгорания и два электромотора, которые обеспечивают разгон до...' (реклама автомобиля Lexus RX 400h);

'Запатентованный механизм с функцией индикации 3-х часовых зон, автоматический калибр

хронографа' (реклама мужской модели часов Patravi Travel Tec GMT).

В текстах рекламы продукции для женщин копирайтеры избегают употребления терминов, насколько это возможно, заменяя их словами с более абстрактным значением, т. к. считается, что женщинам чужда конкретика в силу особенности мышления и им достаточно лишь поверхностного описания товара, в котором внимание акцентируется на дизайне, цвете и эффекте от его использования. Так, рассмотрим в качестве примера англоязычную рекламу, текст которой ориентирован на женскую аудиторию: 'Your digestive system needs a delicate balance of 'good' and 'bad' bacteria to stay healthy. Unfortunately, poor diet and lack of exercise can upset that balance. MULLER vitality can help because it's packed with good probiotic bacteria...' *'Ваша система пищеварения нуждается в балансе полезных и вредных бактерий, чтобы оставаться здоровой. К сожалению, неправильное питание и недостаточные занятия спортом могут нарушить этот баланс. Живая энергия MULLER может помочь, т.к. содержит полезные пробиотики'* (реклама йогурта MULLER).

Очевидно, что конкретные названия бактерий были заменены более абстрактными 'good', 'bad', а то, как употребление йогурта оказывает положительное влияние на организм, объясняется так, как это объяснялось бы ребенку.

'BIOTHERM! with hydra non stop complex. Your skin natural ability to retain moisture is boosted for 24 hours of non stop hydration. A reviving moisture experience with the concentration of pure Extract of Thermal Plankton found in 5000 liters of thermal spring water. Results! Better skin texture – pure, fresh and vibrant. Skin that looks so healthy it glows!' *'BIOTHERM! С гидрокомплексом непрерывного действия. Природная способность кожи оставаться увлажненной увеличивается до 24 часов непрерывного увлажнения. Это достигается путем концентрации экстрактов термального планктона, взятого из 5000 литров термальной родниковой воды. Улучшенная структура, чистая, свежая кожа, наполненная здоровым блеском'* (реклама средств по уходу за кожей лица).

Хотя в данном тексте и приводятся названия специального активного комплекса (*hydra non stop complex*), содержащегося в термальной воде (*Extract of Thermal Plankton*), делающего этот текст убедительным и в своей убедительности опирающимся на научные открытия и современные технологии, очень слабо верится, что такой комплекс или экстракт по-настоящему существует или присутствует в данном продукте.

Отметим, что подобная абстрактная информация с вымышленными названиями вряд ли была бы использована в рекламе продукции для мужчин.

Проиллюстрируем примерами из русскоязычных журналов, ориентированных на женщин, наличие терминов в рекламе: 'MYOKINE. Средство коррекции мимических морщин. 3 мг Аденоксина в день для удаления отпечатавшихся на коже морщин. Сокращение за сокращением, мимические морщины словно отпечатываются на Вашей коже. Впервые в косметическом средстве для борьбы с образованием морщин используется Аденоксин. Теперь морщины можно удалить. Кожа разглаживается за 21 день' (реклама дневного крема для лица Vichy);

'**Инновация от Faberlic! Впервые минеральная помада с микрочастицами Аквамарина.** Драгоценные свойства минерала дарят роскошный цвет и изысканное сияние вашим губам' (реклама декоративной косметики Aquamarin от Faberlic).

Для более наглядной демонстрации различия рекламных текстов для мужчин и женщин сравним англоязычную рекламу автомобиля для женщин SMART с англоязычной рекламой автомобиля SUBARU, определенно рассчитанного на потребителя-мужчину:

'The new smart for four with panoramic roof let's go out tonight. Let's park on a hill and peer up through the glass panoramic roof. Let's use the lounge seating to put our feet and look for galaxies far, far away. Let's have all the technology of a big, posh car in a small, funky car and join in by phoning for a test drive' *'Новый SMART для четверых с панорамной крышей. Давай прокатимся вечером. Давай остановимся на обочине и будем смотреть через панорамную крышу. Давай смотреть на далекие галактики. Давай насладимся всеми возможностями большой, превосходной машины, сидя в маленьком броском авто. Звоните и записывайтесь на тест-драйв'* (реклама женского автомобиля SMART);

'SUBARU. Driven by what's inside. The all-new 2005 SUBARU LEGACY. The outstanding traction, balance and control of the Subaru Symmetrical All-Wheel Drive system, standard. The power of a 250-hp, turbocharged boxer engine. Intuitive, driver-oriented cockpit. Leather upholstery. Sport-design electroluminescent instrument panels. Momo-designed steering wheel with optional SPORTSHIFT transmission controls. 17-inch alloy wheels. Honoured as the Car of the Year in Japan. You can close your mouth now. Faster than Porsche Boxter, BMW 330 X1 Audi A4 Quattro Corners faster than BMW 530i, Audi IT Quattro 0-60 MPH – 5.8 seconds' *'SUBARU. Управляй изнутри. Новый, 2005*

SUBARU LEGACY. Превосходная сила сцепления, баланс и управление полноприводным SUBARU. Мощность в 250 лошадиных сил, двигатель с турбонагнетателем. Сидение создано специально для водителя. Кожаная обивка. Электролюминесцентная приборная панель, в спортивном стиле. Руль с возможностью управления передачами. 17-и дюймовые легкосплавные диски. Победитель в номинации «Машина года» в Японии. Теперь можете ничего не говорить. Быстрее, чем Porsche Boxter, BMW 330 XI, Audi A4 Quattro Corners и BMW 530i, Audi IT» (реклама автомобиля SUBARU).

Рассмотрим пример русскоязычной рекламы автомобилей для мужчин и женщин:

‘Chevrolet Spark – это свобода движения и удивительная легкость даже в городской тесноте. Его легко купить, его легко содержать, легко выбраться из пробки и легко припарковаться. Этот малыш обладает недетскими возможностями. Chevrolet Spark – яркая свобода движения’ (реклама женского автомобиля Chevrolet Spark);

‘Nissan Micra. Технологии в моде. Передовые технологии диктуют моду. С обновленной Nissan Micra ты следуешь самым модным тенденциям, но остаешься верна своему стилю. Слушай любимую музыку, общайся с друзьями, будь собой – Nissan Micra поможет тебе в этом. MP3-вход, Bluetooth, и задние парковочные сенсоры – технологичность как главный тренд сезона. Задавай тон с обновленной Nissan Micra!’ (реклама женского автомобиля Nissan Micra);

‘Вы не против обнаружить на лобовом стекле Вашего автомобиля букет цветов? Или увидеть, что оставленный на несколько минут, он уже сияет свежевывмытыми боками? Если Вас радуют знаки внимания, значит Citroen C3 – ваш автомобиль. Садясь в его просторный салон, Вы будете чувствовать внимание не только окружающих, но и тех, кто создал этот совершенный, безопасный и легкий в управлении автомобиль. Ваш Citroen C3. Вы готовы к знакам внимания?’ (реклама женского автомобиля Citroen C3).

Русскоязычная реклама автомобилей для мужчин:

‘Volkswagen Jetta. Серьезное увлечение. Молодые профессионалы с хорошим вкусом предпочитают увлекаться вещами, задающими стиль всей их жизни, насыщенной впечатлениями и азартом. Именно таков Volkswagen Jetta, новое серьезное увлечение молодых и амбициозных’ (реклама автомобиля Volkswagen Jetta);

‘Новая Scoda Octavia Scout, брось вызов дорогам! Вы всегда сможете достичь большего и преодолеть любую дорогу вместе с новой Scoda

Octavia Scout. Привод 4X4, увеличенный клиренс, 2.OFSI (150 л/с) двигатель, 6-ступенчатая коробка передач, 17-дюймовые легкосплавные диски...’ (реклама автомобиля Scoda Octavia Scout);

‘Только главные роли Новый CADILLAC ESCALADE. Ему известно, насколько он хорош. Семь уровней хрома, фары, граненные, как бриллианты, характерные рубленые линии кузова – его узнают мгновенно... Внутреннее содержание полностью соответствует внешнему виду... Преимущества владельца очевидны’ (реклама автомобиля CADILLAC ESCALADE).

Эти рекламные сообщения отражают абсолютно разные подходы к сознанию рекламного текста, что очевидно даже при их поверхностном сравнении. Если при описании родстера *SMART* при помощи лексических средств создается романтическая атмосфера, которая сопутствует поездке в этом автомобиле, то второй пример наглядно демонстрирует обилие терминологии, которая, скорее всего, будет понятна именно мужчинам. Эти же определения относятся и к русскоязычной рекламе.

Таким образом, мужчины более склонны употреблять лексику стилистически нейтральную, менее экспрессивную, что подтверждает высокая терминологичность маскулинно-ориентированных рекламных сообщений [3. С. 234].

В журнальных рекламных текстах, ориентированных на мужскую аудиторию, отмечаем большое количество *прецизионной информации*, которая представлена в основном точными данными в цифрах и топонимами.

Рекламные тексты, ориентированные на мужчин, напрямую указывают, что мужское мышление более тяготеет к логике и рационализму, чем женское.

Приведем англоязычные примеры рекламы, ориентированной на мужскую аудиторию:

‘BBC World continues to be the fastest growing pan-European television... with an increase of 37 % in monthly viewers. BBC World now has 2.2 million monthly viewers and 1 million weekly viewers. BBC World is now reaching 600,000 regular viewers in the key German market – an increase of over 100 %...’ *‘BBC World продолжает быть самым быстрорастущим Европейским телевидением. Количество зрителей стремительно увеличивается на 37 %, 2,2 млн человек смотрят его ежемесячно. 1 млн еженедельно. Аудитория BBC World на немецком рынке составляет 600,000 зрителей – увеличение произошло почти на 100 %’* (реклама телеканала BBC);

‘AEROSPATIALE and its European partners have joined forces to win 50 % of the launch vehicle mar-

ket for Ariane. A major success... is present: 1800 aircraft sold to date by Airbus Industrie, almost 40 % of the global helicopter market for Euro copter and close on 550 regional transport planes supplied by ATR' *'AEROSPATIALE и его европейские партнеры объединили усилия, чтобы завоевать 50 % рынка. Значительный успех очевиден: 1800 самолетов уже проданы компанией, почти 40 % мирового рынка вертолетов для Euro copter и почти 550 локальных самолетов были поставлены'* (реклама по продаже самолетов и вертолетов).

Примеры русскоязычной рекламы, ориентированной на мужскую аудиторию:

'265 л.с. Impreza WRX STI 4-цилиндровый двигатель, мощность 265 л. с. (6000 об. мин.), максимальная скорость 244 км/ч, (разгон до 100 км/ч 5,5 с), объем 1,994 см³, крутящийся момент 343 Нм (4000 об. мин.), клиренс 155 мм' (реклама автомобиля Subaru);

'Процессор Intel XScale PXA270 520 МГц, трансфлективный TFT-дисплей 3.7 с разрешением 640x480, 1.3-мегапиксельная камера, 64 Мб постоянной памяти и 64 Мб оперативной памяти, сменная Li-Ion батарея емкостью 1100 мА*ч, позволяющая работать до 9 часов (опциональная батарея емкостью 1800 мА*ч позволяет работать до 14 часов), 117.5 x 72.8 x 16.9 мм; 170 г' (реклама персонального компьютера ASUS MyPal A730).

Сравним примеры англоязычных рекламных текстов, ориентированных на женскую аудиторию, содержащих прецизионную информацию с текстами рекламы, ориентированной на мужчин:

'CHANEL Precision Hydramax +50 % more hydration even under extreme conditions Hydramax + corrects dehydration by targeting its source. It increases the moisture reserves of your skin dramatically, by up to 50 %, even the most extreme conditions' *'CHANEL Precision Hydramax 50 % увлажнения даже в экстремальных условиях. Исправляет недостаток, устраняет источник нехватки влаги. Удерживает запасы влаги в коже, на 50 % даже в самых экстремальных условиях'* (реклама косметического препарата по уходу за кожей лица);

'ROC New retinol body modeling. 20 % reduction, no suction. Now you can refine your silhouette without taking drastic measures... In just 8 weeks, 86 % of subjects showed an improvement in the "orange peel" appearance of the skin by an average 20 % while firmness and tone increased' *'ROC New ретинол. Средство для коррекции фигуры. 20 % уменьшение объемов. Теперь Вы можете улучшить свое тело без особых усилий... всего за 8 недель. В среднем 80 % женщин отмечают значительный эффект, уменьшение «апельсиновой корки», увеличение упругости кожи и здоровый,*

насыщенный цвет' (средство для коррекции фигуры ROC New ретинол).

Русскоязычная реклама, ориентированная на женскую аудиторию:

'Сразу же после нанесения 25000 микролифтинговых частиц воздействуют на кожу, подтягивая ее и разглаживая морщины. Через 4 недели контуры лица заметно восстанавливаются, «возвращаются на место» – 62 %, **кожа выглядит более упругой – 76 %**, морщины сокращаются, овал лица становится более четким' (реклама крем для лица Lancome);

'Уникальные результаты уже через 8 недель: Тон кожи светлее 71 % **Сияющая кожа 74 %** Однородный тон кожи 65 %' (реклама комплекса по уходу за кожей Cell White);

'Заметное уменьшение пигментных пятен у 100 % опрошенных Осветление кожи у 95 % опрошенных. Более сияющая кожа у 100 % опрошенных' (реклама PHYTOMER).

Особого внимания заслуживает *цветонаименование* в рекламе для женщин, причем не только декоративной косметики, но и автомобилей, текстильных изделий и т. д. Проанализировав 400 рекламных текстов, приходим к заключению, что в рекламе, ориентированной на женскую аудиторию, цветонаименование встречается в 8 % случаев, а в рекламе, ориентированной на мужчин, вообще не наблюдается. Причем такое процентное соотношение в равной степени характерно как для русскоязычной, так и для англоязычной рекламы [4. С. 118].

Примеры англоязычной рекламы для женщин, где отмечаются различные цвета через сопоставление с чем-либо:

'Not So Bora-Bora-ing Pink; Cool blonde; copper fizz; iced coffee; funky cherry; Pepsy purple; electric black; rainy day; vanilla ice; bird of paradise; hibiscus; lilac hint; dusky rose; sparkling grape; nasturtium; blazing orange; marine green и др.' *'Не такой скучный розовый, холодная блондинка, медное шампанское, ледяной кофе, насыщенный вишневый, темный напиток с вишневым вкусом, шокирующе-черный, цвет дождя, ванильное мороженое, райская птица, гибискус, цвет сирени, темно-розовый, сверкающий виноград, цвет настурции, обжигающий оранжевый, цвет морской волны'* (реклама декоративной косметики).

Пример русскоязычной рекламы, ориентированной на женскую аудиторию:

'Роскошная белая. Элегантная черная. Обе в одном вкусе' (реклама женских сигарет UNO);

'Ультрафиолет, голубая лазурь, розовая пастель, розовое конфетти, светящийся лайм, натуральный белый, клубничный лед, красная вишня,

рубиновый закат, фиолетовая искра...» (реклама лаков для ногтей Sally Hansen);

‘Коллекция золотое сияние. Чистое золото, золотисто-пепельный блонд, всегда сверкающий’ (реклама краски для волос L’OREAL).

Порой трудно понять, о каком именно оттенке идет речь, т. к. их названия представляют собой образные выражения и метафорические описания. В рекламе же для мужчин нами не было отмечено ни одного цветообозначения [1. С. 125].

Чтобы подчеркнуть какое-то качество товара, его исключительность, прибегают к гиперболе (образному выражению, содержащему непомерное преувеличение определенных качеств какого-либо предмета, явления). На основе анализа текстов печатной рекламы мы пришли к выводу, что особенно часто в текстах рекламы товаров или услуг для мужчин используется форма превосходной степени прилагательных, которая по своему значению тяготеет к гиперболе.

Речь становится выразительнее, если обыгрываются различные значения одного и того же слова или выражения.

Игровые приемы обращаются к эмоциям и логическому осмыслению одновременно, что развлекает адресата и располагает его к непринужденному восприятию. Способы достижения игрового эффекта весьма разнообразны: активно задействованы заимствования, лексика контекстуального значения. Такую лексику можно наблюдать в ряде рекламных текстов, в большей степени ориентированных на женскую аудиторию. Специфика текстов такова, что подобные слова определяются только в контексте предлагаемой вниманию читателей глянцевого рекламы. Но иногда существование разных значений в одном тексте позволяет активизировать речевую экспрессию путем сопоставления двух смысловых планов – прямого и переносного.

Женщины более склонны употреблять слова в их контекстуальном значении, а также искать «тайный» смысл в словах, читать между строк, обращая больше внимание не на значения отдельных слов, а на целое высказывание и на интонацию говорящего. Проиллюстрируем это примерами, отмеченными в рекламе, ориентированной на женщин:

‘Eternity Moment. Just one Moment can change everything’ *Мгновение вечность. Лишь один момент может изменить все*’ (реклама духов от Calvin Klein).

Пример слогана русскоязычной рекламы парфюмерного средства для женщин:

‘Armani Code. Тайный код обольщения’ (реклама духов Armani Code);

‘Удовольствие с французским акцентом’ (блеск для губ Cherie ma Cherie).

Прием контекстуальности использовали составители рекламного текста для компании Peugeot: ‘Peugeot. The drive of your We’ *‘Peugeot. Драйв от езды*’ (реклама автомобиля Peugeot);

‘МЫШЕДЕВР’ (реклама компьютерной мыши MX Revolution).

В данном случае яркость и неповторимость рекламного слогана достигается за счет слова ‘drive’. Среди значений слова можно перечислить следующие: ‘езда, дорога, энергия, стимул, движение, сила, стремление, кайф’.

Другим примером является слоган журнала *Vogue*:

‘Before it’s in fashion, it’s in Vogue’ *‘Перед тем как войти в моду, это появляется в Vogue’*.

В данном случае обыгрывается название известного журнала с устойчивыми выражениями ‘to be in fashion’ и ‘to be in vogue’, обозначающими одно и то же: быть в моде (‘To be in Vogue’), здесь значит быть в моде и быть на страницах журнала *Vogue*.

На лексико-семантическом уровне рекламный текст глянцевого журнала характеризуется экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью, оценочностью [4. С. 112]. Арсенал средств для привлечения внимания, пробуждения доверия и убеждения весьма разнообразен: использование терминологии, уточняющих цифровых информационных данных, наименований цветов, а также проигрывание новых контекстуальных значений.

Список литературы

1. Дробышева, О. В. Репрезентация гендерных образов в рекламе // Культура и коммуникация : сб. материалов II-й междунар. заоч. науч.-практ. конф. Ч. 1 (Челябинск, 2006 г.) / ред.: Г. В. Абросимова, И. С. Ломакина, А. П. Нестеров; Е. М. Халина. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2006. С. 123–127.
2. Дробышева, О. В. Технология репрезентации мужских гендерных образов в рекламе, рассчитанной на мужскую аудиторию // Языковая личность : проблемы статуса и формирования : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 12–13 апр. 2007 г.) / под ред. Л. Г. Ерасова. Воронеж : АНО МОК ВЭПИ, 2007. С. 74–77.
3. Дробышева, О. В. Лингвистическая особенность организации рекламного текста // Кросскультурное и полиязыковое образование в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Костанай, 2009 г.) / под ред. К. М. Баймыр-

заева. Костанай : Костан. гос. пед. ин-т. Костанай, 2009. С. 232–235.

4. Дробышева, О. В. Функционирование вербального компонента в журнальном рекламном тексте гендерной направленности (на материале

русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук (Челябинск, 2010 г.). Челябинск, 2010. С. 1–199.

5. Пирогова, Ю. К. Скрытые и явные сравнения // Реклама и жизнь. 1998. № 5. С. 21–41.

М. Н. Ельцова (Пермь, Россия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАТЕГОРИЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И НАПРЯЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ

The article describes the process of modeling the categories of tension and tensivity in the English sentence and text. There are defined the factors causing the increasing of structural tension and tensivity, and calculated their values. According to these data the energetic model of text is built.

Keywords: tension, tensivity, sentence, text, English language, energetic model of text.

Изучение синтаксических единиц как энергетического пространства является новым направлением в современной лингвистике, хотя некоторые предпосылки для возникновения такого подхода появились достаточно давно, в частности, концепция языка как проявления энергии, духа народа В. фон Гумбольдта. Энергетические характеристики текста и предложения (в различных аспектах) изучались в работах В. Г. Адмони, С. В. Куликова, Н. Л. Мышкиной, Л. В. Кушниковой, Г. Г. Москальчук, И. Ю. Моисеевой, Е. Л. Словицкой, К. Бооста, Э. Драха и др. Категории напряжения и напряженности синтаксических единиц изучались, в основном, на материале немецкого [1; 15; 20; 21] и русского [8; 12] языков. На материале английского языка категория напряженности исследовалась в работе Т. В. Юдиной, где под напряженностью понимается содержательная категория художественного текста, возникающая в результате конфликта, изображенного в конкретном произведении [17. С. 5], т. е. как семантическая категория. Таким образом, предпринятое исследование позволяет обнаружить новые данные, касающиеся структурных составляющих категорий напряжения и напряженности английского предложения и текста.

Изучение категорий напряжения и напряженности целесообразнее проводить в рамках энергетического поля предложения, которое характеризуется нами как синтаксически напряженная структура и формируется из более мелких элементов напряженности (см. схему полей предложения ниже, рис. 1): **субполей (поля, образованные группой главного члена)** и **микрополей (поля отдельных словоформ)** [5. С. 72–78].

Напряженность предложения – это состояние предложения, порожаемое его структурой. В простом предложении напряженность постоянна и направлена с начала предложения в его конец [5. С. 27]. При этом направление напряженности в микрополях может не совпадать с направлением напряженности общего поля, что вызывается валентностными отношениями слов, о чем будет написано ниже. Статичность напряженности определяется как неизменность ее в определенном отрезке речевой цепи, в данном случае – в простом повествовательном изолированном предложении и его структурных составляющих.

Величина напряженности зависит от структурных составляющих, присутствующих в предложении. Различаются первичные и вторичные составляющие [5. С. 35]. Исходя из постулата В. Г. Адмони о том, что любое предложение является напряженным [1. С. 25], мы считаем, что именно первичные составляющие являются универсальным свойством любого предложения на любом языке. К первичным составляющим отнесены предикативность и валентность. Первичные составляющие создают минимальную напряженность предложения. Набор вторичных составляющих варьируется в разных языках, а их наличие в предложении всегда ведет к увеличению напряженности и напряжения.

Напряжение является динамической характеристикой предложения. Под напряжением будем понимать динамические процессы, возникающие в ходе развертывания предложения как соотношение между его предшествующими и последующими компонентами. В предложении напряжение изменяется в каждой его точке (за такую

единицу – точку – принимается слог), т. е. оно меняется с развитием предложения. Сначала оно возрастает, затем постепенно, по мере завершения, спадает [5. С. 27].

Напряженность и напряжение предложения связаны между собой: напряженность определяет то, как будет развиваться и изменяться напряжение в предложении, иными словами, напряженность является составляющей напряжения. Кроме того, составляющими напряжения являются актуальное членение, интонация [1; 8; 20; 21; 22], синтаксическая многозначность [5; 15] и его длина.

Так, для немецкого предложения в ходе анализа научных источников [1; 20; 21; 22], анализа осциллограмм и анализа результатов психолингвистического эксперимента [5] были выделены следующие вторичные составляющие: *глагольная рамка, рамка артикля, отрицательная рамка, порядок слов, скопление существительных и наличие сложных слов*. В английском предложении набор вторичных составляющих будет отличаться в силу специфичных, присущих только английскому предложению структурных и лексико-грамматических особенностей [3; 4; 10; 11 и др.]. На основе теоретического и сопоставительного анализа для английского предложения были выделены следующие вторичные составляющие: *обратный порядок слов, «цепочка», инфинитив, герундий, наличие сложных слов и рамка артикля* [7. С. 93]. Однако в ходе эксперимента, при анализе осциллограмм и анализе результатов эксперимента, было установлено, что составляющая «рамка артикля» для английского предложения является частью более общей составляющей, которая получила название «притяжательность», которую образуют рамка артикля, притяжательные местоимения с существительным, притяжательный падеж существительного и конструкции с предлогом *of*: *year of my life, my miserable existence* и т. д. [16]. Эксперимент проводился в рамках статистико-дескриптивной модели восприятия по лингвистическим признакам [18; 19 и др.], а методика анализа осциллограмм подробно описана в работе [5]. В результате обработки всех количественных данных (эксперимент, анализ осциллограмм) были получены коэффициенты для вторичных составляющих напряженности английского предложения, приведенные в табл. 1.

Изучив данные в табл. 1 и сопоставив их с аналогичными данными для немецкого предложения, мы приходим к следующим выводам:

1) значение минимальной напряженности предложения почти совпадает в обоих языках (0,1361 в английском и 0,1367 в немецком), что формально доказывает постулат об универсальности данной категории;

Таблица 1

Коэффициенты вторичных составляющих напряженности английского предложения

Составляющая	Обозначение	Коэффициент
Отсутствуют все шесть составляющих или минимальная напряженность	N_0	0,1361
Инфинитив	k_1	0,0016
Цепочка	k_2	0,0208
Герундий	k_3	0,0426
Притяжательность	k_4	0,0067
Порядок слов	k_5	0,2090
Наличие сложно-составных слов	k_6	0,0104

2) как в немецком, так и в английском языках весомой вторичной составляющей является «обратный порядок слов», что также обосновывает факт, на который указывал В. Г. Адмони, что позиция подлежащего по отношению к сказуемому является во многих языках нормальным типом порядка слов не только потому, что она количественно преобладает, а в первую очередь потому, что для элементарного предложения, взятого вне контекста и ситуации, подлежащее является исходным смысловым моментом высказывания, его темой [2. С. 200]. Поэтому данную вторичную составляющую также можно считать универсальной для тех языков, в предложениях которых есть обратный порядок слов;

3) остальные коэффициенты для вторичных составляющих напряженности английского предложения также весомы, однако некоторые из них не столь высоки, как в немецком предложении, что, очевидно, связано с тем, что английское предложение формально более строго организовано, и его структура менее подвижна, что ведет к снижению напряженности и напряжения из-за невозможности в некоторых ситуациях образовывать дистантные связи между членами предложения. Поэтому можно предположить, что важным элементом энергетического поля предложения и текста в английском языке может оказаться их ритмическая структура.

Лингво-математическая модель категорий напряженности и напряжения для английского предложения и текста строится по тем же принципам и по той же методике, что и для немецкого (подробнее в работах [5; 6]). Здесь модель будет построена для следующего текста:

New island in Japan

A new island was born in the Pacific. The mo-

ment was captured by the Japanese coastguard. The 200-metre island was created by an eruption of an underwater volcano. The small island joins another 6,000 islands which are located to the south of Tokyo. If the island survives, it will technically become part of Tokyo. The island has not been named yet, as it may sink back into the water.

На первой ступени лингвистического анализа производится анализ энергетического поля каждого предложения, в результате чего для каждого предложения текста строится своя схема. В качестве примера приведем схему для предложения 3: *The moment was captured by the Japanese coastguard.*

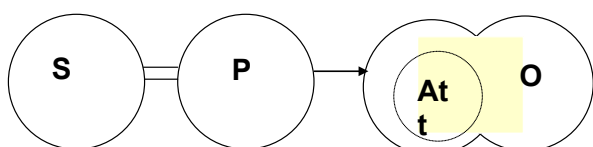


Рис. 1. Схема энергетического поля предложения

- S – подлежащее
- P – сказуемое
- O – дополнение
- Att – определение

Схема наглядно отражает, что в предложении имеется 3 ярко выраженных субполя: подлежащего, сказуемого и дополнения, в котором «растворяется» микрополе определения.

Вторая ступень лингвистического анализа направлена на определение вторичных составляющих напряженности каждого предложения, что, во-первых, позволит определить количественное выражение напряженности предложения, а во-вторых, является подготовительным моментом для следующих ступеней и этапов. Для данного предложения выделяем следующие вторичные составляющие напряженности: притяжательность и наличие сложносоставных слов. Третья ступень сводится к определению длины предложения (здесь единица – слог) и установлению точки максимума. Длина данного предложения составляет 11 слогов, точка максимума находится в 6 слоге. Таким образом анализируются все предложения, образующие текст (сложные предложения разбиваются на простые). В результате данного этапа мы получаем формальную запись анализируемого текста, представленную в табл. 2:

Таблица 2

Формальная запись текста				
№	Вторичные составляющие	Напряженность	Длина	Точка максимума
1	4	0,1428	6	
2	4	0,1428	11	6
3	4, 6	0,1532	13	5

4	2, 4, 6	0,1738	25	16
5-1	4	0,1428	14	13
5-2	4	0,1428	11	9
6-1	-	0,1361	6	6
6-2	4	0,1428	11	8
7-1	-	0,1361	8	7
7-2	-	0,1361	10	5

На следующем этапе на основании данных таблица строится модель напряженности предложения, представленная ниже на рис. 2:

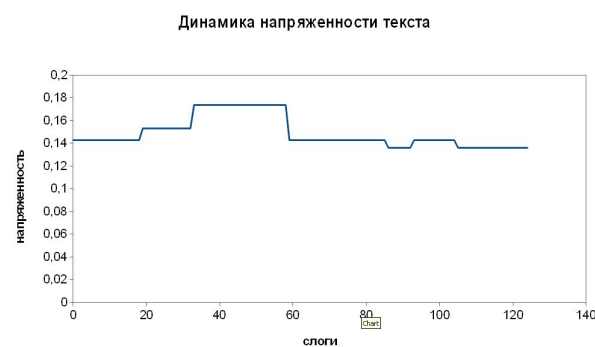


Рис. 2. Модель напряженности текста

Из графика видно, что напряженность текста сначала нарастает, а затем спадает. Максимальная напряженность приходится на то предложение, в котором сообщается наиболее важный для данного текста факт: появление нового 200-метрового острова в результате извержения подводного вулкана. Очевидно, для привлечения внимания именно в данном предложении используется структура с самой высокой напряженностью для текста. Минимально напряжены последние предложения, которые несут гипотетическую информацию («Если остров сохранится, то технически он *станет* частью Токио. Остров *еще не* получил названия, т. к. он *может* погрузиться обратно в воду»).

Последний этап – построение модели напряжения предложения. На основе приведенных в табл. 2 данных строится следующая модель для текста, рис. 3:

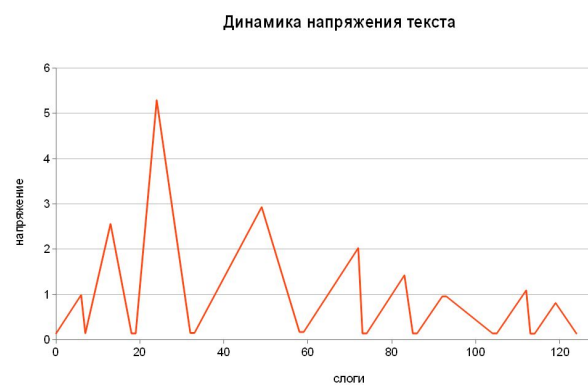


Рис. 3. Модель напряжения текста

Из графика динамики напряжения видно, что максимальные пики напряжения приходятся также на 3-е и 4-е предложения, которые несут в себе наиболее важные сведения, которые сообщает данный текст. Минимальные пики напряжения характерны для начала (заголовка) и для конца текста, что, в принципе, не противоречит общим закономерностям построения текста, а также отражает незначимость и гипотетичность передаваемой в конце текста информации.

Таким образом, используя формальные структурные критерии, можно построить модель (структурных) напряжения и напряженности текста, которая с высокой долей вероятности позволит определить наиболее значимые смысловые позиции текста.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Синтагматическое напряжение в стихе и в прозе // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М. : Наука, 1969. С. 16–26.
2. Адмони, В. Г. Формы, факторы и функции порядка слов // Грамматическое описание славянских языков. М. : Наука, 1974. С. 199–208.
3. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М. : Высш. шк., 1966. 200 с.
4. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики : учебник. 2-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2000. 160 с.
5. Ельцова, М. Н. Категории напряжения и напряженности простого повествовательного предложения : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 185 с.
6. Ельцова, М. Н. Методика анализа синергетических категорий дискурса (на материале рекламного дискурса) / М. Н. Ельцова, Е. Л. Словицова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 32 (286), вып. 71. С. 43–46.
7. Ельцова, М. Н. Категории напряжения и напряженности английского простого предложения / М. Н. Ельцова, М. С. Югов // Проблемы языкознания и педагогики. 2012. № 6 (45). С. 88–95.
8. Куликов, С. В. Минимальная единица смысловой структуры текста (психолингвистическое исследование) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 174 с.
9. Кушникова, Л. В. Динамика переводческого пространства : гештальт-синергетический подход. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2003. 232 с.
10. Левицкий, Ю. А. Теоретическая грамматика современного английского языка : учеб. пособие. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. 156 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Рос. энцикл., 2000. 688 с.
12. Мартынова, И. А. Категория напряженности высказывания и текста // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика : материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 167–168.
13. Моисеева, И. Ю. Текстобразование : системно-динамический аспект. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2003. 344 с.
14. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М. : Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
15. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста : механизмы, формы, характеристики. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 152 с.
16. Югов, М. С. Категории напряжения и напряженности в простом предложении (на материале английского языка) : диплом. работа. Пермь, 2013. 55 с.
17. Юдина, Т. В. Категория напряженности и средства ее выражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 17 с.
18. Чугаева, Т. Н. Модель восприятия речи по существенным лингвистическим признакам и обучение аудированию // Иностранный язык в системе непрерывного образования : проблемы преемственности. Пермь, 2000. С. 65–68.
19. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности : экспериментальное исследование. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 236 с.
20. Boost, K. Neue Untersuchungen zum Wesen und Struktur des deutschen Satzes. Der Satz als Spannungsfeld. Akademie Verlag Berlin, 1964. 88 s.
21. Drach, E. Grundgedanken des deutschen Satzes. Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1963. 99 s.
22. Kleine Enzyklopädie : die deutsche Sprache. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1970. 1174 s.

О. И. Емельянова (Уфа, Россия)

NOTIZEN ZU RILKES FRÜHEN GEDICHTEN

Most of the researchers of R. M. Rilke's creative work point out the parallels between his poetry fine art (painting and sculpture). The author of this article reveals the close connection of R. M. Rilke's poetry with photo art and investigates lexico-grammatical means of its expression in «Early poems» by R. M. Rilke.

Keywords: poetic art, genre of art, painting, sculpture, photo art, peculiarity of fine arts style, snap.

Das Wahrnehmen der poetischen Sprache ist individuell-subjektiv und hängt von vielen Umständen ab. Es spielen die Natur und der Charakter des Menschen, sein Seelenzustand, das Alter, die Lebenserfahrung sowie auch Sprachgefühl eine große Rolle. Und wenn es um die fremdsprachige Poesie geht, so sind auch Sprachkenntnisse von Bedeutung.

Aus dieser Sicht würde die Autorin der vorliegenden Notizen sie für keine wissenschaftlich-theoretische Analyse des ganzen poetischen Schaffens von einem der innigsten Dichter des XX. Jahrhunderts halten lassen, sondern für einen Versuch, ihre eigenen subjektiven Empfindungen in Worte zu bekleiden, den Meinungsaustausch zu erregen und Mitdenker und Mitfühler zu finden.

Viele Wissenschaftler, die das Schaffen von Rilke untersucht haben (A. Karelski, W.G.Admoni, N.S. Litwinetz, O.F.Bolinow u.a.m.), weisen auf die spürbaren Parallelen zwischen seiner Dichtung und der bildenden Kunst, der Malerei und der Bildhauerei in ersten Linie. So wie der Maler mit Pinseln und Farben, der Bildhauer mit Meiseln aus Stein sein Werk schafft, „malt“ und „haut“ der Dichter sein poetisches Bild mit der Feder; als Baustoff dient ihm dabei das Wortgut. Das ist eine unbestrittbar Tatsache.

Unserer Meinung nach kann man manche Übereinstimmungen der Rilkes Dichtung auch mit der Fotokunst finden. Zu Rilkes Lebzeiten hat man von der Fotografie als einer Kunstart noch nicht gesprochen. Heute aber erfüllt das Foto nicht nur eine dokumentierende, sondern auch eine künstlerische Funktion. Die moderne zifrierte Technik vertieft, verstärkt, erweitert die Möglichkeiten dieser Wahrnehmungs-, Darstellungs-, Widerspiegelungsweise der Natur in all ihrer Vielfältigkeit und Eigenartigkeit, so dass es dem Menschen gelingt, anhand der Kamera sowohl statische, als auch dynamische Zustände von Dingen und Lebewesen zu erfassen. Eine notwendige Vorbedingung ist nur erforderlich: eine künstlerische Gabe zu haben. Mit dieser Gabe reich beschenkt, konnte der „unbekamerte“, technisch „unbewaffnete“ Dichter R.M.Rilke das vom Gefühl erfüllte Bild, eine Momentaufnahme schaffen, das trotz seines jungen Alters von seiner dichterischen Reife zeugt.

Von diesem Standpunkt ausgehend nenne man Rilke Dichter nicht nur des Impressionismus und der dynamischen Plastik, sondern auch der lyrischen Fo-

tokunst. Es sei auch betont, dass es dabei um die schwarz-weiße Fotokunst geht.

Rilkes Gemüt fand sein Zuhause schon in den frühen Gedichten. Sie widerspiegeln seine lyrische Seele, reich und für die ganze Welt offen, die einen jeden Eindruck in die poetische Begeisterung kleidet. Diese Begeisterung aber scheint eine strenge Form zu haben. Einerseits ist ihm eine impressionistische Darstellungsweise eigen, andererseits ist es zu sehen, dass diese Beschreibung eine streng organisierte Form hat. Es ist, als ob der Dichter Zeuge der gleichzeitigen Verwandlung von allen Teilnehmern der Handlung zu einer neuen Substanz, ganz vollkommen ihrer Form nach, ist. Diese zahlreichen Teilnehmer der Handlung sind nicht immer Lebewesen. Der Reihe gehören auch die Objekte der Natur, Gegenstände oder Naturerscheinungen. Der Aufmerksamkeit des Dichters entgeht nichts. Auch der Grund dieser Verwandlung wird genannt. Es können Schlaf, Abend, Winter, oft genug auch der Tod sein. Manchmal aber auch das Bedürfnis des Autors allein zu bleiben, die Müdigkeit oder die Krankheit des Beobachters, der nach Ruhe, Stille, Verlassenheit sehnt. Durch den Gebrauch von reichen lexikalisch-grammatischen Mitteln gelingt es dem Dichter die Annäherung des erwünschten Zustands der (ewigen) Ruhe zu erreichen. Im Gedicht „*Der Abend kommt...*“ bedient sich Rilke der Menge von schwach erweiterten Satzreihen. Als Subjekte dieser Kurzsätze treten der Abend selbst, die Familienglieder (*Väter = Alten, Mütter, Kinder, Mägde*), die Tannenbäume. Die rhythmische Organisierung aller Kurzsätze ist so, dass man die Unvermeidlichkeit des Abendschlafes ganz deutlich fühlt. Die sich wiederholende, dem Wiegenlied entnommene monotone innere Melodie verstärkt den Eindruck der Müdigkeit, der Demut vor den Naturmächten und ihrer Gewalt. Das Gedicht ist reimarm: 5 Zeilen enden mit „-innen“ (*sinnen-Königinnen-beginnen- spinnen-innen*). Aber auch die anderen Reimarten enthalten das sonore [n]: *gegangen- Wangen, Tann- an*. Dass der Reimtyp grösstenteils weiblich ist, ist auch kein Zufall. Beruhigend wirkt auch der []-Laut: *lauschen, verschneit, spielen...* Die Lautmalerei gehört zu dem beliebtesten stilistischen Mittel von Rilke auch im „*Ein weisses Schloss...*“. Die Stille, das Erstarren, der Winterschlaf sind durch den Gebrauch von []-enthaltenden Wörtern zu spü-

ren: *Schloss, Schauer, verschneit, stehen, sterben...* Ausdrucksvoll, treffend, situativ bedingt ist auch die Wortwahl, mit derer Hilfe die Annäherung des Zustands der Ermüdung, der Ruhe und der lautlosen lebenden Stille dargestellt ist.

„*Der Abend kommt von weit gegangen durch den verschneiten, leisen Tann*“... Der schwere, weite, verschneite Weg machte den Abend müde. Er besitzt aber eine mystische Gewalt, die Menschen zu bewirken. „*Dann presst er seine Winterwangen an alle Fenster lauschend an*“. Unter seiner Presse ist keine Bewegung möglich, darum werden nicht nur Kinder, sondern auch die Erwachsenen halb müde, halb ängstlich, schutzlos, bewegungsarm. Kein menschliches Geschöpf kann der Gewalt der Natur (*dem Abendschlaf, dem Winter*) widerstehen.

Das ganze Gedicht ist ihrer Darstellungsform nach zwei Fotoaufnahmen ähnlich. Die erste Aufnahme fixiert den langen Weg durch den verschneiten Tann. Die zweite aber stellt das „Drinne“ so dar, das man nicht nur die Beschäftigungen eines jeden zur Sicht bekommt, sondern auch die ganze im Zimmer herrschende Atmosphäre. So etwas gelingt ja einem Fotomeister des psychologischen Portrats. Das Foto ist schwarz-weiß, was im Gedicht durch die Opposition der Begriffe *der dunkle Abend – der weiße Schnee* ausgedrückt ist.

Im Vergleich zu „*Dem Abend*“ wird das Inschlafversinken im „*Weißes Schloss*“ viel gespannter, gefährlicher, ja katastrophal zum Ausdruck gebracht, denn es geht da um den ewigen Schlaf, Tod genannt. Es gibt keine Rettung davor. Der Tod kommt unerbittlich, sein Annähern vollzieht sich vor den Augen der künstlerisch gesinnten Person. Diese bleibt kaltblütig, ruhig, beiseitestehend, gefühllos. Schonungslos fixiert der Kameramann den Zustand der Verwüstung. Seine Nichtteilnahme ist aber dadurch zu erklären, dass der Fotograf von seiner Facharbeit hingerissen ist. Gerade dank seiner Hingerissenheit bewirkt das allmähliche Zugrundegehen des Schlosses den Mitseher und den Mitfühler so erschütternd. Die letzte Zeile dieses kleinen Meisterwerkes klingt wie das Gerichtsurteil, hoffnungslos und endgültig: „...*es starb die Zeit.*“ Zur Verstärkung der Hoffnungslosigkeit und der tödlichen Gefahr bedient sich der Dichter des knappen und doch sehr treffenden, zum Erschüttern bringenden Wortschatzes: *weiße Einsamkeit, leise Schauer schleichen, todkrankes krallendes Gerank, die Sehnsucht mit irren Händen, stehende Uhr, die gestorbene Zeit*. Es sei betont, dass

in dieser Liste keine tätige Person erwähnt wird. Es ist nur zu vermuten, dass das Schloss einstmals einen Besitzer hatte, der darin sein Leben verbracht hatte. Die Uhr... Wo ist ihr Besitzer? Ist er noch am Leben? Der Mensch ist sterblich. Ist auch seine Zeit aus? Allmählich verschwinden (versterben?) auch Artefakte, Begleiter seines Daseins. Mit der Zeit stirbt jede Erinnerung an den Menschen, auch die Zeit selbst.

Immer gibt es eine unsichtbare Grenze zwischen der realen und der irrationalen, von dem Dichter erfundenen Welt. Darauf weisen auch die zahlreichen Adjektive, die Rilke so gerne gebraucht: *weiß, tot, blaß, bleich, winterlich, verschneit, sterblich*, die von der doppelten Semantik gekennzeichnet sind. Einerseits bezeichnen sie Farbe, andererseits aber auch die Erstarrung, den Schlaf, den Tod, ganz im Sinne eines mit Worten malenden Künstlers. Die schwarz-weiße Fototechnik verstärkt diesen Eindruck.

Eine ganz besondere Funktion erfüllen in Rilkes Poesie Partizipien. Es geht nicht um ihre syntaktische Rolle, attributiv, prädikativ oder auch adverbialbestimmend aufzutreten, sondern um ihre stilistische Belastung. Vom stilistischen Standpunkt aus bilden gerade Partizipien jene unsichtbare Grenze zwischen der Absicht und dem Fertigwerden, wo der schöpferische Prozess schon beendet ist, das DING aber sich von der Berührung mit dem Schaffenden noch nicht erholt hat. Es entsteht dabei der stark ausgeprägte Eindruck der inneren Bewegung, Vergeistigung, Beseeligung des leblosen Dings. Hin und dort erscheinen die *schimmernden Schwäne in prahlenden Posen, die versunkene Stadt, der verschneite Tann, die frierende Birke, der lauschende Abend, der träumende Falter, auch zitternde(!!!) Bitte*. Die leblosen Dinge übernehmen die Eigenschaften des mit ihnen in Berührung kommenden Menschen, auch in seiner Abwesenheit. Durch die personifizierende Einwirkung von Partizipien lässt der Dichter das Ding sich freuen und weinen, prahlen und zittern, atmen und erstarren, leben und sterben.

Unsterblich bleiben aber die Kunst, die Schönheit, die Dichtung und Rilkes Name darin.

Bibliography

1. Rainer Maria Rilke Gedichte / das vorwort von A. W. Karelski ; kommentar von N. S. Litwinetz. M. : Verlag Progress, 1981. 517 s.

Г. А. Заварзина (Воронеж, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ВЕЛИКОРУССКИЙ ПЕРИОД

The given article is devoted to the study of state government vocabulary formation peculiarities in the Great Russian period (XIV–XV–XVII centuries). Changes in the state-administrative structure of new Russian government connected, first of all, with the transformation of governing activity into an important and independent professional sphere have led to the enlargement of government vocabulary due to word-formation processes and borrowings, as well as single lexical units' semantic changes.

Keywords: vocabulary and phraseology of state government, semantic structure of the word, content's aspect extension, borrowing, affixation, word composition.

Как известно, в период формирования великорусской народности (XIV–XV–XVII вв.) Московская Русь представляла собой крупное централизованное государство со сложной административно-управленческой структурой, для наименования которой использовалось большое количество словесных знаков, которые целесообразно представить как систему тематических групп: 1) наименования органов и учреждений административно-государственного управления: а) общие наименования государственных учреждений (ср.: *приказъ, полата, путь, Боярская дума, Земский собор* и др.); б) наименования судебных учреждений, органов судебного делопроизводства и видов их деятельности (ср.: *земский приказъ (дворъ), полатный судъ, вершити взыскание, наносити судъ* и др.); в) наименования органов дипломатического характера и проводимых ими мероприятий (ср.: *посольский приказъ, посольная (посольская), идти на посольство, въ посольствѣ* и др.); г) наименования финансовых государственных учреждений (ср.: *Приказъ Большой казны* и др.); д) наименования учреждений и лиц, связанных с выполнением военной службы (ср.: *Оружейная полата, полкъ сторожевой, полковникъ* и др.); е) наименования органов местного управления (ср.: *воевода, староста волостной* и др.); 2) обозначения явлений и понятий в сфере государственного управления и государственной службы (ср.: *служба, служити* и др.); 3) наименования государственных должностей и чинов (ср.: *сенаторъ, боярин, окольничий, кравчий (кравчей)* и др.); 4) названия новых документов и их видов (ср.: *отписка (отпись, отписыванье), жалоба, законодание, листъ, память* и др.); 5) наименования новых сословий, социальных отношений (ср.: *житийские люди (мужи), окладчикъ, помѣщикъ* и др.); 6) обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления (ср.: *волокинта, взятка, неслужба, посульникъ* и др.); 7) обозначения способов поощрения должностных лиц (ср.: *выслуга, награждати* и др.); 8) обозначения способов наказания должностных лиц (ср.: *вы-*

говор; вычетъ, отставка и др.); 9) обозначения административно-территориальных единиц (ср.: *станъ, десятина, осада* и др.); 10) наименования пошлин и поборов, устанавливаемых органами государственной власти (ср.: *пожилое, подати, запросъ* и др.) [1].

Процесс расширения словаря тематической сферы 'Государственное управление' в великорусский период происходит, прежде всего, за счет развития значений и усложнений смысловой структуры слов, относившихся к основному словарному фонду русского языка (ср.: *голова, положити, класти* и др.), а также за счет семантического развития известных в древнерусский период лексических единиц сферы государственного управления (ср.: *бояринъ, приказъ, служба, земский, казенный, наказный* и др.). Расширение плана содержания подобных слов обусловило новые возможности их сочетаемости (ср.: *бояринъ ближний (первый, комнатный), бояринъ введенный, бояринъ конюший, бояринъ путный, бояринъ ответный; голова засѣчный, заставный, кабацкий, письменный, стрелецкий; Приказъ Володимирский, Костромской, Новгородской, княжества Смоленского, Сибирский, Дворцовый, Монастырский, Казачий, Казенный, Каменный, книгопечатного дѣла, Поместный* и др.).

По наблюдениям О. В. Горшковой, изучавшей язык московских грамот XIV–XV вв., именно фразеология «определяет деловой стиль древнерусского языка, вскрывает жанровые различия внутри делового стиля наряду с рядом слов, употребляемых в особом значении, присущем лишь языку деловых памятников» [2. С. 8]. К специфической фразеологии приказного языка относятся 1) устойчивые словосочетания – названия деловых бумаг (ср.: *кабала поручная; статья указная, доска закладная, отписка отбойная, излюбленный договор, отводная записка, заручная память* и др.); 2) устойчивые словосочетания – названия государственных учреждений (ср.: *полата думная, полата посольная (посольская), полата золотая, Расправная полата* и др.); 3)

устойчивые словосочетания – номинации видов деятельности государственных органов и их представителей (ср.: *отслуживати службы; быть в правительствѣ, на государеву службу ходити, волокитой изволочити (дѣло)* и др.); 4) устойчивые словосочетания – обозначения чинов и должностей (ср.: *казначей денежный, казначей плательный, казначей купчинъ; ключникъ степенный, ключникъ путный, ключникъ пушкарский; конюхъ стадный, конюхъ задворный, конюхъ стряпчий; комнатный бояринъ, комнатный стольникъ; староста волостной, староста посадский, староста купеческий; боярин первый, боярин путный* и др.); 5) устойчивые словосочетания – наименования поборов (ср.: *подати государевы, подати царевы, подати великого князя; кормь таможенный, кормь государевъ, кормь царевъ, кормь данный; служба посошная* и др.). Следует отметить достаточно развитые парадигматические связи между словесными знаками и фразеологическими единицами анализируемой сферы, представленные, прежде всего, явлением синонимии (ср.: *отметная – взметная – изметная – розметная – узметная* (о грамоте, возвращаемой назад при расторжении мирного договора) [1]; *отписка – отпись – отписанье* и др.).

Новые словесные знаки, номинирующие явления и понятия из сферы государственного управления, в великорусский период образуются также с помощью словообразовательных возможностей языковой системы русского языка. Среди наиболее продуктивных словообразовательных процессов в XIV–XVII вв. можно назвать сложение (ср.: *посулоимание, скипетровластие, единостольникъ, единодержец, земовластець, нововыборный властодержат и др.*) и аффиксацию.

Аффиксация была представлена такими способами словообразования, как: 1) суффиксальный (ср.: -аниј/-аньј-: *отписание, законодание; -ениј-: повышение, ввѣрение, воцарение; -иј-: правитие; -ств-: приставство, владѣтельство, властельство, воеводство; -щин-: боярщина, земщина; -чикъ/ -щикъ: отписчикъ (отписчикъ), приказчикъ, развѣдчикъ; -никъ: печатникъ, послальникъ; -ецъ: посланецъ, владѣлецъ; -арь: подписарь; -тель: оберегатель; -истъ: канцеляристь; -к-: присадка, записка; -унъ: кликунь; -ниц-: жалобница; -ишк- (уменьшит.-уничижит.): бояришко, службишка); ср. также: -ск-: *поповский, писарский, канцелярский, генеральский; -н-: волостной, выборный, жалобный, канцелярный; -ин-: волостелин; -ян-: письменная голова; -чив-: справчивый подъячий, -ов- генералов); ср.: -ыва/-ива-: отписывати срочные, служивати; -ова-: повелѣтельствовати, правительствовати,**

*ти, владѣствовати и др.); 2) префиксальный (ср.: от - : отсидѣти; за- : заворовати; из-: излечи, изволочити волокитой (дѣло); воз-: возвести на престоль и др.; ср. также : без-/ бес-: безволокитный, безвластельный, беспосульный; не-: недворцовый, незаслуженный, несудимая (грамота); 3) приставочно-суффиксальный: (ср.: по-приказному, вправду и др.). Достаточное распространение в языке великорусского периода получил безаффиксный способ словообразования (ср.: *възвѣзд, зазывъ, обговоръ, отпись, выпись, запись* и др.).*

Кроме развития и усложнения смысловой структуры общеизвестных слов и образования новых лексических единиц и терминов путем словопроизводства, обогащение словарного состава литературного языка шло за счет заимствований.

Серьезным фактором обогащения языка великоруссов становится вхождение в него западноевропейских лексем (особенно в XVII в.), осуществляемое нередко через посредство польского языка (ср.: *агент* (нем. Agent) – ‘дипломатический представитель’ [3. С. 27], *артикул; бургомистръ (бурмистръ, бергомистерь, бергоместерь)* (из нем. через польск. *burgmeister*) и др.).

Заимствования в русский литературный язык эпохи Московской Руси осуществлялись также из греческого языка (ср.: *синклитъ* (греч. *σύνκλητος* (βουλή) – «совокупность придворных, знать в Московском государстве», *синодъ* (греч. *σύνοδος*); предполагает посредство польск. *synod*) – «собрание высшего духовенства для решения церковных дел у христиан, собор» [3] и др.), за счет которого возрастает культурно-образовательная роль латинского языка, являвшегося интернациональным языком средневековой европейской науки и культуры [4. С. 25] (ср.: *парламент, секретарь, сенать, канцелярия, мандат, договор и др.*).

В целом, анализ развития лексических и фразеологических номинаций тематической сферы ‘Государственное управление’ показывает, что изменения в государственно-административном устройстве нового Российского государства, связанные, в первую очередь, с превращением княжеского управления в так называемое «государево управление» и с выделением управленческой деятельности в важную самостоятельную профессиональную сферу деятельности, основанную на принципах подданства и православных постулатах, привели к обогащению словаря управления за счет целого ряда новых словесных знаков, а также семантических преобразований отдельных лексических единиц. Соответственно, лексика государственного управления рассматриваемого периода представляла собой сложный сплав словесных

знаков, восходящих к древнерусскому периоду, а также сформировавшихся в великорусский период в результате активных словообразовательных процессов и заимствования.

Список литературы

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Наука, 1975–2008.
2. Горшкова, К. В. Язык Московских грамот

XIV–XV вв. : автореф. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 1951. С. 8.

3. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 27.

4. Виноградов, В. В. Основные этапы истории русского языка // Виноградов, В. В. История русского литературного языка : избранные труды. М. : Наука, 1978. С. 25.

Т. Е. Змеёва (Москва, Россия)

РОЛЬ СЕНТЕНЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

In present article is analyzed sentence's role in the realization of literary text's main categories and author's pragmatic intentions. Functioning in a literary text, sentence keeps different types of information, it is a means of text modality's expression, text's integrity and coherence realization. Sentence is considered as one of factors of literary communication's efficiency and success.

Keywords: sentence, text's main categories, text's integrity, text's coherence, text's pragmatic.

Проблемы, связанные с организацией и функционированием текста, находятся в числе самых актуальных проблем современной лингвистики. В частности, внимание российских и зарубежных лингвистов привлекают вопросы реализации основных категорий текста. Однако до сих пор нет единого мнения о составе текстовых категорий, об основах их классификации, не полностью изучены факторы, участвующие в их реализации, что обуславливает интерес к данной проблематике и актуальность исследований, проводимых в рассматриваемом контексте.

И. Р. Гальперин первым предложил систему текстообразующих категорий, выделяя в их составе категории содержательные и формально-структурные, подчеркивая при этом их взаимобусловленность [3. С. 5].

Несмотря на разнообразие точек зрения, базовыми категориями текста считаются категории связности / когезии и цельности / целостности / интеграции / когерентности (к сожалению, до сих пор нет терминологического единообразия).

Целостность (или цельность) текста ориентирована на план содержания, на смысл и обусловлена законами восприятия текста, стремлением читателя, декодирующего текст, соединить все компоненты текста в единое целое.

Связность внешне выражается в тексте на уровне синтагматики слов, предложений, тексто-

вых фрагментов. Автор текста в процессе его порождения стремится расчленивать континуальный смысл на компоненты, в связи с чем можно говорить и об интенциональности связности: она обусловлена замыслом автора.

Эти две фундаментальные текстообразующие категории притягивают к себе и группируют вокруг себя соотнесенные с ними категории (в частности категории информативности, интегративности, завершенности).

Отдельно хотелось бы остановиться на понятии 'текст' вообще и 'художественный текст' в частности. Существует множество определений текста. Мы будем опираться в своём исследовании на определение, предложенное И. Р. Гальпериным, которое, на наш взгляд, наиболее ёмко отражает специфику текста: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [3. С. 18].

Что касается определений художественного текста, то их тоже много. Так, художественный текст рассматривается и «как коммуникативно

направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [5. С. 3] и как «возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное, чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания...» [1. С. 120]. При существующем разнообразии определений исследователи природы художественного текста и законов его функционирования сходятся во мнении, что прагматика художественного текста не тождественна прагматике повседневного человеческого общения. В приложении к художественному тексту прагматика имеет свой особый объект, свои особые задачи, свой особый метод исследования.

В контексте рассмотренных выше проблем нам хотелось бы остановиться на функционировании предложений в художественном тексте и рассмотреть их роль в реализации его основных текстообразующих категорий и прагматических целей автора.

Вслед за И. Р. Гальпериным, мы считаем предложениями такие «предложения внутри высказывания, которые, прерывая последовательность изложения фактов, событий, описания, представляют собой некие обобщения, лишь косвенно связанные с этими фактами, событиями, действиями, описаниями» [2. С. 49].

Материалом для исследования послужили произведения А. де Сент-Экзюпери “Vol de nuit” и “Terre des hommes”. Выбор произведений данного автора для анализа не был случайным. В этих произведениях А. де Сент-Экзюпери затрагивает ряд философских и моральных проблем, связанных с поисками смысла жизни человека, его высокого предназначения, обосновывает свои гуманистические идеалы. Эти произведения изобилуют предложениями, которые стали отличительной чертой стиля писателя.

По мнению многих лингвистов основной коммуникативно-прагматической установкой автора художественного произведения является передача идеи произведения. Всеми доступными средствами языка и их своеобразной аранжировкой автор старается донести её до читателя. При этом основная коммуникативная установка может реализоваться через частные коммуникативные установки. В процессе порождения текста автор разбивает художественное произведение на главы, абзацы, СФЕ, расчленяет глобальную тему произведения на темы и микротемы глав, абзацев, СФЕ. Последовательное раскрытие частных тем и микротем способствует раскрытию глобальной темы произведения. В прагматическую интен-

цию автора входит также задача воздействовать определённым образом на читателя.

Замечено, что в произведениях А. де Сент-Экзюпери логико-смысловая структура предложения часто отражает логико-смысловую структуру сегмента текста, в который она непосредственно включена. Проследим это явление на следующем отрывке из романа “Vol de nuit”:

“Le règlement, pensait Rivière, est semblable aux rites d’une religion qui semblent absurdes mais façonnent les hommes. ... L’homme était pour lui une cire vierge qu’il fallait pétrir. Il fallait donner une âme à cette matière, lui créer une volonté. Il ne pensait pas les asservir par cette dureté, mais les lancer hors d’eux-mêmes. S’il châtiât ainsi tout retard, il faisait acte d’injustice, mais il tendait vers le départ la volonté de chaque escale ; il créait cette volonté. Ne permettant pas aux hommes de se réjouir d’un temps bouché, comme d’une invitation au repos, il les tenait en haleine vers l’éclaircie, et l’attente humiliait secrètement jusqu’au manoeuvre le plus obscur. On profitait ainsi du premier défaut dans l’armure : « Débouché au nord, en route ! ». Grâce à Rivière, sur quinze mille kilomètres le culte du courrier primait tout.

Rivière disait parfois :

«Ces hommes-là sont heureux parce qu’ils aiment ce qu’ils font, et ils l’aiment parce que je suis dur» .

Il faisait peut-être souffrir, mais procurait aussi aux hommes de fortes joies. « Il faut les pousser, pensait-il, vers une vie forte qui entraîne des souffrances et des joies, mais qui seule compte»” [6. С. 31].

Смысловая структура данного отрывка развёртывается от общего утверждения, что инструкции (правила) похожи на ритуалы религии (которые кажутся абсурдными, но формируют человека) к более конкретным рассуждениям на эту тему. Предложение строится на сравнении инструкции с религией и на противопоставлении абсурдного тому, что важно для жизни людей, тому, что делает человека человеком. Сравнение с религией не случайно, и в непосредственном контекстуальном окружении предложения мы находим этому подтверждение. Ведь для Ривьера и пилотов существует культ почты (le culte du courrier). С другой стороны, весь данный отрывок строится на противопоставлении абсурдности, жестокости, несправедливости некоторых инструкций их значимости в жизни пилотов. Ривьер искренне убеждён, что именно эти инструкции, пусть иногда жестокие и несправедливые, укрепляют волю пилотов, прививают им любовь к своему делу, в конечном счёте, делают их смелыми, мужественными – героями. Это противопоставление чётко прослеживается и в употреблении лексических

средств данного отрывка. Абсурдность и жестокость подчёркиваются употреблением таких слов, как ‘injustice, dureté, châtiment, acte d’injustice, humiliant, dur, souffrir, souffrances’. Но, несмотря на абсурдность, инструкции, так же как и религия, по мнению Ривьера, формируют людей (‘fazonnent les hommes’), и это подтверждается употреблением ряда глаголов со значением «созидательного действия»: ‘périr, donner (une vie), s’être (une volonté), lancer (hors d’eux-mêmes), pousser (vers une vie forte)’. В рассмотренном случае предложение несёт информацию о логико-смысловой структуре текста. Благодаря обобщающему характеру семантики, сравнению и противопоставлению предложение привлекает внимание читателя, возбуждает эстетическое переживание, которое способствует стремлению к повторному восприятию и воспроизведению предложения. Таким образом, через предложение автор фиксирует в памяти читателя логико-смысловую структуру текста.

В силу обобщённого характера своей семантики предложение часто выступает в качестве тематического ядра СФЕ, абзаца и даже главы. Данную функцию предложения можно проиллюстрировать на примере следующего отрывка из романа “Terre des hommes”:

“Que savons-nous, sinon qu’il est des conditions inconnues qui nous fertilisent? Où loge la vérité de l’homme ?

La vérité, ce n’est point ce qui se démontre.

Si dans ce terrain et non dans un autre, les oranges développent de solides racines et se chargent de fruits, ce terrain-là est la vérité des oranges. Si cette religion, si cette culture, si cette échelle des valeurs, si cette forme d’activité et non telles autres favorisent dans l’homme cette plénitude, délivrent en lui un grand seigneur qui s’ignorait, c’est que cette échelle des valeurs, cette culture, cette forme d’activité, sont la vérité de l’homme. La logique ? Qu’elle se débrouille pour rendre compte de la vie” [7. С. 256].

В приведённом примере предложение в концентрированной форме выражает основную мысль данного СФЕ: самое важное, главное – это вовсе не то, что очевидно, что лежит на поверхности. В данном случае предложение несёт информацию о теме определённого сегмента текста, облегчая читателю выделение и восприятие микротем и тем произведения. Выступая в качестве тематического ядра СФЕ, предложение способствует раскрытию темы главы, которая называется “Les hommes”. Очевидна связь данного предложения с темой главы, в которой речь идёт о поисках истины, о смысле жизни человека.

Являясь тематическим ядром одного из сегментов текста, предложение может способствовать раскрытию и глобальной темы произведения.

Непосредственное участие предложений в раскрытии темы главы, в которой они реализуются, и глобальной темы произведения характеризует предложение как одно из средств интеграции текста. Таким образом, предложение выполняет интегрирующую функцию, способствуя восприятию текста читателем как целостного образования, объединённого глобальной темой.

Будучи автосемантической по отношению к своему непосредственному окружению, предложение становится важной вехой в раскрытии содержательно-концептуальной информации произведения. Связь предложения с содержательно-концептуальной информацией произведения можно проследить на примере из романа “Terre des hommes”:

“La grandeur d’un métier est, peut-être, avant tout, d’unir des hommes: il n’est qu’un luxe véritable, et c’est celui des relations humaines” [7. С. 118].

Данная предложение отражает один из основных мотивов произведения – постоянное раздумье писателя о своеобразной диалектике одиночества и братства. Согласно А. де Сент-Экзюпери, действительное богатство личности состоит в богатстве её действительных связей и отношений. А эти связи и отношения, по мнению писателя, порождаются лишь настоящим человеческим трудом. А. де Сент-Экзюпери приходит к выводу, что есть только одна подлинная ценность – связь человека с человеком.

Поскольку предложения выражают эстетические и этические воззрения автора, авторское отношение к описываемому, характер предложений, которыми наполнен текст, определяет модальность всего романа. Примером выражения субъективной оценки описываемых явлений может служить предложение из романа “Vol de nuit”: “Si les insomnies d’un musicien lui font créer de belles œuvres, ce sont de belles insomnies” [6. С. 37].

Субъективно-оценочная модальность данного предложения создаётся не только семантикой положительной оценки прилагательного ‘belle’, но и его повтором в параллельных конструкциях. При этом внимание читателя привлекает неожиданное сочетание прилагательного ‘belle’ с существительным ‘insomnie’, несущим отрицательную коннотацию. Парадокс соотношения существительного ‘insomnie’ с прилагательным ‘belle’ переключается с парадоксальной зависимостью героизма, смелости, решительности, стремления пилотов к достижению цели от суровости, непреклонности и жестокости Ривьера, так как пре-

красными бессонницы делает то, что они способны созданию прекрасных произведений, так же, как жестокость Ривьера оправдывается благородством поставленной цели, желанием заставить пилотов поверить в себя, не отступать перед опасностями, быть мужественными на благо людей. Данный пример ещё раз позволяет проследить связь предложения со всем произведением в целом, с его идеей. Таким образом, субъективно-оценочная модальность предложения способствует восприятию субъективно-оценочной модальности всего произведения.

Широкое использование предложения как стилистического приёма в произведениях А. де Сент-Экзюпери позволяет говорить о том, что предложение является носителем стилистической информации, отражающей отношение автора к стилю своих произведений и окружающему миру.

Итак, реализуясь в художественном произведении, предложение является носителем различных видов информации: стилистической, эстетической, содержательно-концептуальной, о логико-смысловой структуре текста, о тематическом развёртывании произведения. Являясь средством выражения текстовой модальности, выполняя интегрирующую функцию, предложение способствует восприятию текста как целостного образования. Фиксируя в памяти читателя логико-смысловую структуру текста, отражая микротемы и темы произведения, выделяя наиболее значимые про-

блемы и сегменты текста, убеждая читателя и настраивая его соответствующим образом, предложение способствует восприятию текста, соответствующему замыслу автора. Правомерным, на наш взгляд, представляется утверждение, что предложение является одним из средств достижения эффективности, действенности, успешности процесса литературной коммуникации.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994. 152 с.
2. Гальперин, И. Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // Вопр. языкознания. 1977. № 1. С. 48–55.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст]. М. : Наука, 1981. 138 с.
4. Нирё, Д. О значении и композиции произведения // Семиотика и художественное творчество. М. : Наука, 1977. С. 125–151.
5. Пищальникова, В. А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. Барнаул, 1984. 59 с.
6. Saint-Exupéry, A. Vol de nuit // Terre des hommes. Kiev : Dnipro, 1978. P. 15–91.
7. Saint-Exupéry, A. Terre des hommes // Terre des hommes. Kiev : Dnipro, 1978. P. 93–259.

О. С. Зубкова (Курск, Россия)

ЭНТРОПИЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ КАК ЧАСТИ ИСКУССТВЕННОГО СЕМИОЗИСА

The article is devoted to the entropic potential of professional metaphor within artificial semiosis from linguosemiotic point of view.

Keywords: artificial semiosis, sense entropy, professional metaphor, semiotics of communication.

В настоящее время наблюдается большой интерес ученых к изучению проявлений различных аспектов языковых феноменов в культуре. Это свидетельствует о неослабеваемом интересе учебного сообщества к описанию форм сохранения и передачи человеческого опыта посредством языковых знаков. В свою очередь, семиотика стремится максимально расширить сферу применения, экстраполируя свои теории на всё более разнообразные семиотические объекты, служащие целям передачи информации и участвующие в культур-

ных и коммуникационных процессах. К числу таких языковых объектов относится, по нашему мнению, профессиональная метафора, рассматриваемая нами как часть искусственного семиозиса. Под *искусственным семиозисом* мы понимаем процесс культурного означивания, т. е. знакового представления информации и использования знаков в семиотическом пространстве культурно-социальной жизни (см. подр.: [2. С. 123]).

Согласно развиваемой нами лингвосомиотической концепции, профессиональная метафора

как лингвосемиотический феномен выступает в качестве посредника между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и лингвистической «реальностью». В такой трактовке исследуемый феномен выступает в роли медиатора между естественным языком и культурой, являясь своеобразным лингвосемиотическим конденсатором. При этом значение профессиональной метафоры, как и любой языковой единицы, детерминировано культурой, в рамках которой определяется семиотический вектор рассмотрения исследуемого феномена.

С этих позиций метафора как лингвистический феномен приобретает статус семиотического пространства, в котором лексикализуются культурные или профессиональные семы. Культурная (в широком смысле) и / или профессиональная информация «прикрепляется» к сигнификату, однако связь языка с действительностью осуществляется индивидом посредством создания знаков и их референтов. Коннотативные смыслы также *зависимы от социокультурного контекста и сохраняют свою активность вместе с общекультурным контекстом до тех пор, пока индивид свободно ориентируется в нем. Исчезновение или изменение контекста вызывает изменение смысла этой языковой единицы.* Понимая/производя метафору, индивид бессознательно усваивает/воспроизводит *порядок культуры*, проявлением которого является этот лингвосемиотический феномен. С целью подтверждения высказанных теоретических положений мы считаем необходимым рассмотреть энтропийные возможности профессиональной метафоры как части искусственного семиозиса, обладающей высоким синергетическим потенциалом.

Речемыслительная деятельность индивида – явление уникальное по своей многогранности. Разумеется, эта деятельность коммуникативна, социальна и эстетически и профессионально релевантна. Производство и рецепция смыслов – также явление, поддающееся рассмотрению почти с неисчислимыми точками зрения. Так, например, метафора как лексема с высоким энтропийным потенциалом зарождается в активном сознании как результат организации множества разных векторов мысли в её содержательной структуре. Являясь весьма разветвленной структурой, феноменолого-диалектическая модель профессиональной метафоры (см. подр.: [2]) позволяет осуществить феноменологическую реконструкцию и анализ содержания исследуемого феномена в достаточном объеме его актуализаций в речемыслительной деятельности. Вместе с тем, как нам представляется, в речемыслительной деятельно-

сти разнообразные рефлексивные трансакции, осуществляемые в сознании индивида, находят отражение в содержательной структуре профессиональной метафоры.

Заметим, что на стадии искусственного семиозиса традиционные для конкретного культурного пространства механизмы становятся все более активными. При этом языковая система моделирует механизмы культуры посредством обновления кодов. Для каждой из сфер деятельности языковая личность выстраивает свою систему понятийно-языковых координат, эмоциональных и символических связей, дополняемых *общностью психического* склада. Так, например, в семиотике профессиональной коммуникации наиболее рельефно актуализированы именно профессиональные метафоры как особые знаки профессионального семиотического континуума. Они являются результатом коннекции между индивидом и его опытом, предоставляющих определенный алгоритм понимания профессиональных феноменов. С позиции развиваемой нами лингвосемиотической концепции метафоры семиотизируют профессиональную ситуацию, соединяя прогностический, суггестивный и акциональный аспекты, обеспечивающие её экстерьерную идентификацию внутри континуума. Вместе с тем исследуемый феномен объективирует уже имеющееся знание о мире, сопоставляя «готовые» значения при расшифровывании культурного кода и вызываемые ими ассоциативные представления, а также является отправной точкой формирования всей грамматики коммуникации в искусственном семиозисе (см. подр.: [2]). Например: «Уважаемый коллега! Могу сообщить Вам, что неоднократно имела удовольствие сталкиваться с такой клинической картиной, причем, как правило, там имел место гангренозный аппендицит, либо эмпиема червеобразного отростка. Считаю (надеюсь, Вы уважаете мнение женщины), что отсутствие общих признаков интоксикации вызвано ограничением деструктивного процесса либо сальником, либо висцеральной брюшиной отростка. А вообще, смею заметить, клиника аппендицита за последние годы разительно отличается от классической. Первоначально – острые боли где угодно, кроме брюшной полости. Но это “немецкая ссора” “querelle d’Allemand”» (В данном случае мы считаем необходимым сначала дать некоторые пояснения по поводу этого устойчивого выражения, характерного для французской лингвокультуры, а затем продолжить изложение. «Немецкая ссора» – это ссора между «немцами и Немцем», т. е. не имеющая никаких оснований и ничего не означающая по своей сути, но при-

водящая к катастрофическим последствиям. В конце XIII – начале XIV в. горный район между Драком и Изерией принадлежал знатному господину по фамилии Немец. Его владения простирались до самых Альп. Вокруг этих территорий располагались менее обширные землевладения других феодалов, завидовавших Немцу. Поддерживать мир и спокойствие знатному вельможе помогали его связи при дворе и высочайшая обязанность управлять и вершить правосудие от имени короля. Пользуясь этими привилегиями, Немец сочетал брачными узами всех состоятельных молодых людей, представителей других феодальных фамилий с дочерьми соседских землевладельцев и своих близких родственников, выдав замуж таким образом и своих собственных. В результате таких действий землевладения Немца увеличивались. Однако один из членов его многочисленной семьи, опасаясь за собственные земли и желая приумножить личный капитал за счет Немца, собрал семейный совет, на котором обнаружил личные претензии на земли старшего кузена, мотивируя отсутствием прямых семейных уз (жены) с его семьей. Не получив достаточной поддержки, он распродал в спешном порядке свои землевладения и крестьян и стал собирать маленькие военные отряды из подкупленных членов семьи Немца и бандитов, проживающих в лесах, настроив их против кузена. В результате этой ссоры начались достаточно масштабные и затяжные военные действия на территории, далеко выходящей за владения Немца и простирающейся до самого Гренобля и Вальбонне). «Затем усиление болевого синдрома в эпигастрии <...> При осмотре я заметила усиление болей только в эпигастральной области, другие отделы живота спокойно спали, симптомов раздражения брюшины не было. А вот в анализах крови – лейкоцитоз до 9.5 без сдвига формулы, умеренное повышение амилазы крови, моча б/о. Тут-то и начались “немецкие” боевые действия! <...> Как результат – после перфорации инфильтрированной брюшины вышло очень много гноя. “Немец не погиб, но королевство пошатнулось”. Разделали тогда почти всю брюшину... Испереживалась тогда на целую пачку сигарет и 300 евро. А Вам желаю удачи в борьбе с этим недугом!» [переводы здесь и далее выполнены нами. – О. З.].

Действительно, процессы речевого общения постепенно приводят к выработке особым образом мотивированных знаков культуры, которые в совокупности демонстрируют нормы речевого взаимодействия. В наивном, профессиональном и других видах дискурса формируются устойчивые речевые и речеповеденческие образцы

для повторяющихся ситуаций, или культурные стереотипы. Нормы общения распространяются и перенимаются именно путем демонстрации и усвоения этих образцов. Так, например, референциальными оттенками медицинского дискурса являются особые функции личных местоимений (нюансы местоимений ‘я’, ‘они’, ‘мы’, безличные конструкции и неопределенные обозначения, используемые врачом при общении с пациентом). Например: «Мы уже выздоравливаем. Скоро дембель», или «Посмотрим животик. Они [удаленные во время оперативного лечения «камни». – О. З.] нам уже не помешают» [2. С. 302]. В этом случае профессиональная метафора представляет собой дистанционную версию сокращения или преувеличения темы высказывания по отношению к предмету, в то время как в коммуникативном акте проявляется степень межсубъектности, к которой могут стремиться два индивида в положении общения.

Так, например, вторичное (по отношению к первичному в естественном семиозисе) семиотическое означивание происходит в наивной семиотике. Реальность наивной семиотики подтверждается присутствием в наивном дискурсе метафор, шуток, речевых клише, каламбуров, служащих семиотическими ориентирами речи, а также интонации, поз, жестов, сопровождающих передачу сообщения из базы знаний во внешний мир. Например: известная юмореска «Несуразные вещи», представляющая омографо-омонимический каламбур: ‘– Здравствуй! – Привет! – Что это ты несёшь? – Несу разные вещи. – Несуразные? Почему это они несуразные-то? – Сам ты несуразный, как я погляжу. Разные вещи я несу! Разные! Понял? Вот несу мел ... – Что не сумел? – Отстань! – Да ведь ты сам сказал “не сумел”. Что не сумел-то? – Мел несу!!! Слушать надо! Ему же надо будет. – Так если ему жена добудет, зачем же ты тогда несёшь? – Это у кого жена?! Это у Мишки-то жена? Ах ты шутник! Я сказал: “Ему же надо будет”. Понадобится, значит. – А–а–а ... – А ещё у меня новость есть для Мишки приятная: нашлась та марка, которую он давно ищет. – Тамарка? – Ага! – Ну и как – симпатичная? – Красивая – зелёная такая. – То есть как зелёная? – Зелёного цвета. – Постой, постой! Это что же у неё – волосы, что ли зелёные? – У кого волосы? – Да у Тамарки! – Что?! – Но ведь ты сам сказал: “нашлась Тамарка”. – Та!!! Марка!!! Марка, понимаешь?! Та самая, которую Мишка давно ищет. Там арка нарисована. – Ага, значит, всё-таки Тамарка! На марке, значит, Тамарка нарисована. Так бы сразу и сказал. – Да отвяжись ты со своей Тамаркой! Там арка нарисована! Арка!!!

Вижу, ты так ничего и не понял. Ладно, прощай, некогда мне. – Пока! Смотри, не растеряй свои несурзные вещи. – А ну тебя! – Да стой, стой! – Ну что ещё? – Привет передавай! – Кому? – Тамарке, Мишке и Мишкиной жене! [3. С. 325]).

Напомним, что в разных лингвокультурах существуют свои особенности жестикюляции, свои метафоры, энтропийный потенциал которых является основанием для реализации в каламбуре. По нашему мнению, это свидетельствует о сложности культуры как семиотического континуума, а также о проявлении в нем инвариантных свойств конкретного социума. Например: 'Quelle est la différence entre un homme et Paris? – Paris est Paris toujours!' (Чем отличается мужчина от Парижа? – Париж всегда Париж!) [3. С. 326]).

Очевидно, что смысловая энтропийность метафоры сопряжена с определенным рода «растождествлением» общекультурных представлений о явлении/предмете окружающей действительности, а также с формированием новой акцентуации и иного уровня восприятия, в котором заложена возможность множества путей реализации коммуникативных ситуаций.

Для наивной семиотики характерны универсальные флуктуации, что привело нас к выводу о «корректировке» культурными доминантами универсальности семиотических процессов. Так, один и тот же предмет, представленный в различных культурных традициях, может выглядеть абсолютно по-разному, а одна и та же мысль, выраженная в разных языках с использованием метафоры, может быть изменена до неузнаваемости. Появление культурологических лакун обусловлено, по нашему мнению, именно невозможностью перевода из одной семиотической системы культуры в другую.

Поскольку человек является частью реального мира, то он заимствует знаки из одного семиотического континуума и переносит их в другой. По нашему мнению, при таком перемещении осуществляется двойное семиотическое кодирование. *Для наивного сознания оно остается неосозанным (в данном случае не подразумевается намеренный перенос названий из одной профессиональной сферы в другую или из наивного дискурса в профессиональный).* Мы полагаем, что при этом энтропийный потенциал профессиональной метафоры заключается не только в возможности с единой точки зрения рассматривать разные знаковые системы, но и в возможности обнаружить знаковый характер различных ситуаций в человеческом обществе. Подчеркнем, что любая метафора служит средством образования новых значений (способом рефлексивно пред-

ставлять одну область через призму другой). Новое значение образуется путем переноса целого фрейма из конкретной сферы в абстрактную, при этом структура фрейма полностью или частично сохраняется.

Вторичное кодирование «делает семиотический процесс не спонтанным, а осозанным» [4. С. 195], усиливая конвенциональный характер любой метафоры. Например, функционирование профессиональных метафор (нейтральных единиц в профессиональном дискурсе) в наивном дискурсе приводит к изменению их основного назначения – быть наименованием специальных понятий, а следовательно, к их трансформации: содержательной, экспрессивно-эмоциональной и функциональной. Например: «Бендер гештальт-тест» – да это прямо герой нашего времени, проверяющий современную экономику на прочность!» [2. С. 102].

Высокая частотность исследуемого феномена в наивном дискурсе объясняется, на наш взгляд, антропометрическим характером профессиональной метафоры, ее близостью и понятностью наивному носителю языка, концептуализирующему окружающую действительность по своему образу и подобию. Профессиональные метафоры эксплуатируют смыслы, вырабатываемые сознанием человека, опираясь на профессиональную картину мира. С одной стороны, в наивном дискурсе происходит опора на знание культуры, с другой – опора на индивидуальное знание. Выявление скрытых отличительных характеристик предмета или явления, хорошо знакомых человеческому сознанию, дает возможность переноса профессиональных понятий в наивный дискурс и способствует более четкому выражению эмоций говорящего или конкретизации бытовых реалий. Например: «отмывание денежных средств», «беззубый правопорядок», «таможенная очистка» [2. С. 220].

По нашему мнению, такого рода деспециализация профессиональных терминов сопровождается осознанием человеком конвенционально-знаковой природы метафоры: профессиональная метафора, воспринимаемая наивным сознанием, осознается в её знаковой условности. Затем ей приписывается «достоверность» окружающему миру, подтвержденная данными, полученными привычным способом восприятия, обобщения или категоризации. По окончании этого этапа вновь осуществляется семиотическое кодирование (иконизация) с образованием нового значения профессиональной метафоры с проявлением индивидуальной семантики, что свидетельствует об определенной доле осознанности семиотического кодирования в рамках искусственного семиозиса.

Таким образом, парадигматическая природа метафоры постепенно редуцируется в пользу размера речи, которая неизбежно приводит к синтагматическому расширению.

Вторичное семиотическое означивание в рамках искусственного семиозиса, по нашему мнению, осуществляется не только в наивной семиотике, но и в научном дискурсе. Подчеркнем, что именно вторичное кодирование позволяет ассимилировать понятия из, например, наивного дискурса в научный, увеличивая энтропийность смысла изучаемого феномена. Например: 'выдвижная пята – «это, скорее всего, тинок»' [2. С. 93].

Так, в профессиональном общении возникновение и использование метафор в языковом поле обусловлено, как нам представляется, интенцией адресанта, направленной на формирование *аттитуодно-релевантной* информации у адресата, формулирующего субъективные интерпретативные смыслы профессиональных феноменов. Метафора образует такой тип категоризации, критерии организации которой вскрывают субъективное отношение человека к окружающей действительности. Профессиональная метафора, как особый вид метафоры, в профессиональном семиотическом континууме указывает не на «статическое», правдоподобное повествование предмета/явления (как он есть на самом деле), а представляет описание, с помощью которого мир или некоторый его фрагмент преобразуется в предмет профессионального дискурса. Иными словами, профессиональная метафора – это приблизительно верное отражение профессиональной действительности, а не сама действительность, что совсем не означает абсолютной оторванности от окружающего мира. Исследуемый феномен «предписывает» как нужно понимать или объяснять профессиональные явления и факты. Например: 'лодка реактивная летающая, *черная работа*, корона галактическая, лист якоря, ложка для придаточных пазух носа, палец плавающего типа, прыжок дохлой кошки, ложка для снятия шлака' [2. С. 76].

Это приводит к выводу о том, что прагматическая пресуппозиция *профессиональной метафоры как феномена современного коммуникативного пространства* зависит, в первую очередь, не от характеристик метафоры как элемента языка, а от взаимодействия носителя языка с окружающим миром. Наблюдение за тем, что стоит за метафорой у носителя языка и полученные нами экспериментальные данные [1; 2] показывают, что за метафорой «стоит» система связей по линии как энциклопедических, так и языковых связей, сопровождаемых эмоционально-оценочным

маркированием. Кроме того, смысловая энтропийность, основанная на прагматической пресуппозиции, по нашему мнению, является результатом построения семиотических схем и когнитивных сетей сравниваемых лексем при формировании метафоры. Это демонстрирует возможность первичного анализа понятий семиотической сети в процессе её создания на основе сравнения их интенционалов и применения метода поиска по образцу. Для этого в семиотической карте (см. подр.: [2]) выполняется анализ теоретико-множественных отношений между соответствующими компонентами-множествами сравниваемых понятий. Размытый характер множества пересечения этих компонентов обуславливает появление метафорической деривации и смысловой энтропийности.

Подчеркнем, что являясь составной частью языка, профессиональная метафора сохраняет свой уникальный статус и представляет своеобразную вербальную проекцию спрессованного социально-культурного опыта. Она многопланова, и её функциональный аспект преобладает над чисто семантическим. Вместе с тем заметим, что при употреблении профессиональной метафоры в коммуникативном пространстве специалисты нередко соединяют характерные признаки прецедентных имен с национально-детерминированными представлениями, которые стоят за ними. Таким образом, процесс метафоризации связывает терминопорождение с миром действительности, заимствуя в «готовом» виде в специальную терминосистему лексемы из наивного, литературного и других видов дискурса со смещением значения или без него. Например: 'Феномен *обкрадывания внутримозговой* – 1) (син. *феномен Робина Гуда*) – отток крови в бассейн закупоренного мозгового сосуда из бассейнов соседних сосудов, ведущее к недостаточности кровоснабжения в зоне последних; 2) углубление ишемии в бассейне закупоренного мозгового сосуда в результате оттока крови в соседние участки при воздействии сосудорасширяющими средствами' [5. С. 227].

Вместе с тем мета-семиотическая рефлексия знаками, представляющая собой когнитивный процесс, осуществляется в рамках метафоризации, трансформирующей естественные знаки в знаки культурные. Метафоризация включает операции, основанные на восприятии и концептуализации аналогизации, подобия или сходства между двумя видами опыта, и лингвистические операции передачи знака из семиотической области присущего ему употребления в область метафорического применения. Метафоризация позволяет нивелировать референциальную расплывчатость формирующейся метафоры путем

реализации механизма глубинной предикации, «узаконивающим» «случайные связи» между двумя сущностями. В основе функционирования метафоризации и смысловой энтропийности находится эвристическое допущение о некотором сходстве, подобии или аналогии двух или более различных семиотических областей и объектов/явлений окружающего мира.

Согласно нашим наблюдениям, профессиональные метафоры в конкретном семиотическом континууме выводят специалиста на «типичный» для него контекст, поскольку в любом, даже самом отвлеченном мышлении, всегда сохраняются и развиваются генетические связи с чувственным содержанием, выступающим в виде обобщенных образных представлений, интуитивных схем и т. д. При отсутствии внешнего контекста предшествующий опыт индивида определяет необходимый «угол зрения» для установления связи между словоформами профессиональной метафоры и хранящейся в памяти как профессиональной, так и иной информацией. Например: ‘голые факты или милицкий шантаж/произвол’, ‘la liberté d’aller et venir’ (фр. – ‘освобождение туда и обратно’ [по аналогии с авиабилетом, означаящим условное освобождение из-под стражи. – О. З.] [6. С. 1285], ‘la justice de Nouvelle-Calédonie’ [фр. – ‘правосудие Новой Каледонии’ – приговор, вынесенный без учета всех обстоятельств дела. – О. З.] [6. С. 1287].

На основе вышеизложенного можно констатировать, что в профессиональных метафорах вербализуется сжатое представление, образ, к которому обращаются с целью формирования на его основе нового знания, вследствие чего исследуемый феномен предстает как результат культурной фиксации в искусственном семиозисе. Показательно, что расшифровка подобных метафор предполагает не только знание языка профессии, но и знание мира, окрашенного прагматическими коллокациями. Обладая к тому же сильной креативной потенцией, профессиональ-

ные метафоры вносят свой уникальный вклад в более дифференцированное и мультиперспективное понимание окружающего мира, частью которого является любой индивид. Вместе с тем все большее значение в профессиональном языке приобретает прагматическая пресуппозиция профессиональной метафоры как основа смысловой энтропийности и необходимая составляющая индивидуальной речевой деятельности.

Список литературы

1. Зубкова, О. С. Метафора в ментальном лексиконе : монография. Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. 232 с.
2. Зубкова, О. С. Метафора в профессиональной семиотике : монография. Курск : Изд-во КГУ, 2011. 334 с.
3. Зубкова, О. С. Сущностный аспект взаимосвязи метафоризации и образности в каламбуре // Когнитивные исследования языка / гл. ред. сер. Н. Н. Болдырев ; М-во образования и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Упр. образования и науки Тамб. обл., Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Вып. XIV : Когнитивная лингвистика : итоги, перспективы : материалы Всерос. науч. конф. (11–12 апр. 2013 г.) / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов, 2013. С. 324–329.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
5. Энциклопедический словарь медицинских терминов : в 3 т. Около 60000 терминов. / гл. ред. Б. В. Петровский. М. : Совет. энцикл., 1984. Т. 3. Рабдитозы – Ящур. 512 с.
6. Code de procédure pénale. Code de justice militaire. Paris : Dalloz, 2006. 1458 p.

О. В. Иванова (Нижний Новгород, Россия)

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ СЛОВ В ТЕКСТЕ

Association areas and association structures of words from the text are examined in the Report. Association phone and association aureole of the text is defined. Free association experiment is a research method. Following the results of the first series of experiments association areas and association structures of words defining the text subject are analyzed. Drivers of the second series of experiment are the most often associations obtained in the previous series. Following the results of the second series such text characteristics as association phone and association aureole are outlined. Research was made using journalistic style texts. These characteristics differ depending on functional and stylistic pertain of the text.

Keywords: text, free association experiment, association area, association structures of words, association phone, association aureole, style of text.

В статье проводится анализ ассоциативных полей (АП) и ассоциативных структур (АС) слов, определяющих тему текста. Ассоциативные характеристики таких слов, по нашему мнению, отражают семантику и структуру текста.

Для анализа предлагаем несколько текстов публицистического стиля, например: 'Счастье зачастую оказывается совсем не там, где его ждешь. Оно появляется, и мы не замечаем его, и лишь после до нас доходит, что это и было в общем-то счастье. За тысячи лет исканий, войн, страданий и изощрений в поисках счастья человек ничего не придумал для себя лучше лесной свободы, усталости от обычной ходьбы, ржаного ломтя с пережженной солью, лучше смоляного запаха и гулких ударов шишек о родимую землю. Тонкий свист рябчика, красноватые окна дома в сумерках, костер, раздувающий тьму, сосновая лапа на окне в банке из-под консервов, белый цвет земляники, тысячи самых неприметных и доступных вещей делают меня счастливым' (В. Белов).

Для исследования текстов была применена методика ассоциативного эксперимента. Эксперимент проводился в группах по 10–20 человек (как правило, это была студенческая группа). Экспериментатор выдавал каждому информанту один текст и предлагал его внимательно прочитать «про себя» (на это уходило не более 5 минут). Далее тексты собирались, и каждому информанту выдавалась анкета с напечатанным в левом верхнем углу словом-стимулом 'счастье'. Информантам предлагалось написать такое количество слов или словосочетаний, какое они могут воспроизвести после прочтения текста (на выполнение этого задания также требовалось не более 5 минут). В эксперименте принимали участие 30 человек (т. е. на слово-стимул получены ответы от 30 человек).

В результате обработки данных было определено ассоциативное поле слова 'счастье'. Состав и характер реакций в ассоциативных полях позволяют раскрыть существенные черты значений

изучаемых слов [1. С. 7]. Обычно реакции располагают в порядке убывания частоты от большей к меньшей. Рядом с реакцией указывают, сколько информантов ответило подобным образом. Около заглавного слова расположены два числа. Первое обозначает, сколько всего ответов было получено на данное слово. Второе – это величина АП. Величина АП обозначает, сколько разных ассоциаций было получено на данное слово [1. С. 54–55].

Фрагменты АП слова 'счастье' (частота ответов 5 и более):

Счастье 179/138:

радость 12;	улыбка 8;
природа 11;	ломоть ржаного хлеба с солью 7;
любовь 9;	тонкий свист рябчика 7;
свобода 9;	его могут принести дом 6;
любые мелочи 8;	бывает рядом, но не за- приятная усталость от мечаеть 6;
ходьбы 8;	белый цвет земляники 5.

Величина АП слова 'счастье' составляет 138 ассоциаций: 11 ассоциаций с частотой 5 и более; 5 – с частотой 4; 8 – с частотой 3; 21 – с частотой 2; 93 – с частотой 1. Всего было получено 179 реакций.

Получается, что распределение АП слов в тексте характеризуется небольшой сосредоточенностью ответов вокруг частых ассоциаций.

Проанализируем состав АП и данного слова. Большую часть реакций информанты взяли из текста: 'счастье – свобода, усталость от ходьбы, тонкий свист рябчика, ломоть ржаного хлеба с солью, лес, костер, дом, шишка, сосновая лапа, красноватые окна' и др.

Ряд ассоциаций не встречается в тексте, но информанты уловили их связь с темой и указали в своих ответах: 'счастье – природа, его могут принести любые мелочи; радость, улыбка; бывает рядом, но не замечаешь его; любовь, его ощущение проходит со временем' и др.

Ассоциативной структурой слова называются основные направления ассоциирования, семан-

тические отношения между стимулом и реакциями в ассоциативном поле данного слова.

Самую большую группу в АС слова 'счастье' составляет семантическая группа 'состояние человека': 'свобода, радость, приятная усталость от ходьбы, стремление к счастью, легкость, спокойствие, доверие, уважение, самореализация, уверенность, созерцание, вера, надежда, независимость, умиротворение' и др.

Выражение счастья информанты видят в 'улыбке' (один из самых частых ответов).

Информанты подобрали синонимы к слову 'счастье' – 'любить, быть любимым, нежность, любовь к Родине, любовь близких, родные и близкие рядом, босиком по пыльной дороге'.

Информанты уловили философское отношение автора текста к понятию 'счастье' – 'бывает рядом, но его не замечаешь; его ощущение приходит со временем; его могут принести любые мелочи'.

Ряд ассоциаций относится к тематическому полю слова 'природа' – 'природа, тонкий свист рябчика, лес, шишка, еловая веточка' и др.

Частотной ассоциацией на слово 'счастье' является слово 'дом'. Это слово понимается информантами как место, где человек должен быть счастлив (и это положительная реакция молодежи). К этой ассоциативной ветви можно отнести ответы 'очаг, семья, родные и близкие рядом, любовь близких'.

В следующей серии эксперимента 30 информантам после прочтения текстов предполагалось ответить первым «пришедшим в голову» словом на самые частые ассоциации, полученные в предыдущей серии: 'радость, любовь, мелочи, улыбка, свист, не замечаешь, природа, свобода, усталость, хлеб, дом, земляника'. Результаты обработки экспериментальных данных можно представить в следующей схеме:

<i>Радость – счастье в мелочах улыбка семья в доступных вещах в незаметных вещах</i>	<i>Природа – свобода рябчик шум леса</i>
<i>Любовь – счастье тепло чувства нежные чувства Мелочи жизни – пустяки (незначительность, не- важные) ключи</i>	<i>Свобода – лесная счастье лес радость Усталость – от ходьбы (от тяжелых походов)</i>

<i>Улыбка – радость счастье Свист – рябчика птица шум Не замечаешь – счастье (что счастье рядом, близость счастья, ис- тинное счастье) Земляника – белый цвет белая ягода (красная ягода) лес запах</i>	<i>Хлеб – ржаной черный ржаной ломтик еда соль ломать хлеба Дом – родина семья уют родной красноватые окна с окнами в сумерках</i>
---	--

В представленной схеме выделяются три группы ассоциаций. К первой относятся слова и словосочетания из текста (они подчеркнуты в схеме).

Ко второй группе относятся слова, отсутствующие в тексте, но связанные с исходными тесными семантическими отношениями, например, родовидовыми ('любовь – чувство'; 'рябчик – птица'), синонимическими ('дом – родина, семья'; 'счастье – радость'; 'свист – шум'); характеристикой состояния ('любовь – счастье, тепло, нежные чувства'). Такие реакции информантов составляют ассоциативный фон текста. Ассоциативный фон текста, видимо, является замкнутым образованием: можно ожидать, что при участии все большего числа информантов будут появляться повторяющиеся реакции и «зеркальные» реакции, например, 'счастье – радость' (1 серия); 'радость – счастье' (2 серия).

В третью группу входят слова, связанные для данного текста размытыми семантическими отношениями, например, 'хлеб – пшеничное поле, труд'; 'свобода – мысли, независимость, ветер'; 'улыбка – глаза'; 'любовь – тонкое прикосновение к сердцу человека'; 'земляника – нежность'; 'усталость – груз души'. Эту группу реакций можно назвать ассоциативным ореолом текста. Ассоциативный ореол текста не является замкнутым образованием и будет пополняться реакциями новых информантов.

Наконец, среди ответов информантов есть единичные реакции (реакции с частотой 1, не связанные с содержанием текста и имеющие индивидуальный характер. К этой группе относятся реакции: 'радость – Бали'; 'природа – жираф'; 'свобода – статуя'; 'мелочи – ключи, сувениры'; 'дом – конура'; 'свист – пули' и др. Можно отметить, что чем выше частота слова в первой серии эксперимента (чем сильнее его связь со словом,

определяющим тему текста), тем меньше таких реакций во второй серии эксперимента.

Итак, можно выделить такие характеристики текста, как ассоциативный фон и ассоциативный ореол текста.

Рассмотрим предварительные данные эксперимента на текстах разных стилей (его результаты обрабатываются).

Для анализа предлагаем тексты публицистического и научного стиля:

1. 'Слово – тончайшее прикосновение к сердцу, оно может стать нежным, благоухающим цветом, и живой водой, возвращающей веру в добро, острым ножом, ковьяющим нежную ткань души, и раскаленным железом, и комьями грязи... Словом можно убить, оживить, ранить – и одухотворить, рассеять сомнения – и повергнуть в уныние, сотворить улыбку – и вызвать слёзы, породить веру в человека – и заронить неверие, вдохновить на труд – и привести в оцепенение силы души' (В. А. Сухомлинский).

2. 'Слово – лексическая единица языка, имеющая определенное значение, или предметную отнесенность, и внешнюю форму, которая может быть представлена определенной совокупностью звуков, системой зрительно воспринимаемых знаков или образов артикуляции. В развитых языках насчитывается по несколько сотен тысяч слов, из которых в быденном общении употребляется очень небольшая часть' (Психологический словарь).

К участию в эксперименте привлекались студенты старших курсов лингвистического университета. Эксперимент проводился по описанной выше методике. Каждому информанту выдавался один текст. После прочтения текста информантам предлагалось написать ассоциации – слова или словосочетания – на слово 'слово'.

Текст 1 – публицистический

Цветок 16

Убить 15

Ранить 12

Сила 10

Нежность 10

Острый нож 8

Вдохновение 7

Жизнь 7

Душа 6

Сомнение 5

Текст 2 – научный

Единица языка 40

Значение 38

Используется, употребляется 24

Звуки 21

Обыденное общение 20

Система знаков 15

Буква 12

Графические средства 7

Жест 5

Величина АП 'слова' текста 1 составляет 150 ассоциаций. Всего получено 233 реакции, из них с частотой 5 и более – 20 ассоциаций; с частотой 4 – 7 ассоциаций; с частотой 2 – 10 ассоциаций; с частотой 1 – 106 ассоциаций.

Величина АП 'слова' текста 2 составляет 78 ассоциаций: 15 с частотой 5 и более; 5 – с частотой 4; 9 – с частотой 3; 3 – с частотой 2; 10 – с частотой 1. Всего было получено 138 реакций.

Получается, что распределение ответов в ассоциативном поле 'слова' в научном тексте характеризуется высокой сосредоточенностью вокруг частых ассоциаций (более половины всех реакций составляет самая частая ассоциация). Ассоциативное поле 'слова' в публицистическом тексте оказалось более размытым (ср. АП слова 'счастье').

Как и в первом эксперименте, информанты дают в своих ответах слова из текстов (в схеме эти реакции подчеркнуты).

Основное направление ассоциативной структуры слова в научном тексте составляют термины, связанные по значению с термином 'слово': 'единица языка' (родовидовые отношения), 'значение' (категория данного понятия), 'буква' (целое-часть) и др.

Ассоциативное поле слова в публицистическом тексте составляет стилистически окрашенная лексика. Ассоциативная структура слова в публицистическом тексте представлена несколькими направлениями. Первое направление составляют слова, обозначающие чувства или состояние человека: 'нежность, сомнение, вдохновение' и др. Второе – действия, вызванные словом: 'ранить, оживить' и др. Третье направление ассоциирования – это синонимы 'слова' в данном тексте: 'цветок, нож, железо'.

Результаты эксперимента на текстах разной стилистической отнесенности показывают, что состав ассоциативных полей, особенности распределения в них частых ответов, ассоциативный фон и ассоциативный ореол текста проявляются в разных стилях, однако их количественное и качественное наполнение будет различаться.

Список литературы

1. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во МГУ, 1977. 19 с.

С. Р. Ишмуратова (Уфа, Россия)

НЕВЕРБАЛЬНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

The system of verbal communication occupy an important place both verbal and nonverbal means. Interaction of linguistic resources with speech acts provide communication. Nonverbal verbal behavior of the character in a literary text helps avoid verbal clutter, unnecessary repetition, making it accurate, complete and effective, gives emotional statements and brightness. The author not only seeks to describe the character's inner feelings, it gives visible manifestations of his emotional state.

Keywords: verbal communication, verbal behavior, nonverbal verbal behavior, nonverbal means, intonation, pose.

В системе речевой коммуникации важное место занимают как вербальные, так и невербальные средства.

Владение разнообразными типами и формами речи, поведенческими средствами, включающими двигательные действия, жест, мимику, интонационными средствами служит для характеристики речевого поведения говорящего. '– Чего нахмурился?' – то есть на что-то обижен, чем-то недоволен. '– Где журнал? – Вон там'. Указание места жестом и кивком головы. Взаимодействие языковых средств с речевыми действиями обеспечивают общение.

Статья посвящена способам отражения невербального поведения в художественном тексте. Материалом анализа послужили произведения русской литературы XIX–XX вв.

Речевое поведение человека проявляется в процессе коммуникативного акта, что часто выражается в стереотипных высказываниях, речевых клише и в каких-то сугубо индивидуальных проявлениях данной личности.

В художественном тексте как способ выражения речевого поведения персонажей функционирует прежде всего диалог. При анализе речевого поведения необходимо различать его вербальное и невербальное выражение. Вербализованная часть речевого поведения предусматривает разграничение прагматического (формирование интенции) и стилистического (оформление языкового выражения) аспектов. К невербальным средствам коммуникативного процесса относят кинетическую систему знаков (жесты, мимика), паралингвистические средства (интонация, фонация, паузы).

Различают два способа передачи речевого и речеведческого поведения персонажей:

1) репродуктивная речь, переданная в основном вербально и отчасти в виде невербального поведения персонажа, произносящего в тексте свое высказывание;

2) описательная речь, передающая наряду с вербальной речью и неречевым поведением обстоятельства речевого действия персонажа.

Способы описания вербального поведения в художественном тексте связаны:

1) с описанием автором речи персонажа, его манеры говорить;

2) вербального эмоционального состояния персонажа.

Невербальное поведение выражается авторами художественного текста путем описания или характеристики:

1) мимики, жестов и движений;

2) взгляда человека;

3) невербального эмоционального состояния человека [1. С. 69–70].

Выделяются следующие функции невербального общения: 1) создание и поддержка психологического контакта, регуляция процесса общения; 2) придание новых смысловых оттенков словесному тексту, истолкование слов в нужном значении; 3) выражение эмоций, оценок [6. С. 109].

Большинство учёных полагает, что слова используются в основном для передачи фактов, фактической информации, а невербальные средства несут информацию о нашей оценке этих фактов, о нашем отношении к собеседнику, о межличностных отношениях. Поэтому роль невербального общения чрезвычайно важна: легко выдать своё отношение к тому, что мы говорим, взглядом, жестом, позой, поворотом головы и т. д.

Многообразные средства речевого поведения характерны для художественных текстов [2; 3; 4].

Существуют разные способы отражения невербального поведения персонажа художественного текста. Оно может соотноситься с портретом персонажа: 'У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается' (И. С. Тургенев).

Автор описывает внешность героев с учётом разнообразных способов его восприятия в реальной жизни – зрительного, слухового: 'Другой голос невысокого человека, с ясными голубыми глазами, особенно поражающий среди этих всех

пьяных голосов своим трезвым выражением, закричал от окна...» (Л. Н. Толстой).

Разнообразные характеристики голоса, функционирующие в портретных описаниях, выражают внутреннее состояние человека: «... сказал он, не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка» (Л. Н. Толстой); «... начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её <...> Действительно, голос её прерывался на каждом слове» (И. С. Тургенев).

Помимо описания манеры речи персонажа, в художественных текстах преобладает описание мимики, жестов, движений: «Дверь распахнулась, вошёл Пётр, и перед ним склонились низко семь париков. Кивнув, он сел у стола, резко сдвинул в сторону бумаги, опростав для руки место, забарабанил пальцами, и на присутствующих уставились круглые его чёрные глаза, словно горевшие безумием» (А. Толстой).

При сопровождении диалога или в авторском повествовании писатель использует описание экспрессивных телодвижений героев, их действий:

«В лице г-жи Хохлаковой вдруг выразилось необычайное и болезненное волнение:

- Боже! Это он старика отца своего убил! – вскричала она, *всплеснув руками*. – <...>

Все эти подробности донельзя потрясли возбуждённую даму, которая вскрикивала и *закрывала глаза руками*» (Ф. М. Достоевский).

Автор не только стремится описать внутренние переживания персонажа, он даёт зримые проявления его эмоционального состояния.

Как отмечает Г. Г. Хисамова, исследуя диалог на материале художественной прозы В. М. Шукшина, в силу коммуникативной направленности жестов, многие их номинации устойчиво выражают смысловые эмоциональные отношения. Так, при обозначении угрозы возможны следующие жесты:

1) постучать кулаком:

«– Но ему не жить, если он не сделает по-человечески! – Костя опять с силой *ударил кулаком по колену*» («Други игрищ и забав»);

2) постучать пальцем:

«– Ты смотри, смотри – и, парень! – говорили в два голоса теща и *стучали пальцами по столу*» («Жена мужа в Париж провожала»);

3) показать кулак:

«– Ничего, – сказал детина. – Ты видишь? – *Показал кулак*. – Со мной не пропадешь: с ходу любого укокошу» («Случай в ресторане»);

4) погрозить пальцем:

«– *Вам письмишко!* – воскликнул он, улыбаясь

шире своей шляпы. *И погрозил пальцем*. – Только наших не обижать» («Чередниченко и цирк»).

Внимание писателя к невербальной деятельности персонажей продиктовано стремлением к зрелищности действия [5. С. 99–100].

Особую роль берёт на себя «взгляд» в роли невербального отражения эмоций в художественных текстах. Он является важнейшим коммуникативным средством, с его помощью передаётся информация, осуществляется воздействие, выражаются чувства. Например: «*Взгляд* его был неузнаваемо *холодный, чужой, пристальный*»; «Фекла одарила его таким *взглядом*, что Елизар быстро отвернулся и больше не оглядывался»; «Старик Байкалов смотрел на всё это *грустно сощурившись*»; «Вместо ответа *зорко* глянул на горничную дверь»; «Смотрел мимо девушки в окно, *глупо и напряжённо*» (В. М. Шукшин). Невербальное визуальное поведение бывает настолько выразительным, что замещает собой вербальную речь. Писатель, внося в текст произведения описание взгляда, может уточнить социальный статус персонажей, описать всю палитру чувств и эмоций, испытываемых героями в процессе общения (симпатию, антипатию, радость, испуг, гнев и т. д.), охарактеризовать поведение персонажей в важных для развития сюжета ситуациях приветствия или прощания [2. С. 128].

Таким образом, психологическое состояние персонажа передаётся посредством художественных деталей, уточняющих манеру произнесения слов, передающих особенности жестикуляции или мимики, обращающих внимание читателя на действия персонажа. «Невербалика» придаёт высказываниям эмоциональность и яркость.

Список литературы

1. Ишмуратова, С. Р. Речевое поведение персонажа в художественном тексте : вербальный и невербальный аспекты описания // *Moderni vy-mozhenosti vedy-2013 : Materialy IX mezinarodni vedecko-practicka conference. Dil 43. Filologicke vedy. Praha : Education and Science, 2013. С. 69–70.*
2. Ковалёва, И. Б. Языковая репрезентация «человека телесного» в художественной прозе В. М. Шукшина : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 236 с.
3. Музычук, Т. Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации (на материале русской художественной прозы) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013.
4. Полищук, Г. Г. Речевое поведение в структуре художественного текста // *Вопр. стилистики. Саратов, 1998. С. 152–156.*

5. Хисамова, Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина) : монография. М. : МГПУ, 2007. 352 с.

6. Шевандрин, Н. И. Социальная психология в образовании. М. : Владос, 1995. 544 с.

В. В. Катермина (Краснодар, Россия)

АФФИКСАЦИЯ КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА (на материале английских неологизмов)

The article is devoted to the description of affixation as a means of a nomination of a person based on English neologisms. In the text the groups nominating people formed with the help of a suffix -er/-or on the basis of belief, profession, hobbies/interests and age are thoroughly analysed. The idea of affixation being the element influencing the elements of the systems of the language and being influenced on at the same time is considered to be one of the ways to study the peculiarities of nomination of a person.

Keywords: affixation, nomination, neologism.

Словарный состав языка наиболее чувствителен к жизни народа – носителя и творца языка. Непосредственно связанный с разнообразной деятельностью человека, он изменяется почти непрерывно. Самым ярким и определяющим процессом в развитии языка выступает постоянное и интенсивное обогащение его лексического состава за счет новых слов. Словарный состав языка обогащается в основном путем деривации, то есть образования новых слов на основе и с использованием того лексического материала, который в языке уже существует. Без словообразования язык не мог бы иметь словарного состава, который соответствовал бы развитию общества. Именно этим и определяется огромное значение словообразования в общей системе языка [2].

Язык фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире. При помощи лексических единиц номинации, под которыми в данной статье понимаются «коннотативно осложненные лексические <...> единицы, называющие человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам» [1. С. 4], человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся «определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности» [4. С. 120]. Процесс познания новых предметов и явлений, появление чего-то нового в жизни общества вызывают необходимость номинации, что влечет за собой образование новых слов и выражений или появление новых значений у известных лексических единиц [3].

В данной статье нами будут рассмотрены английские неологизмы, обозначающие человека, образованные при помощи аффиксации. Единицы были взяты с сайтов словарей Macmillan Dictionary [<http://www.macmillandictionary.com>] и Cambridge Dictionary [<http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>].

Так как объем статьи не позволяет рассмотреть все примеры функционирования неонимантов, ограничимся анализом единиц, образованных при помощи самого частотного суффикса в английском языке при образовании английских неологизмов, номинирующих человека, – -er/-or.

Анализ практического материала позволил выделить следующие группы:

1. Номинация людей, верующих во что-либо: ‘truther’ – ‘a person who does not believe the generally accepted explanation of a particular event and who believes that they know the true facts about what happened’;

‘birther’ – ‘a person who believes that U.S. president Barack Obama was not born in the United States, and is therefore ineligible to be president [Usu. pejorative.]’;

‘deather’ – a person who believes that U.S. health care reform will lead to more deaths, particularly among the elderly [Usu. pejorative.]’;

‘no planer’ – ‘a conspiracy theorist who believes that no planes were involved in the terrorist attacks of September 11, 2001’.

Интересно отметить тот факт, что три неологизма из четырех посвящены событиям, произошедшим в США; более того, два из них обладают словарной пометой ‘pejorative’ (пренебр.), что показывает отношение общества к подобным людям.

Также примечательно, на наш взгляд, и то, что в данной подгруппе суффикс *-er* прибавляется к основе, выраженной именем существительным, а не глаголом (ср. *'truth, birth, death, plane'*).

2. Профессиональная номинация человека:

'cutler' – *'someone who makes cutlery'*;

'curbsider' – *'an unregistered car dealer who sells vehicles from parking lots and other public locations while masquerading as a private seller. Also, a person who sells stolen, rebuilt, or odometer-tampered vehicles'*;

'booker' – *'(also talent booker) – someone whose job is to book guests or performers for TV or radio programmes, theatre shows etc'*.

Данные примеры образованы по привычной схеме *'V + er'* и называют профессию человека. Укажем, что во втором примере называется профессия, ранее не фигурировавшая в языке в качестве профессиональной деятельности (см. *'to book'* – *'to buy tickets for an event or trip before you go, or to arrange to stay in a hotel at a particular time in the future'* [здесь и далее дефиниции взяты из электронного словаря **Macmillan** <http://www.macmillandictionary.com>]).

Также здесь можно указать и профессиональную деловую деятельность человека:

'domainer' – *'a person who makes a living from domain name speculation or by purchasing popular domain names and filling the sites with advertising'*;

'homedebtor' – *'a homeowner with an extremely large mortgage, particularly one that he or she is unlikely to ever pay off'*.

Ключевыми словами, относящими данные номинации в разряд **бизнес-лексики**, являются *'domain'* – *'a particular area of activity or life'*, *'debt'* – *'an amount of money that you owe'*.

Необходимо отметить пример метафоризации в единице *'upshifter'*: *'upshifter'* – *'a person who takes on a fast-paced, high-stress job after having previously retired or moved to a low-stress job'*. Обозначая первоначально *'to shift a motor vehicle into a higher gear'*, слово постепенно приобретает новое значение и употребляется в деловых кругах для называния человека, которого переводят/«повышают» на другую работу, подверженную большим стрессам и обладающую большей степенью ответственности.

3. Спортивная номинация человека:

'choker' – *'a sports person or team who loses a sporting contest after being in a position where they should have won easily'*;

'gamer' – *'in sports, a committed or exceptional player'*;

'surfer' – *'someone who takes part in the sport of surfing'*.

Процесс метафоризации можно проследить и в единице *'choker'*. Глагол *'to choke'* в первичном значении **обозначает процесс, затрудняющий дыхание** (*'if you choke, or if something chokes you, you cannot breathe because there is not enough air or because something is blocking your throat'*). Следует отметить такое значение этого глагола, как *'to stop someone or something from developing or being successful'*. Перенос данного действия в сферу спорта привел к созданию номинации игрока или команды, которые проигрывают, будучи в невыигрышном положении.

Следующая единица – *'gamer'* – образована от существительного *'game'* – *'an activity that you do for fun that has rules, and that you can win or lose'*. Получив **дополнительную коннотацию** (*'committed'* – *'loyal to a belief, organization, or group, and willing to work hard for it, exceptional'* – *'extremely good or impressive in a way that is unusual'*), данный неологизм **используется в наши дни для обозначения преданного и превосходного игрока**.

Еще одна единица – *'surfer'* – **представляет собой** номинант человека, занимающегося определенным видом спорта: *'to surf'* – *'to ride on waves in the ocean on a surf board'*.

4. Номинация человека, связанного с интернет-технологиями:

'griefer' – *'in a game, forum, or similar online venue, a person who intentionally and repeatedly harasses other users'*;

'iPodder' – *'a person who uses an iPod digital music player'*;

'rejecter' – *'a person who rejects or limits their interaction with technology'*;

'screenager' – *'a young person who has grown up with, and is therefore entirely comfortable with, a world of screens, particularly televisions, computers, ATMs, cell phones, and so on'*;

'nonliner' – *'a person who has never used the Internet before'*;

'tweeter' – *'a person who tweets on behalf of a company'*;

'facebooker' – *'someone who uses the social networking site Facebook on a regular basis'*;

'feedbacker' – *'someone who comments or leaves feedback on the web, e.g. rating eBay purchases or commenting on a site's usability'*;

'lifelogger' – *'someone who digitally records everything that happens to them all the time'*;

'twitterjacker' – *'someone who poses as someone else in order to Tweet mischievously on their behalf'*.

Выделение достаточно большого количества неологизмов, называющих людей, связанных с интернет-технологиями, является, с нашей точки зрения, закономерным, так как в наши дни Ин-

тернет занимает все больше и больше места в жизни человека.

Как показывает материал, существует группа людей, отвергающих использование данных технологий или пытающихся, по крайней мере, ограничить их использование (ср. 'nonliner' и 'rejecter').

С другой стороны, существует уже поколение людей, которые выросли вместе с данными технологиями и чувствуют себя очень комфортно в их окружении: 'screenager' – 'a young person who has grown up with, and is therefore entirely comfortable with, a world of screens, particularly televisions, computers, ATMs, cell phones, and so on'.

Эти люди настолько привыкли использовать данные устройства, что в языке появились такие номинации людей, как 'iPodder', 'facebooker', 'lifelogger'.

Более того, некоторые из них даже принимают определенные роли, пользуясь Интернетом:

'twitterjacker' – 'someone who poses as someone else in order to Tweet mischievously on their behalf (twitterjack – to pretend to be someone you are not and Tweet mischievously on their behalf)';

'griefer' – 'in a game, forum, or similar online venue, a person who intentionally and repeatedly harasses other users'.

Данная игра выражена в семантике номинативов: 'to pose as someone else', 'mischievously', 'to harass other users intentionally and repeatedly'.

В некоторых случаях люди используют Интернет профессионально:

'tweeter' – 'a person who tweets on behalf of a company';

'feedbacker' – 'someone who comments or leaves feedback on the web, e.g. rating eBay purchases or commenting on a site's usability'.

5. Номинации человека по возрастному признаку:

'grandboomer' – 'a grandparent who is a part of the baby boom generation';

'nexter' – 'a person who is part of the generation born in 1978 or later';

'Alpha Boomer' – 'a well-off British or American person aged approximately 55 to 65'.

Данные единицы отражают возраст людей, родившихся в тот или иной период времени и являющихся представителями того или иного поколения: 'grandboomer' – 'a grandparent who is a part of the baby boom generation'; 'nexter' – 'a person who is part of the generation born in 1978 or later'.

В единице 'Alpha Boomer' присутствует также и приращенное значение 'состоятельность':

'Alpha Boomer' – 'a well-off British or American person aged approximately 55 to 65' (ср. 'well-off' – 'rich, or having enough money to live well'). Также данная сема отражается и в компоненте 'alpha'. Первая буква греческого алфавита символизирует превосходство в той или иной сфере, в нашем случае выражая денежное благополучие.

6. Отдельно следует выделить некоторые неоминанты с данным суффиксом, которые отражают новые явления современной жизни:

– номинация людей, пытающихся бороться с загрязнением окружающей среды ('hypermiler' – 'a person who attempts to maximize gas mileage by using driving techniques that conserve fuel'; 'picker' – 'a person who takes it upon themselves to pick up litter in public places');

– номинация людей с необычными пристрастиями и предпочтениями ('binner' – 'a person who collects and sells used bottles and cans, particularly those found in recycling bins and dumpsters'; 'hatewatcher' – 'a person who watches a television programme that he thinks is bad because he gets enjoyment from criticizing it'; 'set-jetter' – 'a person who visits a particular place because it was featured in a book or film that they enjoyed').

Таким образом, номинации человека – ценностно значимая совокупность представлений о языковой личности, исторически сложившаяся в рамках национальной культуры как результат обобщения различных аспектов ценностных ориентаций – морально-этических, эстетических, прагматических установок и норм.

Входя в систему словообразования английского языка, аффиксация, с одной стороны, не может не подвергаться воздействию устойчивых, сложившихся элементов системы языка, а с другой стороны, не может не оказывать на эти элементы своего влияния.

Список литературы

1. Катермина, В. В. Номинации человека : национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). Краснодар : КубГУ, 2004. 281 с.
2. Мурзаков, А. А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 24 с.
3. Тропина, И. А. Наречия-инновации : лингвопрагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 23 с.
4. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука, 1968. 272 с.

И. О. Ковалевич (Мозырь, Беларусь)

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУБСТАНТИВОВ

The article is a study of dynamic processes in the system of nonce words formation, conveying in the structural and semantic complication of nonce word derivatives. The research is carried out on the material of verbal nouns in the speech of children and grown ups.

Keywords: nonce formation, word derivation, derivative, verbal noun, substantive.

Окказиональные слова представляют собой дериваты, созданные говорящими или пишущими для решения определенных задач коммуникативного характера. Данные новообразования всегда привлекают внимание необычностью своей формы и / или значения. Они выбиваются из потока обычных слов, делая нашу речь более выразительной и интересной. Известно, что способность к образованию новых слов отмечается еще в детском возрасте, начиная с периода раннего дошкольного детства. Явление детского словотворчества не остается незамеченным и вызывает интерес со стороны родителей, педагогов, писателей и конечно же исследователей в области онтолингвистики (С. Н. Цейтлин, В. К. Харченко, А. Н. Гвоздев и др.). Однако в связи с вышеописанной возрастной особенностью онтогенетического развития речевой деятельности возникает ряд вопросов. Как развивается детское окказиональное словопроизводство? Что с ним происходит в дальнейшем по мере взросления ребенка? Следует ли говорить о постепенном исчезновении явления детского окказионального словотворчества или его изменении? Является ли окказиональное словотворчество взрослых качественно отличным от детского? В дальнейшем мы попытаемся найти ответы на некоторые вопросы, не претендуя при этом на абсолютную полноту их изложения.

В настоящей статье ставится цель показать, что между окказиональным словопроизводством детей и взрослых существует определенная преемственность, что подтверждается материалами проведенного нами исследования детской речи и речи взрослых, дифференцирующейся по жанрово-речевым сферам. Мы остановимся на группе отглагольных субстантивов по причине их распространенности в речи разных категорий носителей русского языка.

Для детской речи образование окказиональных имен существительных, мотивированных глагольными основами, является очень актуальным. По нашим подсчетам данные дериваты составляют 43 % от общего количества окказиональных субстантивов. Склонность детей к образованию

подобных дериватов отмечается в работах многих исследователей (Ю. Д. Апресян, Н. И. Лепской, Т. С. Морозовой, С. Н. Цейтлин, Н. М. Юрьевой, Т. С. Ярулиной и др.) и объясняется достаточно простой двусоставной синтаксической структурой, выступающей в качестве мотивирующей основы. Тяготение детей к глагольным основам также прослеживается при создании дериватов способом реэтимологизации, когда некое слово осознанно либо неосознанно наделяется внутренней формой. При этом в большинстве случаев глагольный компонент выражает функциональную характеристику объектов: ср. *пITYлка* (о бутылке) (Всеволод 2,4), *хoдиум* (о подиуме) (Ксюша 4), *покурисы* (о папиросах) (2,8), *плюни* (о слюне) (≈ 3), *лизык* (о языке) (≈ 3), *укрывало* (об одеяле) (Борис 4) и др.

Согласно нашим наблюдениям, одну из наиболее многочисленных групп отглагольных дериватов составляют окказиональные *агентивы* (более 50 %), при этом большая их часть имеет профессиональную отнесенность. Данные дериваты отражают номинативную тенденцию детского окказионального словообразования: ‘Магазины ночью закрыты, потому что *продавальщици* ушли спать’ (3); ‘Мама, я *лечитель!*’ (?); ‘Эта тетя – *расчётница!*’ (Лиза, 4) (о кассире); а также *рубильщик*, *шитель*, *мытель*, *забиватель* и др. Следует отметить, что ряд суффиксов употребляются детьми в нетипичном для них значении: ‘Кем хочешь стать когда вырастешь? – *Стиральником!*’ (Катя 3,10) (ср. *напильник*, *кипятильник*); ‘Кто шьёт одежду? – *Шьюха!*’ (Варвара 5) (ср. *большуха*, *толстуха*); ‘Мама, а мы к *шилище* идем?’ (ср. *модник* – *модница*); *дрессун* (о *дрессировщике*) (ср. *болтун*). Наряду с окказионализмами, имеющими профессиональную направленность, в детской речи отмечается достаточно активная тенденция к использованию окказиональных новообразований в качестве характеризующих средств: ‘Мам, гляди, это *девочка-падальщица*’ (?); ‘*Мешахи* всегда мешают, а *немешахи* не мешают’ (Арина 3,6); ‘*Забывака* забывает свой тапок’ (Илья 4,5); ‘Ты, мама, *перепутка* и *непомнилка*’ (Илья 4,5); ‘Ты, Влад, *сидяк*, а я – *вертяк*’ (Илья 5), и др.

В речи взрослых, так же как и в речи детей, наблюдается активное образование окказиональных имен существительных, мотивированных глагольными основами. Группа *со значением лица* представлена в большинстве случаев дериватами, характеризующими объекты по выполняемому ими действию, что актуально как для разговорной речи (48 %), так и для текстов книжного характера (около 40 %). При этом в качестве мотиваторов словообразовательного значения выступают актуальные для детского словотворчества суффиксы *-тель-*, *-чик-*, *-льщик-*, *-лк(a)* и др.: *гулятель*, *спатель* (о ребенке) (разг.), *пониматель* конских душ (разг.), *обиральщик* (о муже) (разг.), *хотелка* (разг.), *нырляка* (разг.), *кокетун* (о мужчине, который долго примерял одежду перед покупкой) (разг.), *протыкатель* старух (А. Белый); 'Где вы, / сеятеля правды / или звезд *сиятели*?' (В. Маяковский); 'Я раздражитель для чужих мужей. / Событие локального масштаба. / Мечта поэта. Вишня в бланманже. / Водительница нервов по ухабам, / Бросательница взглядов и платков, / И вызовов. Движенья ли, изгиб ли...' (М. Дубиковская) и др. Зафиксированы достаточно многочисленные факты образования окказиональных композитов данной семантической принадлежности, в которых глагольный компонент выступает в качестве ведущего: *игрушколомательница* (о ребенке) (разг.), *соседораздражитель* (о ребенке) (разг.), *помадопоглотительница*, *шкафошубонабивательница*, *машинопоцарапательница* (о представителях женского пола) (ТВ, «Шоу Уральских пельменей») и т. д.

В речи взрослых в целях создания юмористического эффекта также создаются окказиональные наименования *лиц определенной профессии*, что актуально для разговорной речи и текстов сатирической направленности: *выступатель* (о политике) (разг.), *оратель* (об оперном певце) (разг.), *хороняка* (о работнике похоронного агентства) (ТВ, «Шоу Уральских пельменей»); *согласователь* (о чиновнике) (газ.), *бумажные обустроители* жизни (о чиновниках) (газ.) и т. д. Как правило, новообразованные дериваты выступают в качестве синонимов по отношению к наименованиям профессий, уже имеющимся в нормативном языке и хорошо известным его носителям. Комизм достигается контрастностью между семантикой деривационной модели и семантикой мотивирующей основы. Так, в нормативном языке имеются многочисленные случаи образования профессиональных наименований с формантом *-тель-* (ср. *писатель*, *строитель*, *учитель*), где в качестве мотивирующей основы выступают глаголы, выражающие основное

действие группы лиц данной профессии (*писать*, *строить*, *учить*). В окказиональном словотворчестве наблюдается намеренная минимализация труда представителей определенных профессий за счет его конкретизации. Мотивирующие глаголы выражают действие, являющееся основным для представителей определенной профессии с точки зрения говорящего, который тем самым дает отрицательную оценку всей профессиональной деятельности конкретной группы лиц. Окказиональные дериваты содержат легко улавливаемый подтекст: ср. политики не решают важные политические задачи, не создают важные законы и т. д., а только выступают на публику.

В детской речи ко второй по численности группе относятся окказиональные дериваты, характеризующиеся *орудийной* семантикой, составляющие около 30 % от общего количества окказиональных отглагольных субстантивов. В качестве наиболее продуктивного форманта выступает суффикс *-лк(a)*, хотя нами зафиксированы случаи употребления и других словообразовательных единиц: 'Мама, я нашел *удивитель*' (об увеличительном стекле) (Денис 4); 'Мама, купи мне *шитку*! Ну, как у тебя! Одежду шить!' (Наташа 4,5); 'Эта машина – фонарильная *чинилка*' (?); 'Закудри меня на *кудрилку*' (Катя 6); 'Иин, включи *печатальщик*!' (о принтере) (Ростислав 6) и др. Данные дериваты, как и выше описанные агентивы, создаются детьми в номинативных целях. По мере взросления ребенка и его речевого становления количество подобных новообразований заметно сокращается. Причиной тому является овладение нормативными эквивалентами. Тем не менее словотворчество в данной сфере имеет место, однако оно принимает статус осознанного: ребенок либо забыл нормативный эквивалент и намеренно создает окказиональный дериват, либо посредством окказионализма создает юмористическую ситуацию: 'Включи мне этот... *печатальщик*' (Илья 11,3) (о принтере); 'Это *хомяколазалка*' (Илья 11,5) (о построенном для хомяка турнике).

Для разговорной речи взрослых, а также для текстов сатирического характера также характерно образование субстантивов с *орудийным значением*: 'Где этот... *разрезыватель* для пиццы?' (разг.), 'Убери свою *дымелку*' (разг.) (о сигарете), а также *таскалка* (разг.) (о курсоре), *размести-валка* (разг.), *измерялка* (разг.), *подмышкомазалка* (М. Задорнов) (о дезодоранте) и т. д. Представленные окказиональные дериваты со значением *орудийности* почти нисколько не отличаются от соответствующих детских новообразований ни формой, ни семантикой производящей базы,

что объясняется специфической направленностью разговорной речи, которой свойственен непринужденный характер. Однако в отличие от детей дошкольного и младшего школьного возраста взрослые в большинстве случаев осознают новизну созданных ими лексических единиц, употребляемых нередко с оттенком иронии: *тыкалка* (о пульте), *чавкалка* (о вантузе), *блудилка* (о навигаторе, который не помог в нужный момент), *шурдыкалка* (о терке для моркови по-корейски) и т. д.

В детском окказиональном словотворчестве среди окказиональных субстантивов характеризующихся абстрактной семантикой наиболее многочисленной является группа производных со значением *отвлеченного действия*, которые демонстрируют развитие способности ребенка к номинации действия посредством субстантива, т. е. **происходит соотношение действия не с объектом** как таковым как в предыдущих случаях, а с категорией абстрактных понятий. В качестве одного из ранних и наиболее продуктивных выступает *нулевой* формант: ‘А что именно тебе очень нравится в детском саду? – Легкий прыг!.. Ну, это утренняя зарядка. Сначала упражнения делаем такие всякие разные, а потом переходим на легкий бег, а потом на легкий прыг!’ (Марина 3,5); ‘У меня копь в ноге’ (Арина 3,6). Подобные окказионализмы с нулевым формантом демонстрируют хорошо описанную Т. Н. Ушаковой аналитическую тенденцию в словотворчестве детей, частным случаем которой являются «слова-осколки» [1. С. 65]. Так называемые «слова-осколки» представляют собой результат сокращения мотивирующей основы до корневой морфемы. Кроме того, окказионализмы данного типа приближены к междометиям, активно используемых в речи взрослых, адресованной детям: ‘Не трогай! Это копь-копь!’ и т. д. По мере взросления в речи ребенка появляются и другие форманты. В качестве наиболее продуктивного выступает суффикс *-н(и)j(e)*: ‘Мам, почему он берёт без плачения? Без плачения же нельзя!’ (в значении ‘без оплаты’) (Даша 5); ‘Не надо говорить без думания’ (Илья 7) и т. д. Данная деривационная модель характеризуется высокой продуктивностью и регулярностью в нормативном языке, в том числе и речи, обращенной к ребенку, что позволяет ему выработать необходимые обобщения. Со временем отмечаются случаи образования окказиональных композитов, однако их количество невелико: ‘Начинаю мухобужение!’ (Илья 9) и некоторые др.

Окказиональное словотворчество взрослых характеризуется высокой активностью в образовании субстантивов со значением отвлеченного действия (около 35 % в разговорной речи и

свыше 50 % в текстах книжного характера). Тем не менее наблюдаются определенные отличия в данной сфере окказиональной деривации в зависимости от жанровой принадлежности текста. Так, для разговорной речи в качестве наиболее продуктивного форманта выступает *-н(и)j(e)*: ‘Твое считание никого не интересует’ (разг.); ‘От такого спания голова раскалывается’ (разг.); ‘Чем занимаешься? – Чаетавариванием’ (разг.); ‘Да отвлекись ты от своего журналолистания!’ (разг.) и т. д. Помимо указанного суффикса в разговорной речи взрослых активно используются и другие форманты для образования окказиональных дериватов данной семантической группы. Примером тому служит частое употребление суффикса *-лов(о)*: *гадилово* (о фильме), школьное *бесилово*, *купилово*, *убегалово*, *говорилово*, *мешалово*, *рубиллово* (о жестокой компьютерной игре), *долбиллово* (о громкой музыке), утреннее *будилово* – *кормилово* – *одевалово* – *заводилово* [в детский сад] и т. д. Окказиональные новообразования данной структурно-семантической группы имеют, как правило, просторечную или сниженную стилистическую окраску, которая продуцируется как самим мотиватором, так и семантикой производящей базы: ср. *беситься*, *долбить* (в значении ‘оказывать сильное воздействие на мозг’), *рубиться* (в значении ‘драться’). Структурным и семантическим прототипом данных окказионализмов являются соответствующие топонимические единицы, представляющие названия небольших населенных пунктов: *деревня Купилово* (Псковская область, Россия), *деревня Горелово* (с 1973 г. часть Санкт-Петербурга), *деревня Дурилово* (Новгородская область, Россия), *деревня Курилово* (Витебская область, Беларусь), *деревня Рубилово* (Псковская область, Россия) и т. д. Представляется необходимым отметить также ряд окказионализмов, образованных посредством форманта *-лк(и)*, *-ух(и)*, несмотря на то, что данные аффиксы в нормативной языке относятся к нерегулярным словообразовательным единицам: ‘Желающие могут сегодня приезжать на «доедалки!»; ‘Когда соберемся на *говорилки*?»; ‘Опиши свои *умелки*’ (об умениях); ‘Прекрати эти *переживалки*!’ и т. д. ‘Что тут за *полежухи* такие?’ и т. д.

Для поэтических текстов не характерно употребление дериватов с формантом *-ни(j)e-*, довольно распространенного в речи детей и разговорной речи взрослых. Однако в результате наших наблюдений за словотворчеством поэтов была отмечена склонность к образованию мастерами слова окказиональных слов посредством нулевого суффикса. При этом в большинстве случаев наблюдается смягчение конечного согласного

го звука: 'Лугом пройдешь, как садом. / Шепот ли, шорох иль *шелесть* – / Нежность, как песни Саади' (С. Есенин); 'А хочешь – / умри / под ядерным градом, – / тебе / века / взмонументят награду. / Война – богатым / банки денег, / а нам – / костылей / кастаньетный *теньк...*' (В. Маяковский); 'Поцелуй в землю, мертвенно звонкий, / И вот зарываются в осыпь и *осунь*: / И на их гусиных лапах, морща перепонки, / Тихо отходила – осень...' (И. Сельвинский) и т. д.

Нами также зафиксированы случаи употребления и других формантов, малопродуктивных в нормативном языке, а следовательно, в разговорной речи взрослых и речи детей: 'Града *стукот*, града цокот / По зальделой мостовой...' (Е. Евтушенко); 'Тебя, любимая, я драгоценно. / С тобой мы всюду, как в свежем сене, / Где пьяно-сладостная *шелестня*. / Дай поцелуями мне воскресенье / И поцелуями продли меня!' (Е. Евтушенко); 'Мертвецы встанут / В строевой парад. / И кричат они, / И вопят они. / От такой *крични* / Загашай огни...' (С. Есенин) и др. Из вышепредставленных примеров видно, что структуру окказионализма предопределяет либо слово, созвучное с окказиональным для создания рифмы, либо употребленный в том же контексте дериват для поддержания определенного ритма: ср. *крични – огни, стукот – цокот*.

Для текстов публицистического характера, в которых окказиональное словотворчество используется для выражения иронического отношения говорящего / пишущего к излагаемой им проблеме, отмечается создание окказиональных слов, в которых контрастность морфем, в частности стилистическая, наиболее ощутима: *брехизм* (газ.), *развализм* (газ.), *зыринг* (газ.), *свалинг* (М. Задорнов), *шмонинг* (ТВ) и др.

Мы проанализировали окказионализмы детей и взрослых с точки зрения их принадлежности к тематическим и лексико-грамматическим группам, выявив определенные изменения в их соотношении. Однако изменения в тематике мотивирующей основы также немаловажны. В результате проведенного нами исследования было установлено, что в детской речи при создании отглагольных имен существительных в качестве производящей базы в большинстве случаев выступают глаголы со значением физического воздействия на объект, которые составляют около 68 % от общего числа глагольных основ (ср. *чинить, стирать*). Глаголы других тематических групп характеризуются меньшей представленностью и называют повседневные или регулярные для ребенка и его окружения действия: глаголы движения и физического состояния (*прыгать, сидеть*), глаголы умственной деятельности (*думать*), глаголы психического воздействия на объект (*удивлять, пугать*) и некоторые другие. В разговорной речи взрослых также отмечается преобладание глаголов со значением физического воздействия на объект, составляющих около 50 % (*размешивать, протыкать*). Тем не менее, отмечается тенденция к возрастанию употребления в качестве мотивирующей основы глаголов со значением умственной деятельности (*считать*), а также глаголов со значением чувственного восприятия и эмоционального состояния (*бесить, переживать*). Для текстов книжного характера (поэтических, публицистических) использование глаголов физического воздействия является неактуальным (12 %). Вместе с тем заметно возрастает употребление глаголов со значением умственной деятельности (34 %) (*заумничать*), глаголов речи и звучания (26 %) (*кричать, шелестеть, стучать*), глаголов чувственного восприятия (20 %) (*зырнуть, внимать* (в значении 'слушать'))).

Анализ окказионального словотворчества детей и взрослых в сфере отглагольной субстантивной деривации доказал системный характер окказионального словопроизводства, неотъемлемым свойством которого является преемственность. Любая система (биологическая, историческая, экономическая, лингвистическая и др.) подразумевает развитие. Системе окказиональной деривации также свойственно поступательное движение в сторону структурного и семантического усложнения. Ярким примером структурного усложнения являются факты образования окказиональных композитов (в нашем случае с ведущим глагольным компонентом) (ср. *шкафошубонабивательница* и др.). Кроме того, следует упомянуть выявленные нами факты расширения формантных рядов за счет словообразовательных элементов, характеризующихся стилевой маркированностью либо иноязычной принадлежностью (ср. *одевалово* (разг.), *полежухи* (разг.), *кричня* (поэт.), *свалинг* (публ.), *развализм* (газ.)). Отмечается возрастание абстрактности семантики окказиональных дериватов, что отражено в количественных данных. Однако семантическое развитие выражается, прежде всего, в осознанном отношении говорящего / пишущего к словотворческой деятельности, когда окказионализм выступает в качестве носителя особой образности, что дает основание приравнивать дериваты данного типа к художественным тропам, в частности, метафорам.

Список литературы

1. Ушакова, Т. Н. О механизмах детского словотворчества // Вопр. психологии. 1969. № 1. С. 62–73.

Е. А. Колодий (Костанай, Казахстан)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ**

The article analyses the influence of unconscious motives upon the target audience. It includes information about the most popular strategies such as: sexual motive, narcissism, exhibitionism and others. Although, this article provides a current overview of how cosmetic companies market influence to women.

Keywords: unconscious motive, advertising text, cosmetic products, symbol, narcissism, style of life, advertising image.

С течением времени процесс создания рекламы становится всё более научным. Одной из причин является возрастающая конкуренция и повышение плотности информационного пространства. Количество каналов, изданий, сайтов всё увеличивается, равно как и количество рекламных сообщений. Вследствие возрастающего рекламного ажиотажа, эффективность отдельно взятого рекламного сообщения снижается. Поэтому современные рекламодатели ищут всё новые пути повышения эффективности рекламы. Одним из таких путей является использование в рекламе психологических концепций и методик. В современной психологии существует множество направлений, которые исследуют один и тот же предмет – психику человека с разных позиций.

Впервые бессознательные мотивы потребителей были использованы в 50-е гг. XX в. американскими промышленниками как спасение от кризиса перепроизводства после завершения Второй мировой войны. Количество производимых товаров возросло по сравнению с 1940 г. в 4 раза, а соответствующего роста торговли не наблюдалось. Появилась необходимость стимулировать торговлю любыми средствами, производители начинают вкладывать в рекламу до четверти своих доходов. В сложившейся ситуации рекламные специалисты предлагают две основные идеи:

— пропагандирование среди населения чувства недовольства тем, что у него есть, побуждая потребителя к новым покупкам;

— обращение к бессознательным желаниям целевой аудитории.

Зигмунд Фрейд, отец психоанализа и выдающийся ученый-психолог, в своей книге «Толкование сновидений» писал: «Бессознательное не знает иной цели деятельности, кроме как осуществления желания, и не располагает иными силами, кроме силы желания». И далее: «Бессознательные желания постоянно сохраняют свою живость. Они представляют собою пути, которые постоянно доступны для прохождения, как только по ним устремится известное число раздражителей» [3. С. 125].

В современной рекламе парфюмерной и косметической продукции эксплуатируются несколько

наиболее действенных мотивов: сексуальный мотив, нарциссизм и эксгибиционизм, мотивы доминирования и агрессии.

Наиболее часто в рекламе косметических средств используются сексуальные мотивы. Роль как сознательных, так и бессознательных сексуальных мотивов в рекламе постоянно возрастает. Рекламу, использующую сексуальные мотивы, можно разделить на рекламу с открытой (сознательной) визуальной и вербальной символикой и на рекламу, в которой присутствуют психоаналитические сексуальные символы, воспринимаемые как таковые только бессознательно.

Цель сексуального образа в рекламе – привлечь внимание потенциального потребителя или пользователя услуг. Тип используемых в рекламе сексуальных образов может быть широким, а сами образы могут быть только предположительно сексуальными, например, форма упаковки лосьона для тела фирмы Oriflame явно напоминающая очертания женской фигуры, использование в макияже модели, рекламирующей продукцию, красной помады, которая в сознании покупателя прочно ассоциируется с чувственным образом её обладательницы.

В современной рекламе товаров косметических средств секс представлен в рекламных продуктах большого количества торговых марок. Сексуальные образы женщин и мужчин способствуют продвижению косметики и парфюмерии. Рекламное сообщение (слоган), сопровождающий продукцию, в свою очередь, также может нести скрытый сексуальный подтекст.

Например, слоган фирмы Lavin Perfume and Soaps: “Take a bath in the dark tonight and let the water make love to your skin”. Олицетворение существительных ‘water’ и ‘skin’ в сознании потенциального покупателя вызывает ассоциацию ‘мужчина-женщина’, а исходя из присутствия в тексте табуированного словосочетания ‘make love’ (заниматься любовью), оказывает влияние на чувственную сторону человеческого восприятия.

Существует масса примеров, когда продажи неперспективных брендов возросли благодаря рекламе с сексуальным подтекстом.

К 90-м гг. прошлого века доля рынка шампуня Herbal Essences в США с 8 % упала до катастрофического уровня – 0,1 %. Тогда производитель решил на запуск смелой рекламной кампании, разработанной агентством Wells Rich Greene BDDP. Акцент в ней делался не на натуральные компоненты в составе продукта, а на удовольствие от мытья головы, сравнимое с оргазмом. Так, органический шампунь предстал в рекламе как «оргазмический». И этот освежающий коктейль из секса и юмора превосходно сработал: за 5 лет Herbal Essences стал вторым брендом в Америке после Pantene.

Продвижение бренда мускусного масла Jovan, запущенного на рынок в 1971 г., сопровождалось описаниями свойств аромата, притягивающими противоположный пол. В итоге годовая прибыль компании Jovan Inc. выросла с 1,5 млн долларов в 1971 г. до 77 млн долларов к 1978 г. [1].

Следующий немаловажный бессознательный мотив – нарциссизм. В период полового созревания нарциссизм женщины усиливается. В тех случаях, когда это сопровождается «расцветом красоты», вырабатывается самодовольство женщины. Она любит себя с той же интенсивностью, с которой её любит мужчина. У неё нет потребности любить. Ей важно быть любимой.

Другой тип женщины делает в своём развитии шаг от вторичного нарциссизма к любви к мужчине. До определённого периода они идентифицировали себя с мужским полом и отличались мужскими проявлениями в характере. После наступления половой зрелости, когда такого рода проявления исчезли, у них проявляется влечение к определённому мужскому идеалу – продолжению того мальчишеского существа, которым они были прежде. Важное значение для такого типа женщин имеет образ отца.

Нарциссизм – первопричина женского эксгибиционизма. Практически каждая женщина бессознательно желает раздеться в людном месте и получить удовольствие от восхищённых взглядов мужчин.

Мотивы женского нарциссизма и эксгибиционизма с успехом используются в рекламе товаров для женщин [2].

Ярким примером эксплуатации женского эксгибиционизма является рекламный текст туалетной воды для женщин от **Oriflame Marcel Marongiu**: “Marcel Marongiu: All you need to wear...” (Это – всё что тебе надо одеть ...). Демонстрация полуобнаженных женщин, принимающих душ, часто используется в рекламных видеороликах таких фирм, как *Samay* и *Palmolive*.

При разработке маркетинговой и рекламной стратегии рекламные специалисты предпочита-

ют использовать эпитеты. Эпитеты усиливают выразительность рекламного образа, делают его предметным. Они обогащают содержание высказывания, подчеркивают индивидуальный признак объекта, например, рекламный текст парфюмерной продукции *Chanel No. 5* звучит так: “Am made of blue sky and golden light, and I will feel this way forever ... share the fantasy”. Использование эпитетов ‘голубое небо’ и ‘золотистый свет’ указывает на «божественное», неземное происхождение женщины, которая использует рекламируемый косметический продукт.

Исходя из специфики женской психологии, а в частности, стремление каждой женщины быть красивой и привлекательной, составители рекламных текстов косметической продукции очень часто используют в качестве эпитета прилагательное ‘beautiful’. В качестве примера можно привести несколько рекламных текстов компании *Oriflame*: “Your solution to a beautiful body”; “Beautiful skin is a luxury we all deserve” и другие.

Составляя рекламный текст, производитель товара старается сформировать у потребителя целостный образ. Покупая в магазине очередной шампунь или маску для лица, женщина надеется получить именно тот результат, который ей обещали в телевизионной рекламе, она приобретает не сам товар, а образ, созданный грамотным специалистом, надежду на роскошную фигуру, волосы, ресницы и стиль жизни отличный от её собственного.

Стиль жизни – устоявшиеся формы бытия человека, находящие своё выражение в его деятельности, отдыхе, интересах, убеждениях, т. е. **взаимосвязях с окружающим миром**.

Стиль жизни как новое понятие в психологии был введён Адлером в его индивидуальной теории личности. Он считал, что фундаментальным законом человеческой жизни является его стремление к превосходству.

Для многих товаров создаётся несколько реклам, позиционированных на разные стили жизни. Потребитель, увидев такую рекламу, как бы ставит знак равенства между потреблением рекламируемого товара и стилем жизни, описанным в данной рекламе.

Позиционируя рекламу по стилю жизни, немаловажно учитывать и используемый для неё канал коммуникации. Например, реклама косметики, размещённая в журнале “*Cosmopolitan*”, будет восприниматься как продукт высшего класса, а в журнале «*Лиза*» – как товар массового потребления [2].

Огромное значение для создания рекламного образа современной женщины играет её подсознательное желание доминировать в отношениях,

как с противоположным полом, так и в чисто женском обществе. Наиболее важным персонажем в оценивающем окружении для женщины является не мужчина, которого она любит, а женщина, с которой она конкурирует. Сравнивая себя с популярными актрисами, певицами женщина стремится сделать всё возможное, что бы их превзойти. Примером использования этого неосознанного мотива может служить следующий рекламный текст косметической линии Charles Atlas: “You Too Can Have a Body Like Mine!”. Для рекламы своей продукции этим приемом пользуются практически все производители косметики, представленные на рынке, популярные актрисы и модели становятся «лицом» рекламной кампании.

Одним из важнейших факторов, повлиявших на развитие рекламы, стал феминизм. Феминистическое движение, зародившееся в США в 60–70-х гг. XX в., представители этого движения протестовали против любых проявлений женственности, сексуальности женщин в рекламе, считая их оскорблением, дискриминацией женщин. В результате в рекламе тех лет исчезли образы женщины – матери, женщины домохозяйки.

80-е гг. стали периодом серьёзного переосмысления взаимоотношений полов в США. Началось отрезвление. Теперь американские женщины стали изображаться не только умными, успешными независимыми, но и сексуальными и женственными.

Благодаря привнесённой идее феминизации в рекламных текстах стали активно использовать призывы, стимулирующие принятие «самостоятельного решения о покупке».

Описанный прием использован в рекламе краски для волос фирмы Clairol hair coloring: “If I’ve only one life, let me live it as a blonde!”, а также в тексте рекламы линейки средств для проблемной кожи компании Avon: “Clearskin take control and show young skin who’s boss!”. На разворотах в каталогах сетевых косметических компаний часто можно встретить надпись: “Your choice”.

Анализ бессознательных мотивов позволяет создавать рекламу, образы которой невозможно придумать на основе только логических рассуждений, особенно если речь идет о продаже такого товара, как «красота и молодость». Любое рекламное послание воздействует в первую очередь на бессознательное, а уже потом на сознание человека. Таким образом, можно прийти к выводу, что воздействие рекламы на бессознательное является в большинстве случаев основной причиной покупки товара.

Список литературы

1. Велькова, Н. А. Исследование методов использования сексуального мотива в рекламе [Электронный ресурс]. URL : <http://skachate.ru/pshologiya/32643/index.html>.
2. Зуев, Д. [Электронный ресурс]. URL : <http://denis-zuev.ru/blog/marketing-articles/128-psikhologiya-reklamy>.
3. Фрейд, З. Толкование сновидений. Минск : Попурри, 1997. 574 с.

А. Р. Копачева, А. С. Норкина (Челябинск, Россия)

ПЕСНЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

In the given article song is regarded as a special kind of creolized text which has verbal and non-verbal (melodic) constituents, and, also, is characterized as a powerful means of influencing on people’s minds. Thanks to the fact that continuous-emotional flow includes non-verbal components of the song, it is capable not only of changing the recipients’ emotional state but also of introducing the authors’ ideas into the recipients’ linguistic picture of the world, of modifying their opinions concerning different events and phenomena.

Keywords: song discourse, text, creolized text, song as a cultural phenomena.

В современном мире песенный жанр является одним из самых популярных видов искусства. Он освещает различные проблемы современного общества, знакомит нас с точкой зрения авторов, показывает разнообразные ситуации и предлагает возможные варианты решения вопросов, которые подняты в произведении.

Песня является наиболее простой и распространенной формой вокальной музыки, которая объединяет легко запоминающуюся мелодию и поэтический текст. В широком значении песня включает в себя все, что поется, в узком значении песня – это малый лирический стихотворный жанр, характеризующийся простотой музыкаль-

но-словесного строя и существующий в культуре всех народов.

Несмотря на свою многовековую популярность, песня не является изученной в полной мере в связи со сложностями, возникающими при исследовании ее музыкальной составляющей и её междисциплинарным положением. Следует отметить, что песню, как и некоторые другие типы текстов, достаточно сложно точно классифицировать; на сегодняшний день не существует детальных характеристик и однозначного описания песенных текстов, что предполагает необходимость дальнейшей разработки данной проблематики.

Тексты являются одним из главных и наиболее содержательных проявлений любой культуры, так как именно с их помощью выражаются ее основные концепты и идеи. Существует великое множество определений понятия 'текст', среди которых, на наш взгляд, наиболее удачное принадлежит И. Р. Гальперину: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку» [1. С. 18].

Что касается типов текста, при их рассмотрении обычно применяют понятия «линейный» текст, в котором языковые единицы следуют друг за другом, располагаясь последовательно во времени (при устной речи) и в пространстве (при письменной речи), и «нелинейный» текст, который состоит из единиц разных знаковых систем. Линейные и ветвящиеся в композиционно-семантическом плане тексты редко встречаются в чистом виде, чаще тексты объединяют в различной степени черты первого и второго типа, в них наряду с вербальными используются и невербальные средства.

Песня представляет собой яркий пример таких текстов, характеризующихся семиотической сложностью.

Несмотря на недостаточную изученность, текст песни, как и рекламу, афишу и комикс, можно отнести к креолизованным текстам (в терминологии Г. В. Ейгера и В. Л. Юхта – поликодовым текстам). Е. Ф. Тарасов и Ю. А. Сорокин определяют креолизованные тексты как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [3. С. 180].

Среди текстов песенного дискурса практически нет полностью нарративных текстов. Вербальная составляющая песни наполняет ее информацией, в то время как невербальная (мелодическая) составляющая воздействует на чувства и эмоции слушателя. Как пишет в своей работе Н. С. Валгина, «взаимодействуя друг с другом, вербальный и невербальный компоненты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект» [2. С. 154].

Песня представляет собой текст с частичной креолизацией, поскольку ее составляющие могут существовать самостоятельно: мелодии песен иногда исполняются инструментально, без слов, а тексты могут издаваться как поэтические сборники. Мелодическая составляющая заставляет слушателя эмоционально прочувствовать содержание вербальной составляющей песни.

Будучи доступным для любой аудитории элементом музыкальной культуры, песня способна оказывать влияние на эмоциональное состояние человека, и, являясь популярной в данный период времени, трансформировать общественную картину мира, донося слушателям мнение автора, нередко позиционируя его как единственно правильное.

Так, в песне британской инди-рок группы Arctic Monkeys "Fake tales of San Francisco" автор рассказывает нам про музыкальные коллективы, которые добились популярности только благодаря удачному имиджу. В итоге поэт приходит к выводу, что любовь не только слепа, но и глуха: "Love's not only blind but deaf". Эта фраза отражает основную идею песни, является короткой и легкой для восприятия, и, что является важным, выделена интонацией во время вокального исполнения, чтобы слушатель обратил на нее особое внимание. Благодаря этому многие реципиенты, возможно, согласились бы с мыслью поэта-песенника, приняв его мнение за своё собственное.

Такое воздействие песни, прежде всего, обусловлено ее чертами как культурного феномена: формальной и структурной простотой, достигающейся за счет разного вида повторов, широким распространением, новым, прогрессивным взглядом на явления жизни при существующем традиционном круге проблем.

Что касается вопроса приоритета в восприятии вербальной и мелодической составляющих песни, хотелось бы привести мнение П. С. Волковой, которая полагает, что музыка является включенной в так называемый континуально-эмоциональный поток и является главенствующей в плане восприятия, а вербальный элемент проявляется только в том случае, когда оба плана

объединяются на уровне результата деятельности [4. С. 95].

Следуя этому утверждению, мы можем сказать, что адресат песни воспринимает и анализирует текст только после восприятия музыкальной составляющей. Если объяснять приоритетность элементов таким образом, можно понять нейтральное отношение публики к недостаткам стихотворных текстов – в сочетании с мелодическим компонентом они незаметны, однако без музыкального сопровождения слушателю видны все их дефекты.

К примеру, текст песни “Too many friends” альтернативной рок-группы **Placebo** построен практически без рифм, но в вокально-инструментальном исполнении звучит гармонично:

This is my last communiqué
Down the super highway –
All that I have left to say
In a single tome.

Всё, что мне осталось сообщить –
Всё здесь – маячит на дороге,
Всё, что осталось мне сказать –
Уместится в одном лишь томе (перевод А. С. Норкиной).

В данных строках есть только одна рифма – ‘highway’ и ‘to say’, которая является «каркасом» для куплета. Первая и последняя строки не рифмуются, благозвучие достигается за счет аккомпанирующей музыки и особенностей вокального исполнения.

Вербальный и невербальный компонент песни воздействуют на слушателя одновременно. Мелодический компонент, который заставляет слушателя прочувствовать содержание вербального, придает песне обобщенный характер.

Рассматривая связность вербального и мелодического компонентов, следует заметить, что тексты о негативных событиях жизни чаще положены на минорную музыку, а тексты о радости и счастье – на мажорную; содержание припева обычно носит обобщающий характер, так как он, как правило, стоит практически после каждого куплета. К примеру, в куплетах песни рок-группы **The Rasmus** “Run to You” повествуется о предстоящей разлуке, в то время как в припеве заложено главное сообщение: автор обещает своей возлюбленной вернуться как можно скорее:

Another moment
I will fade into the scenery,
You wouldn't even see me.
I've got nothing left to offer you,
It's not that I don't care.

All I ask is that you think of me.
I swear:

I will run to you
When my journey's over!
Wait for me,
Keep our love alive!
I will dream of you
Till I reach the sun,
Then I'll turn around and run
To you!

Мгновение – и я сольюсь с пейзажем,
Еще момент – исчезну за твоей спиной,
Хотел бы я оставить голос свой, чтоб был он
твоим стражем,
Но, к сожалению, он последует за мной.

И всё, чего прошу – оставь мне
Поток мечтаний, мыслей о любви,
А я в ответ клянусь:
Я прибегу назад, я рядом,
Ты просто меня громче позови.
Настанет час – и я достигну Солнца
Но не найдя там счастья,
Полечу к тебе,
А ты дожись, и чувствуй – сердце мое бьётся
И отдаётся эхом у тебя в груди (перевод А. С. Норкиной).

Подобной является и структура музыкального компонента: мотив или мелодия куплета разрешается (переходит) в мотив или мелодию припева.

Таким образом, песня является креолизованным текстом, включающим вербальный и невербальный (мелодический) коды, которые представляют в песне единое целое и решают задачу художественного воздействия. Использование двух и более видов кодов положительно влияет на эффективность воздействия, поэтому песня является мощным средством влияния на сознание людей: она может внедрять идеи в картину мира слушателей, менять их мнение относительно жизненных событий и явлений, изменять эмоциональное состояние реципиентов.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 138 с.
2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2001. 304 с.
3. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция [Текст] / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 1990. 240 с.

4. Феноменология музыки // Музыка начинается там, где кончается слово / сост. П. С. Волкова. Астрахань; М.: НТЦ «Консерватория», 1995. 458 с.

5. Arctic Monkeys. Fake Tales of San Francisco [Электронный ресурс]. URL : <http://www.amalgama-lab.com>.

6. Placebo. Too Many Friends [Электронный ресурс]. URL : <http://www.amalgama-lab.com>.

7. The Rasmus. Run to You [Электронный ресурс]. URL : <http://www.amalgama-lab.com>.

С. С. Краева (Челябинск, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИНТЕНСИФИКАЦИИ БЛАГОДАРНОСТИ

The article considers the speech genre gratitude in Russian, German and English from the point of communicative-pragmatic approach and the types of intensifiers contained in the statements with gratitude-semantics.

Keywords: speech genre gratitude, communicative-pragmatic approach, intensifiers, gratitude-semantics.

Современные парадигмы языкознания сконцентрированы на том, каким образом человек использует язык в качестве орудия общения, и как сам он отражается в языковых единицах, которые выбирает для осуществления своей речевой деятельности. В этой связи большую актуальность приобрели исследования межличностного и межкультурного взаимодействия, а также попытки установить и описать универсальные и культурно обусловленные особенности речевой коммуникации в различных сферах деятельности человека. Способы достижения посредством речевого общения внекоммуникативных и коммуникативных целей, осуществления социальной жизни, взаимодействия людей в обществе исследуются в русле коммуникативно-прагматического направления в лингвистике.

Комбинация коммуникативного и прагматического подходов к изучению речевых явлений позволяет рассматривать отдельные свойства языковых единиц, проявляющиеся в ходе речевого взаимодействия говорящего и слушающего, учитывать индивидуальные особенности коммуникантов и условия коммуникативной ситуации. Прагматически значимое содержание заключается как в центральных, так и в периферийных лексических единицах. Указание говорящего на себя, партнера по коммуникации, охватываемое коммуникативным процессом третье лицо, пространственно-временные координаты – все компоненты высказывания играют большую роль в организации речевого взаимодействия партнеров по коммуникации [3. С. 11]. Если соотнести данную мысль с основными параметрами исследования реализации речевого жанра благодарности

(РЖБ) и элементами его структуры, то в качестве периферийной единицы могут быть выделены интенсификаторы благодарности, которые до сих пор в исследованиях, посвященных особенностям выражения благодарности в различных языках и культурах, не рассматривались ни отдельно, ни в комбинации с другими составляющими РЖБ (А. Г. Бердникова, 2005; С. В. Сквородина, 2004; Э. Б. Адамокова, 2005; Ж. А. Тягунова, 2002). Полное описание механизма благодарности с лингвистической точки зрения с учетом прагматических особенностей его реализации представляется невозможным без анализа лексических средств интенсификации благодарности, используемых носителями русского, немецкого и английского языков в различных типах дискурсов.

Ситуации выражения благодарности подчинены конкретным ситуативным и социальным закономерностям, однако ситуативные контексты реализации РЖБ весьма разнообразны, поэтому адекватное описание функционирования РЖБ возможно только в рамках прагмалингвистики, учитывающей все аспекты диалогической межличностной коммуникации.

Реализация РЖБ регулируется правилами хорошего тона, соблюдение которых соотносится с ожидаемым поведением человека в обществе в определенных ситуациях при наличии определенных условий. Выражение благодарности представляет собой вежливое действие подтверждающего типа, основная функция которого заключается в положительной оценке бенефактивного действия [4. С. 78], поэтому для актуализации РЖБ обязательным условием является наличие стимула. Типовая ситуация реализации РЖБ, таким

образом, представляет собой последовательность из трех шагов: предварительное условие ситуации – стимул благодарности, вербально выражаемая благодарность и факультативный шаг – реакция на благодарность. При этом вербально выражаемая благодарность не является однородной и зачастую разложима на несколько компонентов: собственно благодарность (инвариант) и группу распространения (выражение дополнительной оценки) [1. С. 40]. Именно лексические средства интенсификации образуют второй компонент, поскольку входят в состав высказываний, вербализующих РЖБ, и нацелены на эксплицирование глубины чувства благодарности говорящего.

Выделение универсальных лингвопрагматических признаков интенсификации благодарности требует привлечения максимально широкой исследовательской базы. Для анализа были взяты примеры реализации РЖБ в художественном и конверсационном дискурсах, а также в дискурсе социальных сетей. Источником материала послужили наблюдения за речевым взаимодействием носителей русского и немецкого языков в естественных условиях речевой коммуникации, результаты анкетирования, Национальный корпус русского языка, содержащий подкорпуса художественных текстов на иностранных языках, многоязычная социальная сеть «ВКонтакте» и платформа микроблогов «Твиттер». В качестве инварианта благодарности в русском и английском языках были взяты лексические единицы с семантикой благодарности ‘спасибо’ и ‘thanks’, в немецком языке – лексические единицы с корнем -*dank*-. Привлечение поисковых функций электронных ресурсов и анализ зафиксированных диалогов позволил выявить основные модели построения высказываний, вербализующих РЖБ, релевантные для исследуемых типов дискурсов. Эти структуры включают группу распространения, состоящую из субъекта, объекта, каузатора и интенсификатора благодарности. В данном случае под интенсификатором понимается дополнительный элемент в структуре высказывания. Однако следует принять во внимание, что зачастую выражение благодарности сводится к произнесению одной только лексической единицы с семантикой благодарности, поэтому субъект, объект и каузатор благодарности тоже выступают в качестве дополнительных или факультативных элементов и, следовательно, реализуют функцию интенсификации.

В одной из наших статей, на основе анализа способов реализации РЖБ в текстах, составляющих художественный дискурс в русском языке, предлагается следующая классификация: все интенсификаторы делятся на вербальные и невер-

бальные, вербальные, в свою очередь, делятся на прагматические и лингвистические [2. С. 78]. Прагматическими называются интенсификаторы, которые можно соотнести с прагматическими аспектами реализации речевого жанра благодарности – каузатором и адресатом. Назначение лингвистических интенсификаторов заключается в том, чтобы показать глубину чувства благодарности у говорящего. В настоящее время, с учетом проведенных исследований, представляется более логичным разделять вербальные интенсификаторы, которые являются, по своей сути, лингвистическими, на структурные и лексические. Тогда модель полной структуры высказывания, вербализующего РЖБ, приобретает следующий вид: РЖБ = ± S(I) + Pr ± I ± O(I) ± K(I), где РЖБ – высказывание, вербализующее речевой жанр благодарности, S(I) – субъект, факультативный элемент высказывания, выполняющий функцию интенсификации и обозначающий адресанта благодарности, Pr – предикат, лексема с семантикой благодарности, I – интенсификатор, являющийся факультативным элементом, O(I) – объект, факультативный элемент, выполняющий функцию интенсификации и обозначающий адресата благодарности, K(I) – каузатор, факультативный элемент, выполняющий функцию интенсификации и обозначающий стимул благодарности. Структурные интенсификаторы соотносятся с элементами высказывания, которые актуализируют прагматический аспект выражения благодарности, связанный с говорящим, слушающим или ее причиной. Лексические интенсификаторы связаны непосредственно с предикатом благодарности, и их прагматическая функция состоит в акцентировании внимания адресата на акте благодарения.

Набор лексических интенсификаторов довольно узок – это прилагательные и наречия с семантикой увеличения объема или качества благодарности, ср.: ‘большое / огромное спасибо’; ‘danke schön / sehr, vielen / herzlichen Dank’; ‘many thanks, thanks so much / a lot’. Тем не менее, они активно используются носителями трех исследуемых языков во всех типах дискурсов. Что касается места лексических интенсификаторов в структуре высказывания, вербализующего РЖБ, то следует отметить, что такой интенсификатор всегда занимает позицию непосредственно рядом с лексической единицей с семантикой благодарности – до или сразу после нее, если в высказывании отсутствуют структурные интенсификаторы. В русском языке при наличии в высказывании объекта благодарности лексический интенсификатор зачастую ставится после него (‘спасибо тебе огромное’), в немецком – между предикатом и объектом (‘Danke

schön, Frau Wirth'). Для русского языка также характерна постановка прилагательных, выполняющих функцию интенсификации, перед указанными элементами высказывания. В таком случае на первом месте расположен лексический интенсификатор, на втором – объект, на третьем – предикат благодарности ('большое вам спасибо').

В художественном и разговорном дискурсах во всех языках доминируют лексические интенсификаторы, но для дискурса социальных сетей характерна высокая представленность интенсификаторов, указывающих на стимул благодарности ('спасибо за' / 'thanks for'). Особенно активно различные типы интенсификаторов в комбинации друг с другом применяют здесь русскоязычные пользователи ('большое спасибо за...' / 'спасибо всем большое за...'). В других дискурсах высказывания с семантикой благодарности, включающие каузатор, встречаются значительно реже. Объяснением данному факту может служить специфика организации коммуникации в рамках социальной сети, когда пользователи уделяют большое внимание «лайкам», «комментариям», «просмотрам», которые представляют собой стимулы благодарности.

В результате анализа высказываний, вербализующих РЖБ, была установлена универсальность модели Pr + K, описывающей структуру высказываний, содержащих каузатор благодарности, для ввода которого используются предлоги 'за', 'für', 'for':

- спасибо за... (услугу, помощь, информацию),
 - danke für... (Freundschaftshilfe, Kompliment, Service),
 - thanks for... (all, love, comments, birthday wishes),
- а также союзы 'что', 'dass' либо соответствующий им предлог 'for':
- спасибо, что... (подвез, предупредил, прямо сказал),
 - danke, dass... (Sie mitfahren, für uns entschieden haben),
 - thanks for... (coming, watching).

В конструкциях с предлогом за ним следует какое-либо существительное с семантикой оказания услуги или внимания. В конструкциях с союзом за ним следует глагол, объективирующий бенефактивное действие. В английском языке это форма герундия после предлога, которая отсутствует как в русском, так и в немецком языке, но в данном случае полностью соответствует союзам 'что' и 'dass' на семантическом уровне.

Универсальной моделью реализации РЖБ посредством высказываний, включающих объект

благодарности, является модель Pr + O, при этом объект выражен именем собственным или обращением, ср.:

- спасибо имя / обращение (Евграф Валерианович, Мить, сын),
- danke имя / обращение (Herwald, Schatz),
- thanks имя / никнейм / обращение (Em, @nickname, y'all).

Нами отмечены совпадения в русском и немецком, в русском и английском языках, касающиеся способов репрезентации объекта благодарности. Так, в русском и немецком за лексемой с семантикой благодарности может следовать личное местоимение в дательном падеже ('спасибо тебе / вам'; 'danke dir / Ihnen'), а в русском и английском – местоимение-существительное ('спасибо всем'; 'thanks to all'), которое в русском языке стоит в форме дательного падежа, а в английском употребляется с предлогом 'to'. Несмотря на разницу в грамматическом построении, очевидно совпадение данных конструкций на лексико-семантическом уровне. Наличие здесь предлога является особенностью английского языка, поскольку ни в русском, ни в немецком для ввода объекта в высказывание, вербализующее РЖБ, предлоги не используются.

Данные совпадения по парам языков относительны. Несмотря на то, что материал исследования не предоставил таких примеров, в немецком языке возможно выражение благодарности посредством фразы 'ich danke allen', такое высказывание не противоречит норме, но скорее всего, не узуально, к тому же содержит указание на адресанта благодарности. А в английском языке одним из способов выражения благодарности является вежливая формула 'thank you', которая вполне соответствует модели 'лексема с семантикой благодарности + личное местоимение', и также может рассматриваться в ряду универсальных, с той лишь оговоркой, что в английском отсутствует грамматическая форма падежа в том виде, в каком она присутствует в русском и немецком языках.

Исследование показало, что высказывания, содержащие указание на адресанта благодарности, характерны, в основном, для немецкого языка. Данный факт можно объяснить выбором лексем и высказываний для анализа, а также грамматическим строем исследуемых языков. Поскольку в немецком языке нами рассматривались высказывания, содержащие лексические единицы с корнем **-dank-**, в нем были зафиксированы наиболее разнообразные способы выражения благодарности, ср.: 'ich danke Ihnen, ich bedanke mich, wir bedanken uns dass..., wir sagen danke, dass..., ich bin dankbar, ich möchte danken, ich habe zu

denken'. Грамматика немецкого языка не позволяет использовать указанные конструкции в речи без подлежащего, поэтому в нем во всех типах дискурсов встречаются высказывания, вербализующие РЖБ, включающие субъект. В русском и английском языках субъект не входит в структуру высказываний, где предикат выражен лексемами 'спасибо' и 'thanks', тем не менее, существуют другие способы построения полных высказываний, вербализующих РЖБ, которые в настоящей статье не рассматриваются.

Также был проведен анализ частотности использования в различных типах дискурсов конструкций, соответствующих универсальным моделям построения высказываний, вербализующих РЖБ. Чаще всего по модели Pr + I (лексема с семантикой благодарности + лексический интенсификатор) строятся высказывания в дискурсе социальных сетей (462 примера) и разговорном дискурсе (42), реже – в художественном (13). Модель Pr + O (лексема с семантикой благодарности + объект благодарности) активно применяется пользователями социальных сетей (353), часто встречается в художественном дискурсе (27) и реже – в разговорном (15). Третья модель построения высказываний Pr + K (лексема с семантикой благодарности + каузатор благодарности) наиболее актуальна для дискурса социальных сетей (340), и в меньшей степени для художественного (11). По данным нашего исследования, в разговорном дискурсе она используется только носителями русского языка (4).

Анализ приведенных выше моделей с точки зрения их распространенности в исследуемых языках показал, что в русском и немецком языках чаще встречаются высказывания, содержащие лексические интенсификаторы, а для английского языка характерны высказывания со структурным интенсификатором – объектом.

Таким образом, можно отметить, что лексические средства интенсификации благодарности являются универсальным средством усиления воздействия РЖБ на адресата, которое применя-

ется в различных прагматических ситуациях и в дискурсах различного типа. В русском, немецком и английском языках высказывания с семантикой благодарности строятся по следующим моделям: Pr + I, Pr + O и Pr + K, при этом лексический интенсификатор выражен прилагательным или наречием с семантикой увеличения объема или качества благодарности, объект благодарности может быть выражен именем собственным, обращением или местоимением, а каузатор зачастую выражен глаголом или существительным с семантикой оказания услуги или внимания.

В настоящей статье не были затронуты модели высказываний, в которых комбинируются различные виды интенсификаторов, поскольку данная проблема требует отдельного рассмотрения. В целом следует отметить, что несмотря на некоторые различия в каждом из исследуемых языков высказывания с семантикой благодарности обнаруживают значительное сходство на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях, и выявленные нами особенности реализации РЖБ можно считать универсальными в лингвопрагматическом аспекте.

Список литературы

1. Имас, А. В. Выражение благодарности в немецком языке : на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX в. : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 173 с.
2. Краева, С. С. К вопросу о структуре речевого жанра благодарности // Наука в исследованиях молодых : материалы III Междунар. науч. форума студентов, магистрантов, аспирантов (Новосибирск, 17 мая 2013 г). Новосибирск : Сибпринт, 2013. С. 77–80.
3. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие : коммуникация и прагматика. М. : Икар, 2007. 478 с.
4. Holly, W. Imagearbeit in Gesprächen (ein linguistisches Beschreiben des Beziehungsaspekts) // Reihe Germanistische Linguistik. Tübingen, 1979. № 18. S. 78–82.

Т. В. Кудрявцева (Москва, Россия)

К РЕЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале новейшей немецкой поэзии)

The article is devoted to the difficulties of text-interpretation in modern German poetry caused by the author-intention and specific character of modern versification.

Keywords: German literature, sensing, metaphor, image, intertextuality, experimental poetry.

Одним из основных признаков «современного» немецкого стихотворения считается наличие в нем так называемого оригинального тона («о-тон», O-Ton, Originalton). Погоня автора за внешними атрибутами современности нередко выливается при этом в псевдооригинальность и вседозволенность. Это может выражаться в злоупотреблении метафорами, символами, разрушении синтаксических связей и т. п., что в свою очередь ведет к усложнению структуры образа и затрудняет понимание текста.

В этой связи уместно привести полемику П. Вюра и Д. Грюнбайна, двух известных, близких по мировосприятию поэтов разных поколений, но совершенно разных по технике создания образа. Вюр называет Грюнбайна «кондитерских дел мастером», полагая, что не всегда насыщенность стихотворения образами служит критерием его качества. В ответ на обвинения Грюнбайна в «сухости и скудости», безобразной, по его мнению, поэзии Вюра, последний возражает, что настоящая поэзия должна обходиться малым. «Если я хочу, чтобы стихотворение взлетело, я не могу написать: “черный дрозд расправляет крылья”, потому что всякий тогда скажет: “ах, черный дрозд, да, я знаю, какой он из себя”. Поэтому я скажу: “птица расправляет крылья”. Я не могу сказать: “воробей, лебедь и т. д.”, ибо это всякий раз означало бы лишить стихотворение поэтической силы» [6].

Метафора равным образом не должна быть простым украшением, как и представлять загадку для читателя, убежден и поэт Р. Мальковский. Новизну образа можно, по его мнению, оценить лишь настолько, насколько он понятен и уместен [14. С. 22].

Тем не менее, зашифрованность, влекущая за собой трудности восприятия, считается среди авторов и литературных критиков одним из основных признаков и, нередко, достоинств современной поэзии [1. С. 239].

Трудности восприятия поэтического текста могут быть обусловлены несколькими причинами. Р. Мальковский выделяет среди прочего «мыслительную немощ» [14. С. 19], другими словами, слабость образного мышления автора, отсутствие четкого представления о том, что он хочет выразить. Пустота мысли либо ее невнятность порой сопряжены с недостаточным владением техникой стиха. А если стихотворение помимо прочего обращено к внутреннему миру автора, сюда добавляются притчевые аналогии и языковые коды. Все это, прежде всего, относится к продукции «mainstream». В новейшем немецком литературном дискурсе термин получил негативный оттенок и служит синонимом литерату-

ры усредненного стандарта, следующей веяниям моды как продукт серийного, конвейерного производства, представляющий скорее антипод литературы высокохудожественной, серьезной, в том числе интеллектуальной и экспериментальной.

Недавно ушедший из жизни блестящий стилист Р. Гернхардт описывает форму обезличенного стихотворения 1990-х гг. в «жанре “mainstream”» следующим образом: «По форме оно напоминает нечто вроде длинной колбасы, которая в зависимости от заполнения может получиться длиннее или короче. Начинка содержит типичные ингредиенты, как-то: словарь с причитаниями, неологизмы, игра словами, иноязычные вкрапления и т. п.» [7. С. 106]. Поэт приводит два образчика, смонтированные им из цитат разных авторов. Источником первого: Noch grün, die dürftige / Heimat, Deutschland / im Herbst, säuberlich / aufgeräumt wie immer. // Jetzt werden Ping Pong Tische / ins Freie gezogen / weiße Gartenmöbel / auf den Rasen gesetzt. // Ein rosiges Licht über den Banktürmen / und Spatzen schwätzen an den Pfützen. // Von weitem erkennen / einander Emigranten. // Unterm Efeu Modergeruch / Wie sich Gras / über die Kindergräber welt [7. С. 106] – послужили стихи П. Хамма, М. Бузельмайера, У. Крехель. Второй составлен из цитат Х. Тилля, Д. М. Грефа, С. Телхель, Х. Шертенлайба: Speisen trifft der Vater, er lebt weiter: / im Messer, die sich auf weißem Tuch / ständig opfernde Mutter, sie dehnt / TRIFTIGE WASSER oberflach wie ein Spaten / in denen standen die Väter bis zum Hals. / Jedes Runzeln war ein kleiner Tod fehlte / Vater, du darfst nicht gegangen sein es / ist jetzt zuviel Frau im Haus. Überall Rohre / Von hinten her gestanzte Teil um Teil, / wird an den Müttern noch gearbeitet [7. С. 106].

Отличительные черты подобной продукции пародирует поэт С. Лафлёр в стихотворении «Колонна»:

warte, kolonne, du kommst. der zahlen
wert deiner schritte ist falsch berechnet.
wozu der spiegel auf deinem haupt? dein
gang loest sich nicht von der erde, vom schlaf.
warte, kolonne, dein lenkrad ankert lose
& willkuerlich im schlick der atemluft.
durch koerper zu brechen ist antiker ver
dienst. heute ist der tod eine klammer.
schwarz gerahmte kaesten, schwarze rosen
eine reservierung bei der tageszeitung.
ein salzsee zu fueszen der geliebten, tiefer
bodenspiegel, der kein bild mehr wirft. <...>
kein spiegel wendet die sterne, die sonne
von deinem schlaf, du wirst taetowiert. <...>
das steht fest! das steht fest! schreie ich
& fuchtle wie ein irrer dabei mit den armen [12]¹.

Поэт объясняет замысел стихотворения стремлением высветить серьезную проблему «размалывания личности со стороны идиотского (= человеческого) общества», используя при этом излюбленный представителями поэзии «mainstream» прием абстрагирования действительности с помощью понятных лишь самому автору закодированных намеков и ассоциаций. По мнению рецензента антологии «Национальная библиотека немецкоязычного стихотворения», С. Лафлёр, «черпая вдохновение во внутреннем мире человека, создал удачное с языковой точки зрения произведение, демонстрирующее живую игру воображения и высокое поэтическое дарование, о чем свидетельствует богатство образов и оригинальность их выражения, что придает целому налет таинственности» [13].

Главный признак подобной литературы многие авторы определяют в терминах ‘необязательность’ (Unverbindlichkeit), или отсутствие ‘обязательности’ (Verbindlichkeit), иными словами, как безответственное отношение писателя к своему творчеству, порождающее низкое качество литературных (в данном случае поэтических) произведений.

Стихотворение превращается в загадку, когда в его основе лежат факты, не известные читателю и потому требующие особых пояснений [13]. В качестве примера можно, в частности, привести сонет К. М. Париша «Deerblue» [15]. Само название уже настраивает неподготовленного читателя на определенный «темно-голубой» неоромантический лад. Однако уже первые строки с ключевыми словами ‘Zwerge’ – карлики, гномы, ‘klein’ – маленький, ‘Statur’ – телосложение, рост, ‘Klasse’, ‘Masse’ переводят регистр настроения в совершенно иную плоскость, вызывая в сознании знакомые ассоциации с классовой борьбой, и пр.:

Viele Zwerge glauben: Klein
sind wir an Statur und Klasse,
aber nicht an Zahl und Masse [15].

В том же ключе, как проявление насилия, эксплуатации, прочитывается последняя строка первой строфы (Гайку прочь? Завинтим!):

Schraube los? Wir schrauben ein! [15]

Заданное настроение находит подкрепление во второй строфе, где «ненависть» (в сознании читателя власть имущих) вступает в антонимическую связь с рифмующейся на нее «расой» «мальчиков-с-пальчик». Наконец, выясняется и объект эксплуатации – ‘Bauern’ (в соответствии с уже возникшей коннотацией прочитываемый в значении ‘крестьянин’):

Macht aus faulen Trauben Wein,
doch laßt ab von eurem Hasse

gegen unsre Däumlingsrasse,
laßt das Bauernrauben sein! [15]

Подобное толкование присуще большинству опрошенных нами реципиентов, как носителей языка, так и иностранцев, в достаточной степени владеющих немецким языком.

В основу другой интерпретации было положено второе значение слова ‘Bauer’ – пешка в шахматной игре [23].

Теоретически можно предположить и использование в качестве ключа к расшифровке закодированного сообщения третье значение слова ‘Bauer’ – валет в карточной игре, случись среди респондентов представитель соответствующей социальной группы.

Один из респондентов (письмо от 04. 05.2003) напрямую связал содержание текста с сигнификатом ‘Zwerge’ из известного сказочного сюжета. На вопрос, о чем может идти речь в тексте «Многие карлики мнят: не вышли / мы телосложением и не породисты, / зато берем числом и массой», он ответил: «О Белоснежке и семи гномах».

Истинная подоплека стихотворения проявилась лишь после надлежащих комментариев самого автора стихотворения. Расшифровка заложена уже в его названии. «Deerblue» – компьютер, которому проиграл партию в шахматы Г. Каспаров:

Was wir in das Blech gesteckt,
das hat Int’ligenz geweckt,
adelt Variantenschutt!

Was der Gegner auch bezweckt –
wir sind schneller, sind perfekt!
Input. ..Output. ..Liliput [15].

Примечательно, что этот факт оказался известным лишь одному из респондентов, учащемуся немецкой школы при посольстве ФРГ в Москве. Подобная рецептивная игра не входила в замысел автора. Стихотворение сочинялось как реакция на событийный факт, широко подававшийся в свое время СМИ, и оттого не предусматривало подстрочного комментария.

Большинство поэтов, однако, сознательно используют элемент недосказанности, в том числе на фактографическом уровне, аргументируя это тем (так, в частности С. Лафлёр), что главная функция поэтического текста – не создание эксплицитного образа, а воздействие на читателя путем пробуждения его мыслительной деятельности. Именно здесь кроется опасность перейти границу дозволенного, поскольку разрыв в объеме информации, которой владеет автор и реципиент, не должен превышать критической массы. Увлечение малоизвестными (либо забы-

тыми) фактами ведет к потере коммуникативной функции произведения, которой и пренебрегает большинство авторов, именующих себя «современными».

Объективно наиболее сложными для восприятия следует признать тексты экспериментальной направленности. Например, практически невозможно линейное восприятие стихов У. Штольтерфота, создающего с помощью малоизвестных цитат и аллюзий новые семантические поля. Непревзойденный мастер цитатно-коллажной техники в современной немецкой поэзии, приверженец теории Л. Витгенштейна, он строит модель современного мира из цитатных «терминологических» (Stolterfoht, U. Fachsprachen I–IX: Gedichte. Basel, Weil am Rhein, Wien, 2006) атомов.

В качестве примера можно привести его анализ собственного стихотворения «родной язык 1968/2: общество на смерть эрнст мах», выполненный по просьбе автора данной работы:

trug sinn (–gemäß statut: erfahrung zu ersparen)
dem mißverhältnis haut zu markte rechnung
–sprachalso zunftversetzt vom beil im haus des seilers:
«hast ausgeholt – nun hacke!». zu spät:

der flocht nicht mehr – der schlang bereits. und
kam der welt abhanden. sei dann «knüpft an» das
was beschreibung leisten kann? antwort: «laich
wohnt noch im kleinsten teich» zeigt was mit stum-

mel möglich ist. ein freilich leibnizscher verweis.
heute vielleicht: wie man den molch zum abfluß
führt. Ganz nebenbei viel pfuhl gespart durch wirt-
schaftliches dichten ISTWOHL des forschers vornehm-
stes betreiben die kreterfrage «weltbeladen» zu-
gunsten «sprachdurchtränkt» entschieden. das ganze
sach auf nichts gestellt: wenn wörter was sie selber
körpern doch allenfalls am suffix spüren muß ihr

bezug ein nehmen sein. auf AUF ihr zeichen unver-
zagt: habt abgeschnürt — nun nabelt! kommt jeweils
eine ziehung. sprach ungeschlacht von «in betracht»:
am fremden knoten aus dem nunmehr unersparten
sumpf [17. С. 98].

По словам автора, основной стихотворения послужила обнаруженная во втором номере журнала «Родной язык» («muttersprache») за 1968 г. заметка о «Союзах на случай смерти» («Sterbevereine»), которые в начале XX в. создавались крупными промышленными предприятиями, главным образом горнодобывающими. Каждый рабочий делал ежемесячный взнос, с тем, чтобы после смерти было чем оплатить расходы на погребение, не обременяя близких. Исходным посылом для дальнейшего творческого акта послужила

реакция поэта на цинизм предприятия. Поэтому пословица «в доме палача о топоре не говорят» оборачивается сарказмом вмонтированной в цитату антитезы, в которой лексема **‘der Henker’** заменяется многозначным синонимом **‘der Seiler’**. Он в свою очередь может прочитываться как веревочник, палач и самоубица-висельник. Картину дополняет цитата из «Романа» В. Сорокина ‘отдохнул – теперь руби!’ (‘hast ausgeholt – nun hacke!’). И далее – многозначительное обращение к читателю (‘knüpft an’ – ‘начинайте, попробуйте на себе’) не ограничиваться полученной информацией, а попытаться проникнуть в суть явления, как это делает автор. Ибо в соответствии с пословицей – «место [вопрос – для чего? Т. К.] найдется в самой маленькой хижине», что в обыгранной цитате Штольтерфота означает: ‘икра обитает в самом маленьком пруду’ (‘laich wohnt noch im kleinsten teich’). А из ее головастиков – этаких «живых зеркал Вселенной» из «Монадологии» Лейбница (‘stummel’ – обыгрывание двойного смысла: огрызок карандаша, с помощью которого можно написать все, что угодно) – может вырасти все, что угодно. Например, ужасные саламандры. Возникает вопрос, «как избавиться от саламандры» (**‘wie man den molch zum abfluß führt’**) – перефразированная цитата из Витгенштейна: «показать мухе путь из мухоловки. Это, как полагает У. Штольтерфот, задача философа (читай: общества). Задача поэта – хотя бы заманить туда муху. Как это сделать – вечный и бесполезный предмет спора в немецкой литературе. Современный коммерциализированный дискурс решает его в пользу маховского принципа наименьшей затраты усилий (‘viel pfuhl gespart’). В литературе «mainstream» уже не стоит проблема «weltbeladen» zugunsten «sprachdurchtränkt» (содержание в угоду форме). Наоборот, поскольку там давно уже нет ни того, ни другого, писатели, руководствуясь эгоистическим анархистским принципом, «свели все дело к нулю» (‘das ganze sach auf nichts gestellt’) – цитата из произведения М. Штирнера «Единственный и его собственность».

Для Штольтерфота содержание и форма стихотворения – неразрывны. Он провокативно-эпатажен и в том, и в другом, и без всяких натяжек вписывается в сценарий авангардного искусства. Установка поэта в отношении реципиентов, для которых восприятие подобных текстов – уравнение со многими неизвестными, прослеживается в конце проанализированного стихотворения: «habt abgeschnürt – nun nabelt! kommt jeweils eine ziehung» (расшнуровали – тяните! способ найдется – обыгрывание мюнхгаузенского сюжета с вытаскиванием себя за волосы из болота). Читателю

как «машине, производящей смысл» [18] представляется полная свобода интерпретации.

Для большинства авторов, именующих себя современными, именно деструкция языкового и поэтического материала оказывается (в духе ниспровергателей традиции авангардным искусством XX в.) решающей для последующего постмодернистского монтажа.

Для некоторых, как в частности, для поэта Ф. Демута, это – «редукция простоты» [4. С. 80], которая выражается в том, что иногда он начинает поэтические встречи с декламации физических формул. Или несколько минут подряд зачитывает биржевые сводки. И то, и другое в своей сфере употребления, по мнению автора, – «редуцированное выражение чрезвычайно сложных явлений действительности» [4. С. 80]. Те не менее, на практике поэзия фрагмента Демута оказывается в высшей степени сложной для восприятия. Образы строятся как цепь кинофрагментов, основанных на противоположении / сопоставлении реального настоящего и ассоциативно возникающего в памяти прошлого. Элементы сравнения, как правило, суть разные понятийные категории. Чаще всего превалирует соотношение мира природы и душевной сферы с медицинской практикой, что выражается в соответствующей терминологии. К смысловой зашифрованности добавляется расчлененность и поливалентность синтаксических отношений, обычно не маркированных ни графически, ни пунктуационно. Наглядным примером этой техники может служить стихотворение «Сталинская аллея, снова и снова». В нем поэт рефлексировал по поводу известных событий многолетней давности (восстание в Берлине 17 июня 1953 г.), реконструируя их в поэтическом сознании уже как результат соприкосновения с призраком. Автору довелось в 1990-е гг. жить на носившей некогда это имя улице (позже переименована в Карл-Маркс-Аллее). Проводя нить исторической памяти, он, по сути, сжимает временное пространство в сюрреалистическом образе, делая точкой отсчета нового времени не год падения Берлинской стены, а далекие 1950-е, когда, по его словам «была сметена великолепная возможность для строительства реального социализма». В новой исторической ситуации эта самая широкая магистраль Берлина продолжает сохранять для поэта символический смысл как «место, пропитанное болью исторической действительности и еще более сильной горечью нереальности», где «страна на полпути пуста без ласточек <...> в серой полусфере хорошо сохранившегося ноября <...>, а ты в ней беспокойный звериный круг, помнящий о красно-розовом содержимом руки».

И риторический вопрос: «Каким могло бы быть его прикосновение, и как уставшим покинуть позиции» [3. С. 37], когда «время катится вспять в ту сторону света», где «остеологическая связь покоится <...> в вонючем историческом месиве» [3. С. 36]:

Wenn das Singen beginnt / die Sirenen / aus
der Schienenhaut / spult eine Zeit mit Himmels-
richtung /
zurück / der regelmäßige Insasse erwärmter Luft /
ist es das Bild pappgrauer Nierenschale / ost
eologische Verbindung / an der die Nacht mein
Mund liegt / wenn / später der lachhafte Milch-
zahn
einer kalten Stunde ins Steppengras der Hundein-
seln
beißt / die unter Luftschächten entfallenen Gesich-
ter / dort /
an den Übergängen in Fleisch und Flecken / und
andere Linien knöchelhoch mit Platten versiegelt /
hin / ich in einem analogen Morgen / auf
gezeichnet in staubigen Eschenblättern / von frie-
render
Nässe gepresst / wenn / sie unter Tierhäuten
längst zerrieben sind zu dieser stinkenden Geh-
schicht [3. С. 36].

Предметом эксперимента и обыгрывания становится сама экспериментальная поэзия. Современные поэты используют ее образцы в качестве строительного материала, запасных частей и пр. Так, основой следующего стихотворения А. Яндя, в течение многих лет разрабатывающей теорию современной поэтики фрагмента, послужил текст из рекламного каталога фирмы «IKEA» AB SOFORT KANN JEDER MONTAGS NACHBESTELLEN:

SOFO kles
kan- N JED erzeit
F ONTA ne
beNACH richtigen! [10]

Источник обрастает здесь своего рода «лесами» из различных словообразовательных формантов по принципу ассоциации. В данном случае спонтанно родились СОФО кл, Ф ОНТА не и т. п.

Похвалу Яндля снискал восьмичастный коллаж, основой которого послужило его стихотворение «Моя собственная песня»:

Ich will nicht sein
So wie ihr mich wollt
Ich will nicht sein wie ihr
So wie ihr mich wollt [9. С. 52].

Текст претерпевает следующую трансформацию, в результате которой возникает совершенно новый семантико-звуковой комплекс:

Ble ICH steht

die SO nne
über`m Te ICH.
Im SO fa
br ICH t
Philo SO phie [11]².

Абсолютизация формы как субстанционирующего начала берет отсчет с эпохи романтизма. Это постулирование искусственного хаоса вместо естественной упорядоченности, видимости случайного – вместо иллюзии необходимости, диссонансов вместо гармонии, фрагментарности вместо замкнутости и целостности и т. д. [5. С. 65]. Все это обернулось в дальнейшем не только легитимизацией нетрадиционных путей (в том числе и поэтики фрагмента) в постижении целого (идеала). Диссоциативность мира, постулированная и экстраполированная модернистами в художественных экспериментах, была узаконена постмодернистской поэтикой на правах правопреемника, логически завершающего экспликацию процесса. Й. Зарториус разъясняет суть современной поэзии фрагмента в продолжение «*Minima Moralia*» (Адорно) как «отражение разбитой жизни» средствами сознательно «сломанного языка» [20. С. 9]. Так, «взорванная ода» (*zersprengte Ode* – М. Браун) [2. С. 13] Грюнбайна имеет своей целью показать невозможность восприятия текста как целого [8. С. 55], поскольку нельзя, как, среди прочих, пытается доказать и Ф. Демут, вести речь о целостности современного мира. Он, по мнению поэта, представляет собой фрагментарную структуру, лишённую скреп, что и призвано отражать современное стихотворение, что, несомненно, сказывается на его восприятии.

В этой связи любопытно привести своеобразное определение «современного стихотворения», какое дает поэтесса К. Трауш, обращаясь к стихам младшего коллеги С. Лафлёра: «Мне известны лишь несколько его текстов, но уже в них просматривается способность бережно относиться к языку, к традиции, органично включать поэтическое “Я” в осмысление тематизируемых объектов, занимать позицию и требовать этого от читателя. Мне претит субъективный лепет, довольствующийся своей персоной и ничего не дающий читателю. Разумеется, кто-то скажет: это и есть по-настоящему “современное”. Но это еще не дает нам повода считать подобные произведения настоящим искусством, даже если они увенчиваются премиями. Прежде всего я ценю в поэзии владение языком, поскольку именно писателю вменяется в обязанность противостоять разрушению языкового строя (а вместе с ним и уничтожению корней народа) и раскрывать кра-

соту нашей души, которой грозит быть раздавленной под колесами чистогана» [22]:

Poet baut Wörterhaus,
schlingt Gartengedanken herum,
ist sich kostbar,
hat Höhe besiedelt,
nicht,
dass er weit sähe,
sondern hinab,
zieht Gräben,
nicht Brücken,
hat sich verschlüsselt
und findet
sein Herz nicht mehr [21. С. 34]³.

Примечания

¹ Пстой, колонна, ты идешь. Скорость / твоих шагов измерена неверно. / Для чего зеркало на твоей голове? Ты / не тронулась с места, не проснулась. / Пстой, колонна, твой руль расшатан / & подвержен изменениям атмосферы. / Сломать хребет – за / слуга античности. Сегодня смерть вынесена за скобки. / Ящики в черных рамах, черные розы / место, бронированное в газете. / Соленое море у ног любимой, бездонное / зеркало, в котором ничего не отражается. <...> / Зеркало не повернет звезды, солнце, / пока ты спишь, тебе сделают татуировку. <...> / Это так! это так! кричу я / & как безумный отбиваюсь руками.

² Бледное солнце / стоит / над прудом. / На диване / рушится философия.

³ Поэт строит дом из слов, / окружает его садом мыслей, / полагает себя самоценным, / заселил высоту, / но / смотрит не вдаль, / а вниз, / роет рвы, / не строит мостов, / закодировал себя / и не слышит / больше своего сердца.

Список литературы

1. Вебер, В. Что западный читатель ждет от русской литературы // *Иностр. лит.* 2005. № 7. С. 239–249.
2. Braun, M. «Vom Rand her verlöschen die Bilder»: zu Durs Grünbeins Lyrik und Poetik des Fragments // *Durs Grünbein / H. L. Arnold. München, 2002. S. 13.*
3. Demuth, V. *Stalinallee, nach und nach* // *Bits and Bones. Weilerwist, 2001. S. 37.*
4. Demuth, V. *Textrisiko* // *Schreiben Leben / R. Draghinescu. Ludwigsburg, 2005. S. 80.*
5. *Die deutsche Romantik: Poetik, Formen und Motive* / H. Steffen. Göttingen, 1967. S. 65–67.
6. *Die Wahrheit ist grauenerregend: der Dichter Paul Wühr im Gespräch mit Thomas Combrink über*

- seine poetischen "Teigwaren" [Internet resource]. URL : www.titel-magazin.de. 19.07.2004.
7. Gernhardt, R. Aufgeladenes Rauschen : Fragen zum Gedicht // *Literaturkritik.de*. 1999. № 7. S. 106.
8. Grünbein, D. "Nach den Fragmenten" : (Falten und Fallen : Gedichte). Frankfurt a. M., 1994. S. 55–56.
9. Jandl, E. My own song // Aus dem wirklichen Prosa. München, 2002. S. 52.
10. Janz, A. **SOFO kles** (Публикуется по рукописи).
11. Janz, A. **Ble ICH steht** (Публикуется по рукописи).
12. Lafleur, S. **Kolonne**. (Печатается по рукописи).
13. Lafleur, S. Письмо автору данной работы от 30.12.2003.
14. Malkowski, R. Dreizehn Arten das Gedicht zu betrachten // *Akzente*. 2001. H. 1. S. 22.
15. Rarisch, K. M. *Deepblue* // Der Nachgeborene – Redensartigkeiten und Sonette. Hamburg, 2000. Unpaginiert.
16. Rarisch, K.-M. **Письмо автору данной работы** от 4.05.2001.
17. Stolterfoht, U. Muttersprache 1968 / 2 : Sterbeverein ernst mach // Das verlorene Alphabet : deutschsprachige Lyrik der neunziger Jahre / M. Braun, H. Thill. Heidelberg, 1998. S. 98.
18. Stolterfoht, U. **Письмо автору данной работы** от 23.01.2002.
19. Demuth, V. Письмо автору данной работы от 15.03.2005.
20. Sartorius, J. *Minima Poetica*. Vom Machen von Gedichten und von der Macht der Poesie // *Minima Poetica* : für eine Poetik des zeitgenössischen Gedichts / J. Sartorius. Frankfurt a. M., 2003. S. 9.
21. Tausch, Ch. *Verschlüsselt* // Tausch, Ch. *Kamillenstraße* : Gedichte. Oschersleben, 1999. S. 34
22. Tausch, Ch. Письмо автору данной работы от 6.06.2002.
23. Wohlleben, R. Brief an K.-M. Rarisch vom 16.05.1997 [Internet resource]. URL : <http://www.fulgura.de/etc/kapitel2.htm>.

Т. А. Литвинова (Воронеж, Россия)

ВЫЯВЛЕНИЕ В ТЕКСТЕ НАМЕРЕННО ИСКАЖЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ С УЧЕТОМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЕГО АВТОРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследование поддержано грантом РФФИ 13-06-00016
«Моделирование личности автора письменного текста».

The article reveals that personality of the author of text should be taken into account in developing the methods of deception detection in text. This conclusion is based on the results of modern studies in neurobiological correlates of lying which reveal that lying is a complex phenomenon which is affected by many factors including personality traits.

Keywords: falsehood, deception detection in text, text, author, personality of author of text.

Введение. Проблема выявления лжи, под которой мы понимаем сознательно искаженную информацию с целью ввести кого-либо в заблуждение, в различных ее формах, по-видимому, существует столько же, сколько существует сам человек. Вероятно, это связано с тем, что способности человека в распознавании лжи весьма ограничены (по данным экспериментов, человек распознает ложь практически на уровне случайного совпадения, см. подробнее: [8]), причем даже специальная подготовка не всегда улучшает этот результат [8]. В связи с этим были приняты и предпринимаются неоднократные попытки изобрести технические средства для более эффективного выявления лжи, однако, как отме-

чается в специальной литературе, каждое из этих средств имеет серьезные недостатки (см. подробнее: [8; 12]), вполне возможно, по причине того, что их действие основано на анализе невербального и паравербального поведения человека (так, к примеру, полиграф, или детектор лжи, основан на выявлении невербальных и паравербальных признаков страха, а не собственно лжи; очевидно, результат исследования на таком приборе будет зависеть от множества факторов, в частности, психологических особенностей испытуемого и т. д., см. подробнее: [8]).

На протяжении достаточно долгого времени невербальные маркеры лжи считались более надежными, чем вербальные, и лишь последние

исследования ученых доказывают, что этот подход не верен. Как отмечает А. Vrij, крупнейший специалист по проблеме выявления лжи, современные нейрофизиологические исследования доказывают: вербальные маркеры лжи более надежны, чем невербальные. Как выяснилось, при продуцировании лжи подозреваемыми в преступлении (т. е. в ситуации, когда «цена» лжи высока) признаки волнения стираются, испытываемые выглядят невозмутимыми, причем не только внешне: это подтверждается и специальными приборами (измерялись пульс, давление и пр., и данные показатели оказывались близкими к норме, а не характерными для стрессовых ситуаций). Как предполагается, данный факт может быть объяснен тем, что ложь предполагает значительную когнитивную нагрузку, во время которой замедляются процессы, отвечающие за вегетативные реакции, в том числе связанные с волнением [12. С. 43]. Следовательно, как предполагается, анализ вербальных признаков лжи может быть более эффективным, чем анализ невербального поведения.

Проблема выявления лжи в речи в настоящее время активно разрабатывается как российскими, так и зарубежными учеными. В зарубежной науке были разработаны специальные методики по анализу речи с целью выявления лжи (см. подробнее [8]), однако большинство из них основано на контент-анализе лексики и, как отмечается исследователями, очень субъективно (см. подробнее [8]), в связи с чем в настоящее время в мировой науке происходит активный поиск более надежных способов выявления заведомо ложной информации в тексте. Так, в зарубежной науке в последние годы применяется комплексный подход к решению данной задачи, который объединяет усилия психологов, лингвистов, математиков. Анализируется не только устная, но и письменная речь, при этом особое внимание при этом уделяется текстам интернет-коммуникации (см. обзор: [1; 2]).

Так, для создания методик выявления в тексте намеренно искаженной информации активно применяются технологии автоматической обработки языка (natural language processing, NLP) с целью получения данных о количественных характеристиках «ложных» текстов и создания диагностирующих математических моделей, однако, несмотря на то что в целом данный подход признается высоко эффективным, данные этих исследований бывают противоречивыми в части построения списка наиболее эффективных языковых маркеров лжи (см.: [2]), причем следует отметить, что большинство таких исследований проводится на материале английского языка,

реже – на материале других европейских языков; на материале русского языка таких исследований, насколько нам известно, до настоящего времени не предпринималось.

По нашему мнению, выработать методику выявления намеренно искаженной информации в тексте возможно только путем анализа 1) большого корпуса «ложных» и «правдивых» текстов от одних и тех же информантов; 2) с применением методов автоматической обработки языка и аппарата математической статистики для поиска корреляций между численным значением того или иного параметра текста и характеристикой текста по шкале «содержащий заведомо ложную информацию/содержащий заведомо ложную информацию»; 3) с обязательной опорой на исследования лжи как когнитивного феномена.

Новейшие достижения нейропсихологии лжи свидетельствуют о том, что ложь – очень сложное и неоднородное явление, и для ее идентификации необходимо учитывать множество факторов (условия продуцирования лжи, степень ее подготовленности, тему, жанр текста, форму речи – устная или письменная и пр.). Представляется, именно с недооценкой этого факта могут быть связаны имеющиеся противоречивые данные о наиболее эффективных языковых маркерах лжи (к примеру, те маркеры, которые релевантны для верификации «ложного» нарратива, не будут релевантны для «ложного» текста о мнении его автора о каком-либо явлении, и т. д.): те параметры, которые оказались эффективными для выявления ложной информации в исследовании на одном корпусе респондентов, могут оказаться неэффективными для другого корпуса, и для корректного сравнения эффективности маркеров лжи в тексте необходимо учитывать целый ряд параметров.

К важнейшей группе параметров, которые обязательно должны быть учтены при построении методики выявления в тексте намеренно ложной информации, несомненно, относятся постоянные характеристики личности автора текста. В настоящее время считается доказанным положение о том, что текст как продукт индивидуальной речевой деятельности несет информацию о личности его автора (см., например: [5]), за каждым текстом стоит языковая личность, и, несомненно, характеристики личности влияют на языковые параметры продуцируемого ею текста (см. подробнее: [3; 4]).

Проведенный нами анализ научной литературы, в том числе зарубежной, по проблеме влияния личностных особенностей человека на процесс продуцирования лжи показывает, что в большинстве работ по когнитивным механизмам

лжи указывается на необходимость учета этого фактора, однако в этом направлении пока сделано немного.

Так, влиянию пола и психологического профиля на особенности продуцирования лжи посвящена работа [6]. Исследователями было установлено, что ложь связана у всех групп испытуемых с повышенной когнитивной нагрузкой (время, которое требуется на продуцирование ложного ответа, у всех испытуемых превышало время, требуемое на продуцирование правдивого ответа), а также то, что личностные особенности могут играть роль в этом процессе. Так, учеными была установлена корреляция между временем ответа и баллами по шкале «Невротичность».

Продолжает изучение влияния особенностей психической деятельности на продуцирование лжи работа [7]. В процессе исследования было также установлено, что время отклика для ложного ответа длиннее, чем для правдивого. Также была установлена корреляция времени ответа с такой характеристикой, как склонность к беспокойству, другие же характеристики личности не оказывали значимого влияния на скорость продуцирования лжи. В работе отмечается необходимость учета личностных параметров при изучении феномена лжи, однако отмечалось, что не любые личностные параметры оказывают такое влияние.

Поскольку ложь – это когнитивный феномен, связанный с различными процессами (характеристики внимания, объем рабочей памяти, способность к контролю, особенности процессов торможения и пр.), логично предположить зависимость процесса продуцирования лжи от когнитивных способностей. Анализ индивидуальных отличий, особенно когнитивных способностей, в скорости реакции (IRT) на ложный и правдивый стимул посвящена работа [9]. Исследователи обнаружили, что особенности когнитивной сферы человека оказывают большое влияние на его способность продуцировать ложь и, следовательно, эти особенности должны быть учтены при разработке методик выявления лжи.

Данные исследования были проведены с участием условно здоровых испытуемых. Однако, как известно, очень много для понимания механизмов различных явлений дает их изучение у испытуемых с различными патологиями. Как показывает анализ, в настоящее время в мировой науке идет поиск нейробиологических коррелятов лжи, в частности, методом нейровизуализации изучаются особенности работы мозга при продуцировании лжи, причем как у здоровых испытуемых, так и у больных. Было установле-

но, что при продуцировании лжи задействуются определенные участки мозга, которые не проявляют активности при продуцировании правды (см. обзор: [11]). Но снимки здоровых людей не могут доказать напрямую, что определенная область мозга необходима для выполнения той или иной когнитивной задачи, потому что активация той или иной зоны может быть связана с каким-либо дополнительным процессом, а не основным (продуцирование лжи). Таким образом, искомая прямая связь может быть обнаружена только в исследованиях, связанных с потерей той или иной функции. Так, работа [10] посвящена также анализу нейробиологической основы лжи и изучению особенностей ее продуцирования пациентами, страдающими болезнью Паркинсона.

Как известно, болезнь Паркинсона связана с дисфункцией фронтальной зоны мозга. Отмечается, что такие пациенты не склонны ко лжи, видимо, по той причине, что нейрофизиологические процессы, которые сопровождают болезнь, вызывают когнитивные трудности, препятствующие продуцированию лжи, в частности, поражения префронтального кортекса, который, как известно, ответственен за когнитивные процессы, требующие контроля и гибкости, и активизируется, согласно последним данным, во время лжи. Авторы исследования выдвигают гипотезу о том, что именно дисфункция префронтального кортекса заставляет пациентов с болезнью Паркинсона быть более честными, чем здоровые испытуемые. Исследование подтвердило, что левая зона префронтального кортекса, область, задействованная в целом ряде сложных когнитивных операций, таких как рабочая память, разрешение конфликтов ответов, играет важнейшую роль в продуцировании лжи.

Таким образом, исследования нейропсихологов, хотя и являются пока единичными, доказывают влияние характеристик личности на особенности продуцирования лжи. Особенно значимыми являются характеристики, связанные с когнитивной сферой, поскольку ложь представляет собой когнитивный феномен, связанный с вниманием, рабочей памятью и пр. Безусловно, эти особенности проявляются и в речи, так как за каждым текстом стоит языковая личность, и если в целом процессы, связанные с продуцированием лжи, будут общими (так, практически общепризнанным является связь лжи с повышенной когнитивной нагрузкой, что выражается в упрощении текста на разных уровнях), в конкретном тексте они будут проявляться по-разному, в зависимости, в том числе, от способностей индивида справляться с когнитивной нагрузкой, объема его

рабочей памяти и пр., а следовательно, при изучении особенностей «ложного» текста необходимо принимать во внимание особенности когнитивной сферы его автора.

Таким образом, основываясь на исследованиях по нейропсихологии лжи и моделированию личности по тексту, считаем, что при изучении языковых особенностей текстов, содержащих намеренно искаженную информацию, необходимо принимать во внимание характеристики личности его автора, что в будущем позволит более эффективно подойти к вопросу построения методики выявления в тексте намеренно искаженной информации.

Список литературы

1. Литвинова, Т. А. Диагностирование истинности/ложности высказывания как одно из направлений моделирования личности автора письменного текста / Т. А. Литвинова, И. С. Шевченко, О. А. Литвинова, Е. С. Рыжкова // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологи : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (10 июня 2013 г.) / СибАК. Новосибирск : СибАК, 2013. С. 120–125.
2. Литвинова, Т. А. Поиск признаков лжи в письменном тексте : современные методы и подходы / Т. А. Литвинова, П. В. Середин // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологи : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (10 июня 2013 г.) / СибАК. Новосибирск : СибАК, 2013. С. 126–133.
3. Литвинова, Т. А. Формально-грамматические корреляты личностных особенностей автора письменного текста // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2013. № 12 (30), ч. 1. С. 132–135.
4. Литвинова, Т. А. Языковые корреляты личностных особенностей автора письменного текста : алгоритм исследования // В мире научных открытий. Сер. «Проблемы науки и образования». 2012. № 9.3 (33). С. 236–255.
5. Фомина, Н. А. Свойства личности и особенности речевой деятельности. Рязань : Узорочье, 2002. 412 с.
6. Farrow, T. F. Sex and personality traits influence the difference between time taken to tell the truth or lie / T. F. Farrow, R. Reilly, T. A. Rahman, A. E. Herford, P. W. Woodruff, S. A. Spence // Percept Mot Skills. 2003. Oct. 97 (2). P. 451–460.
7. Fullam, R. S. Psychopathic traits and deception : functional magnetic resonance imaging study / R. S. Fullam, S. McKie, M. C. Dolan // Br J Psychiatry. 2009. Mar. 194 (3). P. 229–235.
8. Fuller, Christie M. High-stakes, real-world deception : an examination of the process of deception and deception detection using linguistic-based cues : PhD thesis. Oklahoma State Univ., 2008. 125 p.
9. Morgan, Charity J. Types of deception revealed by individual differences in cognitive abilities / Charity J. Morgan, Julia B. LeSage, Stephen M. Kosslyn // Social neuroscience. 2009. № 1. P. 554–569.
10. Nobuhito, A. Do Parkinson patients have trouble telling lies? The neurobiological basis of deceptive behavior // Brain. 2009. May. 132 (5). P. 1386–1395.
11. Sip, K. E. Detecting deception : the scope and limits / K. E. Sip, A. Roepstorff, W. McGregor, Ch. D. Frith // Trends in Cognitive Sciences. 2008. Vol. 12, Issue 2. P. 48–53.
12. Vrij, A. Detecting Lies and Deceit : pitfalls and opportunities. Chichester : John Wiley & Sons, 2008. 488 p.

А. В. Новикова (Пермь, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КАК ГЕНЕРАТОР АКТУАЛЬНОГО МИРА

The article gives introduction to narrative worlds as a type of possible worlds and the idea about multiple actual worlds in modern narrative literature; narrative world is considered as a secondary modelling system designed by a subject on the basis of a double-layer conceptualization; it is assumed that narrative world as a world-constructing text «pushes» self-developing processes in generating new mental worlds.

Keywords: narrative world, mental world, world-constructing, subject, secondary modelling system, conceptualization, free association.

Переосмысление учеными идей классической и аналитической философии, соотношения действительного, объективного, возможного и хи-

меричного, правды и истины, хаоса и порядка, нормы и ненормы, появление в науке таких концептов, как «альтернативные онтологии», «мно-

жество актуальных миров», привело к бурному развитию теории возможных миров, «нетрадиционному» моделированию действительности в искусстве и науке. При этом действительность конструируется в согласии с особенностями мироощущения и психологии субъекта.

В современной науке художественные миры интерпретируются как разновидность возможных миров.

По замечанию Г. Вайдахера художественные миры трактуются как нечто отличное от возможных миров в их традиционной логико-философской трактовке [16. С. 64]. В современной науке представлено понимание возможного мира как «мира, достижимого из действительного, но представляющего оппозицию последнему» (Вяч. Вс. Иванов, С. Крипке, Р. Монтегю, Я. Хинтикка, В. В. Целищев), и как «множества потенциальных миров, следствий в их проекции на действительный мир» (А. П. Бабушкин, О. В. Емельянова, Г. Н. Кастанеда, С. Д. Левина, М. Ф. Мисник, Р. И. Павилёнис, Тойн А. ван Дейк, З. Я. Тураева, Н. В. Черемисина, У. Эко и другие). При этом проблема онтологической достижимости и недостижимости возможных миров решается в философии через противопоставление реального и ложного. Реальное трактуется как идея, имеющая основание в природе, в обратном случае она фантастична или химерична [8. С. 265–267]. Основанием выступает объективный мир как «система всеобщих понятий бытия».

В современных направлениях литературы модернизма и постмодернизма, таких как поток сознания, утопия, абсурд, такое понимание противопоставления «реальное – ложное» получает иную трактовку. Художественные миры трактуются как текстуальные конструкторы (world-constructing texts) [16. С. 67], обладающие генерирующей силой создания актуальных миров (world-creating power) с равным статусом в соответствии с индивидуальными представлениями субъектов о том или ином положении дел [13. С. 51]. Таким образом, понятие ‘ложное’ в традиционной философской трактовке вытесняет понятие ‘реального’ и в какой-то степени «перетягивает» статус объективного на себя, позиционируя идею о множестве актуальных миров. По замечанию Ф. Кермоде, основное отличие современной пьесы состоит в том, что писатели не признают наличие заданной формы у универсума [16. С. 219].

Согласно теории Н. Гудмана, актуальный мир представляет собой комбинацию «правильных» вариантов возможных миров (right world versions) [13. С. 51]. В современной литературе статус «правильности» присваивается самим субъектом

как основным генератором конструирования действительности. При таком ракурсе рассмотрения истинно то, во что верит субъект и что представляет его личный мир. Э. В. Бардасова говорит в связи с этим о «сознательной субъективации» возможных миров [1. С. 25], а Т. Р. Медведева отмечает «подвижный характер полисубъектной интерпретации действительных событий» [9. С. 7]. В работе «Загадка контекстов мнения» С. Крипке описывает различные состояния объекта как возможные положения дел: восприятия, представления, мнения, знания субъекта [7] (см. работы о механизмах прослеживания субъектов сквозь возможные миры: Р. Карнап, С. Крипке, Д. Льюис, В. В. Целищев, Я. Хинтикка).

Следовательно, если мы погружаемся в созданный автором художественный мир, то и онтологический центр перемещается согласно заданной автором траектории. В связи с данным ракурсом рассмотрения художественного мира художественный текст позиционируется в лингвистике как вторичная моделирующая система. Ведь отрицать наличие объективного основания как «первичной» системы невозможно. Как справедливо отмечает В. П. Руднев, действительный мир в его традиционном онтологическом понимании выступает «в качестве рычага, регулирующего полет человеческой мысли на грани понимания и не позволяющего ей превратиться в психотический или шизофренический <...> бред» [11. С. 73]. В концепции О. В. Емельяновой, действительный мир является «нулевым миром» в смысле референциальной точки в системе координат. В этой системе нулевой мир определяется первичным, художественный мир основной литературы – вторичным, а мир фантастики – третичным [4. С. 52].

В современной литературе моделирование действительности отличается сложностью и абстрактностью передачи идейного содержания. Нередко в игровой форме отрицается возможность и необходимость поиска смысла в хаотическом мире, а метапроза, то есть собственно процесс разворачивания повествования, постулируется выше самого автора. В литературе потока сознания произведение предстает не как истина о мире, но как «истинность видения», и не столько показывает реальность, сколько изображает душевную жизнь персонажей («мир-сейчас»). В. П. Руднев отмечает в связи с этим, «пафос <...> в том, что абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетеля событий» [11. С. 391]. Писатель В. Вулф описывает данный процесс как «непрекращающийся поток из бесчисленных атомов» («an incessant shower of innumerable atoms») [1].

Рассмотрим для примера фрагмент из произведения В. Вулф «На маяк» («*To the lighthouse*»), которое является одним из знаковых произведений литературного направления «поток сознания»: ‘Never did anybody look so sad. Bitter and black, halfway down, in the darkness, in the shaft which ran from the sunlight to the depths, perhaps a tear formed; a tear fell; the waves swayed this way and that, received it, and were at rest. Never did anybody look so sad’ [15].

Перевод данного отрывка с английского языка Е. Суриц: «Никто никогда не глядел так печально. Черно и горько, на полпути вниз, в черноте, в глубине, в шахте, бегущей от света, быть может скопилась слеза; скатилась слеза; воды качнулись, – сглотнули её, затихли. Никто никогда не глядел так печально» [15].

Такое представление мироощущения разрушает у читателя традиционные представления о классической онтологии. Читая отрывок В. Вулф, мы попадаем в поток мыслей героини и пытаемся воссоздать ее мировосприятие. При этом происходит порождение новых ментальных картин мира или пространств «*mental spaces*» [16. С. 121], так как ввиду субъективного восприятия читатель невольно пропускает данное содержание сквозь призму собственного ментального сознания и ряд собственных ассоциативных метафор.

В современной литературе прямая референциальная связь между денотатом и обозначаемым концептом разрывается, на стыке мы сталкиваемся с новым явлением – расщепленной референцией, согласно которой косвенная, или внутренняя, референция строится на руинах референции прямой, или внешней. Изучая смысл новообразованной метафоры, П. Рикёр говорит о возникновении нового семантического согласования, или уместности, из руин буквального смысла, разрушенного семантической несовместимостью или абсурдностью [10. С. 427]. В теории анализа художественных миров в данном случае говорят о расширенной метафоре, основывающейся на двухслойном механизме концептуализации [17].

Как уже отмечалось, субъект выступает как основной генератор художественных миров, поэтому большое распространение получают интенциональные семантики, описывающие «локальные описания возможных положений дел, рамкой которых становятся интенции автора высказывания и употребляемые им средства». В. В. Целищев называет возможный мир строительным материалом, используемым для построения интенциональных семантик [12. С. 34], так как «способов передачи одного и того же содержания чаще всего может быть множество» [6. С. 12].

В связи с этим интересным представляется утверждение Л. Витгенштейна о том, что любое видение текстовым субъектом действительного мира во многом «определяется границами его языка, или мира» [3. С. 81]. Вяч. Вс. Иванов выделяет «некие микромиры» субъекта, «фрагменты единого мира» [5. С. 16].

Данные утверждения являются значимыми для понимания механизмов генерации художественных миров – ведь для того чтобы уловить смысл расщепленной референции, читателю необходимо установить, на каких «руинах» он построен. Следовательно, в качестве «первичной» системы моделирования действительности выступает не только объективный мир, но и национально-культурный и языковой дискурс субъекта. Рассмотрим первые строчки из произведения У. Х. Одена «1 сентября 1939 года» (September 1, 1939):

‘I sit in one of the dives
On Fifty-second Street
Uncertain and afraid
As the clever hopes expire
Of a low dishonest decade...’ [2. С. 10].

Перевод данного фрагмента с английского языка И. А. Бродского:

«Я сижу в ресторанчике
На Пятьдесят второй
Улице, в тусклом свете
Гибнут надежды умников
Бесчестного десятилетия...» [2. С. 11].

Первые строчки стихотворения, выдержанные в журналистском жанре, сразу вводят читателя в атмосферу американской действительности на пороге Второй мировой войны. Основными показателями американской реальности выступают топоним «на Пятьдесят второй Улице» (такая система обозначения расположения улиц характерна только для Нью-Йорка) и американское сленговое слово ‘*dive*’ для обозначения «ресторанчика». Оксюморон ‘*clever hopes*’ (надежды умников) в сочетании с выражением ‘*low dishonest decade*’ (низкое, бесчестное десятилетие) очерчивает социально-политический фон с оттенком горькой иронии и сатиры. Как отмечает И. А. Бродский, «десятилетие действительно пало слишком низко, поскольку, по мере того как росли опасения насчет Гитлера, укреплялось мнение, особенно на континенте, что каким-то образом все обойдется» [2. С. 29], однако «надежды умников» не оправдались.

Анализ фрагментов творчества В. Вулф и У. Х. Одена доказывает предположение о том, что художественный мир выступает как генера-

тор актуального мира, обусловленного индивидуальным мировосприятием субъекта. При этом в современной литературной традиции художественный мир как текстовый конструкт выступает «толчком» к дальнейшему процессу саморазвития и генерации новых ментальных миров.

Список литературы

1. Бардасова, Э. В. Концепция «возможных миров» в свете эстетического идеала писателей-фантастов А. и Б. Стругацких : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1995. 159 с.
2. Бродский, И. Об Одене / пер. с англ. Е. Касаткиной. СПб. : Азбука-классика, 2007. 208 с.
3. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. М. : Наука, 1958. 133 с.
4. Емельянова, О. В. Жанровая обусловленность референциальных характеристик художественного текста (на материале научной фантастики) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 205 с.
5. Иванов, Вяч. Вс. Семантика возможных миров и филология // Проблемы структурной лингвистики 1980. М. : Наука, 1982. С. 5–19.
6. Калашникова, Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 35 с.
7. Крипке, С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 194–241.

8. Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1982; Т. 2. М. : Мысль, 1983; Т. 3. М. : Мысль, 1984; Т. 4. М. : Мысль, 1989.

9. Медведева, Т. Р. Модальное значение действительности в композиционно-речевой форме «Повествование» (на материале англоязычной прозы) : дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1991. 191 с.

10. Рикёр, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1980. С. 416–434.

11. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2003. 608 с.

12. Целищев, В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск : Наука, 1977. 192 с.

13. Goodman, N. Reconceptions in the Philosophy and Other Arts and Sciences / N. Goodman, C. Z. Elgin. L. : Routledge, 1988.

14. Goodreads Virginia Woolf. Quotes [Internet resource]. URL : <http://www.goodreads.com/quotes/391653-never-did-anybody-look-so-sad-bitter-and-black-halfwa>.

15. Stichi.ru. Вирджиния Вулф. На маяк. Отрывок [Internet resource]. URL : <http://www.stihi.ru/2013/05/15/7078>.

16. Weidacher, G. Fiktionale Texte – Fiktive Welten, Fiktionalität aus textlinguistischer Sicht. Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG, 2007.

17. Werth, P. Extended Metaphor – a Text-World Account, University of Amsterdam, The Netherlands [Internet resource]. URL : <http://lal.sagepub.com/content/3/2/79.abstract>.

Н. В. Обвинцева (Екатеринбург, Россия)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТЕНЦИИ ГЛАГОЛОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ)

The article represents the results of the comparative analysis of the derivative potential of the verb in lexico-semantic field of Relation in English and Russian languages in the terms of the derivative nouns. The author describes the types of wordformation, analyses the meaning of the derivative nouns in both languages paying attention to similarities and differences of the process in Russian and English and draws to the conclusion about the most common types of derivation with the verb being the main deriving unit.

Keywords: wordformation, derivation, verb, derivative nouns, correlation, conversion.

Понятие ‘отношение’, подразумевая ситуацию в своем значении, позволяет рассматривать глагол как основную конструктивную единицу, поэтому, анализируя словообразовательные связи в

лексико-семантическом поле (далее – ЛСП) отношения, целесообразно рассмотреть их с точки зрения ситуации отношения, взяв за основу словообразовательные потенции глагола.

Под ситуацией понимается «совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положения» [4. Т. 4. С. 100]. Г. Г. Сильницкий под ситуацией понимает сложную семантическую единицу, выражаемую предложением. «На референтном уровне ситуации соответствует некоторый отрезок реальной действительности, вычленимый говорящим из континуума объективных явлений путем “наложения” на него данной ситуации» [5. С. 373].

Словообразовательный потенциал всех частей речи определяется семантикой производящего, составом его семантических компонентов. У глагола он в большой степени зависит от его синтаксических связей [2. С. 351].

Глагол называет всю ситуацию, участники которой могут быть обозначены отдельными словами, в том числе и производными. Поэтому в сфере отглагольного словопроизводства можно отметить такую закономерность: производные создаются как реализации валентностей производного глагола. Например, *учить* имеет такие валентности: кто (*учитель*), кого (*ученика*), где (*училище*). При этом не каждая валентность глагола находит реализацию в производном слове.

Ю. Д. Апресян рассматривает следующие основные типы отглагольных существительных: типовое название ситуации, имеющие те же валентности, что и у ключевого слова, и все они принципиально реализуемы; существительные со значением результата; существительные со значением кванта действия; актантные существительные: а) существительные со значением субъекта ситуации, б) существительные со значением объекта ситуации, в) существительные со значением места; г) средства; д) способа; е) инструмента [1. С. 168–175].

С этих позиций нами рассмотрены словообразовательные модели отглагольного имени существительного в ЛСП отношения в русском и английском языках. Самыми распространенными из них являются следующие: типовое название ситуации; существительные со значением результата; существительные со значением субъекта ситуации, существительные со значением объекта ситуации, реже встречаются существительные со значением места, средства, способа, инструмента.

Ведущая словообразовательная модель существительных, образованных от основы глаголов отношения, является V+Suf=N.

Анализ производных единиц в ЛСП отношения в русском языке показывает, что наиболее распространенным суффиксом синтаксической деривации является суффикс *-ниј(э) / -ениј(э)*.

Например: *повинов-ениј(э)* – ‘действие или состояние по значению глагола *повиноваться*, беспрекословное послушание, подчинение’; *покор-ениј(э)* – ‘действие по значению глагола *покорять*’; *заклина-ниј(э)* – ‘действие по значению глагола *заклинать*’; *повинов-ениј(э)* – ‘действие или состояние по значению глагола *повиноваться*, беспрекословное послушание, подчинение’.

Следует отметить, что этот суффикс является регулярной, но непродуктивной словообразовательной единицей.

Другие распространенные способы образования существительных со значением абстрактной ситуации по данной модели наблюдаются при использовании следующих суффиксов: *-ациј(а)*: *морализ-ациј(а)*, *аргумент-ациј(а)*; *-ств / -еств(о)*: *двуличнич-еств(о)* *знаком-ств(о)*,; *-к(а)*: *страховать – страхов-к(а)*; *-Ø*: *помогать – помощь-Ø* (присутствует чередование *г // ц*), *охранять – охран-Ø(а)*.

Некоторые имена существительные, абстрактно называющие ситуацию, видоизменяют свое значение, уже не являясь случаем синтаксической деривации, а представляя собой деривацию лексическую: *послуш-а-ть – послуша-ниј(э)*, *знаком-и-ть – знаком-ств(о)*.

Послушаться – ‘1. Подчиняться чьим-либо распоряжениям, следовать чьим-либо советам, повиноваться. / Послушно действовать, повиноваться кому-, чему-либо’. Образованное от данного глагола существительное ‘послушание’ имеет значение ‘Повиновение, покорность’ [4. Т. 3. С. 318]. Глагол имеет одним из компонентов значения ‘однократное действие’, тогда как существительное выражает процесс более длительный и большую степень подчинения. Следовательно, данный случай представляет собой лексическую деривацию.

Имеет значение, от какой лексемы образовано то или иное слово, а также какое значение производящего слова оно отражает. Например, слово ‘знакомство’ может быть образовано от прилагательного ‘знакомый’ и тогда имеет значение ‘круг знакомых’, и является случаем лексической деривации от имени прилагательного. Если эту лексему рассматривать как отглагольное образование, то его значения: ‘1. Отношения между людьми, знающими друг друга, связанными общением, установление, начало таких отношений; 2. Наличие знаний о чем-либо, обладание сведениями о чем-либо, процесс получения знаний’. Из определений видно, что производное отглагольное существительное приобретает дополнительный оттенок значения ‘отношения’, тогда как глагол ‘знакомить’ имеет значения: ‘1. Делать кого-либо

знакомым другому лицу, представлять одно другому; 2. Давать кому-либо сведения о чем-либо, делать известным' [4. Т. 1. С. 615]. Следовательно, 'знакомство' является случаем лексической деривации от глагола 'знакомить'.

Существительные со значением результата образуются в ЛСП русского языка путем лексической деривации (наблюдается приобретение существительным дополнительного компонента значения 'результат'). Например: *порт-и-ть* – *порч-а* (чередование *ти* // *чи*), *покуп-а-ть* – *покуп-к(а)*, *воспит-а-ть* – *воспита-ниѝ(э)*, *испуг-а-ть* – *испуг-Ѳ*, *разгон-я-ть* – *разгон-Ѳ*, *потер-я-ть* – *потер-Ѳ(а)*, *утрат-и-ть* – *утрат-Ѳ(а)*, *граб-и-ть* – *граб-еж*, *закуп-а-ть* – *закуп-к(а)*. В одном значении такие существительные являются результатом ситуации, а во втором – названием самой ситуации.

Следует отметить, что некоторые из слов, обозначающих по форме субъект ситуации, относятся лишь к одному из значений многозначного слова, например: *переводить* – *переводчик*. Суффикс -чик является словообразовательной единицей, которая образует существительные, указывающие на лиц мужского пола. *Переводчик* имеет значение: 'человек, занимающийся переводом с одного языка на другой', таким образом, значение глагола 'переводить': 'руководя кем-, чем-либо, назначать на другое место, должность' не входит в значение существительного, а следовательно, существительное не входит в данное ЛСП.

Большинство существительных данного типа могут означать лиц и мужского и женского пола: *финансист* – *финансист-к(а)*, *врун* – *врун-ѝ(а)*, *защитник* – *защит-ниѝ(а)*, *смотритель* – *смотритель-ниѝ(а)*. Но есть существительные, в которых происходит нейтрализация по полу для названий лиц по роду деятельности. Так, например, от основы глагола 'кокетничать' можно образовать только существительное женского рода 'кокетка', так как данное действие изначально присуще только лицам женского пола.

Рассматривая следующий словообразовательный тип существительных – существительные со значением 'объекта ситуации', следует отметить, что этот тип включает в свою семантику 'инструмент ситуации', и часто одно и то же существительное в зависимости от одного компонента значения может обозначать как объект, так и инструмент ситуации.

В разных ситуациях объект может выступать также и в роли субъекта. В своей работе мы рассматриваем объект, как 'кто-, что-либо, на кого направлена ситуация'. Ситуацию определяет глагол, а следовательно, объект – это тот, на кого направлено действие глагола. Но так как действие глаго-

ла может иметь различное направление, например, 'банкрота обанкротили' или 'банкрот обанкротился', то имена существительные, обозначающие лица, считаются объектом, если в большинстве случаев проявления ситуации, по нашему мнению, являются ее пассивным членом. В данном случае 'банкрот' является субъектом, так как чаще всего выступает в ситуации активным ее исполнителем. Тогда как 'неженка' – это тот, на кого чаще всего направлена ситуация, он является пассивным ее членом, а значит, является ее объектом.

В значении кроме компонента 'объект ситуации' нового значения в данных словах, как правило, не развивается. Например, *утрата*: '1. Действие по значению глагола *утратить*. 2. Потеря, урон, ущерб'; *утратить* – 'лишиться чего-либо, перестать обладать чем-либо, потерять' [4. Т. 4. С. 536].

Таким образом, потенции глагола в образовании имен существительных в ЛСП отношения русского языка богаты и разнообразны. Типовое название ситуации представляет самое распространенное и самое системное образование, которое характеризуется суффиксом -ниѝ(э). В большинстве своем отличия от глагольного значения данных существительных заключается в компоненте значения 'ситуация отношения' при полном совпадении других компонентов.

Актантные существительные со значением 'субъекта' действия представляют собой также значительную группу и имеют высокую степень системности в средствах словообразования в отличие от остальных групп: количество суффиксов, используемых в образовании данных существительных, ограничено, и случайные образования встречаются достаточно редко.

Существительные со значением 'объекта' и 'инструмента' действия немногочисленны, при этом они часто совпадают друг с другом по форме в зависимости от контекста, в котором они используются. В меньшем объеме представлены группы существительных со значением 'место', 'результат', 'способ' действия, эти же группы обладают наименьшей степенью системности.

При рассмотрении словообразовательных потенций глагола в английском языке известным фактом является наличие в нем в большей степени системной, хотя и менее распространенной, системы флексий, поэтому можно предположить, что анализируемое ЛСП не будет исключением.

Анализируя отглагольные имена существительные со значением ситуации, можно выделить основные форманты, участвующие в их образовании, это суффиксы: -ation, -ing, -ment, -ance и некоторые другие. Суффикс -ation является самым

распространенным в данном типе словообразования и слова, образованные при помощи этого суффикса, составляют примерно 50 % от всех имен существительных со значением 'ситуация'.

В значениях этих существительных наблюдается полный параллелизм с глагольной семантикой:

<i>Protect</i> – глагол	<i>Protection</i> – существительное
1. To keep someone or something safe from harm, injury, damage or loss (сохранять кого-, что-либо от повреждения, потери, оберегать).	1. The process of keeping someone or something safe, or the condition of being kept safe (процесс сохранения кого-, чего-либо или состояние сохранение чего-либо).
2. If an insurance policy protects you, it will pay money to you or our relatives if particular bad things happen (если страховой полис вас защищает, то по нему выплатят сумму денег, если случится страховой случай).	2. Something that keeps a person or thing safe from harm, injury, damage, or loss (то, что сохраняет кого-, что-либо от повреждения).
3. To help industries in your country by putting taxes on goods from other countries (помощь промышленности своей страны путем налогообложения импортируемых товаров) [6. С. 1134].	3. The agreement made by an insurance company to pay you money if something bad happens to you or your possessions (соглашение со страховой компанией об уплате денег за сохранность имущества) [6. С. 1134].

У некоторых существительных развивается дополнительное значение на базе основного, следовательно, они представляют собой случай семантической деривации. В большинстве, как и в русском языке, отглагольные существительные со значением ситуации являются случаем синтаксической деривации и, отражая полностью значение глагола, приобретают компонент 'ситуация отношения'.

Существительные, обозначающие 'субъект ситуации' в ЛСП отношения, составляют одну из самых многочисленных деривационных групп в данном ЛСП. Самые распространенные продуктивные модели это – V+ant, V+er.

Отглагольные суффиксальные существительные, образованные по схеме V+er, употребляются для обозначения деятеля и в большинстве случаев – это субъект ситуации. Исключением является, например, *listener* и некоторые другие

слова, обозначающие неодушевленные предметы (*transistor, filler*), но их мало по сравнению со словами, обозначающими субъект ситуации. Известная почти абсолютная продуктивность суффикса -er дает возможность образовывать существительные от нескольких и, в некоторых случаях, даже от всех значений глагола.

Между названием действия и производным именем могут устанавливаться разнообразные, часто непредсказуемые, ассоциации, в результате чего производные существительные приобретают дополнительные значения:

<i>Educate</i> – глагол	<i>Educator</i> – существительное
To teach someone, usually for several years, especially at a school, college, or university [6. С. 444].	1. Someone who teaches or who is involved in running a school; 2. Someone who is an expert in education [6. С. 444].
<i>Tease</i> – verb.	<i>Teaser</i> – noun.
1. To say something to someone in order to have fun by embarrassing or annoying them slightly in either a friendly or an unkind way (сказать что-либо ради шутки, смущая или раздражая человека). 2. To make someone think that you are willing to have sex with them when you are not (заставлять кого-либо думать о том, что вы желаете вступить с ним в сексуальную связь) [6. С. 1473].	1. A difficult question or problem (трудный вопрос, проблема). 2. Someone who says something to you in order to have fun by embarrassing or annoying you slightly in either a friendly or an unkind way (кто-либо, кто говорит что-либо вам ради шутки, смущая или раздражая вас). 3. Something that someone says or does when they are teasing you (то, что говорят, когда дразнят кого-либо). 4. Someone who makes you think that they are willing to have sex with you when they are not (кто-либо, кто заставляет вас думать, что он желает вступить с вами в сексуальную связь) [6. С. 1473].

У отглагольных существительных в английском языке, так же как и в русском, в анализируемом ЛСП часто наблюдается совмещение значения 'субъект' и 'инструмент' действия на метафорической основе: *protector* – покровитель, защитное устройство; *predictor* – предсказатель, предсказывающее устройство; *changer* – меняла, преобразователь, переключатель; *interpreter* – человек, электронное устройство. Такое семантическое изменение чаще всего свойственно лексемам тогда, когда действие может совершаться не только человеком, но и каким-либо устройством.

В отношении существительных со значением 'объект ситуации', в отличие от русского языка, в английском присутствует высокая степень системности, которая выражается в продуктивном суффиксе -ee. Этот суффикс может быть добавлен почти к любому глаголу ЛСП отношения, к которому возможно добавление суффикса -er. Других формантов немного: -ist, -ant, -tion, -ssion, при этом существительные с данными суффиксами могут выступать в значении 'ситуации', 'субъекта', 'инструмента' отношения.

В английском языке суффикс -ee распространен и имеет значение 'лица, на которое направлено действие'. Производные имена существительные с этим суффиксом противопоставлены смысловой паре с 'субъектом отношения': *employ-er* – *employ-ee*, *educat-or* – *educat-ee*. Как правило, у таких существительных в ЛСП отношения существуют близкие синонимы, образованные от других основ: *worker*, *student*.

Следует отметить, что в обоих языках не все значения многозначных слов входят в ЛСП отношения: если сема 'отношение' является второстепенной или совсем отсутствует в производном значении лексемы, то это значение также не входит в ЛСП отношения.

Наряду с суффиксальным способом образования отглагольных существительных конверсия выступает как один из распространенных и характерных способов словообразования в английском языке. В отличие от случаев конверсии в ЛСП отношения русского языка, в английском языке данный тип словообразования представлен очень широко, при этом наряду с конверсионными парами присутствуют многочисленные цепочки конверсионных слов.

Важной проблемой в английском языке является определение направления конверсии. Критерии, которые могут служить основанием для этого, являются: семантический, логический и лингвистический критерии [3. С. 125]. При рассмотрении словообразовательных потенциалов глагола большее внимание уделяется направлению $V \rightarrow N$, хотя эта модели гораздо слабее, чем модель $N \rightarrow V$. Производящими выступают как сильные, так и слабые глаголы, например, *to help* $V \rightarrow N$.

Производные существительные могут означать 'ситуацию отношения': *hope* (надеяться \rightarrow надежда), 'субъект': *nurse* (нянчить \rightarrow нянька), 'объект': *find* (находить \rightarrow находка), 'место': *dump* (сваливать \rightarrow свалка).

При конверсии имеют место семантические процессы: например, изменение в объеме значения слова, развитие нового значения у производного слова. При многозначных глаголах могут

возникать схемы: $V1 \rightarrow N1$, $V2 \rightarrow N2$, $V3 \rightarrow N3$. Например, *to steal* (красть) \rightarrow *steal* (кража), *steal* (удачное передвижение в баскетболе) \rightarrow *steal* (проход в баскетболе).

Таким образом, анализ словообразовательных корреляций в ЛСП отношения на примере словообразовательных потенциалов глагола позволяет выявить ряд сходств и отличий в ЛСП отношения русского и английского языков. Сходство обнаруживается в возможностях глагола производить имена существительные, относящиеся непосредственно к ситуации отношения, которую он описывает: 'ситуация', 'субъект', 'объект', 'инструмент', 'место', 'результат'. Самыми многочисленными группами отглагольных существительных как в русском, так и в английском языке являются существительные со значением 'абстрактной ситуации' и 'субъекта', количественное соотношение остальных групп также совпадает в обоих языках.

Отличия словообразовательных корреляций прослеживаются в системности формантов и их использовании в процессе словообразования. В английском языке количество формантов меньше, но степень употребления каждого выше, чем в русском языке. Нерегулярных образований в английском языке меньше, при этом аналитизм английского языка обуславливает высокую степень производности большинства суффиксов.

В ЛСП отношения английского языка одним из основных способов словообразования является конверсия, представляющая собой парадигматическую транспозицию (аффиксально-категориальная конверсия), в отличие от русского, где случаи конверсии немногочисленны.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 368 с.
2. Белошапкова, В. А. Современный русский язык : учебник / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская, И. Г. Милославский ; под ред. В. А. Белошапковой. М. : Высш. шк., 1989. 800 с.
3. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка. М. : Наука, 1996. 246 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; АН СССР. Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984 (МАС).
5. Сильницкий, Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М. : Наука, 1973. С. 373–391.
6. Macmillan English Dictionary. Bloomsbury Publishing Plc., 2002. 1692 p. (MED).

О. В. Образцова (Одесса, Украина)

НЕСТРУКТУРНОПРЕДИКАТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА: ВАРИАТИВНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

The article concerns the problem of the so called non-predication-structured utterances (NPSU). It analyses some facts related to the usage of the NPSU in the 21st century English fiction, showing considerable increase in their occurrence as compared to the 18-20 cc. The author focuses upon cases of double and even multiple choice of interpreting certain types of NPSU, qualifying them as a syntactic homonymy phenomenon. Cases considered among others include Yes/No word-sentences expressing a variety of senses, formally (structurally) nominative sentences which, when examined contextually, may be qualified as elliptical or parcelled sentences, etc.

Keywords: structure of predication, non-predication-structured utterances, nominative sentences, elliptical or parcelled sentences, syntactic homonymy phenomenon.

В современной художественной прозе, в частности, англоязычной, как показывает проводимое исследование, получили широкое распространение высказывания, формально не имеющие полно представленной структуры предикации. Например (выделено курсивом):

“Hey, Wednesday.”

“What?”

“The way I saw it in there, you never paid for the gas.”

“Oh?” (N. Gaiman).

The cardinals were permitted no contact whatsoever with the outside world. *No phone calls. No messages. No whispers through doorways.* (...) The cart turned sharply right onto Via della Osservatorio. Signs pointed in all directions: *Palazzio Governatorio. Collegio Ethiopiana. Basilica San Pietro. Cappella Sistina* (D. Brown);

So I answered his question. «Yes, I do have a mother.»

“A mother! How- Oh, how-” < ... >

“Have you seen the ghost?”

“No,” he sighed. *“Not even the shadow of a ghost”* (D. Setterfield).

Такие «предложения с особыми формами предикативных отношений» [1. С. 705–716], являются объектом проводящегося нами исследования. Учитывая разнообразие форм, а также содержательных и коммуникативных характеристик таких синтаксических построений, для решения конкретных задач исследования нами принято для них условное обозначение *неструктурнопредикатные высказывания* (НСПВ).

Актуальность исследования подтверждается необходимостью комплексного изучения формы и семантики высказываний-предложений, которые формально не представляют собой полно выраженную структуру предикации, их систематизации и определения грамматического статуса

в связи с нерешенностью данных вопросов в теоретической грамматике английского языка.

Предметом изучения выступают особенности функционирования, форма и содержательные характеристики соответствующих НСПВ; конечной целью исследования полагаем определение их статуса и места в системе современного английского языка. Проанализированный материал выявил значительное количество примеров, допускающих неоднозначную, и даже множественную, интерпретацию смысла и, соответственно, синтаксического статуса НСПВ. *Цель* настоящей статьи состоит в освещении проблемы вариативности интерпретации НСПВ как проявления синтаксической омонимии.

Источниками для составления корпуса примеров стали тексты первых десяти из ста произведений англоязычной литературы XXI в., представленные на сайте The best books published during the 21st century (January 1st, 2000 through December 31st 2099) (http://www.goodreads.com/list/show/7.Best_Books_of_the_21st_Century).

Выявленная частотность употреблений НСПВ в англоязычной художественной прозе XXI в. свидетельствует о резком (более, чем вдвое) увеличении их частотности по сравнению с предыдущими периодами. Для сравнения напомним данные И. Б. Морозовой, которая рассматривала такого типа построения в диалогической речи на материале англоязычной художественной литературы XVIII–XX вв. и выявила тенденцию к стабильности их употреблений (6,8%–7%) [2. С. 118–119]. *Учитывая динамизм сегодняшнего мира, стремительность и недолговечность материальных, социальных и культурологических явлений, такое изменение в языке находим объяснимым. Изменившийся ритм жизни приводит к явным изменениям в синтаксисе речи – ее лаконичности, при которой простота и краткость*

формы, как правило, выражает многоплановое и сложное содержание, что уже неоднократно отмечалось в лингвистике.

Количественные показатели проанализированного материала

Всего по корпусу текстов			Из расчета на одну усредненную страницу текста	
- произведений	10	100%		
- страниц	1420	100%		
- словоупотреблений	1460028	100%		
- всего предложений	118148	100%	83,20	100%
Типы предложений по наличию эксплицированной структуры предикации				
- с эксплицированной структурой предикации	99115	83,89%	69,8	83,9%
- без эксплицированной структуры предикации (НСПВ)	19033	16,11 %	13,40	16,10%

Отобранный нами языковой материал последовательно проанализирован с комплексным использованием разнообразных методов и методик, в частности, компонентного, контекстуального и трансформационного анализа, в ходе которого определены коммуникативные, структурные и содержательные характеристики НСПВ различного типа.

Так, например, исследование структуры НСПВ включало систематизацию примеров по принципу количества (от 1 до 42) и статуса эксплицированных в НСПВ элементов, что и выявило значительную долю однословных и многословных НСПВ, допускающих вариативность их интерпретации. Из однословных НСПВ (5768 примеров), на которые приходится 30,30 % от общего числа корпуса примеров, такими неоднозначно трактуемыми оказалось 510 НСПВ (что составляет 8,85 % от числа однословных НСПВ). Из общего числа многословных НСПВ (13265 случаев) неоднозначно трактуемыми выявлено 2338 случаев, или 17,63 %. Таким образом, неоднозначно трактуются 2848 случаев из выборки в 19033 примеров, то есть 14,96 %.

Рассмотрим типичные проявления вариативности интерпретации и попробуем объяснить ее причины. Начнем с однословных НСПВ как наиболее кратких. Так, исследование показало,

что однословные НСПВ, выражающие, как это традиционно принято считать, согласие или несогласие, выступая в любой из форм коммуникативного типа предложения – как повествовательные, вопросительные, восклицательные высказывания, – в зависимости от контекста выражают целую гамму разнообразных смыслов и эмоциональных оценок коммуникантов, например:

– повествовательное:

‘Dingdong. “MizCrow?” “Yes.” “Miz Samantha Black Crow?” “Yes.” “Do you mind if we ask you a few questions, ma’am?” (N. Gaiman) – первую реплику можно интерпретировать как ‘Я вас слышу, иду, кто там?’ и т.д.; вторую – как ‘Это я, чем могу быть полезна? Что вас привело ко мне? У вас ко мне дело?’.

– вопросительное:

‘You were given protection once. You were given the sun itself. But you lost it already. You gave it away. All I can give you is much weaker protection. The daughter, not the father. But all helps. Yes?’ (N. Gaiman) – в данном случае вопросительную реплику можно трактовать как ‘Ведь так? Вы ведь согласны со мной? Действительно, помощь может быть разной, не правда ли?’.

– восклицательное: ‘The voice in his head resounded like peals of thunder. “Did you vow to serve your God?” “Yes!” (a) the camerlegno cried out. “Would you die for your God?” “Yes! (б) Take me now!” “Would you die for your church?” “Yes! (в) Please deliver me!” “But would you die for... mankind?” It was in the silence that followed that the camerlegno felt himself falling into the abyss. He tumbled farther, faster, out of control. And yet he knew the answer. He had always known. “Yes!” (г) he shouted into the madness. “I would die for man! (D. Brown). В данном отрывке многократно повторенное ‘Да’ выражает не просто согласие (а), но готовность к самопожертвованию (б), (в), благоговение (б), (в); при этом в последней из процитированных реплик (г) воплощен весь названный перечень смыслов, а также фанатичный восторг от принятого решения и собственной решимости, самоотреченности.

Контекстуальный анализ фрагментов, в которых употреблены такие слова-предложения, свидетельствуют о целом спектре коммуникативных смыслов, выраженных Yes-предложениями. Назовем некоторые смыслы, актуализированные в контекстах, из тех, что выявлены нами при анализе корпуса примеров употреблений реплик, состоящих всего лишь из лексемы ‘Yes’: утверждение, согласие, подтверждение, требование согласия с утверждением, согласие и благодарность за подсказку, ответная реплика – готовность прийти

на помощь, реплика – отмашка от назойливого просителя, предложение о помощи, непонимание и поощрение разъяснения, восклицание, выражающее радость от правильности догадки и, одновременно, досаду...

Следующую группу примеров условно обозначим как «эллипсис/парцелляция», поскольку, в отличие от реплик ‘Да/Нет’, выражающих множественные смыслы, но однозначно трактуемых в синтаксическом плане, рассматриваемая ниже группа случаев отражает возможность двойной интерпретации синтаксического статуса соответствующих НСПВ. Проанализируем следующий пример:

‘But before the morning is out, three of the four books are gone. *Sold*. One to a priest, one to a cartographer, one to a military historian’. (D. Setterfield). В данном случае *Sold*. может трактоваться, с одной стороны, как парцеллят, а с другой – как эллиптическое предложение, что можно подтвердить соответствующими трансформациями логического или контекстуально обусловленного восстановления гипотетически исходного предложения. Ср.: а) → ‘But before the morning is out, three of the four books are gone: *sold* – one to a priest, one to a cartographer, one to a military historian’ (парцеллят-аппозитив, раскрывающий и уточняющий смысл простого глагольного сказуемого, выраженного глаголом широкой семантики ‘are gone = are *sold*’); б) → ‘But before the morning is out, three of the four books are gone. They are *sold* – one to a priest, one to a cartographer, one to a military historian’ (эллиптическое предложение, рематический элемент, часть группы сказуемого).

Примеры двойной интерпретации фрагментов как проявление эллипса или парцелляции хорошо иллюстрируются и следующим отрывком из романа Д. Брауна:

‘The chamber was dark. *Medieval. Stone*. ... Langdon reminded himself why he was here. *Illuminati*’ (D. Brown), где: ‘*Medieval. Stone*’ и ‘*Illuminati*’ можно интерпретировать как эллиптические НСПВ на основании применимости к ним трансформации экспликации – то есть восстановления гипотетически исходного предложения: а) → ‘The chamber was dark. It looked *medieval* and / as was made of *stone*’ (логически обусловленное расширение). ‘*Illuminati*’ выступает сконцентрированной до одного слова ответной репликой на поставленный вопрос относительно причины присутствия рассказчика в данном месте: б) → ‘The chamber looked *medieval* as was made of *stone*. ... He was here because of the danger caused by the actions responsibility for which had taken an alleged organization which named itself as *Illuminati*’ – (ло-

гически обусловленное расширение). Одновременно данный отрывок может быть проинтерпретирован и как состоящий из парцеллированных предложений, что подтверждается возможной трансформацией объединения частей расчлененного предложения: в) ‘*The chamber was dark. Medieval. Stone*. → The chamber was dark, medieval, stone. ... Langdon reminded himself why he was here: *Illuminati*’.

Фрагмент текста романа «Новолуние» выявляет случаи даже не двойной, а множественной интерпретации, например: «*Bella!*” It wasn’t Gran who called my name, < ... >. I didn’t have to look to know *who it was*; this was a voice I would know anywhere – know, and respond to, whether I was awake or asleep... or even dead, I’d bet. The voice I’d walk through fire for – or, less dramatically, slosh every day through the cold and endless rain for. *Edward*’ (S. Meyer).

Анализируемое НСПВ ‘*Edward*’ можно трактовать как номинативное предложение (исключительно по формальному признаку), как эллиптическое НСПВ (трансформ а)), как парцеллят (трансформ б)) и как аппозитивный модификатор всего предыдущего предложения.

Эллиптический статус НСПВ ‘*Edward*’ подтверждается возможностью трансформации логически обусловленного расширения НСПВ до гипотетически исходного полного предложения: а) → ‘I didn’t have to look to know who it was – It was *Edward* / *The voice is that of Edward* / *this is Edward’s voice* / the voice I hear belongs to *Edward*’.

Статус парцеллята дистанцированного от предложения-базы подтверждается трансформацией логического объединения частей до гипотетически исходного предложения: б) → ‘I didn’t have to look to know *that it was Edward*; this was a voice I would know anywhere—know, and respond to, whether I was awake or asleep... or even dead, I’d bet. The voice I’d walk through fire for—or, less dramatically, slosh every day through the cold and endless rain for. *Edward*’.

Интерпретация ‘*Edward*’ как аппозитивного модификатора базируется на том, что контекстуально это НСПВ раскрывает смысл всего предыдущего предложения: голос принадлежит Эдварду, любимому Беллы, ради которого девушка готова «в огонь и в воду».

Следует заметить, что формально номинативные предложения составляют значительную часть случаев возможного вариативного трактования в результате контекстуального анализа использования соответствующего НСПВ. Из всего корпуса примеров предложений, при первичном отборе и анализе отмеченных как

номинативные, 8,2 % НСПВ допускают двойственность интерпретации: по структурным параметрам такие НСПВ имеют квалификативные характеристики номинативных предложений, но контекстуальный анализ выявляет определенную их связь с предыдущими предложениями. Так, нередко структурно номинативные НПСВ раскрывают смысл элементов предыдущих предложений и, в таком случае, выступают аппозитивными модификаторами соответствующих элементов или даже предложений в целом, например (аппозитивно модифицированный элемент подчеркнут): When you read a manuscript that has been **damaged by water, fire, light or just the passing of the years**, your eye needs to study not just the shape of the letters but other marks of production. *The speed of the pen. The pressure of the hand on the page. Breaks and releases in the flow. You must relax. Think of nothing. Until you wake into a dream where you are at once a pen flying over vellum and the vellum itself with the touch of ink tickling your surface. Then you can read it. The intention of the writer, his thoughts, his hesitations, his longings and his meaning. You can read as clearly as if you were the very candlelight illuminating the page as the pen speeds over it* (D. Setterfield); The shop itself makes next to no money. It is a place to write and receive letters. *A place to while away the hours waiting for the next international bookfair.* < ... > It is a repository of books, a place of safety for all the volumes, once so lovingly written, that at present no one seems to want (D. Setterfield). My father never put a book into my hands and never forbade a book. Instead, he let me roam and graze, making my own more and less appropriate selections. I read gory tales < ... > and gothic ghost stories < ... >; I read accounts < ... >, and I read handbooks < ... >; I read books with pictures and books without; books in English, books in French, books in languages I didn't understand, < ... >. *Books. Books. And books.* < ... > Gradually my reading grew less random. More and more often I found myself meandering on the second floor. *Nineteenth-century literature, biography, autobiography, memoirs, diaries and letters* (D. Setterfield).

В приведенном выше отрывке предложение 'Nineteenth-century literature, <...>, diaries and letters' **одновременно воспринимается как перечень названий разделов библиотеки-магазина и как описание последовательности зрительного восприятия этих названий – табличек на соответствующих полках.**

В следующем отрывке номинативные по своей структуре (в отрыве от контекста) НСПВ своеобразно воссоздают внутреннюю речь главной героини, когда та поверхностно рассматривает

переданные ей книжки-манускрипты. Эта внутренняя речь представлена как констатация последовательности восприятия и осознания характеристик объекта наблюдения – от внешних проявлений к содержательной их стороне – и, как следствие, номинирование полученного результата. Сам процесс восприятия свойств предмета (рукописных книг) в тексте представлен ретроспективно, в виде обобщения определенного ряда одинаковых по своей сущности ситуаций. При этом подчеркнут временной разрыв между восприятием внешних характеристик и осознанием их содержательной значимости, на что требуется какое-то время и что невозможно без теоретического осмысливания. Поэтому анализируемые предложения разделены запятыми и точкой (точка как временной и смысловой раздел): 'My father noticed the direction of my reading. He came home from fairs and sales with books he thought might be interesting for me. *Shabby little books, in manuscript mostly, yellowed pages tied with ribbon or string, sometimes handbound. The ordinary lives of ordinary people*' (D. Setterfield). Интерпретировать эти НСПВ возможно и как эллиптические, поскольку возможно ситуативно-контекстуальное восстановление гипотетически исходного предложения до следующего вида: → 'Those were *shabby little books, in manuscript mostly, whose already yellowed pages were tied with ribbon or string, sometimes these books were handbound. The books described ordinary lives of ordinary people*'.

Антецедентом для следующего приводимого нами в качестве примера номинативного предложения-аппозитива является вся описываемая ситуация: просьба совершить срочный полет в Европу, уже отправленный с этой целью самолет, время, проведенное в полете, сделанный персонажем взвод относительно того, что его перелет из Бостона в Женеvu займет приблизительно один час: "It's urgent," the voice pressured "I've taken the liberty of sending a plane for you," the voice said. "It will be in Boston in twenty minutes." Langdon felt his mouth go dry. *An hour's flight...*' (D. Brown). **Формально номинативные предложения** в результате применения контекстуального анализа и выявления их связи с непосредственно предшествующим контекстом, который данные НСПВ разъясняют или уточняют, должны быть признаны эллиптическими предложениями.

В лингвистике случаи выражения разного содержания одной и той же словесной либо другой языковой формой, а также случаи функционирования одной и той же словоформы в качестве различных частей речи принято считать проявлениями омонимии.

Вывод. Проанализированные нами фрагменты с очевидностью выявляют именно такие свойства: одна и та же форма выражает различное содержание либо допускает установление различного синтаксического статуса в зависимости от вариативности интерпретации. Таким образом, мы имеем дело с проявлениями омонимии на уровне синтаксической организации предложения и текста.

Список литературы

1. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет, 2000. 832 с.
2. Морозова, И. Б. Грамматическая структура и семантика простого предложения и его конститuentов (в английской диалогической речи) [Ру-

копись] : дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1984. 160 с.

Источники иллюстративного материала

1. Gaiman, N. *American Gods* [Электронный ресурс]. URL : <http://readr.ru/neil-gaiman-american-gods.html#page=10>.
2. Brown, D. *Angels & Demons* [Электронный ресурс]. URL : <http://readr.ru/dan-brown-angels-demons.html#page=11>.
3. Meyer, S. *New Moon* [Электронный ресурс]. URL : <http://readr.ru/stephenie-meyer-new-moon.html>.
4. Setterfield, D. *The Thirteenth Tale* [Электронный ресурс]. URL : <http://readr.ru/diane-setterfield-the-thirteenth-tale.html#page=1>.

Т. А. Пак (Санкт-Петербург, Россия)

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА 了 (le)

The article deals with the communicative function of Chinese modal particle 了 (le). The author describes the main communicative-pragmatic function of the particle – the utterance of the meaning of a “real (new) situation” with a reference to a contrasted actual or imagined event, as well as reveals several sub-functions, such as the correcting a wrong assumption, the expression of “persuasion”, “prohibition”, the expression of various emotional states (frustration, irritation/ joy, excitement), the marking of the relation between communicants.

Keywords: communicative function, communicative-pragmatic function, particle, communicative grammar.

Служебному слову китайского языка 了 (le) по праву посвящено большое число исследований, как в отечественной, так и в зарубежной китайистике. Разные интерпретации данного грамматического показателя связаны как с разной позицией занимаемой им в предложении, так и с различными вариациями значений и оттенков, передаваемых этим служебным словом. В данной статье мы остановимся на частной функции 了 (le) как модальной частицы и определению ее коммуникативно-прагматических функций. При анализе функционирования этого показателя мы подошли к проблеме не с позиций «системно-структурной» грамматики, а в русле коммуникативной грамматики, то есть грамматики речи. Несомненно, что такой подход дает намного больше результатов, позволяет помимо генеральной функции «переключателя состояния» выявить имплицитные и эксплицитные пресуппозиции, выражающиеся

показателем 了 (le), анализировать метакоммуникативный инвентарь высказывания с участием 了 (le) [4. С. 6].

Прежде всего, нужно обратить внимание, что многие ученые разделяют 了 (le) на два разных служебных слова с различными функциями и синтаксическим положением. Так, выделяются 了1 (le) в постглагольной позиции, который является глагольным показателем и 了2 (le), оформляющий всю фразу в целом – фразовое. 了1 (le) многими авторами интерпретируется в рамках грамматических категорий вида и времени. Так, например, Ван Ляо-и, Ли и Томсон пишут, что 了1 (le) является показателем совершенного вида [1. С. 110; 7. 185]. С. Е. Яхонтов, А. А Драгунов рассматривают этот грамматический показатель как суффикс прошедшего (результативного) времени [2. С. 137; 6. С. 115]. В то же время не вызывает сомнений функционирование конечной фра-

зовой частицы 了₂ (le) как показателя передачи субъективной модальности. Дискуссия вокруг 了₂ (le) сосредоточена в основном вокруг его омонимичности с постглагольным суффиксом в конце предложения. По мнению Томсона-Ли в этих случаях, все определяет контекст, и в рамках контекста можно решить данный вопрос [7. С. 296]. Интересна точка зрения Тань Аошуан, которая пишет о 了 (le) как операторе переключения состояния, включающем в себя частные функции: временную и модальную [5. С. 398]. В такой трактовке нет принципиального различия 了₁ (le) и 了₂ (le): каждый из вариантов употребления – частный случай общего правила. Такая точка зрения на проблему нам представляется более логичной, и такое понимание 了 (le) не противоречит иным трактовкам, а лишь подводит общий знаменатель под различными комментариями многочисленных случаев употребления рассматриваемого служебного слова. С методической точки зрения (в целях обучения китайскому языку) представляется оправданным раздельное рассмотрение 了 (le) как глагольного и фразового показателей. Не останавливаясь далее на частной функции 了 (le) как временного, видового и т. д. оператора, обратимся к рассмотрению 了 (le) как модальной частицы, коммуникативных интенций, передаваемых ею, и на основе этого определению функционально-прагматических полей, в которых этот показатель участвует.

了 (le) как модальная частица является чрезвычайно часто употребляемым элементом разговорной речи. Употребляется, как и другие модальные частицы в конце предложения, может следовать после слова любой лексико-грамматической категории. Одно из самых основных модальных значений частицы является констатация состояния на данный момент. Но не просто констатация, а передача значения изменения состояния, перемены положения дел. Об этом пишет Ван Ляо-и: «событие о котором говорится в предложении, уже свершилось» [1. С. 91]. Тоже пишет Тань Аошуан: «модальное 了 (le) сообщает об изменении состояния или свойства субъекта, противопоставляя положение дел в момент T₂ положению дел в T₁» [5. С. 405].

春天了 (chun1tian1 le) *Весна [пришла].*

他出去买东西了 (ta1 chu1qu4 mai3 dong1xi) *Он вышел в магазин.*

下雨了 (xia4yu3 le) *Начался дождь/идет дождь.*

现在中国已经很少有过去那种封建大家庭了 (xian1zai4 zhong1guo2 yi3jing1 hen3 shao3 you3 guo4qu na1zhong3 feng1jian4 da4 jia1ting2 le) *Сейчас в Китае редко встречаются большие семьи старого типа.*

Томсон-Ли выделили основное значение модальной частицы 了 (le), которое обозначено как **Currently Relevant State**, то есть «событие, имеющее особое актуальное значение по отношению к определенной ситуации» [7. С. 240]. В такой трактовке акцент делается на связанности события и ситуации говорения в данный момент, и временная линия как бы отходит на второй план. Поэтому показатель 了 (le) может ставиться не только о наступившем событии, состоянии и т. д. (т. е. прошлом), но и о том, что еще только намечается произойти. Например, в предложении

下个月我就在北京了 (xia4ge yue4 wo3 zai4 bei-3jing1 le) *В следующем месяце я буду в Пекине*, говорящий сообщает, что в тот момент, о котором спрашивает собеседник, он уже будет в Пекине (и поэтому не сможет встретиться).

Кроме того, частица 了 (le) подчеркивает важность какого-то события для субъекта говорения. Лучше всего это может продемонстрировать сравнение двух предложений:

这个瓜很甜 (zhe1ge gua1 hen3 tian2) *Эта дыня сладкая.*

这个瓜很甜了 (zhe1ge gua1 hen3 tian2 le) *[Оказывается, эта дыня сладкая].*

В первом предложении передается констатация факта. Во втором же, помимо передачи основного факта, может передаваться целый ряд пресуппозиций в зависимости от ситуации говорения, таких как 'я думал, что дыня не сладкая, а оказалась сладкой' или 'дыня действительно сладкая, как я и думал' [7. С. 243].

Ци Хуан, так же как и другие авторы, считает, что модальная частица 了 (le) выражает констатацию произошедшего события с отсылкой к новой ситуации [9. С. 157]. Он соотносит употребление этого показателя с модальным показателем 的 (de). Разница между их употреблением демонстрирует основную функцию 了 (le) как передачи изменения, появления новой ситуации.

他要参加考试了 (ta1 yao4 can1jia4 kao3shi4 le) *Он будет сдавать экзамен.*

他要参加考试的了 (ta1 yao4 can1jia4 kao3shi4 de) *Он должен сдавать экзамен.*

В первом предложении 了 (le) придает 要 (yao4) значение будущего времени, то есть фраза может быть интерпретирована как ответ на вопрос, что «он» будет делать завтра. В этой фразе подразумевается, что завтра будет другая ситуация (сдавать экзамен), которая отличается от нынешней. Во втором предложении в сочетании с 的 (de), 要 (yao4) уже выступает как вспомогательный глагол и передает значение долженствования [10. С. 194].

Таким образом, основная коммуникативно-прагматическая функция модальной частицы 了

(le) – это передача значения «реального положения дел» с отсылкой к событию условно или реально противопоставленному «реальному положению дел», указание на новую ситуацию. Далее в зависимости от контекста модальной частицей 了 (le) могут вводиться различные пресуппозиции, передающие «оттенок грусти, сожаления, радости, желания, чаяния, утешения, угрозы и т. п.» [1. С. 91]. Исследование «оттенков» функционирования модальной частицы 了 (le) может быть осуществлено только на основе материала диалогической речи [3. С. 54]. На основе анализа диалогов популярного семейного сериала, мы выделили несколько коммуникативно-прагматических функций выполняемых модальной частицей 了 (le):

1. Корректировка.

С точки зрения аргументации модальная частица 了 (le) может выполнять функцию «корректировки» – отклонения ложных или неправильно понимаемых собеседником пресуппозиций. С помощью пресуппозиции, вводимой 了 (le), говорящий «рассеивает заблуждения слушающего, сообщая истинное положение дел». Например, в предложении

我有一个月没看电影了 (wo3 you3 yi1ge yue4 mei2kan4 dian4ying3 le) *Я целый месяц не смотрел кино*, говорящий, не только сообщает, что он не смотрел кино целый месяц, но и сообщает, что слушающий неправильно полагает, что «я» видел новый фильм. Более ясно корректирующую функцию 了 (le) демонстрирует следующий пример:

А: 你应该看, 他书写得好 (ni3 ying1gai1 kan3, ta1 shu1 xie3 de hao3) *Тебе следует прочитать, его книги написаны замечательно.*

В: 我看他好几本书了 (wo3 kan4 ta1 hao3 ji3 ben3 shu1 le) [*Ho*] *я прочитал много его книг.*

В своем ответе говорящий с помощью модальной частицы 了 (le) отклоняет ложную пресуппозицию слушающего, полагающего, что он не читал книг автора. На русский язык последнюю фразу мы перевели с помощью противопоставительного союза «но», «однако», который в данном контексте передавал бы мысль: «вы ошибаетесь, дело обстоит по-другому».

现在她也是我的姥姥了 (xian1zai4 ta1 ye3shi4 wo3de lao3lao le) *Сейчас она и моя бабушка тоже!*

В этом предложении говорящий не только управляет собеседника, но и выражает протест сохранению реплики слушающего.

2. Выражение «уговора», «запрета».

Желаемое изменение ситуации в побудительной конструкции налагает на модальную частицу

了 (le) функцию уговора [5. С. 404]. Особенно характерны для таких ситуаций конструкции: 别... 了 (bie2...le), 不要... 了 (bu2yao4...le), 不用... 了 (bu2yong4...le).

不要太认真了 (bu2yao4 tai4 ren4zhen1 le) *Не принимайте близко к сердцу.*

不要跟我开玩笑 (bu2yao4 gen1 wo3 kai1wan2xiao4 le) *Хватит меня разыгрывать.*

别闹了! (bie2 nao4 le) *Прекратите шуметь!*

3. Передача различных эмоциональных состояний (досада, раздражение/радость, воодушевление).

Данная функция модальной частицы 了 (le) связана с комментированием ситуации, которая соответствует или не соответствует ожиданиям говорящего. То есть эта функция связана с оценкой ситуации, которая может быть как положительной, так и отрицательной. Если ситуация соответствует ожиданиям говорящего, то 了 (le) передает значение положительной оценки и соответственно наоборот. Так, в следующем примере говорящий, употребляя 了 (le), выражает досаду, раздражение по поводу пресуппозиции предыдущей реплики:

我是美国人就不会说这么糟英文了 (wo3 shi4 mei2guo2ren2 jiu4 bu2hui4 shuo1 zhe4me zao1 ying1wen2 le) *Если бы я был американец, я не говорил бы так плохо по английски.*

Модальной частицей 了 (le) вводится пресуппозиция: вы слышите, как плохо я говорю по-английски, как же вы можете предполагать, что я американец. Еще несколько примеров выражения досады:

没活路了 (mei2 huo2lu4 le) *выхода нет*

可是现在说也晚了 (ke3shi4 xian1zai4 shuo1 ye3 wan2 le) *Однако сейчас что-то предлагать слишком поздно*

Функция показателя 了 (le) как передача различных эмоциональных состояний часто выражается с помощью устойчивых конструкций: 太... 了 (tai4...le), 可... 了 (ke3...le), 又... 了 (you4...le).

太好了! (tai4 hao3 le) *Замечательно!*

那儿骗子可多了 (na4er pian4zi ke3 duo1 le) *Там очень много мошенников.*

我又忘记告诉他了 (wo3 you4 wang4ji4 gao4su ta1 le) *Я снова забыл сказать ему.*

4. Маркировка коммуникативной дистанции.

Помимо вышеописанных коммуникативно-прагматических функций, модальная частица, как и другие модальные частицы, являясь элементом разговорной речи, служит для установления определенной коммуникативной дистанции и отражает степень эмоционально-психологической близости коммуникантов. Ли-Томсон пишут

по этому поводу: «...так как общение знакомых друг с другом людей отражает соучастие говорящего в делах слушающего, то вопрос с показателем 了 (le) на конце всегда передает более дружественный, участливый тон, по сравнению с более формальными вопросами без частицы 了 (le)» [7. С. 274]. Проиллюстрировать это помогут следующие примеры:

你几岁? Сколько тебе лет? (вопрос, например, на приеме у врача).

你几岁了? Сколько тебе лет? (вопрос в неформальной обстановке ребенку друга).

М. Ван ден Берг и Го У считают ошибочной точкой зрения присуждать одной частице такие несовместимые (incompatible) функции, как передача раздражения и значение «более дружественного тона» [8. С. 11]. Нам же кажется, что здесь нет противоречия, так как эти две функции лежат в разных плоскостях. «Более дружественный тон» у Ли-Томсона понимается именно как маркировка эмоциональной близости участников коммуникации, а не выражение согласия или одобрения со стороны говорящего. Так, например, в русском языке выбор той или иной формы местоимения ('ты/вы') зависит от коммуникативной дистанции участников диалога. Аналогично этому примеру, Ли-Томсон пишет, что выбор между употреблением или неупотреблением модальных частиц в речи зависит от коммуникативной дистанции коммуникантов. Именно поэтому употребление модальных частиц не характерно для письменной и официальной деловой речи. Интересно замечание китайского автора учебника по грамматике китайского языка, которая пишет, что употребление модальных частиц неразрывно связано с выражением вежливости в китайском языке [11. С. 159].

В данной статье мы попытались описать основную функцию показателя 了 (le) как «оператора переключения состояния», которое реализуется в речи в следующих подфункциях: корректировке, выражении «уговора», «запрета», передачи различных эмоциональных состояний (досады, раздражения/радости, воодушевления), маркировке коммуникативной дистанции. Представленное описание коммуникативно-прагмати-

ческих функций показателя 了 (le) как модальной частицы не является полным и исчерпывающим и подлежит дальнейшему исследованию и обсуждению.

Список литературы

1. Ван, Ляо-и. Основы китайской грамматики / пер. с кит. Г. Н. Райской; под ред. А. А. Драгунова, Чжоу Сун-юаня. М.: Изд-во иностр. лит., 1954. 261 с.
2. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 231 с.
3. Кокорина, С. В. Модальные частицы как прагмемы в системе речи: на материале литературных диалогов современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 193 с.
4. Михайлов, Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Л. М. Михайлов. М.: Высш. шк., 1994. 256 с.
5. Тань, Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: (Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка)). М.: Яз. славян. культуры, 2002. 896 с.
6. Яхонтов, С. Е. Категория глагола в китайском языке. М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 180 с.
7. Li, Ch. N. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar / Ch. N. Li, S. A. Thompson. Berkeley: Univ. of California Press, 1989. 677 с.
8. Van den Berg, M. The Chinese Particle Le: Discourse construction and pragmatic marking in Chinese / M. van den Berg, Guo Wu. L.: Routledge, 2006. 284 с.
9. Duiwai hanyu jiaoxue yufa 对外汉语教学语法/齐沪扬主编/齐护杨主编. - 上海: 复旦大学出版社, 2005. - 385 с.
10. Qi, Huyang. Yuqici yu yuqixitong. 齐护杨. 语气词与语气系统. 合肥: 安徽教育出版社, 2002. 323 с.
11. Xu, Jingning. Zhongji hanyu yufa jiangyi 徐晶凝 «中级汉语语法讲义» / 徐晶凝. - 北京: 北京大学出版社, 2008. 232 с.

М. С. Пестова (Екатеринбург, Россия)

ТЕОРИЯ АНТОНИМИИ: ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

In this paper the author undertakes an attempt to analyze the accumulated knowledge on the phenomenon of "antonymy" is undertaken with the help of logical and philosophical, psycholinguistic approaches.

Keywords: antonymy, logical and philosophical approach, psycholinguistic approach, opposition.

По причине своей сложности и многоаспектности явление 'антонимия' давно привлекает внимание ученых на стыке нескольких наук, а именно логики, философии, психологии, социологии, этики, эстетики. На наш взгляд, с позиции лингвистического подхода антонимию следует рассматривать как универсальное явление, свойственное различным языкам, наблюдаемое на различных уровнях языковой системы, характеризующееся как противопоставление противоположных понятий, отражающее реальность на уровне осмысления и оценки предметов, их качеств, свойств или действий. В связи с этим одна из наиболее важных задач при изучении антонимии состоит в раскрытии понятия 'противоположность', которое является центральным в теории антонимии. Рассмотрение логико-философского аспекта противоположности заслуживает особого внимания применительно к предмету нашего исследования, так как это дает возможность обратиться к истории вопроса.

Многие вопросы теории противоположности были поставлены еще в античности. Так, великий древнегреческий диалектик Гераклит (544–483 гг. до н. э.) утверждал не просто существование противоположностей, но и их неизбежность и всеобщность. Наличие противоположностей для Гераклита – основа существования и гармонии мира как такового. Специфика диалектики Гераклита заключается в том, что мысль о существовании противоположностей, о возможности их преобразования / изменения объединяется с идеей о единстве и борьбе противоположностей. Уничтожение одного есть возникновение другого. Противоположности едины, неотрывны друг от друга. Очевидно, что Гераклит выдвинул идею борьбы противоположностей как конструктивного философского начала.

Вошедший в историю греческой культуры как выдающийся философ, поэт, мастер ораторского искусства, основатель школы красноречия в Сицилии, Эмпедокл (ок. 490 г. до н. э. – ок. 430 г. до н. э.) полагал, что противоположности единства и множества, Любви и Вражды существуют не одновременно, а последовательно. В основе мироздания, по Эмпедоклу, лежат четыре стихии: огонь, воздух, вода и земля. Мироздание

подобно арене борьбы противоположных начал. Вселенная ограничена двумя пределами, которые попеременно сменяют друг друга: «верхний» – гармония Единого, «нижний» – враждебность Множества. Жизнь есть состязание, борьба противоположностей, стремящихся к взаимному упразднению.

Парменид (540–470 гг. до н. э.), древнегреческий философ и политический деятель, впервые открыл существование двух противоположных первоначал: пустого пространства и материи, после чего и стало возможным деление философии на идеализм и материализм. Элейцы, Парменид и его последователи утверждали, что есть только бытие, небытия нет.

Спасая общую идею единства и борьбы противоположностей – в данном случае, противоположностей бытия и небытия – Демокрит (ок. 460 г. до н. э. – ок. 370 г. до н. э.) вслед за Левкиппом (V в. до н. э.) принял и идею атомов, и идею пустоты. Демокрит отмечал относительный характер противоположностей.

Платон (428 или 427 гг. до н. э. – 348 или 347 гг. до н. э.) говорил о взаимопроницаемости, взаимопереходе противоположностей, их симметрии и уравнивании. Совмещение противоположностей, по Платону, недопустимо в определениях мысли, которые должны рассматриваться в качестве тождественных себе и относительно которых нельзя мыслить совместимость противоречащих утверждений.

Аристотель (384 г. до н. э. – 322 г. до н. э.), в свою очередь, утверждал, что «противоположные <...> друг другу вещи различаются между собой, и противоположность есть некоторого рода различие <...>, каждая противоположность не может иметь больше одной противоположности <...>, вещи, больше всего различающиеся внутри одного и того же рода, противоположны (ибо законченное различие – наибольшее между ними)» [5. С. 13].

Модель противоположности, сформировавшаяся во времена античности, получила дальнейшее развитие в трудах философов. В эпоху Возрождения идею «совпадения противоположностей» развивали Николай Кузанский (1401–1464) и Дж. Бруно (1548–1600). В Новое время

Иммануил Кант (1724–1804) создал учение об антиномиях, Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814) – учение о диалектике в деятельности «Я», Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) – учение о единстве и борьбе противоположностей как содержательно-логическом принципе, явившееся одной из важнейших исторических предпосылок марксистской диалектики.

Наибольшую сложность для анализа представляет тождество противоположностей. Самое неоднозначное его толкование (так называемый «тезис Гегеля») сводится к утверждению о том, что противоположности могут быть свойственны одному и тому же объекту.

В буржуазной философии у позитивистов противоположности сводятся к полюсам, а их отношение к взаимной дополнителности, у иррационалистов – противоположности заключают принципиально неразрешимые антиномии.

Марксистско-ленинская философия рассматривала единство и борьбу противоположностей в качестве важнейшего закона материалистической диалектики – общего учения о развитии природы, общества и мышления. Диалектика не остановилась на признании полярности и усматривала за ней отношения противоположностей, возникающих одна за другой, их переход друг в друга, взаимопроникновение и разрешение в нечто новое. «Диалектика есть учение о том <...> как бывают <...> тождественными противоположности ...» [3. С. 98].

Действительно, философия исходит из того, что изучение любого предмета рано или поздно приводит к раскрытию имеющихся в нем противоположных сил и тенденций, в связи с чем категория противоположности и относится к основным в философии.

По своему логико-философскому содержанию языковая антонимия является выражением противоположности. Слова, отрицающие друг друга по своему значению, соответствуют в формальной логике несовместимым понятиям, то есть таким, которые полностью исключают друг друга. При этом логическую основу антонимии составляют противоположные понятия, а не противоречия. Два понятия противоположны в том случае, если между явлениями, подразумеваемыми под ними, существует наибольшее различие в пределах, устанавливаемых родовым понятием. Таким образом, философский аспект понятия противоположности позволяет рассматривать явление языковой антонимии как опосредованный результат действия диалектического закона единства противоположностей.

Детальный анализ логического и философско-

го аспектов изучения антонимии представлен в следующих работах: монография Л. А. Новикова «Антонимия в русском языке» (1973), диссертационных исследованиях Н. Б. Боевой (2001), Р. М. Закировой (2001), Э. Р. Мардиевой (2003), Е. Н. Чернега (2005) и др.

Подход к рассмотрению явления антонимии с позиции психологии и психолингвистики, наряду с логико-философским и собственно лингвистическим, раскрывает природу и сущность данного явления, заложенные в характере человеческого мышления, которому свойственна способность выявлять противоположности в различных явлениях окружающей действительности. При этом познавательный процесс человека предполагает не только выявление противоположностей, но и осознание их взаимосвязи и возможности взаимопроникновения. Н. Б. Боева указывает на наличие у психологов довольно веских оснований полагать, что «формирование любого понятия, выделение свойств разных предметов и сличение их, нахождение общего происходят непременно в полярных противоположностях, представления о которых существуют в сознании в тесной ассоциативной взаимосвязи друг с другом» [1. С. 30].

Значение слова выступает в качестве источника ассоциаций (термин был введен в 1698 г. Дж. Локком для обозначения взаимосвязи между представлениями, вызванными случайным стечением обстоятельств). В психологии термин ‘ассоциация’ (лат. ‘Associatio’ – соединение, взаимосвязь) рассматривается в качестве закономерно возникающей связи между отдельными событиями, фактами, предметами или явлениями, отраженными в сознании и закреплёнными в памяти. При наличии ассоциативной связи между явлениями А и В возникновение в сознании человека явления А закономерно образует влечёт появление в сознании явления В.

Широкое использование терминов ‘ассоциация’, ‘ассоциативные отношения’, ‘ассоциативные ряды’ характерно для работ Фердинанда де Соссюра. Ученый определяет ассоциативные отношения как «образуемые на основе мыслительной ассоциации группы, не ограничивающиеся сближением терминов, представляющих нечто общее; ум схватывает и характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов сколько есть различий» [4. С. 123]. Вопрос ассоциаций также неоднократно рассматривался в работах И. П. Павлова, К. Д. Ушинского, П. М. Любова, П. Я. Гальперина, Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, А. Ф. Эсаулова и др.

Традиционным принято считать выделение ассоциаций по типу образования: ассоциации по сходству; ассоциации по контрасту или ассоциации по противоположности; ассоциации по смежности в пространстве или во времени; причинно-следственные ассоциации.

По мнению А. Ф. Эсаулова, «ассоциации по противоположности, подобно ассоциациям по сходству, следует рассматривать как производные от ассоциаций по смежности» [6. С. 121]. Однако, как отмечает ученый, ассоциации по противоположности выполняют особенно важную роль в наиболее продуктивных проявлениях умственной деятельности. При этом в процессе продуктивного мышления происходит постепенное усложнение уровней умственной деятельности, которая носит системный характер, а не сводится к отдельным мыслительным операциям в виде анализа, синтеза и их производных [2]. Таким образом, можно заключить, что психологическая характеристика мышления без учета ассоциативного строя умственной деятельности не раскрывает системно-динамический характер умственной продуктивной деятельности.

Обращение к логике, философии, психолингвистике позволяет судить о том, что языковая антонимия обусловлена экстралингвистическими

факторами. И с позиции логико-философского, и с позиции психолингвистического подходов очевидно, что противоположности одновременно: 1) неразрывно связаны; 2) способны взаимоисключать друг друга; 3) способны взаимопроникать и – при определенных условиях – переходить друг в друга.

Список литературы

1. Боева, Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
2. Глебова, М. В. Системно-динамические параметры продуктивной умственной деятельности // Молодой ученый. 2012. № 9. С. 274–277.
3. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. Философские тетради. Конспект «Науки логики». Г. Гегеля.
4. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
5. Чупановская, М. Н. Репрезентация противоположности в семантике производных антонимов : на материале словарей русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007.
6. Эсаулов, А. Ф. Проблемы решения задач в науке и технике. Л. : ЛГУ, 1979.

А. В. Пугачева, Е. М. Кандалина (Костанай, Казахстан)

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ, И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦАХ

This article deals with such notions as language units in political communicative interaction and the factors influence the choice of these units. For this aim analysis of the political speech of B. Obama is carried out. In order to investigate its success, comments for the speech were studied. Having analyzed this data some factors influence on choice of language units are suggested.

Keywords: speech, communicative interaction, language units, lexical density.

Целью любого вида деятельности, присущей человеку, является достижение определенного результата. Рассматривая речь как деятельность, присущую исключительно человеческому существу, мы не можем не принимать во внимание ее значение при социальном взаимодействии. Как и любая другая деятельность, речь направлена на достижение определенной цели, которая может быть как информативной, так и нести в себе побудительную функцию. Именно эта функция речевой деятельности и рассматривается в данном исследовании.

Мы можем предположить, что если адресант и адресат, участвующие в коммуникативном взаимодействии, являются носителями одного и того же языка или же осуществляют свое общение на одном языке, то реализация речевого замысла будет одинаково эффективна в любом случае. Однако довольно часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда участники речевого взаимодействия, используя для общения один и тот же язык, терпят коммуникативную неудачу или же, напротив, достигают успеха в достижении своей цели.

В подобной ситуации мы, прежде всего, долж-

ны обратить внимание на различие таких понятиях, как речь и язык. Язык является набором символов, которые отражают окружающую нас действительность, язык присущ большой группе людей, кроме того, язык сохраняет свою стабильность в течение определенного отрезка времени. В то же время речь присуща отдельным индивидам, она служит для их самовыражения. Таким образом, когда мы говорим об эффективности той или иной речевой ситуации, мы рассматриваем не язык, а такое понятие, как речь. Кроме того, следует уточнить, что речь напрямую связана с ситуацией и личностными особенностями говорящего.

К подобным особенностям, определяющим речь, следует отнести социальную позицию автора текста, уровень его образования, этнической принадлежности, условия, в которых этот текст реализуется, например, политическая обстановка в стране и мире, актуальные проблемы, а также аудиторию, воздействие на которую и должно оказать то или иное выступление, и т. п. [2]. Данные факторы находят свое выражение в языковых единицах на фонетическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

В своем исследовании мы задались целью определить факторы, влияющие на успех коммуникативной ситуации. Для этого мы проанализировали некоторые языковые единицы, используемые автором в своем выступлении для усиления эффекта своих слов, а также то, какова была реакция аудитории на данное выступление. Материалом выступления послужило выступление Президента США Барака Обамы от 31 августа 2013 г. с обращением к Конгрессу с целью инициации военных действий по отношению к Сирии («On The Use of Chemical Weapons by Syrian Government»).

Исходя из данных, предоставленных правительству США, химическое оружие было использовано армией Асада против мирного населения Сирии. Расследованием данного вопроса занимались инспекторы ООН, однако правительство США пожелало форсировать ответные действия в сторону Сирии, расценивая наличие у этой страны химического оружия как угрозу мирному населению не только Сирии, но и любой страны, а использование химического оружия по отношению к гражданскому населению – нарушением прав человека. Было предложено начать военные действия против Сирии, в том числе, и нанесение ракетного удара.

Целью данного выступления является подтверждение опасности наличия химического оружия в Сирии для всего мира в целом и необходимости их разоружения, используя для этого

любые средства. Предметом, о котором говорится в выступлении, является химическое оружие, поэтому данное словосочетание – ‘chemical weapon’ – встречается 9 раз, что составляет 0,6 %. **Стиль** данной речи – публицистический, что подтверждает использование некоторых стилистических приемов, придающих словам Президента эмоциональную окраску, следовательно, преследующих цель более эффективного воздействия на слушателя. Одним из **таких стилистических приемов** является риторические вопросы, например: “If we won’t enforce accountability in the face of this heinous act, what does it say about our resolve to stand up to others who flout fundamental international rules? To governments who would choose to build nuclear arms? To terrorist who would spread biological weapons? To **armies who carry out genocide?**” [2] **Данные** вопросы служат не только для создания драматического эффекта путем перечисления последствий, которые могут быть вызваны бездействием, но и также предлагают слушателям принять участие в дискуссии, обдумав ответы на данные вопросы.

Мы можем сделать вывод, что таким образом автор высказывания пытается не столько доказать правоту своих слов, сколько вовлечь слушателей в принятие решения, доказать им, что подобные действия необходимо предпринять. Таким образом, слушатели становятся отчасти участниками принятия данного решения, т. е. **решение** принимается не правительством или президентом США, а народом этой страны.

Данная инициатива не была поддержана мировым сообществом, однако нами были проанализированы комментарии, оставленные пользователями сайта <http://edition.cnn.com> относительно данной речи. Из 18 комментариев 9 носят отрицательный характер (50 %), 7 – положительный (39 %) и 2 **комментария** носят **нейтральный** оттенок, поскольку дают непосредственно оценку не выступлению Б. Обамы, а **предыдущим** комментариям. При этом из 14 человек, принявших участие в обсуждении, 9 (64 %) не согласны с политикой Президента в данном вопросе, 5 (36 %) выразили полное согласие относительно этой проблемы.

Положительное отношение выражается при помощи таких стилистических приемов, как ирония, противопоставления, метафоры, также путем выражения согласия с политикой президента Обамы в отношении данного вопроса. Негативные комментарии содержат в себе риторические вопросы, фразеологические обороты. Также используется сленговая лексика.

Прежде всего, мы исследовали использование таких языковых единиц, как употребление местоимений. В данном выступлении местоимение ‘I’

(‘Я’) используется 22 раза, что составляет 1,5 % от общего количества слов в тексте. Местоимение ‘we’ (‘мы’) – 33 раза (5 %). Таким образом, Барак Обама создает связь между своими слушателями и самим собой, подводя к мысли о том, что Президент является лишь представителем граждан США, защитником их прав и свобод, а не источником власти, от которого исходят все решения. Однако также местоимение ‘I’ (‘Я’) используется в предложениях, рассказывающих о каких-либо конкретных событиях или выводах, сделанных в отношении данного вопроса, остро стоящим перед Америкой: “Yet, while I believe I have the authority to carry out this military action without specific congressional authorization...”, «Now, after careful deliberation, I have decided that the United States should take military action against Syrian regime targets”. Также данное личное местоимение используется и для создания связи Президента со своей страной и ее историей: “...I’m also mindful that I’m the President of the world’s oldest constitutional democracy”. Поскольку для американского народа их история является достоянием, подобная фраза должна вызывать у граждан также и гордость за свою страну и ее Президента.

Кроме того, автор используется такой прием, как метонимия: “Ten days ago, *the world watched in horror* as men, women and children were massacred in Syria in the worst chemical weapons attack of the 21st century» [2]. То есть, несмотря на тот факт, что многие люди остались далеки от событий в Сирии, Б. Обама использует выражение ‘мир в ужасе наблюдал’, подразумевая, насколько данное происшествие важно для каждого из нас.

Среди отзывов пользователей сайта, согласных с намерениями Б. Обамы относительно необходимости военного вмешательства вооруженных сил США для регулирования ситуации в Сирии, мы выделяем следующие: “We as Americans MUST NOT let them get away with this... no matter the cost! Weather we must send our bullets, bombs, money or sons...we can not stand for this. We must fight! Even if it means World War III”, “What would they do about this? Nothing? Oh, yea... order a pizza and watch a football game – the stuff that’s really important in life. All of that misery and horror on the other side of the planet is just so annoying”. Следовательно, приемы, использованные Барак Обама для создания эффекта вовлеченности каждого в данную ситуацию, достигают своей цели. Одним из факторов, определяющих достижение этого эффекта, является высокая гражданская активность американского народа (мы знаем, что в президентских выборах 2012 г. приняло участие 129,1 млн избирателей).

Для подтверждения своей точки зрения относительно опасности наличия химического оружия в Сирии Президент США в своей речи воздействовал на эмоциональную сферу слушателей, используя общечеловеческие ценности, такие, как ценность человеческой жизни, в частности, жизни детей: “All told, well over 1,000 people were murdered. Several hundred of them were children – young girls and boys gassed to death by their own government” [2]. Слово ‘children’ (‘дети’) используется 4 раза. Для текста, состоящего из 1502 слов, это составляет 0,2 %. **Анализируя комментарии на сайте, мы видим, что обращение к данным понятиям возымело эффект: “Iraq, no WMD (Weapons of Mass Destruction). Syria, WMDs already used to kill hundreds of kids. Difference much?”** Данный комментарий является неточной цитатой слов Барака Обамы в его обращении к Конгрессу, из чего мы делаем вывод, что одним из факторов, обеспечивающих его успех, является тот факт, что в своих выступлениях Б. Обама апеллирует к общечеловеческим ценностям, являющимся важными для каждого. Кроме того, мы можем говорить о том, что выступление Б. Обамы оказало влияние на данного пользователя сайта, если обратим внимание на повторение определенных звуков в его комментарии, т. е. аллитерации: ‘used to kill hundreds of kids’. Прибегая к подобному повторению, которое придает комментарию больший вес, автор его показывает тем самым свое глубокое участие в данной проблеме.

Барак Обама делает ссылки и на события, связанные с предыдущими войнами, так же отмечая и урон, нанесенный ими: “And finally, let me say this to the American people: I know well that we are weary of war. We’ve ended one war in Iraq. We’re ending another in Afghanistan. And the American people have the good sense to know we cannot resolve the underlying conflict in Syria with our military” [2]. Апеллируя к предыдущему опыту, когда военные действия были успешно завершены, автор еще раз доказывает правомерность своего заявления о необходимости военного вторжения в Сирию с целью нейтрализации химического оружия.

Это замечание также находит отражение в комментариях, которые носят негативный характер: “Here we go again. Talk it up as patriotic and necessary and watch it turn into a total disaster. Obviously, no lessons learned”. Исходя из этого, мы приходим к заключению, что, несмотря на то, что перечисленные военные конфликты и были успешно прекращены, среднестатистические граждане Америки испытывают не столько гордость из-за этого факта, сколько считают, что подобные конфликты являются бессмысленными и наносят непоправим-

мый вред стране и ее жителям. Следовательно, упоминание исторического опыта подобного характера не является удачным речевым приемом.

Важным фактором, обеспечивающим эффективность любого политического выступления, является то, насколько успешно у автора получится составить композицию своей речи в соответствии с учетом особенностей аудитории. Несмотря на то, что изначально данное выступление обращено к членам Конгресса, в своей статье мы анализируем ее воздействие на косвенную аудиторию, т. е. читателей и слушателей, ознакомившихся с этим выступлением на сайте.

Существует несколько основных типов взаимодействия во время политического выступления в зависимости от количества участников и их участия в выступлении. Данное выступление относится к типу 'Адресант – Аудитория', поскольку обращение автора направлено на донесение своих идей до большого количества человек. Однако, хотя основной целью автора и является убеждение членов Конгресса в опасности наличия химического оружия в Сирии, не стоит забывать о том, что также это выступление адресовано и к гражданам Америки. Это подтверждается и частым использованием местоимения 'мы', служащим для установления контакта с простыми американцами и создания у них чувства причастности, и апелляция к общечеловеческим ценностям, таким, как мир, дети, семья.

Также данное выступление было проанализировано по такому критерию, как лексическая плотность, т. е. соотношение разных слов в тексте к общему количеству слов в том же тексте. Лексическая плотность показывает нам, насколько тяжело или легко воспринимается данный текст. Для этого использовался сайт <http://www.usingenglish.com>. В обращении Б. Обамы к Конгрессу лексическая плотность составила 36,62 %, что является достаточно низким показателем. В данном случае этот показатель обуславливается тем, что сообщение преследует цель не столько донести какую-либо информацию, сколько воздействовать на эмоциональную сферу слушателя, чем и обуславливается частый повтор слов, использованных в тексте.

То, что данное выступление имело достаточно высокую эффективность, подтверждает тот факт,

что многие граждане Америки поддержали политику президента в данном вопросе, что можно объяснить тем, что принадлежность к одной этнической группе накладывает отпечаток на восприятие тех или иных событий. Отклонение инициативы по введению войск в Сирию со стороны ООН обусловлено тем, что данную организацию представляют люди, принадлежащие к различным этническим группам, чей исторический опыт заставляет их видеть те же самые исторические события в несколько ином свете.

Следует помнить, что для Америки, как для страны, где лидера ее выбирают путем голосования, в котором принимают участие большая часть граждан, для успешного осуществления политической карьеры необходимо принимать во внимание в первую очередь именно интересы и особенности американского народа. Поэтому очень важно принимать во внимание особенности аудитории, к которой обращены выступления.

Определенно, невозможно составить политическое выступление, принимая во внимание уровень образования, социального положения, этнической принадлежности каждого из слушателей, однако возможно ориентироваться на особенности, характерные для большинства американцев. Например, к таким особенностям можно отнести патриотизм, трепетное отношение к своей истории, а также важность общечеловеческих ценностей, таких, как семья, дети, мир. Для достижения этого эффекта автор использует большую эмоциональность своих выступлений, которая достигается за счет повторения некоторых ключевых слов, а также таких стилистических приемов, как метонимия, риторические вопросы.

Список литературы

1. Педагогическое речеведение : слов.-справ. [Internet resource] / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. М. : Флинта : Наука, 1998. URL : http://ped_recheved.academic.ru.

2. Obama, B. On The Use of Chemical Weapons by Syrian Government. 31.08.2013 [Internet resource]. URL : <http://edition.cnn.com/2013/08/31/politics/obama-syria-transcript-saturday>.

Т. М. Пустовит (Винница, Украина)

**ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ 'РУСЬ – ОРДА'
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА Д. БАЛАШОВА
«СИМЕОН ГОРДЫЙ»**

The article deals with the linguistic realization of the opposition 'Russ – Horde' in the art system of the novel D. Balashov "Simeon Gordy" with a view to study means by which the author embodies his views on the historical process in a literary text, in particular, on the role of the Mongol invasion in development of the state of Muscovite Russia from the viewpoint of passion theory of ethnogenesis. It is concluded that all elements of the text as a communicative unit subordinated to realization of the author's task.

Keywords: linguistic realization, historical novel, passion theory of ethnogenesis, text.

Для современного этапа анализа художественного текста характерен интерес к содержательной стороне языковых явлений, к анализу произведения с точки зрения отражения в его структуре определенных идей авторской картины мира (И. П. Смирнов, Б. М. Гаспаров, З. Г. Минц, И. Паперно, А. Флакер и др.). Изучение языковых средств реализации авторских идей в художественном произведении, чье пространство индивидуально, но всегда вписано в национальную, а в лучших своих образцах – в универсальную картину мира, особенно актуально для анализа содержательного пространства текста и его интерпретации.

Значительное место в развитии мировой литературы занимает историческая тематика. В последние десятилетия значительно расширился диапазон методологии познания, в том числе и исторической науки, которая постоянно обогащается не только новыми данными, но и новыми подходами к их анализу. Это, в свою очередь, обусловило концептуальность современной исторической прозы, которая сегодня обращается не только к социологическим категориям марксистской эстетики, но и к широкому спектру историко-философских воззрений К. Леонтьева, Н. Бердяева, И. Ильина и др.

Особым характером концептуальности отличается цикл Д. Балашова «Государи Московские», включающий восемь романов. Наиболее ярко мастерство писателя проявилось в романе «Симеон Гордый», который обосновано можно назвать кульминационным центром цикла.

В основе повествования традиционно лежит синтез художественного вымысла и документальной основы как структурообразующего фактора исторического романа. Писатель сурово придерживается исторических фактов, однако достоверное изображение событий – не единственная задача, которую он ставит перед собой. События истории осмыслены Д. Балашовым не с точки зрения социально-экономических закономерностей исторического процесса, а с позиций пасси-

онарной теории этногенеза Л. Гумилева, которая стала основой для создания оригинальной концепции исторического развития России и представила автору новые возможности для художественного анализа исторического процесса.

Подобный взгляд на исторический процесс позволил Д. Балашову по-новому осмыслить характер преемственности культур Киевской и Владимиро-Суздальской (а впоследствии – Московской) Руси, дать новую оценку историческим деятелям и событиям. В том числе, опора на пассионарную теорию этногенеза обусловила и переосмысление писателем роли татаро-монгольского нашествия в процессе становления и развития государственности Московской Руси.

Разделяя взгляды Л. Гумилева на этногенетические процессы, Д. Балашов соглашается и с его евразийской точкой зрения на отношения Владимирской Руси с Золотой Ордой, т. е. рассматривает их как военно-политический союз, а не иго. Однако, располагая многочисленными данными летописных источников, а также актовых, фольклорных, археологических материалов, писатель не может согласиться с этой теорией безоговорочно. Признавая наличие союза, Д. Балашов характеризует его не как равноправный, а как союз победителя и побежденного, союз-подчинение [1. С. 21].

Как известно, отражение в тексте художественного произведения авторского видения мира, авторской оценки событий через своеобразие языковых средств, вносящих вклад в реализацию поставленной задачи, определяет коммуникативную стратегию текста, что и определило цель данной статьи – выявление языковых средств реализации авторских взглядов на взаимоотношения Руси и Орды в художественной системе романа «Симеон Гордый», в котором сконцентрированы морально-этические аспекты проблематики цикла, а также важным композиционным приемом, как и в цикле в целом, является параллельное или чередующееся описание картин жизни в великом владимирском княжестве и в Золотой Орде.

Авторское отношение к изображаемому проявляется на разных уровнях системы текста. На содержательном уровне оно прежде всего выражается через семантические доминанты [6. С. 167]. Художественный текст выражает художественную концепцию мира и личности, состоящую из идейно-эмоциональной системы и пластической картины мира (системы художественных образов), передаваемой реципиенту опосредованно, через знаковую систему языка. При этом значимые лексемы текста перестают быть просто словами, становясь ментально, идейно и эмоционально насыщенными концептами [5. С. 65]. Репрезентантами авторской картины мира в тексте выступают «повторяющиеся и лейтмотивные слова, текстовые символы, тематические, синонимические, антонимические и ассоциативно-образные ряды, формирующие внутритекстовые и межтекстовые ассоциативные поля» [7. С. 85].

Теория этногенеза обусловила моделирование мира в «Государях Московских» на основе универсальной ценностной оппозиции 'свой – чужой', и противопоставление Руси и Орды является одним из конкретных ее воплощений. Таким образом, смысловой доминантой в показе взаимоотношений Руси и Орды является понятие 'чужой', предопределяя отбор автором фактов, героев, синтаксических и лексико-семантических средств. Для реализации указанной доминанты в тексте используются соответствующая лексема ('чужой'), а также лексическая группа с общим значением чужеродности, необычности, т. е. экзотизмы, употребляемые при описании культурно-бытовых реалий жизни в Орде. Данная смысловая доминанта прямо обозначена в прологе первого романа («Младший сын»), который можно считать прологом ко всему циклу, поскольку в нем воплощены главные идеи «Государей Московских»: 'А там, за широкой, как море, рекой Итиль... степи, *чужие*, мунгальские'. И Русская земля, благодаря союзу с татарами обустроенная Александром Невским, через восприятие которого подан пейзаж, 'была не своя, *чужая*. Дымившиеся за лесом деревни платили дань татарской Орде и были подожены татарами' [1. С. 25]. Тут же подчеркивается и различие жизненных укладов. Например, Сарай в восприятии русича настолько непонятен, что возникают трудности даже с точки зрения таксономической дефиниции: 'то ли торг, то ли город, то ли стойбище татарское?..' [1. С. 25]. Однако значение лексемы 'чужой' не тождественно лексеме 'враждебный': 'чужой' – просто 'другой', т. е. противопоставление не является полярным. 'Другой' может быть как врагом, так и другом.

Именно с такой точки зрения реализуется оппозиция 'Русь – Орда' в романе «Симеон Гордый». Ненавязчиво, естественно складывается противопоставление характеров персонажей, укладов жизни, картин природы, бытовых реалий, разного типа деталей, служащих задачам раскрытия исторической правды в художественно убедительной форме. Таковы, например, оппозиции: хан Узбек – Иван Калита, Джанибек – Симеон Гордый, приближенные хана – бояре Симеона Ивановича, братья Джанибека – братья московского князя. Этот сопоставительный план – 'там' и 'здесь', – который неотступно сопровождает читателя на всем протяжении романа, и который дан через восприятие героев, выполняет ряд смысловых функций. С одной стороны, здесь отражается сама историческая реальность в ее пространственно-временном измерении (достаточно сказать, что князь Симеон восемь раз ездил в Орду либо с братьями, либо один), а также находит свое выражение основополагающая идея: антитеза 'свое – чужое', воплощенная в конкретном противопоставлении 'Русь – Орда'. С другой стороны, это позволяет писателю воссоздать изображаемую жизнь панорамно, в противоречивости реальных ситуаций, объективировать повествование, избежать декларативности и вялости.

Яркими, колоритными красками рисуется в романе нелепый по своему устройству Сарай, ханская столица, и вся кочевая Орда в целом. Художественный этнографизм, представляющий собой изображение средствами искусства слова материальной и духовной культуры народа, носителями которой в литературных произведениях выступают определенные вербальные артефакты (обработка фольклора, мифологии, описание ландшафта, быта с реликтовыми элементами), включает в себя два плана: предметный и смысловой, а также национальный и эстетический [4. С. 219–220]. **Чужеродность Орды, как указывалось выше, наиболее наглядно реализуется в использовании экзотизмов** (*хан, улус, беглербег, нукер, пайцза, баскак, кумыс, батыр* и др.). В речи персонажей-татар писатель воспроизводит акцент (*коназ, здрасстуй, урусут*). Однако Д. Балашов не злоупотребляет подобной лексикой. Татарский быт показан преимущественно глазами русичей, в основе речи которых – современный русский язык, стилизованный с помощью диалектизмов и архаизмов, поскольку в основе противопоставления Руси и Орды у Д. Балашова – не только и не столько культурные различия.

Главный уровень оппозиции 'Русь – Орда' связан с этногенетическими процессами. Орда как этническое образование намного «старше» Вла-

димирской Руси. Этим объясняются различия в общественной психологии, проявляющиеся и в государственном устройстве, и в межличностных отношениях. Для реализации этой идеи автор использует лексику со значением возраста и его внешних проявлений у человека. Например, в сцене приема у Узбека писателем созданы подчеркнута контрастные портретные характеристики: похожий на мертвеца старый Узбек ('согнутый, седой и старый, в мерцании золота и драгоценностей особенно страшный, будто бы уже мертвец') и юные, румянолицые братья Симеона [3. С. 61]. Узбек подсознательно чувствует эту разницу и пытается понять, сравнивая сыновей Ивана Калиты со своими. Его глазами видит читатель Симеона с братьями и ордынских царевичей (их тоже трое) на охоте. Здесь писатель использует лексемы с контекстуальными антонимичными значениями. Дети Калиты держатся вместе ('Разгоряченные охотой промчались вдали дети коназа Ивана'), младшие признают авторитет старшего как само собой разумеющееся ('Вот один из них <...> оглянул на старшего брата, глазами спросил «Можно ли?» – и, получив разрешающий кивок, поднял короткое копье'). Сыновья Узбека: 'Тинибек был далеко, чуть видный среди своих нукеров... Джанибек впереди... Хырбек где-то за спиной отца. И все поврозь' [3. С. 70]. Лица русских княжичей открыты, Узбек легко читает их чувства: страх и опасливое почтение к нему, общую радость, когда он отдал великий стол Симеону: 'Все трое рады. Как один. Словно награжден каждый из них. Словно власть, полученную Семеном, они разделят теперь натрое' [3. С. 72]. Это был урок ордынским царевичам, но Узбек так и не смог определить, поняли ли они его: на лице Тинибека – гордость, Хырбек оглядывает старших братьев. Но самый непонятный и чужой – Джанибек, который, 'опустив голову, скрыл от отца и старшего брата загадочно мерцающий взор' [3. С. 72].

Репрезентация отношений отцов и детей также построена на контрасте. Между Калитой и сыновьями, особенно старшим, – полное взаимопонимание. Узбек своих сыновей боится, не зная, дождутся ли они его смерти или ускорят ее.

Уже при одряхлевшем Узбеке, у которого не было сил, чтобы чего-то хотеть по-настоящему, намечился будущий развал Орды. Факты, свидетельствующие о старении этноса и, соответственно, постепенном упадке могучей некогда державы писатель вкладывает в уста одного из вельмож Узбека Товлубега, размышляющего: 'Узбек плохой правитель. Его наместников выгнали из Галича, он потерял Арран и Азейбарджан, потеряет

нынче богатый Хорезм... Коназ Иван был умный, но ему не следовало так рано умирать. Каким будет этот его сын, Семен?' [1. С. 57]. О Симеоне он раздумывает с дальним прицелом. Если вдруг ему, Товлубегу, придется после смерти Узбека бежать на Русь (всякое возможно в Сарае, где на престол восходят по трупам многочисленных претендентов и их соратников), даст ли ему Семен землю и волости на прокорм? В целом, на протяжении всего цикла писатель показывает, как предательство, злоба, зависть, корыстолюбие ханских вельмож, фактически вершащих все государственные дела, окутывают, как туманом, ханский трон, что, с точки зрения пассионарной теории, также является симптомом старости этноса на уровне общественной психологии и морали.

Давно забыто в Орде бывшее братство Чингизидов, порвалась кровная связь родства, и померкла память общего дела сынов далекой Монголии, иссякло доверие близких друг к другу, а 'когда нет веры в человека, лучший помощник – нож! И брат дрожит при виде брата, ибо нет братства крови, есть жажда власти, и только она. Жажда власти, которая уже начинает губить и скоро погубит совсем древнюю славу Монголии' [3. С. 154].

Хан Джанибек, убивший братьев при восшествии на престол, по своему характеру не был безжалостным убийцей. Просто он раньше братьев осознал суровую истину: не убьешь соперника ты – он убьет тебя. Джанибек не задумывался о том, способнее ли он своих братьев, «дабы занять престол нелюбимого им отца», или нет. Просто он осознал: кто бы из братьев не занял ханский престол, двое других должны будут умереть. А умереть первым он не желал. И потому, едва пронеслась весть о смерти Узбека, 'ножи оборвали жизнь младшего из его сыновей' [3. С. 155].

Анализируя исторические процессы, Д. Балашов постоянно обращается к прошлому, сравнивая не только разные этнокультуры, но и поведение разных поколений в схожих ситуациях. В эпизоде убийства Джанибеком старшего брата писатель, акцентируя внимание на признаках упадка Орды, сравнивает ее не только с находящейся на подъеме Русью, но и с Ордой в прошлом, когда она не утратила еще энергию пассионарности, и многое, творящееся сейчас, в те времена было невозможным. Так и в сцене убийства Тинибека автор указывает, что сто лет назад нукеры убитого немедленно перерезали бы Джанибеку горло, но 'воины Тинибека только сбились тревожною кучкой вокруг трупа своего повелителя', ожидая, что их сейчас тоже убьют. Поняв, что им оставляют жизнь, они поспешили выполнить приказ нового правителя [3. С. 156].

Центральное место в противопоставлении 'Русь – Орда' занимают два образа – русский князь Симеон Гордый и ордынский хан Джанибек. Несмотря на то, что эти образы противопоставлены друг другу, полярность их не сквозная. Прежде всего, обращает на себя внимание и выглядит художественно оправданной детально разработанная сюжетная линия, в которой определяющим фактором является личная дружба между князем Симеоном и ханом Джанибеком. При всех различиях, связанных с отношением к власти (т. е. степени владения ею), с в корне противоположными укладами жизни, нравственно-этическими и другими представлениями, писатель показывает и факторы, которые сближают его героев, способствуя возникновению между ними чувства симпатии: оба они приходят к власти после смерти отцов, оба молоды, умны. Кроме того, видит в отношениях Симеона и Джанибека проявление принципа комплиментарности, связанного с подсознательной взаимной симпатией, неосознанной тягой друг к другу, возникающей между людьми схожего психологического склада.

Джанибек и Симеон – носители разных нравственных принципов, разных представлений о добре и зле. Джанибек убежден: 'Врагов надо убивать, так велит закон!' Симеон не согласен: 'Ваш закон. Наш закон велит, елико возможно, миловать и прощать, ибо допускает раскаянье преступившего и спасенье покаявшегося!' [3. С. 435]. Джанибека же интересуют не общие рассуждения, а то, насколько применим этот закон в конкретной ситуации: 'И ты не убьешь меня, ежели подойдет так, что это надобно станет для блага твоей земли?' Симеон: 'Я никого не хочу убивать, хан... Достаточно было убийств. Постараюсь держать землю свою без крови. Елико возмогу. Пока возмогу' [3. С. 436].

Нередко все же хан Джанибек и его улусник находят общий язык в нравственных оценках. Обильно пролив кровь при восшествии на ханский престол, Джанибек стремится сделать свое правление мирным. Видя, что в Орде много таких, кем можно управлять только при помощи страха ('и ежели ты не зарежешь их, зарежут тебя'), он говорит Симеону: 'Но я не лью крови. Ты это видишь, коназ! Я больше не лью крови – такова моя воля и власть! Будь же мне другом, коназ, и я буду другом тебе! Серебром не делают друзей, подарками не делают. Друга делает верность в беде' [3. С. 437].

На протяжении романа писатель снова и снова подчеркивает искренность дружбы между русским князем и монгольским ханом.

Однако заслуга Д. Балашова в обрисовке ли-

нии отношений между Симеоном и Джанибеком заключается, разумеется, не в интимизации их, а в том, что писателю удалось через эти образы передать воплощаемые в них исторические тенденции. Симеон – представитель нарождающейся нации, которая находится на подъеме; Джанибек – представитель умирающего народа, культуры, которая движется к своему концу. Сущность их правления во многом схожа – спокойный период, когда был наведен порядок и соблюдалась законность. Однако для Руси – это время накопления сил для дальнейшего роста, а для Орды – временная передышка, после которой монгольская держава стремительно и неудержимо покатится к своей гибели.

Таким образом, исследование языковых средств реализации в тексте оппозиции 'Русь – Орда', воплощения авторских взглядов на взаимоотношения Руси и Орды с точки зрения пассивной теории этногенеза в художественной системе романа Д. Балашова «Симеон Гордый» позволяет сделать вывод о системном использовании в текстовом пространстве разноуровневых языковых единиц, способствующих формированию у читателя образа исторического прошлого и оценки исторических событий. Семантика значимых лексем является контекстуально зависимой (лексеммы со значениями возраста человека используются для указания на этап развития этноса). Автор осознанно пользуется возможностями семантической структуры лексем для экспликации концептуальных смыслов в соответствии со своей интенцией. Формирование у читателя образов двух культурных миров и характера их взаимодействия происходит также благодаря авторским описаниям, речи героев (диалогу) и авторским комментариям, которые позволяют составить представление и об особенностях поведения героев, и об их внутреннем мире.

В целом, использование лингвистического анализа для выявления особенностей воплощения определенных когнитивных образований в тексте является эффективным способом изучения путей реализации авторского мировоззрения в плоскости текста, дальнейшего изучения взаимосвязей языка, мышления и культуры, способствует исследованию авторских интенций и тактик кодирования информации, предназначенной для интерпретации при декодировании художественного текста.

Список литературы

1. Балашов, Д. М. В гостях и дома : (Три поездки за рубеж). М. : Патриот, 1991. 176 с.

2. Балашов, Д. М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Младший сын. М. : Худож. лит., 1991. 622 с.
3. Балашов, Д. М. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. Симеон Гордый. М. : Худож. лит., 1992. 538 с.
4. Боровко, В. Ю. Художественный этнографизм как предмет литературоведческого исследования // Мова і культура : наук. журн. Киев : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. Вип. 10, т. X (110). 272 с.
5. Воронина, Е. А. Мироззренческое знание в литературно-художественном творчестве : дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2008. 176 с.
6. Николина, Н. А. Филологический анализ текста. М. : Академия, 2003. 256 с.
7. Щирова, И. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. СПб. : Книж. дом, 2006. 172 с.

Я. Н. Ронжина (Пермь, Россия)

ФУНКТОРНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА АНАЛИЗА КРЕАЦИИ СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

The procedure of the literary text sense creation analysis and interpretation, based on the principles of semiotics and synergetics, is represented in this article. Five levels of the literary text sense are studied: there are objective, evaluative, hedonistic, archetypal levels and the level of concept ideas within the text sense. The units of analysis and interpretation on different levels of the text sense are determined. Patterns of relationship between the units of different levels, resulting in the sense augment and the literary text supersense creation, are uncovered.

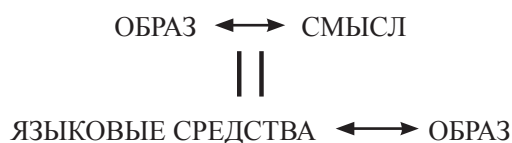
Keywords: literary text, sense, supersense, semiotics, synergetics, concept idea.

При рассмотрении такого сложного вопроса, как креация смысла в художественном тексте [8; 9; 10], возникает необходимость определить природу собственно художественного текста и его смысла, а также разработать эффективные методы исследования смыслокреативных процессов.

В научных подходах к рассмотрению природы художественного текста отражаются направление исследования, взгляды учёных на цели исследования, принимаемые учёными методологические основы исследования и предмет исследования. Например, в семиотике текст определяют либо как знак [15; 17; 18; 19], либо как последовательность знаков [4; 13], либо как вторичную моделирующую семиотическую систему [1; 3; 5]. Наиболее перспективной для исследования смыслокреативных процессов в художественном тексте, на наш взгляд, можно считать определение художественного текста как вторичной моделирующей системы. Вслед за Ю. М. Лотманом, мы рассматриваем естественный язык как первичную знаковую систему, над которой надстраивается сверхструктура художественного текста [5. С. 274–293].

Учитывая другие работы Ю. М. Лотмана, скажем, что при анализе вторичных моделирующих систем он исследует языковые уровни. Согласно нашей точке зрения на художественный текст как

вторичную моделирующую систему, сверхструктура, надстраиваемая над системой естественного языка, состоит из совокупности образов, выступающих формой смысла текста, а языковые средства, используемые в художественном тексте, служат в свою очередь формой образов: образ является одновременно означаемым для языковых средств и означающим для смысла. В рамках нашей концепции образ, получающий актуализацию в тексте с помощью языковых средств, то есть знаков первичной семиотической системы, обозначен термином ‘образнесущий знак’. Данное концептуально важное, с нашей точки зрения, положение о соотношении образа, смысла и языка может быть представлено следующим образом:



Образнесущий знак

Что касается соотношения образа и внутренней формы, то эти понятия частично пересекаются. Наше понимание образа шире, чем поня-

тие внутренней формы, как оно представлено в работах А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Ю. М. Лотмана. По мнению В. В. Виноградова, например, «внутренняя форма» слова – это «образ, лежащий в основе значения или употребления слова», который «может уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [2. С. 18]. В нашем понимании в образе заключен не только предметный смысл (то есть образ связан не только с именованим объекта), но и элементы оценочного, гедонистического, концептуально-идейного и архетипического смысла. Предметный смысл нас интересует только в той мере, в какой этот смысл участвует в процессе креации смысла целого текста.

Таким образом, смыслокреативное функционирование художественного текста рассматривается на предметном, оценочном, гедонистическом, концептуально-идейном и архетипическом уровнях. При этом под креативными процессами понимаются приращение смысла, креативные переходы из одного уровня смысла в другой и креация сверхсмысла художественного текста. Сверхсмысл определяется как синергетический эффект смыслокреативного функционирования текста. Такое понимание креативных процессов во вторичных моделирующих системах легло в основу функторно-семиотического анализа, по результатам которого была построена модель превращения художественного текста как вторичной моделирующей системы в знак сверхсмысла. Использование образонесущего знака и образа в качестве единиц анализа и интерпретации смыслокреативного функционирования художественного текста позволило наглядно представить разработанную нами функторно-семиотическую методику анализа.

Функторно-семиотическая методика, состоящая из пяти этапов, представляет собой инструмент для раскрытия механизма креации смысла художественного текста, что может быть продемонстрировано на примере произведения В. Монохова «Счастливый путь»:

Отпускающая ученика в люди, знающий все наперед наставлял:

– Иди по жизни, не расталкивая локтями других.

Ты сильный – тебе и так уступят дорогу.

Прилежный ученик старался следовать совету.

Но каждый вечер смывал с натруженных рук чужую кровь, не понимая причины трагедии.

Мастер счастливого пути – не замечает своих жертв [6. С. 273].

На первом этапе функторно-семиотического анализа заголовков художественного текста определяется как *образонесущий знак-функтор*, и выделяются образы, иррадиированные в текст заголовком. Образонесущие знаки-функторы выступают источником смысловой динамики в художественном тексте. Особенно высока значимость заголовка в функции образонесущего знака-функтора, так как обычно заголовок определяет в художественном тексте основные доминанты в смысловой динамике. Кроме того, в функции образонесущего знака-функтора могут выступать многозначные языковые средства, распределенные по всему тексту.

Проводим дефиниционный анализ заголовка «Счастливый путь», чтобы выявить, какие образы он иррадиирует в текст, и, таким образом, определить эстетический потенциал данного образонесущего знака-функтора. Исходя из результатов дефиниционного анализа, делаем вывод о том, что образонесущий знак-функтор «Счастливый путь» иррадиирует ряд предметных («прощальное пожелание отправляющемуся в путь», «дорога», «место, линия в пространстве, где происходит передвижение, сообщение», «железнодорожная колея, линия», «путешествие», «образ действий, направление деятельности», «жизнь человека (жизненный путь)», «полный счастья», «такой, которому благоприятствует удача, успех», «выражающий счастье», «приносящий счастье, удачу», «благополучный, удачный»), оценочных («хорошо»), гедонистических («удовольствие») [7. С. 634, 783] и архетипических («движение», «выбор», «испытание», «преодоление трудности», «тайна спасения», «спасение через самопознание», «внутренняя эволюция», «изменение состояния», «трансформация», «путь к высшим ценностям», «высшие ценности», «нравственное, духовное поведение», «судьба», «встреча ученика с учителем», «встреча с Богом», «старость», «смерть», «жизнь», «учение», «закон») образов [11; 12; 14; 16].

На втором этапе методом контекстуального и дефиниционного анализа языковых средств текста устанавливается актуализация образов, выделенных на предыдущем этапе:

Таблица 1

Образы, актуализированные в тексте	Языковые средства актуализации образов
Предметные образы: «прощальное пожелание отправляющемуся в путь», «жизнь человека (жизненный путь)», «дорога»	<i>Отпускающая ученика в люди, знающий все наперед наставлял: – Иди по жизни, не расталкивая локтями других. Ты сильный – тебе и так уступят дорогу.</i>

		Таблица 2	
Архетипические образы: 'встреча ученика с учителем', 'учение', 'нравственное, духовное поведение', 'жизнь', 'смерть'	<i>Отпуская ученика в люди, знающий все наперед наставлял: – Иди по жизни, не расталкивая локтями других... Прилежный ученик старался следовать совету. Мастер счастливого пути... Но каждый вечер смывал с натруженных рук чужую кровь, не понимая причины трагедии... не замечает своих жертв.</i>	Предметный образ 'принадлежащий другим' (выраженный лексической единицей 'чужой')	Предметный образ 'принадлежащий себе, имеющий отношение к себе' (выраженный лексической единицей 'свой')
Предметные образы: 'такой, которому благоприятствует удача, успех', 'благополучный, удачный', 'приносящий счастье, удачу'	<i>Иди по жизни, ... не расталкивая локтями других. Ты сильный – тебе и так уступят дорогу... Мастер счастливого пути – ...</i>	Предметный образ 'приносящий несчастье'	Предметный образ 'такой, которому благоприятствует удача, успех' Предметный образ 'приносящий счастье, удачу'
Оценочный образ: 'хорошо'		Оценочный образ 'плохо'	Оценочный образ 'хорошо'
Гедонистический образ: 'удовольствие'		Гедонистический образ 'неудовольствие'	Гедонистический образ 'удовольствие'
		Архетипический образ 'смерть'	Архетипический образ 'жизнь'

На следующих этапах выявляются *новые образы, актуализированные в тексте, и их тип, проводится анализ симметрии-асимметрии образонесущих знаков и образов.*

В анализируемом тексте образонесущий знак-функтор 'счастливый путь' используется повторно, в последнем предложении: «... не понимая причины трагедии. Мастер счастливого пути – не замечает своих жертв» [6. С. 273]. Выявленные на предыдущем этапе предметный образ 'приносящий счастье, удачу', оценочный образ 'хорошо' и гедонистический образ 'удовольствие' (Мастер счастливого пути) противопоставляются предметному образу 'приносящий несчастье', оценочному образу 'плохо' и гедонистическому образу 'неудовольствие' (не понимая причины трагедии, не замечает своих жертв): происходит приращение смысла в форме новых образов, которые противопоставлены образам, выделенным ранее. Наличие тире в последнем предложении также подтверждает данное противопоставление. Асимметрия образов разного типа поддерживается предметным образом 'противопоставление', иррадированным образонесущим знаком-функтором, выраженным союзом 'но'.

Кроме того, асимметрия наблюдается на уровне лексических единиц 'свой' и 'чужой', что наглядно представлено в табл. 2. Здесь следует отметить, что асимметрия предметных, оценочных и гедонистических образов выявляет асимметрию на архетипическом уровне.

Асимметрия на предметном, оценочном, гедонистическом и архетипическом уровнях вызывает приращение смысла на концептуально-идейном уровне, а именно: достижение счастья одним человеком может стать причиной несчастья для других.

На следующих этапах функторно-семиотического анализа выделяются *фигуры*, актуализированные в тексте, моделируется взаимодействие образов и фигур, изучается процесс организации всех элементов в единую линию развития смысла и интерпретируется процесс креации *сверхсмысла художественного текста* как синергетического эффекта, выявляются *доминантный и фоновый уровни* смысла художественного текста.

В процессе функторно-семиотического анализа образонесущие знаки-функторы определяются как средства ветвления смысла вследствие их многозначности, а фигуры – как центры стяжения смысла. Анализ фигур, которые выступают энергетическими центрами, уточняет линию развития сверхсмысла в художественном тексте. Фигуры – это не что иное, как текстовые субъекты: автор и персонажи. В анализируемом художественном тексте выделяем фигуру учителя (*знающий все наперед наставлял*), фигуру ученика, которая трансформируется в фигуру мастера счастливого пути (*ученик – прилежный ученик – мастер счастливого пути*), фигуру ментеавтора, выступающего в роли наблюдателя, и фигуру артеавтора (реального автора), который обращает наше внимание на противопоставление образов разного уровня (тире в последнем предложении).

Процесс трансформации фигуры ученика проявляется не только на уровне языковых средств текста (*ученик – прилежный ученик – мастер счастливого пути*), но и на уровне образов, которые группируются вокруг фигуры ученика и фигуры мастера счастливого пути (табл. 3):

Таблица 3

Фигура ученика	Фигура мастера счастливого пути
Предметный образ 'такой, которому благоприятствует удача, успех'	Предметный образ 'приносящий несчастье'
Оценочный образ 'хорошо'	Оценочный образ 'плохо'
Гедонистический образ 'удовольствие'	Гедонистический образ 'неудовольствие'
Архетипический образ 'жизнь'	Архетипический образ 'смерть'

Выявленные данные позволяют говорить о реализации архетипического образа 'трансформация', иррадиированного образонесущим знаком-функтором 'счастливый путь'. Кроме того, из таблицы видно, что лексическая единица 'счастливый' в составе словосочетания 'мастер счастливого пути' приобретает негативную окраску, то есть снова проявляется процесс трансформации.

Таким образом, наблюдаемое приращение смысла на концептуально-идейном уровне смысла уточняет линию развития сверхсмысла целого текста: достижение успеха одним человеком может стать причиной несчастья не только для окружающих его людей, но и для него самого. Из представленного анализа видно, что фигуры выступают своеобразными центрами, которые притягивают актуализированные в тексте образы, то есть группируют их, и определяют (направляют) линии развития сверхсмысла художественного текста. Согласно полученным данным, уровень, на котором порождается сверхсмысл текста, становится доминантным, другие уровни, реализованные в тексте, становятся фоновыми.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. 446 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1972. 614 с.
3. Иванов, В. В. Чет и нечет : (Асимметрия мозга и знаковых систем). М. : Совет. радио, 1978. 184 с.
4. Козьма, М. П. Подтекст как вторичная моделирующая система (на материале художественных произведений английских и американских

писателей) : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 204 с.

5. Лотман, Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академ. проект, 2002. С. 274–293.

6. Монахов, В. Счастливый путь // Очень короткие тексты : (В сторону антологии). М. : НЛЮ, 2000. С. 273.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М. : ИТИ Технологии, 2007. 944 с.

8. Ронжина, Я. Н. Лингвосомиотический анализ процессов креации смысла в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 197 с.

9. Ронжина, Я. Н. Развитие смысла в художественном тексте // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков : материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь : Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2006. С. 233–240.

10. Ронжина, Я. Н. Синергетический подход к определению креативного смысла художественного текста // Синергетическая лингвистика vs. лингвистическая синергетика : материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь : Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2010. С. 113–117.

11. Словарь символов [Электронный ресурс]. URL : <http://dic.academic.ru>.

12. Словарь символов и знаков [Электронный ресурс]. URL : <http://sigils.ru/>.

13. Успенский, Б. А. Структурная общность различных видов искусства на материале живописи и литературы // Recherches sur les systemes significants. Symposium de Varsovie, 1968. The Hague-Paris, 1973. P. 443.

14. Энциклопедия символов [Электронный ресурс]. URL : <http://symbols.ru/>.

15. Agricola, E. Vom Text zum Thema. Studia grammatica. XI. Berlin : Akademie-Verlag, 1976. 188 s.

16. Dictionnaire psychanalytique des images et symboles du rêve [Электронный ресурс]. URL : <http://www.abcdreuve.fr/>.

17. Dressler, W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen : Niemeyer, 1973. 136 s.

18. Hartmann, P. Zum Begriff des sprachlichen Zeichens // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Hamburg : DTV, 1968. S. 3–4.

19. Viehweger, C. Semantische Merkmale und Textstruktur. Bd. XI. Berlin, 1976.

Н. П. Савойская (Сантьяго де Компостела, Испания)

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ: FORMULAIC LANGUAGE

Статья подготовлена при поддержке гранта Erasmus Mundus Action 2 Marco XXI

Today formulaic language draws attention of linguists specializing in different areas. It is studied in the domain of psycholinguistic approach, pragmatics, methods of teaching, language socialization, etc. Anyway, having been formulated as an area of linguistic research approximately three decades ago it still lacks a single clear-cut definition. Or... does it need one? The article summarizes the information on formulaic language research in the last decade and dwells upon the possibility to unite the multifold approaches in one definition.

Keywords: formulaic language, conventional expressions, lexical chunks.

В настоящее время большое внимание уделяется исследованиям разных аспектов так называемого языка шаблонов (formulaic language). Первое, что приходит на ум, когда видишь сочетание ‘formulaic language’, – это устойчивые выражения, сочетания, фразы, которые воспроизводятся в речи целой фразой, без изменений, как единое слово, т. к. вся фраза несет целостный смысл. В российской лингвистике к таким сочетаниям часто относят фразеологизмы (и их разные вариации). В западной лингвистике, как показывает анализ публикаций зарубежных журналов за период 2002–2012 гг., этот термин гораздо шире, что и привлекает внимание исследователей самых разных направлений.

Впервые тема *formulaic language* возникла в 1983 г. в связи с публикацией Pawley и Syder, задавших вопросом, какова связь между беглой речью носителя (и людей, владеющих вторым языком на высоком уровне) языка и использованием определенного набора устойчивых грамматических конструкций и частично устойчивых предложений; ответом было совершенное владение такими конструкциями [14. С. 231]. Некоторое время спустя, в 1987, выходит работа Sinclair, в которой автор предполагает, что в процессе речевого производства, умственной обработки языка мы предпочитаем «принцип идиомы» (“idiom principle”) “принципу открытого выбора» (“open choice principle”) (термины Sinclair, цит. по: [14. С. 231]), т. е. мы, по возможности, воспроизводим фразу целиком, разбивая ее на отдельные слова только в случае необходимости: “...we look for opportunities to map form to meaning at the multiword level and we can and break wordstrings down only if necessary” [14. С. 231]. Далее, в том же году, выходит работа Van Lancker, в которой поднимается вопрос о том, каким образом способ овладения языком и его использования влияет на речевосприятие и речеобразование в случае заболеваний мозга, в частности, афазии (нарушение речи, характеризующееся утратой способности понимать чужую речь). В 2002 г. Alison Wray публикует работу, в которой предлагает новое

видение проблемы: язык шаблонов – это лингвистическое решение вопросов выживания; использование современных речевых шаблонов – это один из способов полноценного существования человека в обществе, вхождения в группу себе подобных, уподобления себя другим (‘I am like you because I talk like you, so you will want to help me’ [14. С. 232]), поскольку шаблоны, требующие меньшего декодирования, чем отдельные слова, позволяют с большей вероятностью избежать недопонимания.

Сегодня вопросы языка шаблонов поднимаются специалистами разных направлений: психолингвистики, анализа дискурса, фразеологии, исторической лингвистики, корпусной лингвистики, грамматики, методики преподавания родного и иностранного языка, клинической лингвистики, вычислительной лингвистики и других; проводятся конференции и симпозиумы, каждые два года проводится специализированная конференция международного научно-исследовательского общества FLaRN (Formulaic Language Research Network) [14. С. 232].

Почему язык шаблонов привлекает столько внимания? Рядом исследователей было подсчитано, что шаблонные выражения составляют 30–50 % дискурса [5. С. 46]. Такая широкая представленность в языке предполагает важность данных единиц для общения, что и обуславливает необходимость их изучения. N. Schmitt и R. Carter сформулировали коммуникативные функции языка шаблонов: 1) выражение мысли или идеи (‘the early bird gets the worm’ = ‘не откладывай’); 2) реализация функции (‘[I’m] just looking [thanks]’ = ‘отклонение предложения помощи со стороны продавца в магазине’); 3) выражение солидарности со всеми (‘Yeah it is’); 4) краткая формулировка специфической информации (‘Cleared for takeoff’ = ‘разрешение выйти на взлетную полосу и начать взлет’); 5) организация дискурса (‘on the other hand’ = ‘с другой стороны’) [Schmitt & Carter, цит. по: 5. С. 46].

Символичным, на наш взгляд, является тот факт, что интерес к шаблонным выражениям воз-

никает наряду с развитием когнитивной лингвистики – направления, которое “is at odds” [8. С. 1] с основными положениями современной лингвистической теории; для когнитивной лингвистики шаблонные выражения, или **conventional expressions**, как их называет Рональд Лангакер [8. С. 35], – это особая ипостась, по мнению основателя когнитивной лингвистики, они находятся вне поля зрения традиционной лингвистики, т. к. не являются **ни словами, ни синтаксическими конструкциями** по существующим классификациям и **определениям, т. е. не изучаются ни лексикологией, ни синтаксисом** (для пояснения приведем примеры **conventional expressions** по Р. Лангакеру: ‘take it for granted that, hold ... responsible for, express an interest in, great idea, tough competitor, I don’t care, kill two birds with one stone, good to see you, ready to go, I’ll do the best I can, answer the phone, known facts, as if, in actual practice, in the context of, if only, a matter of interpretation, deriving from, object of study’ и др. [8. С. 35]). Для когнитивной же лингвистики, изучающей репрезентации мысли в языке, “conventional expressions are... quite expected, pose no special descriptive problems, and in fact constitute a central ... kind of data to be accounted for” [8. С. 36] (Шаблонные выражения совершенно ожидаемы, не представляют затруднений в их определении и, по сути, являются *основными единицами* для изучения; пер. авт.).

Одним из подходов к изучению языка шаблонов является так называемый *usage-based approach*, характерный для психолингвистических исследований. Его суть заключается в том, что шаблоны формируются начиная с раннего детства в результате их многократного прослушивания, а затем воспроизводства. **Colin Bannard and Elena Lieven рассматривают особенности овладения речевыми шаблонами в процессе формирования речевых навыков родного языка.** Согласно исследованию, ребенок в детстве воспринимает слова, классифицирует их по их принадлежности к определенной категории, формулирует определенные правила по использованию слов данной категории и учится понимать и строить высказывания, комбинируя новые слова на основе познанных категорий. Авторами подчеркивается ведущая роль социального окружения ребенка, который, выбирая из всего речевого потока преимущественно то, что для него коммуникативно важно, в своем языковом формировании следует за образцами, подсказанными взрослыми и воспроизводит готовыми наиболее часто встречающиеся шаблоны. Постепенно у ребенка формируются так называемые *schematic patterns*

(схематические образцы), которые со временем настолько укореняются, что взрослеющий человек использует их осознанно, манипулируя ими в целях создания собственных высказываний. Тем не менее, по свидетельству авторов, многое указывает на то, что исходные готовые репрезентации, закладывающие основы грамматики, не утрачиваются полностью, являясь основой шаблонности в речи [1].

Работы ученых, проводивших исследования речи детей в возрасте от двух до трех лет, показали, что дети правильнее воспроизводили часто слышимые готовые слова и словосочетания (например, ‘sit in your chair’, нежели ‘sit in your truck’). Более того, к трем годам, комбинируя компоненты таких фраз (ABCD → ABCE → ABCG и т. д.), они значительно быстрее воспроизводили первые три слова, если четвертым словом было привычное на слух ‘chair’, если же четвертое слово заменялось на новое, то процесс обработки шел медленнее [2. С. 244]. **Интересным, по мнению С. Bannard и Е. Lieven, представляется тот факт, что при попытках построения собственных фраз на основе усвоенных шаблонов заменяемым компонентом чаще всего являются существительные, на основании чего делается вывод, что категория существительного формируется раньше других (согласно теории formulaic language, в результате многочисленных прослушиваний и повторов определенных фраз у ребенка формируются так называемые фреймвые образцы, которые, в свою очередь, ведут к образованию лексических и фразовых категорий, одной из которых и является категория существительного).**

Несмотря на тот факт, что ребенок постепенно начинает самостоятельно комбинировать фразы, авторами исследований утверждается, что шаблоны, усвоенные в раннем детстве, не исчезают, а продолжают и далее оказывать свое влияние. В подтверждение данной мысли проводится анализ наиболее часто встречающихся у детей речевых ошибок, как то: *me* вместо *I* в роли подлежащего [1. С. 9], использование неличной формы глагола вместо личной (‘Mummy go to work’ [1. С. 9–10]), ошибки в построении вопросов (‘What Daddy is doing? What does she doesn’t want?’ [1. С. 10]). В первом случае дети извлекали компонент ‘me’ из предложений, в которых за местоимением следовала неличная форма глагола (‘Let me do it’, ‘Did you hear me singing?’), **используя его, по аналогии, в роли подлежащего в простом предложении; во втором случае не прибавляли окончание третьего лица единственного числа в настоящем простом времени по аналогии с остальными формами лица (ср. «придуманную» русскими детьми**

форму глагола 'дать' 'даду', построенную по аналогии с *приду, смогу, покажу и т.д.*); в третьем случае дети строят предложения, основываясь на образцах утвердительного предложения, усвоенных ранее. Все это, как утверждают авторы исследований, доказывает продолжающееся влияние шаблонов [1].

Грамматический строй английского языка (фиксированный порядок слов, малая морфологическая вариативность) подразумевает определенную шаблонность в построении высказываний, которая и формируется описанным образом. Если же речь идет о языках с большим количеством грамматических окончаний и, ввиду этого, более свободным порядком слов, то возникает правомерный вопрос, которым и задаются исследователи: будут ли речевые шаблоны играть определенную роль в формировании языковых навыков у носителей таких языков? Для ответа на этот вопрос проведен ряд экспериментов на материале польского [7], русского и немецкого языков [11], которые показали, что, несмотря на меньшее количество устойчивых шаблонов в немецком и русском языках, процесс усвоения языка все-таки напрямую связан с пофразовым воспроизведением высказываний.

Существует также иное направление, фокусирующее внимание на процессе обработки (processing) речевых шаблонов носителями языка и людьми, изучающими язык как иностранный, которые, в свою очередь, делятся на тех, кто владеет языком на высоком уровне, и тех, кто менее бегло разговаривает на данном языке. Предметом рассмотрения в этом случае выступает сам процесс умственной обработки речевых шаблонов: в то время как носители языка и те, кто на высоком уровне владеет иностранным языком, воспроизводят их как готовые формулы, не задумываясь над комбинаторикой компонентов, то владеющие языком на начальном или среднем уровнях «обрабатывают» шаблоны так же, как если бы это были отдельные слова (по данным на основе эксперимента, который заключался в фиксировании скорости движения глаз при восприятии предложений с шаблонными фразами и без них) [5]. Исследователями **A. Tremblay, B. Derwing и др.** проводился психолингвистический эксперимент на основе электроэнцефалографических измерений, подтвердивший, что язык шаблонов воспринимается мозгом быстрее: предложения, содержащие идиомы и устойчивые сочетания, обрабатывались испытуемыми быстрее, нежели предложения, требовавшие «пословной» обработки [13].

Формулы как часть «социального контракта» [3; пер. авт.] изучаются прагматикой; речевые

шаблоны в этом случае – это часто формулы вежливости, функционирование которых рассматривается в рамках разных теоретических подходов: теории речевых актов, теории вежливости/невежливости и теории дискурса. Согласно исследованиям в области прагматики, как отмечает Bardovi-Harlig, использование формул в прагматических целях – это не только формальная условность, но и «маркировка» социальной, культурной принадлежности человека.

В рамках теории социализации языка изучаются единицы языка (отдельные слова, фразы или цепочки слов), периодически повторяющиеся в речевом общении; они играют решающую роль в приобщении новичков к социальным институтам разного уровня [4. С. 173]. **Исследователи, работающие** в рамках данного направления, сосредотачивают свое внимание на приемах и способах овладения так называемыми *lexical chunks* (одно слово, фиксированное выражение или цепочка из нескольких слов, часто повторяющихся и индицирующих социокультурные значения) посредством участия в специально организованных социокультурных видах деятельности в разных культурах и социальных окружениях носителями языка (как живущими в своем родном культурном окружении, так в другой стране) и людьми, изучающими иностранный язык, а также на том, как они в реальности применяют усвоенные шаблонные единицы (согласно исследованиям Song и Reynolds, **те, кто изучает язык, не всегда пассивно** воспринимают его нормы, но могут и активно преобразовывать социокультурные ситуации его применения, например, отказываясь использовать шаблонные выражения, чтобы избежать приписываемых им социокультурных значений, или использовать их иначе, создавая таким образом новую ситуацию и бросая вызов окружению [9; 10]). По мнению Kulick и Schieffelin, в процессе изучения языка «люди учатся, как думать, чувствовать и действовать в соответствии с ценностями, идеологиями и традициями общества или социальных групп. Так изучение языка идет рука об руку с овладением спецификой культуры» [цит. по: 4. С. 175].

Как и в любом развивающемся направлении исследований, многие вопросы и положения являются дискуссионными и спорными. Как отмечает Alison Wray, одно из противоречий наблюдается в следующем. Общим положением относительно языка шаблонов является то, что к formulaic language относятся сочетания, характеризующиеся высокой частотностью в речи, что в процессе освоения родного языка и приводит к повторяемости их детьми и дальнейшему закреп-

плению и легкому воспроизведению в речи. В то же время некоторые авторы относят к языку шаблонов идиомы и строят свои исследования именно на их основе, несмотря на то, что идиомы далеко не частотны в речи [14. С. 240].

Кроме того, в случае с дефиницией самого термина неясны критерии отнесенности фразы к шаблонной или нешаблонной. В одних статьях авторы говорят о идиомах [5], о формулах вежливости [6; 12], тогда как в других о грамматически неделимых конструкциях, перерастающих в семантические единства [2; 7]. F. Coulmas определяет речевые формулы как «условные устойчивые выражения, употребление которых привязано к стандартным коммуникативным ситуациям» (пер. авт.) [цит. по: 3. С. 207]; данное определение характерно для прагматики, в которой, как упоминалось выше, к формулам часто относят ситуативные этикетные высказывания ('Nice to meet you, X looks really+adj, Great job' и т. д.), а также «специфические последовательности слов» ('you know, how are you going?, can I leave a message?') [3. С. 209].

К. Bardovi-Harlig отмечает, что определение шаблонов зависит от цели исследования, т. к. в некоторых работах заранее известно, что такое шаблон, и автор целенаправленно работает с конкретными единицами, тогда как в других случаях исследователь ищет эти единицы в потоке речи [3. С. 210].

В этой связи нельзя не вспомнить следующее определение, приводимое Рональдом Лангакером в его книге "Foundations of Cognitive Grammar", изданной в 1987 г.: "A unit is a structure that a speaker has mastered quite thoroughly, to the extent that he can employ it in largely automatic fashion, without having to focus his attention specifically on its individual parts or their arrangement. <...> a unit constitutes for the speaker a "prepackaged assembly"; because he has no need to reflect on how to put it together, he can manipulate it with ease as a unitary entity." [8. С. 57; выделено авт. ст.] ((Лингвистическая) единица – это структура, которой человек овладел в совершенстве, настолько, что он может использовать ее автоматически, не фокусируя внимание на ее отдельных компонентах. <...> (лингвистическая) единица является для человека «заранее собранной конструкцией»; поскольку ему не нужно раздумывать, как собрать вместе ее части, он может с легкостью манипулировать ею как единым целым. Пер. авт.) Нетрудно заметить, что, фактически, это то же самое, что formulaic language для психолингвиста, только у основателя когнитивной лингвистики Рональда Лангакера предмет нашего внимания называется "unit".

Достаточно критична относительно определенности самого предмета (formulaic language) исследования Alison Wray, когда сравнивает его со слонем, которого описывают незрячие люди: общее представление о слоне будет получено, однако слепые не знают, что они описывают один и тот же предмет, поскольку не видят его; более того, слепые не знают, сколько слонов в комнате [14. С. 239].

Итак, в результате анализа публикаций, посвященных языку шаблонов за последние годы, мы столкнулись, во-первых, с тем, что данная тема интересует все больше лингвистов разных направлений, что и обуславливает некоторую разницу в формулировке определения formulaic language. Было замечено, что этот же феномен имеет разные наименования в трудах разных исследователей: formulaic language, conventional expressions, lexical chunks. Несмотря на имеющиеся на сегодняшний день расхождения в определениях и подходах к изучению, представляется возможным выделить общее, что характеризует язык шаблонов во всех проанализированных работах:

- к языку шаблонов могут быть отнесены сочетания из двух или более слов;
- каждое шаблонное выражение передает единую, неделимую на компоненты мысль;
- шаблонные выражения воспринимаются (обрабатываются) мозгом быстрее, чем отдельные слова (это касается тех, для кого язык является родным, либо тех, кто владеет им на высоком уровне);
- шаблонные выражения ввиду скорости их ментальной обработки имеют высокую коммуникативную значимость.

Ввиду вышеуказанного предлагаем определить язык шаблонов как неделимые последовательности двух или более слов, имеющие высокую коммуникативную значимость, передающие единое самостоятельное значение, не являющееся суммой значений входящих в него слов.

Список литературы

1. Bannard, C. Formulaic Language in L1 Acquisition / C. Bannard, E. Lieven // Annual Review of Applied Linguistics. 2012. Vol. 32. P. 3–16.
2. Bannard, C. Stored word sequences in language learning: The effect of familiarity on children's repetition of four-word combinations / C. Bannard, D. Matthews // Psychological science. 2008. Vol. 19. P. 241–248.
3. Bardovi-Harlig, K. Formulas, Routines and Conventional Expressions in Pragmatics Research [Internet resource] // Annual Review of Applied Linguistics. 2012. Vol. 32. P. 206–227.

4. Burdelski, M. Formulaic Language in Language Socialization / M. Burdelski, H. M. Cook // Annual Review of Applied Linguistics. 2012. Vol. 32. P. 173–188.
5. Conklin, K. The Processing of Formulaic language / K. Conklin, N. Schmitt // Annual Review of Applied Linguistics. 2012. Vol. 32. P. 45–61.
6. Culper, J. Conventional Impoliteness formula // Journ. of Pragmatics. 2010. Vol. 42. P. 3232–3245.
7. Kirjavainen, M. Productivity of a Polish child's inflectional noun morphology : a naturalistic study / M. Kirjavainen, E. Lieven, A. Theakston // Morphology. 2012. Vol. 22 (1). P. 9–34.
8. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1987.
9. Reynolds, J. F. "Buenos días/((military salute))" : The natural history of a coined insult // Research on Language and Social Interaction. 2007. Vol. 40. P. 437–465.
10. Song, J. Bilingual creativity and self-negotiation : Korean American children's language socialization into Korean address terms // Beyond yellow English : Toward a linguistic anthropology of Asian Pacific America / ed. Reyes & A. Lo. Oxford, UK : Oxford Univ. Press, 2009. P. 213–232.
11. Stoll, S. Lexically restricted utterances in Russian, German, and English child directed speech / S. Stoll, K. Abbot-Smith, E. Lieven // Cognitive Science. 2009. Vol. 33. P. 75–103.
12. Terkourafi, M. Politeness and formulaicity : Evidence from Cypriot Greek // Journ. of Greek Linguistics. 2002. Vol. 3. P. 179–201.
13. Tremblay, A. Processing advantages of lexical bundles : Evidence from self-paced reading and sentence recall tasks / A. Tremblay, B. Derwing, G. Libben, C. Westbury // Language Learning. 2011. Vol. 61. P. 569–613.
14. Wray, A. What Do We (Think We) Know About Formulaic Language? An Evaluation of the Current State of Play // Annual Review of Applied Linguistics. 2012. Vol. 32. P. 231–254.

Е. В. Семенова, И. В. Фирсова (Горловка, Украина)

НЕВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

There exist both verbal and non-verbal means to express an idea. Non-verbal communication is closely connected with the forms of the natural language. Paralinguistic means of communication, loudness and pitch of voice, intonation and mode of speech, in particular, deserve a thorough consideration. Besides the verbal expression of the proxeme sphere, linguists should also pay attention to the non-verbal means of representation.

Keywords: space, proxemic, paralinguistics, non-verbal means, prosody, pause.

В современном мире внимание лингвистов направлено на содержательную сторону языка. Это можно объяснить тем, что без глубокого изучения его семантической стороны не будет полного понимания закономерностей функционирования языка, его развития. Не понимая природы языка, сложно объяснить его связь с мышлением и поведением людей, особенности отображения окружающей действительности в нем. И. А. Бодуэн де Куртенэ считал, что «отдельные науки составляют только часть одной общей науки <...> конечная цель которой – узнать действительность во всех её проявлениях» [1. С. 19]. Лингвистика не является исключением.

Язык отражает великое множество соответствующих объективных отношений.

По мнению Р. А. Будагова, «любой национальный язык – это не только определённая система обозначений, но и результат своеобразного отражения действительности» [2. С. 409].

Наряду с вербальными (языковыми) средствами выражения мысли существуют и невербальные способы его отображения. Невербальная коммуникация непосредственно связана с формами естественного языка, более того, она не может существовать вне этих форм. Но с другой стороны, невербальные средства выражения – совершенно иная материя, которая может существовать независимо от естественного языка.

Мы не будем подвергать сомнению традиционную точку зрения о тесной взаимосвязи языка и мышления. Г. В. Колшанский утверждает, что

идеальность мышления означает его вторичность, но отнюдь не нематериальность и не несуществование; именно его материальное существование есть не что иное как существование знаковое. Следовательно, любая развитая знаковая система может рассматриваться как мыслящий субъект, т. е. субъект, имеющий ту или иную степень интеллектуальной автономности. Вот что он думает по данному вопросу: «...все мыслительные операции <...> проходят на понятийном уровне», что свидетельствует об их знаковом характере [3. С. 21].

Можно допустить, что подобная связь возможна и между невербальными средствами коммуникации и мышлением. Конечно, речь не идет о полной аналогии подходов к решению вопросов о связи языка и мышления, мышления и невербальных средств коммуникации.

Чем интереснее проблема, тем она требует более детального и углубленного изучения. Например, В. З. Панфилов пишет, что «любая знаковая система, с одной стороны, и мышление – с другой, есть противоречивое единство при определяющей роли мышления. Различные знаковые системы, разные уровни этих систем имеют неодинаковый характер соотношения с мышлением. Чем организационно проще знаковая система, тем более отдаленной является связь соответствующих знаковых явлений с мышлением и тем большей будет степень самостоятельности соответствующих подсистем. А как совместимость с положением о единстве языка и мышления то обстоятельство, что мышление имеет общечеловеческий характер, а язык – национальный?» [6. С. 3]. Национальная составляющая, о которой говорит ученый, указывает на необходимость еще большей дифференциации знаковых систем (в частности – языка и невербальных средств выражения смысла). Как и естественный язык, невербальные средства коммуникации имеют ярко выраженный «национальный» характер. Очевидна необходимость дальнейшего изучения вопроса о реализации тройственной связи мышления, языка и невербальных средств выражения смысла.

При рассмотрении данного вопроса следует обратить внимание на работу Л. С. Выготского «Мышление и речь», в которой ученый указывает на различные корни происхождения мышления и речи.

Ясно одно, что смысловое содержание, выраженное в процессе невербальной коммуникации, – не просто набор невербальных знаковых единиц, так как традиционный невербальный знак не может нести на себе нагрузку оттенков смысла. В данном случае невербальный знак

наполнен смыслом. Возможно даже, что за ним стоит подтекст. Реализация невербального знака зависит от его понимания. Несовпадение содержательной стороны любых проявлений, используемых в момент невербальной коммуникации, ведет к тому, что мышление всегда имеет возможность выйти за пределы их содержания и создает условия для воздействия мышления на содержательную сторону элементов невербальной коммуникации. Основной принцип содержания невербального проявления относится именно к физическому сообщению, так как значения конкретных знаков часто меняют свое содержание в связи с появлением подтекста.

Нас окружает огромное количество физических тел, которые взаимодействуют друг с другом во времени и пространстве, и все эти отношения отражены в языке. А. С. Мельничук считает, что «посредством языка как орудия общения в сознании говорящих отражаются предметы и явления материального мира в неотрывном единстве с категориями пространства и времени» [4. С. 606–607].

Пространство, пространственные отношения, пространственное поведение, все это является неотъемлемой частью окружающей нас действительности, более того, частью понятийной картины мира каждого индивида. Пространственные отношения как объективная характеристика мышления находят различные проявления в языке, как вербальные, так и невербальные, и заслуживают особого внимания в лингвистическом исследовании. В этой работе нас интересует невербальное выражение данной категории.

Использование пространства на межличностном уровне, пространственное поведение как часть коммуникативного поведения и как культурный феномен включается в понятие проксемики – науки, название которой дал американский ученый Э. Холл и которая происходит от английского слова ‘proximity’ (близость). Проксемика занимается исследованием построения человеком микропространства и организацией макропространства [8. С. 1022]. В обществе люди оценивают поведение других людей по степени близости расположения к ним. В этом случае человек использует пространство как особое достижение культуры [7. С. 132].

Человек живет в обществе, следовательно, не стоит забывать о взаимодействии языка и общества. В процессе общения у каждого из говорящих есть своя роль. Общество формирует некие формы поведения при установлении и поддержании контакта с собеседником и требует от носителей языка соблюдения этих правил.

Человек устанавливает определенные пространственные ограничения в отношениях с другими людьми. В процессе развития общества были определены дистанции, которые характеризуют отношения между людьми. Дистанция между участниками общения в значительной мере зависит от национально-культурных особенностей страны. Э. Холл выделил следующие типичные дистанции общения: 1) интимная дистанция, 2) персональная дистанция, 3) социальная дистанция, 4) публичная дистанция [9. С. 48].

Рассмотрим, как проксемию поведение выражено невербальными средствами коммуникации, а именно фонетическими (тональный рисунок, тембр, интенсивность, темп, пауза). Так, по мнению Э. Холла, для коммуникативных дистанций существуют определенные нормы громкости голоса. На интимной дистанции, как правило, используется тихий голос или шепот, в то время как на личной дистанции поддерживается средняя громкость голоса. При этом следует учитывать относительность данного понятия, его зависимость от личностных, социальных и национальных особенностей говорящих [10. С. 121].

Для определения роли, которую выполняют фонетические компоненты в проксемию поведении, было проведено экспериментально-фонетическое исследование с помощью информантного и аудиторского методов анализа. Экспериментальным материалом данного исследования послужили квазиспонтанные лекции в дидактической сфере в исполнении 3 лекторов, произношение которых соответствует литературной норме французского языка, и спонтанные диалогические высказывания в деловой сфере.

Для проведения информантного анализа были привлечены как носители языка – преподаватели, магистры, стажеры из Франции, так и преподаватели кафедры французской филологии ГИИЯ ГВУЗ «ДГПУ». Информанты работали с письменными текстами лекций и диалогических единств.

Аудиторский анализ проводился в два этапа. На первом этапе анализ выполнялся группой аудиторов, в которую вошли носители французского языка, имеющие филологическую подготовку и практику аудирования устных текстов. На втором этапе аудиторского анализа перед квалифицированными преподавателями было поставлено задание установить направление движения мелодического контура, определить интенсивность и тембральную окраску произношения, выделить паузальные границы интонационно-смысловых единиц разной степени сложности.

В результате анализа мы пришли к выводу, что в устных монологических высказываниях

лекции преобладает нисходящий терминальный тон (*intonème de finalité*), что свидетельствует о достаточно высокой степени эмоциональности лектора, сдержанности академического стиля общения, весомости высказываний. Например, ‘Mais en revanche ↑/ on s’est donc aperçu que ↑/ c’est qu’à partir de 1995↑ / on a l’impression ↑/ que la température est vraiment en train de monter ↑/ alors que toutes les indications du soleil et du champ magnétique descendent↓//’ Что касается пауз, была установлена частотность употребления абсолютных темпоральных пауз, структурно-смысловых квазипауз и психологических квазипауз. Паузы хезитации имеют окказиональный характер, что свидетельствует о подготовленном характере лекций, которые вошли в экспериментальный корпус. Темпо-ритмическая организация монологических высказываний определяется их прагматичностью. Лекционный регистр характеризуется ритмической размеренностью и четкостью звучания.

Коммуникативная интенция лектора определяет грамматико-синтаксическую и просодическую структуру высказываний. Особенности просодической архитектоники проявляются в использовании нисходящей интонации, четкой ритмической организации, использовании пауз различных видов и продолжительности, вариативности темпа речи.

Просодическое оформление спонтанных диалогических высказываний деловой сферы напрямую зависит от степени отношений. Так, например, восходящая коммуникация характеризуется заискивающей тональностью звучания голоса, придыхательной тембральной окраской голоса, низким регистром голоса, восходяще-нисходяще-восходящим тоном, низким, спокойным уровнем интенсивности. Например, ‘Pourrais-je ↑/ avoir l’autorisation / de la vente de vos produits? // ↑ (intonème de question)’

4 _____-je _____
 -rrais
 3 Pou- _____ a- _____
 -voir _____ -duits?
 l’au-
 -to-
 -ri-
 -sa-
 -tion
 de
 la
 vente
 de
 vos
 2 _____ pro- _____
 1 _____

Нисходящей коммуникации свойственна авторитарная тональность звучания голоса, жесткая или металлическая тембральная голосовая атака, верхний регистр голоса, монотонный мелодический рисунок, ровный, высокий уровень интенсивности. Например, 'Préparez / ce rapport / pour demain! //↓ (intonème de commendement)'

4 Pré-
-pa
-rez
ce
3 ra-
-pport
2 pour
de-
1 -main

Дружеской коммуникации характерна непри-
нужденная тональность, мягкая или бархатная
тембральная окраска, низкий регистр голоса,
плавный переход уровня интенсивности. Напри-
мер, 'Bruno, / reux-tu me prêter / ta calculette? //↑
(intonème de paranthèse basse et de question)'

4 -tu
3 reux- me
prê- -lette?
-ter
ta
cal-
2 -cu
1 Bruno

Таким образом, видно, что паралингвисти-
ческие средства коммуникации, а именно гром-
кость, высота голоса, интонация, режим речи за-
служивают детального изучения. Приведенные
примеры показывают влияние квазипростран-
ства, темы беседы, личного отношения говоряще-

го к тому, что он произносит, его темперамента,
межличностного отношения всех участников на
просодическое оформление речи.

В дальнейшем можно рассматривать эту про-
блему в сопоставительном плане. Кроме вер-
бального выражения проксемию пространства,
из поля зрения лингвистов не должны ускользнуть
его невербальные способы репрезентации.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М. : Изд-во акад. наук СССР, 1961.
2. Будагов, Р. А. О предмете языкознания // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Т. XXXI. Вып. 5. М., 1972. С. 401–412.
3. Колшанский, Г. В. О вербальности мышления // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. № 1. С. 21.
4. Мельничук, А. С. Язык и мышление // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1990. С. 606–607.
5. Падучева, Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. М. : Рус. слов., 1996. С. 5–32.
6. Панфилов, В. З. Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971. С. 3.
7. Карасик, В. И. Язык социального статуса. М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.
8. Hall, E. A system for the notation of proxemic behavior // American Anthropologist. 1963. No. 65. P. 1003–1026.
9. Hall, E. Silent assumptions in social communication // Disorders of Communication. 1964. No. 42. P. 41–55.
10. Hall, E. The Hidden Dimension. N. Y. : Anchor Books, 1966. P. 120–128.

Л. Г. Тупчиенко-Кадырова (Кировоград, Украина)

НЕКОТОРЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТОВ

A text's structure of letters from Soviet poet Mikhail Isakovskiy to composer Yuliy Meytus shows the specificity of the creative relationship between them, it concerns the translation and edition of the opera's libretto. Their details are translation, request to explain of certain words, planning a joint edition of the translation, the reasons for consent to do the translation, rejection of the proposal to write the lyrics for the film or to translate poems, edition of the translation libretto and versions of translation.

Keywords: Yuliy Meytus, translation of the libretto, correspondence, structural analyses.

Письма известных деятелей культуры часто содержат интересную информацию о бытовой, профессиональной, творческой, общественной жизни участников переписки и в этом смысле являются ценными историческими источниками.

Средства описания и поиска полнотекстовой информации этих нарративных документов следует, на наш взгляд, развивать за счет разнообразия аспектов, представленных в информационно-поисковой системе. Для этого целесообразно, на наш взгляд, проводить структуризацию их текстов, т. е. выделять структурные элементы (СЭ) и вписывать их в контекст культуры [15. С. 335–339].

В данном случае нами представлены несколько писем поэта М. В. Исаковского к композитору Ю. С. Мейтусу. Их связывали творческие отношения, о которых подробнее говорится в комментариях к первому письму.

Хронологические рамки писем: 9 июня 1949 г. – 28 июля 1970 г.

Одно письмо (№ 4) послужило примером для полного структурного анализа, где СЭ выделены курсивом, а за ними следуют соответствующие текстовые фрагменты. Названия СЭ пишутся с большой буквы. После текстов всех писем приводится список обобщенных СЭ, которые могут служить поисковыми признаками, в круглых скобках дается их детализация. В них не приводятся те СЭ, которые повторяются в каждом документе и которые относятся к формальной, а не к содержательной структуре, такие как Автор (ФИО); Адресат (ФИО); Оценка отношения к адресату и Обращение; Связь с предыдущими письмами (переписка); Оценка отношения к адресату и подпись; Дата написания.

В конце статьи приведены также обобщенные данные: общий список СЭ и те из них, которые являются специфическими для творческих отношений субъектов переписки.

№ 1

Исаковский М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу 9 июня 1949 г. [2. С. 1].

Бумага пожелтела. Подпись сделана черными чернилами.

Текст. «Дорогой Юлий Сергеевич[!] Либретто я получил. Вы очень хорошо сделали[,] что расставили ударения. Это значительно облегчит мою работу. Договор на перевод я уже подписал[,] так что все в порядке. Теперь у меня к Вам такая просьба. Я посылаю Вам список слов и выражений[,] которые требуют некоторого объяснения (я выписал их в том виде как они стоят в либретто[,] т. е. в тех же падежах, наклонениях и пр.). Конечно, все эти слова и выражения мне так или иначе известны. О значении многих из них я могу

догадаться по смыслу. Однако, я хотел бы иметь совершенно точные объяснения, чтобы быть уверенным в том[,] что я не впадаю в ошибку. Я буду Вам очень благодарен, если Вы или Андрей Самойлович [Малышко] пришлете мне эти объяснения. В процессе перевода у меня к Вам, вероятно, будут некоторые вопросы[,] но это уже потом. Желаю Вам всего лучшего. Передайте от меня привет Андрею Самойловичу[,] Ваш М. Исаковский 9 июня 1949 г.»

СЭ: События творческой жизни (перевод либретто, оформление договора на перевод, просьба прислать объяснения некоторых слов).

Автор писем – Михаил Васильевич Исаковский (1900–1973) – русский советский поэт, лауреат двух Сталинских (Государственных) премий первой степени (1943, 1949) [14]. Адресат писем – Юлий Сергеевич Мейтус (1903–1997) – украинский советский композитор, заслуженный деятель Туркменской ССР и народный артист Украины, лауреат Сталинской (Государственной) премии СССР (1951 г.) за оперу «Молодая гвардия», лауреат государственной премии Украины им. Т. Г. Шевченко (1991 г.) [13].

Исаковский перевел с украинского языка на русский либретто оперы Мейтуса «Молодая гвардия», написанное украинским советским поэтом Андреем Самойловичем Малышко; в первой редакции опера была поставлена в 1947 г. в Киевском театре оперы и балета им. Т. Г. Шевченко, во второй – в 1950 г. на сцене Ленинградского малого оперного театра (в апреле [1. С. 126]) и Донецком театре оперы и балета [11. С. 5]. Композитор ранее – в 1937 г. – уже обращался к творчеству поэта и написал романс «В двенадцатый день декабря», изданный в том же году [12. С. 1].

№ 2

Исаковский М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу 26 июня 1949 г. [2. С. 2–3].

Имеется пометка Мейтуса: «1. 7.49» – так обычно он указывал дату ответного письма.

Текст. «Дорогой Юлий Сергеевич, очень благодарен Вам за Ваше письмо, а также за присланные мне объяснения украинских слов и выражений. Случилось так, что к переводу либретто оперы «Молодая гвардия» я смог приступить гораздо раньше, чем предполагал. Я работаю над переводом уже около двух недель. Для окончания перевода мне понадобится еще недели 2–3. Как это ни странно, но оказалось, что труднее всего переводить те места либретто, которые написаны прозой, а не стихами. Если в стихах ритм совершенно ясен, ясно также и то, что в основном ритм музыки совпадает со стиховторно[ы]м ритмом, то в прозе приходится буквально примерять каждое

слово – подойдет ли оно для музыки или нет. А так как музыки я не знаю и должен пользоваться лишь теми ударениями, которые Вы поставили на каждом слове, то тут у меня возможны ошибки. Но я полагаю[,] что все это удастся легко выправить тогда, когда Вы приедете в Москву[.] И мы вместе, фразу за фразой, проверим – насколько текст ложится на музыку. Некоторые вопросы к Вам у меня есть. Но я думаю, что сейчас нет смысла задавать их. Их опять таки их легче всего разрешить при личной встрече. Как только я закончу работу, я Вам напишу. До полного согласования перевода с Вами я его в Комитет искусств сдавать не буду. Большой Вам привет и самые лучшие пожелания. Ваш М. Исаковский».

СЭ: События творческой жизни (перевод либретто, трудности перевода, планирование совместной редакции перевода); Сдача перевода в Комитет искусств; Учреждение (Комитет по делам искусств).

№ 3

Исаковский М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу 3 июля 1949 г. [2. С. 4–5].

Подпись сделана черными чернилами.

Текст. «Дорогой Юлий Сергеевич я посылаю это письмо по Вашему киевскому адресу, хотя знаю, что Вы еще находитесь в Гаграх. Пусть лучше письмо постоит в Киеве до Вашего приезда, нежели придет в Гагры, когда Вы оттуда уже уедете. Я хочу сказать Вам, что перевод на русский язык либретто оперы «Молодая гвардия» сегодня закончен. Мне удалось начать работу по переводу раньше намечавшегося срока. Поэтому и закончил я раньше. До Вашего приезда в Москву я не собираюсь сдавать свой перевод в Комитет по делам искусства, что обязан сделать по договору. Мне кажется, что сначала нужно привести либретто в такой вид, чтобы слова вполне ложились на музыку. У меня в этом смысле, вероятно, есть промахи, т. к. переводил я, не зная музыки и лишь пользуясь теми ударениями в словах, которые Вы поставили в словах на оригинале. Вероятно, мне вместе с Вами придется поработать день-другой, чтобы внести необходимые поправки, которых может потребовать музыка. Поэтому я жду Вашего приезда в Москву. Хочу просить Вас, чтобы о дне приезда в Москву Вы известили меня дня за три – за четыре. Это необходимо по той причине, что я сейчас живу не в Москве, а на даче, в Москве же бываю раз-два в неделю. Поэтому мне нужно заранее иметь Ваше уведомление, чтобы знать, когда приехать для встречи с Вами. Уведомление Вы мне пришлите по московскому адресу, т.к. мой дачный адрес очень ненадежен: сюда, например, из Москвы телеграмма идет дней десять и далеко

не всякая доходит. Если же я почему-либо не получу вовремя Вашего извещения о дне приезда и, таким образом, не буду в Москве в нужный срок, то на этот крайний случай сообщаю Вам адрес своей дачи. Ехать надо по Киевской железной дороге (из Киевского вокзала) до станции Внуково (это 23 км от Москвы). Здесь спросить дачный поселок «Московский писатель», а в поселке – мою дачу. Более точных координаты сообщить не могу, т.к. их нет. Если же во Внуково поехать на машине, то надо ехать по Минскому шоссе до 27-го км. На 27 км свернуть влево на ту же станцию Внуково. Причем на машине можно ехать только в сухую погоду, т.к. дорога от минского шоссе до дачного поселка (ее всего километра два) скверная, в дожди по ней проехать или трудно или просто невозможно. Но все эти «дачные сведения» я даю Вам лишь на самый крайний случай. Я надеюсь, что они Вам не потребуются, что Вам не придется блуждать в поисках меня. Итак, я жду Вашего письма или телеграммы. Предполагаю, что это будет во второй половине июля. Впрочем, когда Вам удобно, тогда и приезжайте. Для меня срок не играет роли. Желаю Вам всего лучшего. Привет Андрею Самойловичу М. Исаковский Внуково, 3 июля 1949 г.». [Далее – автор напомнил свой московский адрес].

СЭ: События творческой жизни (перевод либретто, планирование совместной редакции перевода); Дачный поселок «Московский писатель»; Описание проезда до дачного поселка на машине; Сдача перевода в Комитет искусств; Учреждение (Комитет по делам искусств).

№ 4

Исаковский М. В. Письмо к Ю. С. Мейтуса 10 июля 1949 г. [3].

Структурный анализ документной информации Адресат (ФИО): «Юлию Сергеевичу Мейтусу». *Адрес:* «Киев, 2, Владимирская, 14, кв. 8». *Автор:* Исаковский Михаил Васильевич

Оценка отношения к адресату и Обращение: «Дорогой Юлий Сергеевич!» *Связь с предыдущими письмами (переписка):* «Я получил сегодня (10-го июля) два письма от Вашего отца, которые мне показались, по меньшей мере, странными. (Письма эти, очевидно, являются ответом на мое письмо, которое я в начале месяца послал на Ваше имя и которое должно Вас ожидать в Киеве.)». *События будущие (планы) и Просьба выполнить определенные действия:* «Ваш отец мне пишет, что после возвращения из Гагр Вы вряд ли сможете приехать в Москву и что поэтому я должен немедленно послать Вам перевод либретто в Киев, где Вы и проверите – совпадают ли слова перевода с музыкой, что Вы, мол, для

того и ставили ударения над каждым словом, чтобы я мог и без музыки сделать точный перевод, что вообще в Москву Вам ехать незачем и т. п.». *Персона*: [Самуил] Мейтус, отец Мейтуса Ю. С. *Событие и Место пребывания адресата*: Гагры ([Россия]) Киев. *Место будущего пребывания*: Москва. *Причины отказа выполнить просьбу*: «Я, разумеется, в любое время мог бы отправить Вам либретто и если не делаю этого, то вот почему: 1. Если мы будем проверять либретто вместе с Вами, то, вероятно, все неточности или, по крайней мере, большинство их можно будет устранить тут же сразу. Если же Вы проверять будете один, то Вам потом придется о каждой неточности подробно написать мне – в чем именно она выражается. Но так как Вашей музыки я все же не буду знать, то легко может случиться так, что исправляя одну неточность, я допущу другую. Ведь ударения на словах – это одно, а живая музыка все таки несколько другое». *Оценка трудностей перевода слов к музыкальному произведению и Оценка приоритета музыки*: «Ведь ударения на словах – это одно, а живая музыка все таки несколько другое». *Предсказания отрицательных последствий выполнения просьбы в письме адресанта*: «Таким образом выходит, что если мы заочно с Вами будем вести переговоры о неточностях, то дело это очень затянется в то время, как при личном свидании все можно сделать в самые короткие сроки». *Причины отказа выполнить просьбу (продолжение после пункта 1.) И Помощь причины происшествия*: «2. Я взялся переводить либретто потому, что меня просили об этом Вы и Андрей Самойлович, а также потому, что опера Ваша написана по произведению, которое я очень люблю и ценю. Никакие другие соображения, в том числе и денежные, в мои расчеты не входили». *Персона*: Андрей Самойлович [Мальшко, автор либретто оперы «Молодая гвардия»]. *Оценка отношения [литературного] произведения*: «опера Ваша написана по произведению [Молодая гвардия, автор А. Фадеев], которое я очень люблю и ценю». *Произведение*: Молодая гвардия, [роман, автор – А. Фадеев]. *События и Процедуры, связанные с переводом*: «Однако, в данном случае мой перевод должны, что называется, утвердить не только Вы, но и Комитет по делам искусств, т. к., рассуждая официально, я делал перевод именно по поручению Комитета по делам искусств, с которым и вступил на этот счет в договорные отношения». *Учреждение, которое упоминается*: Комитет по делам искусств. *Событие в будущем – последствия данной ситуации*: «Теперь предположите такую ситуацию. Я, как о том просит Ваш отец, посылаю Вам либретто,

а другой экземпляр его сдаю, как и должен поступить по договору, в Комитет искусств. Но при этом Вы ведь не можете отправить неутвержденный экземпляр перевода в Ленинград, в оперный театр, который ставит Вашу «Молодую гвардию». А Комитет не сможет утвердить перевода, не зная – совпадают ли слова с музыкой. В таком случае Комитет, по всей вероятности, должен будет пригласить Вас в Москву, чтобы прослушать оперу с русским текстом». *Города, которые упоминаются*: Ленинград (Санкт-Петербург), Москва. *Заведение*: Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова (ныне – Государственный академический Мариинский театр). *Произведение*: Молодая гвардия, опера (Мейтус Ю. С., автор музыки). *Итог высказывания причин и преимуществ предварительной договоренности*: «Вот почему я думаю, что наша с Вами прежняя договоренность о том, что Вы приедете в Москву, чтобы все с начала до конца проверить вместе со мной, должна остаться в силе. При таком варианте все можно сделать гораздо быстрее, без всяких проволочек». *Предложение*: «Впрочем, если Ваши намерения по каким-либо причинам изменились, то я прошу – дайте мне только знать и я поступлю с переводом либретто так, как Вам будет казаться удобней». *Пожелание*: «Желаю Вам всего самого лучшего». *Ожидания и Связь с предстоящим событием (письмом-ответом)*: «Жду Вашего ответа». *Оценка отношения к адресату и Подпись*: «Ваш М[ихаил]. Исаковский». *Место и Дата написания письма*: «Внуково, 10 июля 1949».

СЭ: События творческой жизни (планирование совместной редакции перевода, причины согласия сделать перевод); Оценка произведения («Молодая гвардия» А. Фадеева); Договорные отношения с Комитетом искусств; Учреждение (Комитет по делам искусств).

№ 5

Исаковский М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу
2 января 1950 г. [4].

Текст. «Дорогой Юлий Сергеевич! В конце декабря я переехал на другую квартиру. Поэтому Вы и не могли дозвониться мне, когда были в Москве – в старой квартире никого не было и никто Вам не мог ответить. Открытка Ваша попала ко мне лишь 1=[перво]го января и, таким образом, я узнал о радиопередаче монтажа «Молодой гвардии» с большим опозданием, о чем крайне сожалею. Мой новый адрес такой: Москва, улица Горького, хх, кв. хх. (Телефона у меня пока нет). Ваш М. Исаковский 2 янв.[аря] 1950».

СЭ: События личной жизни; События творческой жизни (исполнение по радио оперы «Молодая гвардия»).

№ 6

Исаковский М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу
7 октября 1950 г. [5].

Текстовые фрагменты. «Дорогой Юлий Сергеевич! Я, к сожалению, никак не могу принять Вашего предложения – написать слова песен для кинофильма о моряках-подводниках. У меня очень тяжелое положение дома. <...>. Мне то и [вместе] дело приходится возиться с докторами, с медицинскими сестрами, не спать ночами и пр. и т. п. В виду всего этого, я совершенно выбился из колеи, можно сказать, изнемог и не в состоянии сейчас взять на себя сколько-нибудь серьезную работу. Кроме того, я совсем не уверен, что в ближайшее время может наступить какое-либо просветление для меня (я знаю это по прежнему печальному опыту) и, таким образом, не в состоянии пообещать Вам, что смогу приняться за песни хотя бы, скажем, через месяц или два. Прошу простить меня, что так получается, но я ничего не могу поделать. Передайте мой самый искренний привет Александре Ивановне. 7 окт[ября]. 1950 Ваш М[ихаил]. Исаковский».

СЭ: События творческой жизни (отказ от предложения написать слова песен к кинофильму); События личной жизни.

№ 7

Исаковский М.В. Письмо к Ю.С. Мейтусу
31 января 1961 г. [10].

Напечатано на бумаге белого цвета.

Текст. «Дорогой Юлий Сергеевич получил Ваше письмо Я, разумеется, с большой охотой перевел [бы] стихи, которые Вы мне прислали, тем более, что это стихи А.С. Малышко, которого я очень ценю и люблю. Но, как это ни грустно, сейчас я не в состоянии взяться за это дело. У меня очень неважно со здоровьем – главное же плохо со зрением. И я вообще пока не могу ничем заниматься. Отложить же это дело нельзя во-первых, [потому] что Вам перевод нужен, очевидно, срочно. Во-вторых, я и сам не знаю, когда я «прийду в себя», когда смогу хоть немного работать. Положение, таким образом, получается неопределенным. Прошу простить меня за этот невольный отказ. Передайте мой самый искренний привет Александре Ивановне. 31 января 1961 г. Ваш Исаковский»

P.S. Если у Вас нет других переводчиков, то, с Вашего согласия, я мог [бы] переговорить с двумя своими знакомыми (они хорошие переводчики и многое переводили с украинского, один из них переводил и Андрея Самойловича). Думаю, что если не один, то другой переведут стихи.

СЭ: События творческой жизни (отказ от предложения сделать перевод стихов, предложение

переговорить с возможными переводчиками); События личной жизни.

№ 8

Исаковский М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу
28 июля 1970 г. [6].

Текст. «Многоуважаемый Юлий Сергеевич! Я получил Ваше письмо. Приложив к нему соответствующие отрывки из либретто, Вы пишете, что в двух местах хорошо бы пересмотреть редакцию переводного текста либретто. Но какие это места, какие строки Вы имеете в виду, об этом у Вас не сказано. Можно было, конечно, сравнить присланные Вами отрывки с тем текстом, который имеется в первом издании клавира оперы. Но вся штука в том, что первого издания у меня под руками нет. Оно есть в Москве, а я в Москве буду нескоро. Я сделал поэтому так: пересмотрел оба присланные мне отрывки и поправил те места, которые, по моему мнению, нужно было поправить. Эти поправки я и посылаю Вам. Некоторые из них – в двух и более вариантах. Но, в общем-то, всё на полное Ваше усмотрение. Вы можете взять любую, можете отвергнуть все до одной. Рекомендовать Вам, какая поправка, по моему мнению, лучше, какая хуже, я не могу по той причине, что не знаю, какие варианты совпадают с музыкой, а какие нет. Может случится так что с поэтической точки зрения поправка хороша, но она плохо согласуется с музыкой. Значит, она не годится. Вот поэтому-то я и говорю: выбирайте сами. Конечно, я смог внести поправки лишь в русский текст либретто. Поправлять же украинский текст я, как Вы сами понимаете, не могу. И я оставил его таким, каким он есть. А теперь смотрите, что я могу предложить Вам.

I. Ария УЛИ. Она начинается словами: Сергей, скорее! – Пусть огонь святой

Испепелит проклятую ту биржу ...

Здесь мне показалось, что слово святой не нужно. Тут не должно быть такой высокопарности, хотя речь и идёт об огне /пожаре/, зажигаемом во имя Родины. И вот что я сделал спервоначалу. Можно переделать так: Сергей, скорей! – Пускай до тла сгорит, Пусть в пепел эта биржа превратится!

Варианты:

/Пусть эта биржа превратится в пепел/

/Пусть в пепел вражья биржа превратится/

Но сделав эти поправки, я заметил, что пропала рифма. В присланном Вами тексте слово «святой» рифмуется со словом «бой», а слово «биржу» – со словом «ненавижу».

Заметив эту свою оплошность, я переделал начало арии Ули так:

Сергей, скорей! – Пусть огонь сметёт, Испепелит проклятую ту биржу! О, как всем сердцем я их

ненавижу! Вся кровь кипит во мне и в бой зовёт.

Вариант: Сергей, скорее! – Пусть огонь сожжёт, Испепелит ту вражескую биржу!

2. Во втором четверостишии я почти всё оставил так, как было. На Ваше усмотрение могу предложить лишь следующее: «В ночи, как совы, замерли враги» – в этой строке я предлагаю заменить слово «замерли» словом «прячутся». А вот строку «Подстерегает смерть за каждым тыном» я бы переписал заново. Тут, конечно, не совсем хорошо то, что врагов подстерегает смерть «за каждым тыном». Почему «за тыном», а, например, не «за домом»? Почему не «за каждым углом»? Ну, и т. д. Кроме того, не сказано, кого подстерегает смерть / не поставлено местоимение/. Словом, я предлагаю сделать так: В ночи, как совы, прячутся враги, И смерть их всюду ждёт неумолимо.

[Нижеследующие три строки вставлены на поле с левого края, написано карандашом]

На всякий случай, можно так

И всюду ждет их смерть, неумолима (т.е. не «ждет неумолимо», а что сама она, смерть «неумолима»)

Вариант: / И гибель ждёт их всех неумолимо. /

Две следующие строчки: Взмахни, Сергей, крылом своим орлиным, Огнём ночное небо [три буквы зачёркнуты] подожги!

Вместо слова «подожги» я бы в последней строке поставил слово «обожги». Это будет лучше. Нелепо желать, чтобы Сергей поджёл небо. Речь ведь идёт о том, чтобы Сергей зажёл такой огонь, чтобы тот достал аж [«аж» вставлено] до неба, опалил небо, обжёл его.

3. В следующем четверостишии мне определённо не нравится одна строка, а именно: Чтобы не смел терзать их груди кат.

Это вроде «за каждым тыном». Почему «терзать грудь»? Кроме того, мне не нравится строка: «О, дай им, доля, мужества и силы». Конечно, можно сказать и так. Тут как будто всё на месте. Но я против «мужества». Бывает [зачёркнуто «конечно»], и женщин называют иногда мужественными, но всё же это получается как-то неловко с точки зрения языка: девушкам желают, чтобы они были мужественными! Короче, я предлагаю такую редакцию: Не уведут в полон они девчат – В тот край, где льются слёзы до могилы. О, дай им, доля, дай им столько силы, Чтобы над ними не глумился кат.

Варианты: / Чтоб не посмел терзать их подлый кат/.

4. Наконец, строфа, начинающаяся словами: «Цветы завяли, высохло жнивье». Может быть, это я так и перевёл. Но «высохло жнивье» – здесь ни к чему. Жнивье [зачёркнуто «оно»] незави-

симо от войны, независимо от врагов высохнет само собой. Потому говорить о «высохшем жнивье», как о символе беды, несчастья – вряд ли есть смысл. Из-за «жнивья» мне пришлось перестроить всё четверостишие. Получилось вот что: Там, где прошла орда солдат чумных, – На той земле цветы не расцветают. О, как же горько матери рыдают, – Пусть ваш огонь осушит слёзы их!

Варианты:

/ Где враг прошёл с ордой солдат своих/

/ Как горько наши матери рыдают /

Это всё, что касается арии Ули. Но вот одно замечание. Может, я тут и неправ, но ведь Уля всё время обращается к Сергею. Почему же в конце арии она говорит: Хай ваш вогонь утлшить тl жалl. / Пусть ваш огонь осушит слёзы их/

Почему огонь – «ваш»? Может, логичнее будет, если сказать «твой»?

5. Теперь относительно слов, которые поёт Стахович. Я могу предложить только такой вариант: Тут лучше сразу напролом идти, Вот так, с винтовкою в руках, Как ходят партизаны. Добудем славу, славу, Славу мы и честь.

Это совершенно точный перевод украинского текста. Так надо и оставить, по-моему. Переделывать что-либо я не решаюсь, ибо моя переделка может не совпасть с музыкой. Я могу – в качестве варианта – предложить лишь замену одного слова. Вместо слов «Как ходят партизаны» можно сказать: «Как ходят [зачёркнуто] наши партизаны. Вашу поздравительную телеграмму, Юлий Сергеевич, я в своё время получил. Спасибо за память, за поздравления Ваши и за добрые пожелания. Передайте от меня самый искренний привет Александре Ивановне. Всего Вам доброго! Ваш М. Исаковский 28 июля 1970 Внуково. P. S. Юлий Сергеевич! По адресу – ул. Горького, 19, Вы мне не пишете. Я там давно не живу. Мой теперешний адрес такой: Москва, К-104, улица Большая Бронная, х/х, кв. хх. М. И.»

СЭ: События творческой жизни (редакция перевода либретто и предложенные варианты); События личной жизни.

Из текстов писем видно, насколько аккуратно, скрупулезно и требовательно к себе работал поэт над переводом. Понятно, что такое отношение ценил и Мейтус, неоднократно обращавшийся к поэту с просьбой о переводах, помимо либретто оперы, от которых, однако, поэт отказался (№ 6–7). Интересны его высказывания о деталях перевода (№ 1, 2, 4, 8); трудностях перевода прозы, по сравнению со стихами (№ 2); о приоритете музыки над стихами в музыкальном произведе-

дени: «Может случиться так, что с поэтической точки зрения поправка хороша, но она плохо согласуется с музыкой. Значит, она не годится» (№ 8).

Таким образом, творческие отношения как совместная работа над созданием произведения – в данном случае над переводом и редакцией либретто оперы – проявляются в следующих более детальных СЭ: перевод текста (№ 1–4, 8), просьба прислать объяснения некоторых слов (№ 1), планирование совместной редакции перевода (№ 2–4), причины согласия сделать перевод (№ 4), исполнение по радио оперы «Молодая гвардия» (№ 5), отказ от предложения написать слова песен к кинофильму (№ 6), отказ от предложения сделать перевод стихов (№ 7), предложение переговорить с возможными переводчиками (№ 7), редакция перевода либретто и предложенные варианты (№ 8).

Кроме того, обычными поисковыми признаками выступают такие СЭ, как произведения, учреждения, персоны и др., которые можно комбинировать с другими СЭ. Например, произведение – с его оценкой: «...опера Ваша написана по произведению [Молодая гвардия, автор А. Фадеев], которое я очень люблю и ценю» (№ 4); персона – с оценкой собственных возможностей: «Мне кажется, что сначала нужно привести либретто в такой вид, чтобы слова вполне ложились на музыку. У меня в этом смысле, вероятно, есть промахи, т. к. переводил я, не зная музыки и лишь пользуясь теми ударениями в словах, которые Вы поставили в словах на оригинале» (№ 3).

Делопроизводственные отношения упоминаются в нескольких документах: оформление договора на перевод (№ 1), сдача перевода в Комитет искусств (№ 2–3), договорные отношения с Комитетом искусств (№ 4).

Кроме того, используя предыдущее исследование, его выводы и термины [15. С. 335–339] добавим следующее. К тексту или к внутритекстовым связям, по нашему мнению, следует отнести те, которые взяты непосредственно из текста или переформулированы из фрагментов текста. Для письма как вида текста родовым понятием и семантическим СЭ является «Переписка». Поэтому топтекстовым СЭ для рассматриваемых нами писем будет: «Переписка М. В. Исаковского и Ю. С. Мейтуса». Для вербальной части в виде вариантов части либретто в последнем письме – «Либретто». Прагматическим топтекстовым СЭ является «Уровень отношений с адресатом», во всех письмах, кроме № 6, 7 – он творческий.

К контекстным отнесем такие, общие для всех писем СЭ: Эпистолярная литература; Русская со-

ветская поэзия. Переводы; Украинская советская академическая музыка; Искусство, Культура. К контекстным СЭ для отдельных писем отнесем следующие: Советские оперы. Либретто (№ 1–4, 8); Советские оперы. Исполнение (№ 5); Создание слов для песни (№ 6); Перевод стихотворений (№ 7).

К прагматическим мы отнесли оценки. Остальные, кроме топтекстовых, относятся к семантическим.

Таким образом, с помощью структурного анализа можно выделить те элементы структуры текста, с помощью которых можно определить специфику тех или иных отношений между субъектами переписки и которые могут служить поисковыми признаками в информационно-поисковой системе.

Список литературы

1. Архимович, Л. Юлій Мейтус : очерк жизни и творчества / Л. Архимович, И. Мамчур. М. : Совет. композитор, 1983. 132, [2] с.
2. Исаковский, М. В. Письма к Ю. С. Мейтусу, 9 июня 1949 г. – 31 января 1961 г. Машинописи с автографами // ЦГАМЛИ. Ф. 182. Мейтус Ю. С. Оп. 2. Ед. хр. 418. 4 док. 6 л.
3. Исаковский, М. В. Письмо Ю. С. Мейтусу, от 10 июля 1949 г., из Внуково [Московской обл.] в Киев. Машинопись // Кіровоградський музей музичної культури ім. К. Шимановського (Далі – КММКШ). Ф. Мейтуса Ю. С. Док. № 727 в. 1 л.
4. Исаковский, М. В. Письмо Ю. С. Мейтусу, от 2 января 1950 г., из Москвы в Киев. Рукопись. 19,5 x 21,5 см // КММКШ. Ф. Мейтуса Ю. С. Док. № 727 б. 1 л.
5. Исаковский, М. В. Письмо Ю. С. Мейтусу, от 7 октября 1950 г. Машинопись // КММКШ. Ф. Мейтуса Ю. С. Док. № 727 а. 1 л.
6. Исаковский, М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу, от 28 июля 1970 г. Из Внуково Московской обл., в Киева. Машинопись с автографом. 28,7 x 20,1 см // КММКШ. Ф. Мейтуса Ю. С. Док. № 809. 2 л., 1 к.
7. Исаковский, М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу, от 9 июня 1949 г. Машинопись с автографом // ЦГАМЛИ. Ф. 182. Мейтус Ю. С. Оп. 2. Ед. хр. 418. Л. 1.
8. Исаковский, М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу, от 26 июня 1949 г., из Москвы в Гагры (санаторий «Украина»), с конвертом. Машинопись с автографом // ЦГАМЛИ. Ф. 182. Мейтус Ю. С. Оп. 2. Ед. хр. 418. Л. 2–3. 1 л. + 1 к.
9. Исаковский, М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу, от 3 июля 1949 г., из Внуково Московской

обл., в Киев, с конвертом. Машинопись с автографом // ЦГАМЛИ. Ф. 182. Мейтус Ю. С. Оп. 2. Ед. хр. 418. Л. 4–5. 1 л. + 1 к.

10. Исаковский, М. В. Письмо к Ю. С. Мейтусу, от 31 января 1961 г., из Внуково Московской обл., в Киев, с конвертом. Машинопись с автографом // ЦГАМЛИ. Ф. 182. Мейтус Ю. С. Оп. 2. Ед. хр. 418. Л. 6.

11. Малишев, Ю. Юлій Сергійович Мейтус. Киев : Образотв. мистецтво ; Муз. літ., 1962. 41 с.

12. Мейтус, Ю. Список сочинений. Ксерокопия рукописи. 29,7 x 21,1 см // Личный архив автора (далее ЛАА). Док. № 3. Л. 1.

13. Мейтус Юлий Сергеевич : статья // Википедия : свобод. энцикл. URL : <http://ru.wikipedia.org/wik> (дата обращения: 12.11.2011).

14. Михаил Васильевич Исаковский : статья [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Исаковский,_Михаил_Васильевич (дата обращения: 16.02.2014).

15. Тупчиенко-Кадырова, Л. Г. Структуризация текстов : семиотический подход (на примере писем архивного наследия композитора Ю. С. Мейтуса) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VI Междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–24 апр. 2012 г.) : в 2 т. / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. Т. 1. С. 335–339.

Е. М. Турчак (Днепропетровск, Украина)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИСТАВОК В ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (на материале украиноязычной прессы 90-х годов XX века)

The article studies prefixal formation of occasional nouns observed in the press of the 90th, XXth century. Particular attention is paid to the prefixes of great productivity.

Keywords: occasional noun, prefixal type, productivity.

В последнее время внимание лингвистов сосредоточено на исследовании новой лексики конца XX – начала XXI в., поскольку она активно отражает изменения, происходящие в обществе. Появление огромного количества новообразований позволяет говорить о так называемом «неологическом буме». Среди неологизмов отдельную группу составляют окказионализмы, которые пополняют словарный состав языка путем словообразовательных процессов. Выявление особенностей развития словообразовательной системы отдельного языка остается актуальным и сегодня, потому что деривационные процессы определяют основные направления развития и функционирования языковой системы.

Внимание исследователей начала привлекать префиксация, прежде всего как способ образования существительных. До недавнего времени считалось, что приставочное словообразование более характерно для глаголов. Такое мнение уже не актуально. Важным моментом для решения этого вопроса является анализ приставочных существительных-окказионализмов в языке прессы 90-х гг. XX в., поскольку именно периодические

издания быстро реагируют на возникновение новых понятий, явлений и реалий общественной жизни. Язык периодики дает возможность выявить как закономерности, так и изменения, которые происходят в языке в определенный период.

К проблеме приставочных образований новых слов обращались К. Городенская [3], А. Земская [4], В. Герман [2], В. Костомаров [6], Д. Мазурик [8] и другие. Именная префиксация новообразований в периодических изданиях рассматривалась в трудах А. Виняр [1], Ж. Колоиз [5], Т. Коць [7], А. Стишов [9]. Однако исследований, посвященных изучению приставочных существительных-окказионализмов на материале украиноязычной прессы 90-х гг. XX в., недостаточно для того, чтобы дать полноценную характеристику этой группы слов.

Целью статьи является анализ приставочных образований окказиональных существительных в языке прессы 90-х гг. XX в. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) дать структурно-семантическую характеристику рассматриваемых языковых единиц, 2) охарактеризовать особенность функционирова-

ния приставочных существительных-окказионализмов в языке прессы, 3) определить приставки, обладающие наибольшей производительностью.

Наблюдение над языком газет и журналов 90-х гг. XX в. свидетельствует, что основным способом образования окказиональных существительных является морфологический, в рамках которого высокой производительностью отмечается суффиксация, осново- и словосложение, меньше используется префиксация. Тем не менее, исследования показывают, что постоянно увеличивается группа окказиональных существительных с приставками, выражающими значение избыточности, высокой степени проявления признаков, свойств, качеств или размеров, выраженных именной образующей основой.

Наибольшей производительностью характеризуется иноязычная приставка супер-, которая является синонимом украинской приставки над-. Обе приставки преимущественно используются для обозначения высшей степени градации качества определенной субстанции. Анализ языкового материала дает основание утверждать, что приставка супер-образует словообразовательные типы, которые имеют значение 'особый, чрезвычайный, лучший', 'самый большой по размерам и качественным характеристикам': *супертоп-модель, суперпропозиція, суперактор, суперудар, суперпоєдинок, суперхавбек, суперсамець, суперспівак, суперприкордонник, суперМАЗ, суперслава*.

Широкое использование приставки супер- в прессе обусловлено различными причинами, в частности социальными особенностями нашего времени, а также желанием передать что-то грандиозное. Подобная активизация иноязычного приставочного форманта предопределяется и языковыми вкусами эпохи, прежде всего стремлением высказаться неординарно, по-новому, метко и остроумно. Напр.: 'Мачо іспанською означає самець. Уже адаптований сучасний варіант – це чоловік, у якого все супер, тобто *суперсамець*. Робота журі важка: маленька випадковість може додати незамутненої слави, *суперслави* або стати для когось трагедією'.

Подавляющее большинство окказионализмов с приставкой супер- возникло в языке прессы с четкой стилистической целью – передать экспрессивность, которая способствует оживлению изложения, вызывает положительные или отрицательные эмоции у читателя, напр.: 'Часом, доводячи своїх матросів видраюванням палуб до нестями, мічмани, капітани, адмірала успішно перетворюють Чорне море на *суперзвалище*'.

Окказионализмы с приставкой супер- характеризуются определенной эстетической вырази-

тельностью, что усиливается за счет контекста, в котором находятся такие лексические единицы, напр.: 'У ніч з 18 на 19 січня в Києві на об'їзній дорозі в районі універсаму "Теремки" п'ятеро невідомих скоїли збройний напад на водія та пасажирку "*суперМАЗу*", який належав підприємству "Укргазенергосеріс". Усе сказане вище аж ніяк не означає, що наші шановні президенти не пробували робити щось значне для відродження українського кінематографа або для створення нашого, хоч би одного, *суперфільму*'.

Меньшую производительность в образовании окказионализмов имеет приставка над-: *надконцентрація, надсмертність, надвлада, надінтеграція, надсуб'єкт* и т. п. Напр.: 'Нарешті всі побачили традиційні каспаровські риси: *надконцентрацію* зусиль і фантастично винахідливу гру'.

Особой производительностью отмечается иноязычный префиксоид экс- со значением 'бывший'. Окказионализмы с этим компонентом охватывают различные сферы жизни и деятельности общества и отдельной личности: *екс-донецчанин, екс-збірник, екс-кандидат, екс-окупант, екс-Останкіно, екс-Роксолана, екс-соціаліст, екс-кологоспник, екс-наркоман, екс-Союз, екс-форвард, екс-"Чорноморець", екс-Югославія* и т. п. Часть таких образований возникла в связи с событиями, которые происходили в бывшем Советском Союзе или в других странах мира, напр.: 'У молодій Україні, як і в багатьох інших республіках *екс-Союзу*, вони часто-густо стають ще й інструментом політичних міжусобиць. По-ставки ж насіння кукурудзи за імпортом йдуть головним чином із США й частково з *екс-Югославії*, а тому вони, як водиться, до Реєстру сортів рослин України не внесені'.

Некоторые окказионализмы с вышеназванной приставкой являются результатом творческого подхода журналиста к сообщаемой информации, напр.: 'Попри рух Редьок і широку пропаганду успіху й одностайності на *екс-Останкіно*, саме мінська зустріч виявила імунодефіцит Співдружності. Жінка років 40 вирішила засудити за звалтування *екс-чоловіка*, який мешкає з нею в одній квартирі. У святі кіно на азовському узбережжі, що тривало з 4-го по 9-те серпня, крім *екс-Роксолани*, взяли участь Ельдар Рязанов, Леонід Куравльов, Сергій Жигунов, Іван Гаврилюк, Руслана Писанка та багато інших відомих акторів і режисерів українського і російського кіно. Подейкують, що **екс-олігарх** Борис Березовський кілька років тому начебто поклав на рахунок одного з закордонних банків кругленьку суму, відсотки з якої виплачувалися як гонорар президентові'.

Период 90-х гг. XX в. является эпохой переоценки моральных и идеологических ценностей, поэтому достаточно закономерна активность приставок со значением отрицания или противопоставления, в частности анти- и не-. Анализ языкового материала свидетельствует, что большую активность имеет иноязычная приставка анти-, которая означает не чистое отрицание, а противоположность того, что названо мотивирующей основой существительного: *антиолигарх, антиофіціоз, антикрило, антиСНД* и т. п. Подавляющее большинство окказиональных единиц с приставкой анти- характеризуется стилистической маркированностью, например, в таких контекстах: ‘...Фракції “Батьківщина” та Рух Костенка збирають докупи всіх “антиолигархів” (а серед таких у парламенті існує навіть конкуренція!) й організують альтернативне засідання, голосують “з руки” або “з папірця”, обирають Голову... Ліві кандидати для подолання образу *антиукраїнськості* будуть доводити українському загалу наступне: що вони виступають не за відновлення унітарної держави у вигляді СРСР, а за взаємовигідне економічне співробітництво з країнами СНД...’

Несколько ограничено в языке прессы используются окказиональные существительные, образованные с помощью приставки не-, которая имеет значение отсутствия или противоположности того, что названо мотивирующим словом: *неангел, нелюбитель, некороль, непатриот, не-сон* и т. п. В этом случае есть возможность наблюдать новое явление в украинском словообразовании – образование с помощью приставки не- слов от основ, не имеющих качественного значения. Окказионализмы с этой приставкой характеризуются прозрачностью своей семантики, напр.: ‘... Бо що інше здатне так підкреслювати нашу другосортність, неповноцінність, “безцвітність” (сказав би О. Довженко), *неукраїнськість* України, а водночас і *неукраїнськість* нинішнього офіційного державного курсу, як не ось цей факт, що вища освіта і досі функціонує у нас переважно державною мовою іншої країни! Олексій Глизін на сцені вперто залишається романтиком старої закваски – страждає, рве листи, пише нові, в *неангелах* шукає святості ... і так усе життя’.

Иногда они имеют ярко выраженную экспрессию, напр.: ‘Розповісти вам ще одну історію Попелюшки, яка ще не стала принцесою? Гидкого каченяти на півдорозі до лебедя? А у нас на естраді немає *не-Попелюшок*’.

Интересно, что с помощью указанной приставки образуются слова-антонимы от слов, не имеющих антонимов в литературном языке, но та-

кие антонимические пары могут присутствовать в контексте, напр.: ‘Обговорення й голосування за сувору догану з опублікуванням її в “Голосі України” воістину стало демаркаційною лінією між “запеклими” й “незапеклими патріотами” та *“непатріотами”* взагалі’.

Отрицают существование понятия, названного мотивирующим словом, и существительные окказионализмы с приставкой без-. С помощью этой приставки образуются яркие, содержательные окказиональные единицы, часто содержащие значение целой фразы: *безбюджеття, безлюбоб, безсалля*. Интересны случаи образования окказионализмов с приставкой без- по аналогии с имеющимися в языке словами. Например, окказионализм ‘безсалля’ образовался по аналогии с литературным словом ‘безземелля’. Проследим его употребление в контексте: ‘Ну, зрештою, дещо нехтуючи літерами, можна дійти і до саломонового рішення (психоаналітичний прийом, спрямований на ефективне вирішення комерційних суперечок між виробниками і реалізаторами м’ясопродуктів), і до Саломана Радуєва (буквальний переклад “чоловік сала”; воїн Аллаха, якому Магомет у винятковому порядку дозволив вживати сало під час джихаду), а то і взагалі докотитися до статевого *безсалля* (бунт природи проти переїдання окремих людей і свиней)’. Таким образом, окказионализм ‘безсалля’ оживляет изложение и приобретает в предложении чрезвычайную емкость, привлекая этим внимание читателей.

Активизировались окказиональные единицы с приставкой пост-, преимущественно сочетающейся со словами, которые называют социальное событие, явление, течение, строй, личность: *посткоммунист, пост-панк, постперестрілка, постперестройка* и т. п. Такие образования означают временные соотношения между событиями, процессами, явлениями, личностями, напр.: ‘Перед торішніми виборами не все було гаразд як у президентському палаці, так і в Сеймі та Сенаті, де засідали депутати і сенатори <...> з антиукраїнськими переконаннями. Це були переважно *посткоммунисти* та депутати від селянської партії’.

Итак, окказионализмы в языке прессы 90-х гг. XX в. образуются преимущественно с помощью иноязычных приставок, украинские приставки характеризуются значительно меньшей производительностью. Подавляющее большинство приставочных существительных-окказионализмов имеет ярко выраженную экспрессивность.

Проанализированный материал подтверждает мнение многих исследователей о том, что активность именных приставок является одной из ха-

рактрных особенностей современного украинского словообразования.

Список литературы

1. Віняр, Г. М. Словотворчі тенденції в сучасній українській мові (на матеріалі усного й писемного мовлення 80-х – початку 90-х років) : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 1992. 16 с.

2. Герман, В. В. Індивідуально-авторські неологізми (оказіоналізми) в сучасній поезії (60–90-і роки) : автореф. дис... канд. філол. наук. Київ, 1999. 22 с.

3. Городенська, К. Г. Префікси і префіксоїди в українській мові // Мовознавство. 1986. № 6. С. 36–41.

4. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. М. : Наука, 1992. 221 с.

5. Колоїз, Ж. В. Оказіональна деривація : теретичний та функціонально-прагматичний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2007. 41 с.

6. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи (из наблюдений над речевой практикой масс-медиа). М. : Педагогика-Пресс, 1994. 247 с.

7. Коць, Т. А. Функціональний аспект лексичної норми в засобах масової інформації (на матеріалі газет 90-х років ХХ ст.) : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1997. 16 с.

8. Мазурик, Д. В. Інноваційні процеси в лексичі сучасної української літературної мови (90-і роки ХХ століття) : автореф. дис... канд. філол. наук. Львів, 2002. 19 с.

9. Стишов, О. А. Префіксальні іменні новотвори в сучасних українській та іспанській мовах [Електронний ресурс]. URL : http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/dlgum/2007_6/21.html.

О. Н. Турышева (Екатеринбург, Россия)

ПРАВА ЧИТАТЕЛЯ И ПРАВА ТЕКСТА КАК ПРОБЛЕМА СЮЖЕТА: ПРАГМАТИКА ЛИТЕРАТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗОБРАЖЕНИИ

The article is devoted to a necessity to study pragmatics of literature. The article problematizes the nature of reading as reflected in the artistic culture of the early XXI century.

Keywords: pragmatics of literature, literary communication, nature of reading in cinema, anarchic reading.

Прагматика в качестве самостоятельной научной области, нацеленной на изучение того, как в ситуации общения функционирует знаковая система, обеспечивая взаимодействие между субъектом речи и ее адресатом, как известно, первоначально оформилась в языкознании – начиная с 60–70-х гг. ХХ в. Однако параллельно с выделением прагматики как лингвистической дисциплины происходит и постепенное формирование прагматического направления в науке о литературе. Специфическим предметом литературоведческой прагматики становится художественная коммуникация, а именно специфика функционирования литературного произведения в сознании и жизнетворческой практике реципиента. В рамках данного интереса наука исследует, во-первых, характер воздействия художественного произведения на читателя, а во-вторых, разные аспекты использования читателем того опыта (познавательного, эстетического, аффективного), который стал результатом рецепции.

По выражению Т. Венедиктовой, изучение взаимоотношений между литературным текстом и его адресатом образовало «едва ли не самую натоптанную из дорог современной гуманитарной мысли» [2. С. 469]. Однако в качестве отдельного литературоведческого направления оно до сих пор не было описано. Также до сих пор не стала предметом описания и история его формирования. Между тем на данный момент прагматику художественной коммуникации составляет объемная и разнодисциплинарная рефлексия. Ее образуют такие области, как:

1) феноменология чтения (от Гадамера до Х. Блума),

2) совокупность исследований, предметом которых является литературное опосредование поведения (от Ю. М. Лотмана до П. Рикера и С. Гринблатта),

3) история художественной рецепции (от Г.-Р. Яусса до Р. Шартье).

Думается, что систематизация накопленного

в этой сфере знания и его диахроническое описание, нацеленное на исследование становления такой научной дисциплины, как литературоведческая прагматика, станет делом ближайшего будущего.

В рамках данной статьи нам хотелось бы обратить внимание на *художественный* ракурс решения проблемы взаимодействия читателя и книги. Литература демонстрирует внимание к этой проблеме уже в эпоху Средневековья. Одно из первых знаменитых изображений читателя было предпринято Сервантесом, сосредоточившим внимание на губительных последствиях доверительного чтения. Дон Кихот, напомним, в финале романа возлагает ответственность за свое поражение на рыцарскую литературу, ставшую источником утопической веры в то, что мир возможно изменить в соответствии с высоким образом его литературного изображения.

На протяжении последующих веков произведения о потерпевших поражение читателях поднимали как вопрос о «вине» литературы перед уверовавшим в ее истину читателем, так и вопрос о вине читателя перед литературой. *Вина литературы* при этом связывалась с тем, что она формирует иллюзорное сознание, погружает в мир грез, предлагает недостоверное объяснение действительности, сулит недостижимое утешение, лишает читателя способности самостоятельно проживать свою собственную жизнь. Такого рода обвинения из уст переживших фиаско читателей получают в авторском описании не только ироническое, но и сочувственное изображение. Хорошим примером иронического отношения к читателю, возлагающему ответственность на литературу, является, например, роман Дж. Остен «Нортенгерское аббатство», героиня которого черпает объяснение жизненным обстоятельствам в готическом романе, а в финале повествования, убедившись в неадекватности литературного восприятия действительности, обвиняет в собственном поражении Анну Радклиф. Подобных примеров достаточно в европейской и русской литературе XIX в.

Сочувствие по отношению к читателю, уверовавшему в правду литературного образа, формируется в литературе более поздней, начиная, пожалуй, со второй половины XIX в. Так, например, у Г. Флобера («Госпожа Бовари», «Воспитание чувств») и Ф. Достоевского («Записки из подполья») ирония по отношению к читателю, находящему в литературе все основания для построения жизненной практики, тесно сочетается с глубокой сочувственной интонацией. Причем в литературе модернизма ирония все более редуци-

руется, уступая место трагическому ракурсу изображения. Этот аспект в изображении читателя нашел свое выразительное воплощение в трагических историях Г. Гессе («Книжный человек») и Э. Канетти («Ослепление»). У Канетти ослепление читателя идеей жизни в литературе как единственно правильной и возможной оборачивается его самоуничтожением.

Литература XX в., сосредоточенная на выяснении такого феномена, как власть художественного слова над сознанием читателя, также тяготеет к трагическому завершению читательских историй. Именно этот аспект в разработке проблемы воздействия литературы на читателя становится сюжетообразующим в романах Вс. Беннигсена «ГенАцид» и М. Елизарова «Библиотекарь».

Конец XX в. принес новый ракурс в проблему осмысления взаимоотношений читателя и литературы: акцент был поставлен на таком вопросе, как *вина читателя перед литературой*. Причем в образе виновного, как правило, изображается читатель массовый, «заурядный» (в терминологии Х. Ортега-и-Гассета), не заинтересованный в смысле произведения, ищущий в нем эгоистического разрешения собственных психологических проблем.

В русской словесности эта тема была открыта Т. Толстой в романе «Кысь», вышедшем в свет в 2000 г. Образ читателя в этом произведении находит гротескно-сатирическое изображение в силу того, что его общение с текстом носит наивно-эмпатический и агрессивно-потребительский характер. Главный герой романа Бенедикт с чтением связывает исключительно надежду преодолеть скуку, наполнить время волнительным поглощением сюжетов и сладостным переживанием себя в роли литературных персонажей. При этом по прочтении книга вызывает у Бенедикта лишь разочарование, ведь ее завершение прерывает процесс иллюзорного перемещения в образы книжных героев и возвращает в сердце тоску. Отсюда – агрессия героя на автора и присвоение себе авторских прав на сюжет и смыслы читаемой книги: «Не будь меня – и тебя бы не было!» – говорит Пушкину невежа Бенедикт.

Кажется очевидным, что роман Т. Толстой содержит отклик на те процессы, которые действительно происходят сейчас в сфере художественной коммуникации и особенно отличаются спецификой массовой рецепции. Мы имеем в виду характерное для массового читателя отношение к книге как инструменту удовлетворения эмоциональных потребностей и предмету своевольного использования. Французский историк и философ чтения Роже Шартье такой тип чтения называет

анархическим чтением. Читатель-анархист – это, в его определении, читатель, чья свобода в отношении текста ничем не ограничена, он присваивает себе власть над сюжетом и смыслами, не считаясь с тем, что принято называть авторским или текстовым замыслом [3]. Современная художественная культура, воплощая образ такого читателя, активно использует мотив его перемещения во внутренний мир читаемого произведения. По-хозяйски располагаясь во внутритекстовом пространстве, такой герой часто подчиняет своей воле поведение литературных персонажей, эгоистически моделируя на их жизненном поле свой собственный сюжет.

Этот сюжетный ход (перемещение героя в мир читаемого произведения, часто классического) принципиально отличает современное повествование о читателе от истории взаимодействия читателя с литературой, как она была представлена в словесности предшествующих периодов. Ранее герой относился к книге как сакральному объекту, источнику сокровенных смыслов и авторитетного руководства, предмету поклонения и даже маниакального служения. Оттого и свою жизнь он старался построить по книжному образцу, в свой актуальный мир он переносил ситуации и антураж художественной реальности. Вектор обмена был именно таким: образы и смыслы перемещались из мира, где живут и действуют герои, в мир, где живет и действует изображенный читатель. Художественное слово, таким образом, осмыслялось как фактор формирования действительности, как фактор преобразования читателя. Так, Дон Кихот переносит в действительность обстоятельства рыцарских повествований, героиня «Нортенбергского аббатства» Остен – хронотоп готических романов, герои Т. Готье и Г. Флобера – романтические литературные ситуации. Один из самых выразительных примеров – новелла Т. Готье «Онуфриус», герой которой невольно вызвал из мира гофмановских фантазмагорий дьявола, вообразив себя жертвой преследования с его стороны. Очевидно, что сюжеты такого рода (о вторжении книжной реальности в актуальный жизненный контекст героя) работали на идею власти литературы над сознанием и жизнью читателя. Недаром мыслители, размышляющие над этим феноменом (от К. Маркса до Р. Барта и П. Рикера), иллюстративный материал черпали в таких произведениях, активно ссылаясь в первую очередь на опыт Дон Кихота и Эммы Бовари.

В современной литературе тема взаимодействия читателя с миром книги гораздо чаще воплощается в противоположном ключе: герой сам проникает в пространство читаемого сюжета и

трансформирует его по своему разумению и в соответствии со своими предпочтениями, населяя внутренний мир произведения не только своими смыслами, но своими событиями. В этой ситуации не жизнь читателя является объектом моделирования со стороны литературы (как в предшествующей словесности), а сама литература становится материалом креативной деятельности вторгшегося в ее пространство читателя. Речь теперь идет не о власти литературы над сознанием читателя, а о власти читателя над текстом.

Рассмотрим частные воплощения этого сюжета на двух примерах, в которых изображаются взаимоотношения читателя с классическим текстом.

Первый пример составит сценарий телесериала «*Lost in Austen*», принадлежащий перу английского драматурга Гая Эндрюса и вышедший на британские телеэкраны в 2008 г. (в русском переводе сериал получил название «Ожившая книга Джейн Остен»).

Сюжет сериала составляют поступки современной девушки Аманды Прайс, страстной поклонницы романа «Гордость и предубеждение». Ее любовь к Остен, впрочем, воспроизводит все стандартные установки массового чтения. Направленность чтения Аманды откровенно компенсаторная: она не удовлетворена собственной жизнью и оттого идентифицирует себя с героиней читаемого романа. Причем читательская идентификация героини носит достаточно агрессивный характер. Фантастическим образом и, казалось бы, вполне невинно удалив из романа Элизабет Беннет, она подчиняет развитие его действия своим фантазиям, переворачивая классический сюжет с ног на голову. Сначала она, опять вроде бы невольно, влюбляет в себя мистера Бингли, что приводит к тому, что Джейн Беннет выходит замуж за Коллинза, а Бингли, почти спившись от горя, похищает Лидию. Но главный предмет вожделений Аманды – это, конечно, мистер Дарси. Его любовь она завоевывает, используя тактику своей любимой героини – Элизабет, а именно обвиняя его в том, что потворствуя своему высокомерию, он разрушил счастье Джейн и Бингли.

Однако в определенный момент ход событий перестает подчиняться воле нашей читательницы: Дарси верит навету мисс Бингли на Аманду, разрывает с ней помолвку и уже готов жениться на Кэролайн. В этой ситуации Аманда жестоко расправляется с романом Дж. Остен: она в ярости вырывает из книги страницы, выбрасывая растерзанный том из окна. Книга, не удовлетворившая желаний, становится объектом мести.

К счастью, Аманда понимает, что в своевольном насилии над сюжетом ей не завоевать Дарси.

Собственно, ненависть мисс Бингли, разбившей ее помолвку с Дарси, она навлекла на себя, присвоив той нетрадиционную сексуальную ориентацию и отказав ей в ее притязаниях. Если не я, то уж точно не Кэрролайн будет женой Дарси, решает Аманда, торопясь привести в порядок сюжетное действие романа. Благодаря ее стараниям Лидия возвращается домой, а Бингли, наконец, соединяется с Джейн. Аманда также отправляется за Элизабет, которую оставила в XXI в. Но тут ее фантазия подбрасывает ей спасительный ход: оказывается, что Элизабет не хочет возвращаться в мир своего романа из Англии XXI в. Она уже прочитала роман Остен и знает, что состоит в браке с Дарси больше двухсот лет. Видимо, ей кажется, что это многовато, и она легко уступает Дарси Аманде. Так наша читательница становится законной хозяйкой Пемберли.

Обратим внимание на то, как ловко автор сценария устраивает судьбу своей героини. Вроде бы рецептивный произвол осуждается, но в итоге-то эгоистическое читательское поведение получает счастливое разрешение. Финал выдержан в сочувственном ключе по отношению к читательнице – и благодаря совершенно нелепому приему: получением от Элизабет согласия служить няней в современном Лондоне.

Такое завершение истории об анархическом чтении кажется искусственным оправданием читательской агрессии и своеволия. И дань в виде минутного раскаяния героини не особо оправдывает финал этого киноповествования, ведь старания Аманды все вернуть на свои места происходят не на почве стыда за разрушение сюжета Остен, а на почве разочарования в том, что с ним можно сделать все, что захочется. Гораздо более органичным был бы финал возвращения всех на круги своя: Элизабет – в Лонгборн, с тем, чтобы прожить свою историю с Дарси, Аманды – в Лондон XXI в. с тем, чтобы, вооружившись опытом чтения, умудренно прожить свою собственную жизнь. В том же варианте, который выбрали авторы сериала, финал истории читателя-анархиста выглядит неубедительно. Возможно, все дело – в потакании установкам, из которых очевидно исходит массовый читатель: он больше не хочет мириться с принуждающим действием текста, он хочет сам владеть текстом как инструментом решения своих проблем.

Более конструктивной разработкой сюжета анархического чтения представляется в рассказе Вуди Аллена «Случай с Кугельмасом» (1980).

Основу сюжета здесь также составляет событие проникновения читателя в классическое произведение, однако герой В. Аллена несравненно более прост, нежели Аманда Прайс из сериала «Lost in Austen». Это профессор классической литературы Кугельмас, который благодаря фантастической машине перемещается во внутренний мир романа «Госпожа Бовари». Им так же, как и Амандой, движет чувство неудовлетворенности, но в данном случае, это неудовлетворенность телесная: в пространстве флюберовского романа этот читатель ищет новые чувственные впечатления, превращая Эмму Бовари в свою любовницу. В финале за эгоистическое посягательство на сюжетное свершение классического романа¹ герой расплачивается перемещением в учебник испанского языка, где он «до конца своих дней [вынужден] носиться по бесплодной скалистой местности, спасаясь от здорового мохнатого неправильного глагола tener (иметь), гонявшегося за ним на длинных тонких ножках».

Такое завершение сюжета о читателе-экстремисте, настроенном в отношении литературного произведения исключительно потребительски, выглядит в рассказе В. Аллена единственно справедливым. Впрочем, эти два произведения отделяет почти 30 лет, и отличия в концепциях читательского поведения могут быть обусловлены теми сдвигами, которые произошли в сфере художественной коммуникации в последние десятилетия. В первую очередь, это разрушение того жесткого порядка, который ранее отличал чтение классической литературы.

Примечание

¹ Сколько хлопот доставляет школьникам и профессорам периодическое появление в тексте флюберовского романа этого нового персонажа, часто уводящего с собой в затекстовый мир и саму героиню.

Список литературы

1. Аллен, В. Случай с Кугельмасом // Иностранная литература. 2001. № 1. С. 143–149.
2. Венедиктова, Т. В. Актуальная метафорика чтения // Новое лит. обозрение. 2007. № 5. С. 468–478.
3. Шартье, Р. Письменная культура и общество / пер. с фр. И. К. Стаф. М.: Новое изд-во, 2006. 272 с.

А. Е. Уманская (Челябинск, Россия)

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ**

In this article some peculiarities of a political interview and its role in the life of society are distinguished. The category of semantics and pragmatics as a special semiotic system is in the centre of attention. It produces certain pragmatic influence on readers and has function of rethinking of an interview as a speech genre. With the help of the given classification linguists can consider both linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: political interview, political text, semantics, pragmatics.

Политическое интервью всегда играло особую роль в жизни общества, так как от политической ситуации зависит место страны на международной арене, ее взаимоотношения с другими государствами на уровне мирового сообщества. Поэтому возрастает роль средств массовой информации с целью удовлетворения информационных потребностей общества. В словаре иностранных слов А. Г. Спиркина дается следующее определение интервью: «Предназначенная для распространения в печати, по радио, телевидению беседа в форме вопросов и ответов с государственным или каким-либо другим деятелем» [3. С. 202]. Центром внимания политического интервью всегда является конкретная языковая личность, конкретный политический деятель, которого всегда можно охарактеризовать с позиций лингвистического сознания и речевого поведения, т. е. с позиций лингвистической концептологии.

Основной текст интервью состоит из вопросов и ответов. Во время интервью журналист задает вопросы, которые определяют содержание, а также имеют психологическую направленность, в результате чего интервьюируемый высказывает свою точку зрения по определенному вопросу. В интервью могут быть представлены все виды речевых форм: сообщение, описание, отзыв, характеристика, доказательство и, в особенности, рассуждение. Это зависит от места, темы, стиля вопросов и от личности интервьюируемого.

В политическом интервью выделяется особая знаковая система, которая обладает не только семантикой и синтактикой к другим знакам, но и прагматикой. Знаки языка (языковые единицы) могут производить на людей определенное впечатление: положительное, отрицательное или нейтральное. Способностью оказывать на слушателя и читателя определенное прагматическое воздействие обладает любое высказывание, любой текст. Таким образом, реализуя какие-либо запланированные заранее прагматические установки, говорящий в политическом интервью всегда подбирает языковые средства при построении высказывания в соответствии со своим на-

мерением произвести определенное воздействие на слушателя или читателя.

Политическая беседа с интервьюером воспринимается как особая знаковая система какого-либо национального языка, предназначенная для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Прагматический потенциал раскрывает его целевую направленность, которая предполагает со стороны говорящего донесение и разъяснение определенной информации слушающим, затрагивающей их общественные интересы и ценности, такие как: обеспечение, поддержание и сохранение единства и благосостояния нации, создание конкурентоспособного государства с развитой экономикой, предоставление безопасности, свободы. Политическое интервью способствует повышению внимания общества к политической коммуникации. В связи с этим в России и за ее пределами стремительно растет количество публикаций, посвященных политической лингвистике.

Прагматика (от греч. ‘Pragma, pragmatos’ – ‘дело, действие’) – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Прагматика не имеет четких границ, в нее включен комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения [1. С. 390].

Семантико-прагматические особенности политического интервью состоят в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию [4. С. 104]. Поэтому эффективность можно определить относительно этой цели.

Речь политика оперирует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию. Пытаясь при-

влечь слушателей на свою сторону, политики не всегда прибегают к логически связным аргументам. Иногда достаточно просто дать понять, что позиция интервьюируемого лежит в интересах адресата. Защищая эти интересы, можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках. Еще более хитрый ход – когда, выдвигая доводы в присутствии кого-либо, политики вовсе не рассчитывают прямолинейно воздействовать на чье-либо сознание, а просто размышляют вслух при свидетелях, выдвигая доводы в пользу того или иного положения, пытаются от противного убедить в том, что совершенно противоположно тезису [2. С. 36].

В политическом тексте оценочность проявляется в функционировании единиц всех уровней: лексических, грамматических, словообразовательных, фразеологических, связанных с наделением определенных понятий позитивными либо негативными коннотациями. Подобные разноразрядные лингвистические явления способны приобретать в тексте значительный манипулятивный/персуазивный потенциал.

Любое высказывание, в том числе политическое, по своему характеру направлено на внушение, учитывает систему взглядов потенциального слушателя с целью модифицировать намерения, мнения и мотивировку действий аудитории.

Восприятие политического интервью характеризует степень доверчивости, симпатии, а завоевание выгодных позиций в этой области зависит от искусства говорящего и от характера реципиента. Изменить установки адресата в нужную сторону можно, удачно скомпоновав свою речь, поместив защищаемое положение в нужное место выступления. Только создав у адресата ощущение добровольного приятия чужого мнения, заинтересованности, актуальности, истинности и удовлетворенности, оратор может добиться успеха в этом внушении.

Различаются ситуации с пассивным восприятием, с активным участием и с сопротивлением внушению со стороны адресата. При пассивном восприятии внушения адресаты ожидают, что уровень опасений, глубина затрагиваемых мнений и интенсивность речевого внушения будут соответствовать норме. Политики, пользующиеся большим доверием, могут обойтись малоинтенсивными средствами, резервируя более сильные средства только на случай, когда нужно ускорить воздействие. Остальным показаны средства только малой интенсивности. Кроме того, от мужчин обычно ожидают более интенсивных средств, а от женщин – малоинтенсивных. Нарушения этой нормы – речевая вялость мужчин и неадекватная

грубость и прямолинейность женщин, – шокируя аудиторию, снижают эффект воздействия. А страх, вызываемый сообщением о том, что неприятие внушаемого тезиса приведет к опасным для адресата последствиям, часто способствует большей восприимчивости к различным степеням интенсивности воздействия: наибольшая восприимчивость тогда бывает к малоинтенсивным средствам, а наименьшая – к высокоинтенсивным. Причем малоинтенсивная атака более эффективна для преодоления сопротивления внушению, к которому прибегают после поддерживающей, опровергающей или смешанной предподготовки. В ситуации с активным восприятием внушения реципиент как бы помогает убедить себя, особенно если он надеется, что все происходит в его интересах. Наблюдается прямое соотношение между интенсивностью используемых речевых средств в активно осуществляемой атаке и преодолением сопротивления, являющегося результатом поддерживающей, опровергающей или смешанной предподготовки. Когда же адресат активно сопротивляется внушению, имеем большое разнообразие случаев. Если имела место предварительная обработка, «внушительность» основной атаки обратно пропорциональна эффективности подготавливающих высказываний. Опровергающие предварительные действия исподволь предупреждают адресата о природе предстоящих атак. Поэтому, если атакующие высказывания не нарушают ожиданий, созданных опровергающим предварительным действием, сопротивляемость внушению бывает максимальной. Если же языковые свойства атакующих высказываний нарушают ожидания, выработанные в результате «опровергательной предподготовки» (либо в позитивную, либо в негативную сторону), сопротивляемость уменьшается. Когда адресату предъявляют более одного довода в пользу одного и того же тезиса, оправданность или неоправданность ожиданий при первом доводе воздействует на принятие второго довода. Поэтому, если речевые ожидания нарушены позитивно в результате первого довода, то этот довод становится внушительным, но изменение отношения к исходной позиции происходит только после предъявления последующих доводов, поддерживающих все ту же позицию, направленную против сложившейся установки. Когда же речевые ожидания в результате первого довода нарушены в отрицательную сторону, этот довод внушительным не бывает, но зато адресат более склонен поверить аргументам из последующей речи, аргументирующей в пользу того же тезиса, направленного против сложившейся установки [2. С. 39].

Одним из ярких средств в политическом слове является высмеивание противника. Смех вообще, по мнению многих теоретиков, проявляет неосознанное желание унижить противника, а тем самым откорректировать его поведение. Такая направленность осознанно использовалась в политических спорах еще со времен Римской империи. Об этом свидетельствуют обличительные речи Цицерона, в которых высмеиваются даже интимные характеристики противника, вообще говоря, не имеющие прямого отношения к политике. По Corbeill [5. С. 4], оратор «входит в спор» со слушателем, стремясь исключить из игры своего политического оппонента как не заслуживающего никакого положительного внимания.

На основе исследования теоретических и практических проблем политических речей представляю объективную классификацию семантико-прагматических особенностей политического интервью. С одной стороны, его можно рассматривать как процесс живого вербального общения, немаловажную роль в котором играют системные характеристики языка, степень спонтанности и завершенности, тематическая связность и понятность для других людей. Но с другой стороны, нельзя забывать о том, что общение людей всегда протекает в той или иной зависимости от позиций коммуникантов. Здесь важна их принадлежность к социальной группе и к типичной речеповеденческой ситуации. Политическое выступление – это совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики. Относя политическое интервью

к типу институционального общения, возможно рассмотреть специфику его содержания. Это не просто общение, в нем существуют явные цели и определенные участники. Цели и выбор участников зависят от конкретного типа, так как в данном случае целью политического выступления в основном является завоевание и удержание власти; а его участники – политики и общество.

Нельзя ограничиваться только чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического интервью пройдут незамеченными. Политическое интервью давно завоевало свое право на существование как дисциплина политологической филологии.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая рос. энцикл., 1998. 685 с.
2. Демьяков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32–43.
3. Спиркин, А. Г. Словарь иностранных слов. 7-е изд. М.: Рус. яз., 1980. 624 с.
4. Bayley, P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, G. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 / G. Ragazzini, D. R. B. P. Miller. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77–174.
5. Corbeill, A. Controlling laughter: Political humor in the late Roman republic. Princeton; N. J.: Princeton Univ. Press, 1996.

С. В. Чистякова (Челябинск, Россия)

К ВОПРОСУ О РЕЧЕВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ И СПОСОБАХ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

This article is devoted to the notion of speech influence and the ways of its manifestation (persuasion, suggestion).

Keywords: speech influence, persuasion, suggestion.

Речевое воздействие было впервые выделено как самостоятельная научная проблема на пересечении ряда направлений психологии, социологии, лингвистики и филологии с начала 1970-х гг. В настоящее время проблема речевого воздей-

ствия рассматривается в рамках теории речевой деятельности, теории коммуникации и информационного обмена, психолингвистики, прагмалингвистики, стилистики, риторики, филологической герменевтики и ряд других дисциплин.

Изучению различных аспектов речевого воздействия посвящено большое количество работ как отечественных, так и зарубежных специалистов в области коммуникативной лингвистики, а именно – Р. М. Блакара, Т. ванн Дейка, О. С. Иссерс, Ю. К. Пироговой, И. А. Стернина и многих других.

По утверждению П. Б. Паршина, *речевое воздействие*, в широком смысле – воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью сообщений на естественном языке. В узком смысле, который на практике встречается гораздо чаще, под речевым воздействием понимают использование особенностей устройства и функционирования перечисленных знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения [3].

И. А. Стернин определяет речевое воздействие как воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять точку зрения другого человека, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т. д. [4. С. 9]. Основными коммуникативными целями субъекта речевого воздействия являются фатические – установление, возобновление, поддержание, развитие, сохранение контакта; предметные – получение или отдача чего-либо; информационные – сообщение или получение информации. Как полагает И. А. Стернин, критериями верности выбора языковых средств являются эффективность и результативность воздействия. При этом основные аспекты эффективности речевого воздействия – достижение поставленной цели и сохранение баланса отношений с собеседником (коммуникативное равновесие), избегание ссоры.

И. А. Стернин называет эффективными и «цивилизованными» все способы речевого воздействия за исключением принуждения, отмечая, что речевое воздействие как наука об эффективном и цивилизованном общении учит нас обходиться без принуждения [4. С. 74]. Центральной работой, освещающей категорию речевого воздействия, является статья Р. М. Блакара «Язык как инструмент социальной власти», в которой автор утверждает, что «язык несет в себе такие возможности, которые формируют речевое воздействие, а сама сущность речевого воздействия состоит в том, что реципиент способен получать новые знания о мире» [1. С. 93]. По мнению автора, выразиться «нейтрально» невозможно, поскольку

даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти», то есть воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком [1. С. 91].

Р. М. Блакар также замечает, что «каждый языковой элемент является «очень сложным и чувствительным инструментом, на котором играет тот, кто пользуется языком. <...> восприятие и понимание, рождающиеся у получателя, зависят от того, как пользуется этим тонким инструментом отправитель» [1. С. 97].

Как утверждает Э. Э. Шуберт, «в организации воздействующей речи первостепенное значение имеет лингвистический аспект (речевые стратегии). За ним следует экстралингвистическое наполнение коммуникативной ситуации. Третьим по значению является паралингвистическое оформление воздействующей речи (голос, мимика, жесты, облик, взгляд и т. д.)» [8. С. 407].

Использование языка может оказывать воздействие на эмоциональную атмосферу в обществе, которая создается между участниками акта коммуникации. Язык способен устанавливать социальные связи между людьми, которые принимают участие в процессе коммуникации, в нем также есть возможности возводить преграды между людьми.

Существуют некоторые сферы жизни, в которых речевое воздействие практикуется особенно часто и играет очень важную роль. Прежде всего, следует назвать две обширных сферы, всегда привлекавшие и привлекающие к себе повышенное общественное внимание и лучше всего изученные с интересующей нас точки зрения. Это, с одной стороны, политическая, а с другой – рекламная коммуникация. Они, кстати, весьма близки, а в некоторых своих формах почти совпадают.

Элементы речевого воздействия присутствуют также в обучении и воспитании, судебной практике, психотерапии и, наконец, в нашем повседневном общении.

Тот факт, что предметом теории речевого воздействия являются, прежде всего, те ситуации, в которых объект воздействия не осознает, что является таковым, обусловил большую популярность такой категории, как языковое манипулирование. Под *языковым манипулированием* мы понимаем использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата, в нужном для говорящего направлении; скрытого – значит неосознаваемого адресатом. Речевая манипуляция (речевое манипулирование), таким образом, неотждественна более общему понятию речевого воздействия. В связи со скрытым характером ма-

нипуляции выделяют три источника информации о ее существовании: позицию манипулируемого, манипулятора и внешнего наблюдателя [2. С. 43]. При этом манипуляция может наблюдаться лишь с последних двух позиций.

В самом общем представлении манипуляция – это вид психологического воздействия для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. Манипуляция – это психологическое воздействие, направленное на неявное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий [2. С. 60]. Манипулятивное речевое воздействие соответствует манипуляции с помощью речи и паралингвистических средств.

Как утверждает Е. Л. Доценко, основные признаки манипуляции – это: 1) психологическое воздействие, 2) отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей, 3) стремление получить односторонний выигрыш, 4) скрытый характер воздействия, 5) использование (психологической) силы, игра на слабостях, 6) побуждение, мотивационное привнесение и 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий [2. С. 84].

Е. В. Шелестюк разграничивает понятия *манипулятивного* и *некорректного* речевого воздействия. Если первое предполагает неучет интересов собеседника и носит сугубо психологический и телеологический характер, то второе связано с нарушением логики при убеждении (прежде всего, с использованием инструментов некорректной аргументации – софизмов) или применением некорректных средств при побуждении (например, подкуп, оболщание, провокация). Манипулятивное речевое воздействие иногда предполагает использование некорректных приемов и инструментов, однако, они нередки и в неманипулятивном – лояльном – речевом воздействии, например, в ходе воспитания, перевоспитания или исправительного воспитания [7. С. 10, 11].

Способом речевого воздействия называют совокупность приемов или операций практической деятельности, соотносимых с иллюкативными целями воздействующего субъекта и подчиненных решению его конкретных задач. В рамках проблемы речевого воздействия говорят о логическом (рациональном) и эмоциональном воздействии. В соответствии с этим к способам активного воздействия на адресата традиционно относят: внушение (суггестивность, суггестия) и убеждение (персуазивность, персуазия). Перечисленные термины обозначают особые направ-

ления в изучении и научном описании характера языкового воздействия.

По определению В. Е. Чернявской, *персуазивность* (от лат. ‘persuadere’) – **воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению им определенных действий.** Коммуникативный процесс, называемый персуазивным, представлен такими ситуациями, в которых люди сознательно продуцируют сообщения, нацеленные на то, чтобы вызвать определенное поведение реципиента (группы реципиентов) или повлиять на его точки зрения, установки [6. С. 25, 26]. В основе метода персуазивности лежит отбор, логическое упорядочение фактов и выводов, логическое доказательство.

При осуществлении персуазивного речевого акта прослеживаются две коммуникативно-прагматические интенции: (1) воздействовать на сознание адресата, его мнения, оценки; (2) побудить его к совершению определенных действий, изменить, направить его поведение. Речевое манипулирование, рассмотренное выше, является особым типом персуазивного коммуникативно-речевого действия.

В персуазивной коммуникативной ситуации обязательно наличие реального или предполагаемого разногласия между коммуникантами по поводу необходимости / желательности / возможности совершения реципиентом посткоммуникативных действий, которое адресант пытается устранить путем реализации своей персуазивной интенции, т. е. убедить / уговорить реципиента совершить данные действия.

Персуазивность отличается от *суггестивности* (от лат. ‘suggerere’ – **внушать**), под которой понимают скрытое воздействие, в первую очередь словесное, воспринимаемое без критической оценки, принимаемое на веру, – внушение, наведение на мысли. Отсутствие контроля со стороны сознания (ослабленный контроль) при получении и обработке информации – отличительное свойство суггестивности [6. С. 26].

К суггестивным текстам исследователи относят тексты заговоров, молитв, мантр, заклинаний, а также формулы гипноза и аутотренинга.

Термин ‘суггестия’ используется многими авторами (например, С. Ю. Головиным, И. Ю. Черепановой) как синоним термина ‘внушение’. Однако Е. В. Шелестюк разграничивает эти понятия, называя *внушением* воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение и осуществляющееся за счет ослабления контрольно-регулятивной функции сознания, снижения

сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, благодаря отсутствию целенаправленного активного понимания, развернутого логического анализа и оценки со стороны реципиента [7. С. 11]. Внушение достигается языковыми средствами – словами, интонацией, и невербальными – мимикой, жестами, действиями, внешней обстановкой. То, что усвоено внушением, в дальнейшем принимает навязчивый характер; оно с трудом поддается осмыслению и коррекции, являясь совокупностью «внушенных установок».

Согласно Е. В. Шелестюк, по методам реализации внушения подразделяются на прямые (императивные) и косвенные, а также преднамеренные и непреднамеренные. Автор полагает, что внушение – широкое понятие, включающее открытое прямое внушение (например, во время сеанса гипноза, психотерапии, аутотренинга) и скрытое, замаскированное или косвенное внушение (суггестию). Содержание косвенного внушения (суггестии) включается в сообщаемую информацию в скрытом, замаскированном виде и характеризуется неосознанностью, произвольностью его усвоения.

Помимо убеждения и внушения, Е. В. Шелестюк относит к способам речевого воздействия *побуждение* – внешнее стимулирование реципиента прямым воздействием на его волю (приказ, призыв, принуждение и уговаривание) [7. С. 14].

Итак, язык обладает некими особенностями, позволяющими использовать речевое воздействие. Конечная цель речевого воздействия на реципиента заключается в управлении его поведением (вербальным и невербальным). Традиционно выделяются два основных способа речевого воздействия: персуазивность и суггестивность. Будучи интенционально сходными, эти способы отличаются механизмами достижения цели речевого воздействия.

Персуазивное воздействие (убеждение) предполагает достижение цели через убеждение с опорой на рациональное обоснование, а суггестивное (внушение) – оперирует эмоционально-оценочными средствами. Убеждение можно определить как аргументированное, а внушение – как психоэмоциональное воздействие на личность. Если убеждение обращено к рассудку, сознанию, критическому мышлению, то внушение – к бессознательным механизмам психической деятельности и управления функциями организма, оно апеллирует к эмоциям и чувствам, вызывает ассоциативные образы, благоприятные для восприятия информации.

Список литературы

1. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
2. Доценко, Е. Л. Психология манипуляций. М., 2003.
3. Паршин, П. Б. Речевое воздействие [Электронный ресурс]. URL : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/.
4. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
5. Черепанова, И. Ю. Клич Гамаюн. Научная магия суггестивного влияния языка. М. : Профит Стайл, 2007.
6. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. М., 2006.
7. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие : онтология и методология исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009.
8. Шуберт, Э. Э. Особенности воздействия в различных типах дискурса // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения : материалы 4-й межвуз. конф. молодых ученых. Краснодар : КубГУ, 2005. С. 405–413.

Е. В. Шаронова (Харьков, Украина)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВЫХ НОМИНОВЕРБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

The article is dedicated to stable nominal-verbal complexes (SNVC) in the modern German language. SNVC are considered as semantic wholenesses, the constituent parts of which possessing structural and semantic independence in a free space are modified into cooperation, turning into whole structural-semantic unities and perform different functions among them term forming one.

Keywords: actualization, complex, nominal-verbal, semantic wholeness, structure, term forming, function.

Изучение естественного языка, его строевых элементов – слов и словосочетаний, их свойств и функций продолжает привлекать внимание исследователей разных взглядов и подходов, различных научных школ и направлений, поскольку каждый подход к языку в целом и к его составляющим в частности позволяет обнаружить всё новые функции и новые грани.

Объектом нашего исследования являются устойчивые номинотерминологические комплексы (УНБК): *den Beweis erbringen (beweisen)*, *Rache nehmen (rächen)*, *zur Anwendung bringen (anwenden)*, *in Angriff nehmen (angreifen)* и др., которые привлекают внимание исследователей в связи с проблемой их анализизма и устойчивости, а также их функционированием как стандартизованных структур, на что указывают многие языковеды (Б. Вотьяк, А. Хайне, В. Флейшер, Г. Хельбиг и др.), считая, что «функциональные образования» предназначены в основном для выражения фазисного характера протекания действия. Следует, однако, заметить, что этим роль УНБК как составных элементов более сложных величин не ограничивается и не исчерпывается, а их функции гораздо разнообразнее, а иногда более весомые. В этом плане заявленная тема представляется актуальной. Предметом наших наблюдений является их терминообразующая функция, которая в лингвистической литературе до сих пор не представлена, поскольку формирование терминологической системы и её функционирование остаются, с нашей точки зрения, недостаточно изученными. Известно, что развитие любой отрасли знания влечёт за собой становление терминологии, в этой связи терминологическим единицам уделяется определённое внимание, проводится их систематизация, продиктованная необходимостью достижения взаимопонимания специалистов как внутри отрасли, так и при межотраслевой и межкультурной коммуникации. Таким образом, когнитивно-прагматический аспект языка обусловлен стремлением человека реализовать свои коммуникативные интенции.

Интерес лингвистики к коммуникативным потенциалам языковых единиц объясняется возросшим вниманием исследователей к особенностям организации высказывания на разных уровнях и в разных ситуациях общения. Что касается высказывания, то известно, что его первопричиной являются слова, которые соотносятся с явлениями и предметами окружающего нас информационного пространства, а отношения между ними, их связи реализуются, в свою очередь, в словосочетаниях разного типа: свободных, «несвободных», устойчивых и др.

С бытующим мнением о том, что устойчивые сочетания вносятся в речь готовыми, можно согласиться в том случае, когда речь идёт о единицах повторной номинации. В языке (а соответственно и в памяти) имеется целый ряд стандартизованных структур, которые, реализовав свои сочетательные потенции, появились в процессе речемыслительной деятельности в языковой парадигме. Акцептированные социумом словосочетания откладываются в языке (и в памяти) в виде фреймов, блоков, пучков и хранятся до востребования (например, для целей дальнейшей языковой деривации).

В целом же, актуализация сочетательного потенциала слов и словосочетаний – процесс творческий. В мыслительноречевой, коммуникативной и когнитивной деятельности человека их валентные свойства реализуются каждый раз либо синхронно с процессом высказывания, либо с некоторым опережением, выполняя определённые функции, но в любом случае производящей структурой выступают уже не отдельные слова, а словосочетания как семантически ёмкая целостность.

В настоящей статье речь идёт о терминообразующих функциях синтаксических структур устойчивого характера ('in Angriff nehmen, in Betracht ziehen, in Schutz nehmen' и др.), между компонентами которых в процессе синтаксической деривации происходит перераспределение связей: именной компонент берёт на себя основную часть семантической нагрузки стержневой единицы, а последняя в таком случае семантически ослабевает, компенсируя эти потери за счёт функциональных свойств, в результате чего такое словосочетание приобретает смысловую цельность и устойчивость. Такие единицы являются сложным комплексом, который имеет: во-первых, своё собственное строение, вследствие чего его составные части могут включать связочные средства, а, во-вторых, значение, не сводимое к сумме значений составных частей, и обладает смысловой целостностью, функционирующая как единая коммуникативная единица.

Появившись в языковой системе как цельный смысловой блок, словосочетание структурирует предложение, выполняя при этом различные функции, а с приобретением устойчивости как строевой элемент синтаксической системы получает новый заряд валентных свойств, а конструктивная значимость/незначимость строительных элементов предложения (слов и словосочетаний) является важнейшим свойством синтаксических структур и принадлежит к числу языковых универсалий. В дальнейшем эти единицы могут

продолжать реализацию своих потенциалов (синтаксических, словообразовательных и др.), создавая новые производные единицы, содружества словосочетаний (через атрибуцию именных компонентов или иными способами). Исследование материалов словоупотреблений, ограниченных определённым дискурсом, свидетельствует о том, что создание терминологии часто идёт путём образования комплексных полилексемных терминологических стяжений, которые являются продуктивным способом пополнения терминологического кластера в немецком языке.

Устойчивые словосочетания как раздельнооформленные структуры (в формальном плане), но цельные (в семантическом) – ‘in Angriff nehmen’, проходя в речемыслительном процессе своеобразную фильтрацию именно через стяжение (inangriffnehmen), **выдают новую единицу**, которая синхронно получает отличное от словосочетания грамматическое оформление: ‘das Inangriffnehmen’. В результате субстантивации она переходит из глагольной категории в именную, хотя субстантивация в процессе создания по указанной модели новых единиц не эксплицирована, но она присутствует латентно. Следует заметить, что в случае субстантивации в output-структуре сохраняется процессуальность. А для диакритизации значения *вида деятельности* (действия) человека и его результата необходима иная форма, которая была бы лишена процессуальности и которая функционировала бы самостоятельно. Поскольку субстантивированный инфинитив ‘das Nehmen’ таких свойств лишён, то вместо него в состав композиты вступает абстрактное отглагольное существительное женского рода в модифицированной форме: ‘ahd. – nama (um 800), mhd. – name, nhd. – Nahme’, которое в своих функциональных возможностях хотя и лимитировано, но тем не менее оно функционирует, по данным Этимологического словаря [5. С. 1159], *только* в **префиксальных субстантивах**, таких как ‘Abnahme, Annahme, Aufnahme, Einnahme, Entnahme, Übernahme, Zunahme’, образованных в XV–XVIII вв. от соответствующих префиксальных глаголов ‘abnehmen, annehmen, aufnehmen, einnehmen, entnehmen, übernehmen, zunehmen’. Однако, по нашим наблюдениям, указанное существительное функционирует не только в вышеперечисленных отглагольных производных, но и в составе сложных структур, возникших на базе устойчивых словосочетаний рассматриваемого типа. Таким образом, на выходе мы имеем сложные слова: ‘Inangriffnahme, Inanspruchnahme, Inschutznahme’ и др., а композиты, как известно, являются – наряду с други-

ми – мощным фактором, который определяет выразительную силу немецкого языка, а все вместе они создают целую парадигму его выразительных возможностей: ‘zum Ausdruck bringen, ausgedrückt werden, ausdrücken, zum Ausdruck kommen, (sich) ausdrücken’ и др.

На базе номиновербальных комплексов по указанной модели **создаются новые единицы** более абстрактного характера: ‘in Anspruch nehmen – Inanspruchnahme, in Betrieb nehmen – Inbetriebnahme, in Schutz nehmen – Inschutznahme, in Besitz nehmen – Inbesitznahme, in Kauf nehmen – Inkaufnahme, in Angriff nehmen – Inangriffnahme, in Betrieb setzen – Inbetriebsetzung, in Stand setzen – Instandsetzung, in Kraft setzen – Inkraftsetzung, in Dienst stellen – Indienststellung, außer Dienst stellen – Außerdienststellung, außer Betrieb setzen – Außerbetriebsetzung, außer Stand setzen – Außerstandsetzung, außer Kurs setzen – Außerkurssetzung, in Stand halten – Instandhaltung, zu Grunde legen – Zugrundelegung, über Hand nehmen – Überhandnahme, zu Hilfe nehmen – Zuhilfenahme, zur Schau stellen – Zurschaustellung’ и др. **Далее мы приводим пример, иллюстрирующий** наглядно функционирование указанных единиц в тексте: ‘Auch regionales oder typisch dialektales Wortgut ist fehl am Platze, da stets damit gerechnet werden muss, dass der Adressat auf Verständigungsschwierigkeiten stößt, die er erst umständlich und womöglich *unter Zuhilfenahme* eines Wörterbuchs überwinden muss’.

Зафиксированные нами структуры могут служить подтверждением мысли Е. С. Кубряковой о том, что «вербализации абстрактных понятий или концептов всегда предшествует вербализация конкретных концептов из числа определённого ряда “примарных” обозначений... А сформированные в ходе чувственного восприятия мира, такие концепты и их представления явно проступают в исторической перспективе как первичные, благодаря чему вся область наречения конкретных предметов <...> и конкретных действий становится источником формирования более абстрактной лексики и грамматических единиц» [3. С. 74].

Образованные на базе устойчивых глагольных комплексов, дериваты функционируют, как правило, в специальной сфере коммуникации, а именно в техническом дискурсе и потому соответствующим образом коннотированы: они несут в себе коннотацию «книжности». Им присуща высокая степень стандартизации, которая ведёт к лексикализации и грамматикализации. Следует заметить, что базовые устойчивые глагольные комплексы и их производные употребляются в их прямом и точном значении, носят характер терми-

нов, а эти, в свою очередь, не допускают их двойного толкования, поскольку термином является языковое обозначение понятия, единого в своей данности. В этом суть термина, т. е. в его способности однозначно выражать соответствующую информацию. Однозначность понимается как «логический принцип структуры знака (“закон знака”) как основной принцип общей семиологии, согласно которому каждой единице содержания должна соответствовать одна единица выражения и наоборот» [1. С. 281]. **Примеры:** ‘Inangriffnahme’ – начало работ; ‘Inanspruchnahme’ – использование, загрузка, напряжение, нагрузка; ‘Inbetriebnahme’ – ввод в эксплуатацию, пуск в производство, открытие движения; ‘Inschutznahme’ – взятие под защиту; ‘Außerbetriebsetzung’ – остановка, прекращение работ, изъятие из эксплуатации; ‘Außerkurssetzung’ – снятие котировки (бирж), нуллификация денежных знаков (фин.); ‘Instandhaltung’ – текущий ремонт, содержание в исправности; ‘Bahninstandhaltung’ – текущий ремонт ж. д.; ‘Indienststellung’ – устройство на работу (на службу) и др.

Деривационный процесс, состоящий из деривационных актов различной степени производности, в свою очередь, этим не ограничивается, а продолжается как процесс создания новых, но уже терминологизированных единиц в результате морфологического, морфолого-синтаксического, лексико-семантического и лексико-синтаксического способов словообразования в широком понимании, продуцируя целые словообразовательные гнезда. Например, словосочетание ‘in Stand setzen’ как производящая структура и её производные: ‘das Instandsetzen, die Instandsetzung, die Instandsetzungsgrube, die Instandsetzungsschweißung, der Instandsetzer’.

Словосочетание ‘in Kraft treten’ и его производные: ‘das Inkrafttreten, das Wiederinkrafttreten’; словосочетание ‘in Stand halten’ и производные: ‘die Instandhaltung, Instandhaltungskosten, Bahninstandhaltung’; словосочетание ‘in Angriff nehmen’ и производные: ‘die Inangriffnahme, die Wiederinangriffnahme’; словосочетание ‘in Anspruch nehmen’ и производные: ‘die Inanspruchnahme, die Nichtinanspruchnahme’. Таким способом создаются многочисленные терминологические единицы по существующим в языке моделям. Данный способ обладает достаточно высокой степенью продуктивности.

Терминологические словосочетания, их модифицированные формы, так же как и эквивалентные однословные единицы, подчинены закономерностям функционирования в определённой подсистеме (отраслевой) и являются её элементами. Их системные связи, их характеристики

регулируются логико-понятийными отношениями. Кстати, наличие в любой терминологии значительного числа словосочетаний некоторые лингвисты объясняют тем, что прямое, логически оправданное отношение терминологической единицы к обозначаемому предмету, явлению, событию или понятию создаёт неразрывность фразовой структуры, делает словесную группу эквивалентом слова, которая используется как готовая единица, как одно слово, но иной формы.

Наш УНВК-материал может служить основанием для общего вывода о том, что знаковая диакритизация любого факта, явления, любой ситуации, как реального мира, так и виртуального, осуществляется в виде текста, который структурирован словами, словосочетаниями, предложениями и соответствующими паралингвистическими средствами в их тесном взаимодействии, что обусловлено – по Н. В. Бардиной – целым рядом факторов: а именно, историей формирования этноса, традициями, социальными условиями, и проявляется во всей многомерности языкового существования человека: когнитивной конденсации, универбации пучков идей и смыслов, концептуальной системе, психолингвистических особенностях языкового включения в ситуацию [2. С. 57].

Полностью разделяя точку зрения Н. В. Бардиной, мы считаем необходимым подчеркнуть ещё раз, что номинировальные устойчивые словосочетания, представляя собой языковой феномен универсального характера, присущий не только немецкому языку, но и другим европейским языкам (нем. ‘in Kraft treten’, англ. ‘come into force’, фр. ‘entrer en vigueur’), а также славянским языкам (укр. ‘брати до відома’, рус. ‘принять к сведению’), заслуживают более пристального внимания исследователей, особенно в плане сопоставительного терминообразования.

В результате наблюдений и всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что устойчивые номинировальные единицы, реализуя свой словообразовательный потенциал, могут выполнять и выполняют терминообразующую функцию, пополняя выразительные возможности немецкого языка.

В дальнейшем считаем необходимым более детально рассмотреть, какие из моделей отличаются большей или меньшей терминообразующей активностью и какова их специализация в разных сферах функционирования языка.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Совет. энцикл., 1966. 326 с.

2. Бардина, Н. В. Категория «релятивное свойство» в словацких народных песнях // Слов'янський збірник. Одеса, 2004. № 8. С. 57–62.

3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 555 с.

4. Степанова, М. Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М. : Рус. яз., 1979. 536 с.

5. Pfeifer, Wolfgang (Leitung). Etymologisches Wörterbuch des Deutschen : in 3 Bänden. Berlin : Akademie-Verlag, 1989. 2093 s.

6. Wotjak, B. Zur Abgrenzung und Beschreibung verbonominaler Wortverbindungen (Wortidiome, Funktionsverbgefüge, Kollokationen) / B. Wotjak, A. Heine // DaF. 2005. № 4. С. 143–153.

А. А. Шмаков (Барнаул, Россия)

СПЕЦИФИКА БЫТИЯ ТЕКСТА В ДЕВИАНТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

The article is devoted to the specifics of the text being in deviant communication in social networks. Category of text being is considered by the author as a linguistic category, reflecting the presence / absence, special features of formal and meaning transformation of text in the communication process. Form of address in the social networks' texts, according to the author's opinion, plays a key role. In aspect of the impact on the text being such tactics of deviant communicative behavior as "flame", "flooding", "offtopic", "elfing" are analyzed.

Keywords: deviant communication, social networks, text being.

В начале XXI в. ученые-лингвисты активно занимаются изучением явлений, тенденций и процессов, возникших в новой коммуникативной среде – сети Интернет. В данной статье тексты сети Интернет рассматриваются в русле коммуникативного подхода, в рамках которого он понимается как «коммуникативно направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта...» [7. С. 422].

В современной русистике одной из актуальных проблем, связанных с изучением текста, является проблема изучения бытия текста в коммуникативном пространстве: «... в среде текст существует, то есть находится в непрерывной деятельности» [8. С. 16], постоянно испытывая внешнее и внутреннее влияние других текстов, участников коммуникации и пр., он находится в постоянном изменении, никогда не бывая статичным. Прекращение этих постоянных изменений означает выход текста за рамки коммуникативного пространства, поэтому исследование бытия текста представляет собой «рассмотрение воздействий на него коммуникативного пространства...» [8. С. 16]. Задачей исследователей, работающих над решением проблемы бытия текста, является моделирование механизмов формально-содер-

жательных трансформаций текстов в различных коммуникативных средах.

Цель данной статьи – выявление специфики бытия текста в девиантной коммуникации, протекающей в социальных сетях.

Социальные сети представляют собой особый вид диалогических форматов интернет-коммуникации (далее – ДФ ИК) – открытых площадок для «вопросно-ответного взаимодействия коммуникантов» [2. С. 113], наряду с интернет-форматами чата, форума и блога. В нашем понимании, социальная сеть – это формат ИК, позволяющий коммуникантам взаимодействовать в режимах online (реального времени) и offline (отложенной коммуникации) с использованием специально разработанного интерфейса – программных элементов, организующих коммуникативное пространство интернет-ресурса. Социальные сети на практике реализуют идею интерактивного дистанционного, опосредованного техническим средством взаимодействия коммуникантов, создавая динамическую коммуникативную среду, в рамках которой взаимодействуют коммуниканты и созданные ими тексты различного семиотического характера, которые теряют связь с автором и начинают свое собственное бытие в виртуальном информационном пространстве.

В данной статье *бытие текста в ИК* понимается как *лингвистическая категория, характеризующая особенности формально-содержательных трансформаций инициального текста в текст-ответ, происходящих в процессе речекommунитивной деятельности участников интернет-общения.*

С точки зрения Е. В. Сидорова, текст через реализацию своей интерактивной функции позволяет адресанту «...осуществлять знаковое управление деятельностью [речевой и неречевой. – А. Ш.] реципиента (адресата) соотносительно деятельности автора (говорящего)». Без этого бы взаимодействие коммуникантов было бы невозможным – оно бы стало столкновением. Интерактивная функция текста связана с отражением позиций коммуникантов и их отношений в тексте.

Любой текст, созданный в процессе взаимодействия коммуникантов в ДФ ИК, обладает обращенностью – «всеобщей предназначенностью высказывания своему потенциальному адресату» [3. С. 9] – одной из категорий, через которые реализуется интерактивная функция текста («осуществление знакового управления деятельностью адресата»). Создавая текст, говорящий «...не может не принимать во внимание фигуру адресата, который <...> определяет цель любого коммуникативного акта» [6. С. 11]. Наличие эксплицитно выраженного обращения в тексте позволяет выделить тип текста *текст с обращением* [9. С. 139], обладающий специфическим характером бытия в коммуникативном пространстве социальных сетей. В силу того, что в ИК не используются невербальные средства коммуникации, позволяющие выделить адресата, обращение имеет фундаментальную ценность для текста в социальной сети (подробнее об этом см. [9]), поэтому в некоторых русскоязычных социальных сетях при создании текста-ответа обращение автоматически помещается в претекстовую позицию.

Для исследования бытия текста требуется уловить момент «сопряжения» сознаний коммуникантов, в который происходит трансформация *инициального текста в текст-ответ.* Данная задача представляется нам решаемой при помощи использования *методики коммуникативного моделирования бытия текста* (подробнее о данной методике см. [10]) на основе модели коммуникации Б. Ю. Городецкого

Коммуникация в интернет-среде носит не только конструктивный, но и деструктивный характер. В рамках данной статьи *девиантная коммуникация* в социальных сетях трактуется как *отклоняющееся от общепризнанных норм коммуникации речевое поведение, приводящее к*

нарушению этих норм и вызывающее необходимость соответствующей реакции со стороны остальных участников коммуникативного акта.

К числу факторов, способствующих развитию отклонений в процессе коммуникации в сетевой среде, О. Ю. Усачева относит фактор опосредованности коммуникации, подразумевающий ряд других конститутивных характеристик, таких как анонимность и безопасность речевых партнеров (вследствие их физической непредставленности), преобладающая равностатусность и неинституциональность общения ...» [5]. Данные факторы в той или иной мере способствуют снятию целого ряда социокультурных и психологических ограничений, обычно налагаемых на речевое поведение в несетевой коммуникации. Наложение данных стратегий на технические параметры коммуникативной среды определяет специфику бытия текста в девиантной коммуникации в социальных сетях.

Далее рассмотрим модели бытия текста в условиях применения коммуникантами речевых тактик, специфичных для ИК, к числу которых обычно относят «флуд», «флейм» и «оффтоп» [1; 5], на материале текстов, представленных в социальной сети «В контакте» (www.vk.com).

Перечисленные тактики составляют частные реализации такой стратегии девиантной коммуникации, как «троллинг», активно встречающейся в социальных сетях. На сегодняшний день еще не выработано единого понимания понятия ‘троллинг’ (в дословном переводе с англ. ‘trolling’ – ‘ловля рыбы на блесну’), однако, исходя из анализа эмпирического материала, можно сказать, что это вид девиантного поведения в ИК, представляющий собой размещение в социальных сетях текстов провокативного характера с целью нарушения процесса коммуникации и вызова негативной реакции со стороны партнеров по коммуникации. Особенно часто это проявляется в дискуссионных темах ИФ, блогов и социальных сетей. Так, в социальной сети «В Контакте» создаются группы, объявляющие своей целью осуществление девиантной коммуникации посредством троллинга и входящих в него коммуникативных тактик. Характерным представителем подобных интернет-сообществ является группа под названием «Вы все уроды!», члены которой размещают надпись «Вы все уроды» в других группах и на страницах других пользователей.

Категория обращенности во фразе ‘Вы все уроды!’ выражена при помощи личного местоимения ‘Вы’, автор использует местоимение ‘я’ для экспликации собственной позиции: ‘Реально я смотрю сплошные уроды!)))’. Это задает вектор коммуникации ‘от одного – многим’:

Открытая группа

Вы все УРОДЫ!

Описание: Реально я смотрю сплошные уроды!)))) Тусят здесь постоянно... сколько можно эц... целый час просматривал фотографии как в зоопарке... в жизни таких не видел... Все их можно внести как фотографии на тему "дегенераты". Где вы такие беретесь!!? Я вас спрашиваю))))) И почему вас так много?! В шоке... Ктонибудь убейте вас! От безысходности... от общения с такими как вы создал эту группу! Профайл не удалите... хотя бы постебать! Help... freaks attack us!

Местоположение: Санкт-Петербург

Свежие новости

Далее в «Описании» группы (см. рис. выше) адресат никак не конкретизируется или специфицируется, указана лишь причина создания группы «от безысходности <...> от общения с такими как вы...». Наличие невербальных компонентов в тексте («»))» – смайлы, символизирующие улыбку) говорит о том, что автор иронизирует над своим адресатом, и данное высказывание не следует воспринимать как серьезное. Последнее высказывание приведено на английском языке ‘Help... freaks attack us!’ (букв. ‘Помогите... фрики атакуют нас!’) – это звучит как призыв о помощи.

Хотя, на первый взгляд, кажется, что троллинг проникает в процесс коммуникации без видимых причин, последние кроются в реальной действительности, вне интернет-коммуникации. Всегда есть некая докоммуникативная ситуация противоречия между партнерами по коммуникации: имеющиеся разногласия в интересах, установках, целях, во взглядах и мнениях, актуализируемых в ходе общения.

Однако само по себе наличие противоречий между партнерами по коммуникации еще не вызывает речекоммуникативного конфликта. При обнаружении предпосылок девиантной коммуникации (в частности, провоцирующего инициального текста) выбор модели построения текста-ответа и результат коммуникативного акта зависят от избранной речекоммуникативной стратегии: кооперативной или конфронтационной. В ДФ ИК наблюдается тенденция к доминированию второй тенденции, что определяет специфику бытия текста с обращением, заключающуюся во «всплеске» текстов-ответов, построенных по модели девиантного инициального текста. Рассмотрим данные модели подробнее.

1. *Флуд* (от англ. ‘flood’ – ‘наводнение’) – это «поток сообщений, не несущий никакой смысловой нагрузки в отношении того контекста, в который он помещается, это «мусорный трафик», который вполне можно удалить без нарушения всего контекста» [1. С. 22]. Для интернет-ком-

муниканта, оставляющего неинформативное сообщение, важно, чтобы его выделили среди остальных, заметили его неординарность (например, комментирование фотографий при помощи наборов букв или иных знаков), он хочет сделать так, чтобы его высказывания нельзя было не заметить, однако при этом они абсолютно не связаны с контекстом в смысловом отношении, как, например, в комментариях к фотографии, размещенной на одной из страниц социальной сети «В контакте»:

В приведенном примере отображены «комментарии» к фотографии, на которой изображены различные типы макияжа для глаз и имеется подпись «чарующий взгляд». Говорить о прогнозируемости бытия текста в данных коммуникативных условиях представляется невозможным. Поток информационно пустых сообщений имеет волнообразный характер: как только интерес к инициальному тексту проходит, он сразу прекращается. Все тексты построены по единой модели и содержат служебные графические знаки, которые нельзя однозначно интерпретировать в ситуации коммуникации: косую черту, точку, буквы алфавита и проч.

2. *Флейм* (от англ. ‘flame’ – ‘пламя’) является второй коммуникативной тактикой троллинга и, по определению О. В. Лутовиновой, представляет собой, во-первых, «грубое провокационное сообщение, направленное на разжигание ссоры, а также процесс этой ссоры, заключающийся в отходе от темы дискуссии, переходе на личности спорящих, использовании упреков и брани вместо аргументов, а во-вторых, трактуется как разговор с нулевой информативностью...» [1. С. 21].

Флейм в социальной сети – это своеобразная «коммуникативная борьба», когда из множества коммуникантов, обсуждающих ту или иную тему, в центр воображаемой «арены» выходят двое и начинают доказывать свое превосходство, используя при этом инвективную лексику, ненормативное словотворчество, невербальные средства (картинки и флеш-анимацию). Коммуникативные партнеры не склонны к прекращению конфликта, наоборот, доминирующим является стремление коммуникативно победить своего собеседника, следовательно, используется конфронтационная коммуникативная стратегия. Часто развитие коммуникативного акта данного типа прерывается действиями администратора или модератора интернет-ресурса: фрагмент коммуникативного акта, содержащий флейм, может быть удален, но некоторые сообщения остаются, при этом они не несут никакой информационной нагрузки, затрудняя понимание инициального текста. Так, в

одной из групп социальной сети «В Контакте» читаем следующие комментарии к фото:

Сообщения от пользователя «Сергей Сорокин» адресовано коммуниканту по имени Артём¹, сообщение которого не отображено: возможно, оно удалено модератором. Кроме того, нельзя определенно сказать, кому адресовано сообщение «Потеряйся овчарка сутулая» от коммуниканта «Иришка Беля», поскольку оно содержит обращение-характеристику («овчарка сутулая»), а не обращение-индекс (имя собственное, кличка, ник-нейм или проч.), и может быть отнесено к любому потенциальному собеседнику. В правом нижнем углу каждого комментария есть кнопка в форме сердца – так называемый «лайк» – индикатор того, что сообщение понравилось другим пользователям, показатель положительной обратной связи. Данное средство интерфейса оказывает влияние на бытие текста, поскольку эксплицирует адресатов, воспринявших и положительно оценивших текст.

При использовании коммуникативной тактики «флейм» текст инициального сообщения быстро теряет свою актуальность, внимание коммуникантов переносится на диа- или полилог, развивающийся в комментариях.

3. Третьей коммуникативной тактикой троллинга в ДФ ИК является так называемый *оффтоп* (от англ. 'off topic' – 'вне темы') – сознательное размещение сообщений, не соответствующих обсуждаемой тематике. Бытие текста «оффтоповых» сообщений зависит от качества модерации (т. е. мониторинга, редактирования и удаления сообщений, не соответствующих теме или нарушающих нормы общения) в дискуссионной группе. Оффтоп создает помехи для бытия других ИТ, поскольку нарушает принцип ситуативной уместности коммуникации.

Как показывает текстовый материал, в процессе коммуникации может возникнуть такая ситуация, когда «оффтоповое» сообщение приобретает среди участников коммуникации большую популярность, нежели сообщения по теме. Так, в группе «Полный бак» в социальной сети «В контакте» открыта тема для обсуждения «Максимальная скорость, с которой Вы ездили», в рам-

ках которой участники группы оставляют тексты сообщений, построенные по модели «Максимальная скорость + марка автомобиля + технические характеристики + оценочный компонент» (см. первое сообщение в приведенном ниже примере).

Однако один из коммуникантов оставил комментарий, который и тематически, и структурно выбивается из общей массы текстов: «Никогда не гоняйте по мокрой дороге!» Данное сообщение получило 27 «лайков», поскольку, хотя оно непосредственно не связано с темой, но на прагматическом уровне коммуниканты понимают, что превышение скорости опасно для жизни, поэтому «лайк» выступает здесь как средство выражения согласия с высказанной мыслью.

4. Помимо трех рассмотренных выше коммуникативных тактик троллинга, имеющих открытый конфронтационный характер, существует еще одна тактика – *эльфинг* (от англ. 'elf' – 'эльф') – «подвид троллинга, когда провокационные сообщения маскируются под положительные отзывы об одном или нескольких участниках обсуждения» [4. С. 390]. Стратегии поведения эльфов озвучены в одном из сообщений в группе «Эльфинг»:

Обозначенное в примере «пуристское» отношение к коммуникации в сети Интернет является потенциальным конфликтогеном, поскольку использование языка письменной коммуникации не уместно в рамках-интернет-общения. «Идеальная вежливость» и отсутствие орфографических ошибок не могут служить универсальным условием для достижения успеха в коммуникации. Таким образом, нарушение коммуникативного принципа уместности является помехой для бытия инициального текста с обращением в социальных сетях.

Таким образом, коммуникативный акт двивантной коммуникации в социальных сетях представляет собой сложно прогнозируемую коммуникативную структуру. В данном типе коммуникативного акта бытие текста носит «волнообразный характер»: инициальный текст вызывает большой интерес на короткое время, за которое создается множество текстов-ответов. В процессе развертывания речевого акта в услови-



Валерий Рыжков

280 Mitsubishi Lancer Evolution IX GT GH-CT9A (2005)и ни чуть не страшно,это ж не какаято руская самопряха

Online

27 июл 2013 в 17:33 | Это спам | Ответить

♥ 1



Ibra Sanchez

НИКОГДА НЕ ГОНЯЙТЕ ПО МОКРОЙ ДОРОГЕ!!

27 июл 2013 в 17:33 | Это спам | Ответить

♥ 27

ях девиантной коммуникации коммуникативный фокус перемещается с предмета обсуждения на характер обсуждения или личности коммуникантов, что соответствует целям основной стратегии девиантной коммуникации в социальных сетях – троллинга – провоцирование собеседника на конфликт и, как следствие, конечный разрыв / прекращение коммуникации. Перспективы исследования заключаются в разработке рекомендаций по преодолению негативного влияния, оказываемого девиациями на процесс общения в диалогических форматах интернет-коммуникации.

Примечание

¹ В социальной сети «В Контакте» есть опция автоматического добавления обращения при комментировании в начале фразы.

Список сокращений

ДФ ИК – диалогические форматы интернет-коммуникации

ИК – интернет-коммуникация

Список литературы

1. Лутовинова, О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013.

2. Масленников, И. С. Коммуникативное взаимодействие вопросно-ответного диалога как неотъемлемого компонента диалогического дискурса // Наук. зап. Луган. націон. ун-ту. Сер. «Філол. науки». Дискурсологія : мова, культура, суспільство : зб. наук. праць. Луганськ, 2012. № (1) 35. С. 113–121.

3. Митрофанова, Т. А. Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

4. Полудина, В. П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Общество потребления : социальные и культурные основания. 2011. Т. XIV, № 5 (58). С. 386–394.

5. Усачева, О. Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов) [Электронный ресурс]. URL : <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.pdf> (дата обращения: 12.10.2013)

6. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. Изд. 3-е, испр. М., 2009.

7. Чувакин, А. А. К проблеме сущности текста // Русский язык : исторические судьбы и современность : II Междунар. конгр. исслед. рус. яз. : тр. и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 421–422.

8. Чувакин, А. А. Текст как объект исследования современной филологии // Текст в коммуникативном пространстве современной России : монография / А. А. Чувакин, И. Ю. Качесова, Н. В. Панченко и др.; науч. ред. Т. В. Чернышова, А. А. Чувакин. Барнаул, 2011. С. 7–17.

9. Шмаков, А. А. Коммуникативная сущность обращения как компонента текстов диалогических форматов интернет-коммуникации // Филология и человек. 2013. № 1. С. 139–146.

10. Шмаков, А. А. Коммуникативное моделирование как методика изучения бытия текста с обращением в интернет-коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 15–18.

Л. Ю. Щипицина (Архангельск, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ В СЕТЕВЫХ КОММЕНТАРИЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Online comments are short statements of readers about the original material, integrated into different genres of Internet communication. The article explains the perspective of their study in terms of topic development. Topic development is defined as the order of the substantial components of the text. The text must be understood in this case from the macro-structural positions as a complex of messages related to the original material. The first pilot analysis of topic development in online comments shows such its types as topic identity, topic contrariety, topic drift and argumentation.

Keywords: online comment, text, topic, composition, coherence.

В связи с распространением и развитием коммуникационных технологий все большую значимость в жизни каждого человека приобретают различные жанры и формы общения в Интернете. Особое значение среди коммуникативных практик использования Интернета имеют социальные разновидности интернет-коммуникации, в том числе, написание комментариев к различным сетевым материалам, получившее широкое распространение в последние годы. В связи с недолгой историей своего существования сетевое комментирование только начинает привлекать внимание исследователей: к настоящему моменту имеется лишь несколько лингвистических работ, описывающих различные аспекты сетевых комментариев [1; 7; 9; 11; 15]. В нашей статье мы предлагаем обратиться к анализу тематического развертывания в сетевых комментариях, т. е. **выяснить**, каким образом в сетевых комментариях интернет-пользователей подхватывается и разворачивается тема, заданная исходным сетевым материалом.

Определяя базовые термины, используемые в нашей статье, прежде всего, дадим наше определение сетевому комментарию. Сетевым комментарием – это короткое сообщение, выражающее мнение читателя о различном исходном сетевом материале. Форма для сетевого комментария предусмотрена в интерфейсе многих жанров интернет-коммуникации (социальные сети, блоги, Твиттер, сетевые СМИ и т. д.), **которая так и обозначается** – «комментировать» (социальная сеть «В контакте», <http://vk.com>) или “kommentieren” (блоги на немецкоязычном сервере <http://www.blogger.de>). Кроме того, в названных жанрах обычно указывается количество комментариев к исходному сообщению, например, в статье сетевого СМИ: *Churer Bischof kanzelt Homosexuelle ab – 64 Kommentare* (<http://www.nzz.ch>, 08.12.2013). Соответственно, термин ‘комментарий’ является заданным программами, обеспечивающими общение в различных жанрах интернет-коммуникации, что свидетельствует о правомерности его использования.

Некоторые авторы, правда, пытаются отказаться от этого термина в пользу обозначения ‘зрительский отклик’, обосновывая это тем, что комментирование – лишь одна из функций зрительского отклика наряду с поздравлениями, директивами и вопросами [1. С. 8]. Тем не менее, на наш взгляд, этимология исходного латинского обозначения ‘commentarius’ (from ‘com- intensive prefix + base of ‘meminisse’ ‘to remember’ [14]) не противоречит широкому функциональному пониманию термина ‘комментарий’.

Для анализа тематического развертывания, т. е. одного из текстовых аспектов изучения сетевого комментария, необходимо определить его текстовые границы. Как и в случае других социальных жанров Интернета (компьютерного форума, дискуссии в социальной сети, блоге или Твиттере), сетевое комментирование имеет сложную текстовую природу. В подобных случаях текстом можно считать либо сообщение отдельного пользователя (смена говорящего влечет за собой новое высказывание [3. С. 263], т. е. новый текст), либо всю совокупность сообщений, объединенных одной темой (форум), исходным сообщением (блог, комментарии к сетевой статье) или личностью автора (Твиттер). Исходя из наших идей о модификации понятия текста в новых коммуникативных условиях [12], мы предлагаем в подобных случаях выделять разные уровни текстовой организации: *микроуровень* (уровень отдельного сообщения) и *макроуровень* (совокупность сообщений, относящихся к одной теме или одному автору, отграниченная в интерфейсе определенного интернет-жанра от других дискуссий). Изучение тематического развертывания в сетевых комментариях возможно именно на макроуровне, уровне нескольких сообщений, соотносимых с исходным сетевым материалом.

Актуальность изучения развития темы в сетевых комментариях диктуется наблюдениями исследователей над общественной значимостью этого жанра. Так, по мнению И. А. Ушановой, комментарии к текстам сетевых СМИ образуют «резонансное пространство» медийного дискурса: используя темы СМИ, они «обрабатывают» их, дают им дальнейшее развитие, а также служат источником новых тем [11. С. 108–109]. Эта идея, а также собственные наблюдения над функционированием сетевых комментариев в различных интернет-жанрах, побудили нас обратиться именно к изучению тематического развертывания в сетевых комментариях. Но прежде требуется дать определение тематическому развертыванию и понять, как этот термин связан с композицией текста.

Анализ специальной литературы свидетельствует о том, что среди лингвистов нет единого мнения о термине, используемом для описания интересующего нас явления. Так, некоторые авторы используют понятия композиции текста (О. И. Москальская), организации текста (Л. И. Гришаева) и **структуры текста** (Н. С. Болотнова), не акцентирующие внимания на динамических моментах построения текста, которые выходят на первый план в таких терминах, как тематическое развертывание (нем. *Themenent-*

faltung, грамматика Duden), тематическое развитие (Ю. В. Косицина), коммуникативное развертывание (Т. А. Кожетьева), коммуникативная преемственность (тема-рематическая цепочка) (О. И. Москальская), смысловое развертывание (Н. Г. Соломатина, Н. С. Болотнова). Но даже используя понятие коммуникативного или смыслового развертывания, автор не всегда определяет его или соотносит с другими известными терминами текстологии.

Наш анализ определений композиции текста, а также классификаций различных видов тематического развертывания, позволяет прийти к выводу, что тематическое (коммуникативное) развертывание – это один из видов текстового развертывания, которое, в свою очередь, включается в композицию (или организацию) текста. Так, согласно одному из определений, композиция текста – это схема организации и структурной упорядоченности целого текста, отражающая строение, соотношение и взаимное расположение его частей, членение на смысловые элементы, степень и характер выраженности этих элементов, порядок их следования и взаимосвязь между ними [2. С. 168]. Из данного определения следует, во-первых, синонимичность понятий композиции и организации текста (композиция – это схема организации <...> целого текста), а во-вторых, включенность в понятие композиции текста текстового развертывания (=порядка следования текстовых элементов).

Развертывание текста может осуществляться на уровне смысла текста (как последовательное или параллельное развитие мыслей, вертикальное и горизонтальное направление их движения и способы их сопоставления) и на уровне его содержания, темы (как способ раскрытия компонентов содержания через их расположение в составе целого), ср. идеи Е. А. Баженовой о структурно-смысловом и композиционно-содержательном плане текста [2. С. 169]. Аналогичные идеи о разных видах текстового развертывания, правда, в иных терминах, высказывают Л. И. Гришаева [5] и Ю. Ю. Волкова [4], говоря о макросинтаксической и макротематической организации текста. Соответственно, можно выделить как минимум два вида текстового развертывания – смысловое и тематическое. Анализируя различные научные работы, в которых исследуется смысловое или тематическое развертывание, мы приходим к выводу, что анализ смыслового развертывания осуществляется «сверху», исходя из целого текста, а тематического – «снизу», из определения темы каждой пропозиции (предложения) и выявления типа ее соотношения с темами предыдущих про-

позиций. При исследовании сетевых комментариев вряд ли приходится говорить о целом тексте, поскольку здесь имеется исходный (комментируемый) сетевой материал и обычно небольшие по объему сообщения разных авторов об этом материале. По названной причине мы предлагаем в данном конкретном случае сосредоточиться на *тематическом* развертывании.

Тематическое (или коммуникативное) развертывание, таким образом, – это порядок следования тем и микротем текста в текстовом целом, при этом каждую тему или микротему можно соотносить с определенными ключевыми словами. Соответственно, изучение тематического развертывания предполагает, с одной стороны, выявление определенных смысловых линий (тем и микротем) текста, а с другой, способов их сочетания и сочленения в текстовом целом.

Виды тематического развертывания выделяются на разных основаниях, соответственно, различные исследователи предлагают разные их классификации. Наиболее известной является классификация, представленная в трудах О. И. Москальской, развивающей идеи об актуальном членении предложения и применяющей их к целому тексту. Исследователь предлагает выделять следующие виды тематического развертывания: 1) простая линейная тематическая прогрессия – пошаговая тематизация ремы, 2) тема-рематическая цепочка со сквозной темой; 3) тема-рематическая цепочка на базе производных тем, вытекающих из общей темы (гипертемы) [10. С. 21–30]. Л. И. Гришаева называет среди видов тематического развертывания еще два: 4) прерывание темы; 5) тематический сдвиг [5. С. 136].

Ю. В. Косицина, изучая устную диалектную монологическую речь на русском языке, выявила следующие типы тематического развертывания [8. С. 282]:

1) *тождество*, реализуемое в двух подвидах: а) текущая и предыдущая подтемы и микротемы принадлежат одной и той же теме; б) текущая и предыдущая темы служат раскрытию заданной гипертемы;

2) *включение*: а) текущая тема и предыдущая гипертема соотносятся друг с другом как видовое и родовое понятия; б) текущая гипертема и предыдущая тема соотносятся как родовое и видовое понятия;

3) *пересечение*: текущая и предыдущая темы / подтемы / микротемы имеют общую смысловую зону, а выражающие их тематические цепочки – общие номинации; возникновение текущей темы связано с законом ассоциативного присоединения;

4) *контрарность*: текущая тема противопоставлена предыдущей теме по различным основаниям;

5) *исключение*: отсутствие когерентной связи между темами.

Сопоставление двух предложенных классификаций свидетельствует о наличии в них многих общих элементов, в частности, тождество и включение представляют собой разные виды комбинаций тема-рематических цепочек со сквозной темой и гипертемой, пересечение можно сопоставить с тематическим сдвигом, а исключение – с прерыванием темы. В то же время нельзя не признать, что классификация Ю. В. Косициной более детальна, поскольку она соотносится с конкретным типом речевого материала (устная (т. е. спонтанная) монологическая речь), и включает, в частности, такой интересный вид тематического развертывания, как *контрарность*.

Не ставя перед собой цель представить в данной статье все виды тематического развертывания, присущие сетевым комментариям, проиллюстрируем реализацию названных в двух приведенных выше классификациях типов тематического развертывания на этом новом жанре. В качестве материала нашего пилотного исследования использованы комментарии читателей к статье “*Reallöhne in Deutschland sinken*”, опубликованной 19.12.2013 в немецкой газете *Zeit online* (www.zeit.de).

Так, в первом комментарии к данной статье, написанном пользователем *Gerry10*, мы наблюдаем *контрарность* (пример 1, здесь и далее в примерах сохранено авторское написание).

(1) *Ha, kann nicht sein...*

...haben wir doch erst im September gelernt das es Deutschland gut geht... (*Gerry10*, 19.12.2013, *Reallöhne...*).

Мы можем прийти к выводу о *контрарном* развертывании темы, начатой основным текстом статьи и продолжаемой заголовком комментария 1, находя общие тематические номинации в тексте и комментарии, а также средства отрицания и антонимы. Так, мысленно дополняя заголовок комментария выпущенным в нем местоимением ‘das’, которое относится к гипертеме основной статьи (“*Sinkende Löhne in Deutschland*” ‘падение зарплат в Германии’), мы делаем вывод об эллиптической связности комментария с гипертемой, но из-за использования читателем отрицательной частицы ‘nicht’ мы понимаем, что он не согласен с высказыванием, содержащемся в гипертеме. Те же отношения *контрарности* наблюдаются и в основном высказывании комментария, где повторяется одно из ключевых слов, выражающих

тему (*Deutschland*), но наряду с этим используется антонимичное выражение (‘es geht gut’ ‘дела идут хорошо’), противоречащее гипертеме (‘*Reallöhne sinken*’ ‘зарплаты снижаются’). Конечно, междометие ‘Ha’ и использование фразы ‘haben wir doch erst im September gelernt’ (‘мы узнали в сентябре’) свидетельствует об ироничном характере данного комментария, т. е. **несмотря на контрарное** развертывание в нем гипертемы это не означает, что автор отрицает данную ситуацию. Скорее, *контрарное* развитие темы и ирония свидетельствуют о том, что автор высмеивает правящую идеологию, манипулирующую статистикой, и отражающие ее СМИ.

К похожему выводу, но через другие языковые способы развертывания темы, приходит другой автор комментария (пример 2).

(2) *Ich wußte gar...*

nicht, dass die Reallöhne in den letzten Jahren gestiegen sind. Ich hatte eher den umgekehrten Eindruck. Es gibt einen sehr guten Statistik-Professor, der zeigt wie man man Statistiken betrügen kann. Ich glaube euch und unserer Regierung kein Wort (Timonos, 19.12.2013, *Reallöhne...*).

В примере 2 мы наблюдаем тождество подтемы ‘**подъем зарплат в Германии на протяжении предыдущих лет**’, **выраженной в тексте статьи** статистически (2012 hatte es noch ein reales Plus von 0,5 Prozent gegeben, 2011 von 1,2 Prozent und 2010 von 1,5 Prozent), а в **первом предложении комментария** читателя – в виде обобщения ‘die Reallöhne in den letzten Jahren sind gestiegen’. Правда, в следующем предложении эта тема отрицается с помощью прилагательного ‘umgekehrt’ (‘противоположный’), т. е. наблюдается *контрарное* развитие этой темы. Затем автор комментария подхватывает другую тему исходного текста – ‘статистические данные’, но не подтверждая идеи статьи, иллюстрируемые этими данными, а размышляя над возможностью манипулирования ими. Этот тип развертывания темы можно считать пересечением. Тема ‘обман с помощью статистических данных’ продолжается завершающим высказыванием в комментарии 2 ‘Ich glaube euch und unserer Regierung kein Wort’ (‘Я не верю вам и нашему правительству’), что является своего рода следствием из сказанного ранее. Подобный тип развития темы в названных выше классификациях не встречался, но упоминается как аргументативный среди типов развертывания темы, выделяемых в грамматике Дуден [13. С. 860].

Подобный анализ можно продолжать, но уже первые наблюдения над развертыванием темы в сетевых комментариях свидетельствуют о применимости к ним разных классификаций типов

тематического развертывания, а также о том, что особенности тематического развертывания обусловлены спецификой жанра сетевого комментария и спецификой исходного комментируемого материала. В частности, нами были рассмотрены комментарии к текстам сетевых СМИ. Вероятно, что развертывание темы в комментариях материалов социальных сетей, относящихся к персональному или деловому дискурсу, будет иметь свои особенности.

Таким образом, сетевые комментарии как короткие высказывания читателей об исходном сетевом материале, интегрируемые в разные жанры интернет-коммуникации, вполне перспективно изучать с позиций тематического развертывания. Это позволяет не только получить собственно лингвистические выводы о типах тематического развертывания, представленного в этом жанре, но и выйти на уровень прагматического объяснения соответствующего дискурса и выявления его манипулятивного потенциала. При этом необходимо учитывать, что текст в данном случае понимается с макропозиций как совокупность сообщений разных авторов, относящихся к исходному сетевому материалу. Перспективой исследования является выявление наиболее типичных способов развертывания темы в сетевых комментариях в целом и в сетевых комментариях разных жанров, в частности.

Список литературы

1. Андреева, Д. А. Фрейм дискурсивного события «зрительский отклик на сообщение новостей» // Дайджест – 2012 : дипломные работы студентов факультета РГФ ВГУ / под ред. Н. А. Фененко. Воронеж, 2012. Вып. 13. С. 8–15.
2. Баженова, Е. А. Композиция текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 168–173.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
4. Волкова, Ю. Ю. Особенности макротекстовой организации интервью (на материале актуальных немецких медийных текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 266 с.
5. Гришаева, Л. И. Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов : учеб. материалы к курсу лекций (на немецком языке). Воронеж : ВГУ, 2009. 159 с.
6. Гришаева, Л. И. О принципах развития темы в тексте // Когнитивные исследования языка. 2010. № 6. С. 48–51.

7. Интернет-комментарий к статье на сайте как речевой жанр // Интернет-пространство : речевой портрет пользователя / Т. И. Попова, И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова, В. М. Савотина. СПб. : Эйдос, 2012. С. 159–164.

8. Косицина, Ю. В. Текущее тематическое развитие : когерентный и когезивный аспекты // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2012. Т. 4, № 3. С. 281–284.

9. Митягина, В. А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Орел : ОГИИК : Горизонт, 2012. С. 188–197.

10. Москальская, О. И. Грамматика текста : пособие по грамматике немецкого языка. М. : Высш. шк., 1981. 183 с.

11. Ушанова, И. А. Комментарии читателей в новых медиа как форма интернет-коммуникации // Язык и межкультурная коммуникация : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. (Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.) : в 2 т. Т. 2. / отв. ред. О. А. Александрова, Е. Ф. Жукова. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 105–109.

12. Щипицина, Л. Ю. Понятие текста компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та. 2009. Т. 2, № 4. С. 54–60.

13. Duden. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. von G. Drosdowski. Mannheim et al. : Dudenverlag, 1995. 864 s.

14. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL : <http://www.etymonline.com>.

15. Taddicken, M. Ich kommentiere, also bin ich. Community Research am Beispiel des Diskussionsforums der ZEIT Online / M. Taddicken, K. Bund // Die Online-Inhaltsanalyse. Forschungsobjekt Internet / M. Welker & C. Wunsch (eds.). Köln : Herbert von Halem Verlag, 2010. S. 167–190.

Источники практического материала

1. Churer Bischof kanzelt Homosexuelle ab [Электронный ресурс] // Neue Zürcher Zeitung. 08.12.2013. URL : <http://www.nzz.ch/nzzas/nzzas-sonntag/churer-bischof-kanzelt-homosexuelle-ab-1.18200247>.
2. Reallöhne in Deutschland sinken [Электронный ресурс] // Zeit online. 19.12.2013. URL : <http://www.zeit.de/wirtschaft/2013-12/loehne-inflation-statistisches-bundesamt>.

РОЛЕВАЯ СЕМАНТИКА ПОСЛЕГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

The paper focuses on correlation of the non-spatial and spatial information in the semantics of English prepositions expressing "space localization at a distance": at, by, beside, off, near (to). The term "spatial properties" is understood as semantic information about human perception of geometrical characteristics of objects, such as size, shape and correlation of objects in space, such as distance between objects, direction of movement, area between and around objects. Non-spatial properties are functional properties. They convey information about all types of possible interaction between objects, such as user-instrument relations, part-whole relations, etc.

Keywords: functional properties, non-spatial information, part-whole relations, phrasal verbs, prepositions, semantics, semantic roles, spatial information, user-instrument relation.

Изучая семантику английских пространственных проксимально-дистантных предлогов (*at, by, beside, near, off*) в рамках предложно-номинативных конструкций, мы заинтересовались вопросом: меняется ли ролевая семантика этих языковых единиц, если они выступают в качестве послелога при глаголе.

Для начала рассмотрим семантические левосторонние / правосторонние семантические актанты упомянутых проксимально-дистантных предлогов. Под семантическими актантами мы, вслед за И. М. Богуславским и И. А. Мельчуком, подразумеваем фрагменты семантической структуры лексемы, заполняющие ее валентности [2. С. 23–24; 5. С. 135].

Предлог имеет не менее двух семантических валентностей, т. к. номинирует отношения, как минимум, между двумя сущностями. Если не заполнена правая валентность предлога, являющаяся для него обязательной, предлог становится наречием, т. е. происходит лексико-грамматическое варьирование языковой единицы. Левая же, пассивная валентность предлога может быть синтаксически невыраженной, т. е. иметь «конситуативное заполнение». Как правило, это происходит в эллиптических предложениях, или в неполных конструкциях, например, в заглавиях (вследствие генерализации: метонимического переноса 'конкретное → абстрактное', когда валентность может быть заполнена названием любого объекта, удовлетворяющего общим когнитивным условиям):

На берегу.

Где ты был? – Возле дома.

At a Distance. (Название известной песни)

Левая валентность рассматриваемых предлогов может быть заполнена:

1) беспредложной именной группой (*a house near Y; a man at Y; people by Y; a woman beside Y; a hotel off Y; etc.*);

2) предложной именной группой (*to a chair near Y; on the level at Y; in the house by Y; on the*

coach beside Y; in the waters off Y etc.);

3) предикатом: состояния (*be/ live near Y; stay at Y; remain by Y; sit by / beside Y; live off Y etc.*), прекращения движения (*come near to Y; stop at Y; be stopped off Y etc.*), движения (*walk beside Y; run by Y etc.*). В этом случае левое окружение предлога может включать в себя еще одну валентность – информацию о субъекте действия. Следовательно, в этой ситуации было бы целесообразнее пронумеровать валентности, учитывая естественный порядок появления словоформ, их реализующих.

Правая валентность предлога, как правило, заполняется:

1) беспредложной именной группой (*X near the museum; X at table; X by the fire; X beside my car; X off the road; etc.*);

2) [реже] вводимым союзом предложением (*I had passed a table at which sat a pale man with an open book before him (M. Beerbohm)*).

Из всех вышеперечисленных вариантов заполнения левой валентности исследуемых единиц, нас, прежде всего, интересуют предикаты, т. к. именно в этом случае взаимодействие глагола и предлога может привести к формированию так называемого «фразового глагола», являющегося, по мнению С. Ю. Богдановой, довольно продуктивным и устойчивым способом словообразования в английском языке [1].

В глагольно-предложных конструкциях типа 'глагол + предлог + существительное', соответственно, левая валентность заполняется предикатом, а правая – беспредложной именной группой, представляющей собой фон или локум.

Предикат **состояния + предлог + существительное:**

You shall be beside me in the church.

I find it helpful to keep several dictionaries by me so as to compare their wording.

Young Jolyon stood motionless at the corner, looking after the cab (Galsworthy)

We were near the outskirts of London (Beerbohm)

Her house is just off Western Avenue (Willis).

Предикат прекращения движения + предлог + существительное

They stopped at a roadhouse, and he put in more gasoline <...> and made sure that his machine was at its best (Dixon).

As they came near to the better tower of the two, the jackdaws circled round them (Blyton).

Предикат движения + предлог + существительное

He was walking beside me.

With a splash he rose by her side, lifting her screaming in his arms (Dixon)

Во всех вышеперечисленных примерах предлоги выполняют функцию пространственных реляторов, отражая ситуацию статической или динамической локализации, а также общие и частные топологические характеристики локализуемого объекта (фигуры) и локума (фона). Подробно данная информация была нами изложена в [6; 8].

Следует отметить, что семантическая структура исследуемых проксимально-дистантных предлогов не исчерпывается обозначением геометрического пространства. На основе геометрического представления о пространстве выделяются типы пространств, образованные другими (непространственными) отношениями. Такие непространственные отношения чаще всего определяются как функциональные. Говоря о функциональных отношениях между предметами (объектами), исследователи, как правило, имеют в виду способы их взаимодействия – «физически, социально или любым иным конвенциональным способом» [7. С. 229].

Так, употребление предлога *at* в конструкции ‘предикат состояния + предлог + существительное’ отражает содержащуюся в его семантике информацию о функциональных отношениях ‘агенса действия – инструмент’, существующих в момент речи. Функциональная предназначенность фона (инструмента) определяет действия фигуры (агенса) в момент описания ситуации. Фигура находится в т. н. «рабочей позиции» по отношению к фону, что, в большинстве случаев, конвенционально подразумевает обоюдную фасадную ориентированность фигуры и фона – «лицом друг другу».

In the afternoon they changed places, and the King stood at the anvil and the Lad at the bellows (Beerbohm). В данном примере представлено два агенса – ‘the King’, ‘the Lad’; и, соответственно, два инструмента – ‘the anvil’, ‘the bellows’.

В семантике предлога ‘beside’ содержится информация о потенциальных функциональных

отношениях сопологаемых объектов, т. е. отношениях, имеющих вероятность существования с точки зрения говорящего (или определяемых им как возможное при реализации некоторых условий физическое или психологическое воздействие фона на фигуру). Так, в конструкциях типа ‘предикат состояния + предлог + существительное/местоимение’ отражены потенциальные отношения ‘агенса действия – пациент’: фигура и фон являются потенциальными агенсом действия (фон) и пациентом (фигура).

Например, если оба объекта являются живыми существами, то дейктическим (смысловым) центром ситуации становится поведение фигуры, состояние и т. д.; или восприятие говорящим или фигурой фона.

‘Picture *her* lying beside *that rich old man*! Think of his hands on *her* – and be strong!’ (Price). Потенциальный агент – ‘**That rich old man**’ (фон), потенциальный пациент – ‘*she*’ (фигура).

‘She’s a frost. If *I* have to sit beside *her* an hour I’ll catch cold and die, I swear it!’ (Dixon). Потенциальный агент – ‘*her*’ (фон), потенциальный пациент – ‘*I*’ (фигура).

В семантике предлога ‘by’, употребленного в конструкции ‘предикат состояния + предлог + существительное/местоимение’, также содержится информация о потенциальных функциональных отношениях между сопологаемыми объектами. Однако они несколько отличаются от отношений, обозначаемых предлогом ‘beside’. В первую очередь это затрагивает временную отнесенность данного типа отношений – они могут предполагаться как существовавшие не только в момент речи, но и до него. Во-вторых, кроме отношений ‘агенса действия – пациент’, данный предлог может актуализировать информацию ‘агенса действия – инструмент’ – местонахождение фигуры в области фона определяется целью возможной реализации таких отношений – фигура находится в так называемой «позиции ожидания».

‘Look at you, you’re just about to have a chill. You’ll sit right down there by *the fire* and let me get you something to drink’ (Hammett). Агент действия – ‘fire’ (фон), пациент – ‘you’ (фигура).

‘The message said “*Jessie-Ann*, stay by *the telephone*”’. Потенциальный агент действия – фигура (‘*Jessie-Ann*’), потенциальный инструмент – фон (‘the telephone’).

‘*Cassie* sat by *the radio* that night after everyone had left’ (Steel). Потенциальный агент действия – фигура (‘*Cassie*’), потенциальный инструмент – фон (‘the radio’).

Предлоги ‘near (to)’ и ‘off’ (в проксимально-дистантном значении) не содержат информации

о функциональных отношениях сопологаемых объектов. Предлог 'near' сообщает «чисто геометрическую» информацию. Предлог 'off' сообщает об отсутствии или прекращении актантных функциональных отношений между локализуемыми объектами. Наличие этого компонента в структуре проксимально-дистантного значения 'off', вероятно, можно объяснить метонимизацией первого варианта значения пространственно-динамического 'off', в котором отмечается отсутствие функциональной связи между фигурой и фоном [3; 4].

Можно предположить, что при образовании так называемых «фразовых глаголов» в английском языке происходит изменение ролевой семантики предложной лексики в сторону предиката, т. е. на первый план выходят не пространственная локализация и топологические характеристики участников ситуации, а характер действия, что в дальнейшем позволяет «обойтись» без заполнения правой валентности предлога, способствуя его переходу в другой частеречный класс.

В этом случае может происходить переосмысление пространственных значений в рамках геометрического пространства – направленности вглубь (концепт глубины – 'in, down'), достижения цели (концепт завершенности действия – 'up'), пространственного отграничения (предлоги 'in, off, out') и пр. [1], распространении действия в пространстве 'spread off, bear off, lay by' и др.

Однако у большей части послелогов при фразовых глаголах информация о пространственных отношениях, на наш взгляд, подвергается реконцептуализации – обозначению иных, негеометрических видов пространств на основании метафорического или метонимического переносов: 'Mary was beside herself with joy when she heard the good news' – ментальное пространство; 'The committee were willing to listen to your ideas before, but have balked at your latest suggestion' – функциональное пространство.

На данном этапе исследования можно сделать вывод о том, что при формировании устойчивого сочетания 'глагол + предлог (послелог)' происходит перераспределение семантических компонентов в структуре последнего, а вследствие этого и смена семантических ролей.

Список литературы

1. Богданова, С. Ю. Когнитивные основания аналитизма // Когнитивные категории в синтаксисе : коллектив. монография / под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск : ИГЛУ, 2009. 249 с.
2. Богуславский, И. М. Сфера действия лексических единиц. М. : Яз. рус. культуры, 1996. 464 с.
3. Газизова, Л. В. Опыт экспериментального исследования пространственно-динамических предлогов 'out of', 'off' и 'from' // **Вопр. языкознания и литературоведения**. Уфа, 1998. С. 20–34.
4. Газизова, Л. В. Пространственно-динамические предлоги со значением 'движение из исходного пункта' в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999.
5. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М. : Наука, 1999. 2-е изд. 464 с.
6. Юсупова, Ю. Р. Пространственная и непространственная семантика английских проксимально-дистантных предлогов : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.
7. Miller, G. Language and Perception / G. Miller, P. N. Johnson-Laird. Cambridge, Mass. : The Belknap Press of Harvard Univ., 1976.
8. Shabanova, T. D. Space localization at a distance in Russian and English / T. D. Shabanova, Y. R. Yusupova // *Neue linguistische Perspektiven*. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. P. 171–191.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНИСТИКИ

I. Abzalova (Brest, France)

CONTACT DE LANGUES: BARRIERE ET LAPSUS CHEZ LES RUSSOPHONES EN FRANCE

This article focuses on the linguistic barriers faced by native Russian speakers in France. The research centres on the analogy between the linguistic shock and the cultural shock resulting from an incomplete cultural immersion due to a lack of knowledge or understanding of the new culture. The linguistic shock is demonstrated in the form of unusual linguistic formulation which can create barriers to communication.

Keywords: Lapsus, communication, russophones, Français.

Les migrants qui s'expriment en langue étrangère utilisent souvent la traduction comme une façon de transmettre le message essayant d'employer les codes de cette langue. Ce moyen de passer l'information est observé plutôt au premier stade d'apprentissage ou quand un locuteur cherche un équivalent d'un mot ou d'une idée qu'il voudrait transmettre, en passant par sa langue maternelle. Parfois, il risque de se retrouver avec certains phénomènes.

Nous avons entendu parler du choc culturel comme un état d'étonnement, de non recevabilité des faits de l'autre culture. Le choc culturel est la conséquence de l'acculturation incomplète, de la non connaissance ou de la non compréhension des normes de la nouvelle culture.

Mais il existe un autre phénomène. On l'appelle un choc linguistique par une analogie du choc culturel. On peut le déterminer comme un état d'étonnement, de rire, de confusion, qui apparaît lors d'une conversation quand on entend les éléments de la langue étrangère avec une résonance bizarre, drôle ou indécemment pour la parole de la langue maternelle. Mais ici, il faut préciser que c'est une attitude générale d'une personne qui ne parle pas cette langue étrangère ou commence à apprendre.

Le choc linguistique peut être provoqué par les homophones. Par exemple, les mots français qui peuvent faire rire les Russes : le verbe en infinitif *sortir* correspond aux toilettes en russe (en argot) ; le verbe *s'appeler* au passé simple *s'appela* signifie non seulement la morve, mais une personne très jeune qui n'a pas d'expérience ; les noms des villes : *Moutiers* (vétille en russe), *Veauche* (pou en russe).

Les mots russes qui peuvent faire rire les Français : le compte en russe *счёт* a une sonorité similaire avec le mot français '*chiotte*'; *сейчас* qui subi une abréviation dans la langue parlée devient la '*chiasse*' en français.

On peut déterminer d'une autre manière le choc linguistique et choc culturel – un phénomène lié au fait que vous vivez dans une culture où votre langue et votre culture ne sont pas ceux de la majorité – une

infirmité qui affecte beaucoup de nouveaux arrivants qui perçoivent qu'ils ne connaissent pas assez bien la langue pour s'exprimer et se sentent perdus dans la nouvelle culture.

On va observer le choc linguistique sous une forme des anecdotes linguistiques qui peuvent servir en tant que barrières dans la communication.

Il existe les barrières suivantes selon V. V. Che [3] (pour illustrer, je donne les exemples des situations réelles qui se sont arrivées avec les russophones et qui étaient tirées du forum inFrance [4]):

1. La non connaissance du code de la langue étrangère

Exemple, Monsieur dit à une jeune fille : *Vous ressemblez à une jeune fille que je connais !*

La fille lui répond : *Bien sûr, parce qu'on est jumements !*

Cette jeune fille ne connaissait pas exactement soit la prononciation, soit le mot même dont le sens voulait dire autre chose.

Un autre exemple, qui montre la non connaissance absolue: une femme qui ne parle pas du tout français décide d'écrire une lettre, mais elle n'a pas d'enveloppe. Donc, elle se déplace à la poste où elle demande *конверт*, qui veut dire une '*enveloppe*' en russe. Voyant l'incompréhension et la réaction stupéfiante d'un agent de la poste, elle répète **plus distinctement** et plus fort au cas où il n'entend pas bien, ce qui donne '*con verte*'.

2. La compréhension

Le fils d'une femme russe doit aller visiter une île avec son école. Il a un inventaire d'un trousseau, dont la liste comporte les gants de toilettes. Les gants de toilettes ! La femme demande à son fils à quoi ça sert, puisque dans son imagination ce sont les gants en caoutchouc. Mais le fils ne donne pas de réponse. Peut-être, pense-t-elle, c'est les gants spéciaux avec lesquels les Français vont aux toilettes. Elle montre la liste à son mari, qui n'est pas Français. Il regarde longtemps, ensuite il dit: je ne comprends pas, ils y vont pour nettoyer les toilettes ? Le jour suivant le fils explique après son école que les gants de toilettes

servaient pour nettoyer le visage.

Les Russes n'utilisent pas ce genre d'objet pour se laver.

3. La différence des styles de la communication (style concis/ développé, direct/ indirect)

Par exemple, au lieu de dire tout simplement : « Madame, Rue Corneille, s'il vous plaît ! », les russophones diraient « Excusez-moi, Madame, je cherche la rue Pierre Corneille, ce serait vraiment gentil de votre part de trouver un petit moment pour me dire où ça se trouve, je suis vraiment désolé de vous déranger... ».

Ou souhaiter un Joyeux Anniversaire, par exemple. Au lieu de dire simplement *Bon Anniversaire* les russophones inventent des phrases éloquentes, des souhaits, genre : *Mon cher ami, je te souhaite du bonheur, de la santé, de l'amour* (le minimum obligatoire!), *une fête c'est comme une fleur, ça ne dure que quelques heures. Mais ça laisse dans le cœur un souvenir que rien ne peut ternir ! Tout ce que tu veux pour ta fête et bien plus encore je te souhaite. Joyeux Anniversaire !*

Les barrières de la langues on peut diviser en trois types [1]: stylistiques, sémantiques et phonétiques. Les barrières stylistiques se manifestent dans la non-conformité des styles de la langue, l'utilisation de la terminologie spécifique qui est incompréhensible pour un locuteur. Par exemple, le langage des marins pour leurs femmes.

Les barrières sémantiques apparaissent à cause de la création de la signification incorrecte des termes ou symboles utilisés qui ont plusieurs sens dans la langue. Le locuteur doit choisir une seule signification pour être compris. Mais puisque les mêmes termes ne correspondent pas souvent aux mêmes significations dans les cultures différentes, les situations de non compréhensions peuvent avoir lieu. Parfois, les locuteurs qui ne connaissent pas parfaitement la langue étrangère supposent que les termes et les phrases ont une seule signification : celle qu'ils veulent transmettre. Pourtant, ils ignorent les autres significations créant ainsi des problèmes de communication.

Une situation se passe pendant le repas familial, on demande à une personne qu'est-ce qu'elle souhaite de manger: « Une jambe de poulet », répond-elle.

Donc, les barrières sémantiques existent quand les locuteurs ne savent pas correctement utiliser les mots, ne comprennent pas leurs significations et ne peuvent pas construire des systèmes de signes sans ne pas se tromper avec des règles de grammaires et de logique.

Les barrières phonétiques apparaissent comme le résultat de la prononciation incorrecte ou de l'incapacité de distinguer les sons, de la segmentation

incorrecte des éléments principaux de la langue : morphèmes, mots, propositions. La compréhension de la parole étrangère prévoit la détection juste des mots et des sons.

Une Ukrainienne mise en confiance pose une question à un représentant de l'Association Iroise-Ukraine (Mr Marie) en rougissant : *Pourquoi mon mari a-t-il éclaté de rire, sans donner d'explication, quand j'ai dit : « Mon chien a des chiot »*. Mr Marie explique dans le détail ce qui suit :

1. Chien se prononce chi-in.

2. S'il s'agit de la femelle on dira 'ma chienne'

3. Le petit chien est un 'chiot' qui se prononce 'chio'

4. Votre mari a ri parce que 'chiant' est le participe présent du verbe 'chier' qui signifie vulgairement 'déféquer' et 'chiotte' signifie vulgairement 'latrines' [2].

Enfin, il a excusé son mari, qui, à la fin d'une rude journée de travail, n'était pas disponible pour ce genre d'explication.

Encore un exemple qui montre l'ignorance phonétique. Le cas dans un parc : une Russe voyant les canards dans un étang a envie de montrer ses connaissances du français. Elle dit à son mari : *'regarde, le connard!'*. Elle s'étonne quand tout le monde se retourne vers elle.

Les immigrants, plus que les natifs, sont concernés de produire des lapsus, une erreur commise en parlant (*lapsus linguae*), en écrivant (*lapsus calami*), par la mémoire (*lapsus memoriae*) ou par les gestes (*lapsus gestuel* ou *lapsus manus*) et qui consiste pour une personne à exprimer autre chose qu'elle avait prévu, notamment en substituant à un terme attendu un autre mot.

Le lapsus envisagé du point de vue cognitiviste, ne contient pas un sens caché ou un désir inconscient, mais tout simplement un phénomène énonciatif complexe ou une erreur de production lexicale.

Exemples :

Une russophone propose de préparer les « carottes ratées ». Son mari est très content. Le fils propose de cuisiner du « poisson fané » dans ce cas. Désormais, ces plats portent ces noms.

Pendant une soirée, les gens parlent de la ville Marseille et ses habitants. Une Russe dit qu'elle les connaît parfaitement, parce qu'elle les « écrase » chaque jour (au lieu de « croise ») [4].

Les théoriciens affirment que les caractéristiques d'une bonne santé mentale se perdent souvent par la simple introduction dans une nouvelle culture. Le choc linguistique peut avoir de profonds effets sur ceux qui essaient d'acquérir la langue de la culture d'accueil. C'est encore plus dur pour celui qui avait un bon usage de sa langue maternelle dans le pays

d'origine. Il ne s'affirme pas à travers la langue qu'il essaie de parler. Il parle comme un enfant. On ne le comprend pas. La désorientation peut causer tout un syndrome de rejet. Cela peut créer de la dépression, le nouvel arrivé doit gérer un nouveau stress et doit donc détourner son attention et son énergie de l'apprentissage de la seconde langue. En même temps, la connaissance insuffisante ou l'ignorance des règles de la langue française peuvent provoquer des situations comiques, soit des malentendus.

Une Russe qui fait souvent des courses le soir, passe d'abord au supermarché acheter de la nourriture, ensuite par la caisse et à la sortie elle achète du pain (des baguettes, qu'elle casse en deux pour que ce soit plus facile à les transporter. Un jour elle fait tout à fait pareil, en passant par le supermarché, la caisse et la boulangerie, sauf que cette fois-ci elle avait beaucoup de sacs et elle a demandé à une vendeuse de casser le pain d'une façon suivante : « cassez-vous, s'il vous plaît! » [4].

Malgré la globalisation, les liens entre les pays, les contacts des représentants des cultures et des langues différentes créent les problèmes qui consistent en différence des normes, codes, valeurs, styles, conception du monde. C'est l'adaptation des nouveaux modèles d'interaction au nouveau environnement ou à une nouvelle langue qui pourra éliminer au

fur et à mesure ces difficultés. Le choc linguistique, ainsi que culturel, va être plus ou moins grand en fonction de l'expérience individuelle et du niveau de compétence en français, de la socialisation antipatriote. La difficulté à comprendre et à se faire comprendre, par les commerçants, les guichetiers, les serveurs, mais aussi dans le cadre familial est très déstabilisante. Les russophones sont conscients de leurs limites dans la communication, estiment qu'il leur faut plusieurs semaines pour surmonter ce choc et qu'il faut bien deux ou trois mois, voir des années, pour se sentir à l'aise.

Bibliographie

1. Садохин, А. П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации [Internet resource]. URL : http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/sadohin_mejcult_barrier.pdf.
2. Abzalova, I. Enregistrement, extrait du corpus // Mr Marie. 2012. Janvier.
3. Che, V. V. Communicative barriers as the problem of intercultural communication [Internet resource]. URL : <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/7718.pdf>.
4. URL : <http://www.infrance.su/forum/forumdisplay.php?f=21>.

L. Friis Alsinger (Perpignan, France)

EL PASO DEL LATÍN A LAS LENGUAS ROMÁNICAS EN LAS INSCRIPCIONES SOBRE OBJETOS

In medieval Hispania, as medieval Europe in general, is observed the same process of birth of languages derived from Latin, which is reflected in writings with a delay regarding oral global phenomenon, and even more in epigraphic inscriptions in particular. The purpose is studying how this process appears in an epigraphic set of medieval objects which are exhibited in museums of the city of Girona (Catalonia, in the north east of the present Spain).

Keywords : hispania, medieval, latín, lenguas románicas, inscripciones, objetos.

Introducción

En Hispania¹ como en el Imperio romano entero se hablaba latín pero hay que tener en cuenta los sustratos lingüísticos pre-existentes; los de las lenguas que se hablaban antes de la llegada de los Romanos (vasco, ibero, celta, griego...). La caída del imperio romano con las invasiones germánicas y luego musulmanas, así como el subsiguiente proceso de aislamiento de la población, precipitaron el proceso de evolución del latín vulgar en dialectos entre los siglos V y VIII.

Los cambios fonéticos, morfológicos, sintácticos y léxicos dieron lugar a **distintas hablas con diferencias tanto entre sí como en relación al latín originario**. En el siglo IX, recibían el nombre de *rusticae romanae linguae*, es decir, latines rurales (para diferenciarlas del latín culto y de las lenguas bárbaras) y con el tiempo dieron paso a las lenguas románicas (cuyo nombre deriva de *romanicus* «latín vulgar» frente a *latinus* «latín culto»). Sin embargo, Michel Banniard subraya **que ciertas evoluciones de la len-**

gua latina habían empezado ya desde el período del latín clásico.

Podemos ver este proceso en los textos escritos de forma aplazada en comparación con la oralidad². De hecho, la escritura no era sino una forma de guardar una memoria de contenidos científicos y de sabiduría y de la palabra religiosa, y permaneció en latín mucho tiempo, mientras la gente usaba otra forma de hablar. Por eso, las primeras huellas de hablas romances se hallan en anotaciones y luego textos enteros, administrativos, jurídicos o comerciales y luego literarios.

El fenómeno tiene más o menos las mismas dataciones en la península según los hablas³. Nuestro ámbito de estudio concierne más particularmente la región nordeste catalana, ya que se trata de inscripciones en objetos medievales hoy día expuestos en los museos de la ciudad de Girona, pero muchos de ellos ya formaban parte del Tesoro capitulario desde aquella época.

Según Joan Coromines⁴, los cambios más radicales debieron producirse en los siglos VII y VIII. Ya en el siglo IX y sobre todo en los siglos X y XI, aparecen palabras e incluso frases enteras intercaladas en algo que ya se puede denominar catalán, y documentos breves como el juramento feudal de 1028 o los *Greuges de Caboet* de 1080-1090, totalmente en catalán. De la primera mitad del siglo XII data la traducción del *Forum Iudicum*, que ya presenta características lingüísticas más modernas. Desde 1150, hay ya numerosos documentos escritos y hacia finales del siglo XII aparece el primer texto conocido de carácter literario, las *Homilies d'Organyà*, una colección de sermones. En esta primera etapa, el catalán presenta muchas similitudes con la lengua occitana, con la que forma un continuo dialectal del que se irá separando con el tiempo hasta formar lenguas claramente diferenciadas, ya en el siglo XIII.

No obstante, las inscripciones en monumentos como en objetos quedaron de forma preferente en latín aún más tiempo, por su aspecto de prestigio vinculado con la ya evocada diglosia⁵. Por lo tanto la interrogante ha de ser: en nuestro conjunto de objetos medievales epigrafiados expuestos en los museos de Girona, ¿cuándo se notan huellas de evolución del latín hacia las lenguas románicas?

Métodos y materiales

Para mi tesis, estudio un conjunto de una cincuenta de objetos medievales, desde tremisis visigodos hasta retablos del siglo XV, expuestos en los diversos museos de la ciudad de Girona, y que tienen como criterio común el hecho de llevar una o varias inscripciones, cualquiera que sea su lengua.

Este conjunto, llamado *corpus*, tal como si fuera un corpus de textos literarios, constituye el material

de base. Para contestar a la problemática que aquí se propone, el método consiste primero en recopilar todas las inscripciones del conjunto de objetos epigrafiados, con el criterio de tener una forma latina o semejante. Así, se excluyen las inscripciones semíticas o griegas entre otras.

Luego, se excluye también a los objetos que sólo llevan una *nomina sacra* como el INRI⁶ de las cruces o sólo un apellido como un sello de condesa por no tener criterio de pertinencia en este ámbito. También, consideramos como irrelevantes los objetos visigodos aunque llevan inscripciones latinas, ya que los del corpus tienen una fecha muy anterior a las primeras huellas del hablar romance, y además tienen inscripciones muy abreviadas.

Por fin, se excluye el conjunto de inscripciones que se identifican como latinas por la forma de sus letras, pero que todavía quedan por descifrar, por ejemplo en una lipsanoteca de Palera del siglo XII, que nos tocó descubrir en el museo de Arte, y aún no estudiada.

El método de análisis consiste pues en separar las formas latinas habituales de lo que parece novedoso, sean formas catalanas o de otra lengua románica conocida. Después, queda por ver los resultados y compararlos, particularizándolos y notando las dataciones.

Resultados

En un conjunto de treinta y ocho objetos con inscripciones latinas, quedan, así, veintitrés objetos cuyas inscripciones de largos distintos presentan aspectos formales diversos, de analizar. Nueve proceden del museo del Tesoro de la Catedral; uno de la Catedral misma; doce, del museo de Arte, y uno del Museo de Historia de la ciudad. Sus dataciones se escalonan entre el siglo X y el siglo XV, según explicitado en el cuadro siguiente.

Siglo	Números de objetos por sitio de exposición				
	Museo de la Catedral	Catedral	Museo de la ciudad	Museo de Arte	Total
?	-	-	-	1	1
X	-	-	-	1	1
XI	1	-	-	-	1
XII	-	-	1	4	5
XIII	1	-	-	-	1
XIV	4	1	-	1	6
XV	3	-	-	5	8

Se trata en su mayoría de objetos religiosos, excepto por una moneda (Museo de Historia de la ciudad) y una corona (Museo de Arte).

Empezamos con los objetos del primer museo mencionado, de la Catedral.

En el tapiz de la Creación del siglo XI, tal como en la arqueta llamada *de la Ave Maria* del siglo XIII, unas cubiertas de Evangelario del siglo XIV, y la Tabla de la Crucifixión o la de la Anunciación o el relicario de la Verónica del siglo XV, se hallan inscripciones bíblicas o abreviaciones en las cuales no se notan formas latinas novedosas.

En el relicario de los cuatro santos martirios del siglo XIV, las inscripciones son: S.PAVLI / S. SISI / S.JUST / S.IERMA.

Pauli corresponde a un genitivo, que normalmente indica un complemento nominal de otro nombre, podemos suponer que en uso clásico de latín se trataría de S. (para SANCTVS) PAVLVS (forma nominativa).

Respecto a la inscripción de S.JUST, notamos el empleo de la letra J y de la letra U. Las formas de la U y la J existían ya en la escritura latina, pero como variantes respectivas de la V y la I y, de hecho, el punto sobre la J minúscula es herencia del punto sobre la I minúscula. Tales variantes pervivieron durante siglos en el medioevo, no siendo incorporadas las letras en el alfabeto antes del siglo XVI pues no existían en el alfabeto latino de base⁷ (21 letras: estaban todas las actuales, menos la J, la Ñ, la U, la W, la Y y la Z), siendo la J la última letra que se incorporó al alfabeto latino moderno.

La cruz de oro de las cofradías del siglo XIV tiene inscripciones particulares: ahí vienen las transcripciones de la ficha de archivos: SAN MAT(E)U AGEI / SANT LUCEI / MARC AUCGIEI. Unas cuantas huellas de reescritura dificultan la lectura. Se ve claramente que no se trata de latín normativo. Quizás se pueda reconocer formas derivadas de las de *agere*, *augēre* y *lūcēre*. Las formas que parecen más semejantes serían aquellas del presente del indicativo activo: *agit*, *lūcet*, *auget*. Notamos que el italiano tuvo una forma de pasado del verbo *lucere* en primera persona del singular con la grafía exacta *lucei*⁸.

La llamada cruz de los esmaltes del siglo XIV tiene una inscripción que puede pasar desapercibida: *ecefilii*, siendo más bien la forma normativa *ecce filii(i)* (con sentido de *este es (o he aquí) el hijo («divino», implícito)*). También se encuentra esta forma que no es normativa, *ece* en manuscritos.

En la catedral misma, encontramos el retablo mayor de plata del siglo XIV que tiene numerosas inscripciones entre las cuales se notan formas menos normativas también como:

bisbe ya una forma claramente catalana (o del antiguo occitano)⁹ en lugar de la palabra en latín: *episcopus*; *me feu*, y ya no *me fecit santa*, y no *sancta*.

(También encontramos el nombre *Llucia* para una santa, con grafía específica del catalán.)

En la moneda de plata de principios del siglo XII, expuesta en el museo de Historia de la ciudad, la inscripción del reverso (aunque minúscula) es: SANC-TA CRUX, en latín normativo.

Ahora interesémonos en los objetos del museo de Arte.

No se nota nada especial en las inscripciones latinas de la lipsanoteca de Bestracà o el Cristo en majestad de Sant Miquel de Cruïlles del siglo XII y de la custodia o de la Tabla de San Pedro o de la estatua de la Virgen de Pontós o de la Virgen de Palera, todos objetos del siglo XV.

Sólo se observa una diferenciación irregular entre las grafías de la U y de la V en las inscripciones en el Cristo en majestad de Sant Joan de les Fonts del siglo XII.

En la lipsanoteca de Cabanelles, aún sin datación en la ficha de archivo, tenemos las inscripciones: STEFANYS T mi ysit / SENIFREDYS Ph me fecit.

La grafía Y corresponde a la letra U. De hecho, la U latina probablemente proceda de una evolución de la *ipsilon griega*, con una pronunciación emparentada.

La palabra *mi* no parece aquí ser el vocativo latín que así se escribe, sino una sinéresis poética por la palabra *mihi* como dativo de *ego*, por lo tanto en posición de complemento indirecto, que responde a las preguntas: «¿a quién?» o «¿para quién?», formuladas al verbo. La forma *usit* puede corresponder a lo mejor a unas de las formas de los verbos *ūsītārī* o *ūīī*, (con sentido de usar o usar habitualmente) pero no a una forma clásica.

En cambio, la forma *fēcit* sí corresponde a la forma del indicativo perfecto en tercera persona del singular, del verbo *facere*.

La palabra *me* corresponde aquí a la forma acusativa habitual de *ego*, que permanecerá en lenguas románicas como el catalán, el castellano o el francés.

En el altar portátil de Sant Pere de Rodes del siglo X tenemos las inscripciones: IHNSEGLT / HIC VIRTUS TONANTIS EXAUDIT PIE ORATEM, MERITA SCOV POSSUNT ADIUUVARI ORATEM / IOSUE ET ELIMBURGA FIERI IUSSERUNT.

Tenemos U y V; y formas especiales como *oratem* tal vez abreviatura de *orationem* (acusativo singular) y *adiuvari* quizás por *adjuvari* (infinitivo presente pasivo; adjuvare para el infinitivo presente activo).

En la corona del Condestable de Portugal del siglo XV (1465 exactamente) se lee la divisa PAINÉ POUR JOIE; ya se trata de francés con una forma específica *paine* y no *peine* más tardía.

En el Retablo de San Miguel, de finales del siglo XIV-principios del XV (1365-1425) se lee además de las siglas INRI y SPQR (por: *Senatus PopulusQue Romanus*), y dos inscripciones en filacterios: "...ag-

nus dei qui tollit” y “*vere filio dei erat iste*”; sería la última en latín normativo: *vere filius Dei erat iste* (Mateo, 27, v.54).

Por fin, en la lipsanoteca de Lladó del siglo XII, se hallan varias inscripciones que parecen haber sido bastante difícil de transcribir pues tenemos dos transcripciones muy distintas en el fichero de archivo del museo. Nos centraremos en las formas *tusit* o *iust*, *presviter/eum* o *presbiter cum*, e *iusit* transcritas, que no existen tal cuales en latín.

Encontramos la raíz *presbyter-* en el diccionario Gaffiot pero no *presviter-*. Supongamos que las otras palabras derivan de la forma latina *iubēre*.

Conclusión

A pesar de no ser latinista especialista, es posible notar diferencias lingüísticas aún en objetos de liturgia, y sabemos que la lengua litúrgica de todo el periodo medieval era el latín. Las biblias como las obras de letrados, y de las universidades se escribían en esta lengua y se refleja también en los objetos, con una fuerte diglosia en toda Europa, respecto a las lenguas orales derivadas que están construyéndose.

Sin embargo, ya desde el Concilio de Tours, en 813, las homilias ya no se pronunciaron en latín sino en «lengua románica rústica» pues se considera que por el siglo IX ya no se comunicaba en latín en absoluto, de forma oral.

El empleo de formas románicas en objetos religiosos como en el Retablo de San Miguel de los XIV-XV, para recordar una cita bíblica, parece firmar un giro lingüístico incluso dentro del ámbito eclesiástico. El retablo mayor de la Catedral de Girona con sus formas catalanas también parece confirmar este proceso, aunque después tenemos todavía inscripciones latinas. Antes, tenemos irregularidades más que formas románicas reales. También tenemos una inscripción en francés genuino en la corona de 1465.

Por fin, otro aspecto que notamos, reflejado en numerosos objetos, es la introducción progresiva de nuevas letras en el alfabeto latino, que será reformado después del Medioevo. Las últimas letras en incorporarse al abecedario serán la J y la V, y en honor a Petrus Ramus (su sistematizador), se conocerán como *letras ramistas*.

Notes

¹Se puede consultar en el internet los mapas históricos correspondientes a las diapositivas de la obra de Agustín Ubieta *Génesis y desarrollo de España*, digitalizadas y transformadas al formato jpg por Julián Pelegrín Campo (profesor del departamento de Didáctica de las Lenguas y de las Ciencias Humanas y Sociales de la Universidad de Zaragoza)

en la dirección <http://clio.rediris.es/n32/atlas/atlasubieto.htm>; Agustín Ubieta, *Génesis y desarrollo de España, II. Diapositivas*, Instituto de Ciencias de la Educación, Zaragoza, 1984 (Colección Materiales para la clase, nº 3, vol. 2).

² Maria Selig, Barbara Frank, Jörg Hartmann, *Le Passage à l'écrit des langues romanes*, Tübingen, G. Narr, 1993, p.14-15.

³ Los *Cartularios de Valpuesta* son una serie de documentos del siglo XII que, a su vez, son copias de otros documentos, algunos de los cuales se remontan al siglo IX, si bien la autenticidad de algunos de ellos es discutida. Están escritos en un latín muy tardío que trasluce algunos elementos propios de un dialecto romance hispánico que ya se corresponde con las características propias del castellano. El preámbulo del estatuto de autonomía de Castilla y León los menciona junto a la *Nodicia de Kesos* como testimonios que contienen «las huellas más primitivas del castellano». En noviembre de 2010, la Real Academia Española avaló los cartularios, escritos en «una lengua latina asaltada por una lengua viva», como los primeros documentos en los que aparecen palabras escritas en castellano, anteriores a las *Glosas Emilianenses*, pequeñas anotaciones manuscritas, realizadas en varias lenguas: latín, un romance hispánico (bien navarro-aragonés en su variedad riojana, bien castellano con elementos riojanos) y vascuence medieval, entre líneas o en los márgenes de algunos pasajes del códice latino *Aemilianensis 60* a finales del siglo X o con más probabilidad a principios del siglo XI.

⁴ Joan Coromines, Max Cahner, Josep Gulsoy, *Diccionari etimològic i complementari de la llengua catalana*, Curial Edicions Catalanes, Barcelone, 1980-1991.

⁵ Convivencia de lenguas distintas en una misma zona, pero con un rango de uso diferente.

⁶ IESVS NAZARENVS REX IVDAEORVM, o sea: Jesús de Nazaret, Rey de los Judíos. Muchos crucifijos y otras imágenes de la crucifixión incluyen una placa, llamada «título», que lleva estas letras INRI, ocasionalmente grabado directamente en la cruz, y usualmente arriba de la figura de Jesús. Esta frase aparece en el Nuevo Testamento en los Evangelios de Mateo (27:37), Marcos (15:26); Lucas (23:38) y Juan (19:19).

⁷ siendo el gramático italiano Gian Giorgio Trissino (1478-1550) el primero en distinguir la I y la J como representantes de distintos sonidos, en su *Epistola del Trissino de le lettere nuovamente aggiunte ne la lingua italiana* («Epístola de Trissino sobre las letras nuevamente agregadas en la lengua italiana») de 1524.

⁸ wiktionary, sólo en el sitio en inglés, <http://en.wiktionary.org/wiki/lucei>.

⁹ François-Just-Marie Raynouard, *Lexique roman ou Dictionnaire de la langue des troubadours, comparée avec les autres langues de l'Europe latine*, 1836, disponible en formato numérique en línea, <http://books.google.fr/books?id=7ws6AAAacAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>.

BIBLIOGRAFÍA

1. BANNIARD, Michel, *Du latin aux langues romanes*, Paris, Nathan, 1997.

2. COROMINES, Joan, CAHNER, Max, GULSOY, Josep, *Diccionari etimològic i complementari de la llengua catalana*, Barcelona, Curial Edicions Catalanes, 1980-1991.

3. MORAN, J. i J. A. RABELLA (ed.), *Primers textos de la llengua catalana*. Barcelona, Proa, 2001.

4. SELIG, Maria, FRANK, Barbara, HARTMANN, Jörg, *Le Passage à l'écrit des langues romanes*, Tübingen, G. Narr, 1993.

Е. И. Алферова, Э. М. Ляпкина (Челябинск, Россия)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЮМОРА В ПЕСЕННОМ ТЕКСТЕ

As all the other literary texts songs contain numerous expressive means and serve to comment on actual problems of society which is often done in a humorous way. The research analyses different language techniques that are used in songs of French group "Fatales Picards" for humorous effect.

Keywords: humor, song text, language aids, figure of speech, trope.

С момента зарождения человеческой цивилизации и до настоящего времени песня играет большую роль в жизни многих людей. Песни служат признаниями, привлекают внимание к особо актуальным проблемам общества, возносят достоинства и высмеивают недостатки наряду с другими видами художественных произведений. В настоящее время песенная форма крайне популярна – текст в сочетании с музыкой легче воспринимается, лучше запоминается, а потому используется в самых различных ситуациях. Образность и выразительность некоторых песен ничем не уступает крупным художественным произведениям. Как раз такие интересные с точки зрения смысла и лингвистических средств песни пишет и исполняет французская группа *Fatales Picards*, известная узкому кругу ценителей французского песенного юмора.

В своей работе мы внимательно изучили творчество группы *Fatales Picards* и проанализировали различные языковые способы выражения юмора в их песнях. Все используемые средства можно условно разделить на 2 большие группы: стилистические и лексические средства.

Согласно классификации И. В. Арнольд, стилистические языковые средства подразделяются на изобразительные (тропы) и выразительные (фигуры речи) [1]. Наиболее часто в проанализированных нами песнях для передачи юмора используют

ся изобразительные средства, что обусловлено желанием авторов как можно точнее передать слушателям свое видение тех или иных событий/явлений и создать наиболее яркий образ в их воображении.

Из всех изобразительных средств преобладает каламбур (игра слов, основанная на одинаковом звучании, но различном значении слов). Так, например, каламбур присутствует уже в названии песни '*Ma baraque aux Bahamas*' – выражение, созвучное имени американского президента, заранее подсказывает слушателям, что данная песня посвящена Америке и американцам. В этой же песне встречаются многие другие каламбуры, в том числе '*Pour dire Paris, ils disent Hilton*', где интересно обыгрываются название французской столицы и имя американской светской львицы.

Особо интересны с точки зрения каламбуров песни '*Avec le H*' и '*Picardia Independenza*'. Каждая строчка этих песен содержит каламбур. В песне '*Avec le H*' обыгрывается созвучие слов с буквами алфавита:

Avec un H, j'écris ton nom

Avec un hache, comme bûch'ron

Avec un T, j'écris ton nom

Avec un thé, qui désaltère.

В песне '*Picardia Independenza*' основой для игры слов послужили названия стран:

Si t'aimes bien l'odeur du bois, visite la Syrie (=la scirie)

Si on t'accuses de meurtre, visite *la Lybie* (=l'alibi)
Si tu veux faire un régime, évite plutôt *la Grèce*
(=la graisse)

Et si tu veux d'argent facile, y'a bien sur *la Tunisie* (=la thune easy).

Вторым по частоте употребления тропом является ирония (употребление слов и выражений в отрицательном смысле, прямо противоположном буквальному). Одна из самых ироничных песен – '*Bernard Lavilliers*', посвященная французскому шоумену Бернару Лавилье. Эпоха его известности насчитывает более 30 лет, и за все это время он сменил огромное количество видов творчества и профессий: от певца и участника всевозможных шоу до борца и культуриста. Именно над таким разнообразием «интересов» и занятий Бернара Лавилье иронизируют *Fatals Picards*:

'Alala une avalanche en haute Savoie et un barage qui vient de craquer, faut appeler Bernard Lavilliers / Mais qu'est-ce qu'on va pouvoir faire un volcan vient de se réveiller, vite appelons Bernard il aura une idée!'

Не менее иронична песня '*Sécurité de l'emploi*', повествующая об упрощении школьной программы и трудных буднях учителей:

La prof de gym n'est pas venue, s'est faite agresser dans la rue,

Mais bon ils l'avaient averti, ils veulent pas de sport avant midi.

В этой же песне встречается и высшая степень иронии – сарказм (язвительная насмешка, указывающая на недостаток явления):

Les programmes faut les simplifier, il y a trop de leçons ça les assomme

Ils ont même proposé de donner le bac avec la prochaine Playstation.

Следующий используемый троп – оксюморон (нарочитое сочетание противоречивых понятий). Именно данный прием лежит в основе припева песни '*Seul et Célibataire*', в которой молодой человек рассказывает, как плохо ему живется после расставания с девушкой. Чтобы максимально передать степень его страданий, *Fatals Picards* прибегают к помощи множества оксюморонов:

Et je me sens

Comme Tabatha Cash au Vatican,

Francis Huster dans un rôle de méchant

Comme le marchand de sable dans le désert,

Comme un orphelin à la fête des mères

Comme Spiderman à l'île de Ré,

Un chien de chasse chez *Picards* surgelés.

Также оксюморон встречается в песне *Dictateurs*:

Si on faisait une démocratie avec des dictateurs...

On peut jamais rien faire avec des dictateurs

Il y a toujours quelqu'un qui finit par se blesser

Далее стоит упомянуть такой троп, как гипербола (умышленное преувеличение). В песне '*Ma baraque aux Bahamas*' гипербола неоднократно используется для сатирического описания американцев:

Ils ont vingt ans d'avance

Ils ont vingt kilos d'avance

Ils ont vingt Big Mac et deux infarctus d'avance.

Гипербола встречается и в других песнях:

Bernard Lavilliers, t'as déjà lut tous les bouquins,

Pour en lire un nouveau faut que t'en écrites un (*Bernard Lavilliers*),

и

Mais même Dan Brown et Marc Lévi, il y a plus de 100 mots de vocabulaire,

On sera toujours à lire la préface même après l'hiver (*Sécurité de l'emploi*)

Кроме того, невозможно не обратить внимание на:

– яркие сравнения: 'En plus, tu grooves autant qu'un formulaire Assedic Tu grooves autant qu'un joueur d'échecs asthmatique' (*Djembe-man*) ; 'Son homme il est super musclé comme un mec qu'aurait acheté un rameur, au télé-achat y'a dix ans mais qu'y en a peur' (*Française des jeux*) ; 'La Sibérie c'était Disneyland, le discernement en option' (*Mon père était tellement de gauche*).

– олицетворение: 'Oh putain *Goldorak est mort*' ; 'Impossible de le r'démarrer' (*Goldorak est mort*) ; 'J'arrose tous les jours tes cactus tu leur manques à eux aussi, vu les têtes qu'ils me tirent aujourd'hui' (*Seul et célibataire*).

– ономатопею: 'Quand les petits oiseaux ont cessé de faire cui-cui, cui cui, cui cui, cui cui' ; 'Quand les téléphones portables ont fini de faire dring-dring, dring-dring' (*Djembe-man*).

– метонимию: 'Vite les parents à rencontrer, 2-3 *Prozac*, 8 *Grand Marnier*' (*Sécurité de l'emploi*).

Нами также был найден интересный пример применения антономазии (употребление собственного имени в значении нарицательного): '35 élèves, cette année, je leur demandé ce qu'ils voulaient faire comme métier' ; 'J'ai 10 *Zidane*, 15 *Amel Bent* et 9 *Bouba*, un original qui veut faire vigile et avocat' (*Sécurité de l'emploi*).

Теперь рассмотрим выразительные средства (фигуры речи). Наиболее регулярно употребляемая фигура речи – аллюзия (намек на общеизвестный факт, событие, личность). Так в песне '*La Ferme*', которая состоит из зарифмованного перечисления видов животных и имен, можно заметить нелестную аллюзию на французского политика: 'Et Annabelle le bretel, et *Le Pen la hyène*'. В песне '*Dictateurs*' присутствует аллюзия на

многих известных диктаторов, чьи политические взгляды обыгрываются с футбольными терминами: ‘Si je faisais une équipe de foot avec des dictateurs...’ ; ‘...Et Pol Pot serait soigneur : «Non ça va, c’est bon, j’ai rien!»’ ; ‘Staline carton rouge, Mao carton jaune, va te mettre au poteau hop exécution!’

Следующий распространенный прием – параллелизм (одинаковый или сходный порядок слов в смежных предложениях): ‘Où sont les supporters? Où sont les adversaires? Où sont les arbitres? Ils sont dans les cages’ ; ‘Où sont les spectateurs? Où sont les techniciens? Où sont les musiciens... Ils sont dans la fosse’ ; ‘Où sont les profs de sport? Où sont les G.O? Et les filles en maillots? Ils sont sous la douche’ (Dictateurs).

В песне ‘Mon Père Etait Tellement De Gauche’, чтобы подчеркнуть «левые» политические взгляды героя, используется градация (последовательное нагнетение однородных выразительных средств): ‘Mon père était tellement de gauche qu’on habitait rue Jean Jaurès’ ; ‘En face du square Maurice Thorez, avant d’aller vivre à Montrouge’.

Также интересен встретившийся нам случай употребления тавтологии (повторение одних и тех же или близких по смыслу слов): ‘Les directives du ministère, nous imposent d’faire des réunions plus régulières On en fait même pour planifier les prochaines réunions’ (Sécurité de l’emploi).

Вторая группа рассмотренных нами средств – лексические средства, к которым можно отнести неологизмы, заимствования и вульгаризмы.

Многочисленные авторские неологизмы встречаются в песне, где речь идет о музыкальном инструменте «джембе» (традиционный малийский барабан), крайне популярном среди увлеченных растаманской культурой подростков. Fatals Picards в своей песне жалеют соседей обладателей данного музыкального инструмента и вводят множество неологизмов, как в названии ‘Djembe-man’ (по аналогии с бэтменом и суперменом), так и в тексте песни: ‘Mais y a pas que Djembé-man dans la vie, il y a Djembé-Man et tous ses potes qui sont là aussi: *Didje-*

ridoo-man, t’en-veux-man, Hmm-je-peux –jouer-man? T’as-pas-un-euro-ou-deux-pour-la-8.6-man’.

Неологизмы встречаются и в песне ‘Mon père était tellement de gauche’ для образной передачи советских реалий:

On mangeait des *Lenine’s burger*, fallait vraiment faire attention

T’avais du chou, une pomme de terre, la viande elle était en option....

...On achetait du *coca-Kolkhoze*, approuvé par le comité

Ça devait soigner la silicose, on s’en servait pour désherber.

Другой лексический прием – заимствования. Встречаются заимствования из английского языка (‘Et pour dire Dieu, ils disent *God* Et pour dire gode, ils disent *sex-toys*’) и испанского языка (‘*Revolucion, revolucion Viva tequila, Viva Guevara Viva la fiesta, Viva la playa*’).

Итак, проанализировав песни французской группы Fatals Picards, мы сделали вывод, что излюбленным стилистическим приемом авторов для передачи юмора является каламбур, который встречается практически во всех песнях и присутствует в различных вариациях. Также часто наблюдаются ирония, сарказм и оксюморон. Лексические средства используются реже, среди них преобладают авторские неологизмы. В общем и целом песни группы Fatals Picards подтверждают, что песенные тексты ничуть не уступают другим художественным произведениям по использованию языковых средств и могут послужить интересным материалом не только для лингвистических исследований, но также для изучения жизни общества и его актуальных проблем.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
2. URL : www.fatalspicards.com.

О. В. Григорьева (Челябинск, Россия)

**ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ
И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ЛЕСОПИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

Researches into languages for special purposes, professional communication and knowledge management are of vital importance to the development, exchange and acceptance of new ideas and products in the industry at international levels. The scope of the present paper is to describe lexical and phraseological units of Italian language in the context of professional communication in the field of timber industry. It deals with three groups of professional communication terms: terminological vocabulary, professionalisms, slangs. Some characteristics of the categories are pointed out.

Keywords: professional communication, phraseological units, Italian language, slangs, terminology, professionalisms.

При использовании различных способов описания лексических и фразеологических единиц языков профессионального общения становится понятно, что термины можно систематизировать по разным основаниям: по функциям, которые они выполняют, по форме, по содержанию, происхождению, другим внутриязыковым и внеязыковым параметрам. В то же время особенности, свойственные любому языку профессионального общения, такие как: изменчивость, неоднородность, как на функциональном, так и на семиотическом уровне, динамичность развития, обусловленная техническим прогрессом и степенью изученности явления или объекта действительности, обозначаемого данным термином, являются причиной гетерогенности включенных в их состав лексических и фразеологических единиц.

В языке профессиональной коммуникации лесопильной промышленности можно выделить несколько языковых страт в зависимости от степени кодифицированности и информационной содержательности используемых лексических единиц. Мы выделяем терминологию, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы.

Основу языка профессиональной коммуникации лесной и деревообрабатывающей промышленности составляет терминология. Она концентрирует в себе его основные признаки и свойства. Однако, как справедливо указывает В. М. Лейчик, «под понятием класса терминов объединяется целый ряд подклассов объектов, границы между которыми достаточно размыты, поскольку размыты границы языков для специальных целей и их лексики в рамках того или иного естественного языка и возможен обмен лексическими единицами между ЯСЦ и языком повседневного общения» [2. С. 138]. В составе терминосистемы исследуемого языка мы выделили консубстанциальные термины, прототермины и номены.

Как и во всякой терминологии, в языке лесопильной промышленности есть неко-

торое количество лексических единиц, которые встречаются как в обыденной, так и в профессиональной речи – так называемые консубстанциальные термины. К ним относятся названия деревьев, наименования лиц по профессии и др. ('noce' – орех; 'faggio' – бук; 'ciliegio' – вишня; 'macchia' – пятно (оранжевая, желтая, розовая (до светло-фиолетовой) и коричневая окраска заболони); 'impacchettatore' – упаковщик; 'conduttore' – водитель). Поскольку в терминах языка профессиональной коммуникации на первый план выступает соотнесенность с предметом номинации, семантически они близки к словам общеупотребительным, и без контекстуального анализа невозможно провести границу между термином и словом общелитературного языка. Например: 'Caratteristiche da considerare per la classificazione dell'Acero' (качества, которые следует учитывать при классификации клена (как сырья)) или 'Perchè l'acero nel mio giardino non cresce?' (почему клен в моем саду не растет?). При использовании слова 'асего' в качестве термина оно может обозначать понятие наряду с предметом, в то время как во втором примере задействована связь 'слово-предмет'.

Другой важной единицей терминологии лесной и деревообрабатывающей промышленности являются прототермины – специальные наименования, которые называют представления о каких-либо объектах, явлениях, процессах, а также об их свойствах и качествах. Прототермины возникают и преимущественно функционируют в донаучный период (самые ранние, – возможно, 30–40 тыс. лет назад), поэтому у них нет связи с научными понятиями и они называют не понятия (которые возникают с появлением науки), а специальные представления. Данный вид специальных наименований в лексике лесной и деревообрабатывающей промышленности со временем не исчез. Многие специальные представления вошли в общий обиход или в систему научных

понятий. Не подвергшиеся кодификации наименования функционируют в виде так называемых «народных терминологий», используемых параллельно с научными терминами, но без связи с понятийной системой. Таким образом, многие базовые термины лесной и деревообрабатывающей промышленности когда-то были прототерминами и сохранили ряд своих черт: использование для мотивации случайных, поверхностных признаков или отсутствие (утрата) мотивированности.

Среди прототерминов профессионального языка лесной и деревообрабатывающей промышленности можно выделить следующие наименования, знакомые людям, даже не имеющим отношения к этой области деятельности: ‘tavola’ – доска, ‘tronco’ – бревно, ‘ascia’ – топор и др.

В языке лесопильной промышленности существует необходимость номинации новых понятий, для которых сразу не удастся подобрать подходящие термины. С этой целью используются предтермины. Соответственно, для них характерны многословность, колебание формы, неустойчивость значения. Они носят временный характер и впоследствии либо утрачиваются, либо переходят в разряд терминов. В качестве предтермина в исследуемом языке выступают:

– описательный оборот – многословное номинативное словосочетание, используемое для названия понятия и позволяющее точно описать его сущность, но не отвечающее требованию краткости: ‘tabelle di volume virtuale in segati’ (‘sono tavole di conversione che forniscono la quantità probabile di segati ricavabile da uno o più tronchi tondi mediante segazione. Esse sono in uso nei Paesi anglosassoni per la misurazione dei tronchi, e dipendono da molteplici fattori (tipo di segazione, spessore della lama, ecc.’) (таблицы расчета виртуального объема пиломатериалов – таблицы перевода количества круглого материала в приблизительное количество полученного из него пиломатериала, используемые преимущественно в англо-саксонских странах и учитывающие разнообразные факторы (способ распила, толщину ленты пилы и т. д.) [3], ‘stagionatura con trattamento a solventi’ ‘сушка древесины с использованием растворителей’ и т. д.);

– сочетание, содержащее причастный или деепричастный оборот (‘tavola assemblata per pavimenti’ (‘щит из половых досок’)).

Номены или номенклатурные обозначения представляют еще одну разновидность специальных наименований, типичных для терминологии лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Для большинства анализируемых номенов характерны условность содержания, независимость

от контекста, способность образовывать линейные ряды (перечни, номенклатуры). В качестве номенов могут часто употребляются длинные, многокоренные слова, не принятые в общепотребительной лексике.

В связи с этим многие номены современного итальянского языка профессиональной коммуникации лесопильной промышленности подвержены сокращениям путем замены буквенными аббревиатурами: ‘diamante policristallino’ – DP (поликристаллический искусственный алмаз), ‘avanzamento meccanico’ – MEC (механическая подача).

Номены могут включать в себя цифры и символы. В профессиональной лексике лесной и деревообрабатывающей промышленности как итальянского, так и русского языка подобные наименования достаточно распространены: P-63-45; P-63; VM-127; 6P13; TC-75; 7A420 и др.

В итальянском языке подавляющее число номенов являются заимствованиями из английского и немецкого языков, и их расшифровка требует дополнительных усилий: DKN = ‘doppia chivetta’ (двойной клин), TLG = ‘Passo del dente’ (шаг зубьев (пилы)).

Нами были отмечены также такие номены, как ‘Novelty’, ‘Logosol’. Эти номены получили распространение в языке лесной и деревообрабатывающей промышленности по экстралингвистическим причинам. ‘Logosol’ – лесопильный станок, наименование которого мотивировано названием фирмы-производителя. ‘Novelty’ – название определенного типа дисковой пилы. Номены, именующие бензопилы, – ‘STIHL’, ленточные пилы – ‘WoodMizer’, ‘Bandholzer’, ‘Carl Ronger’, ‘Munkfors Sagar’, ‘Kanefusa’, употребляются как в русском, так и в итальянском языках профессиональной коммуникации.

Что касается другой языковой страты – профессионализмов, то в языке профессиональной коммуникации лесной и деревообрабатывающей промышленности они часто являются синонимами терминов: ‘sega a nastro’ (термин) (ленточная пила) – ‘bindella’ (профессионализм). Им свойственно использование в устной речи, поэтому они нерегулярны, отличаются в зависимости от региона употребления и не образуют систему.

Интересно отметить сходства и различия языковой картины мира итальянских и русских специалистов лесопильной промышленности, получивших отражение в языке профессиональной коммуникации. И в итальянском, и в русском языках используется профессионализм ‘carotina’ – морковка. Но значения их разные: в итальянском языке это небольшой кусочек дерева,

извлекаемый с помощью специального инструмента без вреда для растения с целью посчитать годовые кольца и определить возраст дерева. В русском языке 'морковка' – ствол дерева, нижний диаметр которого значительно превосходит верхний диаметр. В обоих случаях очевидно сходство формы.

Замечены случаи перехода профессионализмов в разряд терминов, использующихся в контрактах, спецификациях продукции: 'экстра' – высококачественное бревно (при этом синоним 'нулёвка' используется только в устной речи); употребление бывшего профессионализма 'lunatuga' наряду с термином 'doppio alburno' (двойная заболонь).

В отличие от профессионализмов, профессиональные жаргонизмы в языке профессиональной коммуникации лесной и деревообрабатывающей промышленности характеризуются невозможностью перехода в разряд терминов, поскольку отличаются повышенной эмоциональной окрашенностью, образностью. Очень часто на первый план выходит не явление или понятие, а его оценка. Поэтому использование жаргонизмов восполняет отсутствие наименований свойств, характеристик, отношений, которые не отражены терминологической системой языка.

Примерами профессиональных жаргонизмов в итальянском языке являются: 'abbassare il pelo' – «побрить» деревянную поверхность (устранить волокна древесины поднявшиеся перпендикулярно поверхности после обработки водорастворимым лаком); 'biscottini' – «печенюшки» (круглые отверстия с обеих сторон пласти для последующего соединения), 'fare assaggiare la gaspa al legno' – «дать дереву попробовать рашпиля».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что объединение лексических и фразеологических единиц в языках профессиональной коммуникации происходит не по языковым, а по экстралингвистическим принципам. Выбор лексических единиц обусловлен ситуацией общения. Больше всего нами отмечено терминов, номенов и профессионализмов. Прототермины мало распространены в виду того, что лесная и деревообрабатывающая промышленность со времени своего становления в значительной степени изменилась: появились усовершенствованные орудия производства, сами технологические процессы стали иными.

Терминологическая система профессионального языка лесопильной промышленности обусловлена тесной связью тех понятий и производственных реалий, которые она именуется. «Термины в одиночку не существуют, они обязательно объединены и организованы, но эта объединенность и организованность не имманентное языковое состояние их, а отражение состояния реалий и понятий той отрасли человеческой деятельности, которое зафиксировано в отраслевой терминологии» [1. С. 52].

При этом на первый план выходит языковая личность, поскольку лексический и фразеологический состав языка профессиональной коммуникации обусловлен узкой сферой общения специалистов данной области. Только они в полной мере владеют значением каждого термина и могут точно его употребить. Выбор кодифицированных или некодифицированных языковых средств обусловлен ситуацией профессионального общения. При статусном, формальном типе отношений на первый план выходит передача знаний, оптимизация трудовых процессов, разработка программ профессиональной деятельности. Соответственно, средствами выражения будут нейтральные, объективированные, нормированные единицы, не несущие экспрессивной оценки коммуникантов.

При неформальном общении цель коммуникации – решение конкретных проблем в рамках профессиональной деятельности. При этом специфика лесопильной промышленности – опасные и тяжелые условия труда, что не может не отразиться на ситуации общения и обуславливает использование жаргонизмов и профессионализмов.

Список литературы

1. Даниленко, В. П. Русская терминология : (Опыт лингвистического описания). М. : Наука, 1977. 247 с.
2. Лейчик, В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
3. Piegai, F. Glossario dei termini più comuni impiegati nell'ambito delle utilizzazioni forestali [Risorsa elettronica]. URL : <http://www.proverde.it/Pubblicazioni/Glossario%20termini%20forestali.pdf>.

Leila Tavi (Università degli studi "Roma Tre")

LA COMMEDIA DELL'ARTE E LA SUA PERCEZIONE IN RUSSIA NEL SETTECENTO

The article deals with the history of Italian comedy dell'arte, its cultural and socio-linguistic influence on the Russian theatre. In contrast to Italy, where the profession of a comedian for a long time has been treated as street art, in Russia of the 18th century skills of Italian actors were highly praised.

Keywords: comedy dell'arte, stage harmony, folk tradition, street actor, expressionistic and avanguard forms in the theatre.

Ne' Teatri de' nostri tempi, si fan comparire negl'Intermedj dell'opere, Saltatori, e Ballarini mascherati, e vestiti con diverse, e ridicole invenzioni, e caricature; però a mio credere non posson queste esser paragonate a quelle degli antichi Romani.

Francesco de Ficoroni, *Le maschere sceniche e le figure comiche d'antichi romani*, 1736

Questo breve studio ha l'intento d'illustrare le principali caratteristiche socio-linguistiche della commedia dell'arte e la sua recezione nel corso del XVIII secolo in Russia, dove gli attori comici italiani godevano di notorietà e stima, a differenza del loro paese d'origine, l'Italia, dove la professione di comico, spesso associata all'attore di strada¹, fu spesso sminuita sia dalla società del tempo² che dalla critica teatrale nelle epoche successive, come testimoniato dalle parole del collezionista romano Francesco de Ficoroni.

Informazioni certe riguardo all'attività delle prime compagnie comiche del Cinquecento in Italia sono giunte a noi grazie alle biografie coeve e alle note di "regia" di alcuni attori famosi del tempo³, nonché grazie agli atti notarili e giudiziari che riguardavano la costituzione e lo scioglimento di compagnie teatrali o provvedimenti disciplinari a carico di singoli attori⁴.

Proprio nel Cinquecento, dopo il declino della commedia latina, il mestiere di chi si guadagnava da vivere allietando le corti e le pubbliche piazze con spettacoli comici divenne molto diffuso e singoli individui decisero di formare vere e proprie compagnie di attori itineranti. I primi comici dell'arte decisero di riunirsi in confederazioni, che riprendeva la tradizione della gilda medievale. Si trattò di un vero e proprio "artigianato dello spettacolo"⁵, tra cui figuravano, oltre agli attori, i buffoni, i ballerini, gli acrobati e anche i ciarlatani⁶.

Dalla metà del XVI secolo una novità fu rappresentata dalla presenza delle donne sul palcoscenico, che fece gridare allo scandalo tanti ecclesiastici del tempo, i quali ritenevano peccaminosa la promiscuità tra uomini e donne di teatro⁷. Considerate *meretrices honestae*, tali donne erano nella maggior parte dei casi colte, in grado di recitare in "toscano", l'italiano per antonomasia a quei tempi; molte di loro erano poetesse, cantanti, cortigiani e letterate⁸.

La compagnia teatrale diventò così una sorta di comune, dove personaggi emarginati della società, a volte perseguitati dalla legge o dalla morale del tempo, trovarono rifugio e una nuova famiglia con cui condividere la sorte.

Tale composita natura portò da subito a una scissione della commedia dell'arte in due differenti filoni, "complementari ma refrattari l'un l'altro"⁹, che s'intrecciarono senza mai confondersi tra loro: un filone esasperò la comicità bassa e volgare che divertiva il popolino, l'altro, legato invece alle biografie dei grandi attori professionisti, divenne nel corso dei secoli sempre più di nicchia e, in seguito, appannaggio di pochi studiosi, quando la commedia dell'arte cadde in Italia nell'oblio perché considerata un genere minore.

La forte componente popolare ha connotato tale genere teatrale in maniera particolare, tanto da trovare eco all'estero e da ispirare, oltre gli esponenti di spicco del teatro sperimentale russo all'inizio del XX secolo¹⁰, scrittori quali Arthur Schnitzler in Austria, Jacinto Benavente in Spagna, Joris-Karl Huysmans e Jules Laforgue in Francia, Ruggero Leoncavallo in Italia.

Nonostante la sua natura "plebea", la commedia dell'arte non va considerata come un fenomeno puramente folkloristico, ma una vera e propria scienza, come fu interpretata, a ragione, dai drammaturghi russi del primo Novecento.

La commedia dell'arte è spesso associata all'idea del teatro che scende in piazza, eppure i documenti d'archivio che sono stati rinvenuti parlano di un teatro di sala, con biglietti venduti. Al contrario, se il teatro di piazza fatto di saltimbanchi, circensi e ciarlatani è passato alla storia è proprio grazie alla commedia dell'arte, che lo ha fatto suo e lo ha consacrato alla memoria popolare attraverso la magistrale recitazioni di attori professionisti di sala¹¹.

Il concetto di commedia dell'arte richiama poi i festeggiamenti per il Carnevale; anche in questo caso è stata la commedia a tramandare le tradizioni carnevalesche italiane, in una trasformazione del teatro come espressione di un artigianato d'economia "di festa" a una forma d'arte espressione di un'economia "di mercato"¹¹.

L'improvvisazione, la recitazione che alterna i vari dialetti al toscano, i lazzi¹², le maschere, tutti elementi portanti della commedia dell'arte, sono una preziosa tradizione che merita un posto d'onore nel patrimonio culturale e storico italiano.

Tangibile segno d'italianità, la commedia dell'arte è stata considerata da alcuni studiosi addirittura come il naturale proseguimento della commedia greca, in particolar modo è stata accostata alle opere di Aristofane e di Menandro, la cui tecnica d'improvvisazione ricorda, in un certo modo, la struttura dei lazzi. L'arte teatrale del Cinquecento è stata paragonata inoltre alla tradizione romana con le sue atellane e le opere di Plauto¹³.

In poco tempo la commedia dell'arte divenne un tangibile segno di teatro nazionale, grazie all'enorme sforzo fatto dagli attori di assimilare e amalgamare quelle caratteristiche espressioni dialettali che connotavano le maschere (Arlecchino, Colombina, Pulcinella, Pantalone...) in una lingua comprensibile dal nord al sud dell'Italia, dove nel XVI e nel XVII secolo la reciproca conoscenza dei dialetti delle regioni era maggiore rispetto a quella che sarà, in seguito, nell'Italia unitaria.

Se è vero che l'attore professionista doveva conoscere tutti gli artifici e le raffinatezze di un "buon italiano", era cosciente del fatto che i dialetti erano al popolo più comprensibili e riconoscibili, grazie proprio a quelle peculiarità lessicali e all'enorme successo dei comici di strada. L'utilizzo della pantomina e del linguaggio del corpo rappresentavano validi strumenti da associare alla voce; tali tecniche di linguaggio non verbale avevano una forte componente espressiva, in grado di suscitare empatia nello spettatore.

La ritualità della vestizione e del trucco¹⁴ fatti in presenza del pubblico, che assisteva alle fasi preparatorie dello spettacolo in diretta, faceva sì che l'attore si trasformasse, sotto gli occhi increduli degli spettatori, da persona a personaggio.

La magia della trasformazione direttamente sul palcoscenico induceva lo spettatore a immedesimarsi con l'attore, in primis come essere "sociale" e poi come maschera, dietro cui improvvisamente spariva il volto dell'individuo per far apparire il buffone, destinato a recitare a vita il ruolo di un personaggio finto, ma allo stesso tempo "divino". L'essere "divo" non derivava all'attore direttamente dallo studio di

anni delle movenze e della virtuosità nella recitazione, ma piuttosto dal bagaglio culturale e sociale che l'individuo, proprio come persona, riusciva a trasmettere sulla scena¹⁵.

L'unicità della recitazione, che non si basava su un testo scritto, ma su un canovaccio, su cui gli attori improvvisavano in scena secondo uno schema di sequenze stimoli-risposte, creava un certo alone magico e, allo stesso tempo, una finta naturalezza. Più l'attore era bravo a trovare sempre nuove spontanee e sorprendenti improvvisazioni, più la commedia ne guadagnava in credibilità e stupiva il pubblico con finali sempre nuovi, che dipendevano non solo dalla storia, ma appunto dalla bravura degli attori e da come erano assortiti sulla scena.

C'era poi l'ossessione del "raddoppiamento" sul palcoscenico, con il destino dei due giovani innamorati, i ruoli drammatici all'interno della commedia, che s'intrecciava sempre con quello dei due servi, anche detti *zanni*, di solito interpretato dalle maschere Arlecchino e Colombina nelle loro varianti. Tale struttura è ripresa dalla commedia "regolare", con la differenza che, nella commedia dell'arte, il legame tra le due coppie non era mai dettato da un modello progettuale che si ritrovava nell'intreccio del testo scritto, al contrario si trattava di un legame che aveva tutta l'apparenza di essere casuale e poco attinente all'intreccio del canovaccio e che s'innestava, altrettanto casualmente, sul processo di soluzione della *fabula*.

Nonostante il finale fosse sempre scontato, perché basato su una struttura che piaceva al pubblico, divertiva ogni volta come se fosse la prima: i due innamorati dovevano lottare contro il destino segnato per loro da padri autoritari, arrivava allora l'intervento risolutore dei servi, che con la loro furbizia sbrogliavano la situazione; il tutto condito con l'intermezzo, le zuffe in scena, i lazzi e il lieto fine, che rappresentavano cliché irrinunciabili per il divertimento del pubblico.

The *lazzi* more than any other stage technique gave an improvised play its uniqueness. Exactly what these *lazzi* were is difficult to determine. Often in the scenario they were either merely named, for example, "lazzo del tacere" and "lazzo del porco", or at certain point in the scenario the directions would simply read "fanno lazzi"¹⁶.

Questa giusta mistura di prevedibilità e sorpresa, di ridondanza ed entropia, costituiva il segreto della commedia dell'arte. Il vero spirito dei teatri dell'arte furono le maschere, che hanno tramandato fino a noi la fantasia e le originali metamorfosi di attori in carne e ossa¹⁷, passando anche attraverso le marionette nelle fiere di paese, per interpretare un ibrido tra essere umano e marionetta, nell'alienazione tipi-

ca del manichino hoffmaniano, a cui s'ispirarono le avanguardie teatrali dei primi del Novecento e che fu precursore del *Verfremdungseffekt* di Bertold Brecht.

La maschera imbrigliava il personaggio in una sorta di ruolo definito, ma mai stereotipato; concordiamo perciò con Allardyce Nicoll, che per primo ha suggerito la nozione di "*accumulative personality*"¹⁸ in riferimento alle maschere, intesa come migrazione della personalità da una *pièce* teatrale all'altra, in una sorta di interpolazione tra ciò che lo spettatore si aspetta dal personaggio e dalla personalità dell'attore famoso e ciò che crea, di volta in volta, l'effetto sorpresa.

Con il passare del tempo però l'armonia scenica e la recitazione "corale" tipiche della commedia dell'arte persero in originalità e freschezza, diventando sempre di più un mero "assemblaggio di elementi disomogenei, a volta addirittura contraddittori"¹⁹. Non fu solo il fattore temporale a causare la degenerazione della commedia dell'arte in una forma di manierismo scenico, ma proprio il grande successo all'estero, dove la ricca varietà di termini dialettali utilizzati non poteva essere compresa dal un pubblico straniero, così le compagnie italiane furono costrette a semplificare la recitazione e a renderla "universalmente" comprensibile attraverso dei cliché ripetitivi e standardizzati, che impoverivano l'improvvisazione. Di conseguenza l'attenzione del pubblico non fu più rivolta all'evoluzione della trama, ma alla progressione dell'azione scenica, dando un enorme risalto all'interpretazione dei singoli attori, con le loro capacità di mimare e fare piroette, nonché al loro repertorio di lazzi.

Fu questo teatro di maniera a giungere fino in Russia all'inizio del XVIII secolo, quando i primi attori comici italiani ottenendo un grandissimo successo alle corti di Mosca e di San Pietroburgo, grazie soprattutto al lavoro di tre compagnie teatrali: la prima di Cosimo Ermini e della moglie Margherita arrivò a Mosca il 15 febbraio 1731; inviata dal re Augusto II di Polonia, si esibì in occasione dell'incoronazione della zarina Anna Ioannovna. Nonostante la compagnia italiana attiva a Dresda fosse nota per il nome di due cantanti²⁰, il vero capocomico della compagnia era Tommaso Ristori²¹, che fu costretto, una volta giunto a Mosca, ad allestire in fretta e furia una scena mobile, da utilizzare o in una sala del Cremlino, o in altri palazzi, a secondo della necessità. Gli attori italiani furono costretti a costruirsi un palco mobile perché all'inizio degli anni Trenta del XVIII secolo vi era a Mosca un solo teatro, edificato per Kunst nel 1702²².

A la fin nous arrivames à Moscou, et d'abord sa Maj^{te} Czariene souhaite voir une Comedie; mais com'il n'y avoit point de Theatre l'on m'ordonna d'en bâtir un Portative auquel je reussis avec une

peine inexprimable; neantmoins en peu de jours le Theatre fût prêt tel quel l'on pouvoit le souhaiter pour y jouer toute sorte de Comedies, et Pieces d'Opera avec un Amphitheatre capable de 600 Personnes. / <... M'étant aperçu que S.M. : Cz^{ne} n'entendoit point la langue italiene, je m'appliqua à travailler à des inventions d'apparence, Machines, et vols dont j'en composa une Comedie qui reussit telement agreable à S.M. que si-tôt qu'elle fut finie elle se leva debout, et tournée vers le Peuple en frappant des mains invita tout le monde à s'en rejouir ; C'est ce qui m'encouragea d'en appreter des autres ; mais quelques jour apres il me fût interdit d'une manière equivoque par un Billet que je conserve aupres de moy. / Apres tant de soin, et fatigues ne me voyant aucunem^t soulagé ny remboursé de l'argent des deux Carosses, et du chariot ny de la peine, et dépense que j'avois fait pour le Model du Theatre...²³

Degli scenari originali di Ristori sono a noi pervenuti solo i titoli nella traduzione francese, da cui si può evincere che la maschera principale aveva un ruolo preminente in scena; inoltre è possibile stabilire che, oltre al repertorio comico tradizionale di estrazione popolare, furono messe in scena in Russia anche delle elaborazioni farsesche di opere "serie"²⁴. La struttura prevedeva di solito tre atti con un numero variabile di scene, da un minimo di tre a un massimo di venti, in una forma più estesa rispetto ai tradizionali canovacci della commedia dell'arte. È evidente, inoltre, che una particolare attenzione era dedicata alla mimica e alla gestualità. Ogni scenario si apre con un *perečen*, che serviva a mo' di preambolo o di riassunto iniziale, o per meglio dire dell'*Argomento* tipico della commedia dell'arte, che serviva non solo per far comprendere meglio al pubblico cosa si stava per svolgere sulla scena, ma anche come promemoria per gli attori dietro le quinte. I personaggi principali degli scenari russi erano quelli classici della commedia dell'arte: i servi Arlecchino, Brighella e Smeraldina, con i "vecchi" o i padroni Dottore e Pantalone e gli "innamorati" Silvio, Odoardo, Diana e Aurelia. Nonostante la forte convenzionalità dell'intreccio, che connotava gli scenari russi come manieristici, le maschere non rappresentavano più dei tipi fissi, ma la loro funzione in scena era ampliata e non più costante; ciò era dovuto, probabilmente, all'esigenza di recitare in una terra straniera dalle tradizioni culturali così diverse da quella dell'Italia o della Francia.

Con la compagnia di Dresda giunse in Russia anche il violinista Pietro Mira o Miro, che oltre a suonare si esibiva con smorfie e piroette; il violinista buffone tanto fece divertire la zarina Anna Ioannovna, da meritarsi la nomina a giullare di corte. Alcuni storici del teatro fanno risalire l'origine della maschera di Petruška al violinista buffone, che era conosciuto in

Russia con il soprannome di Adamka Pedrillo o Petrucha Farnos²⁵. Fece la sua fortuna diventando uno dei favoriti della zarina, che amava giocare a carte con lui, elargendogli per i suoi servizi nel corso degli anni una cospicua somma di denaro quantificabile in circa 20.000 rubli. La sua fama giunse dalla Russia in Europa occidentale, grazie a un libello scritto contro il violinista da Jean-Chrétien Trômer, un avventuriero tedesco che lavorò alla corte russa tra il 1734 e il 1736 come buffone e che entrò in competizione con l'italiano per ottenere i favori della zarina²⁶.

La compagnia di Ristori si esibiva due volte alla settimana, alternandosi con le performance musicali, anche se la zarina Anna e i nobili di corte propendevano per gli spettacoli comici e non apprezzavano particolarmente l'opera seria; così l'anno successivo furono stanziati ben 5.000 rubli per ingaggiare una compagnia di comici italiani²⁷ e la zarina fece la promessa di costruire un teatro appositamente per far esibire le truppe dall'Italia. Le stagioni che si susseguirono tra il 1733 e il 1735 furono eccezionali: un totale di ventisei scenari e otto intermezzi tradotti in russo e distribuiti in cento copie a mo' di libretto con cui la zarina e i suoi cortigiani potessero seguire meglio quello che accadeva sulla scena²⁸.

Dal 1733 al 1734 fu scritturata una seconda compagnia italiana per la corte di San Pietroburgo; allora la somma per il contratto aumentò notevolmente, salendo a 12.500 rubli. Tra i comici ricordiamo, oltre al già citato Pedrillo, Antonio Sacco (o Sacchi)²⁹, noto a livello europeo per le sue interpretazioni della maschera Truffaldino, una variante dello zanni Arlecchino. Nel 1734 la zarina fece allestire nel nuovo Palazzo d'Inverno, ideato da Bartolomeo-Francesco Rastrelli, una sala dedicata alle rappresentazioni teatrali e all'opera, mentre alcune rappresentazioni erano messe in scena al teatro dell'Ermitage.

Gli scenari tipici di questa seconda compagnia sono stati definiti dalla critica *bytovyje* o appartenenti al ciclo magico. Le caratteristiche sono quelle tipiche della commedia dell'arte: il "sentimentalismo convenzionale di ascendenza petrarchesca"³⁰, di facile traduzione perché consisteva in lunghi dialoghi tra gli innamorati e una serie di inchini, sospiri e gesti galanti, che aveva sempre come controparte la farsa, la *bouffonnerie*. Anche per le commedie del secondo periodo russo si nota un'esasperazione dell'elemento mimico-gestuale rispetto all'improvvisazione; tale accorgimento scaturiva dalla necessità da parte degli attori di compensare quella distanza culturale con il pubblico russo, che non era in grado di cogliere le sottili sfumature lessicali.

Nel 1735 Pedrillo, su incarico della zarina, portò a San Pietroburgo una nuova terza compagnia, di cui faceva parte il musicista napoletano Francesco Araja

e la madre di Casanova, Zanetta Farussi³¹, conosciuta con il nome di Buranella. La compagnia era formata da trentuno attori e due servitori; fu alloggiata nel vecchio Palazzo d'Inverno, dove è attualmente situato l'Ermitage, ma nonostante il nome altisonante del palazzo, la sistemazione dei comici fu abbastanza disagiata e a loro fu fatto divieto, da contratto, di lasciare la Russia per cinque anni. L'interesse per la commedia andava però lentamente scemando a corte, tanto che la zarina Anna si orientò nel 1736 verso un teatro di stampo classicistico razionalistico, interpretato in Russia dalla compagnia dell'attrice tedesca Carolina Neuber.

A confronto con le altre due precedenti compagnie, il repertorio della terza fu sicuramente più originale nell'elaborazione scenica, in cui fecero la comparsa per la prima volta degli elementi inconsueti e innovativi, che si possono far risalire alla riforma della commedia dell'arte intrapresa da Luigi Riccoboni, con una finalità non solo estetica, ma sociale e umana³².

Alla morte di Anna Ioannovna nel 1740 le successe Ivan VI, che regnò per un solo anno, per lasciare subito il trono alla zarina Elisabetta Petrovna, che continuò l'azione di promozione del teatro e dell'opera iniziato dalla zarina Anna, anche se i documenti d'archivio sull'argomento sono scarsi e lacunosi³³. Con l'inaugurazione del Teatro nazionale nel 1765, voluto da Caterina II, le compagnie italiane subirono una spietata concorrenza da parte dei loro omologhi francesi e tedeschi.

Ma come ottenne la commedia dell'arte un così grande consenso nella prima metà del XVIII secolo, quando in Italia e in Francia era ormai fuori moda? Sicuramente l'abilità degli attori italiani nell'arte del mimo e della comicità non aveva eguali in Europa, poi l'amore dei Russi per la musica e l'improvvisazione contribuì al successo dei comici italiani, che seppero in particolar modo accattivarsi il favore del pubblico russo creando una serie di lazzi che si prendevano gioco di personalità locali o ridicolizzavano eventi accaduti alla corte russa. Un grosso contributo fu dato, infine, dall'attore Antonio Sacco, per il quale i più grandi commediografi italiani del tempo Carlo Goldoni e Carlo Gozzi scrissero³⁴.

L'arte mimica per i comici italiani andava oltre l'espressività del volto, coinvolgeva il corpo in una serie di gesti e di atteggiamenti, che rendeva le maschere dinamiche, mai statiche. Una forma di recitazione assai diversa da quella contemporanea, che privilegia la mobilità del volto, una forma di recitazione, più cinematografica che teatrale. Aveva ragione Constant Mic a giudicare "giudiziosa" da un punto di vista teatrale la scelta del comico dell'arte di recitare con la maschera, concentrandosi sulla mimica e l'espressività del cor-

po, poiché la mimica del viso a teatro è come un cammeo appeso al muro, solo ad avvicinarsi se ne coglie la bellezza, ma non orna la stanza³⁵.

La commedia dell'arte non solo influenzò le prime forme di teatro nazionale russo del Settecento, ma fu di vitale importanza per l'affermazione, agli inizi del Novecento, di nuove forme di teatro espressionista e d'avanguardia, che si allontanava dal teatro accademico tradizionale. Analizzando a posteriori i caratteri originali del teatro delle maschere, gli autori russi riuscirono a far rivivere quanto di genuino e spontaneo era nella commedia dell'arte prima maniera, facendone le basi di una nuova teatralità in Russia, in cui le maschere del Cinquecento italiano rappresentavano un fulcro propulsore, insieme alla tradizione folkloristica russa legata al *balagan*, tipico delle fiere dei giorni di festa (*jarmarki*)³⁶. Le feste popolari (*narodnye gulianniia*) erano un momento di svago e, tra i vari divertimenti che offrivano, ricordiamo le montagne di ghiaccio (*ledyanie gory*), da cui derivano le montagne russe dei *luna park* italiani, le gare di corsa in slitta, il dondolo bilico (*kacheli*), il carosello e il circo; anche il teatro, che potremmo definire di strada (*balagan*), faceva parte degli intrattenimenti dei giorni di festa.

La tradizione folkloristica del teatro di piazza ci riporta alla mente le tipiche tavolette in legno incise che adornavano le izbe contadine (*lubki*), coloratissime e con una funzione, oltre che decorativa, ludica, perché erano utilizzate come vignette umoristiche³⁷. Anche la cosiddetta commedia dell'orso (*medvezh'ija kommedija*), una forma d'intrattenimento che consisteva nell'esibizione di un orso danzante a tempo di musica, tenuto alla catena dal suo padrone, attirava l'attenzione dei passanti durante le feste. Più in generale, i *turpia joca cum urso*, se pur malvisti dalla Chiesa sin dai tempi dell'imperatore Giustiniano, avevano sempre riscosso un grande favore del pubblico; inoltre nell'Antica Russia, grazie agli *skomorochi*, che mettevano in scena un camuffamento ferino³⁸, l'uso farsesco della pelliccia aveva riscosso molto successo.

I drammaturghi russi del Novecento riuscirono ad amalgamare il gusto del grottesco della commedia dell'arte e quello del *balagan*, con tutte le sue derivazioni popolari, elevandoli a specchio dell'animo umano e a espressione non più di ridanciana goliardia, ma di disagio sociale e alienazione politica, così, all'alba di un cambiamento epocale che stravolse il corso della storia russa, Petruška assurse a simbolo nazionale. Le masse si riversarono a teatro per fame di cultura per la prima volta, così come si riversavano nelle strade per fame di libertà.

Nella memoria collettiva russa quel Petruška eroe nazionale conserva ancora i tratti del Pulcinella della commedia dell'arte, ma immalinconiti dal tocco di

Jean-Antoine Watteau; protagonista assoluto di un quadro che ha sullo sfondo una festa galante, mentre intorno a lui danzano come lunghe ombre le figure di una tetra *harlquinade*.

Notes

¹ Il teatro in Italia tra Cinquecento e Seicento non era considerato una vera e propria attività, né un'arte dotata di statuto, pertanto fare l'attore non era visto come un mestiere, ma un'amena attività ricreativa legata a un periodo di festa, come il Carnevale, dove ognuno poteva scendere in piazza con il volto coperto da una maschera e improvvisarsi attore. Invece la commedia dell'arte introdusse la novità nell'intrattenimento del pubblico della quotidianità, dell'esibirsi anche in periodi non festivi, distinguendo così nettamente gli attori professionisti dai dilettanti.

² La commedia dell'arte era erroneamente considerata dai critici del tempo come una chiassosa e superficiale forma d'intrattenimento, a volte sconcia, in opposizione alla commedia erudita.

³ La biografia più conosciuta è però del secolo successivo: scritta da Angelo Costantini, noto per aver portato al successo la maschera di Mezzettino, la biografia narra le vicende dell'attore italiano preferito da Molière, Tiberio Fiorilli, colui che, a sua volta, rese famosa la maschera di Scaramouche; cfr. Angelo Costantini, *La vie de Scaramouche*, Paris, a l'Hotel de Bourgogne et chez Claude Barbin, 1695.

⁴ Un primo e completo studio sulle compagnie di comici del Cinquecento si deve a Ireo Sanesi *Storia dei generi letterari italiani: La commedia. Vol. 1. Milano, Vallardi, 1944*. La data simbolica per l'origine della commedia dell'arte è fatta risalire al 1545.

⁵ Cfr. Sirio Ferrone. *La Commedia dell'Arte // Quaderns d'Italia. 1997. Vol. 2. P. 9–20*.

⁶ Ci sono due possibili origini della parola "ciarlatano": una fa derivare il vocabolo da una trasformazione della parola "cerretano", abitante di Cerreto Umbro, attualmente in provincia di Perugia, dove era diffusissimo a quei tempi il commercio di unguenti o rimedi "miracolosi" contro le malattie. Un'altra ipotesi considera, invece, la parola come l'italianizzazione del termine francese charlatan, un venditore di medicine che pubblicizzava la sua presenza in piazza con musica o piccoli spettacoli teatrali.

⁷ Riportiamo un brano tratto da Pedro Hurtado de Mendoza, 1631, in Ferdinando Taviani, *La Commedia dell'Arte e la società barocca: la fascinazione del teatro*, Roma, Bulzoni, 1969, p. 86: "Vivono in promiscuità, senza che le donne stiano in camere separate, e gli uomini, così, le vedono spesso quando si vestono o si spogliano o si pettinano. Le vedono quando sono a letto e quando sono seminude <...>

I mariti sono dei vili e le donne non li rispettano, gli amanti non li temono <...> Spesso, trovandosi assieme in scena, l'uomo aiuta la donna a spogliarsi e a vestirsi, quando c'è bisogno che ella cambi presto d'abito per assumere un nuovo ruolo".

⁸ Il gesuita Ottonelli disquisisce a lungo nel suo trattato sul teatro sul ruolo delle donne in scena, arrivando alla conclusione che una presenza femminile nella compagnia è di grande diletto e fa ottenere offerte maggiori alla fine dello spettacolo; il religioso considera altresì la maggior parte di loro avidi di denaro e impudiche; cfr. Giovanni Domenico Ottonelli, *Della Christiana Moderazione Del Theatro: Detto la Qualità delle Commedie...*, in Firenze, nella Stamperia di Luca Franceschini & Alessandro Loghi, 1648. Una delle prime donne comiche fu anche direttrice di compagnie e fu conosciuta solo con il nome d'arte, la romana Flaminia, lodata da Leone de' Sommi e decantata da Giorgio Vasari; cfr. Enrico Mattioda. Giorgio Vasari, l'attrice Flaminia romana e Leone de' Sommi. *Giornale storico della letteratura italiana* 190.629. 2013. P. 1–15.

⁹ Ferdinando Taviani e Mirella Schino, *Il segreto della Commedia dell'Arte: La memoria delle compagnie italiane del XVI, XVII e XVIII secolo*. Firenze, La casa Usher, 2007. P. 116.

¹⁰ Ricordiamo tra i drammaturghi russi che hanno sperimentato nuove forme di teatro ispirandosi alla commedia dell'arte: Michail Alekseevič Kuzmin, Vsevolod Emil'evič Mejerchol'd, Vladimir Sergeevič Solov'ev, Aleksandr Jakovlevič Tairov e Evgenij Bagrationovič Vachtangov, che riproposero un modello innovativo ed espressionista delle maschere italiane, mentre artisti di fama internazionale come Aleksandr Aleksandrovič Blok, Vladimir Vladimirovič Majakovskij e Igor Fëdorovič Stravinskij s'ispirarono proprio alla commedia dell'arte per alcune loro opere.

¹¹ *Ibid.* P. 360–361.

¹² Cfr. Mel Gordon. *Lazzi: The Comic Routines of the Commedia dell'Arte*. N. Y.: Performing Arts Journal, 1983. Si trattava di battute comiche che Arlecchino o altre maschere, di solito gli zanni, dicevano nel mezzo di una scena, accompagnate da improvvise espressioni di paura o di stupore, grazie a repentini cambi del tono della voce, che interrompevano l'azione. Tale interruzione era commentata in scena dai "vecchi" o dai padroni come un elemento di disturbo a un'azione che andava ripresa comunque, mentre il pubblico lo percepiva, naturalmente, come pausa divertente che serviva per riprendere a seguire, con rinnovata attenzione, l'azione in scena.

¹³ Cfr. *The Science of Buffoonery: Theory and History of the Commedia dell'Arte*. Ottawa; Dovehouse Editions Inc., 1989. Un'altra scuola di pen-

siero fa risalire la commedia dell'arte alla tradizione folkloristica medievale e nella relativa letteratura.

¹⁴ I cosmetici erano a base di uova, olio o colori liquidi e per struccarsi era abitudine strofinare il viso con acqua tiepida e crusca. Il pittore Cennino Cennini si recava, per esempio, nelle dimore dei nobili come "truccatore a domicilio", fu il primo makeup artist della storia.

¹⁵ Cfr. Ferdinando Taviani e Mirella Schino, *Il segreto...* cit. P. 428–429.

¹⁶ Marshall James Yawney. *Early Russian Theatre and Commedia dell'Arte*. Univ. of British Columbia, 1971. P. 35.

¹⁷ Cfr. J. Douglas Clayton. *Pierrot in Petrograd: Commedia dell'Arte/Balagan in Twentieth-Century Russian Theatre and Drama*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1994. P. 21: "The definition of a commedia mask is in itself an interesting methodological problem, since the character varied in time as new actors took it over and modified it, and since the name of the character could be changed in a particular play. For example, in French versions, Pierrot could become Gilles, Pantalone become Casandre, and so on." **Alla maschera era inoltre associate un costume tipico, riconducibile inequivocabilmente a un particolare personaggio.**

¹⁸ Cfr. Allardyce Nicoll. *The World of Harlequin: a Critical Study of the Commedia dell'Arte*. Cambridge, CUP, 1963. P. 22.

¹⁹ Marialuisa Ferrazzi. *Commedie e comici dell'Arte italiani alla corte russa, 1731–1738*. Roma: Bulzoni, 2000. P. 105.

²⁰ Cfr. Samantha Owens, Barbara M. Reul e Janice B. Stockigt. *Music at German Courts, 1715–1760: Changing Artistic Priorities*. Woodbridge-Suffolk, Boydell, 2011. P. 77.

²¹ Nato a Bologna nel 1658 era specializzato nella parte di Coviello/Scaramuccia.

²² Di solito tali compagnie itineranti che giravano per le corti d'Europa erano numerose e potevano annoverare fino a circa quaranta persone tra attori, cantanti e musicisti; per la lista completa dei comici della compagnia di Ristori cfr. Marialuisa Ferrazzi, *Commedie e comici...* cit. P. 32.

²³ *Ibid.* P. 268. La relazione del comico è custodita nel Sachsiches Hauptstaatsarchiv.

²⁴ *Ibid.* P. 113.

²⁵ Cfr. Angelo Maria Ripellino, Rita Giuliani Di Meo, *L'arte della fuga*. Napoli: Guida, 1987. P. 392, nota 5. La maschera della tradizione popolare russa è conosciuta in tutto il mondo grazie all'omonimo balletto del 1910 di Igor Fëdorovič Stravinskij, ispirato al romanzo di Aleksandr Blok, *Balagan*. Nel balletto il protagonista vive il dissidio interiore di non poter esprimere le sue emozioni, intrappolate in un corpo

di marionetta. In realtà la confusione che fu fatta tra la marionetta russa e il violinista italiano fu dovuta alla grande fama di Pietro Mira e all'assonanza del suo nome d'arte, Pedrillo, con Petruška, il cui diretto antenato, il sopraccitato Petrucha Farnos, ha un'origine precedente all'arrivo di Mira in Russia, perché fu un personaggio rappresentato nel XVII secolo nelle stampe popolari (*lubočnye kartinki*) e che si può far risalire alla nostra maschera di Pulcinella per avere con quest'ultima in comune le due gobbe e il grande naso. Farnos è infatti l'abbreviazione dei due termini, in russo, "farina" e "naso".

²⁶ Cfr. Marialuisa Ferrazzi. *Commedie e comici...* cit. P. 288.

²⁷ *Ibid.* P. 44. La somma fu indicata in un ukaz del 9 settembre 1732.

²⁸ A redigere la versione russa fu probabilmente V. K. Trediakovskij (1703–1769), che lavorò per anni come traduttore ufficiale per l'Accademia delle Scienze di San Pietroburgo; cfr. Eugen Steel and David Welsh, "The Commedia dell'Arte in 18th-Century", Paper presented at the Forum Italicum, 2010, p. 413 e Marialuisa Ferrazzi, *Commedie e comici...* cit. P. 66–70.

²⁹ Antonio-Giovanni Sacco (Sacchi), 1708–1788, nacque a Vienna durante una tournée del padre, Gaetano, figlio a sua volta di Gennaro, famoso Coviello napoletano. In Russia giunse insieme al padre, che vi morì nel 1734. Per un'esaustiva biografia cfr. Marialuisa Ferrazzi, *Commedie e comici...* cit. P. 291–292.

³⁰ *Ibid.* P. 158.

³¹ Pseudonimo di Maria Giovanna Zanetta Casanova anche conosciuta come Farussi o Farusso (1708/1709–1776). Andò in sposa nel 1724 all'attore Gaetano Casanova, che l'aveva in un primo momento rapita ai genitori calzolari ottenendo poi la sua mano dietro promessa che non avrebbe mai recitato, ma nel 1726 debuttò a Londra nella compagnia del marito; divenuta vedova nel 1733 seguì la compagnia del suo defunto marito, passata alla direzione di Giuseppe Imer, noto amoroso; fu ricordata da Carlo Goldoni per la sua bellezza, ma non apprezzata dal commediografo per le sue scarse doti canore; cfr. Marialuisa Ferrazzi, *Commedie e comici...* cit. P. 294.

³² *Ibid.* P. 158.

³³ Documentato è l'arrivo alla fine del 1757 della compagnia di Giovanni Battista Locatelli, che trovò un grande consenso di pubblico per l'opera comica; al suo seguito tornò in Russia Antonio Sacco.

³⁴ Ettore Lo Gatto, *Storia del teatro russo*. vol. I, Milano; Sansoni, 1952., p. 61: "Venne il periodo di successo del Locatelli e dei suoi collaboratori, specialmente di Giovanni Sacco, delle sue due sorelle Libera e Andreina, di sua moglie Conti e del signor Belluzzi".

³⁵ Cfr. Konstantin Mihajlovič Miklashevskij, *La commedia dell'arte o il teatro dei commedianti italiani nei secoli XVI, XVII e XVIII*. Venezia, Marsilio, 1981. P. 182–183. L'illuminazione a candela o a olio rendeva ancora più difficile percepire la mimica facciale, rispetto alle contemporanee tecniche di lighting design.

³⁶ La fiera più popolare era quella dedicata al martedì grasso di Carnevale organizzata a San Pietroburgo (*maslenitsa*).

³⁷ Tale forma di umorismo raggiunse il suo apice con l'impopolarità di Napoleone I in Russia agli inizi dell'Ottocento.

³⁸ Cfr. Maria Pia Pagani. *La Commedia dell'orso: I travestimenti animali degli attori russi // La Ricerca Folklorica*. 2004. P. 119–128. Di una disavventura capitata a due italiani in cerca di fortuna in Russia, che si spacciavano uno per finto orso e l'altro per il suo padrone narra Carlo Mantegazza nel suo *Viaggi nei due imperi ottomano e russo*, Milano, Dalla stamperia e fonderia del Genio, 1805.

Bibliographie

1. Amfiteatroff, A. V. Goldoni e la commedia russa // *Rivista d'Italia*. 1928. XXXI, fasc. VI. P. 169–178.
2. Costantini, A. *La vie de Scaramouche*. P. : à l'Hotel de Bourgogne et chez Claude Barbin, 1695.
3. Ferrazzi, M. *Commedia e comici dell'Arte italiani alla corte russa, 1731–1738*. Roma : Bulzoni, 2000.
4. Ferrone, S. *La Commedia dell'Arte // Quaderns d'Italia*. 1997. Vol. 2. P. 9–20.
5. Ficoroni, F. de. *Le maschere sceniche e le figure comiche d'antichi romani*. Nella stamperia di Antonio de' Rossi, 1736.
6. Fowlie, W. *From Pierrot to Petrushka the Anti-Hero of the Commedia dell'Arte // Art as Spectacle : Images of the Entertainer Since Romanticism*. 1989. P. 177.
7. Gatto, E. Lo. *La Commedia dell'Arte in Russia // Rivista di studi teatrali*. 1954. No. 9–10. P. 176–186.
8. Gordon, Mel. *Lazzi : the comic routines of the Commedia dell'arte*. N. Y. : Performing Arts Journal, 1983.
9. Jordan, Peter. *In Search of Pantalone and the Origins of the Commedia dell'Arte // Revue internationale de philosophie*. 2010. Vol. 2. P. 207–232.
10. Jordan, P. *The Pantalone code : patrician fatherhood unmasked / P. Jordan, E. Rees // Lea*. 1993. P. 129.
11. Mattioda, E. *Giorgio Vasari, l'attrice Flaminia romana e Leone de'Sommi // Giornale storico della*

letteratura italiana. 2013. № 190.629. P. 1–15.

12. Miklashevskij, K. M. La commedia dell'arte o il teatro dei commedianti italiani nei secoli XVI, XVII e XVIII. Venezia : Marsilio, 1981. (Edizione originale : La commedia dell'arte : Ou le théâtre des comédiens italiens des XVIe, XVIIe & XVIIIe siècles. Paris : J. Schiffrin, 1927).

13. Nicoll, A. The World of Harlequin : a critical study of the commedia dell'arte. Cambridge : CUP Archive, 1963.

14. Nisid, M. Court of Catherine the Great in Russia. Univ. of British Columbia, 1997.

16. Pagani, M. P. Due viaggi di Mirandolina in Russia. Traduzioni Sceniche // Ricerche di S/Confine. 2013. Vol. IV, n. 1. P. 183–213.

17. Pagani, M. P. I mestieri di Pantalone : La fortuna della maschera tra Venezia e la Russia. Vol. 5. Costabissara (VI): Colla Editore, 2007.

18. Pesenti, M. Ch. Arlecchino e Gaer nel teatro dilettantesco russo del Settecento : Contatti e intersezioni in un repertorio teatrale. Milano : Guerini scientifica, 1996.

19. Pesenti, M. Buffoni di corte e comici di strada nella Russia settecentesca // 8° Convegno internazionale Bildlore : Generali e mendicanti, attori e sovrani. Ritratti nelle stampe a larga diffusione dal XVII al XX secolo, 2013.

20. Pietropaolo, D. The Science of Buffoonery : Theory and History of the Commedia dell'Arte. Ottawa : Dovehouse Editions Inc., 1989.

21. Pietropaolo, D. The Science of Buffoonery : Theory and History of the Commedia dell'Arte / D. Pietropaolo, S. Banchieri // Quaderni d'italianistica. 1992. No. 13.2. P. 307–312.

22. Riccoboni, L. Histoire du theatre italien, depuis la decadence de la comedie latine : avec un catalogue des tragedies et comedies italiennes imprimées depuis l'an 1500, jusqu'à l'an 1660. Et une Dissertation sur la tragedie moderne. Par Louis Ricoboni. P. : A. Cailleau, 1728.

23. Ripellino, A. M. Commedia dell'Arte in Russia // Enciclopedia dello spettacolo. 1956. Vol. 52. P. 1219–1220.

24. Sanesi, I. Storia dei generi letterari italiani : La commedia. Vol. 1. Milano : Vallardi, 1944.

25. Steele, E. The Commedia dell'Arte in Eighteenth-Century Poland and Russia // E. Steele, D. Welsh // Forum Italicum, 2010.

26. Taviani, F. Il segreto della Commedia dell'Arte: La memoria delle compagnie italiane del XVI, XVII e XVIII secolo // F. Taviani, M. Schino. Firenze : La casa Usher, 2007.

27. Yawney, M. J. Early Russian Theatre and Commedia dell'Arte. Univ. of British Columbia, 1971.

О. Н. Мокрая (Горловка, Украина)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Our interest is the description of the structural and semantic parametres of French editions, especially modern methods of French. In France the didactic discourse has been systematically studied in the late twentieth century with the founding of the Centre for Research on Ordinary and Specialized discourse based at the Sorbonne-Paris III. Linguists have clarified the objectives of the educational discourse. It is not only the transfer of knowledge, but the development and evaluation skills of the recipient. This has allowed linguists to determine the structural and semantic characteristics of didactic discourse.

Keywords: didactic discourse, structural and semantic parametres, French editions.

Актуальность проблемы исследования структурно-семантических особенностей и лингвистических параметров учебно-педагогического дискурса очевидна и обусловлена ориентацией высшего образования на углубление профессионализации в подготовке учителей общеобразовательных школ. Наш интерес представляет описание языковой и стилистической репрезентации французских учебно-педагогических печатных изданий, в частности, современных учебников французского языка.

Понятие 'учебно-педагогический дискурс' (УПД) является достаточно распространенным в современном обществе, впрочем, его содержание неоднозначно и варьирует в зависимости от целей, сферы своего использования. Традиционно считается, что такой дискурс функционирует в рамках учебно-педагогической ситуации, погруженной в сферу организованного обучения, и является взаимодействием между теми, кто обучает, и теми, кто обучается. Другими словами,

учебно-педагогический дискурс трактуется как семиотический процесс формирования и интерпретации учебных текстов в целостной, замкнутой коммуникативной ситуации, актуализованной в сфере обучения и конкретных социокультурных условиях.

Анализ лингвистической и психолого-педагогической литературы по проблемам дескрипции понятия 'учебно-педагогический дискурс', специфики его функционирования в системе образования Франции и франкоязычных стран позволил инвентаризировать его терминологическую парадигму. Во французском языке для обозначения термина 'учебно-педагогический дискурс' используют несколько лексем:

1) *discours didactique*, что в переводе на русский язык обозначает 'дидактический дискурс' и является «фальшивым другом» переводчика. Дидактический дискурс в отечественной лингводидактике отождествляется с речевым взаимодействием на уроке. Во Франции, несмотря на то, что иногда это понятие наделяется пейоративной коннотацией (дидакт) и ассоциируется со схоластикой, оно считается релевантным для системы взаимообусловленных индивидуальных действий субъектов образовательного пространства, в котором поведение каждого из участников выступает одновременно и стимулом, и реакцией на поведение остальных участников коммуникации;

2) *discours pédagogique* в переводе на русский язык обозначает 'педагогический/учебный дискурс' и его участниками являются учитель и ученик, а центром его функционирования считаются школа, класс, аудитория и т. д. Цель педагогического дискурса – социализация членов общества, их интеграция в совокупность общественных моральных добродетелей. Жанровой репрезентацией педагогического дискурса выступают тексты учебников, хрестоматий, правил поведения учащихся и т. д. Во французском языке термин '*discours pédagogique*' не является научным, а, скорее, поучительным, воспитательным. Типичными жанрами такого дискурса являются цитаты, басни, проповеди;

3) *discours académique*, что переводится на русский язык как академический дискурс и становится, опять же, «фальшивым другом» переводчика. В отечественной лингвистике термин 'академический дискурс' трактуется как нормативно организованное речевое взаимодействие, характеризующееся лингвистически и экстралингвистически как система профессионально-ориентированных знаков, статусно-ролевых параметров участников коммуникации: ученых, исследователей, преподавателей, студентов.

Во французском языке термин 'академический дискурс' используется для обозначения речи во Французской Академии или, в более узком смысле, маркирует 'университетский дискурс' с арсеналом следующих жанров: научная статья, трактаты, эссе, отчеты;

4) *discours d'enseignement* в переводе на русский язык означает 'образовательно-педагогический дискурс', выполняющий образовательные функции и являющийся средством хранения, передачи знаний, определенным «эталонном» для построения локальных образовательных дискурсных практик. В этом смысле образовательно-педагогический дискурс буквально «встроен» во все культурные институты, он моделирует их реальность и предопределяет их развитие [5. С. 49].

Во французской науке об языке учебно-педагогический дискурс стал предметом планомерного изучения в конце XX в. В 1989 г. на базе университета Новая Сорбонна-Париж III был создан научный центр исследований обычных и специализированных дискурсов (Centre de recherches sur les discours ordinaires et spécialisés). Учеными была уточнена цель УПД: не только передача знаний, формирование навыков, развитие когнитивных умений реципиента, а также оценка сформированности компетенций [2. С. 12]. Формулировка цели позволила лингвистам инвентаризировать структурные и семантические особенности УПД:

1. Уникальной характеристикой УПД по сравнению с другими институциональными дискурсами является *дидактизация смысла* высказывания, поскольку прогнозируется, что переданная информация должна быть усвоена адресатом. Другими словами, информативность трансформируется в учебную прагматику.

2. Отсюда, *доступность изложения* информации, легкость ее восприятия [4. С. 48]. Для того, чтобы представленная в учебных текстах информация приобрела вид знаний, дискурс должен быть четко *структурированным*. Дискурсу учебно-педагогического направления присуща последовательная подача информации: от известного к неизвестному, новому, от простого к сложному.

3. Профессор Сорбонны Ф. Сикурель считает, что фундаментальным признаком УПД является его *диалогический характер*, который исследователь называет *интеракцией* [3. С. 34]. Но диалог здесь имеет свою специфику из-за разного уровня компетентности собеседников: один обучает, другой учится. Диалог является подготовленным, четко форматированным, что отличает его от спонтанного ежедневного общения [3. С. 40]. Прямые и косвенные ссылки, обращение к адресату, использование дискурсивных операторов:

probablement, de surcroît, en dehors de cela т. д., апелляция к аргументам, касающимся ментальности адресата, побуждение его к ментальным операциям, осуществление логических действий, – все эти характеристики выступают маркерами такой диалогичности.

4. Французские лингвисты считают, что УПД отличается от других *важностью подготовительного этапа*, который они называют *le préconstruit* [7. С. 15]. **Подготовительный этап должен учитывать** уровень владения языком реципиента, стиль представления информации, способы логического выделения информации и т. д.

5. Отличительным признаком УПД печатных изданий является их *синтезированная текстовая природа*: информативная, объяснительная, описательная, аргументативная. Действительно, обучение предусматривают наличие диалога и взаимопонимания между субъектами, определенной унификации моделей взаимодействия и т. д. Базовыми формами УПД являются *описания и объяснения*, благодаря которым выполняется нормативная функция и обеспечивается желаемый «общественный консенсус», унификация действий индивидов, создается единая система оценки знаний, рейтингов и т. д. **Одной из важнейших репрезентативных процедур в УПД является формулировка и предъявление дефиниций**, конденсирующих основные признаки предметов, явлений и т. п. **Дефиниция непосредственно связана с целью передачи и закрепления** необходимых знаний о мире. Задача педагогической дефиниции – сформировать в сознании реципиента культурный концепт, в состав которого входят разнородные признаки образного, понятийного, оценочного, инструментального характера. Этим педагогическая дефиниция отличается от научной. *Аргументативная* составляющая учебного дискурса отражается в разработке предписаний, норм, стандартов, моделей, алгоритмов, что играет немаловажную роль в образовательном процессе. С помощью директивов адресант заставляет адресата совершить определенные поведенческие, когнитивные и вербальные действия. Императивы (*décrivez, parlez, rédigez*), формы будущего времени (*vous allez répondre à ce questionnaire*), инфинитивы (*pour aller plus loin, pour vous entraîner*), операторы деонтической модальности (*il faut, il convient de, vous devez* и т. д.) реализуют многочисленные директивные акты в учебном дискурсе. Директивные акты в УПД носят односторонний характер: ученик не имеет права приказывать учителю. Впрочем, стоит отметить в современных учебниках французского языка отсутствие прямого принуждения,

императива. Вместо него находим различные иконки, невербальные символы номинативные предложения в формулировке задач к упражнениям: *‘repérage des structures langagières’*. Цель реализуется при помощи предлога *‘pour’*: *‘pour commencer, pour découvrir’*, двусложных предложений: *‘je répète, je lis, j’utilise les mots’*, инфинитивных конструкций: *‘se faire des amis dans le monde’*.

6. Анализ содержания французских учебно-педагогических изданий позволяет констатировать его *строгое подчинение* и соответствие логике конкретных *учебных программ*.

7. Немаловажным признаком УПД является *системное изложение учебного материала*, соответствующее современным концепциям обучения иностранному языку, возрасту, интересам учащихся, уровню их развития, потребностям.

8. Тексты дублируются *вербальными знаками* (графическими, пиктографическими), изменением цвета, шрифтов и т. д.

9. Содержательный компонент УМК по обучению французскому языку представлен *аутентичными текстами*, главными особенностями которых являются информативность, жанровая разновидность, соответствие ситуации общения, уникальное лексическое наполнение и лингвосоциокультурный компонент.

10. В дидактическом дискурсе печатных учебно-методических изданий помимо коммуникативных используются конструктивно-генеративные *стратегии* объяснения, указания, советы, побуждения и др., транспозитивные (ссылки на авторитетные филологические источники, цитирование с комментариями), стратегии построения дискурса по текстовой модели (правила, памятки, инструкции), трансформативные стратегии (реферирование, перевод, аннотация и т. д.). Учебники французского языка, которые называются *méthodes*, построены с учетом контролирующей, мотивирующей, организующей стратегий. Анализ дискурса аутентичных учебников «Ligne directe» [6] и «Tandem» [1] **позволяет констатировать**, что все перечисленные выше стратегии подчиняются главной цели: привлечь учащихся-подростков к овладению способами формулировки мыслей на французском языке, осуществлению речевых действий, пониманию мыслей других людей и выражению собственных суждений. Такая исходная основа пронизывает весь арсенал средств учебных пособий. Так, приведенные выше названия учебников маркированы семой романтизма, интриги. Авторы этих комплексов пытаются обходиться без традиционных терминов ‘учебник’, ‘книга’, что актуально в эпохе

расцвета информационных технологий и увлечения ими юношества. Дизайн номеров страниц «Ligne directe» вторит дизайну компьютерных технологий. Название «Tandem» апеллирует к командному духу, являющемуся неотъемлемой частью жизни подростков. Синергетика присутствует в большинстве сформулированных задач: сделай это вместе с друзьями (*'fais avec tes camarades, tous ensemble, apprécie les autres'*). В обоих учебниках для общения избирается второе лицо единственного числа 'ты': *'ton professeur'*. Учет возрастных и психологических особенностей подростков демонстрируется в выбранной стилистической канве учебников. Так, обучение (*'apprentissage'*) и его задачи (*'buts'*) ассоциируется с преодолением препятствий (*'missions', 'défis'*), с различными приключениями (*'grandes aventures'*), с путешествиями (*'embarquement'*) в космическое пространство. Выбор лексики для формулировки заданий, разъяснений, осуществление контроля мотивируется положительными коннотациями: *'progresser, grâce à ton énergie, grâce à ton engagement'* и т. п. Но члены команды должны придерживаться определенных моральных принципов, исполнять конкретные обязанности для достижения поставленной цели. Поэтому

первоочередное место в учебнике занимает концепт обязанности: *'ton engagement, réussir cette mission, tâche finale'*. Личная ответственность за овладение языком реализуется употреблением первого лица: *'je découvre la langue; je comprends; je passe à l'action'*.

Список литературы

1. Bergeron, C. *Tandem* / B. Christine, M. Albero. P. : Didier, 2003. 95 p.
2. Choppin, A. *Les manuels scolaires : histoire et actualité*. P. : Hachette, 1999. 224 p.
3. Cicurel, F. *Variables discursives dans l'enseignement des langues* // Les carnets du Cediscor. Discours d'enseignement et discours médiatiques. 1994. № 2. P. 13–15.
4. Desirat, C. *Formation des discours pédagogiques* / Cl. Desirat, H. Tristan // Langages. 1977. № 45. P. 3–8.
5. Dubois, J. *Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage*. P. : Larousse, 1994. 150 p.
6. Lemeunier, V. *Ligne directe* / V. Lemeunier, I. Binan. P. : Didier, 2011. 120 p.
7. Lerat, P. *Les langues spécialisées*. P. : PUF, Linguistique nouvelle, 1995. 201 p.

Ю. А. Мухачева (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ФОНЕТИКИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

The aim of the article is to consider the historic aspects of the phonetics of portuguese language, to examine factors that influenced into the development of the phonetical level of the language from the beginning of the Latin to the modern Portuguese and also to reveal the features of european variant of Portuguese.

Keywords: Portugal studies, Romance languages, development of the phonetical level of Portuguese.

Эволюция слов, стоящая у истоков вокабулярного разнообразия того или иного языка, во многих случаях объясняется посредством процессов, происходящих на фонетическом уровне. Так называемые фонетические законы, выявленные лингвистами школы нео-грамматики в XIX в., представляют собой регулярные изменения, наблюдающиеся в эволюции всех языков. Эти исторические явления происходят под влиянием внешних факторов изменения языка – региональных, политических, культурных и социально-этнических факторов.

При рассмотрении истории португальского языка как одного из западнороманских языков следует отметить влияние средиземноморских предроманских субстратов (кельтского и баск-

ско-иберского), суперстрата германских племен и адстрата греческого языка в качестве отличительной черты при формировании языка и культуры народов иберо-романского ареала. В частности это сказалось в дальнейшем на своеобразии некоторых черт фонологического и морфологического строя португальского языка, а также его лексики.

Под кельтским субстратом понимается поглощение языка кельтских племен, населявших Пиренейский полуостров в период завоевания римлянами (218 г. до н. э.), адаптация ими латинского языка с привнесением в последний элементов грамматики, лексики и даже синтаксических конструкций своего языка.

Кельтскому субстрату уделяется особое внимание в романистике, так как он описывает фонетические явления, чьи последствия наблюдаются только в западных романских языках и, напротив, не имеют места в восточной области распространения Романии. Считается, что большинство кельтизмов содержатся в португальском языке, а также в диалектах Галисии, Леона, Эстремадуры и Астурии, т. е. в тех местах, которые, предположительно, были более всего кельтизированы.

При рассмотрении системы согласных некоторые исследователи именно кельтским влиянием объясняют тенденции к смягчению или озвончению в произношении некоторых латинских фонем, особенно взрывных в интервокальной позиции. Например: При сравнении порт. 'roda' (дорога) и исп. 'rueda' (дорога) и восходящего к ним латинскому эквиваленту 'rota' с тем же значением видно, что существовавшая в латинском языке взрывная фонема 't' в интервокальной позиции переходит в противостоящую ей по звонкости 'd'. **Явление такого же порядка происходит при сравнении слов 'cata>cada' (каждый).** В романских языках без зоны кельтского влияния феномена озвончения согласных в интервокальной позиции не наблюдается: итал. 'guota' и рум. 'goata'. Также при рассмотрении групп взрывных согласных 'p/b' отмечается подобный эффект: латинское слово 'capillu(s)' (волос) имеет эквиваленты внутри западной романской ветви – фр. 'cheveu', катал. 'cabill', прованс. 'cabel' и порт. 'cabklo'; но, с другой стороны, в итальянском слове 'capello' (волос) мы видим присутствие глухой губной взрывной фонемы. Соноризация звука 'p' объясняется одними учеными явлением перехода 'pl>bl', обычным в кельтском и баскском языках, но в то же самое время другие исследователи отмечают переход 'p>b' на сегодняшний день как элемент более древнего субстрата (доиндоевропейского), который оказал влияние и на явления озвончения согласных 'p, t, k' в интервокальной позиции как следствие их придыхательного (p>ph>h) или лабиализованного (p>b) произношения [5. С. 13–14].

С кельтским субстратом связывается и другое фонетическое явление – переход 'ct>it' во французском, португальском и в галло-италийских диалектах (пьемонтском): лат. 'noc-tem' > фр. 'nuit' > порт. 'noite' > пьем. 'noit' > исп. 'noche'. Переход 'ct>it' происходил, как предполагается, следующим образом: ct>ht>ht>it (где h – палатальная аспирата) [1. С. 155].

В период трансформации латыни в протороманские языки появляются определенные лингвистические границы западных иберийских

говоров, откуда, как предполагается, берет начало галисийско-португальский язык, отличаясь от говоров центральной части Пиренейского полуострова, где зародились леонский и кастильский языки. В это время главной особенностью (возможно, из-за рельефа местности) являются наиболее медленные темпы романизации Лузитании.

С точки зрения фонетических преобразований на данном этапе эволюции отмечается: в системе вокализма преобразование 10 латинских гласных и 2 дифтонгов в 7 гласных; сохранение ударения в словах до галисийско-португальского периода развития языка и до современного португальского; в системе согласных палатализация групп 'ci, ce, gi, ge', которые тогда произносились как во французском языке – 'quille, quete, guigne, guerre' – и перешли затем в 'tsi, tse': 'centum – cem'.

В системе согласных, вероятно, в эту эпоху происходит упразднение группы согласных 'cl > oc' lu > oyo (переход 'k' в 'yod'): эта эволюция характеризует все испанские говоры, но последствия этих изменений разные во всех регионах. В галисийско-португальском языке [yl] переходит в [lh] небную мягкую, в то время как в кастильском переходит в аффрикату [dz], выраженную на письме 'j':

Классическая латынь	Вульгарная латынь	Галисийско-португальский	Кастильский
ocūlum (глаз)	oc'lu	olho	ojo
auricūla (ухо)	orec'la	orelha	oreja
vetūlum (старый)	vec'lu	velho	viejo

Следующей особенностью этого периода является переход группы согласных 'ct' в [yt]: 'nocte>noyte' (ночь) – и сохранением в современном португальском языке формы 'noite', в то время как в испанском, продолжившем немного дальше свою эволюцию, мы находим эквивалент этому слову в виде формы с аффрикатой [ts] – 'noche':

лат. 'nocte' > 'noyte' > порт. 'noite' > каст. 'noche' (ночь)

лат. 'lectu' > 'leyto' > порт. 'leito' > каст. 'lecho' (постель)

лат. 'lacte' > 'layte' > порт. 'leite' > каст. 'leche' (молоко)

лат. 'factu' > 'fayto' > порт. 'feito' > каст. 'hecho' ('сделанный' – форма причастия прошедшего времени от глагола делать)

Другая важная лингвистическая граница вырисовывается в этот период. В центральной части Пиренейского полуострова 2 открытые гласные [ɛ] и [o], восходящие к кратким

гласным [ĕ] е [ō] в классической латыни, дифтонгизируются в различных положениях, причем галисийско-португальский язык игнорирует такую дифтонгизацию: [ĕ] переходит в [ĕĕ] и в итоге в 'ie'; **ex.**: 'petra' > **каст.** 'pie-dra', но > **порт.** 'pedra' (камень); [o] переходит в [oo], а затем в 'uo' и в итоге в 'ue'; **ex.**: 'nove' > **cast.** 'nueve', но **порт.** > 'novo' (новый) **лат.** 'forte' > **каст.** 'fuerte' > **порт.** 'forte' (сильный) [9. С. 6–17].

В период, следовавший за мусульманским завоеванием полуострова (711 г.) и охватывавший VII–XII вв., в фонетике галисийско-португальского языка начинают появляться специфические инновации вследствие изоляции от соседних говоров на востоке (леонского и кастильского) и от мосарабских диалектов, развивавшихся на юге:

1) группы согласных 'pl-,cl-,fi-' в начале слов преобразуются в кастильском до 'll', а в галисийско-португальском эта группа сначала дает аффрикату [ts], которая на письме передавалась как 'ch': **лат.** 'planu-' (плоский, ровный) > **галл.-порт.** 'chgo', **каст.** 'llano' (плоский, ровный, гладкий); **лат.** 'plicare' > **галл.-порт.** 'chegar', **каст.** 'llegar' (приходить, приезжать); **лат.** 'clamare' (звать) > **каст.** 'llamar', **галл.-порт.** 'chamar' (звать, называть);

2) выпадение интервокального -l- происходило, вероятно, из-за заднебного способа произнесения этого звука. Этот процесс начался в X в. и способствовал появлению в галисийско-португальском различных групп зияющих гласных: **лат.** 'calente' > 'caente' > **порт.** 'quente' (горячий), **лат.** 'dolorem' > 'doore' > **порт.** 'dor' (боль), **лат.** 'colore' > 'coor' > **порт.** 'cor' (цвет); **лат.** 'voluntade' > 'voontade' > 'vontade' (воля). Такого эффекта не наблюдается ни в восточном ареале соседних романских языков (кастильского и леонского), ни в южных мосарабских говорах.

Именно это явление объясняет форму множественного числа существительных, заканчивающихся на 'l' в современном португальском языке: **порт.** 'sol' (почва, земля) > 'soes' > 'sois';

3) выпадение интервокального -n-. Этот процесс наблюдается в течение XI и XII вв., о чем свидетельствует появление первых письменных текстов, например: **лат.** 'corona' (сначала наблюдается назализация гласной перед n) > 'corhna', преобразуясь затем в форму > 'corxa' (совр. **порт.** 'cogoa' – корона); 'manu' > 'mgo' (рука), 'semīnare' > 'semkar' (сеять), 'arena' > 'arka' (область, ареал), 'luna' > 'lūa' > 'lua' (луна), 'lana' > 'lga' > 'lrg' (шерсть), 'homīnes' > 'homkes'

> 'homem' (мужчина), 'bonu' > 'bho' > 'bom' (хороший) и др.

Далее, в период оформления галисийско-португальского языка (XII–XIII вв), еще заметным остается влияние кастильского языка (например, в отсутствии разграничений между согласными 'b/v'), но уже отмечаются значительные регулярные изменения, определяемые фонетическим контекстом, а именно:

- сохраняется процесс выпадения интервокальных -l- и -n- ('fafila' > 'fafia'), но теперь выпадение -l- между гласными распространяется на формы определенного артикля (lo, la, los, las > o, a, os, as) и соответственно на формы местоимений;

- сохранение в некоторых словах латинского 'f' в начале слова ('filho, falar' в отличие от катал. 'hijo, hablar' и др.);

- недифтонгизация кратких латинских гласных [ĕ] е [ō] ('terra', 'novo' и т. д.);

- сохранение группы -mb (например: 'lamber').

В этот период стоит отметить встречающиеся группы дифтонгов (ei, ai, oi, ui, iu, eu, au, ou) и носовые гласные, которые к XIV в. уже существовали в языке. В том случае, когда носовая согласная стояла в конце слова, в течение долгого времени сохранялось написание согласной -n, но, начиная со средневекового периода языка, на этой позиции начала появляться -m на письме: 'quen' переходит в 'quem', 'cantan' в 'cantam' и т. д. Такое написание сохранилось в португальском языке [3. С. 62–70].

Наиболее четкие фонетические различия старопортугальского от остальных языков западного ареала Пиренейского полуострова, в частности от галисийского, проявляются с начала XV в. и наиболее ощутимы в прозаических текстах (галисийские формы: 'froyto', 'cibdade', 'gando', 'regeo', 'iglesia', 'obispo', 'Gomes', 'departeu', 'disso', 'che' дали португальские формы: 'fruito', 'cidade', 'gado', 'rijo', 'igreja', 'bispo', 'Gomez', 'departiu', 'disse', 'te'). На данном этапе выявляется целая серия фонетических изменений, которая позволяет провести более глубокую границу между галисийским и португальским языками:

- оглушение звонких фрикативных согласных 'z', 's' и 'j', которые смешиваются с 'z', 'ss' и 'x'; встречаются написания с 'z' или 'c': 'pazo', 'mosa', 'parecer'; 'z' в словах 'cozer', 'vezes', 'vazio'; 'ss', напр. 'passo', 'disse', 'nosso', 'passar'; 's' напр. 'coser', 'quisteste', 'casar', 'rosa'.

- переход во всей западной части Галиции окклюзивного 'g' в глухую заднебную фрикативную согласную, соответствующую совре-

менному испанскому [j]. В то же самое время и в структуре галисийского языка отмечаются некоторые диалектические отличия, и его лексика обогащается испанизмами;

- унификация окончания формы имен существительных – раньше встречались окончания на ‘го, ап, оп’, которые во множественном числе имели формы ‘mgos’, ‘cges’, ‘lexes’. В этот период окончания ‘-an’ и ‘-on’ перешли в ‘го’.

- переход дифтонга ‘ou’ в ‘о’: ‘cousa, pouco, amou, doutor’. В некоторых словах ‘о’ или ‘е’ заменяется на ‘oi’, благодаря чему в современном португальском языке существует 2 формы слов: ‘touro – toiro’, ‘ouro – oiro’, ‘cousa – coisa’.

- переход ‘ts’ в ‘s’ происходит ввиду незакрепленной орфографической нормы в написании слов с ‘ch, e, x’: ‘xго rog chго’, ‘гоха rog rocha’, ‘ахар rog achar’.

Период с XIV в. и до настоящего времени рассматривается учеными как эпоха европейского развития португальского языка. В это время область распространения португальского языка приблизительно совпадала с национальной территорией континентальной Португалии, также архипелаги Мадейра и Азорские острова принадлежали к европейскому ареалу языка.

В фонетическом плане при рассмотрении данной эпохи эволюции языка наблюдается тенденция к стяжению двух зияющих гласных, образовавшихся в результате выпадения согласных ‘-l’ и ‘-n’ следующими способами:

1) появлением согласной между двумя гласными (две гласные рядом ‘-i-o e-i-a’ переходят в формы ‘-inho’, ‘-inha’; например: ‘vĩ-o’ (< ‘vinu’) > ‘vinho’ (вино), ‘galĩ-a’ (< ‘gallina’) > ‘galinha’ (курица);

2) стяжением двух гласных в одну, например: ‘lg-a’ > ‘lg’ (шерсть), ‘bx-o’ > ‘bx’ (на письме ‘bom’) (хороший), ‘tẽ-es’ > ‘tens’ (ты имеешь), ‘caente’ > ‘queente’ > ‘quente’ (горячий), ‘tri-inta’ > ‘trinta’ (тридцать);

3) редукция безударных гласных ‘е’ и ‘о’. В безударной конечной позиции ‘е’ произносится как ‘i’, ‘о’ произносится как ‘u’, напр. ‘conçavo’ произносится как ‘conçavu’ [9. С. 35]

Начиная с XIV–XVI вв., открытия португальцами Бразилии, разных стран Африки и Азии, система португальского языка претерпела лишь незначительные трансформации в области морфологии и синтаксиса.

В XVI–XVII вв. в системе португальского языка отмечается процесс «релатинизации» языка как результат гуманизма и развития классического образования в обществе.

При описании фонетики данного периода отмечается 8 фонем в системе гласных ‘i, e-E, г-а, o-O, u’. В начале слова *e* переходит в *i*, особенно в группах ‘en + согласный’: ‘*entrar*’ – ‘*intrar*’, ‘*estar*’ – ‘*istar*’.

Среди фонетических процессов можно выделить:

- диссимиляция и дилатация: ‘i-i-’ переходит в ‘e-i’, ‘u-u’ переходит в ‘o-u’: ‘*dizia-dezia*’, ‘*futuro-foturo*’, и с другой стороны, ‘e-i’ переходит в ‘i-I’ и ‘o-u’ в ‘u-u’: ‘*menino-minino*’, ‘*fremosura-fremusura*’;

- предупредная редукция гласных: переход *e* в *u* (‘*murar, purtagem, tucar, xuver*’) ‘*pedazo-pidazo*’, ‘*dezer-dizer*’ и *e* открытую в *e* закрытую [i] (‘*pedazo-pidazo*’, ‘*dezer-dizer*’).

И в последующие периоды, XVIII–XIX вв., можно обнаружить лишь небольшие инновации фонетической системы европейского варианта португальского языка:

- переход закрытого ударного *e* в закрытое *a* под влиянием небной согласной: ‘*venho(vanhu)*’, ‘*espelho*’, ‘*vejo*’, ‘*fecho*’;

- задненебное произнесение ‘r’: всегда существовала оппозиция между ‘r/rr’ в интервокальной позиции (‘*caro/cargo*’), но в остальных позициях реализуется как простое ‘r’: ‘*trks*’, ‘*parte*’ или вибрирующая: ‘*ramo, melro, tenro*’.

В период экспансии португальского языка эпоха его европейского периода развития завершается, и в современной португалистике существует даже понятие Лузитания в качестве геолингвистического ареала распространения португальского языка (соответственно говорящих на португальском языке называют лузофонами), в рамках которой выделяют 5 периодов лузофонии:

1) Древняя Лузитания – Португалия, Мадейра и Азорские острова;

2) Новая Лузитания – это Бразилия

3) Новейшая Лузитания охватывает 5 африканских наций, адаптировавших в процессе колонизации португальский в качестве официального языка: Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Кабо Верде, Сан Томе и Принсипи;

4) «Потерянная» Лузитания – области в Азии и Океании, в которых больше не прослеживается влияние португальского языка;

5) «Дисперсная» Лузитания относится к миграционным потокам, использующих португальский в качестве иностранного языка [10. С. 16–17].

В этой связи наблюдаются особенности в эволюции португальского языка, связанные с его функционированием в определенном регионе. Например, в фонетике бразильского варианта

португальского наблюдаются следующие отличительные особенности:

1) нейтрализация открытого и закрытого тембра в произношении ударных гласных 'а', 'е' и 'о'; отсутствие оппозиции в произношении 'а' открытого и 'е' закрытого;

2) чтение звука [i] вместо [e] в проклитиках и энклитиках ('me, te, se, lhe, de etc.');

3) вокализация заднебного [ʃ] в звук [w]. Пишется 'animal, Brasil, am̃vel', а произносится [animaw], [brasiw], [am̃vew];

4) произношение '-s' и '-z' на конце слова нередко приводит к появлению йот, напр. 'atr̃bs, luz, r̃ys' произносятся как [atraуль], [luуль], [реуль];

5) в большей части Бразилии взрывные согласные '-s' и '-z' произносятся в конце слова как [s]: 'atr̃bs, uma vez';

6) в сочетаниях 'ti' и 'di' окклюзивы [t] и [d] палатализируются до [ть] и [dh], dia [dhia] вместо [dia], diferente [dif'rentль] вместо [dif'renti];

7) выпадение конечного 'r': 'douto' вместо 'doutor', 'pega' вместо 'pegar'.

Если рассматривать в целом фонологические изменения системы португальского языка, стоит отметить ориентирующие принципы в фонетической эволюции португальского языка:

I. Принцип медленной эволюции – фонетические трансформации происходят медленно и не осознаются на протяжении веков.

II. Принцип бессознательности – ввиду медленной эволюции говорящие не отдавали отчета в трансформациях, которые они осуществляли.

III. Принцип наименьшего усилия – говорящие стремились произносить фонемы с наименьшими усилиями со стороны речевого аппарата, внося изменение в наиболее сложные для произношения фонемы.

Применительно к этим принципам учеными основное влияние уделяется следующим процессам:

1) процессы добавления нового фонологического сегмента в начале слова (протеза): 'stare>estar', в середине слова (эпентеза): 'humile>humilde' и в конце слова (парагога): 'ante>antes';

2) процессы элизии или выпадения сегмента с целью облегчения артикуляции – в начале слова (афереза): 'atonito' > 'tonto', в середине слова (синкопа): 'malu' > 'mau', и в конце (апокопа): 'amorẽm' > 'amor'.

3) процессы изменения фонологических сегментов:

– ассимиляция – процесс сближения сопряженных фонологических сегментов: *uru>ouro*, *m̃rabilia>m̃ravailha*, *ipse>isse>esse*, *nostru>nos̃to>nos̃so*

– диссимиляция – процесс утраты фонологическим сегментом одного или нескольких фонетических черт, которые ранее были общими с соседним сегментом и отличаясь в данный момент:

li/ium>li/iu>lizio

– назализация – процесс приобретения вокалическим сегментом носовых характеристик под влиянием носовой согласной [m]. Это частный случай назализации:

лат. 'mihi' > *m̃i> m̃im* (начальное *m* назализировало следующую согласную)

– дифтонгизация – процесс преобразования одной гласной в два сегмента разного тембра внутри вокалического сегмента с появлением полугласной в предударной или постударной позиции:

arena>arẽa>arẽia, *fea>fẽia*

– вокалическая редукция – процесс уменьшения силы гласной в безударной позиции:

mesa[k] – mẽsinha [e] (редукция первой гласной)

bolo [o] – bõlinho [u] (редукция первой гласной)

– краз – процесс слияния двух гласных в одну: *a (предлог)+a (артикл)> a*

'door' (от лат. 'dolorem') > dor;

4) метатеза – изменение положения сегментов или слогов в пределах одного слова:

contrãro>contrar̃io, *fremoso>fõrmoso*

[12. С. 54–55].

Говоря о роли португальского языка в лузофонных странах Африки, необходимо учитывать различные варианты креольских языков, развившихся на его основе. Мозамбикский португальский считается сродни старопортугальскому (был представлен в Португалии до XVI–XVII вв.) и имеет много похожих черт с бразильским португальским. Например: 'cnacibo' – 'obrigado' в бразильском и мозамбикском португальском произносится как [obri'gado] и как [obri'gadu] в самой Португалии. Хотя правительство избрало для изучения в школе именно современный европейский вариант португальского языка, тем не менее, все еще наблюдаются некоторые различия фонологического характера: конечный согласный [r] опускается в последнем слоге (что не свойственно европейскому варианту).

Фонологическим стандартом в Анголе является европейский вариант португальского языка, как и во многих других лузофонных странах Африки. Некоторые различия все же существуют: так же как и в бразильском варианте, ангольцы произносят [ɲ] как назальный палатальный аппроксимант [j], который назализует предшествующую гласную.

Португальский язык в Кабо-Верде уже в значительной степени креолизирован. Тем не менее,

на фонологическом уровне можно обнаружить следующие отличия: согласный [l] является ден- тальным, тогда как в стандарте он является аль- веолярным. При произношении 'г' наблюдаются вариации: на северных островах он может про- износиться как альвеолярный дрожащий [r], на южных, в зависимости от самого говорящего, – увулярный дрожащий [R], или увулярный фрикативный [ʁ], или даже звонкий велярный фрикативный [ʁ] [2. С. 84–86].

Таким образом, португальский язык, разделяет с испанским многие фонетические характери- стики, отличаясь от него рядом архаичных черт. Специфической чертой португальского языка являются назализованные гласные, а также неустойчивость вокализма (отсутствие полного соответствия между буквами и звуками), подвер- гающемуся активному процессу редукции без- ударных гласных, а также своеобразным пози- ционным варьированием шипящих и свистящих согласных (четыре фонемы [s], [z], [ʃ], [ʒ], про- тивопоставленные в интервокальной позиции, реализуются только как [ʃ] в абсолютном исходе слова и только как [ʒ] перед звонким согласным.

К современным тенденциям фонетической эволюции также можно отнести переход безудар- ных гласных a, e, u в закрытое a, e закрытое в u во всех других позициях и выпадение закрытого e в беглой речи: 'p'ssoa', 'diss'', 'fort's', 'pess'gu'.

Список литературы

1. Алисова, Т. Б. Введение в романскую филоло- гию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. Изд. 3-е. М. : Высш. шк., 2007. 453 с.
2. Будник, Е. А. Аспекты исследования звуко- вой интерференции (на материале русско-порту- гальского двуязычия) : монография / Е. А. Буд- ник, И. М. Логинова. М. : МЭСИ, 2012. 162 с.
3. Вольф, Е. М. История португальского языка. Изд. 4-е. М., 2012. 264 с.
4. Жебит, А. А. Португальский язык для на- чинающих / А. А. Жебит, Г. Б. Кузнецова. М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 460 с.
5. Зеликов, М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-роман- ских языков. СПб., 2005. 448 с.
6. Катагощина, Н. А. Особенности фонологической системы современных иберо- романских языков (португальского, каталанского и испанского). Изд. 2-е. М., 2011. 160 с.
7. Gonzalves Viana, A. R. Estudos de fonetica portuguesa. Lisboa, 1973. 278 p.
8. Mateus, M. Gramática da língua portuguesa. Lisboa, 1989.
9. Teyssier, P. Historia da lingua portuguesa. Traduzao de Celso Cunha. Martins Fontes. Lisboa, 1994. 95 p.
10. Shlvio, E. A língua portuguesa no mundo. São Paulo : Editora Btica, 1989.
11. Neto, S. da Silva. História da Língua Portuguesa. Varias edizoes.
12. Moreira, V. Grammatica de Portugals / V. Moreira, H. Pimenta // Ciclo do Ensino Basico. Ensino Secundario. Porto Editora, 2011. 352 p.
13. URL : www.instituto-camoes.pt.
14. URL : www.avempace.com
15. URL : www.falar.ru.

Н. Б. Попова (Челябинск, Россия),
А. А. Харитонов (Москва, Россия)

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

The article focuses on basic stages of the establishment of romance languages. The authors analyze his- torical and social aspects in different periods.

Keywords: romance languages, medieval, Migration period, tribal unions, dialects.

Знание о языках вообще, истории их разви- тия и становления представляется чрезвычайно неравнозначным, неравномерным и во многом неизведанным. Достаточно представить себе ге- неалогическую классификацию языков, в кото-

рой только индоевропейская семья включает 12 языковых групп больших и малых, мертвых и живых, а также их сочетаний.

Романские языки относятся к индоевропей- ской семье языков. Они связаны общим проис-

хождением от латинского языка, общими закономерностями развития и элементами структурной общности. В настоящее время более 60 стран используют романские языки как национальные или официальные языки (французский – 30, испанский – 20, португальский – 7, итальянский – 3 страны).

Становление романских языков восходит к тому периоду, когда устные традиции разных диалектов в структуре некогда гетерогенного единства разговорного латинского языка в результате разнообразных демографических, исторических и географических процессов, постепенно обособляясь от языка-источника, стали обособляться и друг от друга. Развитие романских языков, происходящее на основе разговорной (вульгарной) латыни в период Средневековья, представляет огромный интерес как для романского языкознания, так и для сравнительного, типологического и общего языкознания. Благодаря тому, что романские языки уже достаточно представлены в их классификационно-структурном разнообразии, интерес лингвистов обращается к изучению романского материала в рамках современных лингвистических парадигм: когнитивистики, коммуникативной лингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии. Несомненно, что актуальной и по-новому прочитанной может быть представлена история романских языков и в рамках новой лингвосинергетической парадигмы.

По данным типологического анализа современные романские языки в целом распадаются на западно-романские языки и восточно-романские языки.

Первые представляют собой единый географический континуум, который сформировался на территории Западной Римской империи. Таким образом, современное языкознание выделяет в западно-романской группе такие развитые подгруппы романских языков, как иберо-романская, окситано-романская и итало-романская подгруппы. К ней же относятся незначительная ретороманская подгруппа и далматинский практически вымерший язык.

Вторая группа романских языков соотносится обычно с территорией Восточной Римской империи и охватывает географически периферийные группировки языков, которые зачастую изолированы друг от друга территориями, на которых жители говорят на языках других групп и подгрупп. К ней относятся дако-романские языки (румынский и молдавский) и южно-дунайские языки.

История развития романских языков после периода романизации связана с периодом рас-

пада Римской империи, который обусловлен восстаниями рабов, деградацией земледелия, ослаблением экономических связей между провинциями, упадком ремесел и, соответственно, городов. Это также период возникновения крупных племенных союзов германских племен (союзы вестготов, остготов, лангобардов, вандалов, бургундов, союз франков и других) и их регулярного вторжения в пределы Римской империи. Движение последних в направлении территорий Римской империи связано в свою очередь с климатическим бедствием периода Средневековья, ставшего катализатором миграций многих народов и известного под названием великого переселения народов.

Римская империя оказывается в результате под ударом мощного миграционного процесса, идущего из центральной Азии через Северное Причерноморье и охватившее огромную часть Западной Европы. То есть территории Италии, Испании, Галлии и Дакии, куда двинулись германские племена, вытесняемые гуннами со своих территорий, были полностью разорены, и римская цивилизация под натиском климатических и геополитических катаклизмов терпит удар за ударом. Великое переселение народов сопровождается культурными, языковыми и религиозными конфликтами, с одной стороны, а с другой – объединением в разнообразные военные союзы, которые по своему содержанию, изнутри также были противоречивы и конфликтны. Кроме германских племен в переселении народов участвовали славяне, финно-угорские племена, аланы (иранцы), тюрки и другие.

Заметим, что с точки зрения синергетики, представляющей собой естественнонаучный вектор развития теории нелинейных динамик, средневековый период истории представляется периодом огромного хаоса. Хаос в синергетике выступает в качестве фактора физического обеспечения неравновесности с последующей креативной самоорганизацией нелинейных систем, которыми являются и человек, и племенные союзы, и государственные образования с разными политическими, военными, социальными и другими структурами. В хаосе заложена имманентная возможность становления нового «порядка».

Что касается «нового порядка» в рассматриваемой нами истории, то он организуется следующим образом. В 395 г. происходит официальный раздел Римской империи между сыновьями императора Феодосия, Гонорием и Аркадием, на Западную империю и Восточную империю. Западная часть бывшей великой империи достается Гонорию со столицей Рим, которая просуще-

ствовала до 476 г. Восточная империя досталась Аркадию со столицей Константинополь на месте древнего города Византии, бывшей греческой колонии, она просуществовала гораздо дольше, до 1453 г.

Историко-социологический процесс распада Западной Римской империи связан все с тем же хаосом вторжения германских племен на ее территории, грабежами и разрухой с последующим образованием варварских государств (*элементы самоорганизации*).

В 418 г. на территории Римской империи образуется первое варварское королевство – королевство вестготов со столицей в Тулузе (Толоза), охватывающее Южную Галлию и в Юго-восточную часть Испании.

С 425 по 455 гг. в период правления Валентиниана III давление варваров на Западно-римскую империю усиливается. В 440 г. англы и саксы начинают завоевание Британии, а в 450 г. на Западно-римскую империю обрушиваются гунны во главе с Атилией. Однако в июне 451 г. римский полководец Флавий Аэций в союзе с вестготами, франками, бургундами и саксами наносит Атилией поражение на Каталаунских полях (к востоку от Парижа).

Далее, в 452 г., гунны вторгаются в Италию, но в 453 г. в связи со смертью Атилией происходит распад его племенного союза, и Западная Европа избавляется от гуннских вторжений. В марте 455 г. был свергнут император Валентиниан III его же сенатором, а в июне этого же года вандалы, захватив Рим, подвергают его страшному разгрому (отсюда термин ‘вандализм’). Вандалы подчиняют себе Сицилию, Корсику, Сардинию, что наносит Западно-римской империи последний сокрушительный удар, ибо далее начинается период создания на территории Западной римской империи варварских государств.

В 457 г. германское племя бургундов занимает бассейн реки Родана и создает там самостоятельное Королевство бургундов, которое просуществовало около 100 лет (*тоже элементы самоорганизации*), а затем в 534 г. было завоевано франками.

К началу 460 г. Рим фактически владеет одной Италией, а ее престол находится в руках варварских военачальников, которые по своей личной воле низвергают и назначают императоров. В 476 г. Одоакр свергает последнего западно-римского императора Ромула Августула и отправляет знаки высшей власти в Византию императору Зенону. Именно поэтому 476 г. принято считать датой падения Западной Римской империи. Государство Одоакра продержалось несколько лет.

В конце V в. остготы под предводительством короля Теодориха (до этого государство остготов располагалось в Паннонии) вторглись в Италию и в 493 г. **образовали государство, которое включало всю Италию, Сицилию, на севере – Норик, Паннонию, на востоке – Далмацию.** Позднее в него вошла Нарбонская Галлия (Прованс). Столицей государства остготов стала Равенна (Северная Италия). Остготы быстро романизовались: они переняли римские обычаи, основы римской государственной и правовой организации, разговорный латинский язык. При Теодорихе (493–526) королевство остготов достигло относительно высокого уровня развития (*элементы самоорганизации*).

В 554–555 гг. **государство остготов было завоевано Византийской империей.** Далее снова появляются германские завоеватели – лангобарды: в 568 г. лангобарды образуют свое государство, которое включает Италию, кроме областей Рима, Равенны и Неаполя, оставшихся во владении Византии. Столицей государства лангобардов стал город Павия (Северная Италия). От лангобардов получила название одна из северных областей Италии – Ломбардия. Государство лангобардов просуществовало свыше 200 лет (*элементы упорядоченности*), и в 773–774 гг. и было завоевано Карлом Великим.

С Карлом Великим, королем франков, связана новая страница в становлении государственной упорядоченности и возрождении классического латинского языка. Формирование королевства франков представляется наиболее значимым для истории романских языков. Германское племя франков, живших в низовьях реки Рейн, в 5 в. двинулись в Галлию и подчинили себе Северную Галлию, оттеснили вестготов в Испанию и уничтожили государство бургундов. Их возглавляли несколько вождей, одним из которых был Хлодвиг, ставший правителем Франкского государства в 486 г. К концу жизни Хлодвиг (511 г.) ему принадлежала почти вся Галлия. Однако наивысшего могущества Франкское государство достигает при короле Карле Великом, который две трети своего правления (768–814) провел в походах и сражениях: он завоевал Северную Италию, Саксонию, Баварию, часть Испании. В декабре 800 г. Папа римский провозгласил его императором. Как и многие властители Средневековья, Карл Великий считал себя наследником римских императоров и хотел возродить Римскую империю с ее могуществом, культурой, образованием, литературой. При Карле Великом возрождается интерес к классическому латинскому языку. Создаются школы, где преподают правильную

латынь, собираются переписчики и переводчики, благодаря которым восстанавливаются произведения античных философов, драматургов, поэтов и ученых в разных областях знания на греческом и арабском языках, а затем переводятся на латинский язык. Это был стабильный и благодатный период для латинского языка, каждый успешный в обществе человек должен был говорить на правильной латыни.

После смерти Карла Великого огромная империя франков распадается. По Верденскому договору внуки Карла Великого поделили империю на три части: Карл Лысый получил Западную часть, Людовик Немецкий – восточную часть, а Лотарь – центральную часть. Так была поделена Огромная империя франков. Эти области легли в основу будущих государств: Франции, Германии и Италии.

Что касается Испании и Португалии, то их история представляется еще более трагичной в связи с вторжением на Пиренейский полуостров арабов (711 г.), которые создали Кордовский эмират. Борьба народов Пиренейского полуострова за освобождение своих земель от арабов и берберов (мавров) известна под названием Реконкиста. В ходе отвоевания у арабов территории на землях Испании складываются два сильных королевства – Кастилия и Арагон, которые в 1479 г. объединяются в единое государство. Освободившаяся от арабов Португалия вошла в состав испанского королевства Леон, а в начале XII в. стала независимым королевством.

В рамках новых независимых государств дифференцируется и романская речь. В процессе обработки устного языка через письменную форму происходит становление литературного национального языка, обладающего письменными закрепленными нормами.

Первым свидетельством испанского литературного языка считается «Песнь о моем Сиде» (XII в.), хотя устный героический эпос Испании датируется XI в., представленным эпическими поэмами хугларов. Хуглар – первый известный тип испанского поэта, который вел бродячий образ жизни, был артистом, выступал на улицах городов и в замках феодалов. Он увеселял народ танцами, песнями, акробатическими номерами, чтением героических поэм, сопровождая их игрой на маленькой арфе.

Литературным свидетельством французского языка являются знаменитые «Страсбургские клятвы», религиозный текст «Секвенция о св. Евлалии» и поэтический текст исторического жанра – героический эпос «Песнь о Роланде» (XI в.).

Литературные памятники итальянского языка появляются позже, только в XIII в. Это объясня-

ется распространенностью латыни, которая изучалась в городских школах как грамматически правильный язык, и отсутствием народного итальянского эпоса, который заменяла греко-латинская мифология. В XIII в. появляются Сицилийская, Болонская и Тосканская школы лирической поэзии. Особенно известны тосканские или флорентийские поэты Данте Алигьери, Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо.

История литературных языков в романских странах предполагает два основных периода: 1) от первых письменных памятников до победы одного из диалектов как основы литературного языка; 2) от победы одного диалекта до создания литературного национального языка. Так, на территории Франции насчитывалось 11 диалектов французского и 6 диалектов провансальского языка. В связи с возрастанием роли Парижа как столицы государства определился и выбор столичного диалекта в качестве литературного французского языка. В Испании большую роль в политической, культурной и экономической жизни играли города Толедо, Мадрид и Бургос. Все они расположены в исторической области Кастилия, поэтому кастильский диалект лег в основу литературного испанского языка. В Италии основную роль в формировании итальянского литературного языка сыграл культурный престиж флорентийского (тосканского) диалекта.

Завоевание романизированных народов племенами разного этнического происхождения, преимущественно германскими, не оказало существенного влияния на историческую судьбу языка населения бывших римских провинций. Латинский язык в его разговорной и классической форме оказывал постоянное влияние на развивающиеся на его основе романские языки. Языки завоевателей не утвердились на бывших римских территориях, хотя в качестве суперстрата оказали определенное влияние на их развитие. При этом сами завоеватели постепенно романизировались, то есть ассимилировались с романским населением, которое превосходило их по уровню своей культуры, напрямую восходящей к греко-римской лингвистической традиции.

Перечисленные события социально-исторического плана, которые, без всякого сомнения, характеризуют социально-исторический «хаос» периода Средневековья, являются одновременно катализатором становления нового порядка европейской государственности и культуры. Формирование на этой основе романских языков иллюстрирует их потенциальную эволюционную креативность, имманентное наличие возможности саморазвития и становления нового «порядка» в

структуре формирования так называемых новых языков в новых государствах в Новое время

Список литературы

1. Алисова, Т. Б. Введение в романскую филологию : учебник / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2007.

2. Будагов, Р. А. Язык и культура. Хрестоматия : в 3 ч. : учеб. пособие. Ч. 2. Романистика / сост. А. А. Брагина, Т. Ю. Загрязкина. М. : Дობросвет, 2000–2001.

3. История средних веков / под ред. С. Д. Сказкина. Изд. 2-е. Т. 1. М. : Высш. шк., 1977.

4. Можейко, М. А. Синергетика // Всемирная энциклопедия. Философия XX век. М., 2002. С. 677–687.

5. Попова, Н. Б. Типологические романизмы в развитии аналитизма романских языков // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности : материалы 6-й Всерос. науч. конф. Иркутск : ИГЛУ, 2012. С. 103–108.

6. Степанов, Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М. : Наука, 1976.

Е. О. Шаповалова (Челябинск, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВЕ ФРАНЦУЗСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК АЛЛЮЗИЯ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

In article proper names as a part of the French and Italian phraseological units as special components of a language and cultural worldview are considered. It is studied what allusion contains a precedent of proper names as a part of studied linguistic units, proceeding from differential signs and attributes (the characteristic of a person/subject on appearance, on traits of character, on a case situation, on attributes).

Keywords: precedent of proper names, precedent phenomena, differential signs and attributes, language worldview.

Имена собственные – «важнейшая национальная составляющая и языковой, и культурной картины мира, и поэтому они защищают национальную идентичность» [7. С. 173]. ИС способны отражать мировосприятие народа, его особое отношение к тем или иным событиям/людям.

Н. В. Подольская дает следующее определение именам собственным: «...слово или словосочетание, служащее для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации» [4. С. 56]. На наш взгляд, такое определение достаточно точно отражает главную функцию ИС: назвать, идентифицировать объект и выделить его среди других. Однако имена, входящие в состав фразеологизмов, не просто называют, но и дают характеристику с помощью указания, например, на характерные черты обладателя имени собственного.

По нашему мнению, имя собственное может иметь способность к обобщению, если данное ИС перешло в категорию имен нарицательных

(что нередко бывает с именами литературных героев, которые олицетворяют определенные черты характера или человеческие качества). А. А. Реформатский утверждает, что «превращение собственного имени в нарицательное связано с наполнением слова новым понятием, новыми существенными признаками» [5. С. 45]. Действительно, если изначально, например, ИС было просто именем литературного персонажа, а с течением времени оно начинает употребляться как ИС нарицательное, такое ИС становится уже олицетворением определенных качеств, ассоциирующихся с этим персонажем.

В настоящей работе нас интересуют именно значимые имена, обладающие определенными качествами и способные передавать оценку ситуации автором. В связи с этим необходимо остановиться на таком понятии, как прецедентный феномен, которое разрабатывали такие ученые, как Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных и др. В. В. Красных под прецедентными феноменами понимает такие феномены, которые:

1) «хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества»;

2) «актуальны в когнитивном (познавательном, эмоциональном) плане»;

3) «обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [3. С. 170].

Согласно В. В. Красных, прецедентный феномен «выполняет роль эталона культуры, функционирует как свернутая метафора, выступает как символ какого-либо феномена или ситуации» [Там же]. Концепция В. В. Красных – Д. Б. Гудкова делит прецедентные феномены на четыре категории: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация.

При исследовании фразеологизмов с именами собственными необходимо особо остановиться на таком понятии, как прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом (например, *Печорин*) или с ситуацией (*Иван Сусанин*). При употреблении данного знака идет отсылка к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [3. С. 172].

В. В. Красных пишет, что «прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро инварианта восприятия прецедентного имени составляют дифференциальные признаки, а его периферию – атрибуты» [2. С. 80]. По мнению ученого, между вербальной оболочкой прецедентного имени и его дифференциальными признаками существует жестко фиксированное соответствие: связь между вербальным именем и инвариантом восприятия.

Как пишет С. Г. Тер-Минасова, «важно не различие самих предметов в разных культурах, а различие культурных понятий об этих предметах и явлениях, поскольку они живут и функционируют в разных – иных – мирах и культурах» [8. С. 54]. То есть необходимы определенные социокультурные знания для понимания социокультурных коннотаций, стереотипное представление о месте/человеке, о котором идет речь во фразеологизме. Поэтому можно сделать вывод, что при переводе на другой язык невозможно добиться полной адекватности фразеологических единиц с именами собственными (далее – ФЕ с ИС): национально-когнитивные пространства двух разных культур никогда не совпадут. И даже если реципиентам известно имя собственное, входящее в состав фразеологизма, будет отличаться отношение к носителю этого имени и культурная значимость подобного прецедентного имени.

Ученые, занимавшиеся проблемой прецедентности имени (И. В. Захаренко, Д. Б. Гудков, В. В. Красных), отмечают, что прецедентным имя делает совокупность дифференциальных признаков и атрибутов. В. В. Красных под дифференциальными признаками понимает характеристику предмета «по внешности, по чертам характера либо по прецедентной ситуации» [2. С. 81]. Ниже мы рассмотрим, какую аллюзию содержит в себе прецедентность ИС в составе французских и итальянских фразеологизмов, исходя из дифференциальных признаков и атрибутов.

Приведем пример ФЕ с ИС, которое включает в себя характеристику по внешности: ‘se porter comme le Pont-Neuf’ (досл.: ‘чувствовать себя, как Новый мост’, то есть быть в прекрасной форме, иметь отличное здоровье). Новый мост в Париже – самый старый из сохранившихся каменных мостов – находится в прекрасном состоянии до сих пор. Таким образом, человек, остающийся бодрым и в пожилом возрасте, по внешним признакам сравнивается с этим мостом. В итальянском фразеологизме ‘essere vestito come Arlecchino’ (досл.: ‘быть одетым, как Арлекин’, то есть в пеструю одежду) сравнивается внешность реального человека с внешностью персонажа итальянского национального театра.

Примеры ФЕ с ИС, заключающие в себе характеристику по чертам характера, пожалуй, даже более частотны. Во французском фразеологизме ‘gai comme Roger Bontemps’ (досл.: ‘веселый, как Роже Бонтан’, т. е. веселый, беззаботный) имеется сравнение со священником и поэтом XV в., Роже де Комери, который в своих сатирических куплетах, балладах присвоил себе прозвище ‘Bontemps’ (досл.: ‘хорошая погода’), якобы вполне соответствующее его веселому нраву. В итальянском фразеологизме ‘fare il Pulcinella’ (досл.: ‘поступать, как Пульчинелла’, т. е. менять взгляды) мы видим сравнение с чертой характера персонажа театра масок, который постоянно менял свое мнение в зависимости от ситуации.

Примерами характеристики предмета по прецедентной ситуации могут быть следующие ФЕ: ‘l’ordre règne à Varsovie’ (досл.: ‘в Варшаве царит порядок’, т. е. все спокойно, порядок восстановлен). Чтобы понять смысл выражения, необходимо обратиться к прецедентной ситуации: 16 августа 1831 г., после жестокого подавления польского восстания, французский министр иностранных дел Себестьяни заявил: «В настоящий момент в Варшаве царствует порядок». То есть в данном выражении описывается ситуация, когда желаемой цели добиваются любыми, в том числе и жестокими, средствами. В итальянском фразеоло-

логизме *'strillare come un'oca del Campidoglio'*, имеющем значение 'кричать очень громко, поднять шум', присутствует аллюзия на капитолийских гусей, которые своим криком разбудили стражников и тем самым спасли Рим от захвата варварами. Из приведенных примеров видно, что без прецедентной ситуации не появился бы и фразеологизм. Не зная прецедентной ситуации, невозможно понять смысл выражения. Даже если со временем забывается источник поговорки, в сознании представителей лингвокультурного сообщества сохраняется оценка описываемой ситуации.

И, наконец, рассмотрим прецедентность ИС в составе ФЕ, основанную на характеристике предмета по атрибутам. В. В. Красных под атрибутами называет «некие “элементы”, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации» [2. С. 82]. Необходимо отметить, что в ФЕ с ИС такие элементы часто связаны с прецедентной ситуацией, в которой они использовались. Например, *'le violon d'Ingres'* (досл.: 'скрипка Энгра', т. е. **слабость, хобби знаменитого человека**). Французский художник Жан Огюст Доминик Энгр, помимо живописи, интересовался музыкой и неплохо играл на скрипке. То есть выражение, в основе которого лежит образ скрипки художника, означает второе призвание, «конек». Итальянский фразеологизм *'per un punto Martin perse la sarrà'* (досл.: 'из-за точки Мартен потерял мантию монаха') означает, что даже маленькое упущение может погубить все дело. Монах Мартен не стал настоятелем монастыря из-за ошибки в надписи на дверях святой обители. Папа узнал об этой ошибке и лишил монаха мантии (символа настоятеля монастыря). В данном выражении речь идет о потере символа власти, социального положения. В обоих примерах культурная коннотация основана на образах предметов-символов, ассоциирующихся с определенной ситуацией и человеком – скрипка и мантия монаха.

Д. Б. Гудков утверждает, что «ИС принадлежат языковому сознанию, стоящие за ними представления – когнитивному» [1. С. 152]. Это происходит, например, когда необходима отсылка к коллективному, общему представлению о предмете при помощи пояснения присущих ему признаков. ИС литературного персонажа или исторической личности способно указать на основные черты его обладателя. К тому же инвари-

антное значение ИС известно всем и не нуждается в объяснении в пределах соответствующего лингвокультурного сообщества. Экспрессивный эффект возникает при помощи актуализации коннотативных компонентов значения слова. При этом на первый план выходят именно коннотации данного ИС.

Ю. А. Рылов считает, что антропонимика – языковедческая наука, поскольку антропонимы – «слова, принадлежащие к категориальному разряду существительных, интересуют лингвистов именно как слова во всем многообразии их проявлений» [6. С. 4]. ИС обладают уникальным набором признаков и богатым содержанием. Как следствие, «в ряде случаев трудно, а порой и невозможно, провести границу между именем собственным и нарицательным» [9. С. 30]. Как утверждает Ю. А. Рылов, «личные имена имеют в национальном пространстве устойчивые ассоциации и “эталонных” носителей» [6. С. 22], они становятся «невещественной памятью» этноса. По мнению исследователя, ИС участвуют в создании национально-языковой картины мира. Более того, антропонимические системы эволюционируют, и их эволюция отражается в общей картине мира [6].

Список литературы

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
2. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
3. Красных, В. В. Свой среди чужих : миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. 192 с.
5. Реформатский, А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект пресс, 1996. 536 с.
6. Рылов, Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика : курс лекций по межкультурной коммуникации. М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. 311 с.
7. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур. М. : АСТ, 2007. 184 с.
8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с.
9. Moya, V. La traducción de los nombres propios. Madrid, 2000.

Étienne Wolff (Paris, France)

LES ADAGES D'ÉRASME, LES LANGUES VULGAIRES ET LE MONDE DU XVIIÈME SIÈCLE

The article focuses on studying Greek and Latin proverbs from the book «Adagia» by Desiderius Erasmus. It also deals with the Romance language, based on vulgarisms of Latin and life of Latinians in the 16th century.

Keywords: vulgarisms, metaphors, Latin, Bible, Pétrarque, Rabelais.

Les *Adages*¹, comme les *Colloques*, sont, sinon l'œuvre de toute une vie, du moins une œuvre en perpétuel devenir écrite sur 36 ans. La première édition, parue à Paris en 1500 chez Jean Philippi et plusieurs fois rééditée (avec ou sans l'accord de l'auteur), comprenait quelque 820 adages non numérotés, expliqués brièvement et sèchement. L'édition de Venise de 1508, chez Alde Manuce, en compte 3260; grâce à la fois aux nombreuses sources grecques auxquelles Érasme a eu accès à Venise et aux hellénistes confirmés qu'il a pu y rencontrer (voir l'adage 1001, *Festina lente*, « Hâte-toi lentement »), les auteurs grecs, mal représentés auparavant, y acquièrent une place très importante, innovation essentielle dans la mesure où le grec restait encore peu connu hors d'Italie². Les adages sont désormais numérotés et deux tables, l'une alphabétique, l'autre par rubriques (*loci*), facilitent la consultation. L'édition de Bâle de 1515 chez Froben marque un second tournant décisif; le nombre des adages s'élève à 3400, et surtout certains deviennent de véritables essais exprimant des idées personnelles de l'humaniste. Les sept éditions suivantes, toutes confiées à la maison Froben, jusqu'à celle de 1536 parue quelques mois avant la mort d'Érasme, porteront à 4151 le nombre des adages.

L'œuvre s'est développée par accumulation et ajouts (on sait qu'Érasme ajoute sans jamais retrancher³). Elle n'a donc pas de structure d'ensemble. Érasme s'est peu étendu sur la question de l'ordre des adages. Il en dit quelques mots dans la lettre de dédicace à lord Mountjoy de l'édition de 1508 et dans l'adage 2001, les deux fois pour nier tout principe d'organisation au nom de la variété et du souci de ne pas ennuyer. Cependant, à défaut de plan précis, la succession des adages n'est pas aléatoire, comme nous l'avons montré ailleurs⁴. Érasme, notamment, a pris soin de placer en tête de ce qu'il appelle les centuries (les séries de cent) et les chiliades (les séries de mille) des adages importants. C'est à cet endroit notamment que figurent les adages les plus longs, ces essais où Érasme dit ce qu'il pense sur les sujets les plus brûlants de l'actualité politique et religieuse, et qui seront souvent ensuite réédités séparément (par exemple 3001, *Dulce bellum inexpertis*, « La guerre paraît douce à ceux qui n'en ont pas l'expérience »)⁵.

L'adage n'est pas facile à définir, et on peut juger insuffisamment claires les déclarations d'Érasme sur le sujet, qu'on trouve principalement dans les diverses lettres liminaires des éditions successives, dans le long avant-propos qui figure dès l'édition de 1508, et dans certains adages (3043 par exemple). La lecture même des *Adages* montre leur diversité: qu'y a-t-il de commun entre « Croasser » (*Cornicari*, 616), « Plus mou qu'une éponge » (*Spongia mollior*, 638), « Connais-toi toi-même » (*Nosce teipsum*, 595) et « Chassez le naturel à la fourche, il revient au galop » (*Naturam expellas furca, tamen usque recurrit*, 1614). Dans le premier cas on a un emploi métaphorique, dans le deuxième une comparaison imagée, dans le troisième un précepte et dans le quatrième un proverbe; certains adages se fondent dans la phrase, d'autres constituent une phrase complète par eux-mêmes. Selon la définition d'Érasme donnée dans l'avant-propos, l'adage est une tournure relevant de l'usage ordinaire (*dictum celebre*) mais remarquable par quelque nouveauté subtile (*scita quapiam novitate insigne*)⁶. C'est l'union de ces deux caractéristiques qui fait le point commun entre les différents adages: il s'agit d'une expression courante, mais qui s'écarte du degré zéro d'une écriture strictement informative; c'est une formulation imagée et frappante qui ajoute de la grâce et de la force au style, et permet également de le varier. Les *Adages* participent donc de la recherche de l'abondance oratoire dont Érasme a traité dans *La double abondance des mots et des idées* (*De duplici copia verborum et rerum*). Mais les adages ne sont pas que cela: ils enseignent la sagesse, ils aident à persuader, ils permettent de comprendre les bons auteurs⁷.

Un des aspects des adages dont Érasme parle peu (il en dit un mot dans l'avant-propos en prenant notamment l'exemple de *Bos in lingua*, « Un bœuf sur la langue », 618, et de *Quanta Mus apud Pisam*, « Tout ce que Souris à Pisa », 1267), mais qui l'a certainement séduit, est leur fréquente obscurité ou ambiguïté⁸. La forme elliptique et condensée, l'allusion à des personnes ou des réalités oubliées (dans les adages du type *Nihil ad Parmenonis suem*, « Rien à voir avec le porc de Parménon », 10, ou *Coturnix Herculem*, « Une caille sauva Hercule », 71), font assez souvent obstacle à la compréhension immédiate.

L'exégète (Érasme en l'occurrence) intervient alors et multiplie les explications (ainsi dans *Risus Sardonicus*, « Le rire sardonique », 2401).

Érasme a cherché ses adages dans la littérature grecque et latine, l'avant-propos et l'adage 2001 le disent clairement. Car c'est naturellement dans le jardin des auteurs anciens qu'on cueille les adages, et l'oeuvre participe du retour à la source des classiques que prône l'humaniste. Il les veut authentiques (dans un ou deux cas il soupçonne une invention, ainsi en 3063 ; voir aussi 71), et tirés des auteurs, même s'il recourt souvent, sans s'en cacher, aux parémio-graphes (c'est-à-dire des gens qui ont composé des recueils de proverbes) grecs, Zenobios et Diogenianos, qui vivaient sous Hadrien, et Apostolios de Byzance, qui lui est du XVe siècle. Ainsi il rapporte certains adages tout en pressentant qu'ils viennent du peuple, non des auteurs (1762, 2231, 2250, 2266, 2279, 2388, 2531), et même ajoute parfois qu'ils « sentent la lie du peuple » (*sapit vulgi fecem* ou *sapit vulgus*, 2237, 2242, 2246, 2251, 2261, 2268, 2289, 2302, 2303, 2384, 2396, 3156, 3197, 3237⁹, 3238). La distinction, subtile, repose sur l'origine et l'ancienneté (autorité et antiquité vont de pair) plus que sur le niveau de langue, car un auteur (comme Aristophane ou Plaute, par exemple) peut hausser au niveau d'adage une formule au départ triviale ou grossière. C'est à l'égard d'Apostolios qu'Érasme a le plus de réserves, ce qui s'explique par sa date tardive (1662) : il est qualifié d'auteur obscur (*non memorabilis*) sur lequel on se fonde faute de mieux (2085), d'homme sans délicatesse d'esprit ni de goût (*non perinde ingenio elegans atque palato*, 2242), qui a puisé certains adages auprès de ses compagnons de beuveries (*e suis combibonibus*, 2266) et dans la lie du peuple (2237, 2242, 2289, 2302, 3156) ; on sait qu'Érasme aime à lancer des piques. Les adages sans citation d'auteur ancien proviennent souvent d'Apostolios.

Malgré son désir de se limiter aux adages anciens, il est possible qu'Érasme ait été parfois abusé par ses sources. Par exemple l'adage 1945, *Lepus apparens infortunatum facit iter*, « La rencontre d'un lièvre rend le voyage malheureux », rapporté par Suidas (s.v. Lagôï ; il est possible au reste que le passage soit une interpolation), renvoie à la croyance selon laquelle le lièvre est un présage de mauvais augure. Or cette croyance n'est pas attestée dans l'Antiquité, elle est médiévale, le lièvre étant une des formes animales que prendraient les sorcières.

Érasme récuse les Écritures comme source, et de fait très peu d'adages ont une source biblique, même si la Bible est parfois citée (et plus souvent les Pères de l'Église) à titre d'illustration d'une idée ou d'un propos. On ne trouve guère que 591, *Festucam ex*

alterius oculo dejicere, « Enlever la paille de l'œil d'autrui », 839, *De fructu arborem cognosco*, « Je reconnais l'arbre à ses fruits », 2523, *Paries dealbatus*, « Un mur blanchi », et 2991, *Culicem colant*, « Qu'ils cherchent la petite bête », qui sont inspirés de Matthieu (respectivement 7, 3-4 ; 12, 33 ; 23, 24 ; 23, 27), et 2413, *Canis reversus ad vomitum*, « Le chien revient à son vomi », qui vient de Pierre, Deuxième épître 2, 22, et encore une formule de précaution est-elle ajoutée en 591. Mieux : Érasme cite dans l'avant-propos¹⁰ des adages bibliques (« Nos pères ont mangé du raisin vert et nos dents en ont été agacées », d'après Jérémie 31, 29 ou Ézéchiel 18, 2 ; « Le bon arbre ne produit pas de fruits véreux, ni l'arbre véreux de bons fruits », Matthieu 7, 17-18 ou Luc 6, 43¹¹ ; « Nous avons joué de la flûte pour vous, et vous n'avez point dansé ; nous avons chanté tristement, et vous n'avez pas pleuré », Luc 7, 31) qui ne sont finalement pas retenus dans le corps de l'ouvrage. C'est dans l'adage 2991 qu'Érasme s'explique sur ce refus des adages bibliques : « Nombreuses sont dans les Évangiles les expressions empruntées au langage populaire (*a vulgo sumpta*). Non seulement ce n'était pas indigne du Christ, mais c'est tout à fait ce qui convenait. En effet, de même qu'il a voulu être l'un de tous en se faisant homme, il employait les expressions les plus courantes. (...). Cependant mon intention n'était pas de citer un grand nombre de ces expressions. En effet, les gens trop adonnés à la poésie considèrent que tout ce qui touche aux Écritures n'est pas très beau et je crois aussi que ces expressions sont suffisamment claires pour tout le monde. Mais surtout je craignais que quelque homme pieux n'estimât que je faisais injure aux Saintes Écritures en les intégrant à cet ouvrage dans lequel il y a non seulement de nombreuses expressions profanes, mais aussi certaines expressions tout à fait légères ». Trois arguments donc pour rejeter les expressions proverbiales de la Bible : elles sont connues, certains les jugent dépourvues de grâce, il ne faut pas mêler le sacré au profane.

Les *Adages* sont sans doute l'ouvrage d'Érasme où la séparation entre culture profane et piété est la plus grande. Il y a en effet deux foyers dans l'ensemble de sa production, d'un côté les *humanae litterae*, c'est-à-dire la culture ancienne et l'éloquence, de l'autre les *divinae litterae*, qui sont la philosophie du Christ et la piété. Chacun de ses livres est une fusion à des dosages divers de ces deux aspects. On connaît la théorie de la *prisca theologia*, répandue dans la seconde moitié du XVe siècle par Marsile Ficin, selon laquelle l'Antiquité païenne, restée à l'écart du message biblique, a pourtant reçue une Révélation voilée, s'exprimant notamment à travers les fables et les sentences des poètes et des philosophes, qui

présentent des convergences avec l'enseignement de l'Écriture. Érasme adhère au moins en partie à cette théorie : certains philosophes ont dit la même chose que ce qu'on trouve dans l'Évangile, et parfois se sont montrés plus chrétiens que nous ; par exemple dans le « Banquet religieux », un des *Colloques* qui s'inscrit dans la tradition du banquet littéraire, Cicéron et Socrate sont présentés comme des saints avant la lettre. Ici en revanche, en refusant la Bible comme source et en limitant les citations bibliques et patristiques, Érasme opère une nette dissociation entre les *bonae litterae*, les belles-lettres, et l'enseignement de l'Écriture, ce qui ne l'empêche pas d'insérer de nombreuses réflexions sur la religion, à partir de l'édition de 1508 et plus encore de celle de 1515. Et l'adage qui ouvre l'ouvrage, *Amicorum communia omnia*, « Entre amis tout est commun » peut s'interpréter comme une définition de la communauté que forment (ou devraient former) les chrétiens ensemble et avec Dieu.

Si l'on examine la composition de chaque adage, on constate que la structure des articles est toujours plus ou moins la même. Après le titre, très majoritairement en latin (même si l'adage est grec), l'adage commence par le texte grec de la maxime (s'il y a lieu), suivi de sa traduction latine (qui, par souci de précision, peut être légèrement différente de celle donnée dans le titre) ; vient ensuite l'explication de son sens avec les précisions mythologiques, historiques, etc. nécessaires, à quoi s'ajoutent les références primitives et dérivées qui servent de garants¹² ; puis on trouve les modalités d'emploi de l'adage, son application à des contextes variés, son éventuelle polysémie, sa valeur allégorique ; enfin le propos peut s'élargir à des développements personnels d'Érasme. Car Érasme intervient dans l'œuvre, qui est tout sauf un froid arsenal de la sagesse antique.

Les *Adages* sont ainsi une œuvre hybride, comme c'est souvent le cas chez l'humaniste, mêlant philologie savante et réflexions d'Érasme sur le monde et les hommes ; une œuvre impersonnelle, puisqu'elle cite des adages et des textes qui ne sont pas d'Érasme, et profondément personnelle, puisque Érasme y insère abondamment des commentaires de son cru sous forme de digressions plus ou moins liées au sujet.

Toute la production d'Érasme est en latin, on le sait, et il n'a que mépris pour les langues vulgaires ou nationales qui sont à ses yeux corrompues et imparfaites. Il les connaît cependant moins mal qu'il ne le suggère¹³, et a pu constater parfois qu'il était utile de se faire comprendre¹⁴. Outre le hollandais, sa langue maternelle, il a de bonnes notions de français¹⁵ et d'allemand¹⁶. Malgré la médiocre considération qu'il leur accorde, il a cependant indiqué dans les *Adages* quelques relations avec les langues modernes, de

même que plus généralement il cherche à établir des liens de continuité et de ressemblance entre le passé et le présent. Ainsi il nous dit parfois que telle formule est encore employée aujourd'hui, ou rapproche un adage d'une formule en usage de son temps (241, 287, 441, 1222, 1223, 1238, 1337, 1669, 1737, 1945, 2171, 2216, 2255, 2259, 2275 [?], 2286, 2308, 2612, 3149, 3162, 3199, 3325, 3424, 3425, 3444, 3506, 3556, 3777, 3823, 3884, 3885) ; car l'adage est un noyau de sagesse qui résiste à l'usure et se transmet. Mais Érasme ne précise pas dans quelle langue on retrouve l'adage. Il va de soi qu'il pense aux langues vulgaires (il le suggère par l'emploi fréquent dans ce cas de l'adverbe *vulgo*), puisque ces adages encore utilisés le sont par des ignorants (*appellunt idiotae nostrates*, 1169 ; *idiotis horum temporum*, 1223 ; *apud vulgus illiteratum*, 1238 ; *apud idiotas*, 2171 ; *vulgo dicunt idiotae*, 3162). Mais il peut s'agir de toutes les langues de l'Europe. Souvent en effet un proverbe ancien se retrouve dans plusieurs langues modernes. Le terme de *jocus* est parfois appliqué à ces adages modernes (1337, 2171, 2216, 3149).

Par exemple en 1337, « Mon oreille droite a tinté », comme on le dit selon Érasme encore de son temps (*Hodieque per jocum aiunt sibi dextram tinnisse aurem*), peut faire allusion à l'expression française « Avoir les oreilles qui sifflent », quand on parle en bien ou en mal de vous en votre absence (il y a désaccord pour déterminer à laquelle des deux oreilles correspondent les discours malveillant et bienveillant, mais selon Pliny l'Ancien cité dans l'adage, c'est la droite pour les louanges et la gauche pour la critique) ou à « Les oreilles cornent à quelqu'un », employé plus généralement quand on parle de quelqu'un en son absence ; mais l'italien a un proverbe équivalent avec « Si sentiva fischiare gli orecchi », et c'est sans doute aussi le cas d'autres langues. Ou bien en 2259, « Qui veut des œufs doit supporter le caquet des poules » (*Qui quaerit ova, gallinarum cacalimum ferat oportet*), présenté comme un dicton populaire (*dicunt et hodie vulgo*), renvoie à un proverbe hollandais cité par l'écrivain amsterdamois Hendrik Laurensz Spiegel, auteur vers 1606 d'un recueil de proverbes¹⁷ ; d'ailleurs le mot *cacalismus*, qu'Érasme présente comme vulgaire (*ut vulgo vocant*), est la pure transcription latine (car le mot n'existe pas en latin, même médiéval) du hollandais *kakelen*. Ou en 3199, « La mauvaise herbe ne meurt pas » (*Malam herbam non perire*), métaphore utilisée dans le langage courant selon Érasme (*metaphora dicunt et hodie vulgo*), correspond au français « Mauvaise herbe croît toujours » ou « La mauvaise herbe ne meurt jamais », mais l'idée existe aussi en d'autres langues. Le proverbe de 3404 « Examiner les dents d'un cheval qu'on vous offre » (*Equi dentes*

inspicere donati), est attesté encore aujourd'hui dans plusieurs langues sous des formes très proches. Ou encore en 3506, « Ton nez me prouve que tu mens » (*Nasus tuus arguit mihi te mentiri*), présenté là aussi comme un dicton populaire (*et hodie vulgo dicunt*) est à associer à la croyance, qui existe en France et ailleurs (« La bugia ti si legge sul naso »), que le nez remue, grossit ou s'allonge (tel celui de Pinocchio) si l'on ment. Dans cet adage, où Érasme parlait du lien qu'on établissait dans l'Antiquité grecque entre les verrues du nez et le mensonge, il ajoute qu'il existe un dicton analogue à propos des taches sur les ongles ; dans plusieurs pays en effet on dit aux enfants qu'à chaque mensonge raconté naît une tache sur les ongles. Érasme continue en signalant que les Grecs nommaient « mensonges » (*pseusmata*) ces verrues sur le nez ; or le *Dictionnaire* de Furetière de 1690 signale que « Les médecins aussi bien que le peuple appellent mensonges certaines marques et taches blanches qui viennent sur les ongles ».

Parfois Érasme précise la langue de l'adage. Ainsi en 1168, « Repu comme un Anglais » (*Tam satur est quam Anglus*), dans le sens d'avoir le ventre bien rempli, est selon lui français. De même pour l'expression « vin théologique » (*vinum theologicum*) dont il est question en 2137, qui désignerait du vin très fort (en réalité elle désigne un vin excellent, parce que les meilleurs vins au Moyen Âge étaient produits sur des terres d'Église). De même encore pour l'expression bien attestée « roi de carton » (*rex chartorum*), en 2593, appliquée à un roi qui a le titre plus que le pouvoir. En 2263, les Italiens qualifiaient quelqu'un qu'ils méprisent de *ithyphallum*. En 906, 1113 (*nostrates*, « les gens de chez nous »), 1169 (*appellat idiotae nostrates*), 1188 (*apud nostratium vulgus*), 3149 (*dicunt nostrates*), 3977 (*apud nostrates*), il s'agit de tournures et proverbes hollandais¹⁸ ; en 3556, l'emploi de la première personne du pluriel (*dicimus*) peut faire penser qu'il s'agit aussi d'une expression hollandaise.

Mais par un paradoxe assez étonnant, ces formules et proverbes des langues vulgaires sont toujours cités en latin (et même en grec en 1113), ce qui fait qu'on a du mal à les identifier¹⁹. Érasme est coutumier de ce type de paradoxe qui s'explique par la primauté du latin dans son esprit, on y reviendra.

Érasme n'indique pas tous les rapprochements possibles entre ses adages grecs et latins et les langues vulgaires, vraisemblablement parce qu'il n'en avait pas connaissance, ou parce que cette continuation de la sagesse antique ne l'intéressait pas. De fait, de nombreuses formules et de nombreux proverbes sont passés de l'Antiquité à l'époque moderne, parfois sous une forme légèrement adaptée. Ainsi *Clavum clavo pellere* (104) est repris tel quel en fran-

çais et en italien par « Un clou chasse l'autre » et « Chiodo scaccia chiodo » ; il en va de même pour l'adage grec *Maschalèn airhein* (1724), « Lever le coude » (dans le sens de boire à l'excès), « Alzare il gomito », ou pour l'adage latin *Crocodili lacrimae* (1360), « Larmes de crocodile » (dans le sens de larmes hypocrites), « Lacrime di cocodrillo », qui est également attesté dans de très nombreuses autres langues. *Lynceo perspicacior* (1054), « Avoir une vue plus perçante que Lyncée », est devenu « Avoir un œil de lynx » en français, « Avere occhi di lince » en italien et de même dans quelques autres langues, parce qu'on n'identifiait plus le personnage mythologique de Lyncée. *Duabus sedere sellis* (602), « Être assis sur deux chaises », est devenu en français « Être assis entre deux chaises ». On pourrait multiplier les exemples.

Deux cas nous arrêteront un peu davantage. L'adage grec « Appeler les figes des figes, et la bassine une bassine » (dans le sens d'appeler les choses par leur nom en un langage direct voire cru, 288 et 1205), qui se rencontre encore en grec moderne²⁰, est devenu en français « Appeler un chat un chat » (attesté dès Rabelais, *Quart Livre* 54, et sans parallèle dans d'autres langues modernes). Mais l'obscénité qui existait en grec (où *sykon*, « la figue », peut désigner le sexe féminin, ainsi chez Aristophane, *Paix* 1352) demeure en français. Car ce qu'on appelle en argot « chatte », à savoir le sexe de la femme (parce que le pubis est velu comme la toison d'un chat), se disait auparavant « chat », et c'est bien de cela qu'il est question ici. Voici un autre cas intéressant : *Mercurius supervenit* (3391), « Mercure survient », qui se disait quand un silence s'installe au milieu d'une réunion de plusieurs personnes, est devenu en français et dans plusieurs autres langues « Un ange passe ». Érasme explique l'expression par le fait qu'il n'est pas permis de parler en présence de Mercure, car c'est le dieu de la parole ; mais il est possible aussi d'associer ce silence à la discrétion propice au commerce, auquel préside Mercure ; enfin on peut imaginer que le silence se fait quand arrive Mercure parce que, en tant que messenger des dieux, il transmet leurs ordres et qu'il faut donc l'écouter. La troisième solution est celle qui rend le mieux compte du passage de Mercure à l'ange, qui est le messenger de Dieu ; en outre l'ange a des ailes comme Mercure des talonnières ailées.

Parfois les formules qu'Érasme donne comme en usage de son temps ont un peu changé de sens de nos jours, du moins en français. Ainsi « Tu veux ma peau ? » (*Num et pellem vis ?*, 2612), qui pour Érasme signifie « Tu veux m'écortcher » (au sens de me dépouiller), en français moderne a le sens de « Tu veux me mettre à mal, me tuer » ; en revanche

on peut faire un rapprochement avec l'expression familière « coûter la peau du dos » ou « coûter la peau des fesses ». La formule « ni chair ni poisson » (*neque caro neque piscis*, 3444), qui s'applique selon Érasme à quelqu'un qui vit pour lui-même et n'est d'aucun parti (*qui sibi vivit nec ullarum est partium*), signifie exactement en français moderne et dans de nombreuses autres langues « sans caractère ferme, indécis, indéterminé ». L'expression « fils de sa mère » (*matris filius*, 3777), par laquelle on désigne d'après Érasme un jeune homme élevé avec trop d'indulgence, désigne sous la forme de « fils à maman » un enfant gâté et excessivement protégé.

Revenons sur Érasme, le latin et l'Antiquité. Érasme vit à la fois dans le passé et dans le présent. Dans les *Colloques* il dresse, selon les passages, un arrière-plan ancien ou moderne, sans se soucier des anachronismes ; parfois on paie en drachmes ou en sesterces, parfois en florins, en couronnes ou en liards ; on général on se couche à table ; les décisions sont des sénatus-consultes, les grands personnages des satrapes, etc. Cette alternance, qui n'est pas sans rappeler le théâtre de Plaute, adaptation latine de pièces grecques, montre bien combien Érasme est pris entre deux mondes : les personnages finissent par se croire romains, ainsi dans « Le Banquet poétique », où *nostris poetis* désigne – comme chez un Pétrarque – les poètes latins par opposition aux grecs²¹. Les expressions proverbiales sont presque toutes antiques, et non bibliques : un pauvre est plus pauvre que Codrus (un indigent dont il est question dans la troisième des *Satires* de Juvénal) ou Irus (mendiant de l'*Odyssée*), presque jamais plus pauvre que Job. Dans les *Adages* on est d'emblée dans l'Antiquité, et le mouvement est en quelque sorte inverse : le contexte antique n'exclut pas les irruptions dans le présent sous la forme de remarques sur le monde contemporain, essentiellement dans le domaine de la religion et du gouvernement des États. Souvent Érasme dresse des comparaisons entre les temps pré-chrétiens et les temps chrétiens. Ces comparaisons, à l'occasion desquelles sont dénoncés les scandales contemporains, tournent fréquemment à l'avantage des anciens, dont l'univers est idéalisé. Ainsi dans l'adage 241, *Fumos vendere*, « Vendre du vent », on peut lire : « Si seulement les princes de notre époque prenaient soin d'imiter Alexandre Sévère qui, alors qu'il était païen, en outre d'origine syrienne, et enfin d'une grande jeunesse, était pourtant si hostile aux flatteurs, aux délateurs, aux juges rapaces, aux vendeurs de fumée et autres semblables fléaux des cours que, homme par ailleurs de caractère très calme, il se montrait implacable envers eux ».

Les anciens, même païens, ont donc souvent été, selon Érasme, supérieurs aux modernes : c'est évi-

demment vrai à ses yeux pour ce qui concerne les belles-lettres, mais aussi pour ce qui touche à la morale et la piété. On comprend alors qu'il christianise l'Antiquité : la grandeur spirituelle de certains anciens s'explique par le fait que, avant même la venue du Rédempteur, l'esprit du Christ a visité d'une certaine façon les plus religieux des païens. L'adoption du latin et l'admiration pour la littérature antiques ne sont donc pas en contradiction avec les convictions religieuses d'Érasme, elles leur sont liées.

Certes Érasme sent bien que sa position exclusive est un peu fragile. En effet dans leur prédication, les Apôtres et le Christ lui-même ont adopté la langue de leurs auditoires populaires. Lui ne peut s'y résigner. Il sait que la prédication s'adresse à un auditoire dont la plupart sont étrangers aux belles-lettres. C'est néanmoins en latin que dans le *Prédicateur* (*Ecclesiastes*) il donne des conseils pour prêcher. Révélatrice cette phrase du traité où Érasme cherche à se convaincre lui-même : « Bien que les lettrés aient plus de plaisir à lire les Latins et les Grecs, pourtant la charité chrétienne ne considérera pas comme barbare une langue qui permet d'attirer son prochain au Christ »²². De même il est favorable à ce que les Écritures soient lues par tous, mais il ne les a pas traduites en langue vernaculaire (contrairement à Luther). En fait il inverse le problème. La traduction en langue vulgaire n'est qu'un pis-aller, et il vaudrait mieux réintroduire le latin comme langue universelle d'échange²³. C'est parce qu'il croyait possible de reconstituer un monde où tous parleraient latin qu'il ne s'est pas occupé de traduire. Mais cette utopie, malgré les efforts d'Érasme, ne s'est pas réalisée.

En même temps, l'adoption du latin est un mouvement de fuite, ou du moins de réaction. Le présent est décevant : le latin a été déformé par les scolastiques, et les langues vulgaires sont des langues corrompues. Les valeurs évangéliques se sont largement perdues. Érasme cherche à inverser ce mouvement de dégradation. Il faut revenir aux sources classiques comme il faut revenir à la source évangélique. Dans les deux cas, le recours au latin et au grec est logique.

De même que Pétrarque, cent cinquante ans plus tôt, vivait en communauté d'esprit avec la Rome antique (il n'était pas question de grec à cette époque) mais a été mêlé aux plus grandes affaires politiques de son temps, Érasme vit en partie dans une Antiquité gréco-romaine christianisée, tout en remplissant ses œuvres, et notamment les *Adages*, de réflexions, généralement critiques voire désabusées, sur les hommes de son temps, l'Église, les princes et le monde contemporain. Ce grand écart, cette dichotomie mentale, sont sa manière d'être citoyen du monde : il l'est à la fois dans l'espace et dans le temps.

Bien que les *Adages* soient écrits en latin, ils n'ont pas manqué d'exercer une grande influence sur les littératures en vernaculaire, en prose et en poésie, et cela dès le XVI^e siècle. Ce phénomène est de plus en plus mis en évidence par la recherche, notamment pour ce qui concerne les poètes de la Pléiade, Rabelais et Montaigne²⁴. La question ayant donc souvent été abordée ces derniers temps, nous limiterons à une remarque rapide sur chacun des deux derniers auteurs nommés, qui servira de conclusion.

Les liens de Rabelais avec Érasme sont bien connus, il lui a même adressé une lettre. Les traces des *Adages* sont nombreuses dans son œuvre (dès le prologue du *Gargantua*, où il utilise l'adage « Les Silènes d'Alcibiade »), on n'en prendra qu'une. Au *Cinquième livre* (chap. 21), les officiers de la Quinte font ce que les *Adages* recensent dans la liste des thèmes (*loci*) parmi les occupations vaines (*inanis opera*) ou absurdes (*absurda*) : blanchir un Éthiopien (cf. adage 350), atteler un renard (cf. adage 250), labourer le rivage (cf. adage 351), laver des tuiles (cf. adage 348), tirer de l'eau des pierres ponceuses (cf. adage 375), tondre les ânes (cf. adages 379-380), traire les boucs (cf. adage 251), recueillir le lait dans un crible (cf. adage 360), laver la tête des ânes (cf. adage 2239), aller à la chasse au vent avec des filets (cf. adage 363), couper le feu avec un couteau (cf. adage 355), puiser de l'eau avec un filet (cf. adage 360). Ces activités peuvent être rapprochées des jeux du petit *Gargantua* (*Gargantua*, chap. 11), qui consistaient à prendre au pied de la lettre des expressions toute faites dont plusieurs comptent parmi les *Adages*.

Chez Montaigne, qui emprunte un certain nombre de passages aux *Adages*, c'est aussi la structure des *Essais* qui rappelle les *Adages*. Dans un cas comme dans l'autre, on a une structure par expansion progressive à partir d'une maxime de départ, avec des digressions et de nombreuses citations d'auteurs anciens.

Ainsi l'usage exclusif du latin par Érasme, sa volonté d'en faire une langue vivante et son refus des langues nationales n'ont pas été incompatibles avec l'intervention de l'humaniste dans les problèmes contemporains, et n'ont pas empêché non plus le message érasmien de se diffuser largement.

Notes

¹ Pour une présentation générale de l'œuvre, voir M. Mann Phillips. *The Adages of Erasmus : a study with translations*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1964. P. 3–40; Chomarat, J. *Grammaire et rhétorique chez Érasme*. P. : Les Belles Lettres, 1981. P. 761–782; Hoven, R. *Les éditions successives des Adages : coup d'œil sur les sources et les méthodes*

de travail d'Érasme / dans *Miscellanea Jean-Pierre Vander Branden. Erasmus ab Anderlaco* / ed. A. Van Rie. Bruxelles : Archives et Bibliothèques de Belgique, 1995. N°(spécial) 49. P. 396–416; On dispose désormais d'une édition complète des *Adages* avec traduction française : Érasme de Rotterdam, *Les Adages*, sous la direction de J.-C. Saladin. P. : Les Belles Lettres, 2011. Vol. 5. avec une bibliographie t. V. P. 368–371.

² Voir J.-C. Saladin. *La bataille du grec à la Renaissance*. P. : les Belles Lettres, 2000. P. 93–101.

³ M. Mann Phillips. *The Adages of Erasmus : a study with translations*. P. 123. n'a relevé qu'une exception.

⁴ Voir É. Wolff. *Structure et écriture des Adages*, dans *Érasme dans le XXI^e siècle. Séductions d'une écriture*, sous la direction de C. Suzzoni. P. : Éditions Kimé, 2012. P. 21–36.

⁵ Erasmo da Rotterdam, *Adagia. Sei saggi politici in forma di proverbi*, a cura di S. Seidel Menchi. Torino : Einaudi, 1980. P. LXII–LXIII; ASD II, 7. P. 11. Ces éditions séparées commencent du vivant d'Érasme.

⁶ Érasme de Rotterdam. *Les Adages* / sous la direction de J.-C. Saladin. T. I. P. 20.

⁷ Ceci toujours dans l'avant-propos. *Érasme de Rotterdam. Les Adages* / sous la direction de J.-C. Saladin. T. I. P. 26–27.

⁸ Voir C. Balavoine. *L'essence de marjolaine ou ce qui, de l'adage, retient Érasme*, dans *Formes brèves (= La licorne 3, 1979)*. Poitiers : Publications de la faculté des lettres et des langues de l'Université de Poitiers. P. 159–183, 174–183.

⁹ Il y a un malheureux contresens dans la traduction de la formule *sapit et hoc vulgus* dans *Érasme de Rotterdam. Les Adages* / sous la direction de J.-C. Saladin. T. IV. P. 113.

¹⁰ Érasme de Rotterdam. *Les Adages* / sous la direction de J.-C. Saladin. T. I. P. 26.

¹¹ L'adage biblique 839 cité plus haut est certes lié dans l'Évangile à ce passage sur les paroles (les fruits) qui manifestent les dispositions du cœur (l'arbre).

¹² Ces références semblent souvent présentées de manière désordonnée, mais il y a néanmoins parfois une logique : ainsi dans l'adage initialement grec « Rien de trop » (*Ne quid nimis*, 596), la première référence est l'Andrienne de Térence. Or Ausone attribue explicitement la formulation latine de l'adage à Térence (*Ludus septem sapientium* 6, 154–156).

¹³ Voir J. Chomarat. *Grammaire et rhétorique chez Érasme*. P. : Les Belles Lettres, 1981. 2 vol. T. I. P. 91–150.

¹⁴ En Italie, il manque d'être écharpé parce que son vêtement religieux blanc est confondu avec celui des

médecins des pestiférés, mais ne peut s'expliquer : voir P.S. Allen, *Opus epistolarum Des. Erasmi Rotterodami*. Oxford: Clarendon Press, 1906–1958. 12 vol. T. I. N°296. P. 571, l. 171–189; T. II. N°447. P. 304–305, l. 471–495.

¹⁵ Voir É. Wolff. Ce qu'Érasme dit des Français, à paraître dans les Actes du Colloque « Érasme et la France ». Lyon et Valenciennes, 2013. Organisé par Tristan Vigliano et Blandine Perona.

¹⁶ Il s'adressait évidemment en allemand à sa gouvernante acariâtre Margaret Busslin, qui fut à Bâle douze ans à son service, voir J. Chomarat, *Grammaire et rhétorique chez Érasme*. T. I. P. 141.

¹⁷ Handt-Boecxken van Epictetus...t Mergh vande Nederlantsche spreek-woorden, waer in H. L. Spiegels by-spraacks almanack, Amsterdam, J. Hartgers, 1644. 2^e partie. P. 10; voir aussi ASD (le sigle ASD désigne l'édition hollandaise en cours des œuvres complètes d'Érasme sous l'égide de l'Académie royale des Pays-Bas) II. 5 note. P. 219.

¹⁸ Voir J. Chomarat. *Grammaire et rhétorique chez Érasme*. T. I. P. 108–109.

¹⁹ Un peu comme César, dans les développements ethnographiques de la Guerre des Gaules, nomme, conformément à l'habitude antique, les dieux gaulois et germains en donnant ce qu'il considère être leur équivalent latin, nous empêchant ainsi de les identifier.

²⁰ Érasme de Rotterdam. *Les Adages* / sous la direction de J.-C. Saladin. T. V. P. 27.

²¹ ASD I, 3, 355, 381–382; Érasme. *Colloques* /

traduction et présentation É. Wolff. P. : Imprimerie nationale, 1992. 2 vol. T. I. P. 309.

²² *Ecclesiastes*. Dans ASD V. 4 (ed. J. Chomarat, 1991). P. 264, l. 403–405 ; traduction *ibid.*, P. 5, et dans Érasme. *Œuvres choisies*, présentation, traduction et annotations de J. Chomarat. P. : Librairie Générale française, 1991. P. 983.

²³ Voir J. Chomarat. *Grammaire et rhétorique chez Érasme*. T. I. P. 148–150.

²⁴ Voir M. A. Screech. Comment Rabelais a exploité les travaux d'Érasme. Quelques détails. Dans *Colloquia Erasmania Turonensia* / éd. par J.-C. Margolin. P. : Vrin, 1972. 2 vol. T. I. P. 453–461 ; M. Mann Phillips. Érasme et Montaigne. P. 479–501; M. Mann-Phillips. Comment s'est-on servi des Adages ? // Actes du Colloque international Érasme (Tours, 1986) / études réunies par J. Chomarat, A. Godin et J.-C. Margolin. Genève : Droz, 1990. P. 325–336 ; M. Magnien. Montaigne et Érasme : bilans et perspectives. Dans *Montaigne and the Low Countries (1580–1700)* / ed. by Paul J. Smith, Karl A. E. Enenkel. Leiden : Brill, 2007. P. 17–45; au Colloque « Érasme et la France ». Lyon et Valenciennes, 2013, en cours de publication, Raphaël Cappellen a donné une communication, « Rabelais, lecteur des Adages », et plusieurs communication au Colloque « Lire, interpréter, transmettre les Adages d'Érasme » à l'Université de Paris Ouest en 2014 ont étudié l'utilisation des Adages dans la littérature française du XVI^e siècle.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

А. С. Айтпаева (Караганда, Казахстан)

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

In the article are described the relations between emotions and language worldview. Emotions are the main component in the motivational sphere of the person. In the article are represented definitions of language worldview. Authors pay special attention to distinctions in ideas of emotions in various languages. Universality and national specificity of emotions is a controversial question for scientists. Languages are, in fact, paradigms of a view of the world. Knowledge of more than one language holds promise for an expanded worldview, for understanding other people on their own terms.

Keywords: linguistic worldimage, emotions, ethnocultural characteristics, generality and peculiarity of emotions, emotive vocabulary.

Современная лингвистика ориентируется на человека при изучении языковых и коммуникативных проблем, обусловленных особенностями их взаимодействия в современном культурном контексте. В новых областях научного поиска, которые имеют антропоцентрический характер, одним из важнейших источников для различных лингвистических описаний выступают обозначения фрагментов внутреннего мира человека.

Работы В. Фон Гумбольдта положили начало изучению человека в языке. По Гумбольдту, мы изучаем язык и вместе с тем, изучаем себя. Как справедливо отметила Н. Д. Арутюнова, поскольку человек «запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, к природе», «передал языку свое игровое начало и способность к творчеству», становится очевидным, что изучение наивных языковых образов психики человека представляет собой альтернативный в лингвистическому научному, но необходимо дополняющий его способ осмысления феномена человека [1. С. 3].

Эмоции – это главная составляющая мотивационной сферы человека. Они определяют наши мысли и поступки на всем протяжении нашей жизни. Эмоции они организуют и активизируют мотивацию, восприятие, мышление человека. Исследование эмоциональной сферы является актуальной проблемой в науке, до настоящего момента не выстроена единая психологическая теория эмоций. Б. И. Додонов утверждает, что «универсальной классификации эмоций создать вообще невозможно».

Этнический компонент в эмоциональном понятии складывается под влиянием таких факторов, как: культурологические особенности конкретного сообщества людей, их обычаи, традиции, стереотипы мышления, нравы, поведен-

ческие модели и др. В этом отношении лексика, обозначающая эмоции, тесно связана с понятием языковой картины мира.

Понятие картины мира как модели, образа мира используется во многих науках: физическая картина мира, поэтическая картина мира, религиозная картина мира.

Следующее определение языковой картины мира представляется нам наиболее точным: это зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема/код восприятия действительности [2. С. 9]. Она есть отражение психологических, социальных и культурных характеристик народа.

Бесспорным для нас остается утверждение ряда ученых о связи, существующей между менталитетом народа, этноса и языковой картиной мира, мышлением и эмоциями, то есть языковая картина мира связана как с общим, коллективным сознанием, так и частным, индивидуальным в человеке.

ЯКМ формируется в сознании индивида в результате сложного, многоэтапного процесса. Человек, взаимодействуя с окружающим его миром, познавая язык, постепенно осваивает условности социума, в котором находится, и нормы этики, которые «надстраиваются» над биологическими обеспечивающими механизмами. От того, насколько в процессе формирования личности развивается способность к самоощущению, в значительной степени зависят и другие способности, например, «эмоционального интеллекта».

Универсальность и национальная специфичность эмоций является одним из объектов исследований в психологии и в культурантропологии. Ученые высказывают абсолютно противоположные мнения по этому поводу. По одной точке зрения, эмоции этноспецифичны, а не универсальны. Культурный тип, лингвоэтническая принадлежность человека определяют способность

их переживать. Сами эмоции, так же как и модели их языкового и внеязыкового оформления усваиваются тем или иным этносом как некие культурные образцы, заданные определенным социокультурным пространством. Данную точку зрения называют культурно-релятивистской.

С другой стороны, последователи так называемой универсальной точки зрения считают, что эмоции универсальны. Любая эмоция, по их мнению, может переживаться индивидом не зависимо от его национальной принадлежности, культурной идентификации. По нашему мнению, наиболее справедливой является точка зрения на эмоции как на универсальный феномен, генетически свойственный человеку. **Этноспецифичным** может быть отношение человека к эмоции, их оценка как общественного явления. Эмоции, оформленные или иным национальным языком, в частности, или знаковой культурой, в целом, представляют собой ценностное явление человеческого бытия.

Исследование специфики значения эмотивности представляется невозможным без понимания того, насколько точно вербальные корреляты эмоциональных процессов отображают реальные представления носителя языка о мире чувств и эмоций. В этом плане важным является рассмотрение специфики слов-названий эмоций. Количественные и качественные характеристики подобных слов очень разнообразны. Насчитывается от 6 до сотен слов в разных языках. При этом сопоставляя отдельные слова, обозначающие эмоции в рамках одного языка, мы обнаруживаем, что их можно с трудом классифицировать и систематизировать. Эмоции классифицируют по признаку интенсивности или по положительности или отрицательности, но в целом их системные связи более сложны. При этом нельзя не учитывать, что в разных языках есть некоторые универсальные закономерности, но очевидно, что соответствующие названия эмоций в разных языковых системах не являются полными эквивалентами. Однако можно говорить о том, что в целом представления людей об эмоциях отражают общечеловеческие тенденции в их отношении к окружающему миру, а также предположить, что эти тенденции могут быть выявлены через анализ слова как средства доступа к индивидуальной картине мира. Вместе с тем анализ данных различных экспериментов в сопоставлении с анализом словарных дефиниций показывает, что представления о том, что стоит за словами-названиями одних и тех же эмоций у носителей языка во многом совпадает. Важно отметить, что лингвистические основания – близость языков –

не играют ведущей роли при выявлении общего и специфического в эмоциональных лексиконах.

Важным фрагментом языковой картины мира является эмотивная лексика. Описывая ее, мы сможем реконструировать языковую картину мира (ЯКМ) как целого народа, так и отдельной языковой личности. Категория оценочности, рассматриваемая лингвистами, увеличивает объем знания о ЯКМ.

ЯКМ индивида обуславливается рядом субъективных и объективных факторов. К объективным относятся образование, воспитание, среда, в которой живет человек, национальные особенности, а к субъективным – эмоциональное состояние, психика. Можно говорить о мозаичности миров, т. е. общая картина мира носит не целостный характер: сколько индивидов, столько и миров. Эту ситуацию усложняет определение образа мира, который является лишенным определения ‘объективный’. Также сложным является изучение ЯКМ отдельно взятого носителя языка, который представляет группу людей, связанных этническими, культурными чертами.

Ученые подчеркивают, что подобно другим элементам ЯКМ, обозначениям внутреннего мира человека свойственны относительная стабильность и стереотипность (конечно, только на том определенном временном срезе). Каждый говорящий вносит свой вклад в формирование общей концептуальной системы знания.

Метафора является универсальным средством создания картины мира. Метафора является одним из факторов отражения этнокультурной специфики. Установлено, что чаще эмоции мыслятся носителями казахского и русского языков образами огня, дыма, жидкости, которым, согласно специалистам по мифологии, приписывались магические свойства: огонь – символ очищения, вода – символ рождения жизни и т. п. Например, ‘пылать от гнева’ – ‘күйіп жану’, ‘күйіп кету’; ‘зажечь (своими словами)’ – ‘(өз сөзімен) жағу’; ‘волновать – толқыту’.

В сопоставляемых языках самое активное использование глагольных метафорических описаний эмоций объясняется динамизмом данной части речи. В силу своей широкой семантики глаголы способны более эффективно, более адекватно кодировать ситуации, связанные с эмоциями.

В разных языках с различной интенсивностью используются в качестве исходного материала при метафорическом переносе слова одних и тех же лексико-семантических групп. Иногда это даже нельзя объяснить особенностями культуры данного народа; видимо, речь идет о каких-то традициях в использовании тех или иных тематических

групп слов. Например, слова, обозначающие воздействие тепла и в русском, и в казахском языках могут передавать эмоциональные явления: 'охладить чьи-либо восторги', 'заставить потеплеть чье-то сердце', 'біреудің көңілің суыту'.

В русском языке каузативную подгруппу со значением 'заставить испытывать страх' образуют глаголы 'пугать', 'вспугивать', 'запугивать', 'испугать', 'напугать', 'отпугивать', 'распугивать', 'попугать', 'страшить', 'устрашать', 'страшять', 'застрашать', 'ужасать', 'всполошить', 'переполошить', 'остерегать', 'угрожать', аналитические конструкции 'наводить (нагонять, напускать) страх (боязнь) на кого-либо', 'вызывать страх', 'сеять страх (панику)', 'наводить панику'.

В казахском языке подгруппу глаголов эмоционального воздействия со значением 'қорқыту' ('пугать') составляют глаголы 'қорқыту', 'үркіту', 'шошыту', 'шошындыру', 'үрейлендіру', 'имендіру', 'жасқандыру', 'састыру', 'сасқандыру', 'ескерту', 'байқату', аналитические конструкции 'үрейін ұшыру', 'зәресін алу', 'зәресін кетіру', 'қорқыныш төндіру', 'қоқанлоқы көрсету'.

Глаголы 'қорқыту' и 'пугать' совпадают, в целом, по семантике (если не углубляться в видовые различия разноструктурных языков). ими обозначается эмоциональное воздействие, вызывающее чувство страха у живых существ, без указания на степень этого воздействия. Эти глаголы являются центральными по отношению к другим, обозначающим большую или меньшую степень воздействия.

В результате анализа были выделены дифференциальные признаки, характеризующие а) причину состояния страха и б) само состояние. В первую группу входят следующие признаки:

- 1) ожидание чего-то угрожающего;
- 2) степень опасности для субъекта;
- 3) близость события субъекту состояния;
- 4) оценка события.

Вторая группа дифференциальных признаков (характеристика состояния) включает в себя такие признаки, как:

- 1) сила, степень интенсивности;
- 2) глубина «затронутости» субъекта, которая может быть охарактеризована и как «сфера» этой «затронутости» – душа, сердце, ум, воображение – или отсутствие указания на «сферу затронутости»;
- 3) потеря способности действовать, растерянность, различные соматические реакции.

В казахском языке дифференциальным признаком, характеризующим причину состояния, помимо названных, является внезапность события. Также при характеристике самого состояния

существенен следующий момент – сопутствующее чувство смущения, стеснения.

Рассмотрение аналитических конструкций выявило существенные различия в обозначении эмоционального воздействия. В русском языке это такие конструкции, как 'внушать страх', 'сеять панику', 'вызывать страх (панику)', 'порождать страх у кого-либо', 'наводить, напускать, нагонять страх'. Метафоричность подобных образований очевидна. Сочетания 'вызывать, порождать, наводить, напускать, нагонять страх' уподобляют чувство страха живому существу, которое может подчиняться субъекту-каузатору. Последние три сочетания имеют в своей семантике указание на дискретность образа страха: ведь напускают, нагоняют, наводят на кого-либо обычно полчища, множества кого-либо. Внушать страх означает вызывать непоборимое чувство страха, подобное гипнотическому сну. Возможно, уподобление страха живому существу является остаточными явлениями мифологического сознания древнего человека. Однако языковую картину мира не обязательно возводить к архаическому мировоззрению. Язык взаимодействует с отражаемой действительностью и «опредмечивает» эмоциональные состояния. Высказывание 'страх охватил его', 'увиденное породило в его душе страх' показывает, что в качестве субъекта действия выступает имя эмоции, и синтаксическая конструкция порождает интерпретацию, согласно которой страх активен, сильнее человека, но его можно побороть, преодолеть.

Таким образом, своеобразие национальной картины мира проявляется в неповторимых национальных и языковых особенностях связей понятий друг с другом; она обуславливает несовпадение объемов списков названий эмоций и отношения к ним людей. Обозначение эмоций является одним из фрагментов языковой картины мира. Присутствующее в категории эмотивности значение оценочности нельзя охарактеризовать только на основе одного параметра. При выделении положительных, отрицательных и нейтральных эмоций, видимо, следует учитывать комплекс признаков.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3.
2. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира // Модели пространства, времени и восприятия. М., 1984. С. 9.

Т. Л. Андреева, К. А. Багринцева (Томск, Россия)

АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ 'ДЕНЬГИ' В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ ЯЗЫКАМИ

The article is devoted to the linguocognitive analysis of the phraseological units with the component 'money' in English in comparison with Russian and French. The authors take an effort to find out the similarities and differences in the mental attitudes of the English, the Russians and the French through their reflection in the semantics of the mentioned languages.

Keywords: semantics of fixed phrases, phraseological units with the component 'money', English language, French language, Russian language, mental attitude.

Фразеология как наука сформировалась относительно недавно. Долгое время исследователи не уделяли должного внимания изучению устойчивых единиц языка, однако когнитивные исследования доказали, что фразеологизмы несут в себе не только языковой материал, не только обогащают речь, но также передают знания о культуре и менталитете народа, что часто проявляется в идиомах. Общеизвестно, что представления разных народов об одном и том же объекте действительности частично или полностью не совпадают. Чтобы проследить подобные различия, мы отобрали фразеологизмы с компонентом 'деньги' на английском языке и подобрали к ним эквиваленты на русском и французском языках (всего для анализа было отобрано 165 языковых единиц). Отбор фразеологических единиц проводился методом сплошной выборки из следующих источников: Longman dictionary of English idioms, Longman dictionary of English language and culture [4], The American heritage dictionary of idioms by Christine Ammer [3], NTC's American idioms dictionary by Richard A. Spears [5], Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина [1], Французско-русский словарь активного типа под редакцией В. Г. Гака [2]. При этом английский язык выступил основой для сравнения. Все английские фразеологические единицы, имеющие эквиваленты на русском и/или французском языках, были разделены на 5 групп согласно их семантическому компоненту. Для более точного понимания фразеологизмов в английском языке мы также привели их дословный перевод. В шестую группу нами были включены языковые лакуны, то есть безэквивалентная лексика. Рассмотрим выделенные группы более подробно.

Первая группа – фразеологизмы с семантическим компонентом 'деньги – это средство для достижения многих благ'. В эту группу были отнесена 21 фразеологическая единица:

1. 'Money is the sinews of war' – (букв. 'деньги – сухожилия войн') – 'деньги – нерв войны' – 'l'argent est le nerf de la guerre';

2. 'Money will do most things' – (букв. 'деньги могут сделать практически всё') – 'деньги решают всё' – 'avec l'argent on fait tout';

3. 'Money makes (attracts) money' – (букв. 'деньги привлекают деньги') – 'деньги к деньгам' – 'l'argent appelle l'argent';

4. 'Money makes the mare go' – (букв. 'деньги могут заставить кобылу идти') – 'Avec l'argent on fait tout';

5. 'Money makes the world wheels (go round)' – (букв. 'деньги заставляют мир крутиться') – 'деньги управляют миром';

6. 'Money talks' – (букв. 'деньги говорят') – 'деньги решают всё';

7. 'Hush money' – (букв. 'тихие деньги') – 'взятка';

8. 'Money works miracles' – (букв. 'деньги творят чудеса');

9. 'No money, no doctor' – (букв. 'нет денег, нет доктора');

10. 'Almighty dollar' (букв. 'всемогущий доллар');

11. 'Money is power' – (букв. 'деньги – это власть');

12. 'Money makes man' – (букв. 'деньги делают человека');

13. 'L'argent comptant porte médecine' – 'деньги – лучшее лекарство';

14. 'Qui a de l'argent a des pirouettes' – 'у кого деньги, у того и удовольствия'.

Для первых трех фразеологизмов были найдены эквиваленты в русском и французском языках. Данный факт позволяет нам сделать вывод, что понимание денег как источника войны, основного механизма, управляющего миром, и то, что деньги идут к тем, у кого они уже есть, совпадают во всех трёх культурах.

Другие совпадения свидетельствуют о том, что для американской/английской культуры более присущи фразеологизмы, несущие в себе идею о всемогущем характере денег. Только в английском языке мы встречаем фразеологизм 'money makes man', означающий, что деньги «делают»

человека, определяют его характер и положение в обществе. Исходя из культурных особенностей, мы можем определить, что в первую очередь для американской культуры деньги являются перво-степенным благом.

Для русского человека, напротив, деньги не являлись средством для достижения многих благ, богатство не определяло человека. Подобные установки можно объяснить тем, что на протяжении развития Российского государства бедное крестьянство составляло основную часть населения и для него были важнее другие вещи и человеческие качества. Хотя идея о том, что обладатели денег могут открыть любые двери, также не исключалась. В этом плане русский и французский менталитеты являются более схожими, но во всех остальных случаях французский более приближен к американскому.

Вторая группа – фразеологизмы с семантическим компонентом ‘деньги – это не всё’. Она оказалась самой немногочисленной группой, поскольку включает лишь 8 фразеологизмов:

1. ‘Money cannot buy happiness’ – (букв. ‘деньги не могут купить счастье’) – ‘счастье за деньги не купишь’ – ‘l’argent ne fait pas le bonheur / l’honneur vaut mieux que l’argent’;

2. ‘Not for love or money’ – (букв. ‘ни за любовь, ни за деньги’) – ‘ни за какие деньги / коврижки’;

3. ‘Money is the root of all evil’ – (букв. ‘деньги – корень всех зол’) – ‘деньги – корень зла’.

Идея о том, что деньги являются источником зла, нашла свое отражение только в русском и английском языках. Однако немногочисленность группы свидетельствует о том, что, скорее всего, названные единицы использовались теми, кто не смог добиться обладания большими деньгами. Присутствие эквивалентов во всех трёх языках доказывает, что данная мудрость универсальна, и обладание деньгами не может заменить человеку всё.

Фразеологизмы третьей группой заключают семантический компонент ‘для денег важно их количество’. В эту группу нами были отнесены 50 фразеологизмов:

1. ‘Money cannot buy happiness’ – (букв. ‘деньги не могут купить счастье’) – ‘счастье за деньги не купишь’ – ‘l’argent ne fait pas le bonheur / l’honneur vaut mieux que l’argent’;

2. ‘Not for love or money’ – (букв. ‘ни за любовь, ни за деньги’) – ‘ни за какие деньги / коврижки’;

3. ‘Money is the root of all evil’ – (букв. ‘деньги – корень всех зол’) – ‘деньги – корень зла’;

4. ‘Pin money’ – (букв. ‘булавочные деньги’) – ‘деньги на булавки/деньги на себя’ – ‘argent mi-gnon’;

5. ‘Pocket money’ – (букв. ‘карманные деньги’) – ‘карманные деньги’ – ‘argent de poche’;

6. ‘Money-bag lord’ (букв. ‘господин денежно-го мешка’) – ‘толстосум’ – ‘Homme d’argent’;

7. ‘Pots of money’ – (букв. ‘горшки с деньгами’) – ‘горы денег’ – ‘de gros sous’;

8. ‘Dollar for dollar’ – (букв. ‘доллар за доллар’) – ‘деньги к деньгам / копейка рубль бережёт’ – ‘un sou amène un autre’;

9. ‘Not a red cent’ – (букв. ‘нет и красного цента’) – ‘ни гроша/ни гроша в кармане’ – ‘n’avoir pas le sou’;

10. ‘To whistle for one’s money’ – (букв. ‘свистеть по чьи-то деньги’) – ‘не свисти – денег не будет’;

11. ‘To be rolling in money’ – (букв. ‘кататься в деньгах’) – ‘купаться в деньгах’;

12. ‘I’m not made of money’ – (букв. ‘я не из денег сделан’) – ‘я не Рокфеллер’;

13. ‘Money is no object’ – (букв. ‘деньги – не объект’) – ‘деньги – не проблема’;

14. ‘Look like a million dollars’ – (букв. ‘быть похожим на миллион долларов’) – ‘выглядеть на миллион’;

15. ‘One in a thousand’ – (‘один на тысячу’) – ‘один на миллион’;

16. ‘Qui a assez d’argent a assez des parents’ – ‘были бы деньги, а родня найдется’;

17. ‘Mettre de l’argent du côté de l’épée’ – ‘жениться на деньгах’;

18. ‘Les 4 sous’ – ‘гроши’;

19. ‘Il lui manque toujours un sou pour faire un franc’ – ‘ему всегда 9 гривен до рубля не хватает’;

20. ‘Avoir de l’argent devant soi’ – ‘иметь деньги в запасе, за душой’;

21. ‘При деньгах’;

22. ‘Деньги водятся’.

Проанализировав фразеологизмы третьей группы, можно сделать вывод, что во всех культурах особое значение придаётся количеству денег, которым обладает индивид. Зачастую к обладателям больших денег относятся пренебрежительно («в деньгах купается»), однако есть фразеологизмы, в которых подчёркивается, что с деньгами следует обходиться бережно, делать накопления и вкладывать их выгодно. В русском и французском языках мы также обнаружили фразеологизмы, которые характеризуют человеческое поведение, определяемое денежным фактором (‘жениться на деньгах’; ‘были бы деньги, а родня найдется’). Стоит отметить, что в английском и французском языках обладание солидными денежными средствами носит скорее положительный характер, в то время как их эквиваленты в русском языке окрашены в боль-

шей степени негативно ('To have money to burn' – (букв. 'деньги, чтобы сжигать') – 'денег куры не клюют' – 'Il est cousu d'argent'). Кроме того, большое количество фразеологизмов описывают ситуации нехватки денег. Стоит отметить, что в английском языке их количество меньше, чем в русском и французском языках. В целом, семантический анализ позволяет нам сделать вывод, что во всех трех культурах постулируется тот факт, что для денег важно их количество.

Четвертая группа фразеологизмов с компонентом 'деньги нужны для того, чтобы их тратить' включает 22 фразеологизма:

1. 'To spend money like a drunken sailor' – (букв. 'тратить деньги как пьяный моряк') – 'спускать деньги на ветер' – 'faire valser l'argent/ jeter de l'argent par les fenêtres';

2. 'To spend money like water' – (букв. 'тратить деньги как воду') – 'деньги текут как вода' – 'l'argent lui coule entre les doigts';

3. 'To throw good money after bad' – (букв. 'выкидывать хорошие деньги после плохих') – 'попрощаться с деньгами' – 'ne pas voir la couleur de son argent';

4. 'Money burns hole in one's pocket' – (букв. 'деньги прожигают дыру в кармане') – 'деньги карман оттягивают, деньги дыру в полу прожгут';

5. 'Fool and his money are soon parted' – ('дурак, и его деньги быстро уйдут') – 'рубль есть и ум есть' – 'нет ума и нет рубля';

6. 'Put money on' – (букв. 'класть деньги на') – 'ставить на что-то';

7. 'Fork out money' – (букв. 'выкладывать деньги') – 'влететь в копейку';

8. 'It's like eating money' ('Это как есть деньги') – 'проще просто съесть деньги';

9. 'Ne pas voir la couleur de son argent' – 'распрощаться со своими деньгами';

10. 'Деньги в кармане шумят'.

Анализируя семантику данных единиц, мы пришли к выводу, что во всех трёх языках существует схожая идея о том, что деньги нужно тратить. Отобранные фразеологизмы описывают характер этих трат. Многие фразеологизмы подчеркивают, что деньги очень быстро уходят ('To spend money like water' – (букв. 'тратить деньги как воду') – 'деньги текут как вода' – 'l'argent lui coule entre les doigts'), что людям не терпится потратить деньги ('Money burns hole in one's pocket' – (букв. 'деньги прожигают дыру в кармане') – 'деньги карман оттягивают, деньги дыру в полу прожгут'), и то, что люди не умеют обращаться с деньгами ('To spend money like a drunken sailor' – (букв. 'тратить деньги как пьяный моряк') – 'спускать деньги на ветер' – 'jeter de l'argent par les fenêtres').

Таким образом, ментальные установки носителей английского, русского и французского языков относительно характера денег совпадают. Несмотря на то, что не все фразеологизмы имеют эквиваленты в рассматриваемых нами языках, представления, которые они отображают, одинаковы.

Пятая группа фразеологизмов с семантическим компонентом 'деньги нужно зарабатывать/добывать' состоит из 30 фразеологических единиц:

1. 'To spend money like a drunken sailor' – (букв. 'тратить деньги как пьяный моряк') – 'спускать деньги на ветер' – 'faire valser l'argent/ jeter de l'argent par les fenêtres';

2. 'To spend money like water' – (букв. 'тратить деньги как воду') – 'деньги текут как вода' – 'l'argent lui coule entre les doigts';

3. 'To throw good money after bad' – (букв. 'выкидывать хорошие деньги после плохих') – 'попрощаться с деньгами' – 'ne pas voir la couleur de son argent';

4. 'Rake in the money' – (букв. 'загрести деньги') – 'грести деньги лопатой' – 'Ramasser de l'argent comme s'il en pleuvait';

5. 'Money for jam' – (букв. 'деньги за варенье') – 'лёгкие деньги/ шальные деньги';

6. 'Money for old rope' – (букв. 'деньги за старые веревки') – 'лёгкие деньги/ шальные деньги';

7. 'Easy money' – 'лёгкие деньги/ шальные деньги';

8. 'Money doesn't grow on trees' – (букв. 'деньги не растут на деревьях') – 'деньги на деревьях не растут';

9. 'La plaie d'argent n'est pas mortelle' – 'деньги' – 'дело наживное';

10. 'Faire [tirer] argent de tout' – 'из всего извлекать выгоду, на всем делать деньги';

11. 'En avoir pour son argent' – 'не оставаться в накладе';

12. 'Faire rentrer son argent' – 'окупить расходы, оправдать затраты'.

Анализируя содержание пятой группы, можно заключить, что во всех трёх культурах чётко прослеживается мысль о том, что деньги необходимо зарабатывать, причем не важно, каким путём. Кроме того, значения фразеологизмов передают информацию о том, что деньги зарабатывать сложно, и что всегда нужно получать их вперед. В русском и английском языках деньги делятся на честные и лёгкие (шалые). В целом, фразеологизмы данной группы обладают схожей семантикой во всех исследуемых нами языках. Однако именно во французских идиомах подчеркивается, что нужно извлекать из всего материальную выгоду и окупать расходы.

Шестая группа фразеологизмов состоит из языковых лакун. В ходе исследования было вы-

явлено 3 фразеологизма, которые не обладали эквивалентами ни в русском, ни во французском языках.

1. 'Put one's money where one's mouth is' – (букв. 'положить деньги, где свой рот') – 'поддерживать то, во что веришь, особенно при помощи денег';

2. 'To bet someone dollars to doughnuts' – (букв. 'ставить доллары на пончики') – 'поставить что-то против того, что стоит гораздо меньше';

3. 'Glad to take eggs for one's money'.

Для первых двух фразеологизмов мы смогли найти толкование в словаре идиом. Идиома 'Glad to take eggs for one's money' является **оказиональной** и пока даже еще не вошла в общее употребление.

Изучение всех отобранных нами языковых единиц позволило нам прийти к нескольким выводам о ментальных характеристиках англичан/американцев, русских и французов. Так, разбив все фразеологизмы на группы согласно их семантическому компоненту, мы выяснили, что деньги являются неотъемлемой частью американской культуры. Этот факт подтверждается фразеологизмами, семантика которых подчеркивает всемогущий характер денег. Значения русских единиц, напротив, выражают идею о том, что для русского человека деньги не являются средством для достижения целей, а богатство не определяет человека. Однако мысль о том, что деньги могут открыть любые двери, не исключается. В этом плане русский и французский менталитеты

более схожи, но во всех остальных случаях французский более приближен к американскому. Что касается французской культуры, то она преимущественно ориентирована на хранение денег или их выгодные инвестиции.

Помимо вышесказанного, для всех рассматриваемых нами народов важно количество денег и то, что они нужны для того, чтобы их тратить. Кроме того, все рассматриваемые культуры имеют общую ментальную установку – деньги нужно зарабатывать или добывать. При этом только для русского и английского языков характерно выражение 'лёгкие/шалые деньги'. Также анализ языковых средств позволяет сделать вывод о том, что для носителей трех языков деньги не могут заменить человеку все.

Список литературы

1. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : Рус. яз., 1999. 501 с.
2. Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака. М. : Рус. яз., 2000. 1055 с.
3. Ammer, Ch. The American heritage dictionary of idioms. Boston ; N. Y. : Houghton Mifflin Company, 1997. 729 p.
4. Longman dictionary of English language and culture. Addison Wesley Longman, 1998. 1658 p.
5. Spears, R. A. NTC's American idioms dictionary. Lincolnwood National Textbook Company, 1994. 532 p.

Р. А. Аскарлова (Костанай, Казахстан)

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕТАФОРИЗАЦИИ В КАРТИНАХ МИРА РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ 'ЛЕВЫЙ – ПРАВЫЙ')

The present article is dedicated to the analysis of the figurative component of the concept of 'orientation' as a structure of the cognitive models. The article describes the similarities and differences of the metaphorical fragments of Russian, English and Kazakh language picture of the world. Basic units of study are metaphorical expressions with a basic meaning of horizontal motion.

Keywords: cognitive approach, metaphorical expressions, metaphorical expressions with a basic meaning of horizontal motion.

Для большинства людей метафора – это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее, скорее, к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается

исключительно как одно из проявлений естественного языка – то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия [4].

Одним из путей исследования процесса метафоризации стало рассмотрение метафоры как

одного из проявлений когнитивной деятельности человека. В рамках *когнитивного подхода* метафора исследуется как феномен сознания, «средство концептуализации сфер действительности через систему отсылочных образов» [5. С. 19].

Для построения когнитивной модели метафорические единицы, в исходном значении имеющие сему 'пространство', объединяются в «пространственные группы» на основе общности пространственного образа. Такого рода объединение позволяет рассмотреть совокупность всех смыслов, связанных с тем или иным образом пространства, выраженным в системе языковых метафор.

Пространством считается то, что определяет положение объекта на системе координат. Выделяется вертикальная ось, горизонтальная ось и ось от поверхности до центра предмета.

Степень, в какой конкретные пространственные метафоры пропитывают наш язык, показательна для раскрытия особенностей представления мира в наших когнитивных топологиях. Например, метафоры, использующие направление 'вверх / вниз' (например, хорошее – вверху, плохое – внизу, лучшее – вверху, худшее – внизу, счастье – вверху, печаль – внизу) гораздо более распространены, чем метафоры 'вперед / назад' (например, будущее – впереди, прошлое – позади), но и они, в свою очередь, более распространены, чем метафоры 'левое / правое' (например, хорошее – справа, плохое, злое, мрачное – слева).

В значении лексем, обозначающих координационные параметры, актуализируются разные смыслы исходного значения: нахождение на вертикальной, горизонтальной оси или оси, направленной вглубь предмета. В связи с этим мы можем отметить, что в данной пространственной группе выделяются три пространственные подгруппы по исходному значению: «вертикаль», «горизонталь» и «ось от поверхности до центра предмета».

Вертикаль – это прямая, направление которой совпадает с направлением отвеса. На вертикальной оси выделяется верхнее и нижнее пространство, точкой отсчета является пространство наблюдателя, который мыслит себя находящимся в центре, посередине. Верхнее пространство – это пространство, находящееся наверху, выше других, расположенное вверху от наблюдателя. Нижнее пространство – это пространство, находящееся, расположенное внизу от наблюдателя.

Горизонталь – это прямая, параллельная плоскости горизонта. На горизонтальной оси выделяется центральное и периферийное, правое и левое пространство, точкой отсчета при этом является пространство наблюдателя. Центральное

пространство – это пространство, находящееся в центре, пространство наблюдателя. Центральное пространство принадлежит человеку, так как человек находится на горизонтальной оси, мы считаем целесообразным рассмотреть центральное пространство в данной подгруппе. Периферийное пространство – это пространство, находящееся в отдалении от центра, от наблюдателя. Правое пространство – это пространство, расположенное со стороны правой руки наблюдателя. Левое пространство – это пространство, расположенное со стороны левой руки наблюдателя.

Ось от поверхности до центра предмета – это ось, направленная от внешней стороны предмета к его внутреннему центру. На этой оси выделяется внешнее пространство, внутреннее пространство и пространство середины. Внешнее пространство – это пространство, расположенное вне, за пределами предмета. Внутреннее пространство – это пространство, находящееся внутри предмета. Пространство середины – это пространство, находящееся в равной удаленности от поверхности предмета и от его центра.

Центр, правое, левое пространство, направление налево осмысляется в социальной сфере, служит основой создания метафорических образов *социальных групп, социального поведения* [4].

Лексемы 'правый', 'левый', 'слева', 'налево' метафорически именуют *социальные группы, органы, партии*.

Метафорические переносы свидетельствуют о том, что правое пространство и левое пространство интерпретируются, соответственно, как партия с консервативными взглядами и партия с радикальными взглядами. Подобный перенос основывается на историческом факте: традиционно члены реакционных партий располагаются в правой стороне парламентского зала – вправо от председателя, а представители передовых течений – слева от председателя.

Левое пространство, периферия метафорически осмысляется как характеристика социальных действий. Эту модель воплощают лексемы 'левый', 'налево', в результативном значении которых актуализируется смысл незаконности, и лексема 'стороной', в значении которой актуализируется смысл связанности с уловками в достижении цели.

Например, 'налево'. Исходное значение: 'в левую сторону' – '*Узкая дорога свернула с почтового шляха налево*' (Куприн). Результативное значение: 'незаконно используя служебные возможности в личных интересах' – '*У нас в Москве за работу налево милиция права отбирает*' (Федин).

Левое пространство, направление налево в сознании русского человека связывается с незаконным, греховным, неправильным действием. Таким образом, основы метафоры находятся в осознании связи левого с неудачей, несчастьем [7. Т. 3. С. 167].

В русском языке, в отличие от английского, левая сторона несет крайне негативную оценку, например: 'левый доход' (заработанный нечестным путем) или 'ходить налево' (изменять супруге/гу).

Возможно, это связано с этимологией слова 'левый' и двойственностью его значения, которое на латыни 'sinister' одновременно означает 'левый' и 'зловещий', 'несчастливый', 'дурной'. В результате левая рука часто использовалась как символ отрицания традиционной религии. Слово 'право' применительно к руке, использованное в Ветхом Завете, в основном еврейское (на иврите) слово ימין (yemín), означающее более сильного, более способного. Слово 'лево' – ивр. שמאל (smowl), 'тьма'. Бог одаряет и творит своей правой рукой, являя своё всемогущество.левой рукой он карает. Также этому способствовали практики использования во многих культурах левой руки для очищения себя – что делало левую руку «нечистой». Например, в исламской традиции левая часть тела также считается нечистой, поэтому мусульмане следуют правилу переступить порог с правой ноги, вставать с кровати и подниматься по лестнице также только с правой ноги, брать и подавать пищу только правой рукой, подавать милостыню людям своей веры правой рукой, а людям другой веры – левой.

В христианстве правое – почетное место, которому отводят большую, чем левому, символическую роль. Место справа от хозяина дома во время трапезы является почетным. На Страшном Суде воскресший Христос сидит одесную Бога (по правую руку); оправданным уготовано место справа (овцы), осужденным – слева (козлищи). В сцене Распятия справа – добрый разбойник, слева – злой; справа – Богородица и члены Церкви вместе с Иоанном, а слева – синагога [6].

Славянские поверья также нашли свое отражение в русских приметах и суевериях, например, чтобы не сглазить, мы плюем через левое плечо потому, что по поверью за левым плечом сидит черт, который может помешать благополучному исходу дела.

Социальное положение вне центра событий, отсутствие связей между людьми, незаконное социальное поведение оцениваются по параметрам *нормативной оценки* 'нормально / ненормально', 'правильно / неправильно', где при оценивании актуализируется пространственная семантика

исходного значения: 'с чего вы решили, что машины «левые»?', 'А «правые» по воскресеньям фанеру не возят', в данном случае на оценку влияют коннотации плохого, бесчестного, которые закрепились за словом 'левый' в ходе развития культуры.

Итак, при метафорическом осмыслении социальной сферы важен пространственный смысл исходного значения, указывающий на расположение пространства в центре, на периферии, на правой или на левой стороне, на характер совершения действия. Метафорически именуется социальные группы, положение, социальные действия.

Так же, как и в русском языке, в английском языке пространственные семы исходного значения являются основанием нормативной оценки социального положения человека, социальных действий. Но это касается лишь семантики правого пространства. Основа семантики левого пространства остается нейтральной. Так, например, если в русском языке 'левая работа', 'встать с левой ноги' несет в себе отрицательную оценку, то в английском языке то же самое будет звучать как 'work on the side', 'to get out of bed on the wrong side'.

На основе семантики правого пространства выражается положительная оценка. Например: 'One's right hand' – 'Правая рука кого-либо, ближайший помощник'; 'He regards her as his right hand in the parish' (O. Wild "A woman of no importance") – 'Он считает ее правой рукой в приходе'; 'Marion's been Den's right-hand man for a long time' (K. S. Prichard "Winged Seeds") – 'Маррион уже давно стала незаменимой помощницей Дена'; "'Jones is my right hand," Mr. Rennit said' (Gr. Greene "A Ministry of Fear") – 'Джоунз моя правая рука, – сказал мистер Реннит' [3. С. 633].

Так же, как и в русском и английском языках, в казахском языке правая сторона несет в себе ярко выраженную положительную оценку, в то время как левая сторона чаще – нейтральна: 'Оң жол' – 'правильная дорога'; 'Оң мен солын тану (білу)' – 'различать, что есть хорошо, а что плохо'; 'Бүгін шабарман болса, күні ертең сауатын ашып, оң мен солын танығанда, бір үлкен қызметтің тұтқасын ұстар, – деді Сәлкен' (С. Омаров. Қайырлы) [9. Т. 8. С. 329] – 'Пусть сейчас он на побегушках, но в будущем глаза его откроются, и он начнет различать хорошее и плохое и, возможно, получит большую должность'.

Также можно проследить и нормативную оценку социального положения либо действия в значении 'хорошо': 'Оң қарау' – 'быть благожелательным к кому-либо'; 'Ол – Абайға оң қарайтын әділеті бар чиновниктің бірі' – 'Это один из справедливых чиновников, благоволив-

ших Абаю»; ‘Оң қолы, оң көзі’ – ‘первый помощник, правая рука’ [2. С. 733]; ‘Ол – Есенейдің оң қолы’ (Ғ. Мүсрепов. Ұлпан) – ‘Он – правая рука Есеней’.

Семантика слова ‘оң’ (правый) в казахском языке может передавать значение счастливый, удачливый.

Например: ‘Айы оңынан туды, жұлдызы оңынан туды’ – ‘родится под счастливой звездой’ [9. Т. 7. С. 429]; ‘Желі оңынан тұрды’ – ‘попутный ветер’; ‘Оң батасың берді’ – ‘дать благословение’; ‘Оңға басты’ – ‘улучшаться’; ‘Оң жағынан қондырды (тұрды)’ – ‘взять под защиту’.

Это связано с религией, которую исповедовали казахи еще в доисламский период, – тенгрианство. Традиционная духовная культура казахов сохранила элементы тенгрианства и шаманизма, древних верований, возникших задолго до появления ислама.

«Восток у тюрков наделялся положительными качествами. Это сторона, в которой восходит солнце. Западная сторона небосклона устойчиво связывалась с солнцем, регулярно исчезающего там. О почитании тюрками восточной стороны неба известно хорошо, также известно, что западная сторона небосклона устойчиво связывалась с мотивом ухода из жизни, со страной предков. Юг и север у тюрков противопоставляемы друг другу.

Интересно, что юг по-казахски ‘оң түстік’ переводится, как ‘правая сторона’, а север ‘сол түстік’, как ‘левая сторона’. Такое положение возможно во время намаза (молитвы), когда молящийся обращен лицом к солнцу (на восток), то по правую руку от него будет юг, а по левую – север.

В тех случаях, когда положение на местности определяется по вертикали, юг трактуется как ‘верх’, а север – как ‘низ’. Упорядоченность пространства и времени – важнейшая характеристика среднего мира или, строго говоря, реального мира. И с помощью таких оппозиций (‘верх – низ’, ‘правый – левый’) описывается весь мир» [8. С. 43].

Жилое помещение у тюрков обладало хорошо разработанной горизонтальной структурой. Юрта, жилище тюрков и монголов ориентировалась входом на восток. Обыкновенно южная правая от входа сторона считалась мужской, противоположная – женской. Согласно мировоззренческим установкам, мужская сторона считалась верхней, женская – нижней. У всех тюркских народов жилище заполнялось мужскими и женскими вещами, в соответствии с его разделением. Таким образом, жилое пространство делилось по признаку ‘правый – левый’, который дополнялся значениями противопоставлений ‘мужской –

женский’, ‘верхний – нижний’, ‘южный – северный’, ‘положительный – отрицательный’ и т. д.

В середине жилища находился очаг. Еще двумя важнейшими элементами жилища были дверь – на востоке, окна и почетный угол – *төр*, расположенный за очагом. Эта часть жилища предназначалась лишь для хозяина дома и особо почетных гостей. Тюркская формулировка была такова: ‘Дверь на восток – тур на запад’. Люди, располагаясь в юрте за дастарханом на обед или беседу, садились по линии восток–запад, полагая, что линия восток–запад и в жилище понимается как линия прихода и ухода поколений. Самым почетным было место у стены, противоположной входу, где находилась основа жилища – *төр*. Там сидел глава семьи. Со смертью отца его место, *төр*, занимал старший сын [1].

Так, правая часть – ‘оң жақ’, может иметь значение родительского дома, так как у казахов уголок девушки в доме родителей располагался с правой стороны.

‘Керімбала – бұл күнде осы үйдегі Тобықты қызының ішінде оң жақта ең көп отырғаны’ (М. Әуезов. Абай Жолы) – ‘Керимбала дольше всех девушек рода Тобықты засиделась в родительском доме’.

Однако, при наличии отрицательной частицы, слово резко меняет свое положительное значение на отрицательное.

‘Оң болды’ – ‘приходиться к месту’; ‘оң болмады’ – ‘приходиться ни к месту’; ‘Жұлдызы оңынан туды’ – ‘родиться под счастливой звездой’; ‘жұлдызы оңынан тумалды’ – ‘не родиться под счастливой звездой’; ‘Желі оңынан тұрды’ – ‘ему сопутствовал попутный ветер’; ‘Желі оңынан тұрмады’ – ‘ему не сопутствовал попутный ветер’; ‘Оңды адам’ – ‘хороший человек’; ‘Оңбаган адам’ – ‘негодяй’.

Согласно казахскому обычаю, детям часто даются имена, которые несут хорошие пожелания родителей, например: ‘Оңғарсын’ – ‘Пусть в жизни тебе сопутствует удача’ или ‘Бердоңғар’ – ‘Данный Богом, с хорошими человеческими качествами’. Так как в прошлом многие из нас получили фамилию от имени деда, то сейчас у казахов много таких фамилий, как Онгарсынов или Бердонгаров.

В каждом национальном языке существует определенное количество понятий материальной и духовной культуры носителей языка, которые закреплены в словах. Картина мира отражена в тезаурусе каждого носителя определенного национально-культурного стереотипа. Аксиологический статус метафоры можно считать прецедентным в том плане, что он обеспечивает по-

нимание оценочного смысла основного корпуса метафор каждому носителю языка.

Разная интерпретация одной и той же реалии в разных культурах обуславливает несовпадение языковых картин мира и тем самым отличие в метафорическом переосмыслении ряда значений.

Список литературы

1. Безертинов, Р. Н. Дух великой степи. Древнетюркское мировоззрение. Тенгрианство [Электронный ресурс]. URL : <http://kitap.net.ru/bezertinov1-4.php>.

2. Кожухметова, Х. К. Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата, 1988. 820 с.

3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 1987. 633 с.

4. Лакофф, Д. Метафорические чтения. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры

[Электронный ресурс] / Д. Лакофф, М. Джонсон. URL : <http://www.phylology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>.

5. Мухачёва, А. М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира. Томск, 2003.

6. Путь левой руки и Путь правой руки [Электронный ресурс]. URL : <http://ru.wikipedia.org/>.

7. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999.

8. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири / АН СССР, Сиб. отд-ние. Новосибирск, 1988.

9. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (=Толковый словарь казахского языка) : в 10 т. / под ред. А. Ы. Ыскакова. Алма-Ата : Гылым, 1983–1985.

К. В. Ахраменко (Челябинск, Россия)

КОРПОРАТИВНАЯ КАРТИНА МИРА КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

The article deals with the peculiarities of representation of corporate linguistic view of the world in folklore texts, collected by the author at the Chelyabinsk Military Institute. Cadet folklore is classified as a "hybrid" of military and youth folklore.

Keywords: corporate linguistic view of the world, folklore, cadets, military institute.

Разработка теории языковой картины мира и реконструкция ее отдельных фрагментов является перспективным и актуальным направлением, т. к. позволяет в полной мере реализовывать антропоцентрический «крен» современной лингвистики. Своеобразие языковой картины мира представителей разных социально-профессиональных групп обсуждалось во многих исследованиях по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и психолингвистике (Е. И. Голованова, Е. В. Ваганова, Т. Л. Масыч, А. А. Селютин, Л. В. Стецора, М. В. Холодилова, М. Р. Шелховская, Л. А. Шкатова).

В рамках обращения к теории организации, изучения дискурса организации, организационной коммуникации мы считаем правомерным использовать термин 'корпоративная картина мира'. Вслед за А. А. Селютиным под корпоративной картиной мира мы понимаем «способ восприятия мира, который обусловлен корпоративной культурой какого-либо типа, влияющей на членение опыта и виденье ситуации группой людей,

принадлежащих одной организации, и выражен в языковых единицах, функционирующих в качестве ключевых знаний о мире» [4. С. 34]. Следовательно, особенности существования членов социально-профессиональной группы (групп) внутри организации, устоявшиеся правила поведения, нормы и традиции отражаются в корпоративной картине мира и вербализуются в языке представителей той или иной корпоративной культуры. Е. В. Харченко дает следующее определение этому понятию: «под корпоративной культурой мы понимаем культуру корпорации, т. е. объединения людей в рамках одной организации или профессии» [5. С. 145].

Армия является корпорацией государственного масштаба, наполненной представителями разных социально-профессиональных групп (военнослужащие срочной и контрактной форм службы (солдаты, сержанты, прапорщики, офицеры), военные врачи, гражданский персонал воинских частей). Вооруженные силы представляют собой сложный по своему устройству и функцио-

нированию механизм. Ключевым звеном этого механизма являются офицеры. Офицеры – это военно-профессиональная группа, основной задачей которой является обеспечение военной безопасности государства. Подготовка кадрового состава армии осуществляется в военных вузах. Именно там курсанты, будущие офицеры, не только получают военные специальные знания, но усваивают нормы, правила и ценности корпоративной культуры военных.

Корпоративная культура военных имеет две формы своего выражения: формальная и неформальная. Формальная сторона закреплена в уставах и других нормативных документах. Неформальная сторона проявляется в военном фольклоре и жаргоне. Мы согласны с Е. В. Харченко и Л. А. Шкатовой в том, что «следует разделять сознательно создаваемые тексты, манифестирующие официальную организационную культуру, и тексты, передаваемые сотрудниками “из уст в уста”» [6. С. 238]. Применительно к сфере военной коммуникации тексты официальных военных документов мы относим к военному институциональному дискурсу, а военные фольклорные тексты – к неформальному дискурсу военной организации.

На наш взгляд, военный фольклор можно считать зеркалом армии. Армия отличается сверхиерархией, внутри нее складываются своеобразные стандарты поведения, свойственные только военной организации. Авторитарность, проявляющаяся в отношениях доминирования и подчинения, часто ведет к стрессу. Самым универсальным способом снятия возникающей напряженности, выработанным человечеством, является улыбка и смех. Следовательно, военный фольклор в данном случае становится психологической реакцией на службу в армии, позволяя военным «разрядиться» в устном творчестве.

Как и сама корпоративная культура военных, военный фольклор не является однородным феноменом. Это связано с тем, что вооруженные силы состоят из трех видов войск (сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морской флот) и трех родов войск (ракетные войска стратегического назначения, войска воздушно-космической обороны, воздушно-десантные войска), каждый из которых обладает своей спецификой, которая проявляется в бытующем в среде моряков, летчиков, танкистов и других военно-профессиональных групп жаргоне и фольклоре.

В рамках изучения влияния корпоративной культуры военных на языковое сознание курсантов мы провели ряд экспериментальных исследований на базе военного вуза, готовящего штур-

манов. В ходе одного из наших исследований мы попросили курсантов вспомнить «крылатые» фразы и выражения, относящиеся к профессии военного штурмана, военной авиации, а также к особенностям жизни и учебы самих курсантов военного авиационного вуза. Полученный материал мы условно разделили на две группы: курсантский фольклор и фольклор военных штурманов. В фольклоре военных штурманов отражены особенности службы в военно-воздушных силах. Под курсантским фольклором мы понимаем «гибрид» военного и молодежного фольклора, отражающий специфику учебной, служебной и бытовой сторон жизни этой социально-профессиональной группы.

Занятия в военном вузе так же, как и в гражданском вузе, проходят в форме лекций, семинаров и практических занятий. Сессия, экзамены воспринимаются негативно, вызывают ощущения стресса, психологического напряжения: *«Курсант на экзамене – как собака: глаза умные, а сказать ничего не может», «Я одной ногой здесь, другой за забором, а между ног у меня колючая проволока в виде сессии».*

Окончание сессии, сдача всех зачетов и экзаменов вызывает ощущение свободы и радости: *«Закончил 3 курс, считай, что ты закончил училище», «Нам не важен средний балл, лишь бы отпуск не пропал», «Лучше выпуститься с красной рожей и синим дипломом, чем синей ж*пой и красным дипломом», «Сдал АРЭС – уехал в отпуск»/ «Сдал АРЭС – закончил ЧВВАКУШ».*

На старших курсах курсанты проходят летную практику на учебной авиационной базе. Практические навыки осуществления полета курсанты получают под руководством штурманов-инструкторов. Установки, требования штурманов-инструкторов прочно «застраивают» в сознании курсантов в виде фраз и выражений, которые курсанты неоднократно слышали от штурманов, или в виде реакций курсантов на сам процесс обучения: *«Не бегай по кабине», «Для тех, кто в самолете, объясняю...», «Учись, трудись, летай и других всех уважай», «Курсанты – дети корабля», «Дети – курсанты общего салона», «В самолете две деревянные вещи: голова курсанта и ж*па инструктора», «Куда курсанта не целуй везде ж*па», «Чтобы не было залетов, излучи район полетов», «Не готов – ешь желтый снег», «Не приготовил летную документацию – иди летать на Ла-5».* Последняя фраза встречается в ответах курсантов также в сжатом виде: *«Летать на Ла-5».* Кроме того, данное высказывание содержит жаргонизм «Ла-5», в основе которого лежит метафора. Ла-5 – это тип само-

лета, который использовался до войны. Первые две буквы означают, что самолет был разработан авиаконструктором С. А. Лавочкиным. Самолет устарел и больше не используется в авиации, однако его название «Ла-5» стало употребляться как жаргонное название лопаты. Фраза имеет следующий смысл: если курсант не подготовил летную документацию, то больше чем лопату ему не доверят.

Профессия штурмана связана с риском для жизни. Полученные теоретические и практические знания военный штурман должен применять в условиях стресса и повышенной напряженности. Полет в условиях реального времени и пространства отличается от полета на тренажерах в учебных лабораториях: *«На земле – тройка, в воздухе – двойка»*, *«Лучше потерять любимую девушку, чем скорость на 4-м развороте»*.

Служба является ключевым аспектом всей военно-профессиональной деятельности. Специфика образовательного и воспитательного процесса в военном вузе заключается в том, что курсанты совмещают обучение военной специальности с несением службы. Поступление в военный вуз означает отказ от привычного образа жизни, погружение в новое пространство и время, которое выражается в жестком распорядке дня, строгой дисциплине, уставных требованиях, регламентация всех сторон жизни курсантов, начиная с невозможности проявления индивидуальности во внешнем виде (единая форма одежды и стрижки) и заканчивая бытовой стороной (курсанты живут в казармах, одно время подъема и отбоя).

Внутреннее сопротивление личности ограничению свободы действий и жестким рамкам, в которые она поставлена, вызывает желание обойти преграды или хотя бы посмеяться над трудностями: *«Курсант так любит свою работу, что может смотреть на нее часами»*, *«Девушка сильнее воли командира»*, *«Совесть – это богатство, а курсант – это бедный»*, *«Курсант на работе – человек невидимка»*, *«Работа – друг курсанта, а курсант друзей не трогает»*, *«Курсант – это маленький трактор, пыхтит и пашет»*, *«Копает от забора и до захода»*/ *«Копать от забора и до заката»*. Последние две фразы употребляются курсантами, когда необходимо подчеркнуть, что время окончания работ неизвестно, и что работать придется много. Ярким примером языковой игры, а точнее игровой мнемоники может служить следующее высказывание: *«КУРСАНТ – это Колоссально Универсальная Рабочая Сила, Абсолютно Не желающая Трудиться»*.

За допущенные ошибки и промахи во время несения службы курсантов наказывают. Наказа-

ние обычно связано с физическим трудом и часто носит коллективный характер. За проступок одного наказывают всю роту: *«Не доходит через голову – дойдет через руки и ноги»*/ *«Не доходит через голову дойдет через ноги»*, *«Идиот в роте – вся рота в поте»*/ *«Дурачок в роте, вся рота в поте»*, *«Можешь подойти к зеркалу и сказать спасибо за то, что не пойдешь в увольнение»*.

В основе социально-профессиональной идентичности лежит принцип бинарной оппозиции 'свой' – 'чужой'. Осознание групповой идентичности происходит через осмысление признаков, свойственных группе и отличающих ее от других групп. Совмещение службы и учебы, жизнь в казарме является сложным испытанием для молодого человека. Армейский уклад требует собранности, психологической и физической выносливости. Сравнение военного (курсанты) и гражданского (студенты) образа жизни нашло свое отражение в курсантском фольклоре: *«Студент видел молодость, а курсант видел жизнь»*/ *«Кто был студентом – знает юность, кто был курсантом – знает жизнь»*, *«Идет наша жизнь по суровым законам, и лучшие годы мы дарим погонам»*, *«Присягу принял, все – ты дух, один работаешь за двух»*, *«Руки в мыле, лицо в поте – мы дневальные по роте»*, *«По команде “отбой” наступают сумерки»*.

Курсанты проводят большую часть времени вместе за одними занятиями в одних и тех же стенах военного вуза, спят в одной казарме, принимают пищу в одной столовой – все это способствует формированию курсантских коллективов, в которых складываются определенные порядки и правила поведения. В курсантском коллективе принято делиться тем, что имеешь, и помогать товарищам. Тех, кто не следуют устоявшимся в коллективе традициям, принято осуждать: *«Если хочешь быть амбалом, жуи один под одеялом»*/ *«Хочешь быть амбалом, ешь один под одеялом»*.

В одном из курсантских коллективов мы зафиксировали фразу *«Китайский летчик Илья Ю Шин»*. В основе этой фразы лежит языковая игра на фонетическом уровне: русская фамилия Ильюшин трансформировалось в китайский вариант Илья Ю Шин. Общеизвестно, что в 1950 г. руководители Северной Кореи обратились за помощью к Китаю и СССР в противостоянии миротворческой армии, введенной США на территорию Южной Кореи. Китай направил южному соседу 270 тысяч «добровольцев», СССР взял на себя воздушное прикрытие войск. Однако считалось, что официально Советский союз никакого участия в этой войне не принимал, поэтому советских военных летчиков одели в китайскую

военную форму и выдали документы с новыми именами, без фотографий. Именно здесь истоки анекдотов о китайских летчиках с фамилиями Ли Си Цин и Ван Ю Шин (Лисицын, Ванюшин) [2]. С. В. Ильюшин был знаменитым в СССР авиаконструктором, создателем самолета Ил-28. Самолеты Ил-28 нашли широкое распространение за пределами СССР. В 50-х гг. значительное количество Ил-28 было поставлено Китаю. Китай стал второй после СССР державой по численности парка Ил-28. Все модификации самолета состоят на вооружении КНР и в настоящее время [1]. Сын известного авиаконструктора – В. С. Ильюшин – был заслуженным летчиком-испытателем и героем Советского союза. В западной ненаучной литературе (Дж. Оберг «Тайные советские катастрофы») существует легенда, что В. С. Ильюшин совершил за несколько дней до полета Юрия Гагарина трёхвитковый полет на космическом корабле «Россия» и был вынужден совершить аварийную посадку на территории Китая [3]. Можно предположить, что источником для возникновения фразы «Китайский летчик Илья Ю Шин» могут служить исторические события (факты и легенды) середины XX в.

Годы, проведенные в вузе, несмотря на трудности службы и учебы, вспоминаются обычно как лучшие. Курсанты гордятся учебным заведением, в котором учатся, воспринимают его как alma mater: «Взмах крыла, турбины вой – ЧВВАКУШ, лучший мы с тобой!» / «Размах крыла, турбины вой – ЧВВАКУШ, мы всегда с тобой!» / «Размах крыла, турбины вой, ЧВВАКУШ – выше мы с тобой».

Итак, полученный нами фольклорный материал отражает особенности мировидения и миро-

восприятия такой социально-профессиональной группы, как курсанты. Бытование фольклора в курсантской, как впрочем, и в армейской среде, является своеобразным приемом эмоциональной разрядки военнослужащих, снятия напряженности, страха и усталости, вызванных тяготами военной службы.

Список литературы

1. Авиационная энциклопедия. Уголок неба. Ил-28 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.airwar.ru/enc/bomber/il28.html> 2013.
2. Корея – неизвестная война СССР [Электронный ресурс]. URL : <http://topwar.ru/32980-koreya-neizvestnaya-voyna-sssr.html>.
3. Оберг, Дж. Тайные советские катастрофы [Электронный ресурс]. URL : http://www.senav.net/2008/05/30/dzh_oberg_tajnye_sovetskie_katastrofy.html.
4. Селютин, А. А. Коммуникативное пространство вуза как основа формирования корпоративной картины мира // *Lingua mobilis*. 2010. № 6 (25). С. 32–36.
5. Харченко, Е. В. Влияние корпоративной культуры на взаимодействие // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VI междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–24 апр. 2012 г. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск, 2012. С. 145–147.
6. Харченко, Е. В. Новое призвание филологов: лингвистика организации / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // *Вестник НГУ. Сер. «История, филология»*. 2012. Т. 11, вып. 9. С. 235–240.

И. В. Булгакова (Воронеж, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Is made an attempt to the description of language personality of the employee UIS (lexicon, pragmatic, thesaurus) and discusses the psycholinguistic peculiarities of the existing verbal behavior of the staff members as a particular social group whose members share a semantic space and cognitive base, suitable speech behavior to achieve a common goal and availability ierarhizare patterns of communication. The prevailing model of prison personnel verbal behavior identified during the research is analyzed and compared by the parameters of normative and moral-ethical acceptability.

Keywords: speech communication, verbal behavior, speech behavior, language worldimage, speech reaction, professional communication, communicative competence.

Каждая социальная группа имеет свое семантическое пространство, которое является отражением философии этой группы, там «прописаны» базовые компоненты её языка. Члены одной группы объединяются единым семантическим пространством и когнитивной базой – языковой картиной мира, поэтому они могут свободно коммуницировать и понимать друг друга. Наличие общеупотребительного языка и концептуальных понятий группы является необходимым условием для достижения консенсуса и для обеспечения надлежащей межгрупповой коммуникации. Дискурс группы отражает ее культуру, процесс взаимодействия и взаимовлияния её членов, результатом которого является совместный труд и его осмысление, а также изменение самих участников процесса. Следовательно, опираясь на вербальные реакции коммуникантов, в которых репрезентируется данная языковая картина мира как «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка» [1. С. 11], мы можем описать речевой портрет данной социальной группы, или ее языковой паспорт.

В нашем исследовании мы рассматриваем социальную группу (сотрудники уголовно-исполнительной системы (далее – УИС)), членов которой объединяет единое семантическое пространство и когнитивная база, целесообразное речевое поведение для достижения общей цели и наличие иерархизированной структуры коммуникации. Для успешной коммуникации членов данной социальной группы необходима выработка соответствующей системы коммуникации и языка, позволяющего адекватно описывать происходящее.

Чем больше зон конгруэнтности у участников общения, тем успешнее коммуникация, поэтому такими важными и необходимыми шагами для повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников УИС являются диагностика и коррекция их речевого поведения.

Актуальность работы обусловлена отсутствием специальных исследований в данной области, хотя в последние годы наметился интерес исследователей к типологии речевых портретов различных социальных групп (студенты, менеджеры, экономисты и т. д.), а также к формированию коммуникативной компетенции сотрудников силовых структур как профессионально-важного качества (например, в работах Т. П. Даниличевой, А. Ф. Караваева, С. Е. Кораблева, Н. Д. Ратниковой и т. д.). Тем не менее, не существует серьезных научных работ в области исследования речевого поведения сотрудников УИС.

Необходимо отметить, что профессиональное общение сотрудников УИС (общение внутри служебного коллектива и со спецконтингентом исправительных учреждений) несет в себе ряд особенностей.

Пребывание в местах лишения свободы накладывает на сотрудника УИС определенный отпечаток, приводит зачастую к профессиональной деформации личности, которая, в частности, выражается в языковом оскудении, жаргонизации речи, ее избыточности «тюрьмизмами». Формы общения с осужденными и арестованными постепенно формируют у сотрудников УИС особый тип поведения, что нередко влияет и на их личность. Незрелость коммуникативных знаний, умений и навыков выражается в использовании в речи жаргонной лексики, нетерпимости и неприязни по отношению к спецконтингенту и коллегам, конфликтном поведении, демонстративном безразличии к интересам людей, в выборе «силового» подхода во взаимоотношениях с ними как единственно возможного в силу незнания других, более действенных способов общения.

Следует учитывать, что значительная часть осужденных к лишению свободы – люди с низким уровнем социальных навыков, не умеющие построить эффективного взаимодействия с другими членами общества, что серьезно ограничивает коммуникацию между ними и остальным обществом. Среди осужденных удельный вес лиц с психическими аномалиями составляет 20–25 % (без учета наркоманов, алкоголиков и токсикоманов). Подобные условия создают сложности в решении профессиональных задач, требуют от персонала коммуникативной компетентности, психологической устойчивости, особой подготовленности и умения действовать в экстремальных условиях.

Общение с осужденным представляет собой психологическое взаимодействие, содержанием которого выступает «обмен и получение информации, оказание воспитательного воздействия и достижение правопослушного поведения с помощью коммуникативных средств» [3. С. 46]. Так как профессиональная деятельность сотрудника имеет своей целью «исправление лиц, совершивших преступления, ресоциализацию (содействие в восстановлении ранее нарушенной социальной ориентации и социальных качеств) осужденных и социальную реадaptацию отбывших уголовное наказание» [4. С. 248], следует особо подчеркнуть значение культуры речи профессионального общения сотрудников УИС. Только при соблюдении требований культуры речи делового общения возможно эффективное воздействие

на спецконтингент исправительных учреждений, поэтому именно речь зачастую демонстрирует профессиональную подготовку сотрудника, уровень его общей культуры.

Объектом нашего исследования являются речевые акты и речевые реакции сотрудников УИС, полученные в ходе лингвистических экспериментов, позволяющие нам сделать выводы о речевом поведении сотрудников УИС как системе устойчивых формул общения, предписываемых для установления речевого контакта, поддержания общения в ситуативно-адекватной тональности и стилистике.

При этом мы не разграничиваем термины 'речевая деятельность' и 'речевое поведение', так как поведение – это внешнее проявление деятельности. Под 'речевым поведением' мы понимаем процесс установления отношений с целью обмена информацией между субъектами общения. Так как «речевая деятельность выполняет характерологическую функцию – она не только несет информацию о внешнем мире и отношении говорящего к нему, но и характеризует самого говорящего субъекта, передавая окружающим личностную информацию о нем» [2. С. 32], мы можем исследовать и описать языковой паспорт (портрет) человека или социальной группы (сотрудники УИС).

Цель нашего исследования – определить психолингвистические особенности сложившегося речевого поведения сотрудников УИС, а также выявить способы его корректировки путем влияния на языковое сознание представителей данной социальной группы; сформировать у сотрудников УИС коммуникативные навыки, соответствующие языковым и морально-этическим нормам, принятым в обществе, помочь свободно и успешно участвовать в процессе межличностного общения.

В ходе исследования перед нами стояли следующие задачи: 1) выявить бытующие модели речевого поведения испытуемых; 2) проанализировать и сопоставить выявленные модели вербального поведения по параметрам нормативности, морально-этической приемлемости; 3) сформулировать речевые поведенческие варианты, одобряемые и порицаемые в обществе; 4) предложить оптимальные пути моделирования межличностного общения, как с представителями других социальных групп, так и с членами своей группы.

Материалом для исследования послужили речевые реакции сотрудников УИС (слушатели КПК и заочного отделения, обучающиеся в ФКОУ ВПО «Воронежский институт ФСИН России»), а также сотрудники Воронежского инсти-

тута ФСИН России) в ходе свободного ассоциативного эксперимента и живого общения. Общее количество испытуемых 65 человек. Всего получено 942 речевые реакции.

В данном исследовании были использованы как общенаучные методы (метод наблюдения и самонаблюдения, метод анализа, метод обобщения и т. д.), так и методы лингвистики (метод контекстуального анализа, метод лингвистического эксперимента), и психолингвистики (метод психолингвистического эксперимента, метод формирующего эксперимента, методика «семантического шкалирования», метод направленного и свободного ассоциативных экспериментов).

Для анализа экспериментального материала был использован метод построения «семантического гештальта», предложенный Ю. Н. Карауловым.

В качестве теоретической основы исследования была взята теория коммуникации и понятие языковая картина мира.

Анализ речевых реакций, полученных в ходе проведенного ассоциативного эксперимента, при этом орфография и пунктуация испытуемых сохранены, позволил нам сделать следующие выводы:

1. В вербальных реакциях испытуемых встречаются следующие языковые явления:

1) использование ненормативной лексики:

а) бранная лексика (Слон; какова хрена?; козёл, смотри куда идешь; вы нахал, молодой человек; сударь, вы подлец);

б) сниженная: сленг (хамло), жаргон (Пошло его; косячить; заткну его и т. п.); просторечие (Стоять, куда прешь; да ничё; слыш че аккуратней давай и т. п.);

в) нецензурная (Ты а...ел тут тоже люди; а...л что косячить; мужик, так-то тут очередь и т. п.);

2) использование устойчивых языковых конструкций:

а) с использованием разговорной лексики (А у попа задачи не бывает; куда лезешь стань в очередь; полегче; не наглей и т. п.);

б) использование жаргонных присказок и поговорок (слушай сюда; ты запарил и т. п.);

в) устойчивых разговорных выражений (Бог вам судья; ты отнял у меня кучу времени; время деньги; тебя за смертью посылать!; вас тут не стояло!; ни чего, с кем не бывает; тебе больше всех надо?; ты что в бункере; мы тут не бабров пасем; а я что, поезд жду; Сотритесь пожалуста с поля зрения и создайте сквозняк в конец очереди);

3) использование канцеляризмов и стандартизированных выражений, свойственных официально-деловому стилю речи (При поступлении звонка извинюсь...; есть уважительная причина;

рад ответить на Ваши вопросы; постараюсь избежать; попросит объяснение; попрошу объяснить причину опоздания; я сейчас не могу уделить Вам время);

4) использование формул вежливости (Будьте любезны; будьте добры можно вас на минуту; извините, можно Вас; будьте добры, обслужите наш стол пожалуйста; подойдите пожалуйста и обслужите; уделите мне минутку вашего драгоценного времени и т. п.). Причем можно отметить, что предпочтение испытуемыми отдается сослагательной форме наклонения и вопросам при обращении к собеседнику как эффективным способам речевого воздействия (Вы можете подойти к моему столику; Вы не могли бы подойти ко мне; вы бы не соизволили бы меня обслужить и т. п.);

5) использование устойчивых форм обращения (Соблюдай очередь, уважаемый; девушка, подойдите, пожалуйста; отец тут очередь; сударь, вставьте, пожалуйста, в очередь; официант, примите заказ; молодой человек, подойдите, пожалуйста; мужчина! Встаньте в очередь; товарищи на какой стадии движения сдача и т. п.).

2. Характер вербальных реакций в заведомо конфликтных ситуациях свидетельствует о том, что испытуемые не всегда готовы к нейтрализации собеседника в ситуации негативного отношения к себе, не лояльны и склонны к категоричности (У Вас еще осталось 5 минут рабочего времени, Вы должны меня обслужить; подойду к администратору и попрошу книгу жалоб; резко сюда организуйте администратора; идите и займите очередь и т. п.). Тем не менее, большинство испытуемых владеет принципами бесконфликтного общения (Уважаемая девушка покажите вашу красивую улыбку и она улыбнется и обслужит меня; Не могли бы вы обслужить меня. Я буду очень благодарен; не переживайте, я вас не задержу; Я успею, улыбнитесь и т. п.) и позитивно настроены (Переведу в шутку; ничего страшного; все хорошо; сидел бы и ждал; сидеть и вежливо ждать; Сделаю вид что не заметил и т. п.).

3. Можно отметить небольшое количество обобщенных негативных вербальных реакций (Пошлю его; буду ругаться; поругаюсь; накричал бы; наарал бы, выражу свое недовольство в грубой форме; возможен конфликт; буду возмущаться (что именно скажу не знаю)).

4. Можно отметить большое количество грубых, категоричных ответов, что свидетельствует о негативной реакции на окружающих людей, нетерпимости, незнании норм этики и психологии общения (Отстань; молчи дай я скажу; заткну его; пошлю его; помолчи). Отсутствие зон конгруэнтности (пошлю его; не мешай мне; вытол-

кнуть его или преградить путь; отправить в конец очереди) будет, несомненно, способствовать возникновению конфликтов, так как существует следующая закономерность: чем больше зон конгруэнтности у участников общения, тем успешнее коммуникация.

5. Встречаются попытки снять категоричность высказываний (Извините с удовольствием но तो-роплюсь; вы не могли бы дать мне возможность закончить разговор, пожалуйста извините в другой раз и т. п.).

6. У испытуемых, склонных к агрессии в общении, наблюдается отказ от вербальных реакций, замкнутость на своих переживаниях, практически отсутствует интерес к событиям, не касающимся их лично (Мне некогда; я откажусь; некогда и т. п.).

7. Наблюдается такая закономерность: испытуемые, склонные к сглаживанию конфликта в общении, принимают «чужие» условия игры и с готовностью участвуют в предложенной им коммуникации (Спешу, но все равно рад ответить на Ваши вопросы; ни чего, хорошо; прошел бы тест; пройти тест).

8. Несмотря на авторитарный стиль руководства, принятый в силовых структурах, испытуемые, имеющие определенную точку зрения, готовы ее отстаивать в беседе с руководителем (Приведу свои доводы; постараюсь вступить в обсуждение; вступлю в диалог и буду доказывать, что критика несправедлива; буду отстаивать свою точку зрения; буду отстаивать свою работу; объясню свою точку зрения и двигавшие мной мотивы при выполнении данной работы и т. п.).

9. Следует обратить внимание на то, что испытуемые не всегда приводили вербальные реакции, во многих случаях первой является реакция законного действия (подойду к администратору и попрошу книгу жалоб; обращусь к водителю за сдачей и т. п.). Здесь отмечается склонность испытуемых к обезличенному общению, при котором «человек не раскрывает себя как личность, не выступает как индивидуальность, функционируя лишь как некоторая социальная роль» [2. С. 31].

10. Большое количество отказов от какой-либо вербальной реакции (промолчал, не знаю, уйду) можно объяснить особенностями темперамента и характера испытуемых (необщительность, неуверенность в себе, закрытость, скованность), а также неопределенностью действий, несформированностью речевой и личностной позиции, отсутствием коммуникативного опыта.

11. Можно отметить случаи нарушения требований речевого этикета в выборе формы обращения к незнакомому собеседнику (форма

обращений на «ты»): Извени нет времени; извини дружище в следующий раз; мужик! Встань в очередь!; хватит болтать, иди работай и т.п.). Фамильярно-разговорное ты-общение является для многих испытуемых единственно возможным. В данном случае мы имеем дело с «фамильярно-разговорным» типом русской речевой культуры. В этом типе наблюдается огромное количество используемых в речи жаргонизмов, грубых слов, просторечных элементов [2. С. 35].

12. Результаты эксперимента позволяют говорить о низком уровне речевой культуры испытуемых. На уровне лексики мы встречаем речевые ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости (Это не позволительно вести со мной так; попытаюсь исправить все замечания; по поводу работы и несправедливого мнения), употребление слова в несвойственном ему значении (прерывать / перебивать собеседника), неуместное повторение одних и тех же слов, свидетельствующее о бедности словарного запаса говорящего (Извините, я передавал за проезд, а сдачи не передали обратно). Встречаются различные виды грамматических ошибок, например, подлежащее и сказуемое не согласованы в числе (Вы не тактичен), при употреблении форм глагола (варианты Встаньте /Станьте в очередь). Кроме того, отмечается также отсутствие знаний в области орфографии (к сожЕлению; извЕните; наАрал бы; проффесор; ухАжу; не правЕльно; поакуратнее; буду ругатся; спешииш) и пунктуации (Извините пожалуйста я очень тороплюсь; сказать что очень тороплюсь; сделаю вид что не заметил; извините а может вы ошиблись).

Рассмотрев речевой портрет сотрудника УИС на уровне прагматикона, мы пришли к выводу, что профессиональное общение сотрудников является преимущественно формально-ролевым, ритуализированным, в силу четкого распределения социальных ролей 'воспитатель – осужденный', 'начальник – подчиненный', наличия жесткой иерархии служебных отношений (субординация). Сотрудник УИС, обладая более сильной коммуникативной позицией, в беседе «ведет» осужденного: выбирает тему разговора, задает вопросы, навязывает собеседнику стиль и тональность общения.

Анализ языковой личности сотрудников УИС на уровне лексикона позволяет сделать вывод о том, что: 1) для сотрудников характерно использование определенных частей речи (самые частотные глаголы, затем – существительные, затем – наречия и прилагательные), а также определенных синтаксических конструкций (простые и неполные предложения); 2) лексико-семантиче-

ские группы слов, используемые сотрудниками, разнообразны, 3) доминирующей тематической группой слов в речи сотрудников является «работа»; 4) в речи сотрудников доминируют прошедшее и настоящее времена, а также изъявительное и сослагательное наклонения.

На уровне тезауруса для языковой личности сотрудников УИС характерно: 1) использование специфических языковых единиц ограниченного употребления (просторечные слова, жаргонизмы, табуированная экспрессивная лексика), свидетельствующих о жаргонизации речи, внедрение в нее табуированных элементов, «тюрьмизмов», разрушающих норму литературного языка; 2) использование слов, предназначенных для различных видов социального и профессионального взаимодействия (официальное общение, неформальное); 3) преобладание поговорок, пословиц и цитат из фильмов, рекламных роликов; 4) использование в речи «слов-паразитов»; 5) наличие специфических номинаций повседневных событий и вещей; 6) использование просторечных слов, имеющих ярко выраженную отрицательную окраску; 7) употребление компьютерных терминов; 8) использование разговорной, литературно-разговорной и разговорно-бытовой лексики; 9) использование иностранных слов; 10) употребление ненормативной и бранной лексики, словосочетаний грубо просторечного характера, бранных, разговорно-бытовых и фразеологизированных оборотов.

В целом, речь сотрудников УИС отличается наличием и использованием собственной субкультуры речи, характеризующейся неоднородностью социальной направленности (формальное и неформальное общение), разнообразием фрагментов картины мира, отражающихся в ней, употребление в речи языковых средств основано на социально регламентируемом и формальном использовании языковых средств.

Список литературы

1. Зализняк, А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М. : Яз. славян. культур, 2012. 696 с.
2. Попова, З. Д. Общее языкознание : учеб. пособие для ун-в / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 2004. 208 с.
3. Ратникова, Н. Д. О роли коммуникативных навыков сотрудников следственных изоляторов УИС // Вестн. Воронеж. ин-та ФСИН России : сб. науч. тр. Вып. 4. Воронеж : Науч. кн., 2009. С. 46–48.

4. Смирнов, В. Н. Юридическая психология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Психология». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 319 с.

5. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие : коммуникация и прагматика. М. : ИКАР, 2007. 480 с.

Ю. А. Говорухина (Красноярск, Россия)

СТРАТЕГИИ САМОИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ: 'СЕМЬЯ', 'БРАК ПО РАСЧЕТУ', 'FREE-LOVE'

This article devoted to the problem of self-identity of modern criticism. The author believes that a metaphor has an epistemic potential. The terms 'family', 'marriage of convenience', 'free love' are metaphors that reflect different forms of self-identity. These forms determine explicitly and implicitly interpretive strategy and mechanisms for the presentation of critical judgment. They indicate different degrees of freedom, value choice, pragmatics, world/text vision else's eyes.

Keywords: self-identity, interpretation, criticism, patriotic critic, network critic, magazine.

Литературно-критическая деятельность как акт смысло- и текстопорождения обусловлена целым комплексом моментов, составляющих область пред-знания, коммуникативной ситуации: идеологический, гносеологический стержень журнала, ценностное поле, персональные интерпретационные и коммуникативные стратегии и др. [11]. Разница между интерпретацией первичной и изложенной в критическом тексте может быть весьма существенной. Этот конфликт интерпретаций определяется фактором журнала, формой бытования критики, осознания критиком своего статуса как (не)свободного от этих факторов. Анализ смысло- и текстопорождающих установок методологически и методически не прояснен в достаточной мере, опасен схоластичностью, предполагает вынужденную гипотетичность выводов. Наша задача определить такие формы самоидентичности современных критиков, которые явно и неявно определяют интерпретационную стратегию и механизмы презентации критического суждения.

Номинации, вынесенные в название данной работы, – 'семья', 'брак по расчету', 'free-love' – в приложении к разным формам искомой самоидентичности выполняют роль «схватывающей метафоры». Опираясь метафорическими определениями, мы, вслед за В. Суровцевым, В. Сыровым, руководствуемся мыслью о том, что метафора обладает эпистемологическим потенциалом [32]. Столкновение слов, контекстов, производство метафор рождает новые смыслы и их оттенки, становясь семантическим событием. Мета-

форизация оказывается особенно востребованной в ситуации теоретической/терминологической неопределенности современного этапа изучения литературной критики, преодолевающего традиционную позитивистскую гносеологическую парадигму. Метафорические номинации порождают и сами критики. Так, Н. Иванова определяет следующие амплуа современного критика: шут, эксперт, теннисист, культуролог, литературовед, репортер [16]. О. Славникова, описывая современную литературно-критическую ситуацию, вводит образную характеристику 'однополая любовь': «Видимо, во всех слоях бытия сдвиги происходят по общим моделям: как в жизни, так и в литературе стала актуальна однополая любовь. Критики читают критиков, критики вырабатывают стиль, критики не столько оценивают чужие тексты, сколько желают нравиться собственным творчеством, – и прикладывают к тому весь имеющийся в их распоряжении талант. Быть писателем в обычном смысле слова – поэтом или, хуже того, прозаиком – стало непрестижно и совсем неперспективно. Натуралы выглядят попросту глупо» [30]. На наш взгляд, введенные метафоры «схватывают» смысло- и текстопорождающие установки, располагающиеся в области надтекста. Используемые нами понятия в их буквальной семантике обозначают разную степень свободы, ограничения Я, ценностный выбор, момент прагматики, «кругозор» (момент видения мира/текста чужими глазами).

'Семья'

«Наш современник» и «Молодая гвардия» – журналы с четко выявляемой, декларируемой

идеологической позицией, которая может быть осмыслена как сверхидея публикуемых здесь текстов. Она образует ту «сетку значений», которую набрасывает журнал на действительность, а литературная критика – на литературную действительность, обуславливает понимание ценного, нормы, лежит в основе самоидентификации и самоинтерпретации. Русскость как одна из центральных идеологием «патриотических» журналов формирует свое поле значений с центром и периферией. Критические тексты 1990-х гг. позволяют реконструировать это поле. В центре находятся категории, в смысловом отношении близкие, чаще всего используемые как синонимы: русскость – народность – патриотизм. На периферии располагаются понятия не менее актуальные, но требующие особого контекста, в котором бы воплотилась их замещающая функция. Это, например, русская литературная классика, провинция, семья. Последнее актуально и как ценностная категория, и как форма самоидентичности.

Семья как фактор-детерминанта, символ, заместитель государства, нации нередко встречается в критических текстах «патриотов», причем всякий раз с выходом за текст в актуальную современную действительность: «Да что далеко ходить: и семья разрушается, когда в ней все – о правах и никто – об обязанностях; а семья, как известно, есть “ячейка” нации» [13]; «Человеческое стремление уважать государство совершенно естественно, как естественно, например, уважать отца в семье» [17]. Объединяющей идеей «Нашего современника» и «Молодой гвардии» как сверхтекста является национальная идея [см. об этом: 10], которая осмысливается в русле православия. Она определяет смысловое наполнение понятия ‘семья’ в духе исконно русского, с примесью языческого комплекса значений, мыслится как знак «своего» для патриотов: «Любой традиционалист существует в определенном религиозном мире. И Православие Ольги Фокиной проглядывает в личной интерпретации природы, в отношении к семье, к любви» [3]; «Если семьи, родные для какого-нибудь умного немца всего лишь числа “дурной бесконечности”, то для нашего русского поэта – передача вечного тепла из ладони в ладонь, из губ в губы, из очей в очи» [20]. Такая идеальная семья мыслится как часть идеализируемого национального прошлого: «Предполагалась некая полнота человеческого существования в семье, родители были чадолюбивы и рожали много» [1]. Измена ей интерпретируется как смертный грех: «... Тарас Бульба убивает своего сына за то, что тот изменил высшим ценностям – православной вере, семье» [8].

«Патриотическая» критика – это критика укорененная. Понятие ‘укорененность’ мы используем в значении характеристики способа бытия человека, способности человека «в процессе существования включать в содержание своей субъективности на основе надления характеристикой “собственного” объекты своей интенциональной деятельности» [31. С. 15]. Роль онтологической опоры для критиков-«патриотов» выполняет приобщение к героическому историческому опыту русского народа, великой русской классике, национальным традициям. Семья – еще один момент ментальной идентичности.

Одновременно ‘семья’ оказывается ключевым понятием групповой профессиональной идентичности. Это проявляется в презентационном тексте, размещенном на главной странице официального сайта журнала «Наш современник». В нем заявляется, что наиболее значительные достижения журнала связаны с «деревенской прозой». А далее перечисляются наиболее авторитетные фигуры (Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, С. Залыгин, В. Лихоносков, Е. Носов, В. Распутин, В. Солоухин, В. Шукшин). Перечисленные имена вместе с называемыми чуть ниже авторитетными критиками и публицистами (С. Кара-Мурза, В. Кожин, М. Лобанов, К. Мяло, И. Шафаревич) воспринимаются как своего рода «отцы», символизирующие собой идейную основу, знание, истоки, а публикации журнала демонстрируют не критичность и уважение к ним. Далее читаем: «Высокие традиции прозы “Нашего современника” в 90-е годы продолжают публикации И. Головкиной, В. Личутина, Ю. Лоцица, Л. Бородина, В. Крупина, А. Лиханова, А. Сегеня» [23], среди «детей» в критике называется А. Казинцев. Момент преемственности и почитания ассоциируется с патриархальным представлением об основах семейного традиционного уклада. Пара ‘отец – дети’ (неконфликтная!) возникает и в самих критических текстах. Принципиально важным, к примеру, для С. Куняева является выстраивание цепочки «мы – дети своих отцов, молодое поколение, наши дети», обеспечивающей передачу/сохранение ценностей. Одним из наиболее частотных в критике «патриотов» является метафорический ряд со значением кровной связи.

«Наш современник» не всеяден, не допускает в свою семью «чужих» (исключения – редкость) [о власти, запретах и символических наказаниях в патриотической критике см.: 9]. «Свой» круг авторов журнала – публицисты-патриоты, традиционалистская проза (в том числе авторов из провинции), политики-патриоты («трибуна вид-

нейших политиков патриотического направления»), митрополит Иоанн. Заявлен и образ «чужого»: «С приходом к власти Б. Ельцина журнал встал в оппозицию к его курсу, считая его прозападным, ведущим к разрушению России и гибели русского народа» [23]. «Чужими» в критике «патриотов» становятся власть, либеральная интеллигенция, западники, авторы «другой прозы», постмодернисты.

Презентационный текст включает и образ читателя, подписывающегося на журнал и тем самым демонстрирующего свой ценностный выбор.

Таким образом, создается модель журнала как семьи, выстраивается она в соответствии с патриархально-православными ценностями. Причем необходимо отметить, что перед нами образ семьи в обстоятельствах войны/борьбы с чужаками. Самоосознание себя в семье делает актуальной оппозицию ‘свой – чужой’ и само понятие границы. Являясь одной из основных семантических оппозиций в народной культуре, эта оппозиция включает признаки ‘праведный – греховный’, ‘чистый – нечистый’, ‘живой – мертвый’. В разных вариантах они проявляются в литературно-критических текстах патриотов.

Оппозиция ‘свой – чужой’ в критических текстах имеет пространственную аналогию ‘город/центр – провинция/периферия’. Город в статьях «патриотов» – это, прежде всего, пространство, где сосредоточена власть, ассоциативный комплекс которой включает негативные коннотации ‘антинародная’, ‘преступная’, ‘фашиствующая’, ‘жидовская’, ‘антирусская’, ‘продажная’ и т. п. Выбор между городом и провинцией предполагает гражданский и политический выбор. Он подтверждается либо возвращением в родное Оренбуржье (П. Краснов), Архангельскую область (О. Фокина) и т. п., либо, в случае проживания в центре, – уходом в «подполье» (социальное, внутреннее) или идентифицированием себя как оппозиционера. В данном случае важно не столько пребывание в пространстве центра или провинции, сколько духовная развернутость героя в направлении от центра. Так, О. Фокина, в представлении В. Бондаренко, предпочла не «бороться за выживание в городе, не стала примерять на себя городской быт. И этим сохранилась» [3. С. 269]. В центре вовремя не разглядели А. Вампилова, спровоцировали внутреннее изгойство Вен. Ерофеева, Н. Тряпкина.

Провинция – пространство, оживленное русской природой, народными традициями. Наивность, духовная чистота выходцев из нее позволяет им говорить правду без оглядки на покровителей, сохранять близость народу (народной

языковой стихии, традициям). Провинция проста и простодушна в отличие от центра, порождающего мнимые сложные эстетические концепции, которые теряют смысл.

Чужой в «семье» – отдельный феномен в патриотической критике. Для людей, временно пребывающих в статусе «чужих», предусматриваются особые способы возвращения их в пределы «своего», в «семью». Так, в литературных портретах В. Бондаренко вычленяется наряду с другими «сюжет блудного сына». Статьи «Покаяние грешного Глебушки...», «Добровольное гетто Юнны Мориц», «Плач проходящего мимо Родины», «Последний поклон Астафьеву» объединяет общая цель критика – интерпретировать осознание писателем ложности прошлых идеологических/эстетических установок и приобщение к патриотическим ценностям как неизбежный путь истинно народного писателя. Уже в начале статьи «Покаяние грешного Глебушки...» В. Бондаренко намечает путь прозрения Г. Горбовского: «То, что замечательный русский поэт Глеб Горбовский и сегодня с нами – это и есть чудо, приведшее поэта на путь обретения православного сознания и покаяния за свои, как он сам считает, прошлые грехи» [6]. Путь Ю. Мориц – это «перетекание» поэта из одиночества в своем «индивидуальном гетто» в «народное “мы”», в круг народных понятий и традиций», отказ от либерального окружения [4]. О. Чухонцев, по мнению Бондаренко, проходит путь от Чаадаева и Печорина к почвенничеству и традиционализму [5].

Бондаренко интерпретирует ранний этап творчества Г. Горбовского как этап заблуждений, в котором, тем не менее, имплицитно присутствует перспектива будущего прозрения. Она в «корневой русскости» и «еще неявной тяге к национальным корням» [6]. У Ю. Мориц это наличие «своей почвы», отказ «от наднациональных космополитических высот», «политиканства шестидесятников» [4], у О. Чухонцева – присущий русскому человеку максимализм в протесте как стремлении к идеалу. Критику важно указать на неосмысленность писателем изначально ему дарованной (судьбой, Богом, природой) близости народу. Тем значимее становится осознание истинных ценностей прошедшего через покаяние автора. Перспектива прозрения В. Астафьева определяется причиной ухода писателя от своей почвы в поздний период творчества. Важно, что эта причина, по мнению Бондаренко, не идеологического, а экзистенциального характера – потребность порвать со всем былым пространством: литературной братией, прежними страхами [7].

Заблуждение (грех) писателя в статьях Бондаренко касается сферы эстетических ориентиров, веры, отношения к народу/народной культуре. Какое бы заблуждение ни владело героем литературного портрета, оно означает для критика отдаление от народа. Так, уход в себя, в переживание собственной обреченности Горбовского оценивается критиком как отказ от себя как части народа, а «гибельное» безверие поэта – как дистанцирование духовное.

«Очищение» героя-писателя сопряжено с душевными муками (так, уйдя от «забубенной окаянности», Глеб Горбовский, по мнению В. Бондаренко, на какое-то время «попадает в полосу опустошающего одиночества» [6], но оно же приводит его к осознанию религиозных и национальных основ собственной жизни и творчества. Для Г. Горбовского это «осознание себя частью общего», своей роли «проводника народных чувств и эмоций» [6], для Ю. Мориц – осознание своей близости с отверженными постсоветским режимом [4], для Астафьева – осмысление христианских вопросов в последних записях [7]).

В «своем» лагере В. Бондаренко-критик – неоднозначная фигура, он получает жесткие характеристики. Так, К. Кокшенева считает, что критик утратил главные идеологические и нравственные установки, «занял-то именно позицию тех же янки, о которой говорил чуть выше с осуждающим беспокойством» [17]. Критика Бондаренко, по словам К. Кокшеневой, – генетически измененная, ориентированная на «жару» (т. е. на страстность, на воздействие), а не на качество и доказательность. Резкая критика в адрес Бондаренко звучит в статьях Т. Глушковой, Н. Дорошенко. Их возмущает промежуточное в идеологическом и эстетическом плане положение, которое сознательно занимает Бондаренко, уходя от крайних патриотических течений, посвящая свои неразгромные статьи «чуждым» писателям (В. Высоцкому, Б. Ахмадулиной, Вен. Ерофееву, В. Сорокину, И. Бродскому и др.). В то же время авторитетный критик (так, Ю. Павлов не находит ни одного из «правых» критиков, которые могли бы по количеству публикаций и авторитетности приблизиться к В. Бондаренко [25]), он сам по себе является символическим капиталом для «патриотической» критики [о символическом капитале «патриотической» критики см.: 12]. В этом причина множества «оправданий» непоследовательности Бондаренко (возвращений в семью), которые находят критики-патриоты. Ю. Павлов, позиционируя себя как ортодокса, которому позиция Бондаренко не близка («мне по душе “выпороть”, “размазать”, “убить”») [25],

пишет о необходимости Бондаренко «в качестве врача любящего». Он видит в позиции критика проявление христианского гуманизма, веры в возможность духовного возрождения. Оправдание нравственностью звучит в словах И. Шкляревского, который объясняет интерес Бондаренко к писателям непримиримых кланов «непоказным благородством» и искренностью [34]. Другая категория, апелляция к которой выполняет функцию оправдания, – талант как критерий в отборе и оценке писателей. Еще одно «оправдание» Бондаренко, которое озвучивается в патриотической среде, – утверждение близости критика к классической русской литературно-критической традиции. Так, Г. Красников, называя Бондаренко единственным безусловным профессионалом в критике конца 1990-х – начала 2000-х гг., сближает его с традицией В. Белинского, Н. Добролюбова, А. Григорьева, которые объединяли вокруг русской литературы писателей разных направлений, школ, взглядов [цит. по: 24].

Названные тактики «оправдания» вписываются в сложившуюся в патриотическом литературно-критическом дискурсе стратегию «подгонки под образец», которая используется в создании литературного портрета того или иного писателя, не вписывающегося в типичный образ «своего». Так происходит с образом С. Наровчатова. Позиция С. Наровчатова-атеиста противоречит принципу православия как компонента общенациональной идеи, провозглашаемой журналом. Л. Лавлинский вносит коррективы в образ, обращает внимание читателя на то, что «Евангельские истины <...> всегда жили в глубине его души, несмотря на то, что кровавая реальность как бы постоянно их опровергала», на «христианскую Истину во внутренней логике художественных образов» [21. С. 261] поэта, приводит в доказательство образы и лексические обороты из Священного писания в текстах С. Наровчатова.

Семья как ментальный самоидентификационный конструкт предполагает определенную степень обезличенности критиков-патриотов. Оговоримся, что обезличенность в данном контексте не имеет негативного оттенка (наша задача не оценить, а увидеть объективно существующие интерпретационные установки и текстопорождающие механизмы). Патриотическую критику отличает большая степень дистанцированности от своего объекта; критик говорит от лица группы, апеллирует к ней, к авторитетам («отцам»), оценивает, проверяет на соответствие, находится «над» объектом.

‘Брак по расчету’

В имеющемся комплексе значений и ассоциаций выражения ‘брак по расчету’ (брак, заклю-

ченный по обоюдному согласию двух людей, в котором либо одна сторона, либо сразу обе преследуют коммерческий или материальный интерес вместо любви или взаимного влечения) актуальными для нас будут: обоюдное согласие, отсутствие глубокой внутренней связи, необходимость подчинения условиям договора, определенная степень несвободы. Метафорически 'брак по расчету', на наш взгляд, схватывает такую смысло- и текстопорождающую установку, которая характерна для критиков, публикующихся в разных журналах.

В качестве предварительного положения прием существования гносеологического стержня (при размывании идеологического) «толстого» журнала [см. об этом: 11; 35]. Критика либеральных журналов демонстрирует личностный тип самоидентификации, предполагающий самоопределение в нравственных, мировоззренческих координатах, самоосмысление в сложной экзистенциальной и коммуникативной ситуации растерянности. Либеральная критика обращается к творческой и жизненной судьбе писателей как к возможному ответу на экзистенциальные, онтологические «вопросы». Деятельностная установка критиков «Нового мира», «Знамени», «Октября» – установка на поиск (интерпретацию литературных явлений как иного опыта «вопрошания», выживания). Истолкование здесь принимает вид вычленения из художественной структуры «ответа» (в виде идеи, жизненного ориентира, судьбы героя как возможного варианта осознанного, (не)истинного бытия). Отсутствие «опоры» в творчестве/жизни писателя, его героя, общая ситуация растерянности в литературе осмысливается «как моя проблема тоже», экзистенциально близкая. Для критика «Нового мира», «Знамени», «Октября» Другой «почти тождественен мне», может помочь «мне» понять «меня», а интерпретируемая литературная, социальная действительность мыслится прежде всего как опыт присутствия Других, возможные варианты «ответов», (само)интерпретаций.

Типология обнаруживается и внутри литературно-критического дискурса отдельных «толстых» журналов. Так, установка на негативную самоидентичность в первой половине 1990-х гг. объединяет критику «Нового мира» и «Знамени» и оказывается неактуальной для «Октября». По степени выраженности установки на осмысление социальных проблем, актуальности социального по убыванию следуют критика «Знамени», «Нового мира», «Октября». Критика «Знамени» – наиболее социологичная и агрессивная в либеральном журнальном контексте. Как и «Новый

мир», она в качестве нормы провозглашает статус критика-комментатора, читателя, но делает это более жестко, «от противного». Критика «Октября» акцентирует посредническую функцию критики, создавая образ критика-медиатора, педагога.

По критерию вычитываемого смысла различаются: установка «Знамени» на исследование постмодернистского типа мышления современного человека, «Октября» – на сферу социальной психологии. Критика «Знамени» вычитывает в «ответах» литературы не только проявления кризиса и формы его переживания, но и варианты выхода в виде успешных стратегий. «Новый мир» ориентирован на обнаружение духовных скреп, ценностных ориентиров.

Наличие разных гносеологических установок современных «толстых» журналов позволяет предположить, что критик, выбирая тот или иной журнал, будет выстраивать свою деятельность в соответствии заданными ориентирами. Критик начинает функционировать в ситуации своего рода негласного «договора». А. Архангельский, П. Басинский, О. Дарк, А. Зорин, М. Липовецкий, А. Немзер, В. Пустовая, М. Ремизова – критики, сотрудничающие с разными «либеральными» журналами, для которых преодоление границ ценностного, гносеологического поля журнала привычно. Для них в разной степени не актуальна привязанность к одному журналу/коллективу как дому/«семье». Гибкая установка «договора» предполагает, как и в 'браке по расчету', отношения не 'я как мы', а 'я – он', большую степень свободы (индивидуального мнения) при наличии ограничений в виде негласного (не)вольного подстраивания под журнал. Прагматический оттенок метафоры – собственно, расчет – будет актуален и в случае коммерческой (так называемой «продажной») критики.

Подтверждает наше наблюдение о смене смысло- и текстопорождающих установок в зависимости от выбранного журнала сравнительный анализ публикаций критиков, сотрудничающих с разными изданиями. Так, А. Немзер публикует в «Знамени» работы, в которых актуализируются моменты общего культурного, ментального кризиса («В каком году – рассчитывай», 1998), анализируются художественные произведения как отражение процесса самоидентификации авторов в ситуации слома ценностных ориентиров («Двойной портрет на фоне заката», 1993). В «Новом мире» за эти же годы критик публикует работы иного плана: «Что? Где? Когда? О романе Владимира Маканина: опыт краткого путевода» (1998), в которой следует «за текстом»,

анализируя пространственно-временную специфику романа, систему персонажей; «Несбывшееся. Альтернативы истории в зеркале словесности» (1993), где предлагает обзор современных романов-предсказаний, сводя к минимуму факт их резонирования с восприятием истории современника. М. Липовецкий публикует свои статьи во всех рассматриваемых нами «либеральных» журналах. В «Знамени» появляются работы, в которых он обращается к творчеству отдельного автора(ов), и это позволяет М. Липовецкому сопрягать художественный текст и «движения души» автора («Конец века лирики», 1996); в которых кризис постмодернизма напрямую связывается с кризисом историко-культурной среды («Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе», 1999). А статья «Изживание смерти. Специфика русского постмодернизма» (1995) в силу своей теоретичности и несоотнесенности с ментальным пространством воспринимается как «чужая» в контексте журнала. В «Новом мире» публикуются работы, в которых М. Липовецкий выходит в историко-литературный контекст с целью доказать закономерность проявления таких явлений, как «новая волна» рассказа (в статье в соавторстве с Н. Лейдерманом «Между хаосом и космосом», 1991), постреализм (в статье в соавторстве с Н. Лейдерманом «Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме», 1993), растратные стратегии в современной литературе («Растратные стратегии, или метаморфозы “чернухи”», 1999). В них либо снят, либо минимизирован момент сопряжения интерпретируемого литературного явления с экзистенциальными вопросами. В «Октябре» М. Липовецкий публикует работу «Мифология метаморфоз...» [22], в которой объектом интерпретации выбирает отдельное произведение, углубляется в область онтологии полифонизма, мирообразов хаоса (такой ракурс характерен для «Знамени») и в то же время практически не вычитывает возможный экзистенциальный смысловой план текста (что характерно для «Нового мира»).

Аксиома, определяющая возможность существования литературной критики лишь в борьбе, несмотря на свою неочевидность сегодня (сами критики констатируют спад дискуссий, споров, полемик, снижение их качества), продолжает действовать. Идет скрытое противостояние, которое проявляется в разнонаправленности гносеологических усилий. «Толстый» журнал, на наш взгляд, и сегодня обладает имплицитным механизмом давления, гносеологически ориентирует критика, который, вступая в своего рода «диалог» с журналом, следует диктуемому принци-

пу отбора материала, ракурсу интерпретации и оценки.

‘Free-love’

‘Free-love’ в ряду выстраиваемых нами установок предполагает максимальную свободу от своей группы, от гносеологических ориентиров журнала или от другой формы бытования критики.

Принцип ‘free-love’ наиболее репрезентативен для сетевых критиков (имеются в виду не электронные копии журнальных публикаций, а критика исключительно сетевая, обладающая рядом типологических свойств). О феномене сетевой критики см.: [15; 19; 28; 29] и др. Заметим, что в формулировках основных признаков сетевой критики в работе А. Сергуниной звучит слово ‘свобода’ и его корреляты: ‘спонтанность’, ‘хаотичность’, ‘открытость’ и др.: свобода нередктируемого высказывания; большая степень эстетической свободы, отказ от жанровых границ; спонтанная публикация информации, главная характеристика которой – оперативность, зачастую продиктованная субъективными интересами пользователя; поддержка состояния информационного хаоса, иллюзия реального мира; открытость, анонимность, свобода стиля [29. С. 27].

Казалось бы, фактором ограничения/давления должен стать сайт, позиционируемые им формат, стиль, правила. Однако сайт нередко задает только самые общие формальные ориентиры, которые легко нарушаются. Так, на сайте vtoruki.ru заявляется: «Беда в том, что благожелательная (часто завышенная) оценка литературы в сети преобладает <...> Тот, кто собирается посетить книжный магазин, блуждает в растерянности – поверишь отзывам, так вокруг одни шедевры. В общем, надо жечь. В этом блоге приветствуется ваше сотрудничество. Регистрируйтесь и жгите вместе. Но помните – горит всё» [36]. Разработчиками сайта предполагается размещение разгромных рецензий, жанр рецензии оговаривается, существуют соответствующие ссылки. Содержание же критических текстов требованиям жанра не удовлетворяет. Несовпадение требования и результата отрефлексировано в ряде отзывов: «Эта рецензия для ВТОПКИ – неформат <...> Забавная, но в то же время прескорбнейшая вещь – автор, прости Господи, “рецензии”...» [37] и т. п. Критик может размещать свои критические тексты на разных сайтах, не изменяя себе, сохраняя свою свободу.

Большую долю критических текстов в Сети занимает непрофессиональная критика, в которой проявляется еще один аспект ‘free-love’ – свобода от требований к критическому суждению как таковому. Размещаемые тексты в большинстве

своем лишены аргументации, либо роль аргумента выполняют оценки, восходящие к инвариантной паре 'нравится – не нравится'. Свобода от ответственности при установке 'free-love' порождает резкие, безапелляционные суждения, подобные этому: «Внимание, ЭТО НЕ ПРОФОБ-ЗОР! Нормальной критики тут не будет. Критики тут вообще не будет. Просто мысли, что возникли по прочтении или во время оно. Учтите, что думаю я мало <...>. Читал как читатель, со своими заскоками и своим настроением. Объективностью не страдаю <...>. Комментирую по ходу чтения. <...>. При простановке оценок ориентировался на наитие» [33].

Минимизация дисциплинарных требований (жанровых, этических) обратно пропорциональна в Сети степени свободы критика. Критерий качества вполне естественно становится одним из главных при сопоставлении критики «бумажной» и сетевой. Так, по мнению Д. Бавильского, большое количество примеров графомании, непрофессионализма и «невменяйства» в критике объясняется демократичностью и доступностью Сети. «Бумажные издания от всего этого защищены системой отбора текстов, с помощью которых они выстраивают свою линию, свою позицию» [2].

Свободу как главную возможность/условие/среду в пространстве Интернет осознают профессиональные журнальные критики. Для многих Интернет становится своего рода альтернативной публичной площадкой, в которой возможно размещение суждений и оценок, невозможных в «бумажном» формате. Е. Ермолин признается: «Сеть для меня – это пространство свободы. А свободу нельзя не любить, как Бога. Сетевая критика – привилегированное пространство свободы. И еще она – возможность тотального диалога, в котором, собственно, только и может состояться личность. Это очень заманчиво. Сеть – ежедневный соблазн. Этот дух свободы. Веяние ее, со всеми ошеломлениями и издержками. Я не люблю никаких принудительных ограничений и всегда прорывался сквозь них, и Сеть для меня – овеществляющаяся безграничность возможностей» [15].

Особенно явно специфика сетевого формата проявляется в результате сопоставительного анализа разноформатных (сетевых и толстожурнальных) записей, которые принадлежат одному критику. Очевидной становится смена текстопо-рождающей и коммуникативной установок. Они формируются в значимой ситуации свободы для критика.

Во-первых, критик в Сети не скован требованиями жанра, критические суждения перемежаются здесь с информацией околосетевой

(описание бытовых ситуаций, рефлексия на события политического характера и т. п.). Критик свободен в самопрезентации, в выходе за пределы критического дискурса.

Во-вторых, это свобода от статуса авторитетной инстанции (статуса, предполагаемого журнальным форматом), от принадлежности группе, говорения от лица этой группы. Своего рода интимизация критического текста, эффект «публичной интимности» порождает иной статус – носителя частного мнения. Эта частность может восприниматься как «алиби», снимающее ответственность за суждение. Показательна в этом смысле реплика Д. Кузьмина, следующим образом объяснившего резкость своих оценок в адрес В. Емелина: «<...> мои определения даны в приватном пространстве <...> ЖЖ <...>, тогда как его [Емелина. – Ю. Г.] определения даны по его собственной инициативе на первой полосе... газеты [«НГ Ex Libris». – Ю. Г.]» [26].

Максимальная свобода от группы, ориентиров журнала обуславливает позицию доминирования авторской индивидуальности сетевого критика (несмотря на часто формальную замену имени на ник; деперсонализация высказывания может быть интерпретирована как свобода от требования самопредставления). Е. Ермолин делает в связи с этим такие наблюдения: «Здесь и только здесь автор получает импульс свободы, которая пьянит, ввергает в соблазны, расковывает и даже разворачивает, но и открывает горизонты, споспешествует самовыражению, обеспечивает самореализацию...» [14]. Формы свободы – эпатаж и провокация – являются одними из основных методов работы критика в Сети. Отсюда, третья «свобода» – свобода диалога без оглядки на политику журнала.

Свобода критика в Сети – это и свобода от читателя, однако скорее демонстрируемая, а не реальная, поскольку сами критические тексты свидетельствуют об обратном, об актуальности установки на читателя, о разнообразных приемах убеждения, активизации читателя, вовлечения в диалог, манипуляции.

Наконец, сетевая и газетная критика не имеют постоянно опекаемых литературных объектов. Эта свобода отбора литературного материала также характерна для установки 'free-love'.

Установка 'free-love', но не в крайних своих формах, может проявляться в газетной, тонкожурнальной критике. В то же время данные форматы не исключают так называемой корпоративности. Так, И. Роднянская считает, что идея корпоративного долга и корпоративной этики занимает особое место в системе ценностей А. Немзера [27].

Три метафоры – ‘семья’, ‘брак по расчету’, ‘free-love’ – схватывают, на наш взгляд, три доминирующие текстопорождающие, коммуникативные и самоидентификационные установки в современной критике. Они предопределяют выбор объекта критической рефлексии, интерпретационные тактики, характер и степень эксплицитности оценок, моделирование образа реципиента, формы самопрезентации.

Список литературы

1. Агеев, Б. Человек уходит... (Мотив Конца Света в повести Евгения Носова «У святские шлемоносцы») [Электронный ресурс] // Наш современник. 2002. № 5. URL : <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=5&id=10>.
2. Бавильский, Д. Интервью для «Русского журнала» [Электронный ресурс] // Рус. журн. 2003.05.29. URL : http://old.russ.ru/krug/20030529_krit.html.
3. Бондаренко, В. Алая любовь Ольги Фокиной // Наш современник. 2000. № 1.
4. Бондаренко, В. Добровольное гетто Юнны Морич [Электронный ресурс] // День литературы. 06.04.2001. № 4 (55). URL : <http://zavtra.ru/denlit/055/31.html>.
5. Бондаренко, В. Плач проходящего мимо Родины [Электронный ресурс] // Завтра. 19.10.99. № 42 (307). URL : <http://zavtra.ru/content/view/1999-10-1971>.
6. Бондаренко, В. Покаяние грешного Глебушки... [Электронный ресурс] // Наш современник. 2003. № 12. URL P: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=12&id=10>.
7. Бондаренко, В. Последний поклон Астафьеву [Электронный ресурс] // День литературы. 18.12.2001. № 13 (63). URL : <http://zavtra.ru/denlit/064/41.html>.
8. Василенко, А. Нужен ли читателю новый роман Юрия Бондарева? // Молодая гвардия. 1995. № 10.
9. Говорухина, Ю. А. Власть, запреты, нарушения без наказания в современной литературной критике // Новое лит. обозрение. 2013. № 119.
10. Говорухина, Ю. А. Понятие национальной идентичности в «патриотической» литературной критике (Наш современник) и «Молодая гвардия» 1990-х годов // Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века : коллектив. моногр. / науч. ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 282–305.
11. Говорухина, Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX–XXI веков : монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012.
12. Говорухина, Ю. А. Символический капитал журнальной литературной критики и формы его использования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. «История. Филология». 2011. Т. 10, вып. 6. С. 85–92.
13. Гусев, В. Свой? // Наш современник. 1996. № 4.
14. Ермолин, Е. Критик в Сети [Электронный ресурс] // Знамя. 2003. № 3. URL : <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/7/ermol1.html>.
15. Ермолин, Е. Интервью для «Русского журнала» [Электронный ресурс] // Рус. журн. 2004.01.08. URL : http://old.russ.ru/columns/critic/20040108_krit.html.
16. Иванова, Н. Между : (О месте критики в прессе и литературе) [Текст] // Новый мир. 1996. № 1.
17. Кокшенева, К. Русская критика [Электронный ресурс]. URL : <http://providenie.narod.ru/0001024.html#t13>.
18. Кокшенева, К. О культурной оппозиции. Красный джип патриотизма [Электронный ресурс]. URL : <http://www.filgrad.ru/texts3/koksheneva/kk2.htm>.
19. Корнев, С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна. Интернет как место обитания литературы [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. 1998. № 32 (4). URL : <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>.
20. Куняев, С. Самая жгучая связь [Электронный ресурс] // Наш современник. 2011. № 9. URL : <http://www.nash-sovremennik.ru/main.php?m=num&y=2011&n=9>.
21. Лавлинский, Л. Шаги истории // Наш современник. 1999. № 11.
22. Липовецкий, М. Мифология метаморфоз : (Поэтика «Школы для дураков» Саши Соколова) // Октябрь. 1995. № 7.
23. Наш современник. Официальный сайт журнала [Электронный ресурс]. URL : <http://www.nash-sovremennik.ru/main.php?m=mpage>.
24. Огрызко, В. Непредсказуемый скандалист [Электронный ресурс] // Лит. Россия. 05.08.2005. URL : <http://www.litrossia.ru/archive/158/person/3971.php>.
25. Павлов, Ю. Необходимость Бондаренко [Электронный ресурс] // День лит. 12-02-2006. № 02 (114). URL : <http://zavtra.ru/denlit/114/11.html>.
26. Прошин, Е. Совсем честно [Электронный ресурс] // Блог Е. Прошина на сайте Livejournal.com. URL : <http://terens.livejournal.com/482912.html?thread=2926176#t2926176>.
27. Роднянская, И. Критики о критике [Электронный ресурс] // Вопр. лит. 1996. № 6. URL : <http://magazines.russ.ru/voplit/1996/6.html>.

28. Садовников, А. Литературная и телевизионная критика в Интернете : специфика, типология, принципы взаимодействия : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011.

29. Сергунина, Н. Литературная критика в рулинете как звено коммуникативной системы : автор-текст-аудитория. Теория вопроса : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

30. Славникова, О. Критик моей мечты [Электронный ресурс] // Октябрь. 2000. № 6. URL : <http://magazines.russ.ru/october/2000/6/slavn.html>.

31. Спиридонов, Ю. Феномен «укорененности в бытии» : онтологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004.

32. Суровцев, В. Языковая игра и роль метафоры в научном познании / В. Суровцев, В. Сыров // Философия науки. 1999. № 1.

33. Тугодум Безграмотный. Зд. Мысли читателя о прочитанном [Электронный ресурс] // Самиздат. 2003. URL : http://samlib.ru/p/poguljaj_j_a/dooms.shtml/tnew.

34. Шкляревский, И. Не разделяя на своих и чужих [Электронный ресурс] // День лит. 12.02.2006. № 02 (114). URL : <http://n-shipilov.narod.ru/bondarenko.htm>.

35. Govorukhina, Yu. «Thick» magazine of boundary XX–XXI of centuries: ideological diffusion and a gnoseological core // Journ. of Siberian Federal Univ. Humanities & social sciences. 2012. № 4.

36. В топку.ru (1) : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL : <http://vtopku.ru>.

37. В топку.ru (2) : рецензии [Электронный ресурс]. URL : <http://vtopku.ru/node/303?page=1>.

С. В. Гуськова (Тамбов, Россия)

ВОЗДЕЙСТВИЕ «НОВЫХ» МАСС-МЕДИА НА МОЛОДЕЖНУЮ АУДИТОРИЮ

The problem of the influence of the «new» media on the youth audience, accounted for the positive and negative effects of such influence. Discusses the components of concepts such as media convergence and convergent media.

Keywords: “new” medias, media convergence, convergent medias, interactivity, audience.

Жизнь современного общества в последние десятилетия изменилась коренным образом. В сфере потребления информации также произошли существенные изменения: в чести масс-медиа, транслирующие информацию чуть ли ни сиюминутно, дающие возможность аудитории тут же интерпретировать информацию, и в этой связи печатным СМИ конкурировать с он-лайн медиа практически невозможно. Общество стало по-другому потреблять информацию. И если людям старшего поколения приходится ломать некоторые стереотипы в процессе потребления контента, то аудитория младших поколений в этих условиях рождается и воспитывается.

Появление Интернета серьезнейшим образом отразилось на процессе функционирования информации в обществе. Если для телепередач часто актуальна «интерактивность замедленного действия», то для сети Интернет это явление практически не характерно: информация должна получить отклик сиюминутно. В противном случае она теряет свои главные свойства – информативность и актуальность. В студии, чаще всего,

уже не пишут и не звонят: есть новая площадка для выражения своего мнения, своей гражданской позиции. Примерами могут служить обсуждения на форумах, общение в чатах, комментарии в блогах (где, по сути, каждый участник интерактивного процесса становится со-автором). Более того, значительная часть сетевых ресурсов имеет возможность быть «услышанными» широчайшей аудиторией (заинтересовала информация – поделись ей в социальных сетях). Так, привычные медиа становятся совершенно новыми. И важно не только то, что контент становится другим (по содержанию, по проблематике, по стилистике и лексике), но и то, что он по-другому презентуется аудитории.

По утверждению И. П. Шибут, «исторический опыт развития газет, кино, радио и телевидения свидетельствует, что, когда “новые” СМИ становятся “старыми”, их выживание зависит от способности находить новые способы оказывать услуги, которые оплатит общество или профинансирует правительство. В тех условиях информационного и коммуникационного разнообразия,

которые существуют сегодня, нельзя удержаться на плаву, не эволюционируя и придерживаясь на протяжении долгого времени одного и того же воплощения формы и содержания. И потому на сайтах традиционных СМИ появляется собственный контент, разрабатываются свои проекты, которые привлекают посетителей. Электронная версия оффлайновых СМИ может проигрывать, в частности, в оперативности подачи информации по сравнению с теми же интернет-изданиями, но, не ограничиваясь исключительно дублированием и переупаковкой информации, интернет-редакция может создавать свой собственный контент, свои масштабные проекты благодаря технологическому прогрессу в информационно-коммуникационной сфере» [5. С. 159–160].

В этой связи приходится говорить о конвергенции в сфере масс-медиа, или *медиаконвергенции*. Понятие на слуху у многих ученых, занимающихся изучением коммуникативных стратегий и трактуется по-разному. Так, в учебном пособии «Новостная интернет-журналистика» встречаем следующее определение: «Медиаконвергенция – это смешение принципиально разных видов и жанров представления и подачи информации в одном издании» [2. С. 117]. **Подробному анализу** понятия ‘медиаконвергенция’ посвящена статья В. В. Шеремета «Типология медиаконвергенции». Автор отмечает, что встречается оно в различных науках, приводит его толкование в смежных гуманитарных областях. Так, «в языкознании под конвергенцией понимается сближение или совпадение двух или более лингвистических сущностей, например, возникновение у нескольких языков <...> общих структурных свойств вследствие достаточно длительных и интенсивных языковых контактов» [4. С. 137–138]. В культурологии автор под *конвергенцией* понимает «один из фундаментальных аспектов культурных изменений» [4. С. 138]. «Политическая конвергенция исследует слияние политического мышления и мировоззрения» [4. С. 138].

Радиоведущий, бизнес-тренер, преподаватель и аналитик О. Дмитриев в материале (основных положениях проведенного в «Интерньюсе» семинара) отмечает: «Медиаконвергенция – это возможность выхода в открытый мир, это возможность быть конкурентоспособным». Он так обосновывает подобное явление в современном медийном секторе: «Впервые конвергенцию опробовали <...> газетчики. Это было связано с тем, что тиражи газет в конце прошлого века неуклонно падали. Нужно было их как-то поднимать, нужно было искать новые источники сбыта. Именно эта причина заставила газетчи-

ков думать креативно. Были придуманы другие газетные формы. Например, бесплатные газеты, выход в интернет и создание интернет-версии. Задача нововведений заключалась в рекламировании основной газеты. А с развитием мультимедийности, с развитием аудио-, видео-файлов, газеты стали задумываться о том, чтобы вывешивать видеоролики, помещать аудиоисходники на сайт, что значительно повысило утилизацию всего материала. Т. е. весь материал, который журналист собрал, может быть представлен целевой аудитории» [1].

У ряда исследователей современного состояния масс-медийного сектора отмечается, что одним из выходов из тупиковой ситуации, в которую зашли привычные, традиционные, СМИ, в этих условиях должно стать производство более привлекательных видов контента – «видеороликов, фотогалерей, аудиозаписей, интерактивных модулей, форумов, групп обсуждений, “живых” рейтингов» [2. С. 118]. **По сути, в условиях медиаконвергенции** один и тот же контент «заливается» на различные (и даже любые, все известные) устройства, платформы, транслирующие информацию.

К примеру, редакция журнала профессиональной направленности «Журналист», осознавая роль так называемых «новых» медиа, также пошла по пути конвергенции СМИ и вовремя стала подавать контент в двух формах – печатной и электронной. Причем электронная форма (официальный сайт: <http://www.journalist-virt.ru/>) качественно отличается от печатной (те же материалы, что и в печатной версии, публикуются в более развернутом варианте; есть возможность прокомментировать публикации; можно проголосовать в конкурсах; на электронной платформе вещает радио и телевидение; обширно представлена фотогалерея; информация о журнале, отдельные материалы представлены в социальных сетях, на что есть ссылки на официальных сайтах). Фокус-групповое исследование аудитории потребителей медиа-контента, представленной студентами специальности «Журналистика» (проводилось в сентябре 2012 г.), позволяет констатировать, что СМИ, представленное на интернет-портале, вызывает у них больший интерес, чем его печатная версия. Некоторые отметили, что принимали участие в голосовании за конкурсантов журнала, участвовали в блог-обсуждениях проблем. На вопрос о степени доступности издания все участники исследования однозначно заявили, что обращаются исключительно к интернет-порталу издания, так как журнал представляется дорогостоящим для данной аудитории; количество экземпляров издания,

поступающих в регион, невелико. К печатной версии обращаются исключительно для интереса: сравнить, как выглядит / выглядел печатный «собрат» журнала.

Положительный пример конвергенции масс-медиа демонстрирует редакция газеты «Комсомольская правда», которая по-прежнему регулярно выходит в печатном варианте, но и имеет электронный аналог (официальный сайт: <http://www.kp.ru/>), также существенно отличающийся от привычной газеты. Есть у «Комсомолки» свое радио и телевидение. В противовес «Журналисту», газета несущественно потеряла число подписчиков.

Тем не менее, примеров «ухода в Интернет» традиционных газет и журналов намного больше (одни переориентировались в современных условиях на электронный контент и выпускают как печатную версию, так и имеют сетевую версию; другие возникают в Интернете и не мыслят выходить в свет в печатном виде). Но и они демонстрируют многие реалии современного состояния медиасектора.

То, что конвергенция средств массовой информации неизбежна, является неоспоримым фактом. Отсюда вытекает ряд других свидетельств, а то и предпосылок существования масс-медиа. Так, можно констатировать, что к сетевому контенту будет обращаться все большее число читателей, слушателей и зрителей. Это удобнее, дешевле, доступнее. Показательна и статистика пользования Интернетом в России. Так, в ежегодном отраслевом докладе «Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития», подготовленном Управлением периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям по состоянию отрасли в 2012 г., отмечается: «Из доклада на расширенном заседании коллегии Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в мае 2012 г. следует, что 57,8 млн взрослого населения России (50 %) пользуются интернетом каждый месяц, а 44,3 млн (38 %) – ежедневно. 70 % из них имеют широкополосный доступ (ШПД) в сеть. Мобильный интернет используют 34 % пользователей, каждый второй из которых имеет смартфон, а каждый пятнадцатый – планшет. Ожидается, что к концу 2014 г. число пользователей интернета в России составит 80 млн человек, или 71 % населения страны старше 18 лет. По размеру национальной аудитории Рунет занимает 6-е место в мире» [3. С. 49]. Ежегодная динамика свидетельствует о росте числа пользователей Интернета в России и, как следствие, росте потребителей медиаконтента в Сети.

Наиболее активной аудиторией в этих условиях выступает молодежь. В упомянутом докладе отмечается, что с декабря 2010 г. по декабрь 2012 г. включительно ежемесячная аудитория интернета «+12» в России выросла с 35169,1 тыс. человек (58,5 %) до 42155,9 тыс. человек (67,3 %). В Москве этот показатель составляет 7438,4 тыс. человек (71,7 %), в Санкт-Петербурге – 3026,3 тыс. человек (69,1 %), в Екатеринбурге – 858,6 тыс. человек (69,8 %), в Новосибирске – 924,3 тыс. человек (70,4 %).

Получается, что аудитория, в первую очередь молодежная, получила свободный доступ к безграничному числу информационных ресурсов. Остается из их многообразия выбрать «нужные», а это является проблемой, так как говорить о подкованности в какой-либо сфере представителей молодежной аудитории можно с великой долей натяжки. Фильтровать, отбирать ресурсы она, как показывает практика, не способна. К примеру, по данным «Левада Центр», опросившего в феврале 2012 г. 1600 человек старше 18 лет в 130 населённых пунктах 45 регионов России, всего за год произошло не только заметное увеличение числа российских пользователей Сети, но и качества их взаимодействия с ней. По сравнению с февралём 2011 г. они в два раза чаще стали использовать Интернет для получения последних новостей (25 % против 12 %) и лучше владеть рабочим инструментарием Сети (41 % освоили поисковые и справочные сайты, вместо 25 % годом ранее). Быстро набирают популярность мультимедийные технологии: 16 % пользователей читают электронные книги, 25 % смотрят фильмы в сети, хотя в 2011 г. таковых было 7 и 14 % соответственно, выросла аудитория интернет-магазинов. Каждый третий пользователь теперь находит в Сети друзей и людей со схожими интересами, каждый четвертый использует Интернет как средство развлечения и т. д. По результатам опроса того же Интернет способствует развитию политической грамотности населения (в 2012 г. число респондентов, назвавших Интернет средством повышения политической грамотности, возросло по сравнению с предыдущим годом (15 % в 2012 г., 7,5 в 2011 г.) [3. С. 49]. Получается, в России наметился глобальный «уход» в Сеть.

Но это не может не тревожить. Современному человеку всё сложнее и сложнее лавировать в море противоречивой информации. Получив упрощенный доступ ко многим информационным источникам, он невольно понизил значимость знания, получаемого, в том числе, при чтении. В этих условиях важно принятие мер, причем на государственном уровне, что позво-

лит аудитории более избирательно относиться к подаваемой информации. Речь идет о законодательном регулировании интернет-контента. Но и здесь найдется немало противников, главным аргументом которых будет утверждение о подавлении таким образом свободы слова. Согласно опросу, проведенному в молодежной среде, большинство против введения регулирования распространения информации посредством Интернета.

В последние годы в нашем государстве постепенно нарабатывается законодательная база в этой области. В частности, еще требует совершенствования та ее часть, которая касается авторского права в Сети. В противном случае циркулирующая в Интернете информация будет «народным достоянием», к чему привыкает молодежь. «Халыва» повсюду (бесплатное скачивание фильмов, книг, материала для подготовки к занятиям, часто выдаваемого за свой собственный) сдерживает современное поколение в процессе производства продуктов интеллектуальной деятельности.

Все эти тенденции позитивного и негативного свойства характерны для современного социума, часто характеризуемый как общество потребления. В этих условиях масс-медиа, быстро переориентовавшимся на новые площадки подачи информации и формы ее презентации, также мобильно необходимо выработать механизмы, подстегивающие подрастающее поколение мыслить, анализировать, погружаться в рефлексию,

в конечном счете – производить материальные и интеллектуальные продукты качественного свойства, необходимые человечеству. Только так возможно дальнейшее развитие научной мысли, всех сфер жизнедеятельности, общества в целом.

Список литературы

1. Дмитриев, О. Медиаконвергенция – это возможность выхода в открытый мир, это возможность быть конкурентоспособным [Электронный ресурс]. URL : <http://www.internews.kz/node/4317> (дата обращения: 23.05.2013).
2. Новостная интернет-журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. Амзин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2012. 143 с.
3. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / под общ. ред. В. В. Григорьева. М. : Федер. агентство по печати и масс. коммуникациям, 2013.
4. Шеремет, В. В. Типология медиаконвергенции // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2012. С. 137–140.
5. Шибут, И. П. Медиаконвергенция и новые медиа : пример современной практической реализации // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГУ, 2012. С. 159–160.

Б. Н. Кадирова (Актау, Казахстан)

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЛОВА ‘МАНГИСТАУ’: ФОЛЬКЛОРНЫЙ АСПЕКТ

The land of Mangistau is the museum under the open-air where there are 11 thousand historical monuments. The sanctity of this krai is proved by a set of folklore works. In the article the folklore of the Mangistau peninsula is studied for the creation of the encyclopedia of the word ‘Mangistau’. Studying the folklore of the native land, students came to a conclusion that folklore, its genres fully give the full picture of national life, give a bright picture of a life of the people, its moral, spirituality, and help to restore people’s history. Studying of legends of different character, historical and cultural materials, interpretation of the collected information, comparison of the past and the present gave the chance to feel love to the history of the native land.

Keywords: Mangistau, folklore, legends, historical monuments.

Для случайных приезжих на первый взгляд Мангистау может показаться бесцветно-иссушенным, утомленным солнцем и сжигаемый ветром. Для людей, вросших в эту землю корнями, – это благословенная земля. Каждый камешек таит в себе историю народов, когда-то населявших Мангистау. Не серый наш край. Приглядись

внимательно: зеленые оазисы, маковые поля, пелюньи и полынь – трава великой легенды [2. С. 3]. Именно здесь сложилось множество фольклорных произведений.

Внимание к фольклору, древним пластам культуры, традиции в целом, как к неисчерпаемому источнику воспитания и развития человека, прояв-

ляется в последние годы особенно активно в социально-педагогической среде. Это связано с функциональными особенностями жанров фольклора, с глубокой духовностью и мудростью народного творчества, с непрерывностью процесса передачи национальной культуры из поколения в поколение.

При изучении дисциплины «Словообразование и морфология» мы запланировали создание энциклопедии слова 'Мангистау', и данный проект состоял из шести разделов: 1) этимология слова 'Мангистау'; 2) топонимика Мангистау; 3) фольклор Мангистау; 4) произведения Мангистау; 5) известные люди Мангистау; 6) высказывания о Мангистау.

Работа над созданием энциклопедии дала возможность студентам прикоснуться к таким разделам языкознания, как «Этимология», «Ономастика», «Устное народное творчество». Были использованы элементы лингвокраеведения Мангистауского края: исторические и энциклопедические материалы, топонимические словари, а также исследования по региональной и исторической лексикологии Мангистауского края.

Толкование возникновения только одного слова 'Мангистау' вызвало у студентов огромный интерес и немало спорных вопросов. Им пришлось работать со множеством исторических документов, где упоминается название полуострова Мангышлак. Рассматривая этимологию слова 'Мангистау', студенты провели огромную исследовательскую работу. Это обусловлено тем, что происхождение слова «Мангистау» не раскрыто в полном объеме, единственные источники, на которые мы можем опереться, – это трактаты древних философов и путешественников, которые были в Мангистау и упомянули об этом в своих работах. В процессе исследования студенты изучили разные источники, точки зрения многих ученых, и это было очень интересно: всего лишь одно слово – толкования разные.

Цель исследования следующей группы студентов – характеристика фольклора Мангистау. Объектом их исследований являлись фольклорные произведения, т. е. легенды, сказки, предания, пословицы, поговорки и т. д. Казахи рода адай, проживающие на территории Мангистау, испокон веков вели кочевой образ жизни, перегоняя свои стада с зимовок на летние пастбища. И не удивительно, что народ, живя одной жизнью с природой, из поколения в поколение вырабатывал удивительно тонкое восприятие окружающего мира, нашедшее выражение в самобытном национальном искусстве Мангистау.

Что же можно сказать о фольклоре Мангистау? Уже само восточное побережье Каспия манит

своей первозданностью, неповторимостью и загадкой. Согласно историческим преданиям, семь народов проживали в разные эпохи на этой священной земле, оставляя след в виде наскальных рисунков, родовых знаков (танба), памятников. Богатство камня-ракушечника позволило людям разных племен и народов увековечить свой след в истории края. Две трети памятников всего Казахстана расположено именно на полуострове Мангышлак. Поэтому трудно с жителями полуострова состязаться в богатстве исторических и культурных памятников. Именно здесь сложилось множество легенд и преданий. За пятьдесят лет Актау накопил большой опыт становления, расцвета, поиска путей выхода из временного спада, а затем – обновленного возрождения и дальнейшего процветания. В нем сосредоточены культурные ценности [1. С. 4].

В результате исследовательской работы студенты сделали вывод, что фольклор, его жанры, средства, методы наиболее полно восполняют всю картину народной жизни, дают яркую картину быта народа, его нравственности, духовности, дают информацию о том, какие животные и птицы обитали на территории Мангистау.

Так, одна из легенд гласит, что некогда в Мангистау обитал дракон. Он выходил из воды и нападал на людей и животных. И вот охотник Айназар решил уничтожить чудовище. Три месяца он выжидал его на берегу моря. И однажды айдахар (дракон) появился. От дракона исходил зловонный запах. Когда дракон вышел на берег и увидел человека, стал раздуваться, раскрыл страшную пасть с длинным языком, стал шипеть и бить по земле длинным как кнут хвостом. Сильным ударом хвоста он выбил ружье из рук Айназара. Затем повернулся и двинулся на него. Мерген (каз. 'охотник') изловчился и, подняв упавшее оружие, выстрелил. Но не сразу мерген смог убить дракона, потому что тот был покрыт железной чешуей. Но все же охотник убил айдахара, попав тому в глаз. Тело дракона лежало, и никто не смел к нему подойти.

Этот рассказ звучал бы, действительно, неправдоподобно, если не его продолжение. Мол, мясо расклевали птицы, а скелет потом забрали ученые для исследований. И вот возникает вопрос, что за зверь это был, и существовал ли он вообще? Оказывается, что легенда повествует о сером варане, полутораметровой ящерице, которая когда-то обитала в степях Мангышлака. Когда-то, в начале XX в., серый варан обитал на территории нашей области, хотя встречался довольно редко. Но зато и сейчас он водится в Туркмении и других странах с похожим климатом.

Серые вараны распространены в Северной Африке, Юго-Западной Азии и так далее. На территории СНГ из-за хозяйственного освоения пустыни варан практически исчез. В 30-х гг. прошлого века в Средней Азии и Казахстане варанов убивали для галантерейной промышленности. Попросту говоря, из кожи делали сумочки и кошельки. В настоящее время серый варан включен в Международную Красную книгу и находится под охраной, по крайней мере, там, где он еще водятся.

Итак, персонажи легенд и народных сказок нередко близки к реальности. Все это выяснилось на основе легенды о драконе. Оказалось, что сказочный персонаж дракон айдахар, это ни кто иной, как гигантская ящерица – серый варан.

Также студентами приведены легенды о священной птице Ак дегелек и длинношеем Таутайляке, которые повествуют о возможном существовании на земле Мангистау аиста и ламы.

Знаменитый мангистауский акын Кашаган в одном из своих сказаний-песен рассказывал о священной птице. Он пел о том, что на вершине священной горы Отпан живет птица дегелек, и целая орда змей исчезает, когда она свистит. В данном случае птица акдегелек олицетворяет силы добра, а змеи – силы зла. Различные предположения выдвигались и на основе этой сказки. Сначала, считалось, что этой птицей был змеяд из отряда ястребиных, или какой-нибудь другой пернатый хищник. Но оказалось это был... белый аист. Дело в том, что сейчас белый аист на Мангистау не зарегистрирован даже, так называемым «пролетом», не говоря о том, чтобы он здесь гнезвился. Очевидно, что Ак дегелек гнезвился на вершине горы Отпан, либо где-то неподалеку. Гора Отпан – вторая по высоте из гор Мангистау, ее высота 532 м, издревле она была почитаема народами, жившими здесь. Еще до нашей эры на горе Отпан находился храм огнепоклонников, а в средние века и позже здесь зажигался священный костер, который созывал народ на битву с врагом. Костер был виден издалека, даже с полуострова Бузачи.

Видимо, с того времени, когда сложилась легенда, очень изменился климат, меньше стало пресной воды, поэтому эти птицы здесь больше не гнездятся.

И еще одна легенда. Жил когда-то в горах Мангистау длинношей верблюд без горбов. Он очень больно кусался, и если дети не слушались, то их пугали таутайляком. По рассказам о длинношеем таутайляке можно сделать вывод, что это был ни кто иной, как горный верблюд лама. Но научных доказательств обитания этого животного на Мангышлаке пока нет.

Таким образом, благодаря трем легендам мы узнали, что на территории нашей области жили животные, которых сейчас нет. Почему исчез серый варан нам понятно, из-за людской корысти и непонимания уникальности этого животного. Что касается аиста и ламы, если они существовали, то, видимо, они исчезли в связи с изменившимся климатом. Вопросы охраны редких видов животных и растений сейчас очень остро стоит перед человечеством. Существование горного верблюда и белого аиста на Мангышлаке еще научно не подтверждено, но вот исчезновение некоторых редких животных, например, гепарда и кулана по причине сугубо человеческого фактора – доказано.

Две трети памятников всего Казахстана расположено именно на полуострове Мангышлак. Земля Мангистау – это страна древней цивилизации, археологический заповедник, музей под открытым небом, где 11 тысяч исторических памятников взяты под охрану государства, страна тысячи наскальных поэм – рисунков. Край уникальных культовых сооружений и мечетей: Беккет-ата, Шакпак-ата, Шопан-ата, Масат-ата, куда нескончаемым потоком идут паломники не только из Казахстана, но и из Туркмении, Узбекистана, России и Кавказа, Ирана и Турции. «... до сих пор сохранившиеся памятники Мангистау – родословная предков, свидетельство их самоотверженного труда, стремления к лучшему, веры в высокую мечту» [3. С. 452].

Студенты нашли множество легенд и преданий, повествующих о праведных делах святых, обучавших и просвещавших в храмах людей. Их имена остались в названиях подземных мечетей, оберегаемых как святые места и привлекающих паломников и туристов со всех концов Казахстана и из-за рубежа. Здесь почитается 362 святых – почти столько же, сколько дней в году.

Некрополь Шопан-ата раскинулся в неглубоком овраге, на склоне горы. Он включает подземную мечеть, гробницу Шопан-ата, древние надгробные памятники огузо-кипчакских племён X–XIII вв., а также более поздние захоронения. Шопан-ата – один из самых почитаемых дервишей Мангистау. Этот мистик-отшельник был учеником Ходжи Ахмеда Яссауи. Легенда гласит о том, что однажды Яссауи собрал своих учеников и дал им задание: через шанырак своей юрты выпустить стрелы, чтобы определить путь, по которому они пойдут проповедовать идеи суфизма, нанявшись чабанами (шопанами). Стрела Шопан-ата упала на небольшой горе Мангышлака, близ аула богатого скотовода Баяна. Бай поставил условие, что первый год Шопан будет пасти бес-

платно, а спустя срок все белые овцы, рождённые в его стаде, будут отданы в знак благодарности пастуху. Целый год в стаде рождались только белые овцы. Тогда бай предложил перенести расчёт на следующий год и сказал, что все овцы, рождённые черным цветом, будут отданы пастуху. В течение следующего года в стаде рождались только чёрные овцы. Тут и понял бай Баян, что пастух его – непростой человек. Отдал он ему в жёны свою дочь и стал покровительствовать во всём. А у подножия горы, на которую упала стрела, Шопан-ата построил мечеть. Киргизы называют это место Чолпон-ата, узбеки – Чопан-ата. Среди паломников, которых на Мангистау с каждым годом становится всё больше, это место является одним из ключевых.

Любовь к родной земле, к ее истории чувствовалась в работах исследователей: они с увлечением находили материалы о происхождениях названий местности. У многих из нас, особенно представителей молодых поколений, названия ‘Каламкас’ и ‘Каражанбас’ ассоциируются исключительно с нефтяными месторождениями. На самом деле предыстория этих, ставших уже географическими названиями, уходит корнями в глубокую древность. Оказывается, что в основе лежит трагическая история любви. Главной героиней одной из легенд, дошедших до наших дней, является девушка по имени Каламкас.

Рассказывают, Каламкас была самой красивой девушкой в округе, руки и благосклонности которой добивались многие джигиты. Но сердце красавицы было отдано лишь одному из них – Каражану. Каражан был видным и храбрым джигитом, но происходил из бедной семьи. Отец Каламкас, богатый, влиятельный и знатный человек в округе, и слушать не желал о бедняке. В один из дней Каражан предлагает любимой бежать. Поздней ночью, сев на быстроногих скакунов, молодые умчались из аула. Узнав о побеге дочери с бедняком, разгневанный отец девушки посылает за ними погоню. Быстроногие скакуны настигли беглецов, люди бая вернули девушку в аул, а джигит был обезглавлен. Сердце убитой горем девушки не вынесло смерти любимого, и через несколько дней Каламкас умирает. Аксакалы поговаривают, что души влюбленных встретились после смерти на небесах, чтобы теперь уже не разлучатся никогда. После гибели своих любимцев народ увековечил память о них, назвав местности их именами. С тех пор и соседствуют Каражанбас и Каламкас. А скудные дожди в тех

краях, что нет-нет, да оросят изредка суровую землю Бузачей, – это, поговаривают в народе, – девичьи слезы.

Исследования такого характера обеспечивают активную мыслительную деятельность студентов, формируют навыки умения работать с литературой, умение собирать, интерпретировать информацию. На наш взгляд, ценность такой формы работы заключается в ощущении сопричастности миру прошлого. А это значит формирование уважения к прошлому и настоящему своего края.

Таким образом, фольклорные произведения Мангистау помогают нам восстановить историю народа. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

Устное народное творчество на протяжении многих веков служило народу и как «учебник жизни», передающий из поколения в поколение его мудрость, житейскую философию, этику, и как средство воспитания характера, лучших человеческих качеств: патриотизма, мужества, смелости, стойкости, честности, доброты.

По своей специфике фольклор является самой демократичной формой искусства, и при любых обстоятельствах – мир ли на земле или война, счастье или горе, фольклор остается устойчивым, а также активным.

Фольклор раскрывает душу народа, его достоинства и особенности. С точки зрения науки, фольклор – это феномен, который заслуживает особого изучения и внимательной оценки.

Список литературы

1. Гаркуша, А. Ф. Летопись города Актау. 1963–2003. Алматы : Олке, 2003. 328 с.
2. Задерецкая, Н. Ю. Мангистау – край преданий и легенд. Алматы, 2008. 360 с.
3. Кекильбаев, А. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Шандоз : Хронико-историческое произведение / пер. с каз. А. Ким ; подстроч. пер. К. Жорабеков, У. Тажекенова. Алматы : Жазушы, 2011. 480 с.
4. URL : www.mangistaunefit.kz.
5. URL : www.ecomangystau.kz.

И. И. Карелова (Новороссийск, Россия)

МИФОЛОГЕМА ‘МЕДЕЯ’ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

The article considers the problem a back stereotyping myths in modern intercultural space. Mechanisms of transformation of the semantic structure of a sustainable myth with a maintaining “the common mythological places”, destruction of figurative and symbolic structure of the myth and creation a new myth and a new reality in a modern literature, a theater and a cinema. The author sets the significant differences neomyths of Medea in European and Russian culture with the traditional interpretation of the myth, determining the myth as a way of conceptualizing the world.

Keywords: myth, stereotyping, Medea, semantic structure, figurative and symbolic structure, neomyth, European culture, Russian culture.

Мифологема ‘Медея’ несет многоуровневые культурные коннотации, восходит к легендарной героине Коринфского эпоса Медее. В древнегреческой мифологии миф о Медее лежит в рамках цикла о Золотом Руно. Существует несколько трактовок, различающихся в кульминационных моментах мифа.

Медея в греческой мифологии – волшебница, дочь царя колхов Ээта и океаниды Идии, внучка Гелиоса. Помогала предводителю аргонавтов Ясону добыть золотое руно за обещание жениться и вместе с героем бежала из Колхиды. Чтобы задержать погоню, убила своего брата Апсирта и разбросала куски его тела, рассчитывая, что это задержит отца. Ясону и Медее пришлось спешно сочетаться браком в земле феаков, чтобы царь Алкиной не выдал их послам колхов. Добыв золотое руно и пройдя все испытания, суженные ему богами, Ясон отправился в беотийский Орхомен, где повесил золотое руно в храме Зевса, затем причалил на «Арго» к берегу у коринфского Истма, где принес корабль в жертву Посейдону. Медея была единственной из оставшихся в живых детей Ээта, законного наследника коринфского трона. Коринф, сын Марафона, захвативший коринфский трон, умер, не оставив наследников, и Медея предъявила свои права на трон. Жители Коринфа признали Ясона царем. Просидев на троне десять удачных и счастливых лет, Ясон стал подозревать, что Медея добыла ему этот трон, отравив Коринфа. Он решил развестись с ней и жениться на Главке Фиванской, дочери царя Креонта. Медея не стала отрицать свою вину, но напомнила Ясону о том, как в Эе он клялся ей в верности всеми богами. Ясон заявил, что силой вырванная клятва недействительна, но Медея заметила, что коринфский трон достался ему с ее помощью. Ясон ответил: «Это правда, но жители Коринфа привыкли уважать меня, а не тебя». Медея с притворным покорством отправила Главке свадебный подарок, изготовленный руками царских детей – к тому времени Медея родила Ясону

семерых сыновей и семерых дочерей, – золотую корону и длинное белое одеяние. Стоило Главке надеть их на себя, как незатухающее пламя охватило не только ее (хотя она с головой бросилась в дворцовый фонтан), но и царя Креонта и др. Самому Ясону удалось спастись, выпрыгнув из окна верхнего этажа. Зевс, оценивший мужество Медеи, влюбился в нее, но она отвергла его домогательства. Гера была рада: «Я сделаю твоих детей бессмертными, – заявила она, – если ты положишь их на жертвенный алтарь моего храма». Медея так и поступила, а потом бежала на колеснице, запряженной крылатыми змеями, которую ей одолжил ее дед Гелиос.

Аполлодор в «Теогонии» говорит о Медее как о жрице Гекаты и как о ее дочери, что намного расширяет границы понимания ее архетипа. Геката восходит к хтоническим доолимпийским божествам. В Египте она известна под именем Хекет и Артемиды в Малой Азии. Как отмечал А. Тахо-Годи, образ Гекаты совмещает в себе мир героической мифологии и архаического демонизма [1. С. 269–270]. Она связывает мир живого и мертвого, олицетворяя мрак, она несет с собой, одновременно, и лунный свет Селены. Покровительница кладбищ, Геката имеет власть над душами умерших. Однако при этом она покровительствует и живым в их повседневных заботах, так, для Медеи она важна и как «владычица», «родной очаг хранящая» [4. С. 25]. Медея обладает многими из свойств и черт своей покровительницы. Представленная в Коринфском эпосе простой смертной, она вершит свой суд над людьми с неумолимостью и безжалостностью богов, и боги признают за ней это право. Казалось бы, ее должна была постигнуть страшная кара за убийство своих сыновей (а также брата Апсирта, Пелия – дяди Ясона, царя Коринфа Креонта, его дочери Главки и др.), ведь от возмездия не ушел даже великий титан Кронос. Однако она не наказана ни бесплодием, ни бесславной смертью, как Ясон. Да и после своей смерти она оказывается

не в царстве Аида: Медея не умерла, а стала бессмертной и правит на Островах Блаженных; согласно некоторым концовкам мифа, это она, а не Елена, вышла замуж за Ахилла [3].

Традиционная трактовка отличается от трактовки Грейвса по уровню документальности, она иллюзорна и приукрашена. Согласно Успенским, Медея убила кинжалом своих спящих детей в состоянии аффекта, вызванном изменой Ясона, а потом вонзила клинок в свое сердце [11. С. 121].

В одноименной трагедии Еврипида Медея предстает страстной и ревнивой женщиной. Ее гордость, женщины, царевны, жрицы, могущественной богини не в силах перенести нанесенное оскорбление, и она жестоко мстит своим обидчикам. Овидия привлекает другая сторона ее образа, а именно Медея-колдунья. Близкое родство с волшебницей Киркой (или Цирцеей), в разных источниках представляющей то ее теткой, то сестрой, является подтверждением ее силы и могущества. В «Метаморфозах» Овидий лишь мельком возвращается к подробностям трагедии, замороженный магией, секреты которой ей открыли боги. Она обладает искусством врачевательницы и убийцы, владеет знанием о лечебных травах, умением составлять яды и наносить удары мечом. Она та, кого слышат боги и кого выбирают для воплощения своих замыслов.

В XX в. имеет место поиск нового толкования мифа о Мееде. Известный фильм о Мееде, снятый Пазолини с Марией Каллас в главной роли, допускает социально-политическое толкование мифа: если в античности, равно как и в многочисленных позднейших интерпретациях сказания об аргонавтах, действия Мееде неизменно осуждались как жестокое варварство, то Пазолини встал на ее сторону. Пазолини создает фантастические, возбуждающие воображение картины, позволяющие зрителям погрузиться в мистику варварского мира Колхиды и принять ее. Таким образом, древнее сказание может прочитываться как история третьего мира во взаимодействии с материалистическими западными технократиями [14].

В изображении Ж. Аннуя (драма «Мееде», 1946 г.) она та, над кем не властны ни боги, ни рок, ни судьба. Она «из расы тех, кто судит и решает, не возвращаясь больше к принятым решениям» [13. С. 265]. Мееде словно подчиняется другим законам, более древним, чем те, которые установили боги-олимпийцы. Безнаказанность мифической Мееде зиждется и на том, что она не принадлежит светлому эллинскому миру. Она пришла незваная из далекой, древней, варварской страны, принесла с собой ее варварские законы.

В России острая дискуссия по вопросу совре-

менной трактовки образа Мееде развернулась в театральной среде после единственного показа моноспектакля «Мееде» 21 мая 1998 г. в ТЮЗе, главную и единственную роль в котором сыграла Алла Демидова. Актриса вызвала споры в кулуарах, объяснив месть Мееде Ясону как «месть не только изменнику <...>, но и самой себе, родившей от него детей» [2], как трагедию безумно любящей женщины. Споры о том, злодейка Мееде или жертва, совершившая преступление под влиянием аффекта, ведутся и по сей день.

В современной российской литературе авторы предлагают новый образ Мееде, вступающий в конфликт с семантической структурой устойчивой мифологемы, беря за основу античную мифологическую систему и не сохраняя верность тому, что М. Эллиаде называет «общими мифологическими местами» [12. С. 25]. Современная литература разрушает образную и символическую структуру мифа и творит на его месте новый миф и новую реальность.

Название романа Людмилы Улицкой «Мееде и ее дети» содержит очевидный элемент постмодернистской провокации, вызывает навязчивую ассоциацию с классическим сюжетом о детоубийстве, который контрастирует с содержанием произведения. В романе Улицкой мифологизм становится инструментом, при помощи которого структурируется повествование. Миф здесь – как средство «концептуализации мира, того, что находится вокруг человека и в нем самом» [7. С. 24]. Улицкая предпринимает попытку отойти от культурных патриархальных клише, пересмотреть традиционные интерпретации мифологических образов, создает новый мономиф, центром которого становится женщина – Мееде Синопли. Это – символ, вокруг которого бытует миф, «понятый как синтетическое суждение, где подлежащее – понятие-символ, а сказуемое – глагол: ибо миф есть динамический вид символа» [5. С. 11].

Мееде Синопли, на первый взгляд, ничем не напоминает «горькую мать ясонидов», но связь между ними кроется в самой внутренней структуре мифа. Мифологический сюжет заложен в самой истории семьи Синопли: мать Мееде Матильда бежала из Батуми, чтобы выйти замуж за грека Георгия Синопли. Родившаяся на древнейшей земле Понта от символического союза древней Колхиды и молодой Эллады, Мееде была названа в честь своей тифлисской тетки. Последняя «чистопородная гречанка в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах» [10. С. 9], Мееде Синопли кажется окружающим местным божеством. Она воплощает в себе все соответствующие это-

му образу функции: представительские, являясь одушевленной «частью местного пейзажа», персонафицирующей черты его гордой и непокорной красоты; и охранительные, всю свою жизнь оказывая помощь людям, работая фельдшером в местной больнице. Не случайно местные жители назвали в честь Медеи скалы, стоящие при входе в бухту. Медея, по классификации М. Цветаевой [6], – «человек горы», о чем неоспоримо свидетельствуют эпитеты ‘скалы’, ‘камня’, сопровождающие ее образ. В облике Медеи явственно проступают черты античной богини – ипостаси Афины – Артемиды – Коры. Высокая стройная фигура, прекрасные рыжие/медные (аналогия с медным шлемом) волосы, классические черты сурового лица, горделивая осанка, легкий шаг, немногословие, величавость, несуетность. Она производит впечатление смотрящей сверху на происходящее внизу и вокруг с живым интересом, но несколько отстраненно.

Медея лишена потомства. Она не убивает своих сыновей, а собирает вокруг себя детей и внуков своих многочисленных братьев и сестер. «Дети» Медеи, в контексте основной идеи романа, – единое человечество, разбросанное по всему миру и принадлежащее различным этносам, управляет которыми «живой миф» истории. Функция Медеи – структурирование, гармонизация жизненного хаоса. Разрушая матрицу традиционных представлений о смысле жизни женщины, она не тяготится ни поздним девичеством, ни отсутствием детей, ни долгим ухаживанием за умирающим мужем Самуилом, ни жизнью в одиночестве. Наступившее вдовство кажется ей едва ли не прекраснее ее счастливого замужества, потому что в нем вновь обретает целостность и самоидентичность Девы. Асексуальность Медеи не вызывает ни недовольства, ни протеста мужа, но воспринимается им как должное и закономерное. Подобно древним богиням, как Кибела Аттиса, как Артемида Актеона или Исида Манероса, Медея Синопли символически осклопляет или убивает своего возлюбленного [9. С. 243]. Она забирает его сексуальную энергию, в обмен избавляя его от вечного страха смерти.

Внутри Медеи скрыта лунная суть ночной Гекаты. Хотя глаза и взгляд Медеи Синопли выдают ее принадлежность к роду Гелиадов, ее способность видеть в темноте, которая передается в семье Синопли по женской линии, восходит все же не к солнечному божеству, а к хтонической Гекате своей способностью различать суть явлений, не доступных обычному глазу.

Медея уверенно творит мистерии жизни и смерти. То, как она чистит раны Самуила после

операции, вымывая из его организма яды («Она знала, что делала»), настоем из трав, которые сама же собирала, отчетливо перекликается с эпизодом, когда Медея выпускала старую кровь из Эсона, отца Ясона и вливала в него живительный отвар. Храня верность своей подземной богине, Медея воздаст должное умершим. Потеряв в 16 лет отца и мать и оставшись на руках с маленькими детьми Матильды, она тратит половину денег, присланных ей семьей Степанян, «на крест черного хрупкого мрамора с выбитыми на нем именами матери и отца» [10. С. 34].

Однако при всей очевидности обладания Медей Синопли черт Медеи из Колхиды, она являет собой анти-Медею. Образ новой Медеи обращен к свету, он отрицает варварство, олицетворяемое с силами природы, каковой считается и эмоция. Ее фигура призвана гармонизировать хаос, восстановить равновесие, нарушаемое внешними силами политических, национальных, социальных и других факторов. Это и понял перед смертью Самуил. «Единственным человеком <...> действительно живущим по какому-то своему закону, была его жена Медея. То тихое упрямство, с которым она растила детей, трудилась, молилась, соблюдала свои посты, оказалось не особенностью ее странного характера, а добровольно взятым на себя обязательством, исполнением давно отмененного всеми и повсюду закона» [10. С. 175]. Внутренняя дисциплина, высокая требовательность к себе и верность пути христианской добродетели, – принципы, которыми Медея руководствуется на протяжении всей жизни. Ни античная монументальность, ни архаические черты ее образа не вступают в противоречие с ее искренней верой. В ней нашел воплощение дух Софийности, который стабилизирует, уравнивает национальную и религиозную разномасштабность семьи. Внутренний мир Медеи – это дом Софии, где живет Бог как демиург и закон. Дом Медеи, своим расположением в Верхнем поселке, лишь усиливает эту символику.

Таким образом, у Улицкой происходит сближение разных по семантике мифологических персонажей (античных и христианских): богиня Геката, Медея из Коринфа, Артемида, Афина, Таврическая Дева, София, христианская праведница. Это подчеркивает глубокое внутреннее единство традиционно противопоставляемых женских начал, существование единого женского начала.

Представитель молодого поколения санкт-петербургских литераторов, Алексей Никонов (псевдоним Лёха Никонов) в постмодернистской поэме «Медея» рисует новый образ Медеи как

воплощение свободы, о которой современный человек-раб не посмеет даже мечтать. Медея бросает вызов обществу: «Я та Медея, что считается злой ведьмой, Убившей собственных детей и брата, Жестокая, коварная... Я навсегда оставила свой след. Я посетительница ада. История моя – игра свободных сил, Где перепутаны добро и зло. А вернее, Где нет добра и зла, А только лишь история Медеи, Что предпочла Позорной участи наложницы – Свободу – от морали и любви. Свободу – убивать. Свободу – мстить» [8].

Медея у Никонова утверждает власть свободных людей над миром, вера у них одна – любовь, их закон – свобода, для них не важны границы – географические, политические, нравственные: «Греция тебе не мера. Весь мир у наших ног. Бери его, а с ним меня, Всё прошлое теперь – химера» [8].

Список литературы

1. Адамчик, М. В. Мифы народов мира. М. : АСТ, 2006. 767 с.
2. Бочарова, Л. Что нам Гекуба? [Электронный ресурс]. URL : <http://www.mxat.ru>.
3. Грейвс, Р. Мифы Древней Греции. Екатеринбург : У-Фактория, 2005. 1007 с.

4. Еврипид. Трагедии : в 2 т. Т. 2. М. : Наука : Ладомир, 1999.

5. Иванов, Вяч. Заветы символизма // Иванов, Вяч. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М. : МГУ, 1998. 1025 с.

6. Кертман, Л. «Я там все узнаю...» // Душа, родившаяся где-то. М., 2000. С. 10–25.

7. Неклюдов, С. Ю. От мифа к литературе : сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского : вступит. ст. / С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. М. : Рос. ун-т, 1993. 350 с.

8. Никонов, А. Медея. М. : Капкан, 2012. 175 с.

9. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2002. 333 с.

10. Улицкая, Л. Медея и ее дети. М., 1996. 203 с.

11. Успенские, В. В. Мифы Древней Греции / В. В. Успенский, Л. В. Успенская. СПб., 1992. 191 с.

12. Элиаде, М. Аспекты мифа. М. : Академ. Проект : Парадигма, 2005. 224 с.

13. Энциклопедия литературных героев. Медея. М. : Олимп, 1998. 510 с.

14. Bierwisch, V. Remarks on definition in natural language / V. Bierwisch, F. Kiefer F. // Studies in syntax and semantics. Vol. 10. Dordrecht, 1969. P. 55–79.

Б. М. Кондорский (Донецк, Украина)

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ЯЗЫКА (ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ)

The author proceeds from the basic laws of generality, which underlie forms of motion of matter (FMM) such as physical, geological, biological, and social. All FMM inherent in such categories as “consciousness” and “language”. The author made attempt to use some language concepts for understanding the structure and functioning of ecological communities. The author traces the specificity of changes in the structure and nature of language functioning in the framework of the main stages of the socio-historical development, and connection with categories of “consciousness” and “peace”.

Keywords: language, language evolution, consciousness, a form of motion of matter, text, word, protoform, archetype stages of historical development, biological evolution, the environmental community.

Мы исходим из общности основных закономерностей, лежащих в основе так называемых форм движения материи (ФДМ), – физической, геологической, биологической, социальной. Отсюда следует, что такие фундаментальные категории социальной ФДМ, как ‘сознание’ и ‘язык’, должны быть присущи и другим формам вплоть до физической. Сознание в общефилософском

понимании есть неотъемлемое свойство организованной материи (как социальной, так и физической, геологической, биологической). Сознание как организующее начало во всех ФДМ в пространстве-времени выступает в форме определенного Мира. Если Сознание выступает как основа организации (законы организации), то Мир – как форма организации. Таким образом, можно

утверждать, что каждая ФДМ имеет свое пространство, свое время, свое сознание, свое бытие, свой язык.

Каждая ФДМ в процессе становления проходит определенные стадии (этапы) своего развития. Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Здесь этот термин используется не в переносном, а буквальном смысле. Действовали те же основные законы, что и во время классических буржуазных революций. Это относится не только к социальной, но и другим ФДМ. Революции в первую очередь касались сознания. Один тип сознания сменялся другим. На смену старому архетипу организации ФДМ приходил новый. Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые либо получают развитие, либо нет, в зависимости от конкретных условий.

В истории человечества можно выделить следующие основные революции (точнее – эпохи революций): неолитические, архаические, феодальные и революции нового времени [15. С. 17].

Общность основных принципов и категорий, лежащих в основе ФДМ, дает основание для параллельного анализа и теоретической разработки проблем, связанных с ними.

В данной статье сделана попытка сопоставить между собой социальную и биологическую ФДМ, осмыслить проблемы теории языка с точки зрения закономерностей эволюционного развития биологических организмов и наоборот. Тем более, что в этом направлении уже есть публикации [3; 4; 7; 10].

Процесс биологической эволюции следует рассматривать только в рамках Биосферы как проявления (согласно Вернадскому) единства, включающего, помимо биоты, атмосферу, гидросферу, литосферу. В основе существования Биосферы лежит круговорот энергии, вещества и информации. Основным направлением формирования и последующего развития Биосферы была автономизация круговорота, уход от определяющего влияния законов и факторов геологической ФДМ (на стадии формирования биосферы). Во взаимоотношениях ФДМ существует фундаментальный закон, по которому факторы одной ФДМ не могут оказывать определяющего влияния на процессы в рамках другой ФДМ.

Аналогично можно говорить о Социосфере как арене социально-исторического развития и Семиосфере [17] как сфере функционирования и развития языка (в самом широком смысле этого слова) как категории социальной ФДМ. Обе системы также имеют свой круговорот с тенден-

цией автономизации в процессе исторического развития.

Основу биологической ФДМ составляют два типа пространства – экологическое и эволюционное. Им соответствуют определенный набор категорий и соответствующие совокупности законов. Основной категорией экологического пространства является популяция, состоящая из особей как носителей наследственной информации, реализованной в виде адаптивной (экологической) формы. Именно адаптивная форма является объектом классического отбора. В пределах экологического пространства правильно говорить не об эволюции, а о процессах видообразования. Экологическая форма (и соответствующий ей образ жизнедеятельности) является результатом приспособления к условиям экологического пространства.

Биологическому виду в языке соответствует слово. Как и в случае биологического вида, в человеческой речи слово представлено также конкретными «особями», которые образуют «популяции». Динамика биологической популяции подчиняется статистическим законам. Поэтому для анализа динамики особей слов (частоты и характера их использования в речи) вполне подходят популяционные модели.

Экологическому пространству как арене видообразования в Семиосфере соответствует вербальное пространство словообразования с его структурой и законами. Вымирание видов подчиняется законам экологического пространства. Уменьшение частоты использования того или иного слова с последующим «вымиранием» также подчиняется законам вербального пространства. То есть в обоих случаях можно говорить о пространствах появления, существования и вымирания видов (слов), как и о поведении особей слов, их адаптивной форме, позволяющей формировать предложения.

С другой стороны, мы имеем «предложения», составляющие структурную основу экологических сообществ и «грамматику» их формирования из особей биологических видов. Функциональную основу сообщества как экосистемы составляет круговорот веществ, энергии и информации. Элементом этого круговорота являются не сами видовые особи, а их функциональная деятельность. Например, не лось, а его воздействие на структуру сообщества, связанное с поеданием веток деревьев и подлеска, является элементом урочища как экосистемы. Смысл, значение вид приобретает в качестве структурно-функционального элемента экосистемы. Слово таким же образом приобретает свой смысл как структур-

но-функциональный элемент предложения. Если следовать вышеуказанной логике, то предложения и структуры более высокого порядка в своей функциональной деятельности должны обеспечивать круговорот информации в рамках Семииосферы.

Большинство специалистов воспринимают понятия речи (высказывания) и текста как явления одного порядка. Распределение частоты слов в тексте описывается распределением Ципфа [1; 20. С. 19]. **Точно такая же закономерность характерна** и для распределения встречаемости особей различных видов в сообществе. Таким образом, текст и экологическое сообщество можно рассматривать как сопоставимые понятия социальной и биологической ФДМ. Текст есть результат языковой деятельности. Музыкальные произведения, балет, живопись, архитектурные сооружения с точки зрения теории вторичных моделирующих систем также связаны с особыми вторичными языками и могут рассматриваться как текст на этом языке [16] Можно утверждать, что все явления и объекты культуры имеют структуру текста. Текст – модель исторически сформировавшегося определенного типа Мира, в котором живет человек. Мир-культура (текст) есть модель Мира-сознания.

Получается, что текст и речь – явления несколько разного плана. Возможно, анализируя письменный текст, следует выделять здесь составляющую, связанную с текстом как моделью Мира и текстом как речью (высказыванием).

Конкретные экологические сообщества являются проявлением системы более высокого порядка – биоты, как исторически сложившегося комплекса видов, имеющего свое «лицо». Мезозойская биота с ее динозаврами заметно отличается от кайнозойской с ее млекопитающими. Правильнее категорию биоты рассматривать не как объединение конкретных видов и их сообществ, а как Мир-сознание данного этапа исторического развития биологической ФДМ. В этом случае сообщества выступают как модели данного типа Мира, формирующиеся по законам «текста» на основе определенных биологических языков. То есть можно говорить о палеозойской, мезозойской, кайнозойской группах биологических языков.

В рамках эволюционного пространства мы имеем процессы формирования определенного типа организации (он же «план строения», он же «архетип»). Данный процесс проходит в параллельных эволюционных пучках. Каждая ветвь характеризуется тем или иным количеством ключевых признаков, характерных для формируемого архетипа. И только одна (как правило) ветвь

имеет все элементы данного плана строения.

Структура эволюционного пространства связана с его тремя основными уровнями (таксонами) – «типа», «класса» и «отряда». Таким образом, имеет место план строения типа, класса и отряда и соответствующие закономерности их формирования в процессе эволюционного развития. В свою очередь вид, род, семейство связаны с экологическим пространством. С первого взгляда создается впечатление, что грань между эволюционным и экологическим проходит между отрядом и семейством. На самом деле экологическое и эволюционное пространства находятся как бы в разных измерениях. В рамках эволюционного пространства нет вида, есть только «план строения» (архетип). В экологическом пространстве имеет место процесс видообразования в форме адаптивной радиации на основе определенного плана строения, который при этом остается неизменным. Например, в отряде жуков в настоящее время диагностировано около 300 тысяч видов. Но все они (в каких бы условиях не формировались) имеют одну и ту же «жучью» организацию.

Если мы можем «вычислить» виды, которые дали начало определенным родам или семействам, то на уровне эволюционного пространства речь идет только о реконструкции архетипа. Ни для одного из более тридцати отрядов млекопитающих палеонтологами до сих пор не найдено ни одного достоверного предка. Не так давно был «разжалован» из предков птиц «школьный» археоптерикс.

Подобного рода ситуация наблюдается в случае эволюции языков. Здесь также большинство специалистов считают, что реконструированный праязык, который обычно называют «праформой», «архетипом», – это гипотетическая языковая система [12. С. 42; 15. С. 172, 173; 19]. **Праформа** должна давать «возможность наиболее полным и непротиворечивым образом объяснить последовательные трансформации частных подсистем, а идеально и системы в целом, в последующие этапы развития уже исторически засвидетельствованных отдельных языков» [18. С. 88]. Под этим утверждением вполне могли бы подписаться и биологи-эволюционисты (имея в виду биологический архетип).

Получается полное соответствие, с одной стороны, между экологическим и вербальным пространствами, а с другой стороны – между эволюционным пространством и пространством развития (эволюции) языков. Как в биологии, так и в лингвистике оба уровня находятся как бы в разных измерениях и имеют свои совокупности законов. Условно биологическому «типу» соответствует макросемья, «классу» – языковая се-

мья, «отряды» – языковая группа. В то же время внутри языка можно выделить роды и семейства родственных слов. Если следовать аналогии, связанной со спецификой экологического и эволюционного пространств в биологии, получается, что в процессе эволюции языков имеет место только праформа, а не слова (по крайней мере, в том виде и качестве как внутри языка). Специфика отдельного языка заключается в том, что он находится и в эволюционном и вербальном пространствах. Та его составляющая, которая дает начало словообразованию в виде «адаптивной радиации», уже не может дальше эволюционировать. Такая же ситуация и в биологии, где эволюция связана только с примитивными (а не специализированными) формами.

Эволюция языков в социально-историческом аспекте связана с племенами и их миграциями. Язык как часть цивилизации уже не может дальше эволюционировать. Развиваться может: в греческом и в латинском языках можно выделить архаический, классический и инерционный периоды. Как известно, романские языки произошли не от классической латыни.

Подобного рода закономерности характерны и для технологической сферы. Здесь полезной может быть концепция Ойкумены как системы, имеющей свои законы обмена и диффузии информации, как пространства проявления и распространения технологий, связанных с миграцией племен [14]. Выявленные здесь закономерности могут быть применимы и для эволюции языков.

В связи с этим следует остановиться на факторе географического пространства. Процесс биологической эволюции может происходить только на максимальной территории, характерной для данного геологического периода. В третичный период эволюционное формирование всех отрядов плацентарных млекопитающих происходило на территории северных материков (Азии, Европы, Северной Америки), образующих в первой половине этого периода единое целое. Аналогичная закономерность характерна и для таксонов ранга класса и типа в предшествующие геологические периоды. В то же время в Южной Америке, находившейся большую часть кайнозоя в состоянии изоляции, эволюция носила совершенно иной, можно сказать, «горизонтальный» характер. Здесь на основе копытной организации (архетипа) развились формы, подобные грызунам, лошадям, верблюдам, носорогам, слонам, но не родственные им. Изолированное положение Нового Света аналогичным образом сказалось на индейских языках Южной Америки, которые отличаются необыкновенной генетической дробно-

стью и насчитывают более ста семейств и языков-изолятов [11].

Развитие языковой сферы неразрывно связано с формированием и последующей эволюцией социальной ФДМ. На каждом этапе исторического развития между сознанием, миром, пространством, языком существовал определенный тип соответствия. Если исходить из концепции, что появление нового этапа социальной эволюции связано с революциями, которые формируют потенциал развития, можно выделить следующие периоды: донеолитический, неолитический, постархаический, феодальный, новое время.

Цивилизации Египта, Месопотамии, Хараппы имели в своей основе неолитический архетип. Социумы этого периода (на основе номовой организации) принципиально отличались от социумов поздней древности (на основе полисной организации), появившихся после архаических революций середины I тыс. до н. э. в Италии, Греции, на Ближнем Востоке, в Северной Индии и Центральном Китае [12].

В донеолитический период мы имеем Мир-экосистему. Человек принципиально не отличался от биологической особи в пределах природного пространства. Природный характер носил язык, позволявший включить в сознание первобытного человека явления окружающей среды, которые воспринимались им как органическое целое его сущности.

Социальное пространство перемещалось вместе с человеком по природному пространству.

Мышление первобытного человека отражало окружающую действительность в дейктической речи, позволявшей ему воспринимать мир в конкретной ситуации [21. С. 28]. Все дейктическое поле речи воспринималось как участки пространства, соотношенные с местом, где располагался субъект речи. Дейктические слова были словами пространственной ориентации [21. С. 214]. В последующие периоды исторического развития, с появлением стационарного социального пространства, можно говорить о составляющей речи, связанной с ориентацией человека в этом пространстве.

В неолитический период формируется социальное пространство, которое воспринимается как Дом, независимо от территории, которую он занимает. В Древнем Египте и отдельный ном, и само государство (как интегральное целое этих номов) воспринимались как Дом, как система управления хозяйственно-социальной деятельностью на тех же принципах, что в обычном домохозяйстве. Отсутствие личности (в современном понимании) – как источника воли, способствовало формированию системы, в рамках которой

источником воли стали божества. То, что можно назвать личностью, понималось как нечто телесное. То же самое относится и к понятию собственности (как органической части тела) [13. С. 49], и к словам (как живым организмам) [22. С. 30]. Запрет (табу) на использование имен умерших родственников [5. С. 10], по-видимому, следует рассматривать в данном контексте.

Сознание носит мифологический характер. Мифологический Мир воспринимается как абсолютная реальность, а не как предмет веры [9. С. 5], регулярно воспроизводимая в многочисленных ритуальных действиях, которые имеют структуру «текста» как модели этого Мира. Пространство носит смешанный, природно-социальный характер. Все природные объекты, с которыми сталкивается человек в процессе своей деятельности, социализируются.

В постархаический период доархаический дом «свертывается» до уровня римской фамилии или греческого ойкоса. Основной ареной социального пространства становится полис как модель постархаического Мира-сознания. В региональном аспекте появляются автономные Мир-цивилизации – римская, греческая, иранская, индийская, китайская и другие.

Все культурные объекты следует рассматривать как «тексты», созданные на цивилизационном языке: греческом, римском, иранском и т. д. Язык воспринимается как «собственность» архаического народа в форме гражданской общины, которому боги передали божественную силу и с помощью которой община творит эти культурные ценности. Являясь органической частью постархаической общины, язык проходит в своем развитии те же стадии, что и социум; архаическую, классическую, инерционную.

В феодальный период можно говорить о двухкомпонентном характере сознания. С одной стороны, сознание повседневной жизни, когда и феодал, и священнослужитель, и горожанин, и крестьянин руководствовались принципом 'Будь тем, кем ты должен быть' [8. С. 239], а с другой стороны – карнавал [2. С. 298, 299]. По одну сторону замки, города, монастыри, соборы как структурные элементы феодального пространства, как модели феодального Мир-сознания, по другую – карнавал как реальная форма иллюзорного пространства, где все разговаривают (творят «текст») на особом карнавальном языке.

В наше время общество представляет собой совокупность автономных (в идеале) личностей. Каждый человек, как личность, имеет свой внутренний Мир-сознание, свой язык как объект собственности, свое социальное пространство.

Национальный язык, национальное сознание представляют собой интегральное целое языков и сознаний отдельных личностей. Повседневная жизнь полностью подчинена законам экономической и политической систем. Если в феодальный период карнавал (карнавальное пространство) хоть на время уводило человека от реалий (часто невыносимых) того периода, то в наше время эту роль играет иллюзорное пространство, иллюзорный Мир-сознание в форме массовой культуры (иллюзорного Мир-текста).

Внешнюю речь следует рассматривать как проявление внутренней речи, связанной с процессами ориентации человека в своем внутреннем социальном пространстве, а «тексты» – как модели личностного авторского мира.

Список литературы

1. Арапов, М. В. Квантитивная лингвистика. М. : Наука, 1988. 185 с.
2. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит., 1986. 544 с.
3. Бирнбаум, Х. О двух основных направлениях в языковом развитии // Вопр. языкознания. 1985. № 2. С. 32–42.
4. Бичакджян, Б. Х. Эволюция языка : развитие в свете теории Дарвина // Вопр. языкознания. 1992. № 2. С. 123–134.
5. Бурлак, С. А. Введение в лингвистическую компаративистику / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 272 с.
6. Бурлак, С. А. Сравнительно-историческое языкознание / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. М. : Академия, 2005. 432 с.
7. Виноградов, В. А. Некоторые нелингвистические аналогии // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Наука, 1982. С. 258–312.
8. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период. Л. : Наука, 1990. 280 с.
9. Ермолин, Е. А. Миф и культура. Ярославль : А. Рутман, 2002. 122 с.
10. Жакоб, Ф. Лингвистическая модель в биологии [Текст] // Вопр. языкознания. 1992. № 2. С. 135–143.
11. Индейские языки Южной Америки – Википедия [Электронный ресурс]. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Индейские_языки_Южной_Америки.
12. Климов, Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М. : Наука, 1990. 168 с.
13. Ключков, И. С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М. : Наука, 1983. 205 с.

14. Кондорский, Б. М. Концепция «ойкумены» и законы биологического пространства // Природа и общество : общее и особенное. Сер. «Социально-естественная история» / под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина. М. : Энергия, 2011. С. 53–57.

15. Кондорский, Б. М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2 / под ред. А. И. Кобзева. М. : ИВ РАН, 2013. С. 16–28.

16. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.

17. Лотман, Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.

18. Макаев, Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М. : Наука, 1977. 205 с.

19. Нерознак, В. П. Праязык : реконструкт или реальность? М. : Белые альвы, 2010. С. 10–39.

20. Пиотровский, Р. Г. Математическая лингвистика / Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев, А. А. Пиотровская. М. : Просвещение, 1977. 384 с.

21. Селицкая, И. А. Теория познания : речь первобытного человека. СПб. : Ювента, 1998. 242 с.

22. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М. : КомКнига, 2006. 280 с.

Т. Я. Котлярова (Костанай, Казахстан)

ПРИНЦИП ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

The article studies linguistic-cultural factors in implementation of the political correctness approach in the West compared to the post-Soviet countries. It points out inconsistencies in comprehension of the phenomena between linguistic-cultural communities of Kazakhstan and Russia. The study concludes the necessity of further thorough research of political correctness phenomena with consideration for culture-historical background of the area.

Keywords: political correctness, language policy, intercultural communication, tolerance, linguistic-cultural community.

Термин ‘политкорректность’ в своем современном значении начал употребляться в Соединенных Штатах Америки в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. В исследованиях многих авторов отмечается, что политкорректность стала в американском обществе одним из ведущих принципов коммуникации по следующим объективным причинам: многонациональный состав населения и необходимость учитывать интересы всех этнических групп; высокий уровень индивидуальных и коллективных свобод; сильные позиции многочисленных организаций, отстаивающих права национальных, сексуальных меньшинств, инвалидов, а также групп, борющихся за сохранение окружающей среды и права животных; борьба за гендерное равенство и исключительная активность феминистического движения [1. С. 45].

В странах постсоветского пространства, в частности, в России и Казахстане, термин ‘политкорректность’ используется все чаще: это легко проследить при помощи русскоязычного запроса в сети поисковых систем Google – около 901000 результатов. Данный термин употребляют отно-

сительно политических процессов в средствах массовой информации, общественно-политические деятели в публичных выступлениях, эксперты-политологи, лингвисты, юристы при составлении официальных документов и т. д.

Чаще всего политкорректность (‘политическая корректность’ от английского ‘politically correct’, PC) определяется следующим образом: «практика прямого или опосредованного запрета на высказывание определенных суждений, обнародование фактов, употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных общественных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.» [1. С. 44].

Политкорректность получила статус идеологии и стала важной частью речевой практики прежде всего в американской культуре, а также в культурах западноевропейских стран. Очевидно, что политкорректность призвана предупреждать социальные обострения и создавать бесконфликтную атмосферу в поликультурном обществе, а также облегчать коммуникацию между представителями разных социальных групп и субкульту-

тур. В результате глобализации и приобретения английским языком статуса языка международного общения к этому процессу постоянно привлекаются новые общества, в том числе и страны постсоветского пространства.

В последние годы появляется все больше публицистических статей и научных исследований, посвященных анализу реализации принципа политкорректности в лингвокультурных сообществах стран СНГ. Также предпринимаются попытки создания нормативных документов, регламентирующих соблюдение принципа политкорректности в средствах массовой коммуникации. Примером может служить проект «Укрепление принципов политкорректности в СМИ Казахстана как предотвращение разжигания национальной, религиозной и социальной вражды и политического антагонизма», реализованный Фондом «Адил соз» и Международным фондом защиты свободы слова в 2007 г. Авторы проекта отмечают, что проблема политкорректности в СМИ Казахстана до сих пор не была предметом исследования специалистов-лингвистов и политологов, и поэтому данный проект в этом плане являлся «первой ласточкой», свидетельством реальных изменений в общественном мнении и СМИ. В документе подчеркивается, что «политическая корректность, это, прежде всего, правила корректного поведения, которые не позволяли бы кому-либо отклоняться от цивилизованных форм решения политических проблем. Таким образом, политкорректность имеет два взаимосвязанных аспекта – социально-политологический (политическая культура) и собственно лингвистический (вербальная политкорректность). При этом, как правило, нарушение норм социально-политологической корректности отражается в различных отступлениях от норм собственно лингвистической корректности» [4]. Таким образом, именно перед лингвистической наукой стоит задача исследования феномена политкорректности в прикладном аспекте с целью разработки «норм собственно лингвистической корректности».

Следует отметить, что точки зрения казахстанских авторов варьируются от провозглашения политкорректности главным принципом современной межкультурной коммуникации [2; 4] до полного неприятия данного принципа как чуждого исторически сложившемуся менталитету народов бывшего Советского Союза [3]. То же самое можно отметить и в российской публицистике, где во многих статьях с большой долей иронии приводятся примеры доведения данного принципа «до абсурда» в американской культуре, а также критикуются неудачные попытки

следования данному принципу в русскоязычном лингвокультурном сообществе (например: политкорректность – искусство пресмыкаться перед большинством (<http://analytic-info.net/analytic/politcor/detail>); политкорректность – это контроль общественного мнения (http://ruskline.ru/news_rl); политкорректность некоторым образом – форма вырождения демократии (<http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-40732/>) и т. д.). Как видно из приведенных примеров, теоретически очевидная аксиологическая характеристика ‘политкорректно / неполиткорректно’ как ‘положительно / отрицательно’ в речевой практике теряет свою однозначность и во многих случаях приобретает своего рода «перевернутый образ».

Так, автор статьи «Политкорректность vs межнациональное единство?» К. Султанов рассматривает политкорректность как особый тип цензуры, «так как человеку, соблюдая подобные правила, приходится постоянно выбирать и подбирать выражения, которые не заденут ближайшее его окружение». К. Султанов полагает, что существует определенное противоречие между конституционной свободой слова и принципом политкорректности. По мнению автора, казахстанцам следует быть не политкорректными, а толерантными: «На мировой арене Казахстан позиционирует себя как толерантное государство, и это шаг в верном направлении. Думаю, что воспитание внутренней терпимости ко всему “другому” предполагает большую честность и уважение, а это, как следствие, предполагает желание не обидеть... По-моему, толерантность – это то, что присуще нашему народу в большей степени, нежели желание “затушевывать” реальность. Более того, толерантность никак не ущемляет нашу свободу слова» [3].

Данная точка зрения вполне имеет право на существование, поскольку довольно часто казахстанцам свойственно воспринимать политкорректность как понятие, исторически чуждое нашей культуре. Подтверждением может служить следующая цитата из статьи о проблемах современной отечественной науки. Отвечая на вопрос корреспондента об особенностях сотрудничества с зарубежными коллегами, костанайский историк П. Шаблей отмечает: «С одной стороны, на организуемых американцами научных конференциях и семинарах идеологического давления не ощущается. С другой – рекомендуется говорить по-английски и быть политкорректными. То есть потихоньку приучают к собственной модели выражения мыслей» [5]. В представлении ученого, политкорректность – «собственная модель выражения мыслей» американцев, к которой они

«приучают» представителей других культур. Обратим внимание на глагол ‘приучать’, имеющий в своей семантике пресуппозиционные компоненты целенаправленности, императивности, подавления воли объекта. Таким образом, даже представителями «интеллектуальной элиты» политкорректность воспринимается как нечто чуждое, изначально не свойственное казахстанской культуре, навязываемое извне.

То, что в казахстанской лингвокультуре концепт ‘политкорректность’ не является в достаточной мере сформированным, подтверждают результаты исследований, проведенных с участием студентов Костанайского филиала Челябинского государственного университета. Так, 30 респондентам (студентам 1 и 2 курсов) было предложено ответить на вопрос ‘Знаете ли Вы слово «политкорректность?»’, отметив один из четырех вариантов: ‘знаю и употребляю’; ‘знаю, но не употребляю’; ‘слышал, но не знаю точного значения’; ‘не знаю’, и, если слово знакомо, объяснить его значение. Только 6 человек (20 %) ответили ‘знаю и употребляю’ (при этом были даны относительно правильные определения значения слова), 2 человека (7 %) отметили ответ ‘знаю, но не употребляю’, 19 человек (63 %) – ‘слышал, но не знаю точного значения’ и 3 респондента (10 %) признались, что не знают этого слова. Как видно из результатов, у подавляющего большинства респондентов лексическая единица ‘политкорректность’ не входит в лексикон, что говорит о несформированности данного концепта в индивидуальных картинах мира.

Другой группе, состоявшей из 32 участников (также студентов 1–2 курсов), было предложено подчеркнуть три слова, наиболее близких по значению к следующему определению: ‘Избегание употребления слов и выражений, считающихся оскорбительными для определённых социальных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.’ Был предложен следующий список: ‘миролюбие, снисходительность, ксенофобия, альтруизм, толерантность, сговорчивость, политкорректность, бесконфликтность, сдержанность, вежливость’.

Результаты исследования оказались следующими:

Всего – 32 респондента, отметивших по 3 слова;
политкорректность – 18 раз;
толерантность – 27 раз;
вежливость – 24 раза;
сдержанность – 9 раз;
бесконфликтность – 7 раз;
миролюбие – 6 раз;

снисходительность – 3 раза;
сговорчивость – 1 раз;
альтруизм – 1 раз.

Как видим, хотя респондентам было дано словарное определение политкорректности, данная лексическая единица даже не стала «лидером» – большинство респондентов решили, что наиболее точно соответствуют данному определению слова ‘толерантность’ и ‘вежливость’. Интересно, что представленные результаты в определенной мере подтверждают точку зрения К. Султанова, изложенную выше: для казахстанской культуры более присуща толерантность, чем политкорректность. Но, с другой стороны, итоги исследования говорят о недостаточной сформированности и разграниченности обоих концептов, вербализуемых лексическими единицами ‘политкорректность’ и ‘толерантность’.

Поскольку наибольшую опасность в современном обществе представляет нарушение принципа политкорректности в национальном и религиозном аспектах, именно этим проблемам посвящено большинство публикаций, рассматривающих данный принцип как средство предупреждения конфликтов в обществе. В бытовой сфере применение принципа политкорректности считается излишним, и многие лексические единицы, воспринимаемые представителями американской и европейской культур как конфликтогены, для представителей русскоязычной культуры являются нейтральными. Так, респондентам было предложено в списке из 11 лексических единиц отметить неpolitкорректные слова или словосочетания и, по возможности, дать политкорректный вариант: ‘безработный, алкоголик, наркоман, человек с избыточным весом, умственно отсталый, бедный, гей, слепой, домохозяйка, глухой, инвалид’. Результаты оказались несколько неожиданными. Так, неpolitкорректность слова ‘безработный’ отметили только 8 из 34 респондентов, причем в некоторых случаях были предложены достаточно неординарные варианты замены: ‘не нашедший свое место в жизни’, ‘временно домохозяйин’. Три человека не дали вариантов замены, остальные предложили ‘временно неработающий’ – выражение, соответствующее речевой практике и ставшее политкорректной заменой слова ‘безработный’, которое постепенно выходит из употребления. 17 респондентов отметили как неpolitкорректное слово ‘алкоголик’, предложив варианты замены ‘алкоголезависимый’, ‘больной алкоголизмом’, ‘страдающий алкоголизмом’, ‘страдающий алкогольной зависимостью’, 12 человек отметили неpolitкорректность слова ‘наркоман’, предло-

жив в качестве альтернативы ‘наркозависимый’, ‘употребляющий наркотики’, причем в 7 анкетах варианты замены отсутствовали. По мнению респондентов, слово ‘бедный’ является вполне политкорректным, только 8 человек предложили замены на ‘малоимущий’, ‘малообеспеченный’, ‘с низким уровнем жизни’ и даже ‘нищий’, что, конечно, вызывает сомнения в целесообразности такой политкорректной замены. В данном случае, видимо, реакция респондентов объясняется исторически сложившимися стереотипами, отраженными во фразеологизмах ‘бедность – не порок’, ‘не в деньгах счастье’ и т. д., а также отмеченным К. Султановым и другими исследователями стремлением представителей казахстанской культуры «называть вещи своими именами». Такой подход объясняет, видимо, и то, что только несколько человек отметили неполиткорректность слов ‘инвалид’, ‘слепой’, ‘глухой’. Таким образом, мы видим, что неполиткорректность той или иной лексической единицы ощущается по-разному даже представителями одной лингвокультуры, не говоря о глубоких межкультурных различиях.

Поскольку представления о политкорректности / неполиткорректности не совпадают у представителей разных культур, в этом отношении следует уделять особое внимание соблюдению принципа культурного релятивизма и отказу от этноцентристской позиции. Практическое решение этой проблемы предлагают авторы многих учебников и справочных пособий, включающих рекомендации по употреблению политкорректной (с точки зрения носителей культуры) лексики.

Употребление в речи самой лексической единицы ‘политкорректность’ и ее производных также представляет интерес для исследования, поскольку данные лексические единицы могут выполнять метатекстовую функцию, то есть отражать результат рефлексии говорящего по отношению к сказанному, являться сигналом того, что человек сознательно применяет / нарушает принцип политкорректности, преследуя определенную иллюкативную цель, например, смягчения (‘простите, выражусь неполиткорректно’), указания на то, что на самом деле у говорящего есть желание высказаться более грубо (‘только необходимость следовать принципу политкорректности заставляет меня...’) и т. д.

Причиной неприятия политкорректности как ведущего коммуникативного принципа также является то, что строгое его соблюдение невозможно с позиций преемственности культуры. Отмечается возможность обвинения многих книг в нарушении принципа политкорректности, пре-

жде всего – исторической литературы, которая призвана объективно излагать информацию о событиях, возможно, вызывающих неприятные ассоциации у представителей того или другого народа или социального слоя. То же самое можно сказать о национальных анекдотах, которые, несомненно, являются одной из форм устного народного творчества. По мнению К. Султанова, «зачастую такие шутки играют на стереотипичных воззрениях о том или ином народе, не подразумевая оскорбление определенной личности», и поэтому их не стоит рассматривать как желание ущемить чьи-то права [3].

К. Султанов напоминает, что Казахстан получил в наследство от Советского Союза не только многонациональное население, но и опыт взаимоотношений различных этнических групп: «По сути, нам было передано умение воспринимать себя единым народом независимо от этнической принадлежности, умение быть одной большой семьей, а в семье не принято церемониться. Привнося принципы политкорректности в реальность, не приспособленную к ней, мы рискуем потерять то, что есть именно у нас – умение смеяться над собой, независимо от пола, возраста и национальности» [3].

Возможно, автор слишком категоричен в своем суждении, но, тем не менее, представляется очевидным, что американская модель политкорректности не может быть воспринята казахстанским (как, вероятно, и российским) лингвокультурным сообществом в готовом виде. Учитывая многонациональность наших государств, опасность усиления межнациональной и межконфессиональной вражды, нарушения прав человека, проявления ксенофобии, следует говорить о необходимости тщательного изучения феномена политкорректности с учетом специфики культурно-исторической ситуации.

Список литературы

1. Завадская, Е. В. Политкорректность как новая международная коммуникативная норма : анализ дефиниций на материале словарей современного английского языка // Научные записки. Сер. «Филологические науки (языкознание)» : в 5 ч. Кировоград : РВВ КДПУ им. В. Винниченко, 2010. № 89 (3). С. 44–48.
2. Политкорректность в СМИ Казахстана : поиск гармонии [Электронный ресурс]. Алматы : Фонд «Адил соз», 2007. URL : http://www.adilsoz.kz/book_pdf/21.pdf.
3. Султанов, К. Политкорректность vs межнациональное единство? [Электронный ресурс].

URL : <http://www.nomad.su/?a=3-201008200028>.

4. Укрепление принципов политкорректности в СМИ Казахстана как предотвращение разжигания национальной, религиозной и социальной вражды и политического антагонизма [Элек-

тронный ресурс]. Алматы : Фонд «Адил соз», 2007. URL : <http://www.adilsoz.kz/programms/politkorrektnost/lingvistika>.

5. Шевченко, С. Инновации и обет нестяжания // Костан. новости. 2012. 28 июля. С. 6.

М. Ф. Масгутова (Челябинск, Россия)

СИСТЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОЗНАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

The article is dedicated to the research of the conceptual notion and its peculiarities, according to which lingual identities can be analyzed. The system of conceptual notions reveals the value system of the native speakers and the lingual society.

Keywords: conceptual notion, concept, lingual identity, lingual society.

Каждый человек является носителем определенной картины мира, которая представляет собой некую мозаику, состоящую из концептуальных представлений и связей между ними. Система концептуальных представлений образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек мыслит мир. Через призму концептуальных представлений человек смотрит и оценивает окружающую действительность, создавая концептуальную систему в своем сознании.

Концептуальное представление мы интерпретируем как ментальные репрезентации, единицы сознания личности, воплощенные в языке и отмеченные лингвокультурной спецификой.

Рассматривая концептуальное представление как составляющую концепта, мы исходим из позиции Ю. С. Степанова, который трактует концепт как «“пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающий слово» [4. С. 40]. Концептуальное представление – представление о содержании концепта, выражающее отношение к содержанию концепта. Концептуальное представление и концепт связаны иерархическими отношениями.

По нашему мнению, концептуальное представление является объемным мыслительным конструктом человеческого сознания, объединяющим само понятие и ценностный взгляд о нем языковой личности.

Концептуальные представления формируются в сознании человека из его предметной деятельности, из мыслительных операций человека

с другими, уже существующими в его сознании концептуальными представлениями – такие операции могут привести к возникновению новых концептуальных представлений. Отметим, что язык, таким образом, является лишь одним из способов формирования концептуальных представлений в сознании человека. Для эффективного формирования концептуального представления, для полноты его формирования одного языка мало – необходимо привлечение чувственного опыта, необходима наглядность, необходима предметная деятельность. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценное концептуальное представление.

Следует выделить основные характеристики явления, обозначенного термином концептуального представления:

- концептуальное представление – мыслительный конструкт сознания;
- концептуальное представление имеет чувственную природу;
- совокупность концептуальных представлений формирует представления, т. е. картину мира человека.

Концептуальное представление многомерно. Каждое концептуальное представление как сложный ментальный комплекс включает, помимо смыслового содержания, оценку, а также другие компоненты:

- общечеловеческий, или универсальный;
- национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде;

- социальный, обусловленный принадлежностью человека к определенному социальному слою;
- групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к возрастной группе;
- индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей.

Думается, что наиболее значима семантика концептуального представления, поскольку в его семантику входит вся прагматическая информация языкового знака, связанная с экспрессивной и иллокутивной функциями концептуального представления, что вполне согласуется с «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, к которым он отправляет. Одним из важных компонентов семантики языкового концептуального представления является когнитивная память слова – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка [1. С. 19]. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую (наивную) картину мира» его носителей.

Таким образом, в лингвистическом понимании концептуального представления можно отметить три основных подхода. Во-первых, в самом широком смысле в число концептуальных представлений включаются языковые единицы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка.

Совокупность ряда таких концептуальных представлений образует концепт. Концептосфера языка – система концептов, в которой концентрируется культура нации. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, «основным исследовательским средством – концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними» [3. С. 29].

В более узком понимании к числу концептуальных представлений относят «семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры» [4. С. 56]. Совокупность таких концептуальных представлений, составляющих концепт, не образует концептосферы как некоего целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область.

И, наконец, к числу концептуальных представлений относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Метафизические концептуальные представления (о душе, о истине, о свободе, о счастье, о любви и пр.) – ментальные сущности высокой или предельной степени абстрактности, они отправляют к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного. Именно поэтому концептуальные представления последнего типа относительно легко «синонимизируются», образуя «концептуализированную область», где «устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отраженными в слове, и где сопрягаются духовная и материальная культура» [5. С. 89].

Языковая личность и концептуальное представление отражают ментальность и менталитет носителя естественного языка. Исследование концептуальных представлений позволяет воссоздать прототипический образ «человека говорящего». Этноспецифичность концепта в контексте межъязыкового сопоставления, по мнению С. Г. Воркачева, дает основания рассматривать его как единицу национального менталитета [1. С. 87].

Изучение языковой личности – это целенаправленный синтез лингвистических и культурно-понятийных характеристик. С нашей точки зрения, языковая личность представляет собой совокупность социально-культурных качеств человека, сформированных в культурной среде и отраженных в свойствах его сознания и поведения, поскольку за любыми действиями той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих личности идей, ценностей, взглядов и моральных убеждений.

Концептуальное представление, будучи конструктом описания культурологических и духовно-нравственных ценностей лингвосообщества, относится к ядру национального менталитета, национальной личности и национальной культуры. При исследовании национальной языковой личности весьма важным представляется анализ не только особенностей языка, но и национальной культуры с учетом психического склада носителей языка, поскольку носители другого национального языка и культуры являются носителями и другого менталитета. Национальная

принадлежность представляет собой структурно богатую и сложную связь личности с обществом. Языковая личность, в свою очередь, включает социально-экономический, территориально-бытовой, общественно-политический, языковой, духовный и социально-психологический аспекты. В каждом концептуальном представлении сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отброшены несущественные представления.

Лингвокультурологический подход к изучению концептуальных представлений представляет для нас наибольший интерес, поскольку он, главным образом, сфокусирован на ценностном компоненте лингвокультурных концептуальных представлений. Это подразумевает под собой анализ тех предметов, явлений и идей, которые представляют особую ценность для языковой личности.

Ценности, по утверждению В. А. Масловой, формируются в процессе воспитания человека и образует систему жизненных смыслов и принципов. Сквозь призму языка личность усваивает духовные представления, формирующие национальный характер. Затем данный языковой образ мира реализуется в процессе языковой коммуникации [2. С. 119].

Следует подчеркнуть, что ценности, высшие ориентиры, определяющие поведение людей, составляют наиболее важную часть языковой картины мира. Мы не можем не согласиться с утверждением С. Г. Воркачева в том, что «ценности существуют в культуре не изолированно, а взаимосвязано и составляют ценностную картину мира». По справедливому замечанию ис-

следователя, ценности лингвистически могут быть описаны в виде культурных концептов, т. е. «многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, опредмеченных в той или иной языковой форме» [1. С. 98]. У каждого этноса свое отношение к культурным концептуальным представлениям, определяющим их языковую картину мира.

Таким образом, концептуальное представление является частью коллективного сознания и представляет собой ценность для того или иного лингвосообщества. Рассмотрение концептуальных представлений, отмеченных лингвокультурной спецификой, приобретает особую актуальность в связи с активно разрабатываемой проблемой национальной языковой личности в рамках антропоцентрической парадигмы.

Список литературы

1. Воркачев, С. Г. Концептуальный аспект в изучении языковых единиц. М. : Прогресс, 2001. 292 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. М. : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
3. Михальчук, И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1997. Т. 56, № 4. С. 29.
4. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40.
5. Степанов, Ю. С. Смена «культурных парадигм» и ее внутренние механизмы / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин // Философия языка : в границах и вне границ. Харьков, 1993. С. 124.

А. Л. Мугумова (Махачкала, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА И М. Ю. ЛЕРМОНТОВА ОРИЕНТАЛЬНОЙ (КАВКАЗСКОЙ) ТЕМАТИКИ

The considered lexical markers of east origin, among which prevail Turkic, form on time of the fixing in the Academy dictionaries of Russian two groups. One of them was fixed in them in the second half of XX – the beginning of the XXI centuries and is close to modern Russian. The second, which was reflected in the Academy Russian dictionaries to the middle of the XX century, is a little remote from it. All lexical markers, which used in A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov's Caucasian works, has low rates. The most common of them, which reflected in "The national case of Russian", are close on this indicator to language of the considered works – to the Euroasian cultural space.

Keywords: lexical markers, sphere of concepts "Orient", A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov's Caucasian works, Euroasian cultural space.

Одним из основных компонентов исторического опыта русского народа является отразившаяся в его языке связь с восточными культурами и народами, являющаяся одним из компонентов культурного текста евразийского пространства. Глубина и длительность этих связей позволяют говорить о сложении концептосферы 'Восток' в русской языковой картине мира, в том числе и ее отражении в произведениях классиков русской художественной литературы первой половины XIX в. Составляющие ее концепты представлены лексическими усвоениями из восточных (ориентальных) языков и, подобно иным, могут иметь многоуровневую структуру. Она включает ядерную часть и периферию, первая из которых является маркером, соответствующим их прямой номинации [см. 5. С. 7] или значению.

Однако, имея в виду, что заимствование осуществляется в абсолютном большинстве случаев в прямом значении, можно полагать, что концепты и маркеры в подобных случаях могут считаться идентичными. Не случайно из числа рассмотренных в последующем изложении восточных лексических форм развитие переносного значения имеет место лишь у слова кинжал из стих. М. Ю. Лермонтова «Когда к тебе молвы рассказ...» (1830, оп. 1857) – кинжал измены, зависти.

К числу важных показателей актуальности того или концепта, в данном случае генетически ориентальных лексических маркеров концептосферы 'Восток', в русском когнитивном сознании относится, в частности, сравнительная частотность его репрезентаций в языке произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова **ориентальной**, главным образом кавказской, тематики, непосредственно связанной с культурным текстом евразийского пространства. С этой целью в качестве справочных, наряду со сведениями «Словаря языка Пушкина» и «Частотного словаря языка М. Ю. Лермонтова», использовались, но в ограниченной степени, и данные «Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)». Ограниченное его использование обусловлено тем, что в его основу положены наиболее употребительные слова 2-й половины XX – начала XXI в. ввиду незавершенности соответствующей обработки более ранних (середина XVIII – середина XX в.) и хронологически близких материалов Национального корпуса русского языка [см. 4].

Предварительный анализ показывает, что рассматриваемая лексика образует, с точки зрения особенностей их отражения в произведениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, две группы. К первой, не получившей отражения

в «Частотном словаре современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)», относится ориентализм 'уз-день' – кумыкский по происхождению, который был употреблен М. Ю. Лермонтовым в поэме «Черкесы» (1828, оп. част. 1860, полн. 1890) вслед за пушкинским «Кавказским пленником» (1820–1821, оп. 1822) [3. С. 124–125] и стихотворением А. С. Грибоедова «Хищники на Чегеме» (оп. 1826) [8]. Он закрепляется в русском литературном языке только с середины XX в. – в первом издании «Словаря современного русского литературного языка» [6. Т. 16. С. 339]. У А. С. Пушкина его трехразовое использование ограничивается рамками названной поэмы [9] при большей частотности в произведениях Лермонтова – 6 в поэтических и 4 в прозаических [1. С. 759].

К нему из «Измаил-Бей» (1832, оп. 1843) М. Ю. Лермонтова примыкает арабизм 'алкоран', употребленный до этого в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина (отд. изд. 1824), но менее надежный в отношении вероятности воздействия последнего. До этого он используется А. И. Полежаевым, употребившим его в одном из стихотворений, опубликованном в сборнике 1829 г., с которым мог быть знаком и М. Ю. Лермонтов [3. С. 124–125]. Будучи известным академическим словарям с 1935 г. [7. Т. I. С. 135], данный ориентализм находит отражение в творчестве М. Ю. Лермонтова при одинаковой, в принципе, частотности его употребления у обоих поэтов [см.: 1. С. 719; 8]. Это слово было употреблено А. С. Грибоедовым еще в 1819 г. в «Путевых заметках», увидевших свет лишь в 1859 г. [8].

К числу хронологически приближенных, с точки зрения времени отражения в академических словарях, относится грузинизм 'сакля' из «Кавказского пленника», который был дважды употреблен еще в 1819 г. А. С. Грибоедовым в письме к издателю, опубликованном в «Сыне отечества» [8]. У обоих рассматриваемых авторов представлен в обширном круге произведений различного времени, закрепился в русском литературном языке с 1847 г. [см. 6. Т. XIII. С. 58] и характеризуется вместе с тем большей частотностью использования у М. Ю. Лермонтова [см. 9].

Сюда же примыкает 'байран' из поэмы «Измаил-Бей» (1832, оп. 1843), употребленный в ней лишь 2 раза [3. С. 719]. Он приводится в «Кавказском пленнике» Пушкина в форме 'байрам', 'баиран' 3 раза, но комментируется иной его вариант: «*Байран*, или *Байрам* – праздник разговенья. Рамазан-мусульманский пост» [9] при варианте 'бейрам', получившем отражение в «Путевых записках» А. С. Грибоедова (1819,

оп. 1859) [8]. Закрепившийся в академическом словаре 1891 г. [7. Т. I. С. 297] **тюркский иранизм** 'байрам' в устаревшей форме 'баиран' отмечается еще в лексических материалах XVIII в. [3. С. 125–126], чем, видимо, и объясняется его употребление наряду с будущим каноническим вариантом.

Вместе с тем лишь в лермонтовской поэме «Каллы» (1830–1831, оп. 1860, 1882) обнаруживается единожды [1. С. 758] употребленный в ней тюркизм 'тулук' «кожаный мешок, употребляемый на Кавказе для различных надобностей». Он, являясь усвоением из кумыкского или ногайского языков, осуществленным через посредство русских терских говоров [3. С. 125–126], также впервые фиксируется в академическом словаре 1847 г., **будучи практически неизвестным** произведениям А. С. Пушкина и других авторов [6. Т. XV. С. 1115].

Представляется затруднительным предполагать воздействие пушкинского «Кавказского пленника» в связи с употреблением в лермонтовской «Бэле» (1838) кумыкизма 'кунак', известного русскому языку с середины XVII в., что может быть обусловлено известностью автору элементов кумыкского языка [3. С. 125] **в условиях, когда** в русском данное слово впервые отражается лишь в словаре Даля, а затем в советское время в первом издании «Словаря современного русского литературного языка» [6. Т. V. С. 1838]. Оно обладает примерно одинаковой частотностью употребления у Пушкина (4) и Лермонтова (1с+2п) [см.: 9; 1. С. 734].

Частотность употребления ориентализмов, получивших отражение в «Частотном словаре современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)», также не зависит от времени их усвоения русским языком и фиксации в его академических словарях. Вместе с тем их частотность, отмеченная в нем, особенно наиболее употребительных, зачастую оказывается близкой к языку произведений рассматриваемых писателей. Среди подобных форм преобладает в семантическом отношении лексика из так называемого кавказского круга – адыгизм 'шашка', кумыкизмы 'кинжал' и 'аул', тюркизм 'бурка'.

Так, из «Черкесов» к числу последних относится закрепившееся в русском литературном языке с советского времени [см. 6. Т. XVII. С. 1311] и усвоенное через посредство кумыкского языка и терских русских говоров из адыгских в начале XVII в. слово 'шашка' [3. С. 124]. Оно **12 раз** используется А. С. Пушкиным не только в «Кавказским пленнике», но и других более поздних про-

изведениях [9] при том, что у М. Ю. Лермонтова также наблюдается большее (20с+17п) [1. С. 761] число случаев его употребления. Это слово, по данным вышеупомянутого частотного словаря, в сравнении с другими ориентализмами, рассматриваемыми в настоящем изложении, обладает наибольшей (9,6) частотностью на миллион слов корпуса и сравнительно равномерным (79) употреблением в 324 текстах, в которых оно используется [2].

То же самое, в принципе, следует отметить и в отношении уже упоминавшегося кумыкизма арабского происхождения 'кинжал' из «Кавказского пленника», который при своем отражении в «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина (отд. изд. 1824) не только стал известным русскому языку с 1596 г., но **оказался включенным** в «Русско-английский словарь» Р. Джемса 1618–1619 гг. [3. С. 125]. Сравнительно рано получив отражение в академическом словаре 1847 г. [6. Т. V. С. 947], он с гораздо большей, чем у А. С. Пушкина (35), **частотностью отражается** у Лермонтова (56с+20д+21п), входит у него в 1000 самых частотных лексических форм [см.: 9; 1. С. 732, 764]. В современном русском языке данное слово примыкает к другой лексеме – 'шашка' – отношении частотности (6,7) и степени равномерности употребления (88) примерно в таком же (282) количестве текстов [2].

В другом одноименном (1828, оп. част. 1860, полн. 1891) лермонтовском подражании пушкинскому «Кавказскому пленнику» наряду с непосредственной реминисценцией давнего тюркизма 'кумыс', трижды употребленного в пушкинской поэме [9] и дважды – в лермонтовской [1. С. 734], употребляется и другой – 'аул'. Несмотря на то, что оба они закрепились в русском литературном языке с 1847 г. [см.: 6. Т. I. С. 223; 7. Т. I. С. 270], последняя лексема впервые отразилась в памятниках русского языка в 1668 г. **в связи нижнетерским казачеством**, что позволяет предполагать ее кумыкское происхождение [см. 3. С. 124]. Причем по частотности слово 'аул' у М. Ю. Лермонтова, употребляясь в разных жанрах (41с + 9п) [1. С. 719], **превышает пушкинский показатель** – 23 [9]. Оно входит в 1000 самых частотных ориентализмов поэзии М. Ю. Лермонтова: 30 – в 1 пер. (1828–1832), 2 пер. (1833–1836) – 6; 3 пер. (1837–1841) – 5 [1. С. 765]. В современном русском языке при минимальной, по сравнению с другими, частотности лексемы 'кумыс' (0,7) на миллион слов корпуса и сравнительно равномерном (81) ее распространении, но лишь в 44 текстах слово 'аул' обладает невысокой (2,2) частотностью, более равномерно (86) распространяясь

в более значительном (111) числе текстов [2].

Аналогично трудно предполагать воздействие вышеупомянутой пушкинской поэмы в связи с употреблением в «Черкесах» М. Ю. Лермонтова тюркизма (турцизма) [3. С. 125] ‘бурка’. Данное слово, несмотря на фиксацию в первом издании «Словаря современного русского литературного языка» [1. С. 698], у А. С. Пушкина не сопровождается каким-либо комментарием, что указывает на его достаточную узуальную известность, ибо оно в русском языке отмечено первоначально со второй половины XVII в. в документе, не связанном с Востоком [см.: 3. С. 125]. Данное слово также обладает примерно одинаковой (19 – у Пушкина и 15с+7п – у Лермонтова) частотностью употребления у обоих писателей [см.: 9; 1. С. 721] в то время, как в современном русском языке оно примыкает к лексеме ‘аул’ как в отношении частотности (2,4), так и степени равномерности употребления (83) примерно в таком же (103) количестве текстов [2].

Вместе с тем следует отметить и возможное воздействие пушкинского «Бахчисарайского фонтана» на употребление в балладе Лермонтова «Грузинская песня» (1829, оп. 1859) арабизма ‘гарем’, усвоенного через французское посредство [см.: 3. С. 126] (в академических словарях с 1847 г. [7. Т. III. С. 38]). **Причем соответствующий пример из пушкинской поэмы, употребленный в ней в данной форме 11 раз при его 8-кратном использовании М. Ю. Лермонтовым [см.: 9; 1. С. 735], употребляется в качестве иллюстрации в обоих изданиях «Словаря современного русского литературного языка» [6. Т. III. С. 37; 8. Т. III. С. 38].** В современном русском языке данное слово примыкает к лексемам ‘аул’ и ‘бурка’ отношении частотности (3,0) и степени равномерности употребления (90), но в несколько большем (151) количестве текстов [2].

Произведенный, с точки зрения наличия или отсутствия соответствующих лексем в «Национальном корпусе русского языка», анализ, позволяет прийти к заключению, что в количественном отношении рассмотренная лексика образует две группы, но примерно равные друг другу. Среди отсутствующих в нем выделяются ориентализмы, хронологически близкие по времени своего закрепления в академических словарях к современному русскому языку – 2-й половине XX – началу XXI в., либо более ли менее отдаленные, отразившиеся в них до середины XX в. Для всех них при разнообразии восточных этимологических источников, среди которых преобладают тюркские, характерна низкая частотность

употребления в произведениях рассматриваемых писателей. Частотность использования ориентализмов, отмеченных в «Национальном корпусе русского языка», особенно наиболее употребительных, зачастую оказывается близкой к языку анализируемых произведений, непосредственно связанных с кавказской тематикой, т. е. культурным текстом евразийского пространства. Как следствие среди подобных форм преобладает в семантическом отношении лексика из так называемого кавказского круга – адыгизм ‘шашка’, кумыкизмы ‘кинжал’ и ‘аул’, тюркизм (турцизм) ‘бурка’. Причем первое слово обладает наибольшей, по сравнению с другими, частотностью.

Список литературы

1. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Совет. энцикл., 1981. 784 с.
2. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. М. : Азбуковник, 2009. URL : <http://www.dict.ruslang.ru/freq.php>.2013.
3. Мугумова, А. Л. Ориентализмы в языке русской художественной литературы XIX века : А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов (вопросы преемственности и инноваций в процессе нормализации лексики литературного языка) // Русский язык XIX века : роль личности в языковом процессе : материалы IV Всерос. науч. конф. (18–20 окт. 2011 г.). СПб. : Наука, 2012. С. 119–128.
4. Национальный корпус русского языка. Состав и структура [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure...>.2013.
5. Складар, Е. С. Концептосфера «Эмоциональный опыт человека» в поэзии А. А. Фета и Ф. И. Тютчева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 18 с.
6. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17 (ССРЛЯ 1).
7. Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1991–1994. Т. 1–4 (ССРЛЯ 2).
8. Словарь языка А. С. Грибоедова [Электронный ресурс]. URL : <http://www.feb-web.ru/feb/concord/abc/>.2013.
9. Словарь языка Пушкина [Электронный ресурс]. М. : Азбуковник, 2000. Т. 1–4. URL : <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=3...>.2013.

И. К. Мухина (Екатеринбург, Россия)

ИМПЛИЦИТНЫЕ И ЭКСПЛИЦИТНЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АССОЦИАЦИИ В СЛОВАРЕ СИНОНИМОВ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ

(проект № 13-06-00444 «Русские синонимы в системном освещении: структурно-семантический, идеографический, когнитивный и культурологический аспекты»).

The typology of the implicitness of national and cultural associations is presented in the dictionary of synonyms of Russian, concrete examples of an explication of such associations on a material of synonymic ranks of the denotativo-ideographic sphere of "Nation" are given.

Keywords: implicitness of national and cultural associations, synonymic ranks, ideographic sphere of "Nation".

Важный когнитивный аспект формирования национально-культурных ассоциаций – определение типов национально-специфической информации, заключенной в конкретных лексемах и синонимической лексической системе, принципов ее организации в структуре лексического значения синонима и в объединениях лексем – синонимическом ряде. В этой связи актуальным является вопрос о выявлении закономерностей взаимодействия разных способов выражения национально-культурных ассоциаций (эксплицитных и имплицитных – потенциальных, фоновых) в лексической единице. Достаточно вспомнить распространенное в современной лингвистике мнение, пришедшее из практики перевода, о том, что абсолютной эквивалентности языкового выражения понятий не существует, и даже если у конкретной лексики разных языков денотаты совпадают, нельзя говорить о полном совпадении их ассоциативных фонов из-за различия в представлениях об этих денотатах у носителей разных языков. В противоположность этой точки зрения Р. М. Фрумкина считает, что нельзя говорить об отсутствии смысловой эквивалентности в другом языке, поскольку мы рассуждаем о чужой культуре в терминах своей культуры и соответственно о чужом языке – в категориях родного языка [5. С. 88].

Среди достижений традиционных семантических исследований можно отметить признание в качестве ведущих двух приемов и основных техник проявления в семантике национально-культурных ассоциаций (далее – НКА) – эксплицитной (выделение в значении соответствующего национально-культурного компонента с помощью какого-либо специального оператора, являющегося репрезентантом культурного концепта или НКА) и имплицитной (присутствие национально-культурных ассоциаций на уровне потенциальных сем). Как пишет М. Ю. Федосюк, «имплицитное содержание – это, безусловно, со-

держание выраженное, но выраженное особым образом» [4. С. 11].

В настоящее время эксплицитность / имплицитность выражения национально-культурной семантики находится в фокусе внимания исследователей, осуществляющих изучение языка с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. При этом степень вербализации информации рассматривается как один из важных параметров дифференциации культур. В рамках различных исследований (Ю. Д. Апресяна, Л. Г. Бабенко, Г. И. Берестенева, А. В. Бондарко, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной и др.) рассматриваются механизмы выявления скрытого содержания на разных уровнях языковой системы; изучается имплицитность как универсальная характеристика дискурса; выявляются типы подразумеваемого смысла; изучается соотношение эксплицитно и имплицитно выраженного содержания; анализируются глубинные познавательные условия, которые обеспечивают прямое или не прямое выражение содержания. Так, по мнению Ю. Д. Апресяна, по-настоящему имплицитные смыслы – принадлежность речи или текстов, все языковые смыслы выражаются явно.

В рамках когнитивного словообразования Е. С. Кубрякова говорит о том, что существуют скрытые, имплицитные, подразумеваемые значения производного слова особого рода, которые соотносятся со всей областью выведенного знания и открываются при когнитивном анализе. Подчеркивая особую роль языковых структур в объективации имплицитного знания о мире, Е. С. Кубрякова утверждает: объективация определенной структуры знания через *создание* нового знака, апробированного обществом, означает, что знание, бывшее до этого смутным, расплывчатым, *неопределенным*, теперь сконцентрировано и закреплено знаком; оно получило свойства гештальта, отграниченного от других структур знания. Знание невербализованное, выступавшее

в сознании человека в виде неявного, интуитивного, превращается в *осознаваемое* и, получая знаковую форму, хранится в системе в виде знания *упорядоченного* [выделено нами. – И. М.], *подведенного* под особую категорию и доступного для сознания в качестве оперативной единицы, сознания, *облегченного заместителя* сложных и иногда весьма разветвленных концептуальных структур (прежде всего – пропозициональных) [2. С. 18]. По мнению ученого, при словообразовательном анализе появляется возможность эксплицировать больше смыслов, чем следует из морфолого-деривационной структуры деривата, т. е. **выявить и описать, как называет их Е. С. Кубрякова**, «скрытые», «приращенные» значения.

В когнитивной семантике утвердилось мнение о том, что однозначное соответствие между когнитивной базой человека и ее языковым воплощением отсутствует, поскольку между осознанным и вербализованным, как и между неосознанным и невербализованным, не имеется однозначного соответствия: подразумеваемая осознанная информация может выходить за рамки вербализованной, а то, что человеком переживается как понятное, не всегда поддается экспликации, вербальному описанию.

Критикуя отказ А. Вежбицкой согласиться с вероятностью того, что тот или иной компонент значения слова может проявляться в некоторой степени (или такой компонент имеется, или его вообще нет), А. А. Залевская подчеркивает, что носитель языка способен количественно оценивать степень проявления того или иного признака в составе значения слова, о чем свидетельствуют разнообразные исследования с использованием процедур субъективного шкалирования. До сих пор не определено, как в значении распределяются эксплицитные и имплицитные национально-культурные составляющие, поскольку фактические эти компоненты в значении составляют одно целое.

Ученые не только поднимают проблему имплицитности / эксплицитности выражения национально-культурной информации, но и предлагают пути ее решения. Так, Е. Л. Березович считает, что различные типы культурно-исторической информации по-разному выражены в языковом материале: информация об этнической истории, о социальной жизни народа, его материальной культуре выражена в языковом материале достаточно эксплицированно, а блок информации о духовной культуре народа представлен имплицитно. Среди свойств НКА ученый выявляет их синкретичность, т. е. способность национально-культурного компонента присутствовать в неяв-

ном виде: косвенно, свернуто, имплицитно. Языковыми и речевыми маркерами присутствия НКА, по мнению Е. Л. Березович, могут быть порядок слов, выделительные конструкции, уменьшительно-ласкательные и др. суффиксы, интенсификаторы ('очень, ужасно, крайне' и др.), стилистически маркированная лексика, метафоры и т. д.

Рассмотрим способы репрезентации эксплицитных/имплицитных ассоциаций в идеографическом словаре синонимов русского языка (Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы. Словарь создается коллективом ученых Уральской семантической школы под руководством проф. Л. Г. Бабенко) в различных синонимических рядах, объединенных в денотативно-идеографическую подгруппу 'Названия наций, народов', входящую в денотативно-идеографическую группу 'Нации'.

Имплицитные (неявные) способы передачи национально-культурной информации играют большую роль и в синонимической картине мира. Какие же способы передачи НКА следует при этом считать неявными? По мнению современных исследователей, «идеографические словари, хотя и претендуют на отражение языковой картины мира, остаются словарями лингвистическими, чисто языковыми, и культурный компонент, если и присутствует в них, то только имплицитно и лишь в объеме минимально необходимой энциклопедической информации» [1. С. 256]. Идеографический словарь синонимов, включающий различные словарные зоны (зону прототипа, зону типовой семантики членов синонимического ряда, зону близкородственных синонимических рядов, фразеологизмов и антонимов и др.), призван восполнить этот пробел и эксплицировать основные НКА, связанные с членами определенного синонимического ряда у современных носителей русского языка.

В денотативно-идеографическую подгруппу 'Названия наций, народов' входят 36 основных синонимических рядов и 95 близкородственных синонимических рядов, в которые объединяются преимущественно обозначения представительниц данного народа женского пола и относительные прилагательные, образованные от названий различных народов. Несколько синонимических рядов объединяют номинации представителей основных рас (например, синонимические ряды с доминантами 'европеиды, негры'). В словарь не были включены 35 синонимических рядов, обозначающих другие нации и народы, включающих в себя номинации, представленные однокоренными словами: например, 'абхазцы, абхазы'; 'баш-

киры', разг., устар. 'башкирцы' и др., а также – по этическим соображениям – синонимические ряды, содержащие грубые, пренебрежительные и т. п. **разговорно-сниженные и жаргонные номинации** представителей различных национальностей (например, с доминантами 'азербайджанец, гастарбайтер, кавказец, монголоид' и др.).

Имплицитность как способность содержать не выраженную явно информацию имеет в рамках синонимического ряда разнообразные способы проявления. «Имплицитное содержание – это такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из имплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [4. С. 12].

Имплицитные ассоциации в словаре синонимов могут использоваться при формировании *прототипа синонимического ряда* (по определению Л. Г. **Бабенко** – **совокупности прототипических признаков**, которые рассматриваются в аспекте их значимости) и выводиться под влиянием предшествующего знания получателя информации. Так, на основании обобщения коллективного опыта коллектива составителей словаря и получателей информации в состав прототипов была включена следующая информация, отражающая устойчивые (как правило, стереотипные) НКА носителей русского языка, связанные с представителями той или иной нации: 'американцы', разг., пренебр. 'янки', разг.-сниж., ирон. 'американцы', жарг., пренебр. 'америкосы', жарг., пренебр. 'гринго', жарг. 'штатники' – американцам приписываются такие особенности, как предприимчивость, деловитость, толерантность, улыбка считается характерной особенностью их речевого поведения; 'англичане', 'британцы', разг. 'бритты' – представители этого народа в России обычно воспринимаются как люди, строго соблюдающие традиции и обычаи островной британской культуры и обладающие особым чувством юмора; 'индейцы', краснокожие – представители этих народов воспринимаются как воинственные, физически сильные люди – охотники, рыболовы, следопыты, хранящие культурные традиции своего народа в быту, в одежде, в поведении, а также в своих представлениях о мире и человеке; 'итальянцы', разг.-сниж., ирон. 'макаронники' – представители этого народа воспринимаются как шумные, эмоциональные люди; 'финны', устар. и разг.-сниж. 'чухонцы', разг. 'суоми', разг.-сниж., шутол. 'турмолаи' – представители этого народа воспринимаются как медлительные и немногословные люди.

Прототипические имплицитные НКА, связанные с образом представителей различных наций, существующим в русском национальном сознании, могут включать в себя и общеизвестную энциклопедическую информацию, связанную с прошлой историей данного народа ('белорусы', разг.-сниж., ирон. 'бульбаши' – во время Второй мировой войны представители этого народа были активными участниками партизанского движения и оказали сопротивление немецким оккупантам; 'евреи', 'еврейство', 'иудеи', разг. 'израильтяне', разг.-сниж., груб. 'жиды' – гитлеровская Германия в 1939–1945 гг. осуществляла холокост – массовое истребление евреев в концентрационных лагерях смерти; 'норманны', 'варяги', 'викинги' – представители этих племен служили в качестве наемных воинов на Руси и в Византии; на Руси их называли варягами, в Западной Европе – норманнами; в IX в. они захватили северо-восточную Англию, в X в. – Южную Италию с островом Сицилией, достигли также Северной Америки), а также с современными историческими событиями ('индейцы', краснокожие – такие люди подверглись ассимиляции и проживают в резервациях, устроенных на ранее принадлежавших этим народам землях; 'негры', 'афро-американцы' и 'афроамериканцы', 'негроиды', 'чернокожие', устар. 'арапы', устар. 'эфиопы', разг. 'чёрные' – долгое время такие люди подвергались гонениям, унижениям (апартеид, сегрегация и т. п.). В настоящее время в гражданском обществе они являются его полноправными членами. Например, сорок четвертый президент США Барак Обама является представителем этой расы).

Имплицитные культурологические НКА также включены в состав прототипов, они отражают как особенности национальной культуры данного народа ('венгры', 'мадьяры', устар. 'венгерцы' – представители этого народа сохранили особенности своей национальной культуры (особенно музыкальной) после миграции с Урала в центральную Европу; 'голландцы', нидерландцы – фламандская школа живописи известна во всем мире (Рембрандт, Ван Дейк, Вермеер и др.)); так и специфику ее восприятия русским национальным сознанием ('индейцы', краснокожие – этнокультурные особенности жизни и быта индейцев описаны в популярной приключенческой литературе (Ф. Купер, М. Рид, Д. Лондон и др.)).

Особенности современной жизни и быта данных народов – также одна из сфер имплицитных НКА, которые находят выражение в зоне прототипов ('голландцы', 'нидерландцы' – представители этого народа считаются отличными мореходами, также они работают в фермерских

хозяйствах, выращивая тюльпаны, овощи, из-готавливая сыр, масло и т. п.; ‘евреи’, ‘еврейство’, ‘иудеи’, разг. ‘израильтяне’, разг.-сниж., груб. ‘жиды’ – представители этого народа, как правило, соблюдают религиозные традиции иудаизма; проходят обязательную для всех – и для мужчин, и для женщин – срочную военную службу; ‘манси’, ‘мансийцы’, устар. ‘вогулы’, устар. ‘югра’ – представители этого народа занимаются оленеводством, охотой и рыболовством).

Ученые отмечают, что имплицитность как способность содержать не выраженную явно информацию имеет в языке и тексте многообразные способы проявления. Так, М. Ю. Федосюк по отношению к коммуникативным намерениям отправителя текста (тому содержанию, которое стремится передать отправитель), выделяет следующие разновидности имплицитного содержания: 1) Текстовое имплицитное содержание – имплицитное содержание, передача которого отвечает явным коммуникативным намерениям отправителя текста, о которых можно судить по контексту и ситуации, в которых выражено содержание; 2) Подтекстовое имплицитное содержание – имплицитное содержание, передача которого входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста; 3) Притекстовое имплицитное содержание – имплицитное содержание, которое может быть выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения адресанта [4].

Если рассматривать идеографический словарь синонимов как специфический цельный и связный текст, то по классификации имплицитные НКА, эксплицируемые в прототипической зоне словаря ассоциации, на наш взгляд, можно отнести к *текстовому имплицитному содержанию*, передача которого отвечает явным коммуникативным намерениям коллектива составителей словаря, поскольку оно находит эксплицитное выражение в важнейшей зоне словаря – зоне прототипической семантики. Интересно, что на этом основании эти имплицитные НКА одновременно применительно к тексту словаря синонимов в целом могут считаться эксплицитно выраженными.

По мнению М. Ю. Федосюка, имплицитные компоненты можно классифицировать и по функции имплицитного содержания при передаче сообщений. Используя данную классификацию, можно выделить следующие типы имплицитно выраженных ассоциаций, связанных с образом представителей различных наций в языковом сознании носителей русского языка. По функции имплицитных НКА при передаче общей семантики синонимического ряда выде-

ляются *конститутивные имплицитные ассоциации* – имплицитно выраженные обязательные компоненты, без восприятия которых не может быть достигнуто понимание специфики стереотипного образа представителей той или иной нации, присутствующего в русском национальном сознании. Конститутивные имплицитные ассоциации представлены в виде стереотипных представлений, связанных с образом представителя той или иной нации, не репрезентируясь в лексическом значении, они обязательно находят свое контекстуальное выражение в примерах к словарной дефиниции: ‘Типичный *американец* копит деньги, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне (газ.); – Да! – Приятно встретить вас! – Приятно встретить вас! – типичный разговор *американцев* (газ.); *Англичане* очень уважительно относятся к своим правам, особенно к праву на частную жизнь и праву на сохранение «частного пространства» (газ.); Типичный *англичанин* стремится разбогатеть для того, чтобы поддерживать определенный жизненный стиль (газ.); ...он еще наиграл бесчисленное количество иностранцев: эlegantный француз, суматошный *итальянец* и, конечно, невозмутимый англичанин, с неизменной трубкой во рту’ (Г. Горин); ‘*Правители Европы* были рады пригласить к себе на службу отважных и беспощадных воинов, каковыми считались викинги. *Норманны* привыкли полагаться только на самих себя, да еще на удачу (газ.). Если викинга ранили — он все равно должен был биться (газ.). В 1956 году Винченцо Аньезе основал единственный в мире и типично итальянский музей – музей спагетти. Не зря же во всем мире итальянцев дразнят *макаронниками* (В. Быков, О. Деркач); Я этому несколько удивился, потому что венгерцы, в моем тогдашнем понимании, были те люди, которые носят по селам лекарственные снадобья да янтарные четки и крестики; но Пенькновский разъяснил мне, что есть еще и другие *венгерцы* – очень храбрые... (Леск.); – Взгляни, Мишель, – типичный *голландец*: длинный, скучный и с трубкой (С. Штерн); Нельзя сказать, что безумная страсть к путешествиям прекращается после того, как *израильтянин* обзавелся семьей и детьми (газ.); *Кхмер* не просто ест рис, он жить без него не может (газ.); *Черные* как никто исполняют джаз (газ.); У *немцев* приоритет отдается дисциплине и правопорядку (Ю. Азаров); Как это делали [путешествовали] *варяги*, разбойники и торговцы, давшие начало русскому государству’ (Г. Садулаев).

Второй тип имплицитных ассоциаций – *коннотативные имплицитные ассоциации* – имплицитно выраженные стилистические или смыс-

ловые оттенки. 1) Коннотативные имплицитные ассоциации, связанные со стилистической окраской. Многие синонимические ряды денотативно-идеографической сферы 'Нации' включают в себя грубые жаргонные наименования, которые унижают достоинство представителей определенных наций и на этом основании не включались в состав словаря. В результате этого некоторые синонимические ряды не были описаны: 'армянин', разг.-сниж. 'ара', разг.-сниж. 'армян', разг.-сниж., ирон., пренебр. 'армяшка', жарг., пренебр. 'хачик'; 'литовец', жарг. 'лабус'; 'японец', разг.-сниж., груб. или шутл., ирон. 'япошка', жарг. 'джапан', жарг., шутл., ирон. 'самурай' и др.

Некоторые разговорно-сниженные и жаргонные наименования на основании частотности употребления в художественных и публицистических текстах были включены в состав синонимических рядов, например, в состав синонимического ряда 'американцы', разг., пренебр. 'янки', разг.-сниж., ирон. 'американы', жарг., пренебр. 'гринго', жарг. 'штатники' **добавлена номинация АМЕРИК'ОСЫ**, ед. америк'ос. Жарг. 'То же, что американцы'. 'Америкосы решили завалить Россию дешевым лицензионным видео (газ.). ... истинным и самым главным «терми» навсегда остается Арнольд Шварценеггер. У замечательных писателей Белоброва-Попова есть фантастический роман про робота-президента, а у америкосов – вполне реальный робот-губернатор (газ.). Не нравится – становитесь сильнее, конкурируйте с Америкой, а не обвиняйте «этих америкосов» во всех грехах' (газ.).

2) Коннотативные имплицитные ассоциации, проявляющиеся в наличии экспрессивной окрашенности члена синонимического ряда. Многие синонимические ряды денотативно-идеографической сферы 'Нации' включают в себя эмоционально-оценочные коннотации: 'белорусы', разг.-сниж., ирон. 'бульбаши'; 'немцы', 'пруссакки', 'тевтоны', устар. 'германцы', устар., разг.-сниж., ирон. 'колбасники', разг. 'гансы', разг. 'тевтонцы', разг.-сниж., пренебр. 'немчура'; 'русские', устар., высок. 'россияне', устар. и разг. 'русь', устар. 'москвиты', устар. 'москвитяне', устар. 'россы', устар. 'великороссы', устар. 'великорусы', разг. 'иваны', разг.-сниж., пренебр. 'кацапы', разг.-сниж., пренебр. 'москалы', разг.-сниж. 'русаки', разг.-сниж. 'русопёты'.

Частотные разговорные, разговорно-сниженные и жаргонные номинации, распространенные в художественной литературе, включались в состав синонимических рядов, например синонимический ряд 'евреи', 'еврейство', 'иудеи', разг. 'израильтяне' включает в себя номинацию ЖИД'Ы,

ед. жид. Разг.-сниж. Груб. 'В кругах антисемитов – евреи; первонач. не имело презрит. или бран. оттенка. 'Без всякой видимой причины Яков мало-помалу проникался ненавистью и презрением к жидам, а особенно к Ротшильду... (Ч.). Ненависть к отечественному крепостному праву, даже в сознании борца за свободу, шлиссельбургского арестанта, крестьянина Олейничука, выражалась как ненависть к ляхам и жидам. И даже гениальный Достоевский увидел жида ростовщика там, где должен был различить безжалостные глаза русского подрядчика, крепостника и заводчика' (В. Гроссман); в ряд с доминантой 'итальянцы', включена номинация МАКАР'ОННИКИ, ед. макар'онник. Разг.-сниж. Ирон. 'То же, что итальянцы; в связи с гастрономическими пристрастиями итальянцев к макаронам'. 'Одно время он наладил кормить команду вермишелью. Как известно, в Италии этот продукт и макароны стоят дешево. Любят итальянцы эту пищу. Недаром их называют – макаронники. Ну, а нам побольше щей давай и каши (А. Новиков-Прибой). Как жизнь-то людей сводит, а, дивитесь, небось? Кто бы мог подумать, вот так, <...> – и в Венеции? Кофейку за встречу (что умеют макаронники – то умеют) или чего-нибудь покрепче?' (С. Гандлевский); в ряд 'немцы', 'пруссаки', 'тевтоны', устар. 'германцы', устар., разг.-сниж., ирон. 'колбасники', разг. 'тевтонцы', разг.-сниж., пренебр. 'немчура' – лексема Г'АНСЫ, ед. ганс. Разг. 'То же, что немцы'; от распространенного немецкого имени Hans, которое перешло в нариц. 'В Германии одна деревня кончается, другая начинается, причем непосредственно за забором, и дороги такие, что на них выспаться хочется, поскольку на каждый квадратный метр дороги приходится ганс с метлой (В. Пьецух). Не дождавшись возвращения своих, решил ганс идти сдаваться' (Н. Никулин).

5) Коннотативные имплицитные ассоциации, проявляющиеся в субъективной окрашенности текста, – отраженные в характере использованных языковых средств сведения о позиции наблюдателя, через восприятие которого освещаются факты и события.

Как пишет Н. К. Рябцева, субъектные компоненты речи образуют метауровень высказывания, который представляет собой интерпретацию объекта с точки зрения субъекта; их главное предназначение – передавать *дополнительную*, субъектно значимую *имплицитную* информацию, воплощать *культурный* смысл [выделено нами. – И. М.]. Такие компоненты репрезентируют ментальный, интеллектуальный мир адресанта, являются результатом его рефлексии над целым

комплексом параметров ситуации, отражают их «субъектную» интерпретацию посредством 1) фокусировки внимания на главном, актуализации его; 2) аксиологизации, оценки; 3) моделирования отношения к нему адресанта [3. С. 67].

Субъективная окрашенность денотативно-идеографической сферы 'Нации' как части текста словаря проявляется как в отборе синонимических рядов и составляющих их лексем, так и в выборе примеров, которые призваны охарактеризовать специфику истории, культуры, современной жизни и т. п. различных народов, например: 'В Эквадоре уже более пяти тысяч лет *индейцы* жуют листья коки, притупляя чувство голода и повышая выносливость в условиях высокогорья (газ.); Все любовались стройными движениями пехоты, и множество молодых *венгерцев*, по обычаю нашему в разноцветных, расшитых доломанах и ментиках, в собольих шапках, рисовались между каретами, любезничая с красавицами... (А. Бестужев-Марлинский); Жители Камчатки – *ительмены* – чтили березу (газ.); Некоторые *кампучийцы*, особенно женщины, постоянно жуют бетель. Как правило, кампучиец используют жевательный табак или различные местные травы (газ.); По законам земель Саксонии и Бранденбурга *серболужичанин* на бумаге имеет широкие права – сохранение культурной идентичности, развитие национальной культуры, право на название населенных пунктов на двух языках, обучение на собственном языке, возможность общения на нем с властями (газ.); Вообще *вогулы* к консервированной пище не приучены (газ.); Они милые и странные, эти *марийцы*. Они очень тихие, светлоглазые и вежливые (Н. Садур). *Мари* чудесным образом сохранили наивность древних языческих верований и живут в завидной гармонии с природой (газ.); Из бесед с местными жителями я понял, что современные *нанайцы* и сегодня не забывают регулярно задабривать духов (газ.); *Тевтоны*, нужно всегда воздавать должное врагу, были хорошими солдатами (Э. Лимонов); *Немцев* недаром называют «колбасниками»: такого изобилия всевозможных сосисок, сарделек, тех же колбасок и самых разных копченостей не найдешь ни в одной другой стране мира (газ.); *Норманны* – северные викинги, родиной которых была Скандинавия (газ.); *Викинги украшали носы своих кораблей свирепыми драконами или головами змей (газ.)*'.

4) Коннотативные имплицитные ассоциации, включающие в себя *аллюзии* – порождаемые текстом словарной статьи синонимического ряда или ее фрагментами ассоциации с какими-либо уже известными получателю информации фак-

тами или высказываниями: а) *внешние аллюзии* – ассоциации с фактами или высказываниями, характеризующими ту или иную нацию, условия жизни этого народа, его историю, традиции и т. п., **не упомянутыми в словарных дефинициях** словаря синонимов, но, как правило, широко известными и поэтому находящие отражение в примерах: 'Многие из зимующих в Голландии птиц выводят своих птенцов на Новой Земле и в других регионах российской Арктики. Такая экосистемная связь очень трогает *голландцев*, являющихся одними из мировых лидеров в экологической политике (газ.); *Итальянцы* умеют устраивать праздники (газ.); Любимый цвет *белорусов* белый: белый кожух, белая рубаша и панталоны, белый полотняный пояс, белая юбка у женщин, белый фартук, белый головной платок – все это обыкновенные любимые принадлежности праздничного и домашнего, летнего и зимнего туалета белорусов, и только сапоги, сменяющие лапти, отличаются, и то не всегда, зимний и праздничный наряд белоруса от летнего и будничного (газ.); Я обошел на своей лоханке полсвета, пока она не разбилась на этих проклятых рифах, но я никогда не видел, чтобы *белые* дружили с черными (В. Губарев); Глазница у *монголоидов* больше, чем у европеоидов, так что, поскольку европеоиды привыкли к другому соотношению размеров глаза и глазницы, а размер последней мы (европеоиды) привыкли считать постоянным, то у нас и возникает ощущение, что глаза у монголоидов уже, чем у европеоидов (разг. инт.); Основной едой у *нанайцев* была рыба... (Р. Ахмедов); Наиболее известные *гольды* – это Дерсу Узала – герой романов и проводник В. К. Арсеньева и советский певец Кола Бельды, исполнитель песен (газ.); Сейчас *афроамериканцы* занимают наряду с белыми наиболее важные и ответственные посты в американском государстве' (газ.);

б) *внутренние аллюзии* – ассоциации с эпизодами или высказываниями, содержащимися в самом тексте словаря синонимов. Так, например, в состав синонимических рядов, обозначающих представительниц определенной нации и входящих в зону близкородственных синонимических рядов, включались номинации, соотносящиеся с обозначениями представителей этой нации мужского пола, например, '*индианка*', '*краснокожая*' – представительница древнейшего коренного населения Америки, в настоящее время сохранившегося только в некоторых районах Южной и Северной Америки, женщина с темно-желтой, красноватой окраской кожи; '*камбоджийка*', '*кхмерка*', *устар.* '*кампучийка*' – представительница населения Камбоджи (Королевства Камбод-

жа), жительница этой страны; *'афроамериканка'*, *'негритянка'*, разг. *'чёрная'*, разг. *'тёмнокожая'*, разг. *'чёрнокожая'* – женщина с темным цветом кожи, относящаяся к негроидной расе, представительница коренного населения тропической Африки, а также жительница Америки и некоторых других стран.

Внутренняя аллюзия представлена и в том случае, когда информация, содержащаяся в прототипе, находит подтверждение в зоне примеров, например: *'норманны'*, *'варяги'*, *'викинги'*; прототип: обычно представители этих племен характеризуются как храбрые, хорошо вооруженные воины в кольчугах и рогатых шлемах; зона примеров: *'Рога на шлеме были Жихарю не в диковину, такие у любого варяга есть'* (М. Успенский).

В целом выявленные констативные имплицитные ассоциации соотносятся с подтекстовым имплицитным содержанием, так как его передача входит в скрытые коммуникативные намерения составителей словаря, а коннотативные имплицитные ассоциации составляют притекстовое имплицитное содержание, которое может быть выведено из текста словаря, хотя его передача не вошла в коммуникативные намерения адресанта.

Проведенный анализ имплицитных национально-культурных ассоциаций, представленных в денотативно-идеографической сфере *'Нации'*, позволяет сделать вывод о том, что макро- и микроструктура словаря синонимов позволяет эксплицировать ассоциации, присутствующие в сознании носителей русского языка. При этом имплицитное содержание выводится под влиянием контекста и предшествующего знания получателя информации.

Эксплицитность / имплицитность выражения национально-культурных смыслов в целом – это важная характеристика соотношения содержательного и формального планов, семантической структуры языковых единиц и организации дискурса. Идеографическая интерпретация лексики с национально-культурным компонентом может осуществляться на основе выделения типов семантических национально-культурных компонентов, составляющих лексическое значение слов отдельных синонимических рядов, исследования идентичных (центральных и периферийных) семантических национально-культурных компонентов в значениях лексических единиц, входящих в синонимические ряды. Анализ специфики выражении и типов имплицитных НКА

поможет определить механизмы выявления скрытого содержания на разных уровнях языковой системы; исследовать соотношение эксплицитно и имплицитно выраженного содержания; изучить, как в значении распределяются эксплицитные и имплицитные национально-культурные составляющие.

Анализ показал, что на основе анализа способов выражения НКА в идеографическом словаре синонимов (словарные дефиниции, фразеологические единицы, сфера антонимии, метафорические значения, внутренняя форма слова, образы, символы, сравнения и др.) возможно выявить эксплицитно представленные НКА в различных зонах словаря синонимов (в зонах прототипа, семантической идеи, иллюстраций, близкородственных синонимических рядов и производных). Это позволит составить идеографическую карту национально-культурных компонентов русской лексики, определить способы репрезентации национально-культурной информации в когнитивной сетке, установить степень представленности НКА в различных денотативных сферах и сделать выводы о глубинном проявлении национально-культурной специфики концептуальной системы и языковых единиц, эксплицируемой в закономерностях организации семантического пространства русских синонимов.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович. М., 2009. 336 с.
2. Кубрякова, Е. С. Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта // Кубрякова, Е. С. Словообразование в его отношении к другим сферам языка. Ynnsbruck, 2000. С. 13–26.
3. Рябцева, Н. К. Язык и рефлексия // Язык и действительность : сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. М. : ЛЕНАНД, 2007. С. 62–71.
4. Федосюк, М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте. М. : МГПИ, 1988. 82 с.
5. Фрумкина, Р. М. Ассоциации как феномен культуры // Фрумкина, Р. М. Психолингвистика : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2006. С. 189–195.

Е. В. Николаева, Т. Н. Юрина (Москва, Россия)

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ 'ПРОСТРАНСТВО'
В РАЗНОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ «HERMÈS»**

The article considers linguocultural concept of space in French, English and Russian versions of Hermès advertising texts devoted to travelling accessories. It investigates the meanings of space and spatial-object environment implicated in the same narration given in different languages. It contains cross-cultural analysis of physical and axiological movement modality which is characteristic for the three national linguocultural worldimages.

Keywords: linguocultural concept, space, linguocultural worldimage, cross-cultural studies, adverting text, travelling, Hermès.

Категория пространства представляет собой одну из фундаментальных культурных универсалий. Во всех культурах концепт пространства имеет онтологический характер. Коллективные представления о пространстве бытия и его природе вместе с лексико-семантическими, синтагматическими и прагматическими характеристиками пространственных маркеров естественных языков задают базисную систему координат в лингвокультурной картине мира каждого народа. Они как бы накладывают концептуальную сетку на образ мира, делая его уникальным для каждой культуры, структурируя и «дробя» его (в терминах Э. Сепира и Б. Уорфа) в соответствии с языковым хронотопом. Концепт пространства во многих национальных лингвоконцептосферах занимает особое место. Пространственная картина мира складывается из специфических способов фиксации в языке ментальных ориентаций и локализаций человека и объектов окружающей среды, включая референции правого-левого, верхя-низа, конечного-бесконечного. В европейских лингвокультурных картинах мира пространство нередко описывается в терминах кинестезии (ощущения физического движения тела), которая осознается «через лингвистическое употребление воображаемого пространства и метафорическое значение движения» [5. С. 194].

При этом необходимо иметь в виду, что понятие пространства не является универсальным, его смыслы в значительной степени предзаданы спецификой национального языка, посредством которого это понятие приобрело весь комплекс социокультурных денотаций и коннотаций. Определяющими факторами такой лингвистической обусловленности являются, как подчеркивал Б. Уорф, не столько отдельные грамматические особенности языка, например, категории времени или существительного, сколько способы «анализа и обозначения восприятий, которые закрепляются в языке как отдельные “манеры речи”», включающие в себя «лексические, морфологические, синтаксические и тому подобные <...> средства языка» [5. С. 199].

В эпоху глобального медиапространства и всепроникающих коммуникаций рекламные тексты некоторых европейских компаний международного уровня выступают в качестве эксплицитных «манифестов» их миссии и философии, изложенных на разных языках. При этом, несмотря на глобализацию выразительных средств и коммуникативных смыслов, в процессе межкультурной коммуникации постоянно возникают семантические «зазоры», образованные как специфическими особенностями языкового строя и национальных картин мира разных культур, так и «белым шумом» неэквивалентного или ошибочного перевода с языка оригинала на другие языки. Именно эти семантические нюансы составляют предмет кросс-культурного анализа в данной статье.

Наиболее яркий и необычный пример рекламной философии пространства представляют собой рекламные материалы французской компании «Hermès», которая была основана в 1837 г. и в настоящее время имеет представительства во многих странах мира. До начала XX в. компания занималась изготовлением кожаных седел, аксессуаров и костюмов для верховой езды и дорожных саквояжей. Ныне «Hermès» – один из самых известных торговых домов, который производит разнообразные изделия из кожи, аксессуары (в т. ч. часы и знаменитые платки-каре), парфюмерию и одежду. Символом и логотипом компании является конный экипаж, а тема лошадей, скачек и путешествий неизменно присутствует в визуальных и вербальных текстах «Hermès» на протяжении более чем полутора столетия. Собственно идея движения – в пространстве и времени – оказывается лейтмотивом всех рекламных предложений компании «Hermès».

В настоящей статье исследуются вербальные тексты рекламы аксессуаров для путешествий «Hermès» на французском, английском и русском языках, которые лексически и/или семантически связаны с концептуализацией пространства. Тексты были размещены весной 2013 г. на франко-, англо- и русскоязычной версиях корпоративного

сайта компании «Hermès» (**hermes.com**) в разделе «**découvrez Hermès**» / «**discover Hermès**» / «откройте мир Hermès».

Ma cabine au Canada

Partir.

Chercher à vivre davantage. Improviser un pique-nique au bout du monde, ou gravir des sommets, traverser des déserts à deux pas de chez soi. Aller au devant de l'inconnu, et redécouvrir ce qu'on croyait connu. Dans une lumière d'aube ou de crépuscule, se mettre en route ou faire halte. S'asseoir à même le sol, contempler l'horizon. S'apprêter à dormir sous la tente, ou à la belle étoile, tandis que les chevaux se reposent.

Tout avoir à portée de main. Etre libre de son temps, de ses mouvements.

Planer en paix.

Se sentir accompagné, épaulé, stimulé, allégé par son bagage.

Que la vie soit plus douce, au matin du départ; plus pleine, aux jours du retour.

My cabin in Canada

Depart.

Live larger. Have a picnic at the world's edge, climb mountaintops, cross deserts, a stone's throw from your home. Seek the unknown, rediscover what you thought you knew. By dawn's light or sunset's glow, set out or take a rest. Take a seat on the ground, contemplate the horizon. Settle down to sleep in your tent, or under the stars, while the horses rest. Have all your worldly belongings about you. Be free - in time, in motion. Drift peacefully. Feel accompanied, supported, lightened by your luggage! May life be sweeter on the morning you depart; may it be fuller on the day you return.

Мой багаж до Канады

Жить полной жизнью. Завтракать на краю света, карабкаться по горным склонам, пересекать пустыни – все это в двух шагах от дома. Обнаруживать неизведанное, заново открывать то, что уже знал. В сиянии зари или в лучах заката начинать свой путь или, наоборот, отдыхать. Сесть на землю и созерцать горизонт. Уснуть в палатке или под куполом звезд, пока лошади набираются сил. Быть свободным – во времени, в движении. Вам принадлежат все сокровища мира. Ступайте с миром. Ваши вещи поддерживают и сопровождают вас. Жизнь всегда ярче в день вашего отправления; она будет насыщенной до предела, когда вы вернетесь.

Отметим, что рекламные тексты Hermès всегда имеют несколько философский характер и часто

оказываются насыщены метафорами и фразеологизмами. Это дает возможность выйти на достаточно высокий уровень генерализации, соответствующий лингвокультурной картине мира в целом, поскольку не только *внешняя семантическая «аура» фразеологизмов, но и их внутренняя форма*, как отмечает В. А. Маслова, *сохраняет в себе «следы» культуры* (мифы, архетипы, обычаи и традиции, исторические события и элементы материальной культуры) [4. С. 84]. Под лингвокультурным концептом в контексте данного исследования понимается объективированная средствами национального языка «многомерная ментальная единица» [3. С. 75], включающая всё порожаемое ею поле лингвокультурных коннотаций. Кросс-культурный анализ лексико-семантических единиц в русской, французской и английской языковых картинах мира проводится на основе методологии контрастивной лингвистики [2. С. 239–255] и сопоставления культур посредством лексико-прагматических структур [1], а также теории коммуникации и семиотики пространства.

Различия трех «параллельных» текстов начинаются уже в заголовке. В русской версии он максимально прагматичен и буквален: главный герой – это багаж, предлог ‘до’ акцентирует собственно процесс транзита. Слово ‘багаж’ используется как метонимия, максимальная генерализация абстрактной идеи путешествия. В английском и французском вариантах предлоги ‘in’ и ‘au’, с помощью которых обозначается нахождение в некотором пространстве, переносят смысловой центр тяжести на место назначения (Канаду). Гораздо более сложным оказывается здесь и первый компонент заголовка. Английское ‘cabin’ в данной синтактике (предлог ‘in’), в первую очередь, отсылает к представлению о хижине (‘моя хижина в Канаде’). Хижина обычно находится в лесу, на природе. Среди коннотаций, однако, присутствует ‘каюта’ (корабля) и ‘кабина’ (самолета), тем самым фраза одновременно приобретает имплицитный смысл путешествия, передвижения по воде или по воздуху. Во французском заголовке денотат и коннотат меняются местами: ‘cabine’ – это, в первую очередь, ‘каюта’ и ‘кабина’, и, соответственно, – идея путешествия. Однако, за счет омофона *sabane* (‘хижина’) и названия песни «*Ma sabane au Canada*» французской певицы Лин Рено также возникает образ домика в канадской глуши. Возможно, выбор поливалентной лексемы ‘багаж’ для русскоязычного заголовка объясняется тем фактом, что экстраобраз русской культуры в европейском сознании изначально связан с лесами, Сибирью, некоторой

природной первозданностью. Кстати, Канада для французов, которые в свое время были первыми колонистами на этой территории, также ассоциируется с суровой «северной» природой. Может быть, именно поэтому, в русскоязычной версии отсутствует первая фраза-эквивалент английского 'Depart' и французского 'Partir' (отправляться, уезжать). И повествование начинается сразу с установки 'Жить полной жизнью' (*Live larger / Chercher à vivre davantage*). Заметна меньшая степень ее реализации у французов: стараться жить, еще не значит жить.

Далее движение-путешествие встраивается в природный суточный цикл и начинается трапезой – *завтраком* в русской истории, что однозначно отсылает к утреннему времени и повседневной практике еды, и пикником у англичан и французов (*picnic/pique-nique*), который скорее соотносится с послеполуденной практикой досуга. При этом пространство всего мира с его горами и пустынями максимально компактно: край света располагается на расстоянии «двух шагов от дома» для русских и французов (дистанция личной коммуникации по Э. Холлу) и несколько дальше для англичан, которые воспринимают ближайшие окрестности посредством фразеологизма 'a stone's throw' («бросок камня») (дистанция социальной или публичной коммуникации).

Примечательно, что при исследовании «неизвестного известного» в русской версии это неизведанное как-то сразу, можно сказать случайно, обнаруживается, в то время как в английской и французской – неизвестное надо искать (*seek*) и идти ему навстречу (*aller au devant*), т. е. прикладывать определенные усилия. Английским и французским путешественникам предлагается взбираться на горные вершины (*climb mountaintops / gravir des sommets*), а русским – просто *карабкаться по склонам*. Так, через пространственные метафоры акцентируются базисные социокультурные установки. Направленность на достижение цели, высокий результат и статус значимы в западноевропейских культурах. В русской культуре одной из ключевых метафор является дорога, путь, собственно процесс движения, цель которого не всегда очевидна даже самому путнику – такой предстает в коллективном сознании европейцев и вся русская история.

Общими для всех трех картин мира оказываются лексико-грамматические способы обозначения рубежных состояний дня и ночи (рассвет и закат) как начала и конца движения и единения с природой и миром (сесть на землю и созерцать горизонт). Ощущение бесконечности коррелирует со свободой во времени и в движении во всех

трех лингвокультурных картинах мира. Однако остановка на ночлег представлена по-разному. Во французской истории к ней надо подготовиться и, возможно (следуя коннотативному смыслу глагола 's'apprêter'), даже *нарядиться*. Английская прагматичность требует взяться за дело, устроиться, обосноваться (возможно, поселиться) и, наконец, угомониться (*settle down*). А вот русский путешественник, видимо, может сразу уснуть без всяких приготовлений. Очевидна не только оппозиция принятия мира «как есть» vs. деятельное его переустройство, но и восприятия места (и самой жизни) как (кратко)временного пристанища или более или менее постоянного «поселения».

Образ ночевки «под открытым небом» тоже передается разными семантическими средствами – под куполом звезд, под звездами (*under the stars*), под прекрасной звездой (*à la belle étoile*). Философ О. Шпенглер, считавший именно пространство определяющим мироощущение в культуре и все ее материальные и духовные формы, в своей книге «Закат Европы» предложил «изначальные» символические метафоры, «прасимволы» великих культур-цивилизаций. Западноевропейской культуре в его концепции соответствует бесконечное открытое пространство [6. С. 261] (ср. *under the stars*), византийской культуре – образ «купола» [6. С. 296] (ср. *купол звезд*). Интересно, что в русской языковой традиции используется как раз лексема 'под открытым небом', т. е. обрисовывается принципиально разомкнутое, бесконечное пространство. Особый случай представляет собой французский фразеологизм '*à la belle étoile*', также выражающий идею ночевки «под открытым небом», но через эстетическое восприятие единичного пространственного маркера, которое было характерно для античной картины макрокосма [6. С. 305]. С другой стороны, во французской лингвокультуре фраза '*dormir à la belle étoile*' грамматически может означать ночлег в гостинице под названием Прекрасная звезда (иногда этот фразеологизм так и употребляется: '*dormir à l'auberge/ l'enseigne de l'Étoile*', где Звезда оказывается метафорическим названием «постоялого двора»). И тогда ночной космос сжимается до размеров маленькой комнаты, образ которой уже ближе к византийской «базилике» и арабской «пещере».

Примечательна аксиологическая шкала предметности, которая представлена в трех разноязычных версиях рассматриваемого нами рекламного нарратива. Русскому страннику «принадлежат все сокровища мира», причем все, очевидно, подразумевает и материальные, и духовные

богатства. Фигура бродяги, в том числе калики перехожего, которому – через его свободу и постоянное движение – принадлежит весь мир, весьма показательна для русской культуры и встречается в самых разных литературных произведениях – от былин до философских эссе. Физическое пребывание, освоение пространства воспринимается как его символическое присвоение. А для английского путешественника важна прагматическая сторона дела, нужно иметь при себе все свое имущество (собственность, принадлежности). В англоязычной фразе содержится некоторая семантическая коллизия из-за слова ‘wordly’, которое стоит в качестве определения перед ‘belongings’. Лексема ‘wordly’ имеет весьма ограниченное употребление, чаще всего связанное с игрой в составление слов из букв другого слова, однако, иногда ошибочно используется вместо похожей лексемы ‘worldly’ («светский», «мирской»). По всей вероятности, в данном случае имеет место именно такое наложение, в результате которого происходит кардинальная трансформация смысла: речь тогда идет исключительно о земных вещах. У французского путника ситуация максимально обобщенная: он имеет *все* под рукой (‘Tout avoir à portée de main’), но это *все* тоже носит предметно-вещный характер (идеальный мир не может находиться в пределах досягаемости руки).

Экзистенциальный, по существу даже теософский, смысл заключает в себе русский фразеологизм ‘Ступайте с миром’. В русской лингвокультурной картине мира он связан с прощанием и прощением. Английский вариант ‘Drift peacefully’ («спокойно/умиротворенно плыть по течению/ дрейфовать») имеет совсем другую пространственную соотношенность (с рекой или морем) и другую модальность (субъект становится пассивным участником движения). Аналогичным образом французский путешественник, несмотря на предложенную свободу, тоже перестает быть активным в своем движении и уже не выбирает сам направление своего пути, а должен лишь безмятежно парить (‘Planer en raix’) над землей, летя туда, куда несет его ветер странствий. Примечательна в этой части рекламной истории семантическая соотношенность пространств путешествий в разных культурах с разными стихиями – землей (для русской культуры), водой (для английской) и воздухом (для французской).

Тем не менее, в этом приземленном пространстве путешествия русского путника поддерживают и сопровождают его вещи, среди которых, как мы отмечали выше, есть и материальные, и

духовные. Но они не облегчают ему путь, как это делает вполне конкретный в своей предметности багаж, который тоже сопровождает и поддерживает европейских путешественников. Французов их багаж еще и подбадривает и побуждает к действию (stimulé). К тому же французский глагол ‘épauler’ символически меняет местами человека и его багаж: багаж как бы вскидывает своего хозяина себе на плечо.

Наконец, в заключительной фразе русского текста жизнь должна стать ярче и насыщенной до предела, в английской и французской версиях слаще (sweeter/ plus douce) и полнее (fuller / plus pleine). Легко заметить некоторую разницу в модальности сенсорных предикатов: так, в русском варианте визуальный предикат стоит на первом месте, за ним следует предикат вкуса, а в английском и французском – предикат вкуса сопровождается кинестетическим предикатом, что в значительной мере соответствует ценности личного визуального опыта в русской культуре и тактильно-вкусовых ощущений в западноевропейских культурах.

Интересна структурная организация рассматриваемых текстов. Так, русский текст написан в виде единого блока (одним абзацем), в английском выделена отдельной строкой мысль об отправлении (всего два неравных по объему абзаца), а французское повествование разбито на шесть частей разного объема. Иными словами, предполагается, что в русской картине мира путешествие воспринимается в целом, как некоторая неделимая совокупность впечатлений. В английской языковой картине мира значимое место в контексте путешествия занимает факт отъезда. Французское путешествие предстает как ряд значимых ощущений.

Подводя итог, отметим, что даже с учетом семиотического шума, который порой возникает из-за семантических сбоя в иноязычной репрезентации сообщения (некорректности перевода исходного (французского) текста на другие языки), представленные рекламные тексты несут явственный отпечаток не только внешних и внутренних этнообразов французской, английской и русской культур, но и отражают существенные особенности восприятия пространства и способов фиксации его смыслов в лингвокультурных картинах мира этих трех народов. Так, например, в западноевропейских лингвокультурных картинах мира пространство обживается и обустраивается, целью движения является достижение вершин, однако вектор активности в этом пространстве достаточно жестко задан извне, тогда как субъект русской культуры волен сам выбирать

направление своего пути, при том, что движение по этому пути и есть способ освоения/присвоения пространства.

Список литературы

1. Вежибцкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 272 с.
2. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 288 с.
3. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик,

Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 75–80.

4. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учебн. заведений. М. : Академия, 2001. 208 с.

5. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 157–201.

6. Шпенглер, О. Закат Европы / вступ. ст. и коммент. Г. В. Драча. Ростов н/Д : Феникс, 1993. 640 с.

В. Е. Петров (Харьков, Украина)

ОТ ПОСЕТИТЕЛЯ КИНОТЕАТРА К КИНОЗРИТЕЛЮ: К ГЕНЕАЛОГИИ ЗРИТЕЛЬСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ В РАННЕМ КИНЕМАТОГРАФЕ

The main objective of this work - to follow the dynamics of spectator subjectivity forms transformation in early cinema. Based on the material of early cinema, we try to analyze at which point of its historical path the most dramatic changes with respect to the viewer-image relationships have occurred. Two key terms – moviegoer and spectator (as proposed by Miriam Hansen) – are used to distinguish between early and modern cinema viewer.

Keywords: early cinema, modern cinema, spectator, social area, moviegoer.

Основная цель данной работы – проследить динамику трансформации форм зрительской субъективности в раннем кинематографе. Мы попытаемся проанализировать, в какой момент своего исторического пути происходили наиболее драматические изменения в отношении зритель–образ и когда вообще появляется специфически кинематографический зритель.

Как отмечает Жак Лакан в «Четырех основных понятиях психоанализа», «зрелище предваряет зрение» [2. С. 84]. Это положение позволяет нам утверждать, переходя в область кинотеории, что кинематографический образ предваряет своего зрителя. Кино создает своего зрителя посредством определенной формы организации аудиовизуальных образов. Фильм, как и сон, позволяет зрителю почувствовать себя ведомым и получить связанное с этим удовлетворение, но для того, чтобы могло состояться такое увлечение, необходима специфическая кинематографическая форма и соответствующая ей форма зрительской субъективности. Иными словами, то, что мы сегодня называем кинофильмом, предполагает в нас особую способность смотреть или следовать за взглядом.

Следуя за рассуждениями современного исследователя Лакана Тода МакГована, можно следующим образом сформулировать отношения между зрителем и образом в кино: всякий зритель, с одной стороны, сохраняет видимость дистанции между собой и кинообразом, рассматривает его (и эта созерцательность уже предполагает определенную степень рефлексивности), а с другой – втайне желает, чтобы образ увлек его, заставил забыть обо всем и погрузится в «сильное ощущение» (ужаса, восторга, напряженного переживания, ненависти). Как отмечает МакГован, «ключевым моментом здесь является то, что для кинозрителя провал господства [над образом] не только возможен, но и желанен при просмотре фильма» [7. С. 29]. Когда тобой овладевает образ, открывается подлинное наслаждение зрелищем – как это происходит, к примеру, в описываемом МакГованом фильме «Молчание ягнят». Эффект зловещего, необходимый для фильмов подобного жанра (психологический триллер), здесь достигается посредством «игры идентификаций» (через персонажа Клариссы Старлинг нас фактически заставляют «симпатизировать злу»,

т. е. Ганнибалу Лектору). Таким образом, следуя логике МакГована, ситуация с просмотром кинофильма напоминает собой эпизод из мифа об Одиссее. Подобно тому, как последний, желая и услышать неземное пение сирен, и остаться в живых, приказал привязать себя к мачте, кинозритель получает возможность испытать сильные переживания (эмоции страха, сексуального возбуждения, гомерического веселья, агрессии), при этом сохранив дистанцию между собой и образом. В качестве силы, «сдерживающей» зрителя и удерживающей его на месте, выступает сама кинематографическая форма. Эта конкретная эстетическая форма (выражающаяся в таких техниках конструирования нарратива и виртуального пространства фильма, как последовательный монтаж и т. д.) является исторически выработанной и, в свою очередь, представляет собой материальное воплощение специфической политики взгляда, направленной на воспитание особого зрительского 'Я'.

Итак, кинематограф фигурирует собой особое пространство взгляда – но какова историческая генеалогия этого пространства и предполагаемого для него зрителя? В «Чуме фантазий» Жижек отмечает, что «одной из важнейших задач материалистической истории кино <...> является <...> прочтение “настоящей” истории кино на фоне “присущего ему отрицания”, возможных альтернативных вариантов развития, которые в свое время были “подавлены”» [1. С. 161]. Одним из таких «подавленных» путей развития кинематографа можно считать ранний (1897–1907 гг.) период, когда «классическая» эстетическая киноформа (описываемая МакГованом) была так же рудиментарна, как и соответствующая ей зрительская субъективность.

По мысли Мириам Хансен, зритель в раннем кинематографе радикально отличается от зрителя в классическом или современном кино. Принципиальное отличие связано со способом включенности зрителя в социальное пространство, создаваемое кинематографом. Развитие кинематографа, по мнению Хансен, связано с постепенным разложением «публичной сферы» и превращением зрителя из активного участника социального процесса восприятия кинопроизведения в пассивного потребителя. Зрителя в раннем кино исследовательница обозначает термином 'moviegoer' (акцентируя внимание на принадлежности индивида к определенному пространству, публике, т. д.), и противопоставляет его более современному определению зрителя как 'spectator' (акцент на эстетической способности к просмотру фильма). В своей попытке рассмотре-

ния истории кинематографа Хансен, как нам кажется, предпринимает настоящее материалистическое «переворачивание» теории фильма: через социально-пространственный анализ генеалогии зрительской субъективности она обнаруживает исторически обусловленные закономерности перехода от зрителя как конкретного, эмпирического субъекта, члена общины или социальной группы (moviegoer), к абстрактно-усредненному зрителю как, одновременно, и основному эффекту, и главному адресату кинематографического дискурса (spectator) [5. С. 4, 6].

Фильмы раннего периода, как показывает Хансен, еще не были ориентированы на какой-либо обобщенный потребительский стереотип, а существовали в качестве своего рода «открытых» объектов. Эти объекты могли подвергаться реинтерпретации в зависимости от места и способа экспонирования, этнического, классового, полового и возрастного состава аудитории, т. п. Благодаря такой семантической пластичности, главным требованием, предъявляемым со стороны наиболее массовой аудитории того периода (рабочие, мелкая буржуазия, маргинальные этнические группы (особенно в США), женщины (более 40 %)), были зрелищность и разнообразие. Именно эти развлекательные качества в классическом кинематографе были вытеснены повествовательностью, реалистичностью, психологической и драматической глубиной [5. С. 99, 108, 117].

Так, ранний фильм Эдисон Байограф «Казнь Сполгоца» содержит в себе элементы кинематографического нарратива (общий план тюрьмы, переходящий в средний план камеры создает ощущение последовательного описания, как например «все это происходило там-то и там-то, однажды утром заключенный проснулся в своей камере...»). Однако цель произведения – продемонстрировать, с одной стороны, инсценировку запрещенного спектакля казни реального преступника (убийцы президента Уильяма МакКинли Леона Сполгоца), а с другой – будоражащие воображение возможности нового для того времени орудия казни, электрического стула. Также фильм «Как французский аристократ нашел жену через колонку персональных объявлений в Нью-Йорк Геральд» содержит в себе элементы анекдотического повествования в кинематографической форме («дал как-то французский лорд объявление в газету...»), но лишь как обоснование комической погони, занимающей большую часть всего экранного времени [5. С. 31, 46].

Наиболее живописной, на наш взгляд, иллюстрацией перехода от ранних форм зрительской субъективности к классическим может служить

фильм Эдвина Портера «Дядюшка Джош на представлении движущихся картин» (Uncle Josh at the moving picture show / Thomas A. Edison, Inc.; producer and camera, Edwin S. Porter, 1902). Этот трехминутный фильм примечателен тем, что в пародийной форме затрагивает проблему дистанции и желанья, а также косвенным образом ставит вопрос: «Что значит быть зрителем?». Персонаж дядюшки Джоша попадает в водевиль, где смотрит три кинокартины. Первая (танцующая женщина) вызывает в нем радость и сексуальное желание, вторая (движущийся поезд) – страх, а третья (сельская пара) – агрессию. Согласно описанию в каталоге, Джош принимает девушку за свою дочь и намеревается поколотить ее кавалера [3. С. 81–82]. Первые два эпизода побуждают Джоша приближаться или отдаляться от экрана. Во время третьего фильма он не сдерживает своих эмоций, выпрыгивает на сцену и, пытаясь наказать флиртующего с его дочерью юношу, прорывает экран и падает прямо в руки кинемеханика (в некоторых ранних кинотеатрах проекционный аппарат располагался позади экрана, а не перед ним). Здесь мы, с одной стороны, сталкиваемся с тем, что Томас Эльзассер называет «дисциплиной через смех» [4. С. 210], когда нормы культурного потребления усваиваются через иносказательные и комедийные сюжеты. Очевиден своего рода «дидактический» подтекст: «Наслаждайся (зрелищем), но не забывайся, соблазняйся, но оставайся на своем месте» – поскольку объект желанья будет доступен только в воображении, излишнее же рвение к нему в реальной жизни неминуемо «прорвет экран» и приведет к травматическим последствиям. С другой стороны, предоставляет нам свидетельства того «доклассического» времени в кино, когда представление о фильме – и в смысле производства, и в смысле восприятия зрителем – принципиально отличалось от современного. Ян Хольмберг отмечает, что реакция на поезд в «Дядюшке Джоше» «может быть понята как элемент совершенно сознательно разработанной эстетики, в рамках которой присутствие и вовлеченность [зрителя] являются важными компонентами, в которой идеальный зритель расположен *внутри самого образа* [курсив мой. – В. П.]» [6. С. 140]. Таким образом, здесь перед нами та форма отношений субъект–образ, в которой между ними еще не существует дистанции (предполагаемой эстетической формой и кинематографическим нар-

ративом, как это было показано выше), субъект «включен» в происходящее на телесном уровне, а не только посредством фантазии.

Подводя итог, можно сказать, что переход от ранней киноформы к классической был связан с «приручением» зрителя и появлением новой, специфически кинематографической субъективности. Простой посетитель кинотеатра (*moviegoer*), будучи поглощенным и шокированным фильмом, имел, именно благодаря такой «шоковой» его природе, возможность обнаруживать себя по отношению к образу, а его – в своей повседневной жизни. В отличие от него, кинозритель (*spectator*) «примирается» с шоком как в фильме, так в окружающей его действительности и находит, благодаря механизмам нарратива, пути для его воображаемого преодоления. Внедрение повествовательности в кинофильм оказалось обещанием восстановления целостности поля зрения и возвращения субъекту его контроля над окружающей его действительностью и собственной жизнью. «Дикая» образность раннего кинематографа постепенно обуздывается, и кинообраз становится «безопасней». Вместе с ним становится «безопасней» и зритель, превращаясь из активного участника своей социальной сферы в пассивного потребителя-индивидуалиста.

Список литературы

1. Жижек, С. Чума фантазий. Харьков : Гуманитар. центр, 2012. С. 386.
2. Лакан, Ж. Четыре основные понятия психоанализа // Семинары. Кн. XI. М. : Гнозис, 2004.
3. Edison films catalog. 1902. No. 135, September. С. 81–82.
4. Elsaesser, T. Discipline through diegesis : The rube film between “attractions” and “narrative integration” // The cinema of attractions / ed. by W. Strauven. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2006. С. 205–223.
5. Hansen, M. Babel and Babylon : Spectatorship in American silent film. Harvard Univ. Press, 1994. С. 377.
6. Holmberg, J. Ideals of immersion in early cinema // Cinemas : Journ. of Film Studies. 2003. Т. 14, № 1. С. 129–147.
7. McGowan, T. Looking for the gaze : Lacanian film theory and its vicissitudes // Cinema Journ. 2003. Т. 42, № 3. С. 27–47.

Н. В. Пятаева (Стерлитамак, Россия)

ИСТОРИЯ НАРОДА И СЛОВА В ГНЕЗДОВОМ ДИАХРОНИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

*In the article examines female Russian dictionaries published or published in the present time as well as the technique of making a new type of dictionary breeding – diachronic etymological dictionary nest. According to the author, this dictionary will allow the world to present a picture of the national language in its historical development, in particular, from the pre-Slavic to the present state of the Russian language. As an illustration, an excerpt of an etymological dictionary nest with root *em- 'take'.*

Keywords: national language worldimage, historical development of languages, etymological nest, dictionary nest, diachronic dictionary nest.

Человек – это живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретённого. Как живой организм человек включён в природную связь явлений и подчиняется биологическим (биофизическим, биохимическим, физиологическим) закономерностям. На уровне сознательной психики и личности человек обращён к социальному бытию с его специфическими закономерностями. Физическая и морфологическая организация человека является высшим уровнем организации материи в известной нам части мироздания. Человек кристаллизует в себе всё, что накоплено человечеством в течение веков. Эта кристаллизация осуществляется и через приобщение к культурной традиции, и через механизм биологической наследственности.

Перед каждым вновь вступающим в жизнь человеком простирается мир вещей и социальных образований, в которых воплощена, опредмечена деятельность предшествующих поколений. Именно этот очеловеченный мир, в котором каждый предмет или процесс как бы заряжен человеческим смыслом, социальной функцией, целью, и окружает человека. Исторически сложившиеся нормы быта, морали, права, правила мышления и грамматики, эстетические вкусы и т. д. формируют поведение и разум человека, делают из отдельного человека представителя определённого образа жизни, культуры, психологии и тем самым – носителя определённой *национальной языковой картины мира*.

В самом общем виде модель или картина мира определяется как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах. Модель мира не относится к числу понятий эмпирического уровня (носители данной традиции могут не осознавать модель мира во всей её полноте). Системность и операционный характер модели мира дают возможность на синхронном уровне решить проблему тождества (различия инвариантных и вари-

антных отношений), а на диахроническом уровне – установить зависимости между элементами системы и описать пути их исторического развития (связь «логического» и «исторического»).

Одним из фрагментов национальной языковой картины мира, её компонентом является *этимологическое гнездо* (ЭГ), объединяющее в своём составе весь комплекс однокоренных слов, сложившийся в языке на протяжении его исторического развития. В статье предлагается модель построения и описания ЭГ в виде гнездового диахронического словаря. Поскольку такой словарь является новым типом гнездового словаря, мы позволим себе, в качестве сравнения, краткий экскурс в историю создания словарей подобного рода в отечественной лексикографической практике.

Вторую половину XX в. можно назвать эпохой энциклопедий и словарей. Обзор новейших лексикографических исследований позволяет сделать заключение: если традиционная лексикография ориентировалась на описание отдельного слова как самостоятельного объекта исследования, то теперь на первый план выходит исследование классов слов, объединённых по одному или нескольким признакам. Самым значительным шагом в словарной систематизации лексики была концепция, разработанная в 60–70-е гг. И. А. Мельчуком, А. К. Жолковским и Ю. Д. Апресяном и фрагментарно осуществлённая в венском издании «Толково-комбинаторного словаря русского языка» [1]. Аппарат так называемых лексических функций позволил авторам словаря во множестве слов выявить регулярные семантические элементы, организующие их значения и связи. Не учитывая традиционные границы уровней языковой системы, авторы убедительно объединяют в «лексических функциях» явления и словообразования и лексико-семантических отношений, и фразеологических связей, и синтаксических функций, и субъективно-оценочных характеристик.

Вместе с тем, можно предположить иную ориентацию интересов лексикографии, ведь слово

живёт не только в сообществе лексем. В системе мы находим ему место, извлекая его из живой речи, из текста. Только в речи реализует оно все свои смысловые и грамматические потенции. В самом этом утверждении нет ничего нового, но нельзя не признать, что взаимодействие лексики и грамматики в словарной практике осуществляется в односторонней грамматической поддержке задач лексикологии. Современные грамматические представления позволяют увидеть, что в слове хранится память о его «дословарной» жизни, и представить возможности его речевых реализаций, обусловленные его свойствами – индивидуальными и родовыми, типовыми и обобщёнными на разных ступенях абстракции, избираемыми и управляемыми грамматикой в разных коммуникативных целях. Реализация этого взаимодействия слова и грамматики и, более того, синхронного и диахронического аспектов функционирования слова, с нашей точки зрения, может быть осуществлена в *гнездовом диахроническом словаре*.

Гнездовой словарь действительно воплощает связь между словарём и грамматикой: в любом словаре, даже и в словаре типа толково-комбинаторного, грамматика пополняется в результате описания отдельных лексических единиц, то есть после их описания, между тем, гнездовой словарь есть как бы одновременно и словарь, и грамматика – он сообщает нечто о морфемном строении и образовании частных лексем, но при этом характеризует и целые их классы.

Первым гнездовым словарём русского языка можно считать «Словарь Академии Российской» (1783–1794 гг.), в котором было собрано более 43 тыс. слов, представленных в гнездах, объединённых одним корнем. Вслед за ним и на его основе был создан второй «Словарь Академии Российской» (1806–1822 гг.), в отличие от первого (гнездового), «по азбучному порядку расположенный». Опыт и материалы этих словарей использовали составители всех последующих толковых словарей XIX в. **Знаменательным** событием не только для лексикографии, но и для всей русской культуры было издание в 1866 г. «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, необыкновенная ценность которого состояла прежде всего в том, что в нём нашёл наиболее полное отражение русский язык середины XIX в.: всего в словаре описано около 200 тыс. слов (в этом он не имеет себе равных и сегодня), расположенных в соответствии с алфавитно-гнездовым принципом.

В 1938 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР складывается кол-

лектив для составления нового академического словаря, первый том которого увидел свет в 1948 г. Последний, семнадцатый, вышел в 1965 г. Первоначально словарь был задуман как гнездовой – слова объединялись в одно гнездо на основании историко-семантической общности (три первых тома соответствуют этому принципу), однако в дальнейшем авторы отказались от этого принципа в силу спорности, с научной точки зрения, и нецелесообразности, с практической точки зрения, отнесения к одному гнезду тех или иных слов, которые в процессе исторического развития могли утратить близкое сходство во внешней форме или далеко разойтись в семантике. Да и сами решения этимологов о частичной или полной деэтимологизации слов решаются неоднозначно. В силу этого последующие тома имели алфавитное строение. В настоящее время завершается работа над вторым изданием Большого академического словаря, значительно дополненного и переработанного. В этом издании авторы целиком отказались от гнездового принципа подачи лексического материала, что оправдано объективными трудностями совмещения в одном словаре как можно более полного представления семантики слова и показа всех его производных, которые, в свою очередь, в большинстве своём обладают не менее разветвлённой семантической структурой. При этом немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что гнезда наиболее употребительных слов в русском языке представлены довольно большим числом компонентов – от 50 до тысячи и более.

В связи с этим оптимальным представляется вариант гнездового словаря без толкования лексического значения слов, за исключением случаев лексической омонимии. Таковыми являются «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [3] и изданный в Америке «Russian Derivational Dictionary» [5]. Словарь А. Н. Тихонова отражает ступенчатый характер русского словообразования, в нём раскрыта словообразовательная структура 145 тыс. производных слов: в 12621 словообразовательном гнезде (СГ) показано, на базе какого производящего и при помощи каких словообразовательных средств образовано каждое слово.

В основе построения словаря американских учёных также лежит гнездовой принцип, но в качестве вершин выступают корни – свободные или связанные, поэтому данный словарь является скорее корневым, чем словообразовательным, так как однокоренные лексемы расположены в гнезде по алфавиту без учёта словообразовательной производности. Тем не менее, словарь предо-

ставляет возможность на фоне однокоренных образований проследить морфемное членение каждого отдельного слова с учётом происшедших в его структуре исторических изменений, так как членение на морфемы осуществляется с учётом данных этимологии о происхождении того или иного слова.

Предлагаемый нами гнездовой словарь представляет собой диахронический словообразовательный словарь ЭГ, задачей которого является показ динамики развития лексического состава рефлексов определённого корнеслова от праславянского периода до современного состояния. Проведённые ранее наблюдения за развитием синонимичных ЭГ *em- 'брать, иметь' и *ber- 'брать, взять' в истории русского языка [2] и продолжающиеся в настоящее время исследования ЭГ *dō- 'дать//давать, брать, нести' и *nesti 'нести' позволили восстановить ЭГ с этими общеславянскими корнями, образующими в истории русского языка генетическую парадигму: *давать* → *дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*.

Генетическая парадигма определяется нами как ряд слов, объединяемых последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы. Например, семантическая и генетическая общность упомянутых нами глагольных вершин ЭГ обусловлена синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *dō- имел значения 'дать//давать; брать; нести'; и.-е. *ber- 'нести' в праславянском развивает значение 'брать', становясь синонимичным и.-е. *em- 'брать, взять', который позднее приобретает значение 'иметь', существующее параллельно с изначальным на всём протяжении истории русского и родственных славянских языков; общеслав. *nesti, происходящий из и.-е. *nek'-, обладал значением 'нести, ноша, тяжесть; поднимать'.

В соответствии с принципами построения словаря в состав гнёзд были включены слова, не только зафиксированные в исторических словарях русского языка XI–XIV, XI–XVII, XVIII и XIX вв., но и реконструированные нами лексемы методом «заполнения пустых клеток» в составе параллельных гнёзд, развившихся от синонимичных вершин, а также диалектные лексемы на том их месте в структуре гнезда, где они изначально возникли. Словарь строится с учётом того, что лексика любого языка является открытым множеством, не статичным, а динамичным по своему характеру, постоянно пополняющимся новыми словами – за счёт словообразовательных возможностей, процессов семантического развития и заимствований – и одновременно утрачивающим

часть своих единиц, выходящих из употребления и переходящих в пассивный словарный фонд. Поэтому в состав словника диахронического словаря включаются и те слова, которые по каким-либо причинам утратились, деэтимологизировались или перешли в пассивный лексический запас.

Итак, наблюдения за развитием синонимичных ЭГ *em- 'брать, иметь' и *ber- 'брать, взять' в истории русского языка позволили восстановить ЭГ с этими общеславянскими корнями. В качестве примера приведём небольшой фрагмент ЭГ *em- в виде диахронического словообразовательного словаря, построенного с соблюдением следующих принципов: 1) вершина гнезда – реконструированный для праславянского уровня языка этимон со ссылкой на более древнее (праиндоевропейское) происхождение, если это установлено; 2) на первой ступени деривации производные расположены в следующем порядке: глаголы, отглагольные имена, причастия, префиксальные глаголы, сложные слова; внутри указанных групп слова распределены по алфавиту; 3) при помощи двойного слеша отделены графические и фонетические варианты лексемы; 4) рядом со словом даётся цифровое обозначение времени его первой и последней фиксации в исторических словарях русского языка; 5) диалектная лексика помещена с пометой «д»; 6) выделенные полужирным шрифтом лексемы образуют самостоятельные СГ в русском языке XVIII–XX вв.; 7) многоточие в структуре приведённого в качестве примера фрагмента означает пропуск компонентов, выпущенных в целях экономии места (см. фрагмент словаря в конце статьи).

Итак, в соответствии с нашими наблюдениями, представление всего массива слов, образующих ЭГ в виде диахронического словообразовательного словаря, даёт возможность проследить функционирование в истории языка всех этимологически родственных слов, ведущих происхождение от одного корня, и объяснить многие факты их современного состояния. Наши данные полностью подтверждают совершенно справедливое мнение Е. С. Яковлевой, которая считает, «что направление, в котором идёт развитие <...> языковых значений, задаётся именно картиной мира» [4. С. 308]. С другой стороны, своей организацией лексические гнёзда демонстрируют один из фрагментов языковой картины мира, так как лежащее в основе деривации и семантического развития того или иного лексического гнезда прямое (денотативное) значение слова-вершины принимает на себя функцию языкового представления некоторого фрагмента предметно-по-

нятийной области действительности, которая в целом оказывается своеобразно расчленённой с помощью определённой совокупности лексических единиц и их связей в структуре лексического гнезда.

Список литературы

1. Мельчук, И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка : (Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики) / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Вена, 1984. 654 с.

2. Пятаева, Н. В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- 'брать, взять' в истории русского языка // Этимология 1994–1996. М. : Наука, 1997. С. 140–147.

3. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1985.

4. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Наука, 1994. 344 с.

5. RDD – Russian Derivational Dictionary / by Dean S. Worth, Andrei S. Kozak, Donald B. Johnson. N. Y. : American Elsevier Publishing Company, Inc, 1970. 875 p.

*Фрагмент диахронического словообразовательного словаря этимологического гнезда *jēti*

*И.-е. *em- → праслав. *jēti 'брать, взять'*

*jēti 'брать, взять'
→ **яти** // **няти** XI–XVII // **ять** XVIII–XIX 'взять, поймать'
→ **ятне** // **нятне** XI–XIV 'поимка, захват'
→ **вероятие** XVIII–XIX 'возможность'
→ **вероятный** XVIII–XXI → **вероятно** XXI → ...
→ **възяти** XI–XVII // **взять** XVIII–XXI 'овладеть'
→ **възятъка** XIV–XVII '**то, что взято**' // **взятка** XVIII–XXI
→ **взяточка** (д) 'поборы, приношения, дары' → ...
→ *jъzēti 'брать, взять изнутри' // **изъяти** XI–XIV // **изъять** XVIII–XXI
→ **изымати** // **изымать** XIX–XXI // **изнимать** (д) 'вынимать, исключать, отделять особо от других, похожих' → ...
→ *najēti 'набрать' // **наяти** // **наняти** XI–XVII 'взять внаём, арендовать' // **нанять** XVIII–XXI
→ **наимати** XI–XVII // **нанимать** XVIII–XXI
→ **наниматель** XIII–XXI
→ *otēti 'отнять' // **отъяти** // **отъняти** XI–XVII 'отнять; отобрать из многих; отрубить' // **отъять** // **отнять** XVIII–XXI
→ *podjēti 'поднять' // **подъяти** // **подъняти** XI–XVI // **подъяти** // **подняти** XVII–XIX // **поднять** XIX–XXI
→ **подымать** // **поднимать** XVIII–XXI
→ **поднимывать** XIX
→ **поднимание** XXI
→ **подънемъ** // **подъёмъ** XIV–XVII 'расход'
→ ...

И. П. Савицкая (Костанай, Казахстан)

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

The current article illuminates the issue of national peculiarities of culture and language; describes the notion of "national consciousness" and shows its correlation with cultural and linguistic influence.

Keywords: language, culture, correlation, national consciousness.

*Язык есть исповедь народа;
в нём слышится его природа,
его душа и быт родной.*

П. Вяземский

Сознание, по А. А. Леонтьеву, это «особое внутреннее движение, порождаемое движением человеческой деятельности», «рефлексия субъектом действительности своей деятельности, самого себя» [11. С. 13, 97]. Сознание включает

чувства, эмоции, осуществляет бессознательное отражение действительности [12. С. 41].

Сознание – это особый феномен, свойственный только человеку, оно формируется в языковой среде общения и представляет собой некий

продукт развития культуры и общества. Язык становится не только основой общения между членами общества, но и средством связи человека с окружающим миром, он неотделим от сознательной деятельности, направленной на осмысление всего того, что увидено, услышано и понято [7. С. 210].

Внутренний мир сознания – это субъективная картина мира, некая психическая реальность, которая открывается субъекту и в которую включен и он сам, и его действия и состояния. Сознание принадлежит субъекту, человеку, поэтому содержанием сознания, содержанием мыслей человека является мир, те или иные его стороны, связи, законы, вербализованные с помощью имеющихся в его распоряжении языковых средств. Эти языковые средства помогают закодировать, запомнить, обработать и «разместить» в сознании всю полученную информацию. Все эти действия представляют творческую деятельность субъекта, в результате которой создается субъективный образ объективного мира и осуществляется осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и природы, других лиц и вещей, находящихся вне сознающего себя индивида, формируется самосознание, самоанализ, самоконтроль [3. С. 39].

А. Н. Леонтьев определяет сознание как «отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно-выработанных языковых значений, понятий». Язык, языковые значения являются основными средствами выражения содержания сознания. Сам язык понимается в психолингвистике как «живое, функционирующее устройство (деятельностное начало), специфическим образом отображающее мир и формирующее представления его носителей об окружающей действительности» [7] В современной лингвистике также подчеркивается необходимость изучать язык в антропологическом аспекте, т. е. в «в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [13. С. 8]. Таким образом, *развитие сознания* нельзя исследовать, минуя языковые данные.

Последнее время все более широкое распространение получает понятие ‘языковое сознание’. Оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др. [12. С. 43].

До сих пор нет четкого определения языкового сознания. Разработкой теоретической базы для определения языкового сознания занимались и занимаются многие психологи и психолингвисты, такие как Зинченко (1991), Тарасов (2000), Уфимцева (2004), Ушакова (2004) и др.

Его сближают с такими понятиями, как языковая картина мира, стратегия и тактика речевого

поведения [12. С. 46]. Уже в 2000 г. Е. Ф. Тарасов дифференцирует сознание и языковое сознание и предлагает следующее определение: «Языковое сознание – это образы сознания, овнешняемые языковыми средствами отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как знания, формируемые самими субъектами преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в создании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [15].

В. фон Гумбольдт был одним из первых, кто употребил термин ‘языковое сознание’; его философия языка оказала сильное влияние на разработку проблемы языка и сознания в целом; ему принадлежат идеи, которые волнуют исследователей и в наше время, они остаются интересными и актуальными [6].

«Носителем языкового сознания является языковая личность, т. е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [9. С. 8].

Язык – достижение определенного уровня культуры развития общества, он представляет собой универсальное и совершенное средство экспликации и закрепления накопленного социального опыта и знаний об окружающем мире в языковых единицах на уровне слова [5].

Язык и сознание выступают в роли неразложимого на части и компоненты единства формы и закрепленного за ней содержания, т. к. идеальная мыслительная деятельность сознания воплощается в материальной языковой форме и обусловлена материальной языковой формой. Как замысел определяет подбор языковых средств, так и выбранные языковые средства в дальнейшем стимулируют и формируют развитие мысли по определенным законам мышления и языка [2. С. 32].

Специфика деятельности языкового сознания во многом определяется тем, как человек мыслит, чувствует в условиях различных культур. Принадлежность к какому-либо этносу по признаку рождения, проживания и воспитания определяет его духовное развитие. Только принимая во внимание духовную среду, в которой личность родилась и живет, можно составить полное понятие о личности и определить ее отношение к миру [2. С. 33].

Сознание личности – это как бы ее внутренний мир, ее картина мира, которые она реализует с помощью языка при коммуникации. Культура мышления личности в известной мере обуслов-

лена национальным языком, его традициями и обычаями. Каждый язык несет в себе бесценную информацию о мире, свой неповторимый взгляд, мировоззрение и мировосприятие. В языке каждого этноса сохраняется его история, его характер и духовность, склад его мышления, представления о нравственности, добре и зле и т. д. В свою очередь изучение системы ценностей языковой личности дает возможность выявить своеобразие мировидения, миросозерцания, мировосприятия этноса [5].

Рассматривая индивида как представителя определенного этноса, можно утверждать, что процесс осознания самого себя и окружающего мира осуществляется в рамках определенного этнолингвокультурного пространства, а получаемая в результате мыслительного построения картина мира всегда национальна. Факт того, что процессы познания не только индивидуальны, но и социальны, отмечается в работах зарубежных когнитологов, где подчеркивается роль социального контекста и тесная связь «с реальными потребностями человека и его взаимодействием со средой» [10. С. 84].

Язык детерминирует поведение носителя языка, потому, что в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются значимыми для носителей данной культуры. В процессе общения с окружающим миром носитель языка воспринимает мир, соотнося его с концептами, существующими именно в данном языке и данной культуре, выражая эти концепты при помощи имеющихся в его распоряжении лексических и других языковых средств [8. С. 23].

Когда мы говорим о том, что в языке воплощается тысячелетняя духовная культура, самобытность, неповторимость мышления, мы также имеем в виду, что, усваивая язык, вместе со словом мы усваиваем опыт, знание и бессмертную и неисчерпаемую народную мудрость, как об этом прекрасно сказал К. Д. Ушинский: «Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средство передавать наши мысли и чувства, но в сферу наследуем самые эти мысли и эти чувства» [16. С. 164].

Язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Будучи сложной знаковой системой, язык может быть средством передачи, хранения использования и преобразования информации. Личность без стремления к своей абсолютной уникальности не может обойтись без общения, диалога культур. Поэтому «язык – нация (национальная личность) – культура» – цен-

тральная триада лингвокультурологии [4. С. 13].

Э. Сепир выдвинул важное методологическое положение, раскрывающее единство и специфику культуры и языка: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают <... > Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [14. С. 193–194].

Язык тесно связан с культурой: он выражает ее, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом [14. С. 223]. И, наконец, составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте. Будучи одним из признаков нации, ее социального взаимодействия, язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры.

Язык всегда воплощает своеобразие народа, национального видения мира, национальной культуры [4. С. 22]. Человек неизбежно формирует определенную «картину мира», в том числе культурологическую, под влиянием языка, системы его единиц, находящихся в определенных отношениях. Сама действительность благодаря ее отражению в сознании человека, но не без языка, его системы, предрасполагающей к определенному восприятию мира, отражается в сознании людей, народа в конкретных языковых формах (системах единиц) [4. С. 24].

При изучении процесса межкультурного общения предлагается понятие 'этноязыковое сознание', под которым подразумевается культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов и когнитивных схем, которые определяют этничность национального сознания как отдельного индивида, так и общества в целом, поэтому этноязыковое сознание существует как в общественной, так индивидуальной формах [1. С. 15].

Базисные функции этноязыкового сознания такие же, как у картины мира, интерпретативная (осуществление видения мира) и регулятивная. Наличие единого этноязыкового сознания может национально внутренне интегрировать и одновременно внешне отграничивать представителей одного этнического общества. Этноязыковое сознание опосредует акты мировосприятия и миропонимания в процессе межкультурного общения, а также осуществляет построение субъективных образов объективного мира, используя особый арсенал функциональных единиц.

Список литературы

1. Аклаев, А. Р. Язык в системе национальных ценностей и интересов // Духовная культура и этническое самосознание наций / под ред. Л. М. Дробижевой. М., 1990. Вып. 1.
2. Арутюнова, Н. Д. Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века : тез. докл. междунар. конф. М., 1995. Т. 1. С. 32–33.
3. Бабушкин, А. П. Картина мира в концептосфере языка // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998. С. 38–39.
4. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. М., 2006. С. 12–26.
5. Головкин, Ж. С. Культура и язык : аспекты взаимодействия [Электронный ресурс] // Науч. ведомости БелГУ. Сер. «Философия. Социология. Право». 2008. № 5. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-yazyk-aspekty-vzaimodeystviya>.
6. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. Дмитрук, С. В. Образ времени в сознании носителей русской и английской культур // Языковое сознание : формирование и функционирование : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 208–212.
8. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М., 2005. С. 23.
9. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М., 2002.
10. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
11. Леонтьев, А. А. Общение как объект психолингвистического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
12. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М. : АСТ : Восток – Запад, 2010. 314 с.
13. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 8–69.
14. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М. : Прогресс : Универс, 1993. 656 с.
15. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание : содержание и функционирование. М., 2000. С. 2–3.
16. Ушинский, К. Д. Собр. соч. Т. 10. М., 1948.

А. Г.-Б. Салахова, К. Л. Грачева (Челябинск, Россия)

НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале немецких христианских проповедей)

The article deals with linguistic analysis of religious and scientific world-view on the base of Christian sermons. The problems of modern society, scientific research are reflected in religious discourse. Cloning, genetic engineering, euthanasia are the objects for discussion in the church. Speaking about it the preachers underline religious values and appeal to the Bible.

Keywords: religious world-view, scientific world-view, bioethics.

Лингвоперсонология как одно из перспективных направлений современной филологии обращается к исследованию личности профессионального деятеля как носителя определенной культуры, как коммуницирующего субъекта в конкретной социальной среде, как пользователя определенного субъязыка. Основными методами исследования в парадигме данного направления признаются метод реконструкции языковой личности (структурное моделирование, лингворито-

рическая реконструкция) и метод речевого портретирования (наблюдение, оценивание, лингвостилистическое описание) [2. С. 39].

В рамках данной статьи мы остановимся на лингвокогнитивном описании конфессиональной языковой личности, которое предполагает анализ структур профессионального знания, когнитивных процессов категоризации и концептуализации, а также профессионального сознания и профессиональной картины мира религиозного деятеля.

Концепция «картины мира» (world-view) была сформулирована Робертом Редфильдом. По определению Р. Редфильда, «картина мира» – это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире [цит. по: 1. С. 19]. Концепция «картины мира» предполагает, прежде всего, когнитивное содержание и включает информацию о способе познания людьми окружающего мира.

Как отмечает В. В. Красных, когнитивная картина мира в сознании личности системна и влияет на восприятие личностью окружающего мира посредством классификации элементов действительности, а также приемов анализа действительности, объяснения причин явлений и событий, прогнозирования развития явлений и событий, как и последствий событий. Кроме того, когнитивная картина мира упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти [3. С. 18]. Субъектом или носителем картины мира является отдельный человек, а также социальные или профессиональные группы и этнонациональные или религиозные общности. Религиозная картина мира представляет собой целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях природы, возникающих в результате обобщения и синтеза религиозного опыта людей.

В рамках данной статьи мы рассмотрим соотношение религиозной и научной картины мира. Научная картина мира представляет собой целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях объективного мира и существует как сложная структура, включающая в себя в качестве составных частей общенаучную картину мира и картины мира отдельных наук (физическая, биологическая, геологическая и т. п.). Картины мира отдельных наук, в свою очередь, включают в себя соответствующие многочисленные концепции – «определенные способы понимания и трактовки каких-либо предметов, явлений и процессов объективного мира, существующие в каждой отдельной науке» [4. С. 17].

Религиозная картина мира обобщает религиозный опыт людей и делает главным предметом своего внимания соотношение повседневной эмпирии и потустороннего. Центральный пункт религиозной картины мира – образ Бога (богов) как высшей истинной реальности. Она выражает иерархическую упорядоченность сотворенного Богом мира и место человека в нем, в зависимости от его отношения к Богу.

Религия в первую очередь направлена на развитие и духовный рост каждого отдельного че-

ловека и всего человеческого общества. Поэтому религия должна соответствовать внутренней природе человека, а её законы должны соответствовать нуждам и потребностям общества.

У каждой отдельной личности существует своя религиозная картина мира. При этом она может основываться на мифах, либо на конкретной религии. Религия никак не может противоречить человеческой сущности, которая стремится к определенным целям и имеет определенные потребности. Человечество не является чуждым элементом в картине мироздания, наоборот, оно является его неотъемлемой частью, гармонично взаимодействующей с другими частями мира. Человечество оказывает влияние на разные составляющие мироздания и в свою очередь находится под их воздействием. Вследствие этого указывать человечеству прямой путь к счастью способен лишь тот, кто в совершенстве знает его и знает о его взаимоотношениях с остальным миром. Тот, кто не является творцом человека и мира, не может обладать совершенными знаниями о природе человека и не может быть осведомлён о тайнах необъятного мира.

Бурное развитие науки и технологии в XX в. привело к тому, что наука и, в частности биология и медицина, получила колоссальные возможности вмешиваться в существование биологических объектов и человека. Это позволило наряду с надеждами высказать и опасения, связанные с границами допустимого манипулирования биологическими процессами, особенно имеющими отношение к людям. В качестве формы такого предупредительного знания можно на сегодняшний день рассматривать биоэтику.

Именно научные открытия послужили причиной того, что этика, имеющая прямое отношение к проблемам человеческой жизни, становится объектом пристального внимания не только среди круга специалистов, но в самом широком смысле становится связующим звеном, позволяющим разрешить проблему доверия всех членов общества к научному сообществу.

Материалом для исследования морально-этических проблем, связанных с развитием современной науки и техники, послужили тексты проповедей религиозных лидеров Германии, таких как архиепископ Бамбергский, доктор Ш. Шлейссинг, доктор Л. Шик.

Развитие современного общества определяется развитием науки, поэтому наука пронизывает все стороны человеческого бытия. Религия не является исключением. Современный религиозный дискурс не ограничивается толкованием Священного Писания и других прецедентных тек-

стов. Тематика религиозных выступлений расширяется посредством дискуссии по вопросам научно-технических достижений современного общества и отношения религиозного общества к современным разработкам в области медицины, биологии, генетики. Современные проповедники выступают со своим мнением по отношению к некоторым проблемам морально-этического характера. Таким образом, в текстах проповедей находит свое воплощение научная картина мира. В первую очередь это прослеживается на лексическом уровне. В текстах проповедей употребляется большое количество медицинских терминов, а иногда они даже выходят за пределы общеупотребительной лексики: *Verstopfungen von Blutgefäße* / зашлаковывание кровеносных сосудов, *Herzschrittmacher und Gelenkprothesen* / кардиостимуляторы и суставные протезы, *Staroperationen* / операция по удалению катаракты, *Fortpflanzung* / ЭКО. Таким образом, проповедник показывает свою осведомленность в данной области и повышает авторитет среди слушателей.

Однако медицинская терминология не позволяет в полной мере судить о соотношении религиозной и научной картины мира. Для того, чтобы провести данный анализ, необходимо исследовать весь текст проповеди. Как показал лингвистический анализ, проповеди чаще всего начинаются с цитат Мартина Лютера (евангелические) или Библии (католические). Например, проповедь доктора Штефана Шлейссинга начинается со слов из Библии: „aus Liebe zur Wahrheit und in dem Verlangen, sie ans Licht zu bringen / из любви к правде и желанию привести ее к свету“. Рассуждая на тему генной инженерии и клонирования животных или человека, авторы проповедей начинают свои проповеди с цитаты из Ветхого Завета о сотворении мира: „am Anfang schuf Gott Himmel und Erde / В начале Бог создал небо и землю“. Для проповедников характерно восприятие Бога как единственного возможного творца – об этом упоминают все проповедники: „Erschaffen kann nur Gott / Создавать может только Бог“.

Для начала текста иногда характерно обращение к традициям церкви как общественного института. Например, «An die Verstorbenen zu denken und für sie zu beten, gehört zu den ältesten Bräuchen der Kirche und wird bereits in den Briefen des Neuen Testaments erwähnt, angeregt und gefordert / Думать об усопших и молиться за них относится к древнейшим обрядам церкви и упоминается еще в письмах Нового Завета». Следовательно, начиная с рассуждения по поводу сотворения мира, проповедники формируют у слушателей определенную точку зрения, позицию, с которой возможно ана-

лизировать научные достижения и оценивать их в рамках религиозных догм. При этом проповедники предпочитают обращаться к Евангелию как к самому авторитетному источнику.

Рассуждая по морально-этическим вопросам развития медицины или биологии, религиозные проповедники часто осуждают применение научных открытий в практической деятельности. Так, они сравнивают генную инженерию с запретным плодом, а науку с хитрым змеем, который знает, как соблазнить человека, и из-за которого отношение к запретному плоду меняется, человек забывает страх перед наказанием: „Nach dem biblischen Bericht war diese (Schlange) klüger als alle anderen Tiere. Die Schlange hatte erkannt, womit man den Menschen am besten verführen könne: Iss von der Frucht, und ihr werdet sein wie Gott. Die Schlange hatte erkannt was dem Menschen so erstrebenswert war, dass er die Angst vor der Strafe vergessen konnte / Как повествует Библия он (змей) был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. Змей понял, чем лучше всего соблазнить человека: съешь плод и вы станете подобны Богу. Змей узнал, к чему стремился человек, что он даже забыл о страхе перед наказанием“. Таким образом, в сознании слушателей возникает ассоциация между генной инженерией и змеем-искусителем. Сами продукты, создаваемые в процессе развития этой отрасли знаний, сравниваются с запретным плодом, а человечество, получившее возможность не просто избавиться от голода, но и влиять на развитие растений и животных, ассоциируется с Адамом и Евой, нарушившими запрет. Тем самым, происходит метафорический перенос прецедентной ситуации грехопадения первых людей на ситуацию в современном обществе. При этом Адам и Ева ассоциируются с современными учеными-генетиками.

Проповедники часто указывают на ошибочность данного типа поведения, свойственного человечеству в различные эпохи его развития. Человек всегда стремился быть похожим на Бога и самостоятельно изменять мир. Так, чтобы доказать негативные последствия клонирования и вообще всякого творения не Богом, а человеком, И. Гёттингер приводит в пример литературные произведения разных эпох и известные киносюжеты. При этом автор строит высказывание в виде тезисов: «Seit den Anfängen der Literatur findet sich der Wunsch des Menschen, selbst zum Schöpfer zu werden und damit zum Herr über Geschöpfe. Geschichten über menschengemachte Menschen finden sich in allen Epochen. In Ovids Metamorphosen schlägt ein Bildhauer mit solcher Kunstfertigkeit eine Frau aus einem Block Marmor, das sie lebendig wird, im

Mittelalter ist die Magie das Mittel, in Mary Shelleys Frankenstein wird der künstliche Mensch mittels der damals noch fast unerforschten Elektrizität erschaffen. Im zweiten Teil von Goethes Faust ist es die Alchemie und in „die Insel des Doktor Moreau“ bedient sich der Wissenschaftler der Vivisektion. Das Erschaffen von Menschen durch Menschen führt immer in die Katastrophe / С зарождения литературы находится желание человека стать создателем и властелином всех творений. Истории о людях, созданных людьми, можно найти во всех эпохах. В «Метаморфозах» Овидия скульптор создает из куска мрамора женщину с таким искусством, что она оживает, в средние века средством становится магия, во Франкенштейне Мэри Шелли искусственный человек создается с помощью еще недостаточно изученного в то время электричества. Во второй главе Фауста Гёте это алхимия, а в «Острове доктора Моро» ученый занимается вивисекцией. Создание людьми себе подобных всегда ведет к катастрофе». Указывая на вечное стремление человечества к созданию себе подобных, говорящий приводит в пример произведения классиков литературного жанра Овидия, М. Шелли, И. В. Гёте, Г. Уэллса, что неизбежно приводит к катастрофе.

Объясняя дальнейшее развитие геной инженерии, авторы часто указывают на цели научных исследований. Путем вмешательства в геном человека ученые пытаются управлять мирозданием. В будущем некоторые разработки геной инженерии смогут позволить родителям заранее выбирать пол ребенка, цвет глаз и ряд других характеристик и способностей, что дает ему меньшую свободу, а родителей в свою очередь делает творцами, что противоречит церковному мировоззрению и самой первой из десяти заповедей (Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим) – «Ein Kind nach ihren eigenen Wünschen, genauso, wie sie es gerne wollen. Ein Geschöpf nach ihrem Willen. Die Eltern, die sich ein solches Kind nach Maß machen werden, stehen vor denselben Problemen wie die Menschenschöpfer in der Literatur: Sie haben eine Verantwortung gegenüber ihren Kindern in einem viel größerem Ausmaß als die Eltern normal gezeugter Kinder». По мнению проповедников, это противоречит религиозной и человеческой морали, так как решение, принятое родителями до рождения ребенка, ограничивает свободу будущего человека, а родителей в свою очередь приравнивает к богу-творцу.

В текстах проповедей человек расценивается как личность, которой свойственна свобода и индивидуальность, человек не должен стано-

виться объектом исследования, так как это выступает против человеческого достоинства: «Der Mensch darf nicht fremden Zwecken unterworfen und zum Objekt gemacht werden, das verstößt gegen die menschliche Würde. Der Mensch ist als einziges Geschöpf mit Geist und Freiheit ausgestattet / Человек не должен быть подчинен чужим целям и не должен становиться объектом исследования. Это противоречит его достоинству. Человек – это единственное создание, наделенное духом и свободой».

Еще одна проблема, связанная с развитием современного общества, это проблема эвтанази. Позиция религиозных организаций в отношении к эвтаназии носит отрицательный характер. Зарубежный исследователь Дж. Шовальтер по этому поводу писал, что религиозная оппозиция по отношению ко всем формам эвтаназии основана на вере в божественную природу страдания или «в исключительное право бога определять предел человеческой жизни» [4. С. 17]. Согласно проанализированным текстам, доктор должен вселять в больного надежду на выздоровление, а не определять, должен ли человек жить согласно его представлениям. «Wir müssen außerdem die Hospizbewegung stärken. Für viele Familien ist es schwer, gerade diesen letzten Pflegeprozess zu Hause durchzuführen / Кроме того, мы должны усилить движение «Хоспис». Для многих семей именно этот последний процесс по уходу за больным дома является сложным». Как считают проповедники, врачи оправдывают себя тем, что дают людям возможность умереть с достоинством, и в этом для них кроется мораль эвтаназии. Один из проповедников, опираясь на цитату из Библии, утверждает, что страдания являются частью нашей жизни, задача человека перенести все горести, которые дает ему господь: «Jesus hat uns gezeigt, dass Leiden zum Leben gehört. Wer Leiden kennt, kennt auch Lebenslust / Иисус нам показал, что страдания относятся к жизни. Кто пережил страдания, тот знает вкус жизни». В одном из текстов архиепископ утверждает, что только от Бога зависят жизнь и смерть: «Gott allein ist Herr über Leben und Tod. Niemand darf ihm dieses Recht bestreiten, nicht einmal bezüglich des eigenen Lebens und Sterbens / Бог один властвует над жизнью и смертью. Никто не может забрать у него это право, даже в отношении своей жизни и смерти». Опираясь на научный прогноз о перенаселении планеты, автор проповедник указывает, что это может в будущем стать причиной эвтаназии. Однако на данный момент христиане не должны прибегать к таким мерам, так как люди не в состоянии разумно оценивать ситуацию.

«Das alles machte volutions biologisch gesehen gar keinen Sinn / С биологической точки зрения это все лишено смысла». Как правило, автор указывает на материальную сторону вещей, стоящую за процессом эвтаназии, церковь же имеет дело с духовной стороной жизни человека.

Согласно проанализированным текстам, эвтаназия на сегодняшний день является острой проблемой, связанной с правом человека на жизнь, и подтверждением того, что духовная сфера человека подвергается изменениям. Проповедники склонны воспринимать мир как систему законов, использовать научные термины, статистику, но, несмотря на это, они считают, что только богу дано решать, когда человеку жить, а когда умирать, и никто не смеет оспаривать это право. Основываясь на исторических фактах, можно прийти к выводу, что церковь всегда критически относилась к нововведениям и научному прогрессу, так как сформированные века назад законы с трудом поддаются изменению. Кроме этого, тексты проповедей часто основаны на цитатах из Библии, которые указывают, что страдания – часть нашей жизни. Таким образом, можно заме-

тить противопоставление религиозной картины мира научной, разницу в точках зрения.

Основываясь на проанализированных текстах, можно прийти к выводу, что религиозная картина мира включает в себя оппозицию Бога и общества, Бога и человека, Бога и попыток человека себя ему противопоставить. В духовной сфере человека под воздействием научных открытий и экспериментов формируется новая система ценностей.

Список литературы

1. Боргоякова, А. П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 181 с.
2. Иванцова, Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 3 (4). С. 27–43.
3. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
4. Садохин, А. П. Концепции современного языкознания. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 447 с.

Э. А. Сорокина (Москва, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

The relationship among the three concepts of 'language', 'culture' and 'thinking' is so strong that you cannot separate the language from culture, thinking, language, thinking from culture. The development of thinking (as nationwide and public and private) depends on synchronous existing this thinking native language and subject to it.

Keywords: semantics, national thinking, social thinking, of individual thinking, the semantic structure of a word, change the semantics of the word, linguistic and cultural studies, language picture of the world.

Вопрос о том, что такое «мышление» и как это понятие связано с речевой деятельностью человека, в последние десятилетия приобрел чрезвычайную популярность по причине того, что ведущим в науке признан принцип антропоцентризма. Попытки решения вопроса обнаруживаются в исследованиях, проводимых учеными, принадлежащими к разным отраслям научного знания (психология и психолингвистика, социология и социолингвистика, философия и политология, языкознание и антропологическая лингвистика и т. д.).

Понятие 'мышление' присутствует в большом количестве словарей, как общезыковых, так и узкоотраслевых. Чтобы понять сложность самого

понятия 'мышление', можно привести определение данного понятия, представленное в Большом энциклопедическом словаре: «Мышление – высшая ступень человеческого познания. Позволяет получать знание о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты на чувственной ступени познания. Формы и законы мышления изучаются логикой, механизмы его протекания – психологией и нейрофизиологией. Кибернетика анализирует мышление в связи с задачами моделирования некоторых мыслительных функций» [1].

Для нашего исследования важным является определение с точки зрения медицины, данное

в словаре медицинских терминов: «Мышление – опосредованное, отвлеченное, обобщенное познание явлений внешнего мира, их сущности и существующих между ними связей, осуществляемое путем мыслительных операций (анализа и синтеза, сравнения и различения, суждений и умозаключений, абстракции, обобщения и др.); высшая форма отражательной деятельности человека: характерные признаки расстройств мышления используются в дифференциальной диагностике психических заболеваний».

Краткий обзор лексикографической литературы позволяет утверждать, что в обобщенном виде ‘мышление’ – это высшая ступень человеческого познания, процесса отражения объективной действительности, способность человека мыслить.

Мышлению конкретного человека присущи *индивидуальные особенности*, которые у различных людей проявляются, прежде всего, в том, что у них по-разному складывается соотношение взаимодополняющих видов и форм мыслительной деятельности (наглядно-действенного, наглядно-образного, словесно-логического и абстрактно-логического). К индивидуальным особенностям мышления относятся также и такие качества познавательной деятельности, как продуктивность ума; самостоятельность; широта; глубина; гибкость; быстрота мысли; творчество; критичность; инициативность; сообразительность и т. д. Индивидуальное мышление формируется под воздействием множества факторов, одним из которых является национальная языковая картина мира родного языка.

Термином ‘языковая картина мира’ обозначается понятие, чрезвычайно популярное в современных исследованиях, в которых указывается на то, что данное многоплановое понятие формируется под воздействием общенационального мышления и общенациональной культуры. В современных языках семантическая структура слова ‘культура’, заимствованного из латинского языка, представляет собой совокупность большого количества смыслов. По подсчетам исследователей (С. А. Ковлягина, А. П. Садохин) данное слово в русском языке способно иметь более 500 значений. Слово ‘культура’ используется практически во всех научных дисциплинах, имея в каждой свое собственное специальное понятие (*зерновая культура, материальная культура, духовная культура, культура общения, национальная культура, культура речи* и т. д.). В наиболее обобщенном виде значение этого слова можно представить так: культура – это то, что создано человеком; культура – это созданная человеком часть окружающей среды.

Антропоцентризм, охвативший своим влиянием практически все науки, проявился в языкознании формированием таких направлений, как антропологическая лингвистика, лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации, многочисленные когнитивные направления (когнитология, когнитивная лингвистика, концептология, когнитивное терминоведение) и т. д.

Взаимозависимость языка и культуры проявляется в понятии, обозначенном термином ‘лингвокультура’, введенным в научный обиход в конце XX в. американским антропологом Паулем Фридрихом (1989).

Согласно недавно вышедшему словарю терминов межкультурной коммуникации, термин ‘лингвокультура’ обозначает «предмет антропоцентрической лингвистики, рассматриваемый как неразрывное целое языка и культуры, проявляющееся в национально-культурных компонентах» [5. С. 227]. Многочисленные работы по лингвокультурологии подчинены задачам изучения отношений, складывающихся между материальной культурой, менталитетом этноса и национальным языком. И для этого используется анализ и осмысление свидетельств исторического развития национальных лексических систем.

Семантическая система национальных языков способна отразить одновременно как наивные представления, сохранившиеся от древних времен в общенародном мышлении, так и современные представления, основанные на поступательном развитии научных знаний.

Очевидно, следует различать такие понятия, как *национальное мышление, общественное мышление* и *индивидуальное мышление*.

Термином ‘национальное мышление’ следует обозначать обобщенное представление об окружающем мире, свойственное всей нации, говорящей на этом языке. Синонимами данному термину являются термины ‘общенародное мышление’, ‘общенациональное мышление’. Результаты языкового отражения национальным мышлением восприятия окружающей среды представлены в толковых словарях.

Общественное мышление – это восприятие окружающего мира, свойственное отдельным социальным группам. Оно может отличаться от национального мышления. И вербализация результатов осмысления при помощи языковых средств может быть иной, отличающейся от национального мышления. Своим особым *общественным мышлением* способны обладать члены политических организаций (например, политики, дипломаты, политологи), члены профессиональных объединений (например, медики, строители,

преподаватели), члены возрастных сообществ (например, студенты, молодежь, школьники). Ярче всего *общественное мышление* представлено в отраслевых профессиональных словарях.

Индивидуальное мышление принадлежит каждой языковой личности. Индивидуальное мышление создается по мере взросления языковой личности под воздействием обучения, а обучение ведется главным образом через язык.

На ранних стадиях взросления языковой личности ее индивидуальное мышление воспитывается национальным мышлением.

На стадии получения профессии и вступления во взрослую жизнь индивидуальное мышление испытывает влияние определенного (профессионального, политического, возрастного) общественного мышления.

Одновременное присутствие наивного мышления и современного проявляется, например, в использовании некоторых древнейших корней. В этом смысле показательной является история индоевропейского корня **ved-*, который сохранился практически во всех германских и славянских языках, испытав при этом семантические преобразования своего значения под воздействием мышления и фактора времени.

Сохранившийся в виде терминоэлемента индоевропейский корень *-вед-* присутствует в большом количестве слов, выступающих как названия научных и учебных дисциплин (*языковедение, религиоведение, обществоведение, терминоведение* и т. п.), и как наименования лиц (*терминовед, почвовед, искусствовед, музыковед* и т. п.).

В русском языке этот корень сохранился в глаголе 'ведать', в семантическую структуру которого составными компонентами входят такие смыслы, как 'знания', 'умения', 'навыки', 'знать' ('он не ведает, что творит = он не знает, что творит') и т. д. **Образованные от этого глагола слова** *отведать, заведовать, проповедовать, изведать, выведать, весть, известие, проведать, отведать, ведомство, ведение* своими значениями позволяют расширить диапазон основного смысла 'знать' такими смысловыми компонентами, как *руководить, узнать, узнавать, обучать, предупреждать* и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что большая часть слов, произведенных от корня *-вед-*, в современном русском языке входит в активную лексику, являющуюся средством обучения русскому языку, а значит, – и средством формирования мышления, средством формирования языковой культуры у обучаемых. Но от данного корня образованы и слова *ведьмак* и *ведьма*, созданные наивным мышлением славян.

С одной стороны, *ведьмак* и *ведьма* – это люди, обладающие знанием, мудрые, опытные. С другой стороны, *ведьмак* и *ведьма* – это злые люди, общающиеся с потусторонней силой.

Следовательно, за многовековую историю своего существования в русском языке слова *ведьмак* и *ведьма* испытали преобразование своей коннотативной окраски с положительной ('тот, кто ведает = тот много знает, мудрец, умный, опытный') до отрицательной.

Надо отметить, что мужской вариант данного слова уже давно архаизирован, встречается очень редко в современной письменной и устной речи и только в специализированных текстах (фольклорные произведения, литературоведческие и искусствоведческие исследования, лексикографические издания). В современных словарях даются абсолютно тождественные значения слову *ведьмак* – колдун, оборотень, знахарь.

В искусствоведческих работах отмечается, что слово *ведьмак*, присутствующее в украинском (*видьмак, видьмар, видьмун*), в белорусском (*ведзьмак, ведзьмар*), обозначая колдуна, соответствует персонажу славянской мифологии и демонологии.

В грамматическом отношении слово 'ведьмак' соответствует слову женского рода со сходной этимологией – 'ведьма', которое тоже присутствует во многих германских и славянских языках и тоже представляет собой явление национальной культуры.

В словаре В. И. Даля слова *ведьмак* и *ведьма* находятся в словарной статье глагола *ведати*. Следует указать, что В. И. Даль приводит и такие синонимы к анализируемым словам, также являющиеся уже устаревшими в современных славянских языках, как слова *ведун* (м. р.) и *ведунья* (ж. р.), сопровождаемая их определениями 'колдун, волшебник, знахарь, ворожея'. Примечательно, что в XIX в., когда В. И. Даль собирал языковой материал для своего словаря, во многих губерниях России того времени (например, в Новгородской) у слова 'ведьма' был компонент значения 'чародейка'.

Удивительно, но лингвокультурный концепт 'знание, умение, навык' приобретал в наивном мышлении всего народа отрицательный оттенок не только в мышлении славян. Подобная картина в эпоху Средневековья наблюдается и у германских и романских народов. Средневековой философ Генри Мор в XVII в. в трактате, посвященном колдовству, объяснил само значение слова 'ведьма'. По его мнению, английское слово 'witch' (ведьма) означает не более чем 'мудрая женщина', поскольку образовано это слово

от глагола 'weeft', что означает 'знать'. Поэтому 'witch' (ведьма) означает просто 'знающая женщина'.

Нетрудно заметить параллелизм формирования смысловой структуры английского слова с историей развития славяно-русского слова 'ведьма'. Изменение значения у рассматриваемых слов в сторону отрицательную, по-видимому, произошло у древних народов в силу того, что «знания, ведания» наводили ужас на людей. Культура древних этносов находилась под гнетом суеверного представления о том, что все природные изменения погоды и изменения здоровья людей – это проявление силы Бога. И предсказывать стихийные бедствия, а тем более – управлять ими или готовиться к их приходу, а также и лечить больного человека, устранять недуги – никто, кроме Бога, не может. Такое понимание жизни поддерживала религия: человек должен воспринимать беды как наказание за грехи.

Значение 'мудрая женщина' у слова 'ведьма' как в русском, так и в польском языках (*wiedźma*) утратилось, а закрепилось другое: 'ведьма – это та женщина, которая использует дьявольские силы'.

Языковая культура современных славянских и германских языков сохранила наивные представления древних народов о том, что обладая знаниями, человек приобретает огромную нечеловеческую силу. Используя слова 'ведьмак', 'ведьма', современный человек как бы поддерживает мнение, созданное наивным мышлением своих предков.

Следовательно, слова 'ведьма' и 'ведьмак' своим присутствием в лексической системе языков подчеркивают то, что, во-первых, в семантической структуре современных языков сохраняется наивная культура древних народов, созданная наивным мышлением этноса, во-вторых, обнаруживается тождественность в процессах формирования национального мышления.

Исследование исторического развития семантики отдельных слов позволяет говорить о том, что изменения в общей семантической структуре языка и в семантической структуре отдельного слова всегда связаны с конкретными определенными реалиями культуры.

В историческом развитии семантической системы языка важным является фактор времени, проявляющийся в процессе устаревания (архаизации) лексем и отдельных смысловых компонентов значения лексем. Под влиянием изменившихся социально-культурных условий, а стало быть – и под влиянием общественного мышления, архаизации могут подвергнуться как слова, так и отдельные смыслы их значения.

Интересной с этой точки зрения представляется история слова 'пионер', французского по происхождению и присутствующего в лексике практически всех европейских языков. Первоначальное его значение связано с понятиями 'первопроходец, зачинатель, тот, кто первым положил начало чему-либо'.

Более полувека данное слово в русском языке использовалось под воздействием общественного мышления, принадлежащего определенным социальным группам людей, в значении 'член детской политической организации'. И это общественное мышление, свойственное определенной социальной группе, отразилось и в общенародном мышлении советских людей. Русский язык диктовал всем говорящим, в том числе и иностранцам, обучающимся русскому языку, использовать слово 'пионер' в этом значении. Советская эпоха в истории России примечательна тем, что мышление нескольких поколений российских граждан воспитывалось посредством русского языка, в лексике которого имелось значительное количество так называемых *советизмов*, отсутствие которых как в самом языке, так и в национальном мышлении тогда не мыслилось. Само слово 'совет', имевшее значение 'пожелание', приобрело новый смысловой компонент своего значения: 'совет – учреждение, организация' (совет народных комиссаров, совет ветеранов, студенческий совет). Составным компонентом российской языковой национальной культуры продолжительное время был идеологически-политический коннотативный оттенок, наличием которого отличались определенные лексические единицы. К подобным словам можно причислить такие, как *красный, белый, советский, чиновник, собственник* и многие другие.

Но изменения в культуре российского общества привели к тому, что многие советизмы архаизировались, и современный русский язык уже не навязывает их говорящим на русском языке. Так, например, «Современный словарь иностранных слов» под ред. Л. П. Крысина (2012) значение 'член детской коммунистической организации в СССР' у слова 'пионер' сопровождает пометами 'ист.', 'В прошлом'.

Следовательно, изменения в культуре общества под влиянием изменяющегося национального мышления отражаются в лексическом составе языка, в его семантической системе. И язык, уже имея обновленную семантическую систему, обновленную языковую картину мира, при обучении воспитывает иначе, создает в мышлении обучаемых иную языковую картину мира.

Влияние общественного мышления на языковую культуру можно продемонстрировать и

историей преобразования семантической структуры таких слов в лексике русского языка, как 'дума', 'клуб', 'хозяин', 'собственник'. Появление новых значений у «старых» слов (т. е. появление так называемых семантических неологизмов) – тема необычайно интересная для исследования, поскольку связана не столько с явлением возрождения слов, сколько с изучением изменения языковой картины мира, изменения языкового мышления.

Практически на протяжении всего XX в. в русском языке слово 'собственник' имело отрицательную коннотацию. Выражения типа 'частный собственник', 'собственнические интересы' использовались преимущественно в особой характерологической функции с осуждением. В Советском Союзе собственников не было. Такое понимание слова 'собственник' нашло свое отражение в «Толковом словаре Д. Н. Ушакова: «СОБСТВЕННИК, собственника, муж. 1. Владелец какой-нибудь собственности (преим. частной). Русские цари были крупными земельными собственниками. Класс собственников (буржуазия). 2. перен. Человек, стремящийся нераздельно обладать кем- или чем-нибудь».

Отголоски отрицательной коннотативной окраски присутствуют в словаре С. И. Ожегова: «СОБСТВЕННИК, а, муж. 1. Владелец имущества. Крупный земельный с. Мелкий с. 2. Человек, к-рый стремится больше иметь, поглощен собственническими интересами. С. по натуре. | жен. собственница, ы.» (Толковый словарь С. И. Ожегова).

Подобное определение обнаруживается и в словаре русского языка Кузнецова: «собственник – а; м. 1. Владелец какой л. собственности. Крупный земельный с. Мелкий с. 2. Неодобр. Тот, кто стремится безраздельно обладать, распоряжаться кем, чем л. Кто л. типичный с. С. в любви. < Собственница, ы; ж. Собственнический, ая, ое. С ие права» (Толковый словарь русского языка Кузнецова).

Но с изменением политического устройства государства почти все граждане стали собственниками (жилья, автомобиля, земельного участка, дома, квартиры и т. д.). **Изменения в политическом устройстве страны** тут же отразились в национальном мышлении, в культуре народа, в языке.

Результатом явилось то, что слово 'собственник' освободилось от отрицательной коннотации, закрепилось в качестве юридического и экономического терминов, вошло составным компонентом в синонимический ряд: *собственник, владелец, обладатель, хозяин; принципал, хозяйчик, домовладелец, владетель, проприетер.*

«Собственник – владелец, физическое или юридическое лицо, обладающее правом собственности» (Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001).

«СОБСТВЕННИК — субъект собственности, физическое или юридическое лицо, обладающее правом собственности, выступающее в роли владельца, распорядителя, пользователя объекта собственности» [11].

На то, что развитие мышления, отраженное в языке, имеет общечеловеческий характер, не зависимый от принадлежности определенной национальности, указывают черты сходства в номинации некоторых явлений в разных языках.

Влияние индивидуального мышления на изменение семантики слова можно проиллюстрировать на материале новых еще формирующихся терминологий. Каждая новая отрасль знания создается не на голом месте, а либо формируется как новое направление в уже существующей отрасли, либо образуется на пограничной территории нескольких отраслей. Надо заметить, что современное состояние науки таково, что новые направления формируются чаще всего на стыке нескольких научных отраслей.

Новая (дочерняя) дисциплина привлекает для обозначения своего понятийного аппарата те лексемы, которые уже функционируют в качестве терминов в материнской или в смежных дисциплинах.

Привлеченные термины либо получают новое специализированное значение, либо проходят процесс расширения / сужения значения за счет приобретения / утраты смыслового компонента своего значения. Многие привлеченные термины становятся консубстанциональными, т. е. одновременно присутствующими в разных отраслях научного знания [см. об этом: 13].

Консубстанциональность терминов может осуществляться намеренно, а может быть и случайной. Можно привести такие примеры.

Осенью 2013 года была защищена докторская диссертация [2], в которой докторант предлагает в качестве нового лингвистического термина слово 'кортеж', наполнив данное слово новым специализированным значением.

Лексема 'кортеж', заимствованная из французского языка, согласно словарю Л. П. Крысина, имеет в современном русском языке значение 'торжественное шествие, процессия' [8. С. 167].

А. А. Боронин использует эту лексему в качестве вводимого им в теорию интерпретации текста нового термина для обозначения явления **совокупность персонажных субтекстов*. Необходимо указать, что автор создает своеобразную

типологию видовых понятий, входящих в родовое понятие 'кортеж'.

Следовательно, по воле индивидуального научного мышления, принадлежащего исследователю А. А. Боронину, лексема 'кортеж' не только получает новое специализированное значение, но и становится производящей базой для многочисленных производных: *монофонический микрокортеж, полифонический микрокортеж, паракортежные элементы, мезокортеж, мегакортеж* и т. д. [2. С. 25, 26, 28].

И таким образом слово 'кортеж' в лексике русского языка становится консубстанциональным, присутствуя в общеупотребительном языке и в языке лингвистики (стилистики) и имея при этом разные, но в смысловом наполнении частично совпадающие значения. О том, будет ли данный термин востребован общественностью и войдет ли он в арсенал лингвистических терминов, можно будет судить только через некоторое время. А пока мы можем говорить о том, что индивидуальное мышление исследователя намеренно наполнило данное слово новым смыслом.

Можно привести еще несколько примеров, когда консубстанциональность создается намеренно, поскольку используются привлеченные термины.

В словаре терминов межкультурной коммуникации (МКК) имеется большое количество терминов, заимствованных как из других терминологий, так и из лексики общеупотребительного языка. Например, в словаре присутствует слово 'одежда', знакомое каждому с детства. А в словаре оно имеет такое описание: 'одежда – *clothing*. – Один из компонентов невербальной коммуникации, передающий информацию, однако в меньшей степени, чем другие составляющие. Несмотря на малую изученность, известно, что одежда передает информацию о статусе (деловая одежда), профессии (банкир, секретарь, учитель), финансово-экономическом положении (богатый – бедный), событии (повседневная – торжественная одежда) (Mark Hickson & Don Stacks 1985)' [5. С. 278].

Нетрудно заметить, что бытовое слово 'одежда', получив специализированное значение, превратилось в термин, призванный номинировать определенное профессиональное понятие, поскольку «термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации» [3. С. 55].

Общеупотребительное слово 'походка' в словаре терминов МКК приобретает дополнительный смысл: «Манера передвижения человека

как один из компонентов невербального поведения...» [5. С. 323].

Следовательно, семантические изменения в смысловой структуре слова могут происходить намеренно, по воле индивидуального и общественного мышления. Но подобные процессы могут быть и случайными.

Примером случайного совпадения разных смыслов в одной форме служит попытка введения в научный обиход термина 'инсектофон'.

Исследователи В. В. Ощепкова и Е. С. Ражева предлагают новый термин 'инсектофон' для названия лексических единиц, в основе которых лежит звукоподражание. Авторы пишут: «Мы вводим термин *инсектофон* для обозначения звукоподражательного названия насекомого. В отличие от инсектонима инсектофон – только звукоподражательное название, то есть фонетическое, лексико-фонетическое или лексическое звукоподражание акустическим сигналам насекомого. Термин "инсектофон" образован по аналогии с термином "зоофон". В отличие от зоонима, т. е. обозначения собственного имени (клички) животного как объекта лингвистического изучения, зоофон представляет собой звукоподражательное название животного. Зоофоны входят в состав лексико-семантического поля зоонимов и образуют отдельную тематическую группу. Подобно зоофонам, *инсектофоны* также образуют отдельную тематическую группу. Инсектофоны представляют собой довольно наполненную группу в английском и русском языках» [10. С. 73].

Авторы осуществили попытку создания нового термина по образцу других, уже существующих в лингвистике, использовав терминологические элементы греко-латинского происхождения. Но оказалось, что созданный с таким трудом термин уже присутствует в терминологии, обслуживающей отрасль, связанную с уничтожением насекомых. Так, например, англо-русский словарь технических терминов дает указание: *инсектофон* – акустический прибор для обнаружения зараженности зерна насекомыми (англ. 'insectophone'). Аналогичное объяснение термина 'инсектофон' присутствует в русско-английском словаре по пищевой промышленности и в универсальном русско-английском словаре. По мнению самих исследователей, такая ситуация для них оказалась неожиданной.

Следовательно, консубстанциональность звуко-буквенной оболочки 'инсектофон' появилась случайно. Но при этом нельзя отрицать того, что наполнение новым смыслом значения уже существующего слова произошло по воле индивидуального мышления. Можно предположить, что

данный новый термин, вводимый исследователями, закрепится в терминологии, поскольку он органично вписывается в ряд подобных: *зооним – зоофон – инсектоним – инсектофон*.

В качестве заключения можно сказать о том, что взаимосвязь трех понятий ‘язык’, ‘культура’ и ‘мышление’ настолько сильна, что нельзя отделить язык от культуры, мышление от языка, мышление от культуры.

Развитие мышления (как общенародного и общественного, так и индивидуального) зависит от синхронно существующего данному мышлению родного языка и подчинено ему.

Семантические процессы, происходящие в языке, всегда есть результат работы мышления. Появившееся в индивидуальном мышлении изменение семантики лексической единицы затем воспринимается общественным мышлением, оценивается и как результат оценки – либо отвергается, либо закрепляется в языковом сознании. Лексическая единица с измененной семантической структурой своего значения закрепляется в лексике, становясь компонентом национального языка и национального мышления.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL : <http://www.vedu.ru/bigencdic/40913/>.
2. Боронин, А. А. Интерпретация персонажных субтекстов : основы теории (на материале художественной прозы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 50 с.

3. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение : учеб. пособие / Челябин. гос. ун-т. Челябинск : Энциклопедия, 2008. 180 с.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. М. : Рус. яз., 1981.

5. Жукова, И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович ; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 632 с.

6. Ковлягина, С. В. Особенности семантической структуры слова «культура» в английском и русском языках // Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. Вып. 7. М., 2012. С. 53–61.

7. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка. М. : Виктория плюс, 2011.

8. Крысин, Л. П. Современный словарь иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.

9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1984.

10. Ощепкова, В. В. Соотношение содержательной структуры терминов инсектоним – инсектофон / В. В. Ощепкова, Е. С. Ражева // Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. Вып. 10. М., 2013. С. 73–76.

11. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. М. : ИНФРА-М, 1999.

12. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Альфа-М : ИНФРА-М, 2012. 288 с.

13. Сорокина, Э. А. Явление консубстанциональности и перевод // Теория и практика перевода. Вып. 2. 2008. С. 63–67.

Т. Г. Точилкина (Миасс, Россия)

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА ‘ЗНАКОМСТВО/ACQUAINTANCE’ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНАХ МИРА

The fundamental definition of concept ‘Znakomstvo/ Acquaintance’ in Russian- and English-speaking pictures of the world is relations between people, someone you know. This definition is fundamental in lexemes, which serve as a separate concepts ‘Drug (Friend)’, ‘Druzhiba (Friendship)’, ‘Tovaritsch (Companion)’ and others. The purpose of the article consists in consideration of horizontal development of concept ‘Znakomstvo/ Acquaintance’ and lexemes, which represent the core concept, its core environment and periphery.

Keywords: concept, worldview, linguistic view of the world.

Основополагающей дефиницией концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ в русскоязычной и англоязычной картинах мира являются отношения

между людьми, связанными тем или иным образом, знающими друг друга/someone you know (тот, кого ты знаешь). Данная дефиниция

является основополагающей и в лексемах, которые выступают как отдельные концепты: 'Друг', 'Дружба', 'Товарищ' и др. Цель статьи состоит в рассмотрении «горизонтального» развития концепта 'Знакомство/Acquaintance' и лексем, репрезентирующих его ядро, ядерное окружение и периферию.

Познавать мир человеку помогает язык, и в то же время это познание зависимо от языка. «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне, человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей... Человек <...> живет с предметами так, как их преподносит ему язык... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [2. С. 341].

По-новому осмыслив взаимоотношения человеческого языка и мышления, В. Гумбольдт впервые сформулировал лингвофилософскую проблему языковой картины мира. Согласно теории Гумбольдта, которую разделяют и современные ученые (Топорова, 2000), языки являются не только средством выражения уже познанной действительности, но и средством познания ранее неизвестной. Их различие есть не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [2. С. 348].

Изучению языковой картины мира в последние годы уделяется особое внимание во всех областях научного знания. Связано это с современной концепцией лингвистической философии, в которой язык трактуется как форма существования знаний; с принадлежностью языковой картине мира особого места среди картин мира, так как она покрывает во многом все сферы человеческого познания.

Языковая картина мира – «отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах, и процессах действительности в ее соотношении с человеком» [3. С. 148].

Желание исследовать картину мира, характеризующую сознание современного человека, неизменно приводит к изучению его концептуальной системы. При этом язык обеспечивает наиболее эффективный способ описания и определения природы концепта, т. к. самые важные концепты кодируются именно в языке.

Концепт – это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит

в ментальный мир человека. Концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. <...> Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [4. С. 43]. Концепт – многоаспектная ментальная структура: «с одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [4. С. 43].

В лексике отражаются фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью народа. Существование тех или иных лексических единиц объясняется практическими потребностями.

Основополагающей дефиницией концепта 'Знакомство/Acquaintance' являются отношения между людьми, связанными тем или иным образом, знающими друг друга/*someone you know* (тот, кого ты знаешь).

Содержание концепта 'Знакомство/Acquaintance' исследовано нами в нашей работе «Концепт “Знакомство” как элемент картины мира в русскоязычном и англоязычном лингвокультурологическом пространстве».

Отношения между людьми, связанными тем или иным образом, знающими друг друга/*someone you know*, имеют свое начало, развитие и конец. Отношения между людьми, связанными тем или иным образом, знающими друг друга/*someone you know*, начинаются, развиваются или заканчиваются по разным причинам. Данное положение позволяет нам выделить основные направления развития концепта 'Знакомство / Acquaintance':

«Знакомство/Acquaintance» → Знакомство/Acquaintance
 «Знакомство/Acquaintance» → Дружба/Friendship
 «Знакомство/Acquaintance» → Дружба/Friendship → Родство/Kinship
 «Знакомство/Acquaintance» → Родство/Kinship

Лексическое значение состоит из ядра (обыденного и/или научного понятия), ядерного окружения (коннотаций) и периферии (потенций и вероятностей значений, которые не фиксируются в словарных определениях, а выводятся из контекста употребления, проявляются в актах коммуникации. В речевых сообщениях, в художествен-

ных текстах периферийная семантика слова по замыслу автора может переводиться на уровень ядерного компонента.

Исходя из данного положения, мы можем утверждать, что в зависимости от направления развития концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ ядро, ядерное окружение, периферия лексических значений будет пересекаться, конкретизируя и дополняя друг друга.

В направлении развития концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ – Знакомство/Acquaintance лексическим ядром, по нашим данным, являются лексемы: знакомство, знакомый, знакомец, а также словосочетания: старый знакомый, давным-давно знакомы, хорошо знаком (а), добрые знакомые, знакомиться, познакомиться. В английском языке – *acquaintance, an old pal, conversant, the long familiar, good friends* (хорошие знакомые), *make the acquaintance or to get to know*. Ядерное окружение составляют лексемы: коллега, сослуживец, сотрудник, сосед (соседи), партнер, спутник, одноклассник, сокурсник, собутыльник и др. В английском языке: *colleague(s)* (коллега, сослуживец), *employee* (сотрудник учреждения), *collaborator* (сотрудник – помощник в работе, в английском языке сотрудник в разных сферах именуется по-разному), *neighbour, companion, classmate, student of the same year, drinking companion* и др. Периферию в данной линии составляют лексемы, словосочетания: едва знакомы, надеяться на продолжение знакомства, жажда познаться, знакомы без году неделя, не будучи знакомы, знакомая его жены, легкое знакомство, как бы знакомы, знакомые знакомых, шапочное знакомство и др.; в английском языке – *scarsely know, thirst to get acquainted, slight acquaintance* (поверхностное знакомство), *how would familiar, nodding acquaintance* и др.

Рассматривая направление ‘Знакомство/Acquaintance’ – Дружба/Friendship в русском языке нами установлено, что ядром концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ являются лексемы: друг, подруга, товарищ, приятель, знакомый [6. С. 84].

Ядерное окружение концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ в русском языке составляют слова и словосочетания, ФЕ, паремии:

текстуальные – сердечный друг, старый друг, добрый друг, милый друг, лучший друг, нравственный друг, давний друг, нескромный друг, закадычный друг, истинный друг, нецеремонные друзья, предусмотрительный товарищ, вежливый товарищ, старый товарищ, отличный товарищ, легкомысленный товарищ, прелестная подруга, старинная подруга, подруга с первого класса,

подруга моего детства, близкая подруга, случайная подруга, бывшая подруга, подруга жизни, подруга полной жизни и радости, верная подруга, подруга юности моей, ветренная подруга, добрый мой приятель, молодой приятель, добрый приятель, старинный приятель, старые приятели, истинные приятели, лучший приятель, добрый приятель, мамина приятельница, старый знакомый, малопрятный знакомый, хороший знакомый, русские знакомые, общие знакомые, близкие знакомые, петербургские знакомые, единственный знакомый, ничтожный знакомый; поговорки и пословицы – без друга на сердце выюга; крови не родной, да души одной; верному другу цены нет; друга любить – себя не щадить; не приесться хороший кусок, не прискутит хороший дружок; с другом и воду выпьешь лучше меду; дерево держится корнями, а человек – друзьями; не спрашивай, кто он, а спрашивай, с кем знаком; тот глуп совсем, кто не знается ни с кем; умный товарищ – половина дороги [6. С. 84].

Периферию концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ составляют слова: кореш, дружище, коллега, единомышленник, сослуживец, партнер, собеседник, собутыльник, современник, содокладчик, сообщник, сотрапезник, спутник, сокамерник, соратник, содержанка, сподручный и др.; словосочетания: давнишний кореш, бывший коллега, бывший сослуживец и др.; ФЕ: водить дружбу (дружить), водить знакомство (приятельствовать); паремии: не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет; кто друг прямой, тот брат родной; с кем я, тем я; старый знакомец – впервые видимся; спасти товарища – себя спасти, водить хлеб-соль и другие [6. С. 85].

Ядром концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ в направлении ‘Знакомство/Acquaintance’ – Дружба/Friendship в английском языке являются лексемы: *acquaintance, friend* (мн. ч. *friends*), *classmate, companion, comrade, fellow, friendly, partner* [6. С. 100].

Ядерное окружение концепта ‘Знакомство/Acquaintance’ составляют слова и словосочетания: *close friend, best friends, lasting friends, steady friendship, constant friendship, eternal friendship, faithful friend, steadfast friend, old friend, fair weather friend, summer friend, false friend, sweet friends, good friends, gentle friends, loving friends, dearest friends, true-hearted friends, worthy friends, noble friends, precious friend, loyal friends, agreeable companion, amusing companion, boon companion, charming companion, delightful companion, entertaining companion, pleasant companion, wonderful companion, close companion, constant companion, dinner companion, drinking companion,*

traveling companion, working companion, best mate, good mate, former partner, dominant partner, dancing partner, drinking partner, full partner, equal partner, active partner, business partner, beautiful friendship, close friendship, intimate friendship, deep friendship, firm friendship, great friendship, warm friendship, lifelong friendship, long – standing friendship, long friendship, lasting friendship etc.; паремии, ФЕ *the best of friends must part; false friends are worse than bitter (or open) enemies; a friend in need is a friend indeed; friends are thieves of time; friends may meet, but mountains never greet; a friend to all is a friend to none; old friends and old wine are best; friendship is not to be bought at a fair; friendship cannot stand always on one side; a friend is never known but in time of need; duty before friendship and etc.* [6. С. 101].

Периферию концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ составляют слова и словосочетания: *old chap, old cock, old fellow, old man, old bean, old egg, old fruit, old top, drinking companion, table companion, kept woman* амер. *old sock* др.; паремии: *before you choose a friend eat a bushel of salt with him; be slow in choosing a friend, slower in changing him; between friends all is common (= friends have all things in common); a friend in court is better than a penny in purse, nodding acquaintance and etc.* (на современном этапе) [6. С. 101].

В направлении развития концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ – Дружба/Friendship – Родство/ Kinship в русской языковой картине мира его ядром являются лексемы: друг, подруга, товарищ, приятель, знакомый, семья, родственники, близкий, родители, мать, отец, сестра, брат, дочь, сын, муж, жена.

Ядерное окружение составляют лексемы, словосочетания, ФЕ, паремии, принадлежащие линии концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ – Дружба/Friendship, и добавляются: бабушка, дедушка, дядя, тетя, племянник, племянница, брат жены/мужа, сестра жены/мужа, родители жены/мужа, родственники со стороны жены/мужа, дети, свекровь, свекор, теща, тесть, двоюродный брат/сестра, душевные отношения, доверительные отношения, родственные отношения и др.

К периферии принадлежат лексемы, словосочетания, ФЕ, паремии концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ – Дружба/Friendship, и добавляются: благоверный/ая, половина, супружник, супружница, семьянин, деверь, золовка, мачеха, отчим, отпрыск; без отца – полсирота, а без матери – вся сирота; курица не птица, а баба не человек, замуж выйти не напасть, как бы за мужем не пропасть, бабы каются, девки замуж собираются (разг.) и др. в английской языковой картине мира – *family man, better half, hubby, brother-in-low, sister-in-low, stepmother, stepfather and etc.*

В направлении развития концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ – Дружба/Friendship – Родство/ Kinship в английской языковой картине мира его ядром являются лексемы: *acquaintance, friend* (мн.ч. *friends*), *classmate, companion, comrade, fellow, friendly, partner, family, kinship, father (dad), mother (mum), parents, sister, brother, son, daughter, wife, husband, one’s nearest and dearest.*

Ядерное окружение составляют лексемы, словосочетания, ФЕ, паремии, принадлежащие линии концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ – Дружба/ Friendship, и добавляются: *grandmother (granny), grandfather (grandpa), grandparent(s), aunt, uncle, husband’s parents, wife’s parents, children, cousin (s), close relations, friendly relations and etc.*

К периферии принадлежат лексемы, словосочетания, ФЕ, паремии концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ – Дружба/Friendship, и добавляются: *family man, better half, hubby, brother-in-low, sister-in-low, stepmother, stepfather and etc.*

В направлении развития концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ – Родство/ Kinship в русской языковой картине мира его ядерной частью являются лексемы: семья, родственники, близкий, родители, мать, отец, сестра, брат, дочь, сын, муж, жена; в английской языковой картине мира – *partner, family, kinship, father (dad), mother (mum), parents, acquaintance, sister, brother, son, daughter, wife, husband, one’s nearest and dearest.*

Ядерное окружение составляют лексемы: бабушка, дедушка, дядя, тетя, племянник, племянница, брат жены/мужа, сестра жены/мужа, родители жены/мужа, родственники со стороны жены/мужа, дети, свекровь, свекор, теща, тесть, двоюродный брат/сестра, душевные отношения, доверительные отношения, родственные отношения и др.; в английском языке – *grandmother (granny), grandfather (grandpa), grandparent(s), aunt, uncle, husband’s parents, wife’s parents, children, cousin (s), close relations, friendly relations and etc.*

К периферии принадлежат лексемы: благоверный/ая, половина, супружник, супружница, семьянин, деверь, золовка, мачеха, отчим, отпрыск; без отца – полсирота, а без матери – вся сирота; курица не птица, а баба не человек, замуж выйти не напасть, как бы за мужем не пропасть, бабы каются, девки замуж собираются (разг.) и др.; в английской языковой картине мира – *family man, better half, hubby, brother-in-low, sister-in-low, stepmother, stepfather and etc.*

В ядро концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ входит лексема знакомый и ее производные: *знакомиться, познакомиться, раззнакомиться.* Лексема знакомый входит в ядерное окружение других концептов, родственных концепту

‘Знакомство/Acquaintance’, т. к. любые отношения, которые связывают людей тем или иным образом, начинаются со знакомства:

знакомый> знакомиться, познакомиться, раззнакомиться

знакомый> знакомиться, познакомиться, дружить, подружиться, сдружиться, раздружиться

знакомый> знакомиться, познакомиться, дружить, подружиться, сдружиться, родниться, породниться, сродниться

знакомый> знакомиться, познакомиться, родниться, породниться, сродниться.

В английском языке:

acquaintance> get acquainted (знакомиться, познакомиться), break off one’s acquaintance with (раззнакомиться)

acquaintance> get acquainted (знакомиться, познакомиться), be friends (with), be on friendly terms (with) (дружить), make friends (with) (подружиться), become friends (with) (сдружиться), break off (friendly) relations (with) (раздружиться)

acquaintance> get acquainted (знакомиться, познакомиться), be friends (with), be on friendly terms (with) (дружить), make friends (with) (подружиться), become friends (with) (сдружиться), become related (with) (родниться, породниться), become intimate (with), become closely linked (with) (сродниться)

acquaintance> get acquainted (знакомиться, познакомиться, become related (with) (родниться, породниться), become intimate (with), become closely linked (with) (сродниться).

Концепты представляют собой универсальное явление сложного характера, они тесно связаны друг с другом. Близость этих концептов очевидна:

– концепт характеризуется не жестко детерминированной структурой, в нем выделяются структурные слои, которым соответствуют семантические компоненты слова. Наиболее абстрактный слой концепта – суперкатегориальный. Он указывает на ту область концептосферы, к которой относится данный концепт (предметность, процесс, количество, признак). Смыслообразующим признаком этого слоя служит его интегрирующая функция. В структуре семемы данный слой индуцирует обобщенную абстрактность, которая является для нее облигаторным признаком, поскольку указывает на лексико-грамматический статус слова. В составе семемы такой смыслообразующий признак концепта представлен классемой [1. С. 57–58].

В нашем случае классемой является лицо как предмет. В семеме слова знакомый таким семантическим компонентом (классемой) оказывается понятие. Категориальный слой концепта ха-

рактеризуется более узким смыслообразующим свойством, который можно назвать групповым. В иерархической структуре семемы он проецирует смысловой ингредиент родового характера, основным признаком которого выступает обобщенно-семантическое содержание архисемы [1. С. 58]. В нашем примере – «отношения между людьми, связанными тем или иным образом». Понятийный слой концепта состоит из совокупности предметно-логических признаков, которые в слове представляют субкатегориальный аспект семемы. С одной стороны, в нем обобщаются основные признаки и свойства номинируемого предмета, а с другой, ими же данная семема отличается от других семем в структуре того или иного семантического поля или лексико-семантической группы. В семантической структуре слова такие признаки являются содержанием первичных денотативных сем [1. С.58];

– денотативная сема для слова знакомство – отношения между людьми + знающими друг друга. Этнокультурный слой концепта содержит главным образом различительные признаки, отражающие специфическое видение мира членами одного этноязыкового сообщества, поэтому различительные признаки воплощаются в дифференциально-субъективные смыслы семемы. В семантической структуре слова они указывают на ценностно-смысловое содержание сем вторично-денотативного характера (не спрашивай, кто он, а спрашивай с кем знаком; скажи, с кем ты знаком, и я скажу, кто ты; плохо без друга, который потерян, но плохо и с другом, который неверен) [6. С. 87];

– образно-ассоциативный слой концепта выражает предметно-чувственные представления каждого носителя того или иного языка. В семеме они оказываются структурной периферией, выражая экспрессивно-образное отношение говорящего к предмету мысли, в семантической структуре слова индуцируют достаточно широкий спектр первичных и вторичных коннотативных сем. У одного человека «знакомство», «знакомый» ассоциируется с конкретным человеком и отношением с ним, у другого – с приятным времяпрепровождением, у третьего – с помощью. Наличие ассоциативно-образного слоя – один из важнейших признаков концепта, по которому он отличается от понятия, и благодаря которому он обладает необходимой контекстно-смысловой вариативностью [1. С. 58].

С другой стороны, концепты представляют собой уникальное явление:

– «путь от реальности к слову (через понятие) сложен, многопланов и зигзагообразен. Усваивая

чужой, новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир, как бы транспонирует в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры.

Одно и то же понятие, один и тот же кусочек реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках – более полные или менее полные. Слова разных языков, обозначающие одно и то же понятие, могут различаться семантической емкостью, могут покрывать разные кусочки реальности<...>, когда одно и то же понятие по-разному – избыточно или недостаточно – словесно выражается в разных языках» [5. С. 49–50].

Например, в русском языке подруга имеет формы подружка, подруженька, подружайка (просторечие, устная форма). В английском языке – подруга-(*girl/female*) *friend*; в русском языке – друг, дружок, дружок, дружище; в английском языке – *friend-опуг*, *buddy* – дружок, дружок, дружище; *buddy* – это еще приятель, товарищ, собеседник, кореш.

– анализ репрезентаций концепта ‘Знакомство/ Acquaintance’ позволяет выделить способы словообразования в русском и английском языках. В русском языке словообразование происходит морфологическим, лексико-синтаксическим, морфолого-синтаксическим способами:

Знаком(ый) (прил.),

Знаком(ый) (сущ.) знакомая, знакомо, знакомец, знакомка, знакомство(собр.);

Друг, дружок, дружок, дружище, друже, дружка, дружный;

Друг, подруга, подружка, подруженька;

Друг, дружить, дружить, дружба, дружество(устар.), задружить, передружить, передружиться, подружить, подружиться, раздружить, раздружиться, сдружить, сдружиться;

Дружелюбный, дружелюбно, дружелюбие;

Приятель, приятельница, приятелка, приятелька, приятелище, приятельство, приятельский, приятельски, по-приятельски, приятельствовать и др.

В английском языке образование слова происходит на базе другого однокоренного слова с помощью суффиксов, в результате слияния двух или более слов, а также аналитическим способом:

Friend (друг), *friend* (подруга), *friendless* (одинокий, не имеющий друзей), *friendly* (дружеский, дружественный), *friendliness* (дружелюбие);

Friend, *boyfriend*, *girlfriend*, *friendship*;

Companion, *companionable*;

Companion, *companionship*;

Mate, *classmate*, *group-mate*, *flat-mate*, *roommate*, *mateship*, *playmate*;

Chum, *chummy*, *chummily*, *chumminess*;

Buddy, *buddy* (v), *buddy-buddy*;

Fellow, *fellowship*;

To make friends with smb. – подружиться с кем-л.;

To bring together – сдружить;

To become friends (with) – сдружиться;

To break it off (with), to break off friendly relations (with) – раздружиться;

To make the acquaintance of smb. – познакомиться с кем-л.;

To break off one's acquaintance (with) – раззнакомиться.

Из приведенных примеров видно, что морфологический способ в русском языке более богатый.

«Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение (вдумайтесь во внутреннюю формулу этого прекрасного слова: воззрение на мир, видение мира), мораль и т. п.

Язык, таким образом, отражает мир и культуру и формирует своего носителя. Он зеркало и инструмент культуры одновременно, выполняет пассивные функции отражения и активные функции созидания» [5. С. 68].

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Концепт и слово : синергетическое единство смысла и значения // Вестн. Челябин. гос. пед. ун-та. Сер. «Филология». 2005. № 3. С. 49–59.
2. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 452 с.
3. Краткий словарь лингвистических терминов. М. : Рус. яз., 1995. 176 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры : Опыт исследования. М. : Академ. Проект, 2004. 992 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово/Slovo, 2000. 624 с.
6. Точилкина, Т. Г. Концепт «Знакомство» как элемент картины мира в русскоязычном и англоязычном лингвокультурологическом пространстве : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 155 с.

О. И. Халупо (Челябинск, Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ МАТЕРИАЛ КАК СРЕДСТВО ДЛЯ АКТИВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

The article deals with the choice criteria of linguistic and cultural units. Mastering such linguistic and cultural units is necessary for intercultural communication. Linguistic and cultural basic material which includes words, phrases, idioms and precedent texts are considered as a part of the language system, which contacts with the linguistic and cultural environment and is their transmitter on the one hand and on the other hand it associates with personality and improves the process of intercultural interaction.

Keywords: foreign language, intercultural communication, linguistic and cultural competence, linguistic and cultural units, linguistic and cultural worldview.

Все, кто осваивал или пытался когда-либо овладеть иностранным языком, познакомиться с иным языком и чужой культурой, испытывали определенные трудности. Редко кто с легкостью усваивает и «схватывает» лексику, грамматику, фонетику, для остальной части пытающихся выучить другой язык (каких большинство) является непреодолимой преградой одолеть те или иные «метаморфозы» языка. На протяжении шести, а иногда и десяти лет обучения языку в школе многим не удается постигнуть необходимые знания и приобрести требуемые умения. Усилия преподавателей, учителей, а иногда и самостоятельное овладение языковым материалом и знакомство с иной культурой не всегда способствуют получению положительных результатов. И все методы и программы изучения языка «за 30 дней», «за 3 месяца» или при помощи «25 кадров» часто оказываются несостоятельными, поэтому данная проблема продолжает оставаться актуальной, и теоретики и практики предлагают все новые пути ее решения. Дело в том, что обучаемые обладают разным потенциалом для овладения теми или иными знаниями, и для одних окажется действенным один метод, в зависимости от его индивидуальных способностей, для других – совершенно другой. В этом процессе роль преподавателя и заключается в том, чтобы найти те дидактические способы и средства, при помощи которых он будет формировать и совершенствовать знания и навыки овладения иностранным языком.

Основой любого языка являются его языковые единицы, при помощи их передается не только семантика, но и коннотация, происходит овладение фоновыми знаниями, познается лингвокультурная картина мира – совокупность знаний о языке, языковых единицах, их культурном содержании, выработанная на определенном этапе развития нации, сохраняющаяся, передающаяся из поколения в поколение и обеспечивающая преемственность языкового и культурного мышления носителей языка [7. С. 193]. Языковые еди-

ницы делают процесс межкультурного общения более успешным. Поэтому, исходя из основной задачи обучения языку – обучения коммуникации, осуществление этой цели как нам видится, возможно, при их активном использовании, их необходимо актуализировать вместе с их культурной наполняемостью. Ведь заключенный в них культурный смысл подразумевает определение всеобщего социального, духовного опыта нации, который накопился в течение времени и отражен в языке.

Анализируя проблемы межкультурного общения, С. Г. Тер-Минасова в своих работах обращает внимание на то, что преподавание иностранного языка – это есть «практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире» [6. С. 25]. В процессе обучения необходимо знакомиться и постигать мир носителей языка, который изучается, особенности его употребления, связь с реальной жизнью, что возможно благодаря изучению языковых единиц.

В. В. Ощепковой проводилось исследование с акцентом на соизучение языка и культуры, в частности на том, что при изучении иностранного языка все более осознается необходимость овладения не только языковыми структурами, но и тем, что «лежит за языком»: «фоновыми знаниями», культурой страны или стран изучаемого языка. На основе национальных словесных образов формируется национальное восприятие мира [5].

В нашей работе речь идет также о «соизучении языка и культуры», но не о подготовке высококвалифицированного переводчика, профессионала, а человека, владеющего лингвокультурой другого языка в достаточной степени, способного понимать, вести беседу, осуществлять переговоры и т. д., то есть быть компетентным в межкультурном общении.

О. А. Леонтович видит необходимость анализа межкультурного общения в контексте глобализации культуры, поиска оптимального баланса между лингвистическим многообразием и языковой интеграцией и сохранения уникальности отдельных лингвокультур. Человеческая способность к рефлексии, которая составляет основу человеческого познания и самопознания, активизируется при столкновении с межкультурными различиями, тем самым способствуя осознанию собственной культурно-языковой идентичности и создавая предпосылки для развития личности. Работы этого автора направлены на то, чтобы разобраться в многообразии факторов, действующих в коммуникативной системе, предоставить в их распоряжение инструменты, необходимые для успешного взаимодействия с представителями иных культур, помочь им обрести уровень языковой, культурной и коммуникативной компетенции, необходимый для оптимизации процесса межкультурного общения [4. С. 3–4].

Главным фактором, который, по нашему мнению, может влиять на межкультурную коммуникацию как коммуникативную систему, мы считаем лингвокультурную компетенцию, основанную на овладении языковыми единицами и способствующую продуктивному взаимодействию. Для этого не обязательно знать языковые единицы, которые отражают энциклопедические знания и являются неотъемлемыми единицами лингвострановедческого словаря, например:

Audibon, John James (1785–1851) – Одюбон, Джон Джеймс, американский орнитолог, натуралист и художник, родившийся на Гаити. Его самые знаменитые работы – картины с изображением североамериканских птиц.

Springfield rifle – магазинная винтовка системы Спрингфилд, состоявшая на вооружении армии США с 1903 по 1936 г.

corncrib – проветриваемое сооружение для хранения кукурузных початков.

robin – североамериканский дрозд, довольно крупная певчая птица с красноватой грудкой и брюшком [4].

Предлагаемые условия успешной межкультурной коммуникации рассчитаны главным образом для тех, кому по роду своей профессиональной деятельности предстоит стать посредниками в межкультурном общении, то есть для профессионалов в этой области. Мы же говорим о той достаточной компетенции, обладая которой человек в процессе бытового общения будет восприниматься адекватно.

Г. В. Елизарова в своей монографии рассматривает основные лингвокультурные и психо-

логические аспекты межкультурного общения. В ней исследуется процесс формирования межкультурной компетенции, при котором разработка методик обучения иностранному языку направлена на усвоение не только формы, но и культурного компонента языка. Особую важность приобретает раскрытие культурного компонента значения в ключевых словах, во-первых, отражающих культурно-специфические понятия (а не физические и социальные реалии, которые были достаточно исследованы и, к тому же, в силу отсутствия аналогий в другом языке, не провоцируют приписывания им значений родной культуры говорящего), и, во-вторых, в словах, совпадающих на поверхности в своих лексических значениях, но резко отличающихся значениями культурными [2. С. 55].

Методика обучения вышеназванного автора предназначена именно для тех, кто имеет некоторый опыт общения с представителями той культуры, язык которой изучается, что значительно облегчает задачу по усвоению лингвокультурного материала и овладению межкультурным общением, так как адаптация происходит быстрее и эффективнее, когда обучаемые попадают в языково-культурную среду изучаемого языка. Наши дидактические принципы основаны на положении предоставления материала, в том числе и тем, кто имеет малый опыт, либо вообще не имеет возможности познакомиться с особенностями той или иной культуры, практиковать языковые навыки и познавать культурные особенности в реальной среде. Кроме того, содержание лингвокультурного материала отражает не только культурно-специфические или национально-специфические понятия, а те языковые единицы, без которых невозможно овладение лингвокультурной картиной той или иной нации. Например, для русского языка это:

- прецедентные тексты: *а может, тебе дать и ключ от квартиры, где деньги лежат; Куликово поле; тише едешь – дальше будешь; понаехали тут; Ломоносов (свои ломоносовы); человек – это звучит гордо; чтобы у нас всё было, а нам за это ничего не было; лёд тронулся, господа присяжные заседатели* и т. п.;

- имена собственные: *Петр и Февронья, Белоярск, Куликово поле, П. А. Столыпин, Ф. И. Шалапин, П. М. Третьяков, Золотое кольцо, БАМ, Танкоград, Ю. А. Гагарин, и др.* Но в век глобализации, в эпоху межкультурных связей все больше имен собственных, имеющих заимствованное происхождение, становятся неотъемлемой частью лингвокультурного содержания: *Святой Валентин, Джеки Чан, Твиттер, Гарри Поттер,*

Яндекс, МВА, Форбс, Стивен Спилберг, Таймс, Гарвард, Лионель Месси и др.;

- фразеологизмы: *сибирский валенок, вольный казак, ариин с шапкой, бить баклуши, бесструнная балалайка, тряхнуть мошной* и т. п.

Для английского языка характерны свои языковые единицы, для французского – свои и т. д.

Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез в учебном пособии «Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика» отмечают, что «когнитивные аспекты обучения неродному языку, связанные в первую очередь с развитием у учащегося языковой и концептуальной картины мира, требуют расширения “рамок” учебного процесса за счет включения в этот процесс его (учащегося) реального индивидуального опыта в межкультурном общении, развития и поддержки заинтересованности каждого человека в изучении языков на протяжении всей жизни» [1. С. 16].

Но, как показывает практика, обучаемые в нашем обществе имеют малый опыт межкультурного общения (с представителями дальнего зарубежья) и нет реальной возможности осуществлять данный процесс ни в рамках общеобразовательной школы, ни даже обучаясь в высшем учебном заведении. Поэтому преподаватель (учитель) должен обладать соответствующими знаниями, умениями и навыками, компетенцией, владеть методикой и средствами обучения, позволяющими строить учебный процесс на должном уровне и получать эффективные результаты, а для поддержки заинтересованности каждого человека в изучении языка необходимо вызывать интерес к другому языку, иной культуре с позиции равенства и толерантности.

Кроме того, авторы отмечают важность работы над языковым материалом и, в частности, национально-маркированной безэквивалентной, фоновой и коннотативной лексикой. Сами авторы отмечают, что ни при каких целевых установках, ни при каком количестве часов, отводимых на изучение иностранного языка, овладеть этим богатством не представляется возможным, поэтому необходим отбор содержания [1. С. 133].

Нами предлагается такой отбор необходимого, который будет достаточен в условиях нехватки времени на изучение и овладение иностранным языком. В век «переизбыточности информации» становится просто необходимым тщательный отбор, анализ материала и уже потом презентация его обучаемым.

Базовый лингвокультурный материал, содержащий в своем арсенале базовые лингвокультурные единицы, включающий слова, словосочетания, фразеологизмы и прецедентные тексты,

рассматривается как часть системы языка, который одной стороной соприкасается с языковой и культурной средой и является их транслятором для другой стороны – личности, способствующий адекватному процессу межкультурного взаимодействия.

С лингвистической позиции базовые лингвокультурные единицы имеют следующие характерные черты:

- 1) принадлежат конкретному языку и определенной системе языка;
- 2) имеют семантическое значение;
- 3) обладают коммуникативной направленностью;
- 4) репрезентируют реалии окружающей действительности;
- 5) выполняют прагматическую функцию, так как воздействуют на собеседника в зависимости от целей и задач коммуникации.

С позиции культуры базовые лингвокультурные единицы имеют следующие характерные черты:

- 1) культурную содержательность, так как за каждой такой единицей стоит культура народа, общности, выработанной на протяжении многих лет;
- 2) дидактическую направленность, так как, усваивая их, носитель языка овладевает навыками и приемами употребления;
- 3) семиотическую составляющую, так как являются частью знаковой системы, которая применяется данным обществом;
- 4) ценностный смысл, так как овладение ценностями (языковыми, культурными) социума и нации и есть высший уровень развития человека, а значит и общества в целом.

Поэтому, используя базовый лингвокультурный материал, мы не только приобщаем обучаемого к языку и культуре, а овладевая целым набором таких знаний в области языка, языковой культуры, человек становится более компетентным в коммуникационном пространстве и лучше взаимодействует с представителями другого языка и культуры. Ведь между таким материалом и обществом всегда существует непосредственная связь, так как общество активно и постоянно употребляет его, а сам он является отражением жизни общества, его нравственных и духовных или материальных ценностей. Это то, как люди данного общества живут, думают, соблюдают традиции и обычаи, приобщаются к духовно-нравственным ценностям.

Таким образом, активизация процесса межкультурного взаимодействия, на наш взгляд, становится возможной при непременно использо-

вании лингвокультурного материала и, конечно же, методов правильного их применения. Любая возможность активизации данного процесса является ценной для нахождения новых методов и средств в совершенствовании межкультурной коммуникации, в «лингвокультуривании» каждого члена общества, а значит и всей нации в целом.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. 3-е изд., стер. М. : Академия, 2006. 336 с.
2. Елизарова, Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб. : КАРО, 2005. 352 с.
3. Леонтович, О. А. Россия и США : введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие. Волгоград : Перемена, 2003. 399 с.

4. Леонтович, О. А. Жизнь и культура США : лингвострановедческий словарь / О. А. Леонтович, Е. И. Шейгал. Волгоград : Станица-2, 1998. 416 с.

5. Ощепкова, В. В. [Электронный ресурс]. URL : www.dissercat.com/content/kulturologicheskie-etnograficheskie-i-tipologicheskie-aspekty-lingvostranovedeniya#ixzz2bRr3Z0L7.

6. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово, 2000. 262 с.

7. Khalupo, O. I. The Theoretical Aspects of Intercultural Competence Study from the Point of View of Language and Culture Interaction // Proceedings of the XXXI International Scientific-Practical Conference "Ways of Solving Crisis Phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics". L. : IASHE, 2012. P. 191–193.

Л. М. Хусаинова (Стерлитамак, Россия)

СОВРЕМЕННОЕ БАШКИРСКОЕ ПИСЬМО НА КИРИЛЛИЦЕ

Article examines modern Bashkir alphabet, which is based on the Cyrillic alphabet. Cyrillic alphabet was used to write the Bashkir words even before the October Revolution of 1917 So, Russian educator XIX century VV Katarinsky in his primer for proposed Bashkir language alphabet, he had developed on the basis of Russian letters. The author gives detailed specifications Bashkir alphabet letters, phonemes and allophones.

Keywords: Bashkir alphabet, graphics, alphabet, letters, phonemes, sound, allophones.

Для создания национального башкирского письма использовать русский алфавит предлагалось еще в конце XIX – начале XX в. русскими учеными и башкирской национальной интеллигенцией. Такие исследователи, как Р. Г. Игнатъев, В. В. Катаринский, А. Г. Бессонов, М. В. Лоссиевский, С. Г. Рыбаков, М. А. Кулаев и др. собирали образцы башкирского народного творчества, пользуясь при этом русской графикой. Но кириллица не могла в полной мере отразить при письме специфические башкирские звуки. Видимо, поэтому возникает необходимость составления алифбы на основе русского алфавита.

Первый такой букварь для башкир был издан в Оренбурге в 1892 г., второе его издание вышло в 1898 г. Следует отметить, что в обоих из них не указан автор. Профессоры Н. К. Дмитриев и Дж. Г. Киекбаев высказали мнение о возможной принадлежности первого букваря В. В. Катаринскому, которому активно помогал учитель Серме-

новской русско-башкирской школы Мухаммед-Галим Куватов [2. С. 102]. Букварь, состоящий из 58 страниц, включает два раздела: башкирский и русский. В первом, башкирском разделе, дается алфавит в следующем порядке – а, л, м, т, ш, у, р, с, н, к, о, ө, ц, ы, й, б, з, ї, д, з, н, я, ä, и, п, э, е, j̄, ю, х, ф. Такое расположение букв не случайно. Учащиеся таким образом с самого начала изучения алфавита легко могут составлять слоги и слова: ал, мал, талама... Хотя в алфавите представлена 31 графема, в самом букваре сказано, что для записи слов башкирского языка достаточно 29 букв [1. С. 18].

Второй, русский, раздел написан с целью обучения башкирских детей русскому языку, что считалось необходимым условием для всестороннего развития человека, знающего грамоту. В конце букваря представлены тексты для чтения поучительного характера, а также пословицы, поговорки и загадки.

Таким образом, «Букварь» В. В. Катаринского является первым опытом создания современной национальной башкирской письменности, и сегодня этот первый башкирский букварь предстает как памятник просветительским идеям, несущим свет и явившимся одним из источников образованности наших современников [2. С. 104].

Переход башкир к кириллице произошел только в 1940–1941 гг., когда практически все национальные республики бывшего Советского Союза начали создавать алфавиты на основе русского алфавита. По данным К. М. Мусаева, в настоящее время алфавиты на славяно-русской графической основе составляют подавляющее большинство – ими пользуются более 90 % населения данного региона [5. С. 43–45].

Славяно-русский алфавит восходит к славянской письменности, созданной братьями Кириллом и Мефодием. Ее прототипом был греческий алфавит IX в. н. э. Из 43 букв кириллицы 24, несомненно, заимствованы из византийского уставного письма с сохранением их графической формы. Остальные 19 букв отсутствовали в византийском письме и были введены для передачи особых звуков славянской речи.

Современный русский алфавит значительно отличается от кириллицы. В нем имеется 33 буквы. Речь передается словами, отделенными пробелами. Слова пишутся буквами алфавита, причем буква следует за буквой согласно их последовательности в произношении. Кроме букв, имеется несколько знаков препинания, а также специальные знаки (логограммы) для математических, химических и других терминов. Буквосочетания и морфемы обслуживаются теми же знаками алфавита. Например, приставка *рас-* в слове *распад* пишется так же, как созвучное ей буквосочетание *рас* в слове *растение*. В письме применяются некоторые необязательные сокращения, построенные из начальных букв. Имеются прописные (заглавные) буквы, удобно выделяющие начало фразы или имена собственные. Такая конструкция допускает простое и точное написание каждого слова языка. Написанный текст может быть точно и быстро прочтен самим пишущим или посторонним лицом, знающим язык.

Простота конструкции осложняется, по крайней мере, в процессе обучения тем, что приходится запоминать четыре варианта каждой буквы: два печатных (строчной и прописной) и два «рукописных». В сумме имеется 132 знака для 33 букв [6. С. 19–20].

Известный тюрколог К. М. Мусаев, изучив современные алфавиты, основанные на русской

графике, выделяет следующие способы передачи специфических фонем национального языка:

1. Использование русской буквы, которая несет и другую функциональную нагрузку, например узбекская *o*, казахская *ы* и т. д.

2. Снабжение русской буквы слитными диакритическими значками – черточкой, петлей, седилем и т. д.: *ћ, Ё, ж, Ъ*.

3. Использование отдельных надбуквенных диакритических значков, апострофа: *ө, ү, ұ* и др.

4. Перевооруживание букв: *ә, Ӈ*.

5. Комбинация нескольких букв: *къ, кхъу, җИҗ* и т. д.

6. Введение знаков из алфавитов другой графической основы, чаще всего латинской: *h, j* и т. д.

7. Изобретение новых букв, что менее распространено, например абхазская *џ*. В абхазском языке существуют и другие способы создания букв: слияние букв (лигатуры) (*т+ц*), использование знака *з* (знак, принятый Международной фонетической ассоциацией).

Из перечисленных способов наиболее удобными являются второй, четвертый и шестой, и именно их необходимо использовать для создания дополнительных знаков-букв [4. С. 66].

Для создания башкирского алфавита использованы все 33 буквы русского алфавита, которые дополнены графемами для обозначения башкирских специфических звуков: *ль, нь, к, һ, и, Ы, ү, Ј, Ё*. Таким образом, современный башкирский алфавит состоит из 42 букв. Следует отметить, что они не все участвуют в написании башкирских слов. Так, буквы *ё, ц, иц, ч* употребляются лишь в заимствованиях из русского языка в соответствии с нормами русской орфографии, правда, последняя встречается и в диалектах башкирского языка.

Буквами¹ *а, д, Ы, ж, з, и, й, к, л, м, н, Ё, п, р, с, и, т, ф, х, ү, ч, ш, э* обозначаются строго определенные отдельные фонемы (в этом случае в основе правописания лежит последовательно проводимый фонологический принцип). Буквы *б, г, һ* также соотносятся с определенными фонемами: *бабай* ‘дед’, *гъль* ‘цветы (комнатные)’, *аһас* ‘дерево’. Но они используются и для обозначения звонких аллофонов соответствующих конечных корневых глухих согласных: *шьп* ‘хорошо, быстро’ – *шьб-ерьк* ‘лучше, быстрее’, *тӀк* – ‘вылить’ – *тӀг-ел* – ‘вылиться’, *ак* ‘белый’ – *аһ-ырак* ‘белее’. Отражая, таким образом, фонетическое совпадение фонемы с аллофоном другой фонемы, правописание в данном случае строится на чисто фонетическом принципе – за буквой в конечном итоге оказывается закрепленным определенный звук, а не фонема. Буква оказывается однозначной лишь на фонетиче-

ском уровне и двузначной на фонологическом [З. С. 72].

Имеются в алфавите буквы, обозначающие две разные фонемы, но отнюдь не совпадающие также на фонетическом уровне: *в, е, о, у, ы, э, ы, ю, я*.

Несколько значений имеет буква *в*: в анлауте исконно башкирских слов обозначает губно-губной среднеязычный велярный (*вак* 'мелкий') или палатальный (*вльһльӱль* 'обещание') сонант, передаваемый в других позициях соответственно буквами *у* и *Ј* (*кауын* 'дыня', *кеЈек* 'подобно, похоже', *арыу* 'сносный, неплохой', *килеЈ* 'приход, прибытие'), а в заимствованиях соответствует русской *в* (*вагон, Волга*) [З. С. 72–73].

Буква *е* в анлауте исконно башкирских слов обозначает йотированное сочетание *й+е* (*ел* 'ветер'), в остальных позициях – полуузкий передний неогубленный краткий гласный (*кеше* 'человек'), передаваемый в анлауте буквой *э* (*эш* 'работа'), исключая русские заимствования, где соответствует русской *е* (*кремль, орден*).

Графема *э* в анлауте исконно башкирских слов обозначает негубной полуузкий краткий гласный переднего ряда, который в середине и конце слова передается буквой *е* (*эре*), а в заимствованиях из русского языка сохраняет свое исконное значение (*экзамен, электр, электричество*).

Лабialized фонема [о] обозначает в исконно башкирских словах слабоогубленный широкий гласный заднего ряда (*оло* 'большой'), а в русских заимствованиях – русскую *о* (*колхоз, комсомол*). Следует отметить, что в орфоэпическом плане эти два звука сильно отличаются друг от друга, но в письме это явление никак не отражается. Буквами *а, э, ы* также приходится обозначать и башкирские, и русские звуки, которые отличаются друг от друга, например, в словах *атай* 'отец' – *атом, эш* 'работа' – *этаж, тын* 'дыхание' – *тыл*. Проявление акцента в речи русских, изучающих башкирский язык, объясняется этими фактами.

Буква *у* в интервокальном положении и в ауслауте после *а, ы* и *о* соответствует губно-губному среднеязычному велярному сонанту (*уауа* 'воздух', *аӱау теш* 'коренной зуб', *байы-* 'богатеть', *ос-* 'летать'), в остальных позициях обозначает полуузкий слабоогубленный гласный заднего ряда (*ут* 'огонь', *туҮ* 'мерзлый') [З. С. 73].

Переднеязычный вариант вышеназванной фонемы [Ј] в интервокальном положении и в ауслауте после *ль, ь* и *е* соответствует палатальному варианту губно-губного среднеязычного сонанта (*сеЈ* 'тише, перестань', *сеЈьтль* 'деревянная чаша'), в остальных позициях обозначает слабоогубленный гласный переднего ряда (*Јс* 'месть', *кЈӱ* 'глаз').

Йотированная буква *ю* обозначает *й+у* (*юк* 'нет') и употребляется, как правило, в анлауте исконно башкирских слов. В заимствованиях из русского языка применяется в соответствии с русским правописанием (*июль, июнь, юбилей*).

Буква *я* обычно обозначает *й+а* (*ял* 'грива', *таяк* 'палка', *картаямын* 'старею'). Такое употребление сохранилось и в заимствованиях из русского языка.

Не однозначны по своему употреблению мягкий (*ь*) и твердый (*ъ*) знаки. Они выполняют три функции:

1) в заимствованиях из русского языка используются по своему исконному назначению в соответствии с нормами русского правописания: '*большевик, адъютант*';

2) после конечного согласного первого компонента сложного слова перед йотированным гласным *я* второго его компонента выполняют разделительную функцию – отграничивают чаще всего сингармонически разные компоненты друг от друга: *альяпкыс* 'фартук', *ашъяулык* 'скатерть', *куляӱма* 'рукопись', *кньняк* 'юг', *тньняк* 'север';

3) в арабизмах *тльмин* 'снабжение', *тльцир* 'влияние', *Мньминь* (жен. имя), *МльмЈнь* (жен. имя) и отдельных словах звукоподражательного происхождения типа *маьмай* 'собака' (в языке детей), *мььелдль* – 'блеять' обозначают гортанную смычку-отступ (гамзу) после первого открытого слога, четко отграничивая его от последующего слога (например, *мьсььльль* 'задача, проблема', где такой смычки нет и мягкий знак применяется по старой орфографической традиции для графического выделения гамзы) [З. С. 73].

Таким образом, в условиях развивающегося двуязычия и многоязычия, когда значительная часть нерусского населения страны в той или иной степени владеет русским языком, который всё больше становится вторым родным языком, создание алфавита на кириллической графической основе считается объективной необходимостью, ибо знающий один алфавит получает возможность читать на обоих языках без траты сил и времени на дополнительное обучение. Именно в этом заключается преимущество современных национальных алфавитов на кириллице.

Примечание

¹ При характеристике букв башкирского алфавита использована «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М., 1981. С. 72–73).

Список литературы

1. Букварь для башкир. Оренбург, 1892 (1898). 58 с.
2. Галяутдинов, И. Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа : Гилем, 2000. 448 с.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М. : Наука, 1981. 495 с.
4. Мусаев, К. М. Алфавиты языков народов СССР. М. : Наука, 1965. 1987 с.
5. Мусаев, К. М. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). Алматы : Гылым, 1993. 242 с.
6. Соколов, Н. Н. Письмо вчера, сегодня, завтра. М. : Просвещение, 1989. 144 с.

В. В. Чхеидзе (Кутаиси, Грузия)

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ МИРА

In article is given the analysis of color adjectives in Merezhkovsky's trilogy "Christ and Antichrist". The picture of the world is "synthesis of spiritual - individual and cultural-historical substance"; the appeal to Merezhkovsky's texts is one more step of perception of an overall picture of language as system whole, which is subjectively reflected through a prism of the great master. is shown Individual author's vision of a picture of the world and specifics of its reflection, is defined the role of color adjectives in semantic– stylistic system of the author, is given the semantic and statistic characteristic of color adjectives, their functions – each writer in own way sees the world picture, everyone is unique and peculiar in its reflection.

Keywords: world picture, color the writing, colourativ, structure, analysis.

Наши представления о мире, понятия образов мира, или картин мира, сменяющих друг друга в ходе исторического развития человечества, а иногда и сосуществующих в одну историческую эпоху, весьма многообразны. Мир один, а картин мира у людей много, и все эти картины разные. Это связано с тем, что картина мира не является зеркальным отражением его, а «всегда есть некоторая интерпретация», в зависимости от того, кто является субъектом картины мира, смотрящим на мир и изображающим свое видение.

Однако человек смотрит на мир не только сквозь призму своего индивидуального опыта, но прежде всего через призму общественного опыта, ведь картина мира есть «синтез духовно-индивидуальной и культурно-исторической субстанции» [4. С. 27].

Самое яркое проявление языковой картины мира характерно для художественных текстов, в которых отражается его индивидуально-авторское видение. Картина мира проявляется и в том, каким образом, с помощью каких авторских приемов отражают эти тексты субъективное видение объективной действительности.

Обращение к текстам Мережковского дает возможность осуществить еще один шаг восприятия общей картины языка как системного целого,

субъективно отраженного сквозь призму большого мастера художественного и поэтического слова на основе анализа цветописи, звукописи и ассоциативных представлений в художественных текстах.

Представляется немаловажным и весьма интересным на анализе использования автором этих приемов исследование стилистических возможностей в семантико-стилистической системе Мережковского. Это позволит показать индивидуальное авторское видение картины мира и специфике ее отражения, определить роль колоративов и тропов в его семантико-стилистической системе, охарактеризовать их функции – ведь каждый из художников слова по-своему видит картину мира, каждый неповторим и своеобразен в ее отражении. Анализ названных аспектов авторской системы наглядно показал, насколько индивидуально как само видение, так и отражение этого видения объективной картины мира.

Безусловный интерес представляет рассмотрение при структурно-семантическом описании адекватных колоративов их связей с объектом – исходной, метонимической, метафорической и осложненной, на основе которых строятся переносы адекватных цветообозначений. Наряду с этим полихромия признаков имен в языке

Мережковского позволяет определить их стилистическую значимость в жанровом преломлении. Было рассмотрено использование цветочных прилагательных в трилогии «Христос и Антихрист», объединяющей романы «Смерть богов» («Юлиан Отступник»), «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи») и «Антихрист» («Петр и Алексей») [2]. Однако стилистическому анализу предшествует характеристика цветочных эпитетов с точки зрения их семантики и структуры.

Признаковые имена со значением цвета весьма широко представлены в названной трилогии. 234 цветочных определения используются автором в количестве 2256 словоупотреблений. Наиболее употребительные из них: *белый, черный, бледный, красный, темный, голубой, желтый, синий, зеленый, серый, розовый, седой, светлый, алый, рыжий, смуглый, багровый, белокурый, бледно-голубой, зеленоватый, пурпурный, бледно-зеленый*. Чаще они сочетаются с такими существительными, как: *лицо, глаза, волосы, небо, одежда, свет, тело, пламя, туча, рука, краска*. Из них *глаза, цвет, небо, лицо* наделяются большим спектром цветочных определений. В роли стержневого слова в словосочетании 'признаковое имя со значением цвета + объект' (АЦ+0) может выступать помимо существительного местоимение (*все, мы, что-то*) и субстантивированное прилагательное (*голый*).

Кроме того, для определения стилистических функций цветочного эпитета нами были определены виды связи его с объектом. Связь может быть исходной, метонимической, метафорической и осложненной. Исходная связь – это связь атрибута с объектом, для которого он является характерным признаком (например, в словосочетании 'алые губы'); метонимическая и метафорическая связь – связь атрибута с объектом, которому он не свойствен и на который переходит по смежности или по аналогии ('зеленая Ломбардия', 'чугунно-черная вода'); при осложненной связи метонимические и метаморфические сдвиги скрещиваются и переплетаются, наслаиваются один на другой ('белая смерть'). Выборки материала наглядно иллюстрируют достаточно высокую способность цветочных определений развивать переносные значения. В трилогии широко используются метафорические и метонимические эпитеты, цветообозначения-символы, сравнения, что позволяет выделить своеобразие стиля Мережковского, определить проекцию его видения цвета в жанровом преломлении и сопоставить с идиостилиями других авторов.

Так, если у М. Горького в центральную часть парадигмы адъективных цветообозначений

входят основные яркие тона – *красный, синий, голубой, зеленый, желтый*, а к особо употребительным относится прилагательное *красный* [5. С. 46], то основные цвета Мережковского-романиста – *белый, черный, бледный, темный, голубой, желтый, зеленый, серый, розовый*. Прилагательное *красный* занимает в его парадигме четвертое место – между прилагательным *бледный* и *темный*. Группа адъективных обозначений красного цвета включает в себя ряд наименований как общеупотребительных, характерных для литературного языка и разговорной речи, так и индивидуально-авторских, составляющих своеобразную колоративную палитру Мережковского. Для наглядности можно сопоставить насыщенную цветочную гамму обозначений красного и его оттенков у Горького: *красный, алый, пунцовый, рдяный, кровавый, кумачовый, рубиновый, гранатовый, багровый, багряный, пурпурный, кирпичный, мясной, малиновый, вишневый, огненный, цвета сурика, бордо, красненький, красноватый, густо-красный, ярко-красный, ядовито-красный, тускло/тусловато - красный, светло-красный, темно-красный, мутно-красный, кирпично-красный, кроваво-красный, рдяно-красный, красновато-медный, золотисто-красненький, багрово-желтый, красно-серый* и др. [5. С. 47], с колоритной адъективной цветописью у Мережковского: *красный, алый, багровый, багряный, пурпурный, пунцовый, огненно-рыжий, красноватый, темно-красный, краснощекий, мутно-красный, багряно-золотистый, красно-рожий, кроваво-красный, огненный, черно-красный¹, багрово-сизый, багрово-фиолетовый, воспаленно-красный, дымно-багровый, красно-зеленый, красно-коричневый, красно-пегий, медно-красный, обогранный, огненно-желтый, пурпуровый, сизо-багровый, темно-алый, темно-багровый, темно-пунцовый, тускло-багровый, червленый*.

Прежде чем перейти к семантическому анализу цветочных определений, рассмотрим адъективы с точки зрения их структуры. В последнее время в связи с новыми изысканиями в области семасиологии и словообразования традиционная классификация имен прилагательных перестала удовлетворять исследователей, ибо она оставляла «без внимания существенные стороны лексического значения этих слов», а связанная с ней терминология была весьма «неточна и двусмысленна» [1. С. 64]. Ученые ссылаются на «недостатки» и «уязвимые места» при классификации прилагательных [7. С. 82–87; 3. С. 112–113], на отсутствие строгой последовательности с точки зрения семантики. При отходе от традиционного деления прилагательных в них выделяются

разные классы, подклассы, роды и подроды [10]; вводится идеографическая парадигма, представленная разными полями прилагательных и показывается их внутренняя микроструктура: микрополя, тематические, лексико-семантические группы, синонимические ряды [6]; предлагается классификация определенных прилагательных в творчестве определенного автора (претерпевающих, например, метонимический перенос в пушкинских текстах) [8]. И, тем не менее, хотя авторы приходят к выводу о невозможности найти какой-либо единый критерий, в соответствии с которым можно было бы дать единое структурированное описание всего состава имен прилагательных [6. С. 98], а потому все эти классификации не могут быть лишены уязвимых мест, выделение цветовых прилагательных ни у кого из исследователей не вызывает сомнения.

Какова же структура адъективных колоративов, используемых в трилогии «Христос и Антихрист»? Прежде всего их можно разделить на простые и сложные (композиции). При отсутствии сложности в семантике простых имен прилагательных со значением цвета в них можно выделить три основные лексико-семантические группы: а) собственно цветовые признаковые имена, которые называют определенный цветовой фон (*алый, белый, зеленый*); б) световые признаковые имена, называющие степень цвета, тона, освещенности, видимости, его интенсивность (*блестящий, голубоватый, матовый, светлый, темный, чернешенек, черный-пречерный, ясный*); в) относительные, которые называют признак опосредованно, через отношение к другому предмету (*золотой, кофейный, огненный, песочный*). Соответственно простые цветовые прилагательные можно обозначить: Ац, Ас, Ао.

В зависимости от характера синтаксических отношений между компонентами, составляющими сложные слова, различаются два основных типа композиций – сочинительные и подчинительные. Цветообозначения даются в частотной последовательности, остальные, следующие за знаком X, представлены единичными словоупотреблениями и даны в алфавитном порядке.

Сочинительные композиции представляют комбинацию равноправных компонентов. Эти композиции выражаются признаковыми именами (А+А): *влажно-розовый, зеленовато-желтый, пыльно-желтый*.

Подчинительные композиции представлены комбинацией компонентов, среди которых различаются главные и зависимые. В роли главных выступают имена существительные, редко – числительные (*полу*), в роли зависимых – признако-

вые. Таким образом, подчинительные композиции – это сочетание адъектива с именем (А+N): *бледнолицый, белоснежный, полутемный, черноокий*. Имена существительные в таких композициях называют понятия, связанные с обликом человека, частями его тела: *борода, волосы, кудри; глаз, око; лицо, рожка; нос; щеки (белобородый, рыжеволосый, золотокудрий, зеленоглазый, румянорожий, красноносый и др.)*. В очень редких случаях они называют иные понятия – *белокаменный, черномазый*.

Сочинительные композиции в романах Мережковского варьируют свои компоненты в следующих комбинациях:

1. Цветовой признак + цветовой признак / Ац+Ац (*багрово-фиолетовый, бело-розовый, желто-карий*).

2. Цветовой признак + световой признак / Ац+Ас (*желто-бледный*).

3. Цветовой признак + относительный признак / Ац+Ао (*багряно-золотистый, желтооливковый, черно-серебристый*).

4. Световой признак + цветовой признак / Ас+Ац (*бледно-зеленый, темно-голубой, мутно-зеленый, прозрачно-голубой*).

5. Световой признак + световой признак / Ас+Ас (*прозрачно-бледный, прозрачно-светлый, прозрачно-темный, темно-яркий*).

6. Световой признак + относительный признак / Ас+Ао (*бледно-золотой, темно-золотистый*).

7. Относительный признак + цветовой признак / Ао+Ац (*бархатисто-белый, воздушно-голубой, чугунно-черный, шелковисто-черный*).

8. Относительный признак + световой признак / Ао+Ас (*безнадежно-ясный, серебристо-темный, звонко-ясный, мертво-бледный*).

Наличие той или иной комбинации в сочинительных композициях наглядно иллюстрирует таблица.

Комбинации в подчинительных композициях не варьируются и представлены одной формулой – А+N (*желтолицый, черноглазый*). В основном первый компонент композиции выражается цветовым прилагательным, очень редко – световым и относительным.

Как показал анализ, в трилогии, в отличие от поэтического текста, Мережковский использует чаще всего сложные цветовые имена прилагательные, которые составляют 64 % всей суммы колоративных элементов. Из сложносочиненных наиболее частотны композиции с сочетанием свето-цветовых, относительно-цветовых и цвето-цветовых признаковых слов. В группе

сложноподчиненных наиболее употребительны композиты, где зависимый компонент выражен цветovým прилагательным.

В простых признаковых именах преобладают собственно цветové прилагательные – самая частотная по количеству использования из всех подгрупп цветových адъективов.

Таким образом, цветové прилагательные по количеству использования их в трилогии распределяются следующим образом.

Из 234 колоративов, используемых автором, 83 – простых, что составляет 36 % общего числа цветových адъективов, и 151 – сложных (64 %). Из них:

Количество	Именованье	Значение (в %)
61	Цветových	26
12	Светových	5
10	Относительных	4
22	Цвето-светových	9
2	Свето-цветových	0,8
8	Цвето-относительных	3
43	Свето-цветových	16
3	Свето-светových	1,2
2	Свето-относительных	0,8
37	Относительно-цветových	12
10	Относительно-светových	4
21	С зависимым цветovým компонентом	9
2	С зависимым светovým компонентом	0,8
1	С зависимым относительным компонентом	0,4

Помимо «чистых» имен прилагательных, для обозначения цветového признака в романах используются причастия, так называемые «гибридные глагольно-прилагательные формы». Совмещая в себе свойства глагола и прилагательного, они называют цветовой признаком имени, связанный с действием, его видом (*розовевший* – *порозовевший*), временем (*темнеющий* – *потемневший*), залогом (*обагренный*, *набеленный* – *почерневший*, *побледневший*). Причастия составляют более 7 % всех признаковых имен; они представлены в следующих адъективных словосочетаниях: *посиневшие реки*, *посиневшее лицо*, *посиневший нищий*, *посиневшая женщина*; *пожелтевший мрамор*, *пожелтевшая тетрадка*; *побледневшие губы*, *побледневшее личико*; *порозовевшие крылья*, *хлопья*; *седающие волосы*; *желтевший ячмень*; *набеленная*, *нарумяненная Катенька*; *обагренные тучи*; *пожелтелые вырезки*; *порыжелый подрясник*; *посинелое лицо*; *потемневшие доски*; *почерневшая иконка*; *розо-*

вевший Акрополь; *синеющие горы*; *темнеющий эфир*. В художественных текстах Мережковского отмечено 27 словоупотреблений «глагольно-прилагательных форм» с цветовой семантикой.

В группе простых цветových прилагательных можно выделить пласт слов, которые помимо своего предметно-логического значения имеют оценочный компонент (аффикс), обладающий четко выраженной коннотацией и являющийся одним из экспрессивных средств языка. Этот пласт невелик, он приближается к 6 % всех цветových адъективов, и, тем не менее, в текстах встречается около 70 употреблений таких слов: *беленький*, *белесоватый*, *беловатый*, *голубоватый*, *желтенький*, *желтоватый*, *зеленоватый*, *красноватый*, *седенький*, *серенький*, *синеватый*, *черненький*, *чернешенька*, *черный-пречерный*.

Как уже было сказано выше, цветové прилагательные легко могут развивать переносные значения. Колоративный признак часто наблюдается в метафорических и метонимических словосочетаниях, в сравнениях и символах. Порой эти переносы наслаиваются один на другой, что создает условия для использования еще одного выразительного средства – осложненного эпитета.

Подобный анализ цветообозначений был проделан и на материале критической и исследовательской литературы и поэтических текстов Мережковского (рамки статьи не позволяют подробно остановиться на нем). Результаты нашего скромного исследования обобщенно можно сформулировать следующим образом:

– отход от традиционного деления прилагательных в текстах Мережковского позволил выделить разные группы понятийной категории среди простых колоративов и композитов, различающихся различной степенью вариации позиций;

– критическая и исследовательская литература Мережковского относительно меньше (по сравнению с романами и поэзией) насыщена адъективными колоративами, а в некоторых статьях последние и вовсе отсутствуют, что, очевидно, также обусловлено стилистической заданностью и приемом автора; анализ статей позволил выделить в каждой из них цветовой фон со своим колоративным ядром и периферией, характеризующихся определенной закономерностью и частотностью употребления тех или иных красок;

– в отличие от поэтической речи в трилогии чаще всего используются сложные цветové адъективы, которые составляют 64 % от всего количества колоративов;

– семантико-стилистическая система Мережковского отличается тщательным, детальным

описанием, что, с одной стороны, обусловлено необходимостью толкования не совсем понятного для читателя термина, а, с другой стороны, используется для создания образов ощущений и ассоциаций

Примечание

¹ Цветообозначения даются в частотной последовательности, остальные, следующие за знаком *, представлены единичными словоупотреблениями и даны в алфавитном порядке.

Список литературы

1. Арбатская, Е. Д. О лексико-семантических классах имен прилагательных русского языка / Е. Д. Арбатская, Д. И. Арбатский // *Вопр. языкознания*. 1983. № 1. С. 52–65.
2. Мережковский, Д. С. Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда, 1990.
3. Милославский, И. Р. Морфологические категории современного русского языка. М. : Просвещение, 1981. 254 с.
4. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке / Б. А. Серебренников,

Е. С. Кубрякова, Е. И. Постовалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1988. 216 с.

5. Сиротина, В. А. Эстетический потенциал лексико-семантических групп в идиостиле М. Горького // *Рус. яз. в шк.* 1986. № 3. С. 44–50.

6. Соколовская, Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики. Киев : Наукова думка, 1990. 183 с.

7. Чернов, В. И. О функциональном аспекте лексико-грамматической классификации имен прилагательных // *Рус. яз. в шк.* 1973. № 5. С. 82–97.

8. Чхеидзе, В. В. Адъективная метонимия в поэзии Пушкина : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 262 с.

9. Чхеидзе, В. В. Метафорические и метонимические словосочетания с цветовым признаком в текстах Мережковского // *Русский язык : система и функционирование*. Батуми : Изд-во гос. ун-та Шота Руставели, 2008. С. 210–219.

10. Шрамм, А. Н. Проблема многозначного слова (на материале имени прилагательного) // *Лекции по русскому языкознанию*. Калининград, 1975. С. 17–35.

А. Н. Шабалина (Белово, Россия)

АНГЛИЙСКИЙ 'COFFEE' И РУССКИЙ 'КОФЕ': ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

The article presents the comparative analysis of an English family of cognate words with the semantic center 'coffee' and a Russian family of cognate words with the semantic center 'кофе' using the method of frame-propositional modeling. The language pictures presented reflect the habitual, every day notions of average English-speakers as well as Russian-speakers revealing the results of cultural and historic backgrounds of both language pictures.

Keywords: proposition, frame, semantic variant, functional role, concept.

Кофе в Англии появился на несколько десятилетий раньше, чем чай, и сразу завоевал любовь английских мужчин. Бодрящий напиток кофейных рестораничек Оксфорда 1635 г. сопровождал длительные научные дискуссии мужей науки. 1652 г. считается годом начала кофейной эпохи в Англии, которая продлилась два столетия. В то время многие считали, что кофе обладает целебными свойствами. Однако в 1674 г. напитку грозило запрещение: дело в том, что женщины, не допускаясь в кофейные дома, жаловались королю на мужей, проводивших слишком много

времени в кофейнях, и требовали запретить этот напиток. Но «Женская петиция против кофе» получила мощный отпор со стороны мужчин, и кофейные дома продолжали процветать. Исключительный стиль кофейных английских клубов заключался в их стремлении к равенству и дружескому общению. Свидетельством того, что кофейный бизнес был очень успешным, являются следующие факты: основатель «Ллойд кофи хауз» накопил достаточно средств, чтобы открыть всемирно известную страховую компанию; другой кофейный дом – «Джонатан» – стал

центром торгов и превратился со временем в первую английскую фондовую биржу. В наши дни большой популярностью у англичан пользуется кофе, ароматизированный виски, или кофе с добавлением ликеров.

Семья однокоренных слов представляет оязыковленный фрагмент картины мира, результат мыслительной деятельности человека по восприятию окружающей действительности и ее категоризации на основании врожденных когнитивных структур – концептов (пропозиций, фреймов) – и ранее усвоенного опыта. При этом связанность лексических единиц общим корнем подчеркивает их соотнесенность в человеческом сознании единым содержанием. Универсальный способ концептуальной организации человеческого сознания заставляет познающего субъекта классифицировать воспринимаемые объекты в соответствии с их функциональными ролями: источник ситуации (S) – предикат (P) – объект, на который направлена созидательная/ разрушительная деятельность субъекта (O) – *инструмент, при помощи которого действует субъект* (I) – **результат**, к которому стремится субъект (R) – место осуществления действия (L) – время протекания действия ситуации (T). Довольно часто происходит дублирование названия действия через имя существительное (R0) наряду с глагольным словом. Таким образом, мы приходим к восьмичленной структуре ситуации [2. С. 94–107]. Изображение отношений между словами с общим корнем и семантикой с использованием структур пропозиций и фреймов позволяет реконструировать человеческий опыт по осуществлению описываемой деятельности с указанием значимых участков номинации. Восстановленные ситуации бытия англоязычного/ русскоязычного человека позволяют проникнуть в его менталитет, увидеть специфику его культурного пространства.

Рассмотрим семью однокоренных слов с семантическим ядром ‘coffee’, которая представлена 32 лексико-семантическими вариантами. Целый ряд наименований указывает на инструмент (I) осуществления операций, связанных с приготовлением и потреблением кофе. Семантика инструментальной функции в совокупности со специфичным для каждой ситуации объектом позволяет выделить следующие действия: размалывания кофейных зерен (I пропозиция); варения кофе (II); удаления кофейной гущи (III); питья кофе с мягким вкусом (IV); подачи кофе (IX); помешивания кофе (X) и расположения книги большого формата с иллюстрациями на журнальном столике (XIII). Темпоральная функция лексических единиц ‘coffee-break’ и ‘coffee hour’ позво-

ляет выделить ситуации времени употребления кофе (VI). Локативная функция ряда единиц провозирует развертывание ситуации места потребления кофе (VII). Во всех перечисленных ситуациях не объективируются однокоренными словами ни субъект, ни предикат ситуации. Только в XI и XII пропозициях роли субъекта и предиката заполняются лексемами, дающими возможность на восстановление ситуаций неформальных женских встреч с целью разговора. Необходимо отметить, что английские толкования не несут негативной оценки данного события, что мы чувствуем в толкованиях НБАРС. Мы уже неоднократно сталкивались либо с ошибочными, либо некорректными определениями упомянутого словаря в словарных статьях, касающихся лексики, описывающей сферу приготовления и потребления пищи [3]. Поэтому мы считаем вполне уместным в большей степени опираться на английские толкования при интерпретации кофейного события. На том же основании мы опускаем употребление лексической единицы ‘coffee-house’ (разг. ‘заниматься пустой болтовней и сплетнями’), которая упоминается в НБАРС, однако не встречается в английских толковых словарях. Особняком стоит ситуация с локативом ‘coffee-house’ (VII. б), который является историзмом – словом, описывающим понятие ушедшей эпохи расцвета кофейных заведений Англии. С одной стороны, слово не отражает видение современной ситуации, связанной с приготовлением и потреблением кофе. С другой стороны, восстанавливаемый фрагмент английской языковой картины мира не будет полным без упоминания этого значимого слова, возможно, одного из первых появившихся в эпоху распространения кофе в Англии. Рассмотрим полный фрейм ‘coffee’:

I. (X) некто (S) – размалывает (P) – roasted (поджаренные) **coffee-beans** (кофейные зерна; coffee seeds) (O) – используя **coffee-grinder** (I. кофейная мельница, кофемолка)/ **coffee-mill** (кофемолка, кофейная мельница; device for grinding roasted coffee-beans) (I) – в результате есть **coffee** (I. I) кофе; coffee powder) (R);

II. (X) некто (S) – варит (P) – **coffee** (I. I) кофе; coffee powder) (O) – используя **coffee maker** (кофеварка; a kitchen appliance for brewing coffee automatically) (I) – в результате есть **coffee** (I. I) кофе; a beverage consisting of an infusion of ground coffee beans) (R);

III. (X) некто (S) – удаляет (P) – **coffee-grounds** (pl кофейную гущу; the dregs remaining after brewing coffee) (O) – используя **coffee filter** (filter (usually of paper) that passes the coffee and retains the coffee grounds) (I);

IV. (X) некто (S) – пьет (P) – **coffee** (I. 1) кофе; *a beverage consisting of an infusion of ground coffee beans* (O) – используя **coffee cream** (сливки для кофе)/ **coffee lightener** (осветлитель кофе (заменитель сливок или молока); *забеливатель кофе*)/ **coffee whitener** (осветлитель кофе (заменитель сливок или молока); *забеливатель кофе*) (I);

V. (X) некто (S) – пьет (P) – **coffee royal** (черный кофе с ромом) (O) – используя **coffee** (I. 1) кофейную чашку, ложечку (I);

VI. (X) некто (S) – пьет (P) – **coffee** (I. 1) кофе; *a beverage consisting of an infusion of ground coffee beans* (O) – во время **coffee-break** (короткий перерыв (в работе, чтобы выпить кофе))/ **coffee hour** (2. короткий перерыв (в работе, чтобы выпить кофе)) (T);

VII. а) (X) некто (S) – заказывает (P) – а **coffee** (I. 2) чашку кофе)/ **coffee-and** (разг. кофе с пончиками, пирожными и т. п.)/ **coffee-cake** (булочка или кекс к кофе (часто с орехами и изюмом))/ **coffee-ring** (амер. сдобное кольцо с орехами и изюмом)/ **coffee roll** (амер. сладкая булочка с изюмом, цукатами) (O) – в **coffee-bar** (буфет, небольшое кафе)/ **coffee-room** (кафе, столовая (в гостинице))/ **coffee shop** (I. буфет, кафе (обыкн. при гостинице))/ **coffee-stall** (передвижной ларек или стойка для продажи горячего кофе; *movable stand selling hot coffee and food in the streets (esp at night)*) (L);

б) (X) некто (S) – заказывает (P) – **coffee** (I. 1) кофе; *a beverage consisting of an infusion of ground coffee beans* (O) – в **coffee-house** (преим. *ист. кофейня*; (formerly, in England) *place frequented by literary men as a sort of club; A restaurant where coffee and other refreshments are served, especially one where people gather for conversation, games, or musical entertainment*) (L);

VIII. (X) некто (S) – приглашает (P) – на **coffee** (I. 2) с подачей кофе) вечеринку/ **coffee hour** (I. встречу за чашкой кофе (обыкн. женщин)) (R0);

IX. (X) некто (S) – подает (P) – **coffee** (I. 1) кофе; *a beverage consisting of an infusion of ground coffee beans* (O) – используя **coffee-pot** (кофейник; *pot in which coffee is prepared and served*)/ **coffee service** (кофейный сервис (кофейник, сахарница и сливочник на подносе))/ **coffee set** (I) кофейный сервис (кофейник, сахарница и сливочник на подносе) 2) фарфоровый или фаянсовый кофейный сервис (чашки, блюдца и т. п.) (I);

X. (X) некто (S) – помешивает (P) – **coffee** (I. 1) кофе; *a beverage consisting of an infusion of ground coffee beans* (O) – используя **coffee** (I. 1) кофейную ложечку (I);

XI. **coffee klatsch** ((дамская) компания за кофейным столом) (S) – **coffee-klatsches** (собира-

ется на чашку кофе) (P);

XII. **coffee klatsch** ((дамская) компания за кофейным столом) (S) – **coffee-klatsches** (занимается сплетнями и пересудами (за чашкой кофе)) (P) – в процессе **coffee klatsch** (разговоров и пересудов (за чашкой кофе)); *casual social gathering for coffee and conversation; informal gathering for conversation at which coffee is served* (R0);

XIII. (X) некто (S) – кладет (P) – **coffee table book** (*hardcover book that is intended to sit on a coffee table or similar surface in an area where guests sit and are entertained, thus inspiring conversation or alleviating boredom*) (O) – используя **coffee table** (низкий столик (в гостиной)); *журнальный столик*) (I).

Фрейм 'coffee' представлен совокупностью из 13 пропозиций, позволяющих нам познакомиться с базовым прототипическим знанием среднестатистического англичанина о кофейном событии, достаточным для его осуществления адекватного образа жизни в англоязычном мире.

Кофе в России появился позже, чем чай. «Кофепитие» было введено в моду Петром I, первый кофейный дом в России был открыт в 1740 г. при Анне Иоанновне, однако простой народ относился к кофе с недоверием, считая его «дьявольским напитком». Популярность кофе приобрел только после войны 1812 г.: его стали подавать на светских приемах и балах; в городах открывались кофейни; в московских и петербургских артистических кругах стало модным собираться за чашечкой кофе. В XIX в. кофе пили уже не только господа, но и прислуга. После Великой октябрьской революции о кофе почти забыли. Интересным является тот факт, что словом 'кофе' называют и напитки, приготовленные из ячменя, ржи, желудей, свеклы и корней одуванчика. Сложная история освоения кофе русским народом отразилась в небольшом количестве однокоренных слов, образованных для того, чтобы обслуживать эту сферу бытия русскоязычного человека.

Обратимся к рассмотрению совокупности ситуаций, восстановленных на основании группы однокоренных слов (13 лексико-семантических вариантов) с семантическим ядром 'кофе'. Актанты и смысловое наполнение I и II пропозиций русского фрейма полностью совпадают с изученными нами соответствующими позициями английского фрейма (S) – (P) – (O) – (I) – (R), что объясняется тем, что технология приготовления кофе была заимствована у страны-производителя кофе и не претерпела каких-либо национальных изменений в силу своей оптимальности. Также близки III русская и IX английская пропозиции, описывающие подачу кофе в кофейнике; V рус-

ская и VII английская пропозиции, изображающие потребление кофе в специализированном ресторане. Специфичными для русской языковой картины мира являются ситуации чрезмерного потребления кофе (VI пропозиция); потребления напитков без кофеина (VII и VIII); гадания на кофейной гуще (IX пропозиция). Меньший словообразовательный потенциал русской семьи однокоренных слов закономерно определяет и меньший фреймовый потенциал – 9 ситуаций. Представим фрейм ‘кофе’:

I. (X) некто (S) – размалывает (P) – кофе (I. зерна (семена) кофейного дерева)/ кофейные зерна (O) – используя кофемолку (прибор для размолы кофейных зерен) (I) – в результате есть кофе молотый (R);

II. (X) некто (S) – варит (P) – кофе молотый (O) – используя кофеварку (прибор для варки кофе)/ кофейник (сосуд для варки кофе) (I) – в результате есть кофе (2. напиток из таких молотых зерен, а также суррогат такого напитка) (R);

III. (X) некто (S) – подает (P) – кофе (2. напиток) (O) – используя кофейник (столовую посуду для сервировки готового кофе)/ кофейный сервиз, чашку (I);

IV. (X) некто (S) – пьет (P) – кофе (2. напиток из таких молотых зерен, а также суррогат такого напитка)/ кофеек (O) – используя кофейную чашку, сервиз (I);

V. (X) некто (S) – пьет (P) – кофе (2. напиток из таких молотых зерен, а также суррогат такого напитка)/ кофеек (O) – в кофейне (маленьком ресторане с продажей кофе) (L);

VI. кофеман (разг. страстный любитель кофе) (S) – кофейничает (распивает кофе) (P) – кофе (2. напиток)/ кофеек (O);

VII. (X) некто (S) – не пьет (P) – кофейносодержажие напитки (O);

VIII. (X) некто (S) – пьет (P) – кофезаменители (цикорий, ячменный, желудевый, свекольный, из корней одуванчика)/ не содержащие кофеин (возбуждающее средство, получаемое из кофейных зерен, чайных листьев и некоторых др. растений) (O);

IX. (X) некто (S) – гадает (P) – используя кофейную гущу (I).

Сопоставительный анализ английского события ‘coffee’ и русского события ‘кофе’ позволил выделить общие (размалывание кофейных зерен, варение кофе, подача в кофейнике, употребление в специализированном ресторане) и специфичные составляющие английской и русской языковой картины мира. Более обширный словообразовательный потенциал английского слова ‘coffee’ объясняется исторически большей зна-

чимостью культуры кофе для Англии, чем для России. Эпоха расцвета кофе прилась на эпоху расцвета колониальной Англии – сверхдержавы XVII и XVIII вв. Успех кофейного дела шел нога в ногу с успехом торгового, страхового и биржевого дел. Кофейные дома в свое время выполняли функции клубов для различных партий и слоев английского общества. Кофейные встречи, кофейные вечеринки, кофейные булочки и кексы, перерыв на кофе и беседы за чашечкой кофе – столько событий происходило вокруг бодрящего напитка. Даже дамам удалось отвоевать свое право собираться за кофейным столом и обсуждать важные для них дела. Кофе со сливками, черный кофе с ромом – все подробности кофейного события нашли отражение в семье однокоренных слов с ядром ‘coffee’, что позволило восстановить детальную картину употребления кофе, облеченную в слова.

У кофе в России было гораздо больше соперников, чем у кофе в Англии: квасы, морсы, кисели, простокваша, рассолы, парное молоко, морковные и фруктовые чаи, традиционный российский «копорский чай» (на растении Иванчае), тысячами пудов экспортировавшийся в ту же Англию. Дороговизна заморского напитка и его насильственное внедрение не способствовали легкой и быстрой ассимиляции культуры кофе в российской действительности, что нашло отражение в малом развитии семьи однокоренных слов, которые объективируют небольшое количество значимых для носителя русского языка участков глубинных структур знания. Тем не менее, реконструированный нами пакет информации о стереотипных ситуациях с использованием пропозиционально-фреймового моделирования представляет нам картину восприятия и осмысления русскоязычным сознанием события, связанного с приготовлением и потреблением кофе, явленную через однокоренные слова.

Представленные нами фреймы не дают всеобъемлющей информации об исследуемом явлении, но позволяют нам необыкновенно точно эксплицировать обиходные, обыденные представления о данном кусочке действительности. Сопоставительный анализ фрагментов языковых картин мира с использованием пропозиционально-фреймового моделирования способствуют «оживлению», «поднятию на поверхность» тех культурных различий, которые не бросаются в глаза, их очевидность становится явной лишь при сопоставлении двух языковых систем, отражающих культурно-исторический фон современных событий. Поэтому использование фреймов при комплексном изучении/ преподавании языка

и культуры страны изучаемого языка, а также создание фреймовых словарей является одной из перспектив научно-исследовательской работы лингвистов.

Список литературы

1. Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова [и др.]. М., 2003.

2. Шабалина, А. Н. Пропозиционально-фреймовая организация фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008.

3. Шабалина, А. Н. Идея инновационного переводного словаря кулинарных блюд и продуктов питания // Инновации в технологиях и образовании : сб. ст. участников VI междунар. науч. конф.

: в 3 ч. Белово : Изд-во фил. КузГТУ в г. Белово, 2013. Ч. 3. С. 65–69.

4. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford : Oxford Univ. Press, 1982.

5. URL : <http://www.coopinhal.ru/story.php?id=5046>.

6. URL : <http://turistics.com/europe/england/kofeev-anglii/>.

7. URL : <http://www.coffeewriter.com.ua/index.php/История-кофе/2011-06-22-19-26-06.html>.

8. URL : <http://www.answers.com/topic/coffee-house>.

9. URL : http://coffeecub.ru/pages/history_03_ru.php.

10. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/234761>.

А. В. Шаронова (Харьков, Украина)

СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСКОЙ МАНЕРЫ З. ЛЕНЦА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

The article is dedicated to the creative work of a famous German writer Z. Lenz, who personifies the moral conception in literature. The article deals with the characteristics that determine the originality of his novels in the period of the professional maturity, which saturated the topical problems of the second part of the XX century and the present.

Keywords: conception, creative work, Z. Lenz, maturity, moral, originality, present, problems.

В фокусе нашего внимания – творчество известного немецкого писателя З. Ленца, писателя-гуманиста, отражающего в значительной мере путь развития послевоенной и современной немецкой литературы. З. Ленц, наш современник, всегда занимал активную позицию в вопросах литературы, её призвания и проблематики. Появление его произведений всегда сопровождалось острыми дискуссиями, они органично вошли в историю современной литературы. То, что литература – это коллективная память социума, для писателя является аксиомой, не вызывающей ни малейших сомнений. Гуманизм, политическая мораль, человеческая нравственность для него – стабильные категории. Его человечность и память позволяют ему и сегодня отстаивать свои убеждения. Он принадлежит к тем мастерам словесности, которые твёрдо убеждены, что литература обладает мощной силой воздействия. Хотя она сама непосредственно не изменяет мир, но с её участием изменяется нечто другое, не менее

важное, а именно наше отношение к миру, наш внутренний мир, а через него и внешний. В связи с происходящими сегодня процессами глобализации, самоидентификации и локализации культур остро встаёт вопрос о судьбах этих культур. Здесь очень важным является слово писателя, призванного помешать человечеству погибнуть от самоизоляции и самоистребления, поскольку в последние десятилетия в гуманитарной сфере идёт переориентация на коммерциализацию, из-за чего культура испытывает, как справедливо считает В. А. Маслова, «постоянное насилие, которому она неспособна противостоять, ибо не обладает достаточными познаниями, чтобы понять человека и сделать его поведение более совершенным» [2. С. 5].

Творчеству З. Ленца посвящены исследования целого ряда литературоведов Ю. Архипова, И. Виноградова, Д. Затонского, И. Млечиной, О. Романенко, С. Фиськовой, Г. Хотинской и др., однако многие вопросы остаются недостаточно

раскрытыми, в частности, ленцевское представление гуманистических идей в его творческой парадигме. Поэтому заявленная тема представляется актуальной, что обусловлено необходимостью более глубокого изучения проблематики произведений писателя в качестве объекта исследования, а предметом статьи является своеобразие его творческой манеры в контексте диалога культур. Каждое историческое событие или артефакт современности имеют тенденцию уйти в прошлое время, раствориться в нём и превратиться в легенду, тем самым кануть в забвение. Чтобы этого не случилось, писатель и читатель обращаются к памяти, к воспоминаниям, приоткрывая, таким образом, завесу истории. Писать – значит действовать (*Schreiben heisst handeln*) – считает З. Ленц вслед за французским писателем Ж. П. Сартром. Писать – значит действовать против забывчивости, а забывчивость – по мнению писателя – это вторая смерть. Память, воспоминания и фантазия являются своеобразным противоядием от забывчивости, равнодушия и жестокости. Доброта, человеколюбие, образованность, материальная и духовная культура – вот те столпы, на которых держится категория гуманизма. Когда-то память, разум и свобода считались тремя наивысшими силами души (*die drei oberen Kräfte der Seele*), поэтому указанные концепты постоянно представлены в творчестве моральных писателей, к числу которых принадлежит и З. Ленц.

В статье кратко рассматриваются в соответствующем ракурсе произведения писателя, написанные и опубликованные в годы его творческой зрелости, т. е. в третий период (1967–1989 гг.), который открывается романом «*Deutschstunde*» («Урок немецкого»), изданного в 1968 г. (а работа над ним была начата ещё в 1964).

По признанию самого автора, в этот роман он инвестировал значительно больше сил и времени, чем в другие произведения. З. Ленц считает, что для того, чтобы писать, «нужна не только инспирация, но и усидчивость, а также настойчивость» (*Zum Schreiben braucht man nicht nur Inspiration, sondern auch Sitzfleisch und Starrsinn*) [4. С. 95]. Он имеет всё это в достаточной степени. Инспирация у него выливается в трёхступенчатую концепцию: первая ступень – идея: конфликт между властью и искусством, не совсем адекватное понимание полицейским своего долга; второй шаг – поиск и выбор места действия и, наконец, действующих лиц. В процессе работы над романом писатель прислушивался к критическим замечаниям, но по-своему – он в высшей степени самокритичен. Любопытен следующий эпизод. После длительной паузы он возвращает-

ся к персонажу Зигги, т. е. к главному герою и, перечитав всё ещё раз, приходит к выводу, что изложил серьёзную тему слишком идилично (*Ich habe ein ernstes Thema zu idyllisch behandelt*) [4. С. 96], и 180 страниц готовой рукописи исчезают... и снова переработка. После опубликования роман был принят неоднозначно, тем не менее, существует убеждение в том, что это самый значительный роман писателя как по структуре и проблематике, поднятой в этой книге, так и по форме её реализации. Это – роман широкого формата. В этом заслуга авторской манеры повествования: чувство такта, точность, правдивость, чувство меры в использовании пафоса и эмоций. Успеху романа способствовал удачный выбор материала. История полицейского Йенсена из северного Ругбюлля, получившего от властей задание, передать соседу, художнику Нансену, запрет на профессиональную деятельность и следить за выполнением этого запрета, что позволило автору превратить Ругбюлля в арену эпохального конфликта, а взаимоотношения бывших друзей в условиях диктатуры – в конфликт власти и искусства. И всё это на фоне проблемы поколений (Зигги и отец-полицейский, Зигги и художник).

Интересно, что заканчивая свой «Урок немецкого», писатель уже тогда задумал новый роман, посвященный актуальной теме современности, а именно, теме авторитетов, которые могли бы служить образцом для подражания. В фигурантах «Урока немецкого» он никого не считает образцом: ни отца, ни сына, ни художника. Место действия новой истории – родной Гамбург, тема – педагогическая. Своеобразие нарратива: если в предыдущих романах только один рассказчик, то в этом романе их несколько, в том числе и автор. «Живой пример» («*Vorbild*») посвящен актуальным проблемам современной немецкой молодежи, которая задумывается о нравственном, духовном содержании бытия, ищет в жизни достойных человека нравственных примеров. Основная мысль писателя – не допустить, чтобы людьми овладело равнодушие и безразличие, поскольку каждый человек должен чувствовать и нести ответственность за то, что происходит в окружающем мире. Для написания хрестоматии, содержащей жизненные примеры на различные темы, в Гамбург приезжает Р. Зюссфельд, представляющая издательство, и два учителя из провинции – старый В. Пундт и молодой Янпетер Хеллер. Наибольшее затруднение у составителей вызывает глава «Пример из жизни – жизнь как пример». Они отвергают кандидатуры известных героев и общественных деятелей прошлого, т. к. они не годятся в современные образцы – одни надоели,

другие запятнаны преступлениями, соавторы так и не могут прийти к единому мнению. На их расхождении сказывается разница поколений, которую автор представляет довольно конфликтно: когда Пундт предлагает для хрестоматии историю про солдата, который, рискуя жизнью, укрывает беглеца из лагеря, то ироничный Хеллер возражает, считая, что подобные истории насаждают среди молодёжи «комплекс неполноценности», что пагубно влияет на юное поколение. В перерывах между заседаниями педагоги-составители предаются собственным заботам, поскольку они не в состоянии справиться с проблемами в личной жизни. Хеллера угнетает его уход из семьи, Пундта – самоубийство сына, причину которого отец видит в «деревянной» педагогике. Будучи честным, он слагает с себя миссию наставника и самоустраивается от работы по составлению хрестоматии. Оставшиеся двое считают, что «живым примером» может быть история, героиней которой является Люси Беербаум, добровольно поставившая себя в тюремные условия из чувства солидарности с греческими патриотами, узниками фашистского режима. Таким образом, право на «живой пример» получает человек, способный на пассивный, почти смиренный протест против несправедливости. Ю. Архипов справедливо считает, что экзистенциалистский период не прошёл для Ленца бесследно. «Ответственность перед собственной совестью, личная порядочность как высшая ценность в сложном мире людских отношений – это экзистенц-ядро сохранилось и у зрелого З. Ленца, несмотря на расширение его интереса к общественной проблематике» [1. С. 423]. В конце концов «левый» издатель Дункхазе отвергает труд педагогов-составителей как слишком далёкий от нужд молодого поколения. Крах педагогического трио, провал издательского предприятия – это крах, по мнению писателя, старой буржуазной педагогики, крах родителей, которые не справляются с вышедшими из повиновения детьми, живущими собственной жизнью. А дети тем временем сами находят себе «живые примеры», превращая их в своих кумиров: спортивные и эстрадные звезды и т. д. Однако банкротству педагогов автор не противопоставляет идеалы молодёжи, поскольку они у писателя также не вызывают одобрения.

Все основные фигуры романа представлены на фоне конкретных событий, описанных Ленцем с эпической обстоятельностью. Ленцевское описание всегда цельно: прошедшее и настоящее, быт и профессия, сознание и подсознание сливаются в нём нерасторжимо, как в жизни. В достижении этого эффекта, считает Архипов, большая удача

писателя как художника слова, «опирающегося в своём творчестве на старые добрые реалистические традиции, демократичные в своей основе» [1. С. 425]. «Живой пример» – это явно сатирическое произведение, в котором автор затрагивает проблему «идеалов» для молодёжи и в котором ирония переходит иногда в неожиданный для Ленца сарказм. Проблема авторитетов остаётся актуальной и в наше время.

Пребывание З. Ленца в 1970 г. с В. Брандтом в Польше при подписании Варшавского договора послужило стимулом для написания нового романа. В этой книге есть нечто общее с «Уроком немецкого». Речь идет о романе «Краеведческий музей» (*Heimatmuseum*). В нём оригинален нарративный план, который заключается в том, что на фоне огромного многокрасочного ковра ведётся устное повествование в больничной палате виртуальному молчаливому собеседнику. Главное действующее лицо Зигмунд Рогалла, мазурский мастер ковроткачества, рассказывает, как он рос в Лукнове, создал там музей, фонды которого в конце войны он пытался спасти в Шлезвиг-Гольштейнии, но когда фанатичные силы хотели рейдерски захватить музей, З. Рогалла его сжёг, при этом пострадал и сам. Исходным в романе является огромный красочный ковёр. Главным концептом является концепт «отечества». Понимание родины у Рогалла – «Мировое страноведение – это всегда только страноведение родины» (*Weltkunde ist immer nur Heimatkunde*), и у писателя – «Центры находятся на окраине» (*Zentren liegen am Rande*), т. е. мир раскрывается только в микрокосмосе отечества [4. С. 118]. Тема родины, изгнание с родной земли, спасение бегством, хаос, прибытие беженцев в порт отправления, жестокая борьба за места на кораблях, бомбардировка перегруженных кораблей – всё это благодаря мастерству писателя в романе впечатляет и оставляет у читателей глубокий след. Этот роман, с нашей точки зрения, является дополнительной иллюстрацией тех идей, которые воплощены в «Уроке немецкого».

В 1981 г. появляется его новый роман под названием «Утеря» («*Verlust*»). «Это очередная удавшаяся книга, а Ленц доказал как он разносторонен» [4. С. 125]. Небольшой по объёму роман внёс некоторую ясность в творческое своеобразие писателя, как по форме, так и по содержанию. Симпатии к обездоленным, *humanitas* – основа ленцевской этической программы. Такие понятия, как справедливость, – считает И. Млечина, – совесть, ответственность, достоинство, обладают в его произведениях законодательной силой [3. С. 15]. В этом плане «Утеря» занимает среди

произведений З. Ленца особое место. В нём автор не придерживается традиционной для него структуры совмещения и чередования темпоральных планов – действие развёртывается на очень коротком временном отрезке. У главного героя романа тяжёлое заболевание в результате утраты речи, что вызвано разбойным нападением. Для гида это означает потерю контакта с окружающими, почти полную потерю связи с внешним миром. Герой пытается прорваться к душам людей, хочет быть услышанным и понятым, но никто не слышит и не понимает его. В этой утрате живого контакта и заложен метафорический смысл. Автор не случайно наделяет своего героя профессией гида. Тяжёлый недуг вырывает его из работы, на полуслове обрывается его речь перед микрофоном, обращённая к находящимся в автобусе туристам, сразу возникает глухая стена между ним и окружающими. Утрата речи оборачивается утратой любви, без которой не может полноценно жить человек. Ульрих оказался «по ту сторону любви» (М. Вальзер). С трудом преодолевая болезнь, он тайком уходит из больницы, чтобы найти любимую женщину и объяснить ей, как он в ней нуждается. Из последних сил он пытается добраться до цели, но теряет сознание, и его доставляют в полицейский участок. В конце концов, его возвращают на больничную койку, но время упущено, и теперь его шансы справиться с болезнью невелики. Перед читателями проходит процесс атрофии чувств, утраты милосердия, а вместе с ним и нравственного здоровья, охватившего современное «индустриальное» общество.

Очередной роман писателя «Учебный плац» («Exerzierplatz») выходит в 1985 г. Перед читателем – произведение, «вызванное к жизни глубокой тревогой, которую испытывает художник перед лицом глобальных угроз, столь явственно обозначившихся на исходе 20-го столетия» [З. С. 5]. «Учебный плац» – это социально-критическое полотно, на котором чётко просматриваются некоторые важные линии развития Германии в послевоенный период. Специфика эпического мира писателя – в его особом интересе к людям, в судьбы которых навсегда впечатались пережитые потрясения. Воспоминания о трагическом событии детства наполняют Бруно – героя романа. Тот страшный день стал для Бруно знаком войны, разрушения и гибели. Лишённый крова и родных, осиротевший, больной ребёнок был спасён Конрадом Целлером, семья которого и становится единственной опорой и надеждой для мальчика. Мужчина спасает своего подопечного не только весной 1945 г., но и позднее, вырывая юношу не раз из рук жестоких сограждан.

И сейчас, в момент повествования, хотя с тех пор прошло уже более 30 лет, Бруно отчётливо видит гибнущих людей, в том числе и родителей, тонущих животных. Этот кровавый финал развязанной нацистами бойни никогда не уйдёт из его сознания. Название романа не только символично, оно и конкретно: всё происходит на бывшем учебном полигоне и вокруг него. Для беженцев этот край должен стать обитаемым и служить миру. Мирный труд постепенно залечивает раны, нанесённые природе войной, исцеляет уставшую землю, которая, откликаясь на заботу, даёт обильные плоды. Арендванный у местной общины участок постепенно превращается в образцовое лесопарковое хозяйство. Мирный труд людей разрушает образ военщины. Природа предстаёт как нравственный целитель, как сила, противостоящая уничтожению жизни. В произведении прослеживается антагонизм двух начал: созидательного, олицетворённого природой и деятельностью человека, с одной стороны, и деструктивного – стихии милитаризма, стремящегося вернуть полигоны для ультрасовременного оружия, с другой. Семье приходится вести упорную борьбу, чтобы сохранить клочок земли для мира. Исход этого конфликта, судя по финальной части романа, остаётся неопределённым. По своей проблематике роман не теряет своей актуальности и сегодня, в XXI в., поскольку в современном мире постоянно наблюдаются конфликты то в одной, то в другой точке планеты. Поэтому ради настоящего и будущего необходимо напоминать о прошлом, особенно о трагическом прошлом. Об этом пишут писатели-гуманисты, обладающие гражданскими и нравственными идеалами. И. Млечина справедливо замечает, что «сила этого произведения в его глубокой человечности, в неприятии всего, что унижает и калечит человека. Гуманистической настрой произведения подкупает читателей, являясь честным нравственным предостережением» [З. С. 14–15]. Итак, творческая дистанция от «Урока немецкого» до «Учебного плаца» пройдена писателем достойно. Произведения, созданные в этот период, насыщены проблемами, актуальными как для конца XX столетия, так и для XXI. В заключение следует заметить, что именно в этот период в творческой парадигме писателя происходит своеобразная переориентация в соответствии с новыми требованиями времени. Преодоление нацистского прошлого и последствий войны, а также покаяние, вызванное разбухшей совестью и нравственным долгом, уходят в историю (но не из памяти), уступая место современной проблематике – экологическим проблемам, вопросам воспитания

молодёжи, морали и нравственности, жестокости и гуманизма в новых условиях после-послевоенного периода. В перспективе мы видим свою задачу в изучении и систематизации произведений, написанных в период после падения Берлинской стены и объединения страны.

Список литературы

1. Архипов, Ю. И. Уроки Зигфрида Ленца. Післямова до роману З. Ленца «Das Vorbild». М. : Прогресс, 1977. С. 419–425.

2. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре. М. : Гнозис, 2007. 320 с.

3. Млечина, И. Повчальна історія Зігмунда Рогалли. Передмова до роману З. Ленца «Heimatismuseum». М. : Радуга, 1982. С. 5–17.

4. Maletzke, E. Siegfried Lenz. Eine biographische Annäherung. Hannover : zu Kampen Verlag, 2006. 204 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Abzalova Irina Rafikovna – étudiante de l'Université de Bretagne Occidentale (Brest, France).
e-mail: Irinaabzalova@hotmail.com

Alsinger Léa Friis – PhD Université de Perpignan (Perpignan, France).
e-mail: l.f.alsinger@gmail.com

Sobieszewska Marta – преподаватель, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej (Lublin, Poland).
e-mail: sobieszewska.m@wp.pl

Wolff Etienne – docteur ès lettres, professeur d'université spécialité latin, Université de Paris Ouest Nanterre (Nanterre, France).
e-mail: adda-wolff@wanadoo.fr

Абдуллина Гульфира Рифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия).
e-mail: abguri@yandex.ru

Абышева Евгения Михайловна – доцент кафедры иностранных языков Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права (Тюмень, Россия).
e-mail: janeeyre@bk.ru

Адамия Зоя Константиновна – доктор филологии, профессор Учебного университета «Рвали» (Рустави, Грузия).
e-mail: a.zoia777@gmail.com

Азарова Лариса Евстафьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания Винницкого национального технического университета (Винница, Украина).
e-mail: Le-azarova@rambler.ru

Айтпаева Алия Сайрановна – старший преподаватель кафедры английского языка и лингводидактики Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан).
e-mail: aitpaeva@inbox.ru

Акбаева Гулден Нурмамбековна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой английского языка и лингводидактики Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан).
e-mail: rgul.ksu@mail.ru

Акулова Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия).
e-mail: jewgenija.a@rambler.ru

Алферова Екатерина Игоревна – преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: fanka@bk.ru

Амиргалина Гульсясак Ахатовна – аспирант кафедры башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия).
e-mail: abguri@yandex.ru

Андреева Татьяна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия).
e-mail: ksenyabagrintseva@gmail.com

Аккерман Елена Олеговна – старший преподаватель кафедры английского языка и лингводидактики Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан).
e-mail: lincb@rocketmail.com

Анищенко Ольга Александровна – доктор филологических наук, руководитель отдела науки Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова (Кокшетау, Казахстан).
e-mail: olga_alex62@mail.ru

Антонова Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия).
e-mail: antol10@rambler.ru

Апросина Юлия Сергеевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: julia.aprosina@mail.ru

Аскарова Рахима Алмасбековна – магистрант Костанайского государственного университета (Костанай, Казахстан).
e-mail: askarova_rakhima@mail.ru

Асмус Нина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: nasmus@74.ru

Ахраменко Ксения Валерьевна – аспирант кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: akv87chel@yandex.ru

Баканова Юлия Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ВУНЦ ВВС «Военно-Воздушная Академия (филиал)» (Челябинск, Россия).
e-mail: BakanovaJV@yandex.ru

Балаев Михаил Дмитриевич – аспирант, преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: trunk2712@mail.ru

Басырова Фарида Амировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).
e-mail: engel_ram@qip.ru

Баяртуева Елена Петровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия).
e-mail: kandidat2002@inbox.ru

Багринцева Ксения Андреевна – студент Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия).
e-mail: ksenyabagrintseva@gmail.com

Брильц Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: briltsoa@chelcom.ru

Букатчук Кристина Владимировна – аспирант Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника (Ивано-Франковск, Украина).
e-mail: Bukatchuk@list.ru

Булгакова Ирина Валерьевна – старший преподаватель Воронежского института ФСИИ России (Воронеж, Россия).

e-mail: irina-v-bulgakova@yandex.ru

Бурмагина Лариса Александровна – старший преподаватель Костанайского государственного педагогического института (Костанай, Казахстан).

e-mail: larisa_bur@mail.ru

Вахина Екатерина Геннадьевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: katya_vahina@mail.ru

Вербицкая Татьяна Диомидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Одесса, Украина).

e-mail: n_irina@hotmail.com

Вышенская Юлия Павловна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

e-mail: clemence_isaure@rambler.ru

Гейко Наталья Романовна – старший преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Казахстан, Костанай).

e-mail: charmsmile2009@mail.ru

Генералов Владимир Александрович – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: gen-vladimir@list.ru

Гершанова Анна Феликсовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, психолого-педагогического образования и связей с общественностью Стерлитамакского института физической культуры (филиал) Уральского государственного университета физической культуры (Стерлитамак, Россия).

e-mail: fiz_tech@mail.ru

Глазкова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета (Миасс, Россия).

e-mail: snglaz@rambler.ru

Говорухина Юлия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

Грачева Ксения Леонидовна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

ksushen_ka.bird@mail.ru

Григорьева Оксана Викторовна – преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: solmarplaya@mail.ru

Гуськова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия).

e-mail: guskova_s_v@mail.ru

Демчук Людмила Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: ludem@bk.ru

Дениварова Надежда Валерьевна – преподаватель кафедры методики и преподавания английского языка Карагандинского государственного университета (Караганда, Казахстан).
e-mail: romashkababy1@mail.ru

Джуанышбеков Нурболат Орынбекович – доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан).
e-mail: nurdor@rambler.ru

Диденко Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Одесса, Украина).
e-mail: postmir@mail.ru

Дребант Александр Александрович – студент Карагандинского государственного университета (Караганда, Казахстан).
e-mail: sanjadrebant@mail.ru

Дробышева Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: yalo11@mail.ru

Дуринова Нина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия).
e-mail: ninadurinova@yandex.ru

Ельцова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).
e-mail: maria_eltsova@mail.ru

Емельянова Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).
e-mail: Ser.gus.vik@mail.ru

Ефименко Виктория Антоновна – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Киев, Украина).
e-mail: victoria.yefymenko@gmail.com

Заболотнева Оксана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: zoxl@mail.ru

Заварзина Галина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия).
e-mail: zga1311@mail.ru

Зеленко Сергей Викторович – доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).
e-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Зиязова Ирина Римовна – преподаватель кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, Россия).
e-mail: irina_cloud@mail.ru

Змеёва Татьяна Егоровна – профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
e-mail: tatzm@yandex.ru

Золотова Наталия Октябрьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Тверского государственного университета (Тверь, Россия).
e-mail: saporovskaya@mail.ru

Зубкова Ольга Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета (Курск, Россия).
e-mail: olgaz4@rambler.ru

Иванова Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: elena-ivanova79@yandex.ru

Иванова Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).
e-mail: olga-ivanova225@rambler.ru

Идельсон Елена Викторовна – аспирант кафедры теории языка Курского государственного университета (Сиэтл, США).
e-mail: evkam2000@yahoo.com

Ильин Илья Викторович – аспирант Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Харьков, Украина).
e-mail: i.v.illin1988@gmail.com

Ишмуратова Сулпан Рамилевна – аспирант кафедры русской филологии факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).
e-mail: sulpan_bgu@mail.ru

Кадирова Бибигуль Нурмухановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры языковых дисциплин Каспийского университета технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова (Актау, Казахстан).
e-mail: bkadirova@mail.ru

Калёнова Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета (Волгоград, Россия).
e-mail: nakalyon2011@gmail.com

Кардаш Каринэ Александровна – аспирант кафедры делового иностранного языка ИЭУиП Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).
e-mail: karikardash@mail.ru

Карелова Ирина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент Московского гуманитарно-экономического института (Новороссийский филиал) (Новороссийск, Россия).
e-mail: Karelova2908@yandex.ru

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).
e-mail: katermina_v@mail.ru

Кикимова Аргуль Булатовна – студент Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан).
e-mail: timewise_2008@mail.ru

Ковалевич Ирина Олеговна – аспирант Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина (Мозырь, Беларусь).
e-mail: irina_kovalevich@list.ru

Колодий Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Костанай, Казахстан).
e-mail: kolodiy_elena@mail.ru

Кондорский Борис Михайлович – кандидат биологических наук, сотрудник НПФ «Синбиас» (Донецк, Украина).
e-mail: bmkbox@yandex.ru

Котлярова Татьяна Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Костанай, Казахстан).
e-mail: tatyana.kotlyarova@gmail.com

Кочнева Юлия Сергеевна – преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: julia_kochneva@list.ru

Краева Светлана Сергеевна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: kraeva.svetlana@gmail.com

Краснопеева Екатерина Сергеевна – аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: ye.kr121csu@gmail.com

Кудрявцева Ольга Валентиновна – преподаватель Рудненского индустриального института (Рудный, Казахстан).
e-mail: olka.84@bk.ru

Кудрявцева Тамара Викторовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).
e-mail: muchina@yandex.ru

Култанова Жанара Мерекеевна – преподаватель Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан).
e-mail: timewise_2008@mail.ru

Лаврентьева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета (Орск, Россия).
e-mail: lavruxa@yandex.ru

Литвинова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).
e-mail: tanjalitvinova@rambler.ru

Лобанова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

e-mail: lydia.lobanova@mail.ru

Лосева Юлия Васильевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: kalugina-yulia@mail.ru

Лукашкина Юлия Владимировна – преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: tonteria90@mail.ru

Ляпкина Эльвира Маратовна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: evira_1@mail.ru

Масгутова Марина Фаритовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: marina_masgutova@mail.ru

Маргания Майя Константиновна – доктор филологии, профессор Сухумского государственного университета (Сухуми, Грузия).

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Мешкова Мария Викторовна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: ru-tochka@mail.ru

Миронова Дарья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: daria28@mail.ru

Миронова Елена Вячеславовна – старший преподаватель Трёхгорного технологического института, филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Трёхгорный, Россия).

e-mail: mironova-trg@mail.ru

Мокрая Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французской филологии Горловского государственного педагогического института иностранных языков (Горловка, Украина).

e-mail: olga_mokraya@mail.ru

Молгаждарова Сагдат Мейрамовна – преподаватель Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан).

e-mail: domkrig@mail.ru

Мугумова Анна Львовна – кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета (Махачкала, Россия).

e-mail: garun48@mail.ru

Мухачева Юлия Александровна – преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: muhachev76@mail.ru

Мухина Ирина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: golst@e1.ru

Неймани Штеффен – преподаватель кафедры немецкого языка, лектор DAAD Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: daad.tscheljabinsk@gmail.com

Никифоренко Ирина Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Одесса, Украина).

e-mail: n_irina@hotmail.com

Николаева Елена Валентиновна – доцент, кандидат культурологии Московского государственного университета дизайна и технологии (Москва, Россия).

e-mail: elena_nika@bk.ru,

Новикова Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия).

e-mail: novikova@pstu.ru

Норкина Анна Сергеевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: elisenobody@yandex.com

Обвинцева Надежда Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: obna79@yandex.ru

Образцова Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков и профессионального общения Международного гуманитарного университета (Одесса, Украина).

e-mail: olga.obraztsova2011@yandex.ua

Орлова Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода романских языков им. Н. Зерова Института филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Киев, Украина).

e-mail: isorlova@yandex.ru

Пак Татьяна Анатольевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

e-mail: paktatiana@mail.ru

Перова Светлана Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (Луганск, Украина).

e-mail: svtlana-perova@yandex.ua

Пестова Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Уральского гуманитарного института (Екатеринбург, Россия).

e-mail: pestova_m@bk.ru

Петров Валерий Евгеньевич – аспирант Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Харьков, Украина).

e-mail: valery4556@yandex.ru

Плахотная Юлия Ивановна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: pl-julia@mail.ru

Подылин Сергей Юрьевич – студент Магнитогорского государственного университета (Магнитогорск, Россия).

e-mail: podylin.serzh@mail.ru

Поздрань Юлия Вячеславовна – преподаватель кафедры языкознания Винницкого национального технического университета (Винница, Украина).

e-mail: yuliapozdran@ukr.net

Пугачева Анастасия Валерьевна – магистрант Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан).

e-mail: waleria0990@yandex.ru

Кандалина Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, начальник отдела международных связей Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан).

e-mail: yelenakandalina@yahoo.com

Пустовит Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания Винницкого национального технического университета (Винница, Украина).

e-mail: tetyana_v@mail.ru

Пятаева Наталия Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия).

e-mail: Pjataeva@yandex.ru

Радчук Ольга Андреевна – преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Костанай, Казахстан).

e-mail: olyaradchuk@mail.ru

Римская Анастасия Александровна – студент Карагандинского государственного университета (Караганда, Казахстан).

nastjuxa_r@mail.ru

Ронжина Яна Николаевна – аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского государственного технического университета (Пермь, Россия).

e-mail: ronzi@mail.ru

Савицкая Ирина Петровна – магистрант Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан).

e-mail: fairy-irishka@mail.ru

Савойская Наталья Павловна – кандидат филологических наук, Universidad de Santiago de Compostela (Santiago de Compostela, Spain).

e-mail: natasav2003@mail.ru

Салахова Аделина Гюль-Балаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: adelina-salakhova@yandex.ru

Саливонова Илона Ростиславовна – студент факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

ilona-salivonova@mail.ru

Семенова Елена Валентиновна – доцент, кандидат филологических наук Донбасского государственного педагогического университета (Славянск, Украина).

e-mail: olena_seménova@mail.ru

Сергодеев Илья Витальевич – аспирант, старший преподаватель кафедры философии и лингвистики Снежинского физико-технического института НИЯУ МИФИ (Снежинск, Россия).

e-mail: moon_stone@mail.ru

Серова Вера Ивановна – преподаватель Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Костанай, Казахстан).

e-mail: verasero@mail.ru

Словикова Екатерина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия).

e-mail: slowikowa@mail.ru

Сорокина Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: sorokinaolga53@rambler.ru

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Московского государственного областного университета (Москва, Россия).

e-mail: ellasor@mail.ru

Сосновская Надежда Игоревна – соискатель кафедры лингводидактики и инновационных технологий Евразийского лингвистического института (Иркутск, Россия).

e-mail: sosnovskaya-yang@mail.ru

Сотникова Елизавета Сергеевна – студент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: lizasot@bk.ru

Суслова Оксана Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: suslovaoksana@yandex.ru

Тамаркова Юлия Андреевна – студент Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан).

e-mail: light_star18@mail.ru

Титаренко Инна Николаевна – профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии факультета естественнонаучного и гуманитарного образования Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия).

e-mail: i_titarenko@pochta.ru

Точилкина Татьяна Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент филиала Челябинского государственного педагогического университета (Миасс, Россия).

e-mail: tochilkinet@mail.ru

Тричик Маргарита Вячеславовна – магистр гуманитарных наук Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Алматы, Казахстан).

e-mail: cafe-creme@mail.ru

Тупчиенко-Кадырова Люция Георгиевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения Киевского национального университета культуры и искусств (Кировоград, Украина).

e-mail: kadyrovalg@gmail.com

Турчак Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры политологии, социологии и гуманитарных дисциплин Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля (Днепропетровск, Украина).

e-mail: Elena.turchak@gmail.com

Турьшева Ольга Наумовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

e-mail: oltur3@yandex.ru

Ульянова Наталья Андреевна – аспирант Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: Kansas_girl@mail.ru

Уманская Алина Евгеньевна – магистр, аспирант Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: alishka-super@mail.ru

Фирсова Ирина Владимировна – старший преподаватель Горловского института иностранных языков (Горловка, Украина).

e-mail: i_firsova@mail.ru

Фоменко Елена Геньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Классического частного университета (Запорожье, Украина).

e-mail: clara8257@mail.ru

Халупо Ольга Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Челябинской государственной агроинженерной академии (Челябинск, Россия).

e-mail: olgakhalupo@list.ru

Хрущева Оксана Александровна – старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия).

e-mail: hrox@mail.ru

Хусаинова Лейла Мидхатовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак, Россия).

e-mail: Lejla-kh@yandex.ru

Чистякова Светлана Викторовна – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

e-mail: chisvet24@mail.ru

Чхеидзе Валентина Валериановна – кандидат филологических наук, доцент Кутаисского государственного университета им. А. Церетели (Кутаиси, Грузия).

e-mail: valenta-val@mail.ru

Шабалина Альбина Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель гуманитарных дисциплин Беловского политехнического техникума (Белово, Россия).

e-mail: joyforever2008@yandex.ru

Шаповалова Елена Олеговна – старший преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: megarachelishe@mail.ru

Шарманова Виктория Анатольевна – аспирант кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: vsharmanova@yandex.ru

Шаронова Анна Владимировна – преподаватель Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Харьков, Украина).
e-mail: sharonova_anna@mail.ru

Шаронова Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Харьковского института банковского дела (Харьков, Украина).
e-mail: elena_sharonowa@mail.ru

Шелия Манана – доктор филологии, профессор Сухумского государственного университета (Сухуми, Грузия).
e-mail: a.zoia777@gmail.com

Шмаков Артём Алексеевич – ассистент кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).
e-mail: art.schmakow@gmail.com

Щипицина Лариса Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия).
e-mail: l.shchipitsina@narfu.ru

Юрина Татьяна Николаевна – доцент Московского государственного университета дизайна и технологии (Москва, Россия).
e-mail: taniouche@yahoo.com

Юсупова Юлия Рустэмовна – кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия).
e-mail: khalits@mail.ru

Ярошенко Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).
e-mail: onyarosh@csu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Актуальные проблемы перевода»

<i>М. Д. Балаев (Челябинск, Россия)</i> . Анализ средств компрессии в синхронном переводе (языковая пара ‘английский – русский’)	3
<i>Ф. А. Басырова (Уфа, Россия)</i> . Проблемы обучения студентов навыкам перевода в теории и на практике	5
<i>Н. Р. Гейко (Костанай, Казахстан)</i> . Лексические трансформации при переводе общественно-политической лексики	9
<i>В. А. Генералов (Челябинск, Россия)</i> . О некоторых аспектах перевода английских бинарных словосочетаний, образованных по типу ‘N – N’	14
<i>Н. Н. Дуринова (Саратов, Россия)</i> . Превратности перевода: Макбет как романтический герой	18
<i>И. Р. Зязова (Нижевартовск, Россия)</i> . Семиотическая природа субтитров как особого вида переводческой деятельности	22
<i>К. А. Кардаш (Красноярск, Россия)</i> . Стратегии перевода китайского художественного текста в аспекте структурно-семантического анализа ситуации поздравления	25
<i>В. П. Коровушкин (Череповец, Россия)</i> . Проблемы субстандартного перевода в билингвальном лексикографическом справочнике: проект русско-английского и англо-русского словаря военного социолекта	28
<i>Е. С. Краснопеева (Челябинск, Россия)</i> . Языковая личность переводчика и индивидуальный стиль переводчика: соотношение и перспективы взаимодействия понятий	37
<i>Т. В. Лаврентьева (Орск, Россия)</i> . Способы передачи в переводе языковой оппозитивности	41
<i>Д. А. Миронова (Челябинск, Россия)</i> . «Переписывание» (рерайтинг) как тактика перевода заголовков медиатекстов онлайн-формата	44
<i>Ю. В. Поздрань (Винница, Украина)</i> . Особенности перевода терминологической лексики (на материале «русско-украинского словаря» (1924–1933 годы))	48
<i>О. А. Хрущева (Оренбург, Россия)</i> . К вопросу о переводимости блендов	52

Секция «Дискурс как объект междисциплинарного исследования»

<i>Е. В. Акулова (Саратов, Россия)</i> . Русское и немецкое речевое поведение: средства выражения и смягчения категоричности в телевизионном дискурсе (на материале развлекательных шоу)	56
<i>Ю. С. Апросина (Челябинск, Россия)</i> . Реализация вербальных особенностей в англоязычном кинодискурсе (на материале триллеров Альфреда Хичкока)	59
<i>Н. Г. Асмус (Челябинск, Россия)</i> . Особенности функционирования прецедентных феноменов в виртуальном дискурсе	62
<i>Е. Г. Вахина (Челябинск, Россия)</i> . Своеобразие мультипликационного дискурса	65
<i>С. В. Зеленко (Минск, Беларусь)</i> . Проблемы рецепции и интерпретации интертекстуальных единиц в публицистическом дискурсе	67
<i>И. В. Ильин (Харьков, Украина)</i> . Дискурс ‘воспитание взгляда’ в западной Европе и США в XIX веке	71
<i>Н. А. Калёнова (Волгоград, Россия)</i> . Фразеологическая единица в эпистолярном дискурсе: когнитивно-прагматический аспект	74
<i>М. В. Мешкова (Челябинск, Россия)</i> . Кинодискурс как теоретическая проблема: границы термина и вопросы классификации	78
<i>Т. Д. Вербицкая, И. В. Никифорова (Одесса, Украина)</i> . Partikeln im deutschen diskurs	81
<i>Ю. И. Плахотная (Челябинск, Россия)</i> . Идиостили российских политиков в предвыборных дебатах	85
<i>С. Ю. Подылин (Магнитогорск, Россия)</i> . Категория эмотивности и способы ее реализации на основе текстов политического дискурса	89
<i>И. В. Сергодеев (Челябинск, Россия)</i> . Дискурсивная семантика поэтического текста на примере стихотворения Джеймса Дугласа Моррисона “Lions in the street”	92

<i>Е. Л. Слови́кова (Пермь, Россия).</i> К вопросу о роли категории интертекстуальности в рекламном дискурсе	94
<i>Н. А. Улья́нова (Челя́бинск, Россия).</i> Структура и особенности научно-популярного кинодискурса	96
<i>Е. Г. Фоменко (Запорожье, Украина).</i> Индивидуально-авторская концепция и художественное откровение	99
<i>В. А. Шарманова (Челя́бинск, Россия).</i> Интертекстуальность и интермедальность: сопоставление понятий	103

Секция «Когнитология как новая парадигма XXI века»

<i>Е. М. Абышева (Тюмень, Россия).</i> Лингвокогнитивные особенности концепта ‘fool / дурак’ в английской языковой картине мира	106
<i>Н. О. Джунаншибеков (Алматы, Казахстан).</i> Когнитивность сравнительного литературоведения и взаимодействие литератур	110
<i>Н. Н. Диденко (Одесса, Украина).</i> Ironie als Mittel der Explikation des konzeptuellen Weltbildes von Günter Grass	113
<i>В. А. Ефименко (Киев, Украина).</i> Современные литературные сказки о Золушке в свете теории концептуальной интеграции	116
<i>Е. В. Иванова (Челя́бинск, Россия), И. Р. Саливонова (Челя́бинск, Россия).</i> Модели немецкой политической метафоры (на примере анализа речи Гидо Вестервелле)	120
<i>Е. В. Идельсон (Сизтл, США).</i> Когнитивный подход к изучению способов вербализации дирекциональности	123
<i>Е. М. Образцова (Одесса, Украина).</i> Когнитивный аспект взаимодействия предложения и текста с позиций теории семантико-когнитивного синтаксиса	126
<i>I. Orlova (Kiev, Ukraine).</i> Methodology of the cognitive analysis of style in translation (case study on Borges)	135
<i>О. А. Радчук (Костанай, Казахстан).</i> Языковая репрезентация реального и ирреального художественного пространства в поэзии Р. М. Рильке	139
<i>А. А. Римская (Караганда, Казахстан).</i> Семантическое поле концептов ‘свобода’, ‘независимость’, ‘долг’ в немецком и казахском языках	142
<i>И. Н. Титаренко (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Когнитология, когнитивные науки, философия: проблемы взаимодействия	146
<i>М. В. Тричик (Алматы, Казахстан).</i> Когнитивные метафоры в политическом дискурсе кандидатов на пост президента США Барака Обамы и Митта Ромни в период кампании 2012 года	151

Секция «Методика преподавания иностранных языков»

<i>Z. Adamia, M. Shelia, M. Marghania (Tbilisi, Georgia).</i> Cognitive interest development in foreign language learning	160
<i>St. Neumann.</i> Tanz mit mir – Aber bitte im Takt: vom interkulturellen Lernen in Schule und Hochschule	163
<i>Л. Е. Азарова (Винница, Украина).</i> Методические концепции языковой подготовки в процессе обучения русскому языку как иностранному	166
<i>Г. Н. Акбаева (Караганда, Казахстан).</i> Особенности преподавания базовых и профилирующих дисциплин на английском языке на неязыковых специальностях вуза	169
<i>Ю. В. Баканова (Челя́бинск, Россия).</i> Особенности развития иноязычного когнитивного потенциала студентов вуза	172
<i>Л. А. Бурмагина (Костанай, Казахстан).</i> Использование песен на уроках немецкого языка	176
<i>А. А. Дребант, Н. В. Дениварова (Караганда, Казахстан).</i> Видеурок как форма проведения урока иностранного языка, повышающая эффективность обучающего процесса ...	179
<i>О. Л. Заболотнева (Челя́бинск, Россия).</i> Специфика лекции в образовательном пространстве вуза ...	182
<i>Н. О. Золотова (Тверь, Россия).</i> Освоение иноязычного слова в русле идеи посредничества	184
<i>О. В. Кудрявцева (Рудный, Казахстан).</i> Технология развития иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза	187

Ж. М. Култанова, А. Б. Кикимова (Караганда, Казахстан). Языковое портфолио как инструмент оценки и самооценки при раннем изучении иностранного языка	190
Ж. М. Култанова (Караганда, Казахстан). Обучение фразеологизмам как средство развития социокультурной компетенции	193
Ю. В. Лукашкина (Челябинск, Россия). Фразеологические единицы как способ повышения мотивации к изучению испанского языка как иностранного	196
Е. В. Миронова (Трехгорный, Россия). Повышение мотивации к изучению иностранного языка в техническом вузе	199
С. М. Молгаждарова (Караганда, Казахстан). Билингвальное обучение как средство развития поликультурной личности	203
Э. А. Онищенко, Е. О. Аккерман (Караганда, Казахстан). Особенности обучения немецкому языку как второму иностранному на базе английского	205
С. В. Перова (Луганск, Украина). Формирование переводческой компетентности студентов неязыковых специальностей во время изучения иностранных языков	208
В. И. Серова (Костанай, Казахстан). Why it is so necessary to teach vocabulary	213
О. А. Сорокина (Челябинск, Россия). Компоненты личностно-ориентированного обучения иностранным языкам	215
Н. И. Сосновская (Красноярск, Россия). Особенности социокультурной компетенции изучающих китайский язык	218
Е. С. Сотникова (Челябинск, Россия). Classroom management as an aspect of successful language teaching	224
Ю. А. Тамаркова (Караганда, Казахстан). Развитие профессиональной компетенции будущего учителя иностранного языка в процессе педагогической практики	226
О. Н. Ярошенко (Челябинск, Россия). Способы преодоления межкультурных барьеров в процессе развития профессиональной компетентности будущих переводчиков	230
Секция «Семантика и прагматика текста и языковых единиц»	
Г. А. Амиргалина, Г. Р. Абдуллина (Стерлитамак, Россия). К классификации башкирских прозвищ по тематическим подгруппам	233
Л. В. Антонова (Стерлитамак, Россия). Языковые средства реализации стратегий дистанцирования в английском языке	236
Е. П. Баяртуева (Улан-Удэ, Россия). Опыт моделирования прототипической структуры каузативно-следственной ситуации	240
О. А. Брильц (Челябинск, Россия). К вопросу о понимании текста	242
К. В. Букаччук (Ивано-Франковск, Украина). Лингвостилистические средства выражения психоделического состояния художественного субъекта в русском языке (на материале романов Владимира Рафеенко «Московский дивертисмент» и «Невозвратные глаголы»)	245
Ю. П. Вышенская (Санкт-Петербург, Россия). Эстетический компонент стиля художественного произведения	249
А. Ф. Гершанова (Стерлитамак, Россия). Имплицитность художественной оценки	252
С. Н. Глазкова (Миасс, Россия). Категория состояния в русских пословицах	256
Л. В. Гушкова (Москва, Россия). Особенности употребления эмоциональной частицы 'что за' в текстах Н. В. Гоголя	260
Л. М. Демчук (Челябинск, Россия), Ю. В. Лосева (Челябинск, Россия). Лингвостилистический анализ текстов ресторанных гидов «Michelin», «Gault & Millau»	263
О. В. Дробышева (Челябинск, Россия). Лексико-семантические особенности журнальных рекламных текстов	265
М. Н. Ельцова (Пермь, Россия). Моделирование категорий напряженности и напряжения в английском предложении и тексте	271
О. И. Емельянова (Уфа, Россия). Notizen zu Rilkes frühen gedichten	275
Г. А. Заварзина (Воронеж, Россия). Особенности формирования лексики государственного управления в великорусский период	277

<i>Т. Е. Змеёва (Москва, Россия). Роль сентенции в реализации основных категорий художественного текста</i>	279
<i>О. С. Зубкова (Курск, Россия). Энтропийный потенциал профессиональной метафоры как части искусственного семиозиса</i>	282
<i>О. В. Иванова (Нижний Новгород, Россия). Ассоциативные связи слов в тексте</i>	288
<i>С. Р. Ишмуратова (Уфа, Россия). Невербальное речевое поведение персонажа в художественном тексте</i>	291
<i>В. В. Катермина (Краснодар, Россия). Аффикация как способ номинации человека (на материале английских неологизмов)</i>	293
<i>И. О. Ковалевич (Мозырь, Беларусь). Динамические процессы в системе окказионального словопроизводства на примере образования отглагольных субстантивов</i>	296
<i>Е. А. Колодий (Костанай, Казахстан). Использование бессознательных мотивов потребителей в рекламных текстах косметической продукции</i>	300
<i>А. Р. Копачева, А. С. Норкина (Челябинск, Россия). Песня как разновидность креолизованного текста</i>	302
<i>С. С. Краева (Челябинск, Россия). Лексические средства интенсификации благодарности</i>	305
<i>Т. В. Кудрявцева (Москва, Россия). К рецепции современного художественного текста (на материале новейшей немецкой поэзии)</i>	308
<i>Т. А. Литвинова (Воронеж, Россия). Выявление в тексте намеренно искаженной информации с учетом индивидуальных особенностей его автора: к постановке проблемы</i>	314
<i>А. В. Новикова (Пермь, Россия). Художественный мир как генератор актуального мира</i>	317
<i>Н. В. Обвинцева (Екатеринбург, Россия). Словообразовательные потенции глаголов лексико-семантического поля отношения в русском и английском языках (отглагольные имена существительные)</i>	320
<i>О. В. Образцова (Одесса, Украина). Неструктурнопредикатные высказывания как элемент современного англоязычного дискурса: вариативность интерпретации</i>	325
<i>Т. А. Пак (Санкт-Петербург, Россия). Коммуникативно-прагматические функции модальной частицы китайского языка 了 (le)</i>	329
<i>М. С. Пестова (Екатеринбург, Россия). Теория антонимии: логико-философский и психолингвистический подходы</i>	333
<i>А. В. Пугачева, Е. М. Кандалина (Костанай, Казахстан). Факторы, влияющие на эффективность политических выступлений, и их выражение в языковых единицах</i>	335
<i>Т. М. Пустовит (Винница, Украина). Языковая реализация оппозиции 'Русь – Орда' в художественной системе романа Д. Балашова «Симеон Гордый»</i>	339
<i>Я. Н. Ронжина (Пермь, Россия). Функторно-семиотическая методика анализа креации смысла в художественном тексте</i>	343
<i>Н. П. Савойская (Сантьяго де Компостела, Испания). Современные лингвистические тенденции: formulaic language</i>	347
<i>Е. В. Семенова, И. В. Фирсова (Горловка, Украина). Невербальная репрезентация пространственных отношений</i>	351
<i>Л. Г. Тупчиенко-Кадырова (Кировоград, Украина). Некоторые семиотические аспекты нарративных текстов</i>	354
<i>Е. М. Турчак (Днепропетровск, Украина). Семантические особенности функционирования приставок в окказиональных существительных (на материале украиноязычной прессы 90-х годов XX века)</i>	361
<i>О. Н. Турышева (Екатеринбург, Россия). Права читателя и права текста как проблема сюжета: прагматика литературы в художественном изображении</i>	364
<i>А. Е. Уманская (Челябинск, Россия). Семантико-прагматические особенности политического интервью</i>	368
<i>С. В. Чистякова (Челябинск, Россия). К вопросу о речевом воздействии и способах его реализации</i>	370
<i>Е. В. Шаронова (Харьков, Украина). Прагматический потенциал устойчивых номинOVERBальных комплексов в немецком языке</i>	373

<i>А. А. Шмаков (Барнаул, Россия)</i> . Специфика бытия текста в девиантной коммуникации в социальных сетях	377
<i>Л. Ю. Щипицина (Архангельск, Россия)</i> . Тематическое развертывание в сетевых комментариях: к постановке вопроса	381
<i>Ю. Р. Юсупова (Уфа, Россия)</i> . Ролевая семантика послеглагольных предложных конструкций ...	386

Секция «Современные проблемы романистики»

<i>Abzalova Irina (Brest, France)</i> . Contact de langues : barrière et lapsus chez les russophones en France	389
<i>L. Friis Alsinger (Perpignan, France)</i> . El paso del latín a las lenguas románicas en las inscripciones sobre objetos	391
<i>Е. И. Алферова, Э. М. Ляпкина (Челябинск, Россия)</i> . Средства выражения юмора в песенном тексте	395
<i>О. В. Григорьева (Челябинск, Россия)</i> . Особенности описания итальянских лексических и фразеологических единиц лесопильной промышленности	398
<i>Лейла Таби (Università degli studi "Roma Tre")</i> . Dal teatro mobile al balagan La commedia dell'arte e la sua percezione in Russia nel settecento	401
<i>О. Н. Мокрая (Горловка, Украина)</i> . Структурно-семантические особенности дискурса французских учебно-педагогических печатных изданий	408
<i>Ю. А. Мухачева (Челябинск, Россия)</i> . Особенности эволюции фонетики португальского языка	411
<i>Н. Б. Попова (Челябинск, Россия), А. А. Харитонов (Москва, Россия)</i> . Историко-социологические подходы в исследовании становления романских языков	416
<i>Е. О. Шаповалова (Челябинск, Россия)</i> . Прецедентность имен собственных в составе французских и итальянских фразеологизмов как аллюзия на литературные произведения и исторические события	420
<i>Этьен Вольф (Париж, Франция)</i> . Les Adages d'Érasme, les langues vulgaires et le monde du XVIe siècle	423

Секция «Языковая картина мира и взаимодействие культур»

<i>А. С. Айтпаева (Караганда, Казахстан)</i> . Категория эмотивности в языковой картине мира	430
<i>Т. Л. Андреева, К. А. Багринцева (Томск, Россия)</i> . Анализ фразеологизмов с компонентом 'деньги' в английском языке в сопоставлении с русским и французским языками	433
<i>Р. А. Аскарлова (Костанай, Казахстан)</i> . Сходства и различия метафоризации в картинах мира русского, английского и казахского языков (на примере метафорической модели 'левый – правый')	436
<i>К. В. Ахраменко (Челябинск, Россия)</i> . Корпоративная картина мира курсантов военного вуза	440
<i>И. В. Булгакова (Воронеж, Россия)</i> . Психолингвистические особенности речевого поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы	443
<i>Ю. А. Говорухина (Красноярск, Россия)</i> . Стратегии самоидентичности современной литературной критики: 'семья', 'брак по расчету', 'free-love'	448
<i>С. В. Гуськова (Тамбов, Россия)</i> . Воздействие «новых» масс-медиа на молодежную аудиторию ...	456
<i>Б. Н. Кадирова (Актау, Казахстан)</i> . Энциклопедия слова «Мангистау»: фольклорный аспект ...	459
<i>И. И. Карелова (Новороссийск, Россия)</i> . Мифологема 'Медея' в современном межкультурном пространстве	463
<i>Б. М. Кондорский (Донецк, Украина)</i> . Некоторые философские, социально-исторические и сравнительно биологические аспекты основных категорий языка (взгляд со стороны)	466
<i>Т. Я. Котлярова (Костанай, Казахстан)</i> . Принцип политкорректности: лингвокультурный аспект	471
<i>М. Ф. Масгутова (Челябинск, Россия)</i> . Система концептуальных представлений в сознании языковой личности	475

<i>А. Л. Музумова (Махачкала, Россия).</i> Лексические маркеры в евразийском культурном контексте истории их отражения в произведениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова ориентальной (кавказской) тематики	477
<i>И. К. Мухина (Екатеринбург, Россия).</i> ИмPLICITные и эксплицитные национально-культурные ассоциации в словаре синонимов	481
<i>Е. В. Николаева, Т. Н. Юрина (Москва, Россия).</i> Лингвокультурный концепт 'пространство' в разноязычных рекламных текстах «Hermès»	488
<i>В. Е. Петров (Харьков, Украина).</i> От посетителя кинотеатра к кинозрителю: к генеалогии зрительской субъективности в раннем кинематографе	492
<i>Н. В. Пятаева (Стерлитамак, Россия).</i> История народа и слова в гнездовом диахроническом словаре	495
<i>И. П. Савицкая (Костанай, Казахстан).</i> Отражение национальной специфики языка и культуры в народном сознании	498
<i>А. Г.-Б. Салахова, К. Л. Грачева (Челябинск, Россия).</i> Научные открытия и их отражение в религиозной картине мира (на материале немецких христианских проповедей) ...	501
<i>Э. А. Сорокина (Москва, Россия).</i> Семантические изменения в языке как отражение развития национального мышления	505
<i>Т. Г. Точилкина (Миасс, Россия).</i> Направления развития концепта 'знакомство/acquaintance' в русскоязычной и англоязычной картинах мира	511
<i>О. И. Халуно (Челябинск, Россия).</i> Лингвокультурный материал как средство для активизации процесса межкультурной коммуникации	517
<i>Л. М. Хусаинова (Стерлитамак, Россия).</i> Современное башкирское письмо на кириллице	520
<i>В. В. Чхеидзе (Кутаиси, Грузия).</i> О некоторых принципах языковой интерпретации общей картины мира	523
<i>А. Н. Шабалина (Белово, Россия).</i> Английский 'coffee' и русский 'кофе': языковая картина мира и взаимодействие культур	527
<i>А. В. Шаронова (Харьков, Украина).</i> Своеобразие творческой манеры З. Ленца в контексте диалога культур	531
<i>Сведения об авторах</i>	536

Научное издание

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Материалы
VII Международной научной конференции

*Челябинск
21-23 мая 2014 года*

Корректор *Е. Ю. Панова*
Верстка *А. А. Селютин*

*Подписано в печать 12.05.14.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 64,4,. Уч.-изд. л. 65,2.
Тираж 500 экз. Заказ 312*

Издательство «Энциклопедия».
454084, Челябинск, проспект Победы, 160.

Отпечатано в типографии
«Два комсомольца» с готового макета.
Челябинск, 454084, Комсомольский пр., 2.